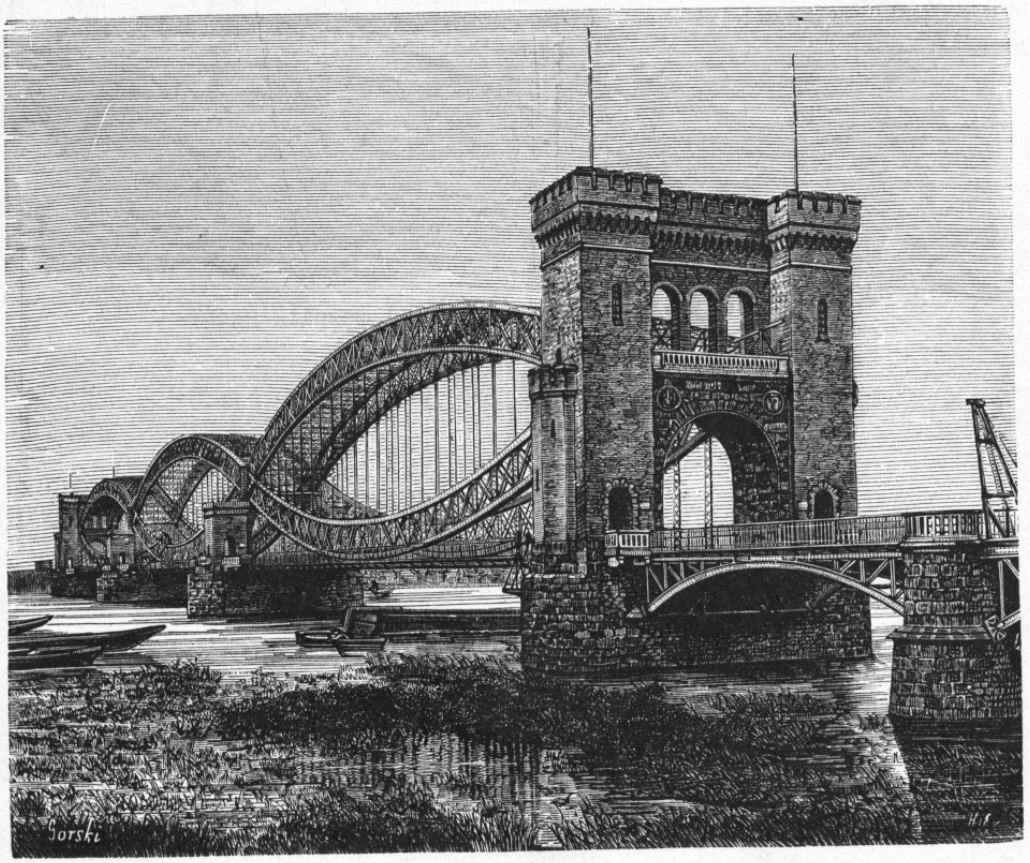
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ВТОРАЯ

Томъ 3 и 4.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» и К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ
Элизе Реклю

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подьяческая, 39.

Том IV. Австро-Венгрия и Великобритания

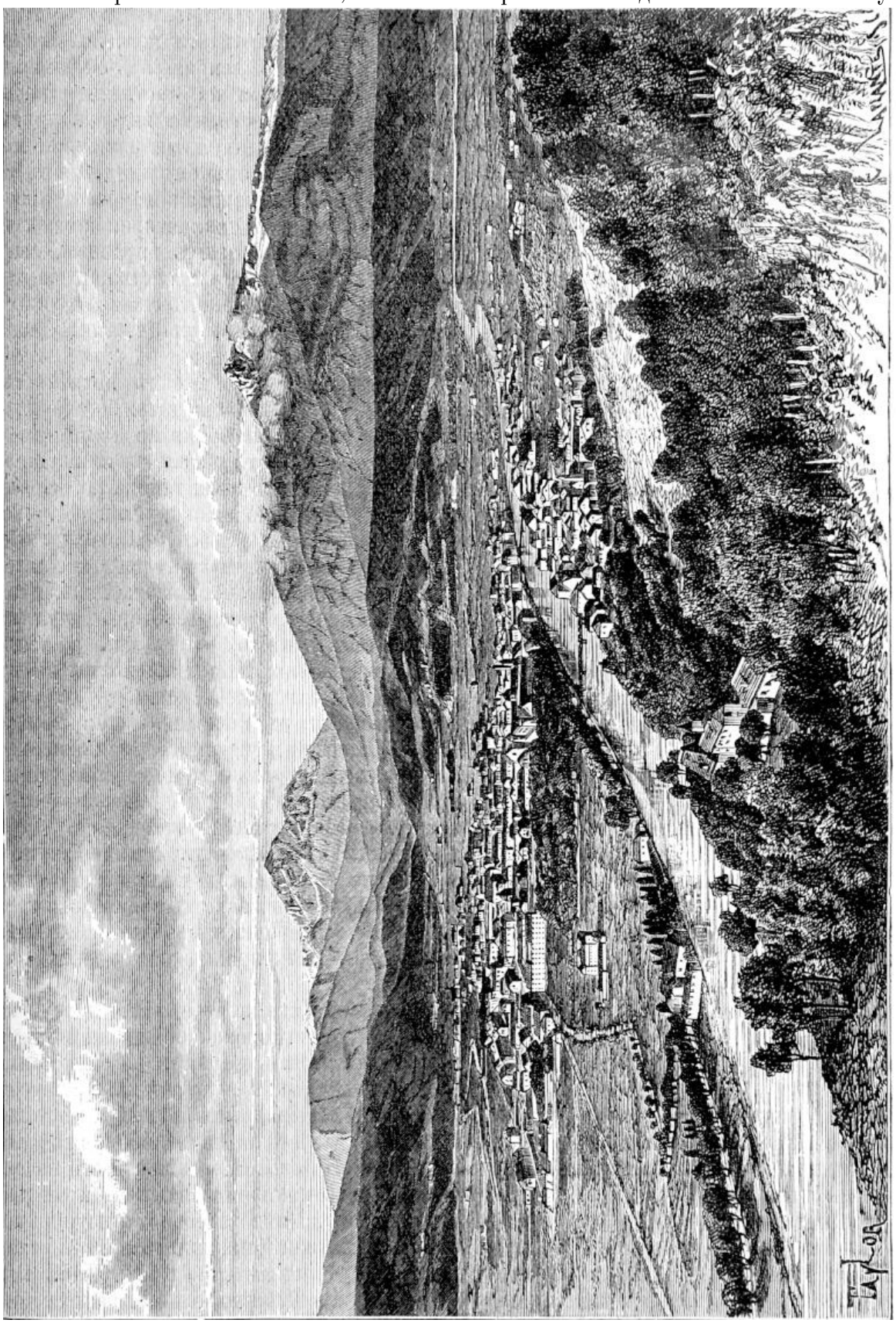
Глава I Общий обзор.

По пространству своей территории и по числу жителей Австро-Венгрия занимает третье место между большими государствами Европы: площадь её равняется 676.667 квадр. километр., а население (в 1893 г.) превышало 44 миллиона. Но этой обширной империи недостает национального единства. Если бы узы, насильно связывающие различные части монархии, порвались, и многочисленные земли, из которых она состоит, снова получили самостоятельное политическое существование, то вместе с тем исчезло бы и самое название «Австро-Венгрия»; название это, по всей вероятности, не сохранилось бы даже в виде географического выражения, как сохранились, например, имена Греции и Италии в течение многих веков порабощения, пережитых этими странами. Различные провинции, входящие в состав империи Габсбургов, принадлежат, по своему географическому положению, к самым разнохарактерным естественным областям. Тироль, Каринтия, Штирия лежат целиком, как и Швейцария, в системе высоких Альпийских гор, тогда как большая часть Венгрии представляет равнину, окруженную горами. С одной стороны, Богемия врезывается далеко вглубь Германии; с другой,—Галиция, на северном склоне Карпатов, постепенно понижается к равнинам России; на юге от Альп, побережье Далмации, боснийские холмы составляют часть Балканского полуострова. Правда, Дунай и его притоки соединяют горы Австрии и равнины Венгрии в один гидрографический бассейн, но, кроме этих придунайских областей, значительная часть монархии находится еще в бассейнах Эльбы, Вислы, Днестра, Эча или Адижа. Различие рас и народностей, населяющих Австро-Венгрию, еще более увеличивает путаницу, происходящую от насильственной группировки стран, географически между собою различных. По одну сторону маленькой реки Лейты, которая теперь служит политическою границею между двумя половинами империи, на господство претендуют немцы, по другую властвуют мадьяры. Но и другие народы, населяющие Австро-Венгрию, чехи, русины, поляки, словены, словаки и хорваты, далматинцы и сербы, итальянцы и румыны, тоже имеют свои национально-политические права и вовсе не желают быть принесенными в жертву могуществу двух ныне господствующих рас.

Как свидетельствуют титулы, даваемые императору австрийскому королю венгерскому, Австро-Венгрия обнимает около шестидесяти различных областей—королевств, эрцгерцогств, княжеств, графств, маркграфств, городов и господств, между которыми главным связующим звеном служит особа государя. Словом, это настоящий политический хаос, усложняемый еще административными фантазиями. Однако, было бы ошибочно видеть в этой группировке разнохарактерных стран результат простой случайности: не одними только «удачными браками», как утверждает известное политическое изречение, Габсбургский дом съумел соединить в одну монархию такое множество наций различного происхождения и характера. Точно также и естественная необходимость тесного сплочения всех христианских народностей против общего врага, османского турка, была только одним из факторов, участвовавших в образовании империи Габсбургов. Общий рельеф почвы, и в особенности форма великой Дунайской долины, играли, без сомнения, главную роль в ряду причин, способствовавших возникновению и постепенному развитию этой странной агломерации государств. Дунай и Альпы всего лучше объясняют нам, как Австрия могла образовать из себя обширную державу в громадном круговороте народов.

В древности Дунай, как известно, был одною из главных границ Римской империи. Эта река, берущая начало под тою же долготою, как и Рона, и впадающая в море под одним меридианом с Нилом, составляла естественный рубеж, который тянулся по направлению с запада на восток к северу от области Альп, и нет ничего удивительного, что властелины тогдашнего цивилизованного мира не без колебания отваживались проникать в бесконечные

леса и горы противоположного, то-есть левого берега великой реки. Дунай долгое время служил крайним пределом их господства на востоке Европы, и завоевания императора Траяна в области Карпатов выставлялись, как самое поразительное доказательство всемогущества



Инсбрукъ и долина Инна.

Рима. Но со времени нашествия варваров географическая роль Дуная совершенно изменяется: вместо того, чтобы оставаться границею между народами, он снова делается тем, чем был некогда для галлов,—великим путем, по которому пришедшие в столкновение нации

подвигаются на запад или отступают к востоку. Так, гунны, авары и другие орды, являвшиеся с востока, поднимались вверх по Дунаю; впоследствии славяне, мадьяры, турки шли тою же дорогою, тогда как франки Карла Великого, байовары, которые мало-по-малу колонизовали Австрию, крестоносцы, направлявшиеся к Константинополю, и, наконец, в новые времена, армии, отбросившие мусульманские полчища, двигались в противоположном направлении, вниз по течению великой реки. Даже для Франции, которая лежит так далеко от бассейна Черного моря, Дунай был великолепным военным путем, которым армии её нередко пользовались с успехом, но который не менее часто был употребляем и против неё самой. Через долину Дуная иноземцы, гунны, венгры, императорские войска, много раз вторгались в пределы Галлии; с другой стороны, многочисленные сражения, данные французами в Баварии, при выходе долин Тироля, и даже в окрестностях Вены, показывают, какое важное стратегическое значение имел и для Франции этот естественный путь, идущий вдоль северного подножия Альпийских гор. Некоторые находят удивительным тот факт, что Инн, который гораздо многоводнее Дуная выше их слияния, не сообщил своего имени соединенной массе вод; но нам кажется, что это можно объяснить меньшею важностью исторической роли первой из этих рек. Между тем, как долина Инна долгое время оставалась, так сказать, географическим закоулком, приводившим к трудно доступным скалам и ледникам, верхний Дунай является на западе продолжением того великого пути народов, который простирается от берегов Черного моря до гор Богемии и Швабии: такова причина, по которой одно и то же название сохранилось за маленькою рекою Шварцвальда и за главною водною дорогою Австро-Венгрии.

Служа, таким образом, главным путем сообщения, то для переселения народов, то для столкновения воюющих армий между востоком и западом Европы, Дунай, беспрестанно переходимый движущимися массами людей, не мог сделаться границей между различными государствами, и, действительно, мы видим, что на северо-западе от Сербии и Румынии все королевства, лежащие одно за другим вдоль этой реки, Венгрия, Австрия, Бавария, даже Вюртемберг, владеют обоими её берегами. Взамен того, многие реки, даже незначительные, которые изливаются с правой и с левой стороны в Дунай, служат естественными границами между народами и государствами. Это, на первый взгляд странное, явление объясняется тем, что эти притоки Дуная, пересекающие путь, по которому следовали народы или армии, поднимавшиеся или спускавшиеся по Дунаю, представляют препятствия, которые в прежнее время были очень серьезны. Переход через эти быстрые речки, окаймленные крутыми холмами, усеянные по берегам большими камнями, или покрытые топкими болотами, часто затопляющие прибрежную местность и меняющие свое русло, был по большей части, по крайней мере в известные времена года, более затруднителен, чем переправа через великий Дунай, где, по крайней мере, могут свободно плавать целые флотилии судов: если даже каждый из этих притоков, взятый отдельно, задерживал вторгавшихся завоевателей лишь на короткое время, то все вместе они представляли огромные неудобства, тем более чувствительные, что вблизи их устьев находились укрепленные замки и группы населения, достаточно значительные для того, чтобы противопоставить иноземному нашествию серьезное сопротивление. Так, например, западные границы мадьяр, к северу и к югу от главной реки, составляют два притока последней—Морава и Лейта. В десятом столетии, когда этот народ простирал свои набеги гораздо далее на запад, он был задержан рекою Энс, затем оттеснен до речки Эрлаф. Энс, прежний предел распространения венгров, и теперь еще разделяет две провинции собственно Австрии. Нижний Инн и его приток Зальцах служат рубежом между владениями австрийцев и баварцев; точно также далее на западе реки Лех и Иллер составляют естественные раздельные линии между населениями, различающимися происхождением и языком.

Великая «война жизни» между отдельными лицами и целыми народами ведется не только в виде кровавых битв и опустошительных завоеваний, она происходит также ежедневно, в форме мирных торговых сношений: продавая друг другу свои произведения, люди еще больше борются между собою за существование, чем в то время, когда они убивают друг

друга на поле сражения, по всем правилам военного искусства. Поэтому великий естественный путь Дуная, уже столь важный, как дорога, по которой совершалось переселение народов, и как стратегический путь, должен был приобрести в истории еще гораздо более значительную роль, как один из главных трактов торговли и промышленности. В ту эпоху, когда искусственных дорог почти совсем не было, коммерческое движение южной Германии, по необходимости, направлялось исключительно к Дунаю; жители селились все более и более многочисленными группами на его берегах, города умножались в его долине; там же естественно должно было сосредоточиваться и политическое могущество. Овладев большею частью течения Дуная, немцы и мадьяры тем самым обеспечили себе в будущем приобретение обширной империи по обе стороны этой реки.

Обладание восточными группами Альп тоже имело капитальное влияние на историческое развитие Австрии: владея великою рекою, австрийцы, благодаря населению возвышенных долин, в значительной части немецкому и довольно однородному, сделались в то же время обладателями одной из важнейших горных цепей. Известно, что система восточных Альп образует, вместе с Швейцарией, которая и сама некогда составляла австрийское владение, одно географическое целое, отдельную естественную область, чрезвычайно сильно-укрепленную природою: это великая твердыня Европы. Жители этих горных групп не только занимают превосходное оборонительное положение, но могут также делать нападения с высоты своих плоскогорий, откуда они господствуют в одно и то же время над Адриатическим морем и над равнинами Италии, Венгрии, Германии и землями южных славян. История многочисленных нашествий, которым подвергалась Ломбардия со стороны австрийцев, свидетельствует о том военном могуществе, которого достигла Австрия, благодаря обладанию Альпами. Держава, владевшая в одно и то же время средним течением такой реки, как Дунай, и громадною природною крепостью из таких гор, как Альпы, легко могла, пользуясь выгодами своего географического положения, удовлетворять в широких размерах свои поползновения к завоеваниям в странах, лежащих за пределами её естественной области.

При том же, с течением времени, не мог не установиться некоторый порядок, по крайней мере, наружный, в управлении этими многочисленными разнохарактерными провинциями, насильно соединенными в одно государство посредством завоевания, дипломатической хитрости или случайного наследства. Столица этой разнородной империи, Вена, благодаря своему необыкновенно счастливому положению в естественном центре тяжести областей и национальностей, входящих в состав Австро-Венгрии, всегда пользовалась преобладающим влиянием и способствовала в известной мере постепенному сближению народностей, резко различающихся между собою религиею, языком, нравами и учреждениями. С другой стороны, многие из живущих под скипетром Австрии наций, между которыми существует связь, обусловливаемая племенным родством или общностью интересов, все более или более стараются сплотиться между собою как можно теснее. Не взирая на оффициальную внешность, несмотря на инстиктивную ненависть, которую естественно питают друг к другу народы, соединенные насильно, можно надеяться, что современем, и даже в близком будущем, империя Габсбургов преобразуется в конфедерацию, которая заменит, по свободному выбору самих народов, нынешнее государственное устройство, столь сложное, столь неправильное в своем ходе, столь часто затрудняемое случайностями всякого рода.

Вследствие одной из тех политических мистификаций, которыми так богата история человечества, долгое время полагали, что большинство австрийского населения принадлежит к германскому племени; теперь, когда в силу государственного договора или соглашения, заключенного между Габсбургскою династиею и представителями венгерского народа, было решено, что отныне монархия будет носить название Австро-Венгрии, некоторые поспешили заключить из этого, что немцы и мадьяры должны считаться главными расами в империи. Правда, эти два элемента сделались господствующими, забрали в свои руки власть, благодаря своей внутренней национальной связи, а также центральному положению, занимаемому ими в государстве, благодаря в особенности розни, существующей между другими народно-

стями, населяющими империю; но они далеко не составляют численного большинства. Из четырех австро-венгерских подданных только один немец, и на каждые шесть жителей приходится только один мадьяр.

По численности, первое место между народами австро-венгерской монархии занимает славянская раса. Даже оставляя без внимания тот важный факт, что весьма значительная часть так называемых австрийских немцев на самом деле суть онемеченные славяне, мы находим, что около половины всего населения империи состоит из славян по происхождению и языку. Следовательно, Австрия по-настоящему должна быть причислена к славянским государствам, так же, как Россия, так же, как Турция; только некоторыми из своих провинций она принадлежит, с одной стороны, к миру романскому, с другой—к миру германскому; она есть, так сказать, передовой оплот славян в центре Европы.

Но если славяне составляют в Австрии самый многочисленный элемент населения, то сами они, к великому ущербу для их политического влияния, изолированы друг от друга, или даже разделены на различные национальности. Территория Австро-Венгрии в целом её объеме может быть рассматриваема как обширный параллелограмм, разделенный, по направлению от запада к востоку, на три пояса различной ширины. Два крайние из этих поясов, северный и южный, заняты почти исключительно славянскими народами; но между ними тянется большой центральный пояс, где живут три другие национальности—немцы, мадьяры и румыны. Полоса, средняя ширина которой от 200 до 250 километров, отделяет северных славян от южных, и это-то промежуточное пространство есть самая важная часть всей Австрии, потому что здесь протекает Дунай, и движется непрерывно великий поток людей и товаров. Таким образом, например, русинам и хорватам, для того, чтобы сойтись, нужно бы было перейти через чуждый им мир, совершенно отличный от их собственного; оттого они едва знают друг друга, и никогда, до самого последнего времени, не заходило и речи о каком-либо общем действии, а масса народа и теперь еще далека от всякой мысли об этом. Но даже и в каждом из двух славянских поясов в отдельности, различные, живущие рядом, нации еще очень далеки от того, чтобы могли с необходимым единством противостать немцам и мадьярам. Северный славянский пояс разделен между тремя народами, говорящими разными языками, хотя одного общего корня, и отличающимися друг от друга нравами, историею, преданиями: это чехи с моравами и словаками, поляки и русины. Две последние группы особенно не ладят между собою и своими раздорами замедляют достижение их расою политического равенства. Славяне южного пояса, то-есть словенцы Крайны и Штирии, сербы, хорваты, далматинцы, имеют между собою более сродства и связи; но они занимают несравненно меньшее пространство, и недавно территория их была разрезана на две узкия полосы, из которых одна тянется вдоль берега Адриатического моря, а другая лежит между Савою и Дунаем; им трудно было соединиться со своими соседями и соплеменниками Боснии и Герцеговины, отчасти по причине различия веры, но в особенности по причине различия политической судьбы. Венцы любят рассказывать о злоключении, постигшем известный всеславянский съезд в Праге, где собрались депутаты от всех славянских народов, чтобы передать взаимно братский привет и засвидетельствовать о славянской солидарности, но где оказалось, что представители различных национальностей не могут понимать друг друга, когда говорят каждый на своем языке, так что нужно было прибегнуть к помощи немецкого диалекта, то-есть к помощи языка ненавистной славянам нации.

После славян, северных и южных, немцев и венгерцев, важнейший этнографический элемент в Австрии составляет так называемая латинская или романская раса. Итальянцы южного Тироля, Фриула, истрийского поморья суть иностранцы в австро-венгерской монархии, и занимаемая ими территория, впрочем незначительная по величине, принадлежит собственно к Апеннинскому полуострову. Но в восточной Венгрии и в Трансильвании румыны населяют, как большинство, очень обширную полосу земли, не уступающую по протяжению этнографической области чехов и русинов. Румынские населения дополняют собою круг различных национальностей, окаймляющих страну мадьяров; среди этих населений живет

большая часть цыган, или оседло, или бродячими таборами. Что касается евреев, то они рассеяны по всей империи, исключая только альпийской области: хотя ни одна провинция, ни один округ Австро-Венгрии не принадлежит им специально, но они пользуются почти всею страною, как полем деятельности для своей торговли и промышленности; вообще можно сказать, что нынешняя Австрия есть в значительной части их произведение, так как в восточных провинциях они восполняют собою недостаток, почти совершенный, среднего или торгового класса.

По народностям население Австро-Венгрии в 1881 г. распределялось следующим образом (числа приблизительные):

Чехов, моравов и словаков 6.800.000; русинов 3.100.000; поляков 2.900.000, итого северных славян 12.800.000; сербов 1.800.000; хорватов 1.700.000; словен 1.500.000; итого южных славян 5.000.000; а всего славян 17.800.000; немцев 9.200.000; мадьяр 6.200.000; румынов 2.250.000; итальянцев и ладинцев 800.000; евреев 1.650.000; цыган 150.000.

Если откинуть, по их маловажности, населения кочевые или спорадически группирующиеся на почве Австрии, каковы, например, колонии армян, и если не брать в рассчет острова и архипелаги немцев, мадьяр, румын, лежащие на территории других национальностей, то оказывается, что обширная австро-венгерская агломерация делится на различные этнографические области с довольно определенными границами. При внимательном наблюдении можно заметить некоторый порядок среди этого хаоса стран, племен и наречий. Рано или поздно, когда выскажется воля народа, жители Австрии и Венгрии могут соединиться в новые группы, сообразно их племенному сродству или, еще лучше, в виду высших интересов общей свободы; теперь же всего естественнее принять, при изучении австро-венгерской монархии, за главные деления этнологические поясы, по скольку они совпадают с важнейшими географическими областями, определяемыми рельефом поверхности, горными склонами и речными бассейнами.

Глава II Немецкия Альпы.

Тироль и Форарльберг, Зальцбург, Каринтия, Штирия.

На восток от Швейцарии могучая система Альп продолжается во всей своей красе до северного берега Адриатического моря. В этой части южной Германии главные группы гор колоссальностью и величественным видом своих вершин мало уступают исполинам Мон-Розы, Бернского Оберланда, Бернинской цепи; но за группою Высоких Тауеров, между Тиролем и Зальцбургскою областью, только немногие вершины поднимаются выше пояса вечных снегов, и промежуточные долины не изливают уже в равнины широких ледяных рек. Гросс-Глокнер, возвышающийся, точно громадная белая цитадель, составляет восточный предел больших Альп. На восток от этого пика, горы принимают совершенно другой характер: они уже не образуют отдельных массивов, но тянутся в виде длинных расходящихся цепей, отделенных одна от другой глубокими долинами. В целом, эта гористая область имеет форму веера, продолжаясь на северо-восток до равнин Австрии, на восток—до венгерской низменности, на юго-восток—до Балканского полуострова. Альпы постепенно увеличиваются в ширину: тогда как между Зальцбургом и Удине основание их около 160 километр., к югу от Вены оно уже имеет не менее 300 километр. ширины: но соразмерно тому уменьшается их высота, и когда горы сливаются с плоскогорьем Истрии, они уже совершенно утратили тот величественный вид, которым поражают гигантские куполы и пирамиды швейцарских горных цепей. Общая поверхность пространства, занимаемого австрийскими Альпами, в два раза превосходит площадь всей Швейцарии.

Замечательно, что в системе австрийских Альп глубокия бреши открываются между самыми высокими массивами, как бы для того, чтобы разрезать их на совершенно отдельные звенья,—явление, довольно редкое в орографии континентов. Один из таких разрезов, через который долина Инна имеет непосредственное сообщение с долиною Эча или Адижа, идет по восточной границе Швейцарии, составляя естественный рубеж. На самом пороге раздела, называемом Решен-Шейдек, лежит маленькое озеро, откуда вытекает ручеек, превращающийся далее в реку Эч; идя вдоль берегов этого ручья, прокладывающего себе дорогу к Адриатическому морю, мы почти не замечаем уклонения почвы от горизонтальной плоскости; далее следуют два другие озера, образуемые скоплением вод, задерживаемых огромными обвалами с гор. Эти озера лежат среди пастбищ, в так называемой Мальзенской степи (Malser Haide), и, проходя по этой местности, можно бы было подумать, что находишься в равнине, если бы не резкий ветер, дующий из одной долины в другую, и не снежные вершины, возвышающиеся вдали над длинными отлогими покатостями. Ниже, близ деревни Малье, швейцарцы Граубюндена одержали в 1499 г. большую победу над австрийскими тирольцами: это была их Моргартенская битва.

Другая впадина, которая тоже соединяет долину Инна с долиною Эча (Адижа), но не делая длинных обходов на запад, к границе Граубюнденского кантона, пересекает, по направлению с севера на юг, весь вал гор и дает проход бреннерской дороге, наименее высокой из всех путей, которые ведут через хребты Больших Альп, поднимающихся, средним числом, до высоты 3.000 метр. слишком. К этой огромной бреши присоединяется другая, еще более глубокая, которая тянется с запада на восток, между р. Риенц, притоком Эча, и Дравою, одною из главных рек дунайского склона. Линия водораздела между бассейнами Эча и Дуная так мало возвышается над уровнем окружающей местности, что ее трудно заметить, почему противоположные скаты этого водораздела справедливо рассматривают, как части или продолжения одной и той же долины, известной под именем Пуштерталь. Река Риенц, так сказать, колеблется в выборе направления перед тем, как начать спускаться к Адриатике: простого обвала мелких камней поперег её ложа было бы достаточно для того, чтобы заставить ее направить свой путь к Черному морю. Понятно, какое важное значение должны были иметь, в мирных переселениях народов и в их завоевательных походах, эти два великие естественные пути, проходящие через толщу Альп. Бреннер и Пуштерталь составляют, так сказать, жизненные центры в великом организме Европы. Многие другие, менее важные, впадины, параллельные долине Пуштерталь, дали возможность проложить через Австрийские Альпы большие дороги и даже рельсовые пути, идущие по направлению с востока на запад.

В геологическом отношении эти горные группы резко различаются между собою. Однако, если не обращать внимания на бесконечное разнообразие подробностей, то оказывается, что в целом система Австрийских Альп представляет некоторую правильность. Горы главной цепи, вообще говоря, самые высокие, состоят из кристаллических каменных пород, тогда как к северу и к югу от этой средней линии поднятия, породы, входящие в состав возвышенностей, принадлежат к позднейшим формациям. Северные Альпы почти по всей своей массе образованы из известняков; напротив, южные, обращенные своими крутыми склонами к Италии, представляют чрезвычайное разнообразие пород: тут мы находим сланцы, песчаники, порфиры, красные и черные, известняки и в особенности доломиты. Впрочем, нужно заметить, что обычные географические деления рассматриваемой системы гор на Альпы Ретийские, Норийские, Карнийские, Юлийские, по порядку их следования в направлении с запада на восток, ни мало не соответствуют различиям их геологического строения и не составляют естественных групп; придуманные римлянами, которые были знакомы только с южным склоном названных гор, эти деления только для них и могли иметь цену[1]. В Австрии так же, как в Швейцарии и во Франции, Альпы делятся на известное число массивов, из которых каждый как бы составляет отдельную второстепенную систему.

1 Штудер „Orographie des Alpes Suisses“ („Annuaire du Club Alpin”, 1868-69).

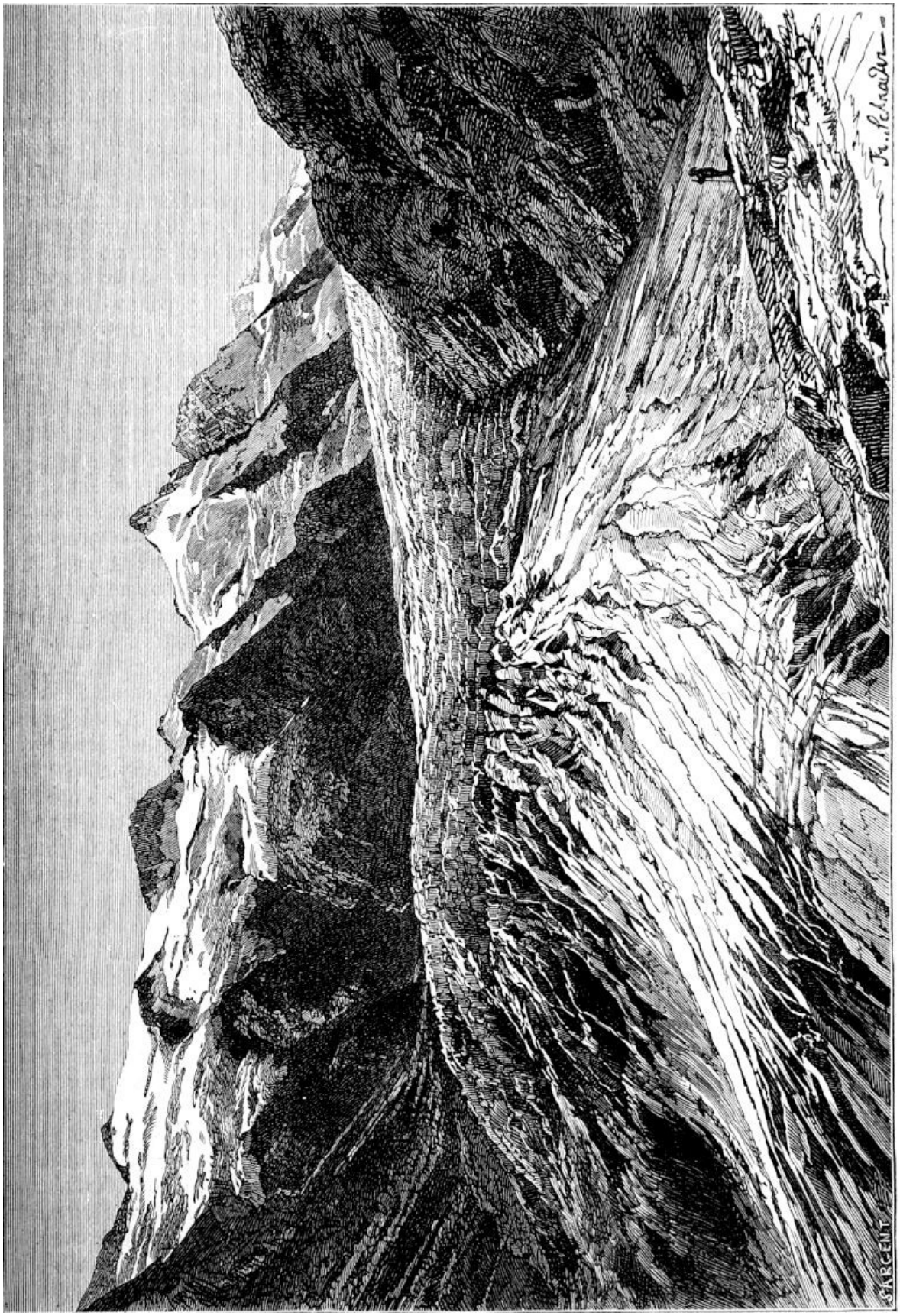
Первая группа принадлежит Австрии только одним из своих склонов: это цепь Ретикона, на севере от Граубюндена, с которой спускаются в Монфаконскую долину прекрасные ледники Шезаплана (Scesaplana), и которая продолжается на юго-восток Фермунтом или «Vertmont» и другими вершинами, не уступающими по высоте вершинам швейцарской цепи Сельвретта. Впрочем, эти горы, ограниченные на западе глубокою долиною Инна, совершенно отделены от других горных масс Австрийских Альп (высота Шезапланы 2.968, Флюхтгорна 3.396 метр.).

Главная альпийская группа Австрии, Ортелесшпице или вернее Ортелер, тоже отделена от других гор Тироля глубокою долиною реки Эч (Адиж); она скорее соединена с швейцарским пиком Умбрайль (Piz Umbrail) посредством очень высокого хребта, через который проходит самая возвышенная колесная дорога в Европе, так называемая дорога Стельвио. Эта группа возвышается вне центральной оси Больших Альп и составляет часть южного пояса гор. Высшая вершина её, собственно так называемый Ортелер, имеющий форму пирамиды, представляет великолепную доломитовую массу, с резко очерченными расселинами, с крутыми, почти отвесными скатами, с длинными бороздами, наполненными льдом; на юго-востоке эта вершина соединяется с огромными ледяными пространствами Цуфалль и Форно посредством веерообразного глетчера Сульден-Фернер, который замечателен, между прочим, тем, что поверхность его усеяна множеством морен, по обилию которых он занимает едва-ли не первое место между всеми альпийскими ледниками. Ортелер—самая высокая гора Австрии, хотя высота её не достигает полных 4.000 метр.; вместе с тем это одна из наиболее доступных между высокими горами, так как первые восхождения на нее были совершены уже в начале текущего столетия. И, несмотря на то, эта великолепная вершина, этот гигант Австрийских Альп, который хорошо виден с колокольни Миланского собора, откуда он представляется остроконечною пирамидою, высоко поднимающеюся над всеми другими соседними вершинами, была до последнего времени сравнительно мало посещаема туристами. С Ортелера и в особенности с некоторых из окружающих его гор, как например с Конфинале, открывается чудная панорама, тогда как сам Ортелер, наблюдаемый с хребта Стельвио, имеет величественно-грозный вид. Другая группа высоких вершин, с цирками, наполненными льдом, примыкает непосредственно к цепи Ортелер, от которой она отделена с северной стороны только долиною Тонале: это—группа Адамелло, обращенная к Италии очень крутым скатом. На этих полуденных склонах древние ледники почти совершенно растаяли, но с высоты вершин везде видны следы громадной ледяной реки, которая некогда была величайшим глетчером всей альпийской системы; к югу от Гардского озера веронские равнины скрыты от взоров за высокими моренами, смутно виднеющимися на горизонте, подернутом синеватой дымкой.

Высота вершин: Ортелер—3.906 метр.; Тонале (проход Тональ)—1.876 метр.; Адамелло—3.557 метр.; Чима-Презанелла—3.561 метр.

Эцтальская горная группа, лежащая к северу от верхней долины р. Эч, имеет еще более определенные границы, чем Ортелерская цепь. Вместе с горами Штубайскими на северо-востоке и Сарнтальскими на юго-востоке, эта группа образует почти остров скал, окруженный со всех сторон водами горных потоков и ручьев, ибо она соединяется с другими группами только посредством двух порогов—на востоке хребтом Бреннер, на западе хребтом Мальзер-Гайде, которые представляют самые низкие проходы во всей этой системе возвышенностей, на пространстве более 800 километр. от Лигурийских Альп до Альп Штирии. Между этими двумя глубокими впадинами возвышается, словно крепость с тысячею башен, громада колоссальных скал и покрытых вечным снегом остроконечных пиков. Эцтальские горы составляют самую возвышенную группу в альпийской области Австрии; самая высокая их вершина, Вильдшпице, правда, уступает высотою Ортелеру и Грос-Глокнеру, но за то эта группа содержит целую сотню вершин, достигающих высоты 3.000 метр., а фундамент, на котором стоят все эти пики, поднимается до высоты 1.620 метр. Географ Зонклар вычислил с математическою точностью объем Эцтальских гор и нашел, что эта масса, будучи разложена

равномерно на её основании, образовала бы параллелепипед высотою в 2.540 метр.[1] Ущелья, отделяющие одну вершину от другой, наполнены ледниками (всех ледников до сих пор на-



Гросъ-Глокнеръ и ледникъ Постерцъ.

считали 229), из которых один, называемый Гепач, есть самый большой глетчер в Австрийских Альпах; более седьмой части всей поверхности этой группы покрыто фирновыми поля-

1 „Etzthaler Gebirgsgruppe".

ми и ледяными массами.

Длина ледников Эцтальских Альп в 1857 году, по Зонклару:

Ледники: Гепач 11.300 метров; Гургль 9.991 метр.; Гинтерейс 9.180метр.; Мурцолль 8.825 метр.; Миттельберг 7.821 метр.; Фернагт 7.563 метра.

Эцтальские горы замечательны также очень возвышенным положением находящихся на них деревень и поселков. В верхней долине реки Эц (Oetz), впадающей в Инн, и от которой вся эта группа гор получила свое нынешнее название, многие дома, где живут постоянно, построены на высоте более 2.000 метр. Но если вся центральная часть эцтальской группы своими бесконечными льдами и снегами, своею полярною стужею напоминает Лабрадор, то окружающие ее предгорья оканчиваются в долинах Инна и Эча живописными склонами, с очаровательными долинами. На севере все выступы гор, все предгорья в окрестностях Инсбрука усеяны красивыми виллами и хорошенькими деревеньками; на юге тянется райская долина Австрийских Альп, Финчгау, орошаемая верхним течением реки Эч и охраняемая городом Меран и знаменитым тирольским замком, древним акрополем этой провинции.

Высота вершины Вильдшпице—3.776 метр.; вершины Вейскогель—3.742 метра.

К востоку от Бреннера, система Альп вскоре опять выступает во всей громадности своего рельефа и образует так называемые Высокие Тауерские горы (Hohe Tauern), которые тянутся по направлению с запада на восток, на пространстве около 150 километр. Эти горы, подобно горам всех других альпийских групп, делятся на несколько второстепенных массивов, но в целом они представляют, по способу своего расположения, настоящую цепь, пускающую из себя во все стороны отрасли, на подобие ветвей исполинского дерева. Главный гребень, идущий от Бреннера до хребта, называемого Арльшарте, имеет форму дуги, изогнутой в северном направлении и слегка заворачивающейся на обеих оконечностях. Хребты, заключающиеся между пиками этого главного гребня, лежат очень высоко относительно соседних вершин: отсюда и произошло название Hohe Tauern, то-есть высокие выемки или вырезки (?), даваемое этой части альпийской системы. Это выражение Tauern (по мнению Фиккера, оно означает башни, как фран. tours или английск. towers)[1], применяется вообще ко всем горным проходам, и, вероятно, этим-то брешам или впадинам гребня древние населения края и обязаны названием таурисков, под которым они были известны во времена римлян.

Цепь Гоге-Тауерн есть, быть может, вместе с группой Эцталь, из всех альпийских областей наилучше исследованная в деталях её строения. Известный ороограф Зонклар провел целые годы в измерении вершин, углов и отлогостей этой цепи; он знает протяжение всех её фасов и геометрический объем всех её массивов[2]. Зонклар перечисляет сотни пиков с их различными высотами и более двух с половиной сотен (254) глетчеров, или по-местному Keese, с обозначением для каждого из них особо величины фирновой и ледяной поверхности. По его вычислениям выходит, что средняя высота всех вершин главного гребня равна 2.850 метр., а средняя высота всей Тауернской цепи, рассматриваемой как одна каменная глыба с параллельными гранями, равна 1.912 метр., то-есть составляет около трех четвертей высоты, которой достигла бы Эцтальская группа, превращенная в правильный параллелепипед. Благодаря соседству Зальцбурга и гаштейнским минеральным водам, привлекающим многочисленную публику, Тауернские горы не менее знакомы художникам и любителям природы, чем геометрам и картографам. Их колоссальные вершины, которых, лет двести тому назад, никто не знал даже по имени, теперь сделались сборным пунктом путешественников. В настоящее время многие отваживаются взбираться даже на громадный, нависший над пропастью, фронтон из снега, наносимый ветром на остром ребре Грос-Венедигера[3], и уже с 1799 г. стали подниматься на верхушку Грос-Глокнера, проходя по тонкой полосе

1 Фикнер, в „Jahrbuch des Esterr. Alpen-Vereins“.

2 Зонклар, „Die Gebirgsgruppe der Hohen Tauem“

3 Рутнер, „Berg und Gletscher-Reisen";—Симони, „Jahrbuch des Oesterreich. AIpen-Vereins“, I.

льда, заграждающей доступ к ней. Однажды даже среди зимы, 13 января 1853 года, нескольким смельчакам удалось взойти на эту гору, самую высокую в Австрии, после Ортелера. Грос-Венедигер, тоесть «Большой Венецианец», находящийся под меридианом Венеции, стоит почти как раз в центре Высоких Тауернских гор, тогда как Грос-Глокнер, как это часто бывает с высшими точками горных цепей, лежит к югу от главной оси, на отдельной группе возвышенностей. Восточные стены этой величественной горы (Грос-Глокнера), обращенные к Каринтии, возвышаются на 2.000 метров над огромным Пастерценским ледником, могучею замерзшею рекою, имеющею не менее 10 километров в длину.

Высота: Грос-Глокнера 3.799 метр.; Грос-Венедигера 3.674 метр.; Анкогеля 3.253 метра; Арльшарте 2.204 метра.

Обыкновенно под общим именем Тауернов, «Tauern», понимают все Норийские Альпы, лежащие к востоку от Арльшарте, но вернее было бы рассматривать их как цепи, отличные от Тауернских Альп, потому что они гораздо ниже, и «вырезки», или впадины, гребня дают проход не узким тропам, заносимым сугробами снега, а широким колесным дорогам. В геологическом отношении, горы, господствующие с северной и с южной стороны над верхнею долиною реки Мур, принадлежат, так же, как и колоссальные группы Эцталя, Венедигера, Глокнера, к кристаллическим формациям, так как масса их состоит из гранита, гнейса, древнейших сланцев; но тем не менее общий вид вершин здесь уже совершенно иной, по причине их меньшей высоты и хвойных лесов, которые их покрывают, замаскировывая все выступы скал. Северная цепь, которая отделяется от Высоких Тауернских гор непосредственно на востоке от группы Анкогель, есть самая возвышенная, но она не содержит ледников, и только некоторые из её вершин достигают пояса постоянных снегов; горные проходы с широким отверстием спускаются до области лесов; горы здесь уже не поражают грандиозными формами, отвесными кручами, неприступными ледяными массами, но зато они приятно ласкают взор своими очаровательными долинами, своими живописными лесками и пастбищами; только весною эти горы опасны своими снежными лавинами, которые освобождают их от снежного покрова. Южная цепь, которая тянется между Муром и Дравою, под именем Штирийских Альп, еще ниже, чем северная, и при том она более нагревается солнцем; поэтому ни одна из её вершин не проникает в область вечного снега. Разрезанная широкими брешами на множество отдельных кряжей, она имеет во многих местах вид простой цепи холмов, и даже совершенно прерывается на севере от Граца, в том месте, где воды реки Мур проложили себе путь на юг, чтобы соединиться с потоком Дравы. За этим разрезом Штирийские Альпы, изгибаясь постепенно на северо-восток, образуют массив Земмеринг, прославившийся устройством через него железной дороги; затем мало-по-малу понижаются между долиною Лейты и Нейзидлерскою озерною равниною, и, наконец, пропадают в Венгрии, на правом берегу Дуная. Скромная цепь холмов, которая видна в местности, лежащей к югу от Пресбурга, и на-встречу которой с противуположной стороны придвигаются Малые Карпаты, так что между обоими рядами высот остаются только узкия ворота, через которые протекает Дунай, есть последнее вызвышение великого центрального вала Альп. Геологическое строение скал на обоих берегах этой реки не оставляет никакого сомнения в этом отношении: некогда две большие горные цепи, о которых идет речь, составляли одну сплошную гряду, и Вена находится в самом сердце Альп, в бассейне или лощине, образовавшейся вследствие провала, и в которой теперь течет Дунай[1].

Что касается известковых Альп, прилегающих на севере и на юге к главной оси системы, то они занимают еще более обширную площадь, чем средние Альпы, и некоторые из их групп по красоте контуров и грандиозности форм не уступают Эцтальским и Тауернским горам. К востоку от Ортелера, который и сам, по свойству его геогностического состава, может быть рассматриваем, как одна из частей южного или известкового пояса гор, все группы вершин, лежащие между Эчем и Дравою, поднимаются своими верхушками за пределы области вечных снегов, а некоторые из них даже имеют настоящие ледники. Эти Альпы разли-

1 Эд. Суэс, „Der Boden der Stadt Wien“.

чаются между собою внешним видом, смотря по тому, из каких пород состоит масса горы—из порфиров, сланцев или известняков; но самые странные и самые красивые из них—это доломитовые горы, с вертикальными стенами, с колоссальными башнями, опоясанными слоем облаков, с огромными трещинами, откуда скатываются груды снега, составляющие поразительный контраст с темными лесами, покрывающими основание и нижнюю часть склона; когда утреннее или вечернее солнце бросает на них свои красноватые лучи, они блестят, словно освещенные заревом громадного пожара. Горы долины Валь-Фасса, лежащие на северо-восток от Триента, тоже очень замечательны разнообразием своих формаций и кристаллов, так что Леопольд Ф. Бух называл их «святою землею, куда каждый геолог должен совершить путешествие, подобно тому, как всякий правоверный мусульманин считает долгом, хоть раз в жизни, побывать в Мекке». Различные группы этой области, Альпы Трентина, Мармолаты, Мармаролы (высота Мармолаты 3.459 метр., высота Мармаролы 3.366 метр.), которые главною своею массою лежат в пределах Италии, служат границею между землями немцев и итальянцев, и убежищем для ладинов: отсюда и происходит большое различие названий, с прибавкою к нему всех взаимно противоречащих фантазий географов. Далее на востоке, между Каринтиею и Крайнею, путаница орографической номенклатуры еще более увеличивается, потому что там к итальянским и немецким названиям прибавляются еще славянские. Так, гора, которую обыкновенно принимают, хотя и ошибочно, за естественную границу между тремя расами—славянскою, итальянскою и немецкою, называется по-славянски Триглав, по-немецки Терглу, по-итальянски Трикорно. Известно, что число три очень нравится народам, так же, как и богам; поэтому и в данном случае указывают, как на нечто удивительное, на тот факт, что Триглав дает начало трем рекам, из которых одна изливается, через Изонцо, в Адриатику, а две другие впадают, через Саву и Драву, в Черное море. С этой горы, часто поражаемой громом, открывается великолепная панорама, едва-ли не лучшая во всей Австрии, обнимающая обширный горизонт, от равнин Ломбардии и Адриатического моря до белеющих вершин Тауернских Альп. Вместе с тем Триглав есть последняя гора, отличающаяся истинно альпийским типом, и которая имеет еще маленький ледник на склоне, обращенном к северу; но в действительности она представляет лишь боковую пирамиду треугольного плоскогорья, поверхность которого перерезана по всем направлениям рытвинами и оврагами, образовавшимися вследствие размыва почвы водами; по середине этого плато находится небольшое озеро Вохейн, бассейн которого занимает то место, где прежде было ледяное поле.

За Триглавом следует цепь, известная под именем Караванок или Хорватских гор, которая гораздо ниже предыдущей; эти горы замечательны в особенности пирамидальною формою вершин, а также розовой и фиолетовой окраскою скал, которая производит необыкновенный эффект при ярком солнечном освещении. Еще далее, другая группа гор, главная вершина которой называется Гринтуз, образует обширный Логарский амфитеатр, похожий на цирк Гаварии в Пиренеях; из стен отвесных скал, окружающих эту котловину, бьют каскады, из которых один, называемый Ринка, падая с уступа на уступ, делает три последовательных прыжка и низвергается на всем протяжении своего падения с высоты не менее 300 метр.; на дне амфитеатра поток, образуемый этим водопадом, пропадает под грудами обвалившагося с гор камня и затем снова появляется на поверхности земли в расстоянии 8 километр. от места своего исчезновения[1]. Эти горы представляют, в восточном направлении, последнюю гряду Больших Альп. По направлению на юг и юго-восток горная система, о которой мы говорим, продолжается в славянских землях и в Истрии плоскогорьями Крайны и Карсо, имеющими уже совершенно иной характер, чем Альпы в собственном смысле.

Высота гор: Триглава—2.865 метр., Стоверха (Stou Vrch), в цепи Караванки,—2.233 метр., Гринтуз—2.529 метр.

Известковые цепи северного пояса альпийской системы, гораздо более правильные по геологическому образованию и внешнему виду, чем цепи южного пояса, принадлежат цели-

1 Шаденберг, „Eine Tour durch Karnten und Tirol“, „Jahrbuch des Oesterreich. Alpen-Vereins“, 1869.

ком, если не исключительно Австрии, то, по крайней мере, немецким населениям. Первая группа этой области, лежащая к северу от Ретикона, от которого она отделена долиною р. Монтафуна, одного из притоков Рейна, известна под именем Форарльберга, которое она получила от хребта Арльберг (или Адлерберг, то-есть Орлиная гора), составляющего главный горный проход для сообщения между Инсбруком и местностями по берегам Констанцского или Боденского озера. Самые высокие вершины этой группы поднимаются слишком на 2.500 метр, (до 2.900 м.) и даже имеют несколько небольших ледников, но, вообще говоря, им недостает той грации контуров и той свежести растительности, которые составляют красу Швейцарских Альп; точно также их луга и пажити покрыты менее обильною травою.

Высота Квальтенберга (в группе Форарльберга)—2.901 метр., высота прохода Арльберг—1.797 метр.

В северо-восточном направлении Форарльбергские горы продолжаются на территории Баварского королевства, по обе стороны нарождающагося Иллера, притока Дуная, цепью, известною под названием Альгавских Альп (Algauer Alpen); пологие склоны этих гор, постепенно понижающиеся к плоской возвышенности, составляют резкий контраст с крутыми стенами лейясовых гор и с ослепительно белыми доломитовыми утесами, похожими издали на купоны, сделанные из снега[1].

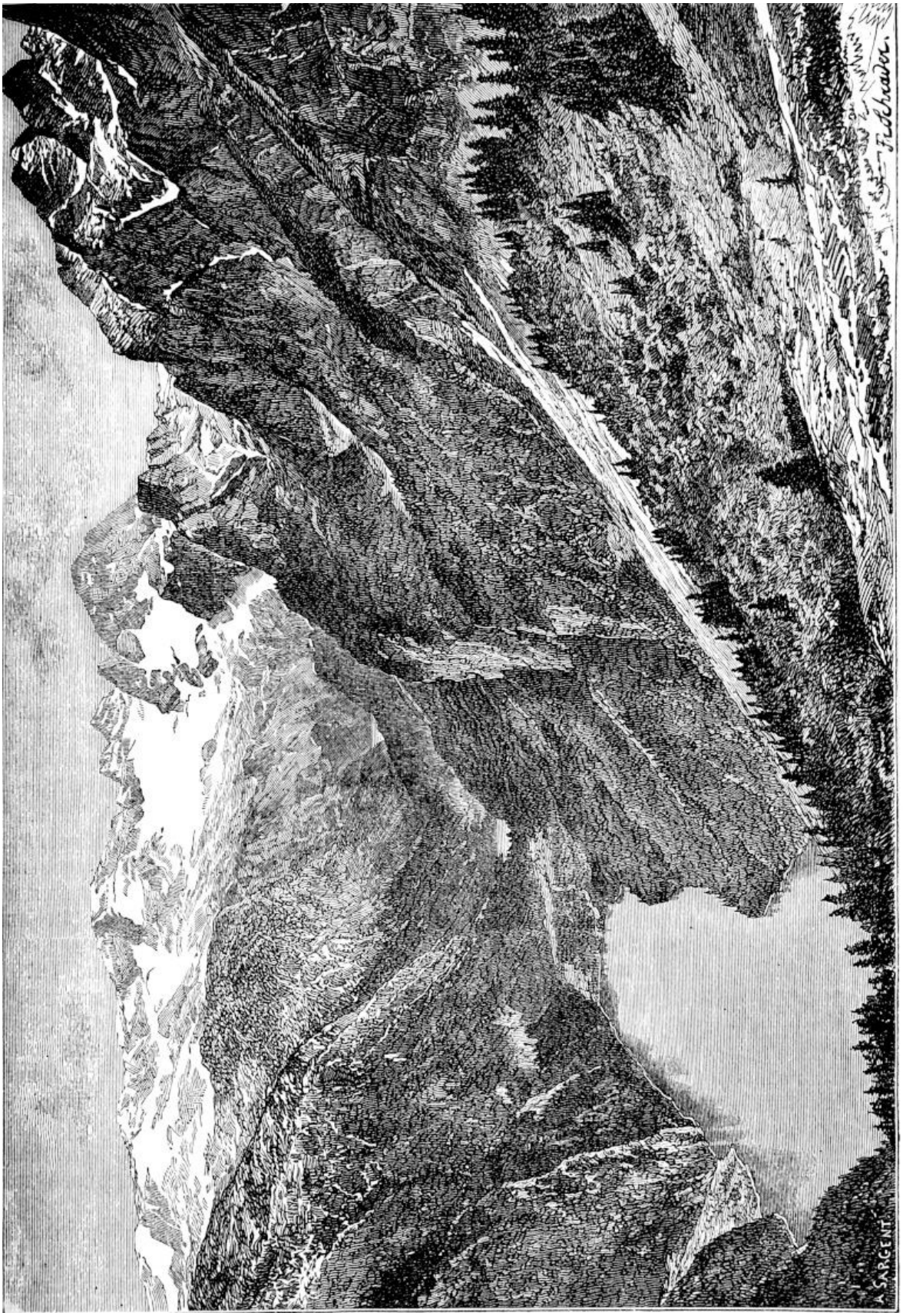
К востоку от Форарльберга, плоская возвышенность, на которой стоят Баварские Альпы, постепенно съуживается и понижается; она оканчивается у пролома Инна, охраняемого крепостью Куфштейн. Известковые горы этой области, которые продолжаются, в виде полуострова, между равнинами Баварии и глубокою долиною Инна, замечательны резкостью контуров, живописностью форм, изолированностью отдельных масс или групп, каковы: Веттерштейн, Зольштейн, Карвендель. По обе стороны горных проходов, пересекающих эту цепь и во многих местах представляющих настоящие ущелья (Klausen), в роде юрских клюз (cluses), высятся громады гор странного вида, поднимающиеся до облаков своими верхушками и кое-где покрытые ледяными полями. Вообще эти Альпы спускаются на север, к равнинам Баварии, довольно отлогими скатами, тогда как сторона их, обращенная к Инну, имеет крутой склон. Один из обрывистых склонов Зольштейна, так называемая «Мартинова стена» (Martinswand), приобрел историческую известность: здесь император Максимильян I, отважный искатель приключений, однажды, во время охоты, едва не погиб голодной смертью на вершине крутой скалы, где он незаметно очутился, преследуя дикую козу, и откуда не было возможности спуститься вниз, так что он провел два дня без пищи, пока одному тирольцу не удалось взобраться на скалу и спасти Максимильяна, уже приготовившагося к смерти. В наши дни для любителей восхождения на высокие горы перейти через ущелье, где Максимильян считал себя погибшим, было бы самым обыкновенным делом.

Высота: Цугшпице (Веттерштейн)—2.952 метр., Большего Зольштейна—2.540 метр., Большой Каршпице (Карвендель)—2.767 метр.

На запад от Инна тянутся другие Альпы, Зальцбургские, перерезанные долинами рек Заалах и Зальцах, притоков Инна, и которые распадаются на множество групп, почти совершенно разъединенных. В целом, эти группы отличаются крутизною своего южного склона, обращенного к Тауернской цепи, и относительною пологостью северного ската, спускающагося к равнинам Дуная. Долины, покрытые тенистыми лесами, хорошенькие городки, с минеральными водами и красивыми сельскими домиками, лазурные озера, в спокойной поверхности которых отражаются, как в зеркале, соседния громады гор, зияющие расселины в скалах, откуда выходят целые реки зелени,—все это вместе придает Альпам Зальцбурга и Зальцкаммергута необыкновенно живописный вид. Вообще, этот великолепный край можно, без преувеличения, назвать второю Швейцарией за красоту его долин, резкие контуры его крутых утесов, могучий профиль его высоких остроконечных вершин. Но если мы взберемся по обрывистым стенам гор на верхняя плато или на горные равнины, то почти везде нашим взорам представятся груды нагроможденных камней или голая скала, лишенная вся-

1 Вальтенбергер, „Orographie der Algauer Alpen“.

кой растительности. Между этими плато особенно замечательно так-называемое «Каменное море» (Steinernes Meer), огромный амфитеатр из растрескавшихся и нагроможденных одна на другую скал, над которыми возвышаются отвесные вершины: это в миниатюре то же зре-



Дахштейнъ и озера Гозау.

лище, которое представляют, по другую сторону Альп, мрачные каменистые пустыни Крайны, Истрии, Далматинских гор. Над «Каменным морем» лежит другое плато, гораздо более возвышенное и сплошь покрытое снегом и льдом. Судя по его названию: «Uebergossene

Alp», то-есть «потопленное пастбище», можно заключить, что прежде оно было покрыто растительностью, но с течением времени его обширные цирки постепенно наполнились массами снега и льда. Так, действительно, и объясняет легенда происхождение этой ледяной нагорной равнины; но разве не рассказываются во всех странах мира подобные же истории по поводу богохульств, которые, будто бы, были наказаны внезапным вторжением вод или льдов? При том же эти горы, более других воспетые поэтами, принадлежат к числу гор, которые народное воображение преимущественно населило фантастическими существами. Так, например, гора Унтерсберг, исполинская масса которой высится на южной стороне Зальцбургской равнины, заключает, по народному поверью, в своих недрах один из тех подземных дворцов, где покоятся глубоким сном легендарные герои и короли, в ожидании дня великого пробуждения.

Высота горы Вацман—2.684 метр., Каменного моря—1.939 метр.

Нужно заметить, что Альпы известкового пояса возвышаются постепенно с запада на восток, соответственно понижению Тауернской цепи. На севере от Грос-Венедигера и Грос-Глокнера, горы, пересекаемые почти по всей их ширине долинами рек Аахен и Заалах, имеют такую незначительную высоту, что кажутся только ступенью при основании Больших Альп; но далее на восток, горы, господствующие над долиною Энса, уже выше, чем восточные Тауерны: тогда как последние только кое-где покрыты полосами постоянного снега, Дахштейн, главная вершина группы Зальдкаммергута, поднимается гораздо выше нижнего пояса вечного снега, и в верхних его оврагах находятся три ледника: это единственная гора в известковых цепях, достигающая высоты более 3.000 метров. Она господствует над обширным плоскогорьем, которое отделено долиною реки Траун и двумя из её озер, от другой террасы, покрытой обломками и представляющей страшный хаос нагроможденных одна на другую каменных глыб, так что ее прозвали «горами смерти» (Todtes Gebirge). Но с более низких вершин, которые возвышаются между равниною и этими горами, не видно этих печальных каменистых пустынь; напротив, оттуда открывается чудный вид, обнимающий лесистые склоны гор, зеленеющие луговые долины, лазурные озера, рассеянные по обширной равнине, которая продолжается до самого подножия Богемских гор. На восточной стороне озера Аттер высится крутая гора Шафберг, заслужившая название австрийской Риги. За ущельем, которое пробили воды Энса, пролагая себе путь к Дунаю, различные группы северной цепи все еще принадлежат по высоте к первоклассным горам. Главные вершины их, Гохшваб, Шнееберг и многие другие, поднимаются своими лысыми пирамидальными макушками выше пояса лесной растительности; но все их передовые предгорья одеты самою пышною зеленью. Эта богатая растительность и составляет главную красу гор, известных под именем Винервальда, Венского леса (Wienervald); сопровождаемые по бокам холмами, украшенными бесчисленным множеством вилл, эти горы, постепенно понижаясь, сливаются, наконец, с равнинами Дуная, и тенистые долины их на каждом шагу являют восхитительные пейзажи. С вершин их, кроме того, можно созерцать грандиозную панораму Больших Альп, составляющих яркий контраст с обширным протяжением равнин: с вершины Гохшваба, более известного в крае под именем Гроссер-Шваба, видны разом белая пирамида Грос-Глокнера, весь кортеж окружающих его гор, долины Дуная и его притоков, которые кажутся начертанными на громадную карту, и равнины Венгрии, сливающиеся в бесконечной дали с синеватой полосой горизонта[1]. Выше Вены, цепь Лысых гор (Kahlengebirge), составляющая продолжение «Венского леса», и передняя часть которой называется собственно Лысой горою (Kahlenberg), круто прерывается, перерезанная течением Дуная, по другую сторону которого тянется ряд холмов, принадлежавших в предшествовавшую геологическую эпоху тоже к альпийской системе.

Высота: Дахштейна—3.000 м.; Гоге-Приль (Мертвые горы)—2.511 метр.; Шафберга—1.780 метр.; Шнееберга—2.003 метр.; Гохшваба или Гроссер-Шваба—2.268 метр.; Шепфеля (Венский лес)—893 метр.; Леопольдсберга (Лысая гора)—420 метр.

1 Зонклар, „Jahrbuch des Oesterreich Alpen-Vereins“, III Band.

Посредством своих вершин, высоко поднимающихся в атмосферу и задерживающих движение облаков, Австрийские Альпы в весьма значительной степени способствуют питанию речной системы нашей части света; обилием проточных вод эти горы уступают только Швейцарии. Их ледники, известные под именем Ferner в Эцтале, Keese в восточных Альпах и Vedrette в Альпах, обращенных к Италии, покрывают все вместе пространство слишком в тысячу квадратных километров; однако, годовой слой фирна, из которого разливаются ледяные реки, имеет менее значительную толщину в Тироле и Каринтии, чем в Швейцарии, и потому австрийские глетчеры, конечно, не могут достигать тех громадных размеров, какие имеют «ледяные моря» Мон-Розы и Бернского Оберланда. Самый большой из ледников Австрии, как мы видели выше, имеет в длину не полных 12 километров, то-есть более, чем на половину короче Алечского глетчера; но шлифованные бока скал и морены, встречающиеся в нижних долинах и даже на равнинах, лежащих вне цепи гор, свидетельствуют о том, что во времена ледяного периода могучия реки кристаллизованной воды, вытекавшие с Австрийских Альп, проникали своими нижними концами далеко в низменные равнины: главный ледник Эцтальской горной группы тянулся на пространстве 90 километров[1]; точно также и другие ледяные потоки долин Инна, Зальцаха, Дравы, Мура имели протяжения, соответствующие этой огромной длине. Инсбрук, Зальцбург и многие другие города в Австрийских Альпах построены на почве, которая некогда была покрыта льдами[2].

Замечено, что в текущем периоде ледники Тироля попеременно то увеличиваются, то уменьшаются, через довольно длинные промежутки времени. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия эти ледяные реки постоянно вздувались и разростались; многие пастбища снова покрылись льдом; даже хребты или горные проходы, а также тропы, по которым ходили коровы, были завалены ледяными глыбами. В новейшее время, напротив, замечается обратное явление, по крайней мере в западной области гор. Льды и фирновые поля значительно уменьшились в Тирольских Альпах. Отступая к верхним долинам, ледники в то же время постепенно уменьшались в объеме; вместе с тем и снежные массы, облегающие вершины, спускались все ниже и ниже по склонам. Геолог Пфаундлер утверждает, что в период с 1866 по 1870 год вершины группы Штубай понизились, средним числом, на пять с половиною метров, вследствие частого таяния снегов, которыми они покрыты. Взамен того, в последнее время, как говорят, образовалось несколько новых ледяных полей небольшого размера в восточной группе Тауернских гор, на склонах, господствующих над верхней долиной реки Энс.

Один из главных глетчеров массива Эцталь, Фернагт, извивающийся на подобие змеи, замечателен тем, что между всеми ледяными потоками, которые до сих пор были предметом исследования ученых, он представляет наибольшую правильность в ходе своих изменений. Уже в 1599 году один летописец отметил в своей хронике, что Фернагт имеет «привычку» то подвигаться вперед, то отступать к долине, служащей ему руслом. В последние три столетия этот глетчер пять раз вздувался как река, выступающая из берегов, ударялся своими льдами и моренами о вал гор, идущий поперег его течения, превращаясь, таким образом, из второстепенного ледяного потока в главный ледник, и, наконец, впадал на севере в более низкую долину, отбрасывая кверху воды, посылаемые ей глетчерами Хохгох и Гинтерейс; точно также пять раз в эти триста лет были замечены периоды, когда он постепенно таял, уменьшался в объеме и как бы отступал или поднимался к высшим частям гор. Обыкновенно разливы этой могучей ледяной реки происходят несравненно быстрее, чем обратное явление: это настоящие потопы; так, например, в 1845 г. передний конец ледника спускался вниз по долине с такою скоростью, что в один день он прошел расстояние 45 метров; движение льда в то время можно было наблюдать простым глазом. Но особенно грозным для прибрежных жителей нижней долины является Фернагт в период своего отступления, потому что тогда, уменьшаясь постоянно в объеме, он не в состоянии более останавливать озерные воды верх-

1 Зонклар, „Die Gebirgsgruppe, der Hohen Taueren“.

2 Вальман, „Die Seen in der Alpen“, „Jahrbuch des Oestr. Alpen-Vereins“, т. II.

ней долины, и последние, освободившись вдруг от сдерживавшей их ледяной плотины, низвергаются страшным потоком, настоящею водяною лавиной, опустошая поля и луга, которые попадаются им на пути[1].

Катастрофы этого рода, наводнения, вследствие разлива озер, обвалы гор довольно часты в Австрийских Альпах, по причине рыхлого, легко разрушающагося состава очень многих каменных пород, из которых образованы эти горы. История Тироля и соседних провинций не менее богата в этом отношении, чем история Швейцарии. Так, например, река Зальцах, которая спускается с группы Высоких Тауернов, у Зальцбурга, часто была засыпаема грудами каменных обломков, приносимых впадающими в нее горными ручьями, и превращалась во временное озеро. В 1798 г. лавина из грязи и камней, упавшая в Эфенское ущелье, выше города Галлейна, поглотила все деревни на берегах той же реки Зальцах и покрыла поля массою обломков, исчисляемою в 20 миллионов кубических метров. Точно также долина реки Эч (Адижа) много раз подвергалась обвалам, которые образовали при основании склонов огромные откосы или насыпи, и конические верхушки этих откосов, опирающиеся о стены гор, резко отличаются своею правильною формою от прорванных зазубренных утесов, из которых свалились обломки; в некоторых местах конусы, извергнутые верхними оврагами, имеют такие огромные размеры, что стоят ярусами один над другим и образуют странные фигуры. Эти груды каменных обломков, пока еще растительность не оденет их своим зеленым покровом, белизною цвета похожи издали на снежные лавины. В Мори, близ Ровередо, железная дорога перерезывает громадные обвалы, известные под именем Славини-де-Сан-Марко: это, вероятно, те самые груды камней, о которых говорит Данте в двенадцатой песни своего «Ада». По народному преданию, эти нагроможденные одна на другую каменные глыбы, эти слои глины, эти потоки засохшей грязи, эти «венчанные колонны» или земляные пирамиды, несущие огромные камни на вершине, весь этот хаос развалин и обломков —есть не что иное, как остаток обвала, запрудившего воды Эча в 833 году, когда жители Вероны долгое время, вместо реки, протекавшей через их город, видели только маленький ручеек. Спустя пять столетий, в 1348 г., вершина горы Добрач обрушилась на город Виллах и частью уничтожила его; кроме того, десять деревень и три замка были стерты с лица земли; другие селения были ввергнуты в озеро Оссиах. После того, на развалинах были поставлены, в память этого страшного события, две часовни—одна для немцев, другая для славян, тогда как другая церковь, самое возвышенное здание в Австрии (на высоте 2.040 метр.), сооружена на краю пропасти[2]. Деревня св. Вигилия, в тирольской долине Эннеберг, построена на груде обвалившихся скал, о которых рассказывают, что под ними погребены два древние местечка. Каждый вечер церковный колокол напоминает жителям, что такая же участь может и их постигнуть наступающею ночью.

Отсутствие больших озер в Альпах Тироля и Каринтии служит доказательством значительных изменений, происшедших в форме гор от действия метеоров. Обширные озерные резервуары, которые некогда занимали пространства, заключающиеся между различными горными группами, были засыпаны обвалами гор или наносами горных ручьев и опорожнены проходившими через них реками. За исключением озер Констанцского и Гардского, которые касаются своими оконечностями—первое Форарльберга, а второе Итальянского Тироля, Австрийские Альпы не содержат в своих долинах ни одного озерного бассейна, который бы имел площадь даже 40 квадр. километр., но зато в этих горах рассеяно множество маленьких озер, из которых иные лежат по одиночке, как например, Ахензее, Целлерзее и на юге Кальденаццо, из которого вытекает река Брента, а другие соединены группами, как, например, озера Зальцкаммергута и Каринтии. Целлерское озеро (Zellersee) замечательно в особенности своим положением на болотистом пороге, с которого воды текут в р. Зальцах, и который на севере отделен от р. Заалах только невысокою цепью холмов: здесь, следовательно, находится брешь, посредством которой Зальцбургские Альпы совершенно уединяются от

1 Зонклар, „Oetztahler Gebirgsgruppe";—„Oetzthaler Eisgebiet, Mitth. der geograph. Gesellsch.", Wien, 1857.
2 Претнер. „Mittheilungen des Oesterreich Alpen-Vereins", 1864.

других горных групп.

Озерная область Зальцкаммергута содержит на пространстве 1.650 кв. километров 35 озер различной величины, которые все лежат в бассейне Трауна, непосредственного притока Дуная; замечательно, что эта река (Траун) получила свое имя не от самого большого из озер её бассейна, то-есть не от Аттерзее или Каммерзее, а от другого, меньшего озера, называемого Траунским (Traunsee). Эти озера находятся по большей части в ущельях известковых гор; но некоторые из них, как например, Лунное (Mondsee), Аттерское, Траунское, врезываются своей северною оконечностью в третичную формацию моласса: ложа, которые они теперь занимают, некогда были наполнены льдами, продолжавшимися в равнине далеко за пределы этих бассейнов. Большинство этих озер, питаемых частью чистыми водами, которые бьют ключами из пещер в соседних горах, и принимающих в себя горные потоки, которые уже очистились в выше лежащих резервуарах, уменьшаются очень медленно как в отношении площади, так и в отношении глубины. Гальштатское озеро, куда изливается река Траун, несущая еще значительную массу песку и каменных обломков, принадлежит к числу озерных бассейнов, размеры которых уменьшаются сравнительно с наибольшею скоростью; в период с 1781 по 1850 год дельта притока увеличилась на 75 метров, хотя в небольшом расстоянии от берега лот достает дно только на глубине 100 метров. Вообще эти озера, как большая часть горных озер, имеют, относительно говоря, очень большую глубину; в одном из них, именно в Топлицком озере, расстояние от поверхности до дна составляет более трети расстояния от одного берега до другого, что считается почти беспримерным отношением между величиною площади и глубиною[1]. Но дно в озерных бассейнах этой области, исключая только озер Гмунденского и Санкт-Вольфганг, где возвышаются выступы подводных скал, представляет, вообще говоря, ровную поверхность, так что на пространстве многих километров лот не обнаруживает разницы уровня даже в несколько дециметров. Прозрачные, лазурные воды этих озер и красота их местоположения среди зелени и скал привлекают каждый год тысячи туристов и любителей природы, и доставили соседним горам такую громкую известность, какою не пользуются многие другие, более грандиозные вершины. Что касается озер Каринтии, лежащих в очень широких долинах, над которыми господствуют горы с довольно пологим скатом, то эти озера менее глубоки, и берега их не отличаются такою живописностью, как берега озер Зальцкаммергута. Большое число лощин, которые некогда тоже были озерами, теперь засыпаны каменными обломками, и образовавшиеся на месте их торфяники могли бы снабжать Австрию топливом в продолжение целых столетий.

Приводим высоту и глубину главных озер в системе Австрийских Альп:

		Высота	Глубина
		МЕТРОВ	
Зальцкаммергут	Ахенское	898	722
	Целлерское	752	190
	Аттерское	464	222
	Траунское или Гмунденское	407	109
	Лунное (Mondsee)	464	9
	С.-Вольфганг	542	114
	Гальштетское	492	3
	Топлицкое	693	1
Каринтия	Вертерское	404	8
	Оссиахское	465	5
	Мильштедское	582	120

Австрийские Альпы занимают такое обширное пространство, что главные ручьи и речки, берущие начало в их снегах и льдах, делаются большими реками еще прежде, чем покинут последние ущелья гор. Эти великолепные потоки отчасти вознаграждают за недостаток больших озерных бассейнов. В Европе мало найдется речных долин, которые по красоте местоположения могли бы сравниться с долинами Дравы, Инна, верхнего Эча. В первой из

1 Фридрих Симони, „Die Seen des Salzkammergutes“.

этих долин тянется широкий пояс полей и лугов, окаймленный с одной стороны доломитовыми горами итальянской границы, которые состоят из скал нежного розового и голубого цвета, увенчанных снежными вершинами, с другой—зубчатою цепью Высоких Тауеров, с которой льется быстрым потоком река Изель, втрое более многоводная, чем сама Драва, и несущая белые воды ледников. Долина Инна, которая во многих местах раздвигается на десятки верст в ширину, представляет удивительную смесь грации и величия, которыми она обязана баснословному плодородию земель, образующих её дно, живописному местоположению городов, построенных амфитеатром на её скатах, и замков, высящихся на выступах скал, мягким контурам её высоких гор, покрытых черными лесами и темно-зелеными пастбищами, составляющими яркий контраст с ослепительною белизною ледяных масс и темною синевою неба. Еще более восхитительная долина Эйзака и Эча (Адижа), лежащая к югу от Бреннера, похожа на долину Инна; но ко всем прелестям последней здесь присоединяются еще благодатный итальянский климат, бесчисленные виноградники и фруктовые сады, красивые белые башенки церквей, и вдали вид обширной зеленеющей равнины, которая продолжается до подножия Апеннинских гор, сливаясь на горизонте с полосою сероватого тумана. Большее обилие дождевой воды, падающей на южный склон, более значительная крутизна скатов, более резкия перемены тепла и холода,—все эти причины вместе произвели в долине Эча самые грандиозные геологические явления. Как ледник, Эч имел течение отличное от того, которое он принял, как река: так, ниже Боцена (Botzen) он разливался на запад от нынешней своей долины, через широкую впадину, где в одном углублении до сих пор залегает озеро, называемое Кальтернским; затем, ударившись о подошву гор, над которыми господствует Бальдо, ледяной поток Эча поворачивал вправо, чтобы войти в бассейн, занимаемый теперь Гардским озером.

В Австрийских Альпах, так же, как в горах Швейцарии, местные климаты отличаются бесконечным разнообразием, смотря по высоте и положению различных местностей. Бывает так, что низменная долина, хорошо защищенная от ветров, пользуется чуть не итальянским климатом, тогда как соседнее местечко или селение, лежащее на высоком склоне горы, обращенном на север, имеет такую низкую среднюю температуру и такую суровую зиму, что можно подумать, что эта местность находится где-нибудь в Лапландии. Но кроме этих местных различий, свойственных всем горным странам, Австрийские Альпы представляют также большие общие контрасты, свидетельствующие о значительном влиянии, которое масса гор оказывает на движения атмосферы.

Во-первых, средняя годовая температура у южного подножия Альп выше, а в северных долинах ниже, чем следовало бы по географической широте мест. Так, например, почти на одинаковой высоте над уровнем моря температура в Линце, на Дунае, по малой мере на четыре градуса ниже, чем при входе Эча в Италию; следовательно, в этом случае одна только масса Альп, разделяющая две названные местности, производит в их климатических условиях такую же разницу, какую произвело бы расстояние около тысячи метров по меридиану. Средняя годовая температура суб-альпийских равнин: северные равнины: Линц—8°,4; южные равнины: Верона—15°. На южном склоне Альп дожди, приносимые ветрами Атлантического океана и Средиземного моря, тоже гораздо обильнее, чем на северном скате тех же гор; разность между теми и другими в среднем выводе составляет около двух пятых. Количество дождевой воды, выпадающей в продолжение года: на южном склоне Австрийских Альп—1,468 м.; на северном—0,918 м. (по Берггаузу и Шлагинтвейту). Дождевые воды, падающие на полуденные покатости Альпийских гор и бегущие потоками в Адриатический залив, отличаются большею стремительностью в своем падении, чем дожди, изливающиеся в Дунай, и чаще сопровождаются грозами: гром очень часто оглашает долины Венецианских Альп; даже ни одной зимы не проходит без того, чтобы не были слышны его бесконечные раскаты между скалами. Напротив того, в равнинах низменной Австрии грозы бывают реже, чем во всякой другой части центральной Европы; в Вене насчитывают не более восьми гроз в продолжение года. Наконец, в то время, как на южном склоне гор дожди падают преимущественно летом, противоположный скат, обращенный в Германии, получает наибольшее ко-

личество дождевой воды в осенние месяцы. Таким образом, масса Альп ясно разграничивает два различные климата. Фён, замечательнейший из ветров Швейцарии, не проникает в Австрийские Альпы, исключая только области Форарльберга, составляющей часть верхней долины Рейна.

По направлению с запада на восток тоже замечается контраст в температуре между Австрийскими Альпами, прилегающими к Швейцарии, и горами, господствующими над равнинами Венгрии; на равной высоте, средняя годовая температура почти на 2 градуса стоградусного термометра ниже в восточных городах этой области; лето там жарче, но зимы гораздо суровее, чем в западной полосе. Однако, эта противоположность климатов составляет общее явление, нисколько не зависящее от присутствия гор и существующее также в равнинах по обе стороны Альп. Основываясь на сравнительных наблюдениях австрийских метеорологов, можно заключить, что в последние сто лет свойственный восточной полосе климат крайностей, отличающийся периодическим чередованием больших жаров и сильных холодов, постепенно подвигался все далее на запад. Растения восточных областей, легко выносящие эти резкия перемены температуры, не переставали распространяться в западном направлении. Такова главная причина некоторых различий, которые представляет флора Австрийских Альп в сравнении с растительностью Швейцарских гор; но эти различия не настолько значительны, чтобы бросались в глаза, и могут быть замечены только натуралистом. В горах Штирии, как в Альпах Эцталя и Швейцарии, путешественник находит леса и пастбища, имеющие совершенно одинаковый общий вид; точно также и животное царство всех этих возвышенностей различается лишь небольшим числом местных видов.

Население Больших Австрийских Альп далеко не однородно по языку и племенному составу. Огромное большинство его состоит из немцев, к которым, однако, примешиваются самые разнообразные элементы, так что ученым исследователям до сих пор еще не удалось вполне распутать этот этнографический хаос. При том же и здесь долины задолго до начала исторической эпохи были заняты населениями, потомки которых, смешавшись с представителями пришлых рас, живут, конечно, и поныне в крае. Относящиеся сюда находки, сделанные в недавнее время в Гальштате, оказались до такой степени важными, что антропологи дали название «Гальштатской цивилизации» целому периоду истории Альп, восходящему приблизительно за 3.000 лет до наших дней. В озерах Каринтии тоже открыты кое-где остатки свайных построек; но озерные жители, как кажется, были гораздо малочисленнее в этой стране, чем в области западных Альп[1].

Население Тироля в особенности представляет пеструю смесь племен и наречий. Вместе с племенами, которые обыкновенно причисляются к кельтам, в крае жили и другие народы; кроме того, названия, удержанные поныне многими горами и реками, указывают на пребывание здесь в давния времена каких-то неизвестных нам народностей[2]. В древности, по малому знакомству с географиею, горцев этих краев называли общим именем Interioli или Interuli (т.е. «внутренние жители»), откуда, может быть, произошло и название Тироль, примененное ко всей стране. Впоследствии римляне латинизировали горские племена; долгое время спустя после падения Западной Римской империи, в хрониках упоминаются крупные землевладельцы с итальянскими именами. В начале средних веков так называемые «ладинские» диалекты, то-есть диалекты латинского происхождения, были употребляемы почти во всем Тироле, даже на северном склоне Альп, доказательством чего служит романская этимология родовых имен или фамилий и названия мест, и, кроме того, имеются различные письменные памятники, констатирующие этот факт. В девятом столетии на Бреннере говорили еще романским языком; в шестнадцатом веке этот язык держался еще в значительной части Форарльберга; лет сто тому назад горцы еще употребляли его в долине Финчгау, по которой протекает верхний Эч, и даже в нынешнем столетии многие долины,

1 Генрих Вальман, „Die Seen in den Alper“, „Jahrbuch des Oesterreich. Alpen Vereins“; т III.

2 Л Штейб, „Zur rhaetischen Ethnologie“ и другие мемуары.

где теперь исключительно господствует немецкая речь, были еще населены крестьянами ладинского языка. Единственные части Тироля, где романские диалекты, повидимому, не были господствующею местною речью, это, кроме нескольких отдельно лежащих полос или архипелагов, средняя долина Инна и, в центре гор, Пуштерталь, то-есть верхние бассейны рек Риенцы и Дравы. Славянское влияние тоже, с своей стороны, способствовало в Пуштертале вытеснению населений, говоривших ладинскими наречиями, судя по тому, что многие деревни этой области носят славянские названия; на одну из них, именно на Виндиш-Матрей, лежащую к юго-западу от Грос-Глокнера, прямо указывают, как на поселение вендов. Некоторые полагают, что даже название Vintschgau следует считать тождественным с Windische Gau (то-есть область вендов); но едва-ли вероятно, чтобы славяне проникали так далеко в Центральные Альпы, до самых границ Швейцарии[1].

Байоварские или баварские завоеватели, швабские поселенцы, пришедшие с северо-западных равнин, онемечившиеся славяне, поднимавшиеся вверх по долине Дравы, готы и ломбарды, вытесненные из Италии,—все эти пришлые элементы постепенно съуживали область распространения ладинских наречий; число жителей, находящихся в пределах медленно германизующейся территории, нужно класть по малой мере в четыреста или пятьсот тысяч душ. От прежней довольно обширной глоссологической области теперь остался только небольшой архипелаг, да и тот постоянно уменьшается в размерах. Религиозные преследования не менее, чем постепенное вторжение немецкой речи, содействовали этому быстрому вытеснению областных ладинских наречий. Когда протестантская религия проникла в долину Тироля, так же. как и в швейцарский Энгадин, архиепископы инсбрукские запретили всякия сношения между ладинами обеих стран. Употребление еретического языка было строго воспрещено, и все те, которые продолжали пользоваться им для проповеди или молитвы, подвергались изгнанию или заключению в темницу. Преследователи вполне достигли своей цели: язык и религия исчезли одновременно из западного Тироля, и горцы, которые еще говорят ладинским диалектом, отделены от своих романских братьев Граубюндена широким поясом итальянских и германских населений[2]. В настоящее время ладинские наречии употребляют только в долинах Гардена, Гердейна или Греден (Gardena, Gherdeins, Groden), Эннеберг и Вадиа, которые открываются на восток от Бриксена, и жители которых поддерживают, через гребень гор, сношения с итальянским населением верхних долин реки Пиаве. Нужно сказать также, что немецкие горцы окрестных мест говорят наречием, в котором примешана масса латинских слов. Точно также романская речь (welche или Welsch), употребляемая в долинах Гардена и Эннеберг, искажена множеством выражений германского происхождения, и большинство жителей говорят безразлично обоими диалектами; в долине Бадиа говорят даже тремя: deutsch, klug walsch, или итальянским, и kraut walsch, или ладинским. Впрочем, ладины или романы отличаются от итальянцев и немцев не одним только языком, но также лицом и вообще всею наружностью. У первых, то-есть у романов, черты лица более тонкия, стан более стройный, манеры более изящные, чем у их соседей германской расы; но они не имеют страстного взгляда итальянца, хотя такие же брюнеты, как и он; борода у них редкая, а волоса падают кудрями на плечи[3].

Если романские наречия постоянно отступали перед немецким языком, в центре Тирольских Альп, то, взамен того, итальянская речь не переставала распространяться с юга на север, со времени великих германских нашествий, имевших место в средние века. Этнографическая граница все более и более приближается к естественной географической границе, образуемой гребнем Альп. В тринадцатом столетии немецкий язык был преобладающим во всем Тридентском округе, и даже в эпоху Триденского собора он все еще держался там. По словам Гёте, граница языков за несколько лет до первой французской революции пересека-

1 Cyrille (baron d'Avril), „Voyage sentimental dans les pays slaves", p. 6.

2 Штейб, „Herbsttage in Tirol"; „Drei Sommer in Tirol"; etc.—Адольф Фиккер, „Bevolkerung der Oeterreich. Alpenlander"; „Jahrbuch des Oesterreich. Alpen-Yereins", т. III.

3 Густав Лаубе, „Die Ladiner in Tirol"; „Mittheilungen Geograph. Gesellschaft", Wien 1869.

ла реку Эч в городе Ровередо. Хотя можно сомневаться в справедливости этого утверждения, но тем не менее достоверно, что глоссологическая граница в то время лежала гораздо южнее, чем в наши дни. Более деятельный, более ловкий, более жадный к наживе, более умеренный в образе жизни, чем его соседи германской расы, смело принимающийся за разработку болотистых земель, залегающих на дне лощин и обегаемых немцем, итальянский крестьянин мало-по-малу одерживает верх над последним в борьбе за существование; он с каждым годом поднимается все выше в долине Эча, скупая поля и хижины. Немцы, которые остаются позади, скоро пропадают в массе пришельцев, охваченные со всех сторон всепоглощающею волною этого прилива; их местечки и города постепенно захватываются чуждым элементом; деревня Меццо-Тедеско, которая, как показывает самое её название, была населена немцами, теперь приняла совершенно итальянский характер. Ниже Боцена едва-ли найдется хоть одна группа домов, куда бы не проникли уже итальянцы, да и выше, по направлению к Бриксену и Мерану, они начинают распространяться по обеим долинам. Точно также в горах, лежащих на восток от Эча, многие селения утратили свою первоначальную национальность, как это доказывают немецкия названия мест и итальянский язык, которым там теперь говорят. Жители долины Ферзина, лежащей на восток от Триента, получили прозвище мокени (Mocheni), потому что прежде они беспрестанно употребляли в разговоре слово machen (делать); в настоящее же время их итальянизированное наречие уже обходится без этого немецкого глагола. Жители долины Фольгариа, прозванные «заиками» (Slaperi), тоже перестали употреблять свой немецкий жаргон и в наши дни говорят уже языком, который хотя и не совсем похож на язык Данта, но тем не менее есть язык итальянский. Вообще эти презираемые тирольские «Welschen», как их называют немцы, одержали верх над своими политическими властителями в верхнем бассейне Эча и его побочных долинах. Нужно прибавить также, что до постройки Бреннерской железной дороги германское влияние было мало ощутительно к югу от границы языков. Триентинцы говорят таким же чистым итальянским языком, как генуэзцы и миланцы, потому что они учатся ему в школах и вообще усердно изучают его, чтобы поддерживать связь со своим отечеством; кроме того, город их, по конструкции своих зданий, имеет не менее итальянский характер, чем любой из городов Ломбардии, между тем как немецкие города, и при том не только те, которые находятся на южном склоне, но также и те, которые лежат далеко по другую сторону гор, например Инсбрук, даже Зальцбург, все представляют, в расположении улиц, архитектуре домов или внутреннем устройстве и убранстве зданий, что-нибудь оригинальное и живописное в итальянском роде. Очевидно, миланцы и венецианцы были в средние века просветителями своих менее цивилизованных соседей. Нужно также принять во внимание то обстоятельство, что каменщики и архитекторы по большей части приезжают сюда из Италии. В 1867 г. в Инсбруке образовался особый комитет, поставивший себе задачею основание и содержание немецких школ во всех пограничных селениях, которые южный язык, более ясный и более гармонический, едва-было не присоединил к области Италии.

В восточном поясе Австрийских Альп борьба народов и языков ведется не между немцами и романами, но между немцами и славянами. Как по одну, так и по другую сторону этих гор этнологическая граница не переставала передвигаться из века в век. Из истории мы знаем, что славяне различных племен и родов занимали некогда большую часть южной Австрии. В течение седьмого и восьмого столетий они подвинулись до Инна и до истоков Дравы. В некоторых местах они перешли даже через Альпы и спустились в Фриауль и в Итальянский Тироль. Вся Австрия, в собственном смысле, к югу от Дуная, составляла область славян. Их называли тогда общим именем вендов,—именем, которое теперь дают северным славянам и специально жителям Лузации (лужичане), но они принадлежали к семье словен или хорутан,—название, которое впоследствии стали применять к области, именуемой ныне Каринтиею (древняя Хорутания). Оттесненные постепенно баварскими немцами на восток, словены или хорутане оставили после себя несколько разбросанных в разных местах колоний, которые держались еще в продолжение многих веков, как о том свидетельствуют средневековые письменные памятники. Множество деревень и долин, при названиях которых

стоит прилагательное windisch (вендский), были населены славянами, и многие обширные территории на Альпах и в окрестностях Вены обозначаются в старинных актах как славянские земли. С течением времени, мало-по-малу совершилось смешение между двумя расами:

Типы тирольцевъ.

1 и 2 Циллерталь; 3 Бреннеръ;—4 Грёденталь;—5 Пуштерталь.

венды и байовары или бавары соединились в одну нацию; но было бы ошибочно думать, что германский элемент совершенно поглотил элемент славянский. Чертами лица, народными преданиями и нравами, в особенности характером, австрийские немцы до сих пор еще напо-

минают свое двойное родство. Будучи германцами, они, однако, значительно отличаются от своих братьев, живущих в западной Германии.

В наши дни граница двух сейчас названных рас начинается у северо-восточного угла Италии, в городке Понтебба (Понтафель), население которого говорит тремя языками: итальянским, немецким и словенским. К востоку от раздельной линии, граница, очень извилистая и усложняемая множеством чересполосных территорий, тянется в восточном направлении, захватывая местами гребень гор, разделяющий различные долины. Гора Триглав (Терглу) лежит уже целиком в области славянского языка, но на небольшом расстоянии от общей границы. То же самое нужно сказать о горе Лушаре или Лускари, на вершине которой стоит «чудотворная» часовня, к которой иногда стекается до сотни тысяч богомольцев, принадлежащих к трем расами—славянской, романской и германской, и представляющих чрезвычайно любопытное зрелище, по причине контрастов, которыми поражает постороннего наблюдателя эта разноплеменная и разноязычная толпа людей, собравшихся в одном месте. На восток от города Понтеббы граница идет сначала между бассейнами рек Гайль и Дравы; затем, к востоку от Клагенфурта (Целовец), который сделался почти совершенно немецким городом, она соединяется в Штирии с линиею раздела между долинами Дравы и Мура, служащею вместе с тем общею административною границею округам Грацскому и Марбургскому. Последний из этих округов населен почти исключительно славянами. Все островки немецкого языка, которые встречались среди Марбургского округа, постепенно уменьшаются в протяжении или даже совсем исчезают. Таким образом, под влиянием экономических фактов, сходных с явлениями, которые мы видим в южном Тироле, немцы отступают перед словенами, которые, однако, между южными славянами составляют семью самую незначительную, наиболее смирную и наименее честолюбивую. Славянские населения Штирии и Каринтии начали вытеснять своих старинных господ германской расы с половины текущего столетия. С другой стороны, знание немецкого языка все более и более распространяется в городах, потому что это специальный язык администрации, торговли, журналистики.

Как на замечательный этнологический факт, которым альпийские провинции резко отличаются от других областей Австро-Венгрии, укажем на отсутствие, почти полное, евреев между жителями гор. До 1848 г. последователи Моисеева закона были так малочисленны в Австрийских Альпах, что едва могли образовать одну религиозную общину в местечке Гогенемс, близ Констанцского озера. Во всех других местах жители края энергически противились всякой попытке еврейских торговцев, покушавшихся поселиться среди них, и даже платили особый налог, чтобы только избавиться навсегда от соседства этих колонистов. И теперь еще представители иудейской расы встречаются только в городах, где есть значительная торговля или минеральные воды, привлекающие много иностранных посетителей; в деревни же на Альпах им нигде не удалось проникнуть. В 1880 г. в Австрийских Альпах, вне эрцгерцогства Австрии и Штирии, насчитывали только 867 евреев.

Население Австрийских Альп, за исключением Зальцкаммергута, в 1880 г. распределялось по племенам следующим образом:

	Немцев	Итальянц. и ладинов	Славян.
Тироль и Форарльберг	533.260	362.400	1.460
Зальцбург	159.300	125	350
Каринтия	241.585	120	102.360
Штирия	794.840	425	391.130
Итого	1.728.985	363.070	495.300

Самые красивые и самые сильные между тирольцами, вероятно, жители Циллерталя, долины, открывающейся к востоку от Инсбрука, в группе Высоких Тауернских гор. Циллертальцы, хвастливо называющие себя тирольцами по преимуществу, принадлежат к баварской расе, тогда как жители Брегенца, которым дают пальму первенства в отношении женской красоты, считаются потомками аллеманов. Несмотря, однако, на все эти притязания, тирольская раса, взятая в массе, не заслуживает той репутации, которою она пользуется от-

носительно телесной красоты. Во многих округах мужчины и женщины имеют довольно грубые формы тела и даже кажутся уродливыми, когда наружность их не прикрашена живописным национальным костюмом. Зобатые и кретины не менее многочисленны в Австрийских Альпах, чем в горах Швейцарии и Савойи. Особенно сильно распространено это печальное вырождение расы в Пальтенской долине, в Верхней Штирии. Во многих округах не редкость встретить по крайней мере одного кретина в каждой семье. Постоянно сидящий на корточках подле очага, несчастный fex составляет предмет общей жалости и вместе с тем какого-то благоговейного почитания; на него смотрят, как на искупительную жертву, которой, «по воле Провидения», суждено страдать за грехи своих родителей и братьев. В 1875 г., на каждую тысячу жителей приходилось следующее число кретинов и глухо-немых:

	Кретинов	Глухо-немых
Зальцбурга	4	2,9
Штирия	1,7	2,08
Тироль	0,70	?
Каринтия	?	4,05
Во всей Австро-Венгрии	1,2	1,1

Тирольцы возвышенных долин, у которых, повидимому, еще господствуют древние элементы: ретийский и кельтский, отличаются от своих земляков, жителей нижней долины Инна, несравненно большею солидарностью, сдержанностью, сознанием своего достоинства. Тиролец из окрестностей Инсбрука и из Циллерталя имеет очень живой, веселый характер; он питает страсть к музыке и танцам, любит пышность и блеск. Подобно своим соседям, баварцам, он сохранил привычку к представлению духовных мистерий и светских комедий: хотя он простой крестьянин, он тем не менее виртуоз. Если тирольский народ, взятый в совокупности, гораздо более прославился, чем население Каринтии, Штирии, Зальцбурга, и является в истории, так сказать, окруженный ореолом поэзии, то этим он обязан главным образом жителям долины Циллерталь. Красота гор, среди которых он живет, отразилась и в его национальном характере. Живописный костюм тирольцев, украшенный зелеными обшивками и, может быть, уж слишком приближающийся к мундиру, орлиное перо, которым они украшают свою остроконечную шляпу, их гордая поступь, искусство и ловкость, которыми они славятся как охотники, храбрость, с которою они во многих случаях защищали свои ущелья, наконец, песни и предания, в которых восхваляется их родина,—все это вместе дает им почетное место между обитателями Австрийских Альп.

Привыкшие к материальной свободе, которую доставляет пребывание в горах, вдали от городов равнины, тирольцы долгое время пользовались многочисленными привилегиями. Более счастливые, чем другие подданные австрийского дома, они были избавлены от конскрипции, и даже попытка императора Иосифа II (в 1785 г.) принудить их к военной службе не имела успеха; теперь, правда, со введением всеобщей воинской повинности, они должны нести эту повинность наравне с своими соотечественниками из других провинций, но все-таки их назначают преимущественно в отборные войска, по причине их силы и особенной ловкости в стрельбе, которая делает из них страшных противников во всех горных войнах. Память об услугах, оказанных ими государю, и о похвалах, которые им часто расточались в минуты опасности, сделала тирольцев очень привязанными к своим политическим учреждениям: в настоящее время из всех народов империи—это самый преданный и послушный; жители альпийских долин всегда с истинным восторгом бегут на встречу членам императорской фамилии и высшим сановникам церкви.

Каринтийцы не отличаются в этом отношении от своих соседей, тирольцев. Некогда горцы Хорутании славились своею горячею любовью к свободе и независимости, и до первых годов пятнадцатого столетия у них сохранялся один очень любопытный символический обычай, напоминающий знаменитое «Sinon, non!» аррагонских судей. Когда новый князь должен был принимать права, передаваемые ему народом, он являлся в народное собрание одетый по-крестьянски, с пастушьим посохом в руках и с котомкою за плечами, в которой были положены хлеб, сыр и некоторые земледельческие орудия; по бокам его шли черный бык и

крестьянская лошадь. Один из поселян восседал на княжеском престоле и уступал свое место новоприбывшему не прежде, как ударив его по лицу, в знак инвеституры, что служило символом действительной власти народа и его права восстания, и заставив его принести торжественную клятву, что дом и личность крестьянина всегда будут свободны и неприкосновенны. После того, новоутвержденный князь размахивал по воздуху обнаженным мечем и пил свежую воду из своей шляпы. Во время этой церемонии право собственности переставало существовать: каждый мог косить траву, где ему угодно, и даже разбойники могли беспрепятственно грабить избы, если дружба их не была куплена заранее[1]. Камень, у которого происходило это посвящение новых князей, и теперь еще можно видеть в Цольфельде, к северу от Клагенфурта: это древняя римская могила.

Жители Тироля и Каринтии сильно волновались в эпоху реформации: они массою отложились от римско-католической церкви и, сделавшись лютеранами, кальвинистами, анабаптистами или перекрещенцами, пытались освободиться в то же время от оков, в которых их держал феодализм. Но эта попытка была подавлена страшным образом. Атакованные одновременно с трех сторон, через долину Инна и через долины Эча и Дравы, протестанты гор могли оказать лишь весьма слабое и совершенно безуспешное сопротивление; значительная часть населения принуждена была удалиться из отечества; в продолжение двух только лет, в 1731 и 1732 гг., около двадцати пяти тысяч зальцбургских жителей должны были бежать в Швабию, в Нидерланды, в Швецию, в Литву; даже северная Америка получила некоторое число этих невольных эмигрантов. Последствием этих религиозных преследований было то, что многие цветущие промышленности, которыми занимались протестанты Каринтии и Штирии, совершенно исчезли из края, и богатые залежи металлоносных руд были оставлены без разработки.

Со времени этого жестокого усмирения, тирольцы сделались и остаются до сих пор слепо преданными духовным властям. Они знают, что в эпоху реформации великое собрание представителей католического духовенства происходило в городе Триденте, на их территории, и потому с некоторого рода патриотизмом подчиняются религиозным постановлениям, изданным более чем за триста лет до наших дней. Всякия философские прения изгнаны из их школ; прозвище «франкмасон» считается у них кровною обидою. За исключением нескольких групп протестантов, поселившихся с начала нынешнего столетия в разных местах Форарльберга и в Инсбруке, все население Тирольских гор состоит из католиков. Большинство студентов, посещающих Инсбрукский университет, слушает там курс богословских наук; сравнительно с цифрою жителей, патеры и монахи очень многочисленны, особенно в немецком Тироле, и влияние их так велико, что во многих округах они могут заставить большую часть членов своей паствы исполнять самые суровые правила умерщвления плоти; но в Каринтии и Штирии, где эмиграция с начала текущего столетия была значительнее, чем в Тироле, протестанты составляют более одной двадцатой населения[2].

Старые нравы горцев изменяются с каждым днем от более частого соприкосновения с иностранцами. Хотя Тироль еще не превратился, как Швейцария, в одну громадную гостиницу, однако и здесь число иностранных посетителей, туристов и любителей природы увеличивается с каждым годом, а многочисленные железные дороги, пересекающие край с севера на юг и с востока на запад, беспрестанно умножают торговые сношения и оживляют обмен мыслей между горцами Австрийских Альп и более цивилизованными населениями равнин Дуная и побережья Адриатики. Не менее, чем этот постоянно усиливающийся приезд иностранцев, периодическая эмиграция самих тирольцев и других австрийских горцев способствует изменению их старинных обычаев и образа мыслей. Около одной десятой взрослого мужского населения Тироля покидает на-время родную страну и отправляется на чужбину промышлять разною мелкою торговлею и ремеслами, или петь «тирольские песни», с аккомпаниментом цитры. Эмигранты из Форарльберга продают разные материи; выходцы с

1 Мишле, «Origines du droit francais».

2 А. Фиккер, „Bevolkerung der Oesterreichischen Monarchie“.

гор Штубай торгуют железными изделиями: жители долины р. Пассей, притока верхнего Эча, ведут торговлю скотом; эмигранты из Лунгау, бассейна верхнего Мура, занимаются ремеслом «костоправов» и ветеринаров[3]. В прошлом столетии эта промышленность странствующей медицины практиковалась преимущественно тирольцами из Циллерталя; приготовление благовонных масл, разных эссенций и лекарственных снадобий составляло их специальность. В течение первой половины восемнадцатого столетия, около 400 шарлатанов, выходцев из этой тирольской долины, продавали во всех частях Европы жабье масло, в особенности скорпионовое масло, и знаменитое противоядие, известное под именем «митридата», которое они составляли при помощи семидесяти различных специй. Но теперь медицинский промысел циллертальцев почти совершенно прекратился; в наши дни они совершают свое маленькое «кругосветное путешествие» по большей части в качестве певцов или торговцев коврами или перчатками. В некоторых деревнях, имеющих какой-нибудь специальный отхожий промысел, достаточно прибыльный, в зимние месяцы дома остаются только женщины, дети и старики. Огромные отели, роскошные виллы, красующиеся в селениях многих долин, и принадлежащие разбогатевшим местным уроженцам, наглядно свидетельствуют об экономической важности этого эмиграционного движения и отхожих промыслов.

Исключая богатого Тироля, который обилием и разнообразием своих произведений не уступает плодоносной Ломбардии, а также долин Инна, Дравы и их притоков, эксплоатация почвы в других частях Австрийских Альп должна ограничиваться первобытным земледелием и скотоводством на горных пастбищах. Но жители этих горных областей умеют во многих местах увеличивать свои маленькие доходы посредством кустарной промышленности, выделывая различные предметы, которые они посылают на отдаленные рынки. Так, например, в «ладинской» долине Гардена или Греден, на севере от горной группы Мармолата, мужчины все, без исключения, занимаются, в свободное от сельских работ время, вырезыванием из дерева кукол, игрушек и украшений всякого рода. Промышленность их до такой степени деятельна, что они почти совершенно истребили в соседних горах породу сосны, употребляемую на эти изделия, и теперь принуждены нужное им дерево выписывать, с большими издержками, из-за границы. В то время, как мужчины вырезывают фигурки из дерева, женщины занимаются преимущественно вязаньем грубых кружев.

Горная промышленность в наши дни является уже сравнительно маловажною в Тироле, но в других провинциях Австрийских Альп она весьма значительна, благодаря богатству рудных жил и слоев различных минералов, проникающих массу скал. По направлению с запада на восток производительность гор в этом отношении постоянно увеличивается. Уже Тироль очень богат, если не обилием, то, по крайней мере, разнообразием залежей; но по мере того, как Альпы расширяются и раздвигают свои цепи и отрасли к северо-востоку и юго-востоку, они открывают все большее и большее число минеральных сокровищ, залегающих в плоскостях соприкосновения различных горных пород. Зальцбургский край изобилует в особенности мощными пластами каменной соли, которым он обязан и своим названием; в Каринтии разрабатываются многочисленные рудники—свинцовые, цинковые, железные, медные; в Штирии тоже добывают соль, железную руду, лигниты. Разработка так называемых благородных металлов имела прежде весьма важное значение, особенно в Тироле. В начале шестнадцатого столетия швацские серебряные рудники, находящиеся близ соединения долин Инна и Цилля, доставляли огромное количество этого металла, так что властители Тироля считались богатейшими государями в свете по обилию имевшейся у них монеты. Около тридцати тысяч рудокопов занимались в то время добыванием благородных металлов в Тирольских горах. Громадные насыпи вырытой земли, которые и теперь еще можно видеть в верхней долине Рауриса, на высоте 2.000 и даже 2.335 метров, также доказывают, что разработка рудников деятельно производилась в этой области Высоких Тауеров. Еще недавно из этих рудников получали ежегодно от 10 до 15 килограммов золота; но с 1876 г. разработка их окончательно оставлена.

3 Вальман, „Mittheilungen der Oesterreichischen Alpen-Vereins“, 1864.

В настоящее время важнейшее минеральное богатство страны составляют соль и железо, добывание которых сделалось главной отраслью местной горной промышленности. Галль в Тироле, Галлейн в Зальцбургской области, Галльштадт в Зальцкаммергуте, и вообще все города, самое название которых, содержащее старинное слово «Hall», означающее «соль», указывает на древность их, как мест добывания этого минерала, до сих пор продолжают доставлять в изобилии свои кристаллизованные продукты. Соленосные горы, разрываемые рудокопами с незапамятных времен, представляют странный лабиринт бесчисленных подземных зал, галлерей, ярусов, откуда вода, насыщенная солью, стекает в салины по рассолопроводам, имеющим десятки верст в длину. Одна из гор, особенно тщательно исследованных, Дюрренберг (в окрестностях Галлейна), западная подошва которой принадлежит Баварии, дала уже в течение последних шести столетий около 10 миллионов тонн чистой соли, и, однако, эти богатые залежи ничтожны в сравнении с соляными пластами, которые геологи измерили приблизительно в округах Ишля и Аусзее. Добыча соли в Австрийских Альпах представляла в 1870 году следующие цифры:

Тироль—22.500 тон.; Зальцбурга—15.000 т; Верхняя Австрия (Зальцкаммергут)—60.000 тон.; Штирия—14.000 тон.; всего 111.500 тон.

Что касается залежей железной руды, то они громадны, особенно в Штирии и Каринтии; одна только гора Эрцберг (Рудная гора), близ городка Эйзенерц («железная руда»), на которой летом ломают руду снаружи, а зимою копают внутри галлереями, и стены которой сплошь покрыты блестящими кристаллами, доставляет ежегодно около 200.000 тонн железной руды, и если разработка будет продолжаться в тех же размерах еще в течение десяти столетий, то и тогда залежи этой руды не истощатся. Производство железа (чугуна, железа, стали) в Австрийских Альпах:

	Добыча руды в 1871 г., тонн	Производство чугуна, железа и стали (1870 г.)
Тироль	8.800	2.300
Зальцбург	6.000	5.000
Каринтия	167.000	102.000
Штирия	376 000	217.000

К сожалению, эти альпийские страны, столь богатые превосходною железною рудою и, сверх того, имеющие рудники медные, цинковые, свинцовые, не достаточно снабжены ископаемым топливом; здесь есть только лигнит и торф, а потому мануфактурная промышленность не могла сделать в этих странах таких успехов, каких она достигла, например, в Богемии, где существуют разрабатываемые залежи каменного угля. Тем не менее, Штирия есть одна из тех областей Австрийских Альп, где число фабрик и заводов весьма значительно. Другая фабричная область в этих Альпах, Форарльберг, имеющая многочисленные бумагопрядильни и другие мануфактуры того же рода, принадлежит к промышленной группе, центр которой составляет швейцарский город Санкт-Галлен. Что касается Штирии, то она производит преимущественно железо, сталь, разные мелкие железные изделия, машины всякого рода. Благодаря этой промышленной деятельности и в особенности значительному протяжению удобных к обработке равнин, Штирия имеет несравненно более густое население, чем другие горные провинции Австрии.

Население Австрийских Альп, без Зальцкаммергута.

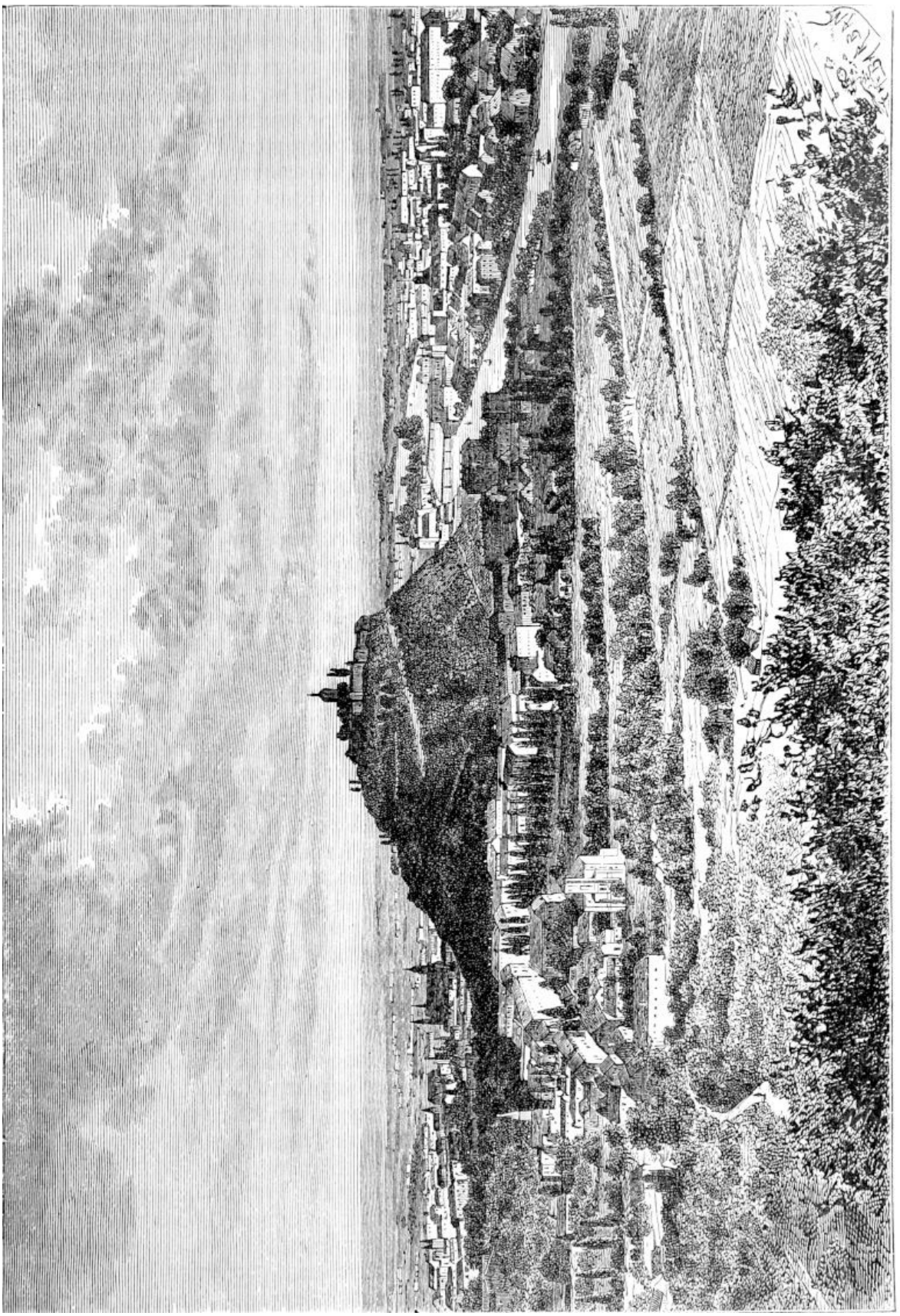
	Площадь, кв. клм.	Число жителей 31 декабря 1890 г.	Число жителей на 1 кв. километр.
Зальцбург	7.162	173.510	24
Каринтия	10.333	361.008	35
Штирия	22.449	1.282.708	57
Тироль	26 690	812 686	30
Форарльбер	2.610	116 073	45

Длинный вал, образуемый Альпами Тироля и Каринтии, долгое время оставался, как и горы Швейцарии, трудно доступным для перехода; только кое-где, на далеком расстоянии

одна от другой, были проложены тропинки, по которым и переходили торговцы и воины с одного склона на другой. В начале текущего столетия из Австрии в Италию существовали только два прямые пути, мало-мальски проезжие: один через хребет Земмеринг, в восточной части цепи, другой—через хребет Бреннер, между долиною Инна и долиною Эча. Древняя римская дорога, проходившая через горы Таурисков, называемые ныне Радштедтскими Тауерами (Radstadter Tauern), соединяла равнины Дуная с Италиею, но делала очень длинный обход на хребет Понтебба и на Аквилею. Многие мильные столбы этой дороги существуют до сей поры: одни сохраняются как памятники древности, на самой дороге, другие помещены в Зальцбургском музее. В наши дни через все горные проходы, которые были посещаемы римлянами, устроены большие колесные дороги, и современные инженеры смело прокладывали пути даже через такия выемки или впадины гребня, которые открываются в поясе вечных снегов. На границах Швейцарии, между самыми вершинами массива Ортелер, они провели дорогу через хребет Стельвио (Stilfserjoch), самую возвышенную во всей Европе. Правда, первоначальное назначение этой трансальпийской дороги, построенной по приказанию венского правительства, состояло не в сближении народов, а в том, чтобы служить средством для передвижения армий. Это была по преимуществу стратегическая дорога, протянутая, словно рука, к Милану, чтобы держать его во власти Австрии; полки, спустившиеся в долину р. Эч или через Бреннерский горный проход, или через перевал Мальзер-Гайде, могли идти одновременно на Милан, через хребет Стельвио и Вальтелину, на Брешию, через хребет Тонале, и на Верону, вдоль берегов Эча. С тех пор, как Ломбардия вернулась в лоно своего итальянского отечества, дорогою через Стельвио редко пользуются, и она дурно содержится, так что ей грозит опасность быть засыпанною горными обвалами и снежными лавинами. Теперь поговаривают даже о том, чтобы заменить ее другим путем, который бы проходил западнее, в швейцарскую долину Мюнстер.

Упомянутые выше колесные дороги, земмерингская и бреннерская, в значительной степени утратили свое важное значение с того времени, как через те же проходы устроены рельсовые пути. Земмерингская железная дорога, первая, проложенная через гребень Альп, достигает всего только 881 метр, высоты; но в ту эпоху, когда была начата её постройка, это было настоящее чудо новейшей индустрии, и её путеводы и галлереи, её крутые спуски и подъемы среди скал, долин и лесов до сих пор возбуждают удивление и делают ее одним из любопытнейших произведений человеческого искусства. С 1854 г., когда первые поезды взобрались по крутизнам Земмеринга, смелость человека пошла гораздо далее и проложила рельсовый путь между самыми высокими, покрытыми вечным снегом, массивами Австрийских Альп, в проходе Бреннер, составляющем как бы ворота между Германиею и Италиею. Бреннерская железная дорога, поднимающаяся в высшей своей части на 486 метр, выше сравнительно с земмерингскою, и, несмотря на то, отличающаяся гораздо большею простотою сооружения, имеет то преимущество, что она не переходит последовательно через несколько расходящихся горных цепей, как рельсовый путь, идущий из Вены в Триест; она поднимается постепенно по северному склону Альп и затем так же постепенно спускается по противоположному скату в Италии, следуя вдоль течения рек Эйзак и Эч, по Бриксенскому ущелью (Klause или chiusa). Бреннерская линия есть одна из главных торговых артерий Европы. Ее можно сравнить с проливом, соединяющим два океана: на севере германские, на юге итальянские железные дороги приносят ей со всех сторон непрерывную волну пассажиров и груды товаров, увеличивающиеся с каждым годом. Но, рано или поздно, в самой Австрии, другие железные пути, еще не построенные, без сомнения, овладеют некоторою долею этих обширных торговых сношений. Уже железно-дорожная линия, проведенная из долины Дравы к Адриатическому заливу, через Понтебба, отвлекла значительную часть пассажирского и товарного движения, направлявшагося из Вены в Триест; оттого-то этот важнейший торговый город Адриатики всеми силами старался замедлить сооружение этой дороги, в чем и успевал много лет; Австрия решилась взять на себя исполнение соответственной доли этого предприятия только долгое время спустя после того, как Италия приступила к делу. Проведение железной дороги через проход Понтебба, сократившее расстояние от Вены до Рима

на 137 километр., то-есть на несколько часов, позволяет прямому сообщению между центральною Австриею и Италиею избегать кружного пути на Триест.



Грацъ.

Таким образом, через Австрийские Альпы проведены уже три железно-паровые линии, пересекающие их с севера на восток; но этого мало: благодаря расположению альпийских цепей в виде гряд, параллельных или расходящихся по направлению с запада на восток,

можно было также устроить железные дороги, даже без длинных туннелей и без обширных сооружений, в продольных впадинах, идущих по всему протяжению восточной системы Альп от одного конца до другого. Три линии, Земмерингская, Бреннерская и Понтафельская, ныне соединены между собою посредством железной дороги, которая тянется вдоль верхней долины Дравы и Пустерталя, между Тауерскими горами и доломитовыми Альпами. К северу от цепи Тауеров построен, в глубокой впадине, граничащей на юге с известковыми массивами, другой рельсовый путь, который тоже соединяет упомянутые три главные железно-дорожные линии, пересекающие Альпы с севера на юг. На западе от долины Инна теперь тоже существует соединительный рельсовый путь, связывающий непосредственно железно-дорожную сеть Австрии с сетью Швейцарии и Южной Франции. Он проходит под массивом Арльберг туннелем длиной 10.270 метр., пробитым на высоте 1.310 метр.; это наибольшая высота, какой до сих пор достиг альпийский туннель. Сооружение всего пути, открытого для движения с 1884 г., обошлось в 41 миллион гульденов.

Эта железная дорога не имеет стратегической важности; Швейцария, как нейтральное государство, не может угрожать территории Форарльберга, которая лежит в её географической области, а со стороны Германии всякое укрепление было бы бесполезно. Главные оборонительные сооружения находятся в другой области Альп, на итальянском склоне. Открывая доступ в горы проложением железных дорог, австрийское правительство позаботилось о том, чтобы иметь возможность запирать их, в случае надобности, посредством стен и бастионов, прибавленных к твердыням, которые построены самою природою. Еще до утраты грозного четырехугольника крепостей, защищавшего со стороны Италии доступ в долину Эча, Австрия старалась сделать совершенно неприступными для неприятельских армий все дефилеи на Альпах, и эта задача, как кажется, удовлетворительно выполнена военными инженерами. По всей границе, рельсовые пути, обыкновенные колесные дороги, даже самые дикия и крутые горные тропинки защищены искусственными укреплениями; главная система оборонительных верков находится, разумеется, в точке встречи проходов Бреннерского и Пустертальского. В этом месте, откуда расходятся большие дороги, проложенные потоками через горы, и где соединяются две главные ветви сети альпийских рельсовых путей, воздвигнуты крепость Франца (Franzensfeste) и многие другие форты, длинные стены которых, пробитые амбразурами, следуют одна за другою непрерывным рядом на вершинах скал.

Приводим высоту проходов в Австрийских Альпах, через которые проведены искусственные дороги, колесные или железные:

Колесные дороги: Стельвио—2.791 метр.; Мальзер-Гайде—1.516 метр.; Арльберг—1.797 метр.; Радштедтские Тауеры—1.738 метр.; Роттфнманские Тауеры—1.251 метр.

Железные дороги: проход Понтебба—800 метр.; Бреннер—1.348 метр.; Земмеринг—993 метр.; Тоблахерфельд (Пустерталь)—1.205 метр.; Арльберг—1.310 метр.

Положение больших городов на Альпах, как и положение оборонительных крепостей, было ясно указано самою природою. Можно наперед сказать с полной уверенностью, что, помимо каких-нибудь чисто случайных обстоятельств, зависящих от населения или от каприза государей, главный город гористого пояса должен находиться вне больших горных груши, в одной из областей, занимающих наиболее благоприятное положение в отношении пространства и плодородия равнин, и на одной из главных дорог, соединяющих столицу империи с морем. И действительно, Грац, столица Штирии, единственный большой город во всех австрийских Альпах, лежит к востоку от высоких гор, в том месте, где река Мур начинает извиваться по равнинам, и почти на половине шоссейной и железных дорог, которые соединяют Вену с Триестом, главным портом Адриатики. Кроме того, этот город находится в соседстве с различными рудниками, что много способствовало развитию его промышленности и увеличению его населения многочисленными переселенцами из окрестных деревень. При том же Грац, город славянского происхождения, отличается красотою местоположения и различными удобствами общественной жизни: древние укрепления его срыты и заменены прекрасными бульварами неравной ширины, которые соединяются с большим городским

садом (Stadtpark), раскинутым у подошвы живописного холма, где прежде возвышалась цитадель. С верхней террасы виден, как на ладони, весь старый город, соединенный четырьмя мостами с кварталами левого берега и отделенный от предместий полукругом лужаек и больших деревьев; река, съуженная между набережными, расширяется за городом, извиваясь среди равнин, между рядами тополей, окаймляющих её берега: горизонт везде ограничен прекрасными лесистыми горами, усеянными замками, виллами, эрмитажами, куда жители Граца летом ходят на прогулку. Множество отставных австрийских чиновников переселились в Грац на постоянное жительство, привлеченные существовавшею здесь прежде дешевизною съестных припасов и предметов первой необходимости; с другой стороны, люди, занимающиеся науками, тоже находят в этом городе большие удобства, которые доставляют им пользование библиотеками и различными коллекциями университета, физиологического института и иоанновского лицея (Joanneum).

За исключением Марбурга, где Триетская железная дорога пересекает Драву, и откуда выходит рельсовый путь, направляющийся через Каринтию и долину Пуштерталь, Штирия не имеет ни одного значительного города; в ней есть только маленькие городки и местечки. Из этих городов наиболее замечательны: Цилли, близ южной границы Крайны, при Триестской линии, на месте древнего города Celleia, следы которого находят на пространстве многих километров; Брук—в верхнем бассейне реки Мур, один из самых красивых по местоположению городов Австрии и место разветвления двух железнодорожных линий; Леобен, горнозаводский город, прославившийся в истории тем, что в нем были заключены предварительные условия кампо-формийского мира, подписанного в 1797 г.; Фордернберг, известный в торговом мире своим превосходным чугуном, который выделывается из железной руды, получаемой с Рудной горы (Эрцберг); Эйзенерц, где обработывается железная руда, добываемая из нижних пластов той же горной массы; Роттенман, тоже горнозаводский город, в окрестностях которого находится знаменитый монастырь Адмонд (ad montes, «подле гор»), с богатою библиотекою, состоящею из чрезвычайно ценных книг, которая едва не погибла во время пожара 1865 г.; Аусзее, между двумя озерами верхней Траун, один из курортов, наиболее посещаемый венцами в летнее время. Город Юденбург (буквально «еврейский замок») получил такое странное название, может быть, просто по созвучию слов, так как в древности он назывался Idunum; однако, история повествует об избиении, которому однажды подвергались здесь евреи, и многочисленные статуэтки, картины, повешенные на домах, до сих пор напоминают об этом кровавом деле, которое жители еще недавно считали правом на славу их хорошенького городка, окрашенного в белый и розовый цвета, и живописно расположенного на зеленеющем холме между двух гор, покрытых лесом.

В Каринтии нет городов в собственном смысле, кроме главного города Клагенфурта, лежащего вблизи Дравы и озера Верт (Worth), с которым он соединен судоходным каналом. Прежний главный пункт этой области, Санкт-Витт, окруженный старыми замками, стоящими на выступах гор, есть простое местечко, обогатившееся торговлею железом. Из других населенных мест Каринтии заслуживают внимания: Фельдкирхен; большая деревня Блейберг, главный складочный пункт свинцовой руды, добываемой в крае; Гиттенберг, группа горных заводов у подошвы другой рудной горы, почти столь же богатой железною рудою, как и штирийская Эрцберг; Виллах, лежащий при разветвлении железной дороги в Италию через хребет Понтебба, одна из важных станций в торговой железнодорожной сети Европы. Виллах замечателен также как крайний западный город в Альпах, до которого доходили турки во время своих нашествий в пятнадцатом столетии.

После Граца, самый многолюдный город в немецких Альпах—Зальцбург: это вместе с тем самый оригинальный и один из самых красивых городов во всех немецких землях. Древний Juvavum, богатый еще римскими древностями, занимает превосходное географическое положение на Зальцахе, при входе этой реки в большую баварскую равнину и близ её слияния с рекою Залах; здесь сходятся все дороги, которые идут через Галлейнское ущелье, в продольную впадину Альп, образуемую областью Пинцгау, или верхнею долиною реки

Зальцах и возвышенною долиною Энса. Но всего более отличается Зальцбург между городами Австрии своим очаровательным, необыкновенно живописным местоположением. Он занимает узкий бассейн или котловину, окруженную со всех сторон утесами и холмами, на которых высятся каменные стены, башни, колокольни церквей, выглядывающие из-за пышной листвы больших деревьев. Эти живописные высоты, между которыми расположен город, состоят из громадных глыб конгломерата, в которых пробиты многочисленные искусственные гроты, служащие домами, капеллами, катакомбами. Внутри одного из этих холмов устроен подземный ход, соединяющий город с внешнею равниною, ибо возвышенности, окружающие Зальцбург, стоят уединенно среди равнины, словно острова на озере, а крутые скаты Альп начинаются только на расстоянии многих километров к западу и к югу от города. Входом в эту подземную галлерею служит высокий портик, который своими стенами, иссеченными вертикально в скале, и деревьями, растущими наклонно на фронтоне, напоминает вавилонские висячие сады. Как архиепископская резиденция, прелат которой долгое время был одним из могущественнейших духовных князей Германской империи, Зальцбург получил в средние века, по причине преобладания между его населением духовного элемента, прозвище «немецкого Рима»; улицы его полны религиозными памятниками, которые соединены между собою воротами и аркадами, украшенными фресками, и многие кварталы до сих пор сохранили свой прежний монастырский вид. Впрочем, путешественник находит в этом городе и другие исторические воспоминания, кроме памятников, свидетельствующих о прежнем могуществе князей церкви: здесь родился Моцарт, и на лучшей площади города красуется бронзовая статуя, изображающая великого композитора. Кроме того, Зальцбург славится своими чудными окрестностями: это один из главных сборных пунктов для посетителей Альп. Великолепнейшие озера находятся в ближайших его окрестностях; в небольшом расстоянии к югу можно видеть любопытные солеварни Галлейна и живописные ущелья, по которым протекает река Зальцах; наконец, Зальцбург важен еще как исходный пункт для многочисленной публики, отправляющейся на знаменитые гаштейнские минеральные воды (Вильдбад-Гаштейн). Город Гаштейн, лежащий у подножия группы Анкогель, в романтически дикой долине реки Ахе, образующей многочисленные водопады, есть одно из тех увеселительных мест Европы, где монархи, прогуливаясь в тени садов, решают вопросы о мире или войне.

Инсбрук, главный город Тироля, немного меньше Зальцбурга, но занимает еще более выгодное для торговли положение, в главной долине реки Инн, при соединении двух других долин и у основания подъема на хребет Бреннер, на железной дороге, соединяющей центральную Германию с Италиею. Этот тирольский город, с красивыми пестрыми домами, окрашенными в розовый, зеленый, желтый, голубой цвета, расположен в необыкновенно живописной местности, на берегу большой реки, через которую ведут два моста, постоянно дрожащих от напора быстрой воды, среди широкой плодоносной долины, обильно орошаемой, и над которою с северной стороны возвышаются дикия кручи Зольштейна. В одной из инсбрукских церквей находится один из драгоценнейших художественных памятников Германии,—гробница императора Максимилиана I, украшенная барельефами и окруженная бронзовыми статуями: это одно из великих произведений искусства эпохи Возрождения. В Инсбрукском университете некоторые курсы читаются на итальянском языке.

На северном склоне Альп Тироль, кроме Инсбрука, имеет только три города: Галль, обогащаемый соляным промыслом, Швац, некогда славившийся своими серебряными рудниками, и Куфштейн, с крепостью, обращенной в государственную тюрьму (то-есть тюрьму для государственных преступников), где часто содержались мужественные защитники побежденных дел. На южном склоне, обращенном к Италии, города многочисленнее и оживленнее, чем на северном. Назовем наиболее значительные из них: Бриксен важен как станция, близ которой соединяются железные дороги бреннерская и пуштертальская. Боцен, по-итальянски Больцано, лежит недалеко от слияния рек Эйзак и Эч (по-итальянски Адидже), в бассейне, окруженном горами, живописные склоны которых представляют бесконечное разнообразие пейзажей. Тридент или Триент, город совершенно итальянский и более много-

людный, чем Инсбрук, замечателен своими старинными зданиями, между которыми жители с особенной гордостью показывают церковь, где происходили заседания знаменитого собора с 1545 по 1563 год, и где висит картина, заключающая портреты 378 католических прелатов, присутствовавших на этом соборе. Тридент, кроме того, есть исходный пункт весьма важной дороги, которая направляется к равнинам Венеции через город Левико, славящийся своими виноградниками и целебными теплыми источниками, богатыми мышьяком, и через долину Сугана, орошаемую рекою Брентою. Ровередо, по-итальянски Роверето, получивший это название от дубовых лесов, которыми он некогда был окружен, ведет обширную торговлю шелком-сырцом. Ала, пограничный городок, прежде имел значительную отрасль промышленности, именно фабрикацию бархата, которая была введена здесь генуэзскими мастерами в семнадцатом столетии. Меран, бывший главный город Тироля, лежащий в верхнем бассейне реки Эч, есть одно из тех лечебных мест, куда стекаются, для поправления здоровья, иностранцы со всех концов света: климат здесь теплее и ровнее, чем в других тирольских городах, благодаря тому, что Меран обращен на юг и защищен от холодных северных ветров горою Кюхельберг, на которой находится древний тирольский замок. Впрочем, прелестный городок Рива, на берегу Гардского озера, пользуется еще гораздо более теплым климатом; растительность там имеет более южный характер, и из многочисленных садов города открывается великолепный вид на обширную поверхность лазурных вод озера.

Средняя годовая температура: в Ровередо 11°,9; в Меране 11°,7; средняя температура июля: в Ровередо 20°,6; в Меране 19°,8; средняя температура января: в Ровередо 0°,4; в Меране 0°,3.

Провинция Форарльберг в долине Рейна имеет только деревни да маленькие городки или местечки, каковы: Блуденц и Дорнбирн, фабричные городки с бумагопрядильнями и красильными заведениями для окраски бумажных тканей; Фельдкирх и Брегенц, австрийский порт на Констанцском или Боденском озере. Но эта область, кроме того, заключает в своих пределах целое независимое государство—княжество Лихтенштейн. Эта земелька, составляющая политическую собственность одного вельможи австрийского двора, принадлежала прежде к Германскому союзу, но не вошла в состав новой Германской империи. Хотя и автономное, это государство в 159,5 кв. километров, с населением 9.434 души (1891 г.), довольно маловажно, чтобы избавить себя от такой роскоши, как содержание армии. До битвы при Садовой вооруженные силы княжества состояли из 84 человек; войско это тоже выступило было в поход и дошло уже до Инсбрука, но в это время война окончилась, и оно должно было вернуться восвояси, не стяжав славы на полях битв; за возвращением в отечество последовало разоружение войска, и с тех пор на улицах села Вадуц, столицы этого маленького государства, уже не видно было солдат, марширующих на парадах, а с 1875 г. постоянная армия окончательно упразднена в Лихтенштейне[1].

Важнейшие города в Австрийских Альпах (с цифрой населения по переписи 31 декабря 1890 г. и с указанием языка, которым говорит большинство жителей):

Грац (Штирия)—112.069 жит., немецкий; Зальцбург (Зальцбургская область)—27.244 жит., немецкий; Тридент (Тироль)—21.486 жит., итальянский; Инсбрук (Тироль)—23.320 жит., немецкий; Клагенфурт (Каринтия)—19.756 жит., немецкий; Марбург (Штирия) 19.898 жит., немецкий; Ревередо (Тироль)—9.000 жит., итальянский; Боден (Тироль)—11.744 жит., немецкий; Дорнбирн (Форарльберг)—10.678 жит., немецкий; Левико (Тироль)—5.650 жит., итальянский; Галль (Тироль)—5.763 жит., немецкий; Рива (Тироль)—6.480 жит., итальянский; Швац (Тироль)—5.880 жит., немецкий; Виллах (Каринтия)—6.000 жит., немецкий.

1 Эд. Освабрюгген, „Wanderstudien aus der Schweiz", Neue Folge, стр. 78, 79.

Глава III Придунайская Австрия

Австрия в собственном смысле обнимает только равнины, окаймляющие течение Дуная между Баварией) и Венгриею, и передние склоны гор, которые соединяются на севере с Богемским лесом (Бёмервальд) и Моравским плоскогорьем, а на юге с известковыми Альпами Зальцбурга и Штирии. Подобно тому, как название Франции, принадлежавшее сначала одной только провинции, с течением времени перешло постепенно на всю Галлию, так точно имя Австрии, означающее «Восточную границу» (Ostmark, Oesterreich), и примененное в первый раз к одной баварской мархии или марке (пограничной области) в 996 г., мало-помалу распространилось на всю совокупность стран, подвластных Габсбургскому дому. Первоначальная Австрия составляет только двадцатую часть пространства всей империи, но она занимает центральное положение на обоих берегах Дуная и заключает в себе столь счастливо расположенный город Вену, столицу австро-венгерской агломерации государств и народов. Она делится на две провинции или эрцгерцогства—Верхнюю и Нижнюю Австрию, называемые иначе «Австриею выше Энса» (ob der Enns) и «Австриею ниже Энса» (unter der Enns), по имени реки, которая отчасти составляет их общую границу.

	Пространство, кв. килом.	Население 31 дек. 1890 г., жителей.	Число жителей на 1 кв. километр
Нижняя Австрия	19.824	2.661.799	134
Верхняя Австрия	11.997	785.831	66

В общей географии континента эти две провинции Австрии не что иное, как впадина или борозда, идущая между Альпами и горами Богемии; они составляют часть, и при том самую важную, великой долины, которая тянется почти от Франции до Азии и соединяет Запад с Востоком. Река, которая течет в этой поперечной впадине материка и которая, по массе вод, не имеет себе равной в Европе, превосходя даже Волгу, зарождается, в виде скромных ручейков, в долинах Шварцвальда, и получает свое имя только при слиянии речек Бреге и Брегах, близ Донауэшингена. Вступив в равнину, эта река сопровождает Альпы, но в очень далеком расстоянии от них, потому что течение её было отодвинуто к северу громадными отложениями осадков, нанесенных в течение веков горными потоками. У Регенсбурга она встречает холмы и, огибая их основание, постепенно поворачивает на юго-восток. После соединения с Инном, Дунай покидает возвышенные равнины Баварии и проникает в занимаемую Австрией борозду, где течение его должны были регулировать посредством больших прокопов; затем, переходя из равнин в ущелья, из ущелий опять в равнины, он достигает ворот, образуемых Карпатами, откуда изливается в обширную низменность, составляющую нынешнюю Венгрию. Две трети австро-венгерской монархии находятся в бассейне Дуная.

Высота Дуная над уровнем моря, при слиянии рр. Бреге и Брегах,—677 метров; высота Дуная при выходе его из Баварии—273 метр.; высота Дуная при выходе его из Австрии—132 метра.

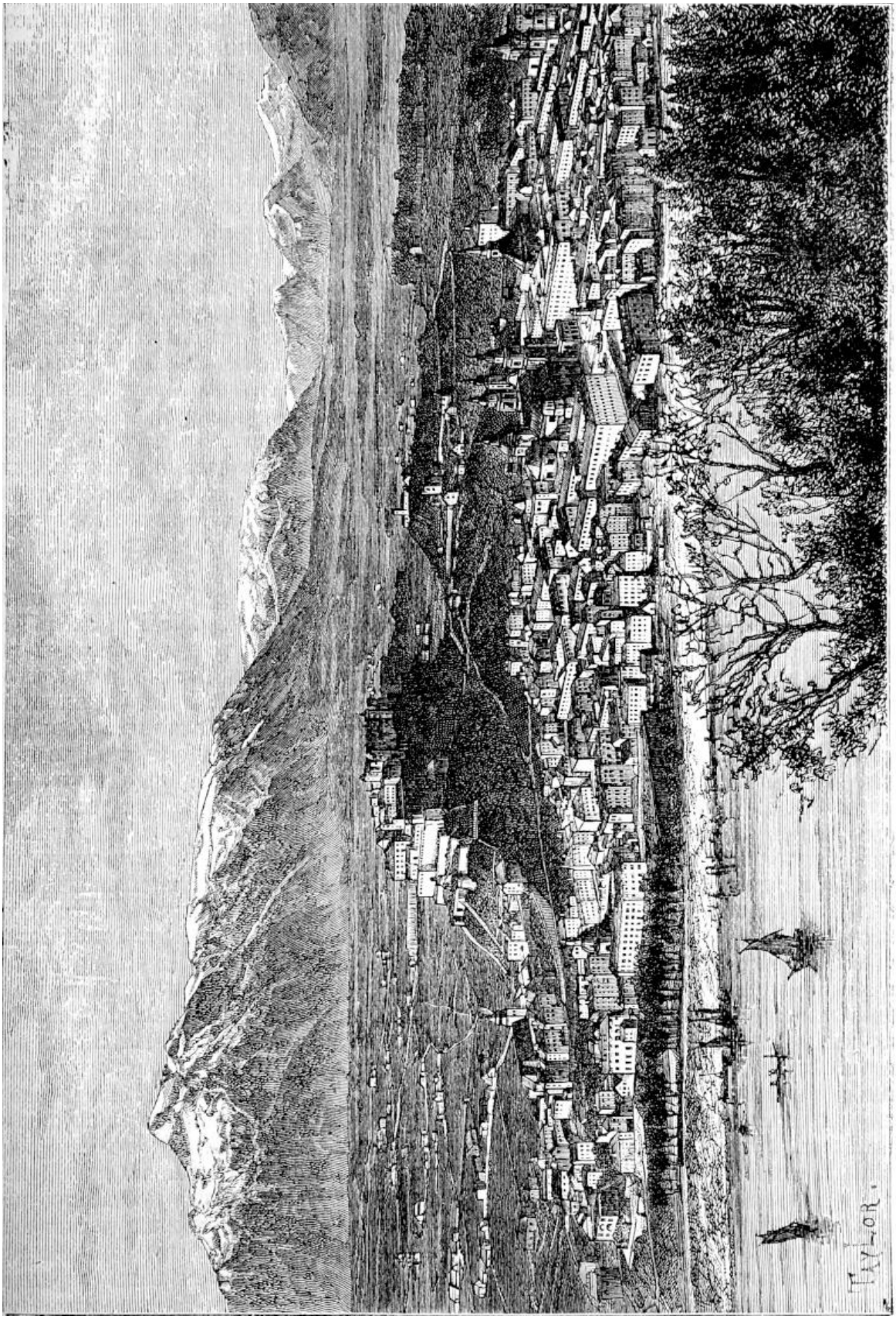
Следовательно, в целом, Австрия в собственном смысле представляет большое единство: с северной стороны плоская возвышенность, служащая основанием системы гор, известной под именем «Богемского леса», оканчивается выше Дуная крутыми утесами и высокими берегами, перерезанными в некоторых местах небольшими ручьями и незначительными речками. С южной стороны, напротив, высокие Альпы, гораздо более удаленные от главной реки, чем горы Богемии, разветвляются на параллельные отрасли, между которыми текут многоводные потоки, питаемые тающими на горах снегами до середины лета. Таким образом, правый берег Дуная представляет целей ряд прекрасных, зеленеющих долин, через которые вдали виднеются высокие горы, покрытые темным лесом или белою массою льдов и снегов.

Вообще берега Дуная нигде, кроме разве пересекаемых им далее Трансильванских Альп и восточных гор Сербии, не отличаются такою живописностью, такою красотою и разнообразием пейзажа, как в той части его течения, которая простирается от Линца до Вены. Этот

пролом или проход великой реки через горы пользуется меньшею известностью и менее посещается туристами, чем пролом Рейна, между Бингеном и Кобленцом, хотя в целом он несравненно грандиознее и живописнее последнего: склоны гор, окаймляющих течение Дуная, покрыты более густою растительностью, косогоры имеют менее однообразный вид, боковые долины многочисленнее, чем на Рейне. Разнообразные постройки, замки, висящие на остроконечных выступах скал, города, с их бесчисленными башнями разной высоты и величины, деревни, на половину скрытые за густою зеленью,—еще более увеличивают естественную красоту ландшафтов Дуная. При каждом повороте река представляет новое зрелище. В некоторых местах заключенная между крутыми утесами, остатками древнего перешейка гор, где воды медленно пробили себе канал, она съуживается до четверти своей обыкновенной ширины. Ниже Грейна Дунай вступает в теснину, заваленную камнями и загороженную островками. Воды падают каскадами с камня на камень, делятся на бешеные потоки вокруг острова, на котором стоит в развалинах древний замок Верфенштейн, и образуют быстрины, называемые Strudel. Ниже река прежде ударялась об отдельно стоящую скалу, от которой масса воды отражалась к противоположному берегу и кружилась в виде обширного водоворота. Это был один из самых опасных проходов на Дунае, и судовщики решались плыть через него не иначе, как усердно помолившись и приложившись к св. мощам. На одном из подводных камней надписи напоминали имена важных лодочников, поглощенных волнами бурной реки. Но в 1854 году эта скала, называвшаяся Гаусштейн, была взорвана вся до основания, и обломки её послужили для устройства насыпей на соседних берегах; фарватер, совершенно регулированный, не представляет теперь уже никаких препятствий для судоходства, так что самые утлые челны могут без труда переплывать это некогда столь опасное место. Утратив свой страшный характер, этот водоворот (Wirbel) перестал служить темою для народных легенд: в прежнее время рассказывали, что это бездонная пучина, воды которой продолжают будто бы течь под землею и затем снова выступают на поверхность в Венгрии, в Нейзидлерском озере.

Немного выше Кремса, старинный, полуразрушенный замок Дюрренштейн, приобревший громкую известность в истории средневекового рыцарства, как место заточения знаменитого предводителя крестоносцев, английского короля Ричарда Львиное Сердце, окружает своею каменною оградою и своими башнями маленький город, приютившийся у его подножия. Близ этого места Дунай выходит из горных теснин, разливается широкою скатертью в своей долине и делится на множество рукавов, между которыми заключаются низменные острова, называемые Auen, покрытые густою травою и поросшие ивами, осиною и тополями. Ложе реки, разветвляющееся до бесконечности, развертывается в виде бесчисленных, взаимно пересекающихся излучин, из которых одни удобны для судоходства, другие запружены песчаными мелями и постепенно переходят в болота. Старые рукава Дуная, заброшенные среди прибрежных равнин, превратились в полукруглые пруды, обросшие бесконечными камышами, где гнездятся несметные стаи диких уток, гусей, журавлей и в особенности чаек. В этих низменных, болотистых местностях, которые очень трудно поддаются человеческой культуре, характер окружающей природы напоминает до-исторические века нашей планеты; в некоторых местах земля и вода смешиваются в непроходимый хаос, который рука человека и не пыталась еще сколько-нибудь расчистить или разграничить, и дикия животные находят еще здесь наиболее подходящую для себя, самую привольную среду, не измененную никакими искусственными условиями; даже бобры, которых уже теперь не увидишь ни в какой другой части Германии, все еще живут в довольно большом числе на берегах этих излучин Дуная. Но, тем не менее, культура и приспособление почвы к обработке делают постоянные, хотя и медленные, успехи и все более и более распространяются в речной долине; многие из мертвых рукавов реки уже превращены в прекрасные луга; берега закреплены плотинами и дорогами, и вся эта работа регулирования лабиринта вод и распространения культуры мало-по-малу сообщает окружающей природе прелесть, более тихую и не менее чарующую, чем её первобытная краса, дикая и живописная. Поля этой аллювиальной (наносной) равнины—на севере в окрестностях Кремса и Штоккерау, на юге в бассейне

Тульна—отличаются необыкновенным плодородием. Гора Мангардтсберг, последний выступ Моравского плоскогорья, является в отдалении тем более прекрасною, что она составляет яркий контраст с расстилающимися перед нею роскошными нивами; но Альпы продолжают



Зальцбургъ.

выдвигать к северу свои длинные лесистые хребты, и вскоре цепь Венского леса (Wienerwald), оканчивающаяся Лысыми горами (Kahlengebirge) и снова появляющаяся на севере под именем горы Бизамберг, заставляет Дунай сделать поворот и съуживает равнину.

По другую сторону предгорий опять начинается равнина, гораздо более обширная, и образует на обоих берегах реки очень широкий бассейн, где скоплялись воды Дуная в то время, когда кряж, соединявший Альпы с Карпатами, еще не был разорван действием воды. Сама Вена, великолепная столица империи, окруженная целым роем предместий, расположена в бассейне, образовавшемся вследствие провала гор и отделящем Альпы от Карпатов[1], на берегах бывшего озера, через которое протекает Дунай бесчисленным множеством извилистых, взаимно пересекающихся, рукавов. Южная часть равнины, хотя покрытая галькою на большом пространстве, усеяна городами, деревнями, фабриками и заводами, и почти везде уже утратила свой прежний вид древнего озерного дна, суженного откосами, которые образовались из свалившихся с гор каменных обломков. На северной стороне реки, по направлению к Мораве, округ, известный под именем Мархфельда (Marchfeld), еще недавно напоминал своими странствующими дюнами, своими болотами и пустынными верещагами угрюмый и торжественный ландшафт венгерской пушты; но культура шаг за шагом завоевала эту пустынную местность и превратила ее в нивы и луга. Во время войн, наполнявших средние века, императоры Германии нарочно оставляли эту область в диком состоянии, чтобы лучше защитить свои «марки» или границы от вражеских нашествий. В самом деле, Мархфельд есть одно из главных полей битв в Европе. Эта равнина, лежащая по соседству с большою рекою, при пересечении естественных путей, направляющихся к Баварии, Богемии, Силезии, на самой границе Венгрии, была как бы предназначена самою природою служить местом сражений. И действительно, многие пункты её, деревни Ваграм, Асперн, даже в области вод реки, острова, как например Лобау, напоминают о происходивших здесь кровавых столкновениях европейских армий.

В равнинах австрийского Дуная, как и в горах Штирии и Каринтии, население далеко не такое чисто-немецкое, каким оно кажется с первого взгляда. По языку, правда, это население совершенно германское; но по племенному происхождению оно принадлежит ко многим расам. Впрочем, различия бросаются в глаза: южные немцы по большей части имеют характер более гибкий и веселый, походку и манеры более грациозные, черты лица более подвижные, форму черепа более круглую, чем немцы северные; это объясняется тем, что первые смешаны в сильной степени с другими этнографическими элементами. При первых проблесках истории мы находим на берегах Дуная населения не германские, и большинство древних названий мест, повидимому, должны быть сведены к кельтским корням[2]. В эпоху распадения римской империи страна, лежащая по среднему течению Дуная, получила название земли ругов, потом ее стали называть Гуннией и Аварией, по имени варварских орд, которые покорили этот край, прогнав германских ругов. В то же время многонаселенные колонии славян мало-по-малу овладевали почвою и дали городам, горам, рекам имена, которые по большей части сохранились и до сих пор, слегка измененные. После разрушения аварского царства Карлом Великим, история упоминает только о славянах и немцах, как о прибрежных жителях австрийского Дуная; но численное превосходство было, без сомнения, на стороне первых, так как вся страна носила название Склавинии или Эсклавонии. Что касается материального могущества, то это другое дело: дунайские славяне подверглись полному порабощению, так что их народное название сделалось в западно-европейских языках нарицательным именем всех вообще рабов.

Впоследствии страшные нашествия венгров доставили германскому элементу и численное преобладание, так как большинство колонистов, пришедших селиться на опустошенных мадьярскими ордами землях, принадлежали к племени байоваров или баварцев. Хотя франконцы, саксы и славяне тоже явились с разных сторон в опустелые области, но главный поток этого колонизационного движения исходил из баварских равнин. Пассаусские еписко-

1 Ed. Suss, „Der Boden des Stadt Wieu“.

2 Vincenz Goehlert, „Ueber keltische Ortsnamen in Nieder-Oesterreich”; „Mittheil. der Geograph. Gesellsch.“ Wien, 1869.

пы, облеченные верховною ленною властью над берегами Дуная, основали там множество монастырей, вокруг которых монахи поселили крепостных, призванных из Баварии, и между которыми набирались служители церкви. Нигде немецкое католическое духовенство не приобрело более прочного господства, как в этих придунайских землях. Большие монастыри, которые оно там построило,—например Санкт-Флориан в соседстве Линца, Мельк (Molk) на гранитной скале над Дунаем, Клостернейбург близ Вены,—представляют, по громадности размеров, настоящие дворцы, не менее обширные, чем палаты императоров. Еще недавно Санкт-Флориан имел в своем владении 787 ферм и мыз, а между тем этот монастырь считался одним из второстепенных; Клостернейбургу принадлежит значительная часть окрестностей Вены; Мельк был еще богаче, и про него рассказывают, между прочим, такой факт, что, случалось, целые армии стояли в крае по нескольку недель и все-таки не могли опорожнить огромные монастырские погреба, наполненные винами.

Под владычеством этих немецких монахов и среди всех этих баварских крестьян-переселенцев, окруживших их со всех сторон, славянские колонии мало-по-малу забыли свой язык, и самая память об их происхождении постепенно изгладилась между ними. Эти колонии не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно согласны между собою, чтобы оказать серьезное сопротивление германизации, и потому в этом случае не произошло никакого насильственного столкновения между расами. Смешение двух национальностей совершилось мирным путем, тогда как в предшествовавшую эпоху судьба народов решалась преимущественно мечем. Знаменитая песнь о Нибелунгах, германская эпопея, рассказывает, между множеством других войн, также и о битвах, которые некогда происходили на берегах Дуная.

Нужно заметить, что заселение дунайской долины совершилось главным образом на правом берегу. В Австрии, так же, как в восточной Баварии, все важные города и огромное большинство второстепенных пунктов находятся на южной стороне великой реки. Линц, Энс, Ипс, Мельк, Маутерн, Тульн, Клостернейбург, Вена следуют один за другим на правом берегу, а вследствие того на этом же берегу соединились в сеть главные пути сообщения и сосредоточилось все торговое движение. Этот факт на первый взгляд кажется тем более удивительным, что левый берег в большей степени пользуется благодетельным влиянием солнца и что природа там представляет, вообще говоря, более грандиозное зрелище, благодаря Альпам, которые рисуются на далеком горизонте. Но эти выгоды не могли перевесить того важного преимущества правого берега, что на нем находятся широкия и плодоносные долины, идущие между параллельными цепями гор и холмов новейшего образования. В самом деле, Дунай составляет почти точную геологическую границу во всей части своего течения, заключающейся выше Нижней Австрии. Он касается левым своим берегом древнейших горных пород:—в Баварии—юрских формаций, в Австрии—пластов гранита, тогда как на юге тянутся миоценовые или даже еще более новые образования. Удобный для земледелия пояс северного берега, над которым господствуют крутые гранитные утесы, слишком узок для того, чтобы население могло сосредоточиться там значительными группами. На этой стороне Кремс есть единственный город, имеющий действительно важное значение, которым он обязан своему положению на верхней оконечности широкого бассейна, с удобною для культуры почвою, ибо, начиная от этого места, пояс третичных формаций, залегающих на правом берегу, переходит также и на северную сторону реки.

Положение каждого города в частности тоже объясняется условиями окружающей его географической среды. Линц, главный город Верхней Австрии, занимает на берегу Дуная именно то место, где оканчиваются дороги, идущие одна из Зальцбурга, через долину р. Траун, другая из Богемии, через бреши, открывающиеся между горами Богемского леса и Моравскою плоскою возвышенностью. Направление поперечного к реке пути, образуемого этими двумя дорогами, так ясно обозначено самою природою, что этим путем пользовались во все времена, и немцы построили на нем свою первую железно-дорожную линию. Линц, расположенный в точке пересечения этой линии и Дуная, сделался, таким образом, естествен-

ным складом соли, добываемой в Зальцбургском округе, а также леса и других продуктов, привозимых из Богемии. Вместе со своим предместьем Урфар, лежащим на левом берегу Дуная, Линц есть один из самых многолюдных и наиболее торговых между второстепенными городами Австро-Венгрии.

Особенно ярким примером того могущественного влияния, какое оказывает географическое положение места на его политическую судьбу, служит Вена, столица империи Габсбургов. В римскую эпоху этот город, называвшийся Виндобона (Vindobona), основание которого, как полагают, должно быть приписано скорее галлам, чем римлянам, был занимаем римским легионом (legio XIII gemina), а к концу Западной Римской империи служил местом стоянки для эскадры дунайского флота. Он, впрочем, не имел такого важного значения, как Лауриакум (Лорх), стоявший при слиянии Энса и Дуная; это объясняется тем, что римляне господствовали над своими провинциями в Паннонии через горные проходы Тироля, и что их главная военная станция естественно должна была находиться при выходе альпийских долин, по которым следовали их армии. Однако, другая римская колония, Карнунтум (Carnuntum), лежавшая в небольшом расстоянии от Вены, ниже по Дунаю, там, где ныне находится деревня Петронель, близ Гайнбурга, доказывает, что итальянские завоеватели очень хорошо понимали стратегическую важность этого бассейна: в этом месте они устроили пловучий мост, который открывал им торговые тракты Балтики. Впоследствии, когда Венецианский залив сделался главною дорогою, соединяющею Италию с Дунаем, Вена тотчас же заняла одно из самых видных мест между могущественными городами. Естественный путь, направляющийся от Адриатики к Дунаю, проходя по восточной стороне высоких Альп, через долину реки Мур, встречается в этом городе с дорогами, идущими от Северного и Балтийского морей и спускающимися с возвышенностей Богемии и Силезии по долине реки Моравы или Марх; следовательно, здесь лежит один из главных пунктов пересечения дорог, если не самый главный, всего европейского континента. К этим чисто-географическим выгодам положения прежде присоединялось, для Вены, еще то преимущество, что она находилась у самых ворот Востока, который начинался в первых становищах турок, часто выдвигавшихся далеко на венгерскую территорию. Вена была, следовательно, с этой стороны передовым оплотом Германии и всей Западной Европы; как в человеческом теле органы постепенно укрепляются и приобретают большую силу от постоянного упражнения, так и в великом организме Европы жизнь естественно должна была направляться усиленною струею к городу, на долю которого выпала задача вести всякого рода сношения с восточным миром. Правда, в периоды борьбы и нашествий промежуточные рынки торговли с Востоком поднимались выше по Дунаю, к Энсу, Пассау, особенно к Регенсбургу; но, с восстановлением мира, Вена опять становилась средоточием торговой деятельности. Опасности, которым подвергался этот город со стороны турок, часто грозили уничтожить все выгоды его географического положения, но зато эти же самые опасности способствовали увеличению славы, которою он пользовался в западном мире: Вена сделалась, так сказать, священным городом Европы. Это был главный стан христианства в вековой борьбе его с мусульманами. Две осады, которые Вена выдержала, в 1529 и 1683 годах, и из которых она вышла торжествующею благодаря подоспевшим на помощь армиям, приведенным в первый раз императором Карлом V, во второй—польским королем Яном Собеским, принадлежат к числу великих событий в истории Европы.

С тех пор, как венгры, валахи и турки вошли в семью европейских народов, или в так-называемый «европейский концерт», Вена, перестав быть одним из пограничных городов цивилизованной Европы, приобрела другое, не менее драгоценное преимущество: она сделалась одним из её центров. Многочисленные пути сообщения, расходящиеся во все стороны, как спицы громадного колеса, делают этот город одним из главных сборных пунктов для путешественников и одним из важнейших складочных мест для торговых сношений; число собственно посетителей превышает 160.000 в год, а движение железнодорожное простиралось в 1880 г. до 8 с половиной миллионов пассажиров и 4 с половиной миллионов тонн грузов; летом среднее число приходящих и отходящих поездов на венских станциях 780 в

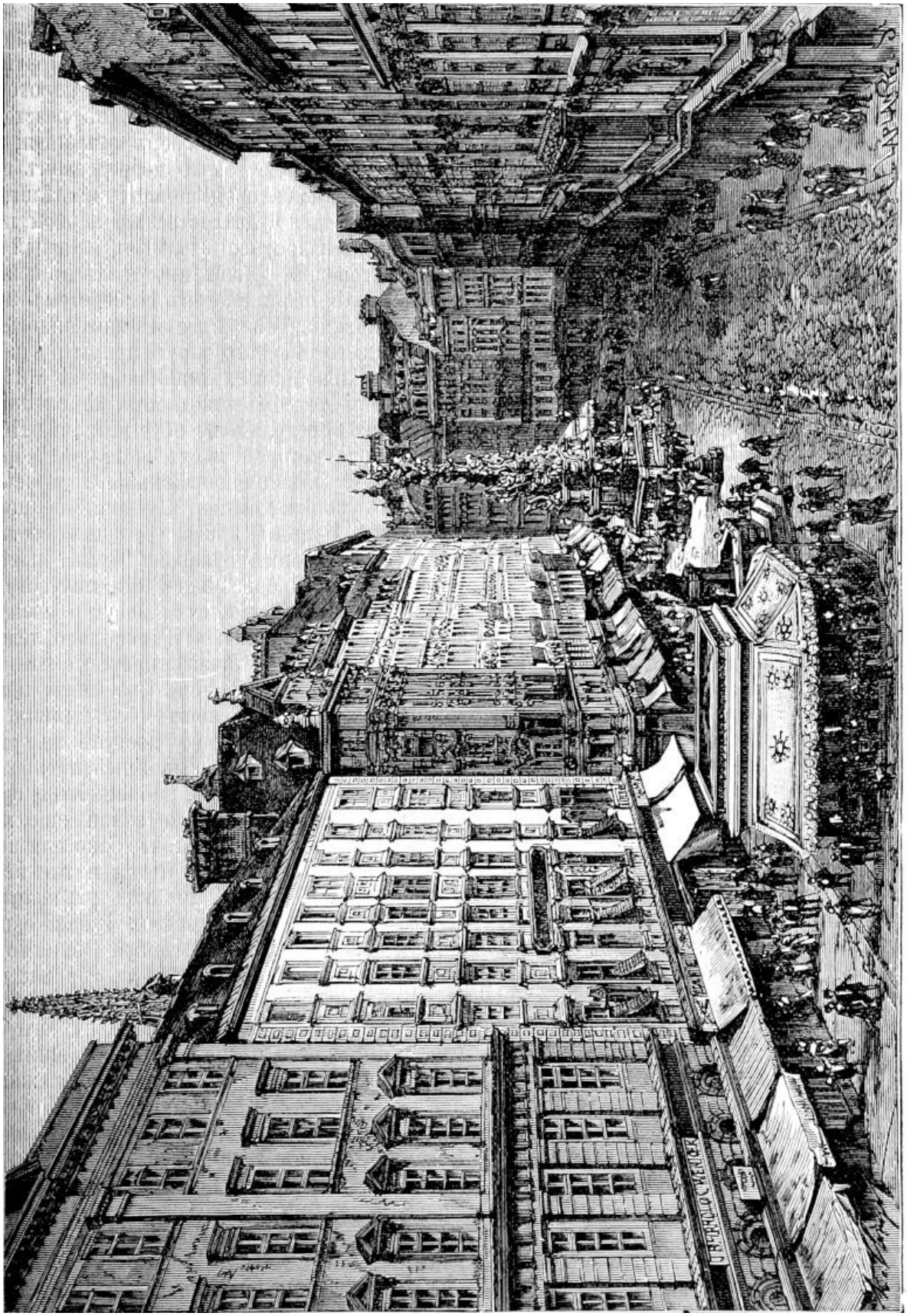
день. Кроме того, Дунай, естественный путь обмена, много способствует оживлению торговой деятельности венского рынка, хотя важность этого пути уменьшали прежде таможенные тарифы, а теперь уменьшает конкурренция железных дорог. Число судов всякого рода, приходящих ежегодно в венскую гавань, простирается до двадцати слишком тысяч, а общий груз их, состоящий из тяжелых продуктов и товаров, составляет более полумиллиона тонн. А между тем Вена, с её полуторамиллионным населением, переживает еще, так сказать, только зарю своей судьбы, и ей предстоит еще более блестящая будущность. Когда Бешт, как называют столицу Австрии на Востоке (Becs по-венгерски), будет соединена с Константинополем, с Малою Азиею и с Индиею сетью железных дорог; когда она будет иметь удобное сообщение со всеми концами Европы,—она несомненно сделается центральным пунктом континента и вполне будет заслуживать название «всемирного города», Weltstadt, которое ей дали преждевременно, как одной из столиц мира.

Вена не только один из важнейших городов Европы, один из тех городов, которые растут с наибольшею быстротою,—это вместе с тем одна из самых пышных и самых красивых столиц нашей части света. Она лежит на одном из побочных рукавов Дуная, при впадении в него реки Вены, в небольшом расстоянии от главного рукава реки, и необозримая масса её домов и улиц раскинулась у восточного подножия холмов, которые поднимаются волнообразно один за другим на всем пространстве до высоких гор Винервальда. В ней много великолепных и колоссальных памятников архитектуры, которые издалека бросаются в глаза своими высокими башнями и блестящими куполами; в самом центре города возвышается кафедральный собор св. Стефана, одна из самых изящных готических церквей во всей Европе; шпиль её имеет 138 метров высоты. Пышный храм Спасителя или «Votivkirche» (построенный в память избавления императора Франца-Иосифа в 1853 г. от опасности, грозившей его жизни), необыкновенно красивый памятник ново-готического стиля, находится на западной стороне старого города, в квартале, который скоро сделается настоящими центром столицы, когда все его здания будут окончены постройкою; там группируются биржа, новый университет, городская ратуша и много других грандиозных зданий. Дворцы, воздвигнутые по сторонам новых бульваров, тоже составляют украшение Вены, как и многочисленные статуи величественного вида, стоящие на площадях. От бывшего здания всемирной выставки 1873 г. сохранили центральное строение, увенчанное исполинским куполом, который, по громадности размеров, не имеет равного себе во всем свете. Под этим обширным сводом (окружность его равна 350 метров), возведенным по плану инженера Скотта Росселя, колоссальные куполы соборов св. Петра в Риме и св. Павла в Лондоне, в два или три раза меньшие, имели бы очень скромный вид; но, конечно, размеры еще не составляют красоты.

Вообще, большие здания Вены, отели и дворцы, отличаются несколько массивною, но благородною и величественною архитектурою, и представляются в очень выгодном свете, благодаря площадям, широким аллеям или садам, которые им предшествуют. Общее расположение города—одно из самых счастливых. Старые укрепления, рвы и гласисы, окружающие середину столицы, то-есть первоначальный город, частью превращены в кольцеобразный пояс бульваров, называемый Ринг (кольцо) или Рингштрассе (кольцеобразная улица). Внешний город тоже будет скоро окружен наружным бульваром (уже начатым на некоторых пунктах), который заменит собою старую городскую стену или так называемые Линии, построенные в 1704 году с целью воспрепятствовать проникновению в город свирепствовавшей в то время чумы[1]. Улицы, пересекающие этот внешний город, расходятся в виде радиусов к окрестным полям и к обширным предместьям или форштадтам, которые живописно поднимаются амфитеатром по склонам холмов, окружающих Вену. На месте старых крепостных валов раскинулись огромные парки и общественные сады, так называемый «Народный сад» (Volksgarten), «Дворцовый сад» (Hofgarten), «Городской парк», Пратер, который занимает большую часть острова, заключающегося между венским рукавом Дуная и главным (ныне спрямленным) руслом этой реки, где и находятся главные увеселительные

1 Ed. Suss, „Der Boden der Stadt Wien“, стр. 93.

места столицы, так обширен, что леса его, наиболее удаленные от центра города, представляют еще зрелище первобытной природы, не измененной искусством человека. В северной части города заслуживают внимания прекрасный парк Аугартен. Наконец, на соседних го-



Вѣна: Грабенъ.

рах Вена имеет еще большие леса, такие, какие существовали в средние века, когда лес занимал все её окрестности, до самого Грабена (ров), который теперь превратился в одну из великолепнейших улиц столицы. На этом блестящем проспекте подле одного из домов до

сих пор сохранился ствол лиственницы (Stock im Eisen), весь усаженный гвоздями,—свидетельство древнего почитания деревьев. Прекрасный парк Тиргартен раскинулся по склонам гор, за густыми буковыми аллеями Шенбрунского дворца и за павильоном Марии-Терезии, изящная колоннада которого отчетливо вырисовывается на горизонте. Шенбрунн почти уже слился с быстро разростающимся городом; рядом с ним, к западу, лежит предместье Гицинг, «прекраснейшая деревня Австрии», которое сплошь состоит из хорошеньких вилл и дач. На юге замок Лаксенбург, с его прекрасными тенистыми рощами и живописными строениями, еще отделен от города широким поясом полей и несколькими цепями холмов, из которых одна носит название Венской горы (Wienerberg).

В последнее время Вена достигла весьма важного результата в деле ассенизации города, проведя издалека чистую ключевую воду; теперь источники, вытекающие прямо из Альп, бьют высокою струею в её фонтанах, пенятся в бассейнах её площадей и заменяют воду колодцев, которые питались инфильтрациями Дуная, или даже водосточных труб и кладбищ[1]. Речка Вена, которую рано или поздно придется из приличия засыпать, как засыпали уже ручьи Веринггербах, Альзербах и Оттакрингербах, зимою несет мутные потоки дождевой воды, а летом наполняется сточными водами, которые изобилуют инфузориями и всякого рода разлагающимися веществами[2], и на поверхности покрыты плесенью; но теперь место её заступила другая река, заключенная в водопроводе, длиною около 90 километров, и черпающая свои воды на склонах Снежной горы (Шнееберг). Эта искусственная река дает от 3 до 10 кубических метров воды в секунду, что, разумеется, еще очень мало для утоления жажды и поддержания опрятности в городе с миллионным населением; но рано или поздно к главному водопроводу, без сомнения, будут присоединены и другие отдаленные источники, тоже принадлежащие венскому городскому обществу. Между этими источниками особенно замечателен, с гидрологической точки зрения, ручей Альта. Прежде это был перемежающийся источник, в роде Воклюзского, выходивший из одной пещеры в известковых горах; он то бежал обильным потоком через порог пещеры, то медленно струился между трещинами скал, а иногда даже совсем переставал течь. Подземная галлерея, пробитая на более низком уровне, превратила этот ручей в постоянный поток. Теперь известно, что так называемое «Каменное поле» (Steinfeld), в окрестностях Венского Нейштадта, есть обширный естественный фильтрационный бассейн, где дождевые воды очищаются, просачиваясь между камнями, и затем, по другую сторону холмов, снова выходят на поверхность в виде источника Альта.

Едва только окончено было дело снесения древней городской ограды и превращения старых укреплений в бульвары и улицы, как Вена приступила к другой, еще более важной работе, которая будет иметь необходимым следствием перемещение центра её торговой деятельности. Замечательно, что, будучи расположена в непосредственном соседстве с такою большою рекою, Вена, так сказать, повернулась спиною к Дунаю; только некоторые бедные кварталы придвинулись ближе к его берегу. Недостаток связности почвы, постоянно меняющийся лабиринт мертвых рукавов, прудов, извилистых протоков удерживали собственно город в расстоянии (среднем) 2-х километров от реки; он соединялся с нею только посредством естественного канала, прочищенного и сделанного доступным для судоходства в первой половине восемнадцатого столетия; главный или «императорский» рукав протекал в извилистом русле, окаймленном по берегам лесами и болотами. Теперь все это изменилось. На севере всего венского округа прорыто для Дуная правильное ложе, шириною около 300 метров, а с поясом наводнения, оставленным на левом берегу, более 600 метров. Новая река, вдоль которой идет железная дорога, обведена крепкими набережными, построенными выше уровня разлива, и через нее проведено пять мостов; кроме того, при соединении её с венским рукавом Дуная вырыта, в оконечности образуемого ими полуострова, обширная гавань, где суда могут безопасно зимовать, защищенные от весеннего ледохода. В этот новый канал, прорытие которого стоило около 50 миллионов франков, теперь изливаются все воды, преж-

1 E. Suss, „Der Boden der Stadt Wien“, стр. 255, 256

2 „Das Wasser in und um Wien”, проф. Унгер и пр., 1860 г.

де блуждавшие, которые заграждали городу доступ к реке; старый Дунай, частью засыпанный, превратился в полукруглое озеро, заброшенное среди полей. Новоприобретенные земли еще мало заселены; но нет сомнения, что рано или поздно столица Австрии разростется и в этом направлении. Теперь возникают два квартала или два города по обе стороны Дуная: один, на правом берегу, будет новая Вена, не менее деятельная и пышная, чем старая; другой, который уже называют «Дунайским городом», Donaustadt, хотя положение его еще едва обозначалось несколькими большими домами, будет построен вдоль набережных левого берега и сделается, по своим обширным складам товаров, торговым рынком Богемии, Моравии, всей северной Австрии. Вообще на континенте Европы мало найдется городов, которые бы могли сравниться с Веною по удобству доступа с разных сторон.

Хотя население провинций собственно Австрии, кроме Вены, состоит почти исключительно из жителей, говорящих немецким языком, однако толпы, движущиеся по улицам и площадям столицы Габсбургов, представляют все расы и национальности Австро-Венгрии и в меньшем размере все племена греческого Востока: уже в 1856 году более половины венцев принадлежали к иностранным фамилиям. Чехи составляют огромное большинство между иноплеменниками: из пяти жителей, которых встречаешь на улицах Вены, один наверно уроженец Богемии. Мадьяры тоже очень многочисленны, что объясняется близостью их родины, голубоватые холмы которой они могут ясно различать на горизонте. Далее, словаки,— по большей части землекопы,—сербы, румыны, греки, армяне, даже цинцары или молдо-валахи из Греции и Турции являются сотнями и тысячами искать счастья в громадном городе; но из всех этих рас всего быстрее распложается еврейское племя. Представители этого племени играют главную роль во всех банковых операциях, во всех финансовых спекуляциях, и посредством прессы, которая почти вся состоит у них на жалованьи, они управляют в значительной степени миром политики, так же, как и миром коммерческих дел.

Вена издавна славится в Германии и во всем свете как город удовольствий: веселость её пиршеств и празднеств вошла в пословицу; нигде толпы не имеют более радостного вида, нигде масса не умеет лучше веселиться и придумывать себе развлечение; общественные сады и парки в те дни, когда прекращаются обычные занятия, становятся огромным местом балов и всякого рода увеселений. Несмотря на то, Вена есть также город обширной и кипучей промышленной деятельности. Уже в баснословные времена она славилась своими искусными ремесленниками, доказательством чего служит, между прочим, тот факт, что здесь была заказана брачная одежда, в которую должен был облечься Аттила, получив руку Кримгильды; ныне же Вена, более чем когда-либо, является главным мануфактурным центром Австро-Венгрии: около десятой части произведений, фабрикуемых на всем пространстве империи, выходит из её мастерских. Между различными отраслями промышленности, процветающими в австрийской столице, особенно замечательны: фабрикация шелковых материй, производство экипажей, мебели, локомотивов и машин всякого рода, фортепиано и других музыкальных инструментов, компасов, математических и физических аппаратов. Венская государственная типография есть первое заведение этого рода в Европе, по обширности размеров и по богатству шрифтов всякого рода. Венские мастера отличаются необыкновенным искусством в выделке мелких предметов роскоши и галантерейных вещей; они очень искусны в сообщении глянца обоям и материям, в вытачивании разных вещей из дерева и слоновой кости, в гофрировке (набивке узоров) кожи, в наведении черни на серебре, в приготовлении накладных металлических изделий. «Венский товар» хотя и уступает парижскому article в отношении изящества, формы и художественного подбора цветов и оттенков, но зато он, может быть, превосходит его блеском и прочностью.

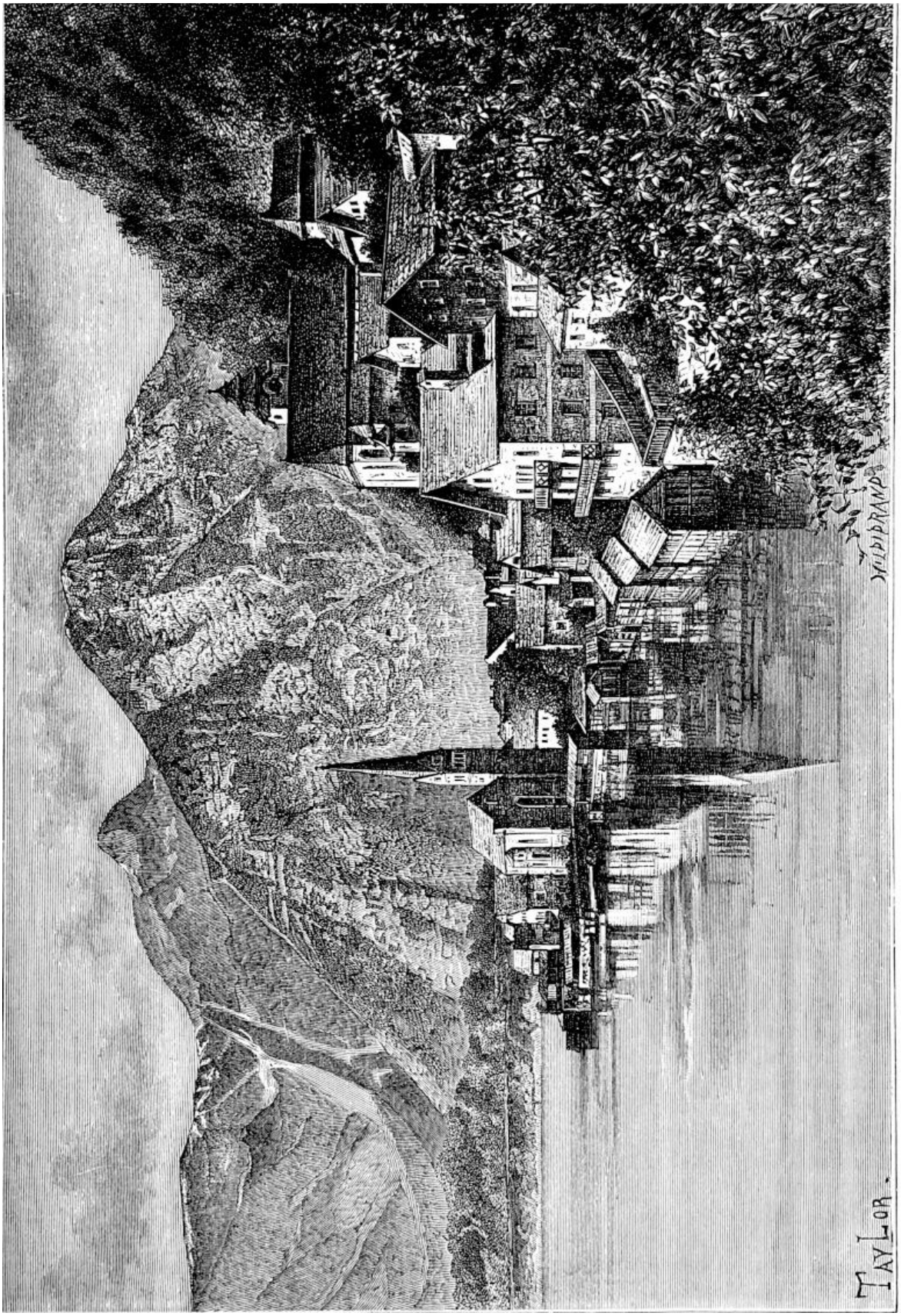
В недавнем прошлом Вена, столь деятельная в области материальных интересов на поприще промышленности и торговли, была, как говорят, очень ленива в сфере интеллектуальной жизни. Потребность мыслить была мало развита среди венского общества; люди науки, серьезные писатели, поэты были редки; Вена не могла похвалиться великими именами, кроме имен своих музыкальных знаменитостей: это родина Шуберта; Гайдн родился в сосед-

стве с Веною; Моцарт и Бетховен избрали этот город своим постоянным местопребыванием. Некоторые авторы, пораженные этим относительных бесплодием Австрии по части науки и литературы, думали, что винить в этом нужно неблагоприятные климатические условия; они утверждали, что климат Вены[1], почти южный, хотя очень не постоянный, и теплые ветры, проникающие с Адриатического моря через невысокие бреши в системе восточных Альп, действуют расслабляющим образом на венцев и делают их неспособными к серьезной мысли, располагая их в то же время к чувственным наслаждениям и грубому сладострастию. Но это была клевета на климат. С той поры как австрийская администрация, под давлением новых идей и событий современной истории, нашлась вынужденною ослабить «отеческую» заботливость, которою она так усердно окружала свой народ, общественный дух быстро оживился, деятельность научная и литературная приняла широкие размеры и достигла больших успехов. Многочисленные ученые общества, существующие ныне в столице Австрии, издают свои очень полезные труды, между которыми особенно заслуживают внимания работы и исследования, имеющие предметом изучение земного шара. Между лучшими географическими картами, то-есть такими, которые соединяют в себе наибольшую точность съемки с самым художественным и самым тщательным исполнением, австрийские карты занимают почетное место. Учебные заведения Вены, по важности, могут смело поспорить с общественными школами её северной соперницы, которая сама себя называет «городом интеллигенции», Intelligenzstadt. Венский университет, который в центральной Европе, по древности основания, уступает только Пражскому и Краковскому, есть первый в Германии по числу слушателей, после Берлинского; около четырех тысяч студентов стекается сюда из всех стран Австрии и из соседних государств. Вена есть также один из первых городов Европы по богатству своих коллекций, которые заключают массу сокровищ, представляющих высокий интерес для ученого и художника. Музей, который теперь помещается в Бельведерском дворце, не переставал обогащаться со времени царствования императора Максимилиана I и содержит произведения почти всех великих мастеров: Веронез, Тинторет, Тициан, Фра-Бартоломео, Веласкец, Рембрандт, Теньер, Рюйсдаль, Ван-Дик, Рубенс, Альбрехт Дюрер представлены в этом музее ценными картинами их кисти. Кроме этого музея, в Вене есть много богатых картинных галлерей, принадлежащих частным лицам; далее, великолепное собрание произведений живописи, называемое Albertina, по имени эрцгерцога Альбрехта, и содержащее более 200.000 гравюр и около 15.000 оригинальных рисунков знаменитых художников; затем музей антиков, замечательный своими резными камнями, камеями, бронзами; многие другие музеи древностей, старинных монет, предметов естественной истории и, наконец, большие и богатые книгохранилища. Все эти музеи и коллекции делают Вену одним из тех городов, которые надолго удерживают в своих стенах иностранца, желающего ознакомиться с драгоценнейшими сокровищами цивилизованного мира. В императорской библиотеке, которая скоро будет иметь миллион томов, находится, между многими другими богатствами, картами, рукописями, инкунабулами, редкими книгами, знаменитая «таблица» Пейтингера, которая дала возможность Маннерту, а затем, в гораздо более полном виде, Эрнесту Дежардену восстановить географию римских провинций.

Кроме многочисленных венских предместий, лежащих за чертою бывших «линий», почти все важнейшие города и местечки собственно так-называемой Австрии зависят в своем развитии от Вены и увеличиваются пропорционально её расширению. Таков прелестный городок Баден, лежащий в небольшой живописной долине, у восточного подножия Венского леса, и замечательный своими минеральными водами, которые в летнее время посещаются тысячами венцев; таково, далее на юг, местечко Феслау, окруженное холмами, которые дают лучший виноград во всей немецкой Австрии. У подошвы Альп Земмеринга, в равнине «Каменного поля» (Steinfeld), которое теперь покрыто лугами, сосновыми лесами, полями, огородами, приютился очень промышленный город Винер-Нейштадт, окрестности которого усеяны фабриками и заводами всякого рода, работающими для венского рынка; этот город

1 Средняя температура года 9°; января, самого холодного месяца, 1°, июля, самого теплого месяца, 29°.

окружен также большими имениями, из которых одно, называемое Фрошдорф, приобрело известность, благодаря пребыванию в ней принца, который с титулом помещика этой австрийской деревни соединял титул «короля Франции». Города Гайнбург и Брук на Лейте



Гальштадтъ.

тоже зависят от Вены, как её передовые таможенные посты,—один на Дунае, другой при железной дороге, идущей в Буда-Пешт. Точно также, на северо-западе, Клостернейбург на правом, Корнейбург и Штоккерау на левом берегу Дуная, быстро разрастаются, по причине

соседства их с столицею. Близ Клостернейбурга замечательная железная дорога, проведенная по наклонной плоскости, вертикальная высота которой 243 метра, идет вверх по склонам Лысой горы (Каленберг), куда в ясные дни приезжает многочисленная публика любоваться великолепною панорамою громадного города, с его бесконечными предместьями, которые тянутся далеко вдоль дорог и по течению Дуная. Но с передней части горы Леопольдсберг, которая возвышается почти над самой рекою, вид несравненно красивее и вместе с тем обширнее: с этого пункта можно обозревать, как на огромном плане, новое ложе Дуная, с его мостами и набережными, береговой пояс наводнения и все местности, образовавшиеся из прежнего лабиринта вод. Склоны Леопольдсберга и соседних холмов были исходною точкою распространения в Австрии болезни винограда, называемой phylloxera; здесь, как и во Франции, причиною появления этого бича был ввоз американской виноградной лозы[1].

За исключением пригородов или городов, принадлежащих к венскому округу, а также тех городов, которые, как например Линц и Кремс, обязаны своим благосостоянием счастливому положению, занимаемому ими на Дунае, при соединении естественных путей сообщения, в собственной Австрии находим только два независимые центра торговли и населения: Санкт-Пельтен (St. Polten), лежащий на западе от Вены и Винервальда, на реке Траузен, при пересечении мюнхенской железной дороги; и далее, в долинах Инса и Энса, местечко Вайдгофен и город Штейер, которые обогатились горнозаводскою промышленностью. Кроме того, несколько важных городков есть в области Зальцкаммергут, через которую протекает прелестная река Траун, с многочисленными водопадами. Так, здесь мы встречаем, среди великолепных горных пейзажей, Гмунден, Женеву Траунского озера; затем гораздо далее, уже в самом сердце Альп, город Ишль, с его заведениями минеральных вод, красивыми отелями и шале, куда летом стекается многочисленная публика со всех концов Германии. Еще выше в горах, на берегу другого озерного бассейна (Гальштадское озеро), приютился старинный городок Гальштадт (то-есть «Соляной город»), соляныя копи которого разрабатывались уже за две слишком тысячи лет до нашего времени; заступ нынешних солекопов нередко открывал могилы, инструменты и оружие древних кельтских рудокопов и камнеломов.

В заключение этого обзора собственно Австрии, приводим цифры населения её важнейших городов в конце 1890 г:

Вена, с её 35 предместьями, Деблинг, Гернальс и пр.,—1.364.548 жит. (1.496.000 в июле 1895 г.).

Нижняя Австрия: Винер-Нейштадт—25.040 жителей; Баден—11.263; Кремс—10.584; Санкт-Пельтен—10.906; Клостернейбург—8.988; Корнейбург—7.271; Брук-на-Лейте—4.570; Гайнбург—5.075 жителей.

Верхняя Австрия: Линц—47.685 жителей; Штейер—21.499; Гмунден—6.476; Ишль—8.473; Гальштадт—1.660 жителей.

Глава IV Адриатические провинции.

Горициа, Триест, Истрия, Далмация.

Бассейн реки Изонцо, полуостров Истрия, далматинское побережье и принадлежащие к нему острова составляют часть Австро-Венгерской монархии, хотя они лежат на противоположном склоне гор и населены другими народностями. В этих областях, обращенных к Адриатическому морю и отделенных от северных равнин широким валом Альп, немец и мадьяр являются не более, как иностранцами, а между тем они-то именно и властвуют на берегах Кварнарского залива,

1 Э. Плавшон, «Revue des Deux Mondes», 15 января 1877 г.

«Cheltalia chiude ei suoi termini bagna»[1]
(Который замыкает Италию и омывает её пределы).

Истрия, также, как весь бассейн Изонцо, входит в состав Австрии или Цислейтании, тогда как восточный берег Кварнаро, от Фиуме (река) до хребта Веллебиц или Велебит, состоит под верховною властью Венгрии. Понятно, впрочем, как важно для обоих больших дунайских государств иметь порт на Адриатике. Владея Триестом, немецкая Австрия может свободно сообщаться с остальным миром, от которого она иначе была бы совершенно отделена, и, сверх того, она имеет возможность угрожать Италии в одно и то же время посредством армий, спустившихся с альпийских горных проходов, и посредством флота, вышедшего из верфей Истрии. С своей стороны, Венгрия, проведя железную дорогу, соединяющую ее с Фиуме (Рекою), тем самым открыла себе путь к морю; эта энклава побережья Адриатики энергично оспаривается у неё славянами Хорватии.

Но побережье Далмации, удаленное от северной оконечности Адриатического моря, очевидно, не может быть полезно немцам долины Дуная в смысле облегчения их сношений и их торгового обмена с остальною частью земного шара. Из всех владений Австро-Венгерской монархии ни одно не было, до присоединения Боснии и Герцеговины, отделено таким странным образом от политического туловища империи, как эта провинция. Вообще, во всем свете нет страны, границы которой были бы проведены более нелепо, более противно законам естественной группировки и племенному сродству народов. Далмация, узкая береговая полоса, окаймляющая восточные воды Адриатики, очевидно, находится в неразрывной связи с соседними странами Фрако-Эллинского полуострова, так как она состоит из тех же формаций, орошается теми же самыми реками и населена народами одинакового происхождения. Однако, если бы ей пришлось соединиться с какою-либо другою страною, помимо славянских земель, лежащих внутри материка, то она, понятно, скорее всего связала бы свою судьбу с судьбою Италии, по причине общего моря, омывающего оба берега, по причине судоходства, постоянно поддерживающего взаимные сношения двух народов, и, наконец, по причине общности языка и нравов, явившейся у некоторых населений поморья, вследствие продолжительного торгового обмена и политических отношений. В самом деле, большая часть Далмации в течение долгого времени составляла венецианское владение, и даже республика Рагуза (Дубровник), сохранявшая политическую самостоятельность, в сильной степени испытала на себе итальянское влияние. Впоследствии игра случая и сила оружия отдала далматинское побережье в руки французов, затем оно перешло под власть австрийцев, которые и до сей поры продолжают владеть этою областью, в ожидании того времени, когда народы, сделавшись автономными, получат возможность группироваться между собою и образовать федеративные союзы по собственному желанию. Впрочем, легко понять, почему Далмация не могла сохранить свою независимость в различных перипетиях европейских войн. Славянские населения поморья, рассеянные на полосе значительного протяжения, не имели между собой достаточной материальной связи для того, чтобы во-время помогать друг другу против нападений извне; они не могли также рассчитывать на поддержку со стороны своих единоплеменников, живущих внутри материка, от которых они были отделены стеною крутых, диких гор, без всяких дорог. Бывшая Иллирийская республика Рагуза жила в постоянной тревоге, в вечном страхе за свое существование. Городские ворота отворялись только на несколько часов в продолжение дня, и из опасения, чтобы главный сановник республики не увлекся любовью к власти и не задумал какой-нибудь измены отечеству, его сменяли каждый месяц. В наши дни обе половины Австро-Венгерской монархии, Цислейтания и Транслейтания, оспаривают друг у друга право владения далматинскою территориею. Мадьяры требуют ее себе, как достояние «короны св. Стефана»; но австрийцы одержали верх, благодаря благоразумию венгерских государственных людей, которые боятся увеличивать славянский элемент в своем королевстве. Что касается далматинцев, то они желали бы видеть свою страну соединенной в «триединое королевство» с другими славянскими провинци-

1 Dante, „Inferno", canto IX.

ями монархии.

Этот спорный край есть сравнительно самый бедный во всей империи; несмотря на его значительное протяжение, несмотря на его многочисленные порты и теплый, южный климат, он менее населен, чем всякая другая страна Австро-Венгрии, за исключением области высоких Альп. Но истриотское прибрежье и территория Гориция или Герц, в бассейне реки Изонцо, принадлежат к числу многолюдных провинций: здесь население скучено большими группами по берегу моря и на прибрежных равнинах, над которыми господствуют дикия плоскогорья Карста или Карсо.

	Пространство, кв. километ.	Население 31 декабря 1890 г.	Число жител. на 1 кв. километр
Гориция (Герц) и Градиска	2.927	220.308	75
Триест, с округом	96	157.466	-
Истрия	4.951	317.610	64
Фиуме и территория	20	30.337	-
Далмация	12.863	527.426	41

К югу от Триглава (Терглу или Трикорно), который называют «границею трех рас», полуразрушенный фундамент, поддерживающий альпийские цепи, продолжается на юг и юго-восток до соединения с Шаром и другими горными группами Фрако-Эллинского полуострова; но в Истрии этот пьедестал, разрезанный на широкия плато с правильными контурами, служит теперь основанием только отдельным утесам, цепям холмов да нескольким уединенным горам, из которых особенно замечательна Нанос, или Монте-Ре (царская гора), названная так, говорят, потому, что Альбоин, король лонгобардов или ломбардов, водрузил на ней свой меч, в знак завоевания, в 568 г.[1] Это плоскогорье, которое до сей поры носит свое древнее кельтское название Карсо или Карсиа, то-есть «каменная земля» (по-хорватски Крас, по-немецки Карст), совершенно отделяет узкую береговую полосу небольших плодоносных долин, обращенных к морю, от равнин, орошаемых рекою Савою и её притоками; только одна брешь в этой каменной стене делает возможным сообщение между обоими склонами: это Nauportus Страбона, или Верхнелюблянский хребет, где сходятся дороги, идущие из Герца, Триеста, Фиуме (Реки) к Германии, через Любляну (Лайбах). Этот горный проход, который, как показывает история, уже со времен римской эпохи служил торговым трактом и военным путем, составляет на северо-востоке истинные ворота Италии, и патриоты Апеннинского полуострова не переставали требовать присоединения этой местности к их отечеству[2].

Карст, или Карсо—это плоская возвышенность, единственная в Европе по своему хаотическому виду, по странным неровностям своих изборожденных трещинами скал: хотя в углублениях её поверхности не видно следов древних ледников, но она так же усеяна каменными глыбами и грудами мелкого камня, как и долины, служившие некогда ложем глетчеров и заваленные моренами. Там и сям на этом обширном плоскогорье высятся каменные стены, неправильные обелиски и пирамиды, кучи больших камней, похожия на грубо-сделанные статуи; но почти везде остроугольные известковые массы, окруженные отвалившимися от них обломками, производят впечатление страшного беспорядка. Там, где не проведены, с огромными издержками, дороги через груды каменных развалин, ходьба очень затруднительна, а в некоторых местах совсем нельзя пройти, по причине глубоких ям, или жерл, которые открываются со всех сторон на поверхности этой каменистой пустыни и даже на скатах холмов. Эти пропасти, известные у итальянцев под именем foibe, а у словен под именем «долин» (doline), отличаются всевозможными формами и размерами: одни из них имеют правильный вид воронки, другие похожи на колодцы, с вертикально обрезанными стенками; иные иссечены в форме амфитеатра и окружены рядами ступеней; так представлял себе Дант круги ада, нисходящие в бездны земли, на подобие опрокинутой вверх основанием пирамиды. Между этими долинами есть такия маленькия, что через них легко пере-

1 Рич. Бертон, „Notes on the Castellieri of the Istrian Peninsula".

2 Томмазо Лючиани, „Dizionario corografico dell'Italia".—Амато Амати, „Confini dell'alta Italia".

скочить, и есть очень обширные, заключающие в себе большие рощи, даже леса; целые народы могли бы там поместиться, и соседния горы, брошенные в эти пучины, не наполнили бы их.

Все дождевые воды, падающие на поверхность Карста, стекают в эти ямы и пропасти, метко прозванные фриульцами inglutidores (поглощатели), и скопляются в них в виде временных луж или просачиваются через трещины скалы в подземные пещеры; но, спускаясь на дно, вода увлекает земляные частицы и остатки растений. Таким образом, в нижней части воронки отлагается небольшой слой наносной почвы: это земля, из которой жители Карста могут извлекать наибольшую пользу; на поверхности плоскогорья недостаток растительной земли, бесчисленные груды камней, ветер, дующий с страшною силою на высотах, делают земледелие почти невозможным, тогда как в углублениях поселяне находят плодородную почву, которую они могут удобно обрабатывать, даже тогда, когда над их головами бушует буря. Некоторые долины или фоибы содержат возделанные поля, окруженные со всех сторон крутыми стенами, где долго ищешь глазами тропинку, по которой могли сойти вниз волы, пашущие землю. Есть также жерла, где видны только две или три вскопанные грядки; в других посажена только одна виноградная лоза с ветвями, изогнутыми на итальянский манер, а дно пропасти все скрыто в зелени.

Как объяснить происхождение этих воронкообразных углублений, похожих на дыры всякой величины, оставляемые на поверхности шлаков пузырями газа? Естественнее всего предположить, что эти впадины образовались от действия вод и оседания известковых пластов: подобные явления провала встречаются во множестве на известковых горах, пласты которых принадлежат к тем же эпохам мелового периода, как и Карст, и при том во многих частях плоскогорья можно ясно различить, как скала обрушилась над скрытыми пропастями. Тем не менее, между современными геологами некоторые смотрят на эти расселины, как на результат обширных извержений минеральных вод, разрыхливших известковую массу. Красная земля, наполняющая все скважины и щели камня, и от которой полуостров Истрия получил название **Istria Rossa**, служит, по мнению этих геологов, доказательством действия горячих минеральных вод. Эта земля почти не содержит никаких следов органической материи, и потому можно с большою вероятностью заключить, что она образовалась в самой лаборатории глубоко лежащих слоев земной поверхности, там, где непрестанно происходят химические соединения и разложения[1].

В прежнее время плоская возвышенность Триестского Карста и Истрии была сплошь покрыта лесами: корни дубов проникали в трещины скал и извлекали из красной земли пищу, необходимую для их существования. Еще в конце прошлого столетия, при венецианском управлении, большой Монтонский лес занимал значительную часть центральной Истрии; кроме того, другие, менее важные дубравы были рассеяны на высотах, господствующих над восточною стороною Триестского залива. И теперь еще встречаются кое-где остатки этих обширных лесов, даже на Триестском Карсте, наиболее опустошенном из всех частей плоскогорья; близ деревни Томаи тянется лес на пространстве нескольких квад. километров, который местные жители прозвали «раем Карста». Во многих других местах вереск, мастиковый и терпентинный кустарник, можжевельник, ладанник переплетаются в густую, почти непроницаемую чащу и покрывают зеленью и цветами хаос камней, между которыми извиваются их корни. Замечательно, что флора Карста, хотя бедная особями, чрезвычайно богата по числу видов; в то время, как на самом прибрежье представители одного и того же вида часто занимают, как господствующее растение, обширные полосы, на плоскогорье Карст не редкость встретить пятьдесят или шестьдесят различных растений, находящихся только в одном или двух экземплярах, на пространстве каких-нибудь десяти квадратных метров: таково следствие смешения климатов, а, следовательно, и флор Германии, Италии и Хорватии[2].

В течение нынешнего столетия почти все леса были истреблены, выжжены пастухами, а

1 Марло, „Ueber die geologischen Verhaltnisse von Istrien", стр. 36, 37.

2 Маркезетти, „Prospetto della Flora Triestina".

зубы коз и овец не дали им возродиться; во многих местах Карст является теперь в страшной наготе, так что возникает вопрос, есть-ли возможность вновь развести лес в этой каменистой пустыне. Многие попытки этого рода, сделанные в эти последние годы, остались бесплодными,—одне по причине совершенного отсутствия растительной земли, которая была снесена ветром, другие, в гораздо большем числе случаев, по причине нерадивости поселян, которым было поручено дело облесения; но в некоторых местах насаждения деревъ, произведенные ботаником Муцио Томмазини и другими настойчивыми людьми, как нельзя лучше удались. На одной из самых скалистых частей Триестского Карста, близ деревни Бассовица, расположенной на самом гребне горы, у подножия которой раскинулся главный портовый город Адриатики, мы находим уже молодые сосновые леса в полном развитии, не менее прекрасные, чем старинные дубовые рощи Липницы, находящиеся недалеко оттуда, на землях, принадлежащих императорскому конскому заводу. Впрочем, для того, чтобы опять развести леса на Карсте, достаточно было бы запретить беспорядочную пастьбу скота: всякое пространство плоскогорья, даже самое каменистое, если только оно хорошо защищено от овец и коз, мало-по-малу покрывается травою, мелким кустарником, можжевельником и другими деревцами; затем, с течением времени, на нем появляется даже дуб, снова завоевывающий свое прежнее владение[1].

Таким образом, разведение лесов на Карсте оказывается возможным, так как оно уже удалось на некоторых отдельных пунктах; сосна, ясень, акация, пробковое дерево были уже насаждены и привились миллионами на каменистой земле[2]; некоторые предприимчивые люди кое-где пытались, и не без успеха, обращать бесплодную почву в пашни. Выбирая места, защищенные от ветра, и обводя их, сверх того, циклопическими стенами, они сбрасывают в какую-нибудь соседнюю пропасть тысячи камней, покрывающих землю, и мало-помалу, благодаря неустанному труду, огороженное ими место принимает вид поля. Но эти земледельческие мелиорации пока еще редки, и почти везде Карст представляет бесплодную каменистую пустыню, где самые селения похожи на безобразные скалы. Станьте на краю плоскогорья, где-нибудь на высотах Бассовицы или Ончины, и вы увидите во всей его странности поразительный контраст, образуемый очаровательным, полным жизни поясом триестинского прибрежья с угрюмою, пустынною равниною Карста. По одну сторону—лазурные воды моря, рассекаемые многочисленными судами, извилистые бухты, обрамленные рядом дворцов, роскошные виллы, окруженные рощами и садами; по другую—голый камень, без малейшего ручейка, без всяких признаков растительности. Раздельная линия отчетливо обрисовывается между зеленым цветом обращенных к морю горных скатов и рыжеватою окраскою каменистой поверхности плоскогорья.

Гребень Карста, видимый из Триеста и направляющийся с северо-запада на юго-восток, идет параллельно общей оси западной части Иллирии, и в том же направлении цепи холмов, стоящие на плато, продолжаются к стороне Хорватских гор. «Снежная гора» (Sneznica, Albio, Nevoso, Schneeberg) Карниолии может быть рассматриваема, как южная граница Триестского Карста, так как на ней берет начало река, текущая на значительном протяжении под землей и принимающая в себя воды каменистого плоскогорья. На запад от этой горы (которая заслуживает данное ей название в течение всего года, потому что на ней, в углублениях между скалами, постоянно держится снег) находится проход, который в средние века называли «воротами венгров», Porta Hungarorum, и по близости которого, к востоку, лежит плато или поле «Гробник», бывшее театром одной из великих побед древних мадьяр; теперь через этот проход проведена железная дорога. Далее, почва опять поднимается и образует кряж Кальдиера, или Монте-Маджиоре, господствующий над Истриею и заключающий между своими двумя остроконечными вершинами долину, похожую на кратер вулкана. Эта гора обращена к востоку самыми крутыми своими склонами, и глубокия воды Кварнерского залива омывают её основание, тогда как на севере и западе отрасли её пони-

1 Маркезетти, „Рукописные заметки".

2 Леоп. Мейерсбах, „Die Boden kultur auf dem Karst".

жаются постепенно к Чичской нагорной равнине и к другим, менее обширным плоскогорьям: в целом, полуостров Истрия представляет наклонную плоскость, разрезанную на правильные куски реками, текущими к Адриатическому морю.

На юге от Снежной горы плоская возвышенность, образуемая меловыми формациями, подобных тем, из которых состоит Триестский Карст, имеет такой же печальный, пустынный вид везде, где истреблены украшавшие ее некогда дубовые и сосновые леса. Эта каменистая область, которую Лоренц называет либурнским Карстом, также усеяна грудами камней, изборождена трещинами по всем направлениям, наполнена красною землею в промежутках и скважинах скал, и изрыта бесчисленными воронкообразными углублениями всякой величины: в одной из таких воронок, недалеко от Буккари, на юго-востоке от Реки (Фиуме), приютилась целая деревня, со всеми своими садами и полями. Горные кряжи, поднимающиеся на высоком фундаменте либурнского плато, тянутся в юго-восточном направлении, параллельно Адриатическому морю и далматинскому берегу. Средняя высота их около 1.200 метров. Пересекающие их колесные дороги и железно-дорожная линия, служащие средством сообщения между портами Адриатики и долиною Савы, проведены через хребты высотою от 700 до 1.000 метр., а дорога из Ябланаца в Стировачу (Stirovaca), проходящая на севере от хребта Веллебит, достигает даже высоты 1.382 метров. Различные гряды Большой и Малой Капеллы, Плешивицы, Веллебита, в западной Хорватии, нигде не достигают высоты 1.800 метр., так что, следовательно, все эти горы лежат на 1.200 метр. ниже идеальной линии постоянных снегов. Веллебит, гребень которого служит общею границею Хорватии и Далмации, приближается своими высокими вершинами к морю и оканчивается крутыми скатами; поэтому гребень его, кажущийся синеватым, фиолетовым или розовым, смотря по расстоянию и часам дня, виден издалека: это естественная граница, переход через которую очень труден, не по причине большой высоты вершин, а по причине бесчисленного множества пропастей и цирков, открывающихся в скале и отделенных друг от друга обрывистыми утесами. Многие области этого плоскогорья изрыты бесчисленными впадинами, из которых каждая заключает в себе или маленькое озеро, или поле из красной земли. Вообще, вид этих нагроможденных в беспорядке каменных масс, если мы будем обозревать их с какой-нибудь высоты, есть одно из самых странных зрелищ, какие представляет наша планета. Вершины Веллебита часто заволакиваются облаками, и оттого эта группа гор служит для далматинских моряков указателем ветров и бурь.

Прерываемая на юге от Веллебита глубокими трещинами или ущельями, в которых текут реки Церманья и Керка, далматинская цепь за этими ущельями опять поднимается, образует Динарские Альпы, названные так по имени их главной вершины, Динары, и постепенно повышается по направлению к югу, приближаясь к большой группе, называемой Черною горою или Черногорьем (Crnagora или Montenegro). Хотя береговая полоса земли, составляющая австрийскую Далмацию, постепенно съуживается с севера на юг и даже совсем прерывается в двух местах, приобревших известность по возбужденным ими дипломатическим спорам (порт Клек на севере и территория Сутторина на юге от Рагузы), однако, самая величественная гора этой области, Орьен, находится близ южной её оконечности, на север от залива Каттаро. Но далматинские горы нигде не образуют независимых массивов, они неразрывно связаны с цепями и плоскогорьями Боснии, Герцеговины и Черногории. Приводим главные высоты в адриатических провинциях:

Нанос, или Монте-Ре 1.295 метр.; Верхне-Люблянский проход 370 метр.; Опчина (Триестский Карст) 394 метр.; Снежная гора (Шнееберг) 1.796 метр.; Монте-Маджиоре 1.394 метр.; Большая Капелла (Клек) 1.643 метр.; Малая Капелла (Selski Vrh) 1.281 метр.; Веллебит (Vaganski Vrh) 1.758 метр.; Динара 1.811 метр.; Орьен 1.808 метр.

Горы хорватского побережья местами еще покрыты лесом; горы же Далмации в наши дни являются почти совершенно голыми. Во времена римского поэта Клавдиена, этот край еще заслуживал названия Dalmatia frondosa (зеленеющая Далмация), которое ему тогда давали. Когда была основана Рагуза, она получила от славян прозвище Дубровник, по причи-

не окружавших ее в то время больших дубовых лесов. Венецианцы, овладевшие впоследствии страною, все еще находили в ней достаточно леса для постройки своих флотов; в 1608 году они даже дали своему союзнику, турецкому султану, позволение вырубить на морском берегу столько корабельного леса, сколько ему потребуется для двенадцати больших линейных кораблей[1], тогда как в наши дни далматинские судостроители, для того, чтобы построить даже простую барку, принуждены выписывать нужный им лес из других мест. Чтобы объяснить исчезновение лесов, жители обвиняют в истреблении их прежних пиратов. Рассказывают, что, бывало, морские разбойники, когда заметят издали суда неприятельского флота, тотчас же поджигают большие леса на горах, для того, чтобы воздушные течения, устремившись со всех сторон в виде сильного ветра к месту громадного пожара, обратили в бегство опасные для пиратов корабли[2]. Достоверно то, что пастухи всегда были главными виновниками опустошения лесов: они, с начала прошлого столетия, превратили, по итальянскому выражению, в «царство коз» весь приморский склон либурнского Карста; они же теперь опустошают всю верхнюю часть плоскогорья, принадлежащую общинам или государству, ибо частные леса лучше охраняются. Общий убыток, причиненный истреблением лесов на Карсте в течение прошлого столетия, такой же, как если бы Австрия потеряла территорию пространством около 1.500 квадр. километр., населенную более чем миллионом жителей[3]. Когда едешь на пароходе вдоль морского берега, серые округленные горы, возвышающиеся над береговою полосою, кажутся громадными кучами пепла; на склоне, обращенном к внутренней стороне материка, горы, напротив того, еще сплошь покрыты лесом, от подошвы до вершины. Дело облесения было бы во многих местах Далмации сопряжено с меньшими затруднениями, чем на плоской возвышенности Карста, но до сей поры оно еще было предпринимаемо в очень ограниченных размерах: план, принятый для нового разведения лесов в Далмации, потребовал бы для полного своего осуществления не менее двенадцати веков.

Плоскогорья Крайни, Капеллы, Виллебита и горы Далмации составляют стратегический барьер, не только по причине материальных преград, противопоставляемых ими сообщениям, но также и по совершенному недостатку на них воды. Их известковые скалы, изборожденные по всем направлениям трещинами, изрытые бесчисленными воронками и пропастями, поглощают все дождевые воды и не позволяют ни одной капле остаться на поверхности; ручьи и речки нужно искать в недрах гор, по крайней мере там, где вода не превратилась в лед от действия токов холодного воздуха. Во всей Европе нет страны более замечательной по своей подземной гидрографии. Даже южная Франция и Юра не имеют в пещерах своих скал столько озер и пучин, стоячих колодцев и проточных вод. Водопады и пороги, слияния и бифуркации рек и ручьев, разливы, отложения наносов или известковых инкрустаций, внезапные разливы,—все эти явления, которые в других местах наблюдаются в поверхностных долинах, здесь происходят под нагорною равниною Карста, на дне мрачных подземных галлерей. Гроты, куда ниспадают ручьи; колодцы, образовавшиеся вследствие провала земли; воронки, из глубины которых доносится глухое журчание вод; наконец, складки верхних долин,—все это дает возможность изучать течение подземных рек. Спускаясь на веревках в глубокия ямы, проползая, как лисицы, из пещеры в пещеру, плавая наудачу по неведомым рекам на стволах деревьев или в челноках, Шмидль и другие исследователи изучили в подробности экономию скрытых в недрах земли вод, и уже многие части подземной гидрографической сети имеют свои карты, составленные с такою же точностью, как и карты земной поверхности.

Самая знаменитая из этих рек есть так называемая Река (Rieka) или Рекка (Recca), которая проходит внутри плоскогорья Карст, недалеко от Триеста. Она берет свое начало на Снежной горе (Sneznica) и течет, под открытым небом, на дне естественной траншеи, с

1 Генрих Ноэ, „Dalmatien und seine Inselwelt“.

2 Фортис, „Voyage en Dalmatie“.

3 И. Вессели, „Das Karstgebiet Militaer-Kroatiens und sein Rettung“.

огромными откосами; затем, дойдя до аркады, образуемой сходящимися с обеих сторон утесами, на которых расположена живописная деревня Санкт-Канциан, она вдруг исчезает, потом, в некотором расстоянии от этой деревни, опять появляется на дне одной воронки, далее снова низвергается в пропасть, в виде водопада. Отсюда начинается её подземная долина, идущая на протяжении 35 слишком километров и скрытая под сводом из скал, средняя толщина которого превышает 300 метр., как в этом удостоверились, спускаясь на дно пропасти Требиц, которая открывается над подземною рекою, как окно сточной канавы[1]. Когда Рекка снова выходит на свет Божий, недалеко от Монфальконе, усиленная всеми ручьями и речками своего подземного бассейна, она уже является в виде могучей реки, бьющей из внутренности скал тремя громадными артериями голубой воды, настолько обильными, что небольшие морские суда могут свободно плавать по каналу в 4 километра длиною, где собираются эти три источника. Это так называемые устья Тимаво (Timavo, по-латини Timavus), пользовавшиеся такою громкою славою в древнем мире. Они были воспеты Виргилием, описаны географами Помпонием Мелой, Страбоном, и на берегах их до сих пор видны остатки римских храмов, посвященных богам и нимфам. Но в настоящее время эта река, как кажется, не содержит уже такой массы воды, какую она имела в древности; она уже не вырывается из недр горы ревущим потоком, и теперь мы тщетно стали бы искать упоминаемые древними авторами девять или семь жерл, через которые она выходила на поверхность земли. Впрочем, нужно заметить, что римские писатели придавали Тимаво важность в значительной степени условную, по той причине, что он составлял естественную границу в самом углу Адриатики[2]. Черниг полагает, что Тимаво прежде усиливался частью вод р. Изонцо, течение которой было в римскую эпоху совершенно иное, чем ныне[3]. Как бы то ни было, река, о которой мы говорим, не заслуживает более имени «матери Адриатики», которое ей давали в древности; средним числом, она несет вдвое менее воды, чем Воклюзский источник, и в девять раз менее, чем Изонцо, устье которого лежит против Тимаво, по другую сторону залива, и который отложением наносов удлинняет свою дельту почти на 7 метров в год[4]. Во время больших засух Тимаво,—если вычисления, сделанные различными геологами, точны,—не мог бы снабжать город Триест достаточным количеством воды[5].

Другая Рекка, или Речина (Recina), спускается с либурнского Карста по дикому ущелью и впадает в Кварнарский залив ниже Фиуме; но в нескольких сотнях метров выше устья, масса её вод более чем удесятеряется от впадения в нее огромного источника, вытекающего из основания одной скалы многочисленными сильными ключами. Столб бьющей из земли воды тотчас же наполняет ложе Речины, равно как большие фабричные каналы, и образует западный фиумский порт (Фиумара), который, к сожалению, постепенно мелеет, вследствие отложения осадков, приносимых речным течением и отбрасываемых волнами моря: эти наносы, состоящие из кремнистого ила, исчисляются в 30.000 куб. метров в год, тогда как жидкая масса, изливающаяся в море в тот же период времени, составляет более 700 миллионов куб. метров, так что, следовательно, объем воды, протекающей в секунду, равняется $22^1/_2$ куб. метр.; температура этого исполинского фонтана—около 10° стоградусного термометра, то-есть такая же, какую имеют воды, падающие на плоскогорье на высоте 1.200 метр. Многочисленные источники этой области далматинского прибрежья все имеют подобную же низкую температуру, что служит доказательством того, что их воды, упавшие из атмосферы далеко на Карсте, постоянно текли во внутренности гор. Некоторые из этих естественных фонтанов пробиваются через песок и гальки на уровне моря; во многих местах, особенно в маленькой бухте Мартиншица, можно, даже по произволу, заставить бить маленькие ключи, разрывая песок, покрывающий берег. Близ Москиениццe, у подошвы горы Монте-Маджио-

1 Адольф Шмидль, „Ueber den untererdischen Lauf der Reoca“.

2 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки“.

3 Чернит, „Graz und Gradiska“.

4 Тарамелли, „Cenni geologici sul circolo di Gradisca“.

5 Количество воды, протекающей в Рекке в сек. у С. Канциана: максимум 4 куб. метр., минимум 0,15 куб. метр. Дебит Тимаво, по Бюркли: максимум 3,0 куб. метр., среднее 2,3 куб. метр., минимум 0,4 куб. метр.

ре, из трещины морского ложа бьет столб пресной воды до того значительного объема, что после сильных дождей барки не могут проникнуть в круг производимого им на поверхности моря волнения, окружность которого составляет около 180 метров[1].

Подобные же явления имеют место в бассейне истриотской реки Арса и в бассейнах далматинских рек Церманьи, Керки (Krka), Четтины, Наренты. Здесь тоже встречаются потоки, вырывающиеся из какого-нибудь грота и бегущие в глубокой долине; затем мы тщетно ищем их глазами: они потерялись где-нибудь в другой пещере; на карте эти горные потоки, попеременно то появляющиеся, то исчезающие, походят на куски разрубленного туловища змеи. Большинство этих речек продолжают течь под землею в той же самой борозде или долине плоскогорья; но есть между ними и такия, которые изливаются в сторону через трещины скал и пересекают несколько параллельных кряжей гор. Так, например, Четтина, текущая вдоль основания Динарских Альп, питает, как говорят, под холмами другую реку, которая впадает в море близ Спалато, тогда как сама она усиливается подземным притоком, который выходит из озера, лежащего в Боснии, по другую сторону гор. Точно также прекрасные лазурные воды Омблы, которые изливаются в бухту Гравоза, недалеко от Дубровника (Рагуза), и ключи Доли, бьющие со дна моря, на расстоянии одного метра ниже среднего уровня его поверхности, обязаны своим происхождением замечательной речке Требинчице (Trebincica), притоку Наренты, которая течет по другую сторону гор, в Герцеговине. Но есть также много потоков, берущих начало на том же плато, которые неизвестно куда скрываются, и устья которых не найдены, так что, вероятно, они продолжают течь под землею и изливаются в море под поверхностью его вод. Таковы, например, речки Гачка (Cacka) и Лика, между горными потоками хорватского побережья. Другие источники, даже из числа самых значительных, замечательны, напротив, тем, что происхождение их до сей поры остается неизвестным. Так, большое озеро Врана (Vrana), на острове Керсо, или Крес (Cherso, Kres), занимающее площадь более 6 квадр. километр. и содержащее около 240 миллионов куб. метр. воды, без сомнения, питается ключевыми водами, текущими с соседнего материка, потому что вода в нем имеет очень низкую температуру, а на самом острове нет высоких плоскогорий, которые бы достигали изотермы 10 градусов[2]. Следовательно, озеро Врана есть не что иное, как бассейн испарения дождевых вод, падающих или восточнее, на склонах Веллебита, или западнее, на Монте-Маджиоре. Где берут начало его истоки, в Истрии или в Хорватии,—этого мы пока еще не знаем. Вода этого бассейна, хотя и пресная, содержит, однако, небольшую примесь морской соли, которая, без сомнения, попадает в него с брызгами волн, заносимыми сильным ветром «бора» вовремя бурь[3].

Большинство населения возвышенной Крайны и Далмации было бы совершенно лишено воды, если бы скважистые и пещеристые известковые скалы не прерывались кое-где другими, более плотными формациями, которые задерживают подземные ручьи и превращают их в поверхностные источники. На плоской возвышенности Карста пласты песчаника, а на далматинском прибрежье залежи мергеля заставляют воды подниматься к поверхности в виде ключей и таким образом способствуют орошению полей; слои, не пропускающие воды и не позволяющие подземным ручьям спускаться ниже, находятся на глубине 300 метров (средний вывод) под каменистою поверхностью[4]. В других местах, воронки, образовавшиеся вследствие провала земли, так глубоки, что достигают слоев, граничащих с подземными водами, и вследствие того поддерживают влажность почвы, на которой, при этом условии, может развиваться растительность. Странствуя по однообразным белым и голым нагорным равнинам, среди груд камня, путешественник бывает приятно поражен, когда у его ног вдруг открывается одно из этих гнезд зелени, похожих на сады сиракузских каменоломен. Знаменитые в древности виноградники Прозекко могли процветать в жерлах Триестского

1 Лоренц, „Topographie von Fiume uud Umgebung“.
2 Лоренц, „Mittheilungen von Petermann", дек. 1859 г.,-„Topographie von Fiume nnd Umgebung“.
3 Эраст Майер, „Mittheilungen der geograph. Gesellschaft in Wien“, № 941, 1874 г.
4 Леопольд Майерсбах, „Die Bodenkultur auf dem Karste“.

плоскогорья именно благодаря одному из этих слоев песчаника, задерживающих влажность. Вообще полагают, что эти виноградники были vites pucinae, славившиеся уже во времена Августа; но, основываясь на свидетельстве Плиния и других римских писателей, пуцинские виноградники следует скорее искать на холмах Дуино, близ устьев Тимавуса, где в наши дни растет превосходный виноград, известный под именем refosco[1].

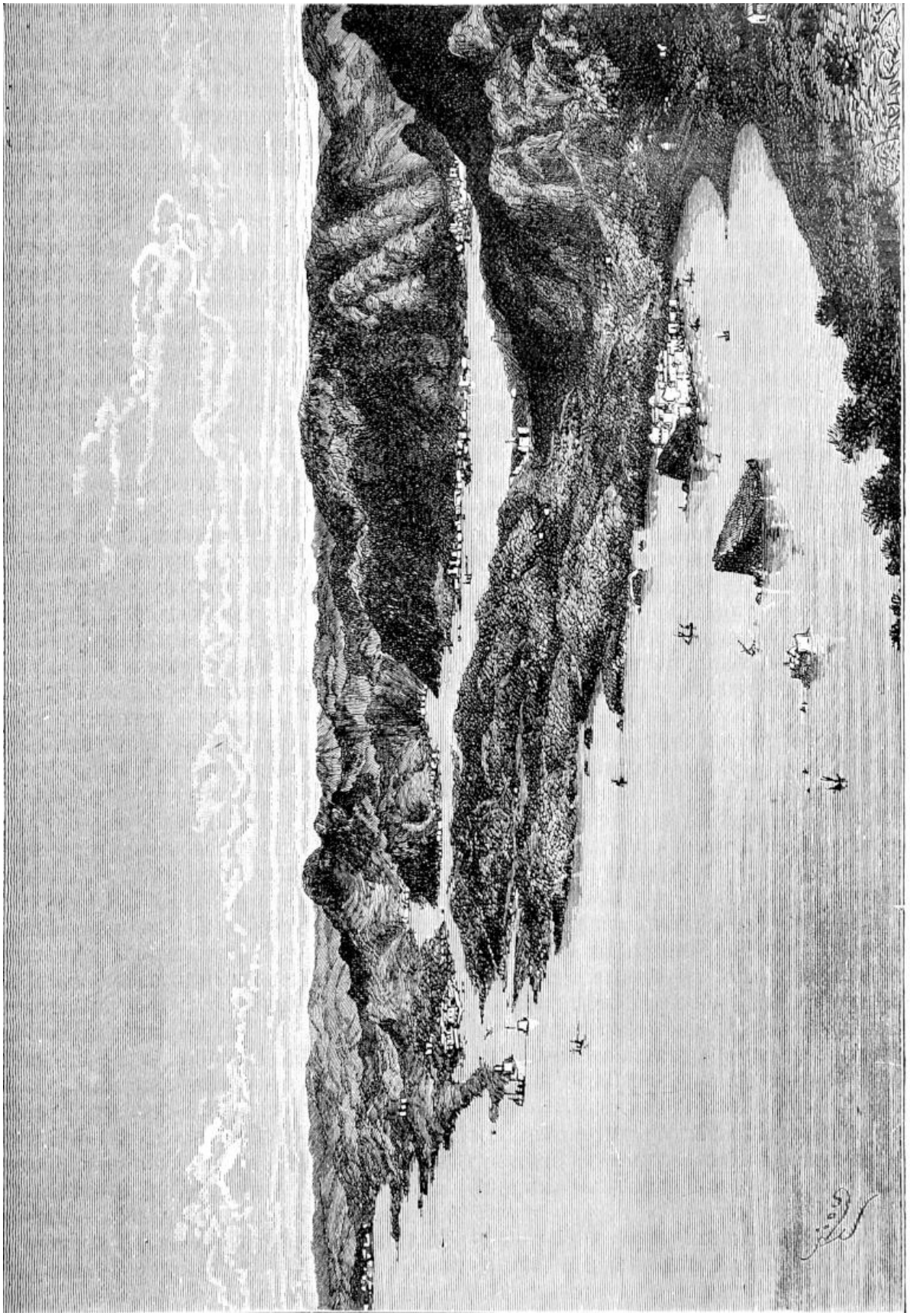
Жителям соседних с Карстом местностей трудно защитить себя от наводнений, происходящих от разлива рек, которые почти всегда невидимы, и внезапное появление которых во многих случаях невозможно предвидеть. В недрах скал потоки, при внезапном увеличении массы вод, не могут разливаться в стороны, как это бывает на поверхности земли; не находя простора в ширину, они принуждены увеличивать свой объем в высоту и подниматься в воронках и колодцах до таких высоких уровней, примеры которых не известны в других местах. Так, подземная Река или Рекка иногда поднималась в пропасти Требиц до 104 метр, выше средней линии своих вод. Таким образом селениям, их полям и садам, лежащим в соседстве с воронками, ниже их отверстия, постоянно грозит опасность неожиданных наводнений, и потому инженеры принимали всевозможные меры предосторожности для того, чтобы предотвратить катастрофы этого рода, или, по крайней мере, ослабить их вредное действие. Подобно древним грекам, нынешние далматинцы и истриоты обводят решетками выходные арки или своды каналов истечения для того, чтобы задерживать плавающие обломки и сохранять свободный проход для излишка воды. Когда галлереи засорятся, их снова расчищают; иногда даже взрывают порохом скалы, чтобы открыть более широкий выход слишком обильной массе вод. Несмотря, однако, на все эти меры предосторожности, во многих местах образуются озера, временные или постоянные, некоторые с двумя ярусами пещер. Таково, например, большое озеро Расток, на севере от болотистой дельты реки Наренты. Смотря по продолжительности дождей и засух, оно наполняется или опоражнивается в высшей своей части, и верхнее его ложе или ярус может быть употребляем попеременно то для рыбной ловли, то для целей земледелия. Но ни одно озеро адриатического склона гор не представляет такого поразительного примера в этом роде, или по крайней мере не пользуется такою известностью, как знаменитое Циркницкое озеро, лежащее тоже на плоскогорье Карсо, только на противуположном скате, обращенном к Саве и к Черному морю.

В этой замечательной области Карста и Иллирийских Альп, гроты, некогда выдолбленные в скале водами, затем покинутые ими, составляют не менее любопытное явление, чем галлереи с текущими на дне их ручьями. Эти грозы так многочисленны, разветвляются по всем направлениям—кверху, книзу и в бока—на такое множество взаимно пересекающихся подземных ходов, что всю эту страну можно сравнить с громадною окаменелою губкою. Одни грозы иссечены в скале, в виде куполов; другие расположены длинными корридорами; иные спускаются вертикально на большую глубину в форме колодцев; некоторые представляют всевозможные соединения камер и келлий. Наиболее известные из этих пещер находятся так же, как и Циркницкое озеро, в бассейне Савы; но и пещеры Далмации не менее удивительны, хотя они и меньше посещаются туристами. Таких пещер насчитывают уже целые сотни, что составляет, однако, только ничтожную часть всей сети внутренних галлерей, большинство которых остаются неоткрытыми по причине трудности подземных исследований. Эти гроты не только любопытны, как и все другие пустоты того же рода, по странным формам известковых образований,—они, кроме того, представляют большой интерес для натуралиста своею фауною, состоящею из мелких животных, которые никогда не видят света. Между представителями высшей фауны здесь найден один особенный вид летучих мышей; две пещеры и многие колодцы в территории Градиска[2] доставили семь разновидностей одного безобразного пресмыкающагося, протея, у которого глаза, как орган бесполезный в непроглядном мраке, постоянно окружающем животное, почти совершенно атрофировались. Кроме того, в этих подземных глубинах живут еще мухи, жуки, тоже слепые, пауки, стонож-

1 Маркезетти, „Archeografo Triestino“, 1877.

2 Маркезетти, „Bolletino dells scienze naturali”, V 5.

ки, ракообразные, моллюски. Гроты Карста имеют самую богатую пещерную фауну; впрочем, это объясняется тем, что они лучше исследованы, чем пещеры других стран[1]. Шипер насчитал в этих гротах двадцать три животных вида.



Устье Каттаро.

1 Адольф Шмидль, „Die Grotten und Hohlen von Adelsberg".—Густав Иозеф, „Die Tropfsteingrotten in Krain".

Мрачное воображение далматинских славян населило горные пещеры свирепыми существами, ведьмами и кровожадными вампирами. Так, например, одна из самых глубоких пучин грота Верлица, находящагося в центральной Далмации, близ истоков реки Четины, слывет у местных жителей, морлаков или морвлахов, за одну из дверей ада, а в одной соседней пропасти, по народному поверью, живет ведьма, которая бродит по ночам, похищает детей и выедает у них сердце. Недалеко от Дубровника (Рагуза) есть другая знаменитая пещера, которую называют гротом «Эскулапова змея». «На дне пещеры,—так гласит предание,—находится великолепный бассейн прозрачной воды, где лежат три золотые монеты, обладающие волшебною силою; но никто не пытается овладеть этими монетами, потому-что змей стережет их денно и нощно, и горе смельчаку, который отважится близко подойти к чудесному водоему!». Что всего более поражало народное воображение и дало ему повод населить внутренность скал чудовищами и злыми духами—это то, что во многих местах, между прочим, на острове Малада и на соседнем берегу, в болотах, окружающих низовье реки Наренты, иногда слышали, как земля поднимает сильный рев в летние дни, особенно при восходе и закате солнца. Это странное явление, напоминающее утреннюю песнь знаменитой статуи Мемнона, и однородное с музыкою сильно нагретых солнцем скал, которую слышали путешественники в пустыне Атакама, на Синае, на вершине Мон-Блана, на Маладетте[1], происходит, без всякого сомнения, от прохождения воздуха, попеременно то сгущенного, то расширенного, через трещины подземных пещер. Осенью 1825 г. рев почвы на острове Мелада был так страшен, что большинство жителей, говорят, бежали на соседний материк. Они думали, что это угрожающая жалоба душ чистилища, забытых живущими и слишком долго ждавших своего освобождения.

Истрия и Далмация, столь замечательные между странами Европы рельефом своих плоскогорий и течением своих рек, не менее интересны иссечениями своих берегов. Истриотский полуостров в целом, правда, имеет несколько массивную форму. Нормальная линия его берегов довольно правильна; но она прерывается бухтами, которые представляют настоящие морские дефиле, продолжающиеся далеко вглубь полуострова узкими ущельями, образуемыми двумя рядами крутых утесов. Так, западный берег перерезан долиною Квието (Val Quieto), частью превратившеюся в болото, и каналом Леме (Саиаи di Lerne), который продолжается тесниною, доходящею почти до середины полуострова; на восточной стороне канал Арса (Canal dell' Arsa), более неправильный, залив Фианона и многие другие бухты и бухточки образуют такия же глубокие зазубрины или выемки на берегу Истрии. Но еще гораздо более странный вид имеет побережье Далмации, с его бахрамою из полуостровов, с его островами, островками и бесчисленными подводными камнями.

На первый взгляд можно подумать, что этот иллирийский архипелаг, защищающий морской берег двойным и тройным барьером, должен быть уподоблен шхерам, состоящим из многочисленных островов и подводных утесов, которые окаймляют прибрежье Норвегии и, пересекаемые фиордами, образуют лабиринт скал и вод, подобный тому, который мы видим на береговой линии соседнего материка. Но это сходство только кажущееся. Фиорды Скандинавии—это очень глубокия подводные долины, рассекающие прибрежные горы по всем направлениям и разветвляющиеся на множество отраслей, тогда как проливы между иллирийскими островами и заливы далматинского побережья—простые каналы, образовавшиеся путем размыва и содержащие слой воды глубиною менее 50 метров, при чем нормальное их направление, с северо-запада к югу-востоку, совершенно совпадает с направлением борозд или углублений Карста и Динарских Альп; только проливы соединены между собою теснинами, открывающимися по большей части перпендикулярно к главным долинам. С другой стороны, острова и полуострова иллирийского поморья не представляют в своем расположении того хаотического беспорядка, в котором разбросаны изрезанные скалы берегов Скандинавии: это, напротив, очень правильные, по форме, образования, где все горы, все долины, все бухты расположены по направлению главной оси горных цепей Боснии. Правда, южные

1 Пенинг; Голланд; Виоле-ле-Дюк.

острова, Брацца, Лезина, Лисса, Курцола, Мелада, равно как длинный полуостров Саббиончелло, имеют направление несколько косвенное в отношении линии берегов, по причине изгиба их горных цепей к западу, но и на материке прибрежная цепь, на севере от Спалато, представляет точно такое же уклонение. По геогностическому составу, весь этот морской пояс островов и подводных утесов, окаймляющий побережье Далмации, принадлежит к тем же эоценовым и меловым формациям, как и самый континент; исключение в этом отношении составляют только некоторые эруптивные каменные породы на острове Лиссе и на скалах, лежащих далее на западе, в открытом море Адриатики. Очевидно, далматинские острова некогда составляли часть соседнего материка и постепенно отделились от него, вследствие размыва рыхлых слоев мергеля, которые тянутся в низменных долинах, между параллельными грядами гор. Промеры морского дна обнаружили, что в целом лабиринт далматинских островов и островков составляет прямое продолжение западного берега полуострова Истрии, от которого он отделен лишь глубокими водами входа в Кварнарский залив. Нет сомнения, что обвалы стен воронкообразных впадин тоже способствовали в сильной степени образованию иссечений на континентальном берегу и на прибрежье островов. Между жерлами, которые превратились в порты, благодаря пробоине, образовавшейся в их окружности, особенно замечательна странная воронка Буккари и Порто-Ре, открывающаяся на морском берегу, в нескольких километрах к юго-востоку от Фиуме; другие пропасти, как, например, воронка на острове Паго, остались без сообщения с морем. Кроме того, почва, как замечено в исторические времена, не переставала понижаться в Царе и на многих других пунктах истрийского и далматинского побережья, вследствие чего процесс размывания, сопровождаемый провалами поверхности, мог распространяться все далее внутрь материка, и, таким образом, странные иссечения морского берега постоянно удлиннялись; выемки его все глубже вдавались в материк. В Истрии до сих пор еще видны, в нескольких метрах ниже поверхности моря, остатки древних городов Сипар и Меделино; близ Ровиньо, остров Цисса, славившийся во времена римлян своими красильнями, медленно опускался и, наконец, исчез в восьмом столетии[1]. Озеро Врана, близ Наренты, в 1630 г., как говорят, превратилось из пресноводного в озеро с соленою водою, именно вследствие понижения почвы, которое повлекло за собою вторжение морских вод в озерный бассейн[2]. Однако, Прико-де-Сент-Мари (Pricot-de-Sainte-Marie) указывает на один факт, который, повидимому, противоречит гипотезе общего оседания далматинского прибрежья. Река Нарента, по словам его, прежде была более доступна большим судам, чем ныне; венецианцы поднимались по ней гораздо выше, чем это возможно в наши дни. Чем объяснить это явление—местным повышением почвы, или, просто, постепенным увеличением слоя речных наносов, которые подвигаются все далее и далее в пределы моря, повышают его дно и превращают бухты дельты в озера и лагуны?

Между лиманами иллирийского берега особенно замечателен тот, в который изливается река Керка, Titius древних римлян, между городами Царою и Спалато: это в одно и то же время река, озеро и рукав моря. Выше Скардоны, Керка, разделившаяся на два потока, низвергается с утеса полукруглым водопадом, в роде Ниагарского, но это Ниагара в миниатюре, и её пенящиеся воды падают шестью последовательными каскадами с выступов скалы. По выходе из ложбины, вырытой водопадом, пресная вода разливается по поверхности озера, куда уже проникла соленая морская волна; затем долина опять съуживается, Керка снова принимает вид реки, её спокойное течение соединяется с Адриатикой через углубления с крутыми поворотами, образуемое двумя ущельями и одною долиною, пересекающимися под прямым углом. Южнее, море прежде тоже проникало внутрь твердой земли до соединения с Нарентою; но осадки этой реки мало-по-малу наполнили древний лиман, и теперь слой их поднимается выше нормальной линии морских берегов. Рано или поздно, отложения этих речных наносов распространятся до противоположного берега полуострова Сабиончелло, и тогда нынешний залив Клек, образуемый этим полуостровом, превратится в прибрежное

1 Маркезетти, „Рукописные заметки”

2 Фортис, „Voyage en Dalmatie”, t. 1 p. 42.

озеро.

Из многочисленных заливов далматинского побережья наибольшею известностью пользуется странно разветвляющаяся система бухт, которую моряки называют «устьями Каттаро», и которая своею формою напоминает швейцарское озеро Четырех Кантонов. Хотя здесь путешественник не увидит на окружающих горах ни вечных снегов, ни зеленеющих альпийских пажитей, но едва-ли найдется уголок на земле, где скалы громоздились бы в массы более величественного вида и более блестящего колорита. Морской лабиринт в этих устьях Каттаро заключает целый ряд гаваней, где свободно могли бы стоять на якоре все корабли Адриатики. Суда проникают в залив через два прохода или фарватера, разделенные подводною скалою, из которых каждый имеет более 25 метров глубины на входном пороге; вскоре, при повороте за стрелку мыса, плывущие на судне теряют море из виду и вступают в аллею тихих вод, которая извивается между гор, то съуживаясь в проливы, то расширяясь в бассейны или озера; наконец, узкий канал, который прежде замыкался цепью гор, ведет в последнее из этих озер, разделяющееся на два бассейна и составляющее собственно так называемый Каттарский залив. Бесчисленные рыбачьи деревни рассеяны по берегам бухт и бухточек или прячутся в зелени соседних долин; старинные, полуразрушенные стены, башни в развалинах высятся там и сям на подводных камнях, среди лазурной поверхности вод; пирамиды и обелиски из нагроможденных одна на другую скал, голые и позлащенные яркими лучами солнца, поднимаются высоко над виноградниками, масличными рощами, лимонными садами; в какую сторону ни посмотришь, везде на темно-синем фоне неба обрисовывается профиль зазубренного хребта гор. Вообще, в южной Европе, прилегающей к Средиземному морю, которая так богата грандиозными картинами природы, мало найдется морских заливов, которые, по красоте беспрестанно меняющихся пейзажей, могли бы соперничать с «устьями» Каттаро.

С гор и плоских возвышенностей либурнского и далматинского поморья открывается великолепный вид на весь этот лабиринт островов, островков и подводных скал, столь правильных по форме и контурам, и столь разнообразных по размерам и возвышению над уровнем окружающей их жидкой массы. Расположенные на поверхности моря, словно на громадной рельефной карте, эти белые и красные земли, пересекаемые кое-где темными полосами кустарника, составляют поразительный контраст с голубыми водами проливов и бухт Адриатики, похожих скорее на озера, чем на рукава моря. Каждый из этих бесчисленных островов отличается какою-нибудь особенною чертою. Большая северная земля, остров Велья (Veglia, по-славянски Krk), всего более походит на континент, от которого она, впрочем, отделена только мелководным каналом Мальтемпо. Остров Керсо (Cherso, по-славянски Kres),—более независимый, так как он со всем своим архипелагом островков окружен проливами и заливами, имеющими более 50 метров глубины,—почти совершенно соединяется с соседним островом Луссин: канал, разделяющий эти две цепи известковых гор, представляет очень узкий проход, шириною не более 5 или 6 метров, который, может быть, даже был прокопан рукою человека в римскую эпоху, для того, чтобы сократить путь мелким судам, которые иначе должны бы были обходить вокруг всего острова[1]; морская волна, проходящая в этом проливе, опрокидывает его течение попеременно, то к северу, то к югу, смотря по фазе прилива и различным явлениям атмосферного давления и испарения в двух бассейнах Кварнаро и Кварнароло. Остров Арбе, изобилующий оливковыми рощами, состоит из многих параллельных горбов или кряжей, перерезанных на половину иссечениями побережья, которые вдаются далеко внутрь равнин; но в этом отношении соседний с ним остров Паго представляет еще более удивительное зрелище: через этот длинный и узкий остров, вытянутый в длину на 60 слишком километров и оканчивающийся на севере прямою остроконечною косою, напоминающей зуб нарвала, идет ряд высоких, расположенных по прямой линии, стен из эоценового известняка, и правильные долины, разделяющие эти параллельные кряжи, продолжаются в море узкими бухтами, за которыми у моряков сохранилось назва-

1 Лоренц, „Topographie von Fiume und Umgebung", стр. 104.

ние «долин» (valli и valloni). К западу от Паго и его архипелага лежит Премуда, один из островов, наиболее знакомых морякам, потому что кругообразное течение Адриатики делится у этого острова на две ветви, из которых одна пересекает море по прямому направлению и ударяется о берега итальянской области Эмилии, а другая продолжает свой путь на север и, обойдя весь залив Кварнаро, следует далее вдоль берегов Истрии, Триеста и Венеции. Остров Лунга (Lunga, Длинный), вместе с о. Инкороната (Incoronata), непосредственным его продолжением на юге, составляет одну и ту же землю, длиною около 70 километров; все параллельные цепи на этом острове совершенно отделены одна от другой, и отрывки их являются кое-где на поверхности вод, между большим внешним островом и берегом материка, в виде островков, каковы, например: Эзо, Цут, Улиан, Пасман. К югу от города Спалато находится Брацца (Brazza), самый массивный из всех далматинских островов, но вместе с тем самый богатый и наиболее обработанный, один из тех островов, которые производят лучшие вина Далмации. Этот остров по форме походит на плоскогорье, тогда как красивая Лезина имеет вид косы, удлиненной по направлению с востока на запад. Следующий затем Саббиончелло (Sabbioncello) есть собственно полуостров, так как он соединен с материком узким перешейком; но по своей форме эта высокая морская цепь, длиною около 72 километров, продолжающаяся на запад островом Курцола (Curzola), должна быть тоже причислена к островным горам далматинского архипелага. Далее, параллельно основанию Саббиончелло, тянется острова, Меледа, или Мелада, Моледа (по-славянски Mljet), которым и оканчивается прибрежная цепь больших иллирийских островов. Кроме того, вдали от берега, уже в открытом море, лежат небольшие острова Лисса, Пелагоза и многочисленные подводные скалы. Лисса, напоминающий морскую победу австрийцев над итальянским флотом в 1866 г., замечателен своим превосходным портом, благодаря которому этот остров играет в Адриатике такую же важную роль, как Мальта на Средиземном море. Что касается острова Пелагозы, название которого произошло, может быть, от имени древних пеласгов, то он лежит уже в итальянских водах; но Австрия, содержащая на нем маяк, причисляет его к своим владениям; на этом острове находят многие интересные предметы всех эпох, в том числе и каменного века[1].

Почти все эти острова, равно как сотни других, менее значительных островов, островков и морских скал иллирийского архипелага, имеют одну общую черту—это голый, обнаженный вид их поверхности, лишенной растительного покрова; леса везде исчезли, даже на таких островах, как Сельве и Лезина, название которых напоминает об украшавшей их некогда растительности; на Курцоле давно уже нет тех лесов, которые в древности доставили ему прозвище «Черной Корциры». Все иллирийские острова отличаются также, благодаря свойству их скал, резкостью контуров, крутизною утесов и выступов скал; фигура островов Меледы и Сан-Клементе может дать понятие о странной форме этих обрывистых, изрезанных берегов, составляющих совершенный контраст с мягкими, волнистыми очертаниями отлогого итальянского побережья. Вместе с тем, эти скалистые острова далматинского архипелага по большей части мало плодородны, за исключением только долин; но там, где есть пласты песчаника, задерживающие воды, почва очень плодоносна и дает великолепные урожаи. Так, например, Левлера (Levrera), известковый островок, лежащий близ берегов о. Керсо, прокармливает только кроликов, составляющих единственное его население, тогда как на острове Сансего (Sansego), который еще меньше, недавно поселилось более тысячи земледельцев, которые живут там, как в саду[2].

По климату, долины р. Изонцо, Истрия и Далмация походят на Апеннинский полуостров. Южная оконечность австрийской Иллирии лежит почти под одинаковою широтою с Римом и, благодаря большому протяжению Адриатики в северо-западном направлении, все далматинское побережье имеет флору, свойственную прибрежным странам Средиземного моря: двумя с половиною градусами севернее Прованса и Лигурии, мирты и лавры растут

1 Маркозетти, „Descrizione dell'isola di Pelagosa“ „Bull. delle scienze naturali”, № 3, III-й год.

2 Генрих Ноэ, „Dalmatien und seine Inselwelt”.

под открытым небом на скалах, господствующих над устьями Тимаво[1]. В целом, эта страна, хорошо защищенная с северо-востока горами, расположена таким образом, что на её поверхность прямо падают лучи после-полуденного солнца. Цератонии (рожковое дерево), лавры, лимонные и апельсинные деревья, варварийские смоковницы растут на поле, в близких к морскому берегу далматинских долинах; миндальное дерево цветет в декабре, и часто бывает, что сахарный горошек и бобы собирают, совершенно спелые, уже в первый день нового года. Следуя вдоль иллирийского поморья, мы встречаем первые пальмы уже близ городка Трау, а на острове Буа, южнее, они становятся уже довольно многочисленны; в садах Дубровника (Рагуза) эти, деревья уже цветут и приносят плоды, которые иногда даже созревают. Душистые травы, покрывающие зеленым ковром скаты холмов на материке и на островах, тоже свидетельствуют о южном характере климата этой страны. Однако, известны некоторые исключительные случаи, когда масличные деревья на полуострове Истрии и в северной части Далмации гибли от сильной стужи. Так, например, в окрестностях Триеста культура этих плодовых дерев никогда уже не достигала особенно цветущего состояния после страшно холодной зимы 1787 г., во время которой жестоко пострадали оливковые рощи и фруктовые сады. В 1861 г. канал, соединяющий город Цару с твердою землею, замерзал зимою, а в апреле 1864 г. в этом городе выпадал снег[2]. Говорят, что в последние десять столетий большая часть Адриатического моря два раза покрывалась льдом, именно в 869 и в 1234 годах.

Средняя годовая температура и средний годовой слой дождевой воды в некоторых пунктах побережья Адриатики:

	Температура Цельзия.	Годовой слой дождевой воды, миллиметров.
Горициа или Герц (средний вывод за 7 летний период).	12°,8	1.607.
Триест (средний вывод за 40 летний период)	14,°4	1.100.
Фиуме (средний вывод за 7 летний период)	13,°9	1.578.
Цара	14,°7	761.
Рагуза (Дубровник)	16,°8	1.626

В летние месяцы небо Далмации почти всегда совершенно ясно и безоблачно; но осенью дожди делаются довольно часты и льют, как из ведра; затем период дождей возобновляется весной. Зима тоже иногда бывает дождливая, но, вообще говоря, наибольшее осаждение атмосферной влаги совпадает с эпохою равноденствий. Ветер, приносящий дожди на берега Адриатики, есть тот самый сирокко, который так страшно сушит африканские земли: проходя над Средиземным морем, он насыщается водяными парами, и Далмация обязана ему как своим теплым климатом, так и обилием дождей. Нужно заметить, что расположение иллирийского берега по направлению с северо-запада на юго-восток имеет то важное следствие, что оно сообщает береговым ветрам или бризам, дующим попеременно то с суши, то с моря, то-есть с северо-востока и с юго-запада, то же самое направление, по которому следуют два главные атмосферные течения северного полушария: эти бризы нейтрализуют первичные ветры, когда они распространяются в противоположном направлении, и, напротив, удвоивают их силу, когда дуют к той же стороне горизонта. Оттого-то ветры в Адриатическом заливе иногда превращаются в неистовую бурю. Особенно страшен бора, древний Борей, ветер, который, спускаясь с Монте-Ре и с других лежащих южнее гор, идет на-встречу африканскому сирокко: это «мистраль» Карста и Прованса. Подобно провансальскому ветру, он иногда сшибает с ног пешеходов и сбрасывает с лошади всадников; в 1873 г. он даже опрокинул целый поезд железной дороги на плато, которое господствует над городом Фиуме (Река); он вторгается вихрями даже в глубокия пропасти и воронки плоскогорья, и даже там жители мерзнут в своих худо запертых жилищах от леденящего дуновения этого сурового борея. На море бора не менее грозен, и суда, проходящие близко от выхода долин, по которым спускается с гор этот бурный, порывистый ветер, должны маневрировать с величайшею осторож-

1 Маркезетти, „Рукописные заметки".

2 Генрих Ноэ, „Daimatien und seine Inselwelt".

ностью, чтобы избежать катастрофы. Моряки особенно боятся ценгского бора, названного так потому, что он достигает моря перед портом города Ценг или Сенья, по причине глубокой бреши, которую ущелье Вратник образует в этом месте на краю плоской возвышенности. Направление ветра бора, вообще говоря, идет с северо-востока на юго-запад, но оно меняется, смотря по водам, и зависит от ложа, которое представляют долины погружающейся в них массе движущагося воздуха; моряки никогда не обманываются в этом отношении. Воздушные потрясения, фиолетовый, часто почти красный цвет воды обнаруживают им близость борея, а также то, что он распространяется из какой-нибудь точки горизонта, лежащей между остом и норд-вестом. Контраст, представляемый двумя параллельными берегами всех островов далматинского прибрежья, служит поразительным доказательством страшной силы этих северных ветров; берег, обращенный к материку, богат хорошими гаванями и бухтами, изобилующими рыбою, но моряки почти никогда не пользуются ими; селения очень редки на этом берегу; возделанные земли встречаются в немногих местах только там, где они расположены под защитою выдающихся мысов или выступов скал. Убийственное дуновение борея делает эту сторону островов почти необитаемою; часто он убивает растения,—кроме одного деревца, называемого гребенщиком или тамариском (tamarix),—обдавая их соленою морскою пеною. Это гибельное влияние ощутительно на расстоянии семи километров от берега; когда ветер дует с большою силою весеннею порою, во время восхождения сока в растениях, все поля бывают выжжены. Замечено, что на восточных берегах острова Паго неурожай винограда повторяется через каждые три или четыре года, тогда как прежде он повторялся только через десять или двенадцать лет. Из этого нужно заключить, что сила борея увеличилась в течение нынешнего столетия[1]. Западный берег иллирийских островов представляет совершенно другое зрелище: он покрыт цветущими полями и садами, усеян городами и портами, где останавливаются многочисленные суда; все население сгруппировалось на побережье, обращенном к полуденной стороне горизонта. Нужно спуститься на юг до архипелага Ионийского моря, чтобы найти острова, обращенные своею живою стороною к соседнему материку, каковы, например, Корфу, Санта-Мавра, Занте: это объясняется тем, что эти южные области находятся уже вне действия страшного борея. Таким образом, атмосферные условия далматинского прибрежья отличаются от порядка воздушных течений, господствующего на других берегах Адриатики. Точно также экономия вод представляет на этом прибрежье одну замечательную особенность. Тогда как в Триестском заливе и в лагунах Венеции двойное колебание уровня моря, обусловливаемое приливом и отливом, происходит в правильной последовательности, через каждые двенадцать часов, в заливе Кварнаро и портах Далмации[2], оно совершается в целые сутки, с упреждением, составляющим около двух часов в месяц; следовательно, здесь мы видим то же самое явление, которое замечается на берегах Алжира[3].

Резкия различия или противоположности климата, представляемые различными частями рельефа рассматриваемой нами области—плоскою возвышенностью, морскими берегами и островами залива Кварнаро и Далмации, имели следствием видоизменение до бесконечности местных флор. На Карсте, как мы видели выше, встречаются и смешиваются три флоры: средиземная, германская и хорватская; в низменных долинах растительность тоже значительно разнится, смотря по высоте места над уровнем моря, расположению его в отношении действия солнечных лучей и степени защищенности от ветров. Морская флора здесь сравнительно еще богаче, по причине благоприятной для её развития среды, представляемой бесчисленными рукавами моря, от десяти до пятидесяти метров глубиною, которые врезываются в береговую полосу и разветвляются вокруг островов; на берегах Далмации европейские натуралисты могут собирать самые обильные и разнообразные коллекции морских растений. Животное царство иллирийских берегов тоже отличается несколькими особенными видами,

1 Бессели, „Das Karsgebiet Militair-Kroatiens"

2 Лоренц, „Topographie von Fiume und Umgebung", стр. 89 и след.

3 Эме, „Recherches de physique sur la Mediterranee".

кроме тех, которые обитают в их пещерах. Класс пресмыкающихся и земноводных имеет здесь большое число представителей, между которыми особенно замечательны различные виды черепах; бурые медведи еще рыскают по горам; лисицы и куницы спускаются в равнины; но олени и кабаны уже исчезли, тогда как шакал, которым фауна Далмации составляет переходный зоологический пояс между Европою и Африкою, еще встречается на некоторых островах и на твердой земле южной Далмации[1]. Что касается морских вод, то они в этой области до недавнего времени были очень богаты рыбою; тунца или скумбру ловят даже в Триестском заливе, в Гриньяно; сардинки показываются у берегов Истрии, но они не всегда появляются в одних и тех же местах моря; и теперь уже считают только один хороший улов в пять лет. Угри поднимаются вверх по рекам Далмации, и, без сомнения, не трудно было бы приспособить некоторые из прибрежных озер к целям рыбной ловли, в роде того, как приспособлено озеро Коммакио (Commachio), на противоположном берегу Адриатики. В Квернарском заливе, между «морскими плодами», самые ценные—скампы, scampi (Nephreps norvegicus), особенный вид длиннохвостых раков; еще недавно полагали, что этот вид, кроме иллирийского прибрежья, существует только у берегов Норвегии, но теперь оказалось, что он водится также в водах Ниццы и около Балеарских островов[2]. Камбала из далматинских бухт славится своим превосходным, нежным вкусом.

Хотя адриатические провинции в политическом отношении составляют часть Австро-Венгерской монархии, однако, население их состоит не из немцев и не из мадьяр: представителями этих господствующих рас являются здесь только чиновники, военные да купцы. За исключением нескольких небольших колоний, все жители края принадлежат или к итальянской, или к славянской народности. Итальянцы, более многочисленные в Истрии, но составляющие слабое меньшинство в далматинском архипелаге и на континентальном берегу Иллирии, занимают преимущественно приморскую область; славяне живут на плоской возвышенности и спускаются по склону гор и холмов или до самого моря, или до местностей, лежащих в соседстве с морскими водами.

К каким племенам принадлежали древние обитатели этой страны и в каких пропорциях они смешались между собою? Которые были самые многочисленные—кельты ли, сообщившие свое имя плоскогорью Карсо, или пеласги, предки албанцев, или, наконец, италиоты, которых, может быть, следует признать за древних либурнцев?[3] При настоящем состоянии наших знаний, мы не имеем возможности ответить на эти вопросы. Точно также мы не знаем, кому должно быть приписано сооружение древних, до-исторических замков или кремлей, castellieri, остатки которых встречаются во многих местах Истрии, на вершине утесов и холмов,—неизвестным ли туземцам, или каким-нибудь иностранным завоевателям?[4] Как бы то ни было, достоверно то, что во времена господства Рима итальянское влияние проникало гораздо далее внутрь страны, чем в наши дни; многие названия деревень и родов или семейств, принявшие с течением времени славянскую форму, были несомненно латинского происхождения: для примера укажем на название городка Набрезины (Nabrezina), в котором прежде видели словенское слово, означающее «на берегу», но которое в средние века имело несомненно латинскую форму Ауризина (Aurisina). Племена или роды славянского происхождения, чичи и другие, занимающие ныне плоскогорья Истрии, были поселены здесь в период с девятого по семнадцатое столетие, может быть, в сто приемов, герцогами, графами и другими ленными владетелями, далее Венецианскою республикой и, наконец, австрийским правительством,—где—с целью приведения в культурное состояние необработанных земель или пустошей, где—для защиты военных позиций; многие роды или племена, бежавшие из отечества перед нашествием чужеземных завоевателей, были допущены в край в качестве гостей, и им отводили земли или в пустынных долинах, или даже на территориях,

1 Каррара, Маркезетти и пр.
2 Маркезетти, „Рукописные заметки".
3 Симоне делла Джиакома (Simone della Giacoma), „рукописный мемуар".
4 Ричард Бертон, „Notes on the Castellieri or prehistoric ruins of the Istrian peninsula".

уже ранее возделывавшихся[1]. Codex Trevnsanus, находящийся в библиотеке св. Марка в Венеции, содержит, между прочим, копию с прошения, поданного в 804 г. итальянскими жителями Истрии легатам (missi dominici) Карла Великого, о том, чтобы на будущее время не селили более славян на землях, принадлежащих общинам, и чтобы все иностранные переселенцы были водворяемы на территориях, совершенно пустынных и никем не занятых[2].

Вследствие этого непрерывного колонизационного движения, плоскогорья принадлежат теперь почти целиком славянскому миру; но нижняя часть склона Изонцо, Гориция или Герц, Триест, Паренцо, Пола, все города истриотского прибрежья, по составу своего населения, должны, бесспорно, считаться достоянием итальянского мира. Следовательно, с этнологической точки зрения, итальянские патриоты или italianissimi Триеста имеют право требовать присоединения своего города и всех берегов Истрии к «единой Италии»; на восточном берегу Кварнарского залива, Фиуме тоже латинский город; наконец, в некоторых городах Далмации, особенно в Царе, в Спалато, итальянский элемент имеет перевес над славянским. Немецкая речь, составляющая язык господствующей иноплеменной национальности, перестала быть обязательною в высших учебных заведениях, и как язык науки и сношений с иностранцами, везде предпочитается итальянский диалект. Последний имеет то важное преимущество, что, несмотря на различие областных наречий и говоров, он везде одинаков, как язык литературный, даже для фурланов (Furlani) или фриульцев, жителей долины Изонцо, которые говорят диалектом, похожим на речь ладинцев Тироля и романов Швейцарии, но только гораздо более итальянизированным.

Что касается славян, населяющих внутреннюю часть страны, то они делятся на многочисленные племена, говорящие различными наречиями, из которых одни имеют сходство с словенским или вендским языком жителей Крайны, другие с хорватским, с босняцким, с иллирийскими диалектами. Недавно, когда национальное чувство еще не пробуждалось в южно-славянских землях, сила притяжения, оказываемого на жителей плоскогорий более образованными населениями итальянского прибрежья, была преобладающею: цивилизация сделалась синонимом итальянизации на всем восточном склоне Адриатики, исключая только Дубровника или Рагузы. Но теперь в этом отношении произошел явный поворот, и преобладающее влияние итальянской культуры заметно еще только в ближайших окрестностях Триеста и других итальянских городах. В последнее время образовались другие центры притяжения; волна отлива направилась к востоку, и как ни различны между собою населения Карста, Далмации, иллирийских архипелагов, они, тем не менее, начинают сознавать, что все они принадлежат к великому славянскому племени. Истриоты, жители плоскогорий, и далматинцы, обитатели приморской полосы и соседних гор, по племенному происхождению братья босняков, сербов, русских и других славян; вместе с тем они им близкие родственники и по языку; но там, где религиозный фанатизм еще силен, различие вероисповедания делает их чуждыми или даже враждебными православным греко-восточной церкви, ибо, по причине соседства Италии, славяне адриатического поморья почти все исповедуют римско-католическую веру.

Между этими славянскими народностями, некоторые до сих пор еще сохранили варварские нравы, напоминающие дикие нравы древних «ускоков» или сербских беглецов, которых оттоманы принудили покинуть их родимые долины в Боснии, и которые прежде, чем превратиться в мирных земледельцев, приобрели страшную славу, как лихие пираты и дерзкие грабители. Разбойничество, кровавая месть до-ныне свирепствуют еще в округе Цары, и особенно в местности, известной под именем Берлики. За время с 1851 до 1853 г. в Царском округе, при населении в 157.000 душ, было 507 убийств и 1.919 случаев нанесения ран, а в округе Берлина, при населении в 8.400 душ,—766 убийств и покушений на убийство[3]. «Кто не мстит за себя, тот не попадет в святые!», гласит одна местная пословица, по которой мож-

1 Лучиани, статья „Istria" в „Dizionario oorografico d'Italia“ di Amato Amati.

2 „Codice diplomatico istriano”, с комментариями Кандлера.

3 Heinrich Noe, „Dalmatien“, S. 61.

но составить понятие о первобытных нравах населения[1]. Убийцы могут легко ускользать от жандармов, благодаря дикому характеру окружающих гор. Та же самая причина объясняет, почему так трудно бывает подавлять политические восстания далматинского населения. В 1869 г. горцы кривошане, живущие в соседстве с Черногорией, возмутились против правительства, и, благодаря неприступным крепостям, которые устроила для них сама природа, они разбивали последовательно все посланные против них отряды; в одной битве, при Майне, две роты регулярного войска были изрублены инсургентами, при чем сами кривошане не потеряли ни одного человека. В конце концов, Австрия не нашла иного средства восстановить свою власть, как даровав горцам все, что они требовали, то-есть замену податей простою данью верноподданства и освобождение от воинской повинности.

Морлаки или поселяне верхней Далмации, которых считают происшедшими от смешения албанцев и славян, соединенных, может быть, с остатками гонимых аваров, принадлежат к числу наименее цивилизованных народностей Европы. Между ними одни—блондины, с белокурыми волосами и голубыми глазами, другие, напротив, имеют оливковый цвет лица и темнорусые волосы. Некоторые исследователи полагают, что слово морлаки означает «морские влахи или валахи»; но более вероятно, что это название значит просто «моряки или поморы», и происхождение его можно объяснить географическим положением занимаемой ими области относительно других славянских земель. Хотя морлаки по большей части живут очень бедно, взваливая всю тяжелую работу на женщин, которые низведены у них на степень рабочего скота, но, тем не менее, они сильно заражены тщеславием богатства, которое проявляется не в убранстве их жилищ, а в щегольстве одежды: они любят наряжаться в живописный и пышный костюм, похожий на костюм сербов, и женский головной убор всегда состоит из кокошника, украшенного золотыми и серебряными монетами. «Кто меняет одежду, может переменить и душу», говорит одна из их народных пословиц. Это племя сохранило еще во всей целости свою древнюю, переходящую неизменно из рода в род, сокровищницу суеверий; нужно ехать к морлакам, чтобы узнать волшебные силы растений и животных, добрые и худые влияния, исходящие из леса, из гор, из ручейка, таинственный смысл шума крыльев птиц, отдаленного эхо, дуновения ветерка. У них же можно познакомиться со старыми народными песнями, забытыми их соседями; одаренные замечательным природным талантом к музыке, морлаки поют эти песни важным и печальным голосом, который способен всякого растрогать до глубины души.

По телесным своим качествам, морлаки, бесспорно, принадлежат к самым красивым народностям Европы; их дети, счастливо избегнувшие гибельного действия болезней и нищеты, отличаются замечательною физическою силою и крепостью, высоким ростом и стройностью тела. В прошлом столетии, когда прусский король Вильгельм I, отец Фридриха Великого, рассылал вербовщиков с приказанием покупать и даже похищать красивых рослых мужчин во всей Европе для комплектования формируемой им гвардии, он сильно хлопотал о том, чтобы добыть побольше морлаков; но последние, дорожа своею свободою, отдались в кабалу в очень небольшом числе. Островитяне, живущие в Малом Луссине (Lussin Piccolo), тоже славятся в адриатических областях своею силою и красотою. Впрочем, климат Далмации есть один из самых здоровых, один из наиболее благоприятных физическому благосостоянию. Несмотря на свое полное незнакомство с правилами и требованиями гигиены, жители этой страны пользуются, между всеми провинциями и местностями Австрийской империи, наиболее продолжительною среднею жизнью[2]. Только в некоторых низменных местах морского берега климат нездоров, по причине болотистой почвы. Таковы, например, печальные берега реки Наренты, прозванной «Проклятою», к осушению которых уже приступлено, но которые похитят еще не мало жертв, прежде чем будут ассенизированы и превращены в хорошие культурные земли. В окрестностях Фиуме, особенно в Порто-Ре, прежде свирепствовала также одна специальная болезнь, scherlievo, происхождение которой приписывали

1 Фортис, „Voyage en Dalmatie“.

2 Смертность в Далмации колеблется между 1 на 38,5 и на 43,8.

преимущественно бедности, дурным гигиеническим условиям и кровосмешению[1]; но в настоящее время случаи этой болезни уже очень редки.

На адриатическом склоне австрийских провинций есть, кроме того, несколько иностранных колоний. Так, на полуострове Истрия, в деревне Перои, недалеко от города Полы, живут черногорцы, потомки эмигрантов, которым Венецианская республика уступила на этой итальянской земле незаселенные местности. Хотя со времени добровольного эмигрирования этих переселенцев прошло уже более двух столетий, они, однако, до сей поры сохранили свой национальный костюм, свои нравы и обычаи, обряды и религию, и чтут те же праздники, как и их братья на Черной Горе; но их черногорский язык смешался с наречием соседних славян. Что касается румынов, живущих в Истрии, то они были заброшены неизвестно когда и каким событием на берега реки Арсы, впадающей в Кварнарский залив. Эти колонисты, правда, сохранили свое имя и не смешиваются с итальянцами, но, вероятно, они очень давно покинули свою первоначальную родину, потому что речь их значительно разнится от валашского языка.

Население адриатических провинций Австрии представляло в 1880 г. следующие цифры:

	Славян	Итальянц.	Немцев.	Общее число.
Горициа, (Герц) и графство	130.000	73.500	2.700	206.200
Триест и Истрия	192.000	203.000	10.000	405.000
Далмация	441.100	27.000	3.400	471.500

Источники народного богатства, заключающиеся в почве, далеко еще не разрабатываются в этом крае так, как бы следовало, и не приносят той доходности, какую могли бы давать при более разумном и деятельном пользовании ими. Прекрасно возделанные пространства нив, фруктовые сады или виноградники, можно увидеть только вокруг Герца, Триеста, да кое-где в Истрии и в окрестностях далматинских городов; в других же местах почти везде встречаешь полнейшую небрежность, самое варварское невежество в отношении земледельческой культуры. Земля дает свои продукты скорее вопреки человеку, чем благодаря его содействию; вина, которые должны бы быть в числе лучших между европейскими винами, по причине их естественной силы, огня и тонических свойств, превратились в дрянные напитки, годные только для пьяниц; фрукты, которые, при мало-мальски старательном уходе, приобрели бы превосходные качества, родятся мелкие и безвкусные. При том же порядок землевладения находится еще во многих округах Далмации в переходном состоянии, которое всего более задерживает успехи сельского хозяйства. Земля перестала быть коллективною собственностью семей, как в областях по реке Саве, но она еще не сделалась частною собственностью в полном смысле слова. Границы земельного владения и межевые знаки не внушают в Далмации такого уважения, как в большей части стран Западной Европы. Сделавшись хлебопашцами, поселяне сохранили до некоторой степени свои прежние обычаи бродячих пастухов; им еще кажется совершенно естественным пасти свой скота на полях соседа; в некоторых округах владелец луга не имеет даже права косить траву более одного раза в году: после сенокоса, его поле принадлежит всем и каждому до следующего года.

По счастью, земледельческая культура и промышленность не составляют единственного источника пропитания для жителей адриатического прибрежья; жители имеют, кроме того, в своем распоряжении все те рессурсы, какие дает существование в их крае множества превосходных гаваней и удобных рейдов. Патриоты участвуют в обширном торговом движении, центром которого является Триест. Далматинцы, хотя они и лишились своей доли в господстве на море со времени цветущего периода Рагузской республики, тем не менее и до сей поры сохранили за собою репутацию превосходных мореходов. Два округа, Дубровницкий и Каттарский, занимающие оба вместе едва пятую часть прибрежья, доставляют Австрии треть её капитанов судов дальнего плавания и более половины её экипажей. Во время морского сражения у острова Лиссы, в 1866 г., на австрийских кораблях, которые громили и потопляли суда итальянского флота, команда отдавалась на итальянском языке; точно также

1 Барт. „Progres medical" 1877.

в австрийской экспедиции, отправленной в 1873 г., под начальством Вейпрехта и Пайера, к северному полюсу, и открывшей полярный архипелаг императора Франца-Иосифа, экипаж состоял из людей, говоривших итальянским языком. Мореходство, с относящимися к нему отраслями промышленности, каковы судостроение, фабрикация парусов и канатов, приготовление солонины, дает занятие почти всем жителям прибрежной полосы и островов, славянам и итальянцам; но барышами торговли пользуются преимущественно последние, т.е. итальянцы, вместе с евреями-банкирами, живущими в портовых городах. Замечательно, что итальянцы же, и даже не местные, а подданные Итальянского королевства, именно рыболовы из Киоджиа (Chioggia), вылавливают почти всю рыбу в далматинских водах. Во всех портах прибрежья можно встретить их большие шлюпки, с рыжеватыми сетями, развешенными на мачтах, и с огромным глазом, намалеванным на носу судна.

Несмотря на все свои естественные богатства и превосходное географическое положение, Далмация далеко не имеет, в ряду европейских стран, той относительной важности, какая должна бы принадлежать ей по праву. Этот край заметно пришел в упадок со времен римской эпохи. Иллирия в древности была гораздо гуще населена и отличалась более обширною и оживленною промышленною деятельностью, чем в наше время; в ней было тогда множество больших городов; равнины её, где теперь расстилаются болота, были покрыты цветущими нивами и садами; горы её, ныне пустынные, деятельно разрабатывались рудокопами и камнеломами. В средние века Далмация тоже имела свой период процветания. Рагуза, по-славянски Дубровник, была, как Венеция и Генуя, одною из цариц моря; она вела деятельные торговые сношения со всеми портовыми городами Средиземного моря, отправляла непосредственно свои товары даже в Индию, вступала в союзы, заключала трактаты, как равная с равными, с могущественнейшими государствами того времени. По своей любви к литературе и наукам, не менее как по своей политической жизни и обширному торговому движению, Дубровник служил центром цивилизации для славянских племен внутренней части материка. Теперь ничего этого нет. Разоренная императором Карлом V, который выпросил у неё взаймы около трехсот судов, затем разрушенная в 1667 г. землетрясением, занятая французами в конце прошлого столетия, после того переходившая из рук в руки от одного господина к другому, Рагуза не могла оправиться от постигших ее бедствий; в настоящее время она снизошла на степень третьеклассного портового города, тогда как счастливый соперник её, Триест, сделался одним из главных рынков Средиземного моря.

Подобно Рагузе, и вся Далмация должна была пройти, в своей политической и экономической жизни, через период упадка, и теперь она, как цивилизованная страна, значительно отстала не только от областей Италии, лежащих против неё, по другую сторону Адриатики, но даже во многих отношениях от Хорватии и независимой Сербии. С тех пор, как Далмация сделалась провинциею Австрийской империи, относительная заброшенность, в которой она находится, происходит также, в значительной степени, вследствие отдаленности её от столицы империи: она стала как бы далекою колониею, о которой мало заботятся, и которая не пользуется достаточною автономиею для того, чтоб иметь возможность самой заняться своими делами и улучшить свою судьбу. Теперь далматинские порты, для процветания которых ограниченные рессурсы обедневшего края оказываются слишком недостаточными, могут служить экспортными рынками для внутренних стран, присоединенных Австрией, и важность их будет возрастать под влиянием оживленных торговых сношений. Прежде в небольшом разстоянии от морского берега, местами всего в расстоянии нескольких километров, начиналась уже турецкая граница, охраняемая кордоном таможенных чиновников и пограничной стражи: пушки султана могли бомбардировать корабли Адриатики через австрийскую территорию. Прибрежье бывшей Рагузской республики было даже совершенно отделено от остальной Далмации двумя полосами земли, которые встревоженный город подарил падишаху, чтобы противопоставить барьер венецианцам. Эти два пояса магометанской земли, отныне Австрийские, были: на севере от Дубровника чересполосная территория Клек, на юге—территория Сутторина.

Из всех провинций Австро-Венгерской монархии одна только Далмация ожидает еще рельсового пути, который привел бы ее в прямое сообщение с европейскою сетью железных дорог: в этом отношении она отстала даже от своей соседки, Боснии. Триест, благодаря постройке железной дороги через горный проход Земмеринг, давно уже сделался портом Вены на Адриатическом море; военный рейд Полы тоже имеет рельсовое сообщение с остальной частью империи; точно также и город Фиуме (Река) соединен железно-паровым путем с двумя её столицами, Веною и Пештом; но хребет Веллебит и горы Хорватии, вероятно, еще долго будут отделять от сети европейских железных дорог маленький участок рельсового пути, соединяющий два портовые города Себенико (Шибеник) и Спалато. Во всяком случае, важные перемены, политические и социальные, происходящие на Фрако-Эллинском полуострове, без сомнения, будут иметь следствием более тесное сближение Далмации с славянским и болгарским населением внутренней части материка. В этом и заключается будущность для Далмации: предстоящая ей роль определяется географическими условиями страны, независимо от существующих политических границ. Уже проектирована постройка железного пути, долженствующего соединить Сараево с Дубровником.

Важный торговый город в этой области естественно должен был возникнуть около северной оконечности Адриатического моря, близ устьев реки Изонцо, в том месте, где оканчиваются дороги, идущие от Дуная и с Альп. Во времена римского владычества таким городом была Аквилея. Более обширная и более многолюдная, чем наследовавшие ей города Венеция и Триест, взятые вместе, Аквилея, как говорят, имела полмиллиона жителей в своей городской черте, обнесенной каменною оградою, в своих предместьях и в портовом квартале, так что Авзоний поместил ее в число девяти величайших городов тогдашнего света. Бич Божий, Аттила, превратил этот Рим Адриатики в обширную груду развалин; но на её месте поднялся второй город, который имел некоторую важность, политическую и религиозную, как резиденция патриархов в течение первой половины средневекового периода. Патриаршество было упразднено в 1751 г., после двенадцативекового существования; но город в это время был уже только тенью самого себя. Торговый поток переместился не только по причине соперничества Венеции и совершившихся в течение веков великих политических переворотов, но также и по причине колебаний уровня почвы: течение реки, служившей гаванью, изменило свое направление, все побережье понизилось или опустилось по меньшей мере на полтора метра, и воздух страны, некогда славившийся своею необыкновенною чистотою, сделался нездоровым. В наши дни Аквилея представляет незначительное местечко, но и до сей поры сохранились еще многочисленные остатки её древнего величия; Венеция некогда обогатилась её мраморами, а владелец одной соседней виллы обладает целым фронтоном римского театра[1].

Нынешний главный порт восточной Адриатики, Триест,—тоже древний город, как о том свидетельствуют многочисленные лапидарные надписи, сохраняемые в местном музее и на стенах одной старинной церкви, к которой поднимаются по так называемой «Священной лестнице»; даже древнее имя его, «Tergeste», едва изменилось, но значение города в последние сто лет чрезвычайно возрасло. Из простого местечка Триест возвысился на степень первого порта Австро-Венгрии и одного из важнейших торговых пунктов Средиземного моря. Даже в ту отдаленную эпоху, когда северный скат Юлийских Альп был населен варварскими народами, и когда опасные горные тропинки составляли единственное средство сообщения между областями Адриатики и равнинами Дуная, северная оконечность этого залива, где находились города Тергест и Аквилея, представляла, как мы видели, торговую позицию первостепенной важности; но эти выгоды географического положения естественно должны были увеличиться в огромной степени с тех пор, как Германия покрылась многочисленными большими и многолюдными городами, и через громады Альп были проложены удобные пути сообщения. Железная дорога, соединившая Вену с Триестом, произвела полный переворот в

1 Канцлер, Черниг, Морло, Тарамелли

общем ходе торгового движения. Посредством этого рельсового пути Адриатика, так сказать, продолжается до самого сердца Европы, и как бы для того, чтобы оправдать древних греческих географов, которые помещали в Истрии одно из устьев Истера или Дуная, равнины, орошаемые это рекою, избрали триестский порт своим главным выходом в море. Еслиб изобразить на карте громадное количество товаров всякого рода, проходящих через Триест, то получилась бы фигура, похожая на дуб с далеко раскинувшимися ветвями.

По мере развития своей обширной торговой деятельности, обогащающей город, Триест должен беспрестанно обновляться и разростаться. Скаты холма, по которым извиваются улицы старого города, не представляют уже достаточного пространства для юного города; новые кварталы завладели всеми низменными местностями, которые тянутся по берегу моря; пришлось даже делать захваты в области вод и завоевывать посреди залива обширные места для устройства товарных складов, пристаней, фабрик и заводов, и для открытия новых бассейнов увеличивающейся с каждым годом массе судов. Так как Триетский рейд не может уже вмещать в себе всего количества посещающих его кораблей, то нужно было искать новых гаваней в соседних бухтах. Богатая компания австрийского Ллойда, владеющая одним из самых многочисленных паровых флотов на Средиземном море (в 1895 г. 76 пароходов, общей вместимостью 148.309 тонн), расположилась, со всеми своими заведениями, к югу от Триеста, на берегу залива Муджиа (Muggia); другие берега, которые прежде посещались только рыбаками, теперь превратились в набережные, заваленные грудами товаров и соединенные с пристанями посредством длинных дамб. К сожалению, гавань слишком открыта действию ветров с моря, и недавно сооруженный большой волноразбиватель, длиной более километра, защищающий три бассейна общей площадью в 35 гектаров, стоит на недостаточно плотной почве морского дна: он уже оседал несколько раз; кроме того, мол, на котором стоит большой маяк, служит причиною засорения песком старой гавани. С другой стороны, Триест очень беден средствами быстрого сообщения; он не имеет даже рельсового пути вдоль морского берега: чтобы отправиться в Италию, поезда должны с большим усилием подниматься на плоскогорье Карст и затем тотчас же опять спускаться под гору к Монфальконе. У триестинцев нет также дороги с наклонным скатом, которая давала бы им возможность достигать в несколько минут станции на Карсте, куда венские поезды, поднимающиеся по длинной обходной рампе, приходят только после целого часа восхождения. Наконец, Триест не имеет в достаточном количестве годной для питья воды, и в настоящее время еще идет спор о том, откуда лучше будет провести эту воду—из реки Тимаво или из подземных рек плоскогорья.

Несмотря на все эти невыгоды, несмотря на уменьшение торговых оборотов, замечаемое с 1871 года, Триест несомненно приобрел перевес над Венециею в торговом отношении, благодаря большей глубине своих вод, удобству подступа к его рейду и гаваням, более значительному протяжению его области торговых сношений внутри континента.

Движение судоходства в Триесте в 1896 г.: прибыло 8.728 судов в 1.780.888 т.; вышло 8.773 суд. в 1.785.707 т.

Внешняя торговля в 1895 году:

		Ценность товаров.
Морем:	Привоз	184.980.000 гульд.
	Вывоз	150.570.000 „
Сухим путем:	Привоз	159.190.000 „
	Вывоз	153.770.000 „

Одного только сокровища Триест не может отнять у Венеции,—сокровища, которое нельзя купить, как груз товаров, нельзя зафрахтовать, как купеческий корабль: это великолепие и изящество памятников архитектуры, красота и блеск произведений искусства, составляющие отличительную черту города Лагун. В этом отношении Триест уступает даже многим другим итальянским городам менее многолюдным; однако, и он может похвалиться своим прекрасным музеем древностей, а также своею публичною библиотекою, которая со-

держит, между прочим, богатейшую в свете коллекцию книг, относящихся к Петрарке.

Вокруг Триеста рассеяны виллы и загородные замки, стоящие среди рощ и садов; но амфитеатр зелени, окруженный стеною Карста, не обширен: на севере от города крутые склоны плоскогорья спускаются до самого моря, образуя местами небольшие выступы или мыски, и оставляют мало места для растительности и культуры. За мысом, на котором расположен великолепный дворец Мирамар (принадлежавший эрцгерцогу Максимилиану, бывшему императору мексиканскому), с его очаровательными рощами и сосновыми лесами, тянется голый, почти необитаемый берег: проходя или проезжая по этой пустынной местности, вы бы ни за что не поверили, что находитесь так близко от большего города, если бы не видели на море многочисленной вереницы судов, плывущих на всех парусах к порту, пароходов, трехмачтовых кораблей, бригов, шлюпок с разноцветными парусами. Нужно пройти за устья Тимаво, чтобы опять встретить, на берегах реки Изонцо, плодоносные местности, многолюдные поселения, деревни и города. Главный город этой области Горициа (по-славянски Горица, по-немецки Герц), где скончался, в 1836 году, французский король Карл X, служит дачным местом для триестинцев и в то же время зимнею резиденциею для австрийцев, жителей северного склона Альп. Расположенная недалеко от реки Изонцо, в наиболее защищенном месте залива, который образовался в толще плоскогорья, вследствие продолжительного размыва почвы водами, Горициа пользуется климатом гораздо более ровным, чем климат Триеста; страшный бора или борей не бушует здесь с такою неистовою силою, как на берегах Адриатики; зелень здесь появляется сравнительно ранее, и все окрестности представляют прелестные, необыкновенно живописные ландшафты. Эта «Австрийская Ницца», так же, как и французская, есть город цветов и фруктов; она посылает свои первины и виноград в Вену; вишни её идут даже в Варшаву[1]. Горициа и Градиска, город, лежащий ниже, на берегу той же реки Изонцо, сообщили свое название княжеству, имеющему еще отдельное существование в провинции адриатического прибрежья.

В сравнении с Триестом, все другие порты Истрии и Далмации имеют второстепенное значение. Капо д'Истриа, расположенный на острове, который соединяется с твердою землею посредством древнего моста, превращенного ныне в широкое шоссе, был главным городом полуострова Истрии во времена господства венецианцев, которые обнесли его двойною каменною стеною, и все еще имеет вид большого города; но он слишком обширен для населения, которое теперь живет в его стенах. Капо д'Истриа лишился лучшей доли своей торговли, и многие из окружающих его салин уже оставлены. Пирано, построенный на оконечности высокого мыса, обладает более богатыми и лучше разрабатываемыми солеварнями, и обширный рейд его, порт Глориозо, где большие суда могут безопасно стоят во время дурной погоды, служит передовою гаванью Триеста. Паренцо, местопребывание областного сейма Истрии с 1861 г., замечателен в особенности многочисленными римскими и византийскими памятниками, украшавшими древний Parentium; остатки римских зданий встречаются здесь в большем числе, чем даже в г. Поле; древний капитолий, форум, место собрания комиций, курия, храмы Марса и Нептуна, театр сохранились еще в легко распознаваемых развалинах, а главная клоака (cloaca maxima) утилизируется и до сих пор; кроме того, заслуживает внимания церковь Eufrasiana. построенная в шестом столетии на развалинах древнего римского храма, представляющая один из драгоценнейших памятников зодчества, какие уцелели от византийской эпохи. Паренцо ведет некоторую торговлю, а в окрестностях его находятся важные каменоломни, которые уже со времен римской эпохи доставляют северной Италии превосходный истриоткий камень, употребляемый итальянцами на гидравлические сооружения. Паренцо служит на Адриатическом море портом города Пизино, лежащего в середине полуострова Истрии, на краю воронкообразной впадины или долины, глубиною около 57 метров, где теряются воды, текущие с соседних гор. По причине своего центрального положения, вследствие которого немцы называют его Миттербургом, Пизино является очень оживленным рынком, куда стекаются жители со всех концов полуострова, так что в базар-

1 Червиг, „Die Stadt Gortz als klimatischer Curort".

ные дни здесь можно увидеть истриотов всех племен в их национальных костюмах[1].

Ровиньо (Rovigno), лежащий на юг от пролива или канала Леме и окруженный масличными лесами, есть важнейший после Триеста торговый город Истрии; он обогащается преимущественно своими маслами и отправляет свои продукты на собственных судах[2]. Как торговый порт, Ровиньо имеет большой перевес над город Полою (Polla, или источник), который издавна славится своими древними памятниками, а в последнее время, сверх того, приобрел весьма важное значение как военный арсенал. Лет тридцать тому назад все его римские здания, прекрасный амфитеатр с тремя рядами аркад, храм в честь Рима и Августа, триумфальная арка, называемая «золотыми воротами», возбуждали тем большее удивление своим величественным видом, что они возвышались близ бедного местечка, на берегу пустынного залива; но теперь это местечко превратилось в настоящий город, заменивший собою для Австрии Венецию, как главный военно-морской порт и арсенал. С стратегической точки зрения, положение Полы выбрано превосходно: её порт, обширный, глубокий, огражденный со стороны открытого моря островами, защищаемый со всех сторон фортами, воздвигнутыми на вершинах соседних гор и высоких мысов, находится как раз у южной оконечности Истрии и, следовательно, господствует над Венецианским и Кварнарским заливами. Морские заведения Полы принадлежат к числу самых совершенных и наилучше обустроенных заведений этого рода во всей Европе: тогда как почти во всех главных морских арсеналах портовые и другие сооружения возводились в разное время, без всякого порядка, сообразно потребностям минуты, здесь все делается в строгой системе, по заранее обдуманному общему плану. Обсерватория и гидрографический институт венчают вершину горы Заро, к северу от города. Движение судоходства в коммерческом порте Полы в 1894 г.: вошло 1.991 груженое судно в 366.166 тонн, вышло 1.444 судна в 338.769 тонн.

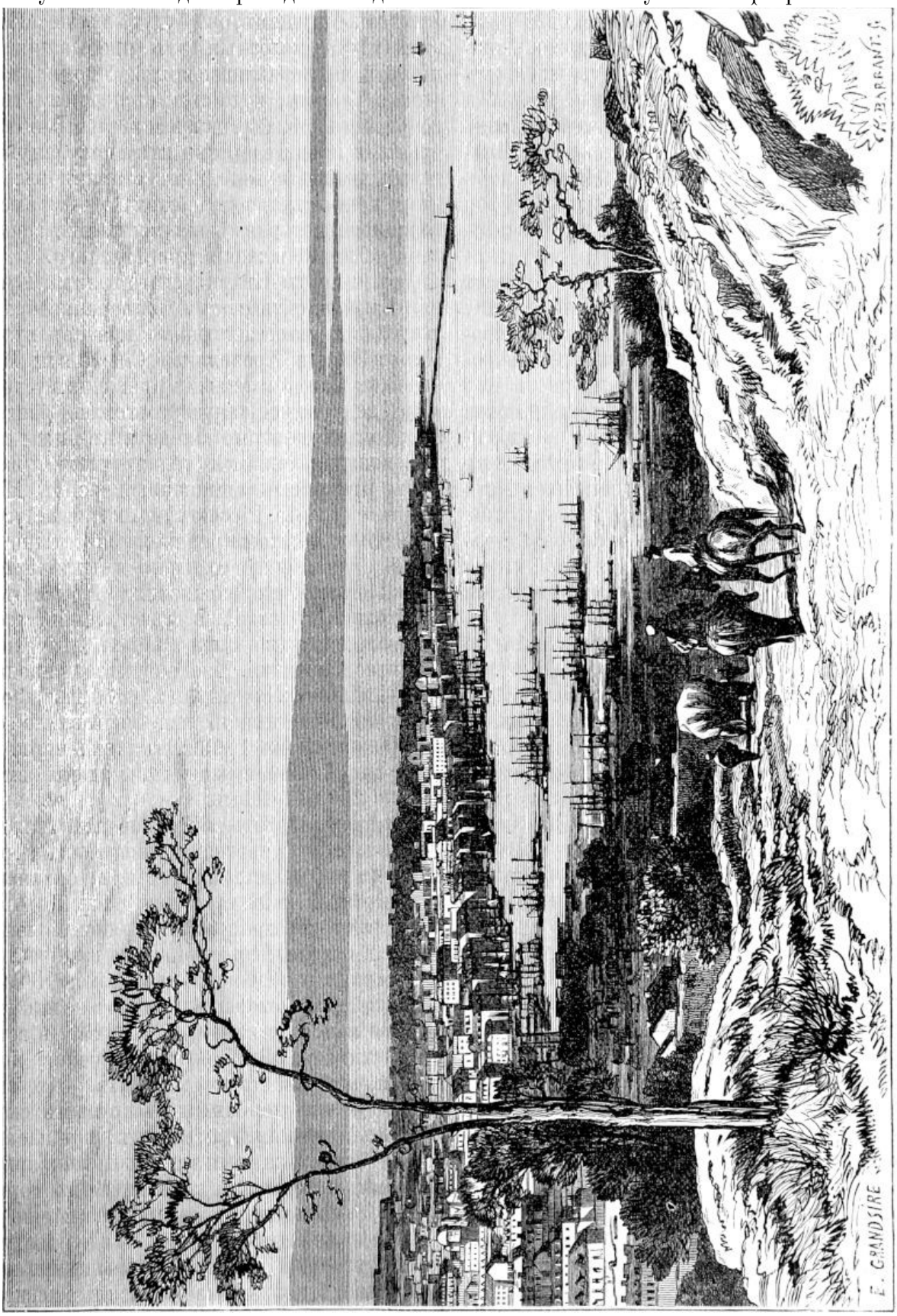
Главный приморский порт Венгрии, лежащий близ внутреннего угла полуострова Истрии,—тоже древний римский город: это Терсатика (Tersatica), которая была разрушена Карлом Великим в 799 году, но затем снова возродилась под именем Фиуме (по-славянски Река), которое она получила от реки, вытекающей из соседней скалы. Недалеко от кафедрального собора и теперь еще видна одна римская арка. Деревня Терсато, к востоку от Фиуме, которая господствует над ущельем р. Речины (Recina), по-итальянски Фиумары, и из которой можно любоваться развертывающеюся на обширном пространстве чудною панорамою гор, моря и островов, до сих пор напоминает название древнего города. Фиуме, местопребывание морского училища Австро-Венгрии, быстро распространяется в отношении протяжения и числа жителей, и хочет сделаться достойным той роли, которая ему выпала; старого порта на реке ему уже недостаточно, и теперь построили длинный и колоссальный волноразбиватель, который даст ему возможность сравняться с Триестом и даже превзойти последний обширностью пространства для якорной стоянки. Нет сомнения, что успехи сельского хозяйства, промышленности и торговли во внутренних областях страны принесут пользу Фиуме, так как он занимает благоприятное положение для того, чтобы служить местом торгового обмена. Движение судоходства в фиумском порте в 1892 г.: в приходе 6.323 судна (в том числе 4.816 с грузом) в 810.204 тонны; в отходе 6.287 судов (из них 4.204 груженых) в 807.723 тонн. Общая ценность торговых оборотов: по привозу—41.500.000, по вывозу—51.100.000 гульденов. Залив Кварнеро или Кварнаро, на оконечности которого расположен город Фиуме, представляет в этом месте озеро, хорошо защищенное от ветров, и едвали можно видеть что-либо более простой шутки в мнении тех, которые производили это название от корня Carne, как будто древние воображали себе этот мирный рукав моря чем-то в роде чудовища, пожирающего людей. Фиуме, питаемый многочисленными естественными фонтанами, которые бьют из земли на уровне моря, в бассейнах, куда жители спускаются за

1 Шарль Ириарт, «Tour du Monde“. 1875 г.

2 Торговый флот города Ровиньо в 1870 г. состоял из 69 купеческих кораблей и 81 барки, всего из 150 судов, вместимостью в 3.126 тонн.

Движение судоходства в этом порте в 1894 г.: в приходе 1.894 судна, вместимостью 218.557 тонн.

водою по мраморным лестницам, располагает, кроме того, для своей промышленной деятельности, силою 4.000 паровых лошадей, которую дает ему его река, и которою он пока еще пользуется только для приведения в действие большой писчебумажной фабрики и несколь-



Тріестъ.

ких мельниц, крахмальных заводов и фабрик гнутой мебели. На берегу моря, в предместьях города, расположены важные кораблестроительные верфи, а на западе, подле одной уединенной бухты, находится огромный механический завод, занимающийся приготовлением

подводных мин или торпед, и там часто можно видеть, как пароходы тащат на буксире эти смертоносные адские машины, чтобы испытать их ход. Фиуме и особенно деревни Волоска и Аббациа, лежащие в самом углу залива, могут также, благодаря их превосходному климату, рассчитывать на то, что со временем, и даже в близком будущем, они будут лучше оценены, как места, полезные для пребывания больных и выздоравливающих. Упомянутое местечко Терсато, куда стекается множество богомольцев, обладает замечательными скульптурными произведениями из Геркуланума, которые хранятся в одном старинном, полуразрушенном замке, рядом с мраморною колонною, которая была поставлена французами на поле сражения при Маренго.

Другие порты Кварнерского залива: Буккари или Бакар, скрытый на дне воронкообразного углубления, напоминающего кратер вулкана; Порто-Ре или Кралевина, Сенья или Ценг, бывший некогда главным притоном ускоков, тоже ведут кое-какую торговлю, благодаря пароходам, которые заходят в них; но все эти континентальные гавани менее важны, чем прекрасно защищенный рейд Малого Луссина (Lussin Piccolo), на острове Луссин. В 1859 г. на этом рейде одновременно стояло на якоре более сотни военных кораблей, французских и итальянских. По размерам каботажного плавания и судостроения Луссин-Пикколо есть один из самых деятельных портов Адриатики. Число судов, принадлежащих Малому Луссину, в 1870 г. было 230, а общая вместимость их составляла около 60.000 тонн. В 1893 г. в этом порте было в приходе 860 груженых судов, вместимостью 209.677 тонн.

Торговые обороты всех шестидесяти двух открытых для торговли приморских портов, которыми обладает Далмация, не составляют даже десятой части торгового движения Австро-Венгрии. Хотя пропорция моряков очень велика в населении иллирийского прибрежья, но эти моряки занимаются перевозкою товаров, главная масса которых состоит не из произведений их собственного края. Почти все далматинские города построены на берегу моря и издали похожи друг на друга. Это скорее крепости, прислоненные к крутым скатам холмов, опоясанные рядом укрепленных башен, перерезанные внутри узкими, кривыми улицами, которые поднимаются в гору, в виде лестниц; порт маленький, сплошь обнесенный каменными стенами и едва доступный через узенький канал, который, при малейшей тревоге, можно было замыкать массивными железными цепями, протянутыми с одного берега на другой; рядом с зданием адмиралтейства находится главная городская площадь, на которой возвышается ратуша, составляющая средоточие города. Со времен средних веков, жизнь почти остановилась в этих городах; оттого они по большей части до сей поры сохранили свою старинную физиономию, какую имели в ту эпоху, когда Венеция властвовала над ними своею цивилизациею и своим нравственным превосходством еще более, чем силою оружия.

Однако, Цара или Зара (Задар), столица Далмации, уже много изменилась к лучшему; часть её валов преобразована в бульвары, и бывший венецианский город, из которого прежние его властители сделали остров, отделив его от материка широким рвом, теперь почти весь окружен высоким садом, разведенным на эспланаде, откуда открывается великолепный вид на море и его архипелаг. Знаменитый зарский мараскин обязан своим специальным ароматом особому сорту вишень, называемых «марасками», которые получаются преимущественно из местности Макарской (Makarska), близ Спалато. Цара заменила собою город «Биоград», древний Ядер, который находился верстах в тридцати от неё, к юго-востоку; этот стольный город славянских князей, затем венгерских завоевателей, был покорен в 1127 году венецианцами, которые и разрушили его до основания, а жителей перевели в нынешнюю Цару, но впоследствии на развалинах были выстроены новые дома. Итальянские моряки называют этот разрушенный город «Старою Царою», Zara Vecchia.

Город Себенико (Sebenico) или Шибеник (Sibenik) лежит уже внутри Далмации, на берегу лимана, образуемого устьем реки Керки, и вход в который защищается прекрасным фортом, построенным по плану Саммикели. Это маленький городок, но один из тех, которые, благодаря своему выгодному торговому положению, могут надеяться на быстрое развитие и преуспеяние. Из зданий его замечателен кафедральный собор в готическом итальянском

стиле, начатый постройкою в 1443 г., по плану зодчего Джиорджио ди-Маттео, шибеницкого уроженца; это самая красивая церковь во всей Далмации[1]. Порт его доступен даже большим кораблям, а долина реки Керки представляет удобный путь к Хорватии и Боснии, через городок Книн, важнейший пункт континентальной Далмации. Шибеник есть естественное складочное место для продукта каменноугольных копей, открытых близ Дерниша (Drnis), на склонах горы Промины.

Город Спалато или Спалатро (по-славянски Сплет) удержал за собою слегка видоизмененное название древних царских палат, palatium императора Диоклетиана, которые отчасти существуют еще и теперь. Это один из самых обширных остатков римскаго зодчества. Когда римский город Салона был разрушен аварами, жители его укрылись в большом числе в этом императорском дворце, где в наши дни живут без всякого стеснения около четырех тысяч человек; нынешние дома висят, точно клетки, на стенах комнат дворца, а экипажи свободно разъезжают по его корридорам. Спалатский кафедральный собор, непосредственно прилегающий к зданиям дворца, переделан из древнего храма Юпитера, и хотя последующие перестройки значительно изменили его первоначальный вид, приспособляя здание к потребностям нового культа, но тем не менее он и теперь еще представляет один из любопытнейших античных памятников Иллирийского полуострова; в настоящее время трудятся над уборкою окружавших его невзрачных лачуг, и римская мостовая опять показалась на свет Божий, откопанная из-под слоя многовековой пыли. В Спалато есть, кроме того, другой римский храм, еще лучше сохранившийся,—храм Эскулапа, а на месте древнего города Салона, где теперь расположились бедные домики деревни Солин, видны остатки каменных стен и ворот римского амфитеатра и водопровода. Спалато занимает еще более выгодное положение, чем Себенеко, и в особенности чем столица Далмации, в отношении удобства сообщения с внутреннею частью Далмации и с завоеванным у Турции землями; проход Клисса, открывающийся на севере, в горах, которым воспользовались для постройки железной дороги, обеспечивает этому городу важную торговую будущность. Он является складочным местом для земледельческих произведений обширных общин Синь и Имоски. Кроме того, берега залива «Семи замков» (Sette Castelli), который тянется на запад до города Трау (Трогир), прозванного «маленькою Венециею» Иллирии, отличаются необычайным плодородием почвы, так что всю эту местность называют «садом Далмации». К востоку от Спалато лежит маленькая территория Полица, которая пользовалась республиканским устройством до 1807 г. Жители этой области, поличане, все считают себя благородными, и, не желая, чтобы их смешивали с их соседями, морлаками, носят обыкновенно венгерский костюм[2].

Почтенная Рагуза (по-славянски Дубровник), древний Лаузио (Lausio), заселенная в седьмом столетии нашей эры выходцами из Салоны и Эпидавра, возвышается на мысе, окруженная укреплениями в итальянском стиле и башнями, которые господствуют над городом. В 1667 году, эти «далматинские Афины» насчитывали в своих стенах 30.000 жителей; теперь это маленький городок, имеющий около 11.000 жителей, вместе с своими предместьями Пиле и Плоче, равно как и со всеми окрестностями, принадлежащими к городскому округу; но, тем не менее, город все еще имеет довольно важное значение как морская пристань, обладающая хорошею гаванью (порт Гравоза), и как рынок, снабжающий соседнюю Герцеговину произведениями промышленности. В Рагузе мы уже находимся, так сказать, у ворот Востока: к европейской флоре здесь уже примешивается растительность жарких климатов, и когда вы гуляете в чудных садах острова Лакромы, славящагося своими винами, вам кажется, что какая-то волшебная сила перенесла вас в баснословную землю Гесперид. Старая Рагуза, Ragusa Vecchia (по-славянски Каптат), древний Эпидавр, тоже расположена в очаровательной местности; но краса и чудо Адриатики—это Каттаро, военный порт, лежащий на внутренней оконечности лабиринта вод, образующих Каттарский залив или так называемые «устья Каттаро» (Bocca di Cattaro), у основания извилистой дороги, окаймленной башнями,

1 Прико-де-Сент-Мари, Рукописные заметки.

2 Cyrille, „Voyage sentimental dans les pays Slaves".

которая поднимается по кручам Черногории.

Население главных городов адриатических провинций Австро-Венгрии, в конце 1890 г.:

Прибрежье: Триест—157.466 жит.; Гориция или Герц—21.825 жит.; Пола—38.937 жителей; Ровиньо—9.662 жит.: Пирано (Перан)—12.326 жит.; Капо д'Истриа (Копер, Копар)—10.706 жит.; Луссин-Пикколо—5.000 жителей.

Венгрия: Фиуме 30.000 жителей.

Далмация: Спалато—16.000 жит.; Себенико (Шибеник)—20.360 жит.; Рагуза—11.177 жит.; Цара—11.000 жит.

Глава V Юго-славянские земли.

Область южно-славянских народов простирается, как известно, далеко за пределы Австро-Венгрии. Она заключает в себе независимую Сербию, Боснию и всю половину Балканского полуострова, занимаемую болгарами, так что касается с одной стороны Адриатики, с другой стороны—Черного моря и даже Салоникского залива. Следовательно, эта область славянского мира так же обширна, как многие из больших государств Европы, но она раздроблена на множество кусков, отделенных один от другого укрепленными лагерями, фортами и крепостями, таможенными линиями и кордонами, и в течение многих столетий сыны одного и того же племени, подвластные различным иностранным государям, встречались между собою только как враги, на полях битв. Впрочем, эта странная на первый взгляд политическая раздробленность юго-славянского мира объясняется отчасти географическими контрастами различных областей, занимаемых южными славянами. К югу от Дуная и его притока Савы, местность представляет лабиринт гор, крутых утесов, извилистых долин, трудно доступных: здесь славянские племена успели сохранить свою первоначальную независимость или вновь завоевать себе автономию, но мусульмане, находя поддержку в местных феодальных порядках, могли поработить огромное большинство жителей, лишенных, по причине трудности сообщений, всякой помощи со стороны своих единоплеменников и союзников, живущих в христианской Европе. К северу от Савы, которая, по ширине своего течения, по большому протяжению лесов, прудов, озер и болот, покрывающих её берега, может, по справедливости, считаться естественною границею, общий вид страны совершенно иной: горы и холмы там окружены низменными равнинами, составляющими продолжение большой Венгерской низменности, и потому мадьяры легко могли поддаться искушению присоединить к своим владениям то, что им казалось естественною составною частью их государства. Точно также австрийские немцы должны были из подобных же побуждений, основанных на политической выгоде и подкрепляемых правом сильного, смотреть, как на свою собственность, на все альпийские области славян, дающие им выход к Венецианскому заливу. Таковы причины, исторические и географические, которыми можно объяснить раздробленность южно-славянского мира на множество отдельных частей.

Босния и Герцеговина.

Юго-славянские земли, принадлежащие Австро-Венгрии, еще недавно не имели географического единства и представляли весьма странные очертания. Турецкая Босния врезывалась клином между Кроацией и Далмацией, совершенно разделяя эти две страны двойным кордоном таможен и военными гарнизонами. Мусульманский Восток начинался сразу на правом берегу рек Уны и Савы: иной город, как Брод, например, разделялся рекой на две половины, жители которых могли видеться между собой не иначе, как на глазах часовых. Далматинцы, хотя они говорят тем же наречием и поют те же эпические сказания, что и бо-

сняки, должны были совершенно перенести свою деятельность к побережью, и сношения их должны были завязаться почти исключительно с Италией и Истрией. Завладев обширным треугольником Боснии, Австро-Венгерская монархия связала Далмацию с остальной империей, и скоро удобные пути сообщения соединят Кроацию и Славонию с портами Адриатического берега. Более того—австрийские войска заняли территорию Расции, которая вдается, в виде аллеи, между Черногорией и Сербией, так что Австро-Венгрия сделалась хозяйкой военных позиций, командующих этими двумя независимыми юго-славянскими странами. Таким образом она может во всякое время присоединить к себе эти два государства, наполовину окруженные её обширными владениями. В то время, как Россия обеспечила себе преобладание в восточной части Балканского полуострова, добившись от султана автономии Болгарии и Восточной Румелии, Австрия увеличилась с другой стороны Боснией, Герцеговиной и Расцией, и её влияние отныне не имеет соперников на большом торговом пути, который из Вены направляется на юго-восток к Салоникам, так что теперь аванпосты двух империй встречаются в самом сердце старой Турции. С этой стороны граница еще оспаривается, и благодаря этому антагонизму между Веной и Петербургом, Турция может сохранять вид независимости.

Пространство и население Боснии и Герцеговины, по переписи 1 мая 1885 года: 52.102 кв. кил.; 1.336.091 жителей; 26 жителей на 1 кв. километр.

Босния, лежащая в северо-западном углу Балканского полуострова,—настоящая Швейцария европейского Востока, но Швейцария, горы которой не поднимаются в область вечных снегов и ледников. Горные цепи Боснии и её южной соседки, Герцеговины, имеют на большой части своего протяжения, много сходства с цепями Юры; но они опираются на центральную ось из древних пород, кульминирующий пункт которых есть Зек, гора высотой 1.950 метров, образующая водораздельный массив между покатостями рек Вербаса, Босны, Наренты. Через всю Боснию проходят, параллельно направлению Далматского берега, палеозойские пласты от истоков Савы до долины Дрины, но не непрерывным образом; в некоторых местах они прикрыты более новыми формациями. Скалы триаса и юры занимают большую часть боснийской территории к западу от этой оси палеозойского происхождения и тянутся также параллельными полосами. В восточной Боснии они имеют меньшее развитие, и высоты состоят главным образом из конгломератов, там и сям пробитых гребнями из эруптивных пород, змеевиков, диабазов, диоритов и трахитов. Как и осадочные пласты, эти массы, вышедшие из земли в тестообразном состоянии, имеют общее направление с северо-запада на юго-восток, совпадающее с направлением всей страны[1].

Подобно горам Юры, самые высокие цепи западной Боснии вздымают свои известковые скалы в виде длинных параллельных валов, где следуют один за другим хребты, усаженные там и сям острыми гребнями средней высоты от 1.500 до 1.800 метров. Как и возвышенности Юры, боснийские цепи также неодинаковой высоты и в целом имеют форму плато с параллельными бороздами, расположенными в виде последовательных ступеней, с довольно пологим идеальным скатом. Главная цепь северной Боснии—та, которая образует границу с Далмацией; другие, более низкие группы гор тянутся, постепенно понижаясь, на северо-восток, к равнинам Савы. На востоке и юго-востоке несколько больших кратерообразных долин, отделяют боснийские горы от массивов Сербии. Самая замечательная из них—Новобазарская равнина, в которой встречается много потоков и которая командует всеми проходами страны. Это—стратегический ключ этой области Балканского полуострова; потому-то турецкое правительство и хотело некогда устроить здесь главную станцию будущей сети северо-западных железных дорог.

Почти все цепи Боснии, составляющие продолжение альпийской системы Крайны и Австрийской Кроации, постепенно повышаются по направлению к югу полуострова. Средняя высота их, не достигающая в начале даже тысячи метров, увеличивается вдвое около середины Боснии, а в территории, недавно уступленной Черногории, доломитовая масса Дормито-

1 Mojsisovios, Tietze, Bittner, Pilar, „Geologische Uebersichts-Karte von Bosnien-Hercegovina“.

ра вздымает свои белые пирамиды до двух с половиной километров; тем не менее, Дормитор не может оспаривать у Олимпа Фессалии и у самых высоких вершин Родопа чести быть гигантом среди гор полуострова. Вокруг этой прекрасной горы страна принимает общий вид плоскогорья, изрезаннаго глубокими котловинами, то открытыми с одной стороны, как «корыта» Герцеговины, то совершенно окруженными скалами, как долины Черногории. Но к востоку цепи тянутся правильными рядами, все выше и выше вознося свои вершины, и образуют, наконец, широкий массив «Проклятых» гор, самый значительный на всем Балканском полуострове и один из тех, воды которых изливаются в наибольшем изобилии: это маленький Сен-Готард Иллирийских Альп. Почти в центре этого массива открывается, как бы громадный кратер, бассейн, на дне которого покоятся воды озера Плава. Высокие вершины, вздымающиеся вокруг этой пропасти, там и сям покрыты полосами снега, даже летом. Однако, Ком, который считали еще недавно самым высоким пунктом, каждый год освобождается от снежного покрова, благодаря своему уединению и дыханию горячих ветров Африки, к которым он обращен. Моряки, плывущие вдали по Адриатическому морю, ясно различают его двойной пик, выступающий над плоскогорьями Черногории. Многие путешественники без труда всходили на него, благодаря слабой крутизне его высоких склонов. Возвышения главных вершин Боснии над уровнем моря выражаются в следующих цифрах:

Дормитор—2.483 метра, Ком, по Ворщанскому—2.448 метра; Глеб—1.760 метров.

Подобно рекам Юры, реки Боснии, Уна, Вербас, Дрина, Босна, давшая свое имя всей провинции, имеют направление, заранее определенное параллельными рядами гор; они должны необходимо течь с юго-востока на северо-запад, в оставленных для них бороздах. Долины, в которых они берут свое начало, суть древние озерные ложа, расположенные параллельно направлению промежуточных хребтов и заваленных мало-по-малу наносами; некоторые из этих длинных и узких бассейнов, занимавших большую часть теперешней покатости Наренты, были не менее Невшательского озера. Подобно Юре, валы Боснии прерываются местами узкими ущельями, в которых реки, вырвавшись из озерных бассейнов, ныне занесенных, бросаются в сторону резким поворотом, чтобы течь по дну другой борозды; между этими клюзами, каждая из которых имеет при входе старинный укрепленный замок, самая удивительная, может быть, ниже Преполья, клюза одного притока верхней Дрины, Мрачное ущелье, через которое «даже птица не осмеливается перелетать», но которое недавно было пройдено австрийскими инженерами. Другой дефилей, замечательный историческими воспоминаниями,—это ущелье Вербаса, там, где река Плива вливается в главный поток водопадом в 30 метров высоты, над которым высится, на вершине туфовой скалы, древняя цитадель королей Боснии. Резко отличаясь от рек, извивающихся в равнинах, горные реки Боснии последовательно меняют долины крутыми поворотами под прямым углом; попеременно—то тихия, то бешеные, они спускаются постепенно до тех пор, пока не достигнут, наконец, Савы, которая принимает их в свое обширное русло. Одна только река, Наренга, Наретва, как называют ее славяне, течение которой своими неожиданными поворотами представляет много сходства с течением французского Дубса, находит ряд удобных ущелий, которые позволяют ей излиться на запад, в Адриатическое море. Все другие потоки, следуя общему склону почвы, текут к Дунаю. Их долины должны были бы служить естественными путями на плоскогорья, но большинство ущелий трудно доступны, и пока не будут построены большие дороги, как это сделано в ущельях Юры, приходится во многих местах взбираться на высокие горные валы, разделяющие долины и их селения. Это отсутствие прямых и удобных путей сообщения и делает военные операции в Боснии столь трудными и опасными. Армии обыкновенно проходили к востоку от всех этих массивов, в области, где переплетаются истоки Вардара и Моравы. Там тянется высохшее ложе древнего озера, по которому течет еще, на Оттоманской территории, Ситница, один из верхних притоков сербской Моравы; это Коссовская равнина, печальное «Поле Дроздов», имя которого пробуждает грустные воспоминания в сердцах всех южных славян: здесь пало могущество Сербии в 1389 году.

Гроты, воронки, подземные реки дополняют сходство боснийских гор с горами Юры.

Здесь встречаются там и сям, среди скал, ямы, образовавшиеся вследствие провалов, глубиною от 20 до 30 метров, похожия на кратеры. Многие речки, которые видишь бьющими из подножия холма в виде мощного фонтана голубой воды, текут на протяжении нескольких километров и затем вдруг исчезают под порталом скал. Плато Герцеговины особенно богаты явлениями этого рода. Как и в соседней Черногории, почва там изрыта пропастями, на дне которых пропадает дождевая вода. «Слепыя» долины и «корыта» представляют повсюду следы временных потоков и озер; даже иногда, в дождливые периоды, подземные резервуары выступают на поверхность; но обыкновенно жителям приходится собирать воду в цистерны или даже ходить искать её. Впрочем, гидрография этой области, растрескавшейся по всем направлениям, может меняться из года в год: иное озеро, показанное на картах, не существует более, потому что внутренний галлереи в скалах освободились от загромождавших их наносов; другие озера, напротив, нового образования, потому что каналы засорились. Особенно любопытно в этом отношении течение реки Трединчицы в западной Герцеговине. Она появляется, исчезает, чтобы появиться снова; один из её рукавов, то видимый, то скрытый, соединяется с Нарентой, пройдя равнину Котези, которая попеременно бывает то сухим полем, то прекрасным озером, изобилующим рыбой. Некоторые другие потоки, пройдя под горами, бьют на берегу моря великолепными фонтанами, один из которых, знаменитый Омбла, изливается в рейд Гравоза, севернее Рагузы.

Климат Боснии весьма суров, по причине общего возвышенного положения этой гористой страны. Хотя Сараево лежит на той же широте, как Флоренция и Марсель, температура падает здесь иногда зимой до 15° ниже нуля; между тем летния жары очень сильны, особенно в узких долинах, где солнечные лучи отражаются от беловатых стен гор. Годовая и суточная разность температур очень значительна. В высоких областях зима длится восемь месяцев, тогда как в низменных долинах Герцеговины жители пользуются уже совершенно итальянским климатом, и крестьяне могут возделывать виноград и тутовое дерево. «Там, где кончаются камни и начинаются деревья, там начинается Босния», говорили некогда далматинцы; но некоторые боснийские местности лишились своей растительности. Так, плоскогорья Герцеговины и Черногории и горы Далмации почти совершенно обезлесены; однако, Босния в собственном смысле еще очень богата лесной растительностью. Около половины её территории покрыто лесом; в равнинах, правда, леса, где крестьянин рубит сколько ему угодно, во многих местах низведены до состояния кустарника. Но в гористых областях леса, еще девственные, состоят из больших деревьев. В этих великолепных лесах, площадь которых составляет около 600.000 гектаров, представлены все главные породы запада—ореховое дерево, каштан, липа, клен, дуб, бук, ясень, береза, сосна, ель, лиственница; к несчастию, австрийские спекулянты пользуются дорогами, которые начинают проникать внутрь страны, чтобы опустошать и уничтожать эти леса, которые следовало бы заботливо беречь. Пение птиц редко слышится в этих обширных лесах, но дикие звери здесь многочисленны: медведи, кабаны и козы находят здесь убежище; волков здесь убивают так много, что шкуры их составляют один из важных предметов торговли Боснии. Взятая в целом, страна отличается замечательным плодородием; это одна из обетованных земель Европы по необычайной плодоносности своих долин; мало также найдется местностей с более привлекательной сельской природой. Долина, в которой лежат города Травник и Сараево, особенно славится прелестью своих пейзажей.

До сих пор Босния оставалась слишком вне цивилизованного мира, для того чтобы её продукты, за исключением дубовых досок, могли быть вывозимы далеко, и со времени присоединения страны к Австрии только сливы её приобрели значение среди экспортных товаров; почти все деревни тонут в зелени плодовых деревьев. Боснийские лошади, малорослые и сильные, обладают всеми качествами горных лошадей, а овцы доставляют весьма тонкую шерсть. В некоторых округах, именно на границах Кроации и в соседстве с Савой, бродят среди дубовых лесов большие стада полу-диких свиней: отсюда прозвище «страны свиней», данное некогда турками в насмешку всей нижней Боснии.

Количество домашних животных в Боснии и Герцеговине (по переписи 1879 года): лошадей—155.980; быков и коров—754.877; овец—831.285; коз—514.990; свиней—427.091.

Металлоносные залежи страны, еще мало исследованные, слывут весьма богатыми; железные руды уже давно эксплоатируются туземцами, а со времени присоединения инженерами открыты руды свинцовые и ртутные, месторождения лигнита и каменного угля, и почти все металлы были найдены в более или менее значительных пропорциях в рудоносных землях; здесь находят также «морскую пенку» превосходного качества. Обильные соляные источники бьют в триасовых скалах Боснии; но все эти внутренние богатства почвы не могут быть утилизируемы, пока страна будет оставаться тем, что она есть, почти некультурной и относительно пустынной. Плуг босняка все еще состоит просто из кривого сука дерева, без резака или сошника, в который впрягают до восьми сильных буйволов, и снопы все еще обмолачиваются лошадьми, пущенными на ток.

За исключением евреев, цыган, немецких чиновников, немногих колонистов, пришедших в край со времени присоединения, и османлисов турецкой или албанской расы, которые не были перебиты или изгнаны, или не выселились еще добровольно, обитатели Иллирийских Альп принадлежат к славянскому племени. Близ северной границы, в Крайне, они называют себя хорватами, что и справедливо; но они мало чем отличаются от своих соседей, боснийских сербов и райцев или славян Расции, сделавшейся ныне санджаком новобазарским; их страна—классическая земля тех народных песен, которые южные славяне считают священной сокровищницей своих национальных преданий. Жители Герцеговины имеют, быть может, специальный тип, наиболее характерный. Они происходят, повидимому, от славянских иммигрантов, пришедших в седьмом веке с берегов Вислы; так же, как у их соседей черногорцев, речь их отличается гораздо большей живостью, чем у собственно сербов; они употребляют также много особенных оборотов фраз, и в язык их проскользнуло много итальянских слов, что объясняется большим числом их эмигрантов, из которых иные сохраняют сношения со своими семьями или даже возвращаются на родину. «Герцеговина заселяет все страны, говорит пословица, и сама не обезлюдневает». В этом отношении она имеет сходство с Албанией и почти со всеми другими горными странами Европы: её молодые люди, которым слишком тесно в своих высоких долинах, идут искать счастья на чужбину, в те равнины, или даже за то море, которые они видят с высоты своих гор.

Хотя босняки были в большинстве одного происхождения, но их разделяла религия, и отсюда-то произошло их состояние политического рабства. На первый взгляд, действительно кажется очень странным, что славяне Боснии не стряхнули с себя, подобно сербам, уже полвека тому назад оттоманского ига. Они гораздо более удалены от Константинополя, и их долины гораздо труднее доступны, чем равнины Сербии. Всю страну их можно сравнить с громадной крепостью, самая высокая стена которой обращена прямо на юг, как бы для того, чтобы закрыть вход османам. Даже взобравшись на этот вал, пришлось бы форсировать последовательно каждое речное ущелье, подниматься на каждый из параллельных гребней гор; в тысяче местах нескольких человек было бы достаточно, чтобы принудить к отступлению целые баталионы. Самый климат должен был бы служить к защите Боснии от турок, так как он значительно разнится от климата остального полуострова; склоны, обращенные к северу, и барьеры из гор, останавливающие теплые атмосферные течения, сообщают Боснии температуру, значительно более холодную, чем того требует широта места. И все-таки, несмотря на преимущества, представляемые почвой и климатом с точки зрения обороны, попытки восстаний, делавшиеся некогда против турок, оканчивались плачевно. Это объясняется тем, что боснийские мусульмане и христиане—враги между собой, и что между христианами православные, управляемые своими попами, и католики, повинующиеся своим францисканским патерам, ненавидят друг друга и друг другу взаимно изменяют. Разъединенные, они были неизбежно порабощены, и унижение рабства сделало их худшими, чем их угнетатели.

Мусульмане Боснии, которые сами себе дали имя турок, отвергаемое, как оскорбитель-

ное, османами остального полуострова, такие же славяне, как и босняки обоих христианских исповеданий, и, как эти последние, они говорят только по-сербски, хотя в наречие их и проскользнуло много турецких слов. Это потомки богумилов, преследовавшихся сектантов, которые исповедовали ту же веру, что и катары Запада. Кроме того, местные помещики приняли магометанство в конце пятнадцатого и особенно в начале шестнадцатого столетия, чтобы сохранить свои феодальные привилегии. Среди своих предков «турки» Боснии считают также немало знаменитых разбойников, которые поторопились переменить религию, чтобы продолжать безбоязненно свое ремесло грабителей; наконец, личные слуги начальников были обращаемы в ислам силою. Вероотступничество дало господам еще больше власти над их бедным народом, чем они имели раньше; присоединив к кастовой ненависти ненависть религиозную, они скоро превзошли в фанатизме других магометан и обратили христианское сельское население в настоящее рабство; до сих пор еще близ городских ворот Сараево показывают дикое грушевое дерево, к которому местные нотабли ходили время от времени, чтобы доставить себе удовольствие повесить какого-нибудь несчастного райю. Убийства были столь часты, что когда кто-нибудь пропадал без вести, говорили просто: «ночь пожрала его!» Беи или спаги, босняки-магометане, составляли наиболее ретроградный элемент старой Турции, и не раз, как например в 1851 году, они поднимали знамя бунта, чтобы сохранить во всей её силе свою старую феодальную тиранию. Как мусульманский город, Сараево, поставленный непосредственно под покровительство султанши-матери, пользовался чрезвычайными привилегиями; он составлял государство в государстве, более враждебное к христианам, чем сама Блистательная Порта.

Еще и в наши дни боснийские мусульмане владеют большею, чем их пропорциональная доля, частью земельной собственности, но это только до поры до времени. В последнее восстание многие предводители раздавали земли тем, кто вызывался сопровождать их на поле битвы. Мусульманские беи, эмигрирующие в Константинополь, продают свои поместья эмигрантам из Ганновера, Вюртемберга, Тироля, которым правительство, кроме того, предоставляет важные льготы: оно дает им землю под дома и сады и освобождает их от налогов в продолжение десяти лет. Оно отводит также пастбища колонистам, которые приходят в довольно большом числе, чтобы тотчас же организоваться в «общины». Земля была разделена на спагилики или мусульманские лены, переходившие в наследство, согласно славянскому обычаю, не по праву старшинства, но нераздельно ко всем членам семьи; последние выбирали своим главой либо старшего по летам между ними, либо самого храброго, когда надо было идти на войну. Что касается поселян-христиан, то еще недавно они обязаны были работать на мусульманскую общину, однако уже не как рабы, но как батраки, работающие по месячно или по-урочно; самые счастливые из них имели некоторую долю в прибылях общины, но зато и несли пропорционально наибольшие тягости. Естественно поэтому, что многие христиане, подобно тому, как евреи в других странах, избегали земледелия, чтобы заняться торговлей; почти вся торговля находится в руках православных и католиков. Испанские евреи, сгруппированные в общины, в особенности в Сараеве и Травнике, занимаются обычной практикой торга и профессией закладчиков. Они в огромном большинстве блондины и все носят бороду. Из всех евреев, изгнанных из Испании, эти, вероятно, всего менее изменились под влиянием окружающей среды: они все еще говорят по-испански между собой и произносят имя своего бывшего отечества с сыновней нежностью.

Даже до присоединения Боснии к Австро-Венгрии число мусульман составляло здесь лишь треть всего населения; магометанский элемент оставался неподвижным, если только он не убывал, тогда как элемент христианский не переставал возрастать, вследствие большей плодовитости семей. По мнению некоторых авторов, сравнительная редкость детей в мусульманских домах должна быть приписана выкидышам, которые практикуются без угрызения совести в семьях босняков, обращенных в ислам. Удивительно, однако, что этот прискорбный обычай может быть настолько общим, чтобы объяснять большую разницу в приросте, существующую между двумя группами населения, так что задаешь себе вопрос, не следует ли видеть в этом явлении скорее действие относительного благосостояния мусульман и осто-

рожности, которую внушает им их положение собственников.

Население Боснии и Герцеговины 1-го мая 1885 года (не считая Нового Базара): христиан: православных—571.250, католиков—265.788; мусульман—492.710; евреев—5.805; прочих вероисповеданий—538; всего—1.336.091.

Впрочем, босняки всех сект и всех религий обладают теми же природными качествами, как и другие сербы, и рано или поздно, какова бы ни была их политическая судьба, они поднимутся, как народ, до того же уровня умственного и нравственного развития. Они чистосердечны и гостеприимны, храбры в битвах, трудолюбивы, экономны, склонны к поэзии, тверды в дружбе, постоянны в любви; брак уважается ими, и даже босняки-мусульмане отвергают полигамию, разрешаемую им кораном; магометане Герцеговины тоже не держат своих жен взаперти, молодые девушки ходят с открытым лицом, и во многих деревнях все дома имеют заднюю дверь, для того, чтобы женщины могли навещать соседей, не проходя по улице; правда, в северной Боснии мусульманки так закутаны в белые покрывала, что походят на привидения; даже глаза у них на половину закрыты, так что они видят перед собой не более, как на три шага. Рядом с хорошими качествами, сколько еще варварства, невежества, суеверий и фанатизма существует как у христиан, так и у магометан! Беспрестанные войны, тирания с одной стороны, рабство с другой одичили их нравы; леса и скалы их гор держали их вдали от всякого цивилизаторского влияния. У них почти нет школ; там и сям их заменяют немногие монастыри; но чему могут научиться дети у монахов, которые сами ничего не знают, кроме пения молитв? У самых ворот города Сараево находится пещера, которую народ считает «убежищем нимф». Наконец, «раки» или сливовица, которую босняки поглощают в громадном количестве, способствовала удержанию их в состоянии дикости; вычислено, что жители Боснии, включая детей и женщин, выпивают, в среднем, каждый сто тридцать литров сливовой водки в год.

Может показаться удивительным, что в столь варварской стране существуют весьма деятельные города; но страна эта так богата естественными произведениями, что здесь необходимо должна была развиться некоторая внутренняя торговля; вследствие своей изолированности, населения Боснии должны были сами удовлетворять все свои потребности, молоть свое зерно на винтовых мельницах, давно уже ими изобретенных, выделывать собственное оружие, собственные ткани, железные инструменты; отсюда—некоторое промышленное движение в городах, наилучше расположенных, как продовольственные рынки. При том же не только призыв промышленности и торговли населил эти города,—отсутствие безопасности в деревнях также способствовало этому в значительной степени. Еще недавно не было во всей Европе, кроме соседней Албании и полярных областей Скандинавии и России, ни одной местности, столь редко посещаемой, как страна босняков. Теперь сеть торговых и стратегических путей быстро распространяется в Боснии и Герцеговине. Общая длина колесных дорог составляет 3.465, а железных дорог—561 километр. Скоро Сараево, уже соединенное с Австро-Венгрией железной дорогой, оканчивающейся в Броде, будет связано в другом пункте с Кроатской сетью через Банялуку и Костайницу.

На северо-западе Боснии Бихач, почти сплошь населенный магометанами, есть самый возвышенный город в бассейне Савы; он занимает маленький наносный бассейн, в котором течет река Уна, здесь еще простой горный поток. Ниже, город Нови, при слиянии Уны и Соны, имеет некоторое значение как начальный пункт первой железной дороги, которая проникла внутрь Боснии еще во времена владычества турок. Восточнее, долина р. Вербас относительно населена, и там находится прежняя столица Боснии, живописная Яице, с её дворцом, преобразованным в укрепленный замок, с её скалой, изрытой подземельями, которые служили тюрьмами, и прекрасным водопадом Плива, который с высоты моста виден низвергающимся в глубокое ущелье Вербаса. Ниже, в той же долине, Банялука, ныне последняя станция Аграмской железной дороги, представляет в действительности одну узкую улицу в 6 километров длины, ограниченную с одной стороны быстрыми водами Вербаса, с другой—высокими холмами. В Банялуке бьют сернистые ключи среди развалин античных

построек, известных в стране под именем «римских бань».

Сараево, нынешняя столица Боснии, носит этот титул лишь с 1850 года; тем не менее, он уже и ранее был самым значительным городом провинции: мусульманские беи сделали из него свое сборное место и главный военный пункт. Основанный в 1465 году, этот город заменил собою древний город Босну, стоявший на реке того же имени, и замок или сарай, построенный на холме, доставил новому городу имя Босна-сарай. В 1850 г. Омер-Паша, сокрушитель могущества беев, перенес резиденцию правительства, которая находилась тогда на северо-западе, в прелестном Травнике, и поместил ее в городе беев, для того чтобы иметь возможность лучше наблюдать за побежденными. Сараево из всех городов Боснии наиболее походит на европейский город; девять мостов, каменных или деревянных, перекинуты здесь через поток Мильяцка; можно судить, однако, о невысокой степени культуры, на которой находятся его жители по тому факту, что в 1875 году здесь не было еще ни одной типографии. Большинство домов построено из дерева. Со времени своего основания Сараево выгорал пять раз.

На северо-востоке Боснии, в долине одного притока Босны, город Дольная Тузла, окруженный садами, имеет некоторое значение по своим соляным источникам, из которых добывают ежегодно до 700 тонн кристаллической соли; но наиболее торговым городом является—Бречка, стоящий на правом берегу Савы в богатой равнине Посавины: это самый деятельный речной порт Боснии; в хорошие годы он отправляет от 10 до 12 миллионов килограммов слив. Бассейн Дрины, которая принадлежит к Боснии только своим верховьем и своим западным склоном, содержит также несколько городов, из которых наиболее известен Зворник—крепость, наблюдающая за сербской границей. Новый Базар, главный пункт Расции, жалкий городок, оставленный Турцией Австро-Венгрии, обладает еще одним из интереснейших античных памятников на Балканском полуострове: это—здание с куполом, построенное в седьмом веке византийцами или «римлянами» и утилизируемое еще, как термальное заведение; в соседстве с городом встречаются и другие старинные здания.

Мостар, столица Герцеговины, также расположен на месте древнего римского города, в цирке гор; он особенно прославился своим прекрасным мостом пятнадцатого столетия, смелым сооружением в одну арку, которая возвышается на 19 метров над уровнем потока, и которую защищали с каждой стороны ряды башен, ныне разрушенных и поросших кустарником. В этом ущелье нижней Наренты мы находимся уже в соседстве Италии; сады апельсинных и лимонных деревьев, лавры и мирты окружают дома, и плоды на фиговых деревьях вызревают под открытым небом. Выше Мостара и узких ворот, через которые течет Нарента, лежит деревня Яблоница, населенная славянами-мусульманами, сохранившими с большею верностью, чем все их соседи, старинные обычаи общинной жизни. В этом отношении Яблоница остается образцовым поселением: окружающая ее прекрасная долина имеет только одного владельца—общину, и семейные группы организуются здесь без вмешательства имамов или кади. Дети находятся на попечении общества, но они всегда вскармливаются матерью, которая заботится о них до тех пор, когда они могут обходиться без её помощи. Домашния и полевые работы распределяются сообразно силам и способностям каждого; споры редко возникают в задругах, и старики тотчас же безапелляционно разрешают их[1]. Земледельческие произведения, которые состоят главным образом из табаку и плодов, отправляются в Мостар, где суммы, вырученные за них, идут на покупку оружия, тканей и рабочих инструментов.

Главные города Боснии и Герцеговины, с цифрой населения в 1885 году:

Сараево—26.268; Мостар—12.665; Банялука—11.357; Травник—5.933; Дольная Тузла—7.189 жит.

Близ южной оконечности Герцеговины, столь часто оспариваемой, находится город Требинье, расположенный на своем каменном острове, на берегу реки Требинчицы. На востоке, близ крепости Клобук, наблюдающей за черногорской границей, тянется через долины и

1 Noro, „Notes manuscrites“.

горы циклопическая стена, построенная неизвестно ни в какую эпоху, ни каким народом; ее называют «валом бешеного волка»[1].

Страна разделена на шесть областей, называемых, так же, как их округа, по именам главных городов:

Области	Округа.
I. Бихач	Часинт, Крупа, Бихач, Петровац, Старый Майдан, Сански-Мост, Ключ.
II. Банялука	Костайница, Поедор, Банялука, Тешань, Градиска, Дервент, Преньявор.
III. Дольная Тузла	Бречка, Маглай, Дольная Грачаница, Белина, Дольная Тузла, Зворник, Власеница, Сребреница.
IV. Травник	Янце, Травник, Скоплье (Дольний Вакуф), Гламщ, Шепч, Прозоор, Супаняц, Ливмо.
V. Сараево	Высока, Фогница, Сараево, Фоча, Кладаньи, Рогатица, Вышеград, Чайница.
VI. Мостар	Мостар, Любушки, Столац, Любинье, Требинье, Коньица, Невесинье, Гачко, Билек.

Босния не присоединена еще ни к одной из двух половин монархии, Цислейтании или Транслейтании; ни делегации, ни оба парламента не имеют на нее никакого прямого влияния; администрация зависит от императора, без посредства оффициальных представителей.

Что касается Герцеговины, то это не более, как географическое имя, не имеющее политического или административного значения. Она почти вся целиком заключается в области Мостар.

В отношении религии, страна разделена на четыре римско-католических епархии; архиепископ имеет резиденцию в Сараеве. Патриарх греческой церкви независим от Сербии, но мусульмане сохранили право управлять вакуфными имениями, под высшим наблюдением духовным властей Константинополя. Великий раввин имеет пребывание в Травнике.

Крайна, Хорватия, Славония.

Эти страны, казалось бы, должны составлять часть одной и той же группы, политической и административной, так как они находятся на одном и том же склоне гор и населены народностями одинакового происхождения; тем не менее, в отношении управления, они рассечены на две части. Немецкая Австрия, ревниво берегущая горные проходы на Альпах и дорогу к Адриатике, присвоила себе словен Крайны или «украйны», тогда как Венгрия взяла в свое подданство сербов и хорватов, населяющих «междуречье», или земли между реками Савою и Дравою. Но южные славяне не безропотно переносят право сильного: те из них, которые крепче и теснее других сплочены между собой, именно хорваты, опираясь, с одной стороны, на своих заграничных славянских братьев, с другой, на старое «историческое право» триединого королевства Славонии-Хорватии-Далмации, стараются вновь завоевать мало-помалу свою национальную автономию. Хотя они еще очень далеки от достижения этой цели, но важно и то, что им, по крайней мере, удалось заставить уважать себя, и в борьбе национальностей, происходящей внутри Австро-Венгерской монархии, их влияние есть одно из тех, которые дают себя чувствовать с наибольшею силою. Прошли те времена, когда мадьяры могли повторять свою обидную поговорку: «серб не человек»! В 1848 и 1849 годах они убедились, к общему несчастью, что хорваты страшные противники. Враждуя друг с другом, эти два народа предали себя еще на целое поколение во власть венской бюрократии; соединившись между собою, если бы такой союз был возможен, они приобрели бы честь и славу основания вольной федерации придунайских народов, и кровавые войны, ужасающие побоища, может быть, непоправимые катастрофы были бы избегнуты!

Но, будучи разделены искусственными политическими перегородками, все славянские земли Цислейтании, Транслейтании и страны, лежащей за Савою, составляют, тем не менее, по своим естественным качествам, сильную и живучую национальную единицу, с которою, по необходимости, должны считаться даже те, кто отказывается явно признать ее. Грядущие события, так сказать, бросают тень перед собою, и хотя южно-славянское государство еще не

1 Von Helfert, „Bosnisches“.

существует, но можно ясно видеть, как оно уже с давних пор выработывается втихомолку. В этом и заключается одна из главных трудностей разрешения задачи политической группировки народов,известной под именем «восточного вопроса». Какой-нибудь неудачный политический маневр со стороны австрийцев и венгерцев, какой-нибудь опрометчивый шаг, неблагоразумная мера могут ускорить изменение равновесия и вызвать, наконец, к самостоятельной жизни южно-славянскую нацию. Хорватия или Кроация, благодаря достигнутой ею значительной степени культуры и развившемуся среди её населения живому национальному патриотизму, повидимому, предназначена силою обстоятельств служить естественным средоточием этого ново-образующагося мира, хотя различие религии между хорватами, католиками, и сербами, православными, породило взаимную ненависть и замедлило возникновение общих стремлений. Во всяком хорватском городе, во всякой большой общине есть свое «общество чтения», главная цель которого состоит в содействии изучению сербо-хорватского языка, но которое занимается также всем, что имеет отношение к политическим интересам нации; часто в собраниях раздается пение национальной военной песни: «Ubojza narod svoj!» («в бой за наш народ»!). Хорватия—небольшая и малонаселенная страна, но, по своему географическому положению и даже по своим экономическим рессурсам, по своим естественным богатствам, еще почти непочатым и составляющим запас для будущего, имеет чрезвычайно важное значение. Во время последнего восстания Герцеговины против турок население Хорватии увеличилось сотнею тысяч беглецов из Боснии, и, без всякого сомнения, большинство тех из этих невольных выходцев, которые не погибли жертвою голода, нищеты и болезней, поселилось окончательно в приютившей их стране.

	Пространство кв. кил	Население 31 декабря 1890 г., душ	Километрическое население жит.
Хорватия-Славония	42.516	2.200.977	52
Крайна	10.033	498.958	50

Восточные отрасли Больших Альп продолжаются до славянских областей Австрии, так как еще на севере от города Любляны (Лайбах) пирамидальная вершина горы Гринтуз, в цепи Караванок, возвышается на два с половиною километра над уровнем моря; но к востоку от этого пограничного столба снежных Альп горы, проникающие в хорватское междуречье, то-есть пространство, заключающееся между Савою и Дравою, имеют уже незначительную высоту. На севере от Загреба (Аграм) некоторые горные группы, Слемье, Иванчица, поднимаются еще, своими высшими вершинами, до высоты немного более 1.000 метров; но за этими группами возвышения почвы становятся все ниже и ниже, затем снова поднимаются, к западу и к северу от Пожеги, в виде массивов около 1.000 метров высоты, и, наконец, у Дьяково совершенно теряются под горизонтальным слоем наносных формаций. Далее, один только остров холмов возвышается среди равнин: это Вердник или Фрушка-гора (Fruska Gora), склоны которой покрыты виноградною лозою; это массив из кристаллических пород, на который вылились потоки лавы, и который облегают, на подобие плаща, новые формации. У подошвы этого массива, на вулканическом выступе, стоит крепость Петроварадин. Горы южно-славянских земель Австро-Венгрии, впрочем, еще очень мало исследованные в геологическом отношении,—состоят из слоистых формаций, принадлежащих, по времени образования, преимущественно к третичному периоду. Во всей этой области, кроме Бердника, есть только два массива из эруптивных каменных пород—Слемье, в окрестностях Загреба, и восточные холмы Гариц или Мославин, возвышающиеся своими куполообразными лесистыми вершинами над болотистою равниною, где соединяются реки Сава, Донья и Илова.

На юго-западе горы Хорватии сливаются с известковыми хребтами, параллельными долинами, воронкообразными углублениями Либурнского плоскогорья: здесь возвышаются Битторай, Большая и Малая Капеллы (Kapella), Плешевица (Pljesivica), Веллебит; но эта область Либурнских гор, хотя не менее каменистая, чем плоская возвышенность Истрии, имеет, так же, как и большая часть внутренней Хорватии, то важное преимущество над Карстом, что она еще обладает огромными лесами на восточном склоне; неровности почвы здесь

скрыты под слоем опавших листьев, под мхом и дерном. На горах плоской возвышенности растут бук и выше сосна, тогда как на нижних склонах, обращенных к бассейну Савы, и в низменных равнинах тянутся великолепные дубовые леса, лучшие в Европе; эти-то леса и доставляют те громадные количества дубовых досок, которые вывозятся, через Триест и Фиуме, в другие страны, между прочим, во Францию, где из них делают бочки и боченки. Если англичане и немцы говорят с гордостью о «британском» и «тевтонском» дубе, то хорваты еще с гораздо большим правом могут гордиться, как принадлежащим им драгоценным даром природы, этим прекрасным деревом, самым величественным представителем европейских лесов; но если они хотят предохранить его от истребления, то пусть поторопятся принять необходимые меры, потому что лесопромышленники скупают в их стране леса на сруб тысячами десятин, и цена леса быстро увеличивается. Цена лучшего дубового бревна, по словам немецкого журнала «Глобус» (№ 3 за 1877 г.), в период с 1850 по 1872 г., поднялась в следующем размере: в 1850 г. она была от 4 до 6 франк.; в 1869 г. от 40 до 50 франков; в 1872 г. от 50 до 100 франков. Грустно становится, когда видишь, даже в соседстве с городами и вдоль линий железных дорог, громадные стволы, гниющие в лужах, груды срубленного леса, лежащего в беспорядке на земле, и обширные оголенные пространства, где остались только безобразные пни, где глаз не встречает даже ни одного молодого деревца.

Высота гор в южно-славянских землях Австро-Венгрии: Плешевица—1.649 метр.; Биттораj—1.385 метр.; Иванчица—1.060 метр.; Слемье—1.035 метр.; Мославин—484 метр.; Псунье—984 метр.

Режимом своих вод южно-славянские земли представляют такой же поразительный контраст, как и своим орографическим рельефом. В одном месте мы видим низменные равнины, в другом, напротив, встречаем целый лабиринт крутых гор и извилистых долин; то же самое замечается и в отношении распределения проточных вод: в некоторых местностях чрезмерное обилие речных вод, в других, наоборот, почти полное отсутствие не только рек, но даже ручьев и ключей. Мало найдется смежных стран, гидрография которых различалась бы более резким образом.

Восточная часть хорватского междуречья, где Дунай, Драва, Сава и Тисса соединяются в одну огромную реку, несущую массу воды от восьми до десяти тысяч кубических метров в секунду, представляет еще неопределенную область—на половину землю, выступившую из-под воды, на половину озеро, образовавшееся вследствие разлива рек. Задерживаемый утесами, преграждающими ход его течению ниже Белграда, Дунай не мог унести всю воду из этих впадин древнего моря, которое некогда простиралось от Альп до Карпатов. Озера, пруды, болота наполняют еще все углубления почвы, и во время разлива рек эти скопления стоячих вод сливаются в одну водную поверхность, которая тянется во все стороны на необозримое пространство. На площади, обнимающей сотни километров, между городами Сиссеком и Белградом, аллювиальная (наносная) почва пересекается по всем направлениям извилинами речек, рукавами и затоками, которые разветвляются до бесконечности и которые прежде были речными руслами: вся эта местность называется Посавиной (Посавье). Сава, так сказать, прогуливается по прилегающим к ней равнинам, переходя с одного места на другое, образуя песчаные мели и острова, которые она украшает зеленью ив, покидая одни излучины, чтобы создать себе взамен их новые. Понятно, какое огромное препятствие должна была представлять такая река переселениям народов и движениям армий, и нет ничего удивительного, что она сделалась политическою границею между двумя империями. Болота, постоянные или временные, которые идут широкою полосою по обоим берегам реки, местами на протяжении 10 и даже 20 километров от главного ложа, и топи которых беспрестанно перемещаются, делают переход через Саву почти невозможным; оттого-то два пункта, Брод и Митровица, где водная поверхность съуживается между более возвышенными землями, имеют чрезвычайно важное стратегическое значение, как места, наиболее удобные для переправы. Пояс наводнений Савы, в одной Хорватии, исчисляют в 412.000 гектаров (гектар—0,92 десятины), а на боснийском берегу еще более обширное пространство покрывается водою во

время больших разливов, потому что с этой стороны к главной реке присоединяются, в виде переплетающихся рукавов, важнейшие из её притонов—Уна, Вербос, Босна, Дрина. В области, известной под именем Военной Границы, 330 городов, местечек и деревень, имеющие все вместе более 130.000 жителей, подвержены опустошительным наводнениям, и нередко все посевы на полях исчезают под выступившими из ложа водами. Население берегов Савы уменьшается с каждым годом, тогда как население земель, лежащих выше уровня наводнений, и где иммигранты немецкого происхождения довольно многочисленны, быстро возрастает: болотные лихорадки иногда в течение одного года похищают десятую часть жителей; средним числом, на каждых трех прибрежных жителей Савы приходится один больной, и дети родятся уже с зародышем болезни, которая рано или поздно унесет их в могилу[1]. Несмотря на чрезмерное обилие воды, которая разливается широко, затопляя прибрежные равнины и поля, Сава не приносит большой пользы для судоходства; выше Загреба ею пользуются только для гонки плотов; ниже Сиссека по ней хотя и ходят пароходы, но песчаные мели так многочисленны и так часто передвигаются, что во многих местах пароходное сообщение совершенно прекращается во время низкого стояния воды.

В силу закона о преобразовании управления Военной Границы, половина суммы, вырученной от продажи государственных лесов в этой территории, должна быть употребляема на публичные работы вообще и в особенности на исправление реки. По принятому плану, это исправление должно состоять в том, чтобы спрямить и укоротить течение Савы на 155 километров, при помощи двадцати девяти прорезов (купюр), освободить ее от всех мертвых рукавов посредством сооружения боковых плотин, углубить фарватер реки и ассенизировать прибрежные местности посредством уничтожения побочных лож[2]. В ожидании осуществления этого плана, Сава, на которой есть один только мост, именно мост Бродской железной дороги, ниже Загреба, продолжает, по-прежнему, затоплять прибрежные равнины. Самым большим гидравлическим сооружением, исполненным до сих пор в её бассейне, является римский канал, называемый «каналом Проба», который осушает частью болота на юге от Фрушка-Гора; прорытие его, по всей вероятности, относится к третьему столетию.

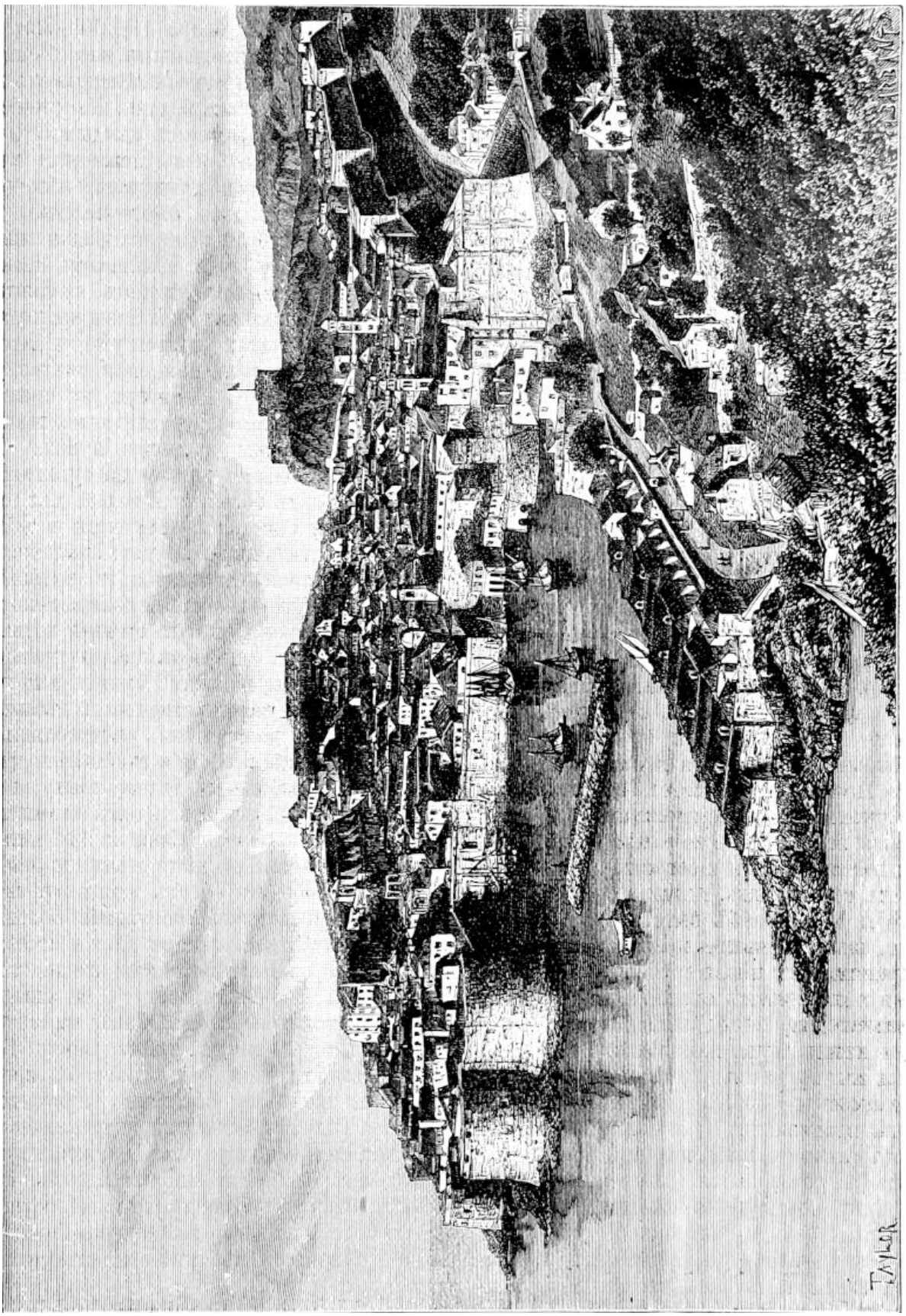
Нынешняя длина Савы 1.062 килом. Площадь её бассейна 88.045 кв. килом. Разность уровней между половодьем и мелководьем 9,39 метров. Дебит реки ниже впадения Дрины: в секунду во время мелководья 706 куб. метр., при среднем стоянии воды 1.119 куб. метр., во время разлива[3] 4.078 куб. метр.

В то время, как область, о которой мы сейчас говорили, страдает от чрезмерного изобилия воды, другие местности рассматриваемой нами страны, именно большая часть её долин, терпят, напротив, недостаток в воде. Пласты горных пород на склоне, обращенном к Саве, так же, как и на скате, спускающемся в Адриатике, расположены в виде громадного здания с галлереями, лежащими ярусами одни над другими и сообщающимися между собою, вследствие чего воды, вытекающие из одной подземной галлереи, вскоре низвергаются в другое воронкообразное углубление и затем опят выходят наружу из отверстия какой-нибудь пещеры. Особенно между Центом (Сенья) и Огулином можно встретить много таких прерывающихся ручьев и речек, попеременно то выступающих на поверхность земли, то исчезающих под почвою, без всякой видимой причины. Недалеко от Огулина железная дорога проходит над одним из подобных больших источников; можно подумать, что река выходит из железнодорожной насыпи. Очень многие деревни не имеют другой воды, кроме той, которая скопляется в цистернах, хотя под ними текут значительные ручьи; но иногда, во время сильных разливов, эти подземные реки, не находя себе достаточно широкого выхода через глубокие гроты, выступают на поверхность земли и разливаются озерами в замкнутых бассейнах. Так, река Гайка нередко образует временное озеро, глубиною в 30, 40 и даже, как это было в

1 Дуцман, Николаевич, Ворель, Блум, Шольц. См. Beyer, «Die Regulirung des Saveflusses".
2 Бейер „Die Regulirung des Saveflusses".
3 Zomberg, „Die Regulirung des Saveflusses".

1802 г., в 49 метров[1].

Из подземных или внезапно пропадающих рек этой области особенно замечательна Пиу-



Рагуза.

ка, пользующаяся еще большею известностью, чем Рекка-Тимава, о которой мы говорили

1 Wesely, „Das Karstgebhiet Militaer-Kroatiens".

выше; она с сильным шумом низвергается в знаменитый грот Постойна (Arae Posthumii) или Адельсбергский, один из самых обширных в Европе и самых богатых сталактитами. Эта громадная пещера, разветвляющаяся на множество галлерей и камер, возбуждает удивление в особенности своею подземною горою Кальвариею, образовавшеюся из слепков известняка, над которой развертывается исполинский свод около километра в окружности, и которая усажена бесчисленными сталактитовыми обелисками и пирамидами, похожими на башенки готической церкви. После подземного течения, на пространстве около 10 километров, по мрачным и глухим пустотам Адельсбергского грота, Пиука опять выходит на свет, в виде могучей и тихой реки, усилившейся несколькими подземными ручьями. По соединении с р. Унцом, она остается видимою на протяжении нескольких километров, затем снова скрывается в недрах земли и, наконец, опять выходит на поверхность немного выше города Любляны.

Другой приток Унца и реки Любляны вытекает из знаменитого Циркницкого озера, представляющего многоэтажный бассейн, который приводил в удивление уже римлян и который был воспет Тассом. Во время засух уровень воды в этом замечательном бассейне падает ниже продыравлянного, точно решето, свода, образующего верхний водоем; после продолжительных дождей, воды разлива, поднимаясь из нижнего яруса, через воронкообразные отверстия, наполняют верхние этажи и расстилаются широкою скатертью на поверхности земли. Случалось, говорят, что большая равнина, обнимающая около 80 кв. километров, вся осушалась; и наоборот, прежде, когда ассенизационные работы еще не были предприняты, эта равнина по временам представляла обширное озеро, настоящее море среди Альп, на гладкой поверхности которого отражались, как в зеркале, целый амфитеатр скал и величественная гора Яворник, покрытая лесом на вершине. Жители семи деревень, расположенных полукругом вокруг озерной равнины, попеременно снискивали себе пропитание рыбною ловлею, охотою и обработкою выступивших из-под воды земель. На дне бассейна находится более четырех сот воронок, глубиною от 10 до 18 метров, и, повидимому, эти-то воронки, смотря по времени года, поглощают или извергают воды, нередко даже со страшным шумом, когда массы воздуха, запертые в глубоких подземных пустотах, с силою вырываются наружу, чрез открывшиеся отверстия. Но в наши дни изменения уровня Циркницкого озера сделались гораздо более правильными: извилистые галлереи внутри скалы, через которые уходил избыток вод разлива, теперь заменены одною траншеею, куда излишняя вода выливается посредством паровых насосов, вследствие чего земледелие могло окончательно завладеть равниною, которая прежде была подвержена периодическим наводнениям.

Низменность, у выхода которой к стороне реки Савы расположен главный город Крайны, и которая занимает площадь около 230 квадратных километров, некогда составляла другое Циркницкое озеро, попеременно наполнявшееся водою и опоражнивавшееся. С рекою Унц, вытекающею из грота Планина, на равнине соединялись воды многочисленных жерл или воронок, которые у местных жителей известны были под именем «окон озера». Когда вся эта жидкая масса выливалась со дна через торфяные мхи и камыши, покрывавшие поверхность, нужно было ждать целые недели, даже месяцы, прежде чем прекращалось наводнение, и воды разлива уходили в Саву, через узенький канал, в котором течет р. Градиска. Настойчивый труд человека успел, однако, осушить это огромное болото, при помощи водоотводных каналов, общая длина которых превышает 1.000 километров, и посредством глубоких вырубов, сделанных в скалах, которые препятствовали свободному стоку вод. Громадная железнодорожная насыпь, которую инженеры перекинули через обширное болото, и которая долгое время оставалась одним из замечательнейших сооружений человеческого искусства, послужила опорною точкою для грандиозных ассенизационных работ, и со времени устройства этой насыпи в деле осушения почвы и завоевания её для целей земледелия достигнуты более значительные успехи, чем в течение всего предшествовавшего полустолетия. Теперь прежние острова болота по большей части застроены домами, и новые деревни основываются на берегах водоотводных каналов. В доисторические времена другие группы человеческих жилищ возвышались над этою обширною равниною, покрытою в ту пору водою: это были посе-

ления на сваях, или так называемые свайные постройки, остатки которых найдены теперь в большом числе, вместе с различными обломками изделий, относящихся к каменному веку. В ту эпоху животное и растительное царства края несколько отличались от нынешней флоры и фауны. Воды, покрывавшие равнину, были населены рыбами огромной величины, порода которых теперь уже не существует, и озерные жители приготовляли себе кушанье из валлиснерии (vallisneria spiralis), растения, в наши дни неизвестного в этой стране[1].

Различие климатов так же велико, как и различие почв, в этой узкой и длинной полосе южно-славянских земель, которая тянется от запада к востоку, на пространстве более чем 450 километров. С одной стороны, мы находим здесь холодные склоны Альп и дикое Либурнское плоскогорье, на которых дождевая вода падает в изобилии и течет ручьями или по поверхности почвы, или в недрах земли; с другой—сырые низменности, прилегающие к Саве и Дунаю, или так называемое Сирмийское междуречье, где скопляются воды, спустившиеся с высот, но над которым стоит воздух сухой, утративший большую часть содержавшихся в нем водяных паров.

Метеорологические наблюдения дали следующие результаты. V

	Средняя годовая температура	Годовой слой дождя
Любляна (Крайна)	9°,4	1,36 м.
Завалье (Хорватск. плоскогор.)	8°,5	0,3
Загреб (Хорватская равнина)	11°,3	1,8
Земун или Землин (Сирмия)	11°,7	0,5

Несмотря на столь значительные различия климатических и почвенных условий, жители рассматриваемых нами областей представляют по племенному составу совершенно однородное население. Перейдя Саву, на юге Венгрии, мы вступаем в страну, обитатели которой почти все единоплеменники между собою, и где переходы от одной речи к другой совершаются с едва заметною постепенностью. Выше Белграда, в восточном углу Славонии, все население состоит из сербов, за исключением немногих, рассеянных между коренными жителями, румын, мадьяр и двух небольших групп албанцев, из племени клементи, живущих в окрестностях Митровицы. Далее, на западе, в собственно так называемой Хорватии или Кроации, иностранные элементы встречаются в еще меньшем числе. Сербо-хорваты, чистокровные хорваты, затем хорвато-словены и словены соприкасаются и смешиваются все теснее и теснее вплоть до немецких областей, лежащих по другую сторону Дравы, и до итальянского этнографического пояса, идущего вдоль берегов реки Изонцо. Во всей этой части южно-славянского мира существует, если не считать маленьких архипелагов, один только значительный остров иностранного населения. Этот этнографический остров Gottscheerland, с населением около 25.000 душ, состоит в большинстве из немецких крестьян, живущих в местечке Готтше (Gotschee) и в нескольких окрестных деревнях по берегам реки Рюнзе, которая внезапно появляется и так же внезапно исчезает в одном воронкообразном углублении плоскогорья. Очень привязанные друг к другу, готтшеерцы уходят на заработки целыми группами и живут артелями в больших городах Германии и даже заграницею; главный промысел их состоит в разносной торговле южными плодами. По мнению Цейса[2], жители местности Готтше суть остатки древних немецких вандалов, обитавших в Паннонии, в шестом веке после Р. Х.

Главную причину розни, существующей в среде южно-славянских населений Австро-Венгрии, составляет различие вероисповеданий. Словены, перешедшие было в протестантизм в эпоху реформации, должны были во время контр-реформации вернуться в лоно римско-католической церкви, которой не покидали иллирийские славяне. Но хорваты разделились: самые близкие к Альпам и к морю сделались католиками, тогда как большинство славонцев, сирмийцев, сербов остались верны греко-восточной церкви и сохранили кириллицу, от которой произошла и русская азбука. Однако, религиозные несогласия постепенно умень-

1 П. В. Радпч, „Ausland" за 1876 г. № 10.

2 „Die Deutschen und die Nachbarstamme"

шаются с ослаблением ревности к вере; точно так же и различия наречий сглаживаются в образованном обществе городов. Литературы, еще отличные одна от другой, все более и более сближаются между собою, отбрасывая иноземные формы и обогащаясь словами и оборотами речи, которые оне находят в общей сокровищнице. Хорваты приняли сербский язык, как свой национальный, так как их собственный язык отличается от сербского лишь неважными провинциализмами; точно также и словены, книги которых были сожжены иезуитами в начале семнадцатого столетия, возрождаются теперь к умственной жизни под преобладающим влиянием сербской литературы. В собственно так называемой Славонии жители, хотя им одним принадлежит имя славян, составляющее общее наименование всех народов славянского племени, отвергают это имя, которое во всех западно-европейских языках сделалось синонимом раба, и предпочитают принимать название сербов, принадлежащее свободному народу. В 1866 году загребский областной сейм решил даже, что отныне нация будет называться сербо-хорватскою.

Изо всех южно-славянских народностей Австро-Венгрии, самыми чистокровными, наиболее сохранившими свои племенные особенности следует считать, вероятно, славонцев и хорватов, жителей деревень. Они отличаются высоким ростом, сильным телосложением, красивою наружностью и гордою осанкой; вместе с тем они добродушны и честны, но их врожденное мужество часто увлекало их во все жестокости войны; имя «пандуров», которое носил один из их вооруженных отрядов, часто распространяло ужас даже на западе Европы: следы этого сохранились, между прочим, и во французском языке. Словены представляют более смешанную породу, чем хорваты. Живя в долинах, составляющих неизбежные места прохода между равнинами Дуная и Адриатическим морем, они постоянно подвергались наплыву чуждых элементов и смешивались с осадком всех банд военных и торговых, которые их посещали.

За исключением России, сельское население южно-славянских областей Австро-Венгрии наиболее сохранило обычаи общинного землевладения, которое в средние века составляло общее явление в большей части Европы. Вопреки римскому праву, которое, как известно, благоприятствует частной собственности в ущерб общественному владению и пользованию имуществом, почти все славянские крестьяне Хорватии и соседних стран до сих пор продолжают возделывать свои земли группами или обществами, и этот «домашний союз» освящен многими недавними законами. Нераздельная земельная собственность, составляющая, средним числом, пространство от 15 до 30 гектаров (от 13,8 до 27,6 десятин), обнимает поля, луга, лес, и дает в изобилии корм для крупного и мелкого скота и всякой домашней птицы; произведения почвы и продукты скотоводства достаточны для удовлетворения всех потребностей родовой общины. Такая сельская ассоциация или задруга, состоящая из десяти-двадцати или даже из пятидесяти-шестидесяти лиц, не есть патриархальная семья,—это маленькая республика, свободно избирающая своего распорядителя или господаря (gospodar или domacin), так же, как и свою главную хозяйку. Часто для управления общественными делами выбирается старший летами; но когда ум его начинает слабеть, ему назначают преемника. Каждое хозяйство имеет свой отдельный домик в деревенской ограде; по середине селения возвышается дом господаря, заключающий в себе общую столовую и гостиную; дома и сельскохозяйственные постройки обсажены плодовыми деревьями. Когда община становится слишком многолюдною, она роится и образует вторую задругу. Впрочем, все задруги одного округа охотно помогают одна другой; когда требуется какая-нибудь спешная работа, то многие семьи соединяются вместе и общими силами быстро справляют дело, среди веселых песен и радостных криков. Таковы земледельческие общины южных славян; они дают крестьянам выгоды как крупного, так и мелкого землевладения; они позволяют разделение труда и облегчили бы ведение интенсивного хозяйства, если бы, к сожалению, рутина не примешивалась к почитанию обычаев и преданий старины; наконец, они делают невозможным пауперизм, обеспечивают работу всем членам общества, верный кусок хлеба всем работникам. Было бы очень желательно, чтобы задруги сохранились и на будущее время, преобразовываясь, насколько это необходимо для того, чтобы в среду их открылся свобод-

ный доступ членам чужих семей; но все заставляет предвидеть, что эта древняя форма общинного владения не устоит против честолюбия отдельных лиц и процесса социального разъединения, которому благоприятствует общее право Европы[1]. Уже и теперь в соседстве важных городов порядок личной собственности заменил почти совершенно старую систему родовых общин. Однако, влияние наследственных нравов так сильно, что даже в городах, почти итальянских, далматинского прибрежья и на островах Адриатаки до сих пор можно встретить богатые торговые дома, устроенные по образцу сельских задруг. В некоторых из союзов или общин живут приемные братья, или братья по собственному выбору, братство которых, основанное на взаимной клятве, считается более священным, чем родство братьев по крови. Оно делится на три степени: малое братство, братство несчастия и братство по клятве, самое священное изо всех; эта последняя степень или союз благословляется священником, исключая тот случай, когда лица, клянущиеся друг другу в неизменной верности, принадлежат к различным религиям, как это бывает чаще всего в Боснии, где часть славянских жителей исповедует Ьслам. Молодые девушки тоже соединяются клятвою взаимной любви и преданности или между собою, или с молодыми людьми[2].

Еще недавно земледельческие общины были не единственные учреждения прошлого, которые южно-славянский мир представлял взорам современной Европы; он имел, кроме того, и общины военные в полном смысле слова, составлявшие, так сказать, непрерывную казарму, или лагерь вдоль пределов Турции. С 1873 г. прежний политический режим так называемых Военных Границ Хорватии оффициально отменен, и законом, вотированным в 1881 году Пештским сеймом, было предписано включение Военной Границы в состав Хорватии. С одной стороны, наследственные интересы и старые предания военной дисциплины, с другой—дипломатические проволочки венского правительства, желавшего сохранить под рукою всегда готовую армию, и колебания венгерского государства, которое боялось усилить славянский элемент, давая одинаковое управление обеим половинам Хорватии,—таковы были причины, продлившие, несмотря на изданный закон, существование старого порядка в Военной Границе.

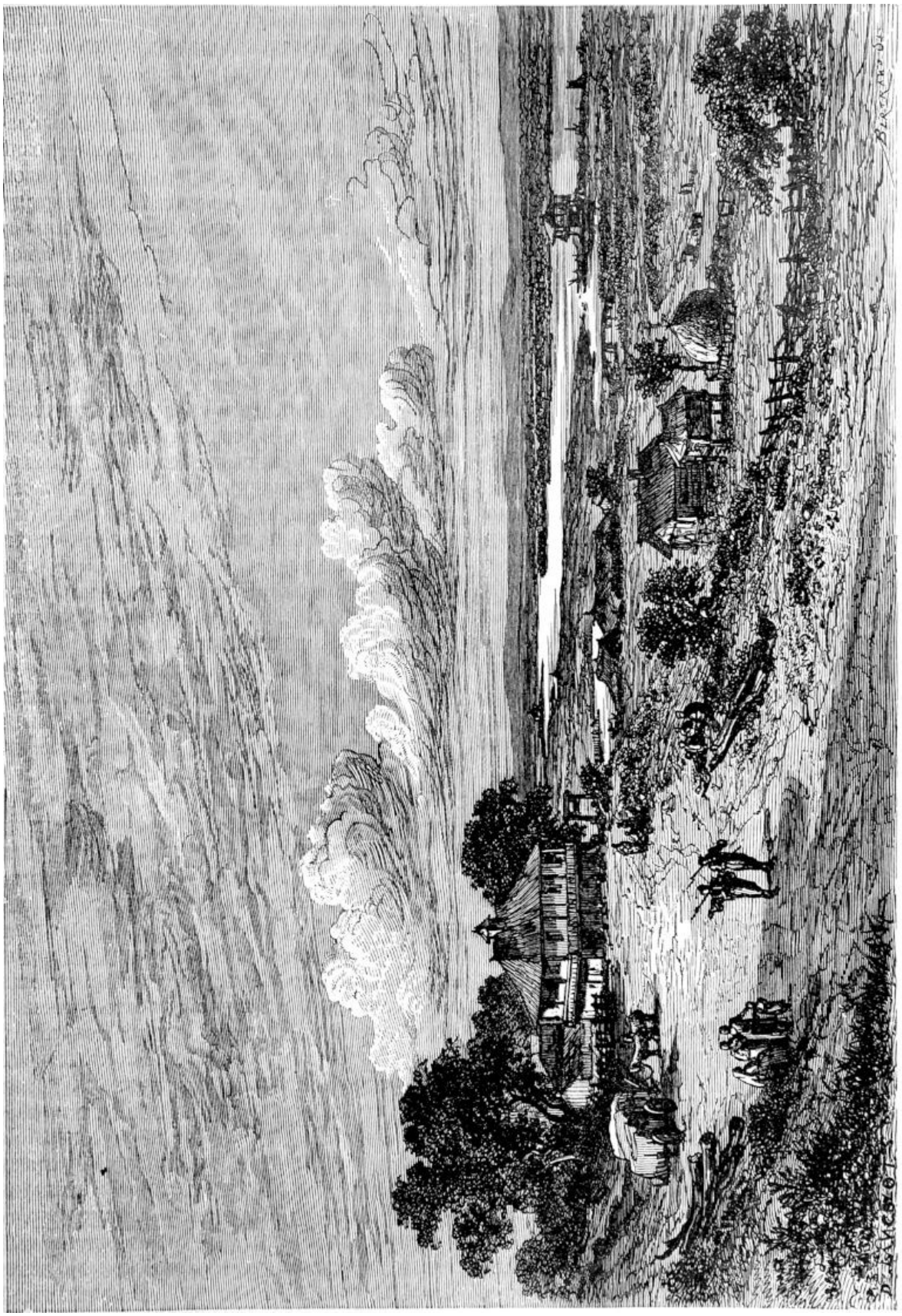
Когда существовала еще военная организация этих округов, каждый житель мужского пола считался солдатом,—солдатом со дня рождения до самой смерти. Не все, однако, состояли на действительной службе; большое число этих граничаров принадлежали к военным общинам, избавленным от «частной службы» и подлежащим только исполнению «общей службы»; в мирное время эти общины занимались производством, распределением и отправкою жизненных припасов; города Карлопаго (Баг), Сенья (Ценг), Костайница, Брод, Петриниа, Беловар, Петроварадин (Петровардейн), Земун (Землин) и другие обязаны были поддерживать торговые сношения между Военною Границею и внешним миром. Из людей, исполнявших частную службу, одни составляли специальную стражу и сторожили границу, вооруженные по восточному—длинным ружьем, пистолетами и широким кинжалом; другие обработывали землю, но при малейшей тревоге становились под ружье, чтобы идти стеречь границу. Босния была окружена непрерывною линиею сторожевых постов, на западе со стороны гор, на севере—вдоль течения Савы, и граничары постоянно ходили дозором от одной караульни к другой. Служба была очень тяжелая; зимою люди должны были выносить вьюги и метели на плоскогорьях, летом они подвергались зловредным испарениям болот, окаймляющих берега реки. Жилища граничаров, чардаки (csardak) или деревянные домики, построенные на сваях, высоко над уровнем наводнения, как хижины папуасов в Новой Гвинее, если смотреть на них издали, представляют очень живописную картину; но жизнь в этих избушках на курьих ножках крайне невеселая и часто даже очень вредна для здоровья, так что иностранец, недостаточно акклиматизировавшийся, скоро погиб бы здесь жертвою болотной лихорадки.

Смотря по обстоятельствам, срок действительной службы для пограничных солдат бывал

1 Жорж Перро, „Tour du monde“.

2 Федор Демелич, „Обычное право южных славян, по исследованиям Богишпча“.

различен, но средним числом они отдавали государству одну неделю из трех, т.е. неделю проводили на службе и две недели дома. В военное время правительство могло рассчитывать на сотню тысяч испытанных и закаленных воинов, составлявших грозную армию, которая



Видъ на военной границѣ.

представляла еще, до дня выступления в поход, ту важную выгоду, что она сама себя продовольствовала. Каждый солдат получал от военной казны, как верховного землевладельца, кусок земли, с необходимым количеством скота; каждый обработывал свое поле, собирал

свою собственную жатву и в состоянии был своим трудом прокармливать свою семью, если правительство дозволяло ему иметь таковую. Жалованья он не получал, кроме как в военное время или в случае исполнения какой-нибудь исключительной натуральной повинности; начальство давало ему только оружие. Взамен этого подарка, он принадлежал душою и телом государю. Вся жизнь его была регулирована изо-дня-в-день так же, как и жизнь его сыновей, которые родились уже солдатами, как и он сам; что же касается дочерей, то они не могли поступать в армию, но и не пользовались правами наследства, если не выходили замуж за солдат.

Понятно, что такое своеобразное устройство Военной Границы, главным организатором которой был знаменитый полководец, принц Евгений Савойский, могло возникнуть и развиться во времена непрерывных войн, которые Венгрия и Австрия принуждены были вести против турок. Тогда все пограничные обитатели, живя в постоянной тревоге, в опасности неожиданных набегов и кровавых битв, волею-неволею, должны были научиться военному ремеслу; они не могли обработывать поля иначе, как с ружьем на плече; кроме того, некоторые местности совершенно опустели после целого ряда постигших их неприятельских нашествий и кровавых сеч, и занять вновь эти местности не представлялось иной возможности, кроме основания в них военных поселений; так, в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях две области, сделавшиеся впоследствии «полками» Варашдинским и Горно-Карловацким, известны были под именем desertum primum (первая пустыня) и desertum secundum (вторая пустыня)[1]. Но турки давно уже перестали угрожать Военной Границе; с другой стороны, теперь нет более надобности сторожить южные пределы империи с целью не допускать перехода бандитов, зачумленных людей или провоза зараженных товаров; тем не менее, однако, правительство, как мы видели, неохотно решилось дать волю бывшим граничарам. Административные деления этого края совпадают еще с военными округами полков, баталионов и рот; администраторы и судьи по большей части из старых офицеров и строго соблюдают военную дисциплину; в каждом селе бывший ротный командир сделался начальником гражданского управления. Права и обязанности органов власти изменились, но лица остались те же самые, вследствие чего, обычаи и приемы управления, поддерживаемые традиционным повиновением со стороны подчиненных, не могли еще измениться; так, например, даже надзор за школами поручен бригадирам.

Сравнительно с другими странами цивилизованной Европы, эти области бассейна Савы очень бедны, особенно бывшие военные округи. Между тем почва к востоку от плоскогорий сама по себе чрезвычайно плодородна, и когда земледелие освободится от варварской рутины, задерживающей его развитие, оно, без сомнения, будет участвовать во всемирной торговле весьма значительным производством и вывозом хлеба. Немаловажные выгоды, доставленные в эти последние годы шелководством и виноделием, много способствовали распространению охоты к культуре в приморских областях Адриатики и даже по другую сторону гор, в равнинах Хорватии; но сколько еще остается сделать, чтобы научить земледельцев бывшей Военной Границы искусству употребления удобрений и ведения плодопеременного хозяйства! Они обращаются со своею пахотною землею так же небрежно, так же хищнически, как и со своими лесами. В настоящее время туземные жители, при своем способе хозяйничанья, не получают от почвы даже урожая, необходимого для их собственного прокормления, тогда как разрабатываемая другими людьми, эта хорватская Месопотамия, т.е. страна, заключающаяся между Савою, Дравою и Дунаем, естественное плодородие которой не уступает плодородию берегов Евфрата, могла бы сделаться одною из житниц мира; громадные количества слив, даваемые фруктовыми садами, употребляются пока только на приготовление гибельной водки, да на откармливание свиней. В особенности небольшой округ Сирмия, над которым господствуют холмы группы Фрушка-Гора (Fruska Gora), между Петроварадином (Петервардейн) и Митровицею, повидимому, имеет все шансы на то, чтобы подняться на степень одной из богатейших земледельческих областей Европы. Эта территория, которая

1 Пико, „Les Serbes de Hongrie“, p. 63.

почти вся принадлежит греческим монахам, по своему местоположению и плодородию, представляет прекраснейший уголок земли, её леса фруктовых деревьев, её виноградники, густо усаженные кистями превосходного винограда, живописный вид её холмов, её теплый климат делают ее одною из очаровательнейших областей Австро-Венгрии.

Крайна и Триединое королевство так же небогаты подпочвенными сокровищами, как и произведениями поверхности почвы. Единственные знаменитые и действительно важные прииски во всей этой стране—это ртутные рудники Идрии, в Краинских горах, возвышающихся между реками Савою и Изонцо. Ртуть встречается там в двух формах: в виде самородного металла, сочащагося из сланцев маленькими капельками, и в виде киновари, проницающей различные горные породы, шиферы и доломиты, или образующей род мешечков, масса которых содержит от 15 до 70 процентов ртути. Долгое время рудокопы Идрии, вместе с рудокопами Альмаденских рудников в Испании, обладали монополиею продажи ртути, да и теперь еще, при значительной ежегодной добыче (в 1892 г., около 512 тонн), они оказывают немаловажное влияние на рынок драгоценных металлов. В конце 1877 г. исчисляли в 32 миллиона килограммов содержание ртути в главной залежи, которую оставалось разработать. Работа в ртутных рудниках очень опасна для здоровья; в прошлом столетии на эту работу употребляли только осужденных тяжких преступников, которые, работая в этих рудниках, обречены были на быструю смерть, потому что их не выпускали из глубоких подземелий, наполненных убийственными парами ртути, пока у них оставалась хотя капля силы (в 1892 г., в рудниках Идрии и на киноварном заводе было 1.380 рабочих). В этом же Идрийском округе, между рудокопами и дровосеками, можно встретить очень много любителей мышьяку. Они, повидимому, не испытывают на себе никаких вредных последствий от этой странной привычки и могут достигать глубокой старости; дозы в десять граммов, которые они принимают через каждые две недели, или даже два и три раза в неделю, были бы более чем достаточны, чтобы лишить жизни людей, непривычных к этому яду.

Кроме Идрийских ртутных рудников, южно-славянские земли Австрии имеют еще несколько важных залежей железной руды в Крайне, особенно в долине Фейстриц и на восточном склоне хорватских плато; далее цинковые и свинцовые рудники в верхней долине Савы, серу в Радобое, близ Крапины, недалеко от границ Штирии, жилы медной руды в Самоборе, около Загреба, месторождения железа, меди и свинца в Беслинаке, близ Тергова, между р.р. Уна и Жировац, слой лигнита (бурого угля) и каменоломни—вот и все их минеральное богатство. Правда, горы на границах Боснии, пока еще очень мало исследованные, могут современем обнаружить много сокровищ: во многих воронко-образных углублениях плоскогорья Карст уже открыты груды каменных обломков, богатых металлом. Мануфактурная промышленность тоже очень мало развита в этих областях в сравнении с остальными провинциями Австрийской империи. Впрочем, последние железные дороги средне-европейской сети, долгое время имевшие свою конечную станцию в Сиссеке, при слиянии Савы и Купы, теперь проникают уже в самое сердце Боснии; и Сирмийский полуостров перерезан уже железным путем, между Осеком и Бродом и Самаком. Со стороны востока страна, о которой идет речь, не имеет еще ни одной рельсовой линии и потому может вести только местную торговлю. Единственным путем для европейской торговли в этом направлении служит извилистое течение Савы. Со стороны юга не существует почти никаких торговых сношений; но можно с уверенностью предсказать, что в близком будущем один из великих международных трактов проложит дорогу из Загреба в Банялуку до Салоник, соединяя таким образом Ламанш и Северное море с Эгейским.

Самый знаменитый город в южно-славянских областях Австрии—Лайбах, немецкое название которого перешло, между прочим, и во французский язык, по причине событий, совершившихся там во время войн республики и первой империи; но настоящее славянское имя его—Любляна. Он наследовал, как главный город Крайны, Крайнбургу, лежащему севернее, на утесе, господствующем над течением Савы. Любляна занимает местоположение

древней Эмоны, разрушенной гуннами в половине пятого столетия. Позиция эта очень важна как в стратегическом, так и в торговом отношениях, потому что это необходимое место перехода на главном пути от Адриатики к Дунаю: по ущелью, у входа в которое расположен этот город, проходит дорога, ведущая через хребет Оберлайбахский или Горно-люблянский (Nauportus) к реке Саве. Любляна долгое время была оплотом Германии против турок.

Загреб (по-немецки Аграм), главный город Хорватии, более многолюден, чем Любляна, и притязания его на политическую роль идут далее, чем притязания последнего: он претендует на титул столицы триединого королевства, и его университет, открытый в 1874 г., делает его одним из центров славянского возрождения на юге Австрии. По своим внешним кварталам и предместьям Загреб походит скорее на большое село; но в центральной части города, вокруг главной площади, на которой стоит конная статуя бана Еллачича, возвышаются уже красивые здания в современном стиле, сильно пострадавшие от землетрясений 1880 и 1881 г.г. Городская ограда, укрепленная и усаженная башнями, отделяет нижний город от старого города, заключающего в себе кафедральный собор, капитул и архиепископский дворец. Варашдин, расположенный недалеко от Дравы, на венгерской границе,—самый многолюдный город Хорватии, после Загреба; но Карловац (по-немецки Карлштадт), очень важный рынок для продуктов сельского хозяйства, лежащий близ слияния трех рек: Кульпы или Купы, Кораны и Мрезницы, есть не более как местечко, дома которого разбросаны на большом пространстве по равнине. Еще незначительнее городок Сиссек, хотя он занимает очень выгодное торговое положение и сделался центром довольно обширной торговли, как складочное место хлебных продуктов Хорватии. Сиссек совершенно имеет вид деревни, а между тем это был римский город (Siscia), игравший главную роль во время войн в Паннонии, и в котором находился один из двенадцати монетных дворов империи в царствование Константина Великого[1]. Его широкия улицы, поросшие высокою травою, обставлены низкими домиками, которые, по выражению Ириарта, «похожи на каюты на палубе транспортных судов»[2]. Вообще нужно заметить, что южные славяне очень любят простор, открытый воздух и вольную природу; только потребности торговли и необходимость общей защиты могли заставить их строить себе города. Почти везде дома рассеяны на больших пространствах; многие из так называемых городов, избранные австрийским правительством административными центрами, суть не что иное, как обширные сельские общины, имеющие в середине небольшую группу построек.

Главный город Славонии, Осек (Эссек), занимает, подобно Сиссеку, выгодное положение в точке соединения двух больших равнин, в области, где излучины Дравы переплетаются с извилинами Дуная. Многочисленные предместья, окружающие крепость, имеют оживленный вид, благодаря очень деятельной торговле; в них есть даже несколько шелкопрядильных заведений. Железная дорога, пересекающая Драву ниже Осека, соединяет этот город с Венгриею. Изо всех групп населения в Хорвате-Сербии, Осек отличается наиболее космополитическою физиономиею: немцы и мадьяры встречаются здесь в большом числе, вместе с туземными жителями, славянами. Город Дьяково (по-венгерски Диаковар), лежащий среди внутренних равнин, к юго-западу от Осека и служащий местопребыванием епископа, гораздо лучше сохранил свой характер старой славянской общины: это самый деятельный центр хорвато-сербской национальности. Веровитица (по-венгерски Verocze, Вереце), сообщившая свое имя всему комитату, к которому она принадлежит, тоже населена славянами; но в окрестностях её есть несколько колоний немецких и венгерских.

Восточный полуостров Сирмии, лежащий между Дунаем и Савою, тоже имеет свои города, менее важные, чем Осек, но приобревшие более громкую историческую известность, по причине многочисленных совершившихся там военных событий. Ниже Вуковара (Буковара), город Петроварадин (Петервардейн), с сильною крепостью, командующей, по другую сторону Дуная, над городом Новосадом (по-немецки Нейзац, по-венгерски Уйвидек), напо-

1 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки“.

2 Yriarte, „Revue des Deux Mondes“, 1 марта 1876 г.

минает победу, одержанную, в 1716 г., принцем Евгением Савойским над турками; здесь построен через реку великолепный мост в 43 метра длины. Еще ниже, тоже на Дунае, находим город Карловиц, где турки подписали в 1699 г. мир, по которому они отказались от большей части своих завоеваний вне Балканского полуострова. Как резиденция патриарха, Карловиц является духовным центром всех хорватских и сербских населений греко-восточного вероисповедания. Земун или Землин, по прозванию «Христианский», расположен при слиянии Дуная и Савы: это главная торговая станция Австро-Венгрии на нижнем Дунае и обсервационный порт для австрийских канонирок. Этот город часто вел войны с Белградом, когда последний еще был турецкою крепостью. Остров, отделяющий его от Белграда, и форма которого должна измениться по приведении в исполнение предположенных гидравлических работ, имеющих целью спрямление русла реки, до сих пор носит название «Остров войны». Древний Сирмиум (Sirmium), где родился Проб, и который во времена римлян был главным городом страны, оставил свое имя всему полуострову и Вуковарскому или Буковарскому комитату. Этот город стоял на берегу Савы. В наши дни место его заняли городок Митровица, пристань Рума и другие местечки внутренней части края, защищенные на севере склонами горной группы Фрушка-Гора. Сирмия, которая и теперь еще имеет очень важное стратегическое значение, так как она господствует над лежащими выше теснинами Дуная, играла первостепенную роль, когда Сирмиум сделался, в четвертом столетии, резиденциею Константина Великого и его преемников: можно сказать, что в то время она была «центром Римской империи»[1]. Недалеко оттуда находится Винковци, древний Цибалис (Cibalis), где Константин одержал, в 314 г., победу над одним из своих соперников, Лицинием.

Население важнейших городов Крайны и Хорватии-Славонии, по переписи 31 дек. 1890 г.:

Крайна: Любляна (Лайбах)—30.505 жит.

Хорватия: Загреб (Аграм)—37.529 жит.; Варашдин—11.000 жит.; Карловац (Карлштадт)—5.569 жит.

Славония: Осек (Эссек)—19.778 жит.; Земун (Землин)—12.823 жит.; Рума—9.582 жит.; Митровица—9.541 жит.; Веровитица—6.000 жит.; Карловиц—5.490 жит.; Петроварадин (Петервардейн)—3.777 жит.

Глава VI Венгрия, страна мадьяр.

Венгрия и Трансильвания, которые, в силу конституционной фикции, политически отделены от остальной Австрии и действительно отличаются от неё в отношении внутреннего управления, пользуются, в сравнении с провинциями другой половины империи Габсбургов, Цислейтаниею, тою немаловажною выгодою, что они имеют истинное единство в географическом смысле. Правда, сербские и хорватские земли, лежащие за Дунаем, а также территория Реки (Фиуме), были присоединены к Венгрии вопреки их естественному сродству; но если не брать в рассчет этих областей, населенных почти исключительно славянскими народностями, то Венгерское королевство является одною из тех частей Европы, которые представляют, несмотря на различие живущих в нем рас, наиболее однородное и сплоченное целое.

	Пространство, кв. кил.	Население 31 дек. 1890 г. жит.	Километрическое население, жит.
Венгрия и Трансильвания	282.804	15.232 159	54

Много уступая немецкой Австрии числом жителей, богатством и цивилизациею, Венгрия, взамен того, превосходит ее, с политической точки зрения, формою своей территории и

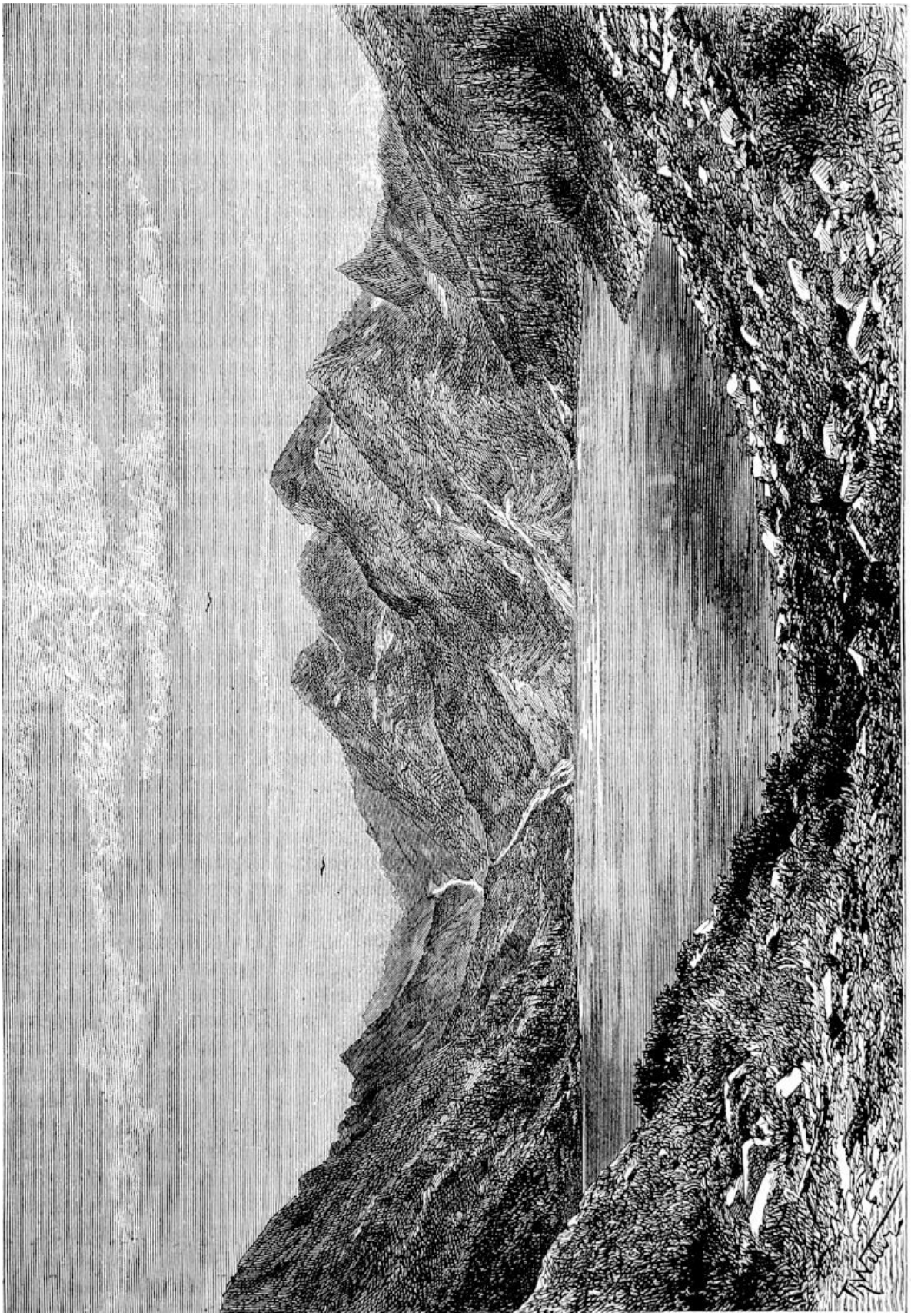
1 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки".

группировкою населяющих ее народов. Тогда как цислейтанская Австрия тянется от берегов Рейна до берегов Днестра длинною неправильною полосою гор и равнин, которая последовательно съуживается и расширяется, принимая странные формы, Венгрия является в центре континента под видом почти правильного овала низменных земель, окруженного естественною оградою из гор. Середину этой столь отчетливо ограниченной страны занимает обширная равнина, которая некогда была огромным озером; другие второстепенные бассейны, на западе—Пресбургский, на востоке—Трансильванские, наполняют остальную часть этого громадного амфитеатра, но соединяясь с равнинами центральной Венгрии покатостью почвы и водоскатами. Точно также важнейшая раса края, та, которая силою оружия, равно как влиянием языка, нравов и упреждений, приобрела уже много веков тому назад преобладающее значение в области Карпатских гор, занимает обширную центральную равнину по обоим берегам Дуная, а другие народности размещены по окружности таким образом, что они необходимо должны тяготеть к господствующей национальности всеми своими материальными интересами. Оттого-то, несмотря на вражеские нашествия и войны, не взирая на взаимную национальную ненависть, различные народы Венгрии обязаны были именно этому замечательному географическому единству их территории тем, что они почти всегда оставались сгруппированными, добровольно или насильно, под одним и тем же политическим режимом. Порабощенные все вместе сначала турком, потом австрийцем, они соединились теперь в одно самостоятельное государство, гордящееся тем, что оно снова завоевало внешние знаки своей независимости. Какая судьба предстоит ему в ближайшем будущем? Все с беспокойством следят за большой переменой равновесия, которая быстро совершается в придунайской Европе, давая южным славянам большую связь и сознание своей роли; но какова бы ни была будущая политическая группировка населений Востока, нация, водворившаяся на обширной арене, окруженной Карпатами, без сомнения, всегда будет иметь самую широкую долю влияния в завоеванной и защищаемой ею территории. Часто утверждали, что владычество над миром должно принадлежать исключительно людям арийской расы, и что другие этнические семьи обречены носить ярмо: хорошо, для будущности человечества, что в самой Европе, и при том в жизненной части континента, именно нация не арийского племени, хотя и сильно породнившаяся с другими европейскими народностями посредством скрещений, играет главную роль. На высокомерные притязания индо-европейцев мадьяры отвечают своею историею. Как все народы, они имели большие слабости и недостатки; но, тем не менее, кто из их соседей осмелится сказать, что он выше их умом, храбростью или любовью к свободе!

Альпы лишь в незначительной степени участвуют в образовании громадной ограды из гор, окружающей Венгрию. С высот, господствующих над Веною, можно различить на восточном горизонте силуэт синеватых холмов, за которыми в средние века начинался уже таинственный Восток. Эти холмы, называемые Лейтанскими горами, по имени реки, омывающей их западное основание, составляют продолжение Штирийских Альп, но они представляются почти уединенными: долина реки Вульки, пески и слои гравия отделяют их на юге от известковой цепи гор Розалии, соединяющихся с группою Земмеринг. Многие другие гряды высот, отделяемые одна от другой небольшими притоками рек Рабы, или Рааба, и Мура, тоже примыкают к альпийским массивам Штирии.

На севере от Балатона или Платтенского озера самостоятельная горная группа, Баконьи (Bakonu), совершенно отделенная от разветвлений Альп равниною, состоящею из третичных каменных пород, представляет несколько прекрасных вершин в форме куполов, между которыми открываются глубокия ущелья, имеющие очень живописный вид, благодаря разнообразию окружающих масс и окаменелым потокам лавы, вылившимся из древних вулканов: общая ось гребня параллельна оси западных Карпатов. В своей совокупности, эти горы, называемые немцами «Баконьевским лесом» (Bakonyer Wald), следуют тому же направлению, как и Венские Альпы, то-есть с юго-запада на северо-восток; равным образом горы, состав-

ляющие продолжение их к стороне Дуная, Вертеш (Vertes, т.е. «одетые в латы»), Пилиш, тянутся в том же направлении, поднимаясь своими юрскими верхушками до высоты от 400 до 700 метров. Гора Пилиш, так же, как Лейтанские холмы и Лысые горы (Каленгебирге) в



Рыбное озеро.

окрестностях Вены, представляет один из поперечных барьеров, заставляющих Дунай уклониться в сторону от своего нормального течения: эта гора возвышается как один из столбов Вышеградских ворот, через которые проходит река, прежде чем повернуть на юг к большому

колену, которым она вступает в Венгерскую низменность, и которое образуется вследствие впадения её притока, реки Вац (Vacz).

Высота главных горных вершин Венгрии к югу от Дуная: Гешрибенштейн (предгорья Штирийских Альп)—876 метров; Зонберг (Лейтанские горы)—488 метров; Мечек (Mecsek)—671 метр; Кёрёшгедьи (Koroshegy) или Кёришгедьи, в цепи Баконьи—707 метров; Пилиш (Pilis)—775 метров.

Долины, перерезывающие оба склона этих горных групп западной Венгрии, отличаются поразительным параллелизмом, они все одинаково направляются на северо-запад или на юго-восток, и все овраги, все углубления почвы в равнинах, все ручьи, а следовательно почти все дороги и тропинки следуют тому же направлению: при взгляде на карту кажется, что местности, лежащие по обе стороны гор, словно были тщательно расчесаны, как руно шерсть. На западе от Балатона, бреши, открывающиеся между горными группами, тоже параллельны между собою, но там холмы разрезаны геологическими деятелями по направлению с юга на север. Наконец, вся территория треугольной формы, ограничиваемая Платтенским озером, Дравою и Дунаем, представляет подобное же явление в своих различных массивах и особенно в группе Мечек (Mecsek), окруженной со всех сторон низменными землями, которые выравнены водами древних потоков. Там долины и углубления равнины расположены так же, как и в цепи Баконьи, то-есть направляются на северо-запад или на юго-восток, смотря по скату гор.

Чем объяснить это рассечение гор и холмов на куски, отличающиеся такою замечательною правильностью? Очевидно, долины были размыты таким образом водами, но только не проточными водами, как это мы видим в обыкновенных долинах. Вообразим себе равнины Венгрии совершенно наполненными двумя внутренними морями, из которых одно заперто в нижней своей части горами Пилиш, у Вышеградского ущелья, а другое, гораздо более обширное, поддерживается на определенном уровне горами, ограничивающими Банат на востоке; между этими двумя морями группы холмов явятся там и сям в виде удлиненных островов или в виде архипелагов. Но как только преграда, задерживавшая такое море или озеро, уступит напору жидкой массы, вода быстро начнет спадать или выливаться, образуя рытвины в почве по направлению, перпендикулярному к центру озерного бассейна. Это совершенно то же явление, которое мы увидим в миниатюре на тинистых берегах живорыбного садка, если вдруг поднимем его затвор: на этих берегах тотчас же образуются параллельные борозды, которые делаются все глубже и длиннее по мере того, как понижается уровень жидкой поверхности. Таким образом, когда воды обширного озера, расстилавшагося у подошвы гор Баконьи и Вертеш, нашли себе выход, на скатах этих гор мало-по-малу образовались правильные долины, направленные на северо-запад, то-есть к середине бывшего озера; далее на западе, долины, напротив, открываются в северном направлении, следовательно опять-таки по направлению нормальной покатости почвы; словом, каждая группа высот перерезана долинами, спускающимися к центральной впадине, которая разделяет эти высоты. По обеим сторонам бассейна, дно которого и теперь еще занято Платтенским озером и его продолжением, озером Валенце (Valencze), затем на юге, на склоне, обращенном к месту слияния Дравы и Дуная, все борозды, вырытые бежавшими некогда потоками, также указывают на быстрое отступательное движение, которому следовали эти воды с той и другой стороны. Вследствие обширных размывов, которые имели здесь место, многие застывшие потоки лавы сделались уединенными плато, а массы базальта, освобожденные от горных пород, составлявших их верхнюю оболочку, образуют теперь выступы на подобие башен[1].

Если часть ограды, образуемая на юго-западе Венгрии горами альпийской системы, перерезывается широкими брешами, то большой полукруг высот, за которым географы со времен Птоломея сохранили славянское название Карпатов[2], представляет, напротив того, сплошной вал, длиною около 1.450 километров, прерываемый лишь небольшим числом до-

1 Джедд, «Geological Magazine", № 1, 1876.

2 По Шафарику, название Карпаты произошло от Chrb, chreb, chrib, chrebet—горный хребет.

лин и ущелий, где горные ручьи с трудом прокладывают себе дорогу через груды каменных глыб. По направлению от северо-запада к востоку и югу бассейн Венгрии со всех сторон ограничен холмами и горами, которые отделяют его от Моравии, Галиции, Буковины и Румынии. Если не считать нескольких дефиле и горных проходов, которыми теперь воспользовались для постройки обыкновенных и железных дорог, венгерцы не имеют других путей сообщения с Западом и Востоком, кроме двух ворот, которые Дунай пробил себе между Альпами и Карпатами. Вверху—так называемые «Венгерские Ворота» (Porta Hungarica), у Пресбурга, внизу—знаменитые «Железные Ворота», у Оршовы, суть единственные естественные выходы, посредством которых население Венгерской низменности, окруженное оградою из гор, может иметь удобное сообщение с внешним миром. Понятно, какое огромное влияние эта непрерывная стена Карпатских гор, вдающаяся, как громадный бастион, в низменные равнины, прилегающие к Черному морю, должна была оказывать на переселения народов, на их вооруженные столкновения и их исторические судьбы.

Однообразная в целом, сравнительно с западною частью Альп, цепь Карпатских гор представляет большое разнообразие в деталях своих массивов и второстепенных кряжей и отрогов. Она начинается против последней возвышенности Альпийской системы, непосредственно выше слияния Моравы (по-немецки Марх) и Дуная. Первая вершина, Тебнеркогель или Девеньитето (Devenyiteto), есть самый высокий бугор почти уединенной горной группы; но на севере от впадины или долины, где проходит пресбургская железная дорога, горная цепь снова поднимается и образует более высокий хребет, известный под именем Малых Карпатов. Эта гряда, ограничиваемая еще другою низменностью, продолжается в северном направлении, во-первых, «Белыми горами», получившими такое название от голых скал их доломитовых вершин, затем различными другими маленькими цепями, продолжением которых служат Яворник и группа Бескидов, изгибающиеся постепенно к востоку до бреши хребта Яблунка. В этой части Карпатской системы вершины имеют, средним числом, от 700 до 900 метров высоты; две из них поднимаются даже выше 1.000 метров, и скалы, состоящие во многих местах из метаморфических сланцев, принимают уже кое-где вид настоящей горы; леса и альпийские пастбища еще более увеличивают красоту горного пейзажа.

Далее на востоке, цепь делается очень неправильною в отношении формы и очертаний. Высокие долины, в которых текут река Ваг (по-венгерски Ua'g, по-немецки Waag) и её притоки, равнины, некогда наполненные водами озер, обрывистые ущелья разрезывают горную массу на множество кусков странной формы. Страна имеет более дикий вид, и вершины, между которыми царит Бабья-Гора (Babia Gora), названная так по сходству её формы с фигурою сидящей женщины, поднимаются на более значительную высоту. Все это указывает на близость главной горной группы. Эта группа, Татры, возвышается почти уединенно, на расстоянии около половины градуса к югу от линии, которую описала бы нормальная кривая Карпатов, между кругом долин, образуемых на западе реками Ваг и Арвою, на востоке реками Попрадом и Дунайцем. Если бы какие-нибудь преграды задержали течение этих рек при выходе их из горных ущелий, то воды мало-по-малу поднялись бы и образовали бы обширное круглое озеро вокруг основания группы, о которой идет речь; один только перешеек возвышенных земель, плоскогорье «Высокого Леса», поднимающееся почти на 100 метров выше поверхности бассейнов Вага и Попрада,—на 900 метров над уровнем моря,—соединял бы Татру с горами внутренней Венгрии. На севере порог так называемых «Черных Болот», который в настоящее время скорее соединяет, чем разделяет бассейны Дунайца и Арвы, снова покрылся бы, как и долины самих рек, озерными водами.

Хотя группа Татров гораздо выше окружающих ее гор, средним числом на 1.500 и 1.800 метров, но она значительно уступает, в отношении высоты, большим Альпам, и вершины её не достигают области постоянных снегов; во всех её цирках, где собираются первые вешния воды, можно заметить, даже среди лета, полоски снега и настоящий лед, которых не могут растопить жаркие лучи солнца; но на верхних склонах летом видна только голая скала, хотя облака, содержащие снежные хлопья, часто ударяются о стены горных вершин, даже на вы-

соте 1.800 метров. Это быстрое исчезновение снегов на Татре приписывают сильному наклону вершин. Между большими Альпами и Кавказом—это самая величественная горная группа. Когда смотришь на Татру с гор, которые возвышаются на юге от неё, в виде естественной обсерватории, она поражает крутизною своих стен, мощностью своих хребтов, резкими контурами своих выступов, пирамид, зубчатых гребней; хотя масса её состоит из кристаллических горных пород, но она отличается тою же смелостью профиля, тою же причудливостью очертаний, какие свойственны горам, образованным из песчаников и известняков. На Татре нигде не увидишь длинных хребтов, ни пологих скатов; луга редко где встречаются; везде над зеленым поясом лесов виднеются крутые каменные стены и откосы из обвалившихся камней, лежащих в хаотическом беспорядке. Две её вершины, Ломниц (Lomnicz) и Кешмарк (Ke-mark), разделенные глубокою впадиною или выемкою, которую туземцы называют ущельем, принадлежат к самым величественным по виду горам; оттого первая из них долгое время считалась высочайшею вершиною Татров. Теперь, однако, оказалось, что Ломниц, в отношении высоты, уступает другой вершине, Накотлу или Герлахфальва, которая возвышается в середине этой группы; к северу от Балканского полуострова, это—самая высокая гора восточной Европы.

Удивительно, что такая небольшая группа гор, как Татры, представляющая к тому же со всех сторон очень крутые скаты, содержит такое множество озер. Градский (Hradszky) насчитал их 112, из которых 74 находятся на южном склоне[1]. Впрочем, эти озера по большей части очень маленькия: самое обширное из них, называемое поляками «Большим прудом» (Wielki staw), имеет поверхность менее 35 гектаров. Эти озера или пруды похожи на бассейны, встречающиеся в центральной части Пиренеев, и, подобно пиренейским бассейнам, наполняют своими прозрачными водами гранитные водоемы, расположенные ярусами один над другим в возвышенных долинах. Карпатские горцы называют их поэтически «очами моря» (по-словацки Morskie oko, по-мадьярски Tenherszem, по-немецки Meeraugen), как будто океан подземными ходами поднимает свои воды на высоту гор для того, чтобы они отражали в себе красоты горной природы, живописные картины скал и снегов. Туземные жители уверены, что каждая буря на море производит в то же время волнение в озерных резервуарах Татры. По общераспространенному между местным населением мнению, эти маленькия озера «бездонные», хотя некоторые из них, очевидно, обязаны своим названием «Краснаго», «Чернаго» или «Зеленаго» озера цвету песка, покрывающего дно и виднеющагося сквозь прозрачную воду. Так называемое «Рыбное озеро» (Rybi staw), почти столь же обширное, как и «Большое озеро», имеет только 60 метров глубины в самом глубоком месте; озеро Чорба (Csorba) имеет около 21 метра глубины; глубина другого, тоже якобы «бездоннаго» бассейна, не превышает 5 метров.

Горы Татры не богаты рудными месторождениями, исключая залежей железной руды; однако, жители окружающих долин воображают, что огромные сокровища сокрыты в глубинах горных озер; одно из них будто-бы содержит карбункул (красная вениса) громадной величины, который когда-то блестел, как солнце, на одной из самых высоких вершин; другие озера, по народному поверью, наполнены кусками самородного золота и серебра, состоящими под охраною жаб, имеющих драгоценные камня вместо глаз и держащих в лапах кусочки золота. Одни только колдуны могут, при помощи своих заклинаний, черпать из этого неизсякаемого источника богатств, но и то не без опасности для местного населения, ибо они могут при этом проломить естественные запруды озер и выпустить из них воду в равнину. В 1813 г. знаменитый шведский натуралист Валенберг, которого кто-то из местных жителей видел погружавшим термометр в одно из горных озер, навлек на себя подозрение в намерении спустить воду и затопить соседния поля; по счастью, одна старая женщина сжалилась над несчастным ученым, и ей удалось, хотя и с большим трудом, спасти его от ярости горцев.

Как центральная группа северных Карпатов, Татра окружена со всех сторон более низкими горами, которые, в свою очередь, окружены рядами высот, постепенно понижающихся

1 „Annuaire du Club des Carpates".—Attila de Gerando, „Revue de geographie", апрель 1877.

и, наконец, сливающихся с равнинами. По направлению к югу, на другой стороне долин Вага и Попрада, возвышаются, против высоких вершин Татры, тоже гранитные горы, называемые Малою Татрою или Липтавскими Альпами. Некоторые из их вершин поднимаются выше чем на 2.000 метров; но на западе группы Фатра и Криван-Фатра уже не так высоки: первая из них на 900, а вторая на 400 метров ниже предъидущих. На юге различные отрасли рудных гор и Островские горы не достигают даже высоты 1.500 метров; наконец, между группами, более или менее уединенными, которые вдаются на подобие мысов в равнины Дуная и Тиссы, и которым размывающее действие вод придало самые неправильные формы, самые странные очертания, только одна возвышается почти на 1.000 метров: это Матра, прекрасная вершина которой, имеющая форму конуса, обрисовывается на отдаленном горизонте в виде синеватого шатра. Эта группа составляет часть ряда высот, которыми продолжается в северо-восточном направлении цепь Пилиш (Pilis), прерываемая течением Дуная у Вышеградского прохода.

Почти все массивы, расположенные вокруг Малой Татры, состоят из эруптивых пород, трахитов, базальтов, туфов, образовавшихся из вулканического пепла. Фатра, Островские горы, Бюк, возвышающиеся в соседстве с существовавшим здесь некогда внутренним морем, были пробиты многочисленными каменными породами огненного происхождения так же, как знаменитая гора Токай, камни которой, выставленные действию солнца, питают виноград, сделанный, по местному выражению, из «сахара и огня». Из всех вулканических формаций Венгрии наилучше сохранившиеся находятся в соседстве с Матрою; но предполагаемый кратер, усмотренный некоторыми геологами в центральной области этой горной группы, не существует в действительности; то, что принимали за жерло вулкана, есть не что иное, как простой овраг, глубиною около 50 метров, открывающийся в массе трахита[1]. По мнению некоторых этимологов, название Матра означает «очаг», и дано, вероятно, или потому, что туземцы сохранили воспоминание о лавах, горевших некогда на берегу великого венгерского моря, или потому, что они сами имели привычку зажигать свои языческие жертвенники на этой высокой горе, господствующей над обширным пространством. Страсть к аллитерации (повторение одинаковых слогов), свойственная всем младенческим народам, была причиною того, что древние мадьяры прославляли Татру, Фатру и Матру, как три свои главные горы, и три горные вершины, фигурирующие в их национальном гербе, вероятно, изображают собою эти знаменитые высоты.

На востоке от долины и ущелий реки Попрада, которые ограничивают Татру и её предгорья, называемые Магурою, равно как многие другие горные группы, цепь собственно так называемых Карпатов тянется на юго-восток с большою правильностью. Эти горы, состоящие главным образом из песчаников, разложение которых производит бесплодные земли, очень мало населены; селения встречаются чаще только в тех долинах, где есть залежи каменной соли, каменного угля или какие-нибудь рудные месторождения, привлекающие рудокопов. Обширные леса, еще недавно совершенно сплошные, почти без полян, покрывают как главный хребет Карпатов, так и боковые отроги, простирающиеся далеко вглубь равнин Венгрии. До этого последнего времени непроходимые леса, отсутствие населенных мест, значительная ширина гористой области были причиною того, что край этот редко посещался учеными исследователями, хотя скаты гор удобны для восхождения, и вершины их поднимаются на незначительную высоту, всего на каких-нибудь 1.000 и самое большее на 1.500 метров. Один из горных проходов, Верецке, носит также название «дороги Мадьяров», может быть, потому, что древние алтайские племена нашли здесь путь, по которому они и вступили в свое будущее царство на берегах Дуная.

За этою брешью Карпаты постепенно повышаются, сохраняя свое общее направление на юго-восток. Гранит снова появляется в высоких вершинах Поп Иван и Черная Гора (Czerna Hora), которые поднимаются на высоту 2.000 метров, гораздо выше пояса лесов; здесь были открыты первые очевидные следы древнего прохождения ледяных потоков в долинах Карпа-

1 Бёдан, „Voyage mineralogique et geologique en Hongiie" т. II, стр. 13.

тов: во многих местах бока скал отшлифованы трением двигавшихся здесь ледяных масс, и многие долины завалены частью глетчерными моренами[1]. Этот альпийский массив, уступающий, по высоте своих вершин, цепи Татра, имеет, однако, более важное значение с гидрографической точки зрения. В этом месте главный хребет Карпатов выделяет из себя в западном направлении боковую ветвь, которая огибает истоки Тиссы и способствует образованию двух передовых естественных твердынь венгерской земли: на севере—комитата Мармарош, на юге—Трансильвании. На этой раздельной цепи высятся Унеке (Unoko, т.е. «гора телиц»), Циблеш (Czibles) и другие большие вершины; самая величественная из них—Пиетрос, имеющая вид исполинской выпуклой стены, покрытой лесами и дерном, и оканчивающаяся на оконечностях гребня двумя пиками, похожими на башни[2]. В самом узле, из которого разветвляются горы, берут начало четыре реки, направляющиеся к четырем главным странам света: Тисса, Самош, Золотая Быстрица и Белая Черемош. Этот порог Карпатов представляет своего рода Сен-Готард.

Отсюда начинается та часть Карпатских гор, которую можно рассматривать как крайний мыс истинной Европы, выдвинутый в полуазиятские равнины сарматского Востока. Этот сплошной полукруглый горный вал, подобно водорезу корабля, останавливающему налетающие на него волны, много раз задерживал поток народов, устремлявшихся в разное время на Европу. Между выдающимися чертами континентального рельефа мало найдется выпуклостей, которые имели бы такое важное значение в истории, как рассматриваемая нами возвышенность. В своей совокупности, полукруг восточных Карпатов служит крайним пределом гористому плоскогорью, которое возвышается, средним числом, на 450 метров и общий скат которого обращен к стороне Венгрии. Эта плоская возвышенность есть Трансильвания (Ardealul по-румынски, Erdely по-мадьярски), получившая это название от обширных лесов, которыми некогда были покрыты горы её окружности. Легко доступная на всем своем западном склоне, по причине широких долин, открывающихся в этом направлении, и относительно небольшого возвышения горных цепей, Трансильвания была, напротив того, прежде почти совершенно неприступна с южной и с восточной стороны; на этих фронтах естественной твердыни поднимаются самые высокие вершины, и наружный скат плоскогорья отличается гораздо большею крутизною, следовательно, гораздо менее доступен, чем покатость, обращенная к внутренней части Венгерской низменности. Таким образом, географическое положение Трансильвании представляло большие выгоды для защиты, чем и объясняется тот факт, что страна эта всегда пользовалась относительною независимостью в период турецкого владычества.

На юг от Мармароша главная цепь Карпатов, постепенно изгибающаяся по направлению меридиана, сохраняет свою среднюю высоту, колеблющуюся между 1.250 и 1.550 метрами. Кроме того, эту цепь сопровождает на западе внутреннее плоскогорье Гаргита (Hargita), перерезанное глубокими долинами и увенчанное широкими вершинами и высотами в форме куполов: самая возвышенная точка этой группы Надьи-Гаргита (Nagy Hargita) или Надьи-Гаваш (Nagy Havas, т.е. большая снежная вершина) имеет более 1.700 метров высоты. Великолепные равнины, бывшие некогда дном озер, не менее обширных, чем озера швейцарских Альп: Гергио, Чик (Csik), Гаромсек (Haromszek), отделяют Карпаты от массивов этой плоской возвышенности, и однообразием своих зеленеющих полей составляют яркий контраст с крутыми склонами гор, покрытыми темным лесом. Каждая из этих равнин, представляющая нечто в роде отдельного редюита в исполинской естественной крепости, какою является Трансильвания, словно была предназначена самою природою сделаться жилищем особой группы населения, и, без сомнения, это разнообразие рельефа поверхности, это чередование равнин, гор, плоских возвышенностей много способствовало сохранению различия племен и языков в этой отдаленной области Карпатов.

Восточная цепь Карпатских гор вдруг обрывается углом на юг от равнины Гаромсек, и

1 Поль, Тице и др. „Mittheilungen der geologischen Reichsanstalt".

2 Аттила де-Жераидо, „Revue de Geographie", апрель 1877 г.

затем начинается цепь Трансильванских Альп. По высоте своих вершин, эта горная группа занимает второе место в системе Карпатов; самая возвышенная верхушка её, Негой, только сотней метров уступает высочайшему пику Татры. Правда, эта последняя группа имеет, вместе с тем, более крутые склоны, более изрезана глубокими пропастями, гребень её более усажен остроконечными шпицами, зубцами и пирамидами, хребты богаче снежными полосами; но Трансильванские Альпы, главная масса которых состоит, как и масса Татры, из кристаллических каменных пород, имеют более угрюмый и более величественный вид. С Фогарашских равнин, по которым бежит живописная река Алюта (Ольт, Ольто), Трансильванские горы являются во всем своем величии: можно бы было подумать, что находишься в Швейцарских Альпах, если бы на склонах леса чаще сменялись пастбищами, и если бы взор встречал на выступах гор домики в роде швейцарских шале.

Менее исследованные, чем Татра, Трансильванские Альпы, вместе с тем, сохранили в гораздо большей степени характер девственной природы, который они, разумеется, рано или поздно, и, вероятно, в близком будущем, утратят вместе с исчезновением лесов. Медведи в этих горах очень обыкновенны, так же, как и сурки; серны тоже встречаются многочисленными стадами; в горах Буковины охотники ежегодно убивают около 9.000 оленей и козуль и много хищного зверя—медведей, волков и рысей. Татра гораздо менее населена дикими животными; однако, и там существуют еще медведи и наносят иногда вред стадам и полям, засеянным овсом; недавно серны и сурки, чересчур усердно преследуемые охотниками, едва совсем не исчезли. В 1865 г., по словам одного горца, Новицкого, на Татре было не более пяти семейств сурков и шесть или семь серн; но в следующем году охота на них была строго запрещена, и с той поры обе эти породы животных снова расплодились[1]. Что касается каменного козла, то он несомненно исчез уже на всем пространстве Карпатов. По свидетельству англичанина Бонера, последний зубр был убит в 1775 г., близ Удваргельи, в одном болоте на равнине Дьердио.

Собственно так называемые Трансильванские Альпы занимают пространство гораздо более обширное, чем Татра, они тянутся на севере от Валахии, в виде дуги круга, длиною более 300 километров, похожей на дугу, образуемую Альпами Ломбардии и Пиемонта. На западной своей оконечности, в пределах Баната, эти горы разветвляются на множество второстепенных цепей и отрогов, дробятся на отдельные группы, которые теперь заселяются и привлекают много пришлого народу, благодаря открытым в них залежам каменного угля, рудным месторождением и минеральным водам. Главная цепь, изгибающаяся к югу, постепенно понижается от одной вершины до другой, но она все еще сохраняет вид больших гор в том месте, где Дунай, запертый некогда сплошным валом Карпатов и сербских гор, нашел себе выход через ущелье, известное под именем Железных Ворот. Через главный проход, между Кронштадтом и Плоэшти, теперь проведена железная дорога. Деревни, служащие дачными местами, замки, отели группируются среди лесов и на румынском склоне.

Кроме Дуная, еще три второстепенные реки переходят через стену Трансильванских Карпатов, но в истинно альпийской области гор, там, где эта горная система представляет наибольшую ширину, и где находятся самые высокие её вершины. Близ юго-восточного угла Трансильвании, большое число ручьев, берущих начало на северном склоне гор, соединяются в равнине, которая некогда была озером, с многочисленными разветвлениями странной формы. Это озеро, наконец, нашло себе выход; но вместо того, чтобы излиться на север, в равнину Гаромсек, от которой их отделяли только холмы, гораздо менее высокие, чем Карпаты, воды его открыли проход на юге, в самой толще горной цепи, и под именем Бузео (Bodza по-мадьярски), соединились с румынским Серетом. Далее на западе, река Алюта пересекает всю систему Трансильванских Альп и многие из её побочных отраслей. Соединив в одном речном бассейне воды, бегущие по высохшему дну древних озер Чик, Гаромсек, Бурценланд (или Кронштадтская равнина), по великолепной Фогарашской долине и Германштадтскому бассейну, Алюта, сделавшаяся могучею рекою, переходит Карпаты непо-

1 Аттпла де-Жерандо „Revue de Geographie“, апрель 1877 г.

средственно на западе от величественной горной массы Негой, через тесницу, известную под именем «ущелья Красной Башни»,—вероятно, получившую такое название от старинной башни, выкрашенной на венгерский манер, и которая некогда была защищаема от всяких вражеских нашествий «братьями гражданами» Германштадта. Наконец, на западе от большой горы Паринг, другой приток Дуная, образующийся из Мадьярской Шиль (Jiul, Jiullu) и из другой реки Шиль, называемой Валашскою,—хотя она тоже течет на венгерской территории,—переходит цепь Трансильванских Альп, но через ущелье до такой степени дикое, или вернее, через трещину до того узкую и трудно доступную, что жители края, когда им нужно перебраться с одного склона на другой, тщательно избегают этой теснины (Szurduk), и делают большой крюк к западу через высокий перевал Вулкана,—горы, которая, несмотря на такое громкое название, не имеет в себе ничего вулканического. Тысячи тропинок, проложенных стадами, переплетаются до бесконечности на травянистых скатах, чтобы соединиться в каменистые дороги в ущельях и опять разветвляться по их зеленеющему дну. Когда будут окончены постройкой дороги, обыкновенная и железная, через Сурдук, эти пути сообщения получат важное значение для международной торговли, так как венгерский бассейн, где соединяются две реки Шиль, есть бывшее озеро, где отложились петрошанские каменноугольные пласты.

Горные группы западной Трансильвании, составляющие естественную границу Венгерской низменности, должны были, подобно южным Карпатам, уступить напору вод, скопившихся в верхних бассейнах, и открыть им широкия долины. Так, на севере мы находим реку Самош (Szamos), спускающуюся к Тиссе (Tisza, по-немецки Theiss), в центре Быструю Кереш (Sebes Koros), которая соединяется с Белой (Fejer Koros) и Черной Кереш (Fekete Koros) в Венгерской равнине; на юге прекрасная река Марош (Maros), первые воды которой бегут по древней озерной равнине Дьердьо, близ молдавской границы, вырывается через широкую равнину, пройдя перед тем Трансильванию по направлению с востока на запад; наконец, на границах Баната, глубокая борозда, вырытая некогда водами долины Гатсег, перерезывает цепь гор, точно искусственный ров, идущий между двумя валами. Это горный проход, известный под именем «Железных Ворот», которое он получил, по всей вероятности, как и многие другие дефилэ на востоке, от укреплений, защищавших доступ к нему против нападения враждебных народов.

Разделенные реками на множество отдельных групп, горы западной Трансильвании носят различные названия; однако, иногда всю систему их обозначают общим именем «Трансильванских Рудных гор». И действительно, эти горы очень богаты рудными месторождениями и металлоносными жилами, чему они обязаны разнообразию геологических формаций, из которых состоит их масса. Мы находим здесь граниты, порфиры, сланцы, песчаники, известняки разных эпох, трахиты, базальты, лавы. Между прочим, в этой области, недалеко от истоков Араньоша, то-есть «Золотой реки», находится одна из замечательнейших базальтовых гор Европы: это Детуната (Detunata) или «Пораженная громом». Над пологими пастбищами, усеянными сосновыми лесками, высится серая скала, около сотни метров высотою, состоящая сплошь из базальтовых призм, слегка наклоненных вперед; общий вид этой громадной нависшей массы напоминает исполинскую волну океана в тот момент, когда она уже загнула свой гребень и готова разбиться. Впрочем, время неустанно трудится над разрушением этой базальтовой горы, которая, кажется, готова обрушиться каждую минуту; основание утеса усеяно разбитыми стержнями, куски которых в одних местах лежат грудами, в виде столбов, в других—разбросаны по одиночке, как колонны обрушившагося храма.

Залежи руд всякого рода особенно многочисленны в той части горной группы, центр которой занимает гора Детуната. Здесь находятся знаменитые золотые прииски, имевшие весьма важное значение до открытия Нового Света; здесь же существуют жилы серебра, ртути, железа и других металлов. Пласты каменной соли не встречаются в гористой области, но полагают, что они залегают, в виде сплошной формации, под голыми безлесными холмами Ме-

зешега (Mezoseg) или «Шампаньи»[1], которые тянутся волнообразно через всю центральную часть Трансильвании, между долинами Самоша и Мароша. Если бы весь поверхностный пояс этой области вдруг исчез, то мы видели бы перед собою белое соляное море, остаток древнего залива, который в третичную эпоху наполнял этот бассейн Карпатов. Около шестисот источников бьют из этого нижнего слоя, и соленостью своей воды обнаруживают свойство горных пород, через которые они проходят; но местами эти громадные пласты каменной соли выступают на поверхность земли, и дождевые воды размывают их, придавая скале самые причудливые формы и очертания. Близ Парайда, в верхней долине реки Малой Кюкюлле (Kis Kukullo), притока Мароша, возвышается целая гора из чистой соли, пологий купол которой имеет не менее семи километров в окружности, и которая, по объему, в два раза превосходит знаменитую соляную гору Кардона, в Каталонии[2]. Несколько лет тому назад, соляный утес, нависший над рекою, будучи подточен при основании водами, вдруг обрушился: масса соли, объем которой исчисляют, приблизительно, в 2.500 тонн (150.000 пудов), запрудила все русло реки, вследствие чего течение прекратилось на несколько дней[3].

Область холмов и небольших гор, господствующая на севере над древними озерами верховьев р. Алюты, чрезвычайно замечательна происходящими в ней химическими явлениями. В этой области пласты каменной соли тоже очень близко подходят к поверхности земли, и во многих местах погреба домов вырыты в соляном слое. В соседстве горы Бюдеш-Гедьи (Budos Hegy, то-есть «Вонючая гора») тянутся обширные залежи серы, и даже из скал этой горы выделяются через две трещины сернистые газы, которые местные жители считают очень полезными для лечения различных болезней; но пациенты должны входить в эти воздушные серные ванны и выходить из них со всевозможною поспешностью и задерживая дыхание,—иначе им грозит опасность задохнуться от удушливых испарений[4]. В Вайнафальве, квартале большего местечка Ковасна, угольная кислота выделяется из почвы в таком обилии, что погреба наполнены ею; землекопы, роющие землю, должны очень остерегаться, чтобы не пострадать от этих смертоносных паров. Цыплята, укрывающиеся под крыльями своей матери, всегда задыхаются, если под корзиною, где помещается наседка, не подосланы цыновки. Больные, подвергающие себя целительному действию угольной кислоты, и тело которых погружено в газ, все время держат голову поверх ванны, благодаря покрышке, охватывающей их шею, на подобие ошейника; однако все-таки опасно брать ванну в известные часы дня, по причине сильного истечения газа. После дождя на поверхности луж беспрестанно появляются пузыри, образуемые углекислотою, которая бьет ключом из земли сквозь покрывающий ее слой воды. Углекислые источники встречаются в бесчисленном множестве. Наконец, в Малом Шароше (Kis Saros) и в Базне из почвы выходят горячие газы, в роде тех, какие выделяются из земли в Моденской области, в Италии, и на Ашперонском полуострове[5].

Высота главных вершин в системе Карпатов, по Гунфальви и другим географам:

Малые Карпаты: Тебиеркогель—513 метр.; Брадло—815 метр.

Белые Горы: Яворина—967 метр.

Яворник—1.013 метр.

Бескиды: Высокая гора (Wysoka Gora)—1.020метр.; Бабья гора (BabiaGora)—1.720метр.

Татра: Ломниц—2.632 метра; Накотлу—2.647 метр.

Восточные Карпаты: Черная-Гора—2.007 метр.; Поп-Иван—1.925 метр.; Пиетрос—2.207 метр.; Циблеш—1.826 метр.; хребет Пришлоп 850 метр.

Трансильванские Альпы: Бучеш—2.497 метр.; Негой—2.543 метр.; Паринг—2.438 метр.; Ретьезат—2.482 метр.; ущелье Красной Башни—352 метр.

1 Auguste de Gerando, „La Transylvanie et ses habitants“, т. II, стр. 246.

2 Posepny, „Mittheilungen der geologischen Reichsanstalt“, 1871.

3 Венер, „Transylvania“, стр. 378.

4 Auguste de Gyrando, „La Transylvanie et ses habitants“;—Венер, „Transylvania“.

5 Бойер, „Transylvania“, p. p. 37, 347 etc.

Гаргита: Надьи-Гаваш—1.741 метр.; Кукук-Гадьи—1.540 метр.

Внутренняя Венгрия: Дьембер (Малая Татра)—2.043 метр.; Криван-Фатра—1.667 метр.; Крижна (Фатра)—1.540 метр.; Кекеш (Матра)—970 метр.

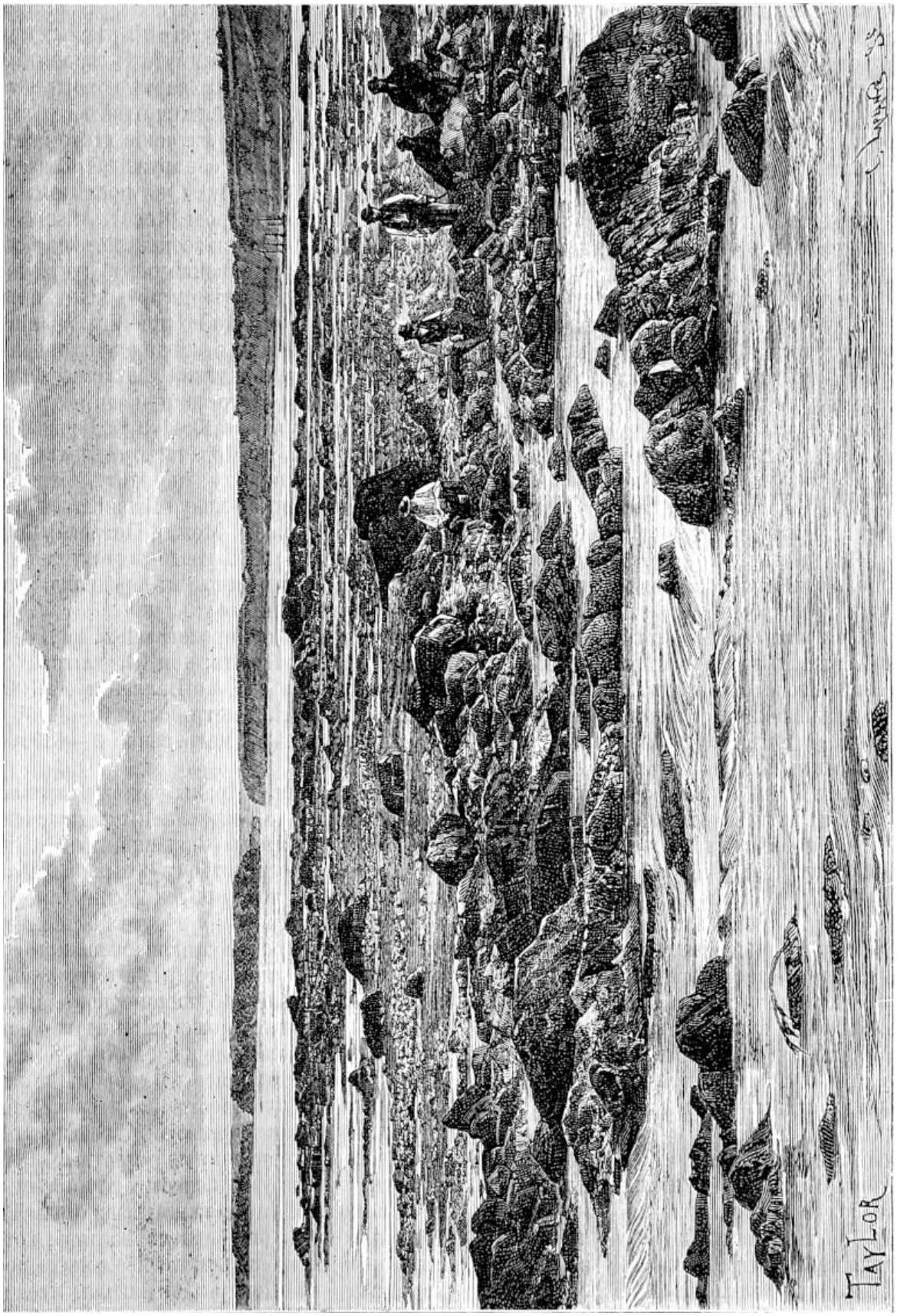
Рудные горы: Кукурбета—1.846 метр.; Мунтьелемар—1.486 метр.

Страна мадьяров обильно орошается водой. Количество дождевой воды, выпадающей в этой области центральной Европы, составляет, средним числом, слой толщиною около двух третей метра в год, и кроме того, Дунай приносит сюда огромный объем вод, который он собирает в своем верхнем бассейне. На пространстве почти 1.000 километров, считая извилины, великая река течет по равнинам Венгрии, и со всей окружности громадного амфитеатра, образуемого Альпами и Карпатами, спускаются многочисленные ручьи и речки, чтобы увеличить массу её вод. Некоторые из притоков этой реки: Сава, Драва, Тисса, сами принадлежат к числу первоклассных рек Европы и судоходны на большом протяжении своего течения.

За исключением небольшой реки Попрад, вытекающей из снегов Татры и бегущей на север к Висле, в Венгрии нет ни одного потока, который не принадлежал бы к бассейну Дуная. Каждая капля воды, дистиллируемая источниками Карпатов, после бесчисленных поворотов, в конце концов добирается до низменных равнин Венгрии и утекает через ущелье Железных Ворот; только три реки: Шиль, Алюта и Бодза или Бузео, направляются непосредственно к нижнему Дунаю через отверстия или проходы между горами. Это схождение к одному общему средоточию всех вод мадьярской страны имело результатом сообщение её населениям большего политического единства. В этом отношении гидрографические условия страны представляют большие выгоды; но, с точки зрения обмена всякого рода с соседними нациями, речная сеть её—одна из самых несовершенных. Все естественные пути, которые эта сеть открывает для торговли, удаляют страну от других государств, вместо того, чтобы приближать ее к ним; движение от окружности к центру значительно уменьшается вследствие недостатка выходов. Для водного сообщения существуют только два удобные прохода—те, которые представляют двое дунайских ворот: одни в верхней части венгерского течения Дуная, открывающие доступ в Австрию и Германию, другие в нижней части, ведущие к Румынии, Турции, Черному морю. Первые из этих ворот не противополагают никаких препятствий судоходству; но что касается вторых, то они до этого последнего времени были заграждены опасными подводными камнями или порогами, да к тому же и Черное море, куда впадает Дунай, само почти замкнуто и представляет скорее озерный резервуар, чем морской бассейн. До сооружения хороших дорог и рельсовых путей, это море было нечто в роде глухого закоулка, окруженного странами, на половину пустынными и безлюдными, или населенными варварскими племенами. Во сколько раз важнее было бы значение Венгрии во всемирной торговле и промышленности, если бы протекающая через нее великая река, вместо того, чтобы изливаться в негостеприимные воды Понта Эвксинского, впадала в Адриатику или в какой-нибудь другой, широко открытый, залив Средиземного моря? Но что сталось бы тогда с мадьярами? При соприкосновении с более высокою цивилизациею и под влиянием более многочисленных смешений с другими народностями, могли ли бы они сохранить свою оригинальность, свой язык, свое национальное существование?

В Венгрии, особенно ниже впадения Моравы и Лейты, Дунай принимает вид и характер большой реки. Берега его изменчивы и неопределенны, кроме тех пунктов, где близко подходящие группы холмов съуживают ложе реки; в одних местах поток неустанно размывает, подтачивает берега, производит обвалы огромных глыб, которые обрушиваются в воду и мало-по-малу распадаются на мелкие части, так сказать, растворяются в жидкой массе; в других—он наносит слой землистых осадков и выдвигает далеко в область вод песчаные стрелки и косы. Еще неукрощенный, Дунай созидает и разрушает поочередно: с одной стороны, он образует острова и насаждает их камышем, ивами, тополями, с другой—он вырывает деревья вместе с землею, на которой они росли; только какой-нибудь корень, задержи-

ваемый бакеном, указывает место, где находился островок. Во всех направлениях открываются каналы тинистой воды между низменными землями, и невольно задаешь себе вопрос— как может кормчий отыскать дорогу среди этого лабиринта вод? Дома едва можно различить



Желѣзныя ворота на Дунаѣ.

между деревьями, покрывающими берег; но река, по виду более населенная, чем земля, сама усеяна целыми деревнями мельниц, установленных на якорях в воде. В соседстве с лугами скот сотнями мирно бродит по болотистым низинам; стаи всякой водяной птицы с шумом

носятся над бесконечными густыми камышами, тогда как ласточки свивают себе гнезда в углублениях отвесных утесов нагорного берега, словно под кровлею домов.

Между бесчисленными островами и островками, вокруг которых разветвляются воды Дуная, особенно замечательны, как по величине, так и по своему геологическому значению, два большие острова, начинающиеся тотчас же ниже Пресбургских ворот. Это не простые аллювиальные (наносные) острова, как можно бы было заключить по их названию Шютт (Schutt), близко подходящему к немецкому слову Schutt, которое означает мусор; венгерцы, единственные обитатели главного, т.е. самого большого из этих островов, называют его Цаллекез (Czallokoz) или «Обманчивым островом», может быть, по причине быстрого изменения его берегов. По выходе из «Венгерских Ворот (Porta Hungarica),—прохода, открывающегося между последними отрогами Альпов и предгорьями Карпатов,—река делится на несколько рукавов и образует настоящую дельту, остаток той дельты, которою она некогда изливалась во внутреннее море западной Венгрии. По обе стороны трех главных рукавов Дуная извиваются бесчисленными излучинами «малые Дунаи» (Kis Duna), которые странствуют далеко по равнинам и, наконец, делаются притоками—один р. Вага, другой рр. Лейты и Рааба. Соединившись с этими реками, блуждающие волны Дуная опять возвращаются в главное ложе и таким образом способствуют образованию больших островов, которые, впрочем, сами разделены на множество второстепенных островов естественными протоками и каналами, прорытыми рукою человека. В целом, большой остров Шютт, восточная оконечность которого, то-есть мыс, образуемый Дунаем и Вагом, защищается сильною крепостью Комаром или Коморном, занимает площадь не менее 1.550 квадратных километров.

Ниже этой бывшей озерной дельты, Дунай, соединивший все свои воды в одном канале, должен проходить через второе ущелье, между двух горных групп: Пилиш и Ноград (Novigrad, Новоград), из которых последняя называется также «Холодными горами». Этот узкий горный проход, через который большая Венгерская низменность сообщается со своею переднею равниною, прилегающею с западной стороны, приобрел весьма важное историческое значение; между различными зданиями, возвышающимися на выступах гор, полуразрушенные башни древней крепости Вышеград, где хранилась корона св. Стефана, служат живым свидетельством той заботливости, с которою венгерские короли охраняли эти ворота своего царства; там же находился прекрасный дворец Матфея Корвина, о пышности которого историки рассказывают чудеса. В небольшом расстоянии ниже этого прохода расположились одна против другой, словно два стража, две столицы Венгрии—Буда и Пешт. Вообще Вышеградский проход с большим основанием, чем какая-либо другая часть течения Дуная, может быть рассматриваем, как средоточие всей этой обширной гидрографической сети. В этом месте река, общее направление которой до того было с запада на восток, вдруг поворачивает к югу и спускается в направлении меридиана, на протяжении почти трех градусов по широте. На первый взгляд может показаться странным, что Дунай, вместо того, чтобы пересекать по диагонали всю Венгерскую низменность, только огибает ее с западной и с южной стороны. Причину этого явления нужно искать в способе образования аллювиальных земель, которые постепенно наполнили собою бассейн существовавшего здесь некогда обширного озера. Так как материалы для наполнения этого бассейна доставлялись северными и восточными Карпатами, то общая покатость наносной почвы естественно приняла наклон к стороне юга, увлекая с собою в том же направлении Дунай и Тиссу. Напротив того, на юг от Венгерской равнины, реки Драва и Сава, спускающиеся с Альпов, несли свои землистые осадки по направлению с запада на восток; вследствие этого, общая покатость почвы внезапно изменяется, а вместе с тем и Дунай делает изгиб к востоку. Кроме того, нужно еще принять во внимание вращательное движение земного шара, которое заставляет реки северного полушария постоянно уклоняться вправо, каково бы ни было их направление[1]: самое сильное течение Дуная почти везде направляется в эту сторону, вследствие чего и фарватер для больших судов идет вдоль паннонского берега реки.

1 Эд. Зюсс, „Der Boden der Stadt Wien“.

Во всей этой части своего полукругового течения вокруг Мадьярской низменности могучая река, уже более многоводная, чем все другие реки Западной Европы, не перестает блуждать по равнинам, в виде бесчисленных, далеко раскинувшихся разветвлений. Каждый год разливы видоизменяют бесконечный лабиринт её островов и рукавов; подвижные земли дунайской долины беспрестанно перемещаются под напором речного потока. Извилины нынешних фарватеров и правильные русла, вырытые инженерами, пересекаются до бесконечности с прежними излучинами, от которых остались только кольцеобразные озера, простые рвы, или леса ив и тополей. На ширине от 10 до 15 километров речная долина представляет запутанную сеть речных русл, наполненных или покинутых водами, так что изображение её на карте похоже на множество змей, обвивающихся одна вокруг другой. Тем не менее, изучение этого изменчивого лабиринта вод обнаруживает нечто в роде закона. Ниже Буды, её последних холмов и большого острова Чепель (Csepel), где во время мадьярского завоевания Арпад стоял лагерем со своими воинами[1], Дунай непрерывно делает захваты на правом или западном берегу, не только по причине вращательного движения земли, отклоняющего течение в правую сторону, но также, может быть, от действия сильного юго-восточного ветра, который сербы называют Kosava[2]. Города Дуна-Фельдвар, Пакс, Могач, которым грозит наибольшая опасность в этом отношении, принуждены мало-по-малу отодвигаться перед наступающею рекою. Между Петроварадином (Петервардейн) и Белградом отступление правого берега составляет, в среднем выводе, около полуметра в год.

Количество воды, протекающей в Дунае в секунду, у Буда-Пешта: при 0 футштока (самое низкое стояние воды), по Валландту,—700 куб. метр.; при уровне 3 метр, выше 0—3.000 куб. метр.; при уровне 5,7 метр. выше 0—6.790 куб. метров.

Нижнее течение Дравы похоже на нижнее течение Дуная по бесчисленным излучинам, так что принуждены были спрямить его, вниз от Леграда, посредством прорытия нескольких каналов, которые сократили длину реки на 180 километров[3]. Но до недавнего времени самым ярким типом извилистой реки была Тисса. Долина этой реки имеет по прямой линии только 545 километров длины, а между тем главное ложе еще недавно извивалось на протяжении почти 1.300 километров, беспрестанно уклоняясь в стороны и разветвляясь до бесконечности на второстепенные каналы. Рядом с «живою» рекою по равнине рассеяны многочисленные «мертвые» рукава, затоки, озера, пруды, болота и тинистые отмели, напоминающие прежния извилины Тиссы. Под влиянием ошибочного взгляда, который нигде не имел бы таких гибельных последствий, как в Венгрии, полагали, что достаточно будет прорезать излучины реки, спрямить её русло, обвести, ее «непотопляемыми» плотинами, для того чтобы завоевать окончательно около миллиона гектаров земли, и чтобы искоренить на всегда злокачественные лихорадки, порождаемые вредными испарениями стоячих болотных вод. В прежнее время землевладельцы каждого комитата, заботясь исключительно о своей личной выгоде, преследовали канализациею Тиссы одну только цель, именно ту, чтобы освободить свою собственную территорию от избытка вод, хотя-бы даже эта излишняя жидкая масса затопила соседния прибрежные поля. Обширные гидравлические работы, предпринятые впоследствии, под руководством инженера Вашаргельи (Vasarhelyi), имели, правда, то важное достоинство, что они ведены были по общему плану; но опасность разрыва плотин все-таки не устранена, и скопление вод в нижней части бассейна Тиссы сделалось неизбежным, по причине увеличения падения реки и усиления скорости течения воды в период разлива.

Таким образом, канализация венгерской реки, о которой идет речь, не уменьшила опасности наводнений; напротив того, они сделались опустошительнее и захватывают более значительные пространства. Для земледелия, правда, приобретены обширные местности, но приобретены в ущерб другим, еще более обширным и более полезным территориям. Совершенно особенные гидрографические условия этой части дунайского бассейна рано или позд-

1 Ed. Sayons, „Histoire generale des Hongrois“, tome I, p. 67.

2 Стефанович, в „Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien“, за 1873 г.

3 Клун, в „Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien“ за 1863 г.

но заставят инженеров принять предохранительные меры менее обманчивые, для чего необходимо будет дать вероятному поясу наводнения гораздо более значительную ширину, чем та, которую он имеет теперь.

Длина плотин на Тиссе в 1872 г.—1.250 километров; укорочение речного ложа—466 километров; падение реки ниже Тисса-Уйлак—0,0061 метр., вместо 0.0041 м.; издержки на сооружение плотин—65.000.000 франков.

Обведенная, подобно Луаре и По, плотинами, Тисса перестала быть вольною, бродячею рекою, напоминавшею реки Нового Света; мы уже не находим на берегах её дикой самобытной растительности, не видим более тех несметных стай водяной птицы, которые некогда оживляли её бассейн; рыба, между различными породами которой особенно замечательна стерлядь, дающая превосходную икру, не составляет уже, как прежде, «трети воды». Геологическое исследование Венгрии показывает, что в относительно недавнюю эпоху Тисса текла в расстоянии, средним числом, около ста километров к востоку от своего нынешнего ложа; по выходе из гор, образующих северо-восточный угол большой равнины, она не делала изгиба на северо-запад, затем на запад, прежде чем спуститься к Дунаю, но тотчас-же направлялась прямо на юг, следуя вдоль западной подошвы Трансильванских Альп. Но все её главные притоки бегут с восточной стороны, гоня перед собою, по крутому скату, массы гальки и песку: Самош, три Кереша, Марош соединенными силами трудятся над перемещением Тиссы к западу, оставляя в ней свои землистые осадки и сообщая её водам толчок в направлении своего собственного движения. Под влиянием этих причин, река не переставала отклоняться к западу; правый (нагорный) берег, постоянно размываемый, везде выше левого (лугового), состоящего из аллювиальной почвы; и города, стоящие на западном берегу, в особенности Сегед и Чонград, принуждены из века в век отступать перед надвигающеюся массою вод, медленно, но неустанно подтачивающих их основание. Правда, в южной части своего течения Тисса, испытывающая могучий толчок со стороны дунайских вод, стремится, напротив, уклоняться к востоку, и даже со времен римской эпохи значительно подвинулась вперед в этом направлении. Во времена походов Траяна и Диоклетиана, плоскогорье Титель находилось на восток от Тиссы, и римляне устроили там свои передовые укрепления против даков; после того, это плато сделалось островом, а теперь оно лежит совершенно на запад от названной реки. Но выше этой части течения русло Тиссы постоянно перемещается по направлению от востока к западу: по вычислению Стефановича, это перемещение составляет, в среднем выводе, около 30 сантиметров в год, из чего следует, что с той эпохи, когда река текла вдоль западного основания Трансильванских гор, прошло около 300.000 лет.

Подвигаясь таким образом все далее на запад, Тисса оставляет позади себя многочисленные болота, остаток её прежних лож. В некоторых местах кажется, что видишь перед собою самую реку; средняя ширина, излучины остались те же, вода такая же глубокая; недостает только скорости течения. Между этими ложными или мертвыми реками особенно замечательно длинное болото Эр, соединяющее течение р. Красна (Kraszna) с течением р. Шебеш-Кереш, на востоке от Дебречена. Во время наводнений часть вод первой из этих рек следует своим прежним прямым путем на юго-запад, через болота Эр, и тогда вся северо-восточная область Венгерской равнины превращается в один громадный остров. Река Гортобадьи (Hortobagy), текущая на юге от Токая, тоже есть не что иное, как старая Тисса. Несмотря на устройство плотин, болота, которые Тисса оставляет за собою на своем левом берегу, и по окраинам которых землевладельцы распахивают новые поля, не гарантированы от возврата вод. Эти болота не только подвержены внезапному вторжению потока наводнения, когда открывается трещина в вале плотин, но они наполняются также просачивающимися сквозь почву водами, которые распространяются подземными путями по обе стороны реки до весьма значительного расстояния от берегов: эти, так сказать, внутренние разливы даже опаснее непосредственных наводнений, потому что недостаток водосточных каналов делает их более продолжительными. В 1855 г. жители комитата Боршад пробили плотины ниже своих полей, и наводнение распространилось на пространстве 150.000 гектаров.

Средний расход Тиссы, по Зонклару,—1.700; расход во время разлива, по Валландту,—4.000 куб. метр. в секунду.

Но главная причина затопления прибрежных равнин заключается в самой форме дунайского ложа. Узкия горные ущелья, загражденные скалами, через которые великая река должна проходить при выходе из Венгерской низменности, не позволяют излишним водам, происходящим от дождей или таяния снегов, вытекать с достаточною скоростью, и потому жидкая масса, встречая эту преграду, должна отливать обратно в верхнюю равнину. Тогда все прибрежные болота превращаются в озера и снова представляют зрелище древнего венгерского моря: это mare album (Белое море) древних писателей. Во время больших наводнений, низменные поля Панчовы покрываются слоем воды в 2 метра толщиною, на пространстве 47.000 гектаров, и ложа Савы, Темеша, Тиссы превращаются в заливы, принимающие в себя излишек вод Дуная: течение переменяет направление во всех притоках до значительного расстояния от их устья, когда период разлива главной реки предшествует разливу впадающих в нее рек; суда увлекаются течением воды из Дуная в его притоки. Падение этих второстепенных рек до такой степени незначительно, что повышение уровня Дуная на четыре с половиною метра заставляет воды Тиссы течь обратно до Сегеда, лежащего в расстоянии 133 километров от устья этой реки; более сильные разливы изменяли направление течения до расстояния 150 километров от места впадения этой реки в Дунай. Следующее явление всего лучше может дать понятие о конфигурации этой страны: одно незначительное возвышение почвы, известное у местных жителей под громким именем «холма», которое находится непосредственно на западе от Пюншек-Ладаньи (Puspok Ladany) и в расстоянии 300 километров к северу от слияния Дуная и Савы, поднимается во время наводнений над уровнем окружающей водной поверхности всего только на 4 фута.

Понятно, что боковые плотины Тиссы не могут предохранять столь низменные равнины от вторжения вод Дуная. Чем более успевают прибрежные жители верховья направлять излишек жидкой массы к низовьям реки, тем более население нижних берегов должно опасаться катастроф. Последние наводнения захватывали уже сравнительно возвышенные местности, называемые «холмами», до которых никогда не достигали прежние разливы. При малейшем дожде земледельцами овладевает беспокойство; когда дождь продолжается целые сутки, они начинают приготовляться к бегству; предостерегающий сигнал заставляет их поспешно покидать свои селения, и когда они возвращаются домой после спада вод, скот их потоплен, избы развалились, голод, холера истребляют десятую часть населения. Поэтому, как бы ни были велики, в глазах инженеров, достоинства исполнения, представляемые совершенными до-ныне работами по устройству плотин на Тиссе, нельзя отрицать того факта, что страна, взятая в целом, более проиграла, чем выиграла от этих обширных и дорого стоивших сооружений. Единственным действительным средством помочь беде было бы регулирование течения Дуная в проходе через теснину Железных Ворот: именно нужно бы было расширить русло реки в местах слишком узких, съузить в бассейнах слишком широких, а главное—понизить её пороги, для того, чтобы временные озера, образующиеся выше Ворот, могли опоражниваться своевременно. Стефанович и Бобом предлагали также, в видах окончательного ограждения равнин центральной Венгрии от периодических наводнений, прорыть, у основания Трансильванских гор, канал, который бы следовал по направлению прежнего течения Тиссы, и который по принятии в себя всех восточных рек, Самоша, Кереша, Мароша, впадал бы в Дунай, через Караш, между Делиблатскими дюнами и входом в ущелье Базиант. Но осуществление этого проекта, менее действительного, чем регулирование Дуная, потребовало бы сотен миллионов[1].

Горные ущелья, которыми Дунай, усиленный водами Тиссы, Темеша и Савы, выходит из Венгерской низменности, через поперечную стену Карпатов, представляют одно из самых грандиозных зрелищ природы. Нигде в Европе не увидишь подобной массы воды, торжествующей над такими грозными преградами, с которыми она борется, чтобы пробить себе

1 „Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien“, за 1874 г.

дорогу к морю: здесь созерцаешь в одно и то же время великую геологическую драму и постепенно развертывающийся ряд живописных картин. Старый укрепленный замок Голубац, стоящий на верхушке одной остроконечной скалы сербского берега, и островок Бабаке, возвышающийся в форме башни над поверхностью вод близ венгерского берега, обозначают вход в этот удивительный ряд ущелий, которые река вырыла в живой скале на протяжении ста слишком километров; в трещинах этих каменных стен скрываются рои страшного насекомаго—«голубацкой мухи», от укушения которой, как от жал африканской мухи цеце, часто погибали целые стада. Пройдя эти триумфальные ворота, Дунай скользит по каменистым мелям, образуя ряд порогов, и затем вступает в опасный Гребенский проход, усеянный огромными порфировыми рифами и мелями, состоящими из камней слюдяного кварца; во время низкого стояния воды судоходные каналы или фарватеры в этих «Малых Железных Воротах» имеют не более 4 метров ширины, хотя общая ширина речного ложа все еще составляет многие сотни метров. За этим ущельем река опять расширяется и образует так называемый Милановацкий бассейн, где в одном месте расстояние между берегами более 1.400 метров. Ниже этого бассейна стена из скал, повидимому, совершенно преграждает путь реке: путешественник ищет взором ущелье, принимающее воды, и недоумевает, где они могут пройти, как вдруг, при одном крутом повороте, обнаруживается, что жидкая масса проникает в теснину, похожую на широкую трещину, открывающуюся в горе: это так называемое ущелье Казан.

В этом месте река, вдруг съузившаяся в поток шириною около 150 метров, заключена между двух высоко поднимающихся вертикальных стен, верхний гребень которых окаймлен бахромою зелени. В боках этих известковых стен там и сям открываются пещеры, где гнездятся орлы; небольшие откосы, образовавшиеся вследствие обвалов, спускаются по обе стороны в глубокие воды (глубина здесь от 40 до 50 метров), еще более съуживая ложе реки и сообщая еще большую силу грозному потоку. Справа вздымаются две горы, Большой и Малый Стребац, предгорья которых были перерезаны потоком; только в двух местах скала выдолблена и образует казаны, или «котлы», которые, очевидно, были резервуарами, где скоплялся излишек вод, прежде чем устремиться в низовые клюзы. Подобные же котловины, только меньших размеров, видны и на левом берегу реки, вышей и ниже Казанских теснин. Да и что такое болота Тиссы, как не бассейны наводнения, где пребывают воды, прежде чем получат возможность уйти через ущелье «котлов»? Во многих местах скала падает отвесно, и бока её не представляют ни малейшего выступа, где путешественник мог бы поставить ногу. И, несмотря на то, вдоль реки проведены две дороги: дорога венгерского берега есть произведение нового времени и, по справедливости, славится на всем Востоке смелостью своих мостов и путеводов; дорога сербского берега, более скромная, есть просто бечевник, но во многих местах ее нужно было целиком высекать в нависшей над рекою скале. Знаменитая римская надпись, относящаяся к 100 г. после Р. Х., напоминает славу Траяна—«победителя гор и реки». Три первые строки этой надписи подлинные, а три последние были реставрированы[1].

Немного ниже маленького венгерского города Оршова или Орсова и укрепленного островка, которые часто бывали театром кровавых войн между христианами и мусульманами, река, имеющая от 1.500 до 1.600 метров ширины, проходит через другой ряд порогов, известный под именем «Больших Железных Ворот», которые составляют вход в Румынию. Здесь природа имеет менее дикий характер, чем в Казанском ущелье; горы обоих берегов не поднимаются в виде вертикальных стен, сербские высоты даже покрыты лесами. Однако, Железные Ворота обязаны славою своего имени не грандиозным красотам их берегов, а опасным порогам и подводным камням, которыми усеяно здесь ложе реки. Это самое опасное место Дуная: здесь не только гребные и парусные суда, но даже пароходы нередко садились на мель, разбивались о камни или погибали в водоворотах. Неровности речного ложа в этом опасном проходе так велики, что во время мелководья слой воды на первом пороге не

1 Эрнест Дежарден, „Notes manuscrites“.

превышает одного фута, тогда как в потоке третьего порога глубина русла достигает 50 метров, т.е. уровня на 11 метров ниже поверхности Черного моря. Только в 1846 году, спустя двенадцать лет после введения колесных пароходов на нижнем Дунае, решились в первый раз пустить в ход силу пара для борьбы со страшною силою оршовских водоворотов. До недавнего времени общества судоходства по Дунаю принуждены были держать две эскадры судов: одну выше, другую ниже города Оршова, и несколько судов особенной конструкции служили для перехода через пороги, но и то только в благоприятную пору года, то-есть в период с марта по июль. На бечевой дороге нередко можно было встретить партию в пятьдесят человек, запряженных точно лошади или волы, и тянущих на веревке простую барку или плашкоут.

Средний уровень Дуная у Венгерских Ворот—132 метра; у Железных Ворот—39 метров; общее падение Дуная на протяжении 955 клм.—93 метра, что составит приблизительно 1 метр на каждые 10 километров.

Разность между высоким и низким стоянием воды составляет от 47г до 6 метров.

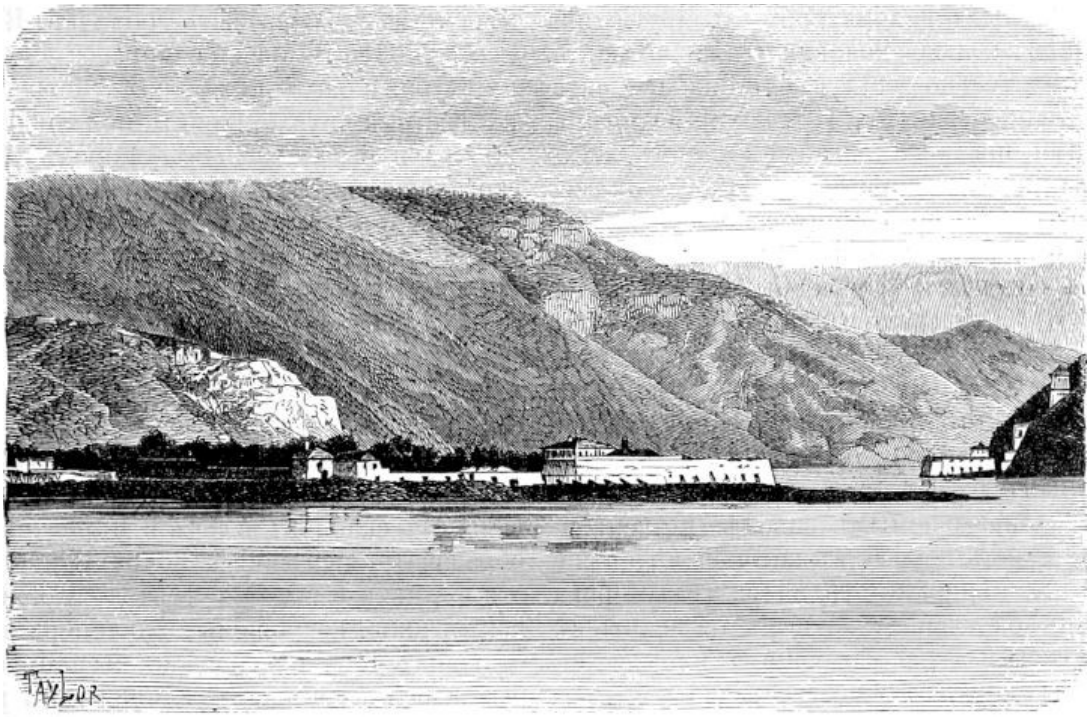
Нельзя не признать постыдным для Европы тот факт, что она так долго допускала существование подобных препятствий судоходству на реке, составляющей естественный торговый путь для целой половины европейского континента, и которая одна несет в два раза большую массу воды, чем Волга (средний дебит Дуная в Железных Воротах, по Зонклару,—10.220, при низкой воде—7.300 кубических метров в секунду). Со времен Траяна до самого последнего времени почти ничего не было сделано, чтобы уменьшить опасности прохода: в этот длинный период времени успели только разрушить некоторые из самых опасных рифов, заграждавших русло реки; но уменьшение, происшедшее в среднем расходе, или количестве протекающей воды, уравновешивало выгоды, достигнутые этою первою работою по исправлению течения Дуная. А между тем уже в 1832 году инженером Вашаргельи был предложен проект канализации этой части Дуная. Но соперничество, честолюбие, опасения заинтересованных государств долго задерживали осуществление этого важного общеполезного предприятия, необходимость которого была формально признана уже парижским мирным трактатом 1856 г. Сербы радовались тому, что пороги Железных Ворот отделяли их от турецких флотилий; турки, в свою очередь, почитали себя счастливыми, имея эту естественную границу со стороны Австрии, а австро-венгерцы, несмотря на очевидный интерес их торговли—ибо ни одна нация не может извлекать более выгод из свободы плавания по Дунаю, чем Австро-Венгрия—оценивали это препятствие с точки зрения фиска и войны, как одно из самых удобных мест для своих таможенных постов и крепостей[1]. Бастионы Оршовского острова и Елизаветинского форта, на сербском берегу, могут обстреливать суда, проходящие через теснины. Регулирование течения в Железных Воротах было предпринято Венгрией, на основании постановлений Берлинского конгресса 1871 г., только в 1890 г. и приведено к концу в 1896 г.

Открыв себе проход через Железные Ворота, Дунай не совсем опорожнил Венгерскую низменность от наполнявших ее озерных вод. В центре полуострова, образуемого Дунаем и Дравою, осталось еще маленькое внутреннее море, самое обширное из больших европейских озер, после озер России и Скандинавского полуострова: это Балатон (иначе Платтенское озеро), который мадьярские поэты величали прежде «венгерским морем», но берега которого некогда были населены славянами, которые были наставниками венгров в цивилизации[2]; самое название озера, очевидно, произошло от славянского слова блато, т. е. болото. Озеро это, конечно, не похоже на чудные альпийские озера: оно не имеет таких прекрасных лазурных и глубоких вод, как Женевское озеро, не окружено величественным амфитеатром высоких гор, увенчанных снежными вершинами; в серые, пасмурные дни вся низменная часть его берегов, где его беловатые воды продолжаются далеко вглубь лугов и равнин многочисленными болотами и лужами, представляет даже очень печальное зрелище; но, тем не менее,

1 Каниц, „Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien“, за 1874 г.

2 П. Гунфальви. „Ethnohraphie von Ungarn“, стр. 179 и след.

Балатон по своим северным берегам составляет одно из украшений Венгрии. Господствующие над ним высоты имеют местами живописные формы и контуры; скаты их кое-где покрыты лесами в перемежку с виноградниками, которые дают второе по достоинству из венгерских вин; на выступах гор высятся средневековые крепостцы; в долинах приютились красивые замки и хорошенькия деревни, а среди озера, прямо из воды, поднимается живописный холм Тиганьи, нечто в роде уединенной обсерватории, которая соединена с северным берегом посредством низкого перешейка. Эта горка, остаток древнего вулканического конуса, состоящий, главным образом, из разложившагося туфа, долгое время была единственною независимою землею во всей южной Венгрии. В то время, как все крепости и замки этого края находились во власти турок, укрепленное аббатство Тиганьи одно умело победоносно отражать нападения завоевателей. Замечательно, что этот вулканический полуостров расположен по направлению с северо-запада на юго-восток, то-есть по тому же



Елизаветинскій фортъ на Дунаѣ.

направлению, которому следуют все гребни и все промежуточные борозды или долины этой области Венгрии. В том же самом направлении открывались все бухты и заливчики этого маленького внутреннего моря в то время, когда южные берега его еще не сформировались окончательно.

Воды Балатона, имеющие несколько солоноватый вкус, питаются отчасти ключами, бьющими на дне озера, и пузыри от которых местами поднимаются до самой поверхности: полагают, что это—подводные источники щелочного свойства; одни из них должны быть теплые, другие холодные, судя по большим неравенствам температуры, наблюдаемым на поверхности воды, на ограниченных пространствах[1].

Кроме того, перемены атмосферного давления часто производят на озере течения и мелкое волнение. Прибрежные рыбаки рассказывают также, будто им случалось наблюдать приливы и отливы; но это явление, если оно действительно существует, не было еще предметом точных исследований и измерений; по всей вероятности, это не что иное, как случайные повышения и понижения уровня воды, в роде тех, которые замечаются на больших швейцарских озерах и известны там под именем «Seiches». Наибольшая глубина Платтенского озера, как говорят, 46 метров, близ горы Тиганьи; но средняя его глубина не превышает 6 или 8 метров. Так как берега этого озера очень низменны на юго-западной стороне, где воды его изливаются в Дунай, через речку Шио (Sio), то не трудно было возобновить работы, на-

1 Гунфальви Янош „A magyar birodalom Termesziti viszonyainak leirasa", т. III, стр. 492.

чатые в римскую эпоху императором Галерием, с целью спуска части вод из Балатонского бассейна; посредством осушения, начатого в 1825 году на окружающих озеро болотах, приобретено пространство земли, равное 1.260 квадратным километрам. Первоначальная поверхность самого озера значительно уменьшилась; уровень его понизился на один метр, но увеличение годной к обработке почвы не принесло большой пользы прибрежным жителям, так как эта почва, составлявшая древнее озерное дно, покрыта мелким песком, который ветер разносит далеко по полям.

Высота Балатона над уровнем моря—130 метр.; площадь 690 кв. клм.; средняя глубина 8 метр.; приблизительный объем воды—6.320.000.000 куб. метр.

Из рыб, которые водятся в этом озере, особенно замечателен фогаш (fogas), род окуня, очень ценимый в Венгрии и в Германии; говорят, что эта порода нигде не встречается, кроме «венгерского моря».

Нейзидлерское озеро (по-мадьярски «Ferto), лежащее, как и Балатон, в западной Венгрии, занимает часть передней венгерской равнины, заключающуюся между Лейтанскими горами и Баконьевским лесом. Без холмов, защищающих его с западной стороны, оно уже много веков тому назад исчезло бы под слоем наносов, ибо впадина, которую оно наполняет, лежит на пятнадцать метров ниже уровня Дуная, под тем же меридианом. Однако, если Нейзидлерское озеро и существует, то существование его только периодическое или перемежающееся: оно попеременно то наполняется, то осушается в течение веков. По словам одной старинной рукописи, которая, впрочем, не приводит никаких доказательств, это озеро образовалось в 1300 г. и ознаменовало свое появление на свет затоплением шести венгерских деревень. В 1693, в 1738, в 1865 годах озерный бассейн совершенно опоражнивался, вследствие испарения его вод, средняя глубина которых составляла около 3 метров; оставались только кое-где небольшие болотистые впадины и слои тонкого, дрожащего под ногами, ила. Но после нескольких лет осушения, вода опять завоевывала свои прежния владения. В период с 1869 по 1876 год произошло последнее нашествие вод, причиненное отливом Дуная, Рааба и Лейты. а также подземным просачиванием. В самом деле, Нейзидлерское озеро продолжается в восточном направлении болотами и низменными лугами, которые называются общим именем Ганшаг (Hansag), и стоячие воды которых стекают в Дунай через канал, имеющий всего только 4 метра падения. Когда разливы главной реки и её притоков, Рааба и Лейты, особенно высоки, воды отливают обратно к болотам Ганшаг и Нейзидлерскому бассейну, которые и затопляются совершенно. Если же Дунай, напротив, держится довольно низко в продолжение более или менее длинного ряда лет, то резервуар, принимающий воды разлива, мало-по-малу осушается. Поэтому, в иные годы поверхность Нейзидлерского озера обнимает до 400 квадратных километров, в другие она составляет только половину или четверть, иногда даже только десятую или еще меньшую часть этого пространства. При помощи плотины со шлюзами, построенной ниже Ганшага, легко можно бы было приобрести для земледелия весь этот бассейн, но сомнительно, чтобы это осушение стоило труда и издержек, так как дно озера содержит довольно большое количество натра, который ныне сообщает воде очень неприятный солоновато-горький вкус. Кроме того, замечено во время последнего испарения озера, что прибрежные земли быстро делаются бесплодными, когда влага, доставляемая озерным бассейном, исчезает и заменяется так называемым зиком (по-венгерски szik), то-есть пылью, в которой маленькие кристаллики сернокислого натра (глауберова соль), морской соли и магнезии смешаны с мелким песком, покрывающим плоские берега. Виноградники в окрестностях озера, производящие обыкновенно превосходный плод, много пострадали во время последнего периода засухи. Но если благоразумие запрещает опоражнивать Нейзидлерский озерный бассейн, то оно, напротив, требует немедленного осушения нездоровых болот Ганшаг. Местные жители, отваживающиеся проникать в эти на половину затопленные земли, принуждены вооружать свои ноги широкими досками, которые поддерживают их на топкой болотистой почве, и покрывать голову и лицо сеткою, сплетенною из травы, для того, чтобы защитить себя от мошек, которые мириадами носятся в воздухе. Не-

когда эти области, подступ к которым так затруднителен, служили убежищем древним озерным обитателям, как о том свидетельствуют найденные в тине Нейзидлерского озера многочисленные остатки, относящиеся к каменному веку[1].

Таким образом, древнее море, расстилавшееся в обширном амфитеатре Венгерской низменности, и берега которого видны еще до сих пор вверх от Железных Ворот, на высоте 36 метров над нынешним уровнем Дуная, оставило после себя, кроме одного постоянного, но не глубокого озера, только болотистую низину, поочередно опоражнивающуюся и наполняющуюся водою, да кое-где болота и топи, насыщенные натром. От прежней водной поверхности это бывшее морское дно сохранило только почти совершенную горизонтальность почвы и поразительно однообразный вид пространства. Огромный морской бассейн с течением времени был заполнен массою наносов, которую еще невозможно вычислить, но которая, судя по произведенным до сих пор, при помощи бурильных снарядов, измерениям, должна быть громадна. В окрестностях Пешта древнее морское дно находят на глубине около пятнадцати метров; далее, на востоке, нужно копать землю до глубины 20, 30 и более метров. Город Дебречин стоит на слое аллювиальной формации, толщиною около 80 метров. В Банате бурильный снаряд спустился до глубины 150 метров, не достигнув горных пород, из которых состоит древнее ложе моря. Весьма вероятно, что на пространстве около 100.000 квадратных километров средняя глубина наносной формации никак не менее сотни метров. Можно себе представить, какой громадный куб каменных обломков должны были оторвать воды от склонов Альп и Карпатов, чтобы образовать нынешнюю почву Венгрии! И все эти отрывки и обломки гор до такой степени измельчены, искрошены, что теперь вдали от больших дорог и городов мы напрасно стали бы искать малейшего камешка в верхнем слое земли. В многочисленных могильных курганах, рассеянных вдоль берегов Тиссы и её притоков, очень редко находят каменные орудия; почти вся домашняя утварь и оружие сделаны из костей бизона или из оленьих рогов[2].

Западный бассейн, заключающийся между двумя верхними воротами Дуная, Пресбургскими и Вышеградскими, давно уже утратил свою первобытную физиономию; на север от реки поля его сплошь покрыты цветущими нивами и лугами, которые доставили ему название «Золотого Сада»; в этой плодородной равнине, окруженной со всех сторон рядами гор или холмов, ясно обрисовывающихся на далеком горизонте, ничто не напоминает степи Востока или саванны Америки. Но обширная венгерская Месопотамия (междуречье), орошаемая Дунаем, Тиссою, Марошем, еще сохранила отчасти свой первоначальный вид. Мадьяры отличают этот бассейн от всех других, удерживая за ним название Альфельд (Alfold) или «низменность», в противоположность названию Фельфельд (Felfold) или «плоская возвышенность». Это совершенно ровная страна, без всяких волнообразных повышений и понижений почвы, представляющая повсюду одно и то же, в высшей степени монотонное зрелище. За исключением местностей, прилегающих к подошве гор, выступы которых вдаются в равнину, как мысы в море, и которые продолжаются между Дунаем и Тиссою волнистым кряжем, имеющим около 60 метров высоты, путешественник, в какую бы сторону он ни обратил взоры, нигде не замечает ни малейшего возвышения, которое прерывало бы правильную линию горизонта; почва, правда, представляет слегка наклонную плоскость, но эта наклонность незаметна для глаза; единственные выдающиеся точки на этой гладкой, как скатерть, поверхности—это невысокие дюны в песчаных местностях, расположенные ветром в виде параллельных гряд, да встречающиеся там и сям круглые горки или так называемые «бугры куманов, турок, татар, Аттилы, стражей», о которых туземцы рассказывают, будто это искусственные насыпи, сделанные во время войн. Многие из этих холмов, действительно, искусственного происхождения и возвышались в древних лесах, вблизи селений и становищ[3]; но большею частью это не что иное, как уцелевшие остатки верхних слоев древней

1 Бела Сеченьи, «Fonde aus Steinzeit im Neusiedler Seebecken".

2 Пульский, „Congres International d'anthropologie prehistorique de Buda-Pest", 1876 г.

3 Фр. ф. Ремер, „Congres archeologique de BudaPest", 1876 г.

равнины, выровненной водами, естественные бугры, в роде тех, которые мы встречаем на берегах Каспийского моря[1]. От Кечкемета до Большего Варада (Nagy Varad) и от Дебречина до Темешвара, на пространстве нескольких сот верст, путешественник едет, так сказать, не переменяя места—до такой степени однообразна окружающая природа. Эта монотонность пейзажа наводит уныние на иностранца, но она очень нравится туземцу, которому кажется, что он везде вблизи своей родимой деревни. В какую бы область равнины ни переселился туземный житель, он везде остается у себя на родине. Он не охотно покидает свой любимый Альфельд; во время наводнений его видели упорно остававшимся в своей хате, угрожаемой со всех сторон.

До нашествия гуннов равнины Паннонии были частью покрыты лесами[2], но непрерывные войны и неразумие пастухов скоро уничтожили это украшение почвы. Еще недавно деревья были почти неизвестны в центре Альфельда, на пространстве около 33.000 квадратных километров, и во многих местах можно было путешествовать целые дни, не встречая ни одного куста, ни одного пучка зелени; недостаток леса был так велик, что коровий кал, высушенный на солнце, составлял единственное топливо туземного населения. В наши дни деятельно принялись разводить деревья вокруг селений, вдоль дорог и по окраинам полей, и таким образом мало-по-малу изменяют общий вид края; но и теперь еще остаются, преимущественно в центральной части Альфельда, пространства, где почва, несколько солоноватая или насыщенная натром, не поддается культуре, и по которым бродят только стада. Пастбища, безлесные поля, так же, как обработываемые пространства, удаленные от деревень и усеянные только хуторами (tanya), составляют вольную степь или пусту (puszta), которая воспевается мадьярскими поэтами, и которую так любят пастухи, разгуливающие в пустыне, как полные хозяева безграничного пространства. Знаменитый венгерский поэт Петефи в одной из своих песен высказывает желание, чтобы его могильный курган возвышался среди широкой пусты,—желание, которому, однако, не суждено было осуществиться: Петефи погиб бесследно на поле битвы, так что нигде не могли отыскать его тела. Во многих пустах поросшая травою поверхность тянется во все стороны на необозримое пространство. Широкия топи из черноватой грязи, колеи от телег, извивающиеся по лугам, дерн, протоптанный ногами животных, указывают не то чтобы дорогу—настоящих дорог в степи не существует,—а обычное место прохода и проезда. Ни один ручеек не орошает венгерскую саванну: почва здесь слишком ровная для того, чтобы какой-нибудь поток мог бежать по правильному водоскату; но по равнине рассеяны многочисленные лужи, над которыми носятся стаи птиц. После больших дождей во многих местах эти лужи соединяются в одну сплошную водную поверхность; почва везде лежит ниже уровня разлива рек; вода просачивается со дна и разливается по поверхности в виде болот. После продолжительных засух, в пусте остаются только ямы, покрытые тиною; пастухи принуждены водить свои стада на водопой к колодцам, высокие столбы которых, с длинными наклонными коромыслами, издалека виднеются на горизонте. Во многих областях равнины, по обе стороны реки Тиссы, и в особенности на пространстве между Дебречином и Большим Варадом, расстилаются озера, насыщенные самородною щелочною солью или углекислым натром, подобные тем, какие существуют в Египте и в Персии; налет или эффлоресценция соли походит на слой снега, когда влага почвы совершенно испарится: отсюда, без сомнения, и произошло название «Белых озер» (Fejer to), под которым они известны во многих округах Венгрии. Кое-где встречаются также селитряные озера, и еще недавно на них собирали большие количества кристаллов селитры, которая употреблялась для различных промышленных целей[3]; но теперь разработка этих селитряных месторождении почти оставлена[4].

1 Сабо (Szabo), цитируемый у Гунфальви Яноша в его книге: „Amagyar birodalom Termeszeti viszonyainak leirasa", т. II, стр. 620.

2 Диц, „Die Ungarische Landwirtschaft".

3 Бедан, „Voyage mineralogique et geologique en Hongrie", t. II, p. 334 et suiv.

4 Швиккер, „Statistik des Konigreiches Ungarn", стр. 344.

Сходство географической среды производит сходство жителей и нравов. Подобно травяным степям Азии, подобно саваннам и пампасам Нового Света, венгерская пуста еще недавно была страною пастбищ, где скот бродил на свободе по широкому раздолью, под надзором кочующих пастухов. В наши дни земледелие захватило в свою власть почти весь край, покрыв его нивами, лугами и садами; но и теперь еще там и сям встречаются остатки прежнего безбрежного травяного моря. В этих степных пространствах табуны лошадей, пасущиеся в правильном боевом порядке, стада коров, ходящие в разброд, буйволы, лениво валяющиеся в тине, кажутся единственными хозяевами и обладателями равнины. Там и сям, на берегу степных озер или болот, рисуются тонкие силуэты аистов и журавлей. Очутившись в такой пусте, можно подумать, что находишься среди девственной природы, вдали от всякой цивилизации: даже грубый всадник, скачущий за разбревшимися животными, и тот имеет что-то дикое в своей наружности и ухватках. Ничто не может быть проще и величавее штрихов и линий этой картины, суровая краса которой производит тем более сильное впечатление на душу зрителя. Днем, зеркальность воздуха рисует обманчивые миражи на далеком горизонте; вечером, пурпурный цвет неба и отражающих его водных поверхностей болот и степных озер составляет яркий контраст с темным колоритом равнины; ночью, самая земля как бы исчезает, и зритель видит вокруг себя только бесконечное мировое пространство, усеянное мириадами блистающих звезд[1].

Венгерская равнина, недавно имевшая чисто-степной характер по своему общему виду, до сих пор сохраняет еще этот характер по своему климату. Не только средняя температура её немного ниже, чем на равной широте в странах полуостровной Европы, но и перемены тепла и холода наступают там гораздо резче и внезапнее. Нередко случается, что колебания температуры достигают 20 и 25 градусов стоградусного термометра в продолжение нескольких часов; бывает, что среди лета вдруг подует леденящий зимний ветер; и наоборот, иногда в декабре стоит такая теплая погода, что можно подумать, что уже настала весна. Общий порядок или ход времен года в этих степях отличается несравненно меньшею правильностью, чем в Западной Европе. Как жары и холода, так точно засухи и дожди следуют одни за другими, повидимому, без всякого определенного закона: нескончаемые потопы, затопляющие почву, часто сменяют продолжительные периоды бездождия, во время которого сохнут травы и трескается растительная земля. Метеорологические переходы обыкновенно сопровождаются чрезвычайно сильными ветрами, которые вздымают пыль или снег вихрями, и которых всего более страшится путник, запоздавший в пусте.

Само собою разумеется, что такая обширная страна, как амфитеатр, образуемый Альпами и Карпатами, должна представлять большое разнообразие климатов, сообразно высоте места над уровнем моря, положению его в отношении сторон горизонта, близости или отдаленности гор и рек. В гористой Трансильвании каждая большая долина имеет свой особенный климат; в одной из них, именно в верхней долине реки Алюты (Ольты), которая открывается к стороне Румынии проходом, известным под именем «ворот Красной Башни», очень часто дуют южные ветры, подобные сирокко Апеннинских гор и фёну Швейцарских Альп. Но, независимо от всех этих местных климатов, общий климат Венгрии отличается, между климатами всей части европейского материка, простирающейся до Карпатов, наиболее континентальным характером и наибольшими крайностями тепла и холода. По мнению некоторых гигиенистов, причину так называемой «венгерской» лихорадки, которая так часто косила армии завоевателей, вторгавшихся в страну, и которая делает такия опустошения между иноземными переселенцами, следует искать не в миазмах, поднимающихся с болот, а в резких переменах температуры. Природные жители края умеют оберегать себя от вредного действия этих внезапных переходов от тепла к холоду и наоборот.

Приводим среднюю годовую температуру и количество выпадающей в продолжение года дождевой воды для некоторых пунктов Венгрии и Трансильвании:

1 Auguste de Gerando, „La Transylvanie et ses habitants“.

	Средняя температура	Средний слой дождей
Арва	6,° Ц.	0,88 м
Шемниц (Шельмецбанья)	7,°4 Ц.	0,74 м
Пресбург,	10° Ц.	0,54 м
Буда	10,°9 Ц.	0,46 м
Панчова	11,°8 Ц.	0,66 м
Сегед (Szeged)	11,°3 Ц.	0,49 м
Германштадт (Надьи-Себен)	8,°6 Ц.	0,66 м
Кронштадт (Брассо)	7,°5 Ц.	0,77 м

Так как климат данной области необходимо отражается в её флоре, то Венгерская низменность по характеру растительности естественно должна походить на русские степи, несмотря на стену Карпатов, отделяющую бассейн Дуная от бассейнов Днестра и Днепра. И действительно, ботаники удостоверяют, что многие растения восточного происхождения замещают в венгерских равнинах растительные виды Западной Европы, и, как говорят, замечено, что в течение последних ста лет общая физиономия мадьярской флоры чувствительно приблизилась к азиятскому типу: причину этого явления приписывают климату, который сделался менее умеренным. Войны тоже играют некоторую роль в этом нашествии иноземных растений. Так, с 1849 года почти все поля Трансильвании, оставленные под паром, покрылись колючим репейником (чимпай, csimpaj, или xanthium spinosum), который придает равнине неприятный для глаза сероватый колорит. Мадьярские и румынские крестьяне называют этот пришлый репейник «московитским терновником» (muszka tovis, spinu muscalesc). Если верить народной молве, семена этого растения были занесены лошадьми русских казаков, у которых шишки репейника случайно прицепились к шерсти, и которые оставили в крае это воспоминание о злополучном годе завоевания и кровавой резни: достоверно то, что этот репейник не существовал в Трансильвании до 1850 года[1].

Подобно этим растениям чужеземного происхождения, и народ, населяющий большую часть древнего Дунайского озера или нынешней Венгерской низменности, пришел сюда из степей Востока. Рассматриваемые в целом и независимо от различия племен и их происхождения, мадьяры, этот бродячий народ, имя которого, однако, означает, как говорят, «туземцы» или «сыны земли»[2], принадлежат, повидимому, к одной семье с финнами и остяками, мордвою и вогулами, и хотя они в наши дни сделались уже совершенными европейцами по цивилизации, но, тем не менее, все еще остаются «туранцами», если не по типу, который очень красив, но который, по причине многочисленных смешений, очень трудно различить, разве только в деревнях, то по крайней мере по своим легендам и народным преданиям, по некоторым остаткам старинных нравов и в особенности по своему языку финского происхождения. Тогда как во всех других частях Европы урало-алтайские завоеватели только прошли опустошительным потоком, или скоро потерялись среди окружающих населений, угры или венгры прочно водворились в равнине Карпатов. В этом необозримом море трав мадьяры нашли свои родные азиятские степи; они охотно остались тут и могли долгое время сохранить свои прежние нравы и кочевой образ жизни.

Впрочем, мадьяры населяют не одну только равнину; они занимают также многие гористые области амфитеатра Карпатов. Этнографически, страна венгерцев довольно точно ограничена—на юго-востоке течением Дравы и Мура, на западе—последними отрогами Альпийских цепей, на севере—всеми передовыми группами карпатской системы, на востоке—Бигарскими горами, наконец, на юге—низменным поясом, усеянным болотами, через который проходят, в их нижнем течении, реки Марош и Тисса. Шесть слишком миллионов мадьяров населяют сплошными массами эту центральную область Венгрии; но вне этого этнографического континента рассеяно еще много островов мадьярского населения,—одни еще в равнине, другие уже в горах. Многие из этих островов находятся на западе между немцами, на се-

1 Rodiczky;—Attila de Gerando, „рукописные заметки".

2 Edouard Sayous, „Histoire generale des Hongrois". II. p. 4.

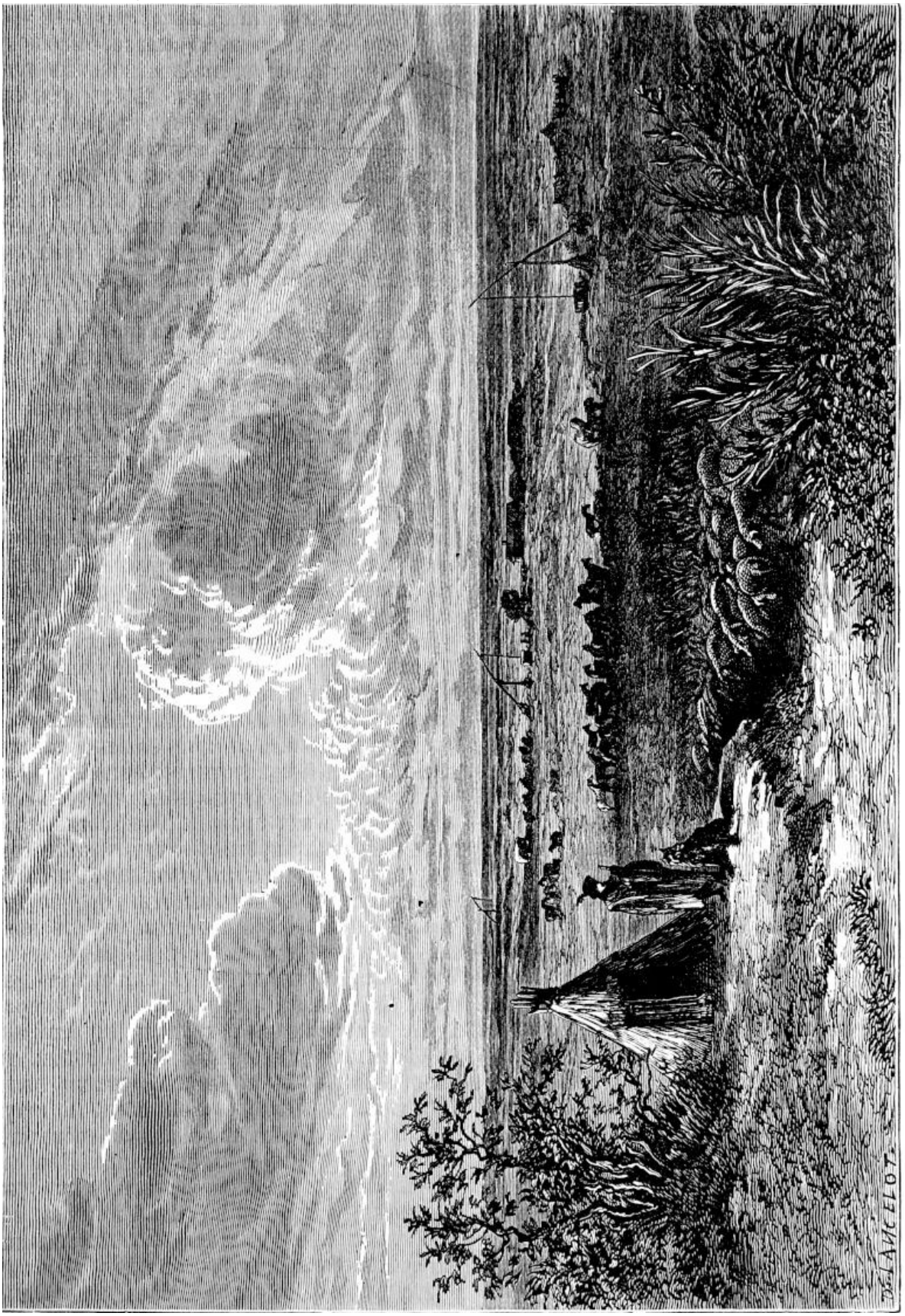
вере между словаками и русинами, на юге между сербами. Но всего более их встречается на востоке, в возвышенных долинах Трансильвании. Рудоносные области населены там в значительной части мадьярами, а крайний угол территории, у большого колена, образуемого восточными Карпатами и Трансильванскими Альпами, почти исключительно занят людьми этой расы. Секлеры (по-венгерски Szekely, секельи, по-немецки Szecler) считают себя прямыми потомками воинов Аттилы, хотя и не могут привести в подкрепление этой генеалогии иного доказательства, кроме баснословных сказаний, дошедших от средних веков. Напротив, основываясь на достоверных свидетельствах истории, повидимому, нужно заключить, что во время господства гепидов и их преемников, аваров, никакой гунский народ не занимал плоскогорий Трансильвании. Секлеры или «сикулы»—как их иногда называют, хотя совершенно ошибочно, потому что они никогда не состояли в родстве с сикулами, обитавшими на Средиземном море—суть не что иное, как мадьяры, соплеменники жителей Альфельда; язык их тот же самый и не содержит слов, которые указывали бы на то, что они некогда составляли отдельный от прочих венгров народ. Имя их означает просто «пограничные жители», и другие секлеры, память о которых уже изгладилась в крае, занимали некогда западные пределы Венгрии[1]. Трансильванские секлеры служат, так сказать, авангардом венгерской нации со стороны Востока. Из своей естественной твердыни, образуемой горами, они разделяют группы румынов и группы немецких поселенцев, и таким образом дают политическую точку опоры своим соотечественникам, населяющим равнину. Лучше сохранив старые нравы и обычаи, именно по причине трудности сообщений, эти секлеры смотрят на себя, хотя и без всякого на то права, как на благороднейших представителей венгерского народа.

Хотя соединенные ныне в одну нацию, которая между всеми народами отличается замечательною патриотическою сплоченностью, все те, которые именуют и считают себя мадьярами, в Венгрии и в Трансильвании, происходят от весьма различных и долго враждовавших между собою народностей. Племена язигов, квадов, готов, даков и другие жители обширного амфитеатра Карпатов не были истреблены завоевателями страны, и потомство их, без всякого сомнения, находится между нынешними населениями. В эпоху распадения римской империи громадная Дунайская низменность и окружающие ее плоские возвышенности сделались великим полем битв. Сначала там утвердились, как завоеватели, готы, гепиды, вандалы и аланы, потом пришли страшные гунны, перед которыми поверглись в прах все прежние властители края, славянские и германские. Главный стан Аттилы, прозванного бичем Божиим, находился в центре большой равнины, между течением Тиссы и течением Дуная. Между своими многочисленными предками нынешние венгерцы с особенною гордостью указывают на этих гуннов, наводивших ужас на римский мир; но эти грозные завоеватели прошли опустошительным потоком, не оставив после себя глубоких следов. Авары, господствовавшие в течение двух с половиною веков над народами Дакии и Паннонии, имели, без сомнения, более прочное влияние, хотя их могущество и все их царство были разрушены Карлом Великим. Впрочем, так велик был страх, распространенный между тогдашними людьми нашествием гуннских орд, что Венгрия и при владычестве аваров сохранила название «Гуннии», и сами мадьяры, когда они в первый раз появились на исторической сцене, называются безразлично «венграми» и «гуннами». Византийцы называли их «турками»[2]. Не будучи в действительности ни гуннами, ни турками, мадьяры, как полагают, отделились от финского корня в ту эпоху, когда они еще жили охотою и рыбною ловлею и не знали никаких домашних животных, кроме собаки и лошади: на это указывают коренные слова их языка, сходные с корнями финских языков. Впоследствии они, повидимому, присоединились к турецким населениям, которые стояли выше их по степени цивилизации, и от которых они научились скотоводству, земледелию, домашнему хозяйству; но сокровищница их языка пополнилась преимущественно в самой Венгрии, когда сыны Арпада, теснимые с вос-

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“, в немецком переводе Швиннера, стр. 200 и след.

2 Миклошич, П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn”, в немецком переводе Швиннера, стр. 174 и след.

тока печенегами, поселились на берегах Дуная, и когда они пришли в соприкосновение с словенами, населявшими Паннонию. Эти последние мало-по-малу сделались мадьярами по нравам и языку, но, соединяясь с завоевателями, они дали им все слова, относящиеся к гео-



Видъ венгерской пусты.

графической и социальной среде, в которую вступили венгры. Сотни слов, относящихся к религии, к государству, к земледелию, к ремеслам всякого рода, служат доказательством

того, как велико было влияние этих славянских народностей на мадьярскую цивилизацию[1].

Нельзя не удивляться необыкновенной живучести и силе сопротивления, которую выказали венгры, пришедшие в страну под предводительством Арпада в числе около двух сот тысяч воинов, быть может, миллиона душ. Переменив почву и климат, они, тем не менее, смогли, несмотря на окружавшие их со всех сторон враждебные расы и народности, образовать отдельную национальность, имеющую свой язык, богатую литературу, независимую политическую историю, наполненную славными деяниями. Они съумели сохранить свою самостоятельность в течение десяти веков, не только против народов других рас, каковы славяне и немцы, но также и против соседних наций, с которыми их связывали узы племенного родства. Хотя они находились под игом турок целые полтораста лет, хотя они даже много раз бывали их союзниками против Австрии, они, однако, не поддались турецкому влиянию и остались мадьярами, а между тем это им в особенности приходилось выносить на своих плечах всю тяжесть войн, потому что они жили в открытой равнине, где нет никакого естественного убежища от врага, и не имели искусственных стен, за которыми могли бы защищаться от нападений, подобно жителям немецких городов. Напротив того, они постепенно ассимилировали себе народности, первоначально отличные от них. Магометане, или—по их народному названию—измаильтяне болгарские и хазарские, которые производили торговлю между жителями края, мало-по-малу слились с массою венгерского народа. Печенеги, некогда победившие мадьяр, были, в свою очередь, побеждены куманами, и около половины одиннадцатого столетия пришли просить убежища у своих соседей, жителей венгерской равнины; многие селения с именем Besenyo (печенежские) до сих пор напоминают об их пребывании отдельными группами среди мадьяр, их хозяев и родичей. Спустя двести лет, куманы, теснимые монголами, тоже являются бить челом венграм, и им были отведены земли в гористых округах на северо-западе и в центральной равнине Альфельда, где обширная область и теперь еще носит название Куманин (Nagy-Kunsag и Kis-Kunsag, Большая и Малая Кумания); в 1239 г. этих переселенцев разом пришло до сорока тысяч душ. Будучи совершенно отличными от венгров по языку, так как они принадлежали к тюркской семье народов[2], пользуясь, кроме того, самоуправлением и различными привилегиями, которые им были дарованы при переселении, владея значительными пространствами земли, куманы, несмотря на все это, сделались с течением времени совершенными мадьярами, равно как другие эмигранты той же расы, половцы (по-венгерски (Paloczok) и язьги (Jaszok), и теперь только по имени отличаются от своих соседей, населяющих равнину. Куманы, оставшиеся в южно-русских степях, были обращены в рабство монголами и продаваемы в неволю во все соседния страны. Мамелюки, которые из презренных невольников сделались властителями Египта, тоже были по большей части куманы, братья тех, которые поселились в Венгрии[3].

Даже немцы, несмотря на приписываемое ими себе арийское превосходство, сотнями тысяч подверглись «мадьяризации». В очень многих деревнях и местечкам, населенных некогда колонистами, переселившимися из Германии, прозвания или фамилии жителей суть единственные признаки, обнаруживающие происхождение населения; да и эти фамилии во многих случаях переделаны на мадьярский лад, так что можно подумать, что видишь перед собою чистокровных венгерцев, без малейшего смешения с «Nemet» (по-венгерски «немец»), если бы исторические документы не свидетельствовали о противном.

Известно, какой ужас венгры, которых напуганное народное воображение смешивало со страшными гуннами, внушали земледельческим населениям Западной Европы. Проносясь словно вихрь, на своих маленьких ретивых конях, они останавливались только за тем, чтобы истреблять огнем и мечем все, что попадалось на пути, и, опустошив край, тотчас же исчезали: разбегавшиеся в страхе жители не знали даже, были ли то люди, как и прочие смертные.

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“, стр. 145 и след.

2 D'Avezac. „Memoires de la Societe de Geographie“, Paris 1839, t, IV;—Sayons, „Histoire generale des Hongrois“, t. I;—П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“, etc.

3 Кастрен, „Ethnologische Vorlesungen uber die Altaischen VoIker“

По словам старого историка Иорнанда, гунны произошли от женщин, которых Филимер, король готов, прогнал из своей армии за то, что они имели сношение с нечистою силою. Народы Западной Европы, подвергавшиеся в средние века нашествиям мадьяр, распространяли подобные же басни, чтобы оправдать свой страх. В глазах европейцев эти грозные венгры или «угры» были в самом деле какими-то сверхъестественными существами дьявольского происхождения. Длинный зуб, похожий на клык кабана, торчал у них изо рта с левой стороны; уродливое лицо их, как рассказывали, было покрыто рубцами и шрамами, происходившими от укушений и порезов, которые делали их матери для того, чтобы приучить их к боли и сделать страшными на вид; говорили, что они с наслаждением едят сырое мясо и пьют теплую кровь, брызжущую из ран; имя их, повторяемое няньками в длинные зимние вечера, до сих пор еще приводит в трепет маленьких детей. Действительно, в первое столетие их пребывания в Европе, венгры, гордившиеся своею беззаветною храбростью и ужасом, который они внушали, любили предпринимать набеги в другие европейские страны, с целью грабежа. Переправясь через реку Энс, которая долгое время была их границею, они опустошали Германию, переходили даже через Альпы и за Рейн, чтобы проникнуть в Италию и Францию; в 937 году их видели даже в Арденнах, и они вернулись восвояси через Бургундию и равнины Ломбардии. Жизнь мадьяра была непрерывною битвою за владычество; но после поражения, нанесенного им в 955 г., при Аугсбурге, дух завоеваний исчез, и мадьяры ограничивались уже обороною покоренной ими земли. В девятом столетии семь племен или колен венгров соединились в одну нацию и заставили своих вождей принести торжественную клятву в том, что они будут, под страхом смещения, уважать их права и вольности, и защищать эти права против всех и каждого; это еще недавно выражал символически государь Венгрии, когда он с высоты коронационного холма, на Пештской площади, махал шпагою на все четыре стороны света: этим он как бы вызывал на бой весь мир, как это делали некогда Аттила, Чингис-Хан и Тамерлан.

Но хотя мадьяры сохранили эту старинную воинственную церемонию, они, однако, давно уже должны были всеми силами приспособляться к европейской среде и вступать в связь с соседними нациями посредством тысячи уз общей цивилизации. Из своего прошлого венгерец сохранил непринужденную поступь, прямой и гордый взгляд, сознание собственного достоинства, выражающееся во всех его жестах и манерах. Он имеет очень высокое понятие о своей породе и считает себя благородным, так как благородство составляло в старину привилегию людей свободнорожденных; оттого он охотно употребляет формулы почтительной вежливости, которые, впрочем, уже утратили свое первоначальное значение; разговаривая со своим товарищем, он обыкновенно титулует его «твоя милость»! Слово becsulet (честь) не сходит у него с языка: все, что он делает, должно быть достойно благородного человека. Очень храбрый от природы, он любит рассказывать о славных деяниях своей нации, о великих военных подвигах; но часто он бывает очень наивен или, вернее сказать, беспечен, и немец или еврей без труда надувают его, затрогивая его слабую сторону—возвышенные чувства, ибо ни один из европейских народов не одержим в такой сильной степени страстью к великому, как венгерцы. Но если мадьяр горд, наивен и прямодушен, он, однако, не простак; между прочим, он отличается необыкновенною юридическою стойкостью и защищает писанное право с упрямством англичанина. Очень привязанный к своей родине, он страстно любит свой Дунай, свою Тиссу, свою однообразную бесконечную равнину. «Вне Венгрии жизнь не жизнь!» говорит одна из его старинных пословиц. «Разве мы не имеем всего, что нужно человеку? Банат дает нам хлеб, Тисса—вино и мясо, горы—соль и золото. Наша земля снабжает нас всем необходимым!»

Как у большинства юных народов, мужчины в Венгрии очень кокетливы и заботятся о своем туалете, который, впрочем, не имеет ничего женственного, может быть, еще более, чем женщины. Истый мадьяр, пастух пусты, гордится изяществом своего праздничного наряда. Шляпа его украшена разноцветными лентами и цветами; шелковый платок обвязан, в виде пояса, вокруг его камзола или жилета, красного или синего, с металлическими пуговицами; его венгерка из белого сукна вышита узорами и цветами, между которыми красуется горде-

ливый тюльпан, национальная эмблема; рубаха его красиво отделана фестонами; полотняные штаны, обшитые длинною бахромою, выпущены поверх высоких сапог с звенящими шпорами. Нужно видеть его танцующим, когда веселые пары кружатся в вихре увлекательного чардаша (csardas). Венгерский танцор—это артист в своем роде; движения его не подчиняются слепо раз установленным правилам; он умеет импровизировать новые, неожиданные фигуры, соответствующие порыву его чувств и его радости, но и в самом увлечении он всегда сохраняет мужественную грацию. Преследуя свою танцорку, которая убегает, прячется, затем опять приближается, он любит греметь шпорами, пристукивает в такт сапогами с радостными криками, кружится, прыгает без малейшего утомления, воодушевляемый быстрым движением и веселым шумом.

Ни в одной стране Европы употребление юридического латинского языка не сохранялось так долго, как в Венгрии, где им говорили еще в 1843 году. Смешение различных национальностей и наречий способствовало распространению употребления жаргона, представлявшего чудовищную смесь латинских фраз и венгерских оборотов и бывшего в ходу особенно в течение XVIII столетия. Еще недавно часто можно было слышать, как граждане при встрече приветствовали друг друга по-латини, и множество латинских выражений и фраз, очень мало похожих на цицероновские периоды, до сих пор употребляются в разговорной речи. Слово deak, означающее «книжный», «ученый» или «литературный», сделалось синонимом «латинскаго», и все образованные люди, к какой бы народности они ни принадлежали—к мадьярской или немецкой, к сербской или румынской,—любили вести беседу на пышном языке, завещанном народом-царем: они, таким образом, создали для себя нечто в роде общей национальности, которая исчезла вместе с языком, и о которой сожалели многие писатели. В эпоху реформации венгерцы не писали на своем собственном языке[1]; только по многочисленным словам, сохранившимся от первоначальной устной речи, известно, что она очень мало отличается от мадьярского диалекта, которым говорят в наши дни[2]. Все публичные акты, все оффициальные бумаги сочинялись по-латыни; но вскоре протестантская пропаганда вызвала у них к жизни целую духовную литературу на народном языке; затем явились историки и поэты, которые, преимущественно в эти последние сто лет, сообщили удивительную гибкость старому угрскому наречию. Эти успехи дают мадьярам могущественное средство влияния, которым они и не преминули воспользоваться к выгоде своей расы. Сделавшись главным языком администрации, венгерская речь в значительной мере способствует мадьяризации иноплеменных жителей страны; но политическая неприязнь, питаемая другими национальностями к господствующей народности, часто проявляется тем более сильною привязанностью к их собственным наречиям. Кровавые столкновения 1848 и 1849 годов до сих пор продолжаются в школах борьбою языков.

К счастью, религия не может сделаться в Венгрии, как язык, средством господствования. Хотя кальвинизм иногда называется в Трансильвании «мадьярскою верою», но это выражение имеет преимущественно этнографическое значение, ибо в этой области немцы все лютеране, а румыны принадлежат к греко-восточной церкви. В собственной Венгрии католики составляют огромное большинство. Во времена реформации, население массами переходило в новую религию; но «контр-реформация», сопровождаемая пытками и казнями, воссоединила большую часть совратившихся мадьяр и заставила их вернуться к старой вере. «Лучше иметь безлюдную пустыню, чем страну, населенную еретиками!» говаривал император Фердинанд II[3]. Один дипломатический документ, составленный в начале семнадцатого столетия, говорит, что задача Австрии должна заключаться в том, чтобы «сделать Венгрию католическою, немецкою и нищенскою страною». Эта цель была отчасти достигнута, и странно сказать—если бы венгерские кальвинисты и лютеране не были поддержаны в их сопротивлении мусульманами Турции, их всех до единого принудили бы отречься от своей веры, подобно

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“.

2 Эд. Сайус, „Histoire generale des Hongrois“, t.1, pp. 26, 27.

3 Louis Asseline, „Histoire de l’Autriche“.

тому, как заставили отречься протестантов тирольских, штирийских и богемских[1]. Впрочем, воспоминания о существовавших некогда религиозных раздорах почти совершенно исчезли в Венгрии, и в настоящее время мало найдется стран в Европе, где различные вероисповедания относились бы одно к другому с большею веротерпимостью. С точки зрения современной истории и будущих судеб Венгрии, различие языков и национальностей имеет гораздо более важное значение, чем различие религиозных верований и обрядностей. Главный политический вопрос, который теперь предстоит решить, заключается в достижении равновесия рас и народностей.

После мадьяр, германская раса есть бесспорно важнейшая между населяющими Венгрию племенами, не по численности,—хотя она обнимает слишком два миллиона жителей,—но по промышленности, торговле, цивилизации: «мадьяры основали государство, но города были основаны немцами»[2]. Городское общество или средний между народом и дворянством класс был почти всецело их созданием; пока евреи, относительно малочисленные, не сделались главными посредниками в торговле, торговая деятельность края тоже была сосредоточена в руках немцев. Города их некогда вели постоянные сношения с членами Ганзейского Союза; впрочем, немецкие торговые люди были радушно принимаемы или даже приглашаемы венгерскими королями, и во многих грамотах того времени их называют «гостями». Большинство городов, занимаемых немцами, пользовались полным самоуправлением; они зависели непосредственно от короля и не платили дорожных пошлин; они могли даже соединяться между собою в союзы, составлявшие как бы государство в государстве; так, например, двадцать четыре немецкие прихода в области Сепазии или комитате Сепеш (Szepes), у подножия Татры, образовали из себя, в тринадцатом столетии, большое политическое братство. Немецкие города Трансильвании сгруппировались в самостоятельную нацию, равноправную с мадьярами и секлерами. Самый Пешт, бывший первоначально славянскою деревнею, как показывает его имя[3], сделался почти исключительно немецким городом; только немец мог быть выбран там в судьи, а в числе двенадцати советников городской ратуши только двое были из мадьяров. В половине четырнадцатого столетия, когда венгерцы, сделавшиеся более многочисленными, назначили одного судью из своего племени, немцы, оскорбленные такою дерзостью, бросили несчастного избранника в Дунай. Еще в 1866 г. мадьяры жаловались на то, что в муниципальном совете никто не понимает их языка, вследствие чего пришлось назначить оффициального переводчика[4].

Германские населения Венгрии прежде известны были под разными именами, смотря по их первоначальной родине, то-есть стране, из которой они переселились. Немцы, живущие в ближайших к Вене комитатах, на западе и на юге от Нейзидлерского озера, и называемые Hienzen, суть колонисты, пришедшие из соседней Австрии: Heidebauern, которые населяют территорию, заключающуюся между Нейзидлерским озером и Дунаем, принадлежат к аллеманской отрасли, и первоначальную их родину, как полагают, следует искать на берегах Констанцского озера. Большинство немецких рудокопов в северо-западных комитатах состоит из саксонцев, тогда как южные области, долгое время находившиеся во власти турок, были колонизованы швабскими крестьянами и ремесленниками: эти колонисты прибыли сюда массами, в особенности перед войнами французской революции, и переселение их продолжалось еще в 1829 году.

Замечательно, что одна довольно компактная группа немцев, в числе около 200.000 душ, находится в непосредственном соседстве с секлерами, на южной окраине Трансильванского плоскогорья. Эти немцы живут в нагорной равнине Алюты, называемой Бурценландом, во-

1 Arthur Patterson, „The Magyars, their country and institntions“, t. II, p. 97.

2 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“.

3 Слово Пешт (Pest), образовавшееся ив славянского слова „печь“, имеет тот же смысл, как и немецкое название Офен (Ofen, печь), и означало, вероятно, „печь для обжигания извести"; только это название Офен применяется теперь к Буде или „Новому Пешту“ (П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“, стр. 281, 282).

4 Josef Korosi, „Statistisches Jahrbuch der Stadt Pest.“, 1873.

круг города Брассо (по-немецки Кронштадт), и в гористой области, которая тянется на север от Фогараша и Большего Сабена (Nagy Szeben, по-немецки Германштадт) до Медиаша (Medgyes, Mediasch) и Шегешвара Segesvar, по-немецки Schassburg, Шесбург). Их обыкно-

Венгерскіе типы.

венно называют «саксами» или «саксонцами», хотя только самое малое число их предков действительно принадлежало к этой отрасли германского племени. Большинство колонистов, которых венгерские короли призвали в Трансильванию для пополнения пробелов в на-

селении, причиненных завоеванием страны, были уроженцы Фландрий и низменных прирейнских равнин. В двенадцатом и тринадцатом столетиях страшные разливы Северного моря и наводнения рек заставили жителей этой части морского прибрежья удаляться в более безопасные места внутри континента, и таким образом вызвали общее отступательное движение, которым и воспользовались государи Венгрии, чтобы заселить пустынные земли в своих владениях и распространить в них земледелие. Прежде думали, что немецкое название Трансильвании, Siebenburgen (Семиградье или Семигорье), было дано стране рейнскими колонистами, в память вулканической горной группы, называемой Семигорье (Siebengebirge), которая господствует над Рейном, при входе его в большую равнину; но гораздо вероятнее, что это название произошло от имени замка Сибин (по-немецки Siebenburg), у подножия которого выстроился город Большой Себен (Nagy Szeben) или Германштадт[1]. Старинные крепостцы, возвышающиеся там и сям в этой области, были созданием самих горожан, которым здесь не приходилось испытывать на себе феодального режима[2].

Несмотря на совершенно изолированное положение, в котором жили «саксонцы» в продолжение пяти или шести столетий, эти колонисты лучше сохранили свой язык и нравы, чем многие другие группы их земляков, более приближенные к первоначальной родине и менее тесно окруженные другими, чуждыми народностями. Это явление должно быть приписано, без сомнения, большому превосходству знаний, которое фламандские, рейнские и саксонские переселенцы имели над своими трансильванскими соседями, румынами и секлерами, и которое они сохранили до нашего времени посредством своих школ. Оттого они без труда сделались городским населением или средним классом обитаемой ими страны, и сословное различие присоединилось к различию языка и происхождения, как новая причина, способствовавшая их обособленному существованию в виде отдельных общин. Они остались тесно сплоченными в маленькую Германию на этой отдаленной оконечности империи, и австрийская бюрократия могла вербовать между ними преданных и послушных чиновников. Говорят, что со времени битвы при Садовой у трансильванских немцев усилилось патриотическое честолюбие, и что на Берлин они стали смотреть еще более, чем на Вену, как на свою метрополию. Как бы то ни было, политическое их влияние уже не может быть столь значительным, как было прежде. Вокруг них мадьяры и румыны сделались цивилизованнее, богаче и многочисленнее, тогда как саксонцы, у которых браки между близкими родственниками сравнительно очень часты, численно увеличиваются мало, или даже уменьшаются; по словам Бонера, смертность между ними сильнее, чем между их соседями. Средняя смертность (?) в Трансильвании, по Бонеру («Transylvania», p. 288): саксонцы—1 на 33,5 жит.; мадьяры—1 на 36,3 жит.; румыны 1 на 39 жит. Говорят, что во избежание раздробления земли немецкия семейства в Трансильвании благоразумно стараются ограничивать число детей двумя или тремя, тогда как рядом с ними необыкновенно плодовитая румынская раса заселяет все новые деревни, и с каждым десятилетием распространяется все далее и далее в пределы владений своих прежних господ германского племени. Берега реки Алюты так же, как многие округа Бурценланда, местности, которые прежде принадлежали исключительно немецкому населению, постепенно переходят в руки валахов. В центре края германский элемент мало-помалу уступает первенствующую роль мадьярам. Нынешняя столица Трансильвании, Коложвар (Kolozsvar), прежде была чисто немецким городом и носила немецкое имя Клаузенбург.

Вообще это постепенное изменение национальностей представляет очень любопытное явление с точки зрения психологии народов. Так, например, в северной Венгрии немцы, несмотря на близкое соседство с главною массою германского населения, омадьярились в большом числе, или вследствие природной вялости, или из желания избегнуть насмешек и презрения венгерцев, которое так жестоко выразилось в следующей мадьярской поговорке: «Eb a nemet kutya nelkul» (немец—все равно что собака). Хроники упоминают множество

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn".

2 Бонер, „Transylvania", стр. 248.

немецких колоний, которые теперь уже совершенно утратили свою первоначальную национальность; принадлежащие к этим колониям семейства сделались совершенно мадьярскими даже по имени, которое они переменили или переделали на венгерский лад. В карпатских комитатах, среди словаков и русинов, многие немцы тоже ассимилировались с окружающею средою: там они сделались славянами. Обратное явление замечается в Банате и в других частях южной Венгрии, где немцы, пришедшие по большей части из рейнского бассейна лет сто тому назад, находятся в соприкосновении с румынами и сербами. В тех местах, где румыны не образуют семейных групп и где они живут в зависимости от немцев, как прислуга или работники на фермах, они легко онемечиваются. Сербы, обладающие более твердым характером, оказывают сопротивление влиянию хозяев; однако, и они в конце концов уступают, и нельзя указать ни одной деревни, которую бы они в это последнее время завоевали своему языку, тогда как многие селения сделались, по господствующей речи, немецкими[1].

Гораздо более многочисленные, чем немцы, славяне Венгрии принадлежат к различным национальным группам, не живущим в смежных странах. Словаки, самые многочисленные представители славянского племени на венгерской территории, населяют сплоченными массами всю северо-западную область страны, заключающуюся между Дунаем и горами Татра; кроме того, они образуют несколько островов между другим населением в Венгерской низменности, и даже на юге от великой реки, в горах Пилиш, встречаются словацкия деревни; но в южной Венгрии и Трансильванской плоской возвышенности представителями этой нации являются только отдельные лица. Словаки ближе всего подходят к чехам и моравам, занимающим противоположный склон Малых Карпатов и Бескидов, и составляют с ними одну этнологическую область. Наречие их настолько похоже на чешский язык, что они могут без труда понимать, когда с ними говорят чистым пражским диалектом. Впрочем, чешский язык прежде был повсеместно употребляем у словаков, как язык церкви и школы, так что его обыкновенно называли «библейским языком». Еще недавно, почти все писатели словацкого происхождения употребляли для своих сочинений исключительно чешский язык; только с 1850 г. словацкий язык, правила которого были определены изданною в этом году грамматикою Мартина Гатталы, совершенно освободился от чешского, как язык литературный. Главную отличительную черту его составляют обилие двугласных и богатый запас старинных слов, который он сохранил до сих пор[2]. Часто повторяли, что словаки были, в средние века, воспитателями мадьяров, которых они будто бы научили земледелию, ремеслам и искусствам; но на самом деле эта задача была выполнена словенамп, жителями южного берега Дуная, которые с давних пор уже забыли свой родной язык и смешались с венграми.

Словаки так же щедро одарены физически, как и их братья, населяющие долину Эльбы; вообще говоря, они отличаются высоким ростом, крепким и стройным телосложением, приятными чертами лица; голова у них меньше, чем у чехов, но лоб широкий и открытый, красиво обрамленный густыми волосами, почти всегда соломенно-желтого цвета. Они еще почти везде сохранили свой национальный костюм, который очень идет к ним: холщевая рубаха, куртка и штаны из грубого белого или коричневого сукна—таков праздничный наряд молодых людей; молодые девушки носят поверх синего платья куртку, такую же, как у мужчин. Название «белый пол» (biele pohlavie), которое дают женщинам в словацкой земле[3], соответствует названию feher nep или «белый народ», употребляемому в Венгрии.

Славянские земледельцы в этой части Венгрии более, чем где-либо, терпят нужду. Природа очень скупо наделила их своими благами, и почва, которую они обработывают в поте лица, не производит даже того, что необходимо для их собственного пропитания. Вследствие этого, каждый год тысячи из них принуждены отправляться на заработки в чужие края, в качестве землекопов, чернорабочих или торговцев. Подобно тирольцам, оверньятам и многим другим европейским горцам, почти все словацкие выходцы занимаются каким-нибудь

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn".
2 Sasinek, „Die Slovaken".
3 Attila de Gerando, „Notes manuscrites".

особым промыслом, составляющим исконную специальность их родного села: смотря по преданиям своей долины, они делаются торговцами благовонных масл, материй, сыров, ведер, гребенок, разного рода изделий из дерева и пр. Особенно выделяются между ними жестяники, мастерящие разные мелкие вещи из железной проволоки. Эти странствующие промышленники, по большей части уроженцы Тренченского комитата, путешествуют группами или партиями по всем государствам Германии и заходят даже во Францию: за границею они любят называть себя мадьярами или венгерцами, кроме только Богемии, где их очень хорошо принимают, как славянских братьев. Честность их выше всякого испытания; вместе с тем они умеют доводить до крайних пределов возможного искусство жить малым: неимоверною бережливостью и всевозможными лишениями им удается скопить на чужбине несколько червонцев, с которыми они и возвращаются, торжествующие, в свое отечество.

До настоящего времени словаки имели малую долю участия в управлении делами страны; но теперь они, среди различных национальностей Венгрии, образуют уже большую группу, которая сплачивается все теснее и теснее. В семнадцатом столетии представители этого племени были немногочисленны; в наши дни число их возросло уже почти до двух миллионов, и многие города и округа, которые прежде были заняты немцами и венгерцами, отныне принадлежат словакам. Правда, что расширением своей области словацкая народность обязана отчасти австрийскому правительству, которое прогнало немцев-протестантов из горнозаводских городов верхней Венгрии и Сепешского комитата и отдало землю словакам-католикам; но эти последние и сами, естественным путем, распространяются все далее, благодаря быстрому возрастанию их семей. Как на пример размножения и постепенных захватов этой расы указывают на деревни Детва и Детва-Гута, в Золиомском комитате, которые вместе содержат ныне более 12.000 жителей, и основанием которых послужил маленький поселок среди прогалины, вырубленной в лесу. Городок Сент-Мартон (Turocz-Szent-Marton) может быть рассматриваем как литературный центр словацкой нации.

Русины или малороссы, восточные соседи словаков, населяют более узкую полосу земли на склоне гор, где берут начало Тисса и её верхние притоки. У венгерцев они известны под именем Oroszok, которое есть синоним названия русских; и действительно, это славяне того же племени, как и жители бассейна Днестра. Первоначально они поселились маленькими группами в огромных лесах, покрывавших некогда все скаты Карпатов, и мало-по-малу заняли ту обширную территорию, где мы их находим в настоящую минуту, между цепью Татра и Трансильванскими горами; подобно словакам, они тоже постепенно распространялись в пределы области своих иноплеменных соседей, и многие округи, где еще в прошлом столетии население говорило немецким языком, теперь сделались русинскими. Венгерские или угорские «русские», хотя они и соплеменники русских, принадлежащих к великой славянской империи, и хотя панслависты предъявляют на них притязания, как на будущих подданных России, повидимому, не встретили, как освободителей, солдат Паскевича, пришедших подавить венгерскую революцию в 1849 году. Эта отрасль славянской расы, самая мирная и наименее притязательная относительно особой политической автономии, мало-помалу «омадьяривается» на окраинах Венгерской равнины, а в соседстве с Трансильваниею она постепенно «орумынивается». Известны целые округи, населенные русинами, которые говорят только валашским или венгерским языком; во многих церквах, где литургия совершается еще на древне-славянском языке, проповедь произносится уже на мадьярском. Главный центр их—Унгвар, по-русински Ушгород.

Сербы южной Венгрии, живущие преимущественно в Банате и в прибрежных территориях Дуная, не распространялись по стране постепенно, шаг за шагом, как их северные родичи, словаки и русины: они переселились на мадьярскую почву целым народом. Правда, в начале средних веков отдельные группы сербов, остатки древних племен, пришедших из Сарматских равнин через Карпаты, встречались уже на северном берегу Дуная, и история упоминает об их военных экспедициях; но роль их в придунайских землях была ничтожна в сравнении с тем важным значением, которое они приобрели после разрушения сербского

царства турками: тогда огромное множество беглецов поселилось на северном берегу Дуная, в Банате, по берегам Тиссы и даже на острове Чепель, ниже Пешта. В конце семнадцатого столетия, именно в 1690 году, это переселение сербов по своим размерам напоминало исход израильтян из Египта: в этом году более 36.000 сербских родов или задруг, заключавших, может быть, от 400.000 до 500.000 душ[1], перешли Дунай и отправились на поиски нового отечества, которое им обещал император Леопольд, призвавший их к восстанию против их повелителей, турок. Чтобы найти этой массе эмигрантов необходимое пропитание, пришлось сначала разместить их не только в ближайших к Дунаю округах, но также вокруг городов центральной и северной Венгрии, до Дьёра и Большего Варада (Nagy-Varad); затем им отвели для жительства область Бачка (Bacska), в то время почти безлюдную, которую они занимают и до сей поры. Из них организовали полки для защиты границы от вторжения турок; но они долго ждали исполнения обещания, данного им императором Леопольдом, «вернуть их на родину», и только после продолжительных колебаний, решились заменить свои шатры постоянными постройками[2]. Отличавшиеся от своих соседей, немцев и мадьяр, расою, религиею и нравами, подчиненные всякого рода стеснительным регламентам, сербские выходцы должны были много выстрадать, и политическое их существование в течение долгого времени было лишь непрерывною борьбою. Те из них, которые жили в Пеште, в городах и местечках центральной Венгрии, на севере от Баната и области Бачка, утратили по большей части свою национальность вследствие смешения посредством браков с другими народностями, тогда как другие переселились ближе к южным комитатам, где племя их живет сплоченными массами[3].

В настоящее время венгерские сербы, в числе более полумиллиона душ, составляют совершенно особую группу населения в своем новом отечестве, и, благодаря своей храбрости, уму, силе национального сцепления, патриотическому рвению, играют гораздо более видную роль в общем составе транслейтанской монархии, чем другие народы, более многочисленные. Они энергичнее, чем словаки, русины, немцы или румыны, борются против политического преобладания мадьяр; в 1848 и 1849 годах они даже с ожесточением дрались с венгерцами на полях битв. В настоящую минуту патриотизм венгерских сербов проявляется преимущественно ревностными усилиями к сохранению и распространению их языка: основанное ими общество «Матица» (Matica, т. е. царица или матка пчел) оказало величайшие услуги изучению сербской истории и филологии. Город Уй-Видек (Uj-Videk), который они называют Новым Садом (Novisad, по-немецки Neusatz), сделался для них центром литературной деятельности, чем-то в роде умственной и духовной столицы; здесь знаменитый Шафарик, словак по происхождению, написал многие из своих почтенных трудов по этнографии и языковедению славянских народов; здесь же основалось общество «Омладина», сделавшееся страшным мадьярам, как политическая ассоциация. Будучи представителями южного славянства, сербы полуденной Венгрии пользуются тою важною выгодою, что они опираются на задунайских славонцев, на жителей независимой Сербии так же, как на хорватов, австрийских далматинцев и всех славян Турции; но не со всеми этими славянскими народностями они связаны узами общей религии. Между католиками-хорватами и православными сербами существуют многочисленные разногласия; точно также чохачи или буньевачи, католического вероисповедания, живущие уединенными группами между венгерскими сербами и сплошными колониями в Мариа-Терезиополе (Сабадка) и его окрестностях, часто не ладят с ними, хотя оба народа происходят от одного корня и говорят одинаковым языком. Два сейчас названные племени называют себя далматами, и действительно, если верить их народным преданиям, они вышли из Иллирии, в начале семнадцатого столетия.

На территории собственно Венгрии живут еще и другие славянские национальности: более сотни тысяч хорватов перешли на севере за пределы триединого королевства; венды или

1 Нико, „Les Serbes de Hongrie“, p. 75.

2 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn“, в переводе Швиккера, стр. 321.

3 Пико, „Les Serbes de Hongrie”, p. 352 etc.

словены примешиваются к ним близ границ Цислейтании; около двадцати тысяч болгар, замечательных своим трудолюбием и образованием, рассеяны отдельными группами среди румынского населения Баната; на южном склоне Галицийских Карпатов живут поляки; в долине Караша, к северу от Базиаша, осело, после многочисленных эмиграций, население болгарского происхождения, красованы, называемые так от деревни Красова Полу-сербы по языку, почти румыны по одежде и нравам, красованы в одно и то же время католики и православные, а по своим суевериям это сущие шаманисты. В Трансильвании же славян теперь почти совсем нет, хотя прежде они были там многочисленны, как о том свидетельствуют сохранившиеся до сих пор славянские названия мест. В настоящее время на этой плоской возвышенности живут только мадьяры, немцы и румыны, из которых последние составляют значительное большинство.

Каково бы ни было происхождение трансильванских валахов,—считать ли их потомками древних латинизовавшихся даков, оставшихся в стране после отозвания римских колонистов императором Аврелианом, или потомками переселенцев, вернувшихся в Трансильванию с юга,—достоверно то, что в средние века они не играли никакой исторической роли. Летописи в первый раз упоминают о них, как о жителях трансильванского плоскогорья, только около половины пятнадцатого столетия. Все города, основанные или вновь отстроенные римлянами, утратили свое первоначальное латинское имя и получили названия славянские или мадьярские; даже главный город этой области, знаменитая Сармизегетуза, переименованная в Ульпиа-Траяна (Ulpia-Trajana), в честь победителя даков, сделалась бедною деревушкою Гредистиа (по-венгерски Варгельи), и румыны до сих пор знают ее под этим славянским именем: преемственность предания была совершенно прервана народами, последовательно занимавшими область Карпатских гор[1].

Румыны, вопрос о происхождении которых принадлежит к интереснейшим проблемам всемирной истории, составляют теперь, после мадьяр, самую многочисленную национальность во всей Венгрии и Трансильвании. Они населяют сплошными массами большую часть Баната и более половины гористой области, господствующей на востоке над Венгерскою равниною. Таким образом, эти румынские земли Венгрии и Трансильвании составляют, вместе с Буковиною, Молдавией, Бессарабиею, Валахиею, полный круг олатинившагося населения, центр которого, по странной игре случая, занимают секлеры и «саксонцы», обитатели верхней долины Алюты. Около двух с половиною миллионов румынов живут в венгерской части этого обширного этнографического круга. Вообще мало найдется наций, которыя бы так быстро расширяли область своего распространения в ущерб соседним народам, как румынское племя. Тысячи валахов, оттесненных сначала куманами, затем турками, на северный склон Трансильванских Альп, размножились до того, что сделались преобладающею расою: славяне совершенно исчезли, слившись с румынскими пришельцами, и не оставили других следов своего пребывания, кроме названий гор, рек и городов; мадьяры, секлеры и немцы оказывали более энергическое сопротивление охватывавшему их со всех сторон потоку валахов; но если мы сравним статистические данные прошлого столетия с новейшими народными переписями, то оказывается, что из всех национальностей, населяющих Трансильванию, наиболее важное значение имеет именно та, которая юридически даже не носила особого названия до половины текущего столетия, и которую при переписях считали вместе с мадьярами, при чем её представители благородного происхождения были помещаемы в числе членов венгерского дворянства.

Население Трансильвании, с приблизительным разделением на главные расы:

	Румыны	Секлеры и мадьяры	Немцы	Общая цифра жителей
В 1861 г. по Бенке	547.250	262.000	130.500	939.750
В 1877 г.	1.275.000	625.000	210.000	2.127.000
В 1890 г. (31 декабря)	1.276.890	697.945	217.670	2.251.216

1 П. Гунфальви, „Ethnographie von Ungarn", в переводе Швиккера, стр. 346.

В тех округах, куда молодые румыны ходят на заработки в качестве пастухов или работников на фермах, они, конечно, должны по необходимости выучиваться языку своих хозяев; но если они переселяются целыми семьями в какую-нибудь сербскую деревню в Венгрии, то элементы населения мало-по-малу получают новую группировку, и происходит медленный, но непрерывный процесс «румынизации». Занятое пришлыми валахами предместье, постепенно расширяясь, соединяется, наконец, с кварталом, населенным другими расами или национальностями, и часто совсем поглощает его. Так, например, Темешварский округ, население которого прежде состояло почти исключительно из сербов и немцев, содержит в наши дни гораздо более значительное число румын, чем двух названных народностей. Как-бы для того, чтобы избежать поглощения валашским населением, славянские жители перемещаются мало-по-малу к западу, в округ Большой Кикинды (Nagy Kikinda) и на другую сторону Тиссы. Католические болгары Темешварского Баната почти совершенно обрумынились, а сербы многих округов, хотя и не забыли еще своего родного языка, но говорят уже даже между собою по-румынски. Словом, ни одна раса не обладает в более сильной степени, чем румынская, способностью поглощения других национальных элементов, с которыми она приходит в соприкосновение, хотя румыны, вообще говоря, народ смирный и миролюбивый; более могущественная, чем армия завоевателей, маленькая колония валашских земледельцев во многих местах была достаточна для того, чтобы изменить мало-по-малу национальность целых населений.

Главною причиною этого этнологического явления следует считать, без сомнения, трудовую деятельность румынов, как хлебопашцев и рабочих; но говорят, что оно происходит также частью от одного недостатка этого племени, именно оттого, что румыны не имеют ни способности, ни охоты к изучению иностранных языков. Будучи в соприкосновении с мадьярами или славянами, румын не сделает с своей стороны ни малейшего усилия, чтобы научиться разговаривать с своими соседями, когда его не понуждает к тому крайняя необходимость; он предоставляет другим попробовать заговорить на его языке, если они желают вступить с ним в беседу. Соседи его, действительно, уступают, и вскоре валашский язык становится общею разговорною речью, не только между румынами и окружающими их иноплеменниками, но даже между славянами и немцами[1]. Кроме того, те же самые нравственные качества, которые благоприятствуют распространению итальянского элемента в Тироле, способствуют успехам румынского племени на берегах Дуная. Даже во времена народных бедствий румыны умеют терпеть: они легко переносят голод в надежде на лучшие дни; потом, когда нужда минует, они остаются единственными хозяевами земли, так как тем временем их сербские соседи, менее выносливые, удалились куда-нибудь в другое место. Валашские женщины, благодаря своей красоте и природной грации, тоже являются непреодолимыми деятелями в отношении ассимиляции соседних рас. «Стоит только валашке вступить в семью—и весь дом делается валашским», говорит одна сербская пословица. А между тем молодые сербы православного исповедания часто берут себе в жены румынок предпочтительно перед своими соотечественницами, тем более, что в этом случае им достаточна менее значительная сумма для выкупа невесты. В Венгрии до сих пор еще существуют округи, где торговля браком ведется публично, с наивностью первобытных времен. Так, например, в Топанфальве, в верхнем бассейне реки Араньош (Золотая река), молодые люди стекаются из всех окрестных местностей на «ярмарку невест», которая бывает здесь в конце июня, в день апостолов Петра и Павла. Невесты присутствуют на торжище сотнями, молодые и старые, красивые и уродливые, в сопровождении своих родных и друзей; разодетые в свои лучшие наряды, они сидят на своих сундуках с платьем и даже имеют при себе скот, который им назначен в приданое. Тут же где-нибудь под деревом расположился нотариус, восседающий за походным столиком, в ожидании минуты, когда потребуются его услуги по составлению брачных контрактов. Случалось, что в одну ярмарку устроивалось таким образом 140 помолвок. У мадьярских секлеров, живущих на молдавской границе, нередко бывали примеры не-

1 П. Гунфальви, „Ethnographe von Ungarn".

посредственной продажи молодых девушек специальным торговцам самими родителями. Еще недавно, не проходило года, чтобы таможенные надсмотрщики не задерживали на границе этот живой товар, за который платили продавцам по пятидесяти и по сту франков за штуку. Секлерских девушек можно встретить даже в гаремах Азии.

Замечательно, что только в 1848 году, под влиянием политических событий, румыны многих частей Венгрии, и преимущественно Баната, пришли к сознанию своей национальности. До этого времени они даже не знали друг-друга под именем, которое было бы общим для всех представителей их многочисленного племени. Одни из них, потомки кочевых пастухов, бродивших со своими стадами по равнинам, известны были под именем Fraduci; другие, жившие в горнозаводских округах, в качестве дровосеков, возчиков, рудокопов, назывались Pofani. В настоящее время, эти древние касты мало-по-малу исчезают. Все карпатские румыны, как ни мало они образованы, отлично знают, что раса их одна из самых многочисленных между народностями, населяющими Венгрию, и говорит языком одинакового происхождения с языками могущественных наций Западной Европы. Они знают также, что их братья, молдоване и валахи, соединены в нацию независимую; вследствие этого, у них естественно должно развиваться некоторое чувство или сознание патриотической солидарности; но, как народ, они еще очень далеки от того, чтобы могли помышлять о завоевании себе политической самостоятельности или автономии. Во время войны Венгрии с Австриею они поднялись против господ,—как это сделали их отцы в 1784 г.,—сжигая города, разрушая замки, вырезывая целые семейства; однако, было бы ошибочно видеть в этой истребительной войне единственно следствие племенной ненависти. Румынские крестьяне тогда не были уже крепостными, так как венгерский сейм, за несколько времени перед тем, освободил их от помещичьей власти и прикрепления к земле; но, полагая, что им грозит новая крепостная зависимость, они воспользовались представившимся удобным случаем удовлетворить свою веками накипевшую злобу против господствующего класса.

С тех пор обстоятельства изменились. Румынские земледельцы успели уже привыкнуть к своему новому положению крестьян-собственников, и если, к сожалению, они не всегда умеют сохранить свой земельный надел, по причине своей обычной непредусмотрительности и разоряющего их ростовщичества, то в постигшем их несчастий они винят еврея. С самого начала венгерской истории евреи были главными посредниками торговли в большой равнине Карпатов; они, вместе с болгарами-мусульманами или «измаильтянами», занимались обменом добычи, привозимой мадьярами из своих разбойничьих экспедиций, и через их же посредство велась торговля невольниками. Правда, часто они и сами были обращаемы в настоящее рабство и подвергались всевозможным притеснениям; многие из них даже погибли на костре. Но деньги, которые они умели наживать, несмотря на угнетение, всегда заставляли государей и магнатов Венгрии льстить им и даже давать иногда временные привилегии. Только в 1867 г. евреи были совершенно уравнены с христианскими жителями Венгрии в гражданских и политических правах, но религия их и теперь еще только терпима. По закону, прозелитизм и смешанные браки им все еще запрещены. Говорят также, что, не взирая на конституцию, секлеры до сих пор решительно не пускают евреев на свою территорию: как только какой-нибудь из сынов Израиля явится в их деревню, они вежливо выпроваживают его за пределы своей общины, приглашая никогда более не возвращаться к ним[1].

С прошлого столетия число евреев в Венгрии возросло неимоверным образом; в продолжение последних ста лет оно увеличилось по меньшей мере в восемь раз. В некоторых округах, населенных словаками и русинами, они составляют уже большинство жителей; Мункач теперь уже скорее жидовский, чем христианский город. Пешт, где в 1836 г. насчитывали всего какую-нибудь, тысячу евреев, имел 31 декабря 1890 г. уже 103.317 жителей этого племени; после Варшавы и Вены это—самый большой еврейский город во всем свете. Рождаемость у евреев весьма значительна, и статистика показывает, что они лучше, чем другие расы Венгрии, противостоят болезням эпидемическим и эндемическим. Так, например, в та-

1 Аттила-де-Жерандо, „Notes manuscrites".

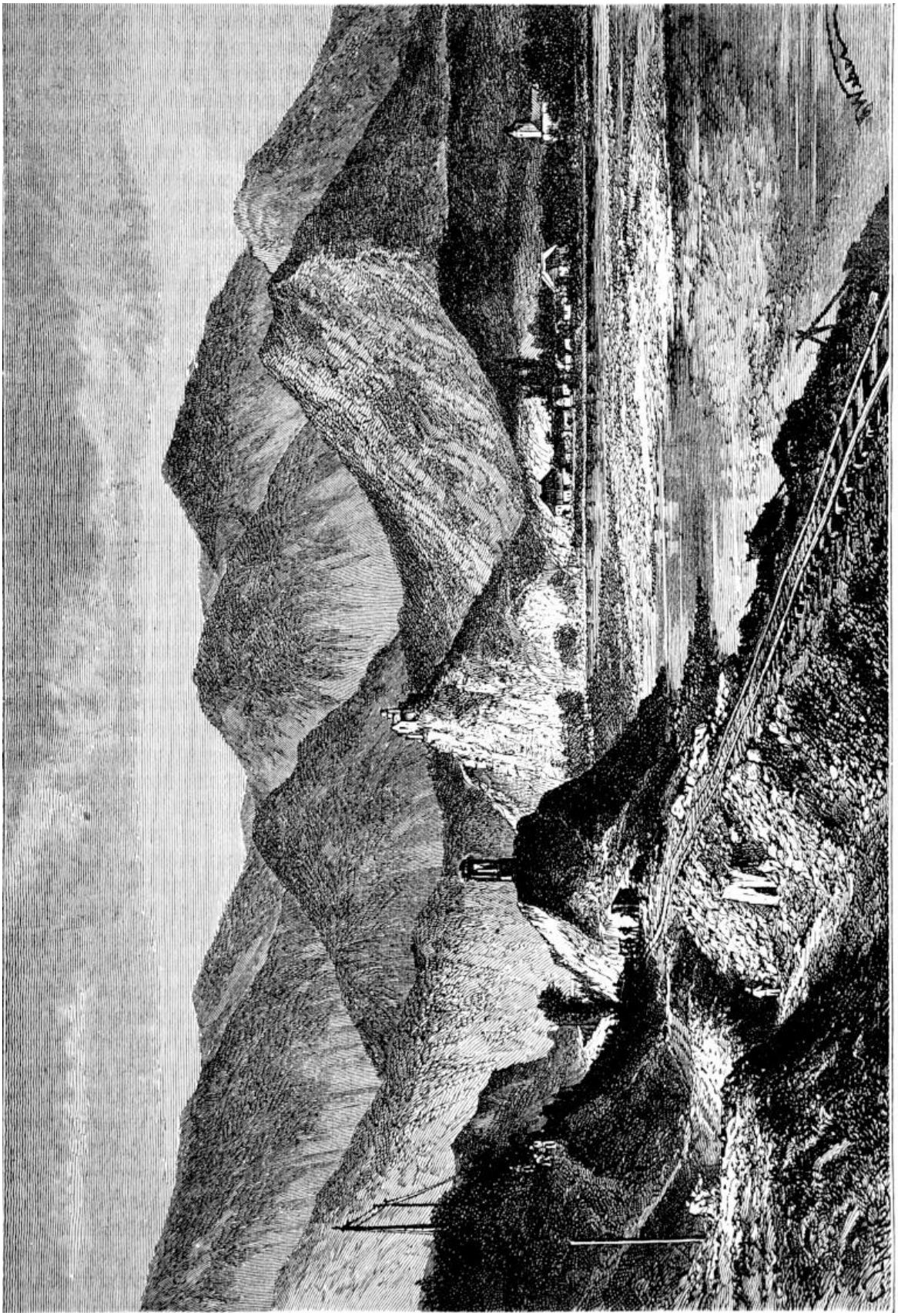
ком нездоровом городе, как Пешт, средняя их жизнь по меньшей мере вдвое продолжительнее средней жизни других жителей; можно сказать, что атмосфера как будто очищается вокруг этого живучего и плодовитого племени[1]. Даже в 1872 и 1873 гг., когда холера, свирепствовавшая в Венгрии, уменьшила число мадьяр, немцев, румын и славян, еврейское население продолжало увеличиваться, потому ли, что евреи сравнительно менее подвержены эпидемиям, или по причине более заботливого ухода, которым пользуются их дети, и свойственного их племени духа солидарности. Иммиграция тоже способствует, в значительной степени, возрастанию еврейского населения в крае. Из Галиции, из Польши, из России евреи бесшумно идут на завоевание Венгрии и трансильванского плоскогорья. Почти во всех деревнях словацких, русинских и румынских, даже в самых бедных, «избранный народ» непременно имеет своего представителя в лице ростовщика. Во многих местах, откуда предки его были изгнаны, и где еврей является единственным представителем своей расы, он, тем не менее, скоро делается полновластным господином, так как он держит кабак и лавочку, он продает в кредит водку и, в случае надобности, ссужает своих покупателей маленькими суммами, конечно, под верный залог. Следствием этого бывает то, что земля мало-по-малу переходит из рук румына в руки ловкого жидка. Несчастный крестьянин, видя, как его собственность ускользает от него клочек за клочком, проклинает в душе своего разорителя, но не имеет ни воли, ни силы обойтись без его услуг, и сам роет ту бездну нищеты, в которую он неизбежно должен пасть. Богатый магнат тоже разоряется, и его имения, обремененные долгами, опять-таки достаются какому-нибудь ростовщику-еврею. Некоторые из евреев, очень ловкие спекуляторы, управляют приобретенными ими поместьями с большою заботливостью; но большинство их, особенно в Трансильвании, отдают землю в аренду тем же крестьянам, которых они разорили, или заставляют их выплачивать долг рабочими днями: таким образом прежняя барщина восстановляется в пользу еврея.

Армяне, которых часто сравнивали с евреями, походят на последних только своею любовью к торговле деньгами и своею привязанностью к вере, которая соединяет их в отдельную нацию. В Венгрии армянин не хватается за всякия отрасли торговли, не берется без разбора за первый попавшийся промысел. Он свято соблюдает коммерческие предания, унаследованные от отцов и дедов. После своих путешествий, он обыкновенно возвращается в торговые колонии, которые были отведены армянам лет двести тому назад, в эпоху переселения их в Трансильванию, в Самош-Уйвар (Арменополь) и Эбешфальва (Елизаветополь). Он не кочевник, не вездесущий человек, как еврей. Впрочем, армянский элемент, не пополняясь приливом новых переселенцев из метрополии, мало-по-малу уменьшается по численности, поглощаемый мадьярским населением. Немногие армяне знают язык своих предков, и те из них, которые умеют говорить на нем, должны изучать его, как мертвый язык.

Подобно армянам, индостанские цыгане, дополняющие собою пеструю смесь племен и наречий Венгрии, нашли в долинах Карпатских гор и в Дунайской низменности гостеприимную землю: здесь находится их географический центр в Европе. Вообще, в Венгрии это племя гораздо менее терпело притеснений, чем в других европейских странах. Начиная с пятнадцатого столетия, цыгане пользовались некоторыми льготами и составляли в государстве нечто в роде бродячих республик. В каждом комитате они сами выбирали своих начальников или судей, известных на варварском латинском языке того времени под именем agiles. Воевода этих кочующих инородцев назначался палатином и, подобно венгерским магнатам, носил титул egregius или magnificus. В конце восемнадцатого века императрица Мария-Терезия и сын ея Иосиф II, государь-философ, хотели насильно цивилизовать цыган, заставляя их обрабатывать почву, запрещая им ношение своего национального костюма и даже употребление родного языка. Несмотря на эти принудительные меры, некоторые группы сохранили свой родной язык и народные предания; но большинство говорит языком

1 Сравнительная смертность жителей Пешта, по вероисповеданиям, в период с 1868 по 1870 год: Католики 4,80 на 100; лютеране 4,66 на 100; кальвинисты 3,37 на 100; евреи 1,82 на 100. (Josef Korosi, „Statistischer Jahrbuch der Stadt Pest“).

населения, среди которого живет. Очень многие из них, сделавшись собственниками своих полей, стали заниматься земледелием с таким же усердием, как их соседи других племен, и с течением времени совершенно утратили кочевые привычки своих предков. Этих оседлых



Дефиле Стречно и Магурекія горы

цыган-земледельцев в крае обыкновенно называют «новыми крестьянами». Кроме того, есть цыгане, которые, не имея собственной земли, продолжают работать в одном и том же имении, прикрепленные к земле бедностью и силою привычки. Но по большей части они—куз-

нецы, лошадиные барышники или музыканты.

Музыкальный талант цыган был, без сомнения, главною причиною, которая так сильно располагала мадьяр в их пользу даже во времена средне-векового варварства, и благодаря которой они могли наслаждаться радостями дорогой для них вольной бродячей жизни. Без цыганской музыки не обходится ни один народный праздник в Венгрии. Сохранением своих старинных национальных песен венгерцы обязаны главным образом цыганам, которые посредством своей музыки постоянно поддерживали, несмотря на преследования австрийской полиции, пламя мадьярского энтузиазма. Маленький цыган делается музыкантом почти без всякого обучения. Проходя мимо дома, он схватывает на-лету какую-нибудь арию, разыгрываемую на флейте или на фортепиано, и тотчас же воспроизводит мотив её на скрипке, на виолончели или на цимбалах; он твердо заучивает эту арию и затем будет повторять ее на народных праздниках и вечеринках. В Венгрии нет ни одной деревни, где бы не встречались эти странствующие музыканты, которых государство до недавнего времени не заботилось посылать в школы, но которых оно не забывало брать в солдаты, по достижении ими совершеннолетнего возраста. Впрочем, не следует думать, будто существует резкое расовое различие между этими бродячими цыганами и другими народностями страны; если есть цыгане почти черные, то есть также и совершенно белые, отличающиеся только образом жизни от румын, сербов или мадьяр; вследствие смешений с другими племенами, видоизменяющихся до бесконечности, они представляют собою все национальности, населяющие Венгрию; однако, большинство цыган легко могут быть узнаны по типичному выражению их лица и по мрачному огню их глаз.

Чтобы перечислить подробно колонистов Венгрии, следовало бы также упомянуть о лотарингских французах, основавших в прошлом столетии поселения Сен-Губер (Nagy Oroszi), Шарлевиль (Kis Oroszi) и Сёльтур (Kis Oroszin), близ Большой Кикинды; далее, об итальянцах, поселившихся в Мерсивиле, и об испанцах, основавших Новую Барселону; но все эти колонисты совершенно слились с окружающим населением. Вычислить, даже в приблизительных числах, действительные пропорции различных рас, населяющих Венгрию, нет никакой возможности, так как многие из них давно уже забыли свой язык. Деление различных национальностей, живущих в стране, может быть сделано только по их языку, но и при этой работе мы наталкиваемся на большие трудности. Увлеченные духом партии или ложным патриотизмом, статистики впадали в противоречивые преувеличения, смотря по расе, к которой они принадлежат; вследствие чего исчисления их сильно разнятся одно от другого, так что в иных случаях цифры одного исследователя в два раза превосходят соответственные числа другого. Однако, справедливость требует прибавить, что если мадьяры, подобно немцам, румынам и сербам, часто преувеличивают численное значение своей расы, то они далеки от того, чтобы причислять к своей национальности всех тех, которые между другими народностями претендуют на имя венгерца. Они пользуются обаянием господства, и потому весьма естественно, что обожатели силы и многочисленные искатели мест выдают себя за венгерцев; но есть и такие, которые, принадлежа к другим расам, охотно причисляют себя к той национальности, которая уже в течение многих столетий является главною представительницею великого придунайского отечества; так, например, сербы Дамьянич и Вукович по собственной воле сделались венгерцами и фигурировали между героями войны за независимость.

Если бы судить о языке всего населения страны по языку, на котором ведется преподавание в школах, то абсолютное большинство оказалось бы на стороне венгерцев; но не подлежит сомнению, что оффициальный язык, т.е. мадьярский, пользовался в этом отношении особым покровительством. Всех школ в Венгрии в 1880 г. было 15.824, с 21.661 наставником и 1.619.692 учащимися; в том числе: мадьярских школ—7.342; румынских—2.756; немецких —876; словацких—1.716; русинских—393; сербских—245; хорватских—68; школ с преподаванием на двух языках—2.335; с преподаванием на трех языках—102.

Венгрия, не имеющая еще больших мануфактур, обязана своим богатством почти исключительно обилию и превосходному качеству своих земледельческих произведений. Хотя в этой стране встречаются и сыпучие пески, и солонцоватые степи, на которых, конечно, ничего не родится, но она имеет в то же время и обширные пространства «черных земель», не менее плодородных, чем русский чернозем, и образовавшихся также вследствие постоянного разложения растений в продолжение целых тысяч веков. Производительная почва в Венгрии составляет около 92, а непроизводительная только 8 процентов. Равнина Альфельд и в особенности та часть придунайского Баната, которую наводнения не превратили в болото, производят в урожайные годы огромные количества хлеба, который негоцианты Западной Европы признают лучшим во всем свете, и за который они платят дороже, чем за хлеб, вывозимый из других стран. Едва-ли найдется где-нибудь другая местность, которая бы представляла для сельского хозяина такое приятное зрелище, как обширная венгерская равнина, или перед жатвой, когда море золотистых колосьев волнуется на всем пространстве до пределов горизонта, переливаясь на солнце различными цветами, или после жатвы, когда почва покрыта бесчисленными скирдами, похожими издали на шатры, и когда массивные паровые молотилки, пуская клубы пара, отбрасывают в изобилии зерно и солому стоящим вокруг них крестьянам. Еще недавно часто случалось, что жнецы, оставаясь ночевать в поле, в холодную погоду разводили костры из снопов с зерном, и эта расточительность легко прощалась им. Все плоды венгерской земли отличаются превосходным качеством. Особенно славятся плоды, производимые садами и огородами юго-западной полосы, в окрестностях озер Нейзидлерского и Платтенского. Лен и пенька из Венгрии пользуются большою известностью, а венгерский табак вывозится во все государства Европы, преимущественно в Францию и Италию. Впрочем, развитию табаководства много мешают стеснительные правила, так как табак в Австрии составляет монополию казны. Смотря по годам, производство табаку изменяется от 20.000 до 50.000 тонн. Площадь возделываемой почвы в Венгрии: Пахатные поля—11.019.500 гектаров. Виноградники—392.500 гектаров. Луга и сады—4.315.500 гектар. Леса—9.413.450 гектаров.

После Франции и двух больших полуостровов Средиземного моря, Апеннинского и Пиренейского, Венгрия—самая богатая страна в Европе по размерам виноградарства и виноделия; виноградники её занимают в сложности площадь около 400.000 гектаров, и некоторые из её вин оспаривают пальму первенства у знаменитейших вин в свете. Слава токайского винограда, который растет на вулканических горных породах Копастете, к югу от Гедьялья (т.е. нижняя часть горы), и первые плоды которого были собраны в тринадцатом столетии итальянскими колонистами, не уступает славе лучших вин Франции, Испании или Италии. Токайское вино, как гласит мадьярская пословица, имеет «цвет и цену золота». Но этот виноградник, занимающий очень ограниченное пространство, не может распространиться по соседним косогорам; токайский виноград растет только на территории четырех местечек или деревень; даже сходного продукта нигде не существует[1]. Южные склоны гор Матра, холмы Трансильвании, идущие вдоль берегов Мароша, косогоры в окрестностях Арада, которые дают Menesi, красное вино, соперничающее с токайским, Веспремские высоты, холмы в окрестностях Эденбурга, холмы около Пресбурга и Буды, и в особенности бугор Промонтор (где виноградари живут в пещерах, вырытых в склонах горы), тоже производят очень ценные сорты винограда. Даже в равнине, где прежде исключительно занимались луговодством и хлебопашеством, теперь начинают разводить виноградники. Среднее производство вина увеличивается с каждым десятилетием, и большое количество винограда посылается, как столовый фрукт, в Германию, до Гамбурга. Производство виноградных вин в Венгрии в период 1861-1872 гг. (средний вывод)—3.224.300 гектолитров, ценность 97.500.000 франков; в 1873 г.—3.763.500 гектолитров, на 112.500.000 франков; в 1879 г.—6.314.434 гектолитров; в 1880 г.—2.426.800 гектолитров; в 1882 г.—4.607.638 гектолитров; на сумму 86.405.380 франков. Вывезено столового винограда в 1882 г.—1.410.887 килограм. К сожалению, в

1 Эрнест Дежарден, Рукописные заметки.

Венгрии, как и в Австрии, тоже появилась болезнь винограда, называемая phylloxera, и уже опустошила большие виноградники близ Панчовы. О венгерских виноградарях можно сказать, что хотя они еще рутинеры, но вообще обнаруживают гораздо более сметливости, искусства и уменья, чем другие земледельцы: «венгерский крестьянин, по выражению одного иностранного писателя, так же самодоволен, как немец, но между ними та разница, что первый воображает, что он может всему научиться, тогда как последний думает, что он уже все знает»[1]. Трансильванское общество «винных погребов», основанное по инициативе одного английского землевладельца, много содействовало успехам виноградарства и виноделия в крае[2], но употребляемый венгерскими виноградарями способ сбора винограда и выжимания виноградного сока имеет тот недостаток, что белые вина не выдерживают перевозки, кроме тех сортов, которые в одно и то же время сладки и спиртуозны[3].

Пастухи, которые до сих пор еще кочуют со своими стадами во многих местностях Альфельда и по горных пажитям, не могли, конечно, сделать никакого прогресса в искусстве пасти скот; но в последнее время стал ощущаться недостаток в местах, удобных для пастьбы, и равнины уже большею частью захвачены земледелием; область пастбищ все более и более съуживается, тогда как пространство лугов, естественных или искусственных, постоянно увеличивается. Впрочем, страна уже не так богата стадами скота, как была прежде[4]; вследствие больших эпизоотий, занесенных первоначально русскими армиями в 1849 г., погибло более 400.000 быков; коровы, вообще говоря, не отличаются большой молочностью, но рабочие волы превосходны; буйволы, употребляемые в некоторых местах, особенно в Трансильвании, как упряжной скот, имеют тот недостаток, что они очень упрямы и сильно страдают в случае недостатка воды в лужах или ручьях; их удивительная сила и привычка питаться самым грубым кормом делают их очень полезными в стране, изобилующей болотами и грязью; но по мере улучшения дорог, осушения почвы, успехов земледелия они должны постепенно выводиться из употребления. Туземные лошади очень ценятся за их резвость, верность шага и необычайную выносливость. Казна имеет большие конские заводы, где занимаются сохранением и улучшением породы. Что касается овец, то число их значительно увеличилось: мадьяры, которых привыкли представлять себе преимущественно как народ наездников, сделались в течение нынешнего столетия пастушеским народом, и теперь самые многочисленные стада овец бродят по пусте, именно в тех местностях, где венгерцы наименее смешаны с другими племенами. Свиноводство тоже составляет национальную отрасль сельского хозяйства, и чем ближе путешественник подъезжает к Сербии, тем более он встречает свиней, бродящих в множестве вокруг крестьянских домов. Темешварские окорока славятся не менее вестфальских своим превосходным вкусом. Количество домашних животных в Венгрии в 1880 г. представляло следующие цифры (при чем для сравнения приводим отношение числа скота к числу жителей в Венгрии и во Франции):

		На 1.000 жителей.	
		В Венгрии (1880 г.)	Во Франции (1877 г.)
Лошадей	2.000.000	146	79
Рогатого скота	4.600 000	335	310
Овец	9.252.000	674	633
Свиней	5.500 000	401	156
Коз	236.000	18	49

Несмотря на плодородие почвы, земледелие в Венгрии обставлено большими невыгодами сравнительно с положением сельского хозяйства в странах Западной Европы. По причине господствующего здесь изменчивого, неровного климата, отличающагося резкими переходами и крайностями температуры, обработка почвы является настоящею игрою случая; здесь гораздо более, чем во Франции или Италии, поселянин зависит от капризов погоды. Когда

1 Артур Паттерсон, „The Magyars, their country and institutions“, t.1, p. 157.
2 Келети, „Hongrie; Expose geographique et statistique“.
3 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки“.
4 Швиккер, „Statistik des Konigreiches Ungarn“, p. 249.

дожди и засухи не мешают развитию растительности, он жалуется на чрезмерное изобилие урожая; напротив того, сколько бы он ни трудился, все его труды пропадают даром, если в продолжение целых месяцев не выпадает ни одной капли дождя, или если ветер из русских степей подует бурным вихрем и поломает растения. Вообще здесь земледелец ни в чем не может быть уверен до тех пор, пока жатва не убрана с поля[1]. Отсюда, вероятно, и происходит та кажущаяся беспечность, тот восточный фатализм, которые замечаются у мадьярских и румынских крестьян, и которые многими приписывались влиянию османлисов, прежних владетелей страны. Даже в самые тяжелые времена, когда нужда свирепствует в Трансильвании месяцы и даже годы, когда несчастный валах, принужденный довольствоваться маленькой порцией мамалыги, слышит плач своих голодных детей, он и тогда сохраняет свою удивительную кротость и покорность судьбе.

Одно из самых неблагоприятных условий венгерского земледелия заключается в неравномерном распределении земли. Многие обширные имения составляют еще собственность церквей и монастырей; другие имения до того велики, что владелец никогда не объезжал их вполне: это целые области, обнимающие сотни квадратных верст. Мелкая земельная собственность не занимает даже трети территории государства и состоит большею частью из очень маленьких участков; имения средней величины, где обыкновенно достигаются большие успехи в сельском хозяйстве, тоже существуют здесь в весьма незначительном числе, как видно из следующей таблицы, показывающей разделение поземельной собственности в Венгрии и Трансильвании в 1870 году:

Мелких землевладельцев, имеющих менее 5 венг. дес. (2,88 гект.=2,6 русск. дес.) 1.444.400; 32,3 проц. почвы.

Мелких землевладельцев, имеющих от 5 до 30 д. (17,33 гект.=15 русск. дес.) 903.710; итого 2.348.110; 32,3 проц. почвы,

Землевладельцев, имеющих от 30 до 1.000 дес. (577,6 гект.), 132.729; 28,6 проц. почвы.

Землевладельцев, имеющих от 1.000 до 10.000 дес. (577,6 гект.) 5.195; 30,6 проц. почвы.

Землевладельцев, имеющих более 10.000 дес., 231; 8,5 проц. почвы.

Огромные земли крупных землевладельцев, вообще говоря, очень дурно обработываются и приносят едва от 3 до 6 франков с гектара. Государственные имущества еще менее производительны; в 1870 г. они давали дохода только 1 франк. 36 сантимов с гектара,—так ничтожна была доходность земель, которые, по своим естественным качествам, причисляются к самым плодородным в Европе; но в эти последние годы она значительно возрасла. Поля мелкого дворянства, хотя и лучше утилизируемые, тоже находятся в незавидном культурном состоянии: в большей части Венгерской равнины и Трансильванского плоскогорья обработка почвы все еще ведется хищническим способом. Целые населения не знают еще пользы удобрения полей и употребляют навоз только для обкладки нижней части своих изб, чтобы было теплее зимою. Еще недавно, именно в 1873 г., в эпоху свирепствования холеры, в ближайших окрестностях Пешта возвышались целые горы навоза, продукта нескольких тысяч быков, откармливаемых бардою на винокуренных заводах. Чтобы избавиться от этого навоза, не придумали лучшего средства, как свалить часть его в Дунай, а остальное сжечь при помощи пяти огромных печей, где постоянно поддерживалось пламя. Подобные безразсудства объясняют нам, почему средний урожай хлеба на венгерских землях гораздо менее среднего урожая полей Франции и особенно Англии: в Венгрии средним числом получается только 10 гектолитров (около 5 четвертей) с гектара (около $^{9}/_{10}$ десятины), тогда как во Франции средний урожай составляет около $18^{1}/_{2}$ гектолитров с гектара.

Тем не менее, в последнее время в земледелии и вообще в сельском быте Венгрии совершился большой прогресс, произошли многие перемены к лучшему. Многие имения магнатов были разделены, и так же, как во Франции, благосостояние крестьян постепенно увеличивалось по мере того, как возрастало число имений средней величины; в то же время выводилось и разбойничество; сделавшись земледельцем-собственником, обработывающим землю

1 Диц, „Die Ungarische Landwirthschaft“.

для самого себя, поселянин уже не подвергается искушению заниматься ремеслом грабителя на большой дороге[1]. Во многих округах самый вид местности совершенно изменился: поля обведены прямолинейными канавами, куда стекает избыток вод; через имения проложены хорошие шоссейные дороги; бесконечные шпалеры из акаций задерживают силу ветра. Эти полезные деревья зеленеют теперь в безлесной некогда пусте сотнями миллионов. Даже дюны, некогда подвижные, которые покрывают некоторые области низменной Венгрии, занимая в одном месте пространство около 50.000 гектаров (на севере от Дуная, между Панчовой и Базиашем, где они образуют одну непрерывную цепь или группу), были прикреплены насаждениями акаций, стволы которых, на половину сломанные и переплетающиеся одни с другими, продолжают тем не менее расти, образуя непереходимую преграду волнам сыпучего песку.

Но в то время, как равнина снова покрывается лесною растительностью, большие леса на горах, занимавшие целую треть территории страны, беспощадно истребляются. Удобства перевозки, представляемые ныне железными дорогами и каналами рек, дали возможность спекулянтам Западной Европы скупать в области Карпатов громадные леса, дубовые, буковые и сосновые, и вырубать их до-чиста; эти лесопромышленники оставляют после себя только голую скалу или жалкий кустарник. Давно уже вся центральная область Трансильвании, «страны лесов», Mezoseg, то-есть «поле» по преимуществу, совершенно выпустошена и лишена деревьев, так что теперь по бокам дорог растет только пыльный чертополох.

Горнозаводская промышленность Трансильвании, некогда весьма важная и обширная, уменьшилась в размерах сравнительно с прежним временем, отчасти по недостатку топлива. В трансильванских «Рудных горах», господствующих над верхним бассейном Араньоша или «Золотой реки», к югу от Коложвара, многие месторождения железа, свинца, золота, прежде разрабатывавшиеся, оставлены по причине дороговизны леса, необходимого для отопления заводов и подпирания галлерей. Впрочем, разработка рудников и теперь еще ведется довольно деятельно, и если Трансильвания не заслуживает уже названия «сокровищницы Европы», которое ей давали в прежнее время, то её горный промысел все еще способствует в значительной степени обогащению нашего континента благородными металлами. По количеству добываемого золота, Трансильвания до сих пор занимает первое место между всеми странами Старого Света, лежащими к западу от Уральского хребта; она доставляет этого металла ежегодно на сумму от 4 до 5 миллионов франков (добыча золота и серебра в Венгрии и Трансильвании в 1874 г. простиралась почти до 9.400.000 франков). Правда, эта сумма, извлекаемая из песка ручьев или из порфира гор, представляет собою количество труда, которое во всякой другой стране, с обширною промышленною деятельностью, имело бы гораздо большую ценность. Большие заводы, принадлежащие казне, работают в убыток, а тысячи золото-промывальщиков, сидящие на корточках по берегам золотоносных ручьев, зарабатывают гораздо менее, чем сколько могли бы приобрести во всякой другой отрасли промышленности или ремесл; но такова сила привычки и притягательное действие блестящего металла, что мадьяры, саксонцы и румыны продолжают разрабатывать месторождения золота из-за самой скудной прибыли. Верешпатак (Verespatak, т.е. Красный ручей), служащий главным средоточием золотых приисков, представляет чрезвычайно любопытное зрелище. Тысячи маленьких заводов тянутся нескончаемым рядом по обоим берегам ручья, из которого они выпивают воду до последней капли, для приведения в действие своих колес и толчей; выше расположен город, состоящий из одной бесконечной, извилистой улицы, обставленной жалкими избушками и старыми полуразвалившимися домами, которая поднимается вверх по долине, переходя из оврага в овраг; далее, над городом возвышается большая рудная гора, покрытая отвалами и изрытая по всем направлениям: идя внутри галлерей, можно подняться на вершину скалы или спуститься на противоположный склон, на пастбища, которые тянутся по направлению к горе Детуната. Та часть этой рудной горы, которую разрабатывали с поверхности римляне времен Траяна, особенно интересна, по причине её ориги-

1 Henry Wiener, „Revue scientifique“, 6 fevrier 1874.

нального архитектурного вида. По-валашски она называется Citate (Csetatye), то-есть «городом», и действительно, можно подумать, что видишь перед собою какой-то мертвый город, с высокими башнями, с аркадами и сводами, с безмолвными улицами и площадями. Одна из шахт, знаменитая Katrincza, которую рудокопы открыли в соседней горе, имеет форму неправильного купола, около 126 метров вышиною, при средней ширине в 38 метров, и говорят, что каждый центнер руды, вынутый из этой огромной ямы, давал прибыли около 1.000 франков. На Верешпатаке, в горе Летти, были найдены знаменитые tabulae ceratae (навощенные таблички) римской эпохи, которые теперь хранятся в Пештском музее. Содержание этих табличек, разобранное Цангмейстером, относится к работам рудокопов, к их поручительствам и забору жалованья вперед в счет поденной платы и т.п.[1].

Венгрия в собственном смысле тоже имеет свои «Рудные горы»: это горные группы в окрестностях Шемница (Selmeczbanya) и Кремница (Kormoczbanya), где также добывают драгоценные металлы, преимущественно серебро; но разработка серебряных рудников находится почти исключительно в руках казны, и, как часто случается с казенными промышленными предприятиями, ценность металла, получаемого из этих рудников, не покрывает даже содержания служащих и издержек управления. Недавно открыли золото в окрестностях Пакса и Дуна-Кемлода. Добывание медных, свинцовых и цинковых руд тоже не имеет большой важности; но разработка месторождений железа увеличивается с каждым годом; в 1874 году в Венгрии и Трансильвании было добыто 80.200 тонн железной руды, на сумму 200.575.000 франков. В комитате Сепеш (Сепазия), у подножия Татры, и на другой стороне Венгрии, в окрестностях Большого Варада (Nagy Varad) и Арада, но особенно в Оравицком горном округе, большие плавильные заводы постоянно заняты переплавкою железной руды, получаемой из окрестных рудников, в чугун и железо.

Подобно другим карпатским странам, Галиции и Румынии, восточное плоскогорье Венгрии чрезвычайно богато залежами каменной соли. По приблизительному исчислению, открытые до сих пор в Мармарошском комитате и в Трансильвании годные к разработке залежи содержат 3 миллиарда 300 миллионов тонн соли, то-есть такое количество, что если-бы существующее ныне годовое потребление этого минерала в Венгрии не возрастало, то заметное оскудение соляных копей наступило бы не ранее, как по прошествии 250 веков. Годовая добыча соли в Венгрии (в 1873 г.): 130.400 тонн. В Торде, на берегах Золотой реки (Араньош), масса соли, хотя и не столь громадная, как в Порайде, составляет, однако, по меньшей мере 800 миллионов кубических метров. Солекопы иссекают исполинские куполы в форме колоколов, из которых один, теперь уже оставленный, имел не менее 156 метров глубины: это чуть ли не самый обширный из всех куполов, созданных рукою человека. Залежи серы тоже весьма значительны. Те из них, которые тянутся на южной и на западной стороне горы Бюдеш, и которые составляют до 63 процентов массы почвы, содержат, по приблизительному исчислению, не менее 800.000 тонн. Наконец, Мармарошский комитат имеет источники нефти.

Полукруг Карпатских гор изобилует, кроме того, каменным углем и лигнитом (бурый уголь) различных геологических эпох, залежи которых разрабатываются преимущественно в окрестностях Фюнфкирхена (Pecs), между Дунаем и Дравою, в Рессиче, в румынском Банате, в Берсаске на нижнем Дунае и в Трансильванских Альпах. Добыча каменного угля в Венгрии (1873 г.): 1.488.000 тонн. Недавно в верхней долине реки Силь (Sil, Zsily, Siul, Chil), уже на склоне, обращенном к Румынии, но еще на трансильванской территории, быстро вырос горнопромышленный город Петрошени и стал оспаривать венгерский рынок у поставщиков иностранного каменного угля. Петрошенский бассейн содержит по малой мере 250 миллионов тонн превосходного угля; та часть этого бассейна, на разработку которой выдана концессия, заключает массу угля в 170 миллионов тонн, а один из каменноугольных пластов имеет не менее 20 метров толщины[2]. Общая ценность добытых в Венгрии, в 1873 г.,

1 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки".

2 Корне, „Sur un gisement de combustible dans les Alpes transylvaniennes".

минеральных продуктов (считая в том числе и соль) составляла 86.000.000 франков.

К естественным богатствам области Карпатов следует причислить также термальные и минеральные источники всякого рода. Ни одна страна в Европе не имеет, пропорционально пространству, такого множества этих источников, и медики насчитывают целые сотни целительных ключей, которыми уже пользуются; во всех долинах восточного Трансильванского плоскогорья из земли бьют минеральные ключи, большинство которых теряется без пользы в ручьях или болотах. Многие из этих минеральных вод приобрели европейскую известность: таковы, например, Фюредские воды, близ озера Балатон, и древние «Геркулесовы термы», к востоку от Мегадии, от которой они отделены небольшою цепью гор. Эти термы (с серными или соляными водами), над которыми господствуют последние отроги Трансильванских Альп, на севере от Железных Ворот, принадлежат к прекраснейшим в Европе по грандиозности и прелести окружающих пейзажей, и устроенные при них бульвары и аллеи для прогулок превосходно содержатся. Город Буда обязан своим древним именем Aquincum и своим происхождением горячим минеральным источникам, очень целебным и посещаемым многочисленною публикою. В 1880 г. Торма отыскал амфитеатр Аквинкума.

Разработка этих естественных богатств становится с каждым годом легче и доступнее, благодаря железным дорогам, которые теперь пересекают страну по всем направлениям; но обыкновенные большие дороги и проселочные дороги, которые должны питать движение на рельсовых путях, еще большею частью не шоссированы и почти во всей Венгрии представляют первобытные грунтовые пути, колеи которых, вечно покрытые грязью, извиваются вокруг луж. Сеть железных дорог во многих областях Венгерской равнины достигла более значительного развития, чем сеть обыкновенных дорог, и даже замечено, что в некоторых местах эти последние совсем не поддерживаются. Главная причина этого плачевного состояния путей сообщения заключается, без сомнения, в недостатке материала для шоссирования; «в Альфельде дороги мостят грязью», говорит местная поговорка. Вследствие этого, железные дороги, по недостатку подъездных путей, имеют движение, недостаточное для материального процветания предприятия. До недавнего времени эти рельсовые пути оканчивались в пунктах, не имеющих прямого выхода к стороне Востока. Старейшая железнодорожная линия, идущая из Вены к Константинополю, прерывается на Дунае, в маленьком местечке Базиаш, между Белградом и Железными Воротами, но две железные дороги, направляющиеся из Пешта к Черному морю, переходят Трансильванские Альпы, одна у Железных Ворот (темешварская линия), другая близ Кронштадта: это Предеальский путь, который поднимается по живописнейшей местности на перевал Темеш, а оттуда спускается в румынскую равнину, к Плоэшти. Из Венгрии в восточную Галицию существуют уже три рельсовые линии, пересекающие горы к востоку от группы Татра.

Когда исполинский естественный вал, образуемый Карпатами, будет перерезан во всех направлениях, и когда Балканский полуостров сделается по своей торговле и промышленности нераздельною частью истинной Европы, Венгрия и особенно Трансильвания изменят, так сказать, свое географическое положение относительно остального мира. До сих пор эти страны находились за пределами торговой и промышленной Европы; тогда они быстро поднимутся на степень одного из её экономических центров. Естественный путь от Северного и Балтийского морей к Черному, который прежде должен был обходить Трансильванскую плоскую возвышенность, пройдет в будущем по прямой линии, через стену Карпатов, и на протяжении его люди и товары будут увлекаемы постоянным оживленным движением. Сделавшись большою дорогою наций, горная твердыня, о которую так часто разбивались всесокрушающие потоки воинственных орд, и которую многие другие полчища завоевателей должны были обходить с величайшими трудностями, утратит, конечно, свою исключительную важность в военной истории европейского континента, но, взамен того, роль мирных торговых посредников, которая достанется на долю её населений, обилие и разнообразие её естественных произведений, краса и грандиозность её долин—все это обеспечит ей судьбу, сходную с судьбою Швейцарии, к которой она составляет, на другом конце центральной

Европы, своего рода географический pendant.

Наружный вид городов большой Венгерской равнины и Трансильванского нагорья изменяется мало-по-малу, соответственно изменению экономических условий страны. Вследствие возрастающего увеличения ценности земли, заселения края и подражания западноевропейским нравам и обычаям, придунайские и карпатские города необходимо должны, рано или поздно, утратить свою оригинальную физиономию. Но, разумеется, это преобразование будет совершаться медленно, потому что легче перенять новые костюмы, или изменить способ ведения сельского хозяйства или род культуры, чем перестроить жилища.

В прежнее время все города Венгерской равнины были похожи на большие деревни, не имевшие ни одной из тех черт, которые представляют тесно скученные и густо населенные города Западной Европы. Их делили на три категории, смотря по числу жителей и привилегиям, которые им были дарованы королевскою властью, или которые они сами себе завоевали, но общий вид их был везде один и тот же: «вольные королевские города», «торговые местечки» и простые села и деревни—все одинаково были раскинутыми на огромном пространстве скоплениями нисеньких домиков, отделенных один от другого широкими улицами, садами, огородами и лужами. Многие видели в этом расположении городов Венгрии следы кочевого образа жизни предков нынешних жителей. Кирпичные дома, без верхнего этажа и без двери, выходящей прямо на улицу, обмазанные снаружи глиною, смешанною с известкою, изображают, по мнению некоторых писателей, ряды шатров или кибиток; прямые, правильные аллеи, разделяющие эти домики, построенные по одинаковому плану, напоминают широкия дороги между рядами лагерных палаток, где наездники могут свободно выделывать свои эволюции. В центре селения, там, где некогда развевался флаг или значек начальников племени, теперь стоят здания гражданские или церковные, принадлежащие всей общине. На первый взгляд кажется странным, что во время больших турецких нашествий мадьярские крестьяне не догадались окружить свои дома высокими стенами, как это делали саксонцы в Трансильвании, или воздвигать кругообразные валы, в роде тех, какие некогда устраивали авары; но такия укрепления, как говорят, не согласовались с их национальным характером и обычаями; при том же, так как их жилища не заключали в себе ничего драгоценного, то им легко было расставаться с ними и уходить на другие места: поэтому они продолжали жить в чистом поле, большими местечками, которые отличались от обыкновенных деревень только числом домов и жителей.

Очень может быть, что древние кочевые инстинкты играли некоторую роль в общем расположении, которое мадьяры давали своим большим поселениям; но не следует упускать из виду и того обстоятельства, что в Альфельде, или Венгерской низменности, селения других народностей, сербские, словацкия, румынские, ни сколько не отличаются, по характеру постройки, от мадьярских фалук, и что во многих странах, имеющих сходные с Венгриею географические условия, тоже встречаются местечки подобного рода. Так, например, во французских ландах, жителей которых никто не считает потомками каких-нибудь кочевых наездников, многие деревни совершенно похожи на селения большой Венгерской равнины. Такия поселения мы находим даже в Соединенных Штатах Северной Америки, в прериях дальнего запада; там колонисты, пришедшие из всех частей Европы и подверженные самым разнообразным наследственным влияниям, строят себе, по одинаковому плану, группы домов, которые своим общим видом напоминают поселения на берегах Тиссы. Причину этого явления нужно искать в сходстве условий географической среды. Однообразие равнины, отсутствие холмов, вокруг которых населению было бы выгоднее группироваться, малая ценность земли везде имели одно и то же следствие, везде позволяли жителям разбрасывать свои жилища на весьма значительном пространстве, за которым во все стороны тянется угрюмая пустыня. Но нигде в Европе это явление не выразилось в такой характерной форме, в таких замечательных размерах, как в Венгрии. Иностранца поражает обширность венгерских городов, каковы, например, Сабадка, Кечкемет, Дебречин, Феледьигаза, где все ули-

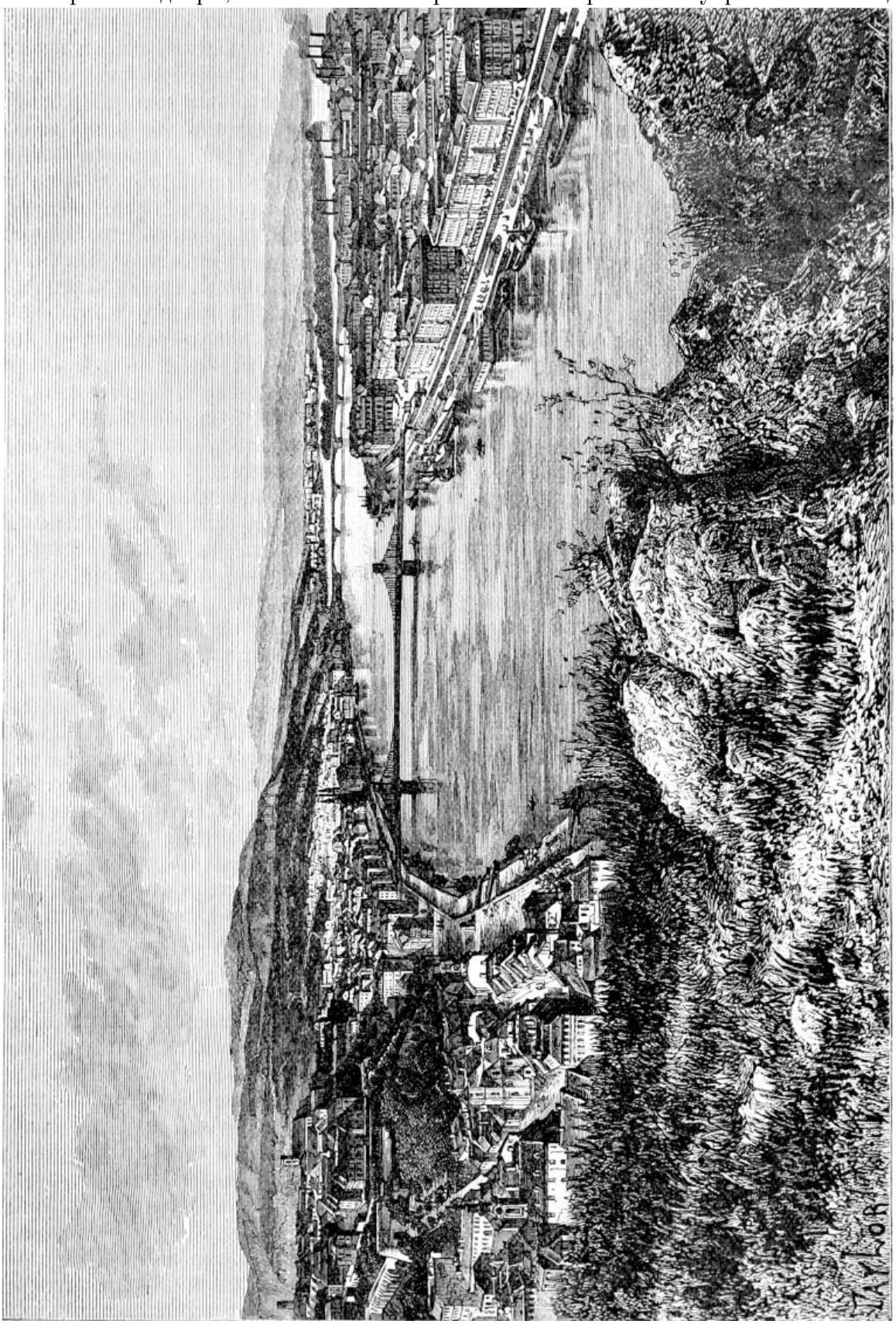
цы, окруженные стенами и обширными садами, представляют однообразный вид, но довольно приятный для глаза, с их белыми домиками, утопающими в зелени. Правда, эти группы домов носят название «городов» и «местечек»; но есть и «деревни» с десятитысячным населением, а в селе Орошгаза насчитывают даже около пятнадцати тысяч жителей. В среднем, города Альфельда расположены каждый на пространстве 60 квадратных километров; каждое мадьярское местечко есть второй Вашингтон по своим «великолепным расстояниям». Сабадка (Слободка), или Мариа-Терезиаполь, как ее называют немцы, занимает не менее 896 квадратных километров: это целая провинция, перерезанная бесконечными правильными аллеями, по сторонам которых стоят ряды домов, разделенные промежутками.

Буда-Пешт (по немецки Пешт-Офен, Pest-Ofen), как столица Венгрии, разумеется, скорее других городов принимает европейский вид; вместе с тем и население его возрастает гораздо быстрее, чем в других венгерских городах. Население Буды и Пешта: в 1720 году 14.000 жителей, в 1870 г. 270.000 жит.; в 1881 г. 370.770 жит.; по переписи 31 дек. 1890 г., 486.671 душ гражданского населения и 14.147 чел. войска; по исчислению санитарного ведомства в июле 1895 г., около 540.000 душ. По переписи 1890 г., насчитывалось жителей мадьярского языка—326.533; немецкаго—115.573; славянских языков—27.126. Прекрасная река, имеющая в самом узком месте около 400 метров ширины, Офенский холм и господствующие над ним более значительные высоты, придают всему пейзажу благородный характер, возвышающий красоту общего вида этого обширного двойного города. Дворцы, окаймляющие левый берег Дуная, здания, стоящие на противоположном берегу на холме Буды, древнем кремле или акрополе города, висячий мост о трех пролетах, соединяющий центры двух городов-близнецов, железный виадук, с изящными аркадами, проведенный между предместьями обоих берегов ниже острова Маргариты, многочисленные маленькие пароходы, беспрерывно снующие от одного берега к другому, и большие паровые суда, спускающиеся или поднимающиеся по реке, высокие колокольни и позлащенные куполы церквей—все это придает венгерской столице грандиозный вид, которого недостает многим другим более значительным городам. Камень, из которого построен Буда-Пешт,—известковая плита, совершенно похожая на известняк, употребляемый для построек в Париже. Венгерская столица ростет и возвеличивается не только вследствие могущественного притяжения, оказываемого ею, как политическим центром, на всю Транслейтанию, но также благодаря своему положению в соседстве с большим дунайским коленом и на поперечной линии низменностей, которая, проходя через озеро Балатон, следует вдоль основания высот северной Венгрии; она является естественным центром торгового обмена и складочным местом земледельческих произведений и товаров, направляемых к Черному и Адриатическому морям. Промышленная деятельность города довольно значительна; между промышленными заведениями его особенно выдаются паровые мукомольные мельницы, на которых работает свыше 3.000 человек, и которые ежегодно поставляют около 4.600.000 метр. центнеров муки и 1.300.000 цент. отрубей. Самая темная сторона венгерской столицы—это её относительно неблагоприятное санитарное состояние. Между многолюдными городами Европы, Буда-Пешт отличается своею большой смертностью, которая происходит не только от резких перемен климата, но и от нищеты, которая здесь очень велика. В Пеште насчитывают целые тысячи несчастных обоего пола, неимеющих средств добыть себе постоянную комнатку или угол в подвальном этаже и принужденных довольствоваться соломенною постелью, нанимаемою на ночь; более 5.000 семей живут в подвалах. Быть может, ни в одном из больших городов Европы число поденщиков, мастеровых, чернорабочих, прислуги, людей, перебивающихся личным трудом изо дня в день, не бывает так велико, как в столице Венгрии, где оно, в среднем, превышает 100.000 лиц[1]. Эта сильно распространенная бедность и объясняет, почему эпидемии так часто свирепствуют в Буда-Пеште и его предместьях. Средняя смертность (1868-1870 гг.): 43 на 1.000; (1876 г.): 41 на 1.000; (1880 г.): 35 на 1.000.

Между достопримечательностями венгерской столицы первое место, по богатству храня-

1 Iosef Corosi, „Die Hauptstadt Buda-Pest, im Jahre 1881“.

щихся в нем сокровищ науки и искусства, занимает Национальный музей, обширное здание, с перистилем, откуда Петефи говорил речь к народу, чтобы увлечь его к восстанию против Австрии. Мадьяры, исполненные патриотического рвения к украшению и поднятию



Буда - Пештъ.

блеска своей столицы, стараются всеми силами об увеличении сокровищ науки и искусств, и в галлереях музея постоянно теснится толпа посетителей, привлекаемая вновь приобретенными картинами, статуями или коллекциями. Часть здания, посвященная естественной ис-

тории, содержит около 300.000 экземпляров животных всякого рода, богатые гербарии, прекрасную коллекцию ископаемых и, между многочисленными образцами минералов, драгоценные камни и великолепные кристаллы, полученные из северной Венгрии, Баната и Трансильвании, где горные породы, как известно, отличаются большим разнообразием. Кабинет до-исторических древностей принадлежит к любопытнейшим собраниям этого рода во всей Европе. Венгрия, которую еще недавно считали очень бедною остатками древних цивилизаций, предшествовавших писаной истории, теперь оказывается одною из стран, где эти остатки существуют в большом обилии: их находят здесь во множестве в почве болот, в могильных курганах, в отвалах рудников, и большая часть этих драгоценных находок поступает в Национальный музей; особенно замечательна коллекция до-исторических орудий из чистой меди, присланных из Трансильвании, где найдены целые груды таких орудий весом в несколько центнеров. Между древними надписями и монетами, в числе 90.000 экземпляров, есть также много в высшей степени важных письменных памятников; особенный интерес этому эпиграфическому музею придает то обстоятельство, что он весь составлен из предметов, найденных в крае, и, следовательно, по хранящимся в нем древностям, можно воспроизвести в общих чертах местную историю Паннонии[1]. Этнографическая коллекция, собранная большею частью путешественником Ксантусом на средства, ассигнованные нациею, тоже очень интересна. Наконец, художественный музей заключает в себе, рядом с несколькими античными картинами, произведения кисти венгерских живописцев и любопытные старинные портреты, могущие служить пособием для изучения венгерской истории. Большая картинная галлерея, называвшаяся прежде музеем князей Эстергази, который составлял одно из украшений Вены, переведена в Пешт в 1869 году; она содержит несколько образцовых произведений искусства, между прочим, одно «Ecce Homo» (изображение Спасителя в терновом венце), которое приписывают кисти Рембрандта, и коллекцию рисунков и гравюр, в числе слишком 50.000 экземпляров. Кроме того, Пешт имеет несколько больших библиотек; главная из них, находящаяся в Национальном музее, содержит уже около 250.000 сочинений и 12.000 рукописей; она увеличивается каждый год, средним числом, на 18.000 томов книг и на 18.000 других письменных памятников. Честолюбие венгерцев состоит в том, чтобы иметь в своей национальной библиотеке все, что относится к их отечеству; сюда же помещены и драгоценные томы собрания Corvina, которые султан недавно велел возвратить Венгрии, в знак дружбы. Теперь Пешт, наравне с Лондоном, есть самый богатый из городов Европы по количеству собранных в нем книг этой знаменитой библиотеки, для которой венгерский король Матвей Корвин постоянно держал тридцать переписчиков и раскрашивателей и несколько печатных станков. Между многочисленными учеными обществами Пешта, из которых важнейшее академия наук, есть также географическое общество, насчитывающее в своей среде более 500 членов. В Пештском университете в 1891 г. было 235 профессоров и доцентов и 3.502 слушателя, а библиотека его состояла из 210.000 томов (при университете 8 клиник и курсы для акушерок); в политехническом институте в 1891 г.: 75 преподавателей и 637 слушателей.

Буда, под крепостным холмом которой пробит туннель, соединяющий две части города, и на высоты которой взбирается зубчатая колесная железная дорога, имеет преимущественно значение, как центр главного управления, гражданского и военного; её дворцы, её министерства, которые предположено перестроить в роскошном виде по одному общему плану, представляют интерес разве только по связанным с ними историческим воспоминаниям: здесь, между прочим, хранится знаменитая корона св. Стефана. У подножия холма, недалеко от большего чугунного моста, древних римских терм и предместья Старая Буда (O'Buda), древнего Aquincum, находится магометанская святыня: это знаменитая могила турецкого святого Гюль-Баба («Отец Роз»), сохранение которой было выговорено специальною статьею Карловицкого трактата, заключенного в 1699 году; турецкие пилигримы до сих пор каждый год приходят на поклонение этой святыне, и недавно их мадьярские друзья, из по-

1 Эрнест Дежарден, „Рукописные заметки".

литической симпатии, велели исправить повреждения, произведенные в гробнице временем. На западной стороне города большая, покрытая дерном, площадь, которая тянется у самого основания городского вала и которая теперь служит полем для маневров, тоже есть нечто в роде святого места для венгерских патриотов: здесь, на так называемом «поле крови» пали, в 1795 году, головы Мартиновича и других венгерцев, обвиненных в «якобинстве».

Окрестности Буда-Пешта богаты увеселительными местами. Остров Маргариты, увеличившийся вследствие произведенных работ по регулированию русла реки, покрыт рощами и лугами; кроме того, там находится прекрасное заведение минеральных вод, с артезианским горячим источником. На северной и восточной стороне города тянутся сады и большой парк; многочисленные замки, окруженные деревьями, рассеяны по большой равнине Ракош, где в былые времена мадьяры, все верхом на конях, держали свои шумные сеймы, то для избрания королей, то для обсуждения законов или решения вопроса о какой-нибудь новой военной экспедиции[2]; говорят, иногда здесь, во время народных собраний, число раскинутых шатров доходило до восьмидесяти тысяч. Далее, в северо-восточном направлении, находится дворец Геделле, служащий часть года резиденциею государя. Но самые живописные ландшафты представляют холмы в окрестностях Буды, усеянные виллами, куда жители Пешта отправляются толпами в праздничные дни. С горы Геллертечьи (по-немецки Блоксберг), возвышающейся на юге от Буды, и её предместья Табан, или «Сербский город», открывается обширный вид на Дунай, его острова и оба города-близнеца, с их окрестностями. Прежде на этой горе была обсерватория, которую австрийцы превратили в цитадель для того, чтобы держать город под жерлом своих пушек.

Из городских общин Венгрии всего более походят на города Германии, по скученности значительного населения на небольшом пространстве, те, которые находятся в соседстве с Австриею и на большом водном пути из Вены в Пешт. Пресбург (по-мадьярски Pozsony), представляющий собою западные ворота Венгрии, есть один из таких городов с немецкою физиономиею: громадная полуразвалившаяся масса древнего четыреугольного замка, господствующая над городом, позлащенная верхушка купола кафедрального собора и многочисленные дворцы аристократии напоминают прежнюю важность Пресбурга, как места коронования венгерских королей; с не давнего времени он имеет университет. Кроме того, город этот замечателен тем, что здесь был подписан мир 1805 г., после аустерлицкой битвы. Ниже по реке идут города: Дьер (по-немецки Рааб), один из больших рынков Европы по хлебной торговле, и Генье, пристань Дьера на главном рукаве Дуная. При слиянии Вага и Дуная лежит город Комаром (Коморн), защищенный валами и бастионами, которые в 1849 г. последние достались в руки австрийцев. Против Коморна, на правом берегу Дуная, расположен город Старый Сеньи (O'Szony), древний Bregetio, бывший резиденциею римских императоров Валентиниана I и Валентиниана II. Далее, встречаем Эстергом (Ezstergom) или Гран, где король св. Стефан был коронован в 1000 г.; в настоящее время этот город служит резиденциею примаса Венгрии; из зданий его заслуживает внимания массивный кафедральный собор, стоящий на холме. На противоположном берегу Дуная, в самом углу, который образует изгиб реки, круто поворачивающей на юг, лежит город Вац (Vacz, по-немецки Вайцен).

В юго-западной части Венгрии, между Дунаем и Дравою, самый замечательный город— Белград Стольный или Секеш-Фейервар (Szekes Fejervar, по-немецки Штульвейсенбург), называвшийся в средние века Alba Regia, по причине его первенства между вольными королевскими городами; деловые люди и теперь еще часто называют его, ради краткости, Альбой. Этот Белград долгое время был местом коронования и погребения венгерских королей; в древнем королевском склепе найдены многие гробницы, содержавшие, вместе с останками усопших, различные драгоценности, которые теперь хранятся в пештском Национальном музее. Город Веспрем тоже знаменит в летописях Венгрии, но он не самый многолюдный в своем комитате; по числу жителей он уступает местечку Папа (Papa), которое лежит в рав-

2 Auguste de-Gerando, „La Transylvanie et ses habitans", t.1, p. 9.

нине к северу от гор Баконьи. Далее, на запад, уже близ границ Штирии, находим древний город Sabaria, который венгерцы называют Сомбательи (Szombathely), а немцы Штейнамангер (Steinamanger), и в котором еще сохранились кое-какие остатки римских памятников. Несмотря на свой упадок сравнительно с прежним цветущим состоянием, этот город, вероятно, снова получит важное значение, так как он лежит в точке соединения четырех железных дорог и служит центральным складочным пунктом торгового движения между долиною Дравы и долиною Дуная. В настоящее время Сомбательи гораздо менее населен, чем Эденбург (Oedenburg, по-венгерски Sopron), город почти совершенно немецкий, стоящий на месте древнего римского города Скарабанции (Scarabantia), хотя немецкое его название указывает на существование здесь некогда пустыни, которая, вероятно, появилась вследствие прохода армий завоевателей, истреблявших все, что попадалось на пути; по своей торговле и промышленности, этот пограничный город, лежащий среди плодородных и хорошо обработанных полей, которые тянутся на запад от Нейзидлерского озера, находится уже в круге притяжения Вены. В окрестностях Эденбурга находятся великолепнейшие имения княжеского рода Эстергази.

Бассейн Дравы имеет, в пределах Венгрии, только торговые местечки, между которыми самое значительное Большая Канисса (Nagy Kanizsa), и один город, важный по своей торговле и замечательный по той роли, которую он играл в истории страны: это древний, некогда славянский, город Печ (Pecs) или Фюнфкирхен (Funfkirchen), построенный при основании небольшой группы холмов, изрытых естественными гротами, близ каменноугольного бассейна, деятельно разработываемого; жители, в шутку, сравнивают его с Веною: «у немцев, говорят они, есть Беч (венгерское название столицы Австрии), а у венгерцев Печ». Территория Фюнфкирхена есть одна из тех областей, обладание которыми турки и мадьяры оспаривали друг у друга с наибольшим ожесточением. На западе находится так называемый «Замок на острову» (Szigetvar), который Криньи защищал в 1566 г. с таким героизмом против Солимана Великодушного, победителя, которому не суждено было насладиться своим торжеством, и который умер в самом лагере, потеряв 30.000 своих воинов. На востоке, на берегу Дуная, стоит город Могач (Mohacs), где за сорок лет перед тем Солиман уничтожил армию короля Людовика II, павшего на поле битвы, и где турки были, в свою очередь, побеждены в 1687 г. Могач важен как главная пароходная пристань на Дунае ниже Дуна-Фельдвара и Пакса.

Область венгерских Карпатов, на границах Моравии и Галиции меньше имеет многолюдных городов, чем другие части Венгрии; но встречающиеся здесь города построены по большей части в великолепных долинах, где струятся горные ручьи и зеленеют луга. Большой Сомбат (Nagy Szombath), по-немецки Тирнау, бывший университетский город в Пресбургском комитате, получил прозвание «Малого Рима» за свои многочисленные церкви. Город Тренчен был прежде укрепленным пунктом, и его замок, превратившийся теперь в живописную руину, считался неодолимым; для снабжения гарнизона крепости водою, устроен был колодец, глубиною около 180 метров. Недалеко оттуда находятся серные ключи Тепла, которые немцы называют Теплицом, подобно знаменитым минеральным водам того же имени в Богемии. Шемниц (по-венгерски Selmeczbanya) и Кремниц (по-венгерски Kormoczbanya), замечательны, как важнейшие в Венгрии горнозаводские города, хотя размеры их производства значительно уменьшились против прежнего времени; последний из них некогда особенно славился червонцами (кремницкие дукаты) и флоринами, которые чеканились в большом количестве на его монетном дворе. Общая добыча золота и серебра из шемницких и кремницких рудников в период с 1740 по 1773 г. простиралась на сумму 263.000.000 франков. Шемниц, самый многолюдный из этих двух городов, построен в лощине между гор, открытой северным ветрам, на неровных скатах холмов, изрытых галлереями и усеянных рудниковыми отвалами, которые на поверхности покрыты охрою и распространяют в воздухе сернистый запах. В окрестностях города, по берегам реки Гарам или Гран, находятся многочисленные минеральные источники; над этою же рекою на горе стоит развалина древнего замка Саксенштейн (по-венгерски Szaszko). Быстрица (Banska Bystrica), по-

венгерски Бестерчебанья (Beszterczebanya), по-немецки Нейзоль (Neusohl), населенная славянами и мадьярами, тоже принадлежат к числу горнозаводских городов, как показывает слово banya, которым оканчивается его венгерское название, и многочисленные металлургические заведения его занимаются переработкою руды, добываемой из соседних месторождений. Из «шестнадцати городов» комитата Сепеш (Szepes) или Ципс, лежащего у подножия горной группы Татра, ни один не может быть назван значительным населенным пунктом; но многие из них посещаются летом многочисленною публикою ради их живописных окрестностей, и близ Кешмарка (Kesmark) любители загородных прогулок и больные съезжаются в большом числе на минеральные воды Татрафюред (Шмекс). Касса (Кашау), самый красивый город Верхней Венгрии, и Унгвар (Unghvar) важны как рынки для обмена продуктов и товаров между Венгерскою равниною и польским и русинским склоном Карпатов. Эперьеш (Eperjes) приобрел в истории печальную известность, как место заседаний «кровавого судилища», во время которых, в конце семнадцатого столетия, палачи императора не переставали колесовать, сжигать на костре и сажать на кол несчастных, осужденных этим судилищем. Мункач (Munkacs), большой, но печальный город, гордится тем, что он был первым пунктом, где мадьяры остановились при вступлении их в Дунайскую равнину. Сигет (Szigeth) замечателен как главный город и складочное место произведений Мармарошского комитата, тогда как на южных скатах предгорий: Токай, построенный на спаленных скалах; Мишкольц (Miskolcz), расположенный среди зеленеющих лугов долин и садов; Эгер или Эрлау, предместья которого продолжаются у основания холмов, покрытых виноградниками; Гиенгиеш, окруженный хорошенькими виллами, служат посредниками торговых сношений между областью гор и большою равниною Альфельд. В 1552 г. Эгер был обложен турецкою армиею, которая, однако, принуждена была снять осаду, потеряв под стенами этого города около 30.000 человек.

Некоторые из огромных деревень, построенных в равнинах древнего ложа Дуная, были возвышены на степень городов; но за немногими исключениями, они заслуживают это название разве только по своему многолюдству, а никак не по виду, который ничего не имеет городского. Сегед или Сегедин (Szeged, Szegedin), второй город Венгерской равнины по числу жителей, до недавнего времени был одним из тех больших, широко раскинутых местечек, которые, как говорят, походили на становища гуннов, но, благодаря своему счастливому географическому положению, при слиянии двух значительных рек Тиссы и Мароша, он сделался очень оживленным торговым пунктом, а пересекающиеся в нем железные дороги, без сомнения, сохранят за ним роль центрального рынка Альфельда; заново отстроенный, город обведен теперь тройным рядом концентрических плотин, в ограждение от опустошительных наводнений, в роде того, которое постигло его в 1879 г. Многие другие города тоже имеют важное значение, как пункты пересечения рельсовых путей и больших дорог, таковы: Цеглед (Czegled), на юго-востоке от Буда-Пешта; Сольнок (Szolnok), среди прибрежных болот Тиссы; Пушпек-Ладаньи (Puspok Ladany); Чаба (Csaba); Дебрецен или Дебрецин (Debreczen, Debreczin), город мадьярский по преимуществу, «Рим» венгерских кальвинистов и бывшее временное местопребывание правительства во время войны за независимость; Собосло (Szoboszlo), лежащий на берегу извилистого рукава древней реки, изменившей свое течение; Ньиредьигаза (Nyiregyhaza), населенный преимущественно словаками; Сатмар-Немети, лежащий в самом углу Венгерской равнины, на высоте 123 метров над уровнем моря; Большой Варад (Nagy Varad) или Гросвардейн, на р. Быстрой Кереш, при входе в одно из главных дефиле, ведущих в Трансильванию. Этот последний город часто бывал главною квартирою турок, когда они господствовали в Венгрии; им приписывают введение одного нильского растения (nymphaea thermalis), которое растет в бьющих ключом водах Пюшпек-Фюрде, невдалеке от Гросвардейна[1].

Некоторые из больших центров населения находятся на берегу Дуная, или в непосредственном соседстве с этою рекою. Таковы, например, города Калоча (Kalocsa) и Байя (Baja).

1 Артур Паттерсон, „The Magyars and their country", t. II, p. 338, 339.

Зомбор, на севере от Бачки, названной так по имени города Бач (Bacs), пришедшего в упадок, лежит не на Дунае, а на канале императора Франца, который соединяет эту реку с её притоком Тиссою, сокращая путь судов почти на 190 километров. Новый Сад (по-венгерски Уй-Видек, по-немецки Нейзац) расположен на северном берегу Дуная, под пушками крепости Петроварадин или Петервардейн, командующей другим берегом, и на западе от знаменитого плато Титель, которое окружено водами и болотами Тиссы. Панчова (по-сербски Pancova или Pancevo, по-мадьярски Pancsova), лежащая при впадении в Дунай р. Темеш, ниже Белграда, населена преимущественно сербами, как и города противоположного берега.

По берегам Тиссы, которая на всем своем течении принадлежит Венгрии, большие центры населения, вообще говоря, многочисленнее и значительнее, чем в соседстве главной реки. В комитате Яскун-Сольнок (Ioszkun-Szolnok) замечательны многолюдные местечки: Сольнок, Яс-Береньи (Iasz-Bereny), близ которого, по преданию, похоронен Аттила, грозный царь гуннов; далее Карцаг (Karczag), Терек-Сент-Миклош (Torok-Szent-Miklos) и Мезе-Тур (Mezo-Tur). Между Сольноком и Сегедом Тисса омывает Чонград и Сентеш (Szentes), недалеко от городов Большого Кереша (Nagy Koros), Кечкемета (Kecskemet), славящагося своим земледелием, особенно плодоводством, Феледьигазы (Felegyhaza) и Год-Мезе-Вазаргельи (Hod-Mezo-Vasarhely), из которых два первые находятся в равнинах запада, а третий—на востоке от названной реки. Ниже Сегеда находим Старую Каниссу (O'Kanizsa), порт большего города Сабадки (Szabadka) или Мариа-Терезиаполя, лежащего на западе в пусте; затем следует Зента (Zenta), близ которой знаменитый австрийский полководец, принц Евгений Савойский, одержал, в 1697 году, большую победу над турками. На востоке оттуда находится весьма важный торговый город Большая Кикинда (Nagy Kikinda). Город Большой Бечкерек (Nagy Becskerek) лежит на канализованной реке Беге, притоке Тиссы, в болотистой области, где останавливаются воды наводнения, отливающие на север от места слияния Тиссы с Дунаем.

Река Кереш, впадающая в Тиссу близ Чонграда, орошает в своем течении, причисляя сюда и течение Белой Кереш, поля в округах Дьюла, Бекеш, Дьома и Сарваш. Река Марош, более важная, как торговый путь между центральною Венгриею и Трансильваниею, охраняется крепостью Арад или Арадвара (Aradvara), расположенною рядом с Старым Арадом (O'Arad), который, по своей промышленности, принадлежит к числу деятельнейших городов Венгерской равнины. Недалеко оттуда, у подножия последнего отрога Бигарских гор, находится деревня Вилагош (Vilagos), пользующаяся печальною известностью у венгерцев, по причине капитуляции Гергея, в 1849 г., которою окончилась война за независимость Венгрии. Ниже Арада тоже есть несколько больших местечек, между которыми самое многолюдное—Мако (Mako). В пусте, простирающейся к северу от р. Мароша, находится знаменитый конский завод Мезегедьеш, к которому принадлежит обширное пространство земли, величиною более 16.000 гектаров, и в котором иногда бывает до 8.000 лошадей.

Темешвар (Temesvar), крепость и бывший главный город Баната, оспаривает у Старого Арада первенствующую роль между городами юго-восточной Венгрии; кроме того, в этой области есть еще несколько значительных групп населения, каковы Вершец (Versecz) и Олах-Лугош (Olah-Lugos), названный так по положению его в валашской земле; но здесь начинаются уже горы, и даже важнейшие местечки, каковы Караншебеш (Karansebes), Оравица (Oravicza), замечательная своими рудниками Мегадиа (Mehadia), по численности своего населения значительно уступают населенным местам пусты, где даже деревни, удаленные от всякой реки и от всякой железнодорожной линии, как, например: Бесерменьи (Boszormeny), Нанаш (Nanas), Галаш (Halas), имеют каждая свыше 10.000 жителей. Недалеко от Мегадии, к востоку от неё, в другой долине, находятся минеральные воды, самые модные и наиболее посещаемые во всей Венгрии, известные под именем «Терм Геркулеса».

Клаузенбург (Klausenburg, по-венгерски Kolozsvar, по-румынски Cluc)—самый многолюдный город Трансильвании: это естественный центр мадьярских жителей плоской возвышенности и местопребывание их главных школ. Во времена римлян он назывался Напока

(Napoca) и был одним из значительнейших городов Дакии; впоследствии он сделался немецким городом, и от этой эпохи в нем сохранились еще кое-где стены и большие четыреугольные башни, которые придают ему живописный вид; теперь за городским валом, по берегам Самоша и на соседних холмах, раскинулись обширные предместья; один из этих холмов усеян бараками, в которых живут цыгане. В трансильванской части течения Самоша встречаем только три города—Самош-Уйвар (Szamos-Ujvar) или Герла, по-немецки Арменienштад (Армянский город), хорошо известный своею армянскою общиною; Деeш (Dees), где, по преданию, венгры и секлеры признали друг друга братьями, и Быстриц, окруженный великолепными лесами, который некогда был одним из главных складочных мест торговли славянского Востока. Близ истоков Самоша, в соседстве с границею Буковины, находятся пользующиеся известностью минеральные воды в местечке Радна, возникшем на месте Ротенау, колонии первых саксонских поселенцев, разрушенной татарами[1].

Река Марош, пересекающая Трансильванское плоскогорье по всей его ширине, не имеет больших городов на своих берегах. Важнейший из лежащих по этой реке городов—Марош-Вашаргельи (Maros-Vasarhely), где секлеры составляют большинство населения. После соединения с «Золотою рекою», которая выходит из главной горнозаводской области и протекает через городок Торда или Торенбург (Thorda, Turda, Thorenburg, древняя Потаисса), замечательный своими соляными копями, Марош спускается на юго-запад, извиваясь у подножия соленосных утесов Марош-Уйвар, где разработка соли производится более правильным способом, чем во всякой другой части Трансильвании. Ниже большего Эньеда (Nagy Enyed), эта река принимает в себя приток Кюкюлле или Кокель, главная ветвь которого, южная, бежит по одной из самых населенных и богатых историческими воспоминаниями областей; в этой долине Большого Кокеля находятся города: Удваргельи (Udvarhely), где встарину происходили народные собрания секлеров; живописный Шегешвар (Segesvar) или Шесбург (Schasjburg, Sigichoara), близ которого погиб, в 1849 г., без сомнения, на поле битвы, благородный Петефи, величайший венгерский поэт. Ниже по реке лежат города Элизабетштадт, населенный преимущественно армянами, и Медьеш или Медиаш (Megyes, Medienchou), который тоже некогда был местом народных собраний и сеймов. Ниже впадения Большего Кокеля, Марош течет к Карлсбургу или «Белграду» (Belgradou, по-венгерски Karolu-Fejervar, древний Apulum), названному так по причине важного места, которое он некогда занимал между городами страны: в его прекрасном романском соборе, паперть и капители которого украшены замечательными скульптурными работами, короновались трансильванские князья; здесь же положены смертные останки великого Гуниада. Ниже Карлсбурга и его виноградников, дающих превосходные вина, Марош, усиленный рекою Стрель, проходит мимо города Дева (Deva), цитадель которого, разрушенная в 1848 г., расположена на холме правильной формы, напоминающем конус вулкана: эта крепость прежде защищала вход в Трансильванию с востока, подобно тому, как Арад сторожил его с западной стороны. Далее, на юге, проход «Железных Ворот», где берут начало воды, изливающиеся в Марош, охранялся укреплениями древнего города Ульпия Траяна, сменившего дакийский город Сармизегетуза; теперь в этой области Трансильвании встречаются только деревни и незначительные местечки. В одной из боковых долин расположен городок Вайда Гуниад (Hunedoare), куда венгерцы ходят на поклонение исторической старине—замку, построенному «вайдою», то-есть воеводою Гуниадом, имя которого до сих пор пользуется большою популярностью между румынами и мадьярами. В настоящее время работают над реставрациею этого старинного дворца.

Самый богатый город Трансильвании находится в бассейне р. Алюты (Ольты): это Брассо или Брасов, известный более под его немецким названием Кронштадт, хотя «саксонцы» составляют в нем только треть населения; но он окружен венгерскими и румынскими деревнями, из которых главная называется Госсуфалу (Hozszsufalu или Satu Loupgu). Далее, Алюта направляется к Фогарашу, затем, приняв в себя ручей, спускающийся от Гер-

1 Auguste de Gerando, „La Transylvanie et ses habitans“, t. II, p 136.

манштадта, церковного центра саксонцев, она бежит на юг и вступает в Румынию, через дикое ущелье, называемое дефилеем Красной Башни. Германштадт (по-венгерски Nagy Szeben, порумынски Sibiu, древний Cedoniae), называемый турками «Красным городом», со-

Заксенштейнъ.

ставляет ключ Венгрии для всякой армии, вторгающейся с юга; он имеет совершенно немецкий вид, и даже представляет более совершенный тип «саксонскаго» города, чем города западной Германии, именно потому, что он мало изменился: это сонный город, без всякого

оживления, населенный преимущественно чиновниками, служащими и солдатами.

Важнейшие городские общины Венгрии, с цифрою населения в конце 1890 г. (в круглых числах):

По сю сторону Дуная (Dunan innen): Буда-Пешт—492.000 жителей (540.000 в 1895 г.); Сабадка (Мариа-Терезиаполь)—72.740; Пресбург (Pozsony)—52.400; Кечкемет—48.500; Зомбор—26.400; Чеглед—27.550; Феледьигаза—30.330; Большой Керош (Nagy Koros)—24.580; Зента—25.725; Байя—19.485; Калоча—18.170; Шемниц—15.280; Галаш—17.000; Вац или Вайцен (1880 г.)—13.200; Старая Канисса (О-Канисса)—15.500; Эстергом (Гран)—12.000; Бестерчебанья (Нейзоль)—7.500; Кремниц—9.180.

По ту сторону Дуная (Dunan tul): Дьер (Рааб)—22.800 жителей; Печ (Фюнфкирхен)—34.000; Белград Стольный (Штульвейсенбург)—28.000; Эденбург (Шопроньи)—27.000; Папа—14.260; Коморн (Комаром)—13.076; Дуна-Фельдвар—12.360; Могач—14.400; Веспрем или Весприм (1880 г.)—12.575; Большая Канисса (Надьи-Канисса)—20.620.

По сю сторону Тиссы (Tiszan innen); Касса (Кашау)—29.000 жителей; Мишкольц—30.000; Мезе-Тур—23.760; Эгер (Эрлау)—22.430; Сольнок (1880 г.)—18.250; Дьендьеш—16.124; Карцаг—18.200; Терек-Сент-Миклош (1880 г.)—16.045; Унгвар (1880 г.)—11.000; Эперьеш—10.370.

По ту сторону Тиссы (Tiszan tul): Сегед (Сегедин)—87.000 жителей; Дебрецен (Дебречин)—57.000; Год-Мезе Вашаргельи—55.000; Темешвар—40.000; Старый Арад—42.000; Чаба—34.000; Большой Варад (Гросвардейн)—39.000; Сентеш—31.000; Мако—33.000; Сарваш (1880 г.)—22.500; Ньиредьигаза—27.000; Бекеш—25.000; Яс-Береньи—24.331; Вершец (1880 г.)—22.330; Большой Бочкерек—21.934; Гайду-Бесерменьи—21.238; Новый Сад (Нейзац)—25.000; Большая Кикинда (Надьи-Кикинда)—22.770; Дьюла—20.388; Сатмар-Немети (1880 г.)—19.710; Чонград—20.802; Орошгаза—19.956; Печка—8.336; Панчова—17.948; Гайду-Нанаш—14.457; Большой Карольи (Надьи-Карольи)—13.475; Большая Салонта (Надьи-Салонта)—12.650; Гайду-Собосло—14.728; Олах-Лугош—11.700.

Трансильвания (Erdely): Кронштадт (Брассо)—31.000 жителей; Клаузенбург (Колосвар)—3 3.000; Германштадт (Большой Себен)—21.465; Марош-Вашаргельи—14.212; Карлсбург (Karoly-Fejervar)—8.170.

Глава VII Галиция и Буковина

Австрийская Польша и Червонная Русь

Галиция и Буковина, лежащие по другую сторону исполинского вала, образуемого Карпатами, принадлежат Австрии, так сказать, наперекор требованиям географии. По скату почвы, по направлению проточных вод, по климатическим условиям эти страны составляют часть большой равнины, которая простирается от Судетов до Алтайских гор. По населению, польскому и русинскому, которое занимает наибольшую часть Галиции и Буковины, они тоже отличаются от остальных провинций австро-венгерской монархии; впрочем, они вошли в состав её сравнительно недавно, около ста лет тому назад. Присоединяя тогда к своей империи закарпатские земли, венское правительство нарушало не только естественные географические границы, но вместе с тем и право населений на независимое политическое существование. Рассказывают, что императрица Мария-Терезия, прежде чем подписать тайный договор о разделе, будто бы сказала, что она «пятнает свою честь и репутацию из-за ничтожного клочка земли»[1]. Но, как выразился король прусский Фридрих II, «она всегда плакала, когда приходилось брать, и все-таки брала». По разделу 1772 г., Австрия приобрела всю

1 Himly, „Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale", t. II, p. 145.

страну по верхнему течению Днестра и область верховьев Сана и Буга, с городами Галич, Львов, Броды; затем несколько лет спустя, ей удалось прибавить к этому подарку часть территорий, взятых у Турции русскими, и русинско-румынская область Буковина была присоединена к русинской и польской Галиции. В 1795 году, новый договор, заключенный в Петербурге, увеличил австрийскую территорию другим куском, отрезанным от Польши по обе стороны Вислы; наконец, в 1846 году, Австрия разорвала трактат, продиктованный некогда ею самою, и уничтожила маленькую Краковскую республику, последний обломок прежней Польши, для того, чтобы включить его в состав своих обширных владений. Часть Галиции, впрочем, очень незначительная, была соединена в отношении управления с соседнею Венгриею, северные области которой заняты населением, имеющим одинаковое происхождение с большинством галицийских жителей. За исключением комитата Сепеш (Сепазия), над которым господствует горная группа Татра, вся остальная территория Галиции, равно как и территория Буковины, поставлены в прямую зависимость от правительства немецкой Австрии, с которым они могут поддерживать непосредственные сношения не иначе, как путем, делающим большой крюк через славянские и германские земли Силезии и Моравии.

	Пространство	Население 31 дек. 1890 г	Километрич. население
Галиция	78.532 кв.кил.	6.607.816 жит.	84 жител.
Буковина	10.456 „ „	646.591 „	62 „

Карпаты, расположенные в форме длинного полукруга, почти на всем своем протяжении отличаются большею крутизною склона, обращенного к наружной стороне; самые отлогие и наиболее удлиненные их скаты находятся с внутренней стороны, то-есть со стороны Венгрии, и потому там горы более доступны; северным же своим склоном, обращенным к Галиции, они образуют естественную границу, гораздо более серьезную и даже трудно переходимую, потому что многие долины, вместо того, чтобы спускаться прямо к равнине, изгибаются под прямым углом и отчасти загорожены передовыми отраслями гор, идущими параллельно направлению главной системы. Притом же ни главный гребень Карпатов, ни линия водораздельных высот между речными бассейнами не составляют точной границы между этими двумя соседними странами. Венгрия почти везде вдается своею территориею в пределы галицийского склона Карпатов. Ей принадлежат самые высокие вершины и наибольшая часть центральной горной группы, Татры, равно как и вся верхняя долина реки Попрад, притока Вислы, через Дунаец. Австрийская Польша и Червонная Русь имеют лишь небольшое число вершин, превышающих 2.000 метров; но зато с их низменных равнин Карпаты являются во всем своем величии, с их обрывами и кручами, с их зеленеющими пажитями и густыми лесами, при основании, составляющими резкий контраст с голою скалою вершин и с белыми полосами снега, который почти круглый год лежит на отлогостях, обращенных к северу. После Татры, самое грандиозное зрелище в этой системе гор представляют восточные Карпаты, где склоны еще большею частью покрыты громадными лесами, из которых там и сям выступают белые стены скал. Буковина в гористой её области все еще заслуживает свое славянское название, означающее «страну буков». Вокруг массива, над которым господствует Черна-Гора (Черная гора), близ общих границ Венгрии, Трансильвании и Буковины, леса тянутся, без перерыва, на пространстве многих сотен верст[1]. В южной части края, на границах молдавской территории, возвышается несколько трахитовых вершин, которые контрастом своих форм еще более увеличивают живописную красу целого; но в некоторых областях галицийских Карпатов, именно в округах Станиславовском и Коломыйском, долины бедны проточными водами: это происходит оттого, что вода уходит внутрь земли, через трещины в известняках или через многочисленные воронки, открывающиеся в скалах, и снова появляется на поверхности уже где-нибудь в равнине, далеко от места исчезновения.

Хотя у северного основания Бескидов и Карпатов встречаются гладкия равнины, каковы, например, равнины, где соединяются Сан и Висла, и болотистые местности, где соби-

1 Broilliard, „Revue des Deux Mondes“, 1 апреля 1877 г.

раются первые воды Днестра, но рассматриваемая в целом низменная Галиция представляет волнистое плоскогорье, среднее возвышение которого не менее 250 метров. Она служит водораздельною возвышенностью между бассейнами Балтийского и Черного морей. Вследствие изгиба, образуемого в этом месте Карпатским хребтом, реки должны расходиться на подобие радиусов в разные стороны; одни из них направляются на север, к Висле, «Белой реке» древних славян, другие на восток, к извилистому Днестру; иные даже на юго-восток и на юг, к Пруту и Серету. На севере от впадины, по которой течет Днестр, параллельно оси Карпатов, почва Галиции мало-по-малу опять поднимается по направлению к русской Подолии. Ручьи, спускающиеся с этих высот, прорыли себе в пластах третичной формации глубокие русла, похожия на огромные рвы; таким образом, плоскогорье является изрезанным водами на громадные четырехугольные массы странного вида. Дно долин, вдоль бегущих по ним речек и ручьев, занято лугами и нивами, тогда как возвышенные земли по большей части покрыты еще густыми лесами, которые во многих округах до сих пор сохранили свою первобытную красу. Говорят, что Пустельницкий бор, между Жолкевом и Бродами,—самый величественный из сосновых лесов Европы; в нем на значительном пространстве каждый гектар ($^{9}/_{10}$ десятины) содержит, круглым счетом, сотню дерев, имеющих более полуметра в толщину и от 45 до 50 метров в вышину. Приводим высоту некоторых пунктов Галиции и Буковины, выраженную в метрах:

Гора Воловец (Татра)—2.065, гора Ваксмундска (Татра)—2.192, Бабья гора (Babia Gora, в цепи Бескидов)—1.720, Дзумален (Буковинские Карпаты)—1.793, Тернопольское плато—431, выход Вислы—142, выход Днестра, самая низкая точка Галиции—88, Краков—217, Львов—278.

Галиция, хотя она и лежит в центре европейского континента, получает более значительное количество дождевой воды, чем можно бы было предположить на первый взгляд. Широкая ложбина или долина, которую она занимает между Карпатами на юге и плоскогорьями западной Польши и Подолии на севере, служит естественным путем дождливым ветрам, которые дуют от Северной Атлантики и Немецкого моря к Понту Эвксинскому; этим и объясняется тот факт, что среднее количество дождей в этой стране никак не менее того, которое выпадает во Франции между океаном и Средиземным морем. Слой дождевой воды, выпадающей впродолжении года: во Львове 72; в Кракове 57; в Буковине 58 сантиметр. Но если по относительному обилию атмосферных вод Галиция пользуется климатом сходным с климатом приморских стран, то, с другой стороны, это край совершенно континентальный по свойственным ему крайностям температуры. Прилегающее с севера невысокое подольское плато представляет равнинам Галиции очень слабую защиту от холодных ветров Ледовитого океана, тогда как на юге и юго-западе исполинская стена Карпатов задерживает теплые ветры Средиземного моря. Общее расположение края таково, что поверхность его обращена как-раз на северо-восток, а с этой-то именно стороны и ударяют атмосферные течения, идущие от полюса. Вследствие этого, летом в Галиции господствуют сильные жары, а зимою стоят страшные холода. Годовая разность температуры во Львове составляет 68° Цельсия, летния жары доходят до 38°, а зимние холода до 32°. Обыкновенно морозы продолжаются без перерыва в течение трех месяцев. В Тарнополе, в холмах Подолии, средняя температура держится впродолжении пяти месяцев ниже нуля. Привыкши к этому суровому климату, горцы Бескидов и Карпатов, которые каждый год спускаются в равнины Венгрии и низменной Австрии искать заработков в качестве чернорабочих или разнощиков, не легко переносят перемену климата и часто бывают больны; они возвращаются в свои дорогия горы бледные, исхудалые, страдающие лихорадкою.

На северной стороне Карпатов, борьба рас не приводит к столкновениям между славянами и мадьярами, как в Венгрии, ни между славянами и немцами, как в Моравии и Богемии. Венгерцев в этой стране совсем нет; а немцы, или «швабы», как их обыкновенно здесь называют, сравнительно немногочисленны, и, живя по большой части иностранцами среди иноплеменного населения, они по необходимости должны привыкать говорить польским и ру-

синским языком; только в больших городах и кое-где в деревнях западной Галиции они составляют однородные колонии и могут сохранять свою родную речь, свои нравы и обычаи. Множество немцев, которые поселились в прошлом столетии, как колонисты-земледельцы,

Галиційскіе типы.

или пришли впоследствии в качестве рудокопов, совершенно ославянились, как и все их соотечественники, прибывшие в край в предшествовавшие эпохи. Так, например, немецкие эмигранты тринадцатого столетия основали деревни, названия которых, Ланьцут

(Landshut), Ланцкорона (Landskrone), до сих пор напоминают прежний язык местного населения; но это и все, что свидетельствует о первоначальной национальности жителей. Точно также потомки иностранных ткачей, фламандских и других, пришедших в Галицию в тринадцатом веке, в эпоху Казимира Великого, по большой части не сохранили никакого воспоминания о происхождении своих родоначальников; за исключением фамилий, у них теперь все польское. Если некоторые из 134 немецких колоний уцелели еще, в виде этнографических островков среди окружающего их туземного населения, то они обязаны этим различию вероисповедания. В самом деле, около четверти немецких крестьян Галиции протестанты[1], и диалект, которым они теперь говорят, ближе подходит к языку библии и духовных гимнов, чем к древнему аллеманскому наречию их предков; однако, и в их речи встречается масса славянских слов. Эти колонии немецких поселян сгруппированы преимущественно в округах Львовском и Стрыйском.

Поляки занимают, под разными именами, всю западную часть Галиции и захватывают даже австрийскую Силезию, где они известны под названием «водяных поляков» (Wasserpolaken). Эти последние из всех польских племен пользуются самою дурною репутациею у своих немецких соседей, которые смотрят на них с презрением, приписывая им наибольшую склонность к пьянству, наибольшее нравственное унижение. Но верно то, что эти «водяные поляки» живут по большей части в крайней бедности и в глубоком невежестве; потомки крепостных, они остались порабощенными, по причине голода, который постоянно преследует их и отдает их в руки первому встречному господину, всего чаще деревенскому ростовщику. Поляки, населяющие равнину у подножия Карпатов и по течению Вислы, известны вообще под именем мазуров, которое, впрочем, принадлежит полякам восточной Пруссии; они хотя и не так бедны, как силезские поляки, но тоже терпят много горя. Не имея возможности пользоваться обильною пищею, живя почти всегда впроголодь, они вялы и слабосильны; щеки у них бледные и впалые, спина рано горбится от непосильного труда. Замечательно, однако, что женщины, хотя ленивые на работу, имеют очень здоровый, цветущий вид, и составляют в этом отношении совершенный контраст мужчин: можно подумать, что они принадлежат к другой расе, чем мужчины,—до такой степени они превосходят последних физическою крепостью, они носят костюм почти азиятского вида: белый или красный платок, повязанный в форме тюрбана, кацавейку яркого цвета, из-под которой на груди видна белая рубашка. У мужчин костюмы разнообразнее, чем у женщин, причем каждая деревня имеет свои особенные моды. Несмотря на свою бедность, галицийские крестьяне любят наряжаться в яркие цвета и украшать свою одежду перьями, блестящими металлическими пуговицами, цветами, вышитыми узорами и т.п. Страшная болезнь, «колтун», свирепствующая между мазурами, и которая, как говорят, была первоначально занесена сюда татарами в тринадцатом столетии, должна быть приписана скорее всего лишениям всякого рода, а не недостатку опрятности, как полагали некоторые. У лиц, страдающих этим недугом, волоса мало-помалу сгущаются и, наконец, превращаются в одну плотно слипшуюся массу, смешанную с кусками запекшейся крови.

Поляки, населяющие Бескиды и их предгорья, известны под именем горалей или гуралей, то-есть «горцев». И они тоже живут очень бедно; жилища их, отчасти вырытые в земле, лишены всякого комфорта. Но они отличаются более крепким здоровьем, и обязаны этим, конечно, своему образу жизни, живительному воздуху гор; они вообще сильны, стройны, грациозны, ловки в движениях; почти у всех черные волосы и замечательно красивые черты лица. Эти горцы слывут за самых интеллигентных и самых любознательных между галичанами, отчего, хотя край их самый безлюдный во всей Галиции, они тем не менее съумели достигнуть гораздо большей степени благосостояния сравнительно с крестьянами равнины. Подобно своим соседям, словакам, населяющим противуположный склон Бескидов, они эмигрируют периодически и ходят на заработки в Германию, Польшу, Венгрию, где занима-

1 Rudolf Temple, „Die deutschen Colonien im Kronlande Galicien", „Mitt. der Geograph. Gesell. in Wien". 1860

ются разного рода промыслами. Во время сенокоса они спускаются партиями с гор в равнину. Размахивая своими косами, обвитыми цветами, и распевая веселые песни, они шумно вступают в города, и вскоре все население принимает участие в их веселости.

На юге западной Галиции, естественная граница, образуемая горами, служит вместе с тем и этнографическою границею. Горали не переходят за гребень Бескидов на южный склон, занятый словаками. Точно также подгаланы или польские пастухи, живущие в верхних долинах Татры, не появляются на южной стороне гор, в пределах венгерской территории. Но на востоке от этой центральной группы Карпатов очень трудно указать с точностью истинную границу между польскою областью и русинскою. Села и деревни, населенные представителями этих двух славянских семей, рассеяны по стране в беспорядке; во многих округах населения, сильно смешанные, говорят обоими языками. Вообще можно принять за раздельный пояс между двумя народностями долину Сана, одного из главных восточных притоков Вислы. Однако, преобладание принадлежит бесспорно языку поляков, которые господствовали в правительстве и администрации, и были естественными посредниками западной цивилизации; язык их берет верх над русинским наречием, которое до недавнего времени не имело ни одного истолкователя ни в народной, ни в ученой литературе; славянский диалект, употребляемый образованными жителями городов, лежащих на восток от реки Сана, есть классический польский язык. Во Львове 88 проц, жителей говорят тем же языком, как и население Кракова; в восьми галицийских округах нет ни одного русина, тогда как поляков встречаешь везде, даже около восточной оконечности провинции. Обыкновенно религия, так же, как и язык, служит отличительным признаком при определении национальности населений, ибо поляки почти все принадлежат к римско-католической церкви, тогда как их соседи исповедуют греко-униатскую веру. Мелкопоместные русинские дворяне, которых в насмешку называют «ходачковой шляхтою» (chodaczkowa szlachta, дворяне-лапотники), и которые по образу жизни почти не отличаются от крестьян, во многих местах тоже исповедуют эту религию[1]. Но владельцы крупных имений по большей части католики; однако, даже во времена польского правления, паны из униатов и православных имели место в сенате и занимали высшие должности в государстве; многие дворяне, хотя по вероисповеданию римско-католики, ходят в греческую церковь, обрядность которой им сроднее[2].

Русины или червонороссы, называемые иногда русняками с некоторым оттенком незаслуженного презрения, принадлежат к русской группе славянских наций и, вследствие различия языка и нравов, всегда были не в ладах со своими родственниками поляками. Поэтому панслависты требуют, чтобы их галицкие братья скорее вступили в общение с Русью. Однако, червонороссы отличаются от великороссов своим наречием и образом жизни, и между ними находятся потомки тысяч беглецов, которых жестокость крепостного права или угнетение принудили к добровольному изгнанию. Удалившись в верхния долины Карпатов, эти эмигранты жили там долгое время общинами почти независимыми, и отделенные от остального мира, сохранили во всей чистоте свои старинные нравы и обычаи, но вместе с тем сохранили свое невежество и суеверия. Из обитателей России—русины, по своему происхождению и народным преданиям, всего ближе подходят к малороссам Украйны; между населениями, живущими по обе стороны границы, переходы почти нечувствительны.

Смотря по округам, русины носят различные наименования. В окрестностях Тарнополя они именуют себя подолянами; на юге от Львова их называют бойками; в восточных Карпатах они известны под именем гузулов; эти последние замечательны как самые сильные, самые веселые, самые счастливые между русинами, как наиболее избегшие деморализации, происходящей от неумеренного употребления спиртных напитков; хотя в прежнее время гузулы внушали страх, как разбойники, они, однако, отличаются большею прямотою и честно-

1 Циммерман, „Ein Beitrag zur Ethnographie Ost-Galiciens“, „Mittheil. der Geographisch. Gesellsch. in Wien“, 1858.

2 Исидор Дзедушвцкий, „Рукописные заметки“.

стью, чем жители равнины[3]. Вообще русины занимают в ряду славянских наций одно из последних мест в отношении влияния и способности расширения за пределы своей среды; но как народ, одаренный поэтическою натурою, они обладают в высокой степени семейными чувствами и любовью к природе; очень склонные к музыке, они имеют песни на всякие случаи и обстоятельства жизни; у них существуют, особенно в горах, особые легенды и предания для каждого большого дерева, для каждой скалы странного вида. Относительно их характера говорят, что они добродушны, гостеприимны, услужливы, но вместе с тем легкомысленны, капризны, рабы своих страстей. Утверждают также, что, за исключением гузулов, они физически слабы и хилы, хотя вообще довольно крепкого сложения; но весьма возможно, что эта телесная слабость есть, просто, следствие их бедности, которая очень велика; может быть также, что она происходит частью от суровости постов, строго ими соблюдаемых.

В Буковине, так же, как и в Галиции, преобладающим элементом населения являются русины, но число их мало превышает число румын. Лет сто тому назад, когда Буковина еще принадлежала к Молдавии, большинство жителей, число которых с той поры увеличилось слишком в восемь раз (население Буковины в 1775 г.:—75.000 душ, по переписи 31 дек. 1890 г.:—646.502 д.), состояло из лиц румынского языка; даже те, которые были славянского происхождения, постепенно сливались с молдованами; но перемена политического режима имела, между прочим, то следствие, что она мало-по-малу оттеснила латинский элемент к югу и доставила численный перевес славянской народности. Румыны, которые везде в других местах так прочно водворяются и так успешно распространяют свою национальность, должны были в Буковине уступить напору русинских населений. Впрочем, эта страна, несмотря на её очень незначительное пространство, есть одна из тех областей Европы, где встречаются перемешанными между собою группами представители сравнительно наибольшего числа рас. По характеру населения, эти верхния долины Прута и Серета разделены между десятью различными национальностями. Кроме румынов, мы находим здесь поляков, которые переселились в край вслед за русинами; далее, мадьярских секлеров, которым стоило только перевалить через Карпаты, чтобы найти себе привольные места в равнинах, расстилающихся у подножия гор; чехов, которые были выписаны в Буковину в качестве рудокопов, и остались здесь на постоянное жительство; немцев, которые основали множество деревень, земледельческих или горнозаводских, преимущественно во времена Иосифа II. Несколько тысяч русских раскольников, принадлежащих к секте липованов или филипонов, должны были искать здесь убежища, чтобы иметь возможность беспрепятственно исповедывать свою старую веру. Точно также армяне, пришедшие в первый раз в одиннадцатом столетии и усиленные впоследствии новым приливом своих единоверцев, сгруппировались в цветущие общины в Черновице, в Сучаве и во многих других городах. К этим различным народностям, населяющим Буковину, нужно еще прибавить неизбежного еврея, необходимого посредника торговли на славянском Востоке, и кочующего цыгана, который разбивает свой шатер в лесной прогалине. По вероисповеданию население Буковины делится на восемь различных групп, но господствующая религия—греко-восточная, распространенная почти на всем славянском Востоке. Черновиц есть местопребывание патриарха, стоящего во главе всей греческой церкви Австро-Венгрии.

Из всех элементов населения с наибольшею быстротою размножается в Буковине и в Галиции, так же, как в чешских землях и вообще во всех провинциях австро-венгерской монархии, элемент еврейский. Даже до 1848 года, то-есть в то время, когда евреи еще были стеснены законом и народным обычаем, они постоянно увеличивались в числе; теперь же их семьи, вообще очень плодовитые и защищенные от распутства строгою нравственностью, роятся еще гораздо быстрее и постепенно завладевают всем краем. Около половины всех австрийских евреев живут в Галиции и Буковине; а так как большая часть их единоверцев в Польше и России скучены массами именно в прилегающих к галицийской границе округах, то эту центральную область Европы можно с гораздо большим основанием, чем Палестину

3 Циммерман, „Beitrag zur Ethnographie Ost-Galiciens“, „Mittheil. der Geograpli. Gesell. in Wien“, 1858.

или всякую другую страну земного шара, рассматривать как еврейскую землю по преимуществу. Это середина той исполинской паутины, тонкая сеть которой протянута по всему континенту.

Легко понять, что эти рои сынов Израиля без отечества, без прямой связи с почвою и туземными населениями, среди которых они живут, при том почти всегда склонных проповедывать мнение, наиболее выгодное в данную минуту, то-есть мнение политических властителей края, являются большим тормазом, ослабляющим элементом для партии, стремящейся к автономии польской или русинской. Во Львове, столице Галиции, в Кракове, в Ржешове и других больших городах евреи составляют уже около трети населения; в Бродах, в Дрогобыче они образуют большинство жителей; нет ни одного города, улицы которого не кишели бы евреями, носящими еще свой старинный типичный костюм: долгополый сюртук, лапсердак, большие сапоги, шляпу с широкими полями, осеняющими прядки волос в виде букли или так называемые пейсы, болтающиеся на щеках. Даже в тех местах, где евреи относительно малочисленны, они успевают забрать в свои руки всю торговлю, благодаря хитрости и умению вести дела, но в особенности благодаря сильно развитому между ними духу солидарности. Впрочем, одна секта евреев, как говорят, татарского происхождения, хотя сама она производит себя непосредственно и исключительно от колена Иудина, постоянно уменьшается числом последователей и, повидимому, должна скоро исчезнуть: это секта караимов. Она не признает талмуда и держится библии и преданий. Браки между близкими родственниками, допускаемые постоянно в продолжение многих веков, были, как полагают, причиною того, что это племя уменьшилось до пяти или шести десятков семейств. Как бы то ни было, большая часть караимов, отличаясь в этом отношении почти от всех других евреев, пренебрегают торговлею или ростовщичеством и занимаются возделыванием земли. Их можно встретить преимущественно в окрестностях Галича, древнего стольного города Галиции, от которого эта страна и получила свое название.

Население Галиции и Буковины в 1880 году распределялось по национальностям приблизительно следующим образом.

	Поляков	Русинов	Немцев	Румын	Евреев
Галиция	3.058.400	2.549.700	324.330	275	686.600
Буковина	18.250	239.700	108.820	190.000	67.420
	3.076.650	2.789.400	433.150	190.275	754.020

В отношении экономического развития, Галиция—одна из самых отсталых стран Европы и едва только еще вступила в период крупной промышленности. Только в соседстве городов и в западной части края, смежной с Силезиею, встречаются важные фабрики, между которыми видное место занимают мануфактуры шерстяных материй, тканей из пеньки и льна и свеклосахарные заводы. Огромное большинство населения, около четырех-пятых, занимается земледелием; но производство сельско-хозяйственной промышленности в среднем выводе не велико. Пахатные земли: Галиция 48 процентов, Буковина 28 проц. Луга и пажити: Галиция 21 проц., Буковина 26 проц. Леса: Галиция 26 проц., Буковина 43 проц. Совокупность производительных земель: Галиция 96,65 проц., Буковина 97 процентов. Несмотря на чрезвычайное плодородие почвы и обширное пространство производительных земель, Галиция и Буковина, которые, по своим естественным богатствам, могли бы быть одною из житниц мира, принадлежат к числу провинций Австрийской империи, доставляющих на рынок, сравнительно, наименьшее количество земледельческих продуктов. Многие поля в этой стране запущены и заросли дурными травами; стояния воды до сих пор местами расстилаются в низинах, заражая воздух своими вредными испарениями, хотя легко можно бы было осушить эти болотистые пространства. Да и может ли быть иначе в стране, где столько поселян, закабаленных ростовщиками, влачат такую жалкую жизнь! Во многих русинских округах лачуги, в которых живут крестьяне, и которые они сами строят для себя, сделаны из палисада, обмазанного глиною с известкою и покрытого соломенною кровлею. Пища их состоит из похлебки или жидкой каши, да из лепешек, запиваемых дрянною водкою, тою гибельною

«горилкою», для которой крестьянин забывает жену и детей. Большая часть хлеба, который необходим для непосредственного потребления в крае, продается на винокуренные заводы. Когда выдастся несчастливый год и урожай хлебов плох, бедным поселянам пришлось бы умирать с голоду, еслибы землевладельцы или евреи не выручали их маленькими ссудами, которые они должны выплачивать в следующем году. Постоянно обремененные долгами, эти крестьяне в действительности те же крепостные; переменилось одно только название. В то же время они по большей части очень невежественны; в 1876 году в Буковине существовало только одно периодическое издание—оффициальный листок правительственных распоряжений и объявлений.

Продажа леса, который с каждым годом увеличивается в цене и который очень удобно сплавлять по Висле или по Днестру, составляет один из главных рессурсов страны; вывоз скота за границу тоже имеет важное значение и принимает все более обширные размеры. Кроме того, в эти последние годы хмелеводство, почти не существовавшее в половине текущего столетия, достигло большого развития, особенно в местностях, лежащих к востоку от Львова, и пиво, напиток недавно мало известный в крае, начинает оспаривать первенство у водки. Производство хмеля в 1892 г.: 8.526 метр. центнер. Однако, галицийский хмель, хотя получающий очень лестные отзывы на выставках, не пользуется еще такою славою, как богемский, и львовские негоцианты отправляют свой хмель под обманчивым этикетом, носящим имя Заца, чешского города, наиболее известного своими хмельниками. Между отраслями земледельческой промышленности, которые делают успехи в Галиции, следует упомянуть также о табаководстве, достигшем уже значительных размеров; почти весь получаемый с галицийских плантаций табак скупается австрийским правительством. Среднее производство табаку в Галиции—5.500.000 килограм.

Минеральные сокровища Галиции лучше разрабатываются, чем её земледельческие богатства. Различные каменные пласты, которые тянутся у подножия Карпатских гор, содержат железо, цинк, свинец, серу; кое-где встречается даже золотоносный песок, из которого извлекают металл на золотопромывальнях; но несравненно более полезны, чем все эти руды, каменноугольные залежи, которые разрабатываются на северо-западе от Кракова, и потребление получаемого из этих копей минерального топлива на фабриках и заводах края возрастает с каждым годом, хотя качеством здешний уголь значительно ниже силезского[1]. Обширные копи каменной соли, между которыми первое место занимают знаменитые подземные галлереи Велички, Magnum sal древних писателей, и копи Бохнии, также весьма важные, находятся тоже, как и каменноугольные копи, на территории бывшей Краковской республики. Соляные залежи Велички состоят не из пластов в собственном смысле, но из громадных масс или груд, окруженных землею. Самые верхния, то-есть ближайшие к поверхности почвы, груды, отличающиеся очень неправильною формою и лежащие отдельно друг от друга, дают соль с большою примесью глины и песку, так называемую «зеленую соль». Ниже следует более чистая соль, которая и добывается в наибольшем количестве; наконец, самые глубокия месторождения дают очень чистую соль, которая обыкновенно легко делится на пластинки. В среднем слое соляных глыб встречается ископаемое дерево в обугленном состоянии, при том часто с листьями и плодами, которые всегда очень легко можно различить; вообще, в этом слое соляных залежей нельзя найти ни одного куска соли, в котором бы совершенно не было этих органических остатков. Кроме того, каменная соль содержит большое число раковин разной величины, которые все принадлежат к новейшим геологическим эпохам нашей планеты. Запах, распространяемый солью в Величке, у входа в копи, совершенно такой же, какой происходит от разложения медуз, выброшенных волнами на морской берег[2]. С половины одиннадцатого столетия,—эпохи, когда здесь начались первые раскопки,—выкопано в слоях земли около сотни шахт, и подземные галлереи, расположенные в виде трех главных ярусов и второстепенных сетей и площадок, разветвляются, взаимно переплетаясь,

1 Адольф Линн, „Der Handel nach dem Osten"

2 Бедан, „Voyage mineralogique et geologique en Hongrie", t. II, p. 144 et suiv.

до глубины 312 метров, то-есть опускаются на 57 метров ниже уровня моря. Внутренность главной копи представляет громадное здание, с бесчисленными палатами и корридорами, с дворами, бассейнами, лестницами, с аллеями из деревянных колонн, каменными подпорами и соляными столбами, оставленными на месте для поддержки сводов[1]. К несчастью, населения рабочих, которые копошатся в недрах земли, на дне глубоких копей, не раз подвергались страшным катастрофам: часто пожар истреблял подмостки; иногда бывали огромные обвалы; целые залы исчезали под грудами обрушившейся массы; наконец, в 1868 году, неблагоразумными работами были прорваны стены одного подземного озера, и хлынувшая через трещины вода затопила многие галлереи. Хотя частью испорченные на время, соляные копи Велички продолжали доставлять почти половину всего количества соли, добываемого в провинциях австро-венгерской монархии из земли, из моря и из солончаков. Добыча соли в Галиции в 1892 году составляла, по ценности, 7.685.000 гульденов.

Пояс соленосных формаций продолжается на юг, в Буковине и в Румынии, образуя в целом обширный полукруг, идущий вдоль подошвы Карпатов и чрезвычайно интересный с геологической точки зрения. Минеральными водами Галиция тоже очень богата, и некоторые из них, например, Щавница, прелестный городок на верхнем Дунайце, Криница, Зегестов, пользуются большою известностью и посещаются многочисленною публикою; но большая часть горячих ключей и вообще минеральных источников, даже обладающих наиболее целебными свойствами, остаются еще пока без употребления и не приносят никакой пользы. Из минеральных источников Галиции всего более возбуждают толков и привлекают ученых посетителей фонтаны асфальта и петроля, бьющие из подошвы Карпатских гор в таком обилии, в каком они не встречаются нигде в других странах Европы. Пояс каменных пород, содержащих горное масло и горный воск, идет совершенно параллельно поясу соленосных формаций; в одной Галиции он тянется почти непрерывною полосою на пространстве около 280 километров, и замечено, что именно в той области горного склона, которая занята сосновыми лесами, подпочва пропитана каменным маслом. Во многих местах земля совершенно черная от примеси горючих веществ; слоистые породы, окрашенные в бурый, в желтый или в черный цвета, могут быть зажигаемы и горят с выделением пламени; все ручьи подернуты на поверхности радужною пленкою, и иногда, особенно лотом, в сильные жары, атмосфера бывает наполнена сильным запахом, до такой степени резким, что некоторые лица испытывают настоящие симптомы отравления. Еще недавно почти совсем не обращали внимания на эти естественные богатства; они пропадали почти целиком без пользы для края, и хотя уже лет полтораста из некоторых нефтяных источников черпали горное масло в таком количестве, какое было необходимо для местного потребления, но никому не приходило в голову вывозить этот продукт за границу. Но когда «нефтяная горячка», следовавшая за «золотой горячкой», перевернула вверх дном обширные страны Соединенных Штатов, воздвигла многолюдные города среди необитаемых пустынь, создала баснословные состояния и вызвала к жизни новые отрасли промышленности, галичане, руководимые американскими инженерами, тоже устремились к своим источникам каменного масла и минерального воска или церезина, и ежегодная добыча скоро увеличилась в тридцать раз; в 1866 году она достигла уже 30.000 тонн. Борыслав (Boryslaw), маленькая деревня, лежащая верстах в девяти на юго-запад от Дрогобыча, в верхнем бассейне Днестра, был на первых порах главным центром разработки горного масла и асфальта; в продолжение одного сезона он превратился в улей с двадцатью тысячами жителей, в хаос домов, бараков и каких-то странных помостов, где кишело космополитическое население, нахлынувшее из Польши и Венгрии. Общая добыча из нефтяных и асфальтовых источников в Борыславе в 1873 г., по Э. Виндакевичу: минерального воска 17.500 тонн, ценностью на 9.250.000 франк.; минерального масла 11.000 тонн, ценностью на 2.200.000 франк. Посреди лабиринта дорог и хижин в почве было вырыто более пяти тысяч колодцев, в 40 метров средней глубины, где рабочие, дыша воздухом, насыщенным водородными газами, занимались извлечением горного

1 „Grubenkarte von Wieliczka".

масла; веревка, привязанная к поясу рабочего, давала возможность вытащить его из колодца в случае внезапной асфиксии. Впоследствии бурения, произведенные на севере от Татры, в долине Дунайца, притока Вислы, обнаружили, что и западная Галиция очень богата минеральным маслом, и масса рудокопов тотчас же бросилась в эту сторону, чтобы приняться за разработку нефтяных ключей, которые, как говорят, дают жидкость, по достоинству, не уступающую керосину, получаемому из Пенсильванских колодцев. Многие долины в Карпатах, покрытые дремучими лесами, по которым никогда не ступала нога путешественника, вдруг были наводнены толпами иностранцев, которые вырубали деревья, копали колодцы, строили дома и гостиницы среди дикой, первобытной природы. Это была полная революция. Но, начиная с 1866 года, когда горно-промышленная лихорадка достигла высшей степени своего развития, вывоз минеральных продуктов, о которых идет речь, стал постепенно уменьшаться, и торговля ими мало-по-малу снова приняла нормальный ход.

В ряду различных экономических преобразований, совершившихся за последнее время в Галиции, первое, по важности, место занимает постройка железной дороги, идущей поперек континента, от Балтийского моря к Черному, от Данцига и Штеттина к Яссам и Одессе. Еще недавно Галиция и Буковина были глухими закоулками, куда редко заглядывали западноевропейские путешественники. Эти закарпатские страны, которыми западно-европейская печать и публика интересовались менее, чем многими отдаленными областями Азии и Америки, имели важность только для их непосредственных соседей, да для завоевателей, мечтавших о всемирной монархии. Со времени борьбы, которую славяне вели в средние века с татарами из-за обладания Галициею, здесь не совершилось ни одного великого события, которое имело бы всемирно-историческое значение. Счастливое географическое положение этого края еще не было понято, и потому им не могли пользоваться, как следует. Только в наши дни Галиция начинает опять приобретать свою естественную роль между странами Европы. Хотя Балтика и Понт Эвксинский—почти замкнутые моря, однако, для Галиции очень выгодно то обстоятельство, что она находится как раз в середине континентального перешейка, разделяющего эти два бассейна, и командует соединяющею их дорогою; открытые в последнее время древности всякого рода доказывают, что уже в до-историческую эпоху в этой стране существовали многие важные торговые станции, через которые производились сношения народов, живших по берегам северных морей, с народами, населявшими прибрежья Средиземного моря. Железная дорога, идущая теперь вдоль восточного основания Карпатов, из Кракова к Дунаю, имеет тем большую цену в общей экономии европейского континента, что она соединяет важные житницы нашей части света, Молдавию, центральную Россию, и служит им общим путем по направлению к Западной Европе. Не нужно также забывать, что в недалеком будущем, может быть, в период жизни одного поколения, все большие города Азии будут соединены рельсовыми путями с железнодорожною сетью Европы, и тогда значение Галиции еще более возвысится, потому что здесь именно будет находиться главный связующий узел между азиятским Востоком и западным миром. Волочиск или Подволочиска (Podwoloczyska), бывший еще недавно никому неизвестною деревнею, и город Броды, который около ста лет пользовался, к великому неудовольствию своих соседей, привилегией вольного рынка, ведут с Россиею обширную торговлю, обороты которой составляют более пятидесяти миллионов в год по одному только ввозу хлебного товара. Влияние столь значительных торговых сношений постепенно отражается до границ Азии. Замечено, что на галицийских линиях транзитная торговля направляется преимущественно от востока к западу: это объясняется тем, что в зимние месяцы русские порты заперты льдом, вследствие чего произведения Украйны отправляются в Западную Европу по железным дорогам Галиции[1].

Главный город страны, Львов (Lwow, по-французски Leopol, по-немецки Lemberg, т.е. Leonberg, Львова гора), население котораго постоянно возрастает вследствие увеличения торговли и промышленности, построен в 1259 г. и назван по имени его основателя Льва. Он

1 Адольф Липп, „Der Handel nach dem Osten".

занимает центральное положение в большой впадине на северной стороне Карпатов, между бассейнами Днестра, Вислы и её притока Буга, но в непосредственном его соседстве нет ни одной судоходной реки; между округленными холмами, с пологим скатом, покрывающими, в виде волнообразных возвышений почвы, эту часть галицийской территории, текут только небольшие извилистые ручьи, да кое-где встречаются пруды, даже маленькия озера, отражающие в своих водах высокие деревья окружающих лесов; вследствие этого, все торговое движение совершается сухим путем по обыкновенным дорогам и четырем железно-дорожным линиям, которые сходятся в этом городе. Львов, сделавшийся ныне, по числу жителей, четвертым городом австро-венгерской монархии, еще недавно был небольшим укрепленным местечком: старый город, еще совершенно обособленный и отделенный от других кварталов, расположен вокруг главной площади, украшаемой фасадами многих публичных зданий; он покрывает поверхность величиною не более 25 гектаров, тогда как предместья, раскинувшиеся далеко по равнине, занимают огромное пространство, слишком в 32 квадратных километра; таким образом, по обширности размеров, Львов значительно превосходит все другие города Австро-Венгрии, за исключением Вены и некоторых из бесконечных деревень мадьярской пусты. Университет находится в старом городе; национальный музей Оссолинских, заключающий богатую библиотеку и различные коллекции, помещается в новом городе.

Прекрасный Краков, уступающий Львову по торговому значению, гораздо более его замечателен своими многочисленными памятниками и своею историею. Этот город был столицею Польского государства до первых годов семнадцатого столетия, и в то время имел почти вдвое более жителей, чем теперь. Перестав быть столицею, он все-таки оставался, до 1764 г., местом коронования польских королей; затем, с переходом под власть Австрии по первому разделу Польши, он стал быстро приходить в упадок; в 1775 г. население его уже не превышало 16.000 человек. Впоследствии он составлял часть герцогства Варшавского и, наконец, по решению венского конгресса 1815 г., этот единственный политический остаток прежней Польши был объявлен республикою, которая имела, по крайней мере, подобие независимости, но уже в 1846 году Австрия опять забрала Краков, как мятежный город, и сделала из него один из своих главных окружных городов. Несмотря на свое прекрасное местоположение при Висле, которая в этом месте представляет уже значительную судоходную реку, доступную, во время половодья, для судов до 50 тонн вместимости, Краков довольно редко населен, сравнительно с занимаемым им пространством; но издали он имеет грандиозный вид, благодаря своим многочисленным башням, колокольням церквей и древнему замку или кремлю; группы деревьев, поднимающиеся там и сям между домами, ярким контрастом зелени еще более увеличивают красоту этой величественной картины. В эпоху своего независимого существования Краков был весьма важным торговым городом; он служил в то время одним из главных складочных пунктов для торговли между Россиею и Германией, между Востоком и Западом; но с тех пор он частью утратил свою роль посредника торговых сношений, и наибольшая доля его коммерческих оборотов находится в руках евреев, которые занимают одни почти весь Казимировский квартал, лежащий к югу от собственно так-называемого города на большом острове Вислы. Краков, вместе с тем, является литературным центром, благодаря своим ученым обществам и древнему Ягеллонскому университету (Jagellonium), здание которого было начато постройкою уже в 1349 г., и который основан окончательно в 1364 г.; он имеет драгоценную библиотеку, состоящую из 300.000 томов, многие другие важные коллекции, астрономическую обсерваторию и ботанический сад. В Кракове же, как подобает бывшей первопрестольной столице Польши, издается наибольшее число сочинений, классических и современных, написанных на национальном языке. Различные памятники старины придают еще Кракову во многих кварталах вид средневекового города. Из тридцати семи церквей особенно заслуживает внимания, в архитектурном отношении, храм Пресвятой Девы Марии—прекрасное готическое здание, во внутренности которого замечателен алтарь работы известного скульптора Вейт-Стоса; в кафедральном соборе краковяки хранят, как драгоценность, под серебром и мрамором прах большего числа их королей и великих людей; здесь покоятся Собеский, Понятовский, Косцюшко; в другой церкви стоит

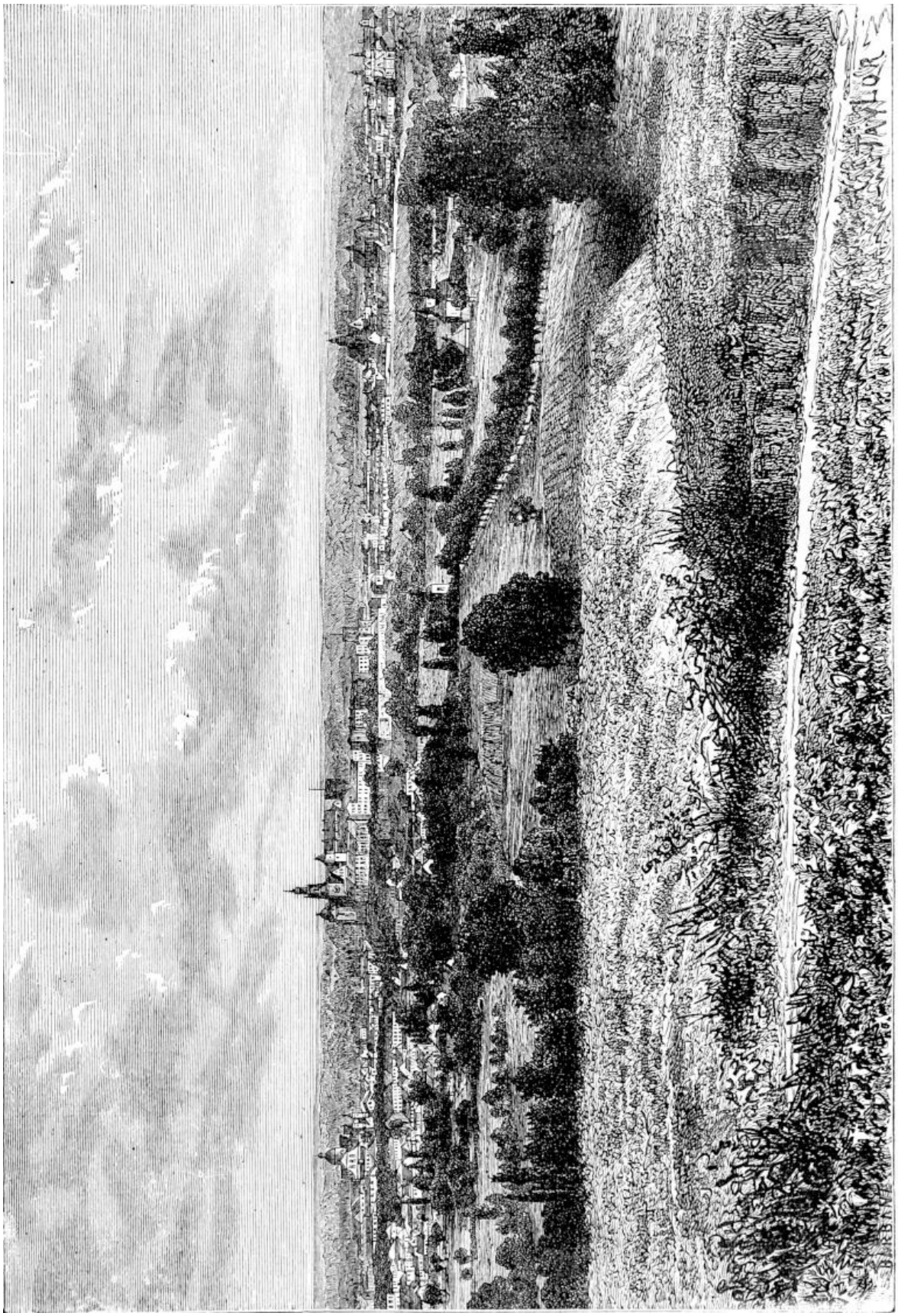
гробница Коперника. Что касается древнего замка или кремля, то он преобразован в укрепленные казармы, но окружавший его земляной вал превращен в бульвары, которые составляют лучшее украшение старого города; от прежних укреплений остались только живописные ворота св. Флориана, воздвигнутые в 1498 г. для защиты города от турок. Храня предания воинственных народов, оставивших после себя в стране многочисленные могильные курганы, между которыми особенно замечателен холм Кракуса, баснословного основателя города, бывшая Краковская республика велела воздвигнуть на соседнем холме Брониславы, к западу от города, курган вышиною в 35 метров, на вершине которого положена громадная глыба гранита, где вырезано имя Косцюшки, великого героя умирающей Польши. С этой искусственной горки, известной под названием Косцюшкина холма, они видят еще все пространство, бывшее недавно Краковскою республикою, и далее, за пределами его, равнины, которые, в силу высших политических соображений или так называемого «raison d'etat», обращены в немецкия земли. Как бы по злой иронии судьбы, этот курган, посвященный защитнику независимости, окружен австрийским фортом, пушки которого глядят своими жерлами на расстилающийся внизу город.

Жители большей части деревень, рассеянных в окрестностях древней польской столицы, известны под общим именем «садовников», которое они вполне заслуживают за тщательную обработку возделываемой ими земли. Поля их похожи на огромный огород и производят великолепные овощи, которыми подгородные жители снабжают Краковский рынок; часть этих овощей отправляется также в Варшаву, Бреславль, Берлин, Гамбург. Краковские сельские хозяева посылают яйца даже в Англию. Кроме того, Краковский округ поставляет на заграничные рынки соль из Велички и Бохнии, каменный уголь из Яворжно и сукна, выделываемые на фабриках города Бялы, близ границы Моравии.

В собственно так-называемой Галиции большая часть городов походят на Львов по разбросанности и отдаленности их предместий от центрального ядра. Многие из них в сущности не что иное, как большие деревни, но они мало-по-малу превращаются в города, благодаря переселению в них сельских жителей. Тарнов (Tarnow), население которого упятерилось в последние сорок лет, так что он теперь, по числу жителей, четвертый город во всей Галиции, замечателен, как главный рынок в долине Дунайца, верхний бассейн которого охраняется городом Ново-Сандек. В Тарновском округе погибло наибольшее число жертв от руки русинских крестьян в 1846 году: здесь шайки их перерезали 1.458 лиц, принадлежавших к дворянскому сословию. Ржешов (Rzeszow), лежащий на полдороге между Краковом и Львовом, обогащается от вывоза коровьего масла и яиц. Ярослав, с старинным замком или кремлем и многочисленными башнями церквей, расположен среди громадного сада, по которому протекает река Сан; ярмарки его посещались в семнадцатом столетии восточными купцами, даже персиянами. Пржемысль (Przemysl) или Перемышль, лежащий тоже на Сане, в месте бифуркации железно-дорожных линий из Львова в Краков и в Пешт, служит складочным местом для торговли продуктами, получаемыми из области нефтяной промышленности; окружив его кольцом из четырнадцати фортов, Австрия сделала из него свою важнейшую крепость со стороны России. Самбор, на верхнем течении Днестра, есть преимущественно земледельческий город, тогда как Дрогобыч, окруженный большими лесами, ведет отпускную торговлю минеральными маслами, добываемыми в Борыславском округе. Грудек извлекает выгоды из соседства Львова, поставляя в столицу овощи, коровье масло, рыбу, раков; точно также городок Стрый (Stryj), лежащий на юге, подле обширных лесов, при выходе одной из Карпатских долин, обязан своим благосостоянием отчасти львовским негоциантам, которые проводят здесь летний сезон, и виллы которых рассеяны по косогорам окружающих город холмов.

К востоку от Львова, на русской границе, лежит город Броды, один из еврейских ульев, откуда выходят особенно многочисленные рои сынов Израиля, и чрезвычайно важный пограничный рынок, производящий миллионную торговлю с Россиею по вывозу лошадей, рогатого скота, свиней и по ввозу хлебных товаров. Город Тарнополь, лежащий также в сосед-

стве с границею, на берегу одного из притоков Днестра, который местами расширяется в озеро, тоже ведет обширную торговлю с Россиею: это одна из главных торговых станций между Львовом и Киевом. Все другие центры населения восточной Галиции уступают ему по важности; значительнейшие из центров: Злочов (Zloczow), Бржезаны (Brzezany), где находится много кожевенных заводов; Галич, старинный город, древняя полуразрушенная башня кото-



Краковъ.

рого видна издалека, и имя которого сделалось названием всей страны; Станиславов и его соседка Тысменица; Коломыя (Kolomyja), или Коломея, обогащаемая торговлей лесом и табаком, из которых последний возделывается преимущественно в этой части Галиции; Снятын (Sniatyn), где производится оживленная торговля произведениями земледелия; Городенка (Horodenka).

Черновиц, столица Буковины, стоит, так же, как Снятын и Коломыя, на Пруте; он принадлежит уже к бассейну Дуная. Издали Черновиц имеет очень красивый вид, благодаря тому, что улицы его расположены амфитеатром на правом берегу реки; это вместе с тем самый большой город сарматской равнины, между Львовом и Яссами. Со времени сооружения железной дороги, Черновиц сделался главным складочным местом товаров, идущих через соседнюю границу, в ущерб городам Радауцу, Серету и Сучаве (Suczawa), лежащим южнее, в бассейне реки Серет. Среди этих восточных населений, недавно еще почти варварских, Черновиц является представителем европейской цивилизации: правительство хотело в особенности, чтобы он был авангардом германского мира, и с этой целью учредило в нем, среди этих населений, почти сплошь румынских, один из немецких университетов империи. Буковина в отношении народного образования еще более отсталая страна, чем Галиция. В этой последней, по переписи 1890 года, из лиц старше 6 лет насчитывалось неграмотных: 65% мужчин и 72% женщин.

Важнейшие города Галиции и Буковины, с цифрой населения в конце 1890 г.:

Краковская область и польская Галиция: Краков, с предместьями—94.700 жителей; Тарнов—25.575; Ново-Сандец (Новы-Сонч)—12.722; Ржешов—11.953; Бохния—8.849; Бяла—7.622; Величка (1880 г.)—5.970.

Русинская Галиция: Львов—127.943 жителей; Броды—17.534; Тарнополь—27.400; Коломыя—30.235; Дрогобыч—17.916; Станиславов—22.390; Самбор—14.324; Перемышль—35.209; Ярослав—18.065; Снятын—10.939; Борыслав—12.059; Стрый—16.515; Злочов (1880 г.)—8.350; Бржезаны—11.221; Грудек—10.742; Городенка—11.355; Тысменица (1880 г.)—7.180; Галич—3.887.

Буковина: Черновиц—54.170; Сучава—10.221; Радауц—12.895; Серет—7.159.

Глава VIII. Верхний бассейн Эльбы, Морава

Богемия, Моравия, австрийская Силезия

Богемию обыкновенно называют центром Европы. Правда, что геометрическая средина нашей части света лежит восточнее, в Польше, и что большие Альпы, на юго-западе, составляют хребет европейского материка; но если принять в соображение все противоположности, почвенные и климатические, между севером и югом, западом и востоком Европы, то действительно можно рассматривать Богемию, как истинный географический центр континентального туловища. Рельеф её гор и плоскогорий придает ей вид большой четырехугольной крепости, вдающейся в низменные равнины Германии; четыре наружные вала этой горной твердыни пересекаются почти под прямым углом и попарно параллельны между собою. Бемервальд и Судеты имеют общее направление с юго-востока на северо-запад; Рудные горы, между Богемиею и Саксониею, так же, как широкое Моравское плоскогорье, образующее четвертую сторону четыреугольника, тянутся по направлению с юго-запада на северо-восток. Вообще в Европе нет ни одной страны, где бы возвышения почвы представляли в своих общих контурах большую геометрическую правильность, чем горы Богемии.

Но в деталях их строения горные цепи этой страны отличаются, напротив того, чрезвычайным разнообразием форм и очертаний. Так, цепь, образующая границу Богемии с юго-

западной стороны, является в одном месте волнистым плоскогорьем, далее—собранием параллельных гряд, в иных пунктах—группою разбросанных в беспорядке вершин. Впрочем, эта цепь лишь в немногих местах имеет истинно альпийский характер. Средняя высота Богемского или Чешского леса (Cesky Les, по-немецки Bohmerwald) не превышает 1.200 метров, и малая относительная глубина его долин не позволяет его вершинам, гнейсовым куполам и сланцевым пирамидам, принять резкия или величественные формы, какие свойственны большим горам; только некоторые его вершины увенчаны зубчатыми гребнями из белого кварца, известными в крае под именем «чортовых стен», или усеяны грудами нагроможденных одна на другую скал и каменных глыб, развалинами древних исчезнувших гор. Краса Чешского леса заключается в его обильных «струящихся водах», доставивших ему его чешское прозвание Шумава (Sumava), в маленьких голубых озерах его долин и всего более в великолепных лесах, которыми еще покрыта большая часть его скатов. Ни в какой другой области Германии нет таких тенистых долин, защищенных от солнца густою, переплетающеюся листвою деревьев, нигде буки не разростаюгся так пышно и раскидисто, нигде сосны и пихты не достигают такой вышины, как в горах Чешского леса. Большая часть вершин одеты густою лесною растительностью; только главные пики поднимаются за пределы пояса лесов и вступают в область пастбищ. Хотя в нынешнем столетии рубка леса в больших размерах, бури и в особенности жук-древоточец обнажили большие пространства на Шумаве, однако и теперь еще местами можно встретить настоящие девственные леса, где деревья достигают шестидесяти метров (28 сажен) в вышину, и где громадные древесные стволы, упавшие от дряхлости, гниют на земле, порождая вокруг себя целую флору трав и кустарников. В некоторых больших княжеских имениях эти леса, составляющие на востоке продолжение древнего Герцинского леса, описанного римскими авторами и простиравшагося от истоков Дуная до Карпатских гор, оставлены еще совершенно в диком состоянии. Владельцы в то же время заботливо сохраняют в этих первобытных лесах сотни диких кабанов и несколько экземпляров зубров, которые некогда населяли большие леса Европы; бобры, последние представители прежней фауны края, тоже содержатся, как редкость, в парках. Хищные звери здесь уже не встречаются; последний медведь этой области был убит в 1856 г.[1], волки тоже давно уже истреблены.

Эти обширные леса, как и самые живописные местности, находятся в южной части Богемских гор, в собственно так называемой Шумаве. Однако, северная часть этой цепи и её отроги, горы Тепль, хотя несравненно менее высокие и более опустошенные истреблением лесов, чем Шумава, привлекают гораздо большее число посетителей, благодаря соседству минеральных вод, Мариенбада и Франценсбада, лежащих в долинах этих гор. Между этими двумя половинами горной цепи, к востоку от городка Домажлице (Domazlice, по-немецки Taus), древней Tuhost или «крепости», открывается широкая брешь, настоящие ворота, которыми командуют горные массы Церхов на севере и Оссер на юге. Через это-то отверстие, в эпоху великой борьбы рас, германцы всегда пытались вторгаться в Богемию, и здесь же чехи наносили им самые кровавые поражения: ни в каком другом месте страны не было пролито более крови, чем в этом проходе. Здесь Само бился за славянскую независимость в первой половине седьмого века: здесь же была отражена франкская армия Дагоберта; в 1040 году князь Вретислав восторжествовал здесь над войском императора Генриха III, и впоследствии гусситы одержали в этой местности одну из важнейших своих побед. Другой порог, гораздо более возвышенный и служивший испокон века путем для купеческих караванов, носит название «Золотой тропы» (Goldner Steig), которым он, вероятно, обязан торговым сношениям, которые завязались этим путем между противоположными склонами. За исключением этих двух брешей, через которые теперь проведены железные дороги, соединяющие Прагу с Баварией», при чем одна из них, именно южная, проходит через большой туннель (самый длинный из существующих в Австрии туннелей), Чешский лес образует превосходную стратегическую границу Богемии; подобно крепостному валу, он имеет с внутренней

1 Рютимейер, „Untersuchungen der Pfahlbauten“.

стороны очень отлогий скат; с этой стороны на него можно легко взобраться по террасам из древнейших формаций, которые занимают всю южную Богемию, тогда как снаружи, со стороны Баварии, склон его представляет обрывистые крутизны, и потому трудно доступен. В Баварии же находятся и высшие его вершины: Рахель и Арбер или Явор.

Длина Чешского леса (Бёмервальд)—222 килом., средняя ширина—30 килом., средняя высота на севере—700 метр., средняя высота на юге—1.000 мет.; Арбер—1.455 метр.; Плекенштейн—1.376 метр.; проход Домажлице (Таус)—449 метр.; Золотая тропа (Гольднерштейг)—812 метр.; Оссер или Оса—1.239 метр.; Церхов—1.069 метр.

Рудные горы (Rudo Hori, по-немецки Erzgebirge), образующие границу Богемии на северо-западе, во многих отношениях составляют контраст с Чешским лесом. В противоположность последнему, наружная сторона их, то-есть северный склон, обращенный к Саксонии, представляет отлогие скаты, тогда как с внутренней или богемской стороны, над долинами Белы и Эгера, они возвышаются в виде крутых стен. Следовательно, стратегически эта горная цепь принадлежит к Германии; к тому же и население, живущее на её скатах, состоит почти исключительно из немцев. Не находя достаточно места в своих чересчур густо населенных городах, жители горных округов постепенно завладели всеми годными к обработке землями по склонам горы; многие села и деревни, поднимаясь выше пояса каменноугольных и слюдяно-сланцевых формаций, приютились даже в непосредственном соседстве с гранитными и порфировыми вершинами; местечко Готтесгабе, самое возвышенное из этих горных поселений, лежит на высоте 1.049 метров. Цепь Рудных гор, несколько менее высокая, чем Бемервальд, и гораздо более однообразная, не представляет ничего грандиозного, кроме разве глубоких долин при южном её основании. Многочисленные дороги, проложенные через проходы, похожие на широкия колеи, перерезывают горные массы и облегчают сношения между противоположными склонами. Эти поселения, эти возделанные поля и большие дороги придают округленным вершинам Рудных гор вид мало отличный от того, который представляют многие холмистые равнины; только у оконечностей длинного хребта , там, где горы понижаются, они принимают более разнообразные и более живописные формы и очертания. На западе цепь теряется в лабиринте высот, разбросанных в беспорядке и соединяющихся с Фихтельгебирге; на востоке она оканчивается живописными песчаниковыми горами «саксонской Швейцарии», у подножия которых извивается Эльба, по выходе её из ущелий Богемии.

Протяжение и высота Рудных гор: длина цепи—138 километр., средняя ширина 37 километр., средняя высота 800 метр.; Кейльберг, высшая вершина,—1.275 метр.; ворота Эльбы, самая низкая точка Богемии,—112 метр.

На востоке от ворот, через которые вытекает эта река, различные массивы системы Судетов образуют геологический pendant Рудных гор. Эта часть северо-восточного вала Богемии начинается грядою древних базальтовых и фонолитовых вулканов: это так называемые Лузацкия или Лужицкия горы, над которыми господствуют вершины Луже (Luze), Ойбин, Пфаффенштейн, и которые продолжаются сланцовым кряжем Ешкен или Ештед (Jeschken, Jested). Далее, на севере, за широкою равниною, расстилающеюся у подошвы кряжа Ешкен, возвышаются три параллельные гряды Изерских гор (по-немецки Isergebirge), с длинными гранитными хребтами, и крутые, сланцевые и кристаллические стены Исполиновых гор (по-немецки Riesengebirge, по-чешски Krkonose), которые по справедливости можно назвать Альпами центральной Германии; вершины их представляют высшие точки средней Европы между Карпатами и Скандинавским хребтом. Вершины Исполиновых гор, более возвышенные, чем вершины Бёмервальда, имеют вместе с тем более величественный вид, по причине их изолированного положения, крутизны их стен и контраста, представляемого низкою растительностью высот в сравнении с пышными, густыми лесами основания гор; здесь, так же, как на Альпах, верхняя часть гор покрыта обширными пастбищами, куда с наступлением весны пригоняют стада, и пастухи живут все лето среди этих горных лугов в хижинах, называемых по-местному Bauden, где они приготовляют масло и сыр, отличающиеся ароматиче-

ским вкусом, который зависит от душистых трав, растущих на пастбищах. Исполиновые горы не заключают в себе подземных богатств, которые составляют источник благосостояния для населения Рудных гор; поэтому жители первой из этих цепей принуждены были заниматься мелкими ручными промыслами и ремеслами, пока не возникли большие фабричные заведения по берегам потоков, выходящих из гор. Хотя высшие вершины Исполиновых гор и самые высокие из их отрогов находятся в Богемии, но, по общему расположению своих склонов, равно как по языку, которым говорит население их долин, и по происхождению легенд и народных преданий, относящихся к каждой вершине, эти горы принадлежат более немцам, чем чехам. На востоке от этой цепи, группы, составляющие продолжение хребта Исполиновых гор, переплетаются между собою в виде беспорядочного лабиринта различных формаций, над которыми господствуют гранитный гребень Адлергебирге (Орлиных гор) и пирамидальная вершина Шнееберга (Снежной горы). К этой последней горе примыкают собственно так называемые Судеты, высшая вершина которых имеет почтенный вид, за который и получила прозвание Альтфатер (Дед). Гористая область Судетов, на востоке от Исполиновых гор, перерезана проходами, древними морскими проливами, где осадочные образования различных геологических эпох отложились между горными массами кристаллических каменных пород. Так, между верхними притоками Нейсы, с одной стороны, и притоками Эльбы, с другой, открывается большая брешь; и Пруссия, раз овладев этими стратегическими воротами на юге и на западе от Глаца, не выпустила их из своих рук, для того, чтобы всегда иметь свободный вход в Богемию. Далее, на востоке, другой горный проход соединяет бассейн Одера с бассейном Моравы, между Судетами и Карпатами, и эта брешь так низка, что почва её всего только на двенадцать метров поднимается выше, чем шпиц собора св. Стефана в Вене. Таким образом, мы имеем здесь длинную впадину или борозду, которая рассекает центральную Европу на-двое, перпендикулярно к направлению долины Дуная, и продолжается на юг до Дравы бассейном Нейзидлерского озера: это так называемые «Моравские ворота», защищаемые на южной стороне крепостью Ольмюц, и через которые всегда совершался прилив и отлив народов и армий. Можно бы было давно уже воспользоваться этим проходом для прорытия судоходного канала; но раздоры государств замедлили дело, и только недавно было приступлено к осуществлению этого предприятия, необходимого в промышленном механизме Европы.

Высота различных пунктов в Судетах: Ешкен (Ештед)—1.013 метр.; Тафельфихте (Изерские горы)—1.124 метр.; Шнеекоппе (Исполиновые горы)—1.601 метр.: Кессельберг (Керконоше)—1.435 метр.; Адлергебирге (Орлиные горы), средняя высота—480 метр.; Шнееберг (Снежная гора)—1.417 метр.; Дед или Альтфатер (Судеты)—1.987 метр.; Моравский Порог—293 метр.

Четвертая сторона богемского четырехугольника является не в виде горного хребта или последовательного ряда горных групп, как Бёмервальд, Рудные горы и Судеты, но в виде широкого возвышения почвы, которое покрыто обработанными землями и усеяно селами и деревнями, и где голые скалы встречаются лишь в немногих местах. Однако, и эта сторона состоит из древнейших горных пород, подобно другим внешним валам или естественным стенам Богемии, и так же, как эти последние, была соединена с южным континентом в эпоху, предшествовавшую времени отложения слоистых формаций центральной Европы. Она поднимается на довольно большую высоту, и многие из её продолговатых вершин достигают своими высшими точками слишком 800 метров, то-есть высоты, равной высоте горных цепей Северной Германии. Но, благодаря отлогости скатов этой плоской возвышенности, не существует никаких естественных преград или границ между обоими склонами, и сообщение между Моравиею и Богемиею не представляет никаких затруднений. Следствием этого было то, что эти две страны заселились людьми одной и той же расы, и почти всегда разделяли одинаковые политические судьбы. Замечательно, что Богемия, общая покатость которой обращена на север, и воды которой текут к Балтийскому морю, соединяется географически и политически с бассейном Дуная так же, как и соседка её Моравия. Таким образом, не водораздельные плоскогорья между Эльбою и Дунаем, а цепи Рудных гор и Судетов состав-

ляют истинную раздельную стену между севером и югом центральной Европы.

Внутренность Богемии часто сравнивают с замкнутым бассейном или котловиною, и действительно, высокие края из кристаллических горных пород, которыми она окружена, оправдывают в известной мере это сравнение. Тем не менее, общий рельеф страны представляет скорее ряд террас, постепенно понижающихся с юга на север, в противоположность возвышенностям Моравии, которые наклонены по направлению к югу. Эти террасы, разрезанные реками на холмы и выступы или мысы, принадлежат к различнейшим векам нашей планеты; они последовательно отложились слоями на скатах первозданных гор, которые возвышались, в виде островов, над уровнем древних морей. В самом центре богемского бассейна поднимаются высоты, называемые горами Гржбены (Hrbeny) и Бердо (Brdo), палеозойские формации которых в недавнее время были тщательно исследованы геологом Иоахимом Баррандом, поставившим себе задачею проследить переселения и колонии ископаемых животных в силурийской системе центральной Богемии[1]; кроме того, эти горы имеют важное экономическое значение по своим многочисленным рудникам. Далее, на севере, среди осадочных образований, возвышаются там и сям базальтовые конусы, из которых одни представляют поразительно-правильные колоннады, похожие на громадные, стоящие один на другом, храмы, тогда как другие выделяют из себя, по обе стороны центральной оси, пучки расходящихся отраслей, которые придают всей массе вид какого-то исполинского странного растения, внезапно окаменевшего; для примера, назовем базальтовые высоты Воркоч, по близости Эльбы, к югу от города Ауссига. Северную часть Богемии, по обе стороны Эльбы, занимают так называемые Средние горы (Mittelgebirge), совершенно вулканическая цепь. Эта группа представляет собрание конусов, из которых иные стоят уединенно, другие сгруппированы в виде круга или расположены ярусами в форме пирамид; некоторые из них чуть поднимаются над уровнем окружающей местности: это просто груды вулканических шлаков; но есть между ними и такие, которые достигают высоты 500 и даже 800 метров, и профиль которых, по словам Гумбольдта, так же правилен, как профиль южно-американского вулкана Котопахи. Лавы этих древних вулканов являются в разнообразнейших формах; в иных местах они нагромождены в виде огромных шаров; в других они разлились широкими горизонтальными площадями, или разбиты на множество колонн. Старинные замки, часовни, монастыри, приютившиеся на остроконечных вершинах горок, образовавшихся из застывшей лавы, придают еще более живописный вид всей этой бугристой местности. У подошвы каждой горки земля изумительно плодородна, благодаря базальту, постепенно разрушенному действием стихий, и фруктовые деревья растут целыми лесами вокруг деревень. Многочисленные минеральные источники, бьющие из земли в разных пунктах этой горной группы, свидетельствуют еще об остатке подземной вулканической деятельности: таковы знаменитые воды Теплица, Карлсбада, образующие минеральную реку, которая катит около 100 литров воды в секунду, унося в продолжение года из недр земли более 15.000 тонн солей соды и магнезии; далее, минеральные ключи Билина, Пульны, Зедлица и многие другие, целебная сила которых каждый год привлекает в Богемию массы иностранцев. Вообще в Европе мало найдется стран, которые обилием целительных минеральных вод могли бы поспорить с верхним бассейном Эльбы.

В горах Моравии и Богемии берут начало три важнейшие реки Северной Германии—Висла, Одер и Эльба; но две первые из них представляют еще простые ручьи в том месте, где они выходят из пределов австрийской Силезии и вступают на иностранную территорию. Едва покинув свою скалистую колыбель в Бескидах, Висла орошает равнины Галиции, затем равнины Польши, тогда как Одер, тотчас же по выходе из своей долины в Судетах, оставляет австрийскую территорию и течет до самого моря по немецким землям. Одна только Эльба, которая берет начало на южном склоне Исполиновых гор, в болотистой почве одного плато, покрытого пастбищами и называемого «Эльбским лугом» (Elbwiese), успевает соединить все свои горные притоки, разрости в настоящую реку, прежде чем покинуть пределы

1 J. Barrende, „Systeme silurien du centre de la Boheme".

Австрии и вступить на саксонскую землю. Исключая нескольких небольших округов на границе, Богемия вся принадлежит к бассейну Эльбы, точно так же, как Моравия заключена в бассейне реки, от которой она получила свое название—в бассейне Моравы или Марх, как ее называют немцы. Эти две родственные провинции представляют замечательный контраст по своей гидрографической системе. Из Богемии реки бегут на север к Немецкому морю, тогда как Морава течет на юг к Дунаю, который уносит её воды в Черное море.

Известно, что географическая номенклатура, установленная обычаем, полна ошибок и промахов. Во всех странах встречаются реки, носящие имя одного из их второстепенных притоков. Так и в Богемии, Лаба, по-немецки Эльба, благодаря подобной ошибке приобрела первенство над Молдавою (по-чешски Vltava), которая, между тем, в действительности, должна считаться главною рекою: по важности своего бассейна, равно как по объему жидкой массы, Молдава в два раза превосходит Эльбу, это истинная река Богемии, её главная торговая артерия, издавна соединенная с Дунаем и Черным морем посредством судоходного канала; Эльба не имеет других прав на степень главной реки в своем бассейне, кроме направления её долины, наклоненной к северо-западу, ниже Колина, как наклонена и нижняя равнина, начинающаяся за Дрезденом. При взгляде на гидрографическую карту страны, имеющую вид большого дерева, с правильно расположенными ветвями, тотчас же, можно заметить, что главный ствол составляет Молдава, тогда как Эльба, так же, как Лужница (Luznice), Сазава, Бераунка и Охрже (Ohre) или Егер, представляют лишь боковую отрасль этого ствола. Площадь бассейна Молдавы 3.080 кв. километр.; бассейна Эльбы 1.485 квад, килом. Все эти реки, с быстро бегущею и чистою водою, везде составляют украшение пейзажа, которому недостает только деревьев. Почти вся центральная часть Богемии давно уже потеряла свои леса: гладкая, оголенная равнина, однообразно возделанная, простирается теперь до холмов, окаймляющих линию горизонта.

В верхнем своем течении Молдава и почти все её верхние притоки катят черноватую воду, цвет которой зависит от обширных торфяных болот, покрывающих местами дно долин и даже скаты гор до самых вершин. В более низкой части долин, эти торфяники, где находят в обугленном состоянии остатки древних лесов, рассеяны в перемежку с прудами и с двумя или тремя стами маленьких озер, которые служат резервуарами для вод разлива и, таким образом, защищают ниже лежащие поля. Крестьяне Верхней Богемии не пользуются этими залежами торфа как топливом, но зато прилагают много труда к превращению их в покосы и пахатные земли. Задача эта не легкая, и выполнение её приносит в общем результате больше вреда, чем пользы, так как климат Богемии довольно сырой по той причине, что западные ветры должны пройти через обширные равнины, прежде чем удариться о скаты Бёмервальда и Исполиновых гор. Высота годового слоя дождевой воды: в Боденбахе, у ворот Эльбы—0,60 метр.; у Траутенау, близ истоков—1,03 метр.; в Праге—0,40 метр.; в Будвейсе, на верхней Молдаве,—0,62 метр. Что касается прудов и озер, то их употребляют как рыбные садки, и поселяне этих областей достигли большего искусства в разведении рыбы. Для улучшения местного климата, было бы желательно, чтобы прекратили работу осушения этих вод и окружающих их торфяных болот, ибо область торфяников представляет собою нечто вроде громадной естественной губки, которая поглощает влажность и регулирует расход проточных вод. Ручьи, которые прежде никогда не выходили из берегов, стали часто затоплять прибрежные поля с тех пор, как произведено осушение болот[1].

Ниже Праги, где Молдава течет уже усиленная всеми своими верхними притоками, она соединяется с Эльбою; далее, под утесом, на котором раскинуты развалины Шреккенштейн, она принимает в себя Эгер, и затем эта соединенная большая река начинает перебираться через громады гор, которые некогда замыкали северную сторону Богемии. Живописные ландшафты, характеризующие верхнюю часть течения, сменяются здесь грандиозными картинами природы. Прежде всего перед нами являются базальтовые и фонолитовые конусы Средних гор (Mittelgebirge), возвышающиеся по обе стороны Эльбы, затем следуют песчани-

1 „Mittheilungen der Geograph. Gesellseh. in Wien".

ковые горы с отвесными стенами, вертикальными трещинами, имеющие вид громадных каменных кубов, в беспорядке разбросанных по земле. Извилистая Эльба проходит между этими сероватыми массами, отбрасываемая от одной к другой и окаймленная красивыми городами, которые тянутся длинною полосою вдоль узкого берега. Эти ворота Эльбы охраняются старинными крепостями, которые и указывают истинные границы, где политическое разделение согласуется с географиею. В этом месте Эльба выходит из своей ограды, образуемой богемскими горами, и вступает в германскую низменность. По ту и другую сторону порога движения народов были различны, и история шла разными путями.

За две тысячи лет до нашей эпохи, страны, называемые ныне Богемиею и Моравиею, были населены бойями и другими народностями, которые обыкновенно причисляются, в отличие от германцев, к кельтскому племени: многие местности до сих пор еще носят названия, свидетельствующие о пребывании этих древних обитателей края[1]. В том месте, где теперь стоит город Ольмюц или Оломуц, в Моравии, и город Троппау, в австрийской Силезии, один археолог, Иейтелес, открыл даже остатки «речных деревень», в которых, судя по многим признакам, жили галлы, и которые совершенно походили на озерные поселения, существовавшие в древней Галлии[2]. Кораллы и морские раковины, найденные между глиняною посудою и костями животных в этих речных деревнях, доказывают, что их население состояло в торговых сношениях с жителями берегов Средиземного моря.

Теснимые народностями различных рас, подвигавшихся все более на запад, бойи были в конце концов порабощены или изгнаны из Богемии (Boienheim, т. е. родина или земля бойев, отсюда Bohmen, по-французски Boheme), хотя имя их навсегда осталось в немецком языке названием страны. В ту эпоху, когда римские легионы перешли через Дунай, в земле бойев господствовали уже германские народцы, квады и маркоманы. Во время великого переселения народов произошло новое передвижение, и тогда как квады и маркоманы вторгались в Баварию, руги и лонгобарды овладели покинутою ими Богемиею. Эти последние завоеватели, в свою очередь, должны были, в начале шестого столетия, уступить место славянам, которые, несмотря на многочисленные политические превратности, успели удержаться в Богемии и Моравии как господствующая раса; однако, указывают несколько округов (между прочим, область шенгенгстлеров) на возвышенных землях Богемии и Моравии, которые во все времена, с самого начала писаной истории, были населены немцами. Эти две смежные страны известны под общим названием земель короны св. Венцеслава или Вячеслава, данным по имени государя, который окончательно утвердил христианство в Богемии, в начале десятого столетия.

Жители Богемии и Моравии принадлежат несомненно к одной и той же расе, и наречия их, которые мало-по-малу заменяет общий литературный язык, представляют лишь незначительные отличия. Обыкновенно чехами называют славян Богемии, а их единоплеменники, живущие в Моравии и западной Венгрии, известны под именем моравов и словаков. Чехи, теснее соединенные в один народ политическими событиями, давно уже утратили все древние названия отдельных племен или родов, тогда как моравы до сих пор подразделяются на многочисленные группы, сохранившие свои прежния племенные имена. Гораки живут преимущественно на плоской возвышенности, в непосредственном соседстве с чехами, от которых они едва отличаются. Ганаки занимают, у восточного основания высот, берега реки Ганы и другие долины, воды которых текут к Мораве; на западных скатах Карпатов их насчитывают более 400.000 душ. На границах Венгрии живут валахи, которые только и имеют общего с жителями Румынии, что одно имя: это чистые славяне, и, может быть, даже самые красивые представители своего племени; некоторые полагают, что, в качестве пастухов, они получили такое же прозвание, как румынские пастухи; Шафарик, напротив, видит в них ославянившийся остаток одного племени бойев, которых немцы обыкновенно называли

1 Геллерт, „Boio-Keltische Ortsnamen in Bohmen", „Mitth. Geogr. Gesellsch. in Wien".

2 Gabriel de Mortillet, „Рукописные заметки".

вельшами или валахами. Между славянскими группами Моравии находим еще колонию из двух или трех тысяч хорватов, которые поселились здесь лет триста тому назад и до сей поры вполне сохранили нравы и язык граничаров Турции.

Чехи не без труда удержали за собою численное превосходство в стране. Окруженные почти со всех сторон немцами, сжатые, словно в тисках, между Австриею и Саксониею, отделенные от своих единоплеменников, с которыми их соединяла только узкая полоса земли, они естественно должны были вести упорную борьбу за существование, и если им удалось защититься против своих алчных к захвату соседей, то этот успех по справедливости можно назвать одним из чудес истории; обреченные на героизм самым их географическим положением, чехи жили, так сказать, вопреки всякой вероятности[1]. Однако, начиная с двенадцатого века, германизация стала быстро распространяться: призванные государями и духовными орденами, немцы были сначала приняты как гости; им подарили обширные земли, предоставили разные привилегии и льготы от податей и повинностей; эти-то немецкие эмигранты основали большую часть городов и были в начале единственными представителями городского сословия или класса торговцев и ремесленников, стоявшего между дворянством и сельским населением. Из гостей немцы скоро сделались хозяевами и господами почти во всех округах; они заняли все доходные места и кончили тем, что стали навязывать коренному населению свои нравы и свой язык; в конце четырнадцатого столетия Богемия считалась уже в числе немецких земель. Тогда произошла страшная реакция. Гусситские войны, чисто религиозные по виду, превратились скоро в кровавую борьбу рас, и те, которых беспощадно истреблял грозный Жижка, как идумеян и моавитян, были никто иные, как немцы. Взрыв народной ненависти доставил перевес чехам, и с этой эпохи они уже никогда не поддавались как раса, несмотря на политический гнет, под которым их держали. Однако, после Тридцатилетней войны, Богемия, казалось, была осуждена на окончательную утрату своего национального существования. Семейства чешских патриотов принуждены были бежать в чужие края; их имения были конфискованы и розданы немцам; чешский язык, презираемый победителями, сделался «мужицким жаргоном»; некоторые округа были совершенно разорены армиями и оставались без жителей, так что пришлось вновь заселять их колонистами саксонскими, франконскими и баварскими. После многолетней чудовищной резни, в Богемии осталось всего только 780.000 жителей, тогда как прежде там насчитывали три миллиона душ. В Моравии убыль населения вследствие войны была так велика, что, по решению государственных чинов, дозволено было «каждому мужчине иметь двух жен, в видах нового заселения края».

В настоящее время этнографические границы перемещаются очень медленно в том или другом направлении. Можно сказать вообще, что немцы занимают гористые области, а чехи живут преимущественно в холмистых местностях и на равнинах. В самом деле, на обоих склонах Богемского леса, Рудных гор и Судетов мы находим население, говорящее немецким языком, но было бы ошибочно обобщать этот факт, как это делают некоторые, утверждая, будто славяне исключительно жители равнин, и, привыкши возделывать легкую почву наносных земель, они боятся забираться в гористые области. В Богемии и Моравии гораки или горцы, валашские славяне и словаки могут служить примером противного. Наконец, в Иллирии и в Турции есть населения того же племени, например черногорцы, которые овладели горами, как единственные обитатели, с исключением всякой другой национальности.

Близ горного прохода Домажлице (Таус), этих естественных ворот, открытых между двумя частями Богемского леса, группируются представители славянского мира, наиболее выдвинувшиеся к западу: там они находятся в непосредственном соседстве с Баварией. Эти люди славянского племени не чехи, а поляки: они известны под именем ходов, которое, как полагают, означает «стражей», может быть «ходоков»: действительно, они долгое время охраняли, по поручению королей, на западе ворота Богемии. По словам некоторых писателей,

1 Louis Leger et I. Friez, „La Boheme".

Вретислав I сам вызвал их из окрестностей города Гнезно для того, чтобы возложить на них защиту западной границы против немцев. Другие полагают, что эти поляки уже ранее жили в стране в качестве колонистов, и что поручение охранять западные пределы государства было им дано после одной битвы, в которой они выказали себя героями. По обещанию государя, они не могли быть подчинены вассалам короны; как люди вольные, они имели право сами управлять своими делами и выбирать из собственной среды третейских судей для решения каких-либо споров, возникших между членами их общины. Ходы, на знамени которых была изображена стерегущая дом собака, символ бдительности и верности, всегда исполняли свой долг храбрых защитников; но настал день, когда обещанные им права были забыты. В 1569 г. император Максимилиан II заложил их одному богатому вассалу, но был так великодушен, что позволил им выкупиться на собственные деньги. В 1584 г., другой император, Рудольф II, опять заложил их в тройной сумме, затем в 1628 г. они были окончательно проданы в рабство. Безуспешное возмущение только ухудшило их жалкую долю: от древней свободы осталось одно воспоминание. Теперь они уже не говорят по-польски, но и в нынешней их речи сохранились еще некоторые слова из их родного языка; кроме того, их можно узнать по живости физиономии и по особенностям костюма. Многие дома в их поселениях до сих пор имеют еще вид укрепленного редута[1].

Кажется, некоторое число ходов были поселены Вретиславом также на юго-востоке от горного прохода Домажлице, в верхней долине реки Бредлавки или Ангеля; но там они не одни пользовались льготами: все жители этой части страны, немцы по происхождению, сделались «королевскими крестьянами» (Kunische) и получили право самоуправления и самосуда. Однако, и они нередко были закладываемы, подобно их соседям ходам, например, в 1429, в 1578, в 1623 годах; но им каждый раз удавалось или выкупиться, или иным способом добиваться возвращения себе прежних вольностей; около половины нынешнего столетия, когда уравнение прав было распространено на все сельское население Богемии, эти «королевские крестьяне» пользовались еще правом выбирать судей из своей среды и имели другие, не менее ценные привилегии—свободу охоты, рыбной ловли, приготовления пива и вина[2].

На юге Рудных гор, чехи, теснимые многочисленным немецким населением, не могли перейти реку Эгер: названия деревень, оканчивающиеся на grun или на reute, и указывающие древние просеки в лесах или вновь расчищенные земли, обозначают приблизительно границу между двумя расами; в горах почти не встречается деревень с славянскими именами, из чего можно заключить, что в ту эпоху, когда леса Рудных гор были еще необитаемы, немецкие поселенцы пробрались в местности, находящиеся между вендами Саксонии и чехами Богемии[3]. На западе от Эльбы славяне ближе придвинулись к подножию гор, и в одном месте они удержались в небольшом числе даже за чертою границы, в прусской Силезии. Далее область славянского языка съуживается, охватываемая со всех сторон землями немецкой речи; половина австрийской Силезии давно уже онемечена, так же, как большая часть низменной Моравии, испытывающая на себе влияние Вены. Между городами Брюнном и Ольмюцом чешская территория не превышает 60 километров в ширину, а рассеянные там и сям острова немецкого населения, какова, например, местность Иглау, еще более уменьшают площадь этого выступающего полуострова великого славянского континента. Впрочем, есть целые округа с «двуязычным» населением, то-есть говорящим безразлично обоими языками, и тип которого не на столько выразителен, чтобы можно было с уверенностью причислить данное население к той или другой расе. Поэтому, если говорят, что чистокровные чехи и их единоплеменники в Моравии и Силезии составляют около двух третей общего числа жителей, то эта цифра имеет лишь приблизительное значение. Одно только, кажется, несо-

1 Эдуард Рюффер, „Ein polnischer Volksstamm in Bohmen“, в журнале „Aus allen Welttheilen”, за октябрь 1876 г.

2 Эрнст Келер, „Aus allen Welttheilen“, за дек. 1876г.

3 Бернгард Котта, „Deutschlands Boden“

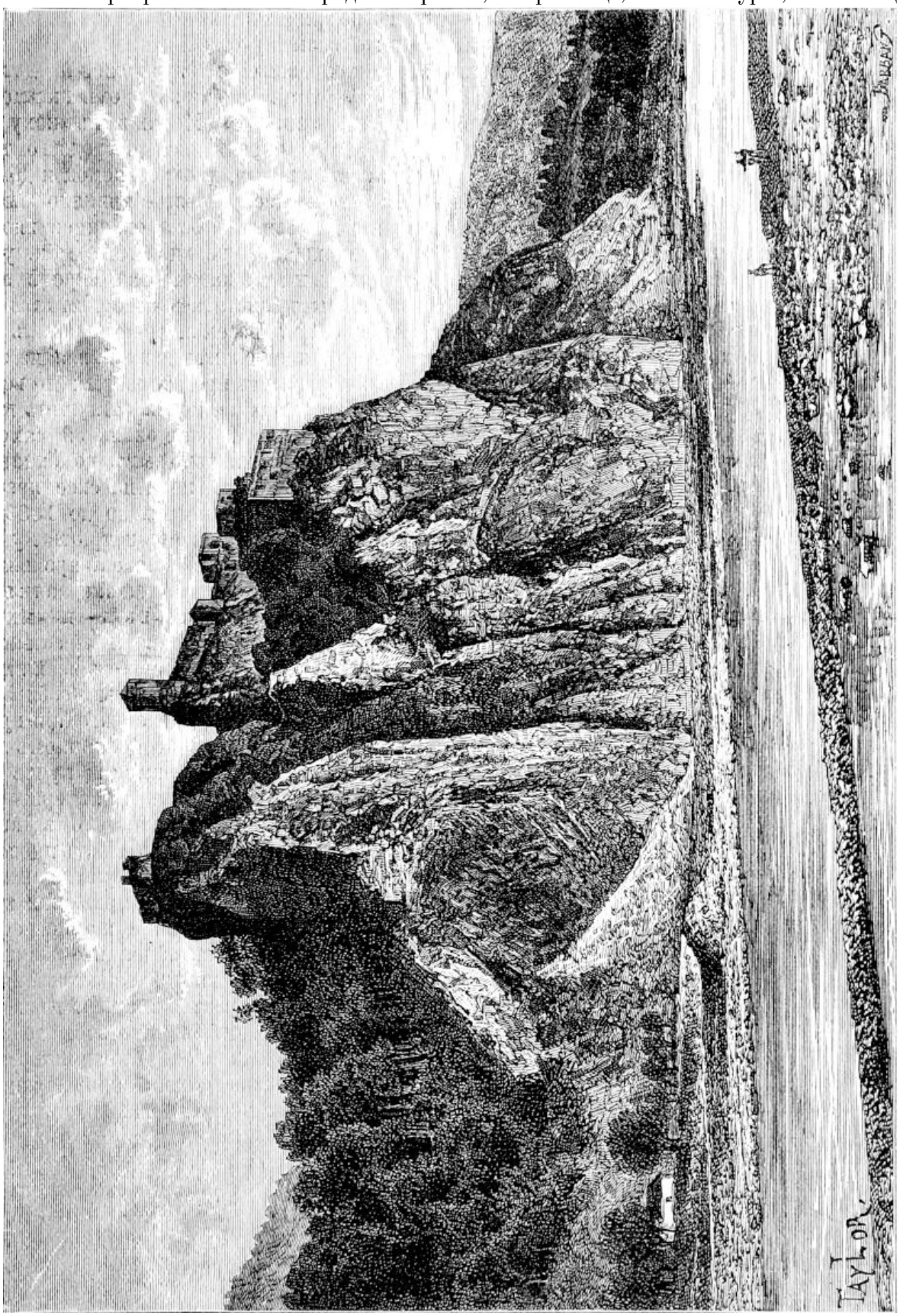
мненным, даже по свидетельству немецких писателей,—это то, что везде, за исключением пояса, простирающегося к северо-западу от Праги, между долиной Эгера и долиной Бераунки, при столкновении двух ведущих между собою борьбу языков славянская речь одерживает верх; особенно немецкие «острова» быстро утрачивают свою первоначальную национальность. Нужно сказать также, что в тех округах, где чехи составляют большинство, многие немцы, которых соотечественники их клеймят позорным именем ренегатов, стараются приобрести расположение населения, говоря ломаным чешским языком и даже переделывая свои имена и фамилии на славянский лад. Как упорно держится славянская национальность—доказывает, между прочим, тот любопытный факт, что моравские хорваты, которых не наберется и двух с половиною тысяч, в смешанных браках всегда навязывают другому супругу свой язык и свои нравы.

Распределение жителей Богемии, Моравии и австрийской Силезии по национальностям в 1880 году:

	Чехов	Немцев	Поляков	Евреев
Богемия	3.470.250	2.054.170	1.300	94.450
Моравия	1.570.330	628.900	3.080	44.175
Силезия	126.390	269.340	154.890	8.580
	5.103.970	2.952.410	159.270	147.205

В Богемии борьба между германцами и славянами очень сильна. Мало найдется стран, где бы две живущие бок-о-бок расы питали такую глубокую неприязнь друг к другу, как чехи и немцы в Богемии, по крайней мере те из них, которые с увлечением занимаются политическими вопросами: между ними замечается нечто более антипатии, почти ненависть. В глазах чеха, немец—это «олух», «скот», «вонючий клоп»; германец, в свою очередь, не остается в долгу и награждает богемца не менее обидными кличками, в роде «лгуна» или «гадины». Антагонизм этих двух национальностей имеет тем более серьезное значение, что в большей части округов он совпадает с сословными различиями. Вообще говоря, городское сословие в Богемии состоит из немцев, тогда как чехи принадлежат к аристократии или составляют массу сельского населения, и в промышленных областях огромное большинство рабочего люда; средний класс имеет своими представителями, между славянами Богемии и Моравии, только чиновников и служащих всякого рода, впрочем, весьма многочисленных. Все великия европейские события сильнее разжигают соперничествующий патриотизм двух взаимно враждебных национальностей и двух классов; даже в самых маленьких деревнях партии, организованные в форме ассоциаций всякого рода, например, в форме обществ любителей музыки, обществ взаимного обучения, потребительных и т.п., приходят в волнение и смело вызывают друг друга на бой; чешский крестьянин более или менее знаком с историею своего народа; хотя он вернулся в лоно католицизма, он, однако, помнит Яна Гусса и Жижку, и показывает с гордостью площадь Табор, откуда подавался сигнал к священной войне против немцев; он знает все места, где совершены великие подвиги его предков. Эти исторические воспоминания, может быть, объясняют отчасти ту веротерпимость, какую чехи-католики выказывают в отношении небольших гусситских общин, которые еще существуют, и в отношении их соотечественников, тоже немногочисленных, которые исповедуют протестантскую религию реформатской обрядности. Взамен того, они, вообще говоря, очень недолюбливают евреев, в которых видят союзников своих врагов, немцев. Действительно, евреи, за редкими исключениями, держат сторону немецкой партии, то-есть партии, которой им всего выгоднее служить: с немецкими бюргерами и крупными фабрикантами или промышленниками они, конечно, могут устраивать гораздо более коммерческих сделок и всяких гешефтов, чем с чешским населением; точно также и финансовые или банкирские операции они ведут преимущественно с Веною, Берлином, Лейпцигом, Бреславлем. Все они говорят и по-немецки, и по-чешски, но немецкий язык для них, разумеется, важнее, как более полезный; к тому же они имеют привычку говорить на нем между собою. Если бы вспыхнула борьба, евреи, естественно, стали бы на сторону Германии, и так как во всей Богемии и Моравии представителей этого племени не менее полутораста тысяч, а по своему среднему

образованию они превосходят немцев и чехов, то поддержка их имела бы чрезвычайно важное значение в столкновении национальностей. В Богемии город Колин есть, так сказать, их главная квартира. Во многих городах Моравии, в Проснице, Никольсбурге, Восковице, они



Развалины Шрекенштейна близъ Аусеига.

составляют уже половину или даже большинство населения. Но и чехи имеют могущественного союзника к востоку от Карпатов. Многие из них являются герольдами панславизма, и между Прагою и Москвою беспрестанно происходит обмен изъявлений дружбы.

Каков бы ни был результат их усилий в пользу национальной автономии, несомненно то, что чехи представляют одну из самых крепких и самых энергических групп населения Европы, а между славянами это самое сильное и наиболее способное к сопротивлению племя. Чешские женщины, особенно уроженки Праги, славятся красотою и великолепным цветом лица. Что касается мужчин, то они на вид мало разнятся от своих соседей немцев, разве только более выдающимися скулами и более впалыми глазами; но они обыкновенно отличаются большими размерами головы. Как показали исследования немецких ученых Вейсбаха и Глаттера[1], между европейцами костяной ящик, называемый черепом, имеет наибольшую окружность и наибольшую мозговую вместимость у чехов[2]; в этом отношении немцы стоят гораздо ниже славян Богемии и Моравии. Если бы возможно было, как это делают некоторые антропологи, классифицировать народы по степени их интеллектуальных способностей, сравнивая средний объем черепов, то чехи заняли бы в этой системе одно из первых мест между различными породами людей. И действительно, несмотря на их малочисленность и на политическую зависимость, в которой они почти всегда жили, не взирая на войны, которые так часто опустошали их отечество, чехи играли важную роль в мире мысли и умственного движения. В их главном городе, Праге, был основан, около половины четырнадцатого столетия, первый университет центральной Европы, в который вскоре стало стекаться по двадцати и по тридцати тысяч студентов; в Богемии же вспыхнуло, за сто лет до Лютера, религиозное движение, служившее предвестником реформации; в то же время письменный язык, возникший в Моравии в эпоху перевода Библии, определился посредством системы правописания, употребляемой и доныне, и общественное образование приняло быстрое и обширное развитие, остановленное впоследствии беспощадною реакциею. Австрия, успевшая уничтожить в ладинском Тироле национальный язык, пыталась совершить такое же разрушение и в Богемии; чешский язык был запрещен в школах: даже книги на этом языке подвергались преследованию; но все эти реакционные меры не могли заглушить в народе сознания своей национальной самобытности. Благодаря хитроумным комбинациям избирательного закона, политическое преобладание в Богемии принадлежало до 1883 года немцам, но это не мешает патриотизму и национальным стремлениям чехов проявляться с новою силою и с удвоенною энергиею: везде, в монастырях и замках, в старинных архивах и в твердой памяти крестьянства отыскивают предания о древнем величии отечества; народные песни тщательно собираются и комментируются; люди интеллигенции принимают широкое участие в современном литературном и научном движении; кучка чешских ученых, историков и литераторов, пишущих на своем прекрасном языке, звучном и отчасти очищенном от иностранных элементов, с честию служит авангардом всего славянства в направлении к западу Европы; книгопечатание и типографское дело приняли в Праге обширные размеры и обладают шрифтами для всех языков. Кроме того, Богемия снабжает немецкую Австрию, и особенно Вену, весьма значительною долею её публицистов, тогда как в администрации огромное множество чехов применяют на австрийской службе свой редкий организаторский талант. В массе народа быстро распространяется образование; хотя чешские крестьяне только в 1848 году были освобождены из своего полукрепостного состояния, но Богемия и Силезия занимают теперь уже второе место в империи с точки зрения народного просвещения; они уступают в этом отношении только собственно так называемым австрийским провинциям. Чехи, ганаки, гораки имеют, повидимому, особенную способность к изучению высшей математики; вместе с тем они очень склонны к музыке и компонируют музыкальные пьесы с большою легкостью: между современными артистами чехи, хотя принадлежащие к такой малочисленной нации, имеют абсолютное большинство, даже в сравнении с итальянцами и немцами[3], однако, ни один из них не сделался первоклассною знаменитостью. Заметим кстати, что эта любовь к музыке есть единственная черта сходства чехов с бродячими цыганами, которых средние века, в своем невежестве, окрестили именем богемцев (по-французски

1 „Ausland", 15 апреля 1872 г.

2 Зелигман, „Geographischen Jahrbuch", von E. Behm, Band III.

3 Г. Коль, „Die Volker Europa's".

bohemiens).

Настоящие богемцы, то-есть чехи, почти везде перестали, как и немцы, носить национальный костюм, и то оригинальное одеяние, в котором иногда щеголяют пражские студенты, в действительности есть не что иное, как плод фантазии. В деревнях Домажлицкого округа женщины любят еще рядиться в корсеты, красные платки старинной формы и красные чулки, виднеющиеся из-под короткого платья; но это—единственная часть Богемии, где сохранились старые моды; теперь нужно идти в Моравию и к словакам, живущим на венгерской границе, чтобы найти туземцев, одежда которых походит на одежду предков. Самый красивый костюм у ганаков, земледельцев богатой равнины, по которой протекает река Гана, впадающая в Мораву. Еще недавно почти все они носили широкие штаны из желтой кожи, украшенные вычурными арабесками, вышитый пояс, суконное полукафтанье, богато отороченное и унизанное на груди металлическими пуговками. Длинный сюртук из белого сукна или синий плащ с несколькими воротниками дополнял костюм. Черная шляпа, украшенная у молодых людей желтыми или красными лентами, возвышалась над их круглым лицом, с полными щеками, с белокурыми, лоснящимися волосами. При том, все ганаки, мужчины и женщины, носят, подобно венгерцам, большие сапоги, чтобы удобнее ходить в вязкой, глинистой почве, и эта массивная обувь делает их походку тяжеловатою. На северо-западной оконечности Богемии, в Эгерском округе, можно еще кое-где встретить женщин, сохранивших привычку своих прабабушек подкладывать, для большей пышности, на грудь и плечи толстые подушки, набитые перьями, что придает почти сферическую форму всей верхней части туловища. Трудно придумать более уродливую моду, и никто, конечно, не пожалеет, что эта особенность национального костюма почти совсем вышла из употребления, но богемские крестьянки, заимствуя у своих немецких соседок современный покрой платья, остались верны красному цвету, так что издали они кажутся цветками мака, блистающими на зеленом фоне бесконечных полей.

Подобно национальным костюмам, и жилища чехов постепенно теряют свой типичный характер. В настоящее время города Богемии и Моравии общим расположением кварталов и архитектурой домов мало отличаются от городов Германии; только деревни отдаленных округов сохранили еще тот вид, какой они имели в средние века. Вместо того, чтобы развертываться длинными улицами по обе стороны большой дороги, или расходиться лучеобразно от перекрестка, эти старинные селения образуют неправильную окружность вокруг площади круглой или овальной формы. Дома в них все деревянные, и со стороны площади имеют только одну дверь и два окна, отененные далеко выступающим краем или навесом соломенной крыши, поддерживаемой двумя столбами. Риги, скотные дворы, кучи навоза расположены в виде внешнего круга, обнимающего круг домов. Садов, цветников, даже огородов почти нигде нет, вообще деревня имеет довольно невзрачный вид, и единственное украшение её составляет статуэтка Непомука (св. Иоанна), патрона Богемии. Но площадь часто оживляется сельскими балами, ибо чехи до страсти любят танцы, и очень многие из наших па заимствованы у них[1].

Моравия и особенно Богемия принадлежат к странам крупной земельной собственности. Более трети Богемии разделено на «дворянские земли», сообразно различным условиям поместий, известных под разными наименованиями: ленов, аллодиальных владений, фидеикоммисов, субституций. Некоторые из этих имений обнимают пространство земли в сто и двести квадр. верст. Один князь Шварценберг владеет тридцатой частью всей почвы Богемии, именно 1780 кв. километр.; это территория более обширная, чем территория многих мелких государств Германии. Император, прелаты, церкви тоже фигурируют между крупными землевладельцами Богемии. И здесь, как во всех других государствах Европы, где земельная собственность сосредоточена в немногих руках, существование больших ленов или дворянских поместий имеет следствием обеднение и деморализацию. Каждое феодальное семейство имеет своих советников, своих управляющих и дворецких, своих сборщиков оброка

1 Richard Andrde, „Tchechische Gange “

и повинностей, свою многочисленную челядь, настоящий двор паразитов, жадных и интригующих; вокруг этих пышных замков население живет в бедности, и земля дурно обработана. Хотя лучшие земли Богемии составляют часть больших поместий, княжеские лены врядли представляют, по-десятинно, даже половину той ценности, которую имеют на рынке мелкие раздробленные имения.

Вследствие этих неблагоприятных условий, земледелие в Богемии и Моравии находится далеко не в блестящем состоянии и требует еще больших улучшений; но и теперь уже эти страны принадлежат к тем провинциям Австро-Венгрии, которые производят сравнительно наибольшее количество земледельческих продуктов и скота. Некоторые округа отличаются редким плодородием почвы: таковы, например, низменные равнины Моравии и особенно долина Ганы, крестьяне которой все живут в довольстве; таковы же берега верхнего течения Эльбы, в окрестностях Кралевина-Градца (Kralove Hradec, по-немецки Кениггрец), долина реки Эгер, так называемый Теплицкий «Рай», и базальтовые области Средних гор (Mittelgebirge), известные под именем «Сада Богемии». Хмель, получаемый в окрестностях города Жатец (Zatec, по-немецки Saaz), где лето обыкновенно бывает очень сухое, и где поля превосходно обрабатываются местными крестьянами, считается лучшим продуктом этого рода во всей континентальной Европе. К этим разнообразным земледельческим произведениям, между которыми находятся даже вина, пользующиеся некоторою репутациею, например, мельникские, приготовляемые из винограда, растущего на скатах холмов при слиянии Молдавы и Эльбы, нужно прибавить еще минеральные сокровища, существующие в разных местах чешских земель. Богемия и Силезия очень богаты залежами минерального топлива и месторождениями металлов. В бассейнах Эльбы и Одера, в Пильзене (Plzen), в Кладно, в Теплице, в Польской Острове (Polnisch Ostrau), разрабатываются важные копи каменного угля и лигнита, доставляющие более половины всего минерального топлива, добываемого в Австро-Венгрии. Добыча ископаемого топлива в Богемии (1891 г.) около 38 миллион. метр. центнр. каменного угля и 130 миллион. центнр. лигнита; в Моравии (1893 г.)—13 миллион. каменного угля и 1.189.000 центнр. лигнита; в Силезии (1894 г.), в Острау-Карвинском бассейне, 37,4 миллион. центнр. каменного угля. Моравия и южная Богемия, именно в окрестностях Будвейса (Budejovice), имеют драгоценные слои графита, дающие три четверти всего количества этого минерала, получаемого в Австрии. На южном склоне Рудных гор есть также значительные месторождения олова, металла, не встречающагося в большей части европейских стран. Если бы в Богемии существовали залежи каменной соли, то её геологическая сокровищница заключала бы полный комплект произведений ископаемого царства, от золота и драгоценных камней до железа и порфира: эта страна имела бы все минералы, которыми пользуется человек. Один чешский город, Кутна-Гора (Kutna-Hora), или Куттенберг, деятельность которого сосредоточена исключительно на мануфактурной промышленности, был некогда одним из знаменитейших горнозаводских городов во всем свете; до открытия Америки, его серебряные рудники доставляли на европейский рынок большую часть металла, необходимого для тогдашней циркуляции серебряной монеты. Шахта одного покинутого рудника в Кутна-Горе долгое время была самая глубокая из всех шахт, какие существовали в Европе; по Гумбольдту, она опускалась почти на тысячу метров вглубь земли. Трупы 4.000 «богемских братьев», брошенные в эту шахту во время религиозных войн, отчасти наполнили её глубины. В настоящее время другие рудники Богемии, именно Пржибрамские, где добывается свинцовая руда, содержащая серебро, славятся как самые глубокие во всем мире и как рудники, разработка которых в нижних галлереях ведется наиболее правильным образом. Открытые, как говорят, с 755 года, эти рудники имели весьма важное значение до половины шестнадцатого века. Затем, со времени прилива в Европу сокровищ Нового Света, они были почти совсем оставлены; но в конце прошлого столетия заметили, что богатство руды возрастает с увеличением глубины рудника, и деятельно принялись за дальнейшую раскопку земли. В настоящее время Пржибрамский рудник имеет 17 больших шахт, каждая глубиною в несколько сот метров; одна из них, шахта Адальберта, насчитывает около 30 ярусов галлерей до глубины 1.020 метров, т.е. на 471 метр ниже уровня Адриатического

моря; теперь самая глубокая шахта—Мариинская (1.126 метр.). Работы по углублению шахт продолжаются постоянно, и, как предвидели, добыча металла не переставала возрастать. Добыча серебра из Пржибрамского рудника: в 1779 г. 187 килогр., в 1800 г. 771 килогр., в 1817 г. 2.110 килогр., в 1833 г. 6.425 килогр., в 1860 г. 12.807 килогр., в 1877 г. 27.015 килогр., в 1894 г. 37.179 килогр. Число рабочих 5.300. Сила машин (1877 г.): 1.853 паровых лошадей; длина пробитых галлерей 245.089 километр.; чистая прибыль 3.221.800 франков.

По своим многочисленным фабричным заведениям всякого рода, Богемия и её две восточные соседки, Моравия и Силезия, стоят во главе австро-венгерской промышленности: годовая ценность мануфактурных произведений этих стран равняется или даже превышает годовую ценность продуктов сельского хозяйства; по приблизительному исчислению, она составляет более миллиарда франков. Мы находим здесь самые разнообразные фабрики и заводы—бумагопрядильни, шерстопрядильни, ткацкия фабрики, набойные и красильные заведения, суконные мануфактуры, железо-делательные и чугунно-плавильные заводы, фабрики машин, заводы химических продуктов, мастерские для отделки материй и кож, фаянсовые и обойные фабрики, свеклосахарные и рафинадные заводы, пивоваренные заводы и т.д.; словом, чешские земли имеют весь промышленный механизм, необходимый для производства предметов обыденного потребления и роскоши, какие требуются современными народами. Между этими предметами особенно замечательны стеклянные изделия, которые, не будучи важнейшим источником доходов страны, составляют, однако, гордость и славу Богемии. Преемники венецианцев, артисты-стекольщики Богемского леса, Исполиновых гор и Моравского плоскогорья умеют придавать всему, что выходит из их рук, необыкновенную красоту форм и цветов. По прозрачности и легкости хрусталя, правильности граней, изяществу рисунка, искусному подбору оттенков, блеску и прочности красок, богемские стекла смело могут выдержать сравнение с совершеннейшими произведениями знаменитейших фабрик этого рода в Европе. Что касается Венеции, то она, по части фабрикации стекла, давно уже превзойдена различными странами, которые обязаны ей первым знакомством с этою отраслью промышленности.

За исключением лесов и возвышенных долин в горах, почти все части области, заключающейся между Бемервальдом и Карпатами, оживлены фабричною деятельностью. Здесь каждый округ имеет свои специальные рессурсы или выгоды положения, из которых промышленники съумели извлечь пользу: оттого, хотя более четверти страны покрыто еще лесами, среднее население сделалось очень густо, гораздо гуще, чем население остальной Австрии. Вот точные цифры, показывающие плотность населения этих стран, по данным переписи 31 декабря 1890 г.:

	Пространство, кв. километр.	Насление, жителей	На 1 кв. килом жителей
Богемия	51.967	5.843.094	112
Моравия	22.231	2.276.870	102
Силезия	5.153	605.649	117

Стеклянные фабрики группируются преимущественно в гористых областях, где они находят в изобилии кремнезем и растительное топливо; центр фаянсовой промышленности находится в соседстве Карлсбада, на берегах реки Эгер; мануфактуры всякого рода, особенно металлургические заведения, расположились в соседстве каменноугольных копей, в Пильзене (Plzen), в Кладно, в Польской Острове; большие города, Прага, Брюнн, Троппау тоже привлекли многочисленное промышленное население; но преимущественно в северо-восточной части Богемии, вокруг Рейхенберга и во всем поясе, который тянется в верхнем бассейне Эльбы, сосредоточилась обширная мануфактурная деятельность: эту область по справедливости можно назвать Ланкаширом Австро-Венгрии. Важность её еще более увеличивается оттого, что она лежит при выходе проходов Исполиновых гор; здесь сходятся естественные пути, ведущие из Берлина в Вену через равнины Моравии, и здесь, следовательно, должен находиться стратегический пункт, захват которого дает победителю ключ ко всей Богемии; в этой местности возвышаются холмы, где происходила, в 1866 году, Садовская битва, а

недалеко отсюда, на противуположном склоне плоской возвышенности, расстилаются поля Аустерлица, не менее Садовы обагренные человеческою кровью. Верхняя долина Одера тоже представляет очень важную область, как место перевала через горы и путь международных торговых сношений; в случае войны эта местность тоже была бы чрезвычайно важным пунктом для защиты страны; здесь оканчивается идущая через низменную Моравию Венская дорога, отделяющая из себя ветви к Бреславлю, Данцигу, Варшаве и центральной России.

Прага (Praha), столица Богемии, принадлежит к числу красивейших городов в свете. Туземцы, разумеется, отдают ей пальму первенства; для них она, так же, как и для их предков, все еще «солнце между городами». Гумбольдт, говорят, находил только три города, превосходящие Прагу красотой местоположения—Лиссабон, Неаполь и Константинополь; но все подобные оценки имеют чисто личный характер, так как каждый артист, каждый поэт созерцает природу и произведения человека с своей особенной, индивидуальной точки зрения. Тем не менее, всякий, наверно, залюбуется картиной, которую представляет «тысячебашенный» город, холм Градчин, увенчанный громадным дворцом, укрепленная скала Вышеград, где стояли, в баснословные времена, первые дома Праги, мосты, мостики и железно-дорожные путеводы, соединяющие две половины города, красивая Молдава, широкая как озеро и омывающая своими темными водами островки зелени. Прага—один из тех городов, которые занимают географическое положение, куда естественно должны были стекаться все живые силы края. Находясь как раз в центре фигуры большего четыреугольника Богемии, в точке соединения всех верхних вод Молдавы, в том месте, где встречаются естественные пути, открывающиеся с той и другой стороны через ворота гор, Прага, в силу этого центрального положения, является экономическим средоточием Богемии, городом, где с наибольшим удобством может происходить обмен всех произведений страны; она служит естественным посредником между областью равнин и областью плоскогорий и возвышенных долин; в то же время она составляет общий центр сопротивления против всякого нападения извне[1]. Одна только позиция в Богемии, на первый взгляд, могла бы сравниться по выгодности с положением Праги: это то место, где стоит город Литомержице, или Лейтмериц, ниже слияния Эгера с Эльбой и выше длинного ущелья чешской и саксонской Швейцарии[2]; но в отношении удобства сообщения с внешней оградой гор Прага находится в гораздо более выгодных условиях. В эти последние годы железные дороги, сходящиеся со всех сторон к Праге, быстро увеличили её естественную важность. После двух столиц империи, Вены и Пешта, она занимает первое место между городами Австро-Венгрии: Прага одна заключает в шесть раз больше жителей, чем Пильзен, второй город Богемии по цифре населения. Правда, что и Вена до некоторой степени должна быть рассматриваема, как чешский город, так как в ней находится около трех сот тысяч северных славян. В самой Праге немцы составляют более значительный процент населения, чем во всей Богемии, взятой в совокупности, но большинство все-таки принадлежит чехам. В 1890 г. в Праге насчитывали жителей чешского языка 83,5%, жителей немецкого языка 16,4%.

Центральная часть Праги, или старый город, все еще представляет самый интересный квартал, как по своим памятникам, так и по воспоминаниям, которые с ним связаны. Здесь находится городская ратуша, с огромной башней, замечательной своим искусно устроенным часовым механизмом, и перед которой, после битвы при Белой Горе, были обезглавлены главные вожди протестантской партии в Богемии; против восточного фасада ратуши возвышается старая церковь Успения или Тейнская, с многочисленными боковыми башнями, расположенными вокруг главных башень или колоколен; недалеко оттуда находится университет «Carolo-Ferdinandea», разделенный, с 1882 г., на два самостоятельных университета: чешский и немецкий; по числу слушателей это первый университет Австро-Венгрии по-

1 И. Г. Коль, „Die geographische Lage der Hauptstadte Europas“;—Куцев, „Das Deutsche Land“.

2 Бернгард Котта, „Deutschlands Boden“.

сле венского и один из самых богатых по количеству драгоценных книг, относящихся к истории и литературе славянства. В начале XV в. он имел, говорят, до 30.000 воспитанников и 700 профессоров. В 1893 г. в немецком университете было 155 профессоров и 1.287 студентов, в чешском 150 профессоров и 2.410 студентов; общая библиотека их содержала 215.000 томов. Из мостов, построенных через Молдаву, самый оживленный и самый замечательный —Карлов мост (по-немецки (Karlsbrucke); при входе на этот мост возвышается старинная оборонительная башня, которую победители на Белой Горе украсили некогда отрубленными головами и руками побежденных богемских протестантов. Кафедральный собор св. Витта, недоконченный, который до пожара 1541 г. был самым высоким зданием в свете, находится в центре Градчина или верхнего города, и представляет один из замечательнейших памятников средневековой архитектуры: здесь можно видеть прекрасные стрелки свода, на половину разрушенные прусскими бомбами во время бомбардирования Градчина в 1757 г., и в капелле св. Венцеслава любопытные скульптурные и мозаичные украшения. Что касается массивных строений, занимающих всю окружность градчинского плато, то между ними особенного внимания заслуживает то место замка (старая сеймовая зала), откуда, в 1618 году, были выброшены из окна императорские правители, что, как известно, послужило ближайшим поводом к Тридцатилетней войне, самой жестокой и опустошительной из войн новейшего времени. Кучи навоза, на которые упали эти правители (Мартиниц, Славата и Фабрициус), были впоследствии заменены лужайками и цветниками. Другие сады, более обширные, окружают Градчин с северной и восточной стороны, и там же находится изящная вилла Бельведер (древний увеселительный замок Фердинанда I), откуда открывается лучший вид на Прагу и живописные извилины Молдавы, и откуда виден также, в западном направлении, профиль Белой Горы, на которой нанесен был страшный удар могуществу Богемии в начале Тридцатилетней войны. Большая часть соседних высот, которые могли бы служить прекрасными гульбищами, покрыта укреплениями, амбразуры которых обращены к стороне города. Прага не может, следовательно, увеличиваться в западном направлении со стороны Градчинского квартала, обнесенного каменною стеною, но она беспрепятственно расширяется на восток, вдоль Молдавы, своим промышленным кварталом Карлин или Каролинеталь, на юго-запад—кварталом Смихов, также богатым фабриками и заводами, равно как на восток по высотам, где расположены кварталы Жижков и Новая Прага. Внутренность города мало-по-малу преобразовывается проложением новых улиц, устройством набережных и сооружением кое-где новых пышных зданий, из которых назовем Чешский Национальный театр. Но многие кварталы сохранили еще обветшалый вид, между прочим, так называемый жидовский город, который хотя и перестал быть средне-вековым ghetto, но и до сих пор населен преимущественно евреями: древняя синагога (Altneuschule) представляет мрачную массу из черного камня, угрюмую внутри, как в худшие времена средних веков; на старом еврейском кладбище, среди могильных камней и мелкого кустарника, посетителю кажется, что он какою-то волшебной силою перенесен в давно минувшие века и находится далеко от современного шумного города.

Когда Прага была столицею независимого государства, королевским дворцом по преимуществу, так сказать—центром монархии, еще более, чем Градчин, был замок Карлов-Тын (Karluv Tyn, по-немецки Karlsstein), построенный к юго-западу от города, на уединенной скале, вокруг которой извивается Бераунка. Этот «несравненный» замок, как его называли, до сей поры сохранил свой величественный вид, а также некоторые из сокровищ искусства, которые он некогда заключал в себе; но золотые гербовые щиты, которыми он был покрыт, королевские клейноды, реликвии Богемии, лучшие картины были перевезены в Вену. В настоящее время окрестности столицы усеяны другими замками, большими загородными домами, деревнями, состоящими сплошь из вилл и гостиниц; но во многих предместьях только по большому числу фабрик и заводов можно догадаться о близости центрального города Богемии: эти фабричные заведения пользуются двойною выгодою, находясь в одно и то же время возле большого центра потребления и торговли и по близости от каменноугольных копей, которые доставляют им необходимое топливо. В городе Кладно, который занимает середину

каменно-угольного бассейна, находятся обширнейшие металлургические заведения Богемии.

Будвейс (по-чешски Budejovice), главный город южной Богемии, на верхнем течении Молдавы, пользуется в торговом отношении весьма значительными выгодами, благодаря своему положению близ крайнего угла страны, на кратчайшем пути, который ведет к важному пункту на Дунае, именно к месту слияния его с рекою Траун; этим путем некогда производилась торговля Богемии и большой части бассейна нижней Эльбы с долиною Дуная и с Венецианским заливом; здесь же была построена, в 1828 г., первая в континентальной Европе конно-железная дорога. Теперь железные дороги, разветвляющиеся по всем направлениям, уменьшили, сравнительно с прежним временем, цену этой торговой позиции, но Будвейс все еще остается значительным складочным местом. При том же это единственный важный город на юге Богемии; главная площадь его считается самою красивою во всей стране, а на одном из окрестных холмов, с которого можно обозревать обширный горизонт лесов и гор, стоит великолепный замок Фрауэнберг. Город Пизек на ручье, вытекающем из гор Шумавы, лежит в местности, изобилующей лесами и замками; старый Табор, приобревший большую известность в эпоху гусситских войн, имеет несколько зданий, напоминающих времена его славы, но теперь это не более, как мирное местечко, наблюдающее с высоты своего плато за бегущею у его подножия извилистою речкою Лужницею, берега которой усеяны мельницами. В память таборского народного собрания, на котором присутствовало до 40.000 человек, чехи называют всякое большое национальное собрание табором.

В бассейне Бероунки или Бераунки, реки, которая соединяется с Молдавою в нескольких километрах выше Праги, находятся многие значительные группы населения; таковы города: Клатова или Клаттау, построенный при выходе долин Шумавы, населенных «королевскими крестьянами»; Домажлице или Таус, знаменитый страж горного прохода того же имени; Мариенбад, с минеральными водами, окруженный большими лесами, в которых по всем направлениям идут прекрасные аллеи; Стржибро или Мис, разбогатевший от разработки свинцовых рудников; Пржибрам, еще более известный своими серебряными рудниками. Но главным городом этого бассейна следует считать Пильзен или Плзень, стоящий в месте соединения притоков, из которых образуется Бераунка. Благодаря сходящимся в нем железным дорогам, Пильзен сделался важнейшим, после столицы, центром Богемии и занимает второе место между городами страны, которое недавно оспаривал у него Рейхенберг, его соперник по промышленности. Пильзен славится своими ярмарками, во время которых он превращается в маленький Лейпциг; но, за исключением этого минутного оживления, улицы города, как и его предместья, представляют вид обеднения и запустения; однако, сад, разведенный вокруг всего города на месте прежнего городского вала, составляет очень красивую ограду из лужаек и цветов. Впрочем, этот город имеет большие задатки для будущего благосостояния в богатых каменно-угольных копях своего бассейна и в своих пивоваренных заводах, приготовляющих лучшее пиво во всей Австрии. Главный завод, так называемая «пивоварня горожан», принадлежащий 382 пильзенским домовладельцам, отправляет свои продукты даже в Египет, в Индию, в Америку, и имеет в своем распоряжении огромный лабиринт погребов, галлереи которых с каждым годом проникают все далее и далее внутрь скал.

Долина р. Эгера, или Охрже, идущая в виде длинного рва на южной стороне Рудных гор, то-есть на северо-западном фронте Богемии, усеяна многочисленными городами. Город, носящий по-немецки имя реки Эгер (по-чешски Хеб), имеет весьма важное значение, как место пересечения многих железных дорог, на общих границах Богемии, Баварии и Саксонии; вместе с тем это промышленный город и один из известнейших городов прежней Германской империи: так, между прочим, здесь показывают, в городской ратуше, ту комнату, в которой был убит Валленштейн, в 1634 году. Толпы посетителей сменяют одна другую в этом историческом месте, так как Эгер лежит в соседстве с тремя важнейшими термальными станциями западной Богемии—Карлсбадом, Мариенбадом и Франценсбадом. На северо-

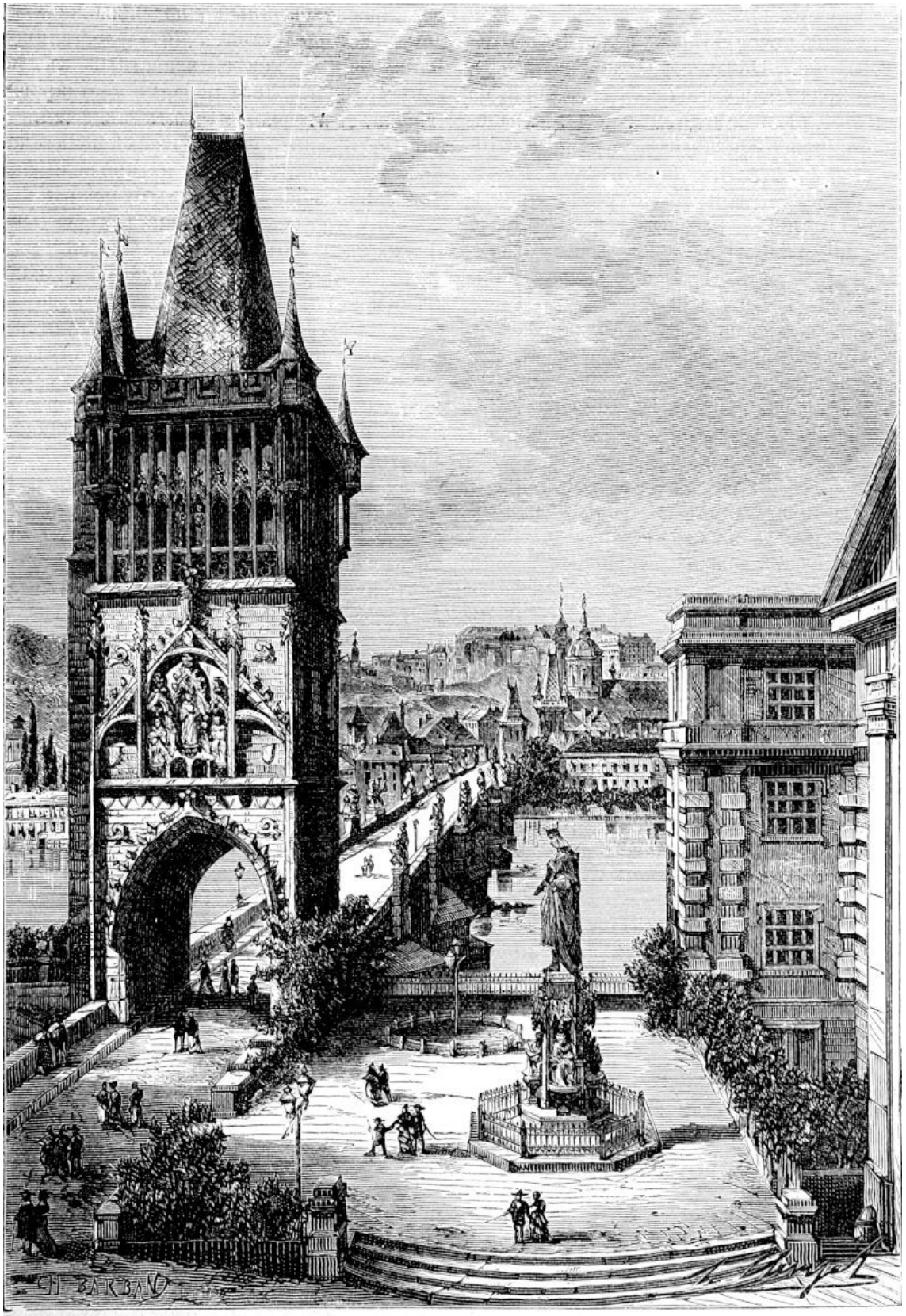
западе, в угле, который вдается клином между Баварией и Саксонией, находится фабричный город Аш, известный своими прядильными мануфактурами.

Карлсбад (по-чешски Карлове-Вары, т.е. горячие воды), знаменитейший курорт центральной Европы, расположен в очаровательной местности, среди гор, и соединяет в себе все, что может сделать приятным пребывание его многочисленным гостям (число пользующихся карлсбадскими водами, пробывающих в городе более недели, доходит до 35.000). Главный источник, который вызвал к жизни целый город в узкой долине реки Тепль, и сам представляет одно из тех любопытных явлений природы, которые редко можно видеть вне вулканических стран: главный фонтан, или Шпрудель (Sprudel), выбрасывающий слишком 20 литров воды в секунду, бьет из земли вертикальною струею, над которою клубятся облака пара, далеко разносящагося по атмосфере; посредством трубы, устроенной в самом ложе реки, горячая вода взлетает на высоту нескольких метров, и вокруг падающей жидкой массы образуется пьедестал из красноватых отложений, кое-где покрытых зеленью водорослей. Прежде скалы замыкали долину Тепль ниже Шпруделя, и воды фонтана, задерживаемые этою запрудою, разливались в виде пруда, доказательством чего служат каменистые отложения, на которых построены окружающие этот источник дома. Город, имеющий такую же извилистую форму, как и река, на которой он стоит, продолжается на протяжении многих километров по обоим берегам Тепля, вдаваясь своими кварталами в боковые долины и беспрестанно увеличиваясь то новым отелем, то виллою или павильоном, которые занимают все выступы лесистых холмов, составляющих его естественную ограду. До наступления купального сезона улицы и набережные Карлсбада почти совершенно пусты; однако, город имеет и другие источники существования, кроме дохода, доставляемого посетителями вод; он принимает участие в обширной мануфактурной деятельности страны: в окрестностях его жители занимаются преимущественно фабрикациею фарфора и вязаньем кружев, тогда как соседние с ним города Рудных гор, Граслиц (Grasslitz) и Иоахимсталь (Ioachimsthal) промышляют—первый вышиванием материй и приготовлением музыкальных инструментов, второй разработкою рудников; здесь были, в 1518 г., отчеканены первые серебряные монеты, известные под именем «иоахимсталеров», откуда и произошли названия «талер», «риксдалер», «доллар», применяемые ныне к серебряным деньгам многих стран. Ниже, в долине Эгера, находим Жатец или Заац, один из богатейших городов Богемии, центр торговли хмелем, а в волнистой равнине, которая тянется на север, лежит город Хомутов, или Комотау, окруженный металлургическими заводами.

Нижняя долина чешской Эльбы, между устьем Эгера и границею, тоже очень густо населена. Город Литомержице, или Лейтмериц, построенный против впадения Эгера, дополняется на юге укрепленным местечком Терезин, или Терезиенштадт. Ниже находится другой значительный город, Ауссиг, а соседние городки, Тетшен и Боденбах, служат его передовыми станциями близ саксонской границы.

На западе, в одной из самых живописных местностей Богемии, находятся купальные города: Билин, с минеральными источниками Зедлицким и Пюльненским, пользующимися большою известностью, и хорошенький Теплиц, целебные воды которого привлекают почти столь же многочисленную публику, как и карлсбадские; больные приезжают в Теплиц главным образом для довершения своего лечения. Внутренние города, лежащие по другую сторону долины Эльбы, Варнсдорф, Шенлинде, Георгсвалде, Ческа-Липа, или Бемиш-Лейпа, Млада-Болеслав или Юнг-Бунцлау, имеют значение только по своей промышленности, преимущественно ткацкой; Штейншенау замечателен как центр мастерских для отделки крупного богемского стекла, тогда как Габлонц занимается преимущественно фабрикацией мелких стеклянных изделий, пуговиц, ожерелий и т.п. Что касается многолюдного Рейхенберга, который чехи называют Либерец, то важнейшую отрасль его фабричной промышленности составляет производство сукон: в этом отношении он занимает первое место во всей Австро-Венгрии; но, кроме суконных фабрик, в нем есть много других мануфактур разного рода. Торговое значение Рейхенберга тоже чрезвычайно важно, так как он занимает одни из ворот

Богемии, именно широкую впадину или долину, открывающуюся между цепью Эшкен и Изерскими горами. Далее на востоке встречаем город Траутенау, главную промышленность которого составляет фабрикация полотен; положение этого города, как и положение Рейхен-



Карловъ мостъ въ Прагѣ.

берга, представляет выгоды в торговом и опасность в стратегическом отношении, потому что он лежит при входе в одни из естественных ворот Богемии, у восточной оконечности хребта Исполиновых гор.

На верхнем течении Эльбы нет значительных городов. Ниже городка Гогенельбе, имеющего прядильные и обойные фабрики, на берегах этой реки находятся города: Кралевин-Двор, или Кенигингоф, Яромер и Иозефов (Иозефштадт), знаменитая крепость Кралев-Градец, или Кениггрец, промышленный Пардубиц. Колин, близ которого табориты потеряли тринадцать тысяч своего войска в 1434 г., и где, спустя триста слишком лет, король прусский Фридрих II потерпел одно из своих редких поражений. Также в бассейне Эльбы, но вне главной долины, лежат фабричные города Литомышле, Хрудим, Кутна-Гора, или Куттенберг, славившийся некогда, особенно в четырнадцатом веке, своими серебряными рудниками; в то время Куттенберг был местом заседания, сеймов и духовных соборов или синодов, и великолепные здания, из которых иные существуют доныне, украшали улицы этого богатого города; это был «богемский Нюренберг». В настоящее время главную отрасль его промышленности составляет фабрикация свекловичного сахара. На юго-востоке находится город Часлав (Caslav), где Фридрих II одержал победу, которая доставила ему обладание большею частью Силезии. В одной из чаславских церквей погребено тело известного вождя гусситов, Жижки. Ичин (Титшейн), на притоке верхней Эльбы,—тоже фабричный город.

Важнейшие города Богемии, с цифрой населения в 1890 г.:

Прага, с предместьями—310.483; Рейхенберг (Либерец)—30.890; Пильзен—50.221; Будвейс (Будеговице)—28.491; Варнсдорф—15.160; Хеб или Эгер—19.000; Кутна-Гора или Куттенберг—13.563; Теплиц, с Шенау (1895 г.)—20.212; Кладно 17.215; Ауссиг—23.650; Литомержице (Лейтмериц)—11.342; Колин—13.566; Хрудим—12.128; Аш—16.000; Пржибрам—13.412; Ческа-Липа (Бемиш-Лейпа)—10.406; Румбург—10.178; Млада-Болеслав (Юнг-Бунцлау)—11.518; Траутенау—8.300; Пардубиц—12.367; Георгсвальде—8.750; Клатовы (Клаттау)—10.811; Хомутов или Комотау—13.050; Карлсбад—12.033; Домажлице (Таус)—7.703; Литомышле—8.012, Табор—8.440; Кралев-Градец (Кениггрец)—7.816 жителей.

Ни один из городов Моравии не может сравниться с Прагою ни красотою местоположения и великолепием архитектурных памятников, ни богатством исторических воспоминаний, ни важностью нынешней роли в торговом и промышленном движении. Брюнн (Brunn) или Берно (Brno), столица Моравии, на Цвиттаве, западном притоке Моравы, представляет большой промышленный город, расположенный у подошвы горы, на вершине который стоит цитадель, знаменитый Шпильбфрг, менее известный в истории как крепость, нежели как государственная тюрьма, служившая местом заключения Сильвио Пеллико и многих других политических преступников. Собственно городские укрепления давно превращены в бульвары и сады, зелень которых составляет приятный контраст с закоптелыми фабриками, рассеянными в окрестностях города,—прядильными, красильными, суконными; материи, выделываемые на этих фабриках, пользуются большою известностью в Австрии, но им приходится выдерживать конкурренцию с тканями того же рода, производимыми на фабриках Лидса и Вервье. Ольмюц (по-славянски Голомуц или Оломуц), вторая столица края и главная его крепость, окруженная болотами (осушение которых встречает препятствия со стороны инженерного ведомства), имеет преимущественно стратегическое значение, как пункт, защищающий верхнюю долину Моравы и горные проходы, которые ведут в Силезию через брешь Гезенке (Gesenke), открывающуюся между Исполиновыми горами и Карпатами. В той же долине находятся многие другие важные группы населения, таковы: Шёнберг, у подошвы предгорий Судетов, с железными рудниками и металлургическими заводами; Штернберг, к северу от Ольмюца, фабричный город, занимающийся преимущественно производством камчатного полотна; на западе, среди плодородных равнин, расстилающихся по берегам Ганы, город Просниц, складочный пункт земледельческих произведений окружающей его области, имеющий, кроме того, суконные фабрики; на юге лежит Прерау, одна из главных узловых железнодорожных станций Моравии; ниже по Мораве встречаем город Кремзир (Kremsier, по-славянски Кромериж), который в 1848 и 1849 гг. был нечто в роде столицы, когда в нем собирался австрийский парламент. Унгариш-Градиш, или «Венгерский замок», построенный на одном из островов Моравы, представляет теперь маленький го-

род, без крупной промышленности; но недалеко от него, севернее, находится древний Веллеград, бывший некогда центром могущественного Моравского царства, павшего в начале десятого столетия.

Самый многолюдный город Моравии, после Брюнна, Иглава или Иглау (по-чешски Jihlava), хотя и лежит еще в бассейне Моравы, но далеко от главной реки, и его гористая территория орошается только небольшим ручьем, Иглавкой; тем не менее этот город имеет весьма важное значение как место проезда пассажиров и провоза товаров, так как он находится почти на половине пути между Прагою и Веною; вместе с тем это один из центров моравской промышленности по фабрикации сукон; кроме того, и стеклянное производство в эти последние годы приняло в нем обширные размеры. Прежде Иглава был одним из важнейших горнозаводских городов центральной Европы, и его горные уставы вводились в других странах как образцовые. Живописный город Знаймо (по-немецки Цнайм), лежащий, как и Никольсбург, в непосредственном соседстве с австрийскою границею, обязан значительною долею своей торговли сношениям с столицею империи, и в летнее время венцы приезжают сюда массами, чтобы посмотреть его старинные церкви, его капеллы и башни. Что касается городов, лежащих в долинах Карпатов, то все они незначительны, по причине недостатка удобных путей сообщения; впрочем, один из них, именно Новый Ичин (Novy Jicin, по-немецки Ней-Титшейн), окруженный плодородными равнинами, известными под именем «страны коров», занимает довольно видное место между центрами населения Моравии. В окрестностях Ново-Ичина находятся пещеры, прославленные открытием в них костей мамонтов, носорогов, первобытных быков, зубров, львов и других больших млекопитающих; в одной из этих пещер нашли человеческую челюсть, «обезьяно-подобную», по Шафгаузену.

Важнейшие города Моравии 31 декаб. 1890 г.:

Брюнн (Берно)—94.462; Иглау (Иглава)—23.716; Просниц (Проснице)—19.512; Ольмюц (Оломуц)—19.761; Штернберг—15.395; Знаймо (Цнайм)—12.250; Кремзир (Кромериж)—12.480; Новый Ичин—8.457; Никольсбург (Микулов)—8.210; Шенберг—10.493 жителей.

Города австрийской Силезии находятся уже на покатости Одера и Вислы, и если бы не таможни, эти искусственные преграды, воздвигаемые между государствами, они тяготели бы, в торговом отношении, не к Вене, а к Кракову и Бреславлю. Самый большой город этой провинции, Троппау (по-славянски Опава), лежит в непосредственном соседстве с прусскою границею, на маленьком притоке Одера: здесь уполномоченные России, Австрии и Пруссии, в 1820 г., возобновили договор о «священном союзе». Мануфактурная деятельность Троппау обращена преимущественно на фабрикацию сукон, тогда как в Фрейдентале, лежащем западнее, на той же реке, немного выше другого важного города, Иегерндорфа, главную отрасль промышленности составляет производство полотен. В узком поясе территории, который тянется на северо-запад, между Судетами и равниною Силезии, главный населенный пункт—городок Фрейвальдау, близ которого находится знаменитое гидротерапевтическое заведение Грефенберг, основанное Присницем, изобретателем способа лечения холодною водою.

В восточной или польской области австрийской Силезии первенствующее значение принадлежит городу Тешену, который занимает очень выгодное, в торговом отношении, положение: он лежит в месте пересечения больших дорог, идущих из Галиции, Венгрии, Моравии, прусской Силезии, и потому в нем происходит обмен земледельческих продуктов восточных стран на мануфактурные произведения запада; однако, железные дороги отчасти переместили центр торговли этой страны, и теперь главные течения торговых сношений встречаются в Одерберге, на Одере, в одном из крайних углов австрийской Силезии: в соседстве с этою перекрестною железнодорожною станциею находится весьма важный каменноугольный бассейн Польской Островы[1]. В восточной части этой области, на границе с Галициею, город Билич, складочное место для произведений соседней провинции и большой

1 Добыча каменного угля в бассейне Польской Островы и Карвина в 1873 году составляла 975.000 тонн.

промышленный центр, занимающийся фабрикацией сукон, составляет в действительности один город с галицийским городом Бялою, лежащим на правом берегу реки Бялы, одного из притоков Вислы.

Важнейшие города австрийской Силезии, с цифрой населения 31 декабря 1890 года:

Троппау (Опава), с Катарейном 27.910; Билиц 14.573; Иегерндорф (Кернов) 14.257; Тешен—15.220; Фрейденталь 7.800; Фрейвальдау 6.223 жителей.

Глава IX Общее состояние Австро-Венгрии.

Политическое равновесие двучленной дунайской монархии далеко нельзя назвать устойчивым. Хотя по географическому расположению страны Вена и Пешт являются естественными центрами притяжения, однако, отсутствие органической связи между искусственно соединенными разнородными населениями имело следствием частое изменение линии политических границ. С тех пор, как они сформировались в государства, Австрия и Венгрия постоянно меняли свои пределы, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по превратностям судьбы, зависевшим от войн, интриг, династических браков и наследств. Было время, когда, благодаря тесному союзу с Испаниею Филиппа II, Австрийская империя возвысилась на степень преобладающей державы мира, и честолюбие её резюмировалось тогда в пяти гласных латинской азбуки, которые и теперь еще можно видеть кое-где вырезанными на зданиях: A. E. I. O. U. (Austriae est imperare orbi universo, т. е. Австрии—повелевать всем светом). В другие эпохи Австрия находилась в таком отчаянном положении, что завоеватели могли бы, если бы захотели, стереть ее с карты Европы. Лет пятьдесят тому назад она пользовалась главенством в Германии, председательствовала на Франкфуртском сейме, давала приказания Италии, или непосредственно в своих богатых провинциях Ломбардии и Венеции, или через посредство преданных ей государей: великого герцога Тосканского, герцогов Пармского и Моденского, короля Обеих Сицилий; теперь Австрия изгнана из Германского Союза, а в Италии она владеет только южным склоном Тирольских Альп, долиною реки Изонцо и побережьем Триеста и Истрии. Со времени Садовского погрома она принуждена была отказаться от своей роли первенствующей державы в центральной Европе, и отныне всякая надежда увеличиться со стороны запада отнята у неё: ей позволено только обратить свои взоры к востоку, но и там сколько еще препятствий! Само собою разумеется, что не в завоевании чужих земель, а в улучшении своей собственной территории нация должна искать вознаграждения за понесенные потери.

Можно бы было подумать, что, поставленная таким образом в необходимость сосредоточиться в самой себе, Австро-Венгрия приобрела большую внутреннюю связь. На деле, однако, вышло скорее противное. Немецкая часть империи Габсбургов, исключенная силою из оффициальной Германии, помышляет только о том, как бы опять вернуться туда; она связана с этою Германиею нравственно, несмотря на все мелочные соперничества городов и провинций. Можно предсказать с полною уверенностью, что если бы политические узы, насильно связующие населения в виде отдельных государств, вдруг порвались, то южные германцы не захотели бы, конечно, сгруппироваться в одну нацию с другими австрийцами славянского, мадьярского или румынского племени, но предпочли бы, хотя бы даже ценою кое-каких унижений, соединиться со своими единоплеменниками и братьями по языку, западными и северными немцами. Считая себя гораздо выше Берлина и, действительно, превосходя его красотою местоположения, величием исторической роли в прошлом и даже выгодами торгового положения, Вена прежде всего немецкий город, и если бы даже её юная и могущественная соперница навязала ей некоторые львиные условия, она все-таки, вероятно, согласилась бы охотно сделаться второю столицею Германской империи. С другой стороны, различные не-германские народности Австрии воспользовались политическим ослаблением централь-

ного правительства, чтобы предъявить свои права на автономию, и образование «единой Италии», соединение стольких немецких государств в один национальный организм, естественно, возбудили желание независимости у народов, насильно запертых в круг границ Австрийской империи.

Все эти обстоятельства заставили венское правительство вступить на путь уступок, а уступки еще более усилили притязания в среде его подданных. Вместо австрийского патриотизма, существующего лишь в оффициальных документах, и который у солдат и чиновников заменяется духом касты, везде развивается племенной патриотизм, естественным следствием которого была бы группировка жителей Австро-Венгрии и фрако-эллинского полуострова в новые политические организмы. Без силы непрерывности, которою обладают государственные учреждения, и без могущества, которое дает правительству административный кадр и дисциплина армии, австро-венгерская монархия должна бы неминуемо распасться. Каждое сколько-нибудь сильное европейское движение сообщает старому механизму империи Габсбургов опасные толчки, и государственным людям Австрии не без труда удается снова привести его в действие. Двуглавый орел Австрийской империи сделался говорящим символом: можно сказать, что две половины царя птиц стремятся разойтись в разные стороны.

Жестокия затруднения Австро-Венгрии обнаружились в особенности по поводу войн, раздиравших Турцию. По старым политическим понятиям, казалось бы очень естественным двинуть австрийскую армию внутрь Боснии и с помощью её округлить, или, как говорят, исправить в пользу венского правительства, искривленную границу Далматской области. И действительно, Австрия со всех сторон получала приглашения и советы сделать этот акт насилия, который, повидимому, наперед оправдывался успехом. Благодаря обладанию приморскими портами и течением Савы, австрийские войска могли бы без труда проникнуть внутрь Боснии, тогда как турки, напротив, не отважились бы перейти за горы, в пределы возмутившейся провинции, где они очутились бы между австрийцами и сербами. Представься такой благоприятный случай в прошлом столетии, им наверно тотчас же воспользовались бы; но на этот раз Австро-Венгрия дала навязать ей присоединение Боснии и Герцеговины: она не решилась вознаградить себя, хотя отчасти, новым завоеванием за недавно понесенные потери.

Была ли это политическая честность, или следование внушениям могущественного соседа, или скорее, основательная боязнь возможных в будущем опасностей? Турецкие хорваты, босняки и герцеговинцы, вступая путем этого присоединения в состав империи, которая и без того уже заключает в себе такое множество славянских народностей, тем самым перемещают центр тяжести Австро-Венгрии. Прошли те времена, когда бывало целые народы, меняя господ, как огромные стада, едва интересовались осведомляться, на какое новое рабство обрекала их судьба; как бы велико ни было невежество несчастных славян западной Турции, им, без сомнения, достаточно будет несколько лет сожительства с другими подданными австро-венгерской монархии для того, чтобы научиться узнавать своих союзников и сторониться от своих противников по расе, религии и политическим интересам. И теперь уже славянам в Австрии принадлежит численное большинство, а новые присоединения сделают их настолько сильными, что они в состоянии будут требовать, в свою очередь, равной с немцами и мадьярами доли политической власти: придется, может быть, изобретать и установлять триединый или трехчленный государственный порядок, после того как потратили столько трудов и усилий на достижение соглашения по введению дуалистической системы, которая, однако, далеко еще не обладает свойством устранять возможность столкновений.

Если постепенно возрастающей силе славянской партии удастся в один прекрасный день порвать непрочное сцепление Австро-Венгерской империи, то немцы, как национальная партия, скоро утешатся: они сейчас же найдут себе опору в «великой» Германии, с которой их и теперь уже связывают узы одинакового языка и общего патриотизма. Совсем в ином положении очутились бы венгерцы, которые не имеют на север от Дуная друзей по племени или языку. Окруженные со всех сторон иноплеменниками: славянами, румынами, немцами,

выставленные ненависти русских, которые уже нанесли им такой страшный удар в 1849 году, мадьяры должны бояться даже за свое существование, как нации. Вот почему они там долго противились всякому вмешательству в дела турецких славян, из опасения, чтобы другие не вздумали заняться, в свою очередь, устроением судьбы венгерских земель. Они живут, так сказать, на крошечном островке, окруженном бушующими волнами: стоит только плотине уступить напору воды в одной какой-нибудь точке,—и беспомощный островок со всеми его обитателями, исчезнет бесследно в пучинах моря!

Удивительная вещь—мадьяры сделались солидарны со своими исконными врагами, турками: они, которые так долго были передовыми бойцами христианской Европы в вековой борьбе её с магометанами, они, которые столько раз громили турецкия полчища на полях битв, теперь вдруг открывают свое первоначальное родство с османлисами и третируют их как братьев! Известно, что ничто так не способно открыть глаза, как крайняя опасность. Венгерцы поняли, что их может постигнуть такая же участь, как и турок. Подобно своим родичам урало-алтайского племени, они считаются иноземцами, временными поселенцами на европейской почве, и как этим родичам, так и им грозит опасность, если не быть прогнанными обратно в Азию, то, по крайней мере, утратить всякую политическую роль в своем приемном отечестве, в Европе. Достанется ли Константинополь русским, или сделается столицею южно-славянского царства, во всяком случае Пешт, вследствие этого переворота, должен очутиться, так сказать, висящим в пустом пространстве; венгерцы, как народ, всецело зависят от своих соседей. Словом, равновесие в этой части европейского континента менее устойчиво, чем где-либо, и, без всякого сомнения, должно в скором времени измениться, или постепенно, или внезапно.

Задачи истории заключают в себе еще так много неизвестного, что было бы более чем неблагоразумно делать предсказания относительно будущей судьбы Австрии. Часто приводили, как мудрое изречение, слова, произнесенные чешским историком Палацким в 1848 году: «Если бы Австрия не существовала, нужно бы было изобрести ее в интересе Европы!» Те, кто страшится борьбы, этого необходимого аккомпанимента всякого перехода от одного политического состоянии к другому, могут, сколько угодно, повторять эту формулу, которую, повидимому, и сам автор её забыл впоследствии,—кризис тем не менее неизбежен и должен повлечь за собою перемену в политическом равновесии восточной Европы. Пришедшие задолго до возникновения нынешней Австрии к историческому сознанию своего существования, как самобытных наций, различные народности, входящие в состав многоплеменной империи Габсбургов, будут, конечно, поддерживать свои притязания, ища везде точек опоры. В то время, как сила сцепления империи уменьшается с каждым годом, сила притяжения, оказываемая соседними государствами, постоянно увеличивается, и если Австро-Венгрия, отказавшись от всех своих традиций, не даст равных прав, равной доли участия в управлении делами страны всем национальностям, населяющим области Карпатов, Дуная и Савы, то можно опасаться, что распадение монархии совершится даже с нарушением справедливости. Вступая в Германию, австрийские немцы, чего доброго, попытаются захватить с собою, в качестве приданого, ключи от Богемии, этой естественной твердыни и стратегического центра континентальной Европы. С другой стороны, южные славяне, если им суждено когда-нибудь соединиться политически с Россией, или образовать юго-славянское царство, съумеют ли сделать почтительный обход вокруг румын и мадьяр, права которых на независимость не менее священны, чем их собственные?

Как бы то ни было, эта неизвестность будущего нисколько не мешает Австро-Венгрии делать быстрые успехи на пути материального развития, как и большей части других европейских наций.

Прежния народные переписи, хотя они производились не особенно тщательно и потому полны противоречий, на столько, однако, приближаются к истине, что, на основании их, можно с полною уверенностью заключить о быстром и непрерывном возрастании народонаселения в Австрийской империи. Полагают, что в 1816 г., то-есть непосредственно вслед за

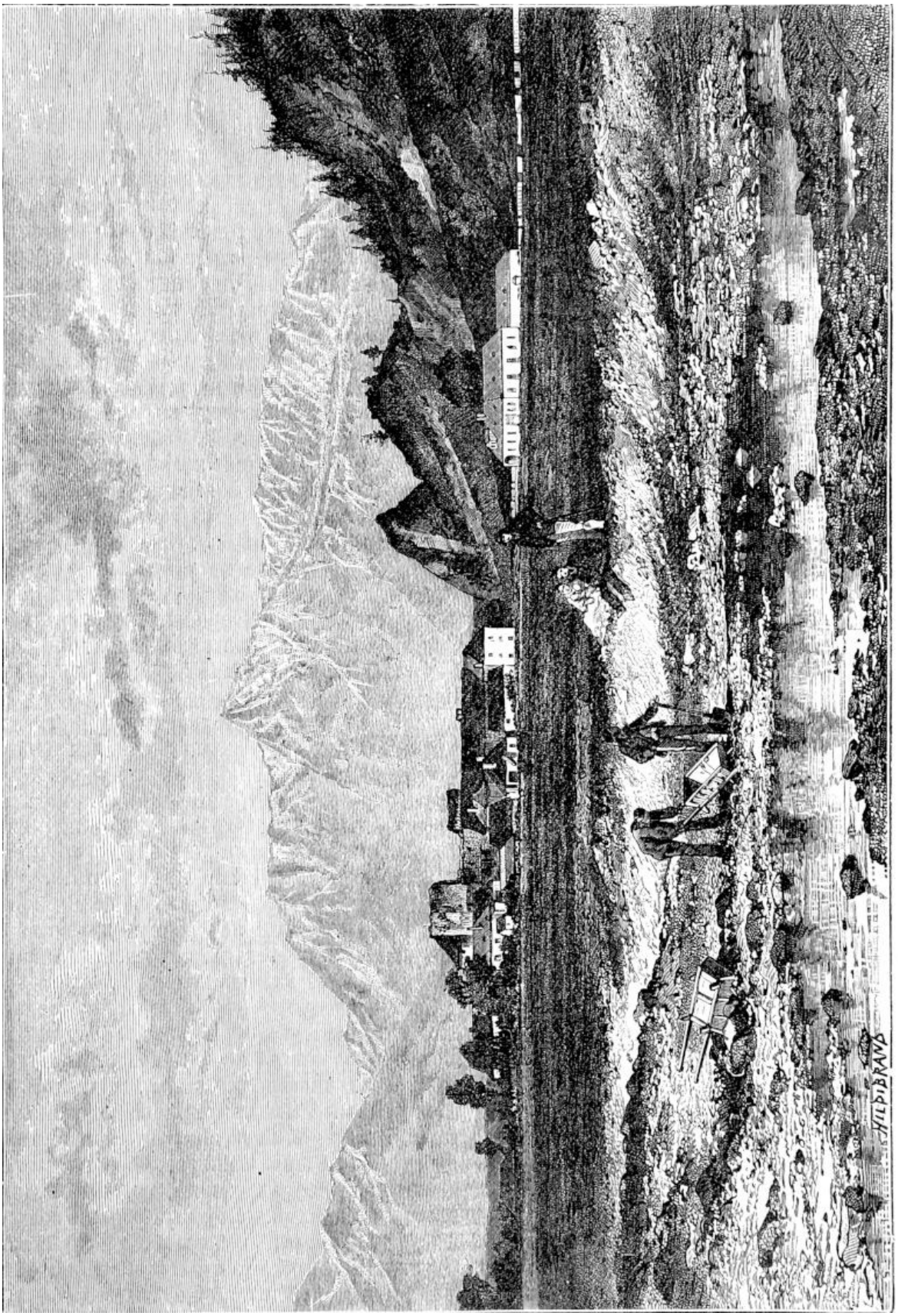
наполеоновскими войнами, число подданных, которое насчитывал император Франц на всем пространстве своих владений, от Милана до Черновица, равнялось 28 миллионам. Перепись 1857 года, первая, которая может внушать доверие, дала только 32 миллиона жителей для королевств и провинций, составляющих нынешнюю Австро-Венгрию. Двенадцать лет спустя, именно в конце 1869 г., новое перечисление жителей показало, что общая цифра населения всех областей империи достигла 35.943.000 душ. Следовательно, ежегодное увеличение народонаселения за этот период времени поднялось до 325.000 душ. Перепись 31 декабря 1890 года дала для Австро-Венгрии 41.384.638 жит. (в 1894 году, по исчислению, общее число жителей империи, с Боснией и Герцеговиной, простиралось до 43 с половиною миллионов). Таким образом, Австрия оказывается более населенною, чем Франция; между европейскими державами она, по числу жителей, занимает первое место после России и Германии; теперешнее население её уже превышает то, которое она имела в 1857 г., когда Ломбардия и Венеция не были еще присоединены к Италии. Правда, что пропорционально протяжению своей территории Австро-Венгрия еще почти на одну седьмую менее населена, чем Франция, вдвое менее, чем Великобритания и Ирландия, втрое менее, чем Бельгия. Во всех провинциях число рождений превышает число смертных случаев; но разность между этими двумя элементами движения народонаселения значительно изменяется, смотря по областям; точно также средняя жизнь много разнится, смотря по местностям: в то время, как в Далмации, в Каринтии, в Тироле жители принадлежат к числу самых долговечных в Европе, средняя жизнь в Венгрии, и особенно в бывшей Военной Границе Хорватии, сравнительно очень коротка. Пребывание в главных городах Австро-Венгрии, Вене и Буда-Пеште, тоже очень вредно отзывается на здоровье жителей: между европейскими столицами нет ни одной, где бы смерть косила людей с таким усердием, как в последнем из этих городов, то-есть в Пеште.

Средняя рождаемость в Цислейтании (1881 года) 1 на 25,6 жит.; средняя смертность: 1 на 32,3 жит.; смертность в Тироле (1869 года): 1 на 42 жит.; на Военной Границе 1 на 27,6 жит.; в Вене 1 на 24 жит. (Клун «Statistik von Oesterreish-Ungarn»).

Австро-Венгрия еще одна из тех стран Европы, где сельское население значительно превышает по численности городское, хотя и здесь замечается, особенно с половины столетия, постепенное возрастание городов в ущерб деревням, составляющее общее явление во всем цивилизованном мире. Главные богатства страны заключаются в продуктах, получаемых посредством возделывания земли, и эти богатства чрезвычайно разнообразны, благодаря различию высоты мест, склонов и вообще климатов. Почти все питательные и промышленные растения Европы имеют своих представителей в земледельческом производстве Австро-Венгрии. Все хлебные злаки возделываются в этой стране. Среднее годовое производство хлебов в Австрии в период 1883-1894 гг. в миллионах гектолитр.: пшеницы—16,0; ржи—29,4; ячменя—19,0; овса—36,0; кукурузы—6,2; стручковых—2,8; производство в Венгрии пшеницы (1893 года)—49,5; кукурузы (1892 г.)—57,3; других хлебов (1892 г.)—41,0 Нет сомнения, в этой отрасли земледельческого труда остается сделать еще очень многое: почти во всех странах Западной Европы сбор зерна с гектара более значителен, чем в Австрии. Между тем, Австро-Венгрия, несмотря на относительно небольшие размеры своего производства, которое во Франции, в Англии, в Германии считалось бы совершенно недостаточным для собственного потребления, отправляет за границу хлеб в зерне и муке. Из этого нужно заключить, что весьма значительная часть населения постоянно терпит недостаток в хлебе, постоянно живет впроголодь; и, действительно, не малая доля жителей, румын, силезских поляков, словен, принуждены питаться хлебами низшего качества, не имея даже возможности обманывать свой голод, в то время, как поезды железных дорог увозят в чужие края целые транспорты пшеничной муки.

Из других питательных растений Австро-Венгрия производит в большом количестве картофель (средний годовой сбор в Австрии в период 1883-94 г.г.: 104,2 миллион. гектолитров); далее, известно, с каким успехом в этой стране возделывается виноград, преимуще-

ственно на холмах, окружающих венгерские степи или пусты, в окрестностях Вены и на берегах Истрии; известно также, что далматинское побережье, при более рациональном способе культуры, могло бы давать вина, не уступающие достоинством лучшим винам в свете. Ад-



Золергрундъ.

риатический склон производит оливковое масло и южные плоды, апельсины, лимоны, винные ягоды, тогда как северные равнины, особенно в бассейнах Эльбы, Одера и Вислы, поставляют сахарную свеклу. Табак, лен, конопля также принадлежит к важным отраслям

земледельческой производительности империи. Наконец. Австрия и Венгрия имеют еще огромные леса, гораздо лучше сохраняемые в западных провинциях, чем в восточных, где дровосеки беспощадно вырубают деревья, ни мало не заботясь о будущем. Хотя уменьшенные неразумием жителей, леса занимают еще в Австро-Венгрии более четверти всего пространства, около трети производительного пространства (в 1893 г. площадь их составляла около 20 миллионов гектаров). Вообще нужно заметить, что в распределении земледельческих богатств области Цислейтании много опередили провинции Транслейтании. Первые, хотя они занимают менее обширное пространство, производят вдвое более,—не потому чтобы земли их были лучше, а потому что эти земли обработываются более старательно и более разумно. Точно также в западной части империи менее земель, лежащих без употребления, чем в восточной: на востоке от реки Лейты, образующей границу между этими двумя частями, не только голые скалы оставляются в их первобытном состоянии, но даже обширные пространства удобной земли, которую легко было бы завоевать для целей земледелия, на болотах или в степях, остаются еще непочатыми. По приблизительному исчислению, необработанная территория составляет более двенадцати процентов всей поверхности Австро-Венгрии; Бельгия и Голландия обе вместе не занимают столь значительного пространства. В некоторых плодородных долинах Карпатов можно идти целые дни, не встречая человеческого жилья; надо брать в дорогу запас провизии, как в пустыне, или довольствоваться пищей угольщиков или пастухов.

Так же велика разница между обеими половинами империи и в отношении распределения домашних животных. Венгрия гораздо менее богата, чем Австрия, рогатым скотом, но за то она имеет более лошадей почти на две трети, вдвое более свиней, втрое более овец. Однако, вся страна в совокупности ни по одному виду домашних животных, относительно пропорционального числа их, не занимает первого места в Европе, за исключением только гусей; даже второе место между европейскими государствами принадлежит ей только по числу лошадей: и в этом отношении ее опередила Россия. Что касается количества овец, то Австро-Венгрия—самая бедная страна в Европе; полагают, что она уступает даже Турции. Поэтому шерсти, получаемой от австрийских стад, далеко не хватает на покрытие спроса для местных мануфактур: подобно странам Западной Европы, Австрия в последнее время стала ввозить из-заграницы больше невыделанной шерсти, чем сколько сама отпускает; годовое потребление её около 37 миллионов килограмм. Количество домашних животных: в Австрии (по переписи 1890 г.): лошадей 1.548.197; ослов и мулов 57.952; крупного рогатого скота 8.643.936 голов; овец 3.186.787; коз 1.035.832; свиней 3.549.700 гол.; ульев 920.640; в Венгрии (1884 г.): лошадей 1.965.970; рогатого скота 5.591.840; овец и коз 11.553.080 голов.

Годовые доходы, получаемые прямо или косвенно от возделывания почвы, исчислялись в 1894 г. в шесть миллиардов франков[1], тогда как продукты недр земли, извлекаемые из каменоломен, рудников, соляных и каменно-угольных копей, представляют, по ценности, никак не более двадцатой части этой суммы. А между тем эти подземные богатства Австрии заключают в себе всевозможные произведения минерального царства, полезные для человека: металлы, благородные и простые, графит, каменный уголь и соль, серу и нефть, мраморы, шиферы и горшечные глины. Эксплоатация золотоносных и сереброносных жил снова получила довольно важное значение в это последнее время (в 1894 г. добыто в Австрии: золота 61, серебра 38.216 килограм.). Из рудников всего деятельнее разрабатываются каменно-угольные копи и залежи других родов минерального топлива. Добыча минерального топлива в Австро-Венгрии: 1819-1828 гг. (средний год)—140.000 тонн; 1829-1838 гг. (средний год)—230.000; 1847 г.—600.000; 1861 г.—4.000.000; 1875 г,—13.360.000; 1880 г.—14.310.000 тонн. По мере развития промышленности, потребность в угле возрастает с каждым годом, и эксплоатация копей принимает все более обширные размеры; в продолжение пятидесяти лет добыча каменного угля и лигнита увеличилась в сто раз, и этот факт служит лучшим доказательством изумительного развития общей промышленности государства. В настоящее время

1 2.640.000.000 флорин. Нейман („Die Ernten und der Wohlstand in Oesterreich Ungarn“ 1874).

Австро-Венгрия, представляемая по этой отрасли производительности преимущественно Богемиею, доставляет почти двадцать вторую часть всего минерального топлива, употребляемого на земном шаре, но она все еще по добыче угля стоит ниже не только Англии и Соединенных Штатов, но даже Германии, Бельгии и Франции, хотя эта часть народного хозяйства с каждым годом разростается в значительных размерах. В 1894 г. в Цислейтании было добыто каменного угля—95.730.000, лигнита—173.325.000 метрич. центнер. Даже по добыванию соли Австрия занимает второстепенное место, а между тем её соляные месторождения по истине неистощимы: количество каменной соли, содержащееся в легко разрабатывающихся копях в Трансильвании, в Карпатах, в Зальцбургских Альпах, исчисляли по малой мере в 4 миллиарда 700 слишком миллионов тонн; кроме того, она имеет салины, частью оставленные, которые венецианцы разрабатывали на берегах Адриатики, в Истрии и Далмации. Добыча соли в 1894 г. в Цислейтании: поваренной—2.695.000, промышленной—748.000 метр, центнер. Точно также существующие в стране запасы руды легко могли бы покрывать потребности металлургической промышленности, гораздо более обширной, чем австрийская. Добыча железной руды в Цислейтании: в 1851 г,—596.000 тонн; в 1871 г,—576.000 т.; в 1882 г.—902.510 т. Производство железа: в 1860 г,—195.000 т.; в 1870 г,—430.000 т.; в 1880 г,—445.000 т.; в 1892 г,—993.300 тонн.

В 1894 г. горные и соляные промыслы в Цислейтании давали занятие 142.000 рабочим.

В Австро-Венгрии совершается мало-помалу экономическое преобразование, аналогичное тому, какое мы замечаем на всем Западе: переработка сырых продуктов, туземных или привозных, в изделия становится все более и более значительною долею народной деятельности; в настоящее время ценность этой доли нужно считать, по меньшей мере, в шесть миллиардов, что составляет около половины общего производства; следовательно, мануфактурный труд приносит, средним числом, втрое или вчетверо более прибыли, чем полевые работы, на каждого рабочего. В Цислейтании в 1880 г. было: земледельцев 12.189.000; фабричных рабочих 4.710.000.

По мануфактурной промышленности, как и по земледельческой, производство Австрии по крайней мере в два раза превосходит производство Венгрии и принадлежащих к ней областей. Большие металлургические заводы сосредоточены преимущественно в Штирии и Каринтии; в Богемии и Моравии важнейшие промышленные заведения—прядильные фабрики для обработки хлопка, шерсти, льна и пеньки, стеклянные, пивоваренные и свеклосахарные заводы; Моравия, Силезия и Форарльберг тоже имеют мануфактуры различных материй; наконец, в Вене и её окрестностях, как и в Богемии, существуют обширные прядильные и ткацкия фабрики, химические и машиностроительные заводы, мебельные мастерские и бесчисленное множество других заведений и мастерских, необходимых для современного механизма труда и для удовлетворения роскоши больших городов; здесь есть даже шелковые фабрики, выделывающие грубые материи для жителей Востока и карпатских крестьян.

Количество веретён к прядильных мануфактурах в конце 1890 г.: для прядения шелка—52.700; шерсти—667.500; хлопка—3.108.100; льна—345.800; пеньки—11.000; джута—27.100. Пивоваренных заводов в 1893 г.: 1.667, с производством 16,25 миллионов гектолитр, пива. Свеклосахарных заводов в 1893 г.: 208, с производством 11,2 миллион. метр. центн. сахара.

Венгрия, Трансильвания, Кроация не имеют, исключая Пешта, промышленных центров, которые можно бы было сравнить, даже приблизительно, с венскою равниною Нейштадта, с богемскою долиною Эгера или с округами Рейхенберга, Брюнна, Троппау. Верным указателем сравнительно слабого развития промышленности в восточных странах Австрийской империи служат статистические таблицы народонаселения. Венгерские земли, хотя менее населенные, имеют гораздо более значительное число мужской прислуги, состоящей в личном услужении у богатых людей: в Австрии, где вихрь жизни увлекает большее количество людей к серьезному труду, фабрики и мастерские берут половину молодых людей, которые в Венгрии сделались бы служителями и лакеями. Число и процентное отношение прислуги: Цислейтания (1880 г.) 890.200 или 40 на 1.000; Транслейтания (1869 г.) 1.143.075, или 76

на 1.000.

В собственно австрийских провинциях, особенно в Богемии, пролетариат состоит, главным образом, из фабричного люда, тогда как в Венгрии и Хорватии он почти исключительно земледельческий; поденщиков и батраков там насчитывается более 1.370.000 человек.

Во всех странах Европы крупная промышленность быстро развивается в ущерб мелкой или кустарной: так, фабриканты Моравии и Силезии все более и более централизуют, к своей выгоде, тканье холста, которое прежде производилось исключительно в избах крестьян, населяющих гористые области. Большая часть винокурень принадлежат еще сельским хозяевам, которые, после уборки жатвы и молотьбы хлеба, занимаются выкуркою водки; но кое-где возникли уже огромные винокуренные и водочные заводы, которые одни производят столько же, сколько сотни мелких винокурень; эти-то заводы поставляют уже наибольшее количество гибельного напитка.

Число винокуренных и водочных заводов в Австро-Венгрии в 1873 г.: сельско-хозяйственных винокурень—101.427; больших заводов 5.084.

Точно также паровые и действующие при помощи турбин мукомольные мельницы, принадлежащие богатым землевладельцам или компаниям, все более и более вытесняют маленькия мельницы на ручьях и на плашкотах в Дунае. Наконец, государство непосредственно содействует расширению крупной промышленности своими военными заводами и табачными фабриками, из которых каждый завод или фабрика имеет, средним числом, более 1.000 рабочих. Впрочем, ввоз табаку превышает вывоз; Австро-Венгрия покупает у Турции и Америки этого продукта ежегодно, в среднем, на сумму около 50 миллионов франк.

С половины текущего столетия до 1873 года, то-есть эпохи Венской всемирной выставки, промышленная деятельность Австро-Венгрии возрастала с изумительною быстротою: во всех провинциях открывались новые фабрики; по всем направлениям строились новые линии железных дорог; множество других рельсовых путей было проектировано; основывались акционерные общества всякого рода: для разработки рудников, для ссуды капиталов и т.д., не считая тех, очень многочисленных, компаний, которые не имели иной цели, кроме надувательства, как вдруг 9-го мая 1873 года произошел знаменитый крах, первый треск обширного здания австрийских банков, падение которого должно было повлечь за собою разорение бесчисленных семейств и обеднение всей страны. В несколько недель цена биржевых бумаг упала на многие миллиарды; капитал банков, действительный или фиктивный, уменьшился на две трети; четыре пятых финансовых учреждений исчезли, и все промышленное движение было парализовано.

После этой финансовой катастрофы, дела Австро-Венгрии долго шли вяло, но затем торгово-промышленная деятельность постепенно усилилась, благодаря более тщательной и рациональной обработке почвы, открытию новых путей сообщения и возрастанию внешней торговли. Общее движение торгового обмена Австро-Венгрии превышает 3 миллиарда: это составляет немного более 70 франк. на каждого жителя, или, пропорционально народонаселению, треть торговли Франции, одну шестую торговли Англии.

Внешняя торговля Австро-Венгрии в 1895 г. (специальная торговля, без транзита и исключая благородные металлы в слитках и монете): Привоз—727.400.000 флорин, (считая флорин=272 франк.); вывоз 742.500.000 флор.

В течение полустолетия заграничная торговля увеличилась в семь раз, несмотря на то, что в этот промежуток времени империя лишилась своих богатейших провинций, отошедших к Италии.

Внешняя торговля Австро-Венгрии в 1842 году: Привоз—278.500.000 франк.; вывоз—271.500.000 франк.

В настоящее время Австро-Венгрия занимает в торговом мире седьмое место; она следует за Британскими островами, Германиею, Франциею, Соединенными Штатами, Бельгиею, Россиею.

Малое протяжение побережья, которым владеют Австрия и Венгрия, не позволяет их

морской торговле принять размеры, равные торговым сношениям других приморских стран Европы: обороты по этой торговле составляют лишь пятую долю оборотов по сухопутной торговле, и движение судоходства развивается медленно.

Торговое движение в 128 австро-венгерских портах в 1893 году: Вошло—82.295 судов, вместимостью—9.517.265 тонн; вышло—82.146 судов, вместимостью—9.514.087 тонн.

Торговый флот Австро-Венгрии в 1895 г.:—11.523 судна, вместим.—254.740 тонн, 31.744 челов. экипажа.

Но австрийцы и венгерцы имеют в своих владениях движущееся море, которое образует Дунай, с его притоками; весьма значительная доля судоходства, производящагося по главной реке, от Пассау до Железных Ворот, по Тиссе, вниз от Токая, и по Драве и Саве, ниже Осека и Сисека, направляется в Черное море. Речной флот общества пароходства по Дунаю: 183 парохода (16.109 сил) и 787 буксирных судов, на которых в 1894 г. было перевезено 3.168.000 пассажиров и 20.300.000 метр. центн. товаров. Однако, эта торговля ещё маловажна в сравнении с тем, чем она должна бы быть, и чем она, может быть, будет современем, если только железные дороги, после того как сеть их выделит из себя ветви в пределы Фракo-Эллинского полуострова, не завладеют торговыми сношениями в ущерб речному судоходству.

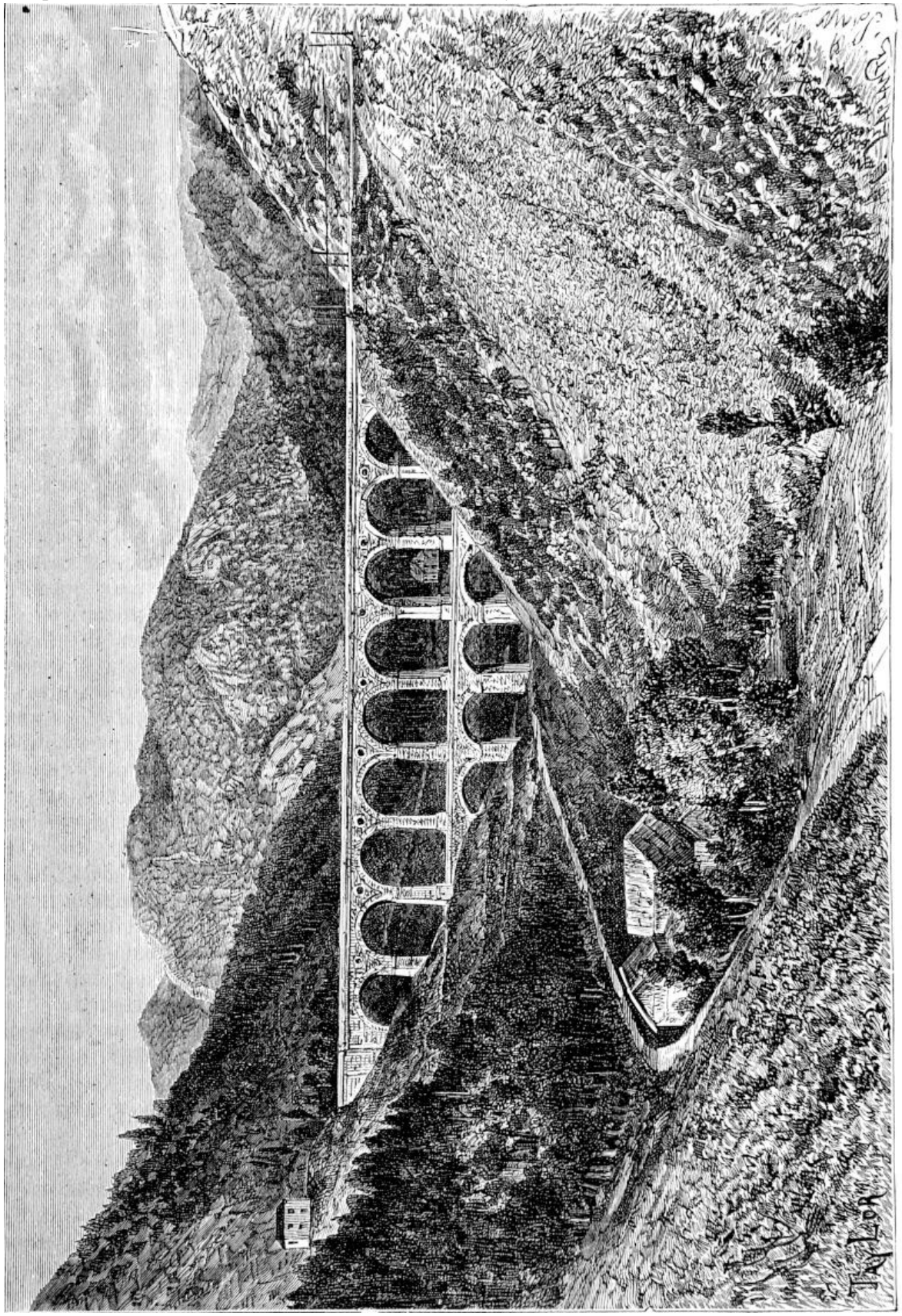
По числу своих рельсовых путей, над сооружением которых трудились с таким лихорадочным рвением до венского финансового краха 1873 г., Австро-Венгрия занимает между европейскими государствами более высокое место, чем то, которое принадлежит ей по размерам её торговли; при равном пространстве, она имеет вдвое больше железных дорог, чем Италия; она уступает в этом отношении Франции только на одну четверть, Германии только на одну треть. В 1895 г. общее протяжение железнодорожных линий австро-венгерской монархии равнялось 30.046 километрам (16.874 килом. в Австрии и 13.172 к. в Венгрии).

Некоторые из австрийских железных дорог принадлежат к замечательнейшим в Европе по тем грандиозным сооружениям, которые пришлось сделать для проложения рельсовых путей через Альпы, через Карпаты и через Хорватские плоскогорья. Огромные препятствия, представляемые крутизнами Арльберга, Бреннера, Земмеринга, Липтавских гор, проходов Понтебба, Предеаль, плоскогорья Карст, в Триесте и Фиуме, были преодолены лишь ценою величайших усилий. К сожалению, австро-венгерская сеть железных дорог соединяется с русскою пока еще только в немногих точках, даже с сетью придунайской Румынии она соединилась только с конца 1877 г., а туловище турецкого полуострова все еще представляет своего рода глухой закоулок для торговли. Кроме того, рельсовые пути Транслейтании не имеют достаточного числа боковых дорог, которые могли бы питать правильным образом их товарное движение. Что касается телеграфов, то сеть их уже протянута на большей части территории государства. Общее протяжение телеграфных линий в 1894 году: в Австрии—29.768; в Венгрии—20.498 километров. Число пересланных телеграмм: в Австрии—12.068.084; в Венгрии 6.114.471. Само собою разумеется, что телеграфная корреспонденция всего значительнее в западных провинциях империи; то же самое нужно сказать и о почтовой корреспонденции. По почте переслано: в Цислейтании (1894 г.): 681 миллион писем, 98,4 миллион. образцов товаров и бандерольных отправлений и 98 миллионов экземпляров газет; в Транслейтании(1893 г.): писем 173 миллион., печатных произведений и образчиков 101 миллион., ценных пакетов и переводов денежных сумм 16 миллионов.

Германские населения Австро-Венгрии присвоивают себе также честь первенства над другими национальностями в отношении умственной культуры, и притязание это справедливо до некоторой степени. Начальные школы в Австрии в собственном смысле, а также в Тироле и Форарльберге, несомненно, посещаются большим числом учеников; но школы Богемии, куда принимают даже детей болгарских эмигрантов, школы Моравии тоже имеют очень много учащихся, и, благодаря продолжительному пребыванию учеников на школьной скамье, действительное число постоянных воспитанников в этих школах превышает допускаемый уставом комплект, который еще недавно заключал только детей, имеющих более ше-

сти и менее двенадцати лет от роду.

С другой стороны, населения Галиции, Буковины, Далмации, где до сих пор продолжаются средние века, посылают в школы только пятую или даже меньшую часть того числа де-



Желѣзнодорожный мостъ на Земмерингѣ.

тей, какое должно бы было ходить в них по закону. Статистические таблицы о состоянии начальных школ, далеко, впрочем, не полные, дают возможность составить приблизительное понятие о пропорциональной доле участия, которое принимают дети различных националь-

ностей в элементарном образовании; но при этом нужно помнить, что молодые евреи, принадлежащие к самой прилежной расе между всеми племенами империи, причисляются к немцем во всей Цислейтании и вообще к мадьярам в Транслейтании. Из этих таблиц выходит, что относительное число итальянцев и мадьяр, посещающих школу, превышает относительное число немцев. В Венгрии цифра воспитанников элементарных школ увеличилась на целую треть с тех пор, как страна вышла из-под непосредственной зависимости от венского правительства. Впрочем, начальное образование там обязательно с 1868 г. Около пяти с половиной миллионов детей получают начальное образование в 40.000 школ обеих частей монархии.

Подобное же отношение рас и национальностей существует и в средних учебных заведениях, с тою только разницею, что число евреев, посещающих эти школы, относительно гораздо значительнее числа христиан: относительно цифры соответственных народностей, в гимназиях и реальных училищах, на одного христианина приходится шесть евреев.

Средние учебные заведения в Австрии (1895-96 г.): 182 гимназии, классические и реальные, с 3.699 преподавателями и 59.975 учениками, и 84 реальные училища, с 1.479 преподавателями и 26.429 учениками. В Венгрии общее число средних учебных заведений (1891 г.): 585, с 84.000 учащихся.

В университетах молодые люди семитического племени сохраняют свое относительное численное превосходство, и они-то и обеспечивают большинство студентам, записанным под именем немцев.

Высшие учебные заведения (1891 г.): в Австрии—14, с 15.380 студентами; в Венгрии—4, с 5.220 студентами. Во всех 8 университетах Цислейтании в 1893 г. числилось 1.150 профессоров и доцентов и 13.528 студентов.

Несмотря на большой прогресс, совершившийся в области народного просвещения со времени войны за венгерскую независимость в обеих государствах монархии, число неграмотных составляло в 1890 г. в Цислейтании еще около четверти, а в Транслейтании более половины (54%) населения.

Было бы слишком смело сравнивать нравственность различных рас, населяющих Австро-Венгрию, ибо нравственная жизнь народа слагается из множества разнообразнейших элементов, и многие из этих элементов такого рода, что статистика может обнаружить их лишь очень косвенным путем. Одно только можно сказать, что германские населения не отличаются выгодно от других жителей монархии, по крайней мере некоторыми сторонами своего нравственного быта; так, например, мы встречаем в Богемии, в Штирии, в Тироле немецкия деревни, расположенные рядом с селениями чешскими, словенскими или итальянскими и находящиеся в совершенно одинаковых с ними экономических условиях, и между тем число незаконнорожденных детей в этих деревнях в два, в пять, даже в шесть раз более, чем в смежных округах, говорящих не немецким языком. В некоторых городах Каринтии более двух третей детей родятся вне брака. В Австрии из 1.000 родившихся, в среднем, 150 незаконнорожденных, в Каринтии даже 426, в Нижней Австрии—251, в Зальцбурге—269. Но если относительная нравственность населений различных рас может быть предметом спора, то одно не подлежит сомнению,—это то, что немцам принадлежит преобладающее влияние в отношении общего движения наук, искусств, промышленности и торговли. Книги и журналы в огромном большинстве пишутся на немецком языке: между тем, как по численному отношению национальностей, австрийцы германского племени должны бы были печатать только четверть всего числа выходящих в стране повременных изданий, в действительности на их долю приходится этих изданий гораздо более половины, по меньшей мере три четверти, если принять в разсчет более значительный круг читателей их периодической прессы; так, даже в Венгрии немецкие листки Пешта и Вены до недавнего времени имели больше подписчиков, чем мадьярские газеты. Таким образом, немецкая речь является в Австро-Венгрии преобладающим, общераспространенным языком, который должны знать все разноплеменные народности империи для того, чтобы иметь возможность понимать друг

друга, и важность её в этом отношении возрастает с каждым годом. Первая венгерская газета появилась в Пресбурге в 1780 г.; Буда-Пешт обзавелся своей газетой только в 1788 году. В 1830 г. в Венгрии было еще только 10 газет, в 1891 г. число их достигло 834. Что касается австрийских румын и русинов, то малое число их газет и журналов показывает, что они еще только начинают жить умственною жизнью: по истине замечательно, что еврейский язык, язык мертвый для самих евреев, имеет, по числу своих периодических изданий, перевес над языком живым, румынским, которым говорят по сю сторону Карпатских гор почти три миллиона жителей.

Периодическая пресса в Австрии (1894 г.) представлена 2.137 газетами, из которых 917 выходят в Нижней Австрии, 512 в Богемии. По языкам, во всей монархии выходит 1.379 повременных изданий на немецком, 415 на чешском, 117 на польском, 75 на итальянском, остальные на словенском, русинском, сербо-хорватском, еврейском и других языках.

Глава X Правительство и администрация.

Верховная власть принадлежит императору и королю, который, однако, пользуется ею не самодержавно и неограниченно, как было прежде, но с известными ограничениями, установленными государственным уложением или конституциею, которая уже неоднократно подвергалась изменениям, вследствие внутренних домогательств и иностранных влияний: император-король назначает министров и председательствует в их совете, предлагает и обнародует законы, раздает награды, пользуется правом помилования. На содержание главы государства назначена определенная сумма (9.300.000 флоринов или гульденов в год), уплачиваемая поровну обеими половинами монархии; кроме того, он имеет в своем распоряжении обширные удельные имущества, дворцы и замки, составляющие собственность короны.

Общими делами обоих государств, Австрийской империи и Венгерского королевства, управляют трое из министров императора-короля: министр иностранных дел и императорского двора, имперский военный министр и министр обще-имперских финансов. Первый председательствует в кабинете в отсутствие императора. Этот министр, так же, как и два его сотоварища, несет ответственность за действия правительства перед делегациями двух сеймов или парламентов: цислейтанского и транслейтанского. Другие министры, специальные для каждой из двух половин империи, суть министры внутренних дел, вероисповеданий и народного просвещения, частных (исключительно австрийских или исключительно венгерских) финансов, земледелия и торговли, общественных работ, юстиции, военные или, как их называют, министры обороны государства (Landesvertheidigung). Мадьярский кабинет имеет при императорском дворе непосредственного представителя в лице одного из своих членов, а другому министру поручены специально дела Хорватии. Наконец, в состав цислейтанского кабинета входит еще один член, долженствующий служить представителем интересов галицийской национальности и называемый министром по делам Галиции. Кабинет, имеющий резиденцию в Вене, несет ответственность перед австрийским сеймом, тогда как мадьярский кабинет, имеющий пребывание в Пеште, ответствуете перед государственными чинами Венгрии. Император-король приглашает иногда в совет общих министров тех из специально австрийских или венгерских министров, присутствие которых он признает полезным, но это приглашение имеет место только для обсуждения государственного бюджета или для важных случаев, касающихся вопросов внешней политики.

Законодательные собрания и избирательная система представляют такую же сложную организацию; традиции старого феодального порядка примешиваются в их механизме к современным конституционным фикциям и к компромиссам между расами. Представительный корпус или так называемый рейхсрат (государственная дума) Цислейтании состоит из двух собраний—палаты господ (Herrenhaus) и палаты депутатов (Abgeordnetenhaus). Верх-

няя палата набирается преимущественно из среды крупной земельной аристократии; она состоит из членов по праву рождения или сана, каковы принцы крови и прелаты, т.е. высшие духовные сановники, далее из 53 наследственных членов и из 105 пожизненных членов, назначаемых непосредственно императором (всего ныне 245 членов). Палата депутатов, совещания которой имеют несравненно большую политическую важность, состоит из членов, выбираемых на шесть лет самими населениями различных провинций, но сообразно частному уставу каждого избирательного округа и с сохранением всех категорий состояния и постоянного жительства в известной местности, вытекающих из старых феодальных обычаев, более или менее приспособленных к требованиям современной эпохи. Закон 1882 г. дал право участия в выборах в парламент всем совершеннолетним гражданам, платящим не менее 5 флоринов прямых налогов. Палата депутатов прежде состояла из 353 членов, выбираемых четырьмя классами избирателей или куриями: крупным землевладением, городами, местечками и фабричными центрами, торгово-промышленными палатами и сельскими общинами Landgemeinden (последними посредством голосования второго порядка или второй степени, в пропорции одного специального избирателя на каждые 500 жителей). Законом 1896 г. об избирательной реформе к сейчас названным четырем куриям прибавлена пятая общая курия, в которой каждый полноправный австрийский гражданин, достигший 24-летнего возраста, пользуется избирательным правом. Эта новая курия посылает 72 члена в палату, которая теперь поэтому насчитывает в своей среде 425 членов. Право подачи голоса на выборах принадлежит также и лицам женского пола из сословия крупных землевладельцев, но эти лица могут пользоваться своим правом не иначе, как через уполномоченных. Можно сказать, вообще, что избирательное право прежде было распределено между гражданами таким образом, чтобы давать немцам искусственное большинство. Так, например, в Богемии, где славянское население составляет две трети жителей края, оно не участвовало до 1882 г. даже в назначении половины сеймовых послов этого королевства, ныне же оно всегда имеет большинство в выборах. Избираемые должны иметь не менее тридцати лет от роду и пользоваться правами гражданства не менее трех лет до момента избрания. Никакое совещание палат рейхсрата не может быть признано действительным, если на заседании не присутствовало по меньшей мере 40 членов в палате господ и 100 членов в палате депутатов; для того, чтобы решение палаты могло получить законную силу, необходимо абсолютное большинство голосов присутствующих в заседании членов.

Число депутатов рейсхрата, избираемых 4 старыми куриями, распределяется по различным провинциям Цислейтании следующим образом:

	Крупное землевладение	Города, местечки, промышл. центры	Торговые палаты	Сельские общины	Вместе
Нижняя Австрия	8	17	2	10	37
Верхняя Австрия	3	6	1	7	17
Зальцбург	1	1	1	2	5
Штирия	4	8	2	9	23
Каринтия	1	3	1	4	9
Крайна	2	3		5	10
Горициа и Градиска	1	1		2	4
Триест	-	3	1	-	4
Истрия	1	1		2	4
Тироль	5	5		8	18
Форарльберг	-	1		2	3
Богемия	23	32	7	30	92
Моравия	8	13	3	11	36
Силезия	3	4		3	10

	Крупное землевладение	Города, местечки, промышл. центры	Торговые палаты	Сельские общины	Вместе
Галиция	20	13	3	27	69
Буковина	3	2	1	3	8
Далмация	1		2	6	9
Всего	85	137	131	131	353

Сейм (orszagyules) Трансслейтании, организация которого не была изменена со времени соглашения 1867 года, тоже состоит из двух палат: верхней палаты (forendi haz), или «стола магнатов», и нижней палаты (kepriselo haz)или «стола представителей». В состав первого собрания в 1883 г. входили: эрцгерцоги, владеющие удельными имуществами в Венгрии, 59 прелатов римско-католической и греко-восточной церквей, 703 магната, князей, графов или баронов, 74 губернаторов комитатов и других высших сановников администрации, 3 делегата кроато-славонского сейма. Со времени включения Военной Границы в состав Кроации-Славонии палата представителей имеет 453 члена: 338 для Венгрии, 74 для трансильванских округов, 1 для Фиуме и 40 для Хорватии и Славонии, делегатов аграмского (загребского) сейма. Депутаты, за исключением славонских и хорватских, выбираются непосредственно гражданами, которых дворянское происхождение, имущество, ремесло, профессия или доходы, обозначенные в законе, «гарантируют» способность к пользованию избирательным правом; около миллиона граждан пользуются этой привилегией. Что касается депутатов хорватских и славонских, то они назначаются сеймом их собственного отечества, который, в свою очередь, также состоит из членов, участвующих по праву, прелатов, дворян и сановников, и из 77 выборных членов, из которых одни избираются посредством прямого, другие посредством косвенного голосования городов, местечек и граждан; словом, трудно представить себе что-либо более запутанное, чем статистика избирательных учреждений австро-венгерской монархии. В пештском сейме хорватские делегаты могут говорить на своем природном языке; однако, они почти не пользуются этим правом, разве только для того, чтобы напомнить, что обладают им, и не имея претензии быть понятыми. Мадьяры жалуются, что австрийские принцы, в то же время венгерские магнаты, могут заседать и вотировать в двух собраниях, в Вене и в Пеште, и таким образом изменять результат в некоторых вопросах, волнующих общественное мнение или касающихся классовых интересов.

Так как общие дела Австрийской империи и венгерской монархии не могут быть обсуждаемы ни в цислейтанском рейхсрате, ни в транслейтанском сейме, то оба эти представительные собрания должны опять назначать из своей среды депутатов или уполномоченных для решения этого рода дел. Каждое законодательное учреждение выбирает так называемую делегацию из шестидесяти членов, составленную на одну треть из господ или магнатов и на две трети из представителей нижних палат. Обе делегации собираются поочередно в Вене и Пеште, равно как и три ответственные министра, но они не могут совещаться сообща, и, в случае разногласия, обмениваются письменными посланиями, в которых излагают свои мнения, каждая на своем языке; если соглашение не достигнуто после трех посланий, отправленных с той и другой стороны, то делегации соединяются, но не для совместного совещания, а для того, чтобы тотчас же приступить к голосованию и решить вопрос по большинству голосов. Таков механизм «дуалистической» конституции, изобретенной Францем Деаком, к выгоде немецкой Австрии и мадьяр[1]. Хотя явно несправедливая по отношению к славянам северным и южным—чехам, моравам, полякам, русинам, сербам, хорватам, словенцам и далматинцам,—так же, как и по отношению к румынам и итальянцам австро-венгерской монархии, эта конституция существует уже третье десятилетие. Близкое будущее покажет, достаточно ли прочен этот государственный строй, чтобы устоять против сильных потрясений восточного мира и удержаться вопреки естественному праву, которое во всех

1 Louis Asseline „Histoire de l'Autriche depuis la mort de Marie-Therese".

странах есть федерация равноправных и свободных групп.

Областные сеймы (по-немецки ландтаги) различных провинций похожи на общегосударственные палаты по сложности своей организации, определенной императорским дипломом 1860 года. Австрийская часть империи имеет целых семнадцать местных сеймов,—считая в том числе муниципальный совет Триеста,—состоящих из депутатов двух различных категорий. К первой категории принадлежат члены не избираемые, но заседающие по праву, именно: архиепископы, епископы и ректоры университетов. Депутаты второй категории назначаются четырьмя группами избирателей: крупными землевладельцами, городами, местечками и промышленными центрами, торговыми палатами, сельскими общинами. Без всякой видимой причины, единственно в силу старинных привилегий и феодальных прав, смягченных сообразно современным интересам, какое-нибудь маленькое местечко пользуется политическими выгодами, которых лишены иные значительные города; та или другая группа граждан имеет избирательные права в силу ценза, или обязана ими только месту, в котором живет. Некоторые из провинциальных сеймов, например, богемский, насчитывают в своей среде очень большое число членов; но в каждом сейме центральная власть имеет могущественного представителя в лице наместника или губернатора, который председательствует на заседаниях ландтага. Все решения этих областных представительных собраний должны быть облекаемы императорскою санкциею, и заседания исполнительного комитета (Landes-Ausschuss), который они назначают из своей среды, тоже происходят под председательством губернатора. Многие сеймы не-немецких земель, между прочим, краинский, обязаны совещаться на оффициальном языке империи, то-есть немецком, тогда как истриоты могут обсуждать свои дела на итальянском языке, а в галицийском сейме прения ведутся на польском языке. В Цислейтании областные сеймы существуют в следующих провинциях: Тироле, Форарльберге, Зальцбурге, Каринтии, Штирии, Верхней Австрии, Нижней Австрии, Горации и Градиске, Истрии, Триесте, Далмации, Крайне, Галиции, Буковине, Богемии, Моравии, Силезии; всех членов в этих 17 сеймах 1.074, считая в том числе и муниципальный совет Триеста. В Транслейтании только один местный сейм—хорватский. Главный начальник гражданской Хорватии называется баном (banus).

Различные общины, как избирательные округа, пользуются неравными правами. Все главные города провинций имеют в этом отношении свои особенные статуты, равно как следующие города, из которых многие не принадлежат к числу значительных центров населения: Венский Нейштадт, Вайдгофен на р. Ипс, Штейер, Марбург, Цилли, Триент, Боцен, Ровередо, Ровиньо, Рейхенберг, Оломуц (Ольмюц), Знаймо (Цнайм), Иглау, Унгариш-Градиш, Кромериж (Кремзир), Билиц, Фридек (в Силезии), Краков. Эти городские общины с специальными статутами управляются муниципальным советом и особыми должностными лицами, к которым во многих местах присоединяется группа выборных делегатов, известная вообще под именем магистрата; в обыкновенных же общинах делами заведует муниципальная делегация или общинная управа (Gemeinde-Ausschuss), избираемая на три года и выбирающая из своей среды, тоже на трехлетие, бургомистра (голову) и двух его товарищей или помощников. Во многих провинциях, но не во всех, окружное представительство служит посредником между общиною и областным сеймом.

В Венгрии и Трансильвании различают общины и муниципии. Первые управляются почти таким же образом, как и австрийские Gemeinden; их «представительство» состоит на-половину из выборных членов, избираемых на шесть лет, на-половину из граждан, платящих наибольшую сумму налогов, и назначает из своей среды делегатов, которые составляют «магистрат», с состоящими при нем нотариусами, назначенными на всю жизнь. Пользующиеся самоуправлением (автономные) муниципии имеют более обширные права по предмету местного законодательства, но и в них платящие наибольшую сумму налогов граждане разделяют власть на-половину с народными выборными: эти муниципии, из которых иные заключают в себе до шестисот членов, суть комитаты и «вольные королевские города»; представителем правительства здесь является так называемый «fo-ispan» (по-немецки обер-

гешпан), назначаемый на всю жизнь; он только председательствует, но не имеет права вмешательства. Так называемый «университет саксонской нации» состоял из сорока четырех членов, депутатов от немецких городов и округов, и председательство на этом сейме принадлежало «королевскому графу»; но теперь эта организация растворилась в организации комитатов. В Кроации-Славонии каждый комитат имеет свою особую скупщину, члены которой выбираются гражданами и так называемыми «вирилистами», и каждая община управляется собственною муниципальною делегациею; представителем центральной власти в городах является «магистраль», а в деревнях—сельский судья. В Хорватии женщины принимают участие в общинных выборах; в Загребе в 1881 г. 805 женщин были внесены в избирательные списки.

Политическое и административное деление австро-венгерской монархии:

1) Собственно Австрия, или Цислейтания.

Тироль и Форарльберг: 5 округов: Инсбрук; долина Инна; Бриксен; Триент; Брегенц или Форарльберг.

Зальцбург: 2 округа: Зальцбург; Зальцгау; Понгау; Лунгау; Пинцгау.

Каринтия (Kaernten): 2 округа: Клагенфурт, или Нижняя Каринтия; Виллах, или Верхняя Каринтия.

Штирия (Steyermark): 3 округа: Грац; Брук на р. Мур; Марбург.

Верхняя Австрия: 6 округов: Линц, Мюль, главный город Фрейштадт; Инн, уездный город Рид; Гаусрюк, уездный город Вельс; Траун, уезд, город Штейер; Зальцкаммергут, уездн, город Гмюнден.

Нижняя Австрия: 5 округов: Вена; Нижне-Винервальдский, административный центр Венский Нейштадт; Верхне-Винервальдский, админ, центр Санкт-Пельтен; Нижне-Мангардтсбергский, админ, центр Корнейбург; Верхне-Мангардтсбергский, админ, центр Кремс.

Адриатическое прибрежье: 4 округа: Триест, с окрестностями; Горициа и Градиска; Истрия, главный город Паренцо; острова Кварнарекого залива.

Далмация: 4 округа: Зара или Цара (Задар); Сналато (Сплет); Рагуза (Дубровник); Каттаро (Котор).

Крайня (Крайн): 4 округа. Любляна (Лайбах); Верхняя Крайна; Средняя Крайна; Нижняя Крайна.

Галиция: 8 округов: Львов; Злочов; Тарнополь; Станиславов; Самбор; Пржемысль или Перемышль; Тарнов; Краков.

Буковина: 3 округа: Черновицы; Серет и Сучава; Васкуц и Вишиц.

Богемия: 14 округов: Прага; сельский округ Праги; Будвейс (Будейовице); Писек; Пильсен (Плзень); Эгер (Хеб); Заац (Жатец); Лейтмериц (Литомержице); Бунцлау (Болеслав); Ичин (Иисин); Кралев-Градец (Кенигрец); Хрудим; Часлав; Табор.

Моравия: 7 округов: Брюнн (Верно); уезд Брюннский; Ольмюц (Оломуц); Новый Ичин (Ней-Титшейн); Градиш (Градиште); Цнайм (Зноймо); Иглава (Иглау).

Силезия: 2 округа: Троппау(Опава); Тешен (Тетин).

2) Венгерская монархия, или Транслейтания.

Венгрия преддунайская: 13 комитатов: Пешт, с окрестною местностью; Бач; Ноград; Золиом (Золь); Гонт; Эстергом (Гран); Барс; Нийтра (Нейтра); Пресбург; Тренчен; Туроч; Арва; Липто.

Венгрия задунайская: 11 комитатов: Шопроньи (Эденбург); Мошоньи (Визельбург); Двер (Рааб); Комаром (Коморн); Веспрем; Белград Стольный (Штульвейсенбург); Ваш (Эйзенбург); Зала; Шомодьи; Тольна; Баранья.

Венгрия предтиссанская: 11 комитатов: Сепеш (Ципс); Гемер; Гевеш; Боршод; Торна;

Аба-Уй; Шарош; Земплен; Унгвар; Берег; Яс Надьикун-Сольнок.

Венгрия затиссанская: 14 комитатов: Мармарош; Угоча; Сатмар; Сабольч; Бигар; Гайду (область гайдуков); Бекеш; Арад; Чанад; Чонград; Торонталь; Темеш; Крассо-Сереньи; Силадьи.

Трансильвания: 15 комитатов: Гуниад (Гунеодаре); Себен (Германштадт); Фогараш; Брассо (Кронштадт); Гаромсек; Чик; Удваргельи; Киш-Кукулло (Кокельбург, Тирнава); Надьи-Кюкюлле; Альшо-Фегер; Торда-Араньош; Торда-Марош; Колошвар (Клаузенбург); Бестерче-Насод; Сольнок-Добока.

Кроация-Славония: 8 комитатов и 6 полков (1877 г.): Комитаты: Загреб (Заграб, Аграм); Река или Фиуме; Вараджин; Крижевац (Кереш, Крейц); Беловар; Вировитица (Верече); Пожега; Срем или Сирмия. — Полки: Градишка; Петриниа; Огулин; Митровиц; Винковце; Госпич.

В Австро-Венгрии церковь есть одно из главных учреждений государства, так как сановники её, по своему «полноправному голосу» (Virilstimme) в представительных собраниях, равно как по своим большим окладам, по своему богатству и в особенности по своим обширным территориальным владениям, делающим их как-бы вассальными князьями, пользуются немаловажною долею политической власти. Государь должен принадлежать к римско-католической религии, и еще не так давно другие вероисповедания были только терпимы; до 1867 года многие религиозные секты даже преследовались. Признанные государством религии и обрядности суть следующие: католическая в трех её обрядностях—латинской или римской, греческой или униатской, армянской; православная; лютеранская и реформатская; армяно-григорианская; социнианская или унитарианская; еврейская. В Австрии всякая религия, не признанная государством, может быть, тем не менее, свободно исповедуема, «лишь бы только её учение, её обряды, её название не имели в себе ничего противного закону и нравственности, и лишь бы содержание по меньшей мере одной исповедующей ее общины было обеспечено правильным образом». В Венгрии не признанные государством обрядности только терпимы.

Распределение населения Австро-Венгрии (без Боснии и Герцеговины) по вероисповеданиям 31 декабря 1890 г.:

	Цислейтания	Транслейтания	Монархия.
Римско-католиков	18.784.063	8.823.405	27.607.168
Греко-униатов и армян-католиков	2.797.089	1.607.283	4.467.372
Православных	540.715	2.633.491	3.174.206
Лютеран	312.322	1.206.038	1.518.360
Реформатов	118.167	2.221.858	2.340.025
Униитарив	113	61.665	61.778
Евреев	1.135.518	724.588	1.860.106
Прочих и без вероисповедания	19.919	8.669	28.588
Не вошедших в перепись (действ. войско)	187.507	113.776	301.283
Итого	23.895.413	17.463.473	41.358.886

Население Боснии и Герцеговины по вероисповеданиям в 1885 г.: магометан 492.710, православных 571.250, католиков 265.788, евреев 5.805, прочих 538.

Католическая церковь Австро-Венгрии насчитывает в своих недрах целую армию священнослужителей, около 36.000 лиц; вместе с монахами и монахинями, духовный персонал обнимает свыше 51.000 лиц, из которых более 31.000 приходятся на долю Цислейтании.

Римско-католическая иерархия.

Австрия.

Архиепископии	Епископии.
Зальцбур	Фельдирх (генеральный викарий, облеченный епископскою юрисдикцией), Бриксен, Триент, Клагенфурт (Неловец), Марбург (Мариборг), Грац.
Вена	Санкт-Пельтен, Линц.
Прага	Будвейс (Будейовице), Лейтмериц (Литомержице), Кениггрец (Кралев-Градец)
Ольмюц (Оломуц)	Брюн (Берно).
[Бреславль]	Тешен (генеральный викарий).
[Варшава]	Краков.
Львов	Тарнов, Перемышль.
Горициа (Гурица или Горица, по-немецки Герц)	Любляна (Лайбах), Триест, Паренцо (Пореч), Велья (Керк),
Цара (Задар)	Себенико (Шибеник), Спалато (Сплет), Лезина (Гвар), Рагуза (Дубровник), Каттаро (Котор).

Венгрия.

Эстергом (Гран, Остригом)	Рааб (Двер), Стомбательи (Штейнамангер), Веспрем (Вешприм), Печ (Фюнфкирхен), Белград Стольный (Штульвейсенбург), Вач (Вайцен), Нийтра (Нейтра), Баньска-Быстрица (Нейзоль).
Сент Мартон (Мартинсберг)	(Архиаббатство, зависящее непосредственно от св. престола и имеющее в своем ведении епархию).
Калоча	Гросвардейн (Надьиварад), Чанад, резиденция епископа: Темешвар, Карлсбург (Альба-Юлия или Белград).
Эгер или Эрлау	Сатмар-Немети (Сат-Маре), Кассо (Кашау), Роснио (Розенау, Рожнава), Сепеш-Варалья (Кирхдрауф).
Загреб (Аграм)	Дьяково (Диаковар), Сенья (Цент).

Греко-униатская иерархия.

Австрия

I. Иерархия русинская

Львов	Перемышль, Станиславов.

II. Иерархия-армяно-католическая.

Львов.

Венгрия

I. Иерархия русинская и сербская.

Эстергом(Остригом, Гран)	Мункач, Эперьеш, Крижевац (Крейц).

II. Иерархия румынская.

Альба-Юлия или Белград (Карлсбург), резиденция: Блас (Блазендорф, Балашвальва).	Гросвардейн (Надьиварад), Герла (Самош-Уйвар), Лугос.

Примас Венгрии, принадлежащий к римско-католической церкви, имеет, в виде исключения, суффраганов или викариев греко-униатской обрядности.

Прежде православные восточных провинций империи имели только одного патриарха—Карловицкого; но так как румыны и сербы не ладили между собою, по причине племенного различия, то в 1864 году признано было нужным порвать соединявшие их дотоле религиозные узы. Германштадт был возведен на степень самостоятельной митрополии, тогда как Карловиц остался патриаршим престолом для всех сербов; при этом приступлено было к разделу общих церковных имуществ, и многие монастыри, основанные сербами, достались их соперникам, румынам, которые сделались более многочисленными по причине быстрого возрастания их семейств. В 1873 году произошёл новый разрыв—на этот раз по воле правительства,—именно разрыв между сербами Далмации и сербами хорватских провинций; транслейтанские православные остались под управлением патриарха карловицкого, тогда

как престол задарский (зарский) и престол каттарский (которский), вновь учрежденный, были подчинены митрополиту черновицкому, который таким образом отделен от своих викариев тысячеверстным расстоянием.

Иерархия греко-восточной церкви.

Архиепископии	Епископии.
	*Иерархия румынская, русинская и сербс*кая.
Австрия	
Черновиц	Зара (Задар), Каттаро (Котор).
Венгрия.	
	1. Иерархия сербская.
Карловиц	Новый Сад (Нейзац), Буда, резиденция: Сеит-Эндре, Темешвар, Вршац, Накрац, Горний Карловиц (Карлштадт), резиденция: Плашки.
	II. Иерархия румынская.
Германштадт	Сибиу, Арад, Карансебеш, Надыг-Себен).

Управление протестантскими церквами принадлежит, по отношению к протестантам аугсбургского исповедания (лютеранам), главной консистории, имеющей пребывание в Вене, и десяти супер-интендентствам; по отношению к протестантам гельветического исповедания (реформатам)—генеральному синоду, который собирается тоже в Вене, и восьми супер-интендантствам. Унитарии имеют высшую консисторию в Трансильвании.

Армия—общая для обеих частей австро-венгерской монархии, исключая милиции, которая в Австрии называется ландвером, а в Венгрии гонведами. С 1868 г. введена всеобщая воинская повинность; все молодые люди, достигшие двадцати одного года, обязаны нести военную службу, которая продолжается 12 лет, именно, смотря по результатам жеребьевки: для зачисленных в действующую армию—3 года в линейных войсках, 7 лет в резерве и 2 года в ландвере; для зачисленных прямо в ландвер (или гонведы)—2 года на действительной службе, 10 (или 9) лет в запасе. Все способные носить оружие граждане, в возрасте от 19 до 42 лет, не принадлежащие ни к армии, ни к флоту, ни к запасу, ни к ландверу, должны служить в ландштурме, который призывается только в военное время. По закону, доступ ко всем военным чинам открыт солдатам без всякого различия рас и сословий, но на деле, за исключением разве специальных родов оружия, и преимущественно кавалерии, почти все офицерские места заняты дворянами и богатыми бюргерами. Численный состав австро-венгерской армии в 1895 г.: по штатам мирного времени: 23.445 офицеров, 330.807 нижних чинов; по штатам военного времени: 45.238 офицеров, 1.826.940 нижних чинов. Тактическая единица австро-венгерской армии—дивизия, составленная из войск всех родов оружия, и заключающая в совокупности 15.000 человек. Образцом ружья, употребляемого в армии, принято ружье системы Манлихера, «национальною» пушкою признана пушка генерала Ухациуса. Оффициальный язык австрийской армии—немецкий, но офицеры должны знать много языков, чтобы быть в состоянии объясняться со своими разноплеменными солдатами. Так, в 1878 г. из 100 высших и штабных офицеров говорили: по-итальянски—31; по-чешски—31; по-французски—24; по-мадьярски—20; по-польски—18; по-хорватски—12; по-румынски—8; по-сербски—7; по-словацки—6; по-русински—5; по-английски—3.

Флот, вполне снаряженный и управляемый отличными моряками истриотскими и далматинскими, состоит из полсотни паровых судов, в том числе десяток броненосцев, вооруженных пушками самого большого калибра. Самый большой из австрийских военных кораблей, «Тегетгоф», имеет вместимости 7.400 тонн.

Наличный состав флота в 1896 году: операционный (боевой) флот: 10 броненосцев (1 башенный, 7 казематтированных, 1 броненосный фрегат), 16 крейсеров, 65 миноносок, 6 обозных и 5 речных судов; для особенных целей: 20 стационеров и судов при посольствах (2 фрегата, 7 корветов, 6 канонерок, 5 колесных пароходов) и 6 судов для портовой и береговой службы; 8 учебных судов и 5 блокшипов. Экипаж: 624 офицера, около 7.500 матросов и

4.500 морских солдат.

Финансы Австро-Венгрии находятся в плохом состоянии, и часто правительству стоило большего труда добывать деньги, необходимые для правильного действия административной машины и поддержания своего достоинства между европейскими державами. Дефицит составляет обыкновенное явление в австрийском государственном бюджете; с 1781 года до новейшего времени, то-есть в столетний период, годовые доходы империи только два раза превышали расход, а сколько в продолжение этого времени было частных государственных банкротств, замаскированных более или менее остроумными финансовыми комбинациями! Общий бюджет монархии, правда, исполняется каждый год без видимого дефицита, но этот бюджет есть не что иное, как счет общих издержек, и каковы бы ни были израсходованные суммы, Цислейтания и Транслейтания должны уплачивать их, в пропорции 70 долей или процентов с Австрии и 30 процентов с Венгрии,—пропорция, которая приблизительно служит истинным мерилом относительных рессурсов обеих половин империи. Если расходы слишком тяжелы для Австрии и Венгрии, то правительства их по необходимости должны установлять новые налоги или увеличивать сумму своего долга. Общеимперский бюджет австро-венгерской монархии в 1896 г. составлял 156.291.463 гульдена. Частные бюджеты обеих половин империи:

Бюджет Цислейтании (1896 г.): доходы—666.006.190 гульден.; расходы—664.569.753 гульден.

Бюджет Транслейтании (1895 г.): доходы—468.550.257 гульден.; расходы—468.528.061 гульден.

Две трети годовых доходов Австро-Венгрии идут на покрытие военных расходов, как по содержанию армии и флота, так и для уплаты процентов и погашения по займам, заключенным во время прежних войн; остается только треть доходов на удовлетворение потребностей правительства, администрации, публичных сооружений, народного просвещения и для непредвиденных случаев. Вследствие этого, государство принуждено прибегать к обременительным налогам, ложащимся всею своею тяжестью на предметы потребления; оно даже побуждает народ помещать свои сбережения в «императорско-королевския» лотереи, или выигрышные займы; но эти средства оказываются недостаточными: приходится постоянно обращаться к доброхотным заимодавцам, постоянно вписывать новые суммы в государственную долговую книгу. Государственный долг Австро-Венгрии простирается до одиннадцати миллиардов франков. Понятно, что, при таких обстоятельствах, кредит государства не может быть особенно прочным, и билеты его с принудительным курсом никогда не были принимаемы как имеющие ценность денег; в среднем они стоят на одну пятую ниже pari. Государственный долг в 1895 году: общий долг монархии—2.757.672.783 гульд.; долги Цислейтании —1.274.074.670 гульд.; итого 4.042.977.277 гульд. Расходы по общей имперскому и австрийскому долгу (проценты, погашение и администрация): 195.040.343 гульд. Долг земель венгерской короны в начале 1894 г.: 2.302.342.500 гульд. (вместе с упадающей на Венгрию долей обще-имперского долга).

Глава XI Британские острова.

I. Общий обзор.

Великобритания, Ирландия и острова, их окружающие, составляют весьма незначительную часть земного шара, хотя их влияние на него тем не менее весьма значительно. Поверхность их в сумме равняется не более как одной тысяча-шести-сотой доле всей земной по-

верхности, а по сравнении с Европою не составит даже одной тридцатой части последней. В сущности настоящая живая область Британских островов, которая дала англичанам первостепенную роль на земле, представляет не более половины территории, образующей политически так называемое Соединенное Королевство.

Пространство Британских островов: 314.628 кв. километров.

Население в 1893 г.: 38.675.000 душ.

Население на километр: 123 жителя.

Отрезанная от Европы Ламаншем и Северным морем, а также отделенная от Ирландии и островов Оркадских и Гебридских, Великобритания сама состоит из нескольких областей, весьма различных в географическом отношении, отчего и должна была оставаться разделенною на несколько отдельных государств до тех пор, пока дороги, успехи мореплавания и заселение не связали достаточно между собою жителей отдельных областей. Группы холмов, или даже гор, находящихся во многих частях острова, и в особенности удлиненная форма Великобритании заставили население распасться на отдельные группы, вследствие чего различия в интересах и склонностях повели, как и всегда, к столкновениям и войнам. Страна равнин и невысоких холмов, составляющая юго-восточную часть Англии, представляет одну из тех естественных областей, жители которой долго отделялись от своих соседей и историею, и обычаями. Точно также длинный полуостров Корнваллиса, который тянется к открытому океану между Ламаншем и Бристольским заливом, и двойной гористый полуостров Валлиса, или Уэльса, явственно отделенный на севере и юге глубокими береговыми вырезками, составляют страны со своим особым характером, дающие населению особые черты. Гористая часть собственно Англии возвышается к северу от Гумбера и Мерсея, где страна является внезапно сжатою между двумя морями; в этой-то центральной части Великобритании и образовалась четвертая естественная провинция, отличающаяся от остальных и своею геологическою историей, и судьбою населения. Чевиотские горы и другие горные группы южной Шотландии, идущие, в виде поперечного вала, от одного моря до другого, к северу от съужения Сольвей-Фирта, а затем равнины, которые тянутся от Фирт-ов-Форта к Фирт-ов-Клайду, также представляют предуказанные исторические деления в теле главного острова. Наконец, горы и суровые долины Верхней Шотландии составляют как-бы совершенно особый мир, отдельный от остальной Великобритании; высоты эти представляют совершенную противоположность низменным или слабо бугристым землям, расстилающимся по направлению к югу[1]. Естественные границы между провинциями в двух местах были определены, так сказать, линиями искусственной защиты, а именно между лиманами Форта и Клайда и затем далее к югу между устьем Тайна и Сольвей-Фиртом римлянами были воздвигнуты стены и башни, для предотвращения вторжений горных разбойников.

В общем Великобритания имеет чрезвычайно изящную форму, в одно и то же время и легкую, и горделивую, и представляет поразительное сходство в строении со Скандинавским полуостровом: подобно последнему, она удлиннена в направлении меридиана; плоскогорья и горы возвышаются точно так же с западной стороны, а главные реки текут к востоку; даже Северн сначала течет в этом же направлении и только под конец поворачивает в обратную сторону[2]. Ирландия также имеет красивые контуры, но она массивнее восточного острова. Горы, возвышающиеся на ней, делят ее также на естественные области, и между населениями последних велись прежде частые войны, но в общем западный остров, по сравнению с восточным, представляет более географического единства.

Хотя Британские острова покоятся на том же подводном плоскогорье, как и западная Европа, и хотя Англия едва отделена от Франции узким и неглубоким морским протоком, так что в ясный день с высот Дувра видны скалы Гри-Нэ, тем не менее Альбион был для наших предков действительно отдаленным островом, ибо внезапные ветры, быстрые и изменчивые течения, песчаные отмели и отвесные скалы делали мореходство опасным. В военное

1 Бокль, „History of civilisation in England".

2 Карл Риттер, „Europa".

время сообщение прекращалось совершенно, в мирное же время оно было редко, всегда сопряжено с опасностью, и кроме моряков и купцов никто им не пользовался. Почти вся масса населения по образу жизни, понятиям и нравам, оставалась вполне островною, а потому история его должна была получить свой особый характер. Кроме того, римлянами была покорена лишь часть Великобритании, и влияние царственного народа было здесь несравненно слабее, чем в Галлии. Что же касается Верхней Шотландии и Ирландии, то они никогда не принадлежали к римскому миру; они были защищены от легионов Цезарей расстоянием и опасностями океана. Племена этих стран стали принимать участие в общем движении истекающей из Рима цивилизации медленно и постепенно; до них едва доходила зыбь вызванного сотрясением волнения. В отношении общей истории человечества, Британские острова находились в совершенно таком же положении, как и в отношении флоры и фауны. В Англии не встречаются многие из французских и германских видов, хотя климат её был бы для них благоприятен; Ирландия же, в свою очередь, беднее животными и растительными формами, чем Великобритания. Переселению видов мешали отчасти морские рукава: одни виды, при помощи своих плавников или крыльев, или при посредстве ветра, переправлялись через проливы, другие теснились перед препятствием, но преодолеть его были не в состоянии. Точно также и значительные исторические движения Европы распространялись по Англии и в особенности по отдаленной Ирландии лишь весьма ослабевающими волнами.

Итак, жизнь Англии, по сравнению с Европой, должна была принять свой особый характер, свой самобытный ход. Страна, в которой должна была развиваться национальная цивилизация, отличается, впрочем, большими физическими преимуществами. Холмы и горы, возвышающиеся в различных частях этой страны, не настолько высоки, чтобы вполне разъединять их жителей и представлять действительные затруднения для сообщений между обоими склонами. Единственные группы вершин, могущие представить серьезные препятствия для мирных сношений, это—Грампианские горы Верхней Шотландии, находящиеся именно на северном конце острова, а потому отделяющие от массы народа лишь редкое население. Эти шотландские скалы, представляющие высочайшие вершины Великобритании, находятся вне живой части страны, в области океанических ветров и туманов. Низменная же часть, область привилегированная во всех отношениях, находится на противоположном конце острова, прямо против материка. Это бассейн, который, будучи защищен морем, омывающим его с востока и юга, тем не менее привлекает к себе колонистов и купцов, открывая им свои порты. Здесь-то, в соседстве с Францией и Нидерландами, и развилась всего быстрее цивилизация; здесь же основалась и столица, смотрящая, так сказать на Европу—источник её торговли и промышленности, первый импульс всех её успехов. Вокруг лондонского бассейна развертывается чрезвычайно правильный полукруг геологических формаций, представляющий с юга, запада и севера как-бы идущую в несколько рядов ограду, в которой сменяются самые разнообразные почвы, представляющие всевозможные комбинации песку, глины, извести и растительной земли.

Из всех стран Европы Англия отличается чрезвычайным разнообразием своих скал: это «рай» для геологов, резюме Европы и даже значительной части Азии и Америки[1]. Мало найдется формаций, которые не встречались бы в Англии, хотя клочками. Кроме того, формации эти расположены с такою правильною последовательностью, что строение страны, как в общем, так и в подробностях, могло быть изучено лучше, чем где-либо. Творец стратиграфии, Вильям Смит, в 1815 г., после двадцати-пяти-летних странствований пешком по всем частям острова, издал первую полную геологическую карту Англии, при чем нельзя не подивиться относительному совершенству, достигнутому им с первого раза, благодаря терпеливым исследованиям[2]. С тех пор можно было исследовать почву более кропотливым образом, и не только в верхних слоях, но и на значительной глубине, и новые открытия показали, насколько велики заключающиеся в недрах обоих островов сокровища. Еще в сказоч-

1 Рамсей, „The Physical Geology and Geography of Great Britain".

2 Марку, „Explication de la carte geologique de la Terre".

ные времена, когда историей не было даже произнесено имя народов, населявших Великобританию, минеральные богатства Касситеридских островов, т.е. Корнвалиса, вызывали значительную торговлю с берегами Средиземного моря, да и теперь, как ни велики подземные сокровища Соединенных Штатов, Мексики, Перу и Австралии, Британские острова являются самою производительною горнопромышленной страною на земном шаре. Но это первенство дали им уже не оловянные рудники, а залежи каменного угля.

Почва Британских островов, столь богатая в своих глубинах, на большей части своего протяжения отличается также и естественным плодородием поверхности; там же, где она безплодна, нет недостатка в оплодотворяющих ее удобрениях. Даже в местностях, расположенных близ восточного берега и, следовательно, защищенных от дождливых ветров горными группами запада, дожди обильны, и почва орошается многочисленными речками. Округ Линкольн, где падает наименьшее в Англии количество дождевой воды, получает ее, однако же, более полуметра[1]. Правда, в некоторых областях Великобритании, в Дартмуре, на Корнийском полуострове, в горах Валлиса и Кумберланда и, наконец, в горной Шотландии, о которые ударяется морской ветер, изливают своими оврагами огромное количество вод, большая часть которых возвращается в океан, не будучи употреблена человеком. Высота воды, выпадающей в этих областях, больше двух метров в год.

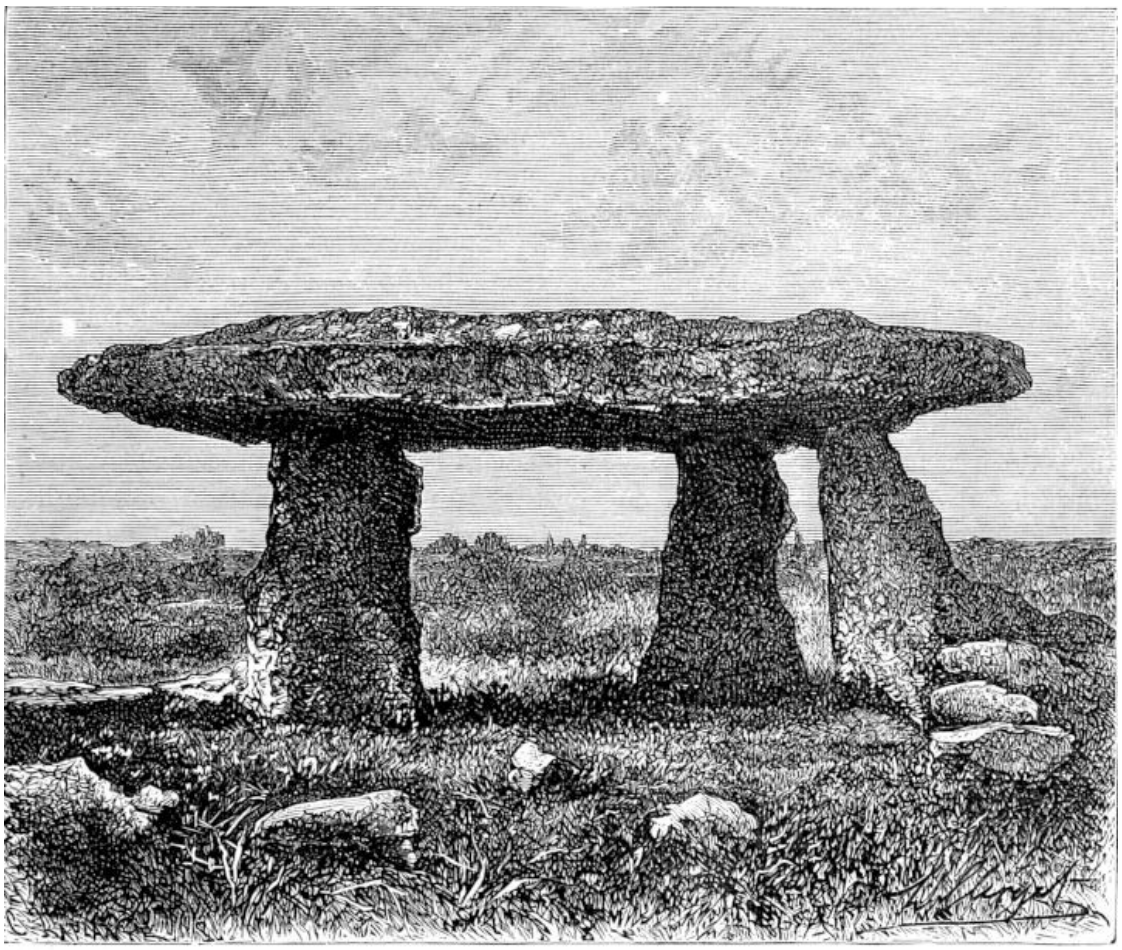
Среднее количество дождя, выпадающего во Франции, по Делесу—0,77 м.; в Великобритании—0,84,5 м.; в Ирландии—0,91,6 м.

Следовательно, в среднем, количество дождя, получаемого Великобританией и Ирландией, значительно больше, чем во Франции, испарение же, вследствие общей влажности атмосферы, значительно слабее; но, несмотря на это, болота занимают лишь весьма незначительное пространство. В Англии волнистость почвы всюду способствовала стоку дождевых вод; в Ирландии же воды собираются в середине страны, но не образуют болот, потому что или наполняют скалистые бассейны, или питают мхи, или же насыщают мало-по-малу громадные губки торфяников, не распространяя в воздухе опасных миазмов.

Великое преимущество климата Британских островов—это замечательно ровная температура. В то же время острова эти, расположенные в теплых водах, тихо двигающихся от тропических морей к полярному океану, составляют как-бы часть Атлантического океана по влажной окружающей их атмосфере. Нигде, кроме Фарерских островов и берегов Норвегии, получающих то же благодетельное дыхание, действительный климат не расходится в такой степени с тем, какой можно предположить, считая по расстоянию от экватора. Нигде, как известно, изотермические линии не отклонены так далеко к северу, как здесь. Вопреки движению солнца, средняя температура в Ирландии, под 52° широты, так же высока, как в Соединенных Штатах под 38°, на 1.540 километров южнее; что же касается зимней температуры, то она даже на самой оконечности Шотландии оказывается мягче, чем в Новом Свете на 20 градусов ближе к экватору. Летом покоющиеся на Великобритании слои воздуха бывают теплее морской воды, которая освежает берега и умеряет жар; но местности низменной Англии, центральные области которой еще довольно удалены от моря и более подвержены влиянию континентального климата, теплее равнин Шотландии, и в общем изотермические линии, начиная с 18 градусов в бассейне Темзы и до 12 градуса на Оркадских островах, следуют одна за другою довольно правильно. Зимою, наоборот, температура воды оказывается выше температуры воздуха, вследствие чего в обращенных к материку равнинах Англии чувствуется холод, зимний же климат Ирландии и Шотландии, о западные берега которых ударяются преимущественно воды открытого моря, бывает настолько смягчен, что изотермические линии принимают направление меридианов: так, изотерма 5 градусов идет вдоль ирландского берега от Лиммерика до Донегала, а линия 4 градусов извивается параллельно западным берегам Великобритании, от Бристоля до Тюрсо и Оркадских островов, и зимний климат остается одинаковым на протяжении 900 километров с юга на север. Что же касается январского климата, то он холоднее на берегах Темзы, чем по берегам Гебридских островов,

1 Симонс, „Hyetographical Map. of the British Isles“.

где середи зимы продолжают существовать такия растения, которые были бы убиты холодами Мидльсекса[1]. Это необыкновенное в физике земного шара явление способствует географическому единству страны и чрезвычайно облегчает переселения с одного конца её на другой. Для англичанина и шотландца, поменявшихся местами жительства, приспособление к новому климату, всюду сопряженное с опасностями, далеко не так страшно, как для бретонца и провансальца при подобной же перемене. Иностранцам, приехавшим из отдаленных от Атлантического океана частей континента, климат Великобритании не вреден, но весьма неприятен вследствие частых туманов и «бледности» солнца. В больших городах туман этот, пропитанный чадом от угля, часто бывает дотого густ, что мешает свободному движению



Ланіонскій дольменъ близъ Пензанса въ Корнваллисѣ.

воздуха. Так, в декабре 1873 г., на рынке Смитфильд, в центре Лондона, животные не могли дышать под «сводом» тумана и задохлись от недостатка воздуха.

Жители Британских островов произошли из многих рас, которые в течение веков с ожесточением боролись между собой, пока наконец, по крайней мере в собственно Англии и нижней Шотландии, не образовали нового племени, прочно скованного в одну национальную группу. Были ли внутри Великобритании первобытные народны в ту эпоху, когда через пролив перебрался Цезарь, или нет, во всяком случае масса населения Британских островов состояла из кельтов, близко сродных с теми, которые завоевали Галлию и смешались с иберским и лигурским населением[2]. Однако, среди народцев юго-восточной части страны был уже и германский элемент, так как они по большей части состояли из белгов, поселившихся здесь по крайней мере лет за сто ранее и, конечно, имевших в своих жилах некоторую часть германской крови. В Британии так же, как и в северной Галлии, жили моринцы, ремцы,

1 Рамсей, „Physical Geology and Geography of Great Britain".

2 Райт, „The Celt, the Roman and the Saxon".

атребаты, наиболее цивилизованные из обитателей страны, обогатившиеся, благодаря торговле и промышленности. Во время великого переселения народов, вызванного ослаблением империи, северные германские племена завоевали себе также часть римского мира и прочно основались в Британии, искоренив или поработив местных жителей. Юты, воинственные выходцы из Ютландии, утвердились на острове Танэ, в территории Кента, на острове Уайте, на берегах Гампшира; саксы, состоявшие из различных народцев нижней Германии, преимущественно из фризов, заняли бассейн Темзы и те берега, которые от них получили свое название Эссекса и Суссекса. Англы, вышедшие из южных частей Кимерийского полуострова, завоевали у бриттов центральные и северные области Англии. Позднее к столь сложному по своему происхождению населению Великобритании присоединились еще датчане и норманны, вышедшие прямо из Скандинавии, а еще позднее—офранцузившиеся норманны, в сопровождении французов, всего в числе приблизительно пятидесяти тысяч. С тех пор новых вторжений в Англию не было, но во время религиозных гонений сюда целыми толпами являлись искать убежища беглецы из Фландрии, Сентонжа, Севенн и долин Ваатландских, прибавляя новые составные части к тем элементам, из которых постепенно сложилась нация. Самую основу теперешнего населения Британских островов, по крайней мере считая с начала письменной истории, составили своим смешением типы северных групп: кельты, бритты и германцы, саксы или скандинавы—вот предки нынешних англичан. Не согласно с истиной называть их общим именем англо-саксов,—как будто у них не было других предков, кроме германских завоевателей с берегов Эльбы и с полуострова Кимврийского. Единственное подходящее название, как для жителей Англии, так и для жителей всего Соединенного Королевства вообще,—это англо-кельты, предложенное Гексли и другими антропологами. Тем не менее в обыденном языке безразлично употребляют такия названия, которые далеко не синонимы и указывают для самого народа на совершенно различное происхождение. Так, два большие острова называются «Британскими», как будто они и ныне еще населены только бриттами; а главный остров не имеет другого названия, кроме «Великобритании» или просто Британии (Britain). С другой стороны, слово «Англия», т.е. «страна англов» (England), обозначающее в географии часть Великобритании, в обыденном языке служит для обозначения всей нации.

Но хотя англо-кельтское племя является всюду смешанным, тем не менее есть некоторые провинции, где несомненно преобладает тот или другой элемент. Так, в Ирландии, в части верхней Шотландии, в Кумбрийских горах, в Валлисе и в Корнваллисе берет значительный перевес древний кельтский тип; напротив того, англы, саксы, фризы и юты многочисленнее на восточных берегах, где некогда высадились их предки, и в соседних с ними провинциях. Примесь скандинавской крови весьма значительна во всей территории бывшего Danelagh, т.е. «датского ведомства», заключавшего в себе пятнадцать теперешних графств от Гертфорда до Дургама. На севере Великобритании преобладало скандинавское население; со своей стоянки на Оркадских островах норманны колонизировали берега Шотландии, Кумберланда и Нортумберланда, и в некоторых местах племя это сохранилось почти в чистом виде. Кто некогда господствовал в стране—легко узнать по этимологии названий городов и деревень, перемешивающихся с кельтскими названиями гор, скал и рек[1].

Вообще можно сказать, что кельты Британских островов отдалены от материка, народы же германского племени расположены ближе к нему. Такое распределение жителей разного происхождения имело весьма важное значение в истории Европы. Великобритания похожа на громадный корабль, повернутый носом прямо к Франции[2], и первые готовые к бою люди, сгруппированные в передней части этого корабля,—люди германского племени. Англия противопоставляет Франции свою германскую часть, кельтов же удерживает на отдаленных полуостровах и западном острове: контраст двух народов является без этнического перехода по ту и другую сторону пролива. Некогда Франция имела своего врага прямо перед собою, то-

1 Кембль, „The Saxons in England"; Гуг, „The Geography of the British Islands"

2 Michelet, „Histoire de France", II.

гда как её естественные союзники находились весьма далеко, и часто невозможно было даже непосредственное сношение с ними. Здесь мы видим явление аналогичное тому, которое в природе ставит лицом к лицу два противоположные электричества. Известно, какие ужасные столкновения происходили в течение веков между этими двумя нациями, разделенными проливом: никакая борьба не велась с таким ожесточением, как войны островных саксов с континентальными галлами; но за ненавистью, несмотря на временные колебания, не следует ли чувство взаимного уважения и почти взаимной любви, которое растет с каждым днем?

Раз установившись, английский народ, по счастью, имел с внешним миром не одни только воинственные и вооруженные сношения. У обоих островов есть глубокия и удобные гавани, гораздо более многочисленные, чем во Франции, так что, сравнивая берега обоих государств, можно было сказать, что «океан расположен к Англии». Другое преимущество Англии—это более высокие приливы, позволяющие большим судам входить далее внутрь лиманов и рек, почти в самое сердце страны. Пока жители Великобритании были немногочисленны и пока местных средств хватало населению, до тех пор, конечно, внешняя торговля не могла иметь большего значения, хотя, впрочем, Лондон вел морскую торговлю еще до римской эпохи, и в продолжение всех средних веков жители портов тотчас же возобновляли свои торговые сношения, как только прекращались на-время междоусобные и внешния войны. Впрочем, прибрежные англичане происходят частью от датчан и норманнов и унаследовали от своих грубых предков любовь к опасностям на море и страстное желание бороться с волнами и бурями. Тем не менее, они не были первыми в великом деле географических открытий, сокративших мир, превративших безграничное пространство в простой шар, поверхность которого легко может быть измерена человеком: слава открытия морских путей в Индию, к Антильским островам и в Южное море должна была принадлежать морякам более цивилизованных народов южной Европы. Но и английские мореплаватели научились прокладывать пути по океану и вскоре стали во главе всех по своей смелости и настойчивости; их экспедиции в ледовитые полярные моря для открытия «северо-западного прохода», часто возобновляемые ими еще и теперь, но уже не с коммерческими, а с научными целями, принадлежат к самым геройским предприятиям в истории. За каждым английским судном, пускавшимся в неизвестные моря, следовали по проторенной дороге целые сотни других, завязывали с отдаленными странами торговые сношения, уничтожали конторы своих соперников и высаживали завоевателей и колонистов. Мало-по-малу обнаружилось то замечательное коммерческое положение Англии, которое она занимает в отношении к Европе, к Северной Америке и даже ко всему обитаемому миру. Занимая угол материка, она естественно служит складочным местом для торговли прибалтийских стран, Германии, Нидерландов и Франции и в то же время находится в том месте, где ветры и волны, берущие начало у берегов Америки, касаются европейских стран, образуя движущуюся дорогу с юго-запада к северо-востоку; этою дорогой корабли обыкновенно возвращаются; при отплытии же на юго-запад они могли пользоваться дорогою, прокладываемою пассатными ветрами и экваториальным течением. Наконец, Лондон, как уже указывал Джон Гершель, находится недалеко от геометрического центра всех континентальных масс, и следовательно ни один город в мире не занимает лучшего положения для того, чтобы служить таким портом, к которому бы сходились все навигационные линии. Эти великия преимущества географического положения много способствовали утверждению за Англией её первенствующей коммерческой роли, и чем выгоднее становилось торговле, тем большее рвение выказывали в своих предприятиях английские колонисты и завоеватели отдаленных рынков; никакой из колонизаторских народов Европы, за исключением голландцев, не выказал более серьезности и выдержанности в своем поведении. Вот каким образом маленький европейский народ, состоявший, вероятно, миллионов из пяти в ту эпоху, когда он начал свои завоевания на отдаленных материках, съумел расширить постепенно свое господство более чем на седьмую часть земной поверхности, с населением более чем в двести миллионов человек. Кроме того, обширные страны, оффициально не принадлежащие Англии, в Индостане на севере от Оманского моря, в Аравии, в Африке, в Океании, в сущности составляют также часть Бри-

танской империи; достаточно слова консула или миссионера, чтобы все старались исполнить предложение, которое могло бы перейти в приказание. А за пределами народов, повинующихся уже, не будучи еще подданными, путешественники непрестанно работают над расширением английского могущества, достигая цели одним только своим присутствием. Хотят ли они того, или не хотят, но на них справедливо смотрят, как на представителей их отечества, как на агентов завоевания, предшествующих армиям. Нет страны, куда бы не проникали английские путешественники, толкаемые не только любовью к приключениям, но и желанием заставить уважать в их лице тот народ, к которому они принадлежат! Даже господствующий в Англии порядок землевладения и тот способствует распространению английского влияния, заставляя множество энергических людей покидать родину, давая таким образом возможность приобретать опытность в путешествиях всякого рода и усиливая любовь к ним. Кроме безземельных рабочих и земледельцев, отправляющихся искать себе благосостояния и независимости в другом полушарии, есть много богатых молодых людей, лишенных земельной собственности институтом майората, которые, не будучи привязаны к родной почве никакими материальными узами, всегда готовы переселиться в другую страну. Не имея полей, принадлежащих им в собственность, они считают всю землю своим имением и, как новые мамертинцы, целыми толпами покидают ненуждающуюся более в них родину.

В то время, как мореплаватели и другие английские путешественники помогали открывать неизвестные земли во всех отдаленных странах по ту сторону океанов и завладели ими, землекопы овладевали в самой Англии другим миром—миром подземных богатств. Моряки привозят хлопок, рис, пряности; землекопы добывают из недр земли уголь. Которое же из этих сокровищ более способствовало могуществу Великобритании? Громадные промышленные города возникли там, где прежде были лишь земледельческие деревушки; целая обширная мануфактурная область на севере уравновешивает земледельческую и торговую область южной Англии, Бирмингем, Шеффильд, Манчестер, Лидс, и все возрастающие города, которые их окружают, возникли сами собою, не ожидая импульса от столицы: они свободно развили свою собственную жизнь, сохранив таким образом за собою драгоценное достояние инициативы; каждый из них стал независимым от Лондона центром, действующим по-своему и влияющим на мир также каждый сам по себе. Здесь началось то великое промышленное движение новейшего времени, которое распространилось затем на Европу и на весь мир; отсюда же в продолжение долгого времени выходили по преимуществу, если не изобретения, то, по крайней мере, применения новых способов и усовершенствований механических орудий производства. Мануфактуры Ланкашира и Йоркшира служили некоторое время образцом всех заведений этого рода, основываемых в других странах. Что касается гидравлических работ, то английские инженеры сначала долго подражали голландским, но затем сами стали мастерами своего дела, и даже в Нидерландах можно видеть великия работы по канализации, произведенные англичанами.

В мануфактурных областях Великобритании дым наполняет атмосферу в таком количестве, что совершенно изменяет вид природы. В некоторых городах небо совершенно омрачено дымом, дома и даже самые роскошные общественные здания покрыты сажей; черный снег падает на листья деревьев и на траву. Фабрики дали стране новый климат и в то же время больше всех других элементов современной цивилизации повлияли на нравы народа; они преобразовали его социальное устройство, дали ему другой образ жизни и подготовили великие перевороты для всего человечества. Так, в Англии возникла прежде всего грозная проблема современного пролетариата; здесь вовлекаются в коммерческие колебания наибольшие массы людей; здесь же приняли наибольшие размеры стачки рабочих, и располагают наибольшими средствами рабочия ассоциации. Ни одно событие не совершилось в Европе без того, чтобы удар не отразился тотчас же на английских заводах, и ни одно колебание в заработной плате на фабриках Великобритании не обходилось без влияния на рабочий рынок всех стран мира.

Кроме сильного косвенного влияния английской нации на судьбы других народов имеет

весьма большое значение непосредственное влияние её колонистов в отдаленных странах. Во многих странах англичане, к несчастию, умели только разрушать и опустошать. В Тасмании они искоренили всех туземцев до последнего.

На австралийском материке малочисленные первобытные племена еще и теперь убегают от них, как стада кенгуру; но тем не менее им грозит скорое истребление. Сколько островов было обезлюжено англичанами также в Океании, и сколько перебито гнусным образом индийских народов в их американских колониях, сделавшихся Соединенными Штатами, не говоря уже о тех племенах, которые они погубили водкой и внесенными из Европы пороками! Куда они ни появятся, там уже нет места для номада или охотника; нередко принужден был умирать даже земледелец, который отказывался работать на них. Правда, есть и вне Европы нации слишком цивилизованные и слишком многочисленные, чтобы бояться за их существование, но белые насильственно вторглись в их историю, и между этими белыми решительное влияние принадлежит именно англичанам или их родственникам американской породы. Они именно вовлекли японцев в движение западной цивилизации, они же отперли насильно ворота Китая, они же повелевают или косвенно, или непосредственно народами, населяющими Индостан и составляющими шестую часть всего человеческого рода. Нет сомнения, что между образом мыслей гордого англичанина, с одной стороны, и боязливого индуса, с другой, существует целая пропасть: они чужды друг другу и долго еще не дойдут до взаимного понимания; тем не менее, присутствие европейских завоевателей в какие-нибудь пятьдесят лет более изменило материальное и социальное положение индусского населения, чем двадцать предыдущих веков. Типографии, школы, железные дороги совершенно перевернули весь этот древний мир и вносят новую жизнь в это общество, которое еще недавно строго регулировалось кастой и традицией. Если когда-нибудь различные народы Индии научатся управляться сами собою, жить свободными и в мире друг с другом на своем чудесном полуострове, то кому, как не англичанам, будут они обязаны первым импульсом, давшим им возможность завоевать так давно утраченную национальную независимость?

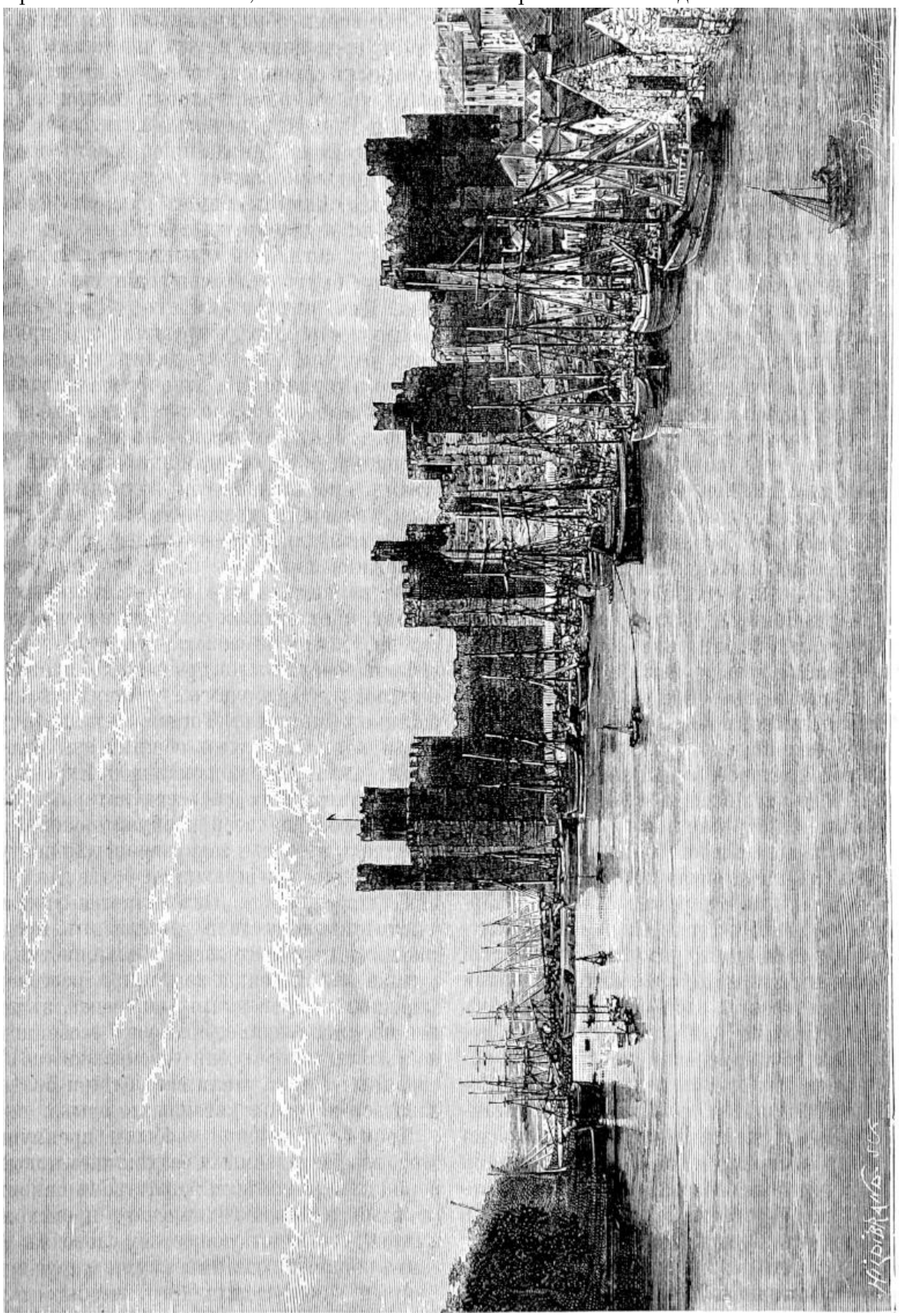
Кроме того, все большее и большее распространение английского языка, не только между цивилизованными, но и между варварскими народами, должно способствовать постепенному проникновению английских мыслей в мозги людей разного происхождения. Альфонс де-Кандоль, развивая в одной своей известной книге[1] идею, высказанную уже ранее многими другими писателями, настаивает на важности, которую имело бы употребление английского языка, как языка мирового. Язык этот имеет прежде всего то преимущество, что на нем говорят не только на Британском архипелаге, но и в Новом Свете, в Австралии, во всех торговых городах и даже на самых отдаленных морских островах, так что он является родным языком сотни миллионов человек; если же считать людей всех племен, европейцев, американцев, африканцев, китайцев, индусов и малайцев, понимающих этот язык и более или менее говорящих на нем, то нет сомнения, что он служит проводником мысли по крайней мере для ста двадцати миллионов человек.

Население английского языка в 1884 г. было: Европа—36.000.000 человек; Американские Соединенные Штаты—55.000.000; Канада, не считая французов—3.000.000; Австралия, Тасмания, Новая-Зеландия—3.000 000; Южная Африка—800.000; другие колонии с английским языком—3.000.000; итого—100.800.000 человек.

Кроме того, сильное возрастание населений, говорящих по-английски, и все больший и больший перевес, приобретаемый торговыми интересами, дают возможность предвидеть, что в недалеком будущем число людей, употребляющих тот язык, на котором говорят в портах: Ливерпуле, Нью-Йорке, Сиднее и Калькутте, удвоится или даже утроится. Английский язык пользуется гораздо более благоприятными условиями для своего распространения, чем французский, русский или даже испанский, потому что имеет три большие центра, из которых они расходится по всему миру. Соединенные Штаты и часть Канады пропагандируют его не хуже самой родины; Австралия учит этому языку племена Океании; колонии южной

1 „Histoire des Sciences et des savants depuis deux siecles“.

Африки можно считать четвертым центром, из которого английский язык, борясь с голландским, будет распространяться постепенно среди кафров и других южных народов этого материка. Можно сказать, что весь обитаемый мир как-бы осажден Англией и её гением.



Кернарвонскій замокъ.

Испанский язык имеет только два центра распространения,—Иберийский полуостров и Южную Америку, и до сих пор не приобрел значительной лучеиспускательной силы, так как народы, на нем говорящие, стоят ниже по своей торговле. Что же касается французского

языка, который так уважается всеми образованными народами, как общий посредник наук, искусств и общественных сношений, то он не имеет другого очага, кроме самой Франции, с прибавкой Алжира и Туниса; впрочем, Антильские острова и французская Канада приобрели в последнее время довольно важное значение для того, чтобы их влияние в общем равновесии чувствовалось в отдаленных местах.

Итак, английский язык не имеет соперника по быстроте расширения своего господства. При том он имеет то существенное преимущество перед другими, что принадлежит одновременно к двум группам языков: к германской—по первоначальному своему происхождению, по складу ума и по построению фразы, к латинской—по множеству слов обыденной речи, относящихся к науке, искусствам, промышленности, политике, званиям, общественным должностям. Иная журнальная статья или иное техническое описание не содержит никаких слов с англо-саксонским корнем, кроме вспомогательных глаголов, предлогов и союзов; но хорошие писатели, смотря по свойству трактуемого сюжета, умеют сочетать слова различного происхождения, подобно рабочим, ткущим ткань смешанных цветов. Тогда как французский язык мог бы служить общим языком легко только для народов романской Европы и для образованных людей всего материка, английский, благодаря своей двойной основе, представляет не более затруднений для португальца, чем для скандинавца, не более для румына, чем для германца. Он остается совершенно чужим языком лишь для славян, предпочитающих, в значительном большинстве, французский или немецкий языки при разговоре с западными европейцами; впрочем, в последнее время и славяне, пользуясь особенною легкостью, с которою они усвоивают себе иностранные языки, стали все более и более предаваться изучению английского языка.

Кроме совершенно особых преимуществ этого языка, даваемых вездесущием людей, говорящих на нем, и богатством синонимов (каждый термин германского происхождения имеет соответствующее ему слово с латинским корнем), он имеет еще и другие драгоценные качества, для того, чтобы сделаться общим диалектом; в особенности он отличается простотою грамматики и краткостью как слов, так и фраз. С точки зрения слов, их флексий и их группировки, нет языка более обезображенного, более испорченного, чем английский, но не помогло ли это фонетическое искажение эмансипации мысли, не способствовало ли оно успехам человека на пути абстракции[1]? Английские писатели хвалятся тем, что освободили свой язык от «устарелой системы флексий», и нимало не сожалеют, что некоторыми сторонами он стал походить на агглютинирующие наречия, а другими—на языки односложные[2]. У англичан так велика необходимость выражаться быстро, что в обыденной речи многие слишком длинные для них слова, против всякой этимологии, были сведены к одному слогу, начальному или конечному, и даже употребление заглавных букв вместо имен собственных или титулов часто практикуется в разговоре. Как выразителен и краток, говорит Ампер, язык, на котором dog значит «следовать за кем по следам, как собака за добычею», а cut в фамильярной речи значит то же, что и длинная перефраза: «делать вид, что не узнаешь кого-нибудь, чтобы прекратить неприятное знакомство». Всякий поэтический язык непереводим, но в особенности это можно сказать об английском. Язык Шекспира, Шелли, Свинберна так богат, так силен, так точен и живописен, что действительно нет возможности передать его; можно только пытаться дать общее о нем понятие приблизительными словами и оборотами, но силы в этой передаче уже не будет: это будет как бы тело без остова. Три века тому назад, французский язык лишился, к несчастию, и главным образом по вине «людей хорошего вкуса», множества образных слов, отбросил, как грубые, самые меткия выражения, употребляемые в различных провинциях, и не имеет, как английский, средства чеканить прилагательные, дающие целую картину.

Тем не менее, обыкновенный говор англичан очень неприятен для иностранцев; он кажется им бедным отчетливыми гласными, глухим, нервным, неясным, переполненным сви-

1 Мишель Преаль, „Melanges de Mythologieet de Linguistique".

2 Свит, „Language and thought"; Эли Реклю, „Ethnography, Encyclopedia Britannica".

стящими и, так сказать, взрывчатыми звуками; он не имеет ни прекрасной звучности южных языков, ни ясного и чистого произношения французского языка. Между всеми идиомами английский отличается еще нелепостью своего правописания, удержанного из уважения к традиции и в течение уже нескольких веков вовсе не соответствующего языку разговорному. Несогласие между правописанием и произношением так велико, что надо специально заучивать каждое слово, чтобы знать группировку букв, его изображающих. Лекарство явится ли от чрезмерности зла, как надеются многие образованные люди, требуя преобразования английской орфографии[1]? Такое улучшение, конечно, значительно способствовало бы распространению изучения английского языка между другими народами, и таким образом для него еще увеличились бы шансы сделаться когда-нибудь понятным для всех, по крайней мере в качестве языка торгового и промышленного. Что химерического в такой идее? Во многих странах, где говорят на двух различных наречиях, все дети учатся им в школе, чтобы иметь возможность говорить со всеми своими соотечественниками без исключения. Разве невозможно, что когда-нибудь образование сделается всеобщим во всех странах мира, и что тогда к изучению родного языка, представляющего свой особый дух, сокровище национальных мыслей и стремлений, присоединится всюду изучение другого языка, служащего для международных сношений?

Как бы то ни было, но специально английская форма цивилизации распространяется по всему свету всего быстрее, и распространяется в значительной мере при посредстве языка. Но каков же идеальный тип этой могущественной нации, которая чрез своих сынов, выселившихся во все страны мира, всюду пытается переделать человечество на британский образец? Каково настоящее её нравственное влияние на других людей, и чего можно ожидать или бояться от неё в будущем?

Англичанин, в котором соединены в одну мощную индивидуальность кельт, германец, датчанин, отличается в особенности силою воли, энергией и терпением. Он похож на тех дрессируемых им догов, которые не разжимают уже зубов, раз вцепились во что-нибудь, и готовы скорее дать разрезать себя на куски, чем выпустить добычу. История войн полна великих примеров, которые дали английские солдаты своей стойкостью в чистом поле, упорством в бою, непоколебимой твердостью в поражении. Даже грубый бокс, ныне запрещенный, но еще недавно составлявший зрелище для толпы, свидетельствует о чрезвычайной силе. Англичанин любит борьбу и саму по себе, но он ее любит в особенности за возможность выгодных результатов; ему нужна победа не как удовлетворение самолюбия, но как завоевание. Уже давно было замечено, насколько больше они любят практические последствия успеха, чем их старые заламаншские соперники, французы[2]. Рисуя самого себя и преимущественно со смешных сторон, англичанин изобразил себя в лице Джона Буля, наивного, вспыльчивого малого, лишенного вкуса[3], но имеющего большой здравый смысл, весьма опытного в искусстве поесть, попить и округлять свой живот и свой кошелек. Жак Боном, наоборот, худ, бледен и грустен, тогда как Джон-Буль жирен, богат и жизнерадостен.

Употребляемая для личной выгоды индивидуума в борьбе за существование, британская энергия часто сопровождалась настоящим зверством. Англичанин умеет насильственно устранять тех, кто его стесняет, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу. Независимость, которою он так гордится, часто есть не что иное, как полное отсутствие симпатии к другими[4]. Ему стоит только следовать своим естественным наклонностям, чтобы сделаться грубым, холодным, эгоистичным. Даже перед незнакомцем он часто становится в положение врага. Его национальная история рассказывает об ужасающих жестокостях, совершавшихся хладнокровно, систематически и обдуманно, а не в экзальтации фанатизма или мстительного страха, как у других народов. Англичанина не любят в других странах, где он является или мол-

1 Макс Мюллер, „On Spelling, Fortnightly Review", vol XIX, new series.
2 Альф. Эскирос, „L'Angleterre et la vie anglaise".
3 Вашингтон Ирвинг, „Voyage d'un Americain a Londres".
4 Бульвер, „England and the English".

чаливым и строгим господином, или жадным к наживе купцом, или неумолимым кредитором, или, наконец, просто в качестве любопытного, путешествующего, так сказать, окруженным атмосферою холода и презрения. Его уважают, иногда даже им восхищаются, но бывает, что и ненавидят. Он это знает, но ему до этого нет дела. «Островитянин сам по себе представляет как бы остров»[1]; он неподвижен, и внутренняя жизнь не отражается на его бесстрастном лице. Это не значит, чтобы ему были чужды нежные чувства. Напротив, если он говорит мало и подумавши, то это потому, что для него слово все равно, что дело[2]. Он преданно любит, завязывает прочные дружбы, но ему не нравится банальность проявления чувств, он сдерживает свою страсть и тем самым придает ей большую силу.

Быть может, нет народа, у которого бы социальное развитие вызвало большие перемены, чем у англичан. Между свирепым саксом или датчанином и скромным, сдержанным в слове, изящным в манерах, предупредительным, мягким или великодушным джентльменом разница громадная; тем не менее, эта перемена произошла постепенно, незаметно. Этот человек, сделавшийся столь замечательным во многих отношениях, как продукт цивилизации, тысячу лет тому назад был совершенным зверем, о грубостях и насилиях которого рассказывается в летописях. Это удивительное превращение есть результат терпеливой и непрестанной работы воли. С семнадцатого столетия в стране не было крупного политического переворота: это путем медленной эволюции англичанин изменился до такой степени. Все следы прошлого сохранились. Ни в одной европейской стране нельзя видеть лучшей последовательности памятников, начиная от времен саксов и норманнов. Великий уравнитель Кромвель разрушил много укрепленных замков, сжег много аббатств, но от Вальмер-Кастля до Кернарвона и от Салисбюри до Йорка есть еще целые сотни средневековых, феодальных или монастырских зданий, и теперь всюду заняты их реставрацией. Древние обычаи свято соблюдаются, хотя смысл их давно утрачен народом. В государственных церемониях герольды возглашают французские формулы, которые уже не были бы поняты на юге от Ламанша. Для хранителей некоторых королевских зданий обязателен средневековый костюм, а в школах несчастные дети, вовсе не предназначающие себя к духовному званию, облачены в длинные рясы, форма которых не изменяется в течение веков. Продолжительность арендных договоров может быть определена в девяносто девять, даже в 999 лет, как будто фамилия владельцев располагает бесконечным будущим. Завещания, написанные в средние века, до сих пор имеют полную силу, и если не дух, то буква соблюдается постоянно. Есть имения, которые, быв уступлены их собственником в дар или отданы в аренду на неопределенный срок, ежегодно отбираются на один день, чтобы силою вещей не ввелась вполне давность вотчинного права. В «межевой день» (boundary day) сторожа занимают все дороги и тропинки, проходящие через имение, и преграждают путь всем, за исключением разве особых друзей прежних владельцев. Традиция праздников соблюдается строго. Известно, какое важное значение имеет день Рождества, знаменитый Christmas-day, в жизни англичанина, и с каким религиозным старанием хозяйки приготовляют установленные обычаем кушанья. С одного конца мира до другого, от Лондона до его антиподов, от льдов северного полюса до знойных пустынь Африки, все англичане находятся в духовном общении в этот высокоторжественный день. Если недостаток в носильщиках заставляет английского путешественника оставить свой самый драгоценный багаж, то он все-таки сохранит при себе свой plum pudding, который он должен будет съесть в день Рождества, обменявшись через пространство со своими близкими пожеланиями счастья[3]. Точно также сохранился и весь арсенал древних, основанных на обычае, законов. Некоторые законы, свидетельствующие о свирепости древних судей, не уничтожены оффициально и до сих пор, хотя никакой судья и не думает о их применении: они древни, и этого достаточно, чтобы они имели право на всеобщее уважение. Ни в какой стране в мире юридические прецеденты не имеют более авторитета; а судопроиз-

1 Эмерсон, „English Traits“.

2 Огюст Ложел, „De l'aristocratie anglaise", „Revue des deux Mondes", 1872.

3 Камерон, „Across Africa“.

водство, этот «чудовищный бич страны», по выражению лорда Брума, нигде не расходится до такой степени с естественными понятиями справедливости. Законники в Англии, еще и теперь носящие странные парики, пользуются несравненно большим уважением, чем их собраты на материке. Во время ассизов, судьи, являющиеся непосредственными представителями государя, имеют право старшинства перед всеми другими англичанами, не исключая даже принцев королевской крови[1].

Терпеливый и сильный, неторопливый по виду, действующий всегда уверенно, англичанин, обыкновенно, не имеет высоких честолюбивых стремлений, как его сосед по другую сторону Ламанша. Кругозор его уже; он не задумывает обширных планов, а довольствуется изменением подробностей, но зато изменениями этими он дорожит, как жизнью. Он занимается одним каким-нибудь делом, но уже занимается им с удивительною настойчивостью. У него глаза впалые, сидят глубоко в своих орбитах, так что видят только вперед; кроме того, он любит «надевать себе окуляры»[2], какие надевает лошадям, чтобы не давать возможности своему вниманию отвлечься к какому-нибудь предмету, находящемуся в стороне от намеченной дороги. У англичан, взятых в целом, как нации, почти не бывает тех обширных синтетических взглядов, тех великих обобщений, без которых не могут родиться партии, делящие людей на могучия противоположные одна другой массы. Они занимаются преимущественно фактами, исследуя последовательно то тот, то другой специальный вопрос. Таким образом, во всем народе является строгое разделение труда; учащиеся имеют в виду не науку, а какую-нибудь специальность. Такое отсутствие широкого мировоззрения делает англичанина нетерпимым; он не понимает, чтобы можно было думать иначе, чем он, считает это безнравственным и наказывает за это отдельного человека, тогда как к целой группе таких людей относится снисходительно.

Английские ораторы в своих парламентских прениях редко выражают какой-либо принцип: они только обсуждают, и то вульгарным языком, полезную или вредную сторону предмета, приводя факты, одни за, другие против рассматриваемого вопроса или предложения; идею они оставляют в стороне; их можно сравнить с полководцами, которые предпочитают численную силу войска и солидные укрепления более остроумному плану кампании и вдохновению, рождающемуся среди битвы[3]. Чтобы увеличить собственную силу в преследовании своих целей, англичанин, богато одаренный здравым практическим смыслом, никогда не упускает случая соединиться с людьми, думающими так же, как он, и бесчисленные ассоциации, самые разнообразные по своим задачам, основываются во всех частях государства. Во Франции, где общества пропорционально гораздо менее могущественны, и где они учреждаются обыкновенно в видах каких-либо широких и менее определенных интересов, не имеют понятия о том несчетном множестве «лиг», «союзов», «комитетов», которые образовались в Англии ради достижения перемен и преобразований всякого рода, из которых иные действительно серьезны, другие же, напротив, кажутся на первый взгляд очень маловажными. Французы, вместе с тем, были бы немало удивлены при виде странного переплетения тенденций, преследуемых различными социальными группами в Англии: политические партии и религиозные секты не делятся в этой стране, как на континенте Европы, на резко разграниченные большие массы; переходы от одного полюса общества к другому здесь бесконечны, благодаря тысячам ассоциаций, возникающих для осуществления какой-либо мысли, и которые вербуют своих членов во всей нации, везде, где на их призыв откликнется сочувственный голос. Иной англичанин, по различным обществам, к которым он принадлежит, может оказаться в одно и то же время связанным с людьми всех политических лагерей, и никто не найдет в этом ничего предосудительного или странного, так как везде, куда бы он ни появился, он остается прежде всего самим собой и вполне сохраняет свободу воли и действия.

Уже за четыреста лет до нашей эпохи Фруассар рассказывал, что англичанин веселится

1 H. Гауторн, „Englisp Note-Books“.

2 Эмерсон, „English Traits”.

3 H. Heine, «De l'Angleterre”; Emerson, „Anglish Traits”.

«очень печально» («moult tristement»); однако сама Англия в то время придавала себе эпитет «Веселой» (Merry England). В наши дни вид толпы, снующей по улицам больших городов Великобритании, не представляет, конечно, ничего веселого: все эти люди, одетые в черное, спешащие по делам, молчаливые, имеют скорее в своей наружности нечто траурное и печальное. Облака, туманы, дожди, пасмурное небо, без сомнения, часто способствуют тому, что у жителей нахмуренные лица; но есть также в самом устройстве общества глубокие причины, которые должны придавать населению физиономию серьезную или даже печальную. Страшная нищета давит тяжелым гнетом миллионы англичан; социальное неравенство, более резкое в Англии, чем во всех романских странах, вырыло целую бездну между богатым и бедным, между землевладельцем и землепашцем, между господином и слугой, даже между высокородным воспитанником учебного заведения и его товарищем, сыном буржуа, и не позволяет им вместе предаваться радости или забаве; традиционное почитание знатных перешло в кровь народа, который некогда был у них в рабстве: даже на прислугу их смотрят с почтением, почти с благоговением, и на улицах больших провинциальных городов их экипажи всегда привлекают толпу, которая глазеет на них с безмолвным удивлением[1]. Под влиянием общей цивилизации, нравственная болезнь, которую Бульвер называет «аристократическою заразой», развратила всю нацию, от королевского двора до деревни: все хотят быть «респектабельными», т.е. казаться богатыми. Общество распалось на бесчисленное множество каст, из которых каждая старается понизить барьер, отделяющий ее от высших классов, и в то же время забаррикадироваться против классов, стоящих ниже. Нет ни одного провинциального города, где бы жена торговца красным товаром не гнушалась жены продавца бакалейным товаром, потому, будто бы, что та «моветонна»[2]. Наконец, пуританская реакция, которая состояла не в том, чтобы умерщвлять плоть, а в том, чтобы съуживать умы, чтобы лишать их радостей свободного научного исследования и наслаждений искусством, и теперь еще не вполне прекратилась. Вероятно, этому влиянию пуританства и следует приписать нынешнее сравнительно не блестящее состояние английского театра, хотя для комедии британец не лишен ни тонкой наблюдательности, ни меткости выражений, а для драмы он имеет великие образцы, оставленные Шекспиром и его соревнователями. Может быть, нужно также принять в внимание и то обстоятельство, что Англия уже целые два столетия пользуется внутренним миром: она не живет, как Франция, среди драмы, великия сцены которой следуют одна за другой из поколения в поколение[3]. В особенности по части живописи англичане до недавнего времени стояли позади своих соседей. В эпоху революции семнадцатого века парламент издал закон о продаже или уничтожении драгоценнейших картин итальянской школы; да и теперь еще он не позволяет, чтобы публика любовалась ими всякий день: скука не перестала быть в Англии религиозным учреждением. Известно, как томительно тяжелы для иностранцев воскресенья в Лондоне или в каком-нибудь городе Шотландии: в этот день жизнь общества как будто приостанавливается, замирает. В 1844 году саксонский король, которого, впрочем, все чествовали в продолжение недели, принужден был принять большие предосторожности, чтобы покинуть Эдинбург в воскресенье, не рискуя быть оскорбленным толпой на месте отъезда[4].

Но вследствие контраста, который свойствен также голландцам, англо-саксы внезапно переходят от кажущейся холодности или даже угрюмости к самой шумной радости, когда наступает минута отбросить в сторону, как взятое на прокат платье, обычную серьезность жизни. Расцвеченное флагами судно, плывущее на всех парусах к берегу, лошадь, несущаяся во весь опор к столбу, указывающему цель на скачках, лодка, опередившая своих соперниц и получившая приз на гонке, возбуждают у англичанина такой энтузиазм, который иностранцу может показаться припадком сумасшествия, и который совершенно непонятен

1 Nathaniel Hawthone, „English Note-Books".
2 Edw. Lytton Bulwer, „England and the English".
3 Alfred Dumesnil, рукописные заметки.
4 Carus, «England und Schottlaud im Jahre 1844».,

народам романским, французам, итальянцам, испанцам. В праздничные дни все тратят деньги без счета, потому что в Великобритании ни рабочий, ни буржуа не имеют той любви к бережливости, которою отличаются французы, и часто английская женщина оказывается более расточительною, менее заботящеюся о будущем, чем мужчина.

У англичан есть еще одно средство вознаграждать себя за обычный невеселый ход трудовой жизни в конторах и на фабриках—это любовь к природе. Вообще мало одаренные артистическим талантом или чувством изящного, не обладающие вкусом в расположении линий и сочетании красок, англичане, тем не менее, очень любят вольную деревню, деревья, не изуродованные топором леса в их первобытной красе; они любят также море, и быть среди бушующих волн—для них большое наслаждение. Это уважение англичан к природе в том, что она имеет в себе простого и величественного, обнаруживается во всей стране видом культурных пространств, так хорошо обработанных, но не обезображенных земледельцем: первоначальный вид земли всегда появляется снова, хотя резкие контрасты его сглажены трудом человека[1]. Поля и луга обведены живою изгородью, жилища окружены тенистыми группами зелени; вьющиеся растения, дикий виноград, плющ или розовый куст поднимаются по стенам домов, образуя приятный контраст с красным цветом кирпича, выглядывающего сквозь их зелень, и свешивают на крыши свои нежные гирлянды; во многих местах самые убогие домики, попадающиеся по краям дороги, имеют такой прелестный, такой приятный вид, что взор путешественника с удовольствием останавливается на этих маленьких жилищах. Обширные парки, где дуб перемешан с ясенью, с березой, с хвойными деревьями Европы, Гималайского хребта, Орегона, окружают все замки старинные и новейшие, которыми владеют английские аристократы, и которые, по большей части, представляют собою настоящие музеи, заключающие огромные художественные богатства, которые, к сожалению, остаются неизвестными для посторонних, кроме привилегированных посетителей. Даже в промышленных округах, под удушливою, дымной атмосферой, английская деревня сохраняет, во многих местах, всю прелесть своей яркой зелени, свои прекрасные группы деревьев, свои луга, свой мирный, улыбающийся вид. Фабриканты и заводчики суть в то же время агрономы и садоводы. Листва их рощ и парков скрывает трубы фабрик, и ручей, который сейчас должен низвергнуться под колеса и винты машин, тихо извивается между покрытых дерном берегов. Но при крутом повороте дороги вдруг все изменяется, точно какая-то невидимая сила перенесла вас в царство оглушающего шума и движения.

Любовь к безыскусственной природе, в соединении с страстью к опасностям, так велика у англичан, что они могут приписывать себе, в значительной доле, честь быть наставниками других народов в деле исследования высоких гор. Уже более ста пятидесяти лет тому назад английские путешественники Покок и Уайндгем, так сказать, открыли Мон-Блан. Правда, они не первые поднялись на него; но, после Соссюра, англичане, превосходящие в неустрашимости самих обитателей Альп, гораздо чаще других всходили на высочайшие вершины Савойи и Швейцарии; они же изучали с наибольшим рвением «Ледяное море» (Mer de Glace) и окружающие ледники, и объяснили нам истинную топографию мало известных горных групп Мон-Пельву, Гран-Парадис, Мон-Визо; наконец, англичане же основанием первого альпийского клуба вызвали к жизни множество других обществ того же рода в различных странах Европы, и даже в Индии, у подножия Гималайских гор.

Любовь и легкое понимание природы, без сомнения, много помогали англичанам хорошо изучать и хорошо воспитывать различные породы домашних животных. Они заботятся не только об улучшении, в пользу их продовольствия или их промышленности, мяса или жира, мускулов или шерсти крупного рогатого скота, свиней или овец и баранов, но стараются, кроме того, из чисто-эстетического чувства, украшать самые формы обитателей конюшни, хлева, птичьего двора; в особенности они питают страсть к лошадям и собакам, и посредством хорошо подобранных скрещиваний, посредством постоянно заботливого ухода, посредством воспитания, методически продолжаемого из поколения в поколение, они съумели

1 Nathaniel Hawthorne, «English Note-Book».

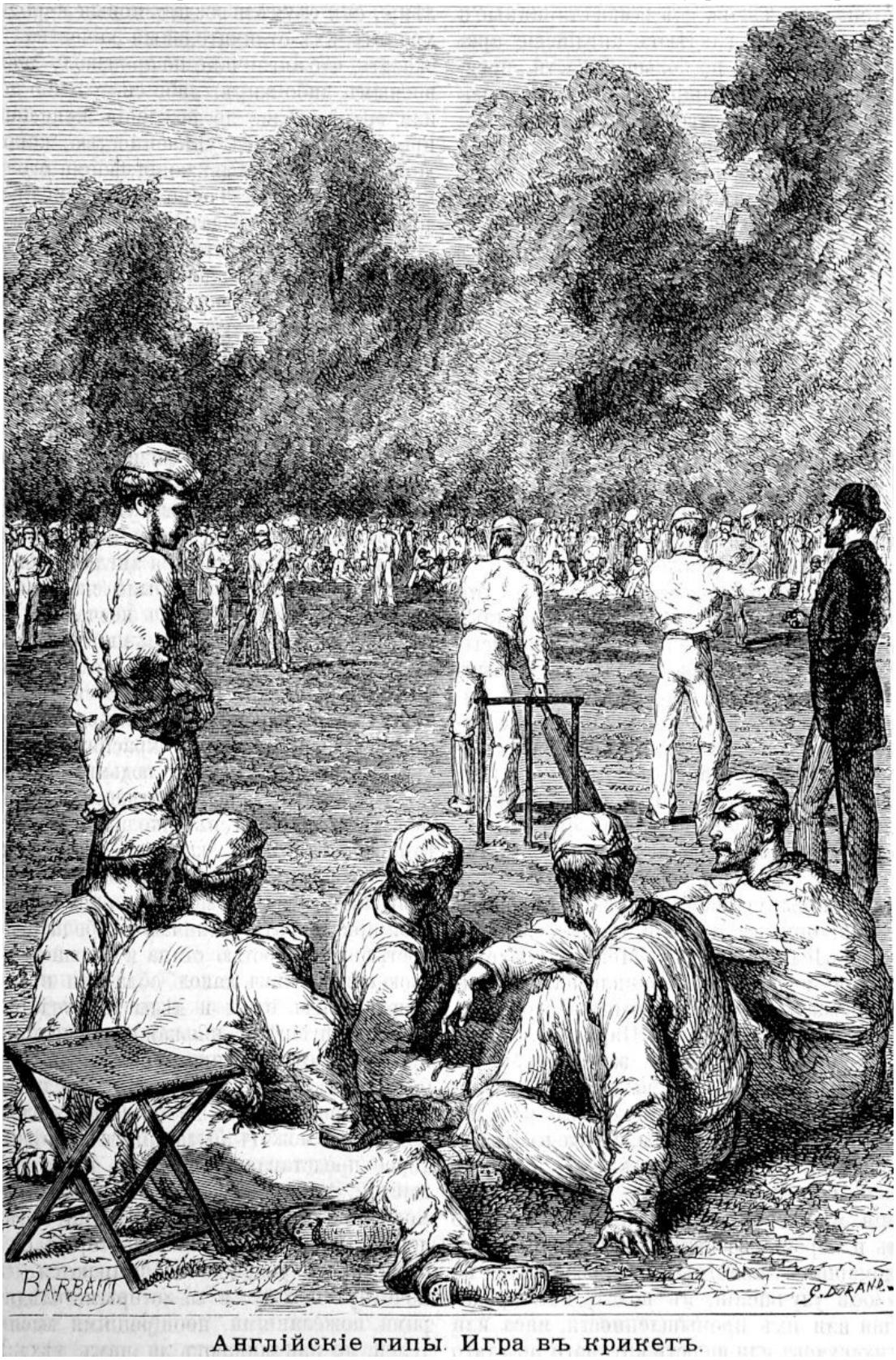
создать новые породы и сохранить их отличительные качества. Можно сказать, что англичане по произволу дают животным либо жир, либо силу, либо ловкость или грацию. Еще до рождения животного они предсказывают с уверенностью, каков будет его рост, его движения, форма его головы, цвет его платья. Точно также английские садоводы съумели создать разновидности растений тысячами, съумели отыскать в своих оранжереях специальный климат, пригодный для каждого вида растительного царства, приготовить землю, какую любит каждый посев[1].

Если Англия занимает первое место между европейскими странами по успехам, достигнутым ею в отношении разведения домашних животных и создания новых усовершенствованных пород, то и физическое воспитание ребенка ведется в ней наиболее разумным образом, с наибольшим уважением к его натуре, ведется так, чтобы он рос в силе и в красе. Мало найдется английских babies, про которых бы нельзя было сказать: «какой прелестный ребенок!» К несчастию, нищета рано искажает черты очень многих из них; но между теми, которые пользуются привилегией достатка, как много оказывается таких, которые сдерживают обещание своего детства, делаясь великолепными, красивыми и физически крепкими молодыми людьми! Наблюдения, произведенные через пятидесятилетний промежуток времени в школах гарроуской и итонской, так же, как в университетах Оксфордском и Кембриджском, доказали несомненно, что нынешние юноши из английской аристократии отличаются большею стройностью и гибкостью стана и большею физическою силой, чем какою обладали в том же возрасте их отцы и деды. Благодаря лучше понятой гигиене, маленькая кучка человечества, представляемая этим новым поколением, без сомнения, сделала шаг вперед с точки зрения физического достоинства людской породы. Что может быть приятнее зрелища, которое представляет игра в крикет на лужайке? Эти молодые люди высокого роста, с могучими, мускулистыми руками, одетые в легкий, удобный костюм, которые с таким страстным увлечением стараются одержать почетную победу, и за которыми следят взорами, пожеланиями, поощрениями тысячи зрителей, не напоминают ли нам тех героев олимпийских игр, слава которых распространилась до отдаленного потомства? Чтобы сравниться в поэтической прелести с эллинскими атлетами, английским юношам недостает только, вместе с большей личною грациею, обстановки, подобной той, среди которой жил древне-греческий мир. Над ними не расстилается лазурный свод неба; мраморные храмы и статуи дивных форм не окружают их арены, и в довершение всего они не имеют того обаяния, которое дает прошлое, превышающее две тысячи лет. Тем не менее молодые атлеты Англии не уступают атлетам древней Греции в отношении мужества, выносливости, силы воли, страсти, которую они влагают в свою гимнастику. В их воспитании, которое, к сожалению, не занимается столько же равновесием душевных сил и способностей, сколько физическим здоровьем, все рассчитано на то, чтобы придать взору больше спокойствия, мускулам больше силы, воле больше энергии. Благодаря подобной системе воспитания, эти люди приучаются рассчитывать только на самих себя во всяком положении и при всяких обстоятельствах; они пренебрегают болезнью, усталостью и опасностью; не боятся ни ветра, ни холода, ни жара; если по воле судьбы они остаются одни в безлюдной пустыне или среди океана, они и там сохраняют, как компас, свою непоколебимую волю, и до тех пор, пока дело их не кончено, они не сожалеют ни о родных, ни о друзьях, ни о больших городах, где жизнь обставлена всеми удобствами. Сознавая свою силу, они презирают хитрость, обыкновенный рессурс слабых; они никогда не лгут, всегда гордо говорят правду, даже когда это, очевидно, должно повредить им самим.

Вообще можно сказать, что из цивилизованных стран Англия есть, без сомнения, та, где встретишь наибольшее число людей действительно добросовестных, старающихся согласовать свою жизнь с своим внутренним идеалом, с тем, что они считают добрым и справедливым. Конечно, число лицемеров бывает тем значительнее, чем в большем почете уважение к личному достоинству и любовь к правде; в Англии больше, чем во всякой другой стране,

1 Alfred Dumesnil, «Notes manuscrites»

рискуешь натолкнуться на людей, которые сделали себе религию из «порядочности» (respectability) и которые живут в тесном круге условных правил приличия, слепо исполняя глупые и торжественные обычаи. Люди, лишенные внутренней добродетели, по



Англійскіе типы. Игра въ крикетъ.

необходимости должны заменить ее добродетелью чисто-формальной, показываемой для виду; но этою притворною суровостью не воздают ли они дань почтения самоуважению, составляющему отличительную черту истинного англичанина, и это самоуважение не сделало ли больше, чем все выгоды промышленности и торговли, чтобы поднять так высоко могуще-

ство Великобритании?

II. Княжество Валлийское и графство Монмут

Корнарвон, Энглези, Денбиг, Флинт, Мерионет, Монтгомери, Кардиган, Реднор, Брекнок, Пемброк, Кармартен, Глеморган, Монмут

В общей массе Англии княжество Валлийское или Уэльское (Wales) и графство Монмут составляют совершенно отдельную, самостоятельную область, как по рельефу их гор, геологическому возрасту их каменных пород и формаций, так и по происхождению их населения. На севере Ирландское море до лимана реки Ди, на юге Бристольский канал омывают валлийские берега, тогда как на востоке склон, спускающийся к прибрежным равнинам Северна, совпадает, в общих чертах, с границами Англии в собственном смысле. В сравнении с Великобританией, эта провинция имеет весьма незначительное протяжение; общее пространство княжества Валлийского и Монмута равно 20.723 квадр. километрам, население же их 1891 году исчислялось в 1.771.450 душ; она состоит лишь из двух полуостровов, врезывающихся в волны Атлантического океана вне островной массы страны, но она явственно отличается от всей южной области острова, ибо здесь именно находятся самые высокие горы, какие существуют в Британии к югу от шотландских горных земель (Highlands). Эта гористая территория, замечательная не столько величественною высотой вершин, сколько разнообразием видов, дикою прелестью долин, богатством зелени, обилием озер и струящихся вод, есть самая древняя часть Великобритании; когда остальное пространство этого острова еще не выступало из-под воды, геологические слои, из которых состоит Валлис или Уэльс, лаурентинские, силурийские, камбрийские, уже возвышались, в виде островков, среди океана. Эти слои суть остаток древней Британии, предшествовавшей той, которая в наши дни известна под именем Англии и Шотландии. Точно также и люди, населяющие эту античную землю, отличаются от других островитян древностью своего происхождения: это потомки первоначальных жителей страны, и с высоты своих гор они взирают на саксов, ютов, датчан и норманнов, как на вновь пришедших чужеземцев.

В княжестве Валлийском мы находим две главные системы гор, соответствующие двум полуостровам: Карнарвон и Пемброк, и приблизительно отделенные одна от другой низменностью, в которой берут начало реки Северн и Уай; одна только горная группа, именно цепь Плинлиммон (или вернее Pum Lumon, «пятиглавый пик», по Джорджу Борро, автору книги «Wild Wales») связывает эти две системы. Главная вершина, «гора из гор», Сноудон, получивший это название от снегов, по словам местной легенды, более холодных, чем во всяком другом месте, которыми он бывает покрыт в продолжение пяти или шести месяцев в году,— возвышается в северном Валлисе. Высота его, однако, не многим превышает один километр; но как большая часть главных вершин, он поднимается не в центре горной группы, и потому можно обозревать всю его массу, от основания до пяти moel или высших остроконечных верхушек. Его сланцевые формации, пробитые местами порфировыми породами, господствуют, недалеко от моря и пролива Менэ, над обширным горизонтом более низких гор и холмов, долин, озер, мысов и заливов: в ясную погоду можно даже видеть большую часть княжества Валлийского и вдали равнины Англии и синеватые туманные очертания гор Ирландии, острова Мена, Шотландии. В ледяную эпоху Сноудон был центром шести глетчеров, наполнявших долины, которые, на подобие радиусов, расходятся от его основания. Самый обширный из этих ледников спускался на северо-запад в долине Кланбери и наполнил эту долину огромным слоем льда толщиной по меньшей мере в 400 метров. Все llyns, или глубокия, наполненные зеленою водой, озера, занимающие котловины и побочные долины, тоже были покрыты льдом: может быть даже, что горы изливали в море свои замерзшие реки, усеивая воды вереницами пловучих льдин. Барды видят в Сноудоне нечто в роде

Парнаса: они называют его «горой Авены», то-есть «музы». В их песнопениях предсказывается, что когда пик обрушится, то этим самым будет возвещен последний день нашей земли.

На севере от Сноудона и горного прохода Кланберис встречаем гору Карн-Давид или Карнед-Клевеллин, угловую пирамиду цепи, которая образует далее, в море, собрание нагроможденных одна на другую скал, известных под именем Ormes Head и изрытых шахтами и галлереями, где ищут медную руду. Ни одна из других вершин Валлиса не достигает высоты 100 метров, хотя очень многие из них, поднимаясь возле самого берега моря, принимают величественный вид, напоминающий, если не Альпы, то, по крайней мере, их первые предгорья. На юге высятся горы Арениг и Арен-Моудвай, окруженные пропастями, глубокими долинами, быстрыми потоками, падающими со скал в виде каскадов; там же находится озеро Бала, самое обширное во всем княжестве. Кадер-Идрис (Cader—горная крепость) гора вулканического происхождения, одна из тех гор, на которые посетители соседних берегов взбираются с особенным удовольствием, чтобы полюбоваться хаосом скал, составляющим яркий контраст с голубою поверхностью Кардиганского залива. Что касается цепей полуденного Валлиса, которые начинаются на юге от массы, почти уединенной, Плинлиммон, то они занимают территорию более обширную, чем горные группы северного Валлиса, но их средняя высота гораздо меньше, всего только около 500 метров, а самые высокие вершины, поднимающиеся до 700 и даже 800 метров, слишком удалены от моря; горизонт, который можно обнять взором с некоторых из их остроконечных вершин, представляет лишь однообразный круг холмов, покрытых вереском и торфом. Прекраснейшие вершины этой области, господствующие над цепью «Черных гор» (Black Mountains или Beacons), круто обрываются на восточной и северной стороне пропастями, откуда ясно видны расстилающиеся вдали волнистые равнины Англии.

Самые высокие вершины княжества Валлийского:

Северный Валлис: Сноудон—1.088 метр.; Карн-Давид (Карнед-Клевеллин)—1.055 метр.; Арен-Моудвай—900 метр.; Кадер-Идрис—893 метр.; Плинлиммон—755 метр.;

Южный Валлис: Черные горы (Beacons)—872 метр.; Реднор-Форест—658 метр.

Остров Энглези: Голигед—226 метр.

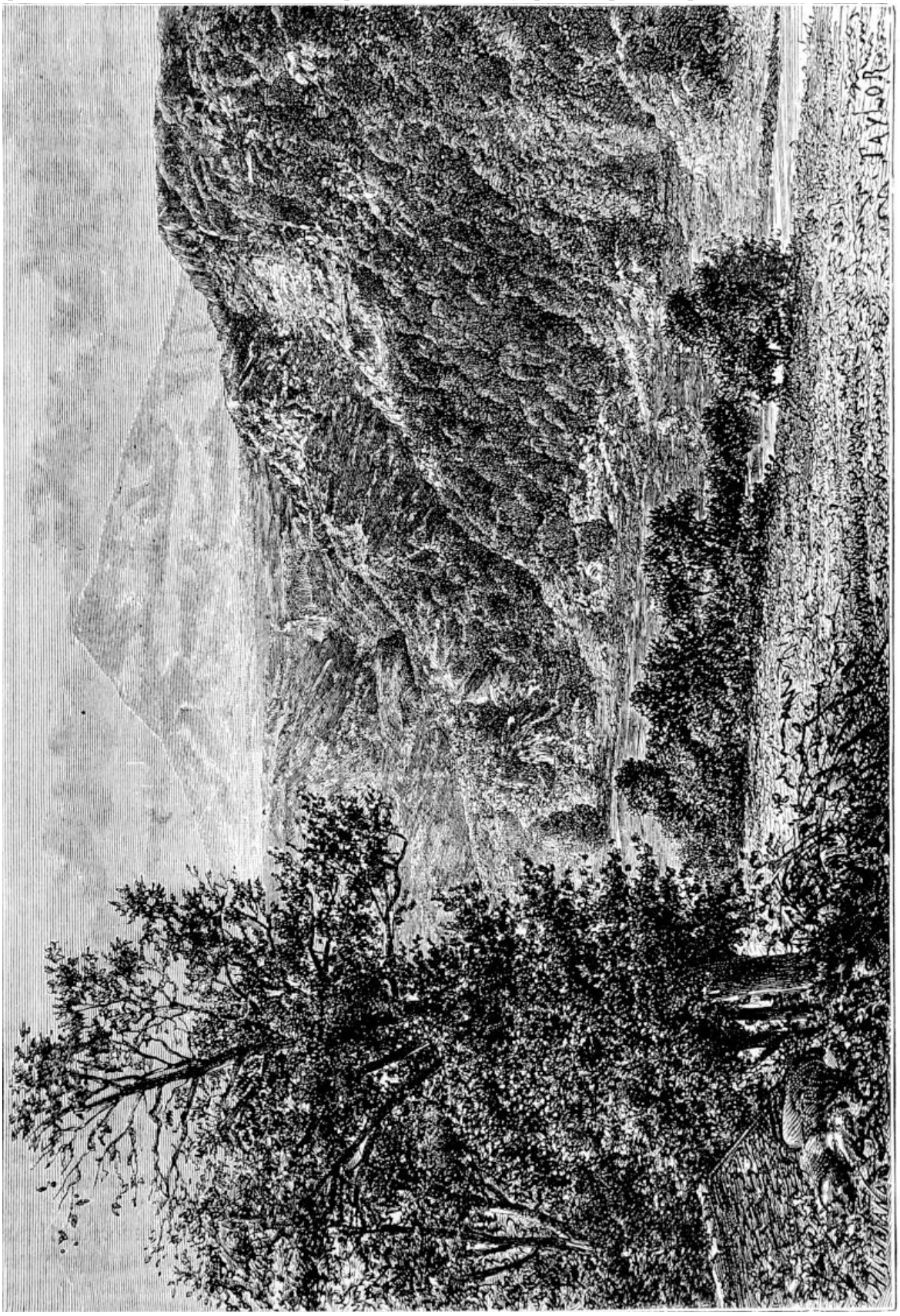
Более правильные в своем направлении, менее поломанные в своих пластах геологическими переворотами, горы Южного Валлиса, вместе с тем, заключают в своих недрах промышленные сокровища несравненно более значительные: в то время, как северные скалы, изобилующие преимущественно шиферами, заключают, на западе от реки Ди, только маленький каменноугольный бассейн, который, без сомнения, истощится уже к концу текущего столетия, по крайней мере, что касается ныне разработываемых слоев,—угленосная область, которая простирается на юге, вдоль Бристольского канала, составляет один из главных минеральных рессурсов Британских островов: этот бассейн, уже описанный в конце шестнадцатого столетия валлийцем Оуэном, есть самый большой из всех, какими обладает Англия, и глубина его не менее 3.000 метров[1]; он содержит более ста пластов каменного угля, из которых семьдесят, имеющих вместе 25 метров средней толщины, уже разработываются, а вся масса ископаемого топлива, которую еще можно извлечь из этого богатого месторождения, не спускаясь ниже 1.200 метров, исчисляется Вивианом и Кларком в 36 миллиардов тонн[2]. На западной своей оконечности каменноугольные слои состоят из антрацита, но чем далее к востоку, тем более они становятся смолистыми, и в восточных копях запертые газы часто бывают причиной страшных взрывов, частое повторение которых составляет одно из народных бедствий,—даже, можно сказать, позор Англии. Некоторые валлийские угли до такой степени опасны, что иногда, уже после погрузки их на суда, они загораются сами собой.

Колебания уровня Валлийского княжества, имевшие место в недавние геологические периоды, обнаружены с достоверностью наблюдениями ученых. В 1831 году собрали много

1 Edward Hull, „The Coalfields of Great Britain”

2 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain”.

морских раковин живущих видов на высоте более 400 метров, близ вершин Моэль-Трифен, к югу от Менэйского пролива. Это открытие было впоследствии подтверждено и продолжаемо различными геологами, из которых назовем Эдуарда Форбса, Пристича, Гамсая, Дарви-

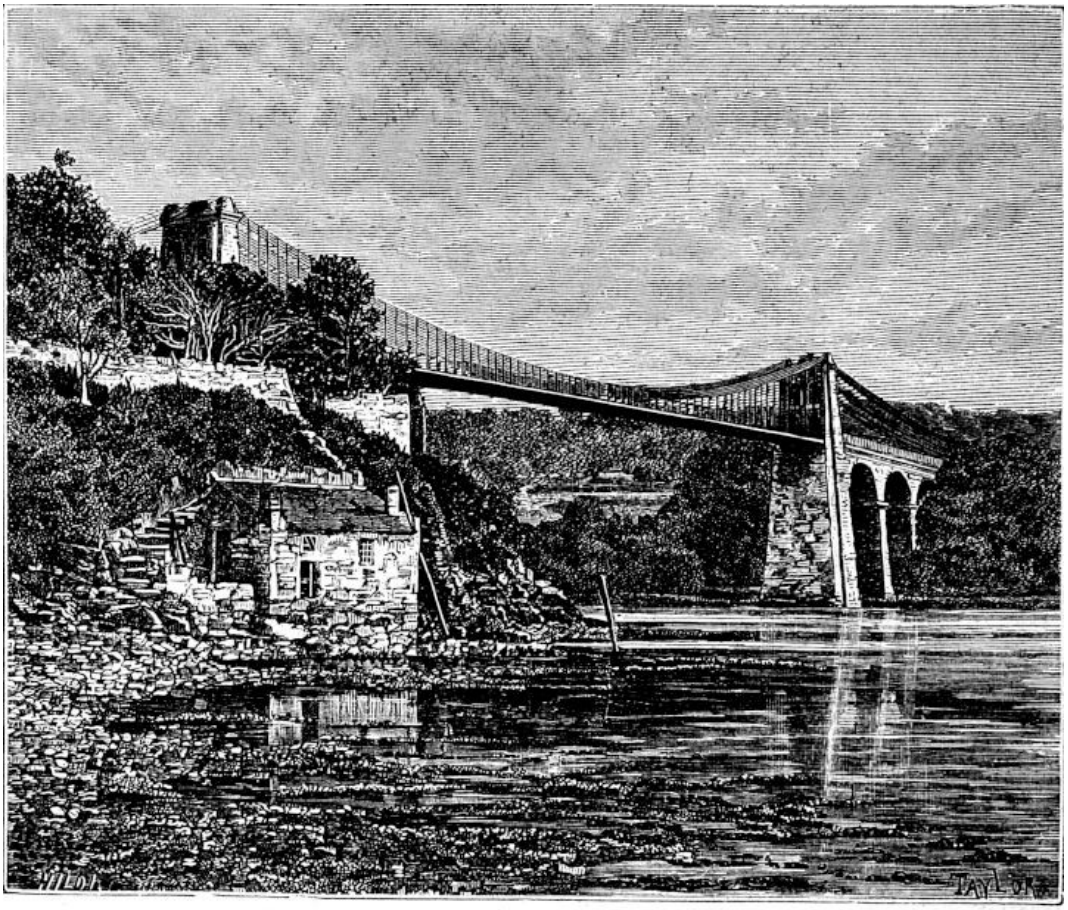


Сноудонъ.

на, Ляйеля. Дарбишир нашел 57 морских моллюсков в этих ныне возвышенных пластах, которые были морскими берегами и подводными мелями в пост-плиоценовую эпоху, и все эти раковины принадлежат к видам, которые и теперь еще живут или в соседних морях, или в

арктических водах: своим общим характером эта древняя фауна указывает на суровый климат, сходный с нынешним климатом Исландии или Шпицбергена; английские моря были в то время холоднее, чем в наши дни, и когда омываемые ими земли снова поднялись изпод воды, раковистые слои этих выступивших земель были покрыты ледниками, содержавшими каменные обломки[1].

Все эти колебания уровня, которые, быть может, продолжаются и до настоящей минуты, должны были в значительной мере увеличить разъедание твердой земли морскими водами на утесах и берегах княжества Валлийского. Так, например, большой каменноугольный бассейн Южного Валлиса, первоначальное расположение которого имело форму почти правильного овала, окруженного концентрическими слоями более древних формаций, был, оче-



Висячій мостъ на Мэне.

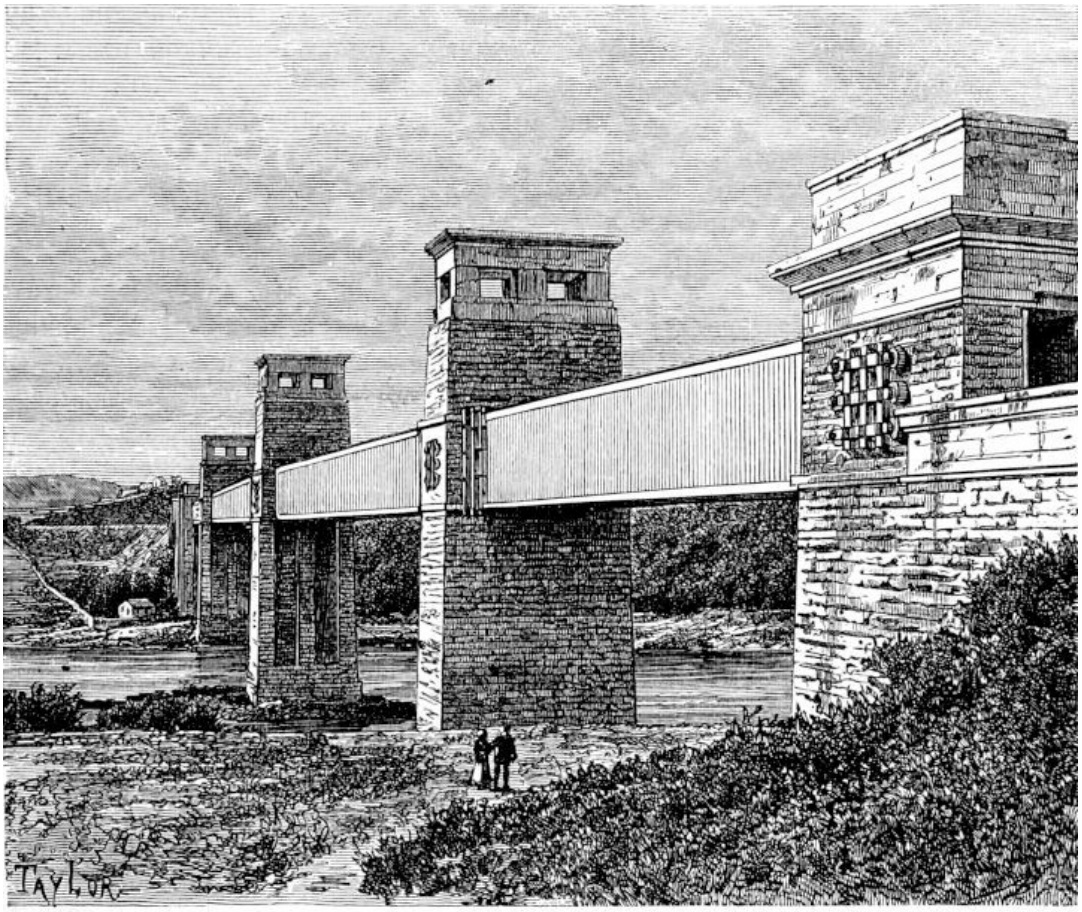
видно, обглодан по окружности волнами Атлантического океана, и полуостров, вдающийся в море на западе от Свенси, есть не что иное, как остаток древней ограды, состоявшей из каменноугольной и девонской формаций. Точно также на западе бухта Сент-Брайдс была медленно вырыта морем. Два мыса при входе, один на северной, другой на южной стороне, состоят большею частию из твердых каменных пород, оказывающих достаточное сопротивление удару волн, тогда как промежуточное пространство заключало только угленосные пласты, гораздо легче разрушающиеся от действия воды. Эти пласты исчезли, оставив на своем месте правильно вырытый залив[2]. Во внутренности материка разливы, произведенные дождями и потоками, совершенно изменили рельеф земной поверхности. Иная область Южного Валлиса, бывшая первоначально морским дном и сохранившая от того периода длинные правильные скаты, была впоследствии изрыта водами в целую сеть оврагов, долинок и долин, совокупность которых образует бассейны Уска, Уай и многих других рек, носящих то же самое название, слегка видоизмененное—Таф, Тавей, Тоувей, Тэви, Деффи. Вершины холмов и уединенных плато графства Кардиган все достигают высоты, точно совпадающей с

1 Charles Lyell, „Elementa of Geology“.

2 Ramsay, „The Physical Geography and Geology of Great Britain1*.

высотой идеальной линии, соединяющей западные вершины с вершинами восточной оконечности: очевидно, эти неравенства появились в относительно недавнюю эпоху истории нашей земли, и холмы суть не что иное, как обломки древнего плоскогорья с нечувствительным скатом[1].

Некоторые каменистые островки были отделены волнами от южного берега Валлийскаго княжества, но только один валлийский остров, Энглези (Anglesey или Anglesea), принадлежит к Северному Валлису, которого он некогда составлял нераздельную часть. Прежняя связь или непрерывность этих земель вне всякого сомнения, ибо геологическое образование одинаково по обе стороны пролива Менэ; горные породы на обоих берегах расположены совершенно соответственно, и раздельный канал открылся в угленосных породах, параллельно



Трубчатый мостъ „Британія“.

силлурийским пластам и порфировым слоям. Рамсай полагает, что промежуточная долина, наполненная ныне водами пролива, есть глетчерная долина, вырытая не ледниками Сноудона, которые не спускались до этого места, а ледниками Кумберленда[2]. С начала исторической эпохи в этой части валлийского прибрежья произошли значительные перемены, если правда, как утверждают, что прежде всадники могли, в часы отлива, переезжать на лошадях с острова на твердую землю. В настоящее время пролив, наименьшая ширина которого равна 180, а наименьшая глубина 4 метрам, дает доступ судам, через северный вход, во все часы прилива; в южном же входе глубина на баре не превышает 2 метров. Остров Энглези соединен с Великобританией посредством двух мостов, получивших всемирную известность и настолько высоких, что под ними могут свободно проходить суда средней величины с распущенными парусами: оба они поднимаются более, чем на 30 метров выше уровня самых сильных приливов. Один из этих мостов, отличающийся необыкновенно изящной конструкциею, состоит из одного только висячего пролета; другой, поддерживаемый громадными

1 Ramsay, „The Physical Geology and Geography of Great Britain“.
2 Quarterly, „Journal of the Geologioal Society“, May, 1876.

четыреугольными устоями из гранита, есть первый большой мост, построенный по трубчатой системе, и долгое время это замечательное произведение Стефенсона, оконченное в 1850 году, было единственным во всем мире: теперь в отношении длины устоев его превзошли мосты, гораздо менее высокие, в Мердийке и Куленборге, в Голландии, и мосты в Мон-Реале и Сен-Луи, в Новом Свете. Трубчатый мост Энглези, называемый также Britanniatube, по имени скалы, на которой утвержден его центральный устой, служит средством сообщения на одном из главных торговых путей британских островов, ибо в этом месте проходит железная дорога из Лондона в Голигед, наиболее посещаемый порт для судов, идущих из Великобритании в Ирландию. Впрочем, остров Энглези, благодаря своему положению вне валлийского прибрежья и при том как раз напротив Дублинского залива, был, без сомнения, во все времена местом прохода и вследствие того всегда составлял противоположность с гористою областью Валлиса, где население жило особняком, оставаясь неизвестным иноземцам. Отличающийся довольно ровным характером местности, плодородный на всем своем протяжении, обладающий богатыми жилами медной руды, остров Энглези, древняя Мона, естественно, был заманчивым местом для новых поселенцев; сюда удалились, может быть, на свою родину, друиды, изгнанные из Галлии в царствование Тиверия. Дремучие леса Моны, доставившие ей, во времена древних бардов, прозвище «Тенистого острова», конечно, давно уже истреблены. Теперь Энглези представляет почти голую степь; но сады его принадлежат к числу лучших садов Англии по разнообразию растений, благодаря теплому климату, который здесь всегда уравнивается морскими ветрами и туманами. Бамбук растет здесь под открытым небом[1]. Это плодородие острова и было причиной того, что в древности его называли «матерью Кумбрии» (Mona mam Cymbri).

Энглези, который завоеватели окрестили именем «Острова англов», был прежде землею кельтическою по преимуществу. Здесь имели местопребывание друиды, наиболее почитаемые в стране; из своего убежища, окруженного со всех сторон водами, они имели над жителями Британии власть, которую обыкновенно дает таинственность; сюда же, по мнению многих историков, приходили поучиться искусству священнодействия жрецы из-за моря, даже из Галлии. И теперь еще показывают, почти напротив Карварвона, по другую сторону пролива, развалины, которые, может быть, сменили другие, более древние постройки, и которые известны в крае под именем Terr Drew и Terr Beirdd, т. е. «сельца друидов» и «сельца бардов»[2]; впрочем, и все княжество Валлийское представляет собою храм, не религии друидов, но предшествовавших культов, и везде в этой гористой области можно видеть камни (caer или caern), ключи или руины, напоминающие какое-нибудь чудо давно минувших времен, или мифические подвиги предков кимвров. В этих исторических воспоминаниях старого Валлиса христианская легенда смешивается с языческой басней или служит её продолжением: миф один и тот же; он передавался из века в век, приспособляясь мало-по-малу к новой среде. Могильные камни или мегалиты, столь же многочисленные в княжестве Валлийском, как и во французской Бретани, принадлежат там к числу уважаемых народом памятников, перед которыми нынешний валлиец чувствует, что он потомок античной расы: каждый из этих камней носит на себе имя какого-нибудь древнего героя. Так, большой дольмен на полуострове Гоуэр, к западу от города Сванси, сделался «камнем Артура», сказочного короля, который является представителем старой валлийской национальности. В Карлеоне, близ Ньюпорта, существует древняя овальная ограда, которую новейшия раскопки, обнаружившие ступени на всей окружности, заставили признать римским амфитеатром; между тем народ видит в этом памятнике старины «стол Артура», знаменитый «круглый стол», за которым пировали рыцари по возвращении из путешествия ко святым местам или из военных экспедиций. Недалеко от города Кармартена, который долгое время был столицей валлийцев, показывают грот, где, будто бы, фея Вивиана отравила волшебника Мерлина. В другом месте, у подошвы горной массы Плинлиммон, близ деревушки Тре-Талиезен,

1 Ramsay, „The Physical Geology and Geography of Great Britain“.

2 Alph. Esquiros, „L'Angleterre et la vie anglaise”,

находится могила славнейшего из валлийских бардов: два ряда камней окружают этот священный курган, и, по сказанию легенды, всякий, кто проведет ночь в этой ограде, пробуждается бардом, как Талиезен, или потерявшим рассудок. Туда-то ходили древние поэты слагать свои триады или tribannau (тристишие), в которых каждый из трех, созвучных по окончаниям, стихов выражал отдельную мысль или образы, часто ускользавшие от понимания профанов, по их символическому смыслу. Между дошедшими до вас тристишиями древних бардов есть великолепные, говорящие уму читателя всех времен: «три вещи, говорится в одной из триад, современны от века—человек, свобода, свет!»[1].

Несмотря на большие дороги и рельсовые пути, несмотря на мануфактурную промышленность и морскую торговлю, валлийцы (Welsh) до сих пор прекрасно сохранили свои национальные предания, да и язык их еще держится. Хотя княжество Валлийское перестало существовать уже с половины тринадцатого столетия, как независимая страна, валлийцы, которые сами себя называют Cymry, то-есть «имеющие одну и ту же родину», земляки или соотечественники[2], не переставали смотреть на себя как на отдельный народ, и часто возмущались против английских королей. Они сочли себя удовлетворенными только после двух веков борьбы, при вступлении на английский престол Генриха VII, принадлежавшего к валлийской фамилии Тюдоров. Подобно французским бретонцам, их братьям по расе и языку, валлийцы воспользовались случаем, который им представляли междоусобные войны нации, с которой они были соединены насильно, и во время революции семнадцатого столетия показали себя горячими роялистами, что было косвенным средством заявить права на их национальную независимость. В продолжение семи лет войны валлийцы остались верны делу Карла, которое они защищали как свое собственное, и Кромвель должен был овладеть многими замками в Валлисе. Это была последняя борьба, и с той эпохи земский мир не был более нарушаем, если не считать эпизода 1843 года, когда какие-то замаскированные люди, переодетые в женский костюм и бродившие по всему краю, называя себя «Ревеккой и её дочерьми», проповедывали войну против сборщиков податей и пользующихся десятиной (налог с дохода). «Княжество» Валлийское политически ассимилировано с Англией только с 1746 года. Что касается религии, то существует некоторый контраст между валлийцами и англичанами, но как раз противоположный тому, который замечается во Франции, где бретонцы, взятые в массе, более ревностны к старой вере, нежели другие французы. Очень склонные к мистицизму, столько же восторженные, сколько вспыльчивые, страстные любители диалектики, нетерпящие никаких иностранных правил, валлийцы не могли свыкнуться с епископальною обрядностью, исповедуемою большинством английского народа: они принадлежат по большей части к диссидентским сектам, преимущественно к сектам методистов, баптистов (допускающих таинство крещения только для взрослых), конгрегационалистов или индепендентов. В половине восемнадцатого столетия, когда знаменитый Уитфильд проповедывал в их долинах, религиозный жар охватил, точно пламя, всю страну; в самой последней деревушке можно было услышать ожесточенные проповеди, молитвы и гимны. Секты княжества Валлийского даже принимали на себя нередко инициативу, чтобы увлечь своих английских единоверцев в великия религиозные предприятия: это они основали библейское общество и первые воскресные школы; они содержат миссионеров во французской Бретани для того, чтобы обращать в их веру единоплеменников, отделенных от них океаном. Несмотря, однако, на всю эту религиозную ревность, валлийцы, в отношении образования в собственном смысле, стоят ниже англичан: их край, так же, как соседнее графство Ланкастерское, покрыт черною краской на карте, изображающей состояние народного просвещения в Великобритании[3].

Язык валлийцев, гармонический, хотя очень богатый гортанными звуками, и в котором замечательнейшую черту составляет перемена некоторых согласных в начале слов, ближе

1 Pictet, „Mysteres des Bardes, Cyfrinach Beirdd Ynys Prydain".
2 H. Gaidoz, „Revue des Deux Mondes", 1 mai 1876.
3 Lord Aberdare, „Eistedfod de Birkenhead", в 1878 г.

подходит к бретонскому арморикaнскому и к древнему cornish (корнваллийскому), нежели к гельскому (в Шотландии) или к ирландскому языку[1]; он лучше сохранился, чем нижнебретонский, и обладает несравненно более богатою литературой. Теология играет главную роль в этой литературе, и вероятно, усердию проповедников, ревнующих об обращении душ, национальная речь всего более обязана тем, что она сохранилась, не снизойдя на степень простонародного жаргона[2]. С 1546 г. печаталось одно только валлийское сочинение: то был альманах; но в следующем году появился первый словарь на валлийском (welsh) и английском языках. В нынешнем столетии валлийская литература обогатилась периодическими изданиями, журналами и обозрениями, а также большим числом народных песен и сказок, отысканных в архивах страны; но есть еще в частных библиотеках много драгоценных памятников, опубликование которых было бы важным вкладом в историю литературы, ибо средневековая Европа получила из Валлиса традиции и поэмы цикла Круглого Стола. Изучение старого валлийского языка, которым усердно занимаются многие ученые, не только открывает литературные отрывки высокого достоинства, но, вместе с тем, оно дает возможность, посредством сравнения языков, достигнуть более глубокого изучения других кельтических наречий, даже тех, которыми в наши дни уже никто не говорит, и которые не оставили других свидетельств своего существования, кроме названий мест. Сам народ в Валлисе восторженно любит свой родной язык, и с большою охотой собирается на так называемые eisteddfodau или «музыкальные и литературные собрания», заменившие древний gorsedd или публичный суд, где друиды разбирали дела: по словам легенды, Артур, бывший в одно и то же время волшебником, жрецом и королем, учредил будто бы и eisteddfodau, и он же первый роздал награды лучшим игрокам на telyn, то-есть валлийской арфе; поэтому и теперь часто его именем возлагаются венки на головы поэтов, певцов, музыкантов народных праздников, и когда начинается церемония, председательствующий бард, стоя на дольмене, произносит еще старинную и благородную формулу, вполне достойную свободного народа: «истина против всего света»[3]! Любовь валлийцев к своему национальному языку так велика, что эти музыкально-литературные собрания, eisteddfodau, устраиваются не только на почве старого Валлиса, где число жителей, говорящих либо обоими языками (валлийским и английским), либо одним только валлийским, определяют ныне в восемьсот тысяч, но даже у самых ворот Ливерпуля в Биркенгеде, в Новом Свете и даже в Австралии. Везде, где живут валлийские эмигранты, cymraeg или кимрская речь употребляется на-ряду с sassenach или «саксонским» наречием: в Ливерпуле существует более двадцати домовых церквей, где проповеди говорятся на валлийском языке, и издается журнал на том же языке; в Соединенных Штатах эмигранты из Валлиса также устраивают собрания, на которых занимаются пением и декламированием стихов на языке бардов; энергические и неутомимые колонисты, которые, несмотря на огромные трудности, основали, в 1865 году, Новый Валлис в Патагонии, тоже говорят на языке своей родины, и рио-Чупут, река, на берегах которой они поселились, получила от них название Afon Lwyd, то-есть «Серой реки». Общее число людей, понимающих валлийский язык, на всем земном шаре можно приблизительно принять равным миллиону.

Трудно, однако, рассчитывать на то, чтобы кельтическая речь валлийских кимвров могла сохраниться иначе, как в лингвистической науке. Многие патриоты употребляют ее только по чувству, так сказать, национального благочестия, тогда как другие говорят ею на собраниях чисто из литературного тщеславия. В настоящее время все образованные люди между валлийцами с детства привыкают мыслить по-английски, и даже в упомянутых музыкально-литературных собраниях eisteddfodau язык саксонских завоевателей борется из-за преобладания с языком побежденных бретонцев: бывали даже случаи, что президенты этих собраний не понимали декламируемых перед ними стихотворений. Если валлийский язык, welsh,

1 Latham, „Ethnology of the British Island“.

2 H. Gaidoz, „Revue de Deux Mendes”, 1 mai 1876. 411

3 Alfired Erny (и Henri Martin), „Tour du Monde“ t. XV 1867.

общеупотребительный во всех деревнях Валлиса в собственном смысле, понятен еще жителям валлийских городов и даже сельскому населению графства Монмут, то английский, тем не менее, распространен во всей этой провинции, как язык цивилизации, и этот язык есть единственный, употребляемый при сношениях жителей с иноземцами. Подобно тому, как мало-по-малу выходит из употребления старинный костюм валлийских женщин, тяжелый плащ и мужская шляпа, надеваемая сверх чепчика, так точно реже и реже встречаются группы туземцев, где бы никто не умел говорить по-английски: природный язык делается все менее и менее необходимым для валлийского населения. Вероятно, и теперь уже найдется, в Англии и Новом Свете, несравненно больше лиц валлийского происхождения, забывших язык своих предков, чем сколько есть лиц той же национальности, которые еще говорят этим языком. Так, по крайней мере, можно предположить по большому числу валлийских родовых имен, которые встречаются вне метрополии во всех странах английского языка: эти фамилии почти все суть видоизменения имен, даваемых при крещении, как-то Джонс,—самое обыкновенное,—Робертс, Эдвардс, Гомфриз и P'ugh, P'owel, P'robert, Ap'jones (сын Уга, Оуэля, Роберта, Джонса). В одних только Соединенных Штатах Северной Америки насчитывают около трех сот тысяч представителей валлийского племени, и в этом числе едва одна треть осталась верна языку предков[1], но и та приняла английский, как свой обычный язык. Большая часть эмигрантов валлийского происхождения сделались американцами, но по такому же праву, как и «пилигримы» Нового Плимута: могут ли кимвры Великобритании серьезно заявлять притязание на Томаса Джефферсона, как на одного из своих соотечественников? Но старый гений сохраняется под тысячею новых форм. Так и кимвры могут повторять свою старинную, полную сознания собственной силы поговорку: «Tra mor, tra Briton!» (Пока будет существовать море, до тех пор будет существовать и бретонец»)!

Всякому, кто в первый раз проезжает по княжеству Валлийскому, тотчас бросается в глаза контраст между старинными феодальными местечками или бургами и новейшими городами, порожденными промышленностью. Первые, неправильные и живописные, доминируемые какою-нибудь горделивой скалою, на вершине которой гнездится еще, в состоянии развалины, один из ста двадцати шести укрепленных замков страны, все имеют свой собственный, оригинальный вид, и все они давным давно, так сказать, соединились брачными узами с очаровательною местностью, которая их окружает. Вторые, представляющие беспорядочное скопление построек, преждевременно почерневших, не могут похвалиться никакими памятниками архитектуры, кроме закоптелых фабрик и заводов, и нахально расползаются по соседним полям, нимало не стараясь согласовать свои вульгарные линии с контурами окружающей природы.

В бассейне маленькой реки Ди (Dee), питающей озеро Бала, которому, может быть, суждено современем сделаться питательным резервуаром для города Ливерпуля, и которое огибает на востоке передовые холмы силлурийских горных групп Северного Валлиса, нет ни одного сколько-нибудь важного валлийского города. Даже главный город этого бассейна, Рексам,—саксонского происхождения, хотя он и лежит в пределах Валлийского княжества: это английский город, и разрабатываемые в его окрестностях каменноугольные копи ставят его в торговые сношения с Ливерпулем и ближайшими мануфактурными городами Англии. Голивель или «Священный источник», лежащий к западу от лимана реки Ди, некогда местечко, посещаемое богомольцами, ныне сделался, подобно Рексаму, городом каменноугольного производства, и добываемый в окрестностях уголь отправляется в Ливерпуль через маленький порт Флинт, от которого получило название все графство, где он находится. Мольд, в боковой долине р. Ди, тоже получил важное значение, благодаря своим свинцовым рудникам и залежам каменного угля. Гаварден, на холме, господствующем над нижним течением р. Ди и её прибрежными равнинами, прежде подвергавшимися наводнениям, есть старинное валлийское местечко Pen-y-Llwch.

1 Thomas, „Hanes Cymry America".

Денбиг, главный город графства, командует над другою долиной, над долиной реки Клюэд, воды которой, соединившись с водами р. Эльви, изливаются в Ирландское море, недалеко от Рильского берега, одного из берегов, наиболее посещаемых английскими любителями морского купанья. Денбиг, лежащий вне торговых трактов, не мог возрастать, как центр населения; но это один из самых очаровательных и приятных городов Валлиса, благодаря красоте его окрестностей, живописности его местоположения и вида, великолепию руин, стоящих на соседних высотах: в Денбиге еще можно увидеть много старинных домов с пиньонами, у которых фасад, выступающий над широким крыльцом, сделанным в виде выемки при его основании, поддерживается резными колоннами. К северу от этого города, в той же очаровательной долине, находится другая столица, не политическая, а церковная: это местечко Сент-Азаф, епископальная резиденция, приметная издалека по громадной массе её кафедрального собора.

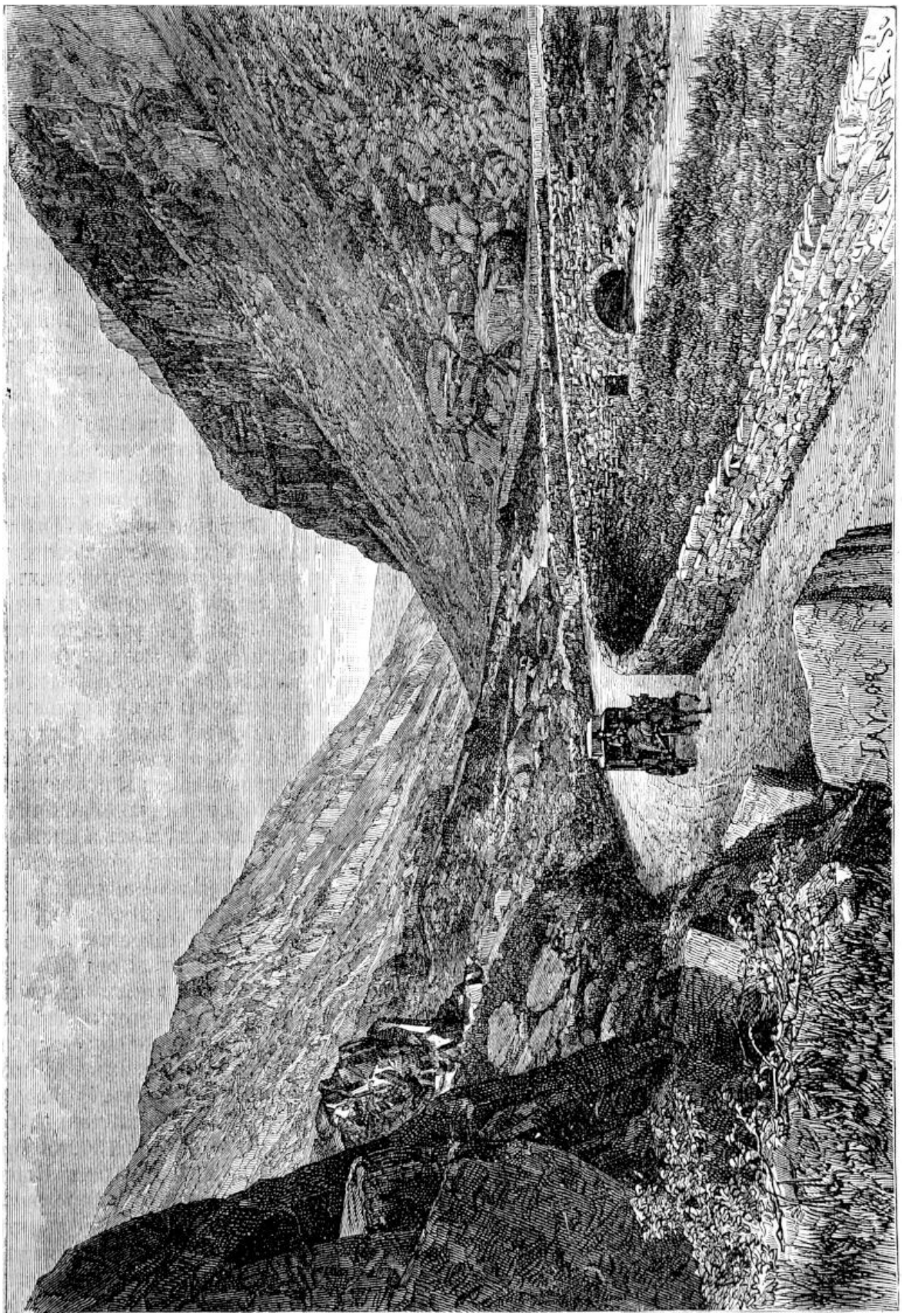
На западе от величественного мыса Ормс-Гед, феодальный бург Конвей, весь помещающийся в бывшем дворе его замка, окруженный самою крепкою и внушительною оградой, какие только существуют, охранял некогда против неприятельского вторжения трудный проход морского прибрежья и лимана, на западном берегу которого расположен: только ценою огромных издержек удалось построить вдоль берега, через скалы мысов и над водами заливов, обыкновенную большую дорогу и рельсовый путь, которые ведут на остров Энглези. Трубчатый мост, проведенный через Конвей у подножия замка, был построен в массивном архитектурном стиле, напоминающем стиль господствующей над ним крепости. Бангор, город новейшего происхождения и исходный пункт двух путей, из которых один пересекает пролив Менэ и идет к порту Голигед, а другой направляется к югу, вдоль берега княжества Валлийского, есть главный центр экскурсий для путешественников, желающих совершить восхождение на «Снеговую гору» (Сноудон), побродить в прелестных, окружающих эту вершину, долинах, посетить великолепные замки, старинные или перестроенные, которые возвышаются на мысах и предгорьях, проникнуть в соседния каменоломни. Шиферные каменоломни в Пенрине, лежащие в 8 километрах к юго-востоку от Бангора, над долиной р. Нант-Франкон, проходящей мимо промышленных общин Вифезды и Кландегэ,—может быть, единственные во всем свете по огромным размерам разработки, и едва-ли найдутся другие каменоломни, где бы человеческая деятельность представляла более изумительное зрелище. Пенринские каменоломни образуют громадный амфитеатр, окружность которого расположена в виде уступов или ступеней, настолько широких, что по ним могут ездить локомотивы, возящие за собой целые поезды, нагруженные шифером. Во всех ярусах каменоломни видны облака пара и взрывы пороха. Три тысячи рабочих, вспомоществуемых инструментами и машинами всякого рода, постоянно трудятся в этом исполинском кратере. Колоссальные пирамиды, усаженные обелисками и поддерживаемые контрфорсами, подобными башням, высятся посреди котловины и дают возможность, посредством сравнения их объема с объемом всего амфитеатра, составить понятие о массе вынутого уже камня. Эти каменоломни имеют, в небольшом расстоянии от Бангора, свой специальный порт, Порт-Пенрин, куда поезды железных дорог непрерывно подвозят грузы шифера, которые потом забираются судами в несколько сот тонн вместимости и развозятся по разным местам и странам, даже в Новый Свет. Годовое производство пенринскпх каменоломен—70.000 тонн; ценность продуктов—3.750.000 франк. Во многих приморских городах Норвегии здания покрыты пенринским шифером[1]. На соседних с Сноудоном скатах, господствующих над ущельем Ленберис, одним из замечательнейших горных проходов Валлиса, разрабатываются другие ломки шифера, мало уступающие по величине пенринским; обломки одной из этих каменоломен грозят совершенно засыпать озеро или Ilyn Перис и тем самым обезобразить один из прелестнейших ландшафтов страны[2].

Главный город острова Энглези, Бомарис, стоит на берегу Менэйского пролива, где каж-

1 Carl Vogt, „Nordfahrt".

2 Ramsay, „Phisical Geology and Geography of Great Britain".

дый год останавливаются и выгружают свои товары тысячи судов. Город обращен к стороне Англии, с которою прежде производилась почти вся торговля острова.



Ущелье Кланберисъ.

Движение судоходства в порте Бомарис в 1891 г.: вошло 5.874 судна в 1.227.308 тонн, вышло 5.821 судно в 1.221.965 тонн. Коммерческий флот порта: 119 судов, вместимостью 6.358 тонн.

Но со времени открытия месторождений медной руды,—впрочем, очень бедных металлом,—возник новый город Амлух на северном берегу Энглези, тогда как у западной оконечности острова, на отдельном острове Голигед, порт того же имени получил важное значение, как ближайшее к Ирландии место отправления судов; скала, господствующая над заливом, единственная видимая издалека над низменными землями Энглези, не могла не сделаться для моряков «священным мысом», ибо таков буквальный смысл его имени (Holy head); кроме того, у подошвы холма приютился знаменитый монастырь. Голигед можно назвать доком Лондона на пути в Дублин. Чтобы сделать этот порт, еще недавно затерянный среди утесов дикого морского берега, удобным для судоходств и стоянки больших судов, были предприняты и выполнены значительные портовые работы. Две колоссальные плотины, более километра длиною, проведены через Голигедский пролив для того, чтобы соединить этот мыс с островом Энглези; утес, господствующий над городом, разрезанный камнеломами на величественные, крутые откосы, доставлял миллионами тонн каменные глыбы, необходимые для постройки жете и волноразбивателей; порт, в котором могли бы стоять на якоре до четырех сот судов большого размера, заключает площадь в 128 гектаров между своими каменными молами, из которых один имеет 2.397 метров длины и выдвинулся в море до глубины 16 с половиной метров. Вход в рейд освещен огнями, а на подводном камне Скерри, находящемся у северо-западного угла острова Энглези, стоит первоклассный маяк, указывающий кораблям бифуркацию морских дорог между Голигедом и Ливерпулем.

Карнарвон или Карнавон, главный город графства, центр которого занимает гора Сноудон, и бывшая столица Северного Валлиса, сохранил до сих пор кое-какие остатки древней римской станции, носившей название Segontium, и высокие строения своего феодального замка. Главные источники пропитания и обогащения для жителей Карнарвона, так же, как и для жителей Бангора, составляют разработка шиферных каменоломен, рыбная ловля, каботажное плавание и, может быть, всего более масса иногородных гостей, которые собираются сюда во время летнего сезона. Движение судоходства в Карнарвонском порте в 1891 году: вошло 1.606 судов, общая вместимость которых равнялась 130.036 тоннам; торговая флотилия этого порта состояла, в том же году, из 237 судов, вместимостью в 32.738 тонн. Большая община Фестиниог, в графстве Мерионет, славится своими лугами, лесами, живописными горами, склоны которых изрыты каменоломнями и подземными галлереями. На шиферных ломках Фестиниога заняты от 3.000 до 4.000 рабочих. Аберистви́т, получивший это название от реки Истви́т, впадающей в его порт (aber по-валлийски значит устье), расположен у подножия высокого мыса, на котором видны развалины древнего замка; здешния морские купальни, самые модные во всем Валлисе, привлекает летом многочисленную публику, и потому вдоль берега тянутся, в виде полумесяца, ряды щегольских отелей. Аберистви́т—самый многолюдный город Кардиганского графства, главный город которого, лежащий гораздо южнее, близ устья реки Тейфи, представляет незначительное местечко, населенное преимущественно рыболовами. В 1882 г. рыболовный и коммерческий флот Аберистви́та состоял из 309 судов, общая вместимость которых равнялась 30.380 тоннам.

Город Пемброк, древний Дифед,—которого нынешнее валлийское название, Pen Fro, то-есть «Голова Полуострова», приняло английскую форму,—сообщил свое имя всему графству, образующему крайний полуостров княжества Валлийского: прекрасный норманнский замок еще высоко поднимается своими полуразрушенными башнями над крышами домов. Вне промышленной области, Пемброк есть важнейший валлийский город, и отчасти обязан своим значением кораблестроительным верфям, которые государство содержит в соседней бухте, и которые оно защитило посредством обширных военных сооружений. Эта превосходно защищенная бухта, одна из ветвей которой доходит почти до самого Пемброка, омывает также своими водами городок Мильфорд, откуда и произошло название Мильфорд-Гавен, данное этому внутреннему морю. Мильфорд, основанный в двенадцатом столетии фламандцами, имел до двух сот кораблей в своем порте и в то время был очень цветущим городом; много раз предлагали учредить здесь одну из военно-морских станций Англии, и действительно, Мильфорд-Гавен,—правда, менее обширный, нежели Брестский рейд, но зато гораз-

до лучше обеспеченный от ветров открытого моря и менее опасный при входе,—легко мог бы приютить все военные корабли Великобритании, но государство уже обладает несколькими огромными морскими арсеналами, каковы Вульвич, Чатам, Портсмут, Девенпорт, и оно отступает перед издержками, которых потребовало бы основание нового учреждения того же рода, на берегах залива почти пустынного. Но зато теперь частная промышленность завладевает Мильфордом, чтобы устраивать в нем доки и обширные склады, которые дают вывозителям товаров из Америки и из Индии не маловажное преимущество над ливерпульскими негоциантами, именно выигрыш во времени, составляющий около двадцати часов. Движение судоходства в Мильфордском порте в 1894 г. (считая и каботажные суда): в приходе было 1.520 судов, общая вместимость которых равнялась 339.301 тонне. В ожидании полного осуществления его мечты, Мильфорд остается пока маленьким, пришедшим в упадок городком, так же, как и епископская резиденция, городок Сент-Давидс, лежащий близ оконечности полуострова того же имени. Гаверфордвеста, построенный на ручье, расширяющемся в лиман, который сливается с водами залива Мильфорд-Гавен, лучше сохранил свою роль и значение. На юго-востоке, на берегу Кармартенского залива, стоит очень живописный город Тенби, с морскими купальнями.

Кармартен, главный город графства того же имени, в былые времена считался столицей Южного Валлиса, но, несмотря на очень выгодное местоположение, среди плодородных равнин, орошаемых рекой Тови, «город Мерлина» менее многолюден, чем торговые города морского прибрежья, Лянелли и в особенности Сванси, древний Абертау или «устье, гавань Тау». Движение судоходства в порте Лянелли в 1882 г. (не считая каботажных судов, нагруженных баластом): 2.300 судов, общая вместимость которых равнялась 221.225 тоннам; собственная флотилия этого маленького порта состояла из 51 судна, вместимостью в 7.877 тонн. Уже начиная с двенадцатого столетия, по словам Борро, Сванси (Swansea) имел некоторую важность, как промышленный пункт, занимавшийся плавлением руд и литьем металлов, но до начала восемнадцатого столетия в нем не было большого металлургического завода. Огромная выгода, которую дают этому городу его копи антрацита и каменного угля, обеспечила ему прежде всего заказы на выплавку руды от владельцев медных рудников Корнваллиса и других производящих медь областей Британских островов. В настоящее время Сванси сделался важнейшим в мире центром по обработке меди: корабли привозят на его плавильные заводы медную руду не только из Корнваллиса и с острова Энглези, но также с острова Кубы, из Чили, из Боливии, с Верхнего озера, из Южной Австралии; в 1877 г. привоз медной руды в этот город простирался до 13.150 тонн. Особенно деятельные торговые сношения ведет «Лебединый порт» (Swan по-английски «Лебедь») с Францией, на долю которой приходится больше половины его заграничной торговли.

Общая внешняя торговля Сванси в 1882 г.:

3.849 судов,вместимостью 1.079.660 тонн.

С Францией: 3.300 судов, вместимостью 729.815 тонн.

Кроме меди, Сванси получает на свои заводы и другие руды для выплавки, для преобразования в сплавы, для плющения в листы, для отливок в полосы или прутья. Его заводы, дымящие в одно время из нескольких сотен труб, так что над городом постоянно стоит черная туча, распространяют далеко по окрестностям зловонный воздух, пропитанный мышьяком, хлором, серой, который убивает растительность на окружающих холмах. Несмотря, однако же, на эту мефитическую атмосферу и постоянную копоть, город имеет чистенький вид и содержится в большом порядке. Порт, превосходно устроенный, принимает в свои доки множество судов, приходящих за каменным углем, антрацитом, металлами.

Движение судоходства в порте Сванси (не считая каботажных судов с баластом) в 1882 г.:

11.610 судов вместимостью 1.914.210 т. Собственный торговый флот: 225 судов, вместим. 72.740 т. Вывоз камен. угля из порта Сванси в 1882 г. 1.260.345 тонн.

К западу от Сванси, на полуострове Гоуэр, славящемся своими древними могилами, в

1103 году поселилась одна колония тех фламандцев, которых наводнения моря заставляли искать приюта на чужбине. Говорят, что тип этих иностранцев и теперь еще можно узнать в населении края, и что некоторые фламандские слова еще встречаются в местном наречии: самый язык колонистов, будто бы, сохранялся до пятнадцатого столетия[1].

Нит (Neath), лежащий к востоку от Сванси, не морской порт, но каботажные суда могут подниматься вверх по реке Нит до самых набережных города, где они забирают грузы каменного угля. Другие маленькие портовые города на востоке, как например, Порт-Кауль, получают уголь, добываемый из копей Кумду (Cumdu) и других общин, находящихся в долинах северной части края. Там, где Бристольский залив, уже съузившийся, превращается в лиман и принимает название Северн, открывается порт Кардиф, один из наиболее посещаемых портов Англии и занимающий, по степени важности, десятое или двенадцатое место между европейскими портами. Хотя построенный у подножия старого укрепленного замка, где сидел в заключении Роберт, по прозванию «Короткий Башмак», сын Вильгельма Завоевателя, Кардиф почти во всех своих частях имеет вид города нового времени, и предместья его тянутся на далекое пространство, особенно в северном направлении, как-бы стремясь соединиться с епархиальным городом Ландаф. Богатый владелец окрестных копей мог по произволу распоряжаться землей этой местности для того, чтобы выкопать здесь бассейны и каналы, построить шлюзы, железные дороги, вокзалы, склады. По устройству своего порта Кардиф справедливо может назвать себя образцовым городом; иностранные моряки, приходящие сюда за каменным углем или железом, не могут надивиться той неимоверной быстроте, с которою здесь выгружаются и нагружаются суда: нигде, кажется, так не дорожат временем, как в Кардифе.

Движение судоходства в Кардифском порте в 1891 году: вошло 13.383 судна, в 6.611.768 тонн, вышло 13.474 судна, вместимостью 6.938.371 т. Отпуск из Кардифа в 1891 г. камен. угля, кокса, прессованного угля: 10.115.154 тонны. Коммерческий флот Кардифа в 1891 г.: 306 морских судов, вместимостью 171.477 тонн.

Обороты заграничной торговли Кардифа в 1891 г. (считая в том числе и уголь): привоз 2.739.267 фунт. стерл.; вывоз 8.070.802 ф. стерл.

Недавний соперник Сванси по количеству населения, Мертир-Тидфиль, лежащий также в графстве Глеморган, обязан своим изумительно быстрым возрастением исключительно горной промышленности: залежи каменного угля были причиной его возникновения, и эти же залежи сгруппировали в нем более пятидесяти тысяч жителей. Он не только обладает мощными каменноугольными пластами, но во многих местах встречаются между слоями угля сплошные месторождения железной руды превосходного качества; сверх того, известняк, употребляемый как плавень при фабрикации железа, находится туг же, в непосредственном соседстве с каменноугольными копями, так что в одном и том же округе соединены все условия, необходимые для того, чтобы дать обширную деятельность сидерургической промышленности. До разработки залежей бассейна реки Тис, Мертир-Тидфиль был, вместе с группой окружающих его предместий, важнейшим центром во всем мире по части производства железа: взойдя на холмы, вы увидите везде кругом себя только фабрики и заводы, с их высокими трубами, железные дороги, пересекающиеся по всем направлениям, груды дымящихся шлаков, которые ночью кажутся горящими, как вулканы. Доменные печи Доулеса, где работает до двадцати тысяч человек, когда промышленное движение в полном разгаре, занимают, наравне с Крезо, Эссеном, Серенгом, Эльсвиком, видное место между обширнейшими заводами этого рода. Производство железа в Южном Валлисе в 1878 году составляло около 741.150 тонн. Другой горнозаводский город, Сифартфа, пользовался прежде монополией отливки пушек для английского правительства; здесь Тревитик построил в 1803 году первый локомотив, который тащил за собой ряд вагонов; канал, проведенный к Кардифскому порту, понижается в одном месте посредством так называемой «лестницы Нептуна», образуемой семнадцатью шлюзами. На противоположном склоне высот, господствую-

1 Varenbergh, „Patria Belgica", III.

щих над Доулесом, находим другой горнозаводский и фабричный город, Тредегар; расстояние между этими двумя группами заводом около 10 километров, и, чтобы попасть из одной из них в другую, можно отправиться либо по дорогам, устроенным на поверхности земли, либо по шахтам и подземным галлереям. Мало, конечно, найдется стран, где бы крупная фабричная промышленность представляла более интересное зрелище; но, с другой стороны, нигде вид крайней бедности рабочего люда не производит более тяжелого впечатления, как в этих промышленных округах, особенно в годы финансового кризиса. Мертир-Тидфиль, его сосед Абердар, ближайшие к ним города и фабричные села, следующие одни за другими в долине реки Тафф до самого Кардифа, своим вульгарным, уродливым видом производят в высшей степени неприятное впечатление.

Река Уск, берущая начало на северной стороне горной цепи Биконс и огибающая ее на востоке, орошает поля главного города графства, который называется Брекнок или Брекон и замечателен, как родина актрисы Сиддонс. Ниже, по течению, следует другой фабричный город Абергавенни; затем река проходит недалеко от деревни Раглан, где видны великолепные развалины древнего укрепленного замка. Вся долина реки Уск (Wysg или «вода» по-валлийски) и боковые долины, где находятся Понтипуль, Аберсихан, Бленавон, изобилуют железными рудниками и каменноугольными копями; вследствие этого, и город Ньюпорт, откуда производится отправка за границу всех этих продуктов, приобрел в нынешнем столетии важное торговое значение; во время высоких приливов купеческие корабли находят более 14 метров глубины в устье реки Уск.

Движение судоходства в Ньюпорте в 1882 году (не считая каботажных судов с баластом): 12.929 судов, вместимостью 2.365.820 тонн. Коммерч. флот, принадлежащий Ньюпорту, в 1894 г.: 89 морских судов, вместимостью 25.296 тонн.

Внешняя торговля в 1894 г.: ввезено товаров на сумму 711.831, вывезено на сумму 1.752.612 фунт. стерл.

В половине прошлого столетия Ньюпорт имел всего несколько сотен жителей; теперь же он, без сомнения, более многолюден, чем был, в эпоху своего процветания, его сосед, римский город Иска (Isca Silurum), который впоследствии еще более прославился под именем Карлеона, как резиденция короля Артура. Этот «город с позлащенными крышами домов» в наши дни представляет скромную деревню, лежащую в 4 километрах выше Ньюпорта, на правом берегу реки Уск.

Монмут (Monmouth, по-валлийски Mynwy), столица графства, в котором Ньюпорт играет роль главного порта, есть чисто-английский город, расположенный на берегу реки Уай, при впадении в нее притока Монноу, откуда и произошло его название, означающее «устье Мона». Хотя почти все существующие в крае географические имена валлийского происхождения, новейшая история Монмута связана почти исключительно с историей Англии: в Монмутском укрепленном замке, теперь полуразрушенном, родился Генрих V, победитель при Азенкуре; летописец Джефри Монмутский, латинские хроники которого послужили материалом для Шекспира, тоже был уроженец этого города. Долина Уай—или Gwy по-валлийски—считается самою живописною во всей Англии, и действительно, нигде не встретишь таких прелестных пейзажей, какие представляют в этой местности скалы, сменяющиеся маленькими зеленеющими долинами. Устье реки Уай некогда охранялось замком Чипстоу или Аберуай,—здание тринадцатого века, из которого Кромвель сделал живописную развалину. Двери церкви считаются образцовым произведением норманнского искусства. Через лиман реки Уай в Чипстоу построен «трубчатый мост», составляющий одну из лучших работ французского инженера Брюнеля.

Из городов, принадлежащих географически к княжеству Валлийскому, два: Ньютаун и Вельшпуль, находятся на берегах верхнего Северна, в графстве Монтгомери. Оба эти города известны в торговом мире своими фланелевыми мануфактурами. В последнем из них, Вельшпуле, начинается судоходствопо Северну.

Значительнейшие города и townships княжества Валлийского и графства Монмут, в 1891

году:

Название	Графство	Оффициальное наименование общины	Население
Сванси	Глеморган	county borough	90.425
Мертир-Тидфиль	...	local board	58.080
Кардиф	...	county borough	128.849
Абердар	...	township	38.500
Ньюпорт	Монмут	county borough	54.700
Аберсикан	...	local board	15.230
Лянелли	Кармартен	municipal borough	23.940
Пемброк	Пемброк	...	14.980
Тредегар	Монмут	township	17.340'
Кармартен	Кармартен	municipal borough	10.340
Пит	Глеморген	...	11.100
Гаварден	Флинт	township	7.060
Бангор	Карнарвон	municipal borough	9 892
Бленавон	Монмут	local board	11.450
Карнарвон	Карнарвон	municipal borough	9.800
Фестиниог	Мерионет	township	11.070
Аберистви т	Кардиган	municipal borough	6.700
Гаверфордвест	Пемброк	...	6180
Денбиг	Денбиг	...	6.412
Бетесда	Карнарвон	local board	5.800
Голигед	о. Энглезп	...	8 745
Монмут	Монмут	municipal borough	5.470
Флинт	Флинт	...	5.250

III. Корнваллийский полуостров

Графства Корнваллис и Девон

Полуостров, территория которого принадлежит почти вся к этим двум графствам, представляет особую географическую область, более похожую на княжество Валлийское, чем всякая другая часть Англии. Так же, как область Камбрийских гор, это страна скал, холмов, высоких мысов, длинных кряжей, поросших вереском; она тоже состоит из древних формаций, существовавших гораздо ранее низменной части острова, и в целом она довольно явственно отделена от остальной массы Англии понижением почвы или впадиной, которая в северном направлении продолжается долиной реки Северн. По происхождению жителей Корнваллис или Корнуаль и Валлис также сходны между собою: сходство географического положения и физических условий этих двух областей естественно должно было придать их населению некоторую аналогию в историческом развитии. Когда заговоришь о валлийцах, то мысль сама собой переносится на их соседей, жителей Корнваллиса. Пространство графств Корнваллийского и Девонского исчисляется в 10.259 кв. километров, а население их в 1891 году (по переписи) состояло из 954.379 душ.

В то же время, по свойству своих горных пород и вообще по своему геологическому строению, Корнваллийский полуостров стоит в очень близком родстве с французскою Бретанью, от которой он отделен широким входом в Ламанш. По обе стороны этого моря земли состоят из гранитов, сланцев, палеозойских формаций; берега с той и другой стороны иссечены в виде заливов и бухт, где нашли возможным устроить значительные военные порты; оба полуострова оканчиваются в водах Атлантического океана мысом, носящим название «Конца земли» (Лендсэнд в Англии, Финистер во Франции). Климат, воды, почва, люди — все похоже на этих противолежащих берегах моря. Но Корнваллис имеет то преимущество над французскою Бретанью, что он обладает гораздо большими минеральными богатствами: если он не имеет каменного угля и антрацита, как княжество Валлийское, то. по крайней

мере, у него есть в изобилии жилы меди, олова, свинца, которые сделали его сборным пунктом мореплавателей с первых времен истории. Такова была главная причина его процветания[1].

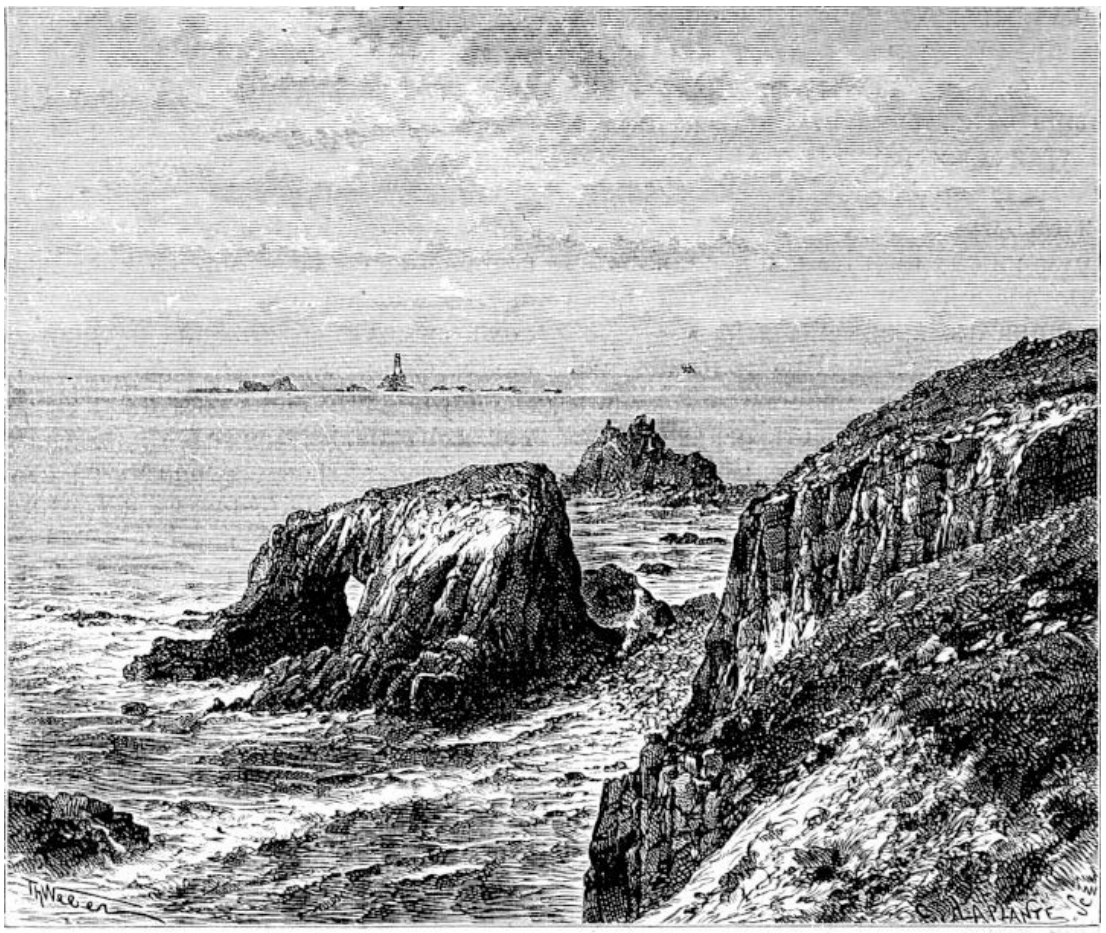
Над южными берегами Бристольского залива возвышается цепь девонскпх холмов, которые образуют, так сказать, основание полуострова. Эти холмы, разделенные долинами, где берут начало река Экс и её притоки, оканчиваются на западе плоскогорьем Эксмур, некоторые вершины которого превышают 400 метров по высоте. С северной стороны это плоскогорье круто обрывается утесами и склонами, перерезанными оврагами: с вершины видишь у себя под ногами непрерывную борьбу моря против скал Ильфракомба и других городов прибрежья, тогда как на юге скат почвы постепенно понижается к большой полукруглой бухте, которую ограничивают с одной стороны Старт-Пойнт, с другой—Портлендский мыс (Bill of Portland). Человеческие жилища редки на этом плато; только кое-где встречаются спрятавшиеся в оврагах и лощинах деревушки и одинокия фермы; все скаты покрыты короткою травой и вереском, и на каждой вершине есть один или несколько могильных курганов, или древние окопы, с высоты которых открывается обширный вид на расстилающиеся внизу равнины. Холмы Кванток, в Эксмуре,—единственная область Англии, где олень живет еще в диком состоянии.

На западе от долины реки Экс, другая группа высот, называемая Дартмур, поднимается выше пояса возделанных земель и вступает своею верхнею частью в область пастбищ: здесь находятся высшие точки всего полуострова, Иео-Тор и Гай-Уильгейз. Эта группа, центральная часть которой состоит из гранитных пород, служит в то же время водораздельным хребтом, и спускающиеся с неё воды расходятся по всем направлениям, на восток—к рекам Тегн и Экс, на север—к рекам То и Торридж, на запад—к реке Тамар или Тамер, на юг—к рекам Тави, Авон, Дарт. Линия берегов делает большой выступ на юге от передовых высот Дартмура, как будто волны не смогли обглодать горные породы, окружающие гранитное ядро, и мыс Старт-Пойнт далеко вдается в Ламанш. Это «мыс отъезда», названный так потому, что корабли, отплывающие из Европы, обыкновенно здесь теряют из виду землю, пускаясь в открытое море. По обе стороны этого выступа прибрежья два лимана ограничивают горную группу, вершину которой составляет Дартмурское плато: на западе—треугольная бухта, в которую впадает река Экс; на востоке—разветвляющийся Плимутский залив, который извилистою линией проникает далеко внутрь твердой земли. Дартмур в собственном смысле, занимающий площадь в 375 кв. километров, так же мало населен, как и Эксмур; даже очень многие из его долин, где могли бы приютиться селения, под защитой от холодных ветров, дующих на плато, наполнены торфяными болотами и трясинами. Как на вершинах плоскогорья Эксмур, так и здесь, встречаются во многих местах памятники старины—груды камней и могильные горки, воздвигнутые на вершине так называемых tors древними обитателями края. В прежнее время большая часть склонов этих высот была покрыта лесами,—откуда и произошло название «Дартмур-Форест» (forest—по-английски «лес»), которое до сих пор носит эта плоская возвышенность; но деревья давно уже исчезли, и страна превратилась в место для охоты, где гнездятся куропатки и тетерева. В одном из самых диких округов Дартмура, близ истоков реки Дарт, скрываются, так сказать, деревня Принстаун (город принца), названная так в честь принца Валлийского, владельца всей этой страны;, и одна из самых больших пенитенциарных тюрем Англии; в этой тюрьме помещались французские военнопленные во время войн с Наполеоном I, и теперь в ней содержится более тысячи осужденных.

Возвышенные земли Корнваллиса, гораздо более низкие, нежели два упомянутые плоскогорья. Эксмур и Дартмур, но также поросшие вереском и диким терновником, состоят из различных каменных пород, известняков и древних сланцев, гранитов и порфиров. Начинаясь у мыса Гартленд, ограничивающего на западе бухту Барнстепль, ряд холмов и небольших плато, тянется сначала в южном, затем в юго-западном направлении, выделяя из

1 Dufrenoy et Elie de Beaumont, „ Voyage metallurgique en Angleterre”.

себя вправо и влево отроги, которые оканчиваются в море обвалами камней и береговых утесов. Долина реки Тамар ограничивает Корнваллийский полуостров с восточной стороны, тогда как Фальмутский лиман, извилистые ветви которого имеют много сходства с излучистыми бухточками Плимутского залива, глубоко врезывается в туловище полуострова, как будто для того, чтобы отделить от него крайний выступ или мыс, тот, где разорванные, изгрызенные волнами скалы особенно поражают своим странным видом. На юге, мыс Лизард, с разноцветными скалами, видимый по ночам с большого расстояния, благодаря двум его маякам, освещенным электрическим светом, есть самый южный пункт Англии: он находится почти под тою же широтой, как Диепп, Амьен и Майнц. На западе, небольшая группа холмов, отделенная от остального Корнваллиса бухтой Сент-Ивс и заливом Маунтс-Бай, оканчивается двумя мысами: Корнуаль и Лендсэнд (Lands End—«конец земли»); за последним



Мысъ Лендсэндъ и Лонгшипскій маякъ.

из этих мысов лежит архипелаг Силли или Сорлингенских островов, единственный видимый остаток древнего полуострова. По словам легенды, между этими островами и Корнваллисом когда-то существовала целая равнина, на которой было рассеяно около сорока деревень и которая доныне известна еще под именами Лайонес и Лелотсау. На гербе одного старинного рода изображена выходящая из воды лошадь, в память одного из предков, который, будто бы, только благодаря быстроте ног своего коня, успел спастись от наводнения[1].

Все эти мысы отличаются друг от друга внешним видом, смотря по свойству горных пород, из которых состоит их масса, и по силе ветров и волн, которые трудятся над их разрушением. Мыс Лизард, утес из плотного серпентина, попорчен волнами, но не дал трещин; мыс Лендсэнд представляет огромную массу гранита, расколотую атмосферными деятелями на огромные глыбы, нагроможденные одна на другую в виде циклопических стен; мыс Корнуаль состоит из сланцеватых формаций, разрушающихся по слоям. Влажный и пропитанный солью воздух работает, как и вода, над разрушением горных пород, ибо на многих хол-

1 Carew, „Survey of Cornwall”.

мах выветрившиеся скалы распались на плиты или четыреугольные массы, которые с трудом можно отличить от построек, оставленных там и сям древними обитателями края. Но всего более трудятся над разрушением берегов морские волны. В нижней части береговых утесов, постоянно подтачиваемой водами, образуются пещеры, называемые местными жителями hugos, в которые с шумом низвергается приливная волна; вне линии этих утесов, среди моря, возвышаются отдельно стоящие каменные столбы, всегда окруженные поясом белой пены; подводные камни, остатки исчезнувших мысов, разбивают на половину силу волн. Летописи рассказывают, что целые грани холмов и широкия полосы берегов исчезли в море. Так, например, гора св. Михаила (Mount St. Michael) в бухте Пензанс, похожая в этом отношении на гору св. Михаила (Mont St. Michel) в Нормандии, находилась некогда среди покрытой лесом равнины, которая потом была поглощена водами моря; в старинных письменных памятниках церковь её носила название Hoarkirk in the wood (белая церковь в лесу), тогда как теперь эта скала бывает поочередно то островом, то полуостровом, смотря по часу морского прилива; с другой стороны, полагают, что крайний мыс Корнваллиса был некогда отделен каналом, ictis римлян, постепенно засыпанным песками и рудниковыми отвалами[1]. Ветер также содействует во многих местах, преимущественно на северном берегу, изменению формы прибрежья, поднимая песок с бухточек и навевая высокие песчаные бугры или дюны (по местному towans), которые постепенно придвигаются к основанию прибрежных холмов, если их не задержат при помощи искусственных насаждений, или если содержащаяся в самом песке окись железа не скрепит его мало-по-малу в плотную массу песчаника. Кроме того, и колебания уровня почвы, как кажется, имели весьма значительную долю участия в изменении очертания морских берегов Корнваллиса и Девоншира. У подножия крутых склонов плоскогорья Эксмур, в Бристольском заливе, в период отлива, обнажаются длинные полосы прежних берегов, где находят остатки лесов, которые некогда росли в этом месте, на неизвестной высоте над уровнем моря. Точно также на южном берегу Девоншира, между Тенмутом (Teignmouth) и Торкэ (Torquay), открыт подводный лес, указывающий на то, что почва здесь опустилась по меньшей мере на 6 метров; но этому понижению уровня твердой земли, очевидно, предшествовало движение в противоположном направлении, так как на холмах, лежащих внутри материка, видны древние морские террасы: в одной пещере поднявшагося берега найдены обделанные кремни, свидетельствующие о существовании в этой местности человека в ту эпоху[2]. Мегалиты, или древние надгробные памятники, встречаются во множестве в Корнваллисе, так же, как и в двух других кельтских землях, в Бретани и Валлисе: менгиры (menhirs), логаны (logans), или трясущиеся скалы, дольмены, могильные курганы, круги наложенных друг на друга камней, переплетающиеся в виде причудливых розеток,—все это можно видеть в многочисленных экземплярах в естественном, помещающемся под открытым небом, доисторическом музее Корнваллиса[3].

Вследствие размывания морских берегов, гранитный и сланцевый остров Денди, с хорошо обработанными косогорами, очутился среди моря, против бухты Барнстепль, при входе в Бристольский залив. На юго-западе Корнваллийский полуостров тоже продолжается под водой и снова выступает на поверхность моря в виде невысокого архипелага Силли (Scilly), известного у французских моряков под именем Сорлингентских островов (Sorlingues). Для сравнения приводим высоты высших точек Девоншира, Корнваллиса и островов:

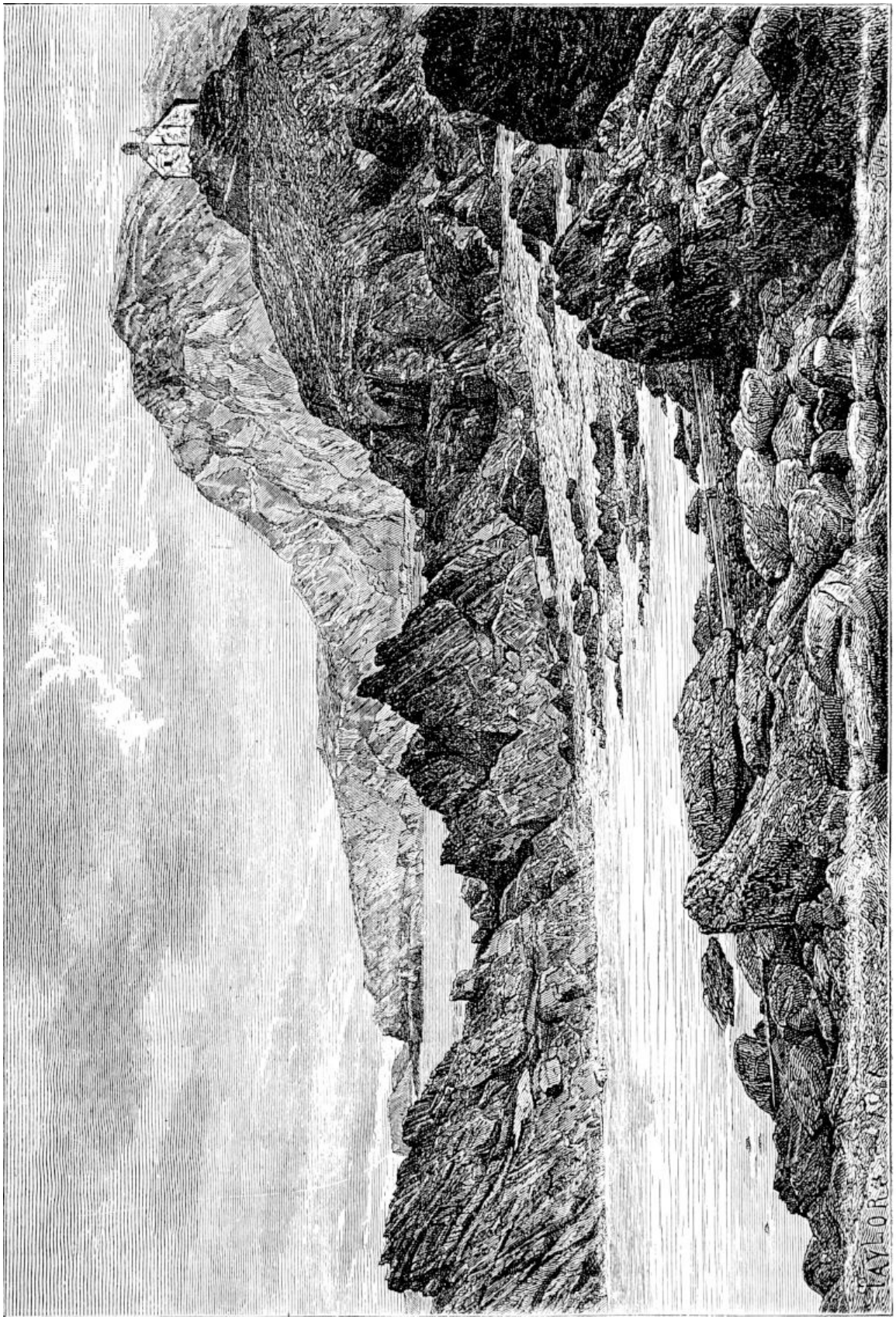
Иео-Тор (Дартмур)—625 метр.; Гай-Уильгэйз (Эксмур)—622 метр.; Браун-Уилли (Корниш-Гетс)—415 метр.; Ленди-Айленд—189 метр.; Бикон-ов-Сент-Мартин (Силли)—45 метр.

Группа островков и подводных гранитных камней, образующая архипелаг Силли, занимает такое незначительное пространство, что отлив чувствительно увеличивает её размеры, открывая отлогие берега и низменные скалы. Только пять из этих островов, именно те, на которых есть селения, имеют площадь, превышающую один квадр. километр; остальные

1 A. Tylor, „Nature“, nov. 22, 1883.
2 Pengelly, „Reader”, 17 nov. 1864.
3 Forbes Leslie, „The Early Races of Scotland and their monuments”.

островки совершенно пустынны. Вот точные размеры этого маленького архипелага:

Поверхность пяти обитаемых островов (С. Мери, Треско, С. Мартинс, С. Агнес, Брайер) 1.343 гектара; поверхность 19 необитаемых островов 117 гектаров, итого 1.460 гектаров.



Ильфракомбекія скалы.

Островок Самсон, где еще в 1851 году жило несколько семейств, теперь покинут, не по собственному желанию бывших его обитателей, а по воле владельца, полновластного хозяина архипелага. Все жители Самсона, так же, как все бедные с других островов Силли, были

высланы на материк, и фермеры получили строгое приказание не держать больше одного сына на обрабатываемых землях, то-есть при ферме; те же, у кого семья оказалась более многочисленною, должны были сбыть лишния руки, отправив молодых людей на материк, или послав их работать на кораблестроительные верфи. Население архипелага уменьшается, но зато жители пользуются теперь большим материальным благосостоянием, чем прежде; они научились спекулировать акциями железных дорог и билетами иностранных займов. Число жителей архипелага Силли: в 1851 г. 2.627; в 1861 г. 2.431; в 1871 г. 2.075; в 1881 г. 2.320; в 1891 г. 1.911 душ. Вообще население Сорлингенских островов, как оно ни малочисленно, представляет довольно любопытный предмет для изучения, потому что на этом архипелаге прославленная теория «разумного деспотизма» была применяема систематически и вполне в продолжение почти полустолетия[1].

Острова Силли, которые по справедливости называют одним из прекраснейших садов Англии, обязаны благосостоянием своих жителей в значительной мере пароходному сообщению, позволяющему им отправлять на лондонский рынок овощи первого сбора. Благодаря двойному влиянию морского воздуха, всегда насыщенного водяными парами и нагреваемого теплыми течениями, приходящими из тропических морей, сорлингенские садовники и огородники, так же, как их собраты по профессии, живущие на южных берегах Корнваллийского полуострова, не имеют надобности защищать разводимые ими растения от зимних морозов, и растения эти живут под открытым небом. Но если температура здесь как нельзя более благоприятна развитию листьев, то этого далеко нельзя сказать относительно созревания плодов; даже виноград, сливы, абрикосы вполне вызревают только в исключительно сухие годы. Средним числом, на архипелаге Силли насчитывают только шесть дней, когда погода бывает действительно тихая: ветер дует здесь почти постоянно, то с той, то с другой точки горизонта, принося с собой разорванный туман, мелкий дождь или ливень. Бури очень часты в этих водах, и нигде летописи мореплавания не богаты так описаниями катастроф, как на Сорлингенских островах: морские течения, которые, ударяясь об эти скалы, делятся на второстепенные токи, направляющиеся в Ламанш и в Бристольский канал, часто заставляют корабли уклоняться от надлежащего курса и, во время туманов, увлекают их на подводные камни. Здесь случилось, в 1707 г., самое ужасное кораблекрушение, какие только бывали в новейшие времена: целый флот, которым командовал сэр Клаудсли Шовель, разбился у Сорлингенских островов, и две тысячи людей нашли смерть в волнах. «Из десяти жителей архипелага Силли девять погибают в море», гласит старинная местная поговорка, которая, впрочем, в наши дни перестала быть верною, благодаря маякам, фонарям, сигналам, спасательным снарядам и изменению нравов островного населения.

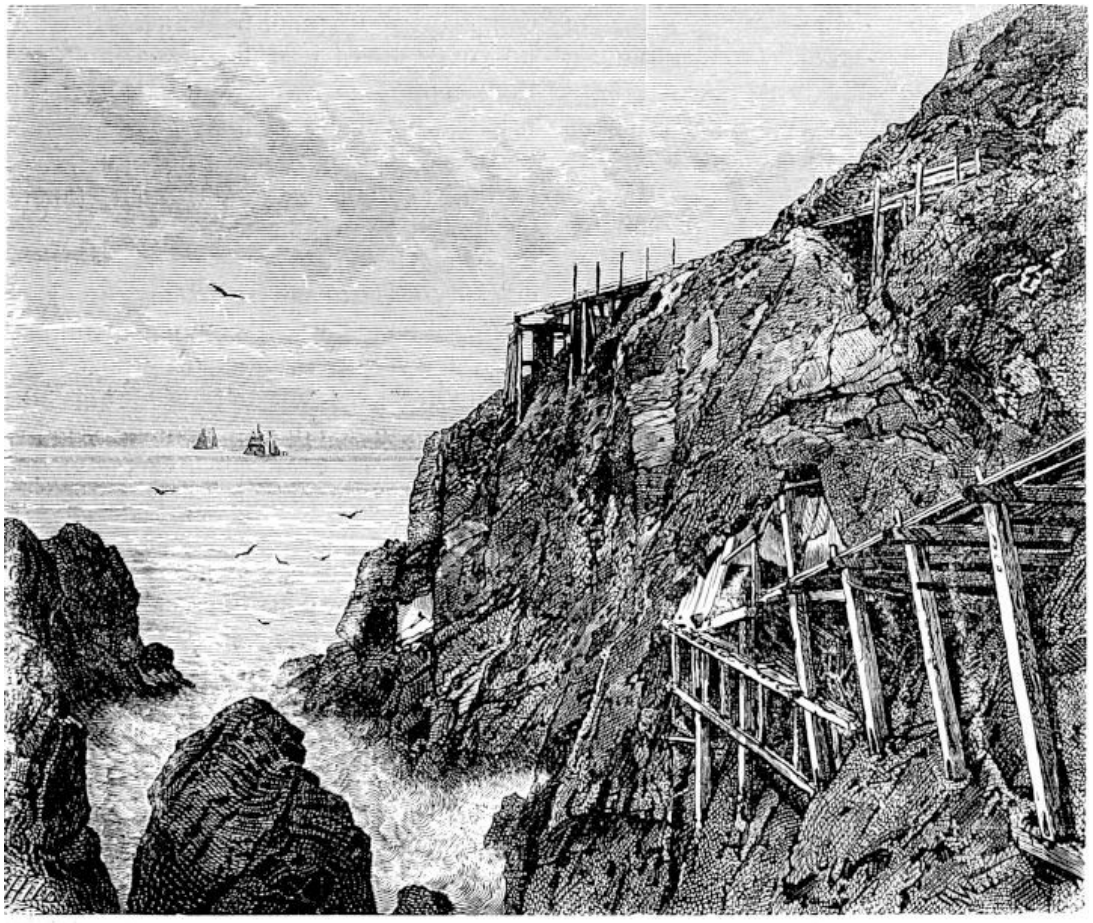
Корнваллийский полуостров, так же, как Сорлингенские острова и княжество Валлийское, может быть назван областью туманов и дождей. Ни в одной части этого полуострова количество атмосферной воды, выпадающей в продолжение года, не бывает, в среднем выводе, менее 780 миллиметров; почти везде оно образует слой более метра вышиною, а на западных скатах плоскогорья Дартмур этот слой достигает 2 метров высоты. В городе Тавистоке дожди идут почти непрерывно. «Южный ветер приносит туда ливни, а северный гонит их назад опять туда же», говорит английская пословица.

Если некоторые географы принимали архипелаг Силли за Касситеридские («Оловянные») острова, упоминаемые древними писателями, то происхождение этого мнения можно объяснить только близким соседством рудников Корнваллиса, потому что на самом деле эти гранитные острова содержат лишь весьма незначительные следы металла в своих расселинах, тогда как горные породы соседней большой земли очень богаты подземными сокровищами, которые, без сомнения, разрабатывались уже в века, предшествовавшие экспедиции Юлия Цезаря. И теперь еще можно видеть в некоторых местах шахты, выкопанные в те отдаленные времена; береговые скалы Корнваллиса, имеющие почти островной характер, суть бесспорно те острова, о которых упоминают древние писатели, называя их Эстримид-

1 Froude, „Uses of a landed' Gentry, Philosophical Institute at Edinburgh".

скими или Касситеридскими, и которые были посещаемы финикиянами и карфагенянами. В римскую эпоху корнваллийское олово отправлялось транзитом в Марсель, по речным путям Галлии.

Руды Корнваллиса заключают главным образом медь и олово, или отдельно, или смешанно. Рудные жилы, наиболее изобилующие оловом, встречаются всего чаще в окрестностях Пензанса, близ оконечности полуострова, тогда как жилы с преобладающим содержанием меди попадаются далее внутри края, преимущественно в округе Редрут; есть также рудники, которые прежде разработывались для получения одного металла, а теперь эксплоатируются для добывания другого. В некоторых местах содержание руды в камне значительно, и даже можно видеть на берегу моря скалы, окрашенные в зеленый цвет эфлоресценцией меди; но, вообще говоря, руда, выходящая из корнваллийских рудников, очень бедна: она содержит не более пятидесятой доли олова, или не более тридцатой или сороковой доли



Боталакскій рудникъ.

меди; если она, тем не менее, дорого ценилась, то это происходило главным образом вследствие малочисленности рудников, пока не были открыты подобные же месторождения в Соединенных Штатах, в Боливии, в Австралии, на Зондских островах. В поисках драгоценной руды смелые и неутомимые Cornishmen (корнваллийцы) совершили гигантские работы, которые дают их шахтам и подземным галлереям почетное место между достопримечательностями Англии. Чтобы удалять из рудников воду, которая просачивается в обилии через трещины верхних скал, нужно было прибегнуть к громадным насосам, но это искусственное выкачивание становится почти невозможным в рудниках, спускающихся до глубины нескольких сот метров, и потому принуждены были прорывать туннели для спуска воды прямо в море. Некоторые подземелья, в горных округах Гвеннапском и Редрутском, проходят в иных местах на расстоянии 534 метров под поверхностью земли, и общая длина всех галлерей составляет около 100 километров; главный канал туннеля имеет не менее 9 километров длины до моря; шестьдесят водокачальных машин выливают 100.000 куб. метров

воды в сутки, то-есть более одного куб. метра в секунду. Вычислено, что все дерево, употребленное в виде подпор в рудниках Корнваллиса, представляет столетний сосновый лес, занимающий пространство в 360 квадр. километров.

Мыс Боталлак, находящийся недалеко от мыса Корнуаль, есть один из живописнейших утесов корнваллийского прибрежья и тем более любопытный, что в недрах его скрывается медный рудник. Почти совершенно уединенная от материка широкою трещиной, громадная каменная глыба в 60 метров высоты была соединена с твердою землей посредством мостков, перекинутых через глубокую пропасть; железные дороги извилистою линией поднимаются вверх по скатам берегового утеса; остроконечные верхушки скал оканчиваются высокими дымящимися трубами заводов. Галлереи рудника, иссеченные во внутренности мыса, продолжаются под поверхностью моря до расстояния 360 метров слишком от берега; рабочие слабо слышат шум галек, передвигаемых волною по дну моря над их головами. В соседнем руднике искатели руды проследили жилу через всю толщу потолка, отделявшего их от моря: простая втулка, вбитая в скалу, препятствует вторжению морских вод. Под самым берегом, там, где разбивается волна, производя столкновение между бесчисленными камешками, шум моря ужасен: во время бури самые неустрашимые рудокопы дрожат от страха, слыша грозный, оглушающий рев волн, ударяющихся о береговые утесы[1]. В другой подземной галлерее прежние рудокопы имели неосторожность преследовать металлоносную жилу до такого близкого расстояния от дна моря, что последнее в конце концов пробило потолок близ предельной линии высоких приливов и залило часть галлерей; по счастию, успели заделать этот вход, поместив бревенчатую подстропильную вязку, покрытую землей, дерном и тяжелыми камнями[2]. Недалеко от Пензанса, с южной стороны, существовал другой медный рудник, на который часто указывают, как на памятник смелости корнваллийских рудокопов. Простой рабочий начал рыть его, в конце прошлого столетия, в таком месте морского берега, где можно было работать только по нескольку часов в день, и которое дважды в сутки было затопляемо приливом, так что, когда он приходил продолжать свою работу, выкопанная им яма оказывалась наполненной водою. При помощи деревянной башенки, тщательно осмоленной, рудокопу удалось защитить колодезь от вторжения воды; затем он привел его в сообщение с сухим, незатопляемым во время прилива, берегом, построив мостки на протяжении 200 метров. С этого времени новый рудник, получивший прозвище Wherry (маленький паром), разработывался правильным образом, и добываемая из него масса оловянной руды давала значительные количества металла; но однажды какой-то стоявший по близости корабль был сорван в бурную ночь с якорей и, бросаемый ветром в разные стороны, ударился о башенку и разрушил ее: рудник, уже довольно глубокий, снова наполнился водой. После этой катастрофы эксплоатация его уже не была возобновляема[3].

Как ни велики предприимчивость и настойчивость корнваллийских горных промышленников, как ни значительны выгоды, даваемые им, в отношении разработки рудников, снарядами и приспособлениями, увеличивающимися из века в век, однако, скудность руды, дороговизна каменного угля и строевого леса не позволяют им выдерживать конкурренцию стран, более изобилующих минеральными богатствами. Так-называемые «Оловянные парламенты», Stannary Parliaments, которые обсуждали, вместе с представителями владетеля земли, все дела, касающиеся рудников, не имеют более случая собираться; последнее собрание этих выборных происходило в Девоншире в 1749, а в Корнваллисе в 1752 году. Большое число рабочих эмигрировали в заморские страны: каждое уменьшение в горном производстве имело непременным следствием убыль сельского населения, потому что жители деревень переселялись в города графства; даже общее число жителей уменьшилось (население Корнваллиса: в 1851 г,—356.650 душ; в 1881 г.—330.680 д.; в в 1891 г.—322.570 душ).

Производство корнваллийских рудников: в 1844 г.: медной руды—152.970 тонн, ценно-

1 Henwood, „Transactions of the Royal Geological Society of Cornwall", vol. VI.
2 Dufrenoy et Elie de Beaumont, „Voyage metallurgique en Angleterre".
3 Dufrenoy et Elie de Beaumont, „Voyage metallurgique en Angleterre".

стью—20.035.350 фр.; в 1879 г.: медной руды—30.370 тонн; оловянной—14.665; свинцовой—725; железной—400 тонн.

Месторождения мышьяка, ломки разного рода камня и залежи каолина, которого отсюда каждый год вывозят более 100.000 тонн для приготовления фаянсовой и фарфоровой посуды, не могут заменить, по важности, покинутых рудников. В 1875 г. добыча каолина в Девоншире и Корнваллисе простиралась до 105.000 тонн, ценностью около 5.000.000 франков. Но жители Корнваллиса имеют также другие источники пропитания и народного богатства: это, во-первых, рыба, которую они ловят на морских берегах, преимущественно одна порода сельди, называемая pilchard, но в особенности овощные сады, прозванные «огородами Лондона», и поля, которые они удобряют при помощи известкового песку. Хотя горные породы Корнваллиса, как и формации французской Бретани, очень бедны углекислою известью, однако обилие организмов, извлекающих известь из морских вод, дает песку прибрежья в большом количестве элементы углекислой извести, и потому его уже несколько столетий употребляют для обновления производительной силы полей, которым недостает извести. Эксплоатация этого морского песку очень деятельна, особенно в маленькой бухте Педстау; земледельцы каждый год вывозят с берегов этой бухты около сотни тысяч тонн песку, что составляет почти пятую часть всего количества, употребляемого ежегодно для удобрения полей в Корнваллисе и Девоншире[1].

Население Корнваллийского полуострова, долго оказывавшее сопротивление саксонскому вторжению, отличается еще во многих местах формой лица: здесь чаще можно встретить людей с черными волосами, смуглым цветом кожи, короткою и широкою головой, чем в остальной Англии; на южном берегу, между Фальмутом и мысом Лизард, такое большое число женщин имеют почти южный тип, что хотели объяснить этот факт иммиграцией испанцев, указывая на то, что Тацит говорит о поселившихся в стране иберах. Население этой части Англии до сих пор сохранило некоторые следы своего древнего деления на самостоятельные и враждебные друг другу кланы. Что касается языка, близко родственного языкам валлийскому и нижне-бретонскому, то он живет теперь только в названиях мест; уже около двух столетий тому назад он перестал быть общеупотребительною речью, и в 1778 году в Маузголе, недалеко от Пензанса, умерла последняя женщина, говорившая первобытным языком страны; недавно на могиле этой женщины поставлен надгробный памятник некоторыми благочестивыми филологами. В ту эпоху, когда этот язык перестали употреблять в крае, он был еще понятен жителям Валлиса[2]; некоторые слова его остались в нынешнем местном наречии. Корнваллийская литература, изученная преимущественно Уитли-Стоксом, состоит единственно из глоссария двенадцатого века и духовных мистерий последующих столетий, представляющих подражание или перевод подобных же произведений текущей средневековой литературы. Некоторые рукописи, еще не напечатанные, будут в скором времени изданы стараниями общества памятников древней корнваллийской письменности. Что касается народных легенд, очень многочисленных и рассказываемых еще во многих деревнях Корнваллиса с полною верой в их правдивость, то эти легенды были собраны и напечатаны в различных английских изданиях.

На северном скате полуострова самый многолюдный и важнейший торговый город Девоншира—Барнстепль лежащий в том месте, где морской прилив встречается с течением реки То. Город Байдфорд, на юго-западе, также находится в местности, где небольшая река Торридж продолжается рукавом Барнстепльского лимана; таким образом оба эти порта сообщаются с морем посредством одного и того же речного устья. Первый из этих городов, Барнстепль, есть, вместе с тем, главный сборный пункт для путешественников, отправляющихся на морские купанья в города Ильфракомб и Линмут, приютившиеся у подножия береговых утесов и крутых скатов, поднимающихся к плоской возвышенности Эксмур. Движение судоходства в Барнстепле в 1891 г.: прибыло—3.123 судна, вместимостью 181.990 тонн.

1 Delesse, „Lithologie du fond des mers“.

2 Latham, „Ethnology of the British Islands“.

На юго-западной стороне Барнстепльской бухты берег Корнваллиса, обращенный к Ирландскому морю, заключает лишь маленькие порты—Педстоу, Нью-Ки (New-Quay, т. е. «новая набережная»), Сент-Айвз, Гэйль. Самый важный из них для рыболовства—Сент-Айвз (Saint-Yves), где зимуют большие шлюпки, ходящие на ловлю пильчарда, сельди, макрели; кроме того, Сент-Айвз служит портом вывоза для продуктов важных соседних рудников, открытых вокруг городов Редрута и Камборна.

Движение судоходства в округах Педстоу и Гэйль, в 1882 году, без каботажных судов, нагруженных балластом: в Педстоу—1.008 судов, вместимостью—61.525 тонн; в Гэйле с С.-Айвз—1.105 судов, вместимостью—125.500 тонн; флотилия порта Педстоу (в 1894 г.): 100 морских судов в 8.159 тонн и 52 рыболовных.

Главный город южной покатости Корнваллиса и один из его больших рынков, Пензанс, занимает великолепное местоположение на берегу полукруглого залива, который ограничен на западе каменным валом мыса Лендсэнд, а на востоке валом мыса Лизард; в небольшом расстоянии от моря, близ красивой деревни Маразион, возвышается правильная пирамида горы св. Михаила (Mount Saint-Michael), на вершине которой вырезываются, точно зубцы, башни и колокольни древнего монастыря. Пензанс, первый город Англии, который мы встречаем в южном и западном направлении, есть, вместе с тем, город с самым теплым климатом и с растительностью, имеющею наиболее южный характер: иностранцы и иногородные жители приезжают сюда в большом числе, чтобы наслаждаться теплою, равномерной температурой, а также и для того, чтобы посмотреть на окружающие высокие мысы, на гранитные и серпентиновые скалы, на рудники и каменоломни, на колоссальный дольмен в 13 метров высотою, называемый «Диском исполина» (Giant Quoit). В Пензансе есть несколько фабрик, металлургических заводов, мастерских, где вырезывают чаши и вазы из серпентина; кроме того, этот город ведет довольно значительную торговлю, главным образом плодами и овощами первого сбора, отправляемыми на лондонский рынок, но, вместе с тем, это один из центров научной деятельности. Пензанс, родина знаменитого химика Гомфри Деви, почитает своею священною обязанностью содержать довольно богатые коллекции по геологии и естественной истории. Порткорно, близ Пензанса, и другие соседния бухточки служат исходными пунктами для телеграфных кабелей, соединяющих Англию с испанскими портами Сантандер и Виго и с португальскою деревней Каркавеллос (недалеко от Лиссабона), и которые разветвляются далее, посредством других линий, в Гибралтар и в Средиземное море; кроме того, проведен подводный телеграф в море, на расстояние 85 километров от берега, в юго-западном направлении, к сторожевому судну, которое окликает все проходящие корабли для того, чтобы сообщать об их приходе судовладельцам в Лондон.

Движение судоходства в порте Пензанс в 1882 г. (не считая каботажных судов, с балластом): 2.460 судов, вместимостью—252.890 тонн. Собственная флотилия Пензанса в 1894 г.: 62 морских судна в 8.976 тонн и 397 рыбачьих лодок.

Фальмут, лежащий к востоку от горной группы, оканчивающейся мысом Лизард, есть один из многочисленных городов Великобритании, обладающих превосходною гаванью, достаточно обширною, чтобы дать приют целым флотам. Река Фаль, от которой произошло и самое имя города (Falmouth—устье Фаля), расширяется здесь в извилистый лиман, разветвляющийся на боковые бухточки: это и есть Фальмутский порт, который, кроме того, защищен при входе волноразбивателем; возвышенный, конической формы, мыс, с старым замком на вершине, составляет границу рейда со стороны открытого моря. Фальмут, снабженный складочными магазинами, доками для починки судов и набережными, есть один из городов, поставленных в наиболее благоприятные условия для того, чтобы служить пунктом отправления или прихода для трансатлантических пассажиров и товаров. Большое число пароходов заходят в этот порт, и торговые сношения его весьма значительны. Движение судоходства в Фальмутском порте в 1891 году: в приходе—1.600 судов, вместим. 212.623 тонны; собственный торговый флот в 1891 г.:—122 морск. судна в 18.367 тонн и 43 рыболовных.

Главный город Корнваллиса, Труро, также лежит в Фальмутском заливе, но только у

оконечности самого северного из его разветвлений: это отпускной порт для руды, получаемой из окружающих его горных округов; он разделяет с Пензансом и Фальмутом честь быть местопребыванием ученых обществ. Труро замечателен еще как родина двух известных путешественников, Ричарда и Джона Лендеров. Движение судоходства в Трурском порте в 1882 году выразилось следующею цифрой: в приходе и отходе было—816 судов (не считая каботажных, нагруженных балластом), общая вместимость которых равнялась 74.850 тонн.

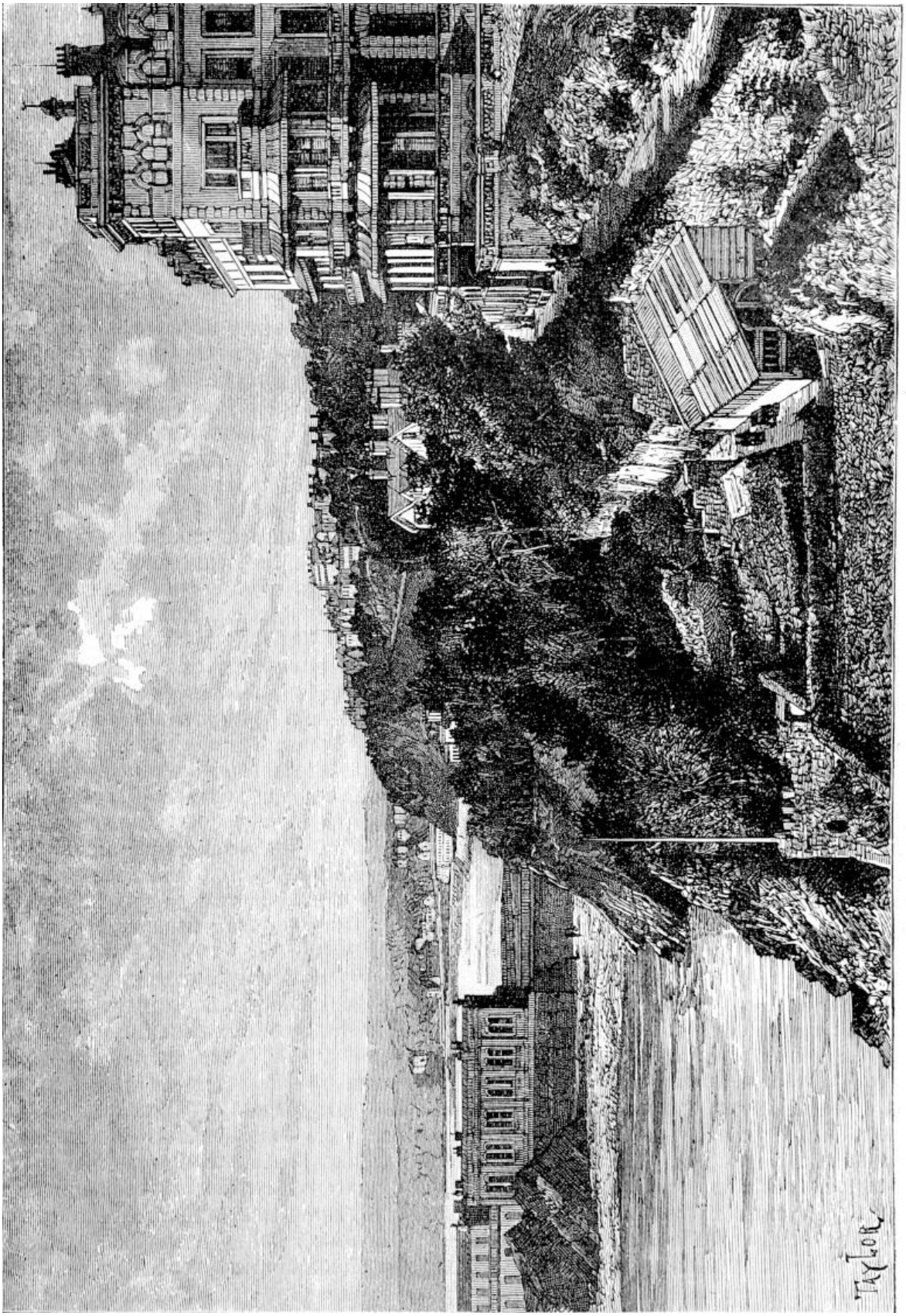
К востоку от Фальмута следуют один за другим два порта: Сент-Остель (Saint-Austel), где фабрикуют глиняную посуду, и Фовей (Fowey), который был важнейшим городом на всем юго-западе Англии лет триста тому назад, то-есть в ту эпоху, когда на месте, где ныне возвышаются здания Фальмута, стоял одинокий дом. Во время осады Кале город Фовей доставил Эдуарду III 47 кораблей; встарину этот город был главным притоном пиратов; его моряки даже давали настоящие сражения другим англичанам и однажды нанесли полное поражение матросам из городов Винчельси и Рай. В 1457 году французы сожгли Фовей. Рейд его, доступный судам всякой величины и при всяких ветрах, до сих пор еще принадлежит к числу очень посещаемых портов Англии.

Движение судоходства в порте Фовей в 1891 г: прибыло—2.105 судов, вместим.—230.583 тонны; собственный флот в 1891 г.: 132 морских судна в 14.374 тонны и 209 рыболовных судов.

Могущественный Плимут (Plymouth), соединенный ныне с Девонпортом и Стонгаузом, сделался самым многолюдным городом всего южного побережья Англии. Ни один город не упоминается так часто в истории военных экспедиций и географических открытий, как Плимут: отсюда отправились в свои дальние и богатые результатами плавания Френсис Дрек в 1577 и Кук в 1772 году. Хотя Плимут военный город, окруженный укреплениями, обведенный по вершинам всех его мысов каменными, зубчатыми стенами, он, тем не менее, имеет великолепный вид. Лиман, куда изливается река Плим, смешивает в рейде свои воды с водами другого залива, гораздо более обширного, в который впадает река Тамар. С холмов, господствующих над городом, с бульваров, окаймляющих набережные, куда ни обратишь взор, везде увидишь бухты и проливы, усеянные судами всевозможных размеров и названий: тут пароходы, снующие от одного берега к другому; там парусные суда, стоящие на якоре в гавани; далее военные корабли или старые, негодные корабли без мачт, похожие на громадные дома, а на море, которое белеет вдали за волноразбивателями, виднеются суда с распущенными парусами. Напротив города, по другую сторону пролива, возвышается холм Маунт-Эджекомб, с обширным парком, прекрасные деревья которого разделены аллеями на живописные чащи; когда этот пейзаж освещен солнцем, зритель, при виде групп приморских или итальянских сосен, может вообразить себя перенесенным на берега Средиземного моря, в какой-нибудь из городов Италии. Гавань Плимута так же, как и гавань Фальмута, состоит из нескольких портов, общая площадь которых равна 700 гектарам с лишним, и которые могли бы дать убежище целым флотам; но вход в порт широко открыт со стороны моря, и вся часть рейда, на берегу которой построен город, подвергалась в прежнее время опасности быть залитой морскими волнами в бурную погоду. Чтобы загородить им проход, построили среди залива, против входа в рейд, огромную плотину (break-water, волноразбиватель), длиною в 1.554 метра, из грубого мрамора, масса которой содержит два с половиной миллиона кубич. метров и которая долгое время считалась одним из замечательнейших памятников человеческого искусства. Это сооружение, начатое в 1812 году шотландцем Ренни, было окончено в 1846 году; но его нужно постоянно поправлять и наваливать новые каменные глыбы, не только потому, что волны размывают цемент, но также и потому, что раковины фолады, или камнеточцы, просверливают в плотине ямки, придающие скале вид пемзы. Случалось во время бури, что плотина была пробиваема напором волн, которые иногда двигали камни весом в 60 и 80 тонн; однажды даже севший на мель корабль был переброшен через волноразбиватель во внутренний рейд[1]. При том же специалисты утверждают, что пли-

1 Carus, „England und Schottland im Jahre 1844“.

мутская плотина недостаточно возвышается над поверхностью воды, вследствие чего волны перелетают через нее в бурную погоду, и волнообразное движение моря распространяется в самый порт[1].



Видъ Торквая со стороны квартала Лэндсэндъ.

Плимут может указать в своих пределах и своих ближайших окрестностях на другие замечательные памятники промышленного гения Англии: так, в новом квартале Стонгауз, на

1 Cialdi, „Del moto ondoso iel mare“—„Revue maritime et coloniale“, janvier 1876.

оконечности полуострова, разделяющего два рейда, Саунд и Гамоаз, расположены громадные провиантские депо военного флота; в квартале Девонпорт, окруженном со всех сторон крепостными стенами и укреплениями, находятся огромный арсенал и обширные верфи для военных кораблей; на северо-западной стороне города, через лиман реки Тамар, проведен, на высоте 50 метров от поверхности воды, железнодорожный мост длиною в 683 метра, достигающий в Сальташе корнваллийского берега. В открытом море о близости Плимута возвещает великолепный Эддистонский маяк (Eddystone значит «камень на водовороте»), построенный на уединенной скале. Уже в 1696 году на этом месте был поставлен деревянный маяк, который море снесло несколько лет спустя. Построенная после того новая башня также исчезла. Третье здание, воздвигнутое в 1756 году Смитоном, тоже пришлось перестроить, потому что волны подтачивали нижнюю надводную часть скалы, на которой оно стоит: во время бурь валы, скользя по бокам башни, взлетали метров на 30, до самого фонаря, рассыпаясь в воздухе в виде исполинского зонтика. Новому маяку, открытому в 1882 г., придана высота в 40 метров, для того, чтобы свет его никогда не заслонялся волнами. Башня снабжена колоколом, звон которого слышен на далеком расстоянии.

Хотя область, для которой Плимут служит естественным рынком, имеет незначительные размеры, однако этот город ведет большую торговлю, преимущественно как продовольственный пункт для английского военного флота. Движение судоходства в Плимутском порте в 1894 году: в приходе—3.634 судна, вместимостью—876.318 тонн.

Собственный коммерческий флот Плимута в 1894 г.: 344 морских судна, общая вместимость их 42.160 тонн; кроме того, 264 рыболовных судна.

В речном бассейне, выход которого занимает Плимут, находим только один сколько-нибудь значительный населенный пункт: это горнозаводский город Тависток, лежащий в одной из долин плоскогорья Дартмур. Большая часть других городов Девоншира также представляют гавани или имеют непосредственное сообщение с лиманами. На южной стороне наиболее выдающагося полуострова этого графства открывается рейд города Салькомб, который не ведет прямых торговых сношений с иностранными рынками, хотя обладает относительно довольно значительною торговой флотилией, состоящей из 34 судов, вместимостью в 2.668 тонн. Непосредственно на востоке от полуострова, оканчивающагося мысом Старт-Пойнт, открывается извилистый лиман Дарт, куда впадает река того же имени и вход в который охраняет живописный город Дартмут (Dartmuth—устье Дарта), построенный амфитеатром по скату холма: это родина известного изобретателя Ньюкомена. Движение судоходства в Дартмутском порте в 1882 году представляло следующие цифры (не считая каботажных судов с балластом):

В приходе и отходе—1.157 судов, вместимостью—100.495 тонн. Собственная коммерческая флотилия в 1891 г.:—65 судов, в 2.845 тонн.

Далее в восточном направлении встречаем Бриксгам, маленький порт, где высадился Вильгельм Оранский в 1688 году и который, хотя и не ведет прямых торговых сношений, обладает, тем не менее, довольно многочисленной коммерческой флотилией: в 1882 году судов, принадлежащих бриксгамским судовладельцам, было 238, общая вместимость их равнялась 17.815 тоннам. Далее, начиная от мыса Берри-Гед, развертывается, в форме правильного полукруга, берег бухты Торбай, над которым господствуют живописные холмы, усеянные отелями, замками, виллами и дачами. Город Торки (Torquay), занимающий угловой мыс на северной стороне бухты, обязанный своим названием великолепной набережной (quay—набережная), у которой прекращается волнообразное движение моря, есть главная станция морских ванн на всем английском прибрежье, к западу от Брайтона: теплый, приятный климат, тишина, обыкновенно господствующая в атмосфере, холмы, окружающие город и защищающие его от западных ветров,—все это привлекает в Торки большое число чахоточных, особенно в зимнее время. Вследствие наплыва купающихся в море и больных, население быстро увеличилось, а вместе с тем мало-по-малу развилась и морская торговля, и теперь купеческие суда массами теснятся в этом новом порте. В окрестностях городов

Бриксгама и Торки находятся пещеры Brixham's Cave и Kent's Hole, принадлежащие к замечательнейшим гротам Великобритании по открытым в них остаткам человека и его произведений, а также по костям допотопных животных; ископаемая фауна этих подземных галлерей заключает 46 или 47 видов, преимущественно медведей, выдр, лисиц, волков, гиен, пантер, оленей, быков, кабанов, носорогов, из мелких млекопитающих—мышей[1]. В кентской же пещере были найдены, в период с 1825 по 1841 год, первые отделанные кремни, на которые оффициальные ученые соблаговолили, наконец, обратить внимание. Впрочем, эта пещера известна уже много веков; по местному преданию, она получила такое название потому будто бы, что когда однажды спустили в нее сокола, то последний, пролетев через всю подземную галлерею, снова появился на поверхности земли уже в Кентском графстве[2].

Далее за Торки, на девонширском берегу, следуют один за другим несколько городов с морскими купальнями, как-то: Тенмут (Teignmouth), который, вместе с тем, довольно значительный коммерческий порт (движение судоходства в Тенмутском порте в 1882 г.: 866 судов, вместимостью 110.260 тон.), и невдалеке от которого видны дома городка Уольборо (Wolborough); Долиш, Эксмут, Сидмут, Аксмут. Все эти станции морских ванн, очень населенные в продолжение летнего сезона, отличаются каждая какими-нибудь особенными выгодами или привлекательными сторонами, пленяющими посетителей; красотой местоположения более всех славится город, расположенный при «устье реки Сид», Сидмут (Sidmouth), который прежде обыкновенно называли «английским Монпелье»: красные береговые утесы из девонского песчаника образуют здесь великолепный контраст с плоскими берегами, покрытыми белым песком, и с зеленоватыми волнами океана. Вблизи другого из упомянутых городов, Аксмута, произошел, в декабре 1839 г., внезапный обвал крутого морского берега, прославленный наблюдениями сэра Чарльза Ляйэля и других геологов, хотя береговые скалы на окружности Англии представляют в очень многих местах следы катастроф этого рода. Массы мела и песчаника, лежащие на слоях песка, отчасти смытых ключевыми водами, были лишены необходимой точки опоры. Отяжелев вследствие дождей, которые напитали их водой, эти массы отделились от соседних скал и обрушились, оставив позади себя огромную трещину, длиною около 1,200 метр., шириною в 75 метр, и глубиною от 30 до 50 метров. В то же время обрушившаяся масса своею тяжестью приподняла плоский песчаный берег, и перед этими развалинами береговых утесов образовался неровный вал вышиною около 12 метров, который покрывали в беспорядке водоросли, раковины и астериды или морские звезды, перемешанные с обломками обвалившихся каменных глыб.

Главный город Девоншира, Экзетер,—большой город, лежащий на берегах реки, вход в которую с моря охраняется Эксмутом. Этот старинный и живописный город, бывший столицей саксонских королей Вессекса и где резня 1085 года, произведенная по приказанию Вильгельма Завоевателя, положила конец национальному сопротивлению, сохранил еще несколько средневековых памятников, из которых замечательны: стены нормандского замка Ружмон, городская ратуша, построенная в пятнадцатом столетии, епископский дворец и в особенности кафедральный собор, основанный в начале двенадцатого века и заключающий прекрасные цветные стекла, любопытную живопись на камне, мастерски сделанные резные украшения из дерева. Тяжелое массивное здание собора, принадлежащее к различным эпохам, сохранило от времен его нормандских строителей только две башни трансепта или поперечного хода. Экзетер некогда был приморским портом, и морские суда поднимались вверх по реке Экс до самаго города. Затем, вероятно, фарватер обмелел мало-по-малу, и судоходство прекратилось; однако, рассказывают, что будто-бы когда представители общественного управления Экзетера, из гражданской гордости, установили такое правило, чтобы ни один житель города не смел носить господскую ливрею в пределах городской общины без предварительного разрешения мера и муниципального совета, то граф девонский, рассерженный этою дерзостью горожан, приказал завалить реку выше Топсгама, и эта деревня,

1 Mac Enery, Pangelly, Boyd, Dawkins, „Journal of the Geological Society“, 1869. vol. XXY

2 Pengelly, „Kent's Hole“.

принадлежавшая графу, сделалась с этой поры торговым портом всего бассейна реки Экс. В настоящее время вдоль течения этой реки, вверх от Топсгама, идет судоходный канал в 5 метров глубиною, при помощи которого экзетерские суда могут поддерживать непосредственные сношения с иностранными портами. Движение судоходства в Экзетерском порте 1891 г.: в приходе 924 судна, общая вместимость которых равнялась 74.332 тоннам (не считая каботажных судов с балластом).

Из других городов бассейна реки Экс, население которых превышает 5.000 душ, только два принадлежат к числу самостоятельных городских общин: Кредитон, на северо-западе от Экзетера, и Тивертон, на севере от этого города; Сент-Томас (Saint-Thomas-the-Apostle) есть не более, как предместье Экзетера.

Города и городские общины (townships) Корнваллиса и Девоншира, имеющие свыше 5.000 жителей (в 1891 г.):

Графство Корнваллис (Comwall).

Камборн—14.700 жит.; Труро—11.130 жит.; Редрут—10.324 жит.; Пензанс—12.430 жит.; Фальмут с округом—11.660 жит.; Сент-Айвз—6.445 жит.

Графство Девонское (Dewonshire).

Плимут—84.248 жит.; Девонпорт—54.803 жит.; Стонгауз—15.401 жит.; вместе—около 155.000 жит.; Экзетер—37.400 жит.; Торки—24.760 жит.; Барнстепль—13.060 жит.; Тивертон—10.890 жит.; Тависток—6.915 жит.; Байдфорд (mun. borough)—7.900 жит.; Тенмут—8.290 жит.; Бриксгам (township)—6.224 жит.; Ньютон-Аббот—10.950 жит.; Кредитон—4.207 жит.; Эксмут—8.097 жит.; Дартмут—6.025 жит.; Сент-Томас—8.240 жит.

IV. Бассейн реки Северн и Бристольский залив

Шроп, или Салоп, Ворсестер, Варвик, Гертфорд, Глостер, Сомерсет

Бассейн Северна принадлежит, в своей верхней области, к территории княжества Валлийского; но едва став судоходною для мелких судов, река эта вступает в пределы собственно Англии и, постепенно изгибаясь к югу, орошает слегка наклонные равнины, над которыми господствуют в некотором расстоянии от берега холмы и крутые скаты плоской возвышенности. В своей совокупности шесть английских графств, границы которых приблизительно совпадают с границами бассейнов Северна, Авона и других рек, впадающих в Бристольский залив, представляют одну из тех областей Англии, где удобство сообщений, пологость скатов, плодородие почвы, прелесть и разнообразие пейзажей должны были особенно привлекать и удерживать население. Общее пространство этих шести провинций 17.197 квад. километров, а население их (в 1891 году) 2.759.617 душ, что составляет, в среднем выводе, 160 жителей на каждый квадратный километр.

Однако, некоторые возвышенности бассейна реки Северн, даже вне пределов княжества Валлийского, носят название «гор» и «горных цепей». В непосредственном соседстве с валлийской границей, группа высот, которую огибает на севере долина Северна, поднимается более, чем на полкилометра: это Лонгмайнд, гора очень скромная по виду в сравнении с Сноудоном и другими высокими вершинами Валлиса, но одна из знаменитейших в геологической истории Англии, ибо эта маленькая группа силурийских скал есть, может быть, фундаментальный камень всего острова, центральное ядро, вокруг которого отложились с течением времени все другие пласты и формации Великобритании[1]. Гора Лонгмайнд и окружающие ее холмы соединяются с горными цепями Валлиса посредством побочных кряжей или отрогов; один из этих кряжей, перерезываемый Северном, замечателен своею живописною вершиною, называемою Реккин и возвышающейся на востоке от этой реки. Небольшая цепь Кли-Гильз (Clee-Hills), немного более возвышенная, чем Лонгмайнд, тянется с севера на юг,

1 Roderick Murchison, „Siluria, the History of the oldest rocks“.

к западу от Северна и параллельно его течению, продолжаясь далее другими, менее высокими грядами. Одна из этих гряд, Мальверн Гильз, славится своими живописными косогорами и холмами, чистотою воздуха, прелестью своих рощ, долин, журчащих ручьев; она усеяна виллами и отелями, тогда как её продолжение в южном направлении, группа высот, известная под именем Дин-Форест (Dean Forest или Forest of Dean), представляет область фабрик и заводов, перерезанную по всем направлениям каменноугольными копями и залежами железной руды, которая здесь содержит до двух третей чистого металла. На востоке от Северна почва также поднимается кое-где в виде крутых кряжей и холмов; главная цепь в этой местности—холмы Котсвольдс, которые тянутся с северо-востока на юго-запад, вдоль прибрежных равнин нижнего течения Северна, и которые получили это название от своих многочисленных cots или пастушьих хижин; в свою очередь, они сообщили свое имя одной из наиболее ценимых пород овец; оолитовые скалы цепи Котсвольдс покрыты короткою, сочною травой, от которой и зависят превосходные качества этой овечьей породы. Эта цепь оканчивается на севере от реки Авон и от города Ват, который она окружает живописным амфитеатром холмов; даже на южной стороне Авона возвышается уединенная горка, принадлежащая к той же формации. Скалы окрестностей Бата приобрели известность в палеонтологии своими многочисленными ископаемыми остатками допотопных животных: между прочим, там были найдены исполинские кальмары (чернильницы), из которых некоторые имели еще чернильные мешки, так что живописцы могли пользоваться этой ископаемою каракатицею для акварельных рисунков.

Около своего выхода долина Северна съуживается между отрогами Валлийских гор и цепью холмов Котсвольдс, тогда как далее, на севере, равнины занимают значительное пространство: совокупность бассейна этой реки и её притока Авона, состоящая из триасовых формаций, имеет форму треугольника, вершина которого обращена к югу. В предъидущую геологическую эпоху скалы из каменноугольного известняка, от которых теперь остались только холмы Мендип-Гильз, соединяли морской берег Сомерсета с горами Валлиса. Три параллельные мыса, составлявшие некогда часть этой соединительной цепи, выдвигаются за линию берега, которая образована горными породами, легче разрушающимися, а на Валлийском прибрежье другой мыс, состоящий также из каменноугольного известняка, выступает им на встречу: укрепленные островки с полу-английскими, полу-датскими названиями, Флет-гольм, Стип-гольм (Flat-holm, Steep-holm, то-есть «плоский остров», «остров с крутыми берегами») и многочисленные, скрытые под водой, банки соединяют два уцелевшие куска цепи через лиман реки Северн: эта гряда островков и подводных камней составляет естественную раздельную линию между Бристольским заливом и лиманом в собственном смысле. Приводим высоту холмов бассейна Северна, выраженную в метрах:

Лонгмайнд—510 м.; Роккин—402 м; Кли-Гильз—550 м.; Мальверн-Гильз или Вустершир-Бикон—395 м.; Дин-Форест—275 м.; Клив-Гиль (Котсвольдс)—345 м.; Блек-Даун (Мендип-Гильз)—325 м.; Стип-Гольм—73 м.

В сравнении с большими реками континента Европы, Северн представляется незначительным потоком. Количество дождевой воды, выпадающей в его бассейне, которое составляет, в продолжение года, слой вышиною около трех четвертей метра, было бы достаточно для питания большой реки, катящей 300 кубич. метров в секунду, если бы весьма значительная часть, может быть, половина, этой жидкой массы не расходовалась на питание растений и животных, не терялась в глубоких трещинах почвы, или не испарялась в воздух. Только при помощи искусственных сооружений удалось превратить Северн до Вустера в ряд шлюзованных бассейнов, где глубина воды никогда не бывает менее 2 метров 40 сантиметров. Многие называют реки Уай, Уск, Бристольский Авон притоками Северна; но в действительности это независимые реки, изливающиеся непосредственно в лиман и усиливаемые приливною волной, которая поднимается далеко вверх по их руслу. Вот числовые данные, показывающие величину этих четырех рек и их бассейнов:

	Длина течения, клм	Площадь бассейна, кв. клм.	Вероятный средний расход в секунду, кб. мтр	Наибольший расход в период разлива, кб. мтр
Северн	286	12.530	150	338
Уай	195	7.434	60	(?)
Уск	112	1.545	22	(?)
Авон	105	2.566	30	(?)

Нигде в Европе морской прилив не достигает такой огромной высоты, как в Бристольском заливе: это объясняется тем, что в действительности он состоит здесь из трех приливов, которые в одно и то же время вступают в этот залив и сливаются в один исполинский вал. Одна из этих приливных волн, идущая прямо из Атлантического океана, движется вдоль берега, начиная от мыса Лендсэнд; другая, отраженная от берегов Ирландии, проникает в лиман Северна через середину залива; наконец, третья волна, распространяясь из северной части Ирландского моря, встречает предъидущую на широте мыса Сент-Давид и соединяется с нею, удвоивая её высоту. Эта громадная жидкая масса, почти всегда красная и мутная, вследствие размывания водами береговых скал, поднимает уровень Бристольского залива на 12 или 13 метров над горизонтом низкого стояния моря; во время больших приливов, в период новолуния и полнолуния, разность высот прилива и отлива превышает 18 метров в Чипстау, на устье реки Уай[1]. В часы отлива лиман Северна, где проходит отливная волна, усиленная речными водами, принимает вид настоящей реки; в иных местах поток имеет не более 200 или 300 метров расстояния от берега до берега. Некоторые из окаймляющих его мелей имеют твердые берега, хорошо ограниченные, которые волны моря гложут так же, как и берег материка; между устьем реки Уай и устьем Авона скалы даже образуют ложе, по которому вытекают воды отлива. Этими скалами воспользовались для того, чтобы утвердить на них столбы и сваи жете, проведенных от обоих берегов и выдвинутых далеко в лиман; построенные там железные дороги, соединенные ныне паровым паромом, без сомнения, будут рано или поздно соединяться посредством путевода в 2.700 километров длиною. На широте валлийского берега песчаная и тинистая мель, известная под именем Welsh Grounds (Валлийская мель) и усеянная кое-где лужами стоячей воды, тянется на пространстве 30 квад. километров слишком; точно также вдоль берегов собственно Англии расстилаются необозримые песчаные равнины. Большие суда, которые не воспользовались часом прилива, чтобы войти в гавани и стать в доки, должны бросать якорь в глубоких рвах фарватера, потому что песчаные мели во многих местах затрудняют проход, и даже устья рек Уай и Авон иногда бывают совершенно заперты во время отлива. Что касается маленьких рыболовных шлюпок, то они ожидают наступления прилива на песках, где быстрая убыль воды заставила их остановиться. Матросы видят белеющий вдали гребень волн, несущихся с открытого моря; они явственно слышат голос океана, вступающего в залив; еще немного—и река, катившая свои воды в лиман, вдруг останавливается и начинает течь в обратном направлении; берега съуживаются все более и более; набегающие волны уже доходят до самого судна, они роют песок у него под килем, приподнимают шлюпку последовательными толчками и, наконец, сдвигают ее с мели: кормчий хватается за руль, и судно опять плывет по морю в том самом месте, где за несколько минут перед тем расстилалась голая песчаная равнина. Выше лимана, в съуженном ложе реки, морской прилив, замедляемый неровностями дна и узким каналом речного русла, сопровождается так называемым маскаретом (mascaret), подобным «баре» (la barre) в устье Сены и состоящим в том, что на реке вдруг образуется огромная волна, быстро движущаяся в виде водопада и сопровождаемая рядом других волн, ударяющихся с страшной силой друг о друга: англичане называют это явление бором (bore). Во время больших приливов в период новолуния и полнолуния волны маскарета, распространяющиеся в Северне до Глостера, имеют не менее метра или полутора метра высоты, и их внезапный удар может потопить мелкие суда. Прибрежные жители извещают друг друга сигнальным криком «Flood O! Flood O!» (прилив!), передаваемым с одной стрелки на дру-

1 Kinahan, „Quarterly Journal of Geological Society", 1 feb. 1877.

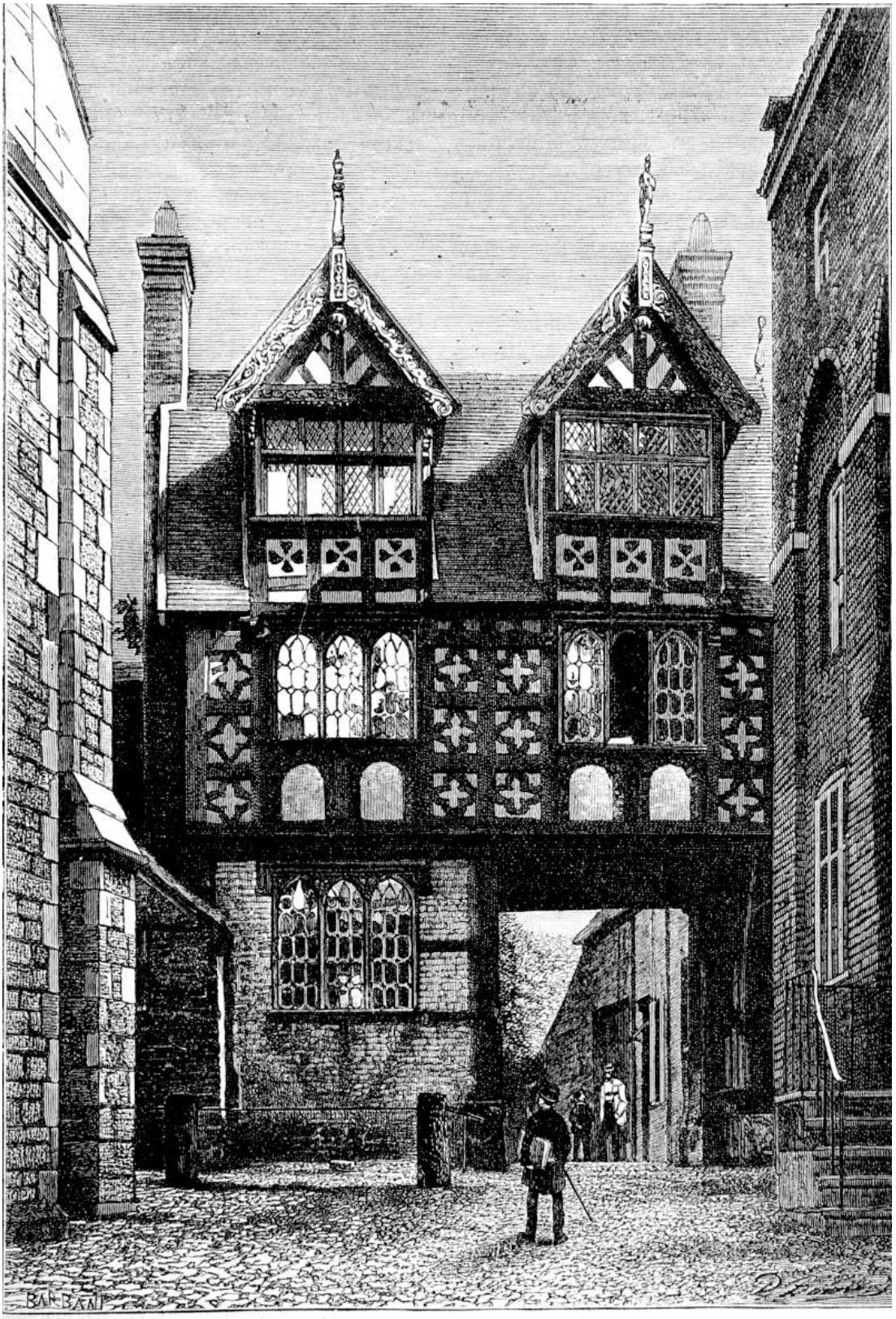
гую, и лодочники приготовляются к принятию удара. Эти внезапные волны, часто гонимые к тому же бурным ветром, очень опасны для берегов, так что принуждены были укрепить берега, построив вдоль их так называемые Seawalls, огромные плотины, которые тянутся, на пространстве нескольких верст, от одного мыса до другого.

Бассейн реки Северн есть одна из тех областей Великобритании, которые по своему положению должны иметь особенно-важное торговое значение, так как он соприкасается своими пределами, с одной стороны, с каменноугольными округами княжества Валлийского, с другой—с металлоносными местностями Корнваллийского полуострова, тогда как восточные его притоки переплетаются, в самом центре Англии, с притоками Трента и Темзы. Но главная выгода страны та, что она обладает обширным заливом (Бристольским), занимающим столь благоприятное положение для международной торговли с землями, лежащими по другую сторону Атлантического океана, и составляющим, как раз под тою же широтой, географический pendant лимана Темзы. На линии, проведенной от Лондона до Бристоля, Англия как будто разрезана двумя заливами, глубоко вдающимися внутрь твердой земли; достаточно бросить взгляд на карту, чтобы придти к заключению, что два важнейшие коммерческие пункта нации должны занимать именно оконечности этого разреза: с одной стороны, город, обращенный к Европе, который ведет торговлю с соседними народами; с другой—порт, стоящий лицом к Новому Свету. И действительно, Бристоль долгое время был главным рынком внешней торговли Англии. Однако, этот город должен был уступить первенство Ливерпулю, географическое положение которого представляет, правда, меньшия выгоды сравнительно с положением Бристоля, но который зато сделался портом первоклассной промышленной области, обогащаемой своими копями, соляными и каменноугольными, своими железными рудниками и в особенности фабриками и заводами всякого рода.

Шрузбери (Shrewsbery), первый сколько-нибудь значительный город, через который протекает Северн, по выходе его из пределов Валлиса, был прежде крепостью, и занимаемый им высокий полуостров на повороте реки был сильно укреплен каменными стенами и нормандским замком, от которых до сей поры сохранились остатки внушающего вида; ни один из старинных городов Англии не может похвалиться более обширными или богаче украшенными домами в стиле Возрождения. Шрузбери, родина Дарвина, есть древний Пенгверн валлийцев; в настоящее время это главный и, вместе с тем, самый значительный город графства Шроп или Салоп; он унаследовал роль, которую играл во времена римлян Уриконium или Вироконium, ныне деревня Рокчестер; большая часть предметов, найденных при раскопках, произведенных на месте этого римского города, хранится в шрюзберийском музее. Занимая выгодное положение у подошвы горы Реккин (Wreckin), от которой, может быть, произошло его название, при слиянии рек Северна и Тамара и при бифуркации больших римских дорог, Уриконium (Uriconium) был одним из главных городов Британии: стены его, общее протяжение которых равнялось 5 километрам, заключали пространство вдвое большее того, какое занимал тогдашний Лондон (Londinium); там до сих пор видны следы форума, театра и амфитеатра[1]. Северная часть Шропшира, где находятся городки Освестри, Эллесмус, Уитчорч, менее населена, нежели окрестности Шрузбери; но самые многолюдные местности лежат ниже по течению Северна, который пересекает горный округ Кольбрукдэль, где живут массы рабочего люда, извлекающего из почвы железо и каменный уголь и перерабатывающего руду на огромных плавильных и чугуннолитейных заводах. Производство рудников Кольбрукдэльского округа в 1870 году дало следующие результаты: каменного угля было добыто 1.343.000, а железной руды 374.443 тонны. Здесь сгруппированы промышленные города: Веллингтон, Шифналь, Медли, Доли-Магна, Венлок и другие; но весьма вероятно, что эти города придут в упадок так же быстро, как они выросли. Вся западная часть каменноугольного бассейна уже истощена и не разработывается более, так что теперь на обширных пространствах видны только покинутые заводы, копи и груды шлаков и обломков,

1 Thomas Wright, „Uriconium";—„The Celt, the Roman and the Saxon".

которые мало-по-малу покрываются слоем земли; рано или поздно дерн и кустарник придадут им такой же вид, какой имеют горки естественного образования. Через несколько лет все слои старого бассейна, которых теперь остается не больше трети, будут окончательно разра-



Домъ XVI вѣка въ Шрузбери.

ботаны, и промышленники принуждены будут переселиться на восток, где пласты каменного угля продолжаются под горными породами пермской формации и под новым красным песчаником[1]. Недалеко от кольбрукдэльских заводов в 1779 году через Северн был проведен

1 Edward Hull, „The Coal-Fields of Great Britain".

железный мост, первый в свете по времени постройки; этот мост существует и до сих пор: он состоит из одной арки, имеющей около 35 метров в пролете и перекинутой с одного на другой берег реки, которая в этом месте представляет еще скромный поток.

На юге от этого мануфактурного округа р. Северн встречает старинный и живописный город Бриджнорт, который она делит на две равные части. С этой стороны Бриджнорт,—последний город Шропшира; но на западе от цепи холмов Кли-Гильс маленькая речка Тим, приток реки Уай, проходит у подножия городка Ледло (Ludlow) и скалы, на которой высится замок того же имени, одна из обширнейших и наилучше сохранившихся средневековых крепостей, какие еще существуют в современной Англии. В силурийских горных породах, на которых стоит Ледловский замок (Ludlow Castle), были открыты первые следы земных растений и рыб: с той поры городок этот сделался одним из святых мест для английских геологов.

Значительнейшие города Шропшира: Шрузбери (munic. borough)—26.967 жителей; Венлок (munic. borough)—15.703; Шифналь (township)—6.516; Уитчорч (township)—6.400; Доли-Магна (township)—7.000; Медли (township)—8.177; Освестри (munic. borough)—8.496; Веллингтон (local board)—5.910; Эллисмир (township)—5.780; Бриджнорт (mun. borough)—5.723; Ледло (municipal borough)—4.460 жителей.

Самый большой город графства Ворсестер, Додли (Dudley), лежит вне бассейна р. Северн, в округе графства Стаффордшир, и, так же, как город Ольдбери, составляет в действительности часть огромной промышленной аггломерации Бирмингема и Вольвергамптона. Но и графство Ворсестер заключает несколько важных мануфактурных городов, между прочим: Киддерминстер, лежащий на реке Стер, маленьком восточном притоке Северна; фабрики этого города рассылают по всему свету выделываемый ими трип и ковровый товар всякого рода, представляющий труд многих тысяч рабочих. Кроме того, в Киддерминстере есть шерстопрядильные фабрики, металлургические заводы, строительные мастерские. Город Стербриж (Stourbridge), лежащий в соседстве с каменноугольными копями Стаффордшира, занимается преимущественно стеклянным и кирпичным производством. Обширная торговля тяжелыми товарами производится по каналу реки Стер, который оканчивается у города Стерпорт, построенного при впадении этой реки в Северн. На востоке, в области холмов, отделяющих бассейн Северна от бассейна Трента, находим городские общины Реддич, Бромсгров, Бальсаль, Кингс-Нортон, которые принадлежат уже к промышленному кругу притяжения Бирмингема, и жители которых занимаются главным образом фабрикациею иголок, булавок, гвоздей. По словам Миллера[1], тяжелый заводский труд не уменьшил природной красоты расы, очень замечательной особенно у женщин этого края, тогда как в области холмов Мальверн-Гильз, где воздух такой здоровый, население, вообще говоря, довольно некрасиво.

Ворсестер, или Вустер (Worcester), главный город графства того же имени, есть вместе с тем и самый значительный из его городов, после Додли. Это древняя римская станция или военный пост, как показывает слово castra (по-латыни «лагерь»), измененное в cester, которым оканчивается его название; музей его, помещающийся в ограде одного старого замка, заключает прекрасную коллекцию глиняной посуды и других предметов римской эпохи. В средние века Вустер был довольно важным городом; во время пуританской революции, в 1651 году, Кромвель одержал здесь решительную победу над роялистами. В кафедральном соборе, часть которого была построена еще в тринадцатом столетии, можно видеть великолепную резьбу на камне и на дереве, а также многочисленные надгробные памятники. Город лишился своей мануфактурной промышленности (ковры и шерстяные материи), которою завладел Киддерминстер; но он и теперь фабрикует уксус, перчатки, а фарфоровые его изделия пользуются обширною известностью, так что Вустер можно назвать английским Севром. Вместе с тем это один из центров комфорта, увеселений, изящного общества, один из городов, куда приезжают на житье богатые семейства из всех частей Англии. В соседстве с Ву-

1 Hugh Miller, „First impression of England and its people“.

стером, на склонах цепи холмов Мальверн-Гильз, на одном из которых стоит древний лагерь, вполне сохранившийся, находятся минеральные воды, славящиеся на всю Великобританию, как-то: Большой Мальверн, Западный Мальверн, Мальверн-Линк; нигде, на всем пространстве Британских островов, гидротерапия не практикуется с большим успехом, чем в этой местности. Минеральные источники, которым Мальверн обязан своею славой, слегка сернисты, тогда как на востоке от Вустера, недалеко от Кленса, существует соляной ключ, который бьет из земли по средине городка Друатвич. До разработки залежей каменной соли, находящихся близ Честера, этот соляной фонтан имел весьма важное экономическое значение.

Река Авон, восточный приток Северна, берет начало в местности, лежащей ближе к Северному морю, нежели к Бристольскому заливу: она зарождается в Нортгамптоншире, недалеко от холма Нэзби, приобревшего известность в английской истории по нанесенному здесь в 1645 году роялистам поражению, и вскоре после того вступает в пределы графства Варвик, в котором она является главным потоком. Первый город, здания которого отражаются в водах этой реки, Ругби, прославившийся своею «грамматическою школой», которая была основана в половине шестнадцатого столетия и получила в ту эпоху в дар около четырех десятин земли в окрестностях Лондона; этот клочок земли, приносивший в то время только 8 ливров в год, теперь застроен домами, которые дают не менее 150.000 франков дохода. Школа, помещающаяся в обширном готическом здании с пристройками новейшего времени, была преобразована в нынешнем столетии доктором Арнольдом, который с успехом ввел в ней разные улучшения; в наши дни это учебное заведение насчитывает у себя около пяти сот воспитанников. Западнее, на возвышенности, господствующей над маленьким боковым притоком Авона, расположен более важный город, имя которого, Ковентри, напоминает еще большой монастырь, вокруг которого сгруппировались его первые дома: в старину это было место религиозных празднеств и процессий, и связанные с ним легенды и народные поговорки свидетельствуют о славе, которою он пользовался во всей остальной Англии; его старая церковь Михаила Архангела принадлежит к замечательнейшим памятникам готической архитектуры, какие существуют в Великобритании. Ковентри в былые времена обогащался от своих суконных фабрик; затем, после отмены Нантского эдикта, переселившиеся сюда французские эмигранты принесли с собою две новые отрасли мануфактурной промышленности—ленточное и часовое производство, которые и до сей поры составляют главный источник коммерческого процветания этого города. Соседние городки, Фолесгиль, Бедворт, Нонитон, лежащие на севере, в том же речном бассейне, также принимают участие в фабрикации лент. После Бирмингема, который один заключает больше половины всего населения Варвикского графства, Ковентри—важнейший промышленный центр этого края. Знаменитая писательница Джордж Эллиот родилась близ Нонитона, в 1819 г.

Город Варвик (Warwick), давший свое имя всему графству, построен на берегу Авона, почти в центре той части Англии, северную границу которой составляет река Гумбер. Он играл довольно важную роль в истории английского народа. Здесь, на высокой скале, омываемой волнами Авона, высится известный варвикский замок, «возводивший королей на царство»; мало найдется средневековых зданий, которые бы имели такой величественный вид и такие обширные размеры, как этот громадный памятник. Варвикский замок, до сих пор еще обитаемый и даже увеличенный новыми роскошными пристройками, заключает в своих аппартаментах прекрасные коллекции оружия, драгоценных картин в особенности портретов, и знаменитую римскую вазу, найденную в вилле императора Адриана и известную теперь под именем «варвикской». Этот пышный дворец окружен садами и великолепным парком, среди которого извивается серебристою лентой река Авон. С высоты его башен можно разглядеть вдали развалины другого замка, Кенильвортского, в котором некогда давались такия блестящие пиршества, и где совершилось столько трагических сцен. Руины Кенильворта, частию реставрированные и заключающие драгоценные остатки произведений искусства эпохи Возрождения, составляют одну из самых любимых целей прогулки для иногородних посетителей, которые массами приезжают со всех концов Англии в Лимингтон-

Прайорс или Лимингтон-Спа. Этот город минеральных вод и увеселений, бывший еще в 1811 году деревней с какими-нибудь 500 жителями, теперь вдвое многолюднее своего соседа, Варвика, от которого он отделен лишь рекою Авон и её притоком Лим, и на встречу которому уже выдвигаются новые аллеи, обставленные домами. Серные и железные источники привлекают в Лимингтон многочисленную толпу больных и здоровых посетителей, и город умеет надолго удерживать этих гостей балами, собраниями, концертами, так же, как и более серьезными учреждениями: школами, музеями, библиотеками. Впрочем, с этою областью связано так много воспоминаний, исторических и литературных, что она сделалась для англичан как-бы святою землей. Первый город, через который протекает Авон ниже Варвика

Домъ Шекспира.

и Лимингтона,—Стратфорд, место рождения Шекспира. Дом, где жил, может быть, и родился поэт, существует еще, и мало найдется памятников старины, которые бы пользовались таким благоговейным почитанием, как эта убогая лачуга, превращенная теперь в музей: последний потомок рода Шекспиров был выгнан из этого жилища в начале нынешнего столетия по причине крайней бедности[1]. Невдалеке от этого исторического дома, в новейшее время, на средства, собранные поклонниками Шекспира, построен национальный театр, где играют его пьесы, и в котором находится библиотека сочинений и галлерея предметов искусства, относящихся к великому поэту и его творениям. В окрестностях, где на каждом шагу встречаешь местности и деревни, упоминаемые Шекспиром в его драмах и балладах, можно еще видеть кое-какие остатки лесов, куда он в молодости ходил тайком охотиться на чужой земле.

Река Авон, уже судоходная у Стратфорда, немного ниже этого города покидает территорию графства Варвик; затем, пройдя мимо городка Ивзгам (Evesham), где из зданий замечательна величественная башня древняго аббатства, некогда очень могущественного, она соединяется с Северном у города Тьюксбери (Tewkesbury), где тоже есть развалины обширных монастырских строений, которые теперь реставрируются. Оба эти городка были свидетелями решительных битв. В окрестностях Ивзгама существует источник, доныне носящий назва-

1 Charles Knight, „The Land we live in“.

ние «колодца битвы» (Battle Well) и указывающий место, где, по преданию, граф Симон де-Монфор, храбрый боец английского феодального порядка, пал, пораженный на смерть в знаменитой «сече» (murder) 1265 г. По словам легенды, этот ключ чудесным образом стал бить из земли рядом с поверженным телом убитого предводителя, и с той поры в течение столетий пилигримы приходили толпами к этому источнику, в надежде получить здесь исцеление от болезней и немощей. В расстоянии менее одного километра от Тьюксбери находится так называемый «окровавленный луг», где происходила, в 1471 году, последняя битва в войне Алой и Белой розы.

Значительнейшие города графств Ворсестер и Варвик, лежащие в бассейне реки Северн:

Ворсестершир:

Ворсестер (municipal borough)—34.000 жителей; Кингс-Нортон (township)—35.000; Киддерминстер (municipal borough)—24.800; Бальсаль (local board)—30.580; Стурбридж, или Стербридж (local board)—9.386; Кленс (township)—10.200; Бромсгров (local board)—7.930; Реддич (local board)—7.700 жителей.

Варвикшир:

Ковентри (county borough)—52.720 жителей; Лимингтон (local board)—26.930; Варвик (municipal borough)—12.000; Ругби (local board)—11.260; Нонитон (local board)—11.580; Стратфорд-на-Авоне (local board)—8.320; Фолесгиль (township)—8.000; Бедворт (township)—5.380 жителей.

На юге от Авона река Северн не получает более притоков, кроме простых ручьев: она уже приближается к морю, и приливная волна Атлантики, поднимаясь вверх по лиману, уже соединяется с речными водами. В этой части своего течения Северн омывает Глостер (Gloucester), главный город графства того же имени (Глостершира) и приморский порт, хотя он лежит на значительном расстоянии от океана. В этот порт могут приставать даже большие суда, вмещающие до 400 тонн груза; но чтобы избегнуть продолжительного плавания по многочисленным извилинам реки и резких перемен уровня воды, вследствие чередования прилива и отлива, суда принуждены подниматься по каналу, проведенному прямо из лимана в глостерские доки. Окруженный необыкновенно плодородными полями, город этот вывозит в большом количестве земледельческие продукты, а также произведения своей фабричной промышленности; он имеет, между прочим, большую фабрику вагонов. В соседнем городе, Страуде (Stroud), выделывается много сукон. Глостер сохранил от средневековой эпохи собор, строившийся в разные времена и в разных стилях, но, несмотря на то, представляющий в целом грандиозное здание; почти весь восточный фасад занят великолепно разрисованными стеклами, а орнаменты хор, сделанные около 1330 года, отличаются необыкновенно изящною работой.

Как Варвик был превзойден по важности своим соседом Лимингтоном, городом минеральных вод, так и Глостер должен был уступить первенство бывшей деревне Чельтенгаму (Cheltenham), которая далеко опередила его в отношении числа жителей и богатства. Эта деревня «Чельт», так же, как и Лимингтон, обязана своим благосостоянием минеральным источникам, её минеральные воды, содержащие в себе соду, были открыты в начале восемнадцатого столетия, и доктора стали посылать сюда больных; число посетителей вод увеличивалось с каждым годом, однако, в 1800 году население Чельтенгама еще не превышало 3.000 душ. Быстрое возрастание города начинается преимущественно с половины нынешнего столетия, и теперь его заведения минеральных вод, его отели, его здания для собраний и концертов—настоящие дворцы; ни один город с модными минеральными водами не может похвалиться большею роскошью и блеском. Но главное, что удерживает здесь многочисленную фешенебельную публику, которая толпится на улицах и в общественных садах Чельтенгама, —это здоровый климат и очаровательные, живописные долины между известковых скал, в окрестностях города. Из всех больших городов Англии Чельтенгам отличается наименьшею

смертностью.

Другие города графства Глостер находятся не в бассейне Северна, а в областях других независимых рек, впадающих непосредственно в Бристольский залив. Точно также города Герифордшира принадлежат к бассейну самостоятельной реки Вай или Уай (Wye). Впрочем, города эти не многочисленны, и только два из них, Герифорд и Леоминстер, имеют некоторую важность. Леоминстер, лежащий в гористой местности, важен, главным образом, как рынок для земледельческих произведений. Герифорд, занимающий очень выгодное географическое положение, близ того места, где река Уай переменяет восточное направление на южное, находится в точке встречи многих дорог, у исторических ворот, ведущих в княжество Валлийское: в настоящее время здесь сходятся пять рельсовых путей. Торговая деятельность этого города весьма значительна. Из зданий его замечателен кафедральный собор, один из великолепнейших храмов Англии, заключающий, между своими сокровищами, старинную, грубо сделанную стенную карту, которая считается одним из драгоценнейших географических памятников, завещанных нам эпохой средних веков. Эта карта, служившая некогда украшением одному из алтарей герифордского собора, представляет, довольно аляповато, известный в то время свет, с чудовищными расами людей, которыми воображение наших предков населяло отдаленные страны; интересно, что рисовальщик, раскрашивавший карту, не всегда находя в надлежащем месте достаточно пространства для помещения своих пояснительных картинок, не стеснялся и вклеивал их туда, где было просторнее, вследствие чего обезьяна очутилась в Норвегии, скорпион попал на берега Рейна, а зубр забрел в Прованс. Д'Авезак, которому мы обязаны тщательным изучением этой карты, полагает, что она была составлена в 1314 году, или, по крайней мере, между 1313 и 1320 годами[1].

Имя Герифорда приобрело известность не только в науке, но также и в истории искусств: в этом городе родился знаменитый комик Давид Гаррик, и здесь же актрисы Сиддонс и Кембль начали свою драматическую карьеру.

Города Герифордшира, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 г.):

Герифорд (municipal borough)—20.270 жит.: Леоминстер—5.675 жит.

На полуострове, который тянется на юг к лиману, между реками Уай и Северн, и который заперт на оконечности древним окопом, воздвигнутым, как полагают, римлянами, встречаются лишь местечки и городские общины с разбросанными домами, как например, Ньюланд, лежащий близ р. Уай; но под большими лесами, покрывавшими прежде эту территорию, были найдены залежи каменного угля и рудные месторождения, благодаря которым в крае появились обширные металлургические заводы: вся эта местность образует промышленный округ, известный под именем Форест-ов-Дин; железные дороги разветвляются здесь на множество побочных и соединительных путей, проведенных между фабриками, копями, рудниками и деревнями, населенными рабочим людом.

Бассейн Авона Бристольского, хотя и менее обширный, нежели бассейн Авона Варвикского и Авона Салисберийского, обнимает, однако, значительную часть графств Вильс, Глостер и Сомерсет. В верхней области этого бассейна, изобилующей древними могилами, надгробными камнями, укрепленными лагерями, по плоской возвышенности рассеяно несколько неважных городов, как-то: Чиппенгам, славящийся своими сырами; Кальн или Кон (Caln); Мальмесбери, где родились историк этого имени и философ Гоббес; Дивайзис (Devizes), Вастбери, Траубридж, Фром, имеющие суконные фабрики. Поток населения устремился к низовьям реки, где следуют один за другим два многолюдные города Бат и Бристоль, с их обширными предместьями.

Бат (Bath), главный город графства Сомерсет, расположен на пологих скатах холма, обращенного на полдень и огибаемаго извилиной реки Авон. На востоке, возвышенный холм, обрывисто обрезанный камнеломами, господствует над ущельем, из которого вырывается река, текущая далее по равнине: виллы, группы изящных загородных домов повсюду виднеются на высотах и в долинах: с первого взгляда узнаешь один из тех городов с модными ми-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", novem, et dec. 1861.

неральными водами, куда приезжает больше людей, путешествующих ради удовольствия, нежели действительных больных. Уже во времена римлян эти воды, носившие тогда название Aquae Sulis, пользовались известностью, и на многих из найденных здесь древних камней богиня Sulis, которую чтили также и в галльской Бретани, изображена рядом с Минервой[1]. Но от прежней славы Бата осталась только тень. В восемнадцатом столетии, один царь моды, некий мистер Наш умел привлекать в Бат, посредством разного рода увеселений, балов и игры, все фешенебельное общество Англии; теперь же построенные им роскошные здания имеют вид печали и запустения; блестящая публика не толпится уже под колоннадами этих великолепных памятников и на окружающих их площадях. Лимингтон, Чельтенгам, Мальверн и города на морском берегу заменили Бат, как центр притяжения богатых посетителей вод; в наши дни преимущественно буржуа, обладающие скромным достатком, избирают столицу Сомерсетшира своею резиденцией. Кроме пышных зданий прошлого столетия, Бат может с гордостью указать на прекрасную монастырскую церковь. Суконная промышленность, некогда очень процветавшая в этом крае, не существует более; точно также город получает теперь из Лондона почти всю писчую бумагу, носящую штемпель местных, т.е. батских, фабрик. Из сынов Бата более всех прославился мореплаватель Парри, который до исследований Маркгама и Локвуда проник наидалее по пути к северному полюсу. Знаменитый астроном Вильям Гершель, первый из своей династии, был долгое время музыкантом в Бате; там же он и начал свою карьеру ученого.

На западе от Бата река Авон протекает мимо большой городской общины Биттон, лежащей на правом её берегу, и вскоре затем развертывает свои извилины в Бристоле, одном из самых деятельных городов Англии. В четырнадцатом столетии этот город, по степени важности, почти не уступал столице государства: когда король Эдуард III сделал воззвание ко всем приморским городам страны о доставлении флота для осады Кале, на долю Бристоля пришлось поставить 24 корабля, тогда как Лондон должен был снарядить только одним кораблем больше. В эпоху больших морских экспедиций, следовавших за открытием Нового Света, этот порт на реке Авон был одним из главных исходных пунктов для судов, предпринимавших первое плавание к неведомым землям. Так, в 1497 г. из Бристоля отправился корабль «Матиас», на котором Себастиано Габотто, венецианец генуэзского происхождения[2], пристал к твердой земле Америки,—вероятно, к Лабрадору,—за четырнадцать месяцев до того дня, когда Христофор Колумб вступил на берег континента открытой им части света[3]. И в нынешнем столетии Бристоль опередил другие приморские города Европы в том отношении, что из его гавани отплыло первое паровое судно, отважившееся пуститься через океан к новому континенту: в 1838 г. пароход «Great Western», под командою капитана Госкена, вышел из устья Авона и благополучно достиг Нью-Йоркского порта. Однако, как мы сказали выше, Бристолю не суждено было воспользоваться важнейшими плодами его попыток: главным портом трансатлантического пароходства и местом снаряжения судов, идущих в Америку, сделался Ливерпуль. Впрочем, относительный упадок Бристоля начался гораздо ранее, лет сто слишком тому назад, и граждане его должны винить самих себя за успехи, которые делал их соперник, Ливерпуль, в ущерб их интересам. Обладая тираническими привилегиями, замаскированными, как это обыкновенно бывает, под именем «вольностей», они позволяли иногородным и иностранцам селиться в их городе не иначе, как в качестве людей низшего звания, пользующихся менее широкими правами, и заранее отнимали у них всякую возможность инициативы, подчиняя их многочисленным стеснительным формальностям. Таким-то образом утратились мало-по-малу значительные выгоды, даваемые Бристолю его исключительным географическим положением и приобретенные торговыми связями[4].

Несмотря на то, Бристоль все еще принадлежит к числу важнейших и наиболее посещае-

1 Ernest Desjardins, „Рукописные заметки".
2 D'Avezac, „Bulletin de la Societe de Geographie".
3 Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen".
4 Halley, „Atlas maritimus et commercialis".

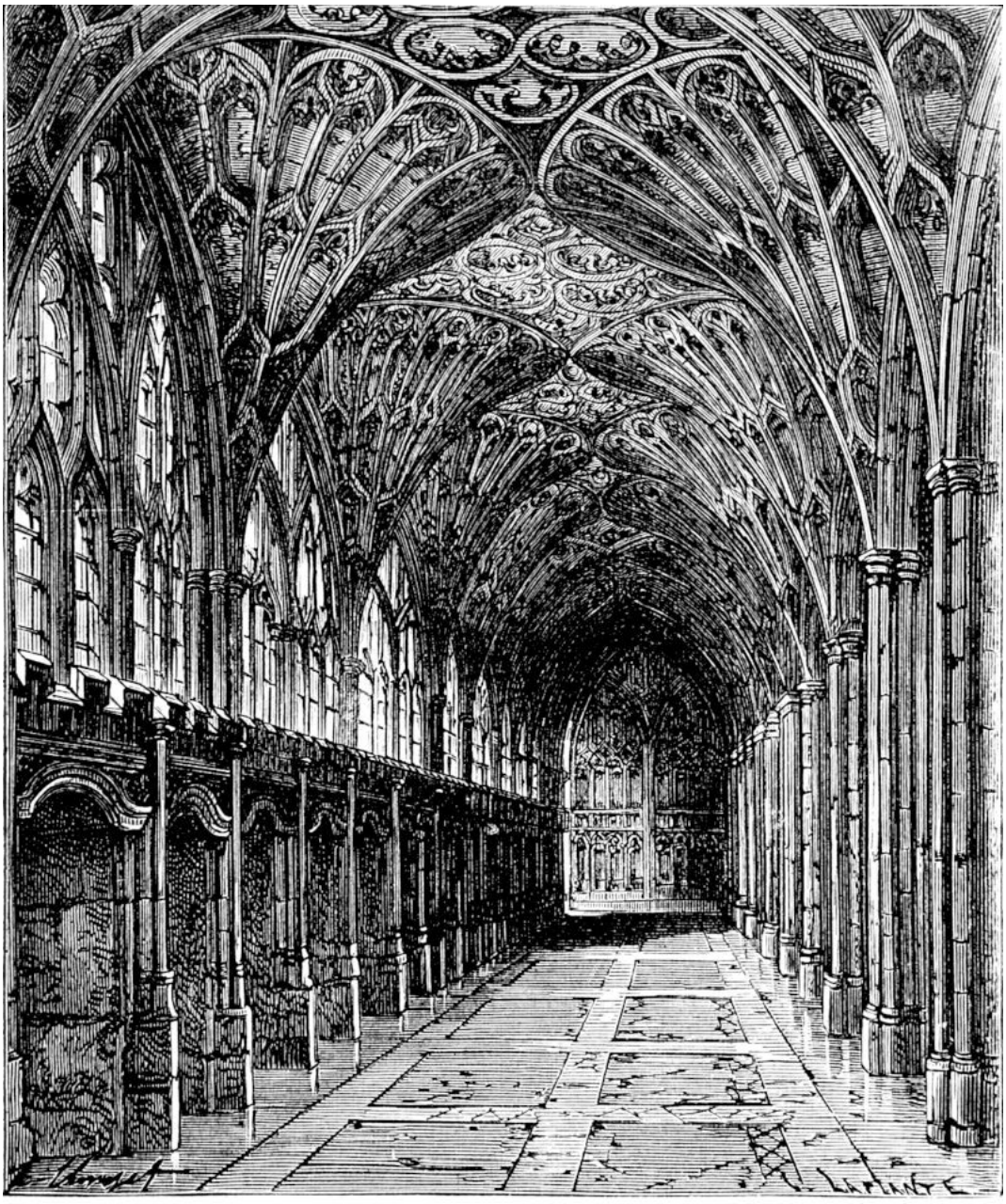
мых коммерческих портов Великобритании. Река Авон, усиливаемая приливною волною, повышающею уровень её вод на 6-10 метров, смотря по эпохе прилива, доступна для самых больших судов, которые могут подниматься по ней до самого города, где они находят пристанище в обширных доках, запираемых в часы отлива. В начале нынешнего столетия для Авона было выкопано новое русло на всем пространстве его прохождения через Бристоль, а старое ложе, расширенное и снабженное шлюзами, набережными, боковыми бассейнами, было превращено в гавань, так же, как и устье реки Фром, которая у самого подножия собора изливала свои воды в Авон. Бристольские доки тянутся извилистою линией на пространстве около пяти километров, но и они едва достаточны, чтобы вмещать всю массу судов, принимающих и отдающих грузы на набережных Бристоля. Движение судоходства в Бристольском порте в 1891 году представляло следующие цифры: прибыло 8.158 судов, вместимостью в 1.301.544 тон.; вышло 7.804 судна, вместимостью 1.296.393 тонны. Коммерческий флот Бристоля в том же году состоял из 177 морских судов, общая вместимость которых равнялась 39.346 тоннам. Обороты внешней торговли этого порта в 1891 г.: ввезено иностранных товаров на сумму 10.123.709, вывезено заграницу британских произведений на сумму 1.372.841 фунт. стерл. Главные предметы ввоза составляют строевой лес, привозимый преимущественно из Норвегии, разного рода хлебный товар, доставляемый из России, из дунайских стран, из Нового Света, и сахар тростниковый и свекловичный, получаемый из Бразилии, с о. Кубы, с Зондских островов и из Франции. Что касается отпускной торговли, то Бристоль вывозит в большом количестве произведения собственной промышленности: сахар-рафинад, бумажные материи, стекла, металлы в изделиях, машины, сигары, мыло, воск. Если этот торговый центр не может похвалиться первенством между английскими городами ни по какой отрасли промышленной деятельности, то он по крайней мере отличается разнообразием своих мануфактур. Под рекой Авон и частию её бассейна тянутся пласты каменного угля, не очень мощные, но дающие превосходное топливо, употребляемое на бристольских фабриках и верфях. Фабрикация сукон, введенная в Бристоле фламандскими ремесленниками в царствование Эдуарда III, перешла в другие места, преимущественно в Глостер.

Город в собственном смысле расположен к северу от Авона, то-есть на правом его берегу, принадлежащем к территории графства Глостер, в гористой местности, где, некоторые даже различают семь холмов, как в Риме; но он раскинулся далеко за черту своих прежних пределов. На юге, в графстве Сомерсет, он продолжается обширным предместьем Бедминстер; холм, отделяющий его от разростающейся общины Вестбери-на-Триме (Westbury-upon-Trym), усеян виллами и дачами; на западе он уже слился в один город с Клифтоном, который в прошлом столетии был маленькою деревней, куда бристольские негоцианты отправлялись отдыхать от своих трудов; теперь крутой холм, на котором были рассеяны отдельно стоявшие загородные дома, покрылся монументальными постройками. Вдоль Авона, который ниже Бристоля бежит в узком ущелье на протяжении почти 5 километров, тянется ряд палаццо и отелей, доминирующих над рекой с высоты береговых утесов; висячий мост об одном пролете перекинут через реку на высоте 75 метров над уровнем воды в часы отлива. Этот мост, эти загородные замки и дворцы, рассеянные в окрестностях рощи—составляют, вместе с кафедральным собором нормандского стиля, с готическою церковью св. Марии (Saint Mary Redcliffe) и с колокольнею св. Стефана, построенною в 1472 году, главные достопримечательности Бристоля. Так называемый философский институт и некоторые из замков, находящихся в окрестностях города, обладают ценными произведениями искусства, картинами и статуями. Бристоль замечателен как родина многих знаменитых людей, из которых назовем Вильяма Пенна, поэта Саути, живописца Томаса Лауренса, Чаттертона. Этот город оспаривает также у Венеции честь быть местом рождения упомянутого выше мореплавателя Себастиано Габотто.

Город Вестон Приморский или «Вестон-над-морем» (Weston-super Mare), станция морских ванн, особенно любимая жителями Бристоля, есть один из лучших, по местоположению, городов на всем прибрежье Англии: крутые, поросшие лесом, горы Ворль-Гиль защи-

щают его на севере от холодных ветров; плоский песчаный берег, около двух верст шириною, который тянется перед городом, бывает покрыт, при каждом приливе, водами моря; вдали, в западном направлении, виднеются два острова, Стип-гольм и Флет-гольм, и берега Валлиса, тогда как на востоке плодородные поля, ласкающие взор своею свежею, яркою зеленью, постепенно поднимаются к подошве холмов.

Вестон—единственный город Сомерсетшира, стоящий на берегу моря. В маленьком бассейне реки Бру, среди равнины, ограничиваемой с северной стороны цепью Мендип-Гильз, находятся городки Шептон-Маллет, Гластонбери, монастырь которого был некогда одним из



Внутренность Глостерскаго монастыря.

могущественнейших аббатств Англии, и старинное местечко Уэльз или Вельз, резиденция епископа, с кафедральным собором, украшенным прекрасными статуями. Город Иовиль (Yeovil), славящийся в торговле своими перчаточными фабриками, лежит еще на водоскате Бристольского залива, но в соседстве с водоразделом, образуемым холмами Дорсетшира. Веллингтон, от которого произошло имя знаменитого герцогского рода Веллингтонов, и Тонтон, промышленный город, известный в истории по кровавым ассизам Джефриза, свирепого судьи, посланного королем Иаковом II, находятся, так же, как Иовиль, в бассейне реки

Паррет, но недалеко от гористой области, разделяющей два моря. Что касается Бриджватера, лежащего при той же реке, то это настоящий приморский порт, и при том порт, ведущий обширную торговлю, благодаря приливу, который поднимается далеко вверх по руслу Паррета, позволяя большим судам, до 200 тонн вместимости, подходить к самому городу. Движение судоходства в этом порте в 1891 году: в приходе было 3.227 судов, имевших вместимость около 190.160 тонн. Собственный коммерческий флот Бриджватера в 1891 г. состоял из 103 судов, с общей вместимостью около 6.530 тонн. Аллювиальные глины р. Паррета служат материалом для выделки превосходных кирпичей, отправляемых отсюда во все места Англии под именем «батского кирпича».

Значительнейшие города и townships бассейна реки Северн, в графствах Глостер, Вильтс и Сомерсет.

Графство Глостер.

Бристоль (county borough)—221.665 жит.; Чельтенгам (local board)—42.914 жит.; Глостер (county borough)—39.444 жит.; Вестбери-на-Триме (township)—19.300 жит.; Биттон—11.660 жит.; Страуд (local board)—9.818 жит.; Тьюксбери (mun. borough)—5.270 жит.; Ньюленд (township)—5.090 жит.

Графство Вильтс.

Тробридж, или Траубридж (local board)—11.717 жит.; Мальмесбери (parliamentary borough)—2.964 жит.; Чиппенгам (mun. borough)—4.618 жит.; Дивайзиз (mun. borough).—6.426 жит.; Вестбери (mun.borough)—6.400 жит.

Графство Сомерсет.

Бат (county borough)—51.844 жит.; Тонтон (local board)—18.026 жит.; Бриджватер (mun. borough)—12.430 жит.; Вестон Приморский (local board)—12.880 жит.; Фром (local board)—9.613 жит.; Иовиль (mun. borough)—8.480 жит.; Шептон Маллет (township)—5.500 жит.; Веллингтон (local board)—6.360 жит.

V. Водоскат Ламанша

Дорсетшир, Вильтс, Гантс или Гампшир (Саутгамптон), Суссекс

На востоке от полуострова Корнваллийского, водоскат Ламанша обнимает довольно широкий пояс территории только у основания водораздельного хребта, где берут начало реки Темза, Авон Бристольский, Авон Салисберийский; в этой области часть Англии, воды которой текут к Ламаншу, имеет не менее 80 километров протяжения с севера на юг. Но на западе от бассейна южного Авона, водоскат, обращенный к Британскому каналу, мало-по-малу съуживается: мы находим здесь только маленькия речки, затем простые ручьи, и, наконец, в соседстве с Па-де-Кале, встречаются лишь овраги, где воды текут по поверхности почвы только после больших дождей. Однако эта область отличается некоторыми особенными, ей одной свойственными, чертами, которые объясняются её положением на полдень, недостатком судоходных вод и её геологическими формациями. Некоторые части южной Англии, по свойству своих горных пород, больше походят на Францию, от которой они отделены морем, чем на Великобританию, с которою теперь соединены их формации. Так, английские горы Вильд (Weald) и французские горы Булоне (Boulonnais), без сомнения, одна и та же горная цепь, разорванная надвое размывами моря. Общее пространство четырех названных графств 14.021 кв. километров, а население их, по переписи 1891 года,—1.700.057 душ, так что на каждый квадратный километр приходится средним числом по 121 жителю.

На востоке от Девоншира, возвышенности, образующие водораздельный хребет между Ламаншем и Бристольским заливом, продолжаются невысокими известковыми холмами, которым дают общее название Дорсетских высот (Dorset-Heights): ни одна из вершин не достигает 300 метров над уровнем моря. Утесы, возвышающиеся на морском берегу, имеют более величественный вид, благодаря крутизне их стен. Кроме того, они дали больше сокровищ геологам, которые могут на их отвесных скатах обозревать разом все последовательные, лежащие один на другом, пласты земной коры. Особенно замечательны каменоломни Ляйм-Реджис, как могилы ихтиозавров и других исполинских пресмыкающихся, живших в эпоху лейяса. Эти береговые скалы хорошо известны также и сельским хозяевам; находимые на них копролиты, или ископаемое гуано, содержат большое количество фосфорной кислоты и, вследствие того, составляют одно из самых сильных искусственных удобрений.

За лейясовыми скалами Ляйм-Реджиса следуют, в восточном направлении, оолитовые береговые утесы, оканчивающиеся в открытом море уединенным холмом Портленд-Билль. Этот величественный мыс, к югу от продолжающагося в море подводного плоскогорья, на котором сталкиваются очень опасные для судоходства приливные течения, есть один из полуостровов, соединяющихся с твердою землей замечательно правильным образом. Плоский песчаный берег, прилегающий к основанию утеса Бертон-Кестль, тянется, постепенно расширяясь, на юго-восток, не по прямой линии, но по кривой, слегка изогнутой, вогнутость которой обращена к открытому морю. Этот берег, известный под именем Чезиль-Банка, замаскировывает все неправильности внутреннего прибрежья: маленькия бухты, вырытые некогда волнами океана, превратились в лагуны или озера, затем были засыпаны, целиком или отчасти, обвалами скал и наносами ручьев; поток длиною около 16 километров отделяет плотину, идущую вдоль Дорсетширского прибрежья, и выливает излишек своих вод прямо в Портлендский залив. Замечательная правильность берега, о котором здесь идет речь, состоит не только в поразительной отчетливости его формы, но также и в распределении материалов, из которых он образован. По направлению от запада к востоку поверхность берега постепенно, нечувствительными переходами, изменяет свой характер: за мелким песком следует сначала гравий, потом камешки, далее гальки, которые делаются все крупнее, по мере приближения к Портлендскому мысу. Рыболовы этого поморья говорят, что если им случится пристать в темную ночь к какому-нибудь пункту берега, то они тотчас же определят с точностью, по размерам покрывающих берег камней, место, где они находятся. Пески и каменные глыбы были, так сказать, рассортированы приливным течением, ударяющимся о морской берег: сила этого течения измеряется весом перенесенных им материалов[1].

«Остров» Портленд,—как обыкновенно называют этот мыс, несмотря на его полуостровную форму,—очень богат органическими остатками морского происхождения; между прочим, здесь можно видеть остатки, превратившиеся теперь в кремнезем, леса, который некогда рос на выступивших из-под воды оолитовых скалах. По всей вероятности, ни один из ископаемых остатков, содержащихся в формациях Портленда, не ускользнет от взоров человека, так как мало найдется скал, которые бы подвергались более деятельной разработке. Верхние слои употребляются на приготовление извести, а лежащие под ними пласты дают материал для постройки зданий; так, некоторые из главных архитектурных памятников Лондона построены из портландского камня. В новейшее время каменные глыбы, извлекаемые из портландских каменоломен, были употребляемы преимущественно на грандиозную работу, предпринятую у самого подножия этого холма или высокого мыса, на обведение плотиной рейда, который расстилается на северной стороне полуострова. Этот труд, проектированный еще в конце прошлого столетия, но начатый только в 1844 году, имел главною целью противопоставить французскому Шербургу английский Шербург, еще более могущественный. Громадный волноразбиватель, самый большой, какой только существует в свете, представляет массу, имеющую в объеме около 6 миллионов кубич. метров; он защищает от

1 Prestwich, „Institution of Civil Engineers“, febr. 2, 1875. Kinahan, „Quarterly Journal of geological Society“, febr. 1, 1877.

ветров залив, занимающий площадь в 2.690 гектаров, из которых 520 имеют, средним числом, слишком 9 метров глубины, где могут стоять на якоре, на превосходном глинистом дне, военные корабли самых больших размеров. Этот волноразбиватель, прерываемый входом в 120 метров шириною, через который проходят суда, когда дует северный ветер, состоит из двух частей—мола длиною около 575 метров, служащего местом прогулки для жителей полуострова, и островного жете длиною около 1.890 метров: этот каменный вал, имеющий 90 метров ширины при основании, омывается слоем воды в 18 метров толщиною. Обшитые броней форты, вооруженные всеми оборонительными снарядами, изобретенными в новейшее время, защищают оконечность огромной плотины и её южных ворот; кроме того, с высоты холма, сильная крепость Верн господствует над рейдом и всеми его подступами. Плотину и форты Портленда построили каторжные: таким образом, подобно многим исполинским сооружениям древнего Египта и Рима, эта колоссальная работа современной Англии была исполнена руками рабов. Расходы по устройству портлендской плотины простирались до 26.175.000 франков.

Если труд человека настолько могуч, что может изменять вид природы и разбивать силу моря у входа в заливы, то что значат эти эфемерные усилия в сравнении с медленным, но непрерывным разрушением, производимым атмосферными деятелями в течение длинных геологических периодов! На севере от острова Портланда и оолитовых скал морского прибрежья отложились меловые пласты, которые соединяются на северо-востоке с так называемою салисберийскою «равниной». Эта равнина в действительности есть меловое плато, поднимающееся там и сям в виде холмов с отлогими скатами и изрезанное на всей его окружности узкими и живописными долинами. Общий характер ландшафта этой плоской возвышенности отличается однообразием и спокойствием: можно подумать, что черты его остаются почти неизменными в течение веков, а между тем геологи находят там следы огромных пластов, которые были постепенно размыты водами и унесены в море. Обширные пространства меловых скал покрыты на поверхности слоями кремня более чем в метр толщиною, составляющими остаток мощных пластов, известковая часть которых вся исчезла от разрушительного действия вод[1]. В других местах почва усеяна большими каменными глыбами, обломками эоценовых холмов, которые были мало-по-малу стерты с лица земли длинным процессом размывания: эти рассеянные глыбы обыкновенно называют grey wethers или «серыми баранами», по причине их цвета и их вида, когда смотришь на них издали; но им дают также название, совершенно неверное, «друидических» камней, потому только, что материалом для постройки стонегенских мегалитов служили точно такия же каменные глыбы. Около половины нынешнего столетия эти рассеянные по равнине камни и могильные памятники, воздвигнутые первобытными обитателями края, были, вдали от городов и селений, единственные предметы, составлявшие контраст с однообразною зеленью пастбищ. Теперь эта равнина, по которой прежде бродили только стада овец, везде завоевана плугом и превращена в культурные земли.

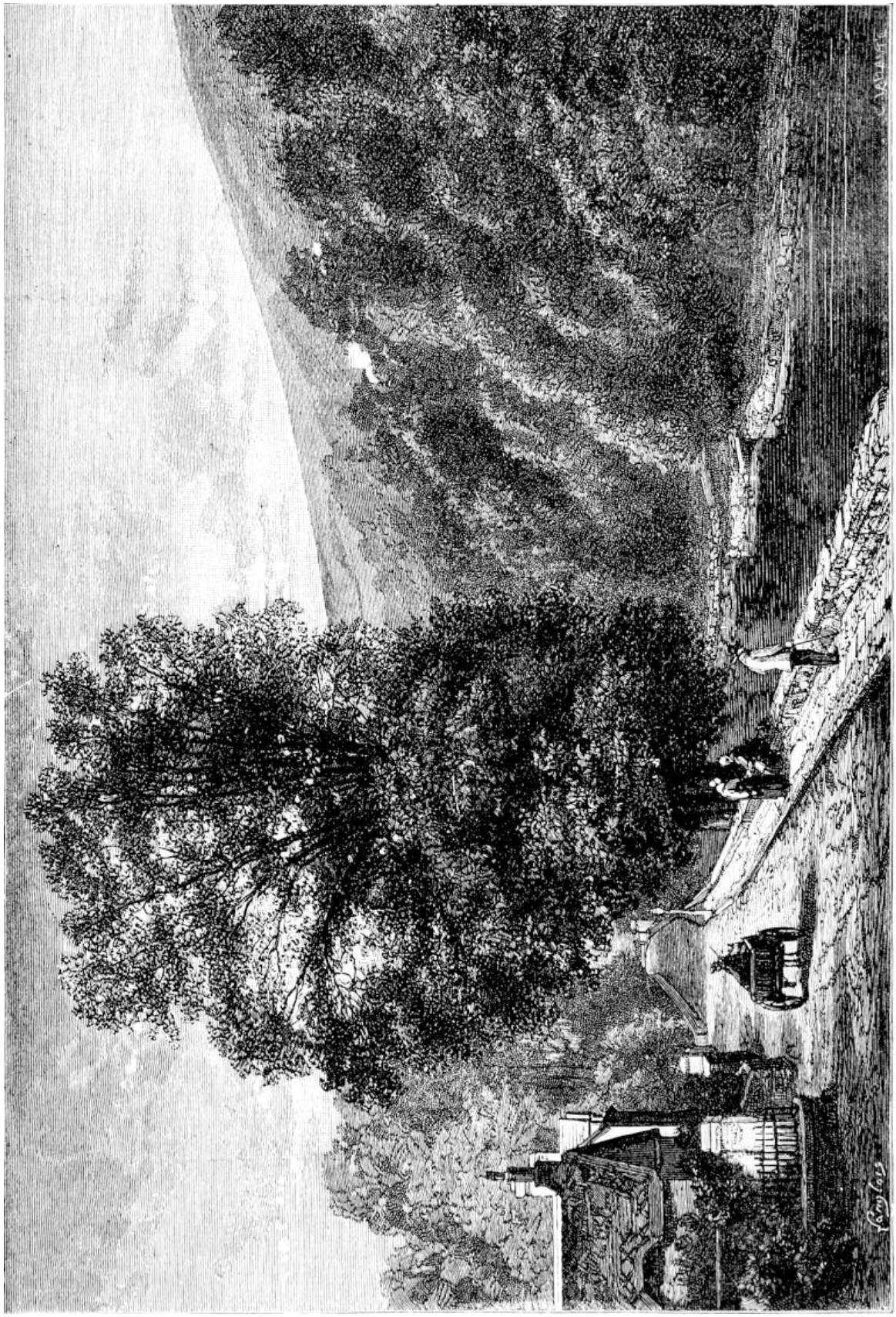
Пояс меловых скал, к которому принадлежит Салисберийская «равнина», граничит на севере с островом эоценовых формаций, окаймляющим прибрежье Ламанша на протяжении около 150 километров, и который прежде простирался на довольно большое расстояние за нынешнюю линию берегов. Остров Вайт или Уайт (Wight) некогда всею своею северною частью лежал в этой области эоценовых отложений. Старое кельтское название острова, Guith (Gwyth), означает, как говорят, «отделенный», и действительно, форма берегов ясно свидетельствует, что этот остров в отдаленную эпоху принадлежал к соседнему материку. Берега этого отделившагося куска остались почти параллельными краям соседнего английского прибрежья: на западе пролив Солент, на востоке пролив Спитгед идут между берегами, представляющими по обе стороны совершенно одинаковые и соответственные изгибы; можно сказать, что остров Вайт есть не что иное, как кусок Англии, передвинувшийся к югу. Но если эоценовые формации северной части острова исчезли, чтобы дать место водам, напол-

1 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“.

няющим нынешние проливы, то меловые скалы, образующие хребет острова и которые некогда были соединены на западе с Порбекскими холмами, энергически сопротивлялись разрушительному действию стихий. Во внутренней части Вайта эти скалы были размыты во многих частях проточными водами, так что открылись широкия ворота между холмами, похожими теперь на отрывки вала, в котором пробиты бреши; но крайния горные массы и ныне образуют выступы на двух углах, восточном и западном, большего четыреугольника, представляемого очертаниями острова; даже западный мыс, оканчивающийся почти вертикальною стеной в 136 метров высоты, продолжается в море островерхими скалами, так называемыми «иглами» (Needles), которые, выделяясь белыми точками на зеленоватом фоне моря, походят издали на флотилию парусных судов. Штормы и шквалы открытого моря, яростно нападающие на них, иногда отрывают там и сям глыбы камня: в 1764 году один из уединенных утесов, известный под именем «жены Лота», обрушился во время бури. Эти величественные скалы, соответствующие Порбекским утесам, имеющие почти островную форму и лежащие в 25 километрах к западу, интересны еще тем, что образ их, может быть, рисуется в воспоминаниях наибольшего числа путешественников, потому что, теряя их из виду, пассажиры тысяч судов, отправляющихся в далекия плавания, прощаются, вместе с тем, и вообще с Европою, исчезающею для них с этого момента под горизонтом. Южная часть острова Вайта есть одна из самых богатых областей Англии по обилию живописных местоположений. Высшая вершина, гора св. Екатерины (Saint Catherine's Beacon), стоит как раз на южном углу острова, откуда открывается обширный кругозор, простирающийся от Портлендского мыса (Portland Bill) до Бичи-Гед и обнимающий на юге почти всю ширину Ламанша, с его бесчисленными судами; иногда можно даже различить неопределенные очертания мысов французского полуострова Котантен. К востоку от угловой грани горы св. Екатерины, морской берег круто обрывается, но у подошвы его тянется довольно широкий пояс обвалившихся земель, образующий как бы огромный шпалер, длиною около 10 километров. Эта неровная полоса земли, известная под именем Ондерклиф, совершенно защищена от северных ветров, так что мирт, герань и другие нежные растения зимуют здесь под открытым небом; многочисленные селения, из которых важнейшее называется Вентнор, оживляют этот благодатный уголок, куда приезжает много больных, нуждающихся в более теплом климате, чем климат остальной Англии. Образование этих больших обвалов объясняется свойством почвы: основание береговых утесов состоит из песков и мергелей, легко выветривающихся и распадающихся; когда дождевая и ключевая вода частию размыла этот непрочный фундамент, верхняя скала обрушилась громадными кусками, и эти-то груды обломков составляют теперь косогоры Ондерклифа и защищают остров, как волноразбиватель, от нападений моря. Однако, обвалы все еще бывают от времени до времени: так, в 1799 году масса скалы, обнимавшая 40 гектаров песчаниковой почвы, вдруг опустилась, вместе со стоявшею на ней фермою; в 1810, в 1818 гг. обрушились другие утесы. Узкие овраги, или, вернее, промоины, сделанные водами в скале, известны в крае под именем chines. Прежде эти утесы и овраги были почти неприступны; теперь же устроенные во многих местах перила, лестницы, даже колесные дороги облегчают доступ к большей части из них любителям живописных пейзажей.

Остров Вайт, пространством вдвое меньший, нежели остров Энглези (площадь первого равна 37.606 гектарам), получил в новейшей истории Англии гораздо более важное значение. Он не соединен с твердою землей, как валлийский остров: большая ширина пролива, который в самом узком месте имеет 2.800 метров расстояния между берегами, и большая глубина воды, равная 22 метрам при входе в Солент, не позволили еще построить мост, который к тому же нужно было бы провести на очень большой высоте над поверхностью вод для того, чтобы дать проход судам с мачтами и парусами. Но, взамен того, пришли к мысли прорыть туннель в 5 километров длиною между островом и твердою землею, и уже сделаны предварительные работы в виду этого грандиозного предприятия. Впрочем, если пролив, отделяющий Вайт от Англии, нельзя еще перейти, как пролив Менэ (между Валлисом и Энглези), сухой ногой, по мосту, образуемому непрерывным рядом судов, то, тем не менее, су-

доходство там весьма деятельно. Пролив Солент-Спитгед образует огромный рейд, хорошо защищенный от большей части ветров, и на севере врезывается внутрь Гэмпшира длинным и глубоким лиманом, который сделался главным передовым портом Лондона на южном бе-



Видъ на островъ Вайтъ.

регу Англии. Этот лиман, называемый Соутгамптон-Ватер, представляет мореплавателям, так же как рейд Гавра, ту выгоду, что прилив в нем продолжительнее, чем в портах прибрежья. Приливная волна проникает в лиман сначала через пролив Солент, затем вскоре после

этого другая волна, обошедшая вокруг острова Вайта, вступает через Спитгедский рейд и поддерживает прилив, который уже начинал было уменьшаться: вследствие этого, море дольше остается на одинаковой высоте. Но не один только большой коммерческий порт пользуется превосходным прикрытием, представляемым островом Вайт: важнейший и наилучшим образом защищенный военный порт Великобритании, Портсмут, поместился при входе в пролив Спитгед, на землях некогда полузатопленных, которые лежат впереди действительного берега; со своих болотистых островков, на половину скрытых на юге за восточным мысом острова Вайт, Портсмут наблюдает за противулежащим берегом Франции.

Чрезвычайно важное экономическое значение, которое получила эта часть английского поморья, благодаря обширному рейду, глубокому лиману и портам, способствовало, вместе с живописным местоположением и приятным, теплым климатом, привлечению в этот край многочисленного населения и возникновению, как центров труда, городов, так и увеселительных загородных замков. Однако, весьма значительная часть пространства, заключающагося между Саутгамптонским лиманом и течением Салисберийского Авона, еще занята большими лесами, почти необитаемыми. Историки рассказывают, что это пространство в 26.000 гектаров (около 24.000 десятин), называемое ныне New Forest или «Новым лесом», было некогда обширным полем, где насчитывалось более двадцати деревень, содержавших многочисленное население, но Вильгельм Завоеватель, желая развести на этом месте парк, в котором можно было бы охотиться на вепря и оленя, прогнал жителей, разрушил их жилища и опустошил нивы. Но, по всей вероятности, разгром, о котором говорят летописцы, не имел большой важности, потому что почва этой местности, состоящая из гравия и глины, одна из самых неблагодарных, и, без сомнения, ее во все времена должны были оставлять почти целиком в необработанном состоянии. Восемьсот лет тому назад эта лесистая территория, быть может, содержала больше просек и человеческих жилищ или селений, чем сколько содержит в наши дни, но, принимая во внимание её мало плодородную почву, можно сомневаться, чтобы она когда-нибудь была культурною землей в настоящем значении этого слова[1].

На востоке от болотистых земель, где выстроился Портсмут, морской берег выступает в виде тупоугольного полуострова, затем мало-по-малу приближается к цепи меловых скал, известных под именем Саут-Даунс (южных плато). К востоку от Брайтона, прибрежные утесы опять подходят к самому морю, которое подтачивает их основание, и потом вдруг оканчиваются у высокого мыса Бичи-Гед. Цепь Саут-Даунс, покрытая короткою, сочною травой, которая кормит особенную породу овец, высоко ценимую овцеводами, представляет теперь только мирные, сельские сцены; но в старину она была театром непрестанных войн, судя по укреплениям, остатки которых до сих пор можно встретить на большей части высоких вершин и уединенных горок. Самый знаменитый из этих древних окопов, находящийся в непосредственном соседстве с Брайтоном,—так называемая «стена бедного человека» (Poor Man's Dyke), ограда около 2 километров в окружности, господствующая с трех сторон над обрывистыми пропастями. Совокупность этих укреплений прежде приписывалась адским силам и известна была под именем «Чертова вала» (Devil's Dyke).

Цепь Саут-Даунс образует, вместе с цепью Норт-Даунс (северным плато), ограничивающей на юге долину Темзы, большую полукруглую ограду, заключающую скалы более древнего образования, но также меловой эпохи, которые носят название Вильд (Weald) или «Лес» по преимуществу, хотя в наши дни эти скалы не имеют лесов, или, по крайней мере, представляют лишь разбросанные лески и группы деревьев; в эпоху нашествия норманнов большой лес Андред или Андредс покрывал еще сплошь всю область Вильда, но после того он был превращен в уголь для разработки железных рудников, ныне уже покинутых. Различные геологические слои этой страны, глинистые, песчаные, известковые, представляют, вероятно, то, чем были некогда дельта и болотистые лагуны большой реки, которая по массе своих вод равнялась нынешнему Гангу или Миссисипи. Наносы этой древней реки,

1 Ramsay, „The Physical Geography and Geology of Great Britain".

отвердевшие в виде горных пород, получили, в огромных количествах, остатки земных растений, сумчатых животных, пресмыкающихся сухопутных и земноводных, перемешанные с остатками рыб, черепах, пресноводных раковин: на юге от этой древней дельты, неподалеку от Льюиса, в горных породах Тильгет-Фореста, г-жа Мантель открыла первый известный скелет знаменитого травоядного пресмыкающагося игуанодона. Недавно в Вильде начато чисто-научное предприятие, имеющее целью исследование глубоких слоев, следующих один за другим до глубины 600 метров под поверхностью земли, при чем пласты триаса уже пройдены.

Цепь Норт-Даунс, ограничивающая область Вильда с северной и восточной сторон, оканчивается на берегу моря Фолькстонскими и Дуврскими утесами, и естественное продолжение её должно было бы примыкать к французским холмам, на востоке от пролива Па-де-Кале. Вся эта часть берегов Англии подтачивается морскими волнами и постоянно отступает внутрь страны. Во многих местах тропинка, идущая вдоль верхнего края береговых скал, вдруг прерывается на самом обрыве пропасти: меловая стена, по которой она проходила, обрушилась, и пешеходы мало-по-малу прокладывают новую дорожку в траве пастбищ. Особенно со стороны Па-де-Кале береговые утесы подвержены разрушительному действию морских вод. По словам Бит Джюкса, Шекспиров утес (Shakespeare's Cliff), возвышающийся подле Дувра с западной стороны, размыт почти на два километра в ширину, так же, как и соседния скалы, с той эпохи, когда Юлий Цезарь высадился со своими легионами на берега Британии: средневековые хроники содержат рассказы о громадных обвалах, от которых приходил в сотрясение город Дувр и дрожала земля во всем крае, на далеком расстоянии от моря. Чтобы спасти один из этих береговых утесов, под которым проходит железная дорога по подземной галлерее, принуждены были прикрыть его со стороны моря исполинским волноразбивателем, взорвав для этой цели верхние слои скалы. После взрыва, масса камня, исчисляемая в миллион тонн, обрушилась в море и образовала там мель пространством в 7 или 8 гектаров, о которую теперь и разбивается сила волн.

Разрушая постепенно береговые утесы Дувра и Гастингса, морские воды в то же самое время совершают обратную геологическую работу между этими двумя скалистыми берегами. Болотистая равнина треугольной формы выступает за линию скалистого берега области Вильд и оканчивается в море мысом Донгенес. Едва-ли где-нибудь можно встретить более поразительный пример влияния морских приливов на форму берегов. Если бы Ламанш и Северное море не сообщались между собою через пролив Па-де-Кале,—эта низменная равнина, называемая Ромни-Марш, по имени одного соседнего местечка, никогда бы не образовалась: она обязана своим происхождением единственно остановке приливного течения, идущего непосредственно из Атлантического океана, и которое встречает, всегда в один и тот же час, другую приливную волну, распространяющуюся из Северного моря. Кремнистые обломки, отрываемые движущеюся водой от подошвы меловых утесов Гастингса, не могут переходить за эту точку нейтрализации приливов: они останавливаются вдоль берегов полуострова Ромни-Марш, который таким образом все далее и далее выдвигается в море. Постепенное приращение оконечности этого полуострова, мыса Донгенес, составляет около полутора метра в год.

В южной части Англии, простирающейся от Корнваллийского полуострова до пролива Па-де-Кале, нет больших городов, которые бы развивались самостоятельно: Саутгамптон, Портсмут, Брайтон живут под непосредственным влиянием Лондона, так что если бы их ограничить их собственными экономическими рессурсами, то они имели бы лишь второстепенную важность.

Бридпорт, крайний западный город графства Дорсетшир, лежащий близ моря, при устье простого ручья Брит, был некогда, как говорят, одним из многолюдных городов южной Англии; но его маленькая гавань может принимать только суда незначительных размеров. Вемут (Weymouth), построенный также у выхода долины, по которой бежит незначительный

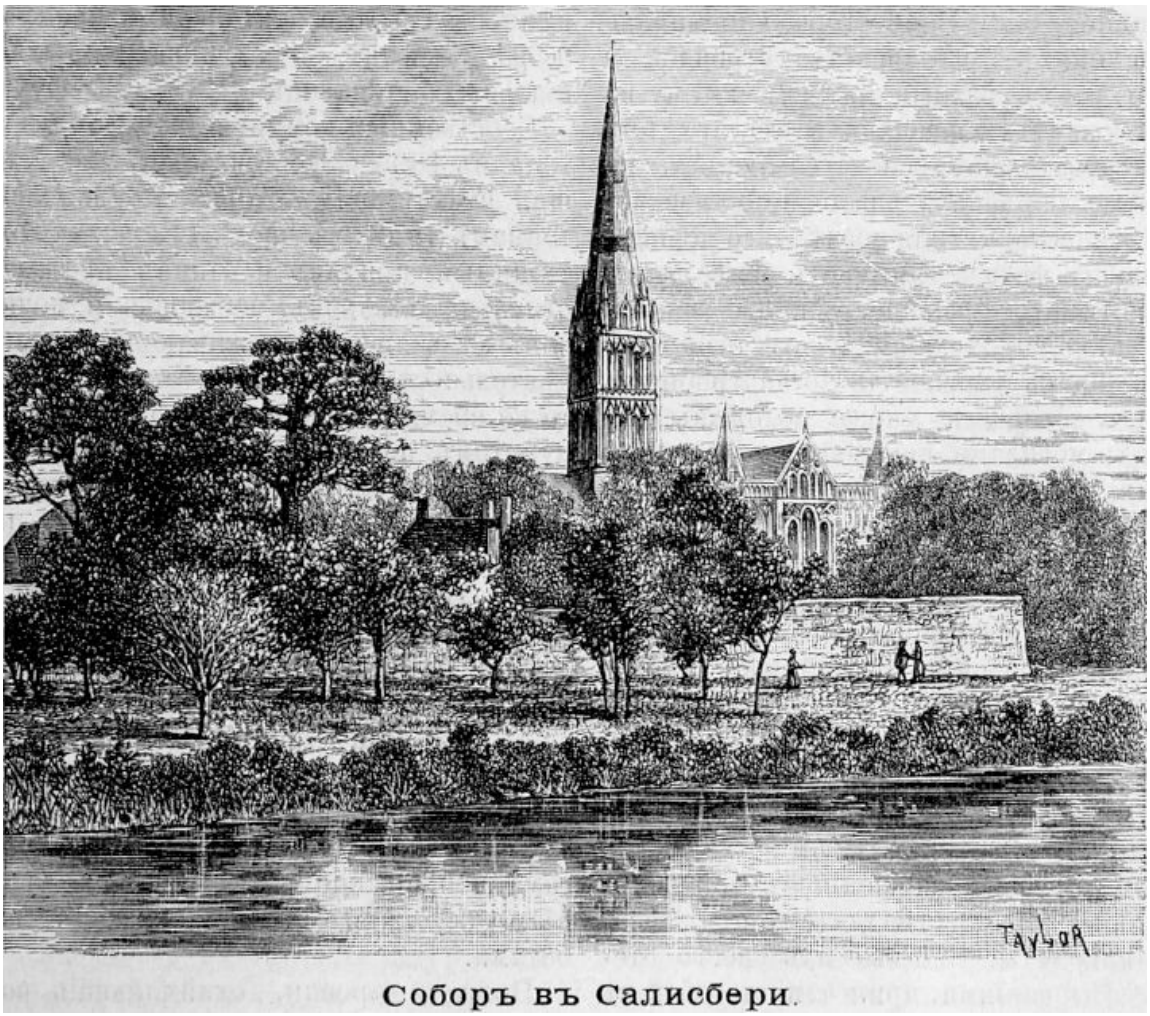
ручей, но на берегу великолепной Портлендской бухты, прошел, как и Бридпорт, через длинный период упадка; но его прекрасные берега, представляющие много удобств для купающихся в море, его живописные окрестности, обширные работы, по сооружению Портлендской плотины и выгоды, которые Вемутский залив, отныне хорошо защищенный, обеспечивает судоходству и торговле,—все это не могло не привлечь население к Вемуту, к его аристократическому предместью Мелькомб-Реджис и к его соседу Портленду, лежащему у подошвы волноразбивателя. Движение судоходства в Вемутском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 1.555 судов, общая вместимость которых равнялась 250.890 тоннам.

Дорчестер, столица графства Дорсетшир—очень древний город, который некогда носил кельтское имя Дурновариа и впоследствии был обращен римлянами в крепость; и теперь еще там видны кое-какие следы древних построек, укрепленные станы неизвестного происхождения, и вблизи города, в Момбери, римский амфитеатр, лучше сохранившийся, чем все другие, существующие в Англии, памятники этого рода; он мог бы и теперь еще служить для представлений под открытым небом. В начале прошлого столетия, в 1705 году, одна женщина была удавлена и сожжена в этом амфитеатре перед толпой народа. Дорчестер, удаленный от моря и стоящий при реке, неудобной для судоходства, не мог сделаться ни торговым, ни промышленным центром; в этом отношении он менее важен, нежели приморский город Пуль, построенный на низменном полуострове, на берегу залива, совершенно защищенного от ветров, в который впадает река Фром, протекающая через Дорчестер. Этот порт прежде занимался снаряжением судов, ходящих на рыбный промысел в Ньюфаундленд; теперь же он служит гаванью преимущественно для мелких каботажных судов, а также для рыболовных судов, эксплоатирующих устричные мели, находящиеся в соседстве с Пулем; кроме того, множество судов приходят сюда грузиться горшечной глиной, добываемой в Порбекских холмах, на полуострове меловой формации, который выступает на юге от лимана. Движение судоходства в порте Пуль в 1882 году: 1.402 судна (не считая каботажных судов с балластом), общая вместимость которых исчислялась в 116.565 тонн; собственная торговая флотилия в 1894 г. состояла из 49 морских судов в 3.283 тонны. На севере от Пуля река Стаур, вытекающая из холмов Дорсетшира, близ Шерборна, проходит мимо города Вимборн, затем в нескольких верстах ниже этого города соединяется с Авеном и вместе с ним впадает в бухту. Город Кристчорч (Christchurch), стоящий при устье двух соединенных рек, Авона и Стаура, вход в которое загражден песчаными мелями, принадлежит к графству Гампшир, так же, как городок Борнмут (Bournemouth), с морскими купальнями, расположенный вдоль берега, на западе от бухты.

Салисбери или Сользбери (Salisbury), столица графства Вильтшир,—маленький городок, но занимает очень выгодное положение при слиянии Авона и двух других рек, чистая вода которых делится на множество каналов, извивающихся по ложу из пловучей травы. Старый город, известный под именем Old Sarum, лежал верстах в двух севернее, на холме, и когда он был совсем покинут жителями, традиция все еще требовала, чтобы единственное семейство, арендовавшее земли, где находились строения бывшего города, имело представителей в парламенте; таким образом, Старый Сарум, в действительности уже не существовавший, посылал от себя двух депутатов в палату общин, между тем как большие новые города еще не пользовались правом назначать своих представителей в законодательное собрание; парламентские выборы производились под деревом. Еще в сороковых годах нынешнего столетия Новый Сарум (New Sarum) или Салисбери был бедный городишко, и на улицах его встречалось много домов, крытых соломой; только в это последнее время он украсился; но все его здания затмеваются собором, красивейшим готическим храмом Англии; из всех замечательных памятников церковной архитектуры, какие существуют в стране, это единственный, который может быть назван делом одной эпохи. Он был построен отчасти из остатков собора Старого Сарума, в тридцать восемь лет, с 1220 до 1258 г., и вероятно, построен вполне таким, каким был задуман по плану зодчего, в чистейшем копьевидном стиле. Башня собора —самое высокое здание Великобритании, так как она вздымается на 130 метров—была,

правда, построена целым столетием после сооружения корпуса, но она не обезобразила его. Внутренность храма, недавно вновь приведенная в то состояние, в котором она находилась до снятия её украшений пуританами, тоже имеет красивый и величавый вид; галлереи, самые обширные в Англии, великолепны, так же как и зала капитула, свод которой поддерживается одной колонной с красивой капителью, разветвляющейся на потолке на подобие короны пальмового дерева[1]. Музей (Blackmore-Museum), очень богатый местными древностями, содержит, кроме того, коллекцию Сквайра и Девиса, имеющую капитальную ценность для изучения Америки.

Замечательнейший памятник доисторической эпохи находится также в Салисберийской



Соборъ въ Салисбери.

«равнине», верстах в шестнадцати к северу от города, близ Амсбери: это большая ограда из столбцов положенных одна на другую каменных глыб, называемая ныне Stonehenge или «Висячие камни», а прежде известная под именем «Пляски гигантов»[2]. В почве, на которой стоит эта ограда, часто были производимы раскопки, при чем находили разную глиняную посуду, римскую и британскую. Все эти огромные камни (числом более ста тридцати), из которых иные разбросаны по земле, другие еще расположены в виде двух концентрических кругов, заключающих два овала, составляют остатки какой-то древней постройки, служившей, может быть, храмом в неизвестную нам эпоху; одна из каменных глыб имеет 8 метров в окружности. Стонхенгенские камни отличаются от большей части других мегалитов тем, что они, очевидно, были обтесаны и выровнены при помощи инструментов. Большие каменные глыбы из песчаника несомненно были набраны в той же местности; тогда как мелкие камни внутреннего круга, состоящие из другой горной породы, привезены, повидимому, из Девоншира. По окрестной равнине разсеяно множество могильных курганов, имеющих форму ко-

1 Amedee Pichot, „L'Irlamde et le Pays de Galles".

2 Thomas Wright, „The Celt, the Roman and the Saxon".

локола. В соседстве с одним из древних укреплений, носящих название «лагеря Веспасиана», видны остатки конского ристалища[3].

Кроме Салисбери, Вильтшир имеет только два города в бассейне южного Авона, и оба они стоят на притоке этой реки, Вайли: это Варминстер и Вильтон, имя которого перешло на все графство. Приготовляемые в этом крае сыры пользуются большой известностью. На ярмарки в Бритфорде иногда пригоняют на продажу по 80.000 и даже по 100.000 штук баранов.

Значительнейшие города и townships покатости Ламанша в графствах Дорсет и Вильтс:

Дорсетшир

Вемут и Мелькомб-Реджис (municipal borough)—13.870 жит.; Пуль—15.438 жит.; Портланд (local board)—9.443 жит.; Бридпорт (mun. borough)—6.611 жит.; Дорчестер (mun. borough)—7.946 жит.; Шербон (local board)—5.001 жит.; Вимборн (township)—5.390 жит.

Вильтшир

Салисбери и Нью-Саром (mun. borough)—15.533 жит.; Вильтон (parliam. borough)—8.800 жит.; Варминстер (local board)—5.640 жит.

Две реки, которые сами при устье имеют вид лиманов, соединяются в Саутгамптонском заливе (Southampton-Water) и своим слиянием образуют полуостров, на котором построен город Саутгамптон: римский город Clausentum стоял немного восточнее, на левом берегу р. Ичин, там, где теперь находится местечко Биттерн[4]. Западная из этих двух рек, Тест или Антон, проходит близ городка Андовер; восточная, Ичин, омывает подножие холма, на котором расположен древний и знаменитый город Винчестер. В британскую эпоху этот город носил имя Кар Гвент (Caer Gwent) или «Белград», которое, может быть, было дано ему по причине его старшинства между тогдашними городами; затем, в век, предшествовавший прибытию римлян в Британию, он был городом поселившихся в стране бельгийских выходцев, откуда и произошло его латинское название Venta Belgorum. Во времена саксов он сделался столицей Англии, быв перед тем стольным городом королевства Вессекс или «Западной Саксонии», и несмотря на осады и неприятельские погромы, сохранил этот титул до двенадцатого столетия. Но и после того он еще долго считался как бы священной метрополией: в нем происходили собрания парламента, и короли венчались на царство. Кафедральный собор, главное здание Винчестера, напоминающее о временах его главенства, строился и перестраивался в разные эпохи, и потому в нем можно видеть образчики всех архитектур, последовательно господствовавших в те эпохи, от первоначального нормандского стиля до готического стиля последнего периода. Окно западного фасада занимает более двух третей высоты этого величественного памятника и свет, проходящий сквозь огромные стекла, освещает большое число надгробных камней, из которых многие положены, вероятно, над могилами королей саксонских и нормандских. Винчестерская коллегия, древнейшая в Англии, так как основание её относится к 1387 году, тоже представляет средневековой памятник, не столько по архитектуре, сколько по традициям, сохраняемым в управлении школой и в системе обучения воспитанников.

Саутгамптон занимает между своими двумя лиманами столь счастливое положение, что он естественно приобрел значительную важность с той поры, как Англия вступила в правильные торговые сношения с континентом Европы. В шестнадцатом веке фламандские эмигранты, гонимые из своего отечества преследованиями, принесли с собой в этот город различные промышленности, между прочим, искусство выделки некоторых шерстяных материй, но эта промышленность исчезла в прошлом столетии; событием, которое сделало Саутгамптон тем, чем он является в наши дни, была постройка лондонской железной дороги.

3 Rich Colt Hoare, „History of Wiltshire“.

4 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

Так как с проведением этой дороги расстояние от метрополии сократилось до двух часов пути, то Саутгамптон, очевидно, представлял громадные выгоды для того, чтобы служить местом посадки на корабль для путешественников, отправляющихся из Лондона в Новый Свет или на дальний Восток: избирая путь на Саутгамптон, они избегают обхода, который иначе пришлось бы делать по Темзе и проливу Па-де-Кале. Таким образом этот город, так сказать, заранее предназначен был к тому, чтобы сделаться сборным пунктом трансатлантических пакетботов; обширные доки, вырытые рядом на оконечности полуострова, образуемого слиянием рек, всегда наполнены пароходами; на рейде, в бассейнах, на реках происходит непрерывное движение судоходства, о размерах которого можно судить по следующим статистическим данным:

Движение в Саутгамптонском порте в 1895 году:

В приходе 11.604 судна, вместимостью 2.507.048 тонн; в отходе 11.234 судна, вместимостью 2.420.410 тонн; ценность ввоза в том же году—10.005.638 фунт. стерлинг., ценность вывоза британских произведений—9.391.276 фунт. стерл., иностранных и колониальных товаров—1.687.000 фунт. стерл.

Собственный коммерческий флот Саутгамптона в 1895 г. состоял из 316 судов, общая вместимость которых равнялась 99.385 тоннам (в том числе 113 пароходов). Постоянный прилив и отлив проезжающих, отправка товаров, постройка и починка судов вызвали и поддерживают промышленную деятельность, так что город является в то же время не маловажным промышленным пунктом, и новые кварталы распространяются все далее на север по направлению к общине Шерли и другим растущим пригородным деревням. В Саутгамптоне, в Ordnance Office, гравируется подробная карта Британских островов, которой изданы уже многие тысячи листов, в различном масштабе, от $^1/_{500}$ для больших городов до $^1/_{63360}$ для всей страны. Этот географический памятник должен быть в скором времени окончен, но, понятно, подобный труд всегда требует поправок и переделок: природа и сама непрерывно преобразуется, да и человек постоянно изменяет её вид своими работами.

Поля и деревни, окаймляющие восточный берег Саутгамптонского залива, принадлежат к прелестнейшим и самым здоровым местностям Англии, и нельзя не признать, что невозможно было найти лучшего места для главного морского и военного госпиталя, который устроен здесь на берегу лимана, в соседстве с живописными развалинами одного древнего аббатства, называвшагося Нетли (под этим же именем известен и самый госпиталь). Этот военно-морской госпиталь, самый обширный в Англии, входит уже в состав округа или района г. Портсмута и как бы стережет вход в Portus Magnus (большой порт) римлян, на севере от острова Вайта. Этот сильно укрепленный военный порт, население которого увеличивается или уменьшается, смотря по степени важности и размерам вооружений Англии, состоит в действительности из трех городов: собственно Портсмута (Portsmouth), прилегающего одной стороной к морю, другой к гавани, на востоке от узкого входа в порт; Портси (Portsea), окружающего Портсмут с севера и востока, и Госпорта, лежащего напротив, к западу от входного канала. Кроме этих трех городов, многочисленные предместья и независимые общины, каковы Фергам и древний Портчестер, где находился римский военный пост, и где видны еще остатки старого норманнского замка, занимают значительную часть пространства в 40 километров по окружности, заключающагося внутри пояса отдельно стоящих фортов. Портсмут и соединенные с ним города образуют вместе первоклассную крепость, сильнейшую твердыню Англии, защищенную ныне почти 1.200 крепостными орудиями: чтобы лучше обезопасить ее от всякого неожиданного нападения, военные инженеры дошли до того, что создали искусственные островки на мелях рейда и воздвигли на этих островках сильные форты, обшитые броней и вооруженные пушками самого крупного калибра. Эта заботливость о возможно большем усилении средств обороны объясняется тем, что доки и склады Портсмута заключают в себе значительную часть богатств Англии, её самые большие и самые дорогие военные корабли, её лучшие, богатейшие корабельные верфи и громадные запасы всякого военного материала. Арсенал раскинулся на пространстве 96 гектаров, а все

доки вместе представляют водную поверхность в 117 гектаров; сильнейшие машины для фабрикации канатов и блоков, для обделки дерева, для приготовления металлических частей находятся к услугам человека в этой обширной военной мастерской: словно по мановению волшебного жезла, здесь в несколько дней выкапываются новые бассейны, воздвигаются крепостные стены, видоизменяются контуры залива, согласно планам инженеров. Со времени обширных землечерпальных работ, предпринятых во внутренней части порта, с целью расчистки дна, самые большие корабли могут входить туда три часа с приливом. Почти вся жизнь Портсмута сосредоточена в арсеналах и на верфях, вызвавших к жизни эти города; впрочем, как коммерческий порт, он ведет также довольно оживленную каботажную торговлю; в 1894 г. было в приходе 15.540 судов (в том числе 15.164 каботажных) в 1.552.711 тонн. Собственный торговый флот Портсмута в 1894 г. состоял из 239 морских судов, общая вместимость которых равнялась 13.750 тоннам. Из сынов Портсмута более всех прославился романист Чарльз Диккенс.

На о. Вайте самый большой город—Райд (Ryde), лежащий напротив Портсмута, и в котором высаживается большинство путешественников, привлекаемых в огромном числе прелестными пейзажами и видами острова: это один из центров дачной жизни, окруженный садами, замками, виллами. Ньюпорт, находящийся почти в средине острова, недалеко от реки Медины, которая бежит в этом месте через брешь в цепи меловых холмов, есть в настоящее время главный город Вайта; он образует один город с бывшим главным пунктом острова, местечком Карисбрук, над которым господствуют живописные развалины норманнского замка, где Карл I провел целый год в заключении. Хотя Ньюпорт удален от моря верст на восемь, однако, прилив поднимается вверх по реке до самых набережных города; но морская гавань Медины находится на самом устье, против Саутгамптонского залива, между двумя городами, из которых один называется Восточным, а другой Западным Каусом. Подобно Саутгамптону и Портсмуту, Западный Каус (West Cowes) имеет первенствующее значение для одной части британского флота,—правда, наименее важной его части: Саутгамптон—главный порт для пассажирских пароходов и паровых пакетботов; Портсмут—главный порт для военных кораблей; Каус—главный порт для яхт, содержимых богатыми людьми для собственного удовольствия. Здесь происходят знаменитейшие во всем свете регаты (гонки судов), на которых состязающиеся выказывают чудеса ловкости и мореходного искусства, что, впрочем, и неудивительно, если принять в соображение, что члены яхт-клуба имеют у себя на службе 1.500 человек из лучших английских матросов. Движение коммерческого судоходства в порте Каус в 1882 г.: в приходе и отходе 7.776 судов в 270.030 тонн вместимости (не считая каботажных судов с балластом). Собственный торговый флот этого порта в 1891 году состоял из 273 судов, общая вместимость которых равнялась 13.073 тоннам. К востоку от Кауса, на лесистом холме, господствующем над рейдом, стоит королевский замок Осборн.

Города на покатости Ламанша, в графстве Гампшир, имеющие свыше 5.000 жителей: Портсмут (город и графство)—159.250 жителей; Саутгамптон (город и графство)—65.325; Госпорт и Альверсток—25.430; Шерли (local board)—15.900; Винчестер—17.780; Борнмут (local board)—37.650; Кристчорч (township)—12.990; Андовер (mun. borough)—5.850 жителей.

Остров Вайт: Райд (mun. borough)—10.950 жит.; Ньюпорт (город и графство)— 54.707 жит. Западный Кауз (local board)—7.690 жит.

В графстве Суссекс, сохранившем название одного из англосаксонских королевств («Суссекс» значит «южная Саксония»), много старинных городов, и почти все они расположены на морском берегу или в соседстве с морем; но, за исключением Брайтона и Гастингса, эти города остались маловажными, причину чего следует искать в недостатке хороших гаваней, в бедности рудных месторождений и в незначительном пространстве культурных земель, которые тянутся узкой полосой у основания цепи Саут-Даунс. Даже Чичестер, который был римской станцией (Regni), потом одним из главных городов саксов в эпоху, когда берега соседнего залива имели другие, отличные от нынешних, контуры, является в наши

дни маленьким городком, где путешественники останавливаются только затем, чтобы посмотреть собор, памятник тринадцатого и четырнадцатого столетий, единственный в Англии готический храм о пяти нефах. К востоку от Чичестера на берегу следуют одна за другой несколько морских купален; одна из этих купальных станций, Литльгамптон, расположена при устье реки Арун, в небольшом расстоянии к югу от города Арундель и двух его замков, из которых один представляет готическую развалину, а другой—пышный дворец новейшей архитектуры. Движение судоходства в Литльгамптонском порте в 1882 году: в приходе и отходе 803 судна в 80.625 тонн вместимости (не считая каботажных судов с балластом). Близ истоков р. Арун находится город Горсгам.

Одна из прелестнейших по местоположению и самых здоровых по климату станций морского купанья, Вортинг, возвещает уже о близости Брайтона. Далее на востоке, при устье реки Брамбер, лежит порт Нью-Шоргам, торговая флотилия которого в 1895 г. состояла из 65 судов, в 4.533 тонны вместимости, и 78 рыболовных лодок. За Нью-Шоргамом следует город Гау (Howe), который в действительности есть не более, как предместье Брайтона, хотя он и составляет самостоятельную общину; наконец, является и самый Брайтон, город, который тянется по берегу моря на пространстве около 5 километров.

Брайтгельмстон, или сокращенно Брайтон (Brighton), не предоставлял купающимся в море особенных выгод ни удобством берегов, ни приятностью климата или красотой окружающих пейзажей; счастьем своим он обязан единственно тому обстоятельству, что он лежит под меридианом Лондона, в ближайшем к столице пункте южного берега моря, в таком месте, куда можно всего легче и скорее добраться по шоссе или по железной дороге. В действительности Брайтон следует считать предместьем метрополии, чем и объясняется прозвище London-super-Mare («Лондон-на-море» или приморский Лондон), которое он сам себе дал. Благоволение лондонцев сделало из Брайтона уже в начале текущего столетия многолюдный город, и теперь, несмотря на то, что он не имеет никакой промышленности, кроме рыбной ловли и содержания иногородных гостей, в нем насчитывается более ста тысяч жителей, а во время летнего сезона население его возрастает до ста пятидесяти тысяч душ; таким образом он стоит на-ряду с очень многими из первоклассных промышленных и торговых центров. Тысячи негоциантов, конторы которых находятся в лондонском Сити, избрали Брайтон своею резиденцией и почти каждый день два раза совершают путешествие между Темзой и морем. Мало-по-малу Брайтон сделался как бы столицей в отношении купальных городов, лежащих на берегу Ламанша, и, действительно, некоторые его общественные учреждения, богатые коллекции его музея, его великолепный аквариум, бесспорно, лучший во всем свете, дают ему почетное место в ряду главных городов Великобритании. В Брайтоне есть парк, но самые приятные его гульбища, в хорошую погоду,—это две дамбы, выступающие каждая на 350 метров в океан. Город снабжается чистою водой посредством подземных водопроводов, принимающих жидкия струйки, просачивающиеся в трещинах известковых холмов.

На восток от Брайтона находится маленький порт Ньюгевн (Newhaven), поддерживающий правильное пароходное сообщение с Дьеппом (на французском берегу), которое придает ему в известные часы дня некоторое оживление; но этот городок есть, так сказать лишь передовой дебаркадер Лондона на дороге в Париж и почти предместье Льюиса (Lewes), главного города графства Суссекс, лежащего немного севернее, в проходе между известковыми холмами. Движение судоходства в Нью-Гевенском порте в 1882 году (без каботажных судов с баластом): в приходе и отходе 1.827 судов, общая вместимость которых равнялась 404.415 тон. Соседнее село Сифорд, расположенное у подошвы мыса, на вершине которого видны остатки каких-то доисторических укреплений, обещает получить со временем более важное значение, благодаря обещанному волноразбивателю, долженствующему огородить место для якорной стоянки пространством в 208 гектаров; но это колоссальное предприятие существует пока еще только в проекте, и Сифорд, бывший некогда парламентским местечком, известен ныне в особенности как станция морских ванн. Берега его гораздо менее посещаются купающимися в море, нежели берега Истборна (Eastbourne). лежащего на

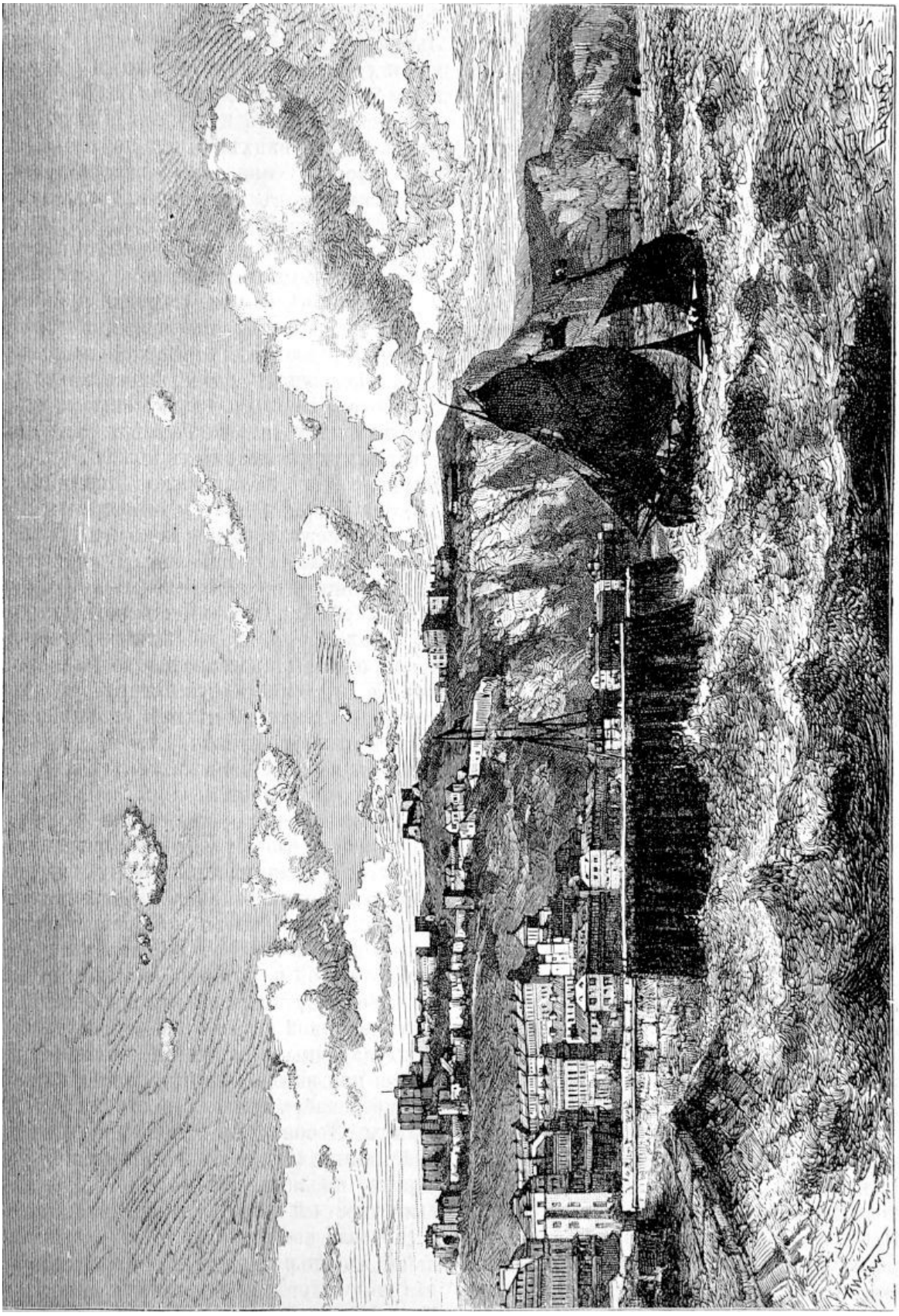
восточной стороне мыса Бичи-Гед. Этот возникший в новое время город, украшенный дворцами и виллами, сменил собою, как центр населения, древний городок Пивенси, от которого теперь остался только крепкий замок, окруженный несколькими домами. Пивенси, находящийся ныне в расстоянии километра слишком от моря, оффициально еще причисляется как входящий в состав Гастингского порта, к так называемым «Пяти портам» (Cinque Ports), то есть портам, на которых в прежнее время лежала специальная обязанность оборонять Англию от неприятельских вторжений с континента Европы. Жители этих приморских городов пользовались многочисленными привилегиями: они были освобождены от таможенных пошлин и дорожных сборов и имели право производить рыбную ловлю у берегов Норфолька; но взамен этого они должны были, в течение четырех столетий, от эпохи нормандского завоевания до царствования Генриха VII, поставлять военный флот государям Англии. В 1066 году Вильгельм Завоеватель высадился на английский берег в гавани Пивенси, где поместилась вся его флотилия, состоявшая из девяти сот судов; отсюда он выступил против войска Гарольда и дал ему сражение, увенчавшееся полною победой, при местечке Эпитон, которое с той поры стало известно под именем «места битвы» или просто «битвы» (Battle). Кое-какие уцелевшие еще развалины одного аббатства указывают место нахождения более древнего монастыря, в который Вильгельм положил свой меч и которому он пожаловал всю землю, прилегавшую к монастырской ограде на пространстве одной мили в окружности, и кроме того, множество дворянских усадеб, рассеянных в разных частях государства.

Гастингс, скандинавское имя которого обнаруживает его происхождение, замечателен в особенности как главный из купальных городов южного прибрежья, после Брайтона, и при том как самый живописный из них. Долина, при входе в которую он расположен, поднимаясь по склону в виде амфитеатра, крутые горы, господствующие над ним с северной стороны, береговые утесы, изрытые пещерами, замок, возвышающийся на склоне к западу от города, изящные дома самого Гастингса и его предместья Сент-Леонард, следующие длинным рядом вдоль морского берега,—все это вместе образует чудную картину, подобной которой мы не встретим между другими городами побережья, на восток от острова Вайта. Как торговый приморский пункт, Гастингс не имеет важного значения, хотя он был некогда самым могущественным из «Пяти портов» Англии: на пятьдесят семь кораблей, составлявших в те времена британский военный флот, этот город обязан был поставлять двадцать один. К востоку от Гастингса лежит Винчельси (Winchelsea)—теперь деревня, покинутая среди материка, вдали от моря; но прежде это был «маленький приморский Лондон», и Генрих III причислил его к «Пяти портам». Рай (Rye), который также носит этот титул первенства и который был седьмым между «пятью» привилегированными городами, сохранил, по крайней мере, маленькую гавань, служащую для каботажного судоходства. Ромни (Romnye), также один из «Пяти портов», представляет теперь незначительное местечко, заброшенное среди болот.

Города области Суссекс, на покатости Ламанша, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 г.): Брайтон (город и графство)—115.400; Гастингс (город и графство)—52.220; Истборн (local board)—34.970; Горсам—8.090; Чичестер (mun. borough)—7.840; Вортинг (local board)—16.606; Льюис—10.997 жителей.

В графстве Кент только два города, на покатости Ламанша, имеют более 5.000 жителей—Фолькстон и Дувр. Гайт (Hythe), один из древних «Пяти портов», и самое имя которого означает «гавань», утратил свою важность с тех пор, как бухта его обмелела: движение судоходства направилось далее на восток, в Фолькстон, где искусство человека, воспользовавшись естественными удобствами местности, устроило превосходный порт, снабженный плотинами и обширными складами и доступный судам больших размеров. Фолькстон поддерживает ежедневное пароходное сообщение с Булонью, и через его таможню проходит наибольшая часть ценных товаров, пересылаемых между Лондоном и Парижем; но пассажирское движение между Англией и Францией в этом порте менее значительно, нежели в Дувре, по причине большей продолжительности переезда. В 1891 году в Фолькстонском порте

было в приходе 1.346 судов, общая вместимость которых равнялась 263.321 тонне; обороты заграничной торговли: привоз простирался до 11 миллионов, вывоз до 2.635.000 фунт. стерл. Город Фолькстон поставил памятник славнейшему из. своих сынов, медику Гарвею, кото-



Дувръ.

рый открыл или вновь нашел ранее открытые законы кровеобращения.

Город Довер, сохранивший во французском языке свое древнебританское имя Дувр

[Douvres][1], занимает, в виду берегов европейского континента, такое географическое положение, что, несмотря на превратности исторической его судьбы и на перемещение морских течений и песков, он всегда должен был сохранять или вновь приобретать, в случае временной утраты, свою роль, как место международных сношений: гавань, открывающаяся при выходе узкой долины или оврага, где протекает речка Дур, между двух высоких утесов, представляет естественное пристанище для судов, переплывающих прямо, через пролив Паде-Кале. Этот порт, единственный из «Пяти портов», судоходство и торговля которого не только удержались доныне, но еще и увеличились, служит пристанью для пароходов, приходящих из Остенде и Кале несколько раз в день и таким образом поддерживающих самое быстрое почтовое и пассажирское сообщение между континентом и Англией. Судоходство и торговля Дувра достигли весьма значительных размеров: в 1891 г. было в приходе—3.892 судна в 960.650 тонн; ценность привоза составляла 6.579.505 фун. стерл., ценность вывоза: британских произведений—1.008.713, иностранных и колониальных—1.995.335 ф. стерл.

Так как нынешние доки оказываются уже недостаточными для того, чтобы дать место всем судам, которые могли бы искать в них убежища в бурную погоду, то теперь приступлено к увеличению порта при помощи больших жете, продолженных в море до глубины почти 13 метров при сильных отливах, имеющих место в периоды новолуния и полнолуния. В Дувре так называемый мол «адмиралтейства» состоит из огромных прямоугольных камней, сложенных почти вертикально от самого дна моря и покрывающих центральную часть, построенную из искусственных каменных глыб. В сравнении с жете, эти вертикальные молы представляют ту выгоду, что они не оседают; кроме того, бурун, происходящий вследствие ударения волн о прямые стены, удерживает суда в открытом море; но зато они должны выдерживать всю силу удара волн во время бурь. На оконечности этого исполинского жете имеет быть построен форт, орудия которого будут давать перекрестный огонь с пушками других оборонительных укреплений, так как Дувр есть в то же время и военный порт. На вершине восточного утеса, прямо над городом, стоит живописная крепость, где можно видеть постройки всех эпох, даже римскую башню. В небольшом расстоянии к северо-востоку от Дувра, на берегу бухты св. Маргариты, прикрываемой с юга мысом Саут-Форленд, произведены были предварительные изыскания и работы для устройства подводной железной дороги, длиною около 36 километров, между Англией и Францией. Теперь доказано, что это великое дело возможно: нигде море не имеет более 44 метров глубины или толщины над линией, по которой пошла бы проектируемая железная дорога, и пласты, исследованные посредством десяти тысяч промеров, нигде не перерезаны взбросами, которые могли бы препятствовать бурению туннеля. Нынешнее поколение, занятое войнами и «мирными» вооружениями, захочет ли предоставить двадцатому столетию честь осуществления этого грандиозного плана, имеющего целью связать Англию с континентом Европы, соединить вновь земли, которые разделил океан?

Города на покатости Британского канала, в графстве Кент, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году): Дувр или Довер (municipal borough)—33.300 жит.; Фолькстон (mun. borough)—23.710 ж.

VI. Бассейн Темзы и водоскат её лимана

Оксфорд, Беркшир, Буккингам, Гертфорд, Мидльсекс, Соррей, Кент, Эссекс, Суффольк, Норфольк

Темза (Thames) не самая многоводная река Великобритании, но по исторической важности её бассейна с нею могут сравниться лишь очень немногие из рек земного шара. Самый обильный поток нашей планеты, река Амазонка, не имеет, в своем громадном бассейне, об-

1 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain".

нимающем семь миллионов квадр. километров, и половины населения, которое скучено в одном из городов маленького уголка земли, орошаемого Темзой. Правда, что город этот— Лондон, вероятно величайшее скопление людей, какое когда-либо существовало в свете до наших дней. Общее пространство десяти названных графств равняется 27.425 квадр. километрам, а население их в 1891 году состояло из 8.566.358 душ, так что, следовательно, на каждый квадратный километр приходится по 312 жителей.

Река, протекающая через Лондон, берет начало в небольшом расстоянии от Бристольского залива, на юрском плато, господствующем на востоке над равнинами Страуда, Глостера и Чельтенгама. Между различными её истоками есть такие, которые вытекают из земли очень близко от западного ребра крутых скатов, обращенных к долине реки Северна, в 300 метрах ниже. В прежния времена вся эта гористая область принадлежала к бассейну Северна; но последовательные размывы, захватывая все большие и большие пространства восточного склона плоскогорья, мало-по-малу понижали его хребет, и в то же время перемещали его к западу: бассейн Темзы не переставал разростаться в ущерб водоскату Северна[1]. Достаточно взглянуть на карту Англии, чтобы увидеть, как велико было обнажение пластов лейяса в области, где текут первые воды Темзы.

На восток от главного истока, известного под именем Темз-Гед (Thames-Head, голова или начало Темзы), река течет через геологические формации, следующие одна за другой с замечательной правильностью. Оолитовые слои предшествуют различным меловым пластам, за которыми идут слои третичных веков, а по окраинам лимана расположены земли аллювиального образования. В своей совокупности, бассейн Темзы состоит из параллельных полос разной ширины, которые все орьентированы по направлению с юго-запада на северо-восток; только на юге один пояс меловой формации, берущий начало на Салисберийском плато, тянется по прямой линии с востока на запад и образует цепь холмов Норт-Даунс («Северные дюны»), между бассейном Темзы и областью, известной под именем Вильда. Оконечность графства Кент, которую можно бы было назвать корабельным носом Англии, составляет часть этой длинной полосы меловой формации. Цепь холмов Норт-Даунс и высоты плоскогорья, где она начинается, суть высшие точки бассейна в южной его части, хотя они нигде не поднимаются выше 275 метров. Меловые холмы северной части, вообще говоря, немного ниже; но некоторые вершины цепи Чильтерн-Гильз, на северо-запад от Лондона, достигают высоты почти равной высоте холмов Норт-Даунс. Горы Чильтерн-Гильз прежде были покрыты буковыми лесами, и разбойники держались в них долее, чем во всякой другой части южной Англии. Уже несколько поколений, как грабители на большой дороге сделались мифом в области Чильтерн-Гильз, но назначаемое от короны должностное лицо, специально обязанное заботиться об очищении края от разбойничьих шаек, существует до сего дня и получает жалованье.

В течение геологических веков бассейн Темзы значительно изменялся в протяжении, смотря по колебаниям уровня почвы и перемещению морей. В первые времена его истории, когда Великобритания составляла еще нераздельную часть континента, эта река продолжалась на восток до соединения с Рейнской системой. Тогда это был простой приток, но гораздо более значительный в сравнении с размерами, которые он принял, сделавшись независимою рекой, когда большой морской залив врезался далеко внутрь материка, до того места, где в наши дни находится город Лондон; в то время пространство, на котором ныне раскинулась исполинская столица Великобритании, было занято устричной мелью[2]. На восток от этого места расстилались болотистые пространства, на половину запертые, со стороны моря, прибрежным валом, где еще в конце после-третичного периода садились на мель тела животных, приносимые течением Темзы: в болотах Ильфорда и его окрестностей геологи нашли огромные количества носорогов, мамонтов, слонов, оленей, лосей, бизонов, быков. В настоящее время суша опять делает захваты на берегах лимана, но на этот раз уже благодаря

1 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain"

2 Hugh Miller, „Summer Ramhle among the Hebrides".

труду человека. Плотины прибрежья, начатые, может быть, еще римлянами, замыкают пространство, равное почти 86 квадр. километрам, которое лежит еще на один, местами даже на два метра ниже уровня высоких приливов[1].

Как независимая река, Темза оканчивается у Теддингтонского шлюза, на высоте 6-ти метров над уровнем моря. До этого места поднимается морской прилив, откуда, может быть, и произошло название деревни Теддингтон (Tide-end-ton)[2]; однако, река принимает вид лимана с тинистыми мелями, попеременно обнажающимися и покрывающимися водой, лишь в небольшом расстоянии выше Лондона. Даже и в самой метрополии ощутительно действие речных наводнений: низменные кварталы на южной стороне Темзы часто были заливаемы водами реки. А между тем этот речной бассейн есть один из тех, где, по естественным условиям местности, наводнения должны быть очень редким явлением. Количество воды, протекающей в Темзе в секунду времени, у Теддингтонского шлюза:

Среднее—37 куб. метр. Наибольшее—390 куб. метр. Наименьшее—20 куб. метр. Площадь бассейна выше Теддингтона—11.888 кв. километр. Слой дождевой воды, выпадающей в бассейне,—650 миллиметр. Истечение—100 миллиметр.

Количество дождя в пределах бассейна Темзы распределено, относительно говоря, довольно равномерно по месяцам года; ни с какой стороны этот бассейн не ограничен цепью гор; скаты холмов, с которых разливаются дождевые воды, почти везде очень пологи, и воды могут медленно стекать в ложе рек. Главный исток, при Сиситере (Cirencester), прежде находился на высоте всего только 113 метров; затем он был еще более понижен действием водокачальных машин, осушающих почву для того, чтобы поднимать воду на высоту 10-ти метров в верхний бассейн канала, проведенного из Темзы в Северн. Кроме того, бассейн Темзы состоит, более чем на половине своего протяжения, из водопроницаемых формаций, где вода течет в глубинах скалы, вместо того, чтобы струиться по поверхности земли. Проезжая через этот край, тотчас же замечаешь контраст, не имея надобности прибегать к исследованию свойств почвы: земли, пропускающие воду, засеяны хлебными растениями; земли же, задерживающие ее, остаются лугами. В водопроницаемой геологической области, простирающейся от Нунгама до Меденгеда, Темза получает лишь несколько ручьев, а между тем размеры её видимо увеличиваются от одной излучины до другой, благодаря постоянным ключам, бьющим из холмов, которые тянутся вдоль её берегов. Эти особенные условия почвы естественно регулируют течение реки, уравнивая разности уровня, ибо в то время, как дожди, падающие на непроницаемые формации бассейна, быстро утекают через реку, вода, получаемая проницаемою почвой, пребывает по целым месяцам в недрах земли прежде, чем вступить в течение Темзы. Но труд человека прилагался здесь именно к тому, чтобы затруднять естественное истечение вод и сделать из Темзы, по природе совершенно безобидной, одну из опаснейших для прибрежного населения рек Англии. Шлюзы, преграждающие её русло, в числе 33, между Оксфордом и Теддингтоном, находятся по большей части в руках мельников, интересы которых прямо противоположны интересам судоходства и прибрежных жителей. Владельцы мельниц уменьшают, насколько это в их силах, число спусков воды из шлюзов, необходимой для провода судов из нижних бассейнов в верхние; они всеми средствами стараются удерживать реку на большой высоте, для того, чтобы сохранять достаточную двигательную силу, и, таким образом, рискуют вызвать в дождливое время опустошительные наводнения. В самом деле, наполненное до краев речное ложе не может вмещать излишек воды в период разливов, и, вследствие того, прибрежные земли затопляются на большое пространство. Но какое дело до этого мельникам, которые руководствуются поговоркой, что убытки одного приносят барыши другому[3]?

Если нормальный порядок течения в верховьях Темзы изменился под влиянием запруд и шлюзов, то порядок течения и ход морских приливов в низовьях реки был в неменьшей

1 Rednam, „Institution of the Civil Engineers", 1877.
2 Huxley, „Physiography".
3 Examiner, 27 janv 1877.

мере изменен мостами, такими, как их строили в прежнее время. Старый лондонский мост был большим препятствием свободному проходу прилива и отлива, по причине ширины его быков и малого пространства, оставленного в пролетах восходящим или нисходящим водам. Перестройка моста и очистка реки имели следствием более раннее наступление прилива, а также увеличение его высоты и предела распространения вверх по реке; вместе с тем отлив, получив большую силу, стал лучше прочищать фарватер. Начиная с конца четырнадцатого столетия, ускорение прилива в части Темзы, проходящей через Лондон, составляло, сравнительно с прежним временем, целый час, а уровень его поднялся на 30 сантиметров[1].

Часть морского прибрежья, окаймляющая на юге и на севере залив Темзы, испытала много перемен в исторические времена. Море делает постоянные захваты на берегах Суффолька и Норфолька, проникая внутрь материка, средним числом, на 2-4 метра в год. Города принуждены отодвигаться в глубь страны перед наступающим морем: так, например, Экльс Приморский (Eccles-by-the-Sea) должен был оставить позади себя свою церковь, и теперь развалины её уже покрыты морским песком[2]. Но в других местах мы видим обратное явление: прежние лиманы совершенно обмелели, наполнились песком, и стоявшие на берегу их торговые порты превратились в земледельческие местечки; Бекльс, который в четырнадцатом столетии был значительным портовым городом, в наши дни лежит уже внутри материка, в 14-ти километрах от моря, и место его занял город Лостофт[3]. На берегах Кента произошли еще более важные геологические перемены; местная география этой области совершенно изменилась со времен римской эпохи. Древняя церковь Рекюльверс, стоящая на берегу залива, к западу от Маргета, является живым свидетельством постепенного размывания прибрежья, ибо римский город Regulbium, бывший впоследствии столицей одного из англосаксонских королевств, находился далеко от океана; но волны мало-по-малу обглодали берег; римская стена, окружавшая город, была большею частию разрушена, и чтобы защитить церковь, которая служит судам маяком, адмиралтейство принуждено было оградить берег плотинами. Однако, в то время, как море совершало свои захваты на внешних берегах, берега острова Танет, обращенные к материку, покрывались илом, пролив постепенно мелел, и теперь прежний остров, оконечность территории Кент, не может быть назван даже полуостровом: берега реки Стер и другого потока, заменивших пролив, сделались твердой землей. Но это небольшой выигрыш в сравнении с тем, что было утрачено восточным прибрежьем в конце одиннадцатого столетия, во время страшной бури, опустошившей также берега Фландрии и Голландии. Рассказывают, что в то время обширные владения герцога Годуина или Гудвина были поглощены волнами, и теперь на месте их, в 12-ти километрах к востоку от нынешнего берега, существует лишь огромная песчаная мель в в форме полумесяца, обращенная выпуклой стороной к открытому морю. Место это очень опасно для мореплавателей, и крушения судов случаются здесь довольно часто. Во время сильной бури 1703 года, которая долго оставалась в памяти английских моряком под именем Great Storm (большой шторм), четыре из самых больших кораблей британского королевского флота, с 1.190 человек экипажа, погибли в одну ночь на Гудвинских песках, и множество купеческих судов усеяли берега своими обломками. Два раза пытались было построить маяк на этих опасных мелях, но волны каждый раз разрушали все работы; моряки принуждены были довольствоваться пловучими огнями и буями, обозначающими все очертания большего, скрытого под водой острова. Пространство, ограниченное на востоке полумесяцем Гудвиновых песков (Goodwin-Sands), образует рейд, известный под именем Downs (дюны), где останавливаются суда во время бурь: иногда собиралось за раз до пяти сот кораблей в этом «рейде дюн».

Ближайший к истокам Темзы город—Сиренсистер (Cirencester, в просторечии Сисистер или Сиситер, Cicester) или «лагерь на реке Чорн», лежащий еще в пределах графства Глостер. Это древне-римский военный пост, имевший некогда, благодаря своему положению

1 Redman, «Institution of the Civil Engineers», 1877.

2 A. Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“.

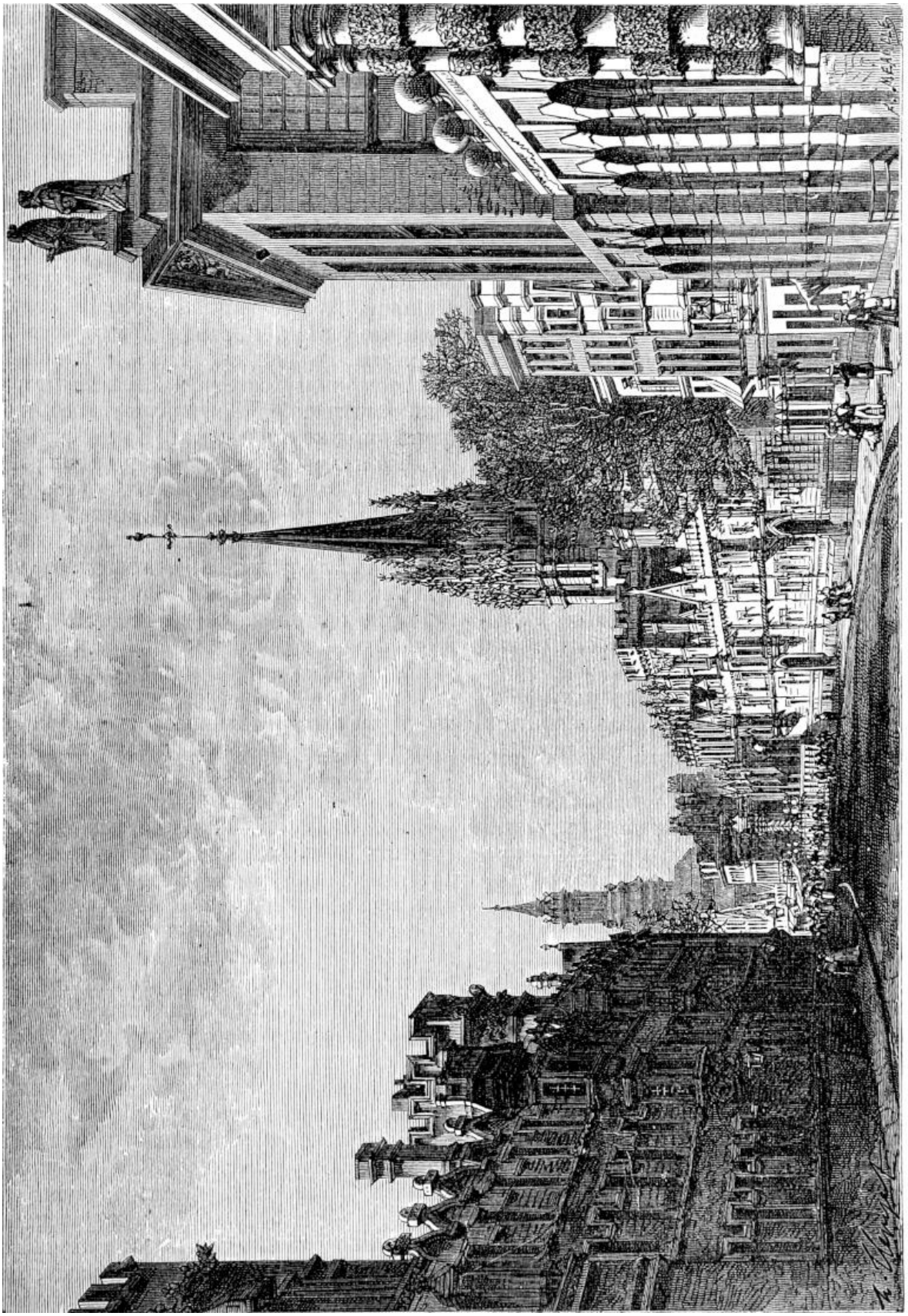
3 Rogers,—Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“

близ водораздела, важное стратегическое значение, и бывший центром, куда сходились многочисленные дороги, которые существуют до сей поры и известны у местных жителей под именем Streets, но стены города пали, и древний castrum превратился в рынок земледельческих произведений и в особенности овечьей шерсти, так как в соседстве находятся обширные, покрытые сочною травой, пастбища холмов Котсвольдс-Гильз. Существующая в Сиситере школа земледелия считается первым заведением этого рода во всей Англии; здесь же были произведены важнейшие опыты по исследованию химического состава почв. Город Свиндон или Суиндон (Swindon), в Вильтшире, лежащий к югу от нарождающейся Темзы, также в области поросших травой холмов, был посещаем только крестьянами из окрестных деревень, пока главное Общество западных железных дорог не основало здесь своих мастерских для постройки и починки вагонов и машин. Теперь Суиндон—промышленный город.

Ниже слияния Чорна и Темзы, называемой также Изидой (Isis), последняя из этих рек, усиливаемая многочисленными притоками, течет извилистою линией в графствах Глостер и Вильтшир, затем между графствами Оксфордшир и Беркшир. Городов в этой области нет: до самого Оксфорда попадаются только незначительные местечки. Точно также река Червель, соединяющаяся с Темзой южнее Оксфорда, имеет на своих берегах только один город, Банбери, который славится в мире гастрономов своими пастетами, сырами и пивом. Близ западной границы графства находим городок Чиппинг-Нортон, неподалеку от которого, в Чорчиле, родился в 1769 году Вильям Смит, отец современной геологии. Он провел детство у подножия оолитовых скал, содержащих в изобилии те ископаемые остатки организмов, которые он впоследствии изучал с такой пользой для науки. При бурении почвы в Берфорде, к западу от Оксфорда, дошли до каменноугольных пластов, которые представляют новый, пока еще не початый запас минерального топлива, и разработка которых, может быть, превратит современем эту земледельческую область Англии в мануфактурный округ.

Оксфорд, по архитектуре большего числа своих зданий, еще совершенно средневековой город: можно сказать, что последние четыре или пять столетий как будто проносились мимо него, и время совсем забыло о нем; но эти памятники прошлого не обратились в развалины: поддерживаемые с благоговейною заботливостью, они являются перед нами в том самом виде, в каком вышли из рук строителя; только известняк, из которого построена большая часть оксфордских зданий, местами растрескался и осыпался, так что многие колонны, изгрызенные временем, представляют теперь пестрые столбы, на которых там и сям вырваны неравные куски камня; но нигде повреждение, производимое временем, не переходит в разрушение, в развалину, и многие памятники приняли еще более красивый вид от густо разросшихся фестонов плюща и гирлянд дикого винограда, висящих на скульптурных украшениях фасада. Вокруг старинных башен и высоких готических зданий с стрельчатыми окнами расстилаются гладкою скатертью дерновые лужайки; прозрачная вода фонтанов поднимается подвижными колоннами среди дворцов; статуи украшают бульвары и площади. Прекрасные гульбища окружают памятники густой зеленью, и когда смотришь с берегов Червеля и Темзы, по которым гоняются взапуски лодки студентов, то все эти остроконечные шпицы, блестящие куполы, колокольни церквей и коллегий, сады и группы больших деревьев сливаются в одну чудную картину. С террасы огромного, увенчанного куполом, здания, в котором помещается Радклифская библиотека, можно любоваться единственным во всем свете зрелищем—видом средневекового города, состоящего из готических палат, монастырей и церквей. Каждое из двадцати пяти заведений, коллегий или halls, совокупность которых образует Оксфордский университет, живет своею независимою жизнью: все они возникли в разные эпохи, от Мертоновой коллегии (Merton-College), основанной в 1274 году, до Кеблевской коллегии (Keble-College), которая окончена постройкою только в 1870 году; все имеют собственную историю и обладают каким-нибудь сокровищем, древними грамотами, важными документами, рукописями, книгами, картинами, статуями, а некоторые из них, как например, коллегия «Христовой церкви», имеют в своем распоряжении великолепные готические здания и другие архитектонические достопримечательности. Вместе с тем, каждая из этих коллегий гордится знаменитыми личностями, которых она имела в числе своих

профессоров и воспитанников: и действительно, многие из людей, творивших, в области политики, наук и искусств, историю Англии, получили образование в Оксфордском университете. Оксфорд более, чем всякий другой город одинаковой с ним величины, поработал для



Оксфордъ.

общей судьбы отечества. Нужно, однако, сказать, что деятельность древнего университета почти всегда проявлялась в смысле сопротивления, в духе консерватизма. В этом средневековом городе не упадет ни один камень без того, чтобы его благоговейно не заменили другим

подобной же формы; точно также не существовало ни одной старой идеи, ни одного обычая старых времен, которые бы многоученые доктора, уединившиеся в этих коллегиях с почернелыми стенами, точно в крепостях, не старались поддерживать своим влиянием и своей эрудицией. Хотя Виклеф занимал кафедру в Оксфорде, университет этот энергически воспротивился распространению протестантизма в Англии, и перед одною из коллегий, именно перед коллегией Баллиоль, в царствование Марии Тюдор, были сожжены на костре ученые Кранмер, Ридлей и Латимер. Когда вспыхнула революция, Оксфорд принял сторону роялистов, и Карл I учредил в этом городе свою главную квартиру во время войны. С той поры университет почитал за честь оставаться неизменным средоточием консервативных идей; только в последнее время традиции были порваны, новый поток идей увлек часть профессоров и студентов, и теперь именно в Оксфорде крайния мнения, в том или другом направлении, имеют наиболее выдающихся представителей. Впрочем, во всей Англии нет города, не исключая даже Лондона, где бы защитники противоположных дел могли найти к своим услугам больше аргументов в трудах прошлого, ибо нигде научные пособия не соединены в таком огромном обилии на таком маленьком пространстве. Все коллегии имеют свои лаборатории, библиотеки, различные коллекции, которые в последнее время стали специализировать, с целью дать им большую ценность для людей, занимающихся научными исследованиями. Оксфордский музей естественной истории обогащается с каждым днем; Тэйлоров институт (Taylor Institution) есть в одно и то же время очень полное собрание современных произведений и музей древностей и изящных искусств: здесь можно видеть прекрасные античные статуи, а также 162 оригинальные картины Рафаэля и 79 картин Микель-Анджело, которые куплены на суммы, собранные по подписке. Так называемое «Здание школ» (Schools) заключает в себе драгоценные «Арундельские мраморы», древние надписи и скульптурные произведения, собранные по большей части в Малой Азии, и здесь же помещается знаменитая Бодлеянская библиотека (Bodleian Library), названная так, в 1597 году, по имени её основателя, Томаса Бодлея: это книгохранилище, очень богатое, так как оно содержит 500.000 томов и 30.000 рукописей, важно в особенности по громадной ценности некоторых серий сочинений, несуществующих в других местах; некоторые собрания рукописей, греческих, латинских, персидских, турецких, китайских, англо-саксонских, заключают многие единственные в мире памятники. Бодлеянская библиотека, по просьбе её попечителей, получает по экземпляру всех печатных произведений, выходящих в Англии; кроме того, она обогащается, так же, как и другие учебные заведения Оксфорда, драгоценными коллекциями, приносимыми в дар бывшими студентами, богатыми аристократами, которые гордятся тем, что были «питомцами» Оксфордского университета. Различные библиотеки, принадлежащие этому университету, все вместе содержат, без сомнения, более миллиона томов, то-есть почти столько же, сколько Британский музей: но нельзя не пожалеть, что этими сокровищами, удаленными от большого города, могут пользоваться только дипломованные члены университета, да иностранные ученые, которые, для своих исследований, должны делать визит святилищам науки. Во время летних каникул библиотеки почти всегда пусты. В это время лучше всего можно видеть, как незначительна собственная жизнь Оксфорда: без двух тысяч шести сот студентов, без толпы паразитов, увивающейся около них и живущей от их щедрот, город кажется пустынным, и трава беспрепятственно произростает на его улицах.

Ниже Оксфорда Темза, спускаясь к югу, огибает цепь холмов Чильтерн-Гильз и проникает в графство Беркшир; здесь, как и в верхнем своем течении, она проходит через область, где городов очень мало: еще в 1728 году на реке не было ни одного каменного моста между Оксфордом и Лондоном. Абингдон, первый город, омываемый Темзой, ведет, благодаря судоходному каналу, соединяющему его с Батом и Бристолем, очень деятельную торговлю хлебом и преимущественно ячменем, идущим на пивоваренные заводы. Ниже, Темза (Thames) принимает в себя реку Тем (Thame), почти одноимянную, которая орошает, в своем течении, округ Эльсбери (Aylesbury), славящийся своими прекрасно обработанными полями и пышными лугами. Эльсбери—один из городов, отправляющих в Лондон к рождественским

праздникам массы гусей и уток.

Река Кеннет, впадающая в Темзу у южной выпуклости образуемого последнею длинного изгиба, берет начало в графстве Вильтшир, на Мальборогских меловых плато, которые не менее, чем Салисберийская равнина, богаты доисторическими остатками: древние могилы встречаются здесь во множестве, и при раскопках их найдены целые груды костей; близ г. Марльборо или Мальборо (Marlborough) еще в 1723 году существовал двойной круг из камней. В десяти километрах к западу от этого города находится древний «храм» Авебери или Абери, каменная ограда, имеющая 1.350 метров в окружности и обведенная глубоким рвом и валом в 21 метр высоты. Эта ограда заключает в себе два круга нетесаных камней, тогда как вне её видны ряды менгиров, идущие к валам Авебери, и неподалеку оттуда стоит курган Сильбери, высотою около 38 метров, у основания которого проходит древне-римская дорога. Из всех доисторических «храмов» Англии, храм Авебери, занимающий площадь в одиннадцать слишком гектаров, имеет самые обширные размеры; но дома соседней деревни, изгороди полей и заборы садов не позволяют видеть во всей его целости этот замечательный памятник глубокой древности[1]. Ниже Мальборо, в котором существует важная коллегия, река Кеннет протекает через городок Ньюбери (Newbury). При слиянии этой реки с Темзой стоит торговый город Ридинг, который, благодаря своему центральному положению, играл очень видную роль в истории Англии: здесь происходили сражения, собирались парламенты. В наши дни Ридинг, главный город графства Беркшир, известен в особенности своими сухарями, которые отправляются во все части света: каждый день с фабрики отходят целые поезды, нагруженные этим продуктом. Вообще можно сказать, что между съестными припасами едва-ли найдутся такие, которые бы пользовались более общим употреблением, чем ридингские сухари: их едят во всех странах земного шара, от Аляски до Новой Зеландии и от Гренландии до Мыса Доброй Надежды.

На восток от этого «сухарного города», река Лоддон, вытекающая из северной цепи холмов Даунс, недалеко от городка Базингсток, соединяется с Темзой. Один из её притоков, Блекватер, берет начало на Альдершотском плато, где находится главный учебный лагерь английских войск и целый город железных домов, который, в случае надобности, можно бы было разобрать и построить в другом месте в продолжение двух недель. На северо-запад от лагеря, в области древних дюн, маленьких озер, вересковых пространств и сосновых лесов, возвышаются здания двух военных школ, коллегии Сандгорст и Staff College или коллегии генерального штаба. Веллингтоновская коллегия, также военно-учебное заведение, находится севернее, но в той же местности. Этот учебный лагерь и военные училища возвещают уже близость метрополии. Города и местечки, следующие одно за другим по берегам Темзы, принимают у себя, во время летнего сезона, массы лондонских посетителей; берега городка Меденгед иногда бывают буквально запружены лодками лондонцев, предпринимающих увеселительные загородные поездки. На севере от Меденгеда открывается очаровательная долина, где выстроился городок Гай-Вайкомб или Чиппинг-Вайкомб, окруженный бумажными фабриками, виллами, рощами. Вся эта местность усеяна пышными господскими усадьбами.

Темза, извиваясь по зеленеющей равнине, расстилающейся к востоку от г. Меденгеда, ударяется о подножие крутой горы, на которой стоит Виндзорский замок, великолепнейший дворец Англии, одно из самых обширных и самых живописных зданий во всем свете. Массивная овальная башня, господствующая над всем дворцом, изящная капелла (дворцовая церковь), колокольни которой виднеются из-за стен, зубчатые башенки различной высоты, расставленные по окружности громадной ограды, ветвистые деревья, скрывшие основание стен и облекающие зеленым покровом откос горы до самого берега Темзы, наконец, город, приютившийся у западной подошвы замка и, так сказать, подавленный обширным ансамблем пиньонов и башен,—все это вместе образует чудную, восхитительную картину: это замок не одного государя, но целого ряда королей, употреблявших из века в век сокровища нации на украшение дворца предков. Уже Вильгельм Завоеватель воздвиг крепость в этом

1 Forbes Leslie, „Early Races of Scotland".

месте; Эдуард III велел перестроить замок, и с той эпохи почти все государи прибавляли новые постройки к громадному зданию. Некоторые части Виндзорского дворца поражают своим блеском и художественным изяществом; такова, в особенности готическая капелла св. Георгия, мавзолей которой заключает гробницы многих королей и принцев, и которая украшена расписными стеклами, статуями, резьбой, драгоценнейшими мраморами. Впрочем, и весь дворец представляет обширный музей картин, статуй, дорогих обоев и ковров, предметов искусства всякого рода, принесенных в дар или купленных королевской казной. В парадных аппартаментах посетитель везде проходит между образцовыми произведениями живописи, которые не скучены здесь на тесном пространстве, как это часто бывает в картинных галлереях: одна зала посвящена картинам Рубенса, другая произведениям ван-Дейка; в третьей почти все портреты принадлежат кисти Томаса Лоренса. Коллекция рисунков знаменитых мастеров есть, может быть, самая богатая, какая только существует в свете; а библиотека,—к сожалению, очень мало посещаемая людьми науки,—содержит множество неоценимо дорогих памятников письменности. Во всем мире не найдется более приятного убежища для научных занятий: из окон, сделанных в виде выступа, так сказать, висящих над террасами, вы видите внизу богатейшую сельскую природу Англии и Темзу, которая серебристой лентой извивается среди зеленеющих лугов.

Против Виндзора, на левом берегу реки, и почти под тенью королевского замка расположен Итонский лицей, основанный в 1440 г., в царствование Генриха IV, для приема «двадцати пяти бедных учеников грамматических школ» и «двадцати пяти бедных немощных стариков, обязанных молиться за короля», но сделавшийся мало-по-малу самой аристократической школой государства, школой для молодых людей знатного происхождения, большого богатства или высокого честолюбия, стремящагося к блестящей карьере; теперь в этом лицее или коллегии от восьми до девяти сот воспитанников, которых почти весь день видишь играющих в крикет на лугах, или удящих рыбу на берегу, или катающихся в лодках по Темзе. Окрестности Виндзора, воспетые английскими поэтами, начиная с Шекспира, богаты историческими воспоминаниями, и так называемый «большой парк», раскинувшийся с южной стороны замка на пространстве 730 гектаров, украшен многими памятниками; но главную красу этого огромного сада составляют его великолепные аллеи, колоссальные деревья, прелестные лужайки и извилистые воды Виргинии (Wirginia-Water). На запад от этих вод расстилаются обширные пажити Багшот-Гет и знаменитый Аскотский гипподром. В одном из дворцов парка, Менор-Лодж, недавно основана обойная фабрика, управление которою поручено французским мастерам.

Ниже Виндзора и Итона (Eton), которые теперь составляют один город, Темза описывает многочисленные извилины, ударяясь местами о подошвы прилегающих с юга плоских возвышенностей: она проходит мимо деревни Старый Виндзор, затем окружает своими водами знаменитый в английской истории остров Великой Хартии (Magna Charta), где короля Иоанна Безземельного заставили, в 1216 году, подписать акт, долженствовавший навсегда ограничить прерогативы королевской власти. Далее, на правом берегу встречаем деревню Игем, в соседстве с которой находится обширное поле для конских скачек; затем следует город Стенс, где с 1280 года начинается юрисдикция лондонского порта, распространение которой до этого пункта объясняют тем, что здесь Темза принимает в себя несколько притоков, долины которых в старину служили естественными путями для торговли. В бассейне одного из этих притоков, реки Кольн, выходящей из цепи холмов Чильтерн-Гильз, находится старинное местечко Уксбридж, город Ватфорд, состоящий из одной длинной улицы и нескольких бумажных фабрик, и городок Сент-Альбанс, древний Verulamium (Verulam), от которого лорд Бэкон, владелец той страны, принял титул барона Веруламского: это был, как говорят, самый многолюдный римский город на юге Англии; нынешнее свое имя он получил от аббатства, некогда очень могущественного, от которого сохранилась до ныне готическая церковь, недавно реставрированная и содержащая кое-какие остатки времен десятого столетия, смешанные с постройками последующих эпох. Сент-Альбанс—одно из тех «гнилых местечек», которые прежде пользовались правом посылать двух депутатов в парламент, и у ко-

торых эта привилегия была отнята в 1852 году, по причине чересчур скандалезных подкупов на выборах. Недалеко от Сен-Альбанса находится старинное аббатство Ротамстед, здание которого с 1843 года занято под земледельческую лабораторию, и которое теперь окружено опытными полями. Замок Кассиобери, близ Ватфорда, обладает богатой библиотекой и великолепным парком, одним из лучших в Англии.

Река Ве или Уэ (Wey), соединяющаяся с Темзой ниже Стенса и Чертси, в области, захватываемой уже передовыми предместьями Лондона, орошает густо населенную долину, идущую между плоскими возвышенностями и пустыми холмами. На юг от Альдершотского лагеря эта река протекает мимо города Фарнгам, затем, встретив цепь холмов Норт-Даунс, она поворачивает на восток, проходя через Додальминг, где она становится судоходной: сюда переведена из Лондона, в 1872 году, школа, называемая «картезианской» (Charter house), одно из важнейших учебных заведений Англии, одно из тех заведений, где воспитанники получают наиболее серьезное образование; число учеников в этой школе ограничено пятью стами. Ниже Додальминга река вырывается через брешь в холмах, имеющую до того правильные, ровные стены, как будто она была вырезана мечем; город Гильдфорд, охраняющий этот проход, был некогда резиденцией саксонских королей запада (Вестсекса или западной Саксонии), и на улицах его можно еще встретить много старых строений, существующих со времен средних веков. Немногие ландштафты в Англии имеют столько прелести, как ландштафты окрестностей Гильдфорда, с их роскошными лугами, рощами и лесками, тщательно обработанными полями, обвитыми плющом стенами, и гладкими дорогами, извивающимися по косогорам между живых изгородей. Но в небольшом расстоянии от этой очаровательной местности, на север от упомянутой бреши, опять начинаются песчаные, поросшие вереском пространства: здесь расположено кладбище Уокинг, самый обширный некрополь Лондона, занимающий площадь около 9 квадратных километров.

Другой приток Темзы, речка Моль, образующаяся из соединения нескольких ручьев посреди области, называемой Вильд, проходит, подобно р. Ве, через брешь в цепи холмов Норт-Даунс, у города Доркин, затем, после многочисленных поворотов, вступает в равнину Темзы; название «Моль» (Mole—крот) дано ей, как говорят, по той причине, что она частию течет под землей, теряясь в меловых массах северного пояса холмов[1]. Цепь Даунс, в этой части своего протяжения, составляет нечто в роде оборонительного вала на юг от Лондона: здесь находятся те стратегические пункты, где, в случае неприятельского нашествия, должна решиться участь английской метрополии. Вследствие этого, часто заходила речь о том, что естественные укрепления, образуемые холмами Даунс, следовало бы дополнить верками, вооруженными пушками, в особенности на север от города Райгет (Reigate), который играет весьма важную роль в сети английских железных дорог, как место соединения главных линий, ведущих от берегов Ламанша. Небольшие возвышения почвы, идущие параллельно цепи Даунс, облегчили бы оборону этой военной позиции.

Как раз против слияния Моля и Темзы, на левом берегу главной реки, возвышается королевский замок Гамптон-Корт, построенный кардиналом Вольсеем, и в котором теперь живут пенсионеры двора. Большая часть этого дворца представляет настоящий музей, заключающий драгоценные произведения искусства, картины, картоны, шпалеры, рядом с множеством картин посредственного достоинства или сомнительной подлинности; портреты, принадлежащие кисти Веласкеца, Гольбейна, Тициана, ван-Дейка, Генсборо, Лоренса, составляют важнейшую часть этой коллекции. Прекрасные сады, устроенные во вкусе версальских, но уступающие им в отношении великолепия перспектив, занимают извилину Темзы и отделяют Гамптон-Корт от больших общин Кингстон-на-Темзе (Kingston-upon-Thames) и Сербитон, которые в действительности составляют один город, замечательный как одно из самых любимых мест дачной жизни столичного населения. Впрочем, мы уже в Лондоне. Предместья метрополии следуют одно за другим непрерывным рядом: Теддингтон, где начинается морской прилив; Твиккенгам, где жили многие знаменитости, и который обладает од-

1 Ravenstein, рукописные заметки.

ною из лучших обсерваторий в Англии; Айльворт, Брентфорд, Питерсгам и Ричмонд, с его зеленеющими лугами, с его обширным парком, где лани пасутся сотнями, с его террасой, откуда открывается вид на Темзу, описывающую красивую дугу между живописных берегов, отененных ветвистыми деревьями.

Города бассейна Темзы выше Теддингтона, имеющие более 5.000 жителей (1891 г.):

Графство Глостер

Сиситер (township)—7.440 жит.

Графство Вильтшир

Суиндон (local board)—32.840 жит.

Графство Оксфорд

Оксфорд (county borough)—45.742 жит.; Банбери (local board)—12.770 жит.

Графство Беркшир

Ридинг (county borough)—60.054 жит.; Виндзор (municip. borough)—12.300 жит.; Ньюбери (municip. borough)—6.600 жит.; Меденгед (municip. borough)—10.607 жит.; Абингдон (municip. borough)—6.557 жит.

Графство Буккингам

Эльсбери (local board)—8.674 жит.; Чиппинг-Вайскомб (local board)—8.500 жит.

Графство Гампшир

Базингсток (mun. borough)—7.960 жит.

Графство Соррей

Райгет (local board)—22.646 жит.; Кингстон-на-Темзе (mun. borough)—27.059 жит.; Сербитон (local board)—10.052 жит.; Фарнгам (township)—5.545 жит.; Гильдфорд (local board)—14.316 жит.: Доркинг—7.132 жителей.

Графство Гертфорд

Сент-Альбанс (mun. borough)—12.898 жит.; Ватфорд (local board)—16.830 жит.

Графство Мидльсекс

Уксбридж (local board)—8.210 жит.

Лондон[1], столица Британских островов и их громадной колониальной империи, есть в тоже время самый многолюдный город на земном шаре: в отношении числа жителей, он, вероятно, не имел равного себе ни в какую эпоху истории человечества. Ни Вавилон, ни Мемфис, ни густо населенная столица Небесной империи, никогда не заключали такой массы народа в своих стенах, и если бы Рим и Византия, две метрополии древнего мира, могли, во времена своего процветания, слиться в один город, общее население их было бы весьма незначительно в сравнении с тем морем людей, которое сгруппировалось в главном городе Англии.

1 Название London, у римлян Londinium, образовалось, как полагают, из кельтских слов Llun, озера, и Din, город. *Прим. перев.*

Давно уже кто-то заметил, что Лондон—это «целая провинция, покрытая домами». В самом деле, когда раз войдешь в этот обширный лабиринт строений, кажется, что выдти из него нет никакой возможности, без помощи пара: самый неутомимый пешеход устает, наконец, от странствования по этому нескончаемому городу; улицы следуют за улицами, и нигде не видно конца, нигде не заметно открытого пространства на горизонте. Сколько ни иди, все видишь кругом себя дома, фабрики, вокзалы железных дорог, виллы, сады, затем опять кирпичные стены, опять ячейки громадного людского улья, примыкающие одна к другой, которые тянутся вдаль на необозримое пространство. Даже гуляя посреди полей и внешних парков, можно подумать, что находишься в Лондоне, так как по обе стороны дорог дома образуют непрерывную линию, от столицы в собственном смысле, до включенных в её черту пригородов и от пригородов до длинных предместий. Выйдя из Лондона на западной стороне, можно пройти таким образом, как бы оставаясь постоянно в пределах одной и той же городской агломерации, Гаммерсмит, затем Чисвик, далее Брентфорд, Айльворт и Твиккенгам. Другая, параллельная предъидущей, дорога тянется чрез длинный город, образуемый предместьями Шепсгердс-Буш, Эктон, Илинг. На севере, Гампстед, Гайгет, Горни, Тоттенгам, Эдмонтон выдвигаются далеко, словно руки исполинского полипа. Точно также, идя в южном и юго-западном направлении, мы встречаем Брикстон, затем Дульвич, за которым далее следуют Сайденгам, Норвуд, Кройдон, и продолжая таким образом путь от местечка к местечку, от одного пригородного селения до другого, можно дойти до Эпсома, отстоящего от центра столицы на двадцать слишком километров, не видав, на всем этом пространстве, настоящей деревни иначе, как только короткими урывками. Тысячи людей родятся, живут и умирают в центральных округах или кварталах Лондона, никогда не созерцая другого горизонта, кроме горизонта кирпичных домов и каменных памятников. Единственные леса, которые они видели,—это группы деревьев в скверах, и небо, под которым они провели свою жизнь, всегда было затуманено чадом и копотью дымной атмосферы.

Это чудовищное скопление человеческих жилищ так громадно, что не могут даже придти к соглашению относительно величины занимаемого им пространства. Где прекращается то море домов, к которому должно быть применено условное наименование «Лондон»? Сами граждане не требовали никакого права или позволения, чтобы сгруппироваться в общину с точными границами, и различные административные учреждения определяли далеко неодинаково размеры поверхности той части Англии, которая должна быть называема Лондоном: по отношению к общественным выборам, парламентским или приходским, к службе почты и телеграфа, к системе канализации и сточных труб, к городским кладбищам, к кругу действия полицейского устава, к составлению таблиц смертности и средней продолжительности жизни, к производству переписи населения, к интересам церкви или фиска, определяемая оффициально площадь или окружность английской столицы много разнится: в оффициальном смысле существует не менее семнадцати Лондонов, отличающихся друг от друга центром, районом, контурами[1]. Смотря по различным статистическим данным административных учреждений метрополии, общая цифра населения, называемого лондонским, представляет разности в несколько сот тысяч, даже в целый миллион, как показывает следующая таблица:

Население Лондона:

		В 1861г.	В 1871 г.	В 1881 г.
		Ж и т е л е й		
Лондон	с парлам. местечком	2.640.253	3.024.066	3.454.025
	по метрич. книгам (316 квадр. килогр. с	2.803.989	3.254.260	3.816.480
	в пределах ведомства управления публ. работ (305 кв. клм.)	2.808.862	3.266.987	3.834 355
	почт.округ (1.170 кв. клм.)	2.967.956	3.536.129	4.335.000
	полицейский окр. (1.830 кв. клм.)	3.222.720	3 885.641	4.766.660

С 1888 г. Лондон, для целей администрации, составляет особое графство, границы которого совпадают с пределами бывшего ведомства публичных работ (305 кв. километр., с насе-

1 Joseph Firth, „Municipal London".

лением, в 1891 г., 1.232.118 челов.). Но вне этих границ лежат значительные части города и предместья, так что «Большой Лондон», Greater London, заключающийся в пределах столичного полицейского округа, по переписи 5 апреля 1891 года, насчитывал 5.633.806 жителей.

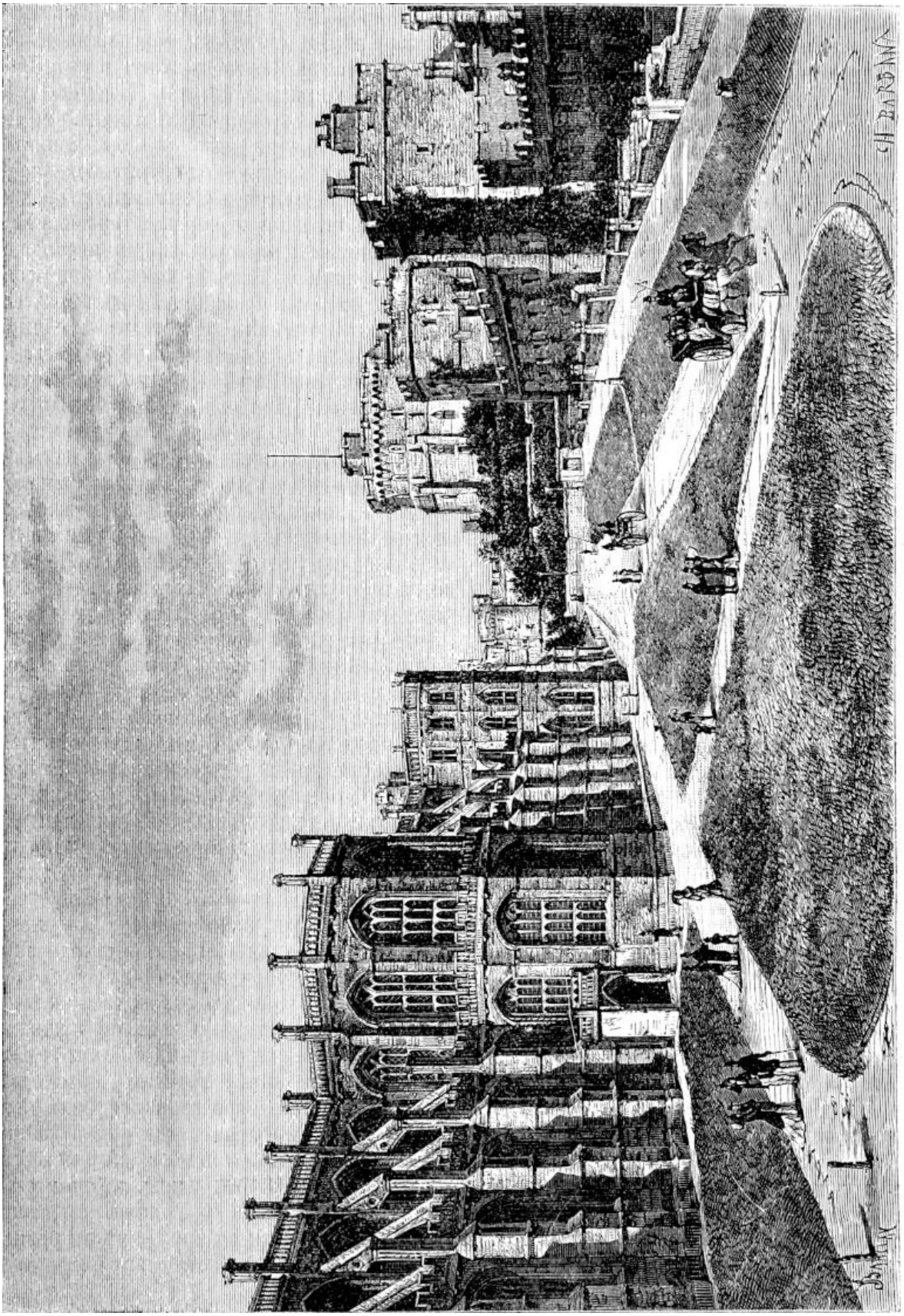
Сосредоточение таких огромных масс народа на берегах Темзы объясняется очевидными выгодами местоположения Лондона. Он занимает превосходное географическое положение, как складочный пункт земледельческой страны, как место соединения дорог, проезда путешественников и провоза товаров, как речной и морской порт, и как центральный торговый город по отношению ко всему земному шару: словом, за исключением ясного неба, которого ему недостает, он имеет все выгоды положения, какие только можно пожелать; даже в отношении гигиенических и санитарных условий он сумел поставить себя выше многих других столичных городов.

Во-первых, нужно сказать, что Лондон расположен у естественного выхода богатой долины Темзы, одной из самых обширных долин Англии, самой плодородной долины, где сообщение производилось во все времена с величайшей легкостью. Благодаря тихому течению и глубоким водам этой реки и её притоков, суда удобно могли, начиная с первых веков известной истории, спускаться из всех частей речного бассейна, и земледельческие произведения и другие товары, привозимые по «матушке Темзе» (Father Thames), естественно, были складываемы в том месте, где начинается морское судоходство. Этим необходимым складочным местом и был Лондон. В самом деле, здесь возвышаются последние прибрежные холмы, здесь река, усиливаемая морским приливом, представляет последнее удобное место для переправы с одного берега на другой. Ниже Темза извивается между болотистых, часто затопляемых земель, затем разливается широким заливом с берегами, не имевшими прежде определенных границ. В этой части реки всякое сообщение между берегами становится уже настоящим морским переездом, иногда сопряженным с опасностями, и часто жители прибрежья предпочитали подниматься к выше лежащему городу, где переход через реку мог быть совершен безопасно. Кроме того, Лондон занимал довольно выгодное положение для того, чтобы обороняться в случае внешней войны: он защищен со стороны моря, так же, как и Париж, многочисленными изгибами своей реки. В соседстве с большим судоходным лиманом, куда могут входить неприятельские флоты, эта выгода приобретает огромную важность, как это показала, например, война с Нидерландами, когда голландские корабли, под начальством адмирала Рюйтера, проникнув в Темзу, принуждены были остановиться на пути к английской столице, причинив больше страха, чем вреда.

Лондон, если рассматривать его только со стороны его отношений к остальной части острова, пользуется уже естественным преимуществом, которое должно было возрастать из века в век, по причине постоянно увеличивающейся сети дорог, сходящихся к этому жизненному пункту страны. Положение же его относительно окружающих морей и противолежащих берегов европейского континента еще более увеличивает эти первые выгоды, прибавляя к ним новые, чрезвычайные условия процветания. Самая форма лимана Темзы как нельзя более благоприятна для того, чтобы привлекать торговое движение. Гораздо шире открытая, чем залив реки Гумбер, гораздо более безопасная и менее усеянная песчаными мелями, нежели бухта реки Ваш, обширная воронка, образуемая морской Темзой, представляет убежище, наиболее выгодно расположенное для того, чтобы принимать корабли, плавающие во множестве по соседним морям. Притом, лиман, служащий внешним рейдом Лондона, находится как раз у юго-восточного угла Великобритании, то есть возле пролива, соединяющего два моря, Ламанш и Северное море, и, вследствие того, Лондон сделался рынком громадного движения товаров, производимого двумя главными торговыми потоками, которые встречаются в этом месте. Подобно тому, как при выходе из Ламанша две приливные волны, одна идущая прямо с Атлантического океана, другая, описавшая свой исполинский круг около Британских островов, сталкиваются и соединяются в двойной прилив, так точно морская торговля Британского канала и торговля скандинавских морей смешиваются в Лондонском порте и принимают там такие обширные размеры, каких они, без сомнения, не

имели бы, если бы не встречали на пути этот общий рынок.

Относительно всей Европы и совокупности континентов, Лондон также занимает положение одно из самых счастливых. Пока Англия имела незначительное население, не превы-



Виндзорскій замокъ.

шавшее четырех или пяти миллионов душ, и пока беспрестанные междоусобные войны поглощали на дело разрушения все силы, всю энергию британского народа, Лондон не мог воспользоваться выгодами своего положения для того, чтобы служить складочным местом

международной торговли; но с той поры, как англичане захотели получать свою долю богатств, доставляемых морским судоходством и всемирной торговлей, географическое превосходство порта Темзы над всеми его соперниками, другими портами европейских морей, ясно обнаружилось. Лондон лежит почти в самой середине всех океанических областей Европы, между Гибралтарским проливом и Северным мысом Скандинавского полуострова; вместе с тем он помещается как раз в центре тяжести всего континентального полушария: здесь именно находится самое естественное сборное место для кораблей, которые ходят забирать грузы товаров на обоих берегах Нового Света, на дальнем Востоке, в Океании; со всех концов земли сюда направляются линии морского судоходства и образуют здесь свой главный узел. Еще задолго до того времени, когда обнаружились эти огромные выгоды Лондона, как международного торгового порта, один лорд-мэр спрашивал иронически у короля, высказавшего желание перевести в другое место резиденцию правительства: «А Темзу вы нам оставите, ваше величество?»

Уже во времена римлян Лондон был важным городом, так как Тацит называет его славным, по причине его деятельной торговли и постоянного прилива иностранцев; но в следовавшие затем средние века этот город рос медленно, и бывало, что войны, продолжительные торговые кризисы, эпидемии задерживали его возрастание или даже уменьшали его население: до первых годов восемнадцатого столетия Париж был его соперником в отношении числа жителей и, без всякого сомнения, превосходил его в различные эпохи. Но с тех пор, как Англия завладела торговлей с Индией и порт Темзы получил еще более важное значение, благодаря установившимся торговым сношениям с отдаленными странами Азии, Лондон окончательно опередил столицу Франции: население его, превышавшее пятьсот тысяч душ в начале прошлого столетия, простиралось уже до миллиона сто лет спустя, а с того времени оно более чем учетверилось. Ежегодное приращение столичного населения составляет, в среднем, около 100.000 душ: это увеличение так же значительно, как если бы каждый день возникала новая деревня, населенная 274 жителями, и присоединялась к громадной агломерации; средним числом, каждый час более одного дома воздвигается вокруг сотен тысяч домов, существующих уже в пределах метрополии. Захваты, которые Лондон постоянно делает в окружающей его местности, походят, по своему неумолимому ходу, на явление природы: море «кирпичей и известки» разливается все далее и далее, как озеро, прорвавшее сдерживавшие его плотины. И в то время, как Лондон расширяется во все стороны посредством предместий, которые можно сравнить с узлами расстилающихся корней, выделяемых корневищем некоторых растений, местечки и селения его окрестностей тоже постепенно разрастаются; они мало-по-малу делаются настоящими городами и вскоре поглощаются охватывающим их потоком метрополии: как триста лет тому назад Лондон и Вестминстер, бывшие прежде самостоятельными городами, слились в одну столицу, так и в наши дни Гринвич и Вульвич уже смыкаются с своим могучим соседом посредством перешейков из каменных строений; Кройдон, Вимбледон, Петни, Ричмонд, Кингстон, Брентфорд скоро совершенно утратят свою индивидуальность, как независимые общины, и обратятся в лондонские предместья: все эти местечки можно уподобить капелькам, притягиваемым центральной каплей, которая, поглощая их одно за другим, постоянно увеличивается в объеме. Теперь нельзя без улыбки вспомнить о строгом указе королевы Елизаветы, воспрещавшем строить какие бы то ни было дома в расстоянии менее трех миль вокруг Лондона и Вестминстера, предписывавшем сломать все сараи, поставленные в последние семь лет, все дома, еще не оконченные в день издания указа. А между тем, в 1602 году, когда испуганная возрастанием Лондона королева пыталась положить этому конец своим грозным декретом, столица Англия имела не более тридцатой части того числа жителей, которое она вмещает теперь (население Лондона в 1600 г.—около 150.000 душ). В настоящее время длина всех улиц Лондона, которых насчитывается до 23.000, составляет около 10.000 верст, так что если бы эту длину развернуть в одну линию, то она протянулась бы через всю Европу и переднюю Азию до южной оконечности Индостана и даже за остров Цейлон.

Разрастаясь из году в год на счет окружающих полей, лугов и лесов, Лондон, так же, как

и Париж, превратил в сточные канавы протекавшие через него речки и ручьи. Так, речка Флит, устье которой представляло маленькую гавань, и которая питалась большим источником Old Bourne (Гольборн), совершенно исчезла, но течение её и теперь можно везде узнать, идя вдоль улиц, занимающих бывшее дно её долины. Также точно скрылся тот извилистый ручей, на берегу которого, за городом, в чистом поле, некогда была воздвигнута Тибурнская виселица, так часто упоминаемая в истории Англии; но по крайней мере вода этого ручья появляется еще в Гайд-Парке, где она наполняет резервуар Серпентины. В центре Лондона только попадающиеся кое-где деревья наводят на мысль о внешней природе; только названия мест, каковы, например, Гастон-Гарден, Сого, напоминают сады, славившиеся некогда своей клубникой и розами, и парки, где лорд-мэр и альдермены охотились на оленя[1]; но почти все городские кварталы новейшего происхождения расположены таким образом, что они заключают там и сям отрывки настоящей деревни, с рощами, лугами, стадами скота, мирно пасущимися на траве. Эти внутренние парки, Сент-Джемский, Зеленый (Green Park), Гайд-Парк, Кенсингтонские сады (Kensington Gardens), Риджентс-Парк и сотни садов, предоставленных в пользование жильцам окружающих домов, дают городу свежий воздух и свет. Английская метрополия имеет ту огромную выгоду, в сравнении со многими другими столичными городами, что она давно переступила за черту первоначальных укреплений, и потому могла разростаться на просторе: вместо того, чтобы громоздить этаж на этаж, как это делали в Париже, здесь строили дом подле дома; здесь далеко не так скупо утилизировали пространство, как на берегах Сены. Поэтому Лондон, при двойном населении, занимает площадь по меньшей мере в пять раз большую, чем столица Франции, и следовательно, жители его получают более значительное количество годного для дыхания воздуха. Средним числом, каждое из лондонских жилищ заключает только от семи до восьми лиц; но около 250.000 человек имеют только по одной комнате. В различных кварталах столицы среднее число жителей, приходящееся на каждый дом, распределено следующим образом:

Графство Мидльсекс (максимум) в 1851 г.: 7.9 ж., в 1861 г.: 8,1 ж.; графство Эссекс (минимум) в 1851 г.: 5 ж., в 1861 г. 4,9 ж. В целой метрополии в 1891 г.: 7,72 жильцов.

Но, к сожалению, метрополия Англии не располагает в достаточном количестве чистой водой: многие кварталы получают жидкость, наполненную разлагающимися органическими веществами, вследствие чего смертность в этих кварталах вдвое или даже втрое больше, чем в тех округах столицы, жители которых пьют здоровую воду. Большое количество воды, потребляемой лондонским населением, поставляет все еще Темза, а между тем эта река в нижнем её течении одна из самых нечистых. Однако, в сравнении с тем, чем она была еще недавно, когда в нее изливались сточные канавы города, теперь достигнуто уже большое улучшение: около половины нынешнего столетия вода Темзы, принимая в себя нечистоты Лондона, представляла скорее жидкую грязь, чем воду; тина на дне реки, наполненная разлагающимися органическими веществами, кишела красными червями, длиною от нескольких сантиметров почти до целого метра. Прилив и отлив передвигали взад и вперед все эти вещества, живые или мертвые, в громадной сточной канаве, какою являлась Темза, и суда поднимали их на поверхности реки в виде вонючей борозды: в то время невозможно было без риска для здоровья провести несколько минут на борте одного из бесчисленных пароходов, плавающих по Темзе. И теперь еще воды реки, загрязняемые всякой дрянью, уносимой с берегов, извергаемой прибрежными фабриками или бросаемой экипажем судов, имеют мутный, черноватый цвет, часто издают зловонный запах и оставляют на выступающих на поверхность отмелях и на ступеньках набережных осадок вонючей тины. Хотя в той части своего течения, которая проходит через самый Лондон, Темза была прочищена, но ниже порта, между промышленными предместьями, которые тянутся по обоим берегам, она осталась в прежнем состоянии.

В видах правильного удаления нечистот из города, в 1859 г. было предпринято устройство целой сети сточных каналов и труб. В настоящее время три главные подземные канала

1 Thornburg and Walford, „Old and New London“.

принимают сточные воды северных округов Лондона; три другие канала проходят под южными кварталами, и все жидкия нечистоты, приносимые жилами и жилками сточных труб, уносятся на большое расстояние вниз от столицы по двум параллельным спускам (деверсуарам), из которых один идет вдоль северного, а другой вдоль южного берега реки. Там все эти нечистые воды подхватываются машинами и выливаются в нижнюю Темзу. В 1876 году среднее количество жидкости, уносимой лондонскими сточными трубами, составляло 496.330 куб. метров в день, или около 6 куб. метров в секунду; длина главных или собирающих сточных труб (коллекторов) равнялась 132, длина второстепенных труб 9.400 километрам. Результаты этих работ, общая стоимость которых превышала сумму 115 миллионов франков, не заставили долго ждать себя. Сама метрополия была, правда, очищена, но города, лежащие близ устьев сточных каналов, жалуются на такое систематическое заражение их воды и воздуха, и загрязнение реки увеличивается из году в год. Сначала думали, что нечистоты, выбрасываемые в лиман, будут уносимы течением в море; но, к сожалению, большая часть этих извержений столицы, утекающих вниз по реке вместе с отливом, подхватывается приливной волной и опять переносится вверх по Темзе; тина, образующаяся из осадков жидкости, удаляемой посредством сточных каналов, поднимается все выше и выше к прибрежным городам. Изгоняемые этими нечистотами, многие породы рыб, которые прежде заходили далеко вверх по Темзе, теперь покинули эту реку. Так, угри, драгоценная уклейка (whitebait) или молодая сельдь[1], столь ценимая гастрономами, и некоторые другие морские рыбы, которые проникали в реку до Эрита и даже выше, теперь совсем не встречаются в тех местах; голландские рыболовы, гонявшиеся за этой рыбой, с каждым годом все менее и менее проникают вверх по Темзе. В 1852 году они доходили до Эрита; в 1859 г. они уже не поднимались даже до Грингайта; в 1862 г. принуждены были удалиться из Гревзенда, а в наши дни они останавливаются еще гораздо ниже[2]. А между тем эти извержения исполинской метрополии, отравляющие реку и заражающие воздух лежащих ниже городов, могли бы быть с такой пользой употребляемы на поддержание плодородия низменных равнин на берегах Темзы и на превращение в цветущие луга тенистых пространств лимана! Произведенные в разное время опыты доказали, что Лондон тратит огромные суммы на то, чтобы выбрасывать в море могущественный элемент земледельческого богатства, представляющий ежегодно производительность 2.920.000 гектаров земли[3]; при том же, наглядный пример, даваемый Парижем, Данцигом. Эдинбургом, Ковентри и многими другими городами, повидимому, должен бы был убедить английскую столицу, что для неё гораздо выгоднее было бы утилизировать свои сточные воды в виде удобрения полей и лугов, вводить их непосредственно, и к своей пользе, в жизненный круговорот. Но, к сожалению, до сих пор рутина одерживала верх, в ущерб санитарным условиям города.

Распределение так называемой чистой воды делается в Лондоне не лучше, чем удаление жидких нечистот: и в этом отношении метрополия Англии должна бы была последовать примеру Парижа. Так как уже затрачены огромные капиталы на канализацию, на устройство резервуаров, фильтрационных снарядов и других приспособлений, то понятно, что водопроводные компании, водопроводы которых питаются двумя источниками, образующими искусственно созданную Новую реку (New River), верхней Темзой и рекой Ли, сделались настолько богатыми и могущественными, что могут с успехом противиться всякой перемене в системе снабжения столицы водой. Однако, общественное мнение, по всей вероятности, восторжествует над этой, руководимой личными интересами, оппозицией и добьется того, что столичное население будет получать воду из какого-нибудь другого источника, а не из реки, которая уже выше Лондона принимает в себя сточные воды городов и деревень, населенных в совокупности целым миллионом жителей. Откуда проведут этот чистый, прозрачный поток, который сделает Лондон самым здоровым городом между столицами Европы?

1 Van Beneden, „Patria Belgica“, II, p. 326
2 Calvert, „Official Raport“, 1877.
3 I. I. Mechi, „Times", 27 сент. 1878.

Станут ли собирать дождевую воду, падающую на Багшотские ланды, на юго-западе от столицы, и которая фильтруется песчаной почвой? Возьмут ли ручьи и потоки, бегущие с гор Валлиса, и бассейн Северна сделается ли притоком Темзы? Или, может быть, устроят водопровод в 400 километров длиною, чтобы дать Лондону прозрачную, как хрусталь, воду озер Кумберланда? Как бы ни были громадны расходы, они не испугают, конечно, богатейшего в мире города, так как дело идет о снабжении многомиллионного населения чистой водой, составляющей одно из необходимейших условий его гигиены. Вот некоторые цифры, относящиеся к нынешней системе водоснабжения:

Общая длина водопроводов в Лондоне (в 1893 г.) 4.500 километров.

Количество воды, поставляемой восемью водопроводными обществами, около 835 миллионов литров в день.

Что касается света, то Лондон получает его в ночное время в изобилии, благодаря огромному количеству каменного угля, которое употребляют 16 газовых обществ для приготовления светильного газа. Общества эти поставляют 1.000 миллионов куб. метров газа в год; общая длина газопроводных труб 7.000 километров.

Теперь электрический свет, введенный с 1878 г., оспаривает у газа освещение площадей и великолепных магазинов.

«Жизнь в Лондоне—это смерть!», гласит одна старинная пословица; но хотя дурная вода содействует, в известной мере, оправданию этой поговорки, нельзя, однако, оспаривать того факта, что метрополия Британских островов, в сравнении с большей частью городов Европы, пользуются относительно благоприятными условиями для общественного здравия, лучшим доказательством чего служит избыток числа рождений над числом смертных случаев, как показывают следующие статистические данные:

Число рождений в Лондоне в 1877 году 127.258, т.е. 36 на 1.000 жит., 349 в день; число умерших в Лондоне в 1877 г. 77.002, т.е. 21,8 на 1.000 жит., 211 в день; нормальный прирост населения 50.256, т.е. 14,2 на 1.000 жит., 138 в день. В десятилетие 1881-90 гг прирост этот составлял в среднем, 51.400 в год.

Средняя смертность в некоторых больших городах: Лондон—22 на 1.000, Брайтон—19 на 1.000. Манчестер—28 на 1.000, Ливерпуль—31 на 1.000, Галифакс—33 на 1.000, Париж—23 на 1.000, Берлин 30 на 1000, Вена—31 на 1.000, Филадельфия—20 на 1.000. В период 1881-90 гг. средняя годовая смертность в Лондоне: 21,4 на тысячу.

Четыре пятых ежегодного увеличения столичного населения происходит от естественного прироста, то-есть от избытка числа рождений над числом смертных случаев, тогда как иммиграция составляет только одну пятую в общей цифре возрастания города. Между переселенцами первое место, по численности, занимают жители деревни, привлекаемые в большой город; пропорция переселившихся в Лондон из провинции за десятилетний период с 1861 по 1871 год[1]:

На 1.000 лиц 14 иммигрантов из промышленных графств; на 1.000 лиц 91 иммигрант из земледельческих графств.

Многие земледельческие графства имеют в Лондоне больше представителей, чем в собственных главных городах, и большинство пришлого люда состоит из женщин, которые идут в столицу наниматься в качестве прислуги: разность между женским и мужским населением метрополии простирается до 300.000 душ; числовое отношение мужчин к женщинам в Лондоне, по переписи 1891 г., оказалось следующее: 1.000 к 1.116. Часто повторяют также, что столица Британских островов заключает в своих стенах больше шотландцев, чем Эдинбург, и больше ирландцев, чем Дублин. Это, конечно, неправда, но действительно Лондон, по числу жителей этих двух национальностей, можно считать одним из главных городов шотландских и ирландских. Евреев тоже очень много в столице Великобритании; близ Дульвича существует колония Gypsies или цыган, сделавшихся оседлыми жителями, а в кварталах,

1 Dunant, „Influence de l'immigration de la population des campagnes dans les villes".

прилегающих к Вест-индским докам, встречаешь сотнями матросов всех племен и наречий земного шара: индусов, малайцев, китайцев, полинезийцев. Нигде в целом мире нет более удобного места для самых полных и всесторонних этнологических этюдов. Пришлое с континента население, немногим большее по численности, чем оно было в половине шестнадцатого столетия (в 1567 году иностранцев в Лондоне насчитывали 4.851), составляет лишь около одной пятидесятой общего числа жителей, и почти без исключения эти континентальные европейцы проживают в английской метрополии по своим делам: тогда как англичане, живущие в Париже, едут туда только затем, чтобы тратить деньги, французы, наоборот, отправляются в Лондон единственно с целью нажить копейку. Отсюда между двумя колониями—английской на берегах Сены и французской на берегах Темзы—поразительные контрасты, обусловливаемые не одним только различием расы. Состав лондонского населения очень разнообразен. По данным переписи 1891 г., из 1.000 жителей только 655,2 родились в Лондоне, 282,6 происходят из остальной Англии, 12,7 урожденные шотландцы, 15,8 ирландцы, 1,3 с окружающих островов, 7,1 из британских колоний и 25,2 иностранцы. Однако, между 106.150 родившихся заграницей 11.097 дети британских родителей или натурализованы, так что остается только 95.053 действительных иностранцев (foreigners), в том числе 26.920 германцев, 14.708 поляков, 12.034 русских, 10.366 французов, 5.138 итальянцев, 4.903 из Соединенных Штатов, 4.289 голландцев, 3.295 швейцарцев, 3.041 австрийцев и т.д.

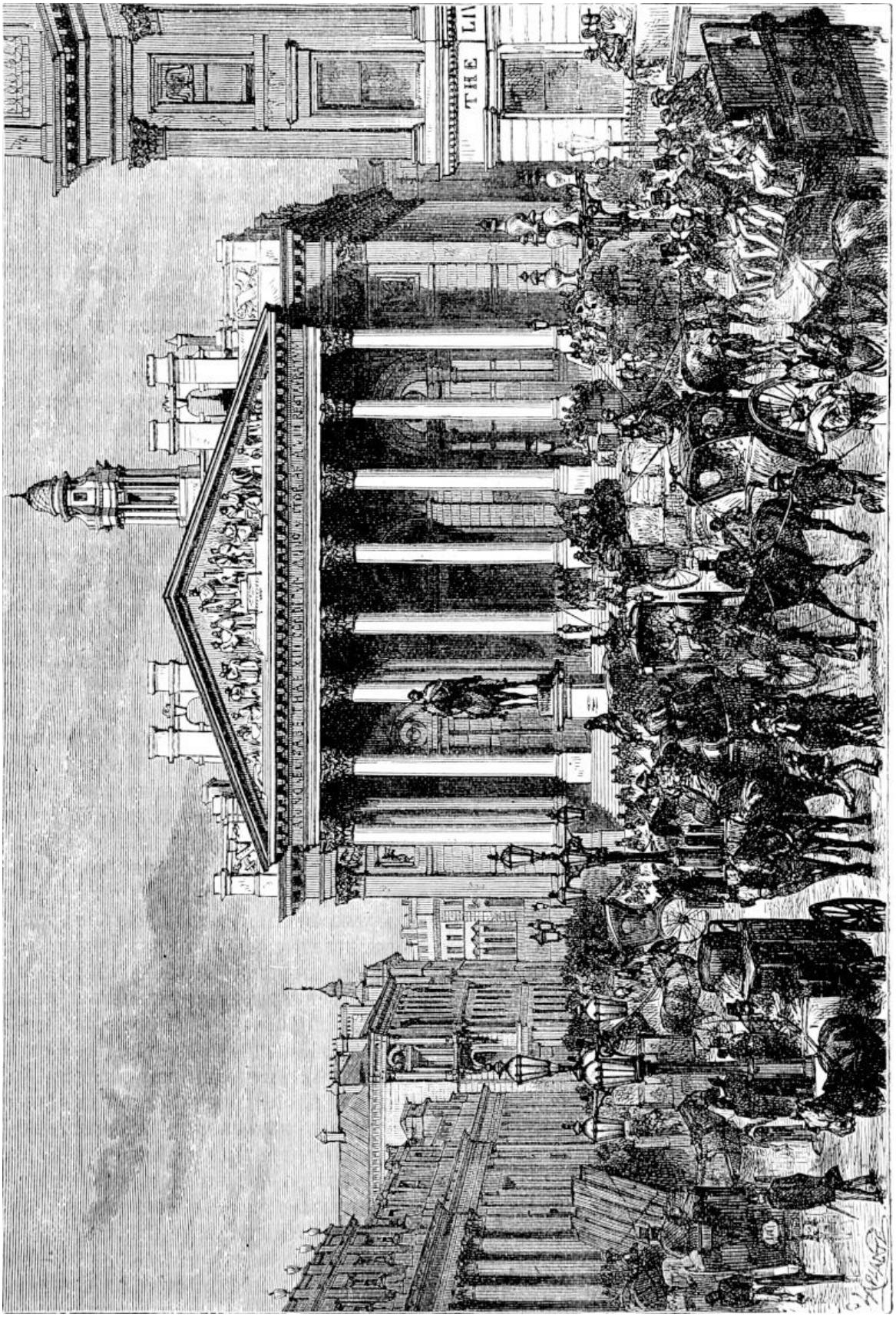
Чтобы составить себе понятие о громадных массах народа, которые толпятся на улицах и площадях британской столицы, для этого нет надобности присутствовать на одном из тех праздников или национальных церемоний, которые собирают более миллиона людей на пути следования торжественной процессии или кортежа. Достаточно видеть в часы обычной деловой жизни главные улицы Сити, Чипсайд, Ледгет-Гилль, Каннон-Стрит, Ломбард-Стрит, когда кареты, коляски, кебы, омнибусы, телеги всякого рода кажутся сливающимися в одну сплошную массу. Однако, приглядевшись несколько, вы различаете в этом подвижном хаосе два непрерывные течения, всегда противоположные, к которым каждая из боковых улиц прибавляет новый приток, и которые умеют сторониться друг от друга, точно живые существа. Внизу толпы, покрывающей экипажи, волнуется другая толпа, которая проскальзывает между лошадей и колес, и устремляется двумя противоположными потоками вдоль домов. Через каждую минуту глухой шум возвещает прибытие поезда, и из выходов какой-нибудь станции высыпают сотнями другие пешеходы, которые смешиваются с движущимся морем человеческих существ и скоро теряются в нем. По «Лондонскому мосту» (London Bridge), составляющему главный путь сообщения между Сити и кварталом Саутварк, каждый день проходит по меньшей мере 300.000 человек, и с каждым годом масса проходящих и проезжающих все увеличивается: хотя он раз был уже сломан (именно в 1825 году) и снова построен в более обширных размерах, но его опять придется перестраивать, чтобы дать достаточное русло, как выразился Чарльз Диккенс, «реке людей, движущейся над неодушевленной рекой». С той стороны Лондонского моста, которая обращена к морю, вы видите по обоим берегам лес мачт и снастей, едва оставляющий, посередине Темзы, узкий проход для бесчисленных судов, которые снуют по реке, плывя по течению или борясь с приливом. По другую сторону моста пароходы, битком набитые пассажирами, то и дело появляются и исчезают между арками путевода, беспрестанно потрясаемого проходом поездов. Эти легкие речные пароходы, которые поминутно приходят и уходят, причаливают на мгновение к берегу и тотчас же опять удаляются от него, спуская на каждой пристани свой груз людей и забирая новую толпу пассажиров, можно назвать подвижными набережными, странствующими от одной к другой оконечности города.

По главной столичной железной дороге (Metropolitan Rail-Road) и по другим рельсовым путям, проведенным внутри столицы над домами, на высоких аркадах, или под зданиями, в подземных туннелях и в глубоких траншеях, каждый день проезжают, так же, как по Темзе и по улицам Сити, сотни тысяч людей; годовое движение пассажиров на лондонских железнодорожных станциях нужно считать в двести миллионов лиц. В наиболее посещаемых станциях подземных дорог, всегда наполненных сернистой атмосферой и беспрестанно огла-

шаемых грохотом вагонов, едва успеет скрыться из глаз один поезд, как другой уже появляется из-под земли. В исполинской агломерации, называемой Лондоном, от Брентфорда до Гринвича и от Сайденгама до Гайгета, существует более ста пятидесяти железнодорожных станций, которые приводят в сообщение все округи метрополии и главные рельсовые линии, направляющиеся в провинцию: исключая нескольких коротких переездов, путешествия в английской столице делаются теперь везде при помощи пара; в близком будущем круг, образуемый столичной железнодорожной линией, сомкнется во всех местах, и тогда поезды, буксируемые неподвижно установленными машинами и привязанные к одному и тому же канату, будут вращаться непрерывно, как небесное светило в своей орбите. Благодаря своей обширной сети быстрых путей сообщения, город может распространяться до бесконечности по окружающим полям и деревням, к великой выгоде общественного здравия: если бы Лондон не обратил на служение себе каменный уголь, он должен бы был, как Париж и большая часть других городов европейского континента, расти главным образом в вышину, громоздя в каждом доме этаж на этаж. Тем не менее, однако, и в английской столице появились уже во многих местах те колоссальные строения, где тысячи людей могут жить друг над другом в ограниченном пространстве. Таков, например, вокзал-отель мидлендских железных дорог, исполинская громада из кирпича и железа, с башенками, павильонами, триумфальными воротами; таковы же другие отели, построенные для приезжающих близ главных станций, где останавливаются поезды, приходящие из провинции. Эти огромные дворцы, господствующие своей высокой массой над целым кварталом Лондона и видимые издалека, могли бы, без всякого стеснения, дать приют толпе пассажиров, которые в один момент наполняют платформы станции в часы прихода поездов.

Лондон так обширен, что ни с какой обсерватории, ни с какого возвышенного пункта невозможно окинуть взором весь город даже в те дни, когда атмосфера не омрачена туманом и дымом каменного угля. С высоты памятников, воздвигнутых посреди Сити, вы примечаете только верхушки бесчисленного множества домов, башни и колокольни сотен церквей, да полукруг реки, с её мостами, с пароходами, снующими взад и вперед по её поверхности, с движущимися над ней поездами железных дорог и с лесом мачт, который теряется на восточном горизонте. С вершин Примроз-Гиля или с высот Гампстеда или Гайгета, на северной стороне столицы, вы видите у себя под ногами парки, окруженные виллами или дворцами, далее безбрежный океан домов до купола собора св. Павла; но Темза и гавань лежат уже за пределами поля зрения. Из Гринвича или с главной башни Хрустального дворца мы видим или угадываем другие часта метрополии, но самая большая половина Лондона все-таки отсутствует в необъятной панораме. Чтобы составить себе верное понятие о чудовищном городе, необходимо осмотреть его во всех частях, обойти все его округи и кварталы, которые, впрочем, резко различаются между собой как наружным видом, так и населением. Лондон не имеет коллективной личности, как Париж: его нельзя назвать городом в собственном смысле, то-есть городом, имеющим свою определенную индивидуальность и ясно отличающимся от остальной Великобритании. Он вырос слишком быстро для того, чтобы мог отчетливо обособиться от провинции; подобно скороспелым растениям, он развивался так поспешно, что не успел принять ясно очерченных контуров, не успел получить особенной физиономии, свойственной организмам, формирующимся более медленно. При том же Лондон, в противоположность Парижу и большей части больших городов Европы, образовался не последовательным наростанием вокруг единого центра, но путем расширения нескольких различных городов, между которыми самые значительные были Сити, Вестминстер, Гринвич: необъятная метрополия сформировалась посредством внешнего сростания многочисленных предместий и деревень, выдвигавших свои улицы навстречу друг другу. Такой способ роста не позволял Лондону выработать в отчетливых очертаниях свою собирательную личность; он является преимущественно агломератом различных миров, каковы миры товарных складов, банков, фабрик, княжеских резиденций, вилл, из которых каждый имеет свою особенную физиономию и свою отдельную историю. Это организм, имеющий несколько жизненных центров: парламент, Чаринг-Крос, английский банк, доки. Но почти все эти

извне сросшиеся городские округи похожи друг на друга строительными материалами и черным слоем, которым дымные туманы покрыли их здания. Хотя Лондон расположен в геологическом бассейне, подобном тому, в котором находится Париж, однако, в окрестностях его



Лондонскій банкъ.

нигде нет залежей известняка и гипса, и потому он почта весь выстроен из кирпича; камень, употребляемый для общественных памятников и монументальных зданий, привозится из дальних мест. Скалы Йоркшира доставили известняк, из которого построен парламент; со-

бор св. Павла и многие другие здания сделаны из портлендского плитняка, а набережные—из шотландского гранита. Лондонская башня (Тоуэр) построена из камня, привезенного из французского города Кан; прежние короли Англии вывозили из Франции, из своего герцогства Нормандии, материал для сооружения своих дворцов и крепостей, да и теперь еще большое число судов, выходящих из бассейнов Орны, нагружены камнем, предназначенным для лондонских построек. Но гранит и плитняк памятников Лондона так же покрыты сажей, как и кирпич обыкновенных домов. Дым от каменного угля, падающий иногда из воздуха густыми хлопьями и покрывающий черными крапинками деревья, дерн и цветы садов, в несколько лет окрашивает в черный цвет стены новых здании: дождевая вода, струящаяся по фасадам и колоннам, проводит сероватые борозды в слое сажи. Нельзя не удивляться, что богатые англичане, так заботящиеся об опрятности своих особ и своих жилищ, не приняли до сих пор, если не считать нескольких загородных вилл, португальского и бразильского способа обшивания домов глазированным фаянсом, который легко отмывается. Но в блестящих кварталах Вест-Энда обычай строить дома из раскрашенной терракоты все более и более распространяется.

Лондон разростается, главным образом, с западной стороны, как и большинство европейских городов: он так же ищет чистого воздуха, который приносят господствующие западные ветры, дующие в продолжение большей части года. Но, кроме этой общей причины, были и другие обстоятельства, влиявшие на развитие английской метрополии преимущественно в направлении заходящего солнца. Дело в том, что с этой стороны почва твердая, тогда как на востоке расстилаются низменные и болотистые местности; кроме того, переправа через Темзу ниже Лондонского моста гораздо затруднительнее, чем вверх от него: понятно, что округи города основывались там, где сообщение между противолежащими берегами реки было всего удобнее. Следствием этого является то, что центр Лондона переходит все далее и далее на запад: римский миллиарий, который еще виден недалеко от Лондонского моста и который, вероятно, был исходною точкой для всех дорог из Лондиниума в другие города Британии, находится теперь не в средине Лондона, и город в собственном смысле, Сити (City), давно уже перестал быть центральным кварталом. Вместе с тем эта часть метрополии не имеет более вида древности, который мы в праве были бы ожидать найти здесь. Лондон, по своим постройкам, почти весь является произведением нового времени, даже в том месте, где за тысячу восемьсот лет до нашей эпохи стоял древний Лондиниум. Разрушенный на шести седьмых своего протяжения знаменитым пожаром 1666 года, в память которого поставлена, близ Лондонского моста, колонна, не отличающаяся архитектурною красотой, хотя и называемая «монументом», он заключает, кроме Тоуэра и нескольких ничтожных лачуг, мало цельных зданий, предшествующих семнадцатому столетию; замечательнейшие из этих уцелевших памятников старины—церковь св. Варфоломея, в нормандском стиле, ротонда тамплиеров или Temple Church, построенная с 1185 по 1240 г., и ворота св. Иоанна, принадлежавшие к странноприимному дому рыцарей ордена иоаннитов. Во время упомянутого пожара, продолжавшагося четыре дня и четыре ночи, пламя истребило более тринадцати тысяч домов, восемьдесят девять церквей и городскую ратушу (Guildhall). Границы, обозначавшие окружность Сити, исчезли, как и большая часть его старинных здании, и еще недавно ворота Темпль-Бар, загромождавшие одну из самых оживленных улиц, Странд, и грозившие обвалом, были сломаны в видах общественной безопасности. В Темпль-Баре еще лет сто тому назад выставлялись публично головы казненных мятежников; здесь же в дни больших празднеств лорд-мер торжественно останавливал государя и его кортеж (ворота запирались, и королевский герольд стучал в них, давая тем знать о желании государя войти), чтобы таким образом констатировать привилегии Сити, прежде чем поднести королю или королеве ключи от города и свой меч.

Лондонский Сити, как и центральный квартал Парижа (Cite), занят преимущественно общественными памятниками; но главные его здания—это банковые учреждения, конторы банкиров и финансовых компаний, отели, принадлежащие могущественным торговым домам. Эти пяти- и шести-этажные дворцы из гранита, мрамора или кирпича, соединенные

между собою лабиринтом переулков, дворов и подъездов, ночью стоят почти пустые: на ночь здесь остаются только сторожа и полисмены. С утра они начинают наполняться народом; из всех предместий Лондона, из всех окрестных городов, даже из Брайтона тысячи людей направляются к Сити: поезды железных дорог спускают толпы пассажиров на соседних с английским банком станциях, кареты общественные и частные привозят со всех сторон свой контингент ездоков, улицы кишат пешеходами, спешащими к центру «дел»; более миллиона делового люда сходится в этом улье. К вечеру прилив публики сменяется отливом, вагоны, омнибусы, пароходы опять наполняются пассажирами, но на этот раз затем, чтобы удалиться из Сити; остается всего каких-нибудь семьдесят тысяч постоянных жителей, там, где за несколько часов перед тем обделывались коммерческие дела всего света: более двух тысяч домов остаются на ночь почти пустынными. С каждым десятилетием, в то время, как увеличивается число граждан или фрименов (freemen), пользующихся правом голоса в Сити[1], уменьшается количество их в собственном смысле: чем более этот уголок земли порабощает себе народов могуществом капиталов, тем более убавляется его собственное население, как показывают следующие статистические данные:

Население и число домов в Сити:

1801 г.—16.508 домов, 128.833 жит.; 1871 г.—2.305 домов, 74.732 жит.; 1881 г.—6.507 домов, 50.652 жителя.

Впрочем, причину этого факта нужно искать не в одном только естественном экономическом явлении, которое стремится сосредоточить все движение больших коммерческих дел в одном квартале, к невыгоде промышленности и торговли в собственном смысле; само общественное управление Сити способствует уменьшению числа постоянных жителей этой части столицы проложением широких проспектов через бедные кварталы. Во время ломки домов, произведенной в долине бывшей речки Флит для продолжения улицы Фаррингдон, около восьми тысяч семейств ремесленного люда были зараз прогнаны, и общественные здания, вокзалы железных дорог, палаты богатых торговых компаний заняли места убогих жилищ. В последнее полустолетие по крайней мере пятьдесят тысяч рабочих были, таким образом, насильно удалены из пределов Сити и принуждены были поселиться в окружающих кварталах. Теперь нет более бедных в Сити, но зато они стали тем многочисленнее в его окрестностях. Число местных приходов не уменьшилось, а их годовые доходы увеличились. Есть такие приходы, в которых не наберется и полсотни жителей, и которые, не имея на своем попечении ни одного бедняка, нуждающагося в общественном пособии, употребляют суммы благотворительного фонда на устройство празднеств и на жалованье целой толпе служащих, пользующихся синекурами.

Самые бедные, самые невзрачные кварталы Лондона расположены в непосредственном соседстве с этим богатым Сити, постоянными жителями которого скоро будут только служащие в купеческих конторах да сторожа и швейцары. В окрестностях Тоуэра и доков находится лабиринт улиц, куда иностранец боится заглянуть и куда лондонцы из богатых кварталов редко заходят. Уличная грязь продолжается в корридорах домов; стены испещрены нечистотами; на окнах висит тряпье, в воздухе распространен мозглый или вонючий запах, большинство мужчин и женщин, которых встречаешь на улице, имеют исхудалые лица, провалившиеся глаза, одеты в грязное платье, в старые обноски, десять раз перепроданные одним лоскутником другому, и которые, начав свою карьеру в гардеробе джентльменов и леди элегантных кварталов Вест-Энда, оканчивают ее, в виде лохмотьев, на теле обитателей Шадвеля и Ваппинга. На южной стороне Темзы некоторые закоулки Ротергайта, Бермондси, Ламбета тоже представляют вертепы нищеты. Забредя случайно в эти трущобы, вы испытываете радостное чувство, когда увидите берега Темзы, какой-нибудь широкий бульвар,

1 Фрименом может сделаться всякий совершеннолетний и правоспособный гражданин, платящий 6 фунт. 5 шил. ежегодного налога. Фримен освобождается от всяких пошлин и сборов во всей Англии; он избавлен от воинской повинности, т.е. не может быть насильно вербуем в морскую службу, ни призываем в милицию; он пользуется исключительным правом вести розничную торговлю и проч. *Прим. перевод.*

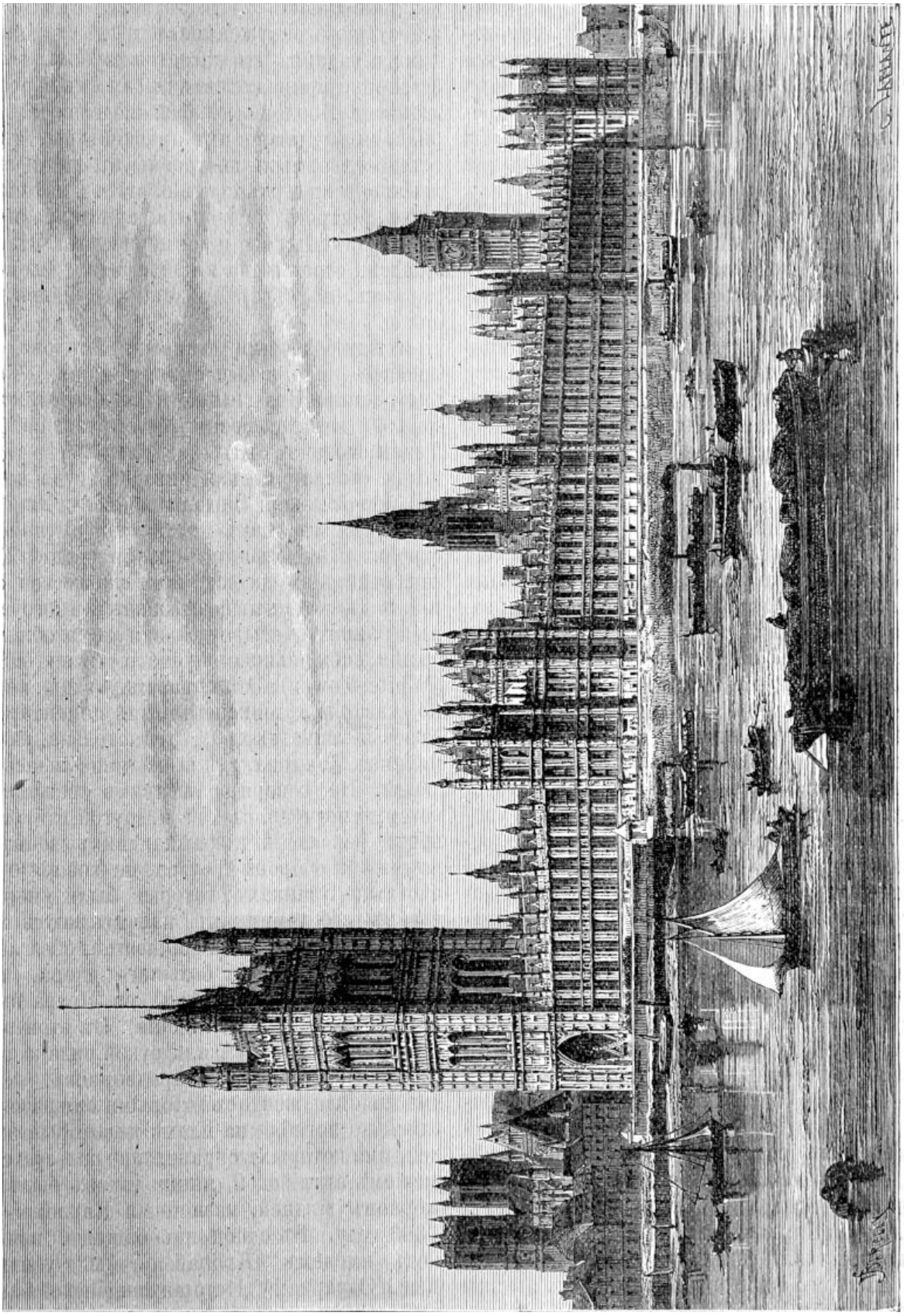
обсаженный деревьями, или зелень общественного сада. Какой контраст между видом бедных кварталов и блестящими проспектами роскошных предместий! Но, вместе с тем, какая громадная разница в образе жизни обитателей и в продолжительности их существования! Средняя годовая смертность варьирует от 14 до 60 на тысячу жителей, смотря по улицам, и там, где смерть косит так быстро человеческую жизнь, это происходит, понятно, оттого, что недостаток работы, хлеба и всякого благосостояния облегчает её задачу. Нет слов выразить, сколько Лондон скрывает в себе нищеты и горя![1]

Округи, прилегающие к Сити с северо-востока и севера и населенные главным образом ремесленниками, Спитальфильдс, Бетналь-Грин, Клеркенвель, составляют, так сказать, переходную ступень между бедными кварталами Лондона и теми частями его, где живут преимущественно люди, принадлежащие к классу буржуазии. Там уже почти все дома сообразуются с типом английского жилища: широкая канава в 2 или 3 метра глубиною, обнесенная железною решеткой, отделяет фасад дома от улицы, и подобно тому, как в крепость можно проникнуть только через подъемный мост, в дом англичанина, который гордо называет его, в известной поговорке, своим «замком» (my home—my castle), нужно входить но мостику или подъезду, перекинутому через этот ров; чтобы попасть на кухню или в подвал для угля, можно спуститься прямо в подвальный этаж по боковой лестнице. Таким образом, хозяин хорошо замкнут в своем жилище, но он позаботился разделить дом на две части—одну, в которой сам живет, и другую, куда приходят поставщики провизии. Он гнушается иметь, как бельгиец или немец, «шпиона» в форме зеркала, которое позволяло бы ему видеть всех проходящих, не будучи замечаемым ими, и окна его остаются упорно закрытыми со стороны улицы. Цветы в обилии украшают аппартаменты, но их можно видеть мельком: они поставлены тут для того, чтобы услаждать взоры владельца, а не взоры посторонних людей, которые проходят по улице. Тем не менее, однако, жилище англичанина имеет приветливый вид: если наружная сторона стен почернела от копоти, то крыльцо или подъезд всегда безукоризненной белизны; английские хозяйки щеголяют тем, чтобы постоянно держать его чистым и блестящим.

К западу оттуда, в округе Мерилебон, дома выше, канавы перед ними более глубоки, зеленеющие площади и скверы более многочисленны: там начинаются уже части города, населенные высшею буржуазией. В прошлом столетии тут имело резиденцию высшее дворянство, но потом оно переселилось, так сказать, массой далее на запад, и теперь дома аристократии, все с садом напереди, сосредоточены в окрестностях Гайд-Парка, преимущественно в Бельгравии. Каждая площадь, каждый проспект расположены таким образом, что образуют архитектурное целое. Некоторые бульвары, украшенные колоннадами, продолжаются правильно на протяжении версты слишком, и в каждой улице все дома кажутся как-бы составляющими один непрерывный дворец. В других местах палаты богачей стоят отдельно, но все они, как две капли воды, похожи одна на другую, с их садами, террасами, балконами, оранжереями тропических растений. Оригинальность архитектора нигде не обнаруживается в каком-нибудь особенном строении, кроме разве больших дворцов, окруженных парком. Целые кварталы, раскинутые на пространстве многих десятин или даже нескольких верст, состоят из домов, о которых можно подумать, что все они вышли из рук одного и того же мастера, как те игрушки в форме шале, которые вырезывает из дерева швейцарский ремесленник. Во всех этих домах лестницы и мебель расположены на том же самом месте и в том же порядке, все они украшены одинаковыми обоями и одинаковыми карнизами, которые подрядчики-строители заказывали тысячами на одних и тех же фабриках. Иностранец знает заранее неизбежное расположение этих хором, не имея надобности заглядывать в них: ячейка пчелиного улья не отличается такою правильностью, как эти однообразные человеческие жилища. Таково неминуемое следствие сосредоточения богатств в одних руках и употребления огромных капиталов на одновременную постройку сотен домов. Странствуя по этим новым кварталам Вест-Энда, которые занимают значительную часть графства Мидльсекс, на

1 Henry Mayhew, „London Labour and London Poor“

западной стороне Лондона, приходишь в изумление при мысли о массе лондонцев, достаточно богатых для того, чтобы жить в таких дворцах. Подъезды с канделябрами, роскошные сады, тропические растения, мраморные террасы, зеркальные окна—вся эта блестящая об-



Зданіе англійскаго парламента.

становка указывает на богатство внутреннего убранства. И действительно, войдя в комнаты, вы замечаете, что вся меблировка их самого солидного качества,—ковры, обои, столярная работа и металлические принадлежности.

Некоторые из самых больших дворцов были слишком обширны и слишком пышны для того, чтобы владельцы их могли переместиться и последовать за общим исходом аристократии на другую сторону парков: жилища их остаются точно островки посреди кварталов, которые были постепенно захвачены купеческою буржуазией. Даже два королевские дворца, Сент-Джемский и Буккингамский, находятся на востоке от Бельгравии; но первый из этих дворцов есть лишь оффициальная резиденция, где королева появляется только в дни парадных приемов, а второй, Buckingham-Palace, представляет отдельно стоящее здание, окруженное с трех сторон парками и садами. Что касается клубов, которые бесспорно принадлежат к самым красивым зданиям Лондона по благородству и безукоризненному стилю их архитектуры, то они, естественно, были построены в части города, лежащей на границах округов трех главных центров метрополии: аристократического, парламентского и коммерческого. Эта часть Лондона ограничена на юге Сент-Джемским парком, на севере—изящною улицей Пикадилли.

Между большими зданиями Лондона самое древнее—так называемая «Башня» (Tower), построенная Вильгельмом Завоевателем, около 1078 года, на восток от Сити и на берегу Темзы, может быть, на том месте, где некогда стояла римская цитадель, судя по тому, что тут нашли медали времен империи и остатки стен, как полагают, античной постройки. Несмотря на свое название, Тоуэр заключает в своей ограде множество строений, над которыми возвышаются многочисленные башни и четыреугольная масса обширного здания, специально именуемого «Белою башней» (White Tower). Эта крепость, стены которой, по сказанию летописцев, были цементированы «кровью животных», замечательна, как памятник Лондона, где всего чаще лилась кровь людей. Не говоря о тысячах сражавшихся, которые погибли, с той и другой стороны, во время революций и гражданских войн, при штурме и обороне Тоуэра, не говоря о неизвестных узниках, которые были умерщвлены в его темницах, насчитывают многие сотни исторических личностей, обезглавленных на мостовой большего двора, перед низкими воротами церкви «св. Петра в оковах» (S. Petri ad Vincula). В этой башне государи Англии отсекали рукой палача головы своих соперников, царедворцев, которые им надоели, жен, с которыми они разошлись; здесь же погибли на плахе некоторые из людей, имя которых справедливо пользуется уважением английской нации: таков был Альджернон Сидней, казненный Карлом II в 1683 году. В одной из башен, известной под именем «Кровавой», были убиты сыновья Эдуарда IV. История лондонской башни—это летопись королевских преступлений; по выражению одного писателя, «на её мрачных стенах нарисованы кровавыми чертами честолюбие Эдуарда I, сладострастие Генриха VIII. фанатизм Марии, жестокое тщеславие Елизаветы». Гораздо ранее штурма французской Бастилии Тоуэр был уже два раза взят приступом восставшим народом, но ни Уат Тайлер, ни Джак Кед не подумали разрушить эту крепость, и до 1820 года она оставалась тюрьмой для государственных преступников. И теперь еще один из главных чиновников, заведующих этим зданием, носит титул тюремного надзирателя. В настоящее время эта древняя крепость служит преимущественно арсеналом, музеем оружия и орудий пытки; здесь же хранятся драгоценности короны. Львы лондонской башни, с жизнью которых, по древней легенде, была связана судьба государей, переведены в 1834 году в зоологический сад[1].

Другое старинное здание—Вестминстерское аббатство, вокруг которого выстроился город того же имени, Вестминстер, бывший соперником Лондона, пока не слился с ним в одну обширную столицу. Этот религиозный памятник более нового происхождения, чем Тоуэр: большая часть его относится, по времени постройки, к первой половине тринадцатого столетия, но он стоит на месте предшествовавших церквей, из которых первая была окружена водами одного из рукавов Темзы, давно уже осушенного. Между готическими храмами Англии Вестминстерская церковь, несмотря на позднейшие пристройки и реставрации, есть одна из самых полных, одна из тех, которые в архитектурном отношении представляют наиболее гармоническое целое. Особенно внутренность храма, хотя черезмерно наполненная надгроб-

1 Hepworth Dixon, „The Tower of London".

ными памятниками, поражает зрителя величием и легкостью; придел или капелла Генриха VII, составляющая продолжение хоров, и в которой происходили заседания кавалеров ордена Бани, ослепляет блеском своих оконниц, богатством своих орнаментов, великолепием сводов и резных навесов. Вестминстерское аббатство, служащее местом коронования английских государей (прежде они венчались на царство в Шотландии), есть в то же время Сен-Дени и Пантеон Англии; большая часть людей, память которых чтит вся нация, имеют здесь если не гробницу, то по крайней мере памятник; но между истинно великими и знаменитыми личностями сколько проскользнуло в этот храм славы людей, в которых великого только и было, что знатное происхождение, богатство или тщеславие, а между скульптурными произведениями прекрасного стиля и неиспорченного вкуса сколько встречаешь смешных аллегорий и хвастливых надписей! Саркофаг Генриха VII и его супруги, сидячая статуя лорда Мансфильда—самые замечательные памятники этой многочисленной коллекции, но как не остановиться перед мраморными изваяниями или надгробными камнями, когда читаешь на них имена Эдуарда Исповедника, Эдуарда III, Джайны Сеймур, Марии Стюарт, Елизаветы, Марии Кровожадной, или имена государственных деятелей, имевших преобладающее влияние на судьбы английской нации, имена Монка, Каннинга, Чатама, Питта, Фокса, Уаррена Гастингса, Роберта Пиля? Ньютон, Гершель, Уатт, Гомфри Деви, Тельфорд, Юнг также погребены в Вестминстере; здесь же, по большей части в так называемом «углу поэтов», покоится прах Чосера, Бен-Джонсона, Кемдена, Мильтона, Бутлера, Грея, Спенсера, Аддисона, Драйдена, Конгрева, Томсона, француза Казобона, Гольдсмита, Соути, Маколея, Диккенса, Теккерея, Паоли, Уильберфорса, Генделя, Кембля, мисс Сиддонс, Гаррика. Наконец, между людьми, прославившимися изучением земного шара, находим здесь могилы Стамфорда Раффлеза, Реннеля, Шардена, Чарльза Ляйеля, Ливингстона.

Несмотря на реформацию, древнее аббатство удержалось, преобразовываясь сообразно обстоятельствам; не только уцелели все его здания, церковь, капитул, монастырские обители, но оно сохранило также свои учреждения и умножило свои богатства. Настоятель его—настоящий владетельный князь, живущий в готическом дворце подле церкви и пользующийся весьма значительным окладом. Вестминстерский капитул имеет не менее полутора миллиона доходов, сумма, которая, по уставу, должна бы быть употребляема на содержание сорока семинаристов и двух учителей в Вестминстерской школе, зависящей от аббатства; но капитул исполняет эту обязанность просто ежегодным взносом тысячи гиней. Во многих отношениях Вестминстерская школа, где преподавание довольно узкое и почти исключительно классическое, походит больше на грамматическую школу шестнадцатого столетия, чем на современный лицей[1]. По близости этого училища, в бывшем доме вестминстерского милостынераздавателя, Вильям Какстон основал, вероятно в 1477 году, первую типографию в Англии.

Рядом с древним аббатством, на берегу Темзы, стоит здание двух палат парламента, так называемый новый Вестминстерский дворец, построенный на месте сгоревшего в 1834 году королевского дворца. Это здание, в готическом стиле, есть одно из самых обширных во всем свете, так как оно покрывает своей массой камня около трех десятин и содержит слишком 1.000 комнат; но в архитектурном отношении оно не вполне соответствовало желаниям тех, по решению кого была предпринята его постройка: если оно «достойно Англии по богатству и грандиозности размеров», то нельзя того же сказать относительно красоты и еще менее относительно распределения внутренних аппартаментов, которые следуют один за другим в виде бесконечного лабиринта. Самая замечательная зала—это остаток прежнего дворца, великолепная Вестминстер-Голль, смелый свод которой, имеющий 73 метра в длину и более 20 метров в ширину, поддерживается резными деревянными колоннами. Говорят, что парламентские коммисии, назначенные для рассмотрения планов, только испортили их; они не съумели даже выбрать хороших материалов для постройки такого монументального здания: камень, из которого построен новый парламент, быстро разрушается под влиянием непогод,

1 Demogeot et Montucci, „De l'enseignement secondaire en Angleterre et en Ecosse“.

и чтобы защитить фасады, принуждены были покрыть их слоем кремнекислых соединений. Какова бы ни была степень основательности критик, высказываемых людьми искусства, невозможно, однако, без чувства удивления созерцать этот громадный дворец, отражающийся в водах Темзы со своими бесчисленными статуями и скульптурными украшениями, с угловыми башенками, с стройною часовою башней, блистающей обильной позолотой и содержащей четыре циферблата около 10 метр. в диаметре, наконец, с колоссальной башней Виктории, масса которой высоко поднимается из-за корпуса здания, с её колоссальной короной и с её флагом, развевающимся по воздуху.

Купол собора св. Павла, еще более высокий, чем башни Вестминстера, величаво поднимается, в виде круглого свода, над домами Сити: из всех зданий Лондона это—самое величественное, оно видимо с наиболее далекого расстояния и по своему господствующему положению является истинным центром британской метрополии. Эта церковь считается лучшим произведением знаменитого Христофора Рена (Wren), который построил такое множество храмов, и по большей части в различных стилях, словно хотел испробовать свои силы во всех родах и разрешить все задачи архитектурного искусства. Изящный фасад, обращенный к западной площади, кругообразная колоннада купола и самая глава, развертывающая свою шаровидную поверхность над целым городом, отличаются изумительной чистотой линий. Когда смотришь со стороны Темзы, исполинская масса собора, контуры которого всегда смягчены парами воздуха, и на которой отдаление набрасывает фиолетовый колорит, принимает совершенно грандиозные размеры. Но внутренность этого колоссального памятника не соответствует великолепию его наружности. Стены внутри собора производят на зрителя неприятное впечатление своею леденящею наготой; гробницы, расставленные по сторонам главного храма и в боковых приделах, почти все украшены изваяниями без вкуса и при том нимало не гармонирующими с общим характером здания. Большая часть погребенных в соборе св. Павла—люди, прославившиеся на поле брани, между которыми особенно блистает имя Нельсона. Но здесь похоронены также многие художники и ученые, между прочим, Вильям Джонс, Джошуа Рейнольдс, Томас Лоренс, Ренни, и, наконец, сам строитель храма, архитектор Христофор Рен.

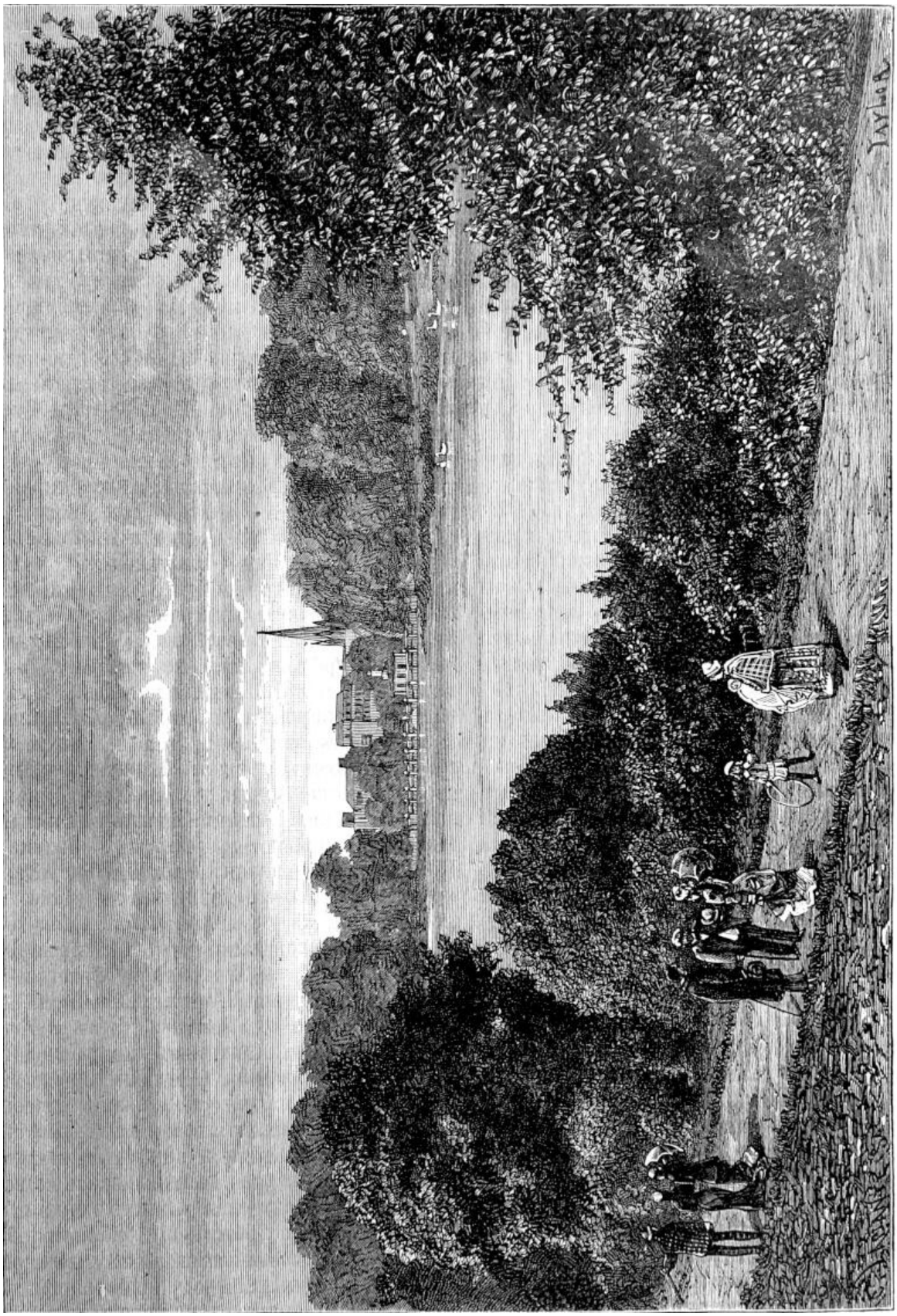
В Лондоне насчитывают (1896 г.) 1.269 церквей, капелл или синагог, и очень многие из этих храмов замечательны либо безукоризненной чистотой стиля, готического или норманского, которым английские архитекторы умеют так хорошо подражать, либо богатым украшением внутренности. Между множеством других больших зданий британской столицы, дворцов, министерств, театров, клубов и других общественных собраний, судебных мест, больниц, учебных заведений, можно указать очень много красивых памятников; таковы, например, новое здание судебных учреждений, госпиталь св. Фомы, против парламента, великолепная концертная зала Альберт-Голль, построенная на юг от Кенсингтонских садов, против бронзовой позолоченной статуи принца Альберта, которая помещается под прелестным готическим балдахином, увенчанным высокой башней, и окружена аллегорическими группами и 200 фигурами знаменитейших людей всех стран; вообще это один из великолепнейших монументов в мире. В Лондоне нет построек, которые давали бы более высокое понятие о его могуществе, чем девятнадцать мостов, перекинутых через Темзу, на пространстве от Гаммерсмита до Сити, и которые все различаются между собой по виду и материалу: одни из них гранитные, другие железные, и некоторые имеют громадные размеры. От парламента до Лондонского моста, на расстоянии менее 3 километров по линии течения, восемь мостов следуют один за другим, в том числе три моста, беспрестанно дрожащие под тяжестью железнодорожных поездов. Еще недавно нельзя было любоваться этой великолепной картиной Темзы и пересекающих ее мостов иначе, как стоя на палубе одного из бесчисленных пароходов, которые снуют вверх и вниз по реке; теперь Темза урегулирована на большой части её протяжения, и великолепные набережные построены на том месте, где прежде расстилались слои черноватой грязи, оставляемые на берегу отливом. Одна из этих набережных, называемая Victoria Embankment, тянется кривой линией на пространстве слишком километра, от Вестминстерского моста до моста Ватерлоо, и представляет исполинскую гранитную стену

или плотину, возвышающуюся на 13 метров над уровнем низких вод; фундамент ея спускается на 5, местами даже на 9 метров ниже. Сады, группы деревьев и зелени украшают ее на всем её протяжении и приятно ласкают взор, который еще недавно должен был отворачиваться с чувством омерзения от прокаженных лачуг, омываемых поднимающейся волной Темзы, и от грязных закоулков, где отлагались слои речной тины. На этой плотине теперь высится один из сорока двух известных в мире обелисков, так называемая Игла Клеопатры, привезенная из Александрии; благодаря употреблению гидравлических таранов, достаточно было 24 человек, чтобы поставить эту каменную громаду, тогда как в 1836 году архитектор Леба, в Париже, нанял 480 рабочих для постановки Луксорского обелиска, а в 1586 году Фонтане понадобилось 960 человек и 75 лошадей, чтобы поднять обелиск на площади Ватикана, в Риме. Аллеи набережной облегчают сообщение между прибрежными кварталами, лежащими выше Лондонского моста, но ниже этого моста начинается гавань с товарными складами, дамбами, мостками на сваях и подъемными кранами, расставленными по берегам. В этом месте постройка моста до сих пор еще не была возможна, и потому, для установления сообщения между обоими берегами реки, принуждены были прибегнуть к прорытию туннелей под руслом реки. Один из этих подземных каналов, через который теперь проведена железная дорога, приобрел всемирную известность по трудностям всякого рода, которые должен был преодолевать инженер Брюнель, управлявший работами по прорытию. Но в 1825 г., в эпоху, когда начато было устройство туннеля под Темзой, считавшагося в то время одним из самых смелых предприятий человеческого гения, не располагали теми могущественными механическими средствами, какие были изобретены впоследствии; недоставало также и опытности в рабочих этого рода. После того, именно в 1870 г., был прорыт другой туннель, выше Лондонской башни: вместо того, чтобы потребовать пятнадцать лет, как первый, этот новый подземный канал был окончен в течение одного года; он обошелся в тридцать два раза дешевле, чем подземный канал Брюнеля, и ни один из рабочих, работавших при прорытии его, не лишился жизни. Старый туннель стоил 15.350.000 франков, а новый всего только 450.000 франк.[1] Теперь работают над прорытием туннеля у Блеквеля; кроме того, окончены 2 туннеля для электрических трамваев. В настоящее время обсуждается вопрос о проведении через Темзу, в соседстве Тоуэра, нового моста таким образом, чтобы он представлял около середины два подвижных моста, расположенные в виде ромба и ограничивающие бассейн, достаточно обширный для вмещения самых больших судов: при таком устройстве, каждый из средних мостов открывался бы последовательно для прохода судов, так что движение экипажей и пешеходов могло бы продолжаться без перерыва то через один, то через другой из подвижных мостов.

Между общественными памятниками Лондона есть немало таких, которые посещаются не ради их величественного вида или изящества их архитектуры, но единственно по причине заключающихся в них сокровищ, научных или художественных. Таков знаменитый Британский музей (British Museum), обширное здание, не имеющее никакой архитектурной красы, кроме той, которую дают громадность размеров и большое протяжение колоннад; но с того момента, как нога ваша переступит через порог подъезда, вы забываете о здании и видите только чудеса всякого рода, собранные в этом дворце. Богатства, которые он содержит, произведения природы и образцовые творения искусства, делают его во многих отношениях драгоценнейшим музеем всего мира; он обладает еще кое-какими остатками богатых коллекций минералогии, геологии, ботаники, зоологии, палеонтологии, антропологии, которые теперь переведены в Южный Кенсингтон, в специальный музей естественной истории. Залы скульптуры и древностей заключают в себе удивительнейшие или любопытнейшие памятники Ассирии, Египта, Армении, Малой Азии, Греции, Этрурии; сюда-то восторженные любители великого искусства приходят созерцать с чувством благоговения ликийские гробницы, обломки Мавзолея, колонны храма Дианы Эфезской, мраморы Фигалеи, статуи Парфенона. С той поры, как лорд Эльджин, в 1816 г., привез из Афин эти драгоценные мраморы, желаю-

1 Maxime Helene, „Les Galeries souterraines".

щему изучить гений древней Эллады так же необходимо побывать в Лондоне, как и в самой Греции. Здесь же находится знаменитый «Розетский камень», который Юнг начал дешифрировать, и на котором Шампольон открыл, наконец, ключ иероглифических письмен



Гайдъ-паркъ въ Лондонѣ.

древнего Египта; папирусы, которым от трех до четырех, может быть, даже пять тысяч лет, и таблички, составлявшие библиотеку царского дворца в Ниневии, также хранятся в Британском музее. В продолжение 123-летнего своего существования, с 1753 по 1876 г., этот му-

зей стоил английской нации около 125 миллионов франк. Наконец, книгохранилище этого музея, менее богатое, чем Парижская национальная библиотека, хотя оно заключает в себе уже слишком 1.600.000 томов, но располагающее более широкими денежными средствами, быстро увеличивающееся новыми драгоценными приобретениями и более тщательно классифицированное, хотя и не имеющее еще систематического каталога, привлекает со всех концов света искателей редких книг и ученых. Ежегодное приращение библиотеки Британского музея составляет, в среднем, около 30.000 томов (в 1876 году прибавилось: книг 35.661; манускриптов и разных документов 32.908; музыкальных сочинений 8.125; в 1880 г. 76.774 новых сочинения). Читальная зала представляет здание, достойное всякого удивления: её двойной свод, откуда спускается. так сказать, просеянный свет, всегда ровный, без резких переходов, соперничает, по громадности размеров, с самыми колоссальными куполами мира; каталог по алфавитному порядку имен авторов, состоящий почти из 1.000 томов, и 20.000 наиболее употребительных сочинений, энциклопедии, словари, исторические сборники, находятся здесь к услугам читателей, которые, кроме того, получают, не всегда довольно быстро, всякия книги, какие пожелают. Число читателей в 1880 г.: 138.842; в среднем выводе, 443 читающих в день; потребовано было 1.407.046 томов, что составит по 8 томов на каждого читателя. К сожалению, недостаток места все более и более стесняет кураторов музея, и уже предвидят в близком будущем момент, когда они принуждены будут сваливать в кучу свои сокровища, вместо того, чтобы расставлять их в систематическом порядке. Во избежание загромождения музея, им пришлось поместить драгоценные произведения скульптуры в сараи; они должны были систематически отвергать приношения усердных жертвователей. Число посетителей в Британском музее в 1880 г. было 839.370.

Национальная картинная галлерея помещается на самой красивой площади Лондона, на Трафальгар-Сквере, где журчат артезианские фонтаны, бьющие обильными струями, и который украшают статуи великих людей и львы, лежащие на четырех углах колонны Нельсона. Но едва-ли найдется в Лондоне общественное здание, за которое город должен бы был более краснеть, и которое было бы менее достойно столицы Великобритании; едва-ли существует также собрание произведений живописи, хуже распределенное: это не более, как временное помещение, а между тем картины остаются там уже более полстолетия. Эта картинная галлерея, как и Британский музей, быстро ростет: в начале это была скромная коллекция, заключавшая десятка четыре картин, но затем покупки и приношения в дар расширили ее постепенно до нынешних размеров; в одном только 1872 г. она увеличилась 77 произведениями живописи, за которые заплачено 1.875.000 франков. Теперь она содержит более тысячи картин и несколько статуй: значительные фонды, находящиеся в её распоряжении, дали ей возможность приобрести из коллекций континента много самых драгоценных произведений кисти. Старинные итальянские школы имеют достойных представителей в Лондонской галлерее, где можно видеть замечательнейшие картины великой эпохи искусства, «Воскрешение Лазаря» работы Себастиано дель Пиомбо и отчасти Микель-Анджело, «Меркурий и Венера» Корреджио, и различные произведения Рафаэля и других итальянских живописцев. Далее, мы встречаем здесь творения Веласкеца, Мурильо, Рембранта, Рубенса, ван-Дейка, пейзажи Рюйсделя, Гоббема; в этой же галлерее находятся два лучшие произведения английского живописца Тернера, помещенные, по его собственному желанию, между двумя произведениями Клода Лоррена: это было непременное условие, с которым он принес в дар национальной галлерее свои 105 картин: некоторые из этих картин, несомненно указывающие на существование у автора известного недостатка зрения[1], представляют странное смешение красок. Когда Лондон будет иметь здание достойное, как по величине, так и по архитектурной красоте, принять в себя полную коллекцию произведений живописи, такую, которою Англия могла бы по справедливости гордиться, в ценных картинах для наполнения национальной картинной галлереи недостатка, конечно, не будет, ибо многочисленные богатства этого рода, хранящиеся теперь в разных специальных собраниях, каковы, например, Со-

1 Liebreich, „Progres medical".

анский музей и Национальная галлерея портретов, без сомнения, перейдут, по большей части, во дворец художеств, принадлежащий нации. Кроме того, частные коллекции Бриджватер-Гоуза, Гросвенор-Гоуза, Стаффорд-Гоуза, Девоншир-Гоуза и других аристократических домов заключают много драгоценных картин, на которые нация также может рассчитывать в том смысле, что они рано или поздно сделаются, если не общественным достоянием, то, по крайней мере, предметом, доступным для публики. Уже и теперь картинная галлерея Дульвичской коллегии, находящаяся недалеко от Хрустального дворца, может быть рассматриваема как публичная коллекция; она содержит, между прочим, капитальные произведения голландских и испанских живописцев,

Южно-Кенсингтонский музей едва-ли не самый богатый, после Британского, по обилию и разнообразию собранных в нем драгоценных предметов. Основанный в начале пятидесятых годов, с целью содействовать развитию искусства, которое англичане находили недостигающим у них той высоты, на какой оно стоит у их соседей, этот музей был, так сказать, импровизирован после лондонской всемирной выставки 1851 года и представляет еще странное соединение разнородных построек, деревянных, каменных, кирпичных, железных, из которых иные являются в форме простых сараев, другие в виде строений с архитектурными претензиями; но теперь строится обширный дворец, куда намерены поместить все сокровища музея, и некоторые корпуса его уже готовы: это новое здание, в чистейшем италианском стиле эпохи Возрождения, обещает быть самым красивым памятником Лондона. Разнообразные коллекции Кенсингтонского музея, которые хотели собрать во что бы то ни стало, не заботясь о приведении их в порядок, представляют, как и строения, довольно запутанную смесь: книги и картины, фарфоры и статуи, грамоты и машины, предметы питания и продукты промышленности следуют одни за другими без определенного порядка; тем не менее, система вводится мало-по-малу в этот хаос, и кое-где уже ярко выделяются некоторые капитальные произведения, перед которыми посетитель долго останавливается, не обращая внимания на то, что они поставлены не в надлежащем месте; между прочим, музей обладает скульптурными произведениями эпохи Возрождения итальянского искусства, которым могла бы позавидовать даже Флоренция[1]; еще более замечательны семь картонов Рафаэля, настоящие картины, производящие то же впечатление, что и фрески. В коллекции научных моделей также встречаются предметы, которые механики рассматривают с чувством глубокого уважения; таковы, например, старейшие, по времени изобретения, машины Аркрайта, Уатта, Стефенсона. Кроме собственных сокровищ, Кенсингтонский музей заключает еще большое число очень дорогих произведений искусства, драгоценных камней и золотых вещей, финифтяных изделий, камей, статуй, которые вверены ему богатыми аматерами для того, чтобы артисты и публика могли осматривать их. Кенсингтонский музей принадлежит к числу тех общественных коллекций, которым парламент оказывает особенное покровительство в государственном бюджете. В первые годы, следовавшие за основанием этого музея, «департамент наук и искусств» ассигновал от четырех до пяти миллионов франков ежегодно на увеличение его сокровищ; средним числом, расходы на содержание Кенсингтонского музея далеко превышают миллион; так, в 1878 году на содержание его было назначено 973.050 франк., не считая издержек на формовку, фотографические снимки и т.п.; сверх того, ассигновано было 200.000 франк. на приобретение предметов искусства. Нельзя, однако, не пожалеть, что подобный музей, представляющий школу искусства и науки, помещается на одной из оконечностей аристократического предместья Лондона, вдали от центра города и от населения, которому он должен приносить пользу. В видах устранения этого неудобства, основано отделение Кенсингтонского музея в промышленном предместье Бетналь-Грин. Кроме того, произведения искусства и книги научного содержания рассылаются во все учебные заведения Англии.

Рядом с Южно-Кенсингтонским музеем, на месте расположения всемирной выставки 1862 года, где в скором времени будет стоять целый город музеев, находится драгоценная

1 Perrot, „Revue de Deux Mondes“ 1 mai 1878.

коллекция ост-индской кампании, в которой собраны все минералы, все сырые продукты, производимые баснословно богатой почвой Индостана, всевозможные образчики промышленности и замечательнейшие предметы искусства индусов; нигде в Европе не встретишь более полного собрания предметов, которые дают возможность изучать издалека историю и домашнюю жизнь народов, населяющих полуостров Ганга. Вообще специальные коллекции имеют перед большими музеями, где собраны разнородные произведения природы или человеческого искусства, то преимущество, что они служат наглядным пособием для образованного посетителя и поддерживают его внимание. В Лондоне существует много таких специальных музеев, превосходно устроенных и систематизированных, которые в высокой степени содействуют успехам науки: таковы: например, геологический музей в улице Джермин-Стрит, основанный де-ла-Бешем (de la Beche), и анатомический музей, устроенный Джоном Гунтером, на юге от обширного сквера Lincoln's Inn Fields. Почти все ученые общества, имеющие пребывание в столице Великобритании, также обладают богатыми коллекциями и в особенности специальными библиотеками неоценимого достоинства. Гильдголль, муниципальный дворец Сити (место заседаний городской думы), заключает в своих стенах публичную библиотеку, которая из всех общественных книгохранилищ Лондона привлекает наибольшее число читателей (всех публичных библиотек в Лондоне в 1878 г. насчитывалось 59; в гильдгольской библиотеке число читателей в 1877 году простиралось до 287.012); это книгохранилище содержит, между прочим, большую часть сочинений, карт и драгоценных документов, относящихся к истории английской метрополии. Королевский институт, геологическое общество, старейшее во всем свете по времени основания, антропологическое общество, линнеевское общество, наконец, географическое общество, по инициативе которого совершено столько путешествий для исследования малоизвестных стран земного шара, все они находятся в цветущем состоянии и располагают значительными капиталами, которые дают им возможность умножать свои богатства на пользу науки: так, например, бюджет географического общества в 1876 году равнялся 290.200 франков (число членов в этом году было 3.332). Зоологическое общество, в распоряжение которого отдана часть Риджентс-Парка, обладает богатейшей в свете коллекцией живых животных: она состоит из 2.500 особей (число членов этого общества 3.311; доходы в 1877 году 873.875 франк.; число посетителей зоологического сада 915.764). Общество садоводства имеет прекрасные сады в Южном Кенсингтоне; но главный ботанический сад метрополии, самый богатый и лучший по устройству во всей Европе, находится в Кью, на западной стороне Лондона. Этот сад, куда летом по воскресеньям собирается масса публики, ищущей развлечения от смертельной скуки города, есть вместе с тем парк, где можно спокойно беседовать, сидя на мягкой мураве лужаек, под тенью каштанов или кедров. Внутри парка, в разных местах, находятся два музея; многочисленные теплицы, настолько обширные, что могут вмещать большие деревья, рассеяны по окраинам. Одна из оранжерей, служащая зимним садом для растений умеренного пояса, покрывает площадь, равную почти двум третям гектара; в другой растут пальмы, бананы, бамбуки, панданы, саговые и драконовые деревья: гуляя в этой оранжерее, можно бы было вообразить себя вдруг перенесенным в какой-нибудь девственный лес Нового Света, если бы сквозь раскинувшиеся в вышине шатры и вееры листвы не проглядывал тусклый стеклянный свод крыши, на котором осаждается влажность наружного воздуха (число посетителей лондонского ботанического сада в 1878 г. 725.420). В окрестностях столицы, особенно в Чизвике, богатые землевладельцы также имеют сады, которые могут сравниться по некоторым из их коллекций цветов и их оранжерей с ботаническим садом в Кью. Что касается «Хрустального дворца», великолепного памятника, построенного из стекла, который возвышается на холме в южной части Лондона, то его обширные сады, занимающие пространство около 80 десятин, служат лишь местом прогулки, да и само здание, долженствовавшее быть в одно и то же время музеем и дворцом для празднеств, заключает, правда, воспроизведение прекрасных архитектурных образцов, но принимает все более и более характер места увеселений и концертов. То же самое можно сказать о дворце Александры, которого высокий блестящий купол, покрывающий залу, где свободно помещаются 2.000 музыкантов и до 12.000

слушателей, господствует над огромным садом в сотню гектаров и окружен великолепным горизонтом рощ и лугов. Недавно город Лондон, после двадцатипятилетней тяжбы, получил, наконец, в полное владение целую обширную территорию, Эппингский лес, который тянется с северо-восточной стороны на пространстве 2.400 гектаров, и который, без сомнения, сделается лучшим парком метрополии.

Хотя Лондон один заключает в своей городской черте более восьмой части населения Британских островов, он не имеет, однако, университета в собственном смысле, как Оксфорд и Кембридж, или даже как Дургам и Сент-Эндрьюз. Правда, один богатый купец, по имени Грешам, завещал, в половине шестнадцатого столетия, большие земли, которые, согласно воле завещателя, должны были быть употреблены на основание университета, и ценность которых в настоящее время равнялась бы 75 миллионам франков; но это наследство, в большой части растраченное муниципалитетом Сити, послужило лишь к тому, что на вырученные из него суммы был основан лицей или коллегия[1]. Недавно возникшее учреждение, называемое Лондонским университетом, само не наделяет высшим образованием: это просто коллегия экзаминаторов, выдающая свидетельства об удовлетворительном испытании студентам высших учебных заведений Лондона, провинциальных городов или колоний, причем не установлено никаких условий относительно местопребывания, общей жизни, дисциплины нравственной или религиозной. Впрочем, если главные школы Лондона не занимают официально той же степени, как университеты Кембриджский и Оксфордский, они, тем не менее, формируют превосходных воспитанников и дают им образование, где опытным наукам отведено более места и которое лучше отвечает требованиям современного общества: так, медицина, совершенно пренебрегаемая в старинных университетах, есть одна из наук, которые очень ревностно изучаются в Лондоне, не только в одиннадцати специальных училищах, состоящих при госпиталях, но также в двух коллегиях, называемых одна «университетскою» (University College), другая «королевскою» (King's College); при каждом из этих двух институтов имеется клинический госпиталь. Университетская коллегия не дает своим слушателям никакого религиозного воспитания, и на скамьях её аудитории индусы, персы, евреи сидят рядом с христианами, тогда как в королевской коллегии догматы англиканской церкви считаются долженствующими быть душой преподавания, и все, директор, профессора, студенты, принадлежат к господствующему вероисповеданию. Высшая школа художеств, лучшая в Англии, соединена с тою же королевскою коллегией, которая, кроме того, обладает моделями главных произведений скульптора Флаксмана. С 1869 года женщины также получили доступ к университетским экзаменам, и, в силу недавнего постановления, они имеют право на равное с мужчинами образование либо в тех же самых учебных заведениях, либо в отдельных школах, имеющих совершению одинаковую с мужскими программу преподавания. Высшее специально женское учебное заведение, Королевина коллегия (Queens College), принимает около 360 девиц. Самая большая школа в ближайших окрестностях Лондона—Гарроуская (Harrow-on-the-Hill), расположенная на холме, к северо-западу от столицы. После итонского лицея, это самая аристократическая школа в Англии, и пребывание в ней стоит так же дорого, как и в Итоне; число её питомцев колеблется между 600 и 700.

Многие из больших средних учебных заведений Великобритании также находятся в метрополии. Что касается начальных школ Лондона, то о важности этого отдела народного просвещения можно судить по тому факту, что в 1895 г. в элементарных школах, состоящих под ведением училищного совета (School-Board), обучалось 488.038, и в частных школах (voluntary schoot)—226.160 детей.

Самое большее элементарное училище в Лондоне и, быть может, во всем свете,—это еврейская школа, где учатся около 2.500 детей, мальчиков и девочек.

Если Лондон, несмотря на свои высшие учебные заведения, не есть университетский центр Британских островов и должен еще признавать в этом отношении первенство Оксфор-

1 „Times“, 2-го октября 1878 г.

да и Кембриджа, то он, по крайней мере, бесспорно составляет средоточие научное, литературное, артистическое всех стран и народов, говорящих английским языком: здесь выходит в свет большая часть литературных произведений, здесь собираются важнейшие ученые общества, здесь открываются большие художественные выставки и актеры приобретают славу. В этом же городе издаются самые распространенные журналы и наиболее влиятельные органы политической прессы, которые не только имеют право называть себя «четвертою властью» в государстве, но и влияют на настроения общественного мнения во всех цивилизованных странах. Типографии, где печатаются эти журналы и газеты, принадлежат к замечательнейшим промышленным заведениям Лондона.

Исполинский город не занимает на Британских островах первого места как промышленный центр: он не может равняться с Манчестером, Бирмингемом, Шеффильдом, Лидсом или Гласго по той или другой специальной промышленности; но если бы фабричные заведения, рассеянные в разных кварталах или округах Лондона, соединить в один город, то мы ясно увидели бы, что по совокупности своих мануфактур метрополия все-еще первый город Англии, и что прозвище Cockneys, или «обитатели земли изобилия» (Cockaigne, как прежде обыкновенно называли Сити), даваемое всем жителям Лондона, которые слышат звон колоколов церкви Боу-Черч в Сити, заслужено ими не праздною жизнью. Большая часть фабрик расположена так, что образует вокруг Сити обширный полукруг, обращенный выпуклою стороною к востоку: Спитальфильдс, Клеркенвель, Бетналь-Грин, Майль-Энд, Ротергайд, Саутварк, Ламбет—вот главные округи промышленного труда; но везде можно найти рабочих, занимающихся приготовлением предметов, необходимых для продовольствия и содержания жителей столицы. По переписи 1891 г., из жителей Лондона старше 10 лет отроду 31,14 проц. были заняты в промышленности, 10,45 проц. в торговле и перевозочном промысле, 0,46 проц. в сельском хозяйстве и рыбной ловле, 12,02 проц. жили в услужении, 5,05 проц. было чиновников, военных или занимающихся учеными профессиями и 40,08 проц. без профессии. По отдельным главным ремеслам и профессиям столичное население распределялось следующим образом: лиц занятых в промышленности 1.014.223, из них—266.204 женщин; домашней прислуги—391.501, из них—338.543 женщин; лиц, занятых в перевозочном промысле—219.038, из них—3.203 женщин; учителей, артистов, лиц свободных профессий—135.089, из них—62.220 женщин; торговцев в собственном смысле—121.423, из них—7.696 женщин; коронных чиновников и служащих по городскому общественному управлению—39.492, из них—2.727 женщин; армия и флот—15.846; занимающихся обработкою почвы и рыболовством—14.973, из них—1.299 женщин; без профессии—1.305.511, из них—1.058.504 женщин.

Лондон отличается в особенности фабрикацией глиняной посуды, ножей, оружия, машин всякого рода, часов, изделий ювелирного искусства; он строит корабли и занимается их оснасткой; он сохранил шелковую промышленность, принесенную ему французскими гугенотами в конце семнадцатого столетия; далее, он дубит и обделывает кожи, рафинирует сахар, дистиллирует водки. Его пивоваренные заводы замечательны громадными размерами и, по обширности своего производства, доставляют весьма значительный доход английской казне. Один из этих заводов, чтобы получить воду, необходимую для пивоварения, совершил самое глубокое бурение через пласты лондонского бассейна: буровой снаряд проник на расстояние 311 метров от поверхности земли, в слои нижнего зеленого песчаника. Овощные огороды в окрестностях Лондона составляют почти половину всей огородной земли, возделываемой в Англии; огороды эти не могут сравниться с парижскими jardins maraichers, но цветочные садовники имеют превосходные теплицы.

Как рынок капиталов, Лондон не имеет соперников во всем свете. Даже Франция далеко не обладает таким огромным количеством свободных сбережений, как Англия, и они не сосредоточены в банках, так чтобы могли быть немедленно утилизируемы, как только ожидаемая выгода направляет их к какому-нибудь новому предприятию. Город Лондон имеет, вероятно, столько же совершенно свободных капиталов, сколько все другие денежные рынки

мира, взятые вместе (сумма вкладов в английском банке и в других лондонских банках, публикующих балансы, составляла, 31-го декабря 1872 года, 3.000.000.000 франк.), и это важное преимущество позволяет ему завладевать, к ущербу других государств, всеми обещающими выгоду случаями, которые представляются в различных странах земного шара. К банкам Ломбард-Стрита (Ломбардская улица), где некогда поселились ломбардцы и флорентийцы, первоначальные наставники английских банкиров, обращаются за ссудами нуждающиеся в деньгах правительства, компании горных промыслов и железных дорог, изобретатели, чающие превратить свою мысль в звонкие червонцы, спекулянты всякого рода. Мало найдется правительств, которые, кроме оффициальных посланников при сен-джемском дворе, не имели бы еще особенных представителей при денежных тузах Ломбард-Стрита. Благодаря сведениям, стекающимся со всех концов земного шара в Лондон, как в общий центр, капиталисты Сити первые узнают, где можно сделать выгодное помещение свободных капиталов, и некоторые страны регулярно посылают им самую крупную долю своих доходов. Почти все значительные предприятия в колониальных странах основаны на деньги, занятые в Лондоне; рудники Южной Америки эксплоатируются косвенно банкирами лондонского Сити; эти же банкиры построили железные дороги и порты Бразилии, Лаплаты, Чили, и в их же конторах имеют резиденцию почти все частные компании подводных телеграфов.

Первый город в свете по финансовым операциям, Лондон есть в то же время первый город по движению торгового обмена и по важности его морского судоходства. Это главный рынок земного шара по торговле чаями, кофеем и большею частью других колониальных продуктов; сюда же привозится шерсть из Австралии, из Африки, вообще из внеевропейских стран, и иностранные фабриканты и торговцы должны запасаться товаром в Лондоне: множество товаров ввозится на континент Европы не иначе, как чрез посредство порта Темзы. Следующие цифры показывают постепенное возрастание оборотов внешней торговли английской столицы:

Внешняя торговля Лондона в 1335 году—8.329.000 франк.; 1770 г.—250.000.000 фр.; 1791 году—775.000.000 франк.; 1882 г.—6.024.457.500 франков.

Таможенные сборы Лондона в 1882 году—249.893.875 франков.

С начала восемнадцатого столетия общая ценность торговых оборотов Лондона с иностранными землями увеличилась почти в двадцать раз, и это возрастание продолжается до сих пор, быстро возрастая с каждым десятилетием. В 1894 г. привоз из-за границы и из колоний составлял, по ценности, 141.455.868 фунт. стерл.; вывезено было британских произведений на сумму 41.575.602, иностранных продуктов на сумму 34.626.491 фунт, стерл. Лондонский порт—это целый мир, о котором невозможно составить себе понятия, не видев его собственными глазами. Впрочем, весь залив, образуемый устьем Темзы, считается, в силу решения суда казначейства (Exchequer court), гаванью Лондона, и это решение, без сомнения, вполне согласуется с действительностью[1]. Граница этого исполинского порта обозначается идеальною линией, которая идет от стрелки мыса Норт-Форленд и пересекает Гарвичский нос, проходя через Гонфлитский маяк. Некоторые малые порты, лежащие по окружности лимана, имеют независимое существование: это, так сказать, энклавы большего лондонского порта. Однако, эти небольшие гавани в действительности не что иное, как передовые порты могущественной метрополии по рыбному промыслу или по торговле; их можно также рассматривать, как приморские предместья Лондона. По мере того, как подвигаешься от якорной стоянки, называемой Нор, вверх, в Темзу, количество попадающихся на пути судов, плывущих врозь или длинными вереницами, постоянно увеличивается; они теснятся около каждого прибрежного города; нет ни одной жете или дамбы, выступающей на середину вод, которая не была бы окружена несколькими судами. Выше Ширнеса берега лимана сближаются: мы вступаем в реку, и уже края суши представляют почти непрерывную набережную, где мерно вращаются рычаги машин, посредством которых производится сообще-

1 „De jure maritimo et navali", 1677

ние между трюмами судов и магазинами товарных складов. Еще немного далее—и дома, построенные на берегу, едва виднеются сквозь снасти судов, которые тянутся несколькими, плотно сомкнутыми рядами. Впереди стоит, точно серая стена, густой туман, покрывающий столицу, но по сторонам, через известные промежутки, вы видите как будто улицы из кораблей, которые врезываются внутрь твердой земли и теряются где-то далеко в дымной атмосфере. Эти улицы—лондонские доки.

В конце прошлого столетия, легальные набережные, единственные, на которых дозволено было выгружать известные товары, простирались только от Лондонской башни до Биллингсгета, на протяжении 445 метров в длину, при 13 метрах ширины. Кроме этого, крайне ограниченного пространства, торговля могла располагать еще так называемыми льготными набережными; но все эти дебаркадеры были так малы, что недостаток мест разгрузки постоянно затруднял движение торговых оборотов; кроме того, невозможность ввести порядок в уборку груд товаров всякого рода имела то следствие, что эти сокровища подвергались расхищению в обширных размерах: исчисляли в 12 слишком миллионов ежегодно общую ценность краж, совершаемых на набережных и на борте купеческих кораблей. Большая часть приходящих судов оставалась по целым неделям и даже месяцам посреди реки и не могла выгружаться иначе, как при помощи лодок, постепенно перевозивших груз с судна на берег.

Такой порядок вещей не мог быть долее терпим, особенно после того, как войны французской революции и империи заставили направиться к английским портам почти весь торговый обмен континента Европы с Индией и Новым Светом. Коммерсанты Лондона решились, наконец, последовать примеру своих ливерпульских соперников, которые уже завели у себя доки или замкнутые бассейны, окруженные складами и дающие пристанище как кораблям, так и их грузам. После продолжительных прений в парламенте, первая компания негоциантов выбрала, для устройства шлюзованных резервуаров и складочных магазинов, пространство, в то время лежавшее пустырем, которое находится у основания полуострова, называемого Собачьим островом (Isle of Dogs), между Лондоном и Блекуолем: в 1800 году Питт сделал первый удар заступом, и работа закипела. Место было выбрано очень удачно, так как корабли, имеющие от 7 до 8 метров водоуглубления, могут входить прямо в доки, не огибая полуострова, и тем не менее находятся у оконечности естественной гавани, которую Темза образует ниже Лондона; складочные магазины окружены со всех сторон водами, представляющими отовсюду доступ судам. Польза этих первых доков вскоре доказала необходимость постройки новых. После четырех бассейнов, называемых вест-индскими доками (West-India-docks), были выкопаны ост-индские доки (East-India-docks), первоначально предназначенные для торговли с Антильскими островами и Индией, но ныне открытые для судов из всякого места; затем устроили лондонские доки (London-docks), гораздо более важные по причине их непосредственного соседства с Сити и обширности их складочных магазинов, предназначенных преимущественно для риса, табаку, виноградных вин и водок; наконец, все на том же левом берегу реки, были основаны, в 1828 году, екатерининские доки (Saint-Catherine'docks), теперь самые оживленные сравнительно с их протяжением. Чтобы дать место этим новым водовместилищам и товарным складам, нужно было сломать 1.250 домов и старинный госпиталь св. Екатерины и заставить выселиться 12.000 жителей.

С той эпохи были предприняты и выполнены другие работы этого рода, еще более значительные. Доки Виктории (Victoria-docks), оконченные в 1855 году, все вместе занимают пространство в 250 гектаров, то-есть более 2 квадратных километров, и, несмотря на такое обширное протяжение, они должны увеличиваться еще новыми участками земли, вокруг которых город развивает сеть своих улиц, постоянно вытягивающихся в длину. Таким образом приморский Лондон не перестает расти на левом берегу Темзы. На правом берегу он еще далеко не имеет такой важности, как на левом, что объясняется затруднительностью сообщения этой стороны реки с Сити; но и там есть доки, где скопляются огромные запасы леса и разного рода хлеба. Ниже по реке кораблестроительные верфи Детфорда, порт Гринвича,

морские арсеналы Вульвича, Гревзенд, Ширнес, Рочестер и Чатам обеспечивают правому берегу Темзы торговое преобладание.

Лондонские доки именно по причине их многочисленности и раскиданности на обширном пространстве и в особенности по причине соседства кварталов города и больших зданий, которыми они окружены, не производят на путешественника такого сильного впечатления, не вызывают в нем такого удивления, к какому он заранее приготовился. Нужно обходить эти доки с утра до вечера, жить там неделями, странствовать от склада к складу, от бассейна к бассейну по железным дорогам и на пароходах, нужно видеть нескончаемые ряды коммерческих судов всевозможных размеров и национальностей, созерцать груды товаров всякого рода, привезенных со всех концов света, присутствовать при нагрузках и выгрузках, при входе и выходе кораблей в ворота шлюзов, при беспрестанном приходе и отходе бесчисленных судов, чтобы составить себе понятие о грандиозном движении торговых оборотов, которое совершается в искусственных прибрежных бассейнах Темзы. Движение судоходства в лондонском порте в 1894 году представляло следующие цифры:

Внешняя торговля: в приходе всего 54.306 судов, вместимостью в 14.802.808 тонн; из этого числа на каботажную торговлю приходилось 43.922 судна, вместим, в 6.500.940 тонн.

Ливерпуль превосходит столицу по ценности своей отпускной торговли и по ввозу хлопка; но он много уступает ей в отношении привоза вин, сахара, колониальных товаров всякого рода. По совокупности своих торговых оборотов Лондон стоит выше Ливерпуля, но коммерческий флот его по численности на целую четверть меньше ливерпульского. В 1894 г. торговый флот метрополии состоял из 2.705 морских судов, вместимостью 1.504.158 тонн, в том числе 1.575 пароходов.

Лондон не составляет одной общины в политическом смысле, без сомнения, потому, что парламент опасается иметь в нем себе соперника. Он служит естественным средоточием для интересов торговых и промышленных, но не для интересов политических. Город разделен на множество различных администраций, до крайности перепутанных между собою; этот хаос в механизме общественного управления английской столицы всего лучше сравнить с лабиринтом лондонских улиц, номенклатура которых делалась без всякого порядка, по капризу землевладельцев и приходов: десятки улиц носят совершенно одинаковые имена—Чорч-Стрит (церковная улица), Кинг-Стрит (королевская улица), Принсес-Стрит (улица принцев), не считая places, terraces, rows, обозначаемых на один лад. Политическая и административная путаница, где современные нововведения забавно перемешаны с традициями средневековой эпохи, так чудовищна, что большинство жителей Лондона даже не стараются проникнуть в её тайны и отдали себя, в отношении общественного управления, на произвол судьбы; лабиринт законов так велик, что никто и не отваживается пускаться в него; граждане находятся во власти нескольких самодержавных компаний и даже не дерзают защищаться. Еще в 1855 году Лондон насчитывал не менее 300 собраний, представлявших каждое особую власть; эти собрания, состоявшие из 10.458 членов, отправляли свои функции в силу 250 актов парламента[1]. В настоящее время лондонский Сити все еще считается особым городом, тогда как остальная метрополия разделена на 39 «округов местного управления», из которых каждый имеет свою «ризницу» или муниципальную коллегию (vestry или board), на которую возложено управление хозяйственными делами округа или квартала; кроме того, десятков шесть приходских vestries сохранили право выбора различных должностных лиц местного самоуправления. Заведывание фондами, назначенными на содержание бедных, вверено 30 различным собраниям. Специальный санитарный совет занимается гигиеной метрополии; другой совет, Metropolitan Board of Works, имеет на своей обязанности управление и надзор за всеми общественными работами в городе; училищный совет, School-Board, в члены которого могут быть допускаемы также лица женского пола, заботится о народном образовании и заведует школами в столице. Даже декан и капитул Вестминстерского аббатства сохранили еще остаток своей прежней муниципальной власти: также и приходы

1 Firth, „Municipal London“;—Dexter, „Governement of London“;—Ravenstein, „London“.

имеют еще некоторую долю гражданской власти. Все эти административные корпорации, заключающие вместе 8.073 члена, не считая массы их чиновников, имеют каждая отдельный бюджет, покрываемый специальными налогами. Но, несмотря на эту невообразимую путаницу административного механизма и на беспорядок в городских финансах, являющийся естественным следствием такой путаницы, Лондон расходует на свое общественное управление менее, чем Париж, и долг его менее значителен; общая сумма расходов города Лондона в 1874 году составляла 171.725.000 франк., из которых 55.000.000 назначено было на содержание бедных; долг различных окружных управлений (boards) города, считая в том числе Сити, равнялся 542.700.000 франк, (доходы графства Лондон на 1894-95 гг. исчислялись в 2.273.591 ф. стерл., долг в 1895 г. простирался до 34.558.352 фунта). Большие общественные работы предпринимаются здесь по большей части не самим городом, но концессионерными компаниями. Что касается полиции, то она зависит непосредственно от министра внутренних дел (home secretary), исключая полиции Сити. Вот некоторые цифровые данные, относящиеся к численному составу и деятельности лондонской полиции:

Полиция Лондона в 1895 г.—15.198 человек; полиция Сити 1.014 человек; произведено арестов (1877 г.)—77.982; людей убитых на улицах—120; раненых—2.836, исчезнувших—11.699; отысканных—6.160; окончательно пропавших без вести—5.539; воров по профессии, приблизительно—25.000 или 30.000.

Административное учреждение Лондона, специально заведующее общественными сооружениями метрополии, так называемое столичное управление публичными работами (Metropolitan Board of Works), состоит из 44 членов, которых теперь назначают окружные управы (vestries), выбирая их из своей среды. Это муниципальная делегация, облеченная, большою властью; но, по силе традиции, наибольшим влиянием все еще пользуется общественное управление Сити, и власть его распространяется косвенно за муниципальные пределы на всю столицу и графство Мидльсекс; оно обладает большими недвижимыми имуществами даже вне Лондона, так как ему, между прочим, были пожалованы город, территория и воды Лондондерри, в Ирландии. Хотя население Сити не превышает восьмидесятой доли общего числа жителей Лондона, а площадь его территории, равная 293 гектарам, занимает только сотую долю всего пространства столицы, бюджет его, питаемый разными налогами, между прочим, на вина, водки и на весь уголь, потребляемый жителями Лондона, составляет около пятой части общего бюджета метрополии; а между тем, после изгнания массами беднейших обитателей ради постройки на месте их домишек новых проспектов и бульваров, в этом богатом округе остается едва несколько человек бедняков, нуждающихся в общественном вспомоществовании. Большая часть граждан Сити группируются в различные компании, которые первоначально были корпорациями ремесленников и мелких торговцев, но которые сохранили из своего трудового прошлого только имя да символические знаки: более богатые, чем само правительство Сити, они соблюдают порядок старшинства, строго установленный старинными регламентами; лавочники стоят во главе двенадцати больших обществ; водоносы (watermen) составляют семьдесят девятую и последнюю компанию. Члены этих компаний, называемые «ливрейными мещанами», liverymen, потому что первоначально они носили одежду, похожую по форме и цвету на костюм лорда-мера и шерифов, избирают общий совет ливрейного мещанства (common hall of livery), в котором председательствует лорд-мер и который выбирает двух шерифов (sheriffs) для всего графства Мидльсекс и, большею частью пожизненно, казначея Сити (City chamberlain), администратора их муниципальной казны. Сити делится на 26 wards и на 270 precincts, жители которых, все равно граждане или не-граждане, собираются каждый год для составления списка кандидатов в советники; но только одни граждане, в окружном собрании или wardmote, назначают муниципальных советников (common councilmen), по одному на каждый precinct, контролеров или inquestmen и других должностных лиц уардов. Каждое окружное собрание (wardmote) выбирает также, пожизненно, старшину или альдермена (alderman), подчиненного лорду-меру; эти 26 старшин образуют так называемый совет альдерменов (court of alderman), а в соединении с 207 муниципальными советниками они составляют Court of

common council, или муниципальный совет. Всякий альдермен, отказывающийся от исполнения своих обязанностей и просящий об увольнении его в отставку, должен внести 12.500 франк. штрафу в кассу муниципальной казны. Что касается лорда-мера (lord-mayor) или городского головы Лондона, особы, которая пользуется большою действительною властью, как главное должностное лицо городского общественного управления, и большим почетом во время его годичной службы, то он назначается советом альдерменов по представлению совета ливрейных горожан; но обыкновенно на эту должность выбирается старейший из альдерменов[1]. Жалованья лорду-меру полагается 250.000 франков; кроме того, содержание его дворца, Mansion House, стоит каждый год почти столько же (в 1877 году на этот предмет было израсходовано 191.125 франк.); но обычай требует, чтобы он тратил гораздо больше на балы, на концерты, и чтобы на банкетах его в зале пиршества постоянно ходила кругом «любовная чаша» (loving cup), обильно наполненная вином.

Как ни велика власть административных корпораций Лондона, не следует, однако, забывать, что рядом с нею существует и другое влияние, не менее могущественное, чем авторитет «ливрейных патрициев» и «ризниц». Это влияние, почти совершенно скрытое от взоров публики, так сказать закулисное, принадлежит землевладельцам, на почве которых построен город Лондон: через своих управляющих, адвокатов, дельцов, эти господа заправляют местными собраниями, и общественные работы в столице никогда не предпринимаются таким образом, чтобы мог быть нанесен какой-нибудь ущерб их интересам. Обширные пространства земли в несколько квадратных километров, покрытые домами, составляют собственность одного владельца. Так, например, почти весь городской округ Мерилебон принадлежит герцогу Портленд, наследнику голландца Бентинк, любимца Вильгельма III.

Ниже Лондона на Темзе стоит пригород Гринвич или Гринич (Greenwich), пользующийся независимым муниципальным существованием. Главный его памятник, дворец красивой архитектуры и обширных размеров, построенный Христофором Реном, служил прежде помещением для инвалидов британского флота; недавно он преобразован в морскую академию, и одна из его зал, посвященная «морской славе» Англии, заключает статуи прославившихся адмиралов, картины, изображающие морские победы, и, между предметами, принадлежавшими знаменитым морякам, остатки экспедиции Франклина, отысканные доктором Рэ. Доходы морской академии простираются до 4.250.000 франк. На травянистом холме, который командует домом морского училища, над прекрасным садом, разбитым по плану Ленотра, расположено невысокое здание, основанное в 1676 году, которое напоминает также славу Англии и при том одну из самых благородных: это знаменитая обсерватория, где жили астрономы Фламстэд, Галлей, Брадлей, Маскеляйн, где был составлен Nautical Almanac, драгоценнейший документ для познания времени, и где и теперь продолжаются самые точные и глубокия исследования небесных явлений. Гринвичская обсерватория обладает очень богатою библиотекой и драгоценными инструментами. Через её купол проходит меридиан Англии, давно уже принятый большею частью иностранных морских ведомств за первый и окончательно указанный в 1884 г. астрономическим съездом в Вашингтоне как долженствующий служить исходною точкою, общею всем нациям, для измерений земного меридиана. Разность долгот между меридианами Парижа и Гринвича еще неизвестна с достаточной точностью: разногласие между различными произведенными до сих пор измерениями составляет не менее десяти секунд, то-есть около 150 метров. Вероятная разность между этими двумя меридианами равна 2°20'15"[2].

За Гринвичем следует, на правом берегу Темзы, другой большой пригород, Вульвич, где находятся громадные казармы, кораблестроительные верфи военного флота, морской музей и арсенал, содержащий могущественнейшие снаряды современной индустрии для литья и

1 Ravenstein, Рукописные заметки.

2 Hilgard, „United States Coast Survey", Report for 1874. Final report on tbe determination of 1872;— Auwers, „Mittheilungen von Petermann", v. 1878.

сверления пушек, постройки лафетов и фабрикации всякого рода военных принадлежностей. Нигде не увидишь такой огромной массы механического труда, собранного на малом пространстве. Несколько многолюдных кварталов: Чарльтон, Блекгет, Ли, Эльтгам, примыкают к Гринвичу и Вульвичу и продолжаются на юге до Чизельгёрста и Бромли, другой сельской общины, лежащей в районе Лондона.

К востоку от Собачьего острова, против полуострова, отделяющего Гринвич от Вульвича, в Темзу впадает болотистая речка Ли. В бассейне этого маленького притока есть несколько самостоятельных городов, не принадлежащих к лондонской аггломерации; таковы: Лютон, лежащий в графстве Бедфорд, Саффрон-Вальден, Гертфорд, главный город графства, Чесгонт, Бишоп-Стортфорд, Энфильд, где правительство содержит оружейный завод, Вальтам-Абби, часть общины Вальтам-Голи-Крос, где находится единственное в Англии казенное заведение для приготовления пороха. Необходимость полного изолирования заставила разместить мастерские порохового завода на обширном пространстве, обнимающем более 20 гектаров, и дома разделены лугами, даже лесами: гуляя по аллеям завода, можно подумать, что находишься в деревне, вдали от фабрик и городов. Однако, Лондон дает уже знать о себе своим глухим гулом, и вскоре речка Ли вступает в сады Страдфорда и Плестоу, которые в действительности составляют, под общим именем Вестгама, часть метрополии. На востоке, Ванстед, Ильфорд, Баркинг также можно считать передовыми предместьями Лондона, да и Рамфорд, хотя совершенно отдельный город, работает, в особенности своим пивоваренным производством и своими садами и огородами, для продовольствия столицы.

Спускаясь вниз по Темзе, мы встречаем на возвышенном кентском берегу несколько следующих один за другим городов, тогда как низменные и болотистые берега Эссекса гораздо менее населены. Первый из этих городов, Эрит, расположен на самом берегу реки; следующий за ним богатый город Дартфорд лежит в некотором расстоянии от Темзы, внутри страны, на реке Дарт, которая берет начало близ городка Севен-Окс, в одном из прелестнейших естественных парков Англии. За одним из поворотов Темзы выступает Нортфлит, далее следует Гревзенд, один из центров дачной жизни и летних увеселений, город, утопающий в зелени садов и окруженный живописными холмами, усеянными дачами. Против Гревзенда, на эссекском берегу, стоит форт Тильбери, который был бы главною внешнею защитою Лондона, в случае, если бы неприятельскому флоту удалось форсировать вход в реку. Но крепости, охраняющие залив вне Темзы и реки Медуэ, заключают в себе уже все средства истребления, какие только придуманы человеком.

Бассейн р. Медуэ (Medway), занимающий большую часть области Вильд, есть одна из самых приятных местностей Англии, и на пространстве его рассеяны многочисленные города. Уже судоходная для мелких судов, река Медуэ проходит мимо г. Тонбридж, который, в начале семнадцатого столетия, сообщил свое имя одной соседней деревне, с минеральными (железистыми) водами, Тонбридж-Уэльз, лежащей в 7 километрах южнее и сделавшейся теперь гораздо более многолюдною, чем город, которому она обязана своим происхождением. Г. Медстон, лежащий на р. Медуэ, в том месте, где прекращается морской прилив, занимает центральное положение в графстве Кент; окрестности его, часто называемые «садом Англии», особенно изобилуют хмельниками, которые, по качеству даваемого ими продукта, считаются лучшими во всей Англии. Вообще хмелеводство сильно развито в этом крае: Кентское графство производит половину всего хмеля, выделываемого в Англии. В 1567 году, Медстон, в то время незначительное сельское местечко, сделался промышленным городом, благодаря бельгийским эмигрантам, которые ввели в нем льнопрядильное производство. Каждый год в начале осени, во время picking-season, или сбора плодов, Медстон и окрестные деревни наводняются тысячами шумных лондонских рабочих, которые приходят собирать семена хмеля.

Так как общины Кентского графства, находящиеся в окрестностях Лондона, составляют лишь предместья метрополии, то самым большим городом этой провинции нужно считать город, состоящий из трех частей, образовавших две отдельные общины под именем Чатама,

Рочестера и Струда, которые тянутся, от запада к востоку, на пространстве около 4 километров. Рочестер очень древний город: это Дурбрис бриттов, Дуробрив римлян, Рофсистер англо-саксов. Нормандский замок, воздвигнутый в первые годы после завоевания страны Вильгельмом, и теперь еще господствует над правым берегом р. Медуэ своею огромною четыреугольною массой; неподалеку от замка возвышается рочестерский кафедральный собор, основанный и построенный отчасти в туже эпоху. Самый многолюдный из этих трех городов, Чатам, расположен также на правом берегу реки Медуэ, но ниже Рочестера, для того, чтобы к набережным его могли удобно приставать транспортные суда, приходящие забирать солдат из его казарм или провиант из его запасных магазинов, ибо Чатам по преимуществу военный город, наполненный многочисленными заведениями, принадлежащими армии, и защищенный сильными укреплениями; артезианский колодезь, вырытый до слоя зеленого песку, лежащего на глубине 375 метров, снабжает водой все верфи и заводы правительства. Что касается города Струд, расположенного на левом берегу р. Медуэ, против Рочестера, то это наименее важный из трех названных городов. К западу от Струда, среди обширного парка, стоит красивый замок Кобгам-Голль, заключающий, между разными другими достопримечательностями, картины великих мастеров. Движение коммерческого судоходства в портах реки Медуэ в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе 8.680 судов, вместимостью в 1.167.316 тонн; собственная торговая флотилия этих портов состояла из 1.148 судов, общая вместимость которых равнялась 48.856 тоннам.

Ширнес—искусственный город, построенный среди болот острова Шеппи, на топкой почве, которую принуждены были нарочно укреплять, заваливая места, наполненные тиной, остовами старых кораблей и вбивая в болото целые леса свай. Однако, колодезь, выкопанный до глубины слишком 60 метров на этом болотистом острове, окруженном соленою морскою водою, дает совершенно чистую воду, вытекающую, без всякого сомнения, с соседнего материка. Понятно, что такое местоположение никогда бы не выбрали для торгового города, но это была превосходная позиция, как стратегический пункт, потому что здесь находится граница между речными заливами, лиманом Темзы и лиманом Медуэ, почти одинаково важными для целей обороны. В Ширнесе только и видишь, что форты, казармы, редуты, военные корабли, старые, негодные к службе суда; недавно введенные сосновые насаждения ассенизировали город и его окрестности. В 1667 году голландский флот, под начальством адмирала Рюйтера, овладел Ширнесом, сжег чатамские верфи и другие морские заведения, уничтожил и захватил в плен суда, укрывшиеся в р. Медуэ; но с той эпохи оборонительные средства Ширнеса увеличились в огромной степени. Против Ширнеса, на противуположном берегу лимана, лежит Шуберинес, деревня, имя которой часто повторяется, потому что соседние с нею берега служат полигоном для производства опытов над английскими дальнобойными пушками.

На юге от острова Шеппи недавно открылся новый коммерческий порт, Квинборо (Queenborough), где каждый день пристает пароход, приходящий из Флиссингена: он сообщается с главною линией железной дороги из Дувра в Лондон у города Ситтингборн, лежащего внутри материка. На востоке, на берегу залива, находится торговый порт Февершам, приморский рынок города Кентербери и долины реки Стер. Движение судоходства в этом порте в 1891 году: прибыло 9.093 судна (почти исключительно каботажные), вместимостью в 422.997 тонн; собственная коммерческая флотилия Февершама в том же году состояла из 235 морских судов, общая вместимость которых равнялась 20.840 тонн, и 139 рыболовных судов. Еще далее на восток лежит маленькая гавань Уитстебль, населенная ловцами устриц, которые снабжают продуктами своего промысла Биллинсгетский рынок Лондона. Уитстебльские рыболовы, славящиеся неустрашимостью, отличаются также замечательным духом солидарности; каков бы ни был результат лова для различных барок, добыча всегда делится поровну. Рыболовная флотилия Уитстебля состоит из 120 судов, общая вместимость которых равна 1.800 тоннам.

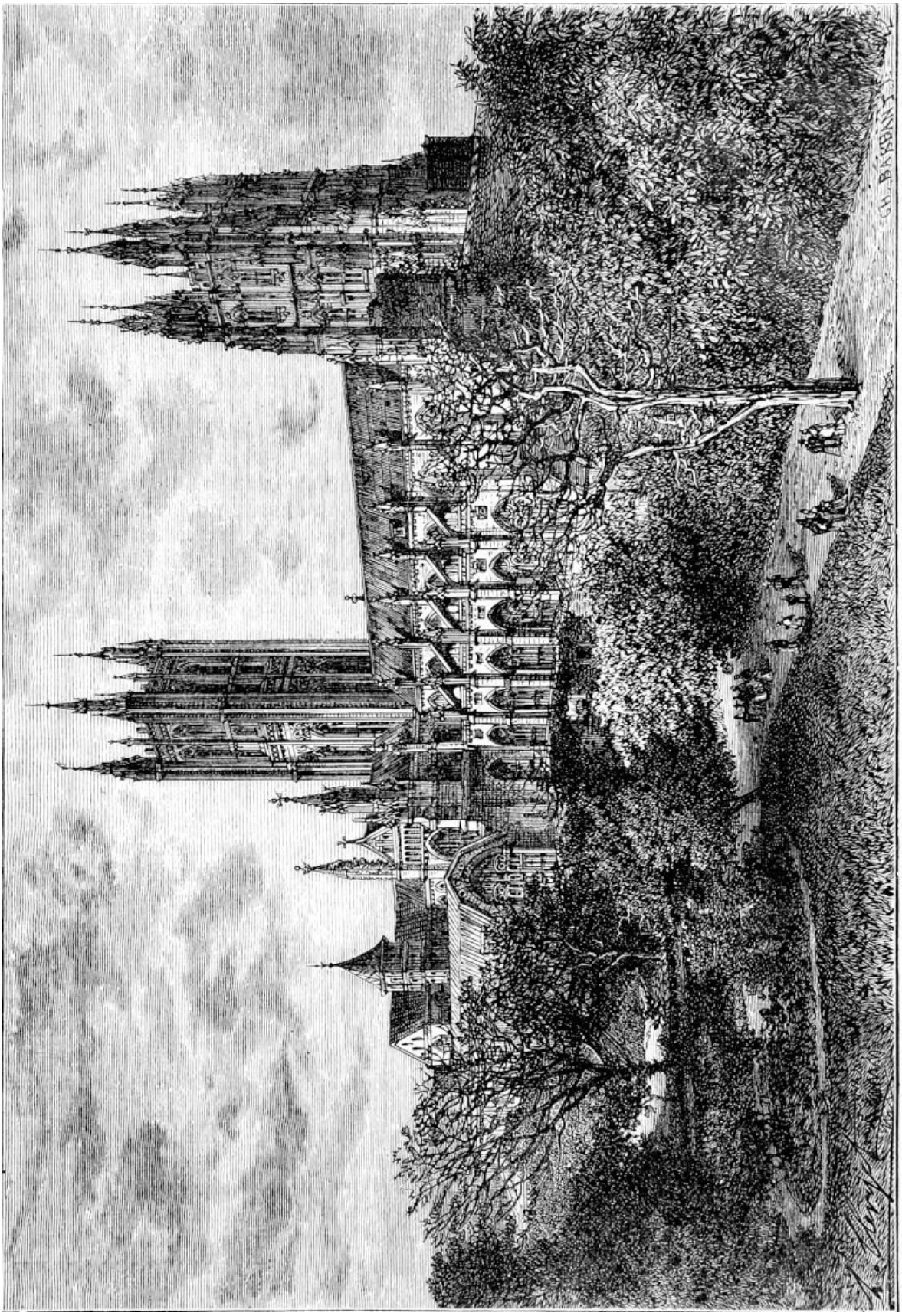
Стер (Stour)—независимая река, текущая непосредственно в море двумя рукавами, из

которых один впадает в залив Темзы, на северном берегу Кента, тогда как другой изливается прямо в Северное море: эти два рукава окружают древний исторический остров Танет, заменяя таким образом существовавший здесь прежде морской пролив. Река Стер проходит сначала мимо городка Ашфорд, где находятся обширные мастерские для починки локомотивов и вагонов; но главный город её долины—знаменитый Кентербери, Дуровернум древних романизованных бритов. Это бывшая столица Кентского графства, как показывает и самое его имя Canterbury, означающее «город Кента» (теперь он составляет особое графство). Кентербери был первый город Великобритании, население которого приняло новую религию, пришедшую с Востока: вот почему он сохранял во все века, как в эпоху господства католической веры, так и впоследствии, под властью англиканской церкви, титул духовной столицы Англии; в двенадцатом столетии один из его архиепископов, Томас Бекет, вооруженный привилегиями, которые Вильгельм Завоеватель пожаловал кентерберийскому престолу, мог долго вести смелую борьбу с королевскою властью. Главный город Кента до сих пор остается оффициальною резиденцией архиепископа-примаса, который, впрочем, имеет в Лондоне, против здания парламента, великолепный дворец, называемый Ламбет-Гоуз. Древнейшая церковь Британских островов, построенная частию из римских кирпичей, взятых от другого здания, господствует над городом своею башней, обвитою плющем; там и сям поднимаются шпили и колокольни других старинных церквей, и из всех частей города хорошо видна высокая масса митрополичьей церкви, основанной в 1070 году, но с того времени почти совершенно перестроенной по частям; хоры, построенные Гильомом де-Санс, можно назвать «собором в соборе». Обширное здание кафедрального собора богато росписными стеклами, резьбой, скульптурой, гробницами; здесь, между прочим, погребен прославившийся в истории Столетней войны Черный Принц; здесь же некогда были выставлены смертные останки Фомы Бекета, убитого перед алтарем, по приказанию Генриха II Плантагенета; из всех святых мест Англии ни одно не привлекало в прежнее время такого множества поклонников, как могила злодейски умерщвленного архиепископа, и Кентербери обогащался от пожертвований, приносимых из всех стран христианского мира. Хотя река судоходна до самого города, и хотя в нем сходятся пять железных дорог, Кентербери не удержался на степени торгового и промышленного центра; в нем не существует более шелковых мануфактур, ни других отраслей мануфактурной промышленности, которые принесли с собою, в шестнадцатом столетии, пять тысяч французских гугенотов, удалившихся сюда по причине религиозного преследования, и в наши дни он имеет важность только как рынок земледельческих произведений; даже население его в последнее время уменьшилось; но, благодаря своим памятникам, своим древним стенам, превращенным в бульвары, и могильному кургану, окруженному тенистыми аллеями, Кентербери до сих пор остается одним из самых любопытных и самых живописных городов Англии.

На оконечности Кентского полуострова рассеяно множество станций морских ванн. Так, к северу от Кентербери находится прекрасный берег бухты Герн-Бай. Близ мыса Норт-Форленд стоит знаменитый город Маргет, где летом живут преимущественно семейства купцов и служащих из Лондона: пески морского берега, прибрежные утесы, дамбы всегда кишат дамами и детьми, к которым по праздникам присоединяются и отцы семейства, приезжающие в субботу вечером целыми поездами из столицы. На полуденной стороне мыса находим другие берега с морскими купальнями, берега Бродстэрса и Рамлета; последний из этих городов есть в то же время маленький коммерческий порт. Далее, за бухтой Пегвель, куда изливается река Стер, расположился на морском берегу миленький городок Диль (Deal), также посещаемый в летнее время массой купающихся в море. Диль очень древний город и защищен внушительными укреплениями. На юге, недалеко от высокого мыса, находится знаменитый замок Вальмер-Кестль, резиденция лорда-хранителя (lord-warden) Пяти-Портов, должность которого, простая синекура, всегда дается одному из главных сановников государства. С террас своего замка, который господствует над всем рейдом Дюн и над страшными Гудвинскимп Песками (Goodwin Sands), где погибло такое множество кораблей, лорд-хранитель может видеть, среди аллювиальной равнины Стера, один из древних «портов», кото-

рые состоят под его надзором: это город Сандвич, снизошедший на степень незначительного местечка с тех пор, как море покинуло его среди болот, образовавшихся из наносов р. Стер.

Города бассейнов рек Ли, Нижней Темзы, Медуэ, Стера, имеющие население свыше



Соборъ въ Кентербери.

5.000 душ (в 1891 г.):

Графство Бедфорд

Лютон—30.006 жит.

Графство Гертфорт

Гертфорд (municipal borough)—7.548 жит. Чешонт (local board)—9.620 жит.; Бишоп-Стортфорд—6.594 жит.

Графство Эссекс

Ванстед и Вестгам (в округе Лондона)—212.000 жит.; Баркинг (township)—14.300 жит.; Сафрон Вальден (mun. board)—6.104 жит.; Вальтгам-Голи-Крос (loc. board)—6.066 жит.; Ромфорд (local board)—8.733 жит.

Графство Кент

Столичный округ (Metropolitan district), Детфорд, Гринвич, Бромли, Вульвич, Ли, Эльтгам, Льюисгам и др.—328.000 жителей; Чатам (local board)—31.711; Рочестер и Струд (municipal borough)—34.272; Медстон (munic. borough)—32.145; Гревзден (munic. borough)—23.876; Кентербери (county borough)—23.026; Тонбридж-Уэльз (local board)—27.895; Рамсгет (local board)—24.733; Ширнес (local board)—14.490; Маргет (munic. borough)—18.417; Ашфорд (loeal board)—10.728; Дартфорд (local board)—11.962; Эрит (township)—13.414; Тонбридж (local board)—10.117; Диль (munic. borough)—8.891; Февершам (munic. borough)—10.478; Ситтингборн (local board)—8.302; Севен-Окс (township)—7.610; Уитстебль (local board)—5.000 жителей.

На северном берегу лимана Темзы каждый из маленьких заливов, которыми изрезано прибрежье, принимает одну или несколько рек, и каждый из этих притоков имеет в своем верхнем течении город, служащий рынком земледельческих произведений, а при устье коммерческий и рыболовный порт. Так, река Чельмер проходит через Чельмсфорд, главный город графства Эссекс, ведущий торговлю хлебом и часто посещаемый хлебными торговцами из других мест; затем она вступает в лиман реки Блекватер, у города Мальдон, который есть в одно и то же время торговый порт и станция морских ванн; движение судоходства в Мальдонском порте в 1877 году (не считая каботажных судов с балластом): 4.031 судно, вместимостью около 192.850 тонн. Далее, на севере река Кольн или Кульн орошает поля и деревни Гальстеда и становится судоходною у Кольчестера, города римского происхождения. Глубина гавани слишком мала для того, чтобы большие суда, употребляемые в наши дни для перевозки товаров, могли подниматься вверх по реке, и потому Кольчестер, хотя все еще самый многолюдный город графства, вне столичного округа Лондона, имеет теперь, сравнительно с прежним временем, незначительную морскую торговлю, упадок которой он, впрочем, вознаграждает деятельной промышленностью. В городе есть мануфактуры бархата и шелковых материй, а устрицы, ловимые на отмелях его лимана, вывозятся в Бельгию, где их откармливают в устричных садках в Остенде. Движение судоходства в Кольчестерском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе: 4.410 судов, вместимостью 218.037 тонн. Собственная флотилия порта в 1891 г.: 187 морских судов, вместимостью 5.351 тонн, и 488 рыболовных судов в 5.192 тонны.

Главный приморский порт Эссекса теперь Гарвич, лежащий на берегу лимана реки Стер: это, вместе с тем, передовой порт Лондона, так как он служит пристанью для пароходов, которые совершают правильные рейсы и перевозят пассажиров и товары между Англией и двумя главными портами Бельгии и Голландии: Антверпеном и Роттердамом. Вверх от Гарвича река Стер судоходна до местечка Седбери. Движение судоходства в Гарвичском порте в 1891 г.: прибыло 3.563 судна (из них 2.485 каботажных), вместимостью 702.044 тонны; соб-

ственная флотилия порта: 124 морских судна в 13.741 тонну и 59 рыболовных судов.

Во время войн с Голландией эта часть морского прибрежья имела самое важное значение для обороны Лондона; здесь иногда собиралось до сотни военных кораблей и до трех сот купеческих судов. Подступы в Гарвичу защищены баттареями и фортами; в 1666 году английский флот был разбит голландцами в соседней бухте.

К северу от Эссекса (Восточной Саксонии), колонизованного, главным образом, саксами, мы вступаем в землю англов, которая более, чем все другие провинции острова, имеет право на название Англии. Ипсвич, бывшая столица Суффолька (ныне особое графство), расположен на оконечности речного лимана, который соединяется с заливом реки Стер против Гарвича. Гавань его недостаточно глубока для того, чтобы могла принимать большие суда; несмотря на то, она ведет довольно значительную торговлю, а в самом городе есть несколько важных фабрик, преимущественно для приготовления земледельческих орудий и машин. Движение судоходства в Ипсвичском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе: 5.305 судов, вместимостью 372.194 тонны. Собственная флотилия порта (1891 г.): 129 морских судов, вместимостью 8.074 тонны, и 76 рыболовных судов.

Ипсвич так же, как и сосед его Вудбридж, стоящий на реке Дебен, занимается рыболовным промыслом, но с гораздо меньшим успехом, нежели другой порт Суффолька, Лоустофт, лежащий при устье реки Вавени, на берегу Великобритании, наиболее выступающем в восточном направлении. Лоустофт, где недавно устроены набережные, молы и безопасное место для якорной стоянки судов, приобрел в последнее время такое важное значение в экономическом отношении, что население его более чем утроилось в двадцать лет, с 1851 по 1871 год. Причина этого процветания—лов сельди. В сезон 1871 года лоустофтские рыболовы привезли в свои склады слишком пятьдесят миллионов сельдей в продолжение одной недели. Движение судоходства в Лоустофтском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе: 714 судов, вместимостью 98.069 тонн; собственная флотилия порта: 520 морских судов в 24.329 тонн и 458 рыболовных судов.

Яр, самая многоводная река восточных графств, заключает в своем бассейне, на берегах притока Венеум, самый большой город этого края, Норвич или Норич (Norwich), ныне составляющий особое графство. Этот красивый город, преемник древней Venta Icenorum римлян, сделавшейся теперь бедною деревней под именем Кастор, или Кестор, был некогда приморским портом: лиман еще не был засорен речными наносами в 1003 году, когда датский флот короля Свейна поднимался до самого города, который он и разрушил. В Норвиче сохранились еще многие средневековые памятники архитектуры: замок или кремль, построенный на искусственном холме в первые годы после завоевания страны нормандским герцогом Вильгельмом, и вокруг которого сгруппированы здания главных административных учреждений графства, кафедральный собор, основанный в конце одиннадцатого столетия, архиерейский дворец, старый мост, проведенный через р. Венсум в 1395 году. Окруженный фруктовыми садами и расположенный в центре земледельческой области, превосходно возделанной и славящейся своим великолепным скотом, красотой своей лошадиной породы, —Норвич сделался естественным складочным местом и рынком окрестных деревень; но он в то же время весьма важный промышленный центр, хотя у него нет ни вод, дающих движущую силу, ни залежей каменного угля для его фабрик и заводов. В шестнадцатом столетии фламандские ремесленники, изгнанные из Бельгии испанскою инквизицией, удалились в Норвич,—в числе четырех тысяч человек, как говорят,—и основали там мануфактуры легких суконных материй, которые вскоре доставили городу обширную известность и богатство; в Норвиче же и его окрестностях получила начало выделка шерстяных материй, называемых worsteds, по имени деревни Ворстед, и эта промышленность, к которой впоследствии прибавилась фабрикация шелковых тканей, составляет и теперь еще одну из мануфактурных специальностей Норвича. Кроме того, в этом городе существуют большие пивоваренные и чугунолитейные заводы, прядильные мануфактуры, фабрики машин. Недавно у Норвича было отнято право посылки представителей в палату общин, по поводу обнаруженных в нем

неблаговидных фактов подкупа на парламентских выборах.

Порт Норвича, лежащий при двойном устье рек Яр и Быор, Ярмут (Yarmouth)—также значительный город, заменивший Дунвич, древнюю столицу англо-саксонского королевства Эссекс, постепенно разрушенную волнами моря, вместе с утесами, на которых она была построена. Деревня Ярмут появилась, менее чем через сто лет после нормандского завоевания, среди аллювиальной равнины реки Яр, и благодаря своему важному местоположению, она вскоре заслужила свое нынешнее имя «Большой Ярмут» (Great Yarmouth); в четырнадцатом веке эта гавань даже была некоторое время, по размерам своей торговли, одним из самых деятельных портов Англии. На южной стороне залива возник второй город, Малый Ярмут (Little Yarmouth), изящные кварталы которого окаймляют морской берег, посещаемый в летнее время большим числом купающихся в море. Большой Ярмут еще важнее, чем его сосед Лоустофт, в отношении ловли сельди и макрели, и рыбаки его уже в начале тринадцатого столетия, следовательно, ранее открытия, сделанного зеландцем Букелем, знали искусство сохранять сельди. Движение судоходства в Ярмутском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе: 1.556 судов, вместимостью 185.100 тонн; коммерческий флот Ярмута: 620 судов, вместимостью 29.272 тонны; рыболовная флотилия: 1.062 судна, вместимостью в 23.873 тонны; рыбаков 3.600 чел.

Жители этого города называют себя потомками колонии датчан, поселившихся на морском прибрежье, после нормандского завоевания. В языке их сохранилось множество скандинавских слов; так, например, узкие проливы соседнего моря, сплошь усеянного песчаными мелями, носят здесь имя гатов (Gatt), как и на берегах Дании: это то же самое, что gate (ворота, проход) англичан.

На северном берегу есть только один порт, Уэльз (Wells), да и тот посещается очень незначительным числом судов. Он соединяется с сетью английских железных дорог через город Кингс-Линн и важную станцию Ист-Деригам.

Города и townships с населением свыше 5.000 душ (в 1891 году), лежащие между бассейнами рек Темзы и Узы.

Графство Эссекс

Кольчестер (municipal borough)—34.559 жителей; Чельмсфорд (local board)—11.008; Гарвич (municipal borough)—8.202; Гальстед (local board)—6.700; Мальдон (munic. borough)—5.397 жителей.

Графство Суффольк

Ипсвич (county borough)—57.360 жителей; Лоустофт (local board)—23.347; Судбери (municipal borough)—7.059 жителей.

Графство Норфольк

Норвич (county borough)—100.970 жителей; Большой Ярмут (county borough), с Малым Ярмутом и пр,—49.335; Ист-Деригам (township)—6.000 жителей.

VII. Бассейн реки Уаш

Графства Бедфорд, Кембридж, Гутингдон, Нортамптон, Рутленд, Линкольн

Эта часть острова может быть названа Нидерландами, и даже один из её округов, в графстве Линкольн, носит вполне справедливо имя «английской Голландии». В самом деле, общий вид и характер этих двух стран совершенно одинаков. Подобно низменной Голландии,

область моховых болот или торфяников (fens), называемая также Level, то-есть «Равниной» по преимуществу, представляет совершенно ровную поверхность, столь же правильную, как поверхность моря, и находящиеся на ней возвышенные предметы, деревья, дома, ветряные мельницы, показываются взорам путешественника как бы постепенно поднимающимися из почвы. На пространстве около 3.000 квадр. километров эти болотистые земли изрезаны на бесчисленное множество прямоугольников правильными каналами, из которых иные широки, как реки, и судоходны для больших судов, другие, напротив, не более, как простые рвы или канавы, заметные издали по окаймляющей их полосе тростника. Как в Голландии, воды покрыли бы мало-по-малу всю эту низменную страну, если бы население её не прибегало к искусственным средствам для удаления излишка влаги. В области фенов каналы, реки и морской берег обведены плотинами, для того, чтобы внешния воды не могли проникать на поля и прибрежные земли. Деревья здесь редки; только ивы растут по окраинам стоячих вод, да кое-где виднеются группы зелени вокруг одиноко стоящих ферм. Равным образом и почва английской Голландии похожа на почву Нидерландов: в некоторых местах это—глинистая земля (суглинок), очень плодородная, немного приподнятая над уровнем окружающей равнины и занятая древнейшими поселениями страны; но за исключением этих немногих оазисов, вся остальная часть края состоит из низменных торфяных болот, поверхность которых была постепенно преобразована культурой. Однако, бассейн Уаша отличается от низменной Голландии тем, что среднее возвышение его уровня несколько больше: почва, повсюду возвышенная посредством кольматажа, нигде не имеет польдеров, лежащих ниже уровня морского прилива, и потому опасность наводнений здесь гораздо меньше. С 1613 года, эпохи, когда несколько деревень были потоплены и обширные пространства земли превратились на время в болота, покрытые водой, море ни разу не прорывало прибрежных плотин. Маленькия реки равнины Уаша, питаемые сравнительно менее обильными дождями, чем реки Голландии (среднее количество дождевой воды, выпадающей в продолжение года в бассейне Уаша, составляет слой толщиною в 559 миллиметров, тогда как в низменной Голландии оно достигает 680 миллиметр.[1]), также не подвержены разливам, которые могли бы сравниться с разливами Мааса и Рейна, и вскрытие этих рек не имеет ничего страшного. Прибрежные жители Уаша не имели надобности, как голландцы, вести упорную борьбу против стихий, чтобы сохранить под своими жилищами землю, на которой они построены.

Геологическая история двух сравниваемых стран совершенно сходна; и та, и другая составляли неопределенное пространство, оспариваемое друг у друга морем и твердою землей. Так, близ города Питерборо, в 45 километрах по прямой линии от нынешнего берега, раковины устриц и других морских моллюсков встречаются в большом количестве вместе с пресноводными раковинами. В озере или болотном пруде Уитльси (Whittlesea Mere), теперь совершенно высохшем, который лежит недалеко от Питерборо, кости моржей и тюленей перемешаны с остатками других животных; наконец, остатки кита были найдены в Ватербиче всего только в 16 километрах от Кембриджа. Все признаки ясно указывают на то, что залив «Болот» был некогда морским лиманом[2]. Но в ледяном периоде страна уже выступила из-под воды, и везде под новейшим аллювием находят наносные гравий и гальку, которые, вероятно, составляли часть непрерывной, покрытой каменными обломками, равнины, которая в то время соединяла Англию с Северною Германией. Даже после ледяных веков, когда размывы моря и колебания уровня земель совершенно изменили очертания морского прибрежья, область болот восточного берега Британии была настолько возвышена над уровнем вод, что могла служить местопребыванием человеку. Древние террасы, идущие вдоль берегов реки Узы, содержат каменные топоры и другие орудия из кремня, перемешанные с пресноводными раковинами и с костями быков и мамонтов.

Торфяной слой, образующий подпочву области береговых болот, имеет различную толщину и в некоторых местах превышает три метра. Подобно голландским торфяным болотам,

1 Evans, „Ancient Stone Implements of Great Britain"

2 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain".

этот слой заключает остатки древних лесов, равно как скелеты кабанов, оленей, лосей, бобров и кое-где также обломки оружия и куски лодок, оставленные, быть может, древними бриттами. Замечено, что наиболее возвышенные моховые болота содержат преимущественно дубовый лес, тогда как низменные торфяники, лежащие ближе к морю, скрывают в себе только хвойные леса[1]. Подобно тому, как в Голландии и под влиянием тех же самых причин, эти древесные стволы мало-по-малу приподнимаются из почвы, сдавливаемой земледельцами, и каждый год плуг натыкается на куски дерева в земле. В некоторых округах эти погребенные в болотах деревья вытаскивают, при распашке почвы, в таком большом количестве, что из них делают изгороди вокруг полей и дворов.

Ограждение низменной области плотинами началось уже за тысячу восемьсот лет до нашей эпохи: древняя плотина, остатки которой видны еще там и сям в расстоянии нескольких километров от нынешнего берега, проходит через города, о которых достоверно известно, что они были римскими колониями. Норманны также построили крепкия плотины на берегах реки Велланд, чтобы защитить низко лежащие земли страны от наводнений. Но большие работы по отвоеванию земли у моря относятся к началу семнадцатого столетия, то-есть к той эпохе, когда граф Бедфорд предпринял осушение обширных торфяных болот; в память его усилий и теперь еще часто называют всю эту страну «Бедфордскою равниной» (Bedford Level). Голландцы, взятые в плен в 1652 году в одной морской битве, были употреблены на прорытие каналов и устройство плотин, и их уроки принесли большую пользу англичанам, которые с той поры не переставали делать захваты в области океана, прибавляя новые польдеры к своей земледельческой территории. Полукруг, образуемый вокруг Уаша старинными городами Уэнфлит, Бостон, Спальдинг, Уисбич, Кингс-Линн, обозначает очертание морского прибрежья в средние века. Эти города не переставали, так сказать, подвигаться внутрь материка, и с каждым десятилетием новые плотины все более и более съуживают залив реки Уаш. Предлагали даже совершенно уничтожить его, и эта мысль, без сомнения, рано или поздно будет приведена в исполнение, так как песчаные и тинистые мели занимают почти всю поверхность этого залива; только фарватеры рек продолжаются в нем в виде глубоких рвов, которые должны быть обводимы боковыми плотинами, по мере того, как земледелие будет распространять свою область. Большое число городов, деревень, ферм, имена которых оканчиваются словами: beach, sea, mere, eye (морской берег, море, пруд, островок), и которые, следовательно, должны были находиться прежде на самом берегу моря или даже посреди лимана, теперь лежат внутри материка, в расстоянии 10, 20 и даже 40 километров от нынешнего берега; от прежнего залива остались только, среди обведенного плотинами пространства, небольшие meres или пруды.

Острова, которые возвышались посреди этих подвижных земель, имели некогда весьма важное историческое значение, давая убежище преследуемым всякой расы и национальности. Благодаря своим болотам, дитмарсы, фризы, батавы могли долго сохранять свою независимость; точно также жители английской Голландии часто пытались остаться господами своей судьбы, и если бы их полупотопленная территория имела более значительное протяжение и более удобные сообщения с морем, нет никакого сомнения, что они успели бы основать свободные общины. В эпоху саксонского нашествия обитатели болот, укрывшиеся на островах Эли, Рамс-ай, Торн-ай и других, долго сопротивлялись с успехом. Преследуемые, в свою очередь, норманнами Вильгельма Завоевателя, саксы и англы основали на острове Эли стан, служивший им убежищем, и под предводительством Гериварда часто наносили поражения норманнам; но измена монахов существовавшей на острове обители положила конец этому сопротивлению[2].

Реки, пересекающие эту низменную область, Уза, Нен, Велланд, Витам, не переставали менять свое течение с начала исторической эпохи: они не имеют долин в собственном смыс-

1 John Algernon Clarke, „On the Great Level of the Fens“;—„Journal of the Agricultural Societv of England”, vol. VIII.

2 Augustin Thierry, „Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands“.

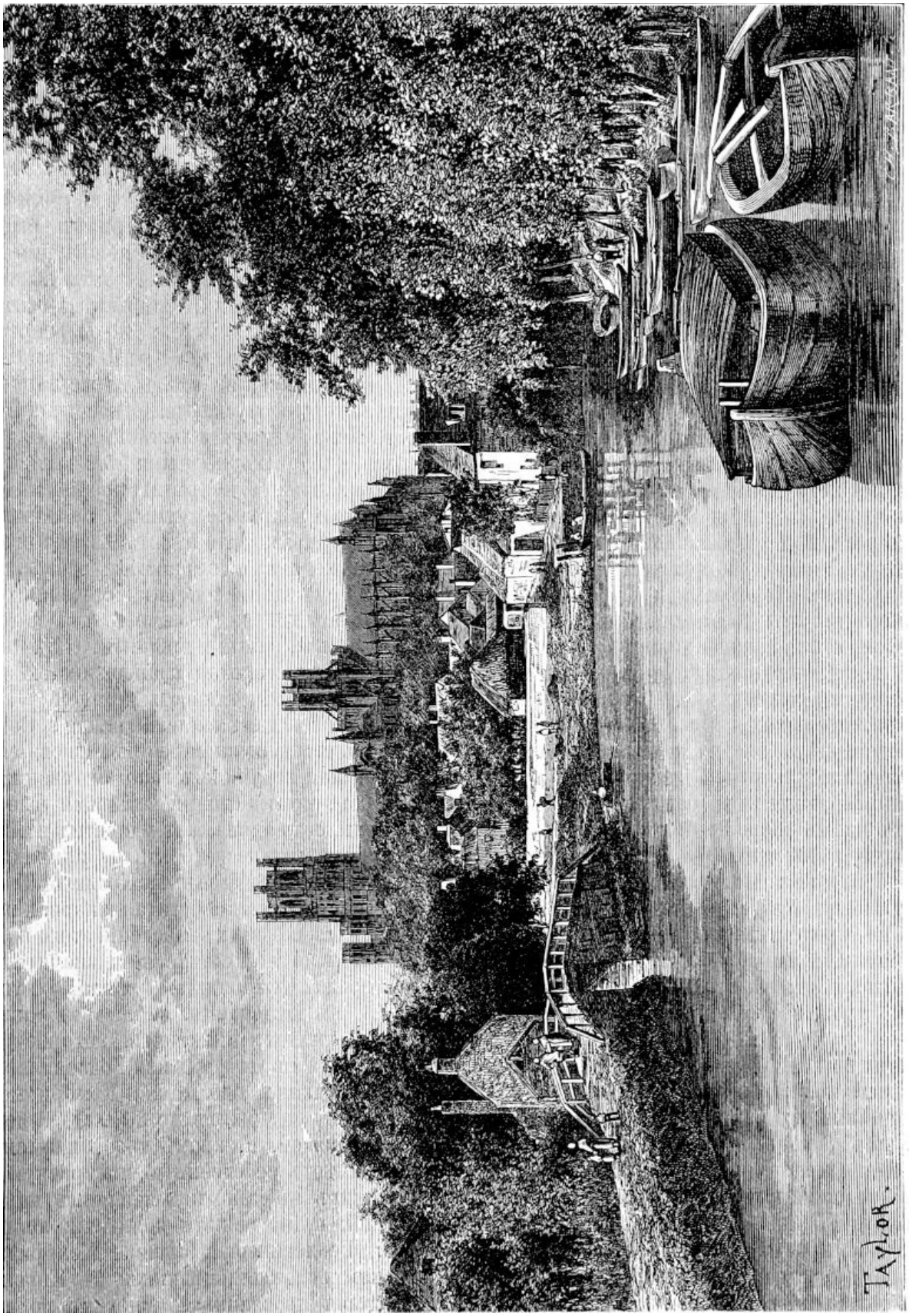
ле, но вся равнина служит им естественным бассейном истечения, где они в прежния времена смешивались одна с другою, образуя обширные болота. Только труд человека впервые дал им правильное течение, прокопав им определенное русло и обведя берега их плотинами. Каналы или leams, называемые также eaux (водами) во многих местах, как во времена, следовавшие за эпохой нормандского завоевания[1], сообщаются непосредственно с морем; но ворота шлюзов останавливают течение в часы морского прилива и бывают отперты лишь в период отлива. Благодаря всем этим стокам рассматриваемой равнины, старинные ветряные мельницы, построенные по образцу голландских и которые прежде во множестве были рассеяны по всей области приморских болот, теперь почти совершенно исчезли, да и паровые водокачальные машины ныне стали редки. К несчастию, интересы судоходства не совпадают с интересами сельского хозяйства: в то время, как моряки требуют, чтобы течение рек было замедляемо посредством шлюзов для увеличения массы воды, поднимающей их суда, земледельцы, напротив, хотели бы, чтобы исчезли всякия препятствия из речного ложа, для того, чтобы ускорить истечение вод. Последние, то-есть земледельцы, указывают преимущественно на бостонский шлюз, как на одну из главных причин постоянного скопления воды и сырости в окружающей местности; но если уничтожить этот шлюз, то пятьдесят паровых машин и двести пятьдесят ветряных мельниц, работающих теперь непрерывно в болотах Бостона, сделаются бесполезными. Витам замечателен как одна из английских рек, где так-называемый маскарет поднимается вверх по реке с наибольшею силой. Моряки не называют его бором (bore), как маскарет в устье Северна: на восточном берегу Англии явление это известно под именем eagre.

На западе, высоты, отделяющие бассейн р. Уаш от бассейна р. Гумбер, поднимаются в виде сплошного хребта, отличающагося большою правильностью. Юрские скалы тянутся в форме полумесяца от лимана Северна до залива Гумбера и образует на западной стороне бассейна Уаша плоскогорье, высшая вершина которого имеет не более 200 метров высоты, и которое перерезано глубокими оврагами и кое-где покрыто мелким лесом, тщательно сберегаемым местными охотниками. Со стороны востока водораздельный хребет между водоскатом Уаша и водоскатом небольших рек и речек Норфолька и Суффолька едва обозначен; высоты, составляющие продолжение на северо-востоке группы холмов Чильтерн-Гильс, постепенно понижаются и, наконец, совершенно пропадают под однообразным слоем растительной почвы. В одном месте линия водораздела совсем исчезает, так что протекающий здесь ручей делится на два рукава, направляющиеся в разные стороны, из которых один разростается в реку Вавени, впадающую у Лоустофта в Северное море, а другой образует р. Малую Узу, изливающуюся через Большую Узу в залив Уаш. Ни одна страна не представляет земледельцу более благоприятных для обработки пространств, и мало найдется земель, где бы получались более обильные урожаи, чем в этой части Англии.

Крайняя восточная река этого бассейна, Уза (Ouse), есть самая большая из его рек, и нет сомнения, что рано или поздно, когда залив Уаш будет превращен в твердую землю, она сделается главною рекой, по отношению к которой другие реки: Нен, Велланд, Витам, будут лишь притоками; и теперь уже все воды, на пространстве от графства Суффольк до графства Буккингам, которые текут на север, в конце концов соединяются в её ложе. Эта река берет начало в центральной части Англии, выше городка Буккингам, который до сих пор сохранил титул главного города графства того же имени; затем, после многочисленных поворотов, она пересекает другой главный город, Бедфорд, имеющий кое-какие промышленные заведения, преимущественно фабрики земледельческих орудий, и издавна славящийся своими школами. Далее, за Бедфордом, Уза принимает в себя приток, реку Ивель, на берегах которой находятся города Гичин и Бигльзуэд; потом, спускаясь на север, она проходит мимо третьего главного города графства, Гонтингдона, который имеет значение только как рынок земледельческих произведений.

1 Elstobb, „Historical Account of the Great Level of the Fens“.

Город гораздо более важный, чем все сейчас поименованные, Кембридж, столица графства того же имени, лежит на реке Кем, южном притоке Узы. Это соперник Оксфорда по университету; в отношении изучения математических наук он даже стоит выше его. Равни-



Эли на берегу Узы.

на, окружающая Кембридж, носит более однообразный характер; но большая часть университетских коллегий имеют в своем распоряжении обширные сады, даже парки, лужайки, которые спускаются откосом к берегам р. Кем, сплошь усеянной студенческими лодками с

разноцветными флагами. Кембридж не может похвалиться таким большим числом архитектурных памятников, как Оксфорд; но зато некоторые из его зданий превосходят обширностью размеров и великолепием зданий соперничествующего университетского города, и камень, из которого они построены, «более прочный, более выносливый, сохранил, под грандиозностью общего плана, всю отчетливость деталей[1]». Особенно Королевская коллегия (Kings College) поражает своею пышностью, и церковь её, господствующая над всем городом своим высоким корпусом и своими четырьмя угловыми башенками, есть один из удивительнейших памятников готического стиля, принадлежащих пятнадцатому столетию. Коллегия Троицы (Trinity College), самая богатая и первая по числу учащихся из всех заведений этого рода в Англии, сама по себе составляет значительную часть города. Кембридж, правда, уступает Оксфорду в отношении библиотек: он не обладает книгохранилищем, которое могло бы сравниться с оксфордской Бодлеянской библиотекой; однако, библиотека Кембриджского университета содержит до 300.000 томов и 6.500 рукописей, и, кроме того, каждая из коллегий имеет собственную прекрасную коллекцию книг в самом роскошном из своих зданий; но не все эти коллекции легко доступны. Геологический музей Кембриджа—один из замечательнейших в Европе, а обсерватория прославилась многими великими открытиями, сделанными под руководством известного астронома Адамса. Происхождение Кембриджского университета теряется во мраке средних веков; одна из его школ, Петровская (Saint Peter-College), которая существует по сие время, была основана в 1257 г., девять лет спустя после учреждения старейшей Оксфордской коллегии, и с той эпохи университет на берегах р. Кем не переставал расти, прибавляя коллегию к коллегии, заведение к заведению. Подобно оксфордским, и кембриджские студенты, по выходе из университета, поставляют себе за долг и честь обогащать школу, где они получили образование, присылая ей в дар книги, предметы искусства, или даже увеличивая её доходы денежными пожертвованиями. За исключением имен, общая организация университета очень сходна в обоих городах, кроме разве того, что в Кембридже число коллегий меньше, именно семнадцать, и что здесь недавно основаны две новые коллегии для дам, которые получили право держать экзамены столь же полные, как и экзамены мужчин, но отдельно от студентов. В Кембридже, еще в большей мере, нежели в Оксфорде, профессора, fellows (члены коллегий) и студенты, в числе около 3.500, являются главными виновниками процветания города; когда они уезжают, во время каникул, в Кембридже воцаряются тишина и безмолвие, точно в мертвом городе. Но зато в продолжение всего сезона курсов какое оживление на улицах коллегий, на лугах, где студенты играют в крикет, в борьбу, в скачки, и какое движение лодок на реке, где упражняются гребцы, для того, чтобы быть в силах вступить в состязание и выиграть на гонке, против своих оксфордских соперников, тот приз за скорость, который волнует Англию больше, чем волновало бы столкновение между двумя нациями!

Верстах в двадцати к северо-востоку от Кембриджа находится другой город, который сам по себе не имел бы никакой важности, но, благодаря соседнему лугу, почва которого в одно и то же время крепка и упруга, благодаря многочисленным конюшням, которыми он окружен, этот город есть один из тех, имя которых особенно часто произносится в Англии: это—Ньюмаркет, куда приводят массами молодых лошадей на Эпсомские скачки (derby). Каждый год здесь бывают четыре больших скачки. Ньюмаркет—это город жокеев и джентльменов-наездников (gentlemen-riders).

Ниже слияния рек Кем и Узы виден издалека, на вершине пригорка, бывшего некогда островом, собор старинного города Эли или Или (Ely). Мы находимся уже в области Болот (Fens), и большие перемены, происшедшие в крае по причине перемещения судоходных каналов, имели то следствие, что под влиянием их изменилась и относительная важность городов, расположенных по окружности болотистого бассейна. К юго-востоку от Эли, на реке Ларк, лежит древний, пришедший в упадок, город Бери-Сент-Эдмондс, бывший некогда местопребыванием могущественного аббатства, перед которым стояла виселица, как символ

1 Demogeot et Montucci, „De l'enseignement superieur en Angleterre et en Ecosse".

власти. На Малой Узе, при впадении в нее речки Тет, находится другой старинный город, Тетфорд, упадок которого еще полнее. Во времена гептархии или семицарствия Тетфорд был столицей королевства Восточной Англии, и еще долго после утраты своей политической роли он оставался могущественным городом, как духовная метрополия страны: в царствование Эдуарда III, это была еще резиденция епископа, имевшая не менее двадцати церквей и восьми монастырей. В настоящее время Тетфорд—небольшое местечко, имеющее значение только как рынок для земледельцев окрестных селений. Но город Кингс-Линн или Линн-Реджис (Lynn Regis), лежащий на прежнем канале Виггенголь-Уотер, в который были отведены воды реки Узы, сохранил до сих пор свою важность, как торговый город. Хотя во время отлива глубина воды на баре фарватера не превышает 1,30 метра, но при больших приливах вода поднимается до 7 слишком метров выше уровня отлива, и бассейн со шлюзом, выкопанный ниже Линна, принимает суда, входящие с приливом. Движение судоходства в порте Линн в 1891 году (без каботажных судов с балластом): в приходе 1.048 судов, вместимостью 180.734 тонн.

Города бассейна Узы, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году):

Графство Гертфорд

Гичин (local board)—8.860 жит.

Графство Бедфорд

Бедфорд (mun. bor.)—28.023 жит.; Бигльсуэд (township)—5.000 жит.

Графство Кембридж

Кембридж (mun. bor)—36.383 жит.; Эли или Или (local board)—8.017.

Графство Суффольк

Бери-Сент-Эдмонс (municipal borough)—16.630 жит.

Графство Норфольк

Кингс-Линн или Линн-Реджис (municip. borough)—18.360 жит.

Река Нен, бассейн которой имеет очень ограниченные размеры и которая в нижнем течении проходит через самую болотистую часть всей равнины Болот, заключает, однако, в своей области самый значительный город всего водоската залива Уаш—Нортамптон. Город этот, ныне составляющий особое графство, в средние века часто был выбираем, по причине его центрального положения, как место собрания парламентов; нынешними же своим процветанием он обязан, главным образом, своим мануфактурам башмаков и других кожаных изделий; его конские ярмарки—самые важные во всей Англии. Ниже Нортамптона, река Нен, уже судоходная, проходит недалеко от Веллингборо, затем принимает в себя реку Айз, текущую от Кеттеринга, местечка с многочисленными шерстяными фабриками. Ниже встречаем епархиальный город Питерборо, резиденцию епископа: это—самый многолюдный город на нижнем течении р. Нен и один из городов, наиболее богатых старинными и живописными зданиями; его кафедральный собор, бывшая церковь аббатства, принадлежит к любопытнейшим памятникам средневековой архитектуры. В соседстве с Питерборо некогда стоял известный замок Фотерингей, в зале которого была обезглавлена Мария Стюарт, в 1587 году. Несколько важных общин рассеяны на востоке от реки Нен, в низменной местности равнины Болот, осушаемой ныне при помощи паровых насосов: здесь находятся города Витльси и Марч и местечко Стильтон, славящееся своими сырами, которые считаются лучшими во всей Англии. Портом для этого края служит город Висбич, лежащий при канале, проведен-

ном из реки Нен; в часы отлива, фарватер, посредством которого гавань Висбича сообщается с заливом Уаш, иногда бывает совершенно без воды. Движение судоходства в порте Висбич в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе: 490 судов, вместимостью 98.320 тонн.

В бассейне реки Велленд только три города: Стамфорд, большой рынок земледельческих произведений, Спальдинг, откуда вывозится много шерсти, и Гольбич, разбогатевший благодаря приобретению плодородных земель, завоеванных, при помощи осушки, в заливе Уаш.

Река Витам берет начало на севере от Стамфорда, в области степей, классической стране больших охот на лисицу. Первый город, который встречает эта река на своем течении, Грантам, служит сборным местом для охотников, съезжающихся сюда из всех частей Англии. Грантам известен также в истории: недалеко от него Кромвель одержал первую свою победу над войсками короля. В окрестностях этого города родился Исаак Ньютон.

Линкольн, древний римский город Линдум, столица графства того же имени, лежит в том месте, где Витам становится судоходным и где через эту реку проходит древне-римская дорога, проведенная от берегов Темзы в Нижнюю Каледонию. Пока минеральные богатства, скрытые в недрах земли, не нарушили естественного равновесия в распределении населения страны, Линкольн был одним из городов, пользовавшихся наиболее благоприятным географическим положением, как место проезда и торговли. По Большой Кадастровой книге (Domesday Book), это был третий город нормандской Англии, уступавший только Лондону и Йорку; но впоследствии он мало-по-малу превратился в монашеский город, так что во времена Эдуарда VI в нем насчитывали не менее 52 церквей. Линкольн—один из тех английских городов, которые особенно поражают своим величественным видом. Он состоит собственно из двух городов, из которых один, нижний, раскинулся у основания горы, а другой лепится по скатам и оканчивается, на вершине, прекрасным собором, увенчанным, на пересечении трансептов, башнею, имеющею 100 метров высоты и видимой с растояния 50 верст. Наибольшая часть этого величественного здания принадлежит, по времени постройки, тринадцатому столетию. В приморском порте реки Витам, Бостоне, на горе также стоит господствующая над всем городом церковь, которая некогда была посвящена Ботольфу, покровителю моряков, и высокая колокольня которой служит теперь маяком судам. В часы отлива Бостон, как и другие порты залива Уаш, почти совершенно отделен от моря песчаными мелями, которые тянутся на необозримое пространство; тем не менее, однако, он ведет довольно значительную торговлю, преимущественно с Голландией и Норвегией. Движение судоходства в Бостонском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом) выразилось следующей цифрой: в приходе и отходе было 671 судно, вместимостью 40.819 тонн. В сравнении с большим городом Нового Света, заимствовавшим от него свое имя, английский Бостон представляет очень скромный городок: население, скученное в американском Бостоне, в тридцать раз превышает численностью население мирной общины, которая была его крестною матерью.

Значительнейшие города бассейна рек Нен, Велленд и Витам:

Графство Нортамптон

Нортамптон (county borough)—61.012 жителей; Веллингборо (local board)—13.795; Кеттеринг (local board)—19.454; Питерборо—35.249 жителей.

Графство Кембридж

Висбич (munic. borough)—9.395 жителей; Марч (local board)—6.988; Витльси (township)—6.455 жителей.

Графство Линкольн.

Линкольн (county borough)—41.491 жителей; Бостон (munic. borough)—14.593 жит.; Спальдинг (munic. borough)—9.014; Стамфорд (Линкольн и Нортамптон) (munic. borough) —8.358; Гольбич (local board)—4.771; Грантам (munic. borough) 16.746 жителей.

VIII. Бассейн Гумбера.

Графства Лестер, Стаффорд, Дерби, Ноттингам, Йорк.

Речной бассейн, воды которого изливаются в море через залив Гумбера, есть самый обширный во всей Великобритании; он значительно превосходит пространством бассейны Темзы и Северна, как показывает следующее сравнение. Площадь бассейнов Узы Йоркской и Трента—24.735 кв. кил.; площадь бассейна Темзы, без Медуэ—15.954 кв. кил.; площадь бассейна Северна, без рр. Уай, Уск, Авон и пр.—12.530 кв. кил. А между тем Англия съуживается между двумя морями на север от заливов Уаша и Мерсея; по направлению от востока к западу она представляет относительно небольшое пространство водам, спускающимся к северному морю. Следовательно, реки должны были развиваться в направлении от юга к северу и от севера к югу, чтобы дать столь обширные размеры бассейну Гумбера. Две реки, текущие в противоположные стороны, Трент центральных графств и Уза—Йоркшира, встречаются при устьях, и их соединенные течения, переменив направление, поворачивают под прямым углом к Северному морю и впадают в удлиненный лиман Гумбера, извилистое ложе которого походит на русло широкой реки. Обыкновенно большая ось речного бассейна бывает ориентирована в том же самом направлении, как и его водоскат; но Гумбер составляет исключение из этого общего правила: от хребта страны до моря ширина его бассейна составляет только 140 километров, тогда как по направлению с юга на север область общего истечения обнимает 240 километров. Причина тому—небольшие возвышенности или гряды морского прибрежья, которые тянутся параллельно холмам внутренней части края и заставляют воды течь по направлению меридиана до пролома, открытого заливом Гумбера.

В южной своей части бассейн Трента врезывается клином между долин Темзы и Северна и отделен от них лишь небольшими возвышениями почвы. Страна начинает подниматься в виде настоящих холмов только далее на севере, в значительном расстоянии от области истоков, там, где река сделалась уже судоходною. Кряжи, поросшие мелким лесом, показываются над возделанными равнинами, и небольшие горные группы рассеяны по одиночке на этой плоской возвышенности. В Дербишире высоты принимают уже настолько горделивый вид, что им дали название «Пеннинской цепи» (Pennine Chain), и даже одна вершина, или, вернее, отрывок плато, известна под именем Пика (Peak), означающим высокую остроконечную гору: это—один из позвонков того, что жители края называют также «Становым хребтом» Англии. Водораздельный хребет имеет настолько значительное возвышение, что рельсовый путь, проходящий на севере от Пика, поднимается на высоту 291 метра над уровнем моря, а дорога, идущая из Стокпорта в Гуддерсфильд, проведена через болотистый горный проход, открывающийся на высоте 392 метров. За этим Дербиширским Пиком, на углах которого видны древние мегалиты (почти на каждом углу по одному), плоская возвышенность, широкая, неровная, прерываемая глубокими впадинами, продолжается в северном направлении, и у границ Кумберленда на ней поднимаются горы, превосходящие по высоте самый Пик, как-то: Уэнсайд, Пенигант-Гилль, Боуфель, Крегватер и другие вершины или fells. Боковое плато соединяет эти массивы с горами Кумберленда, еще более высокими, а с северной стороны цепь продолжается к шотландским горам Чевиот.

Пеннинские горы Англии, по прелести пейзажей, не уступают горам Мальверн-Гильз. Верхушки их по большей части покрыты вереском или торфяными болотами, но скаты по-

росли густым лесом или устланы роскошнейшим дерновым ковром; самые величественные дубы Великобритании горделиво высятся на южных склонах этой горной группы, в Дербишире и Ноттингамшире. Со всех сторон открываются очаровательные долины в толще цепи, и контраст выступающих кое-где диких обрывистых скал делает еще более приветливыми живописные сельские ландшафты основания гор. Графство Дерби, долина Узы в Йоркшире, не менее, чем область Вильд в Кенте и берега Северна в Глостершире, заслуживают названия «прекраснейшей местности Англии». Воды в изобилии текут с этих холмов, орошаемых частыми дождями: в каждой долине блестит там и сям, среди яркой зелени, серебристая лента извилистых ручейков, которые несут свою прозрачную влагу в «тихую Уру, быструю Варсу или в Узу, самую величественную из всех этих рек»[1]. Многочисленные гроты, из которых иные были разработываемы рудокопами, отыскивавшими жилы сереброносного свинца, продолжаются обширными подземными галлереями в меловых скалах гористой области и, благодаря насыщенной углекислою известью воде, постоянно капающей с их мрачных сводов, представляют взорам посетителя великолепнейшие сталактиты, то в форме вычурных драпировок, то в виде целых колоннад или статуй. Некоторые из этих пещер, местами перерезанных огромными трещинами, глубины которых никто еще не измерил, были частию исследованы учеными и доставили им бесчисленное множество интересных предметов для их музеев. В одной подземной галлерее открыли остатки человека и 3.750 животных, принадлежащих к пятнадцати различным видам; между предметами, обязанными своим происхождением человеческому искусству, найден один драгоценный рисунок, вырезанный на кости и представляющий голову лошади[2].

Возвышенные земли, отделяющие речные бассейны Трента и Узы от Северного моря, отличаются большою правильностью в отношении направления. Вся эта область морского прибрежья состоит из юрских и меловых формаций, которые тянутся узкими полосами с юга на север. Большой взброс, давший проход водам Гумбера, несколько переместил геологические пласты, так что теперь они расположены по обе стороны лимана не вполне соответственно. Но на севере от этого залива холмы опять принимают своё нормальное направление, затем они поворачивают к востоку и выдвигаются далеко в море величественным мысом Флемборо-Гед. Далее поднимается цепь высоких холмов, известная под именем Клевленд-Гильз: это—группа лейясовых скал, увенчанных крутыми оолитовыми скатами и необыкновенно живописных. С этих холмов, из которых иные достигают высоты 300 и даже 400 метров, и которые покрыты вереском и кустарником, открывается обширный вид на долину реки Тис и на море, усеянное кораблями. На вершинах там и сям встречаются могильные курганы, известные в крае под именем «копаней», hoe (hog в старинном шведском и в ютландском языке; hoj по-датски), и сильные стратегические позиции защищены длинными окопами. Долина реки Дервент, выше Скарборо и весь треугольный полуостров, ограничивающий на юге течение Гумбера, также были превращены в большие укрепленные лагери посредством валов, которые тянутся на многие версты; древнее укрепление в Флемборо до сих пор носит название «Датской Стены», Dane's Duke. Некоторые из курганов на Клевлендских холмах, достигающие 60 метров в длину, имеют четырехугольную форму, и почти все они ориентированы по направлению от востока к западу. Как доказывают найденные в них черепа, из которых иные, по словам археолога Рольстона, похожи на черепа цейлонских веддов, эти древние могилы, заключающие также изделия из кремня и бронзы, были воздвигнуты различными расами и в разные эпохи доисторического периода.

Область морского прибрежья, которая выступает, в форме орлиного клюва, между мысом Флемборо-Гед и лиманом Гумбера и которая оканчивается красивою стрелкой Сперн-Пойнт, носит название полуострова Гольдернес. Это—страна новейшего образования, совершенно отличная от каменистых холмов внутренней части восточной Англии и сделавшаяся, так сказать, классическою между геологами по причине постоянно происходящих там явлений

1 Spenser, „Fairie Queen“

2 Boyd Dawkins, „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1 февр. 1877.

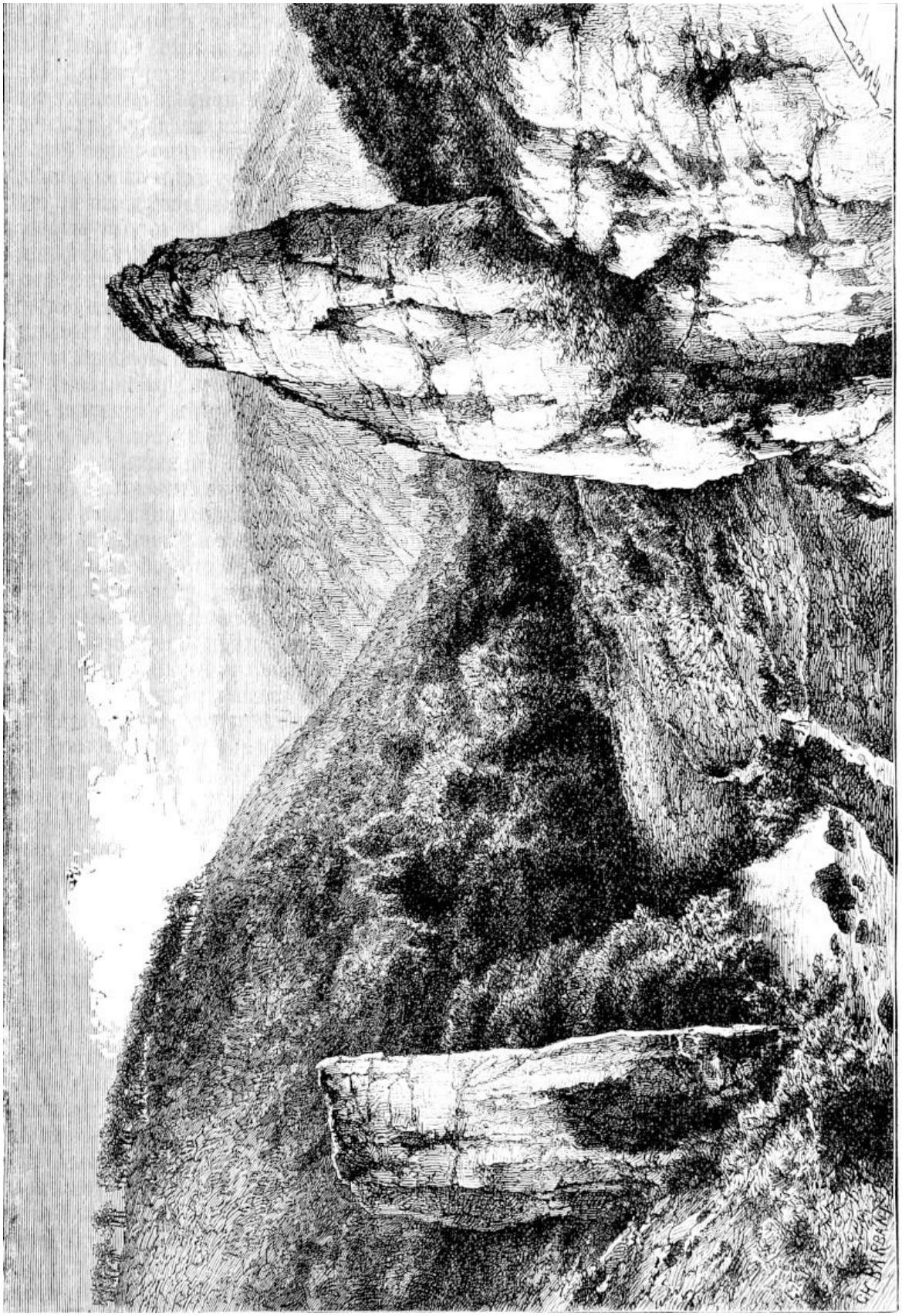
размывания берега морем. Слои глины и рыхлой, легко подвижной земли, из которых состоит полуостров Гольдернес, оканчиваются со стороны моря утесами около 30 метров высотою, на протяжении почти 60 километров. Скала то и дело отрывается кусками, обрушивается, скопляясь у подножия береговых утесов в виде громадных обвалов, известных под именем shoots; волны, желтые от глины и песку, сортируют падающие обломки и уносят их далеко на плоские песчаные берега; каждая буря, каждый большой прилив заставляет отступать морской берег, и дома, города, целые общины отодвигаются вместе с ним внутрь страны. Местность, где находились город Равенспор, деревни Кильнси, Гайд, Оберн, Упсал, и многие другие, лежит теперь посреди моря. Величественная скала, называемая «Матроной», указывает место, где прежде находился высокий берег. Озера, болотные пруды, рассеянные на плоской возвышенности, исчезли вместе с горными породами, служившими им ложем; один из этих прудов или мелководных озер, Сандли-Мир, имел под собой почву аллювиального образования, содержащую во множестве слоновьи зубы[1].

На берегах залива Гумбер замечается обратное явление: там землистые частицы, которыми насыщается морская волна, разрушая береговые утесы полуострова Гольдернес, отлагаются в виде илистых мелей и присоединяются к твердой земле или к островам лимана. Так, например, «Потопленный остров», Sunk Island, поверхность которого не составляла даже 3 полных гектаров в половине семнадцатого столетия и который находился в то время на расстоянии слишком 1.600 метров от соседнего берега Гумбера, между двумя судоходными проливами, теперь соединяется уже с северным берегом залива, и обширные луга его, обведенные плотинами, расстилаются на пространстве 31 квадр. километра; они образуют напротив Грет-Гримсби нечто в роде полуострова, притупленного на оконечности. Точно также, выше Гулля, обширные пространства, которые некогда были покрыты водами, сделались твердою землей; но в этом месте гений человека постоянно помогал природе в её геологической работе созидания новых частей суши. Равнина, где соединяются реки Уза и Трент, была некогда болотом, остатком озера, которое образовалось, вследствие скопления воды, на западе от приморской цепи, до прорытия водами ложбины, через которую проходит эта соединенная река, получающая название Гумбера. Большой остров, где находится деревня Эпворт и который до сих пор носит еще свое древнее скандинавское имя Аксгольм, и островки Рут (Wroot) и Кроуль, возвышаются над низменной равниной, и почти все жители страны сгруппировались на склонах этих высот, чтобы избегнуть ненадежной почвы и спастись от убийственного воздуха болот. Но со времени средних веков земли, окружающие Аксгольм, были постепенно осушены. Здесь, как и в болотах залива Уаш, голландцы были первыми наставниками местных жителей по части гидравлических работ, и один из главных водоотводных каналов, Деч-Ривер (то-есть «Голландская река»), напоминает своим именем услуги, оказанные краю этими чужеземцами; но почва страны после того часто меняла свой вид, преобразуемая рукой человека. Вся эта область разрезана каналами на неправильные многоугольники различной величины, так что теперь только с большим трудом можно распознать прежняя излучины рек Дона и Айдля, или «Ленивой», которые некогда очень медленно текли по равнине, почти совершенно горизонтальной. Главная задача состояла в том, чтобы сообщить достаточный скат равнине; благодаря реке Трент, которая несет мутные воды, содержащие землистые частицы, удалось возвысить верхнюю часть бывшего болота, тогда как из нижней части вода стекает через глубокия канавы: это—итальянский способ так называемого кольматажа, или возвышения болотистой земли, примененный с успехом на почве Англии.

На приморском скате Линкольнских холмов также тянутся на значительном пространстве аллювиальные земли, некогда усеянные солонцоватыми болотами, которые без большего труда осушили подобным же образом, направив на них воды ручьев, бегущих с высот. Все эти низменные равнины прибрежья и ныне еще попрежнему носят название

1 Philippe, „Rivers, Mountains and Sea-Cost of Yorkshire“; Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“.

marshes или «болот», хотя почва на них теперь не менее тверда, чем на соседних землях. В чем особенно ощущался недостаток на этом берегу, так это в чистой воде; но артезианские колодцы доставили ее в изобилии. По всему приморью, на пространстве около 80 километ-



Иламъ-Рокъ въ Доведалѣ

ров в длину и от 15 до 20 километров в ширину, под поверхностною почвой тянется слой глины, средняя толщина которого от 11 до 12 метров; когда буровые снаряды достигают этого непроницаемого для жидкости слоя, из отверстия колодца поднимается постоянная струя

чистой воды, бьющая в некоторых местах до высоты 3 метров и почти везде до высоты одного слишком метра.

В течение девятнадцатого столетия физиономия городов и деревень сильно изменилась в большей части бассейна реки Гумбера, в особенности в западной области Йоркского графства. Мирные деревеньки, весело, журчавшие на воле ручейки исчезли из сельской природы этого края; огромные фабрики неумолкаемо грохочут теперь в каждой долине; малейшая струйка воды заперта, запружена, для того чтобы заставить ее приводить в движение колеса и турбины; земля на дорогах почернела от угля; воздух постоянно наполнен хлопьями сажи. Население удесятерилось, в некоторых округах увеличилось даже во сто раз; многолюдные фабричные города выросли из земли там, где еще в начале нынешнего столетия можно было встретить только привольные степи или леса. Причина этой перемены, для бассейнов Узы и Трента, та же самая, как и для всей Англии: подобно большей части других графств, области, расположенные вокруг Пеннинских гор, научились утилизировать естественные богатства, которыми они обладают в своих горных породах,—каменный уголь, железо, известь, строевой камень; но эти провинции принялись за эксплоатацию минеральных сокровищ с особенною жадностью к наживе, с особенным рвением, которое приписывают отличительному характеру тамошнего населения. Жители Йоркшира славятся своею предприимчивостью, деятельностью, сметливостью в делах—качествами, которыми они превосходят даже других своих соотечественников: «за деньгами, говорит про них пословица, они гоняются, как собаки за дичью!» Отличаясь упорством, как это доказывает верность, с которою они до сих пор сохранили свое наречие, йоркширцы, тем не менее, быстро изменили нравы, перейдя от земледельческого к фабричному образу жизни, и этот опасный социальный переворот, обогатив тысячи отдельных лиц, поверг в то же время других, сотнями тысяч, в нищенскую, перебивающуюся со дня на день, жизнь пролетариата. Какая огромная разница между современным фабричным рабочим Уэст-Райдинга (западного округа Йоркшира) и его предками, которые прославляли, как своего национального героя, неустрашимого защитника угнетенных и обиженных, меткая стрела которого никогда не давала промаха, весельчака Робина Гуда, обитателя вольных лесов, который просил, чтобы тело его похоронили в чистом поле, под дерновым ковром!

Южная часть бассейна Гумбера, орошаемая рекой Темой (Tame), притоком Трента, есть именно одна из тех промышленных областей Англии, где деревня, так сказать, совершенно исчезла,—до такой степени тесно скучены там города и группы фабричных заведений, с их пересекающимися по всем направлениям железными дорогами. Этот округ насчитывает более миллиона жителей на пространстве каких-нибудь 40.000 гектаров. Главный город этой промышленной группы и самый важный пункт графства Варвикшир (ныне выделенный в особое графство) Бирмингам, или Бермингем, более известный в народном языке под именем Бруммагем, или Бромвикгам, был прежде ничтожною деревушкою, затерянною в степи: простирающийся на западе каменноугольный бассейн сделал из него огромный город с четырехсот-тысячным населением, окруженный другими многолюдными городами. Во время английской революции Бирмингем в первый раз появляется в истории, и с той эпохи доля его влияния на общие судьбы отечества все более и более возрастала; в наши дни он с гордостью называет себя самым «радикальным» городом королевства и считает за честь быть более богатым, чем всякий другой город, учреждениями, основанными для общей пользы: одна из его школ, Королевина коллегия (Queen's College), считается одним из лучших между общественными учебными заведениями Англии. В Бирмингеме есть несколько публичных зданий больших размеров и монументального вида, парадные залы, дворцы с колоннадами, статуи; но самое обширное его строение—вокзал железных дорог, находящийся недалеко от центра города, а самые любопытные его заведения—мануфактуры. Промышленность Бирмингама не сосредоточена исключительно на фабриках, где тысячи рабочих, служители могущественной машины, следуют за всеми движениями рычагов; она обнимает, кроме того,

множество мелких мастерских, где, благодаря разнообразию работ, люди сохраняют больше инициативы и свободы ума. Первенствующее значение Бирмингама, в сравнении с другими промышленными центрами страны, заключается в обделке металлов; здесь фабрикуют металлические изделия всякого рода, пушки и ружья, паровые машины, орудия, инструменты, галантерейные вещи, драгоценные бронзы, китайских идолов, гвозди, пуговицы. В этом городе существуют величайшие в свете фабрики для электротипии металлов и для приготовления металлических перьев (в 1885 году на бирмингемских фабриках было выделано 11.000.000.000 стальных перьев).

На южной и восточной стороне город продолжается несколькими предместьями, каковы Эджбастон, Мозли; гораздо оживленнее окрестности Бирмингама на западе и в особенности на северо-западе, в соседстве с каменноугольным бассейном и непосредственно над залежами минерального топлива, где города и группы фабрик следуют друг за другом длинными вереницами. В этой местности находятся города Сметвик, Уэст-Бромвич, Гарборн, Ольдбери, Роули-Реджис, вблизи которого возвышается горка из базальтовых колонн, Дудли (или Додлей), обширный парк которого, раскинутый вокруг старого замка, составляет приятный контраст с фабриками, рассеянными по равнине; из Дудли, вечером, когда фабрики освещены, можно созерцать единственное в своем роде зрелище целой страны, которая кажется вся в огне до самого горизонта. Далее следуют один за другим города: Брайерли-Билль; Стербридж, славящийся в промышленном мире своею огнеупорною глиной; Кингсвинфорд, Седжли, Уэнсбери (Wednesbury), Дарлестон, Бильстон, Уольсолль, Уилленголль, Геттаун и большой город Уольвергамптон. Сэттон-Кольдфильд лежит несколько в стороне, восточнее. В каменноугольном бассейне Додлея и Уольвергамптона находятся соединенные в одной местности все сырые материалы горназаводской промышленности—уголь, железная руда, известковый камень, необходимый как плавень, и даже глина, употребляемая на выделку кирпича для внутренности плавильных печей. Многочисленные открытия, важные приложения науки к промышленности были сделаны в различных фабриках этого бассейна, особенно на заводах Сого, близ Уэст-Бромвича. Угли этого бассейна из всех сортов минерального топлива считаются наиболее пригодными для выделки дегтя и анилина; многие заводы утилизируют их в огромном количестве для приготовления красок. Главная додлейская залежь каменного угля известна под именем Tenyard (десятиярдной), которое дано ей по причине её толщины, составляющей, средним числом, около 9 метров; этому пласту страна обязана своим промышленным богатством; но, к сожалению, копи частию уже истощились, частию залиты водой, благодаря неразумному способу ведения работ; теперь остается не более десятой части запаса, которая может быть разрабатываема, и таким образом мануфактурной будущности Додлейского округа грозит серьезная опасность, если владельцы фабрик не примутся общими силами за удаление воды из залитых копей[1]. Количество каменного угля, которое южный бассейн Стаффордшира может доставить промышленности, не превышает одного миллиарда тонн; а так как ежегодная добыча угля составляет около 10 миллионов тонн, то, следовательно, существующий запас минерального топлива будет исчерпан в какие-нибудь сто лет, и мануфактурная деятельность должна будет перейти в другое место. Уольвергамптон известен в летописях аэронавтики и метеорологии: из этого города отправились на воздушном шаре Глешер и Коксвель, когда они поднялись на небо до наибольшей высоты, какая когда-либо была достигаема воздухоплавателями,—вероятно, до высоты одиннадцати тысяч метров.

Общины промышленной группы Бирмингема, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 г.):

Графство Варвик

Бирмингам (county borough)—429.171 жит.; предместье его Астон-Манор—68.639 жит.

1 Edward Hull, „The Coal-fields of Great Britain".

Графство Вустер

Додлей (county borough)—45.740 жителей; Ольдбери (local board)—20.370 жит.; Больсоль (local board)—30.581 жит.; Стербридж (local board)—9.386 жителей.

Графство Стаффорд

Уольвергамптон (county borough)—82.662 жителей; Уэст-Бромвич (county borough)—59.474; Уольсолль (county borough)—71.789; Сметвик (local board)—36.170; Уилленголль (local board)—16.852; Кингсвиндфорд (township)—35.760; Типтон (local board)—29.314; Уэнсбери (local board)—25.347; Бильстон (local board)—23.453; Роули-Реджис (local board)—30.790; Седжли (local board)—14.960; Дарлестон (local board)—14.422; Брайерли-Гилль (local board)—11.831; Куарри-Банк (local board)—6.400; Гет-Таун (local board)—6.250; Гарборн (local board)—6.430 жителей.

На севере от графства Стаффордшир, другая группа промышленных городов, лежащая также в каменноугольном бассейне, соответствует Уольвергамптонской группе. Эта фабричная область, пересекаемая нарождающимся Трентом, известна под именем округа «гончарного производства» (district of Potteries); в самом деле, в этой местности с незапамятных времен занимаются фабрикацией изделий из глины, и отсюда-то выходят почти все фаянсы и фарфоры, которые Англия рассылает во все части света и которые содействуют в такой сильной степени возрастанию её богатств. Сток-на-Тренте (Stoke-upon-Trent), главный город этого округа, воздвиг перед своим вокзалом монументы двум фабрикантам, которые всего более способствовали процветанию края, Веджвуду и Минтону. Громадная фабрика, известная под символическим именем Этрурии, расположенная в 3 километрах к юго-западу от Стока, обязана своим происхождением Веджвуду, который основал ее, слишком сто лет тому назад, в надежде, что английские мастера со временем сравняются в искусстве с тосканскими мастерами глиняных изделий. Благодаря ему, Англия приобрела секрет фабрикации тонкого фарфора с прозрачною глазурью,—секрет, которым Франция обладала уже в XVI в. в пуатьенской деревне Уарон, но который она почти тотчас же и потеряла[1]. Мастера-художники, которых фабрикант Минтон съумел привлечь в свои заведения, ввели в производство глиняных изделий гораздо больше вкуса, чем обыкновенно имеют предметы английской мануфактуры, и теперь невольно дивишься, видя, как из этих почерневших от копоти, вечно дымящих городов выходят такие тонкие античные фаянсы, так изящно разрисованные фарфоры. Недавно, по близости Стока, в городе Берслем, где родился Веджвуд, основано училище керамического искусства, названное Веджвудовым институтом, и само это здание украшено великолепными изразцами, которые наглядно свидетельствуют о высокой степени совершенства, достигнутой местною промышленностью. Население, сгруппированное вокруг Стока-на-Тренте, в округе «гончарного производства», превышает уже 260.000 душ; оно очень быстро увеличивается, потому что каменноугольный бассейн Северного Стаффордшира, менее обширный, но гораздо более богатый, нежели Южно-Стаффордширский бассейн, есть один из наиболее благоприятно расположенных бассейнов во всей Англии,—один из тех, которые представляют промышленности наиболее выгодные условия по причине чередования пластов угля с залежами железной руды и слоями пластической глины. В 1870 году запас годного к разработке угля в Северном Стаффордшире исчисляли в 3.720.000.000 тонн; добыча же в этом году составляла около 3.873.500 тонн.

Общины группы фаянсового и фарфорового производств, имеющие свыше 5.000 жителей (в 1891 г.):

Генли (county borough)—54.946 жителей; Сток-на-Тренте (township)—24.027; Уольстантон (township)—47.215; Берслем (local board)—30.860; Лонгтон (mun. borough)—34.327; Ньюкестль-под-Ляймом (municipal borough)—18.450; Тонсталь (local board)—15.730; Фен-

1 Louis Enault, „Journal officiel“, 12 июля 1875 г.

тон—16.998; Одлей (township)—12 630 жителей.

На северо-востоке от этой промышленной группы встречаем другие фабричные общины Стаффордшира, Лик и Уотерфолль, труд которых находится уже в круге притяжения Мекльсфильда, города графства Чешир, славящагося своими шелковыми материями. Далее на востоке, в долине реки Дов (Довдэль), одной из самых живописных долин центральной Англии, благодаря её тенистым рощам, причудливо разбросанным скалам, естественным аркадам, красуется великолепный замок Альтон-Тоуэрс, принадлежащий графскому роду Тальбот-де-Шрузбери.

Удаляясь от Стокского каменноугольнаго бассейна, река Трент вступает в местность, где, наконец, опять находишь настоящую деревню, леса и чистый воздух. Города, вообще немногочисленные, следуют один за другим на больших расстояниях. Стон стоит на берегу Трента; Стаффорд, главный город графства, расположен но берегам р. Соу; Руджери находится ниже слияния этой реки и Трента; Личфильд, в равнинах внутренней части края, не имеет реки и орошается лишь судоходным каналом; Темворт построен на Бирмингамской Теме (Tame), при впадении в нее притока Анкер, который берет начало в Варвикшире, близ Ненитона. Некоторые из этих городов, лежащие в соседстве небольшого угленосного бассейна, имеют различные мануфактуры; однако, они резко отличаются своим общим видом и своими памятниками средневековой архитектуры от городов западных каменноугольных и фабричных округов. Нельзя не удивляться, что существующие в этой местности залежи минерального топлива, представляющие ту выгоду, что они находятся в более близком расстоянии от Лондона, чем все другие каменноугольные бассейны Великобритании, разработываются в столь незначительных размерах. В 1870 году добыча угля в Варвикском бассейне составляла всего только 647.640 тонн, количество же годного к разработке топлива в этом бассейне, по исчислению Вудгоуза, простирается до 455.500.000 тонн. Личфильд—местопребывание епископа, и из зданий его замечателен в особенности кафедральный собор, памятник двенадцатого и тринадцатого столетий, украшенный снаружи с большою роскошью стрелками, колонками, цветками, статуями. Внутренность храма, также поражающая богатством и великолепием, освещенная колоссальным окном и розеткой фасада, заключает надгробные памятники Самюэля Джонсона, Гаррика, леди Вортли Монтегю. Джонсон родился в этом городе; Исаак Вальтон, которого английские рыболовы почитают как покровителя их промысла, и называют его «отцом рыбаков», был родом из Стаффорда.

Ниже соединения рек Трента и Темы, то-есть вод, текущих из двух промышленных округов Стаффордшира, находим большой город, Бертон-на-Тренте (Burton-upon-Trent), который и сам составляет важный промышленный центр, в особенности по пивоваренному производству; на заводах его ежегодно приготовляется около 200.000.000 литров пива. Напиток, фабрикуемый в Бертоне, отличается особенным, ему одному свойственным, вкусом, который приписывают сернокислой извести, содержащейся в воде местных источников; по анализам геолога Раиса, количество гипса, находящееся в эле этого города, доходит до одной тысячной. Окрестная местность изрыта многочисленными воронкообразными углублениями почвы, происходящими вследствие истечения каменистых слоев, которые растворяет мало-помалу и уносит наружу вода источников и колодцев. На юго-востоке от Бертона, внутри земель, лежит старинный городок Ашби-де-ла-Зуш (Ashby de la Zouch), сохранивший свое саксонское имя с нормандскою прибавкой. В соседстве разрабатываются копи каменного угля; добыча этого минерала в Лестершире в 1892 году составляла 1.500.235 тонн.

Река, принадлежащая преимущественно графству Дерби, Дервент, или «Прекрасная Вода» (Der-Gwent), и главная водяная артерия графства Лестершир, река Сор (Soar), изливаются в Трент в близком расстоянии одна от другой. Обе эти реки орошают очень промышленные и густо населенные бассейны, заключающие важные города. Река Дервент, которая дала свое имя графству и его главному городу, получает свои первые воды с Дербиширского Пика и с группы окружающих гор; деревни с минеральными водами, загородные замки, окруженные парками, рассеяны в её верхней долине и в боковых долинах, впадающих в

главную: один из этих замков, знаменитый «дворец Пика», называющийся Чатсворт-Парком, заключает в себе драгоценную коллекцию картин, галлерею эскизов, все старых мастеров, статуи Торвальдсена, Кановы, Шедоу, Джибсона, ценную библиотеку; оранжереи сада, которым заведует Джозеф Пакстон, известный архитектор, построивший Хрустальный дворец в Лондоне, можно сравнить по обширности и прекрасному устройству с оранжереями лондонского ботанического сада в Кью, и один из фонтанов бьет колоссальною струею, поднимающеюся на высоту 80 слишком метров. Принадлежащие к Чатсворт-Парку земли имеют 18 километров в окружности. Неподалеку от этого современного замка, близ слияния рек Дервент и Уай, находится старинная господская усадьба, Гаддон-Голль, которая, может быть, лучше всех других средневековых замков Англии сохранила свой прежний вид и дает самое верное понятие о жизни феодальных баронов.

Бекстон, или Бокстон (Buxton), целительные источники которого принадлежат к знаменитейшим минеральным водам Англии, лежит в верхней части долины р. Уай, в центре бассейна, который окружен холмами, покрытыми мелким лесом. Это местечко, быть может, обязано своею важностью не столько целебному действию своих азотистых ключей, сколько соседству Манчестера и других больших фабричных городов Ланкашира. Вокруг роскошно отделанного заведения минеральных вод тянутся во все стороны луга, парки, прекрасные бульвары, а ниже река Уай вступает в дикое ущелье, у входа в которое высится уединенная скала Чи-Тор, естественный обелиск в 90 метров вышины, окруженный зеленью и содержащий в каждой своей извилине, в каждой впадине красивый букет из деревьев, кустарника и цветов. Над местечком Матлок-Бат, где тоже есть минеральные воды, господствует другая скала, еще более величественная, Гай-Тор, пирамидальная масса которой, окруженная при основании деревьями, поднимается на высоту 120 метров.

Ниже Матлокского ущелья, река Дервент проходит мимо Бельпера, фабричного местечка, вблизи которого, на северо-восточных высотах, стоят города Альфретон и Риплей; затем, извиваясь в долине, где селения следует одно за другим непрерывным рядом, она вскоре вступает в город Дерби. Этот древний город приобрел весьма важное значение, благодаря своей промышленности: здесь было основано, в 1718 году, первое заведение для разматывания коконов шелковичного червя и сучения шелковых нитей; но англичанин, похитивший у итальянских мастеров секрет этого искусства, умер, отравленный ими, если верить рассказам того времени[1]. Эта первая мануфактура, к которой впоследствии прибавилось много других фабрик, существует еще до сих пор. В новейшее время Дерби сделался центральной мастерской общества мидленских железных дорог, и вокзалы, склады машин и вагонов, различные фабрики железнодорожных принадлежностей занимают там значительное пространство. Община Литчорч, составляющая часть того же парламентского округа, также принимает участие в промышленной деятельности города Дерби. Деревня Денби, лежащая на северо-востоке от Дерби, замечательна как место рождения известного астронома Флемстида.

Лестер (Leicester), столица графства того же имени (ныне выделенный, в административном отношении, в особое графство), был некогда римский город Ratae, и в музее его хранится много остатков глубокой древности. Благодаря своему центральному положению, при судоходной реке, он всегда играл немаловажную роль в истории Англии: Ричард III и кардинал Вольсей были погребены в этом городе. Но особенно быстро пошло развитие Лестера в течение нынешнего столетия: с 1850 года население его более чем удвоилось (число жителей в 1861 году было 68.050, в 1871 г. 95.200, в 1892 году около 175.000). Первою причиной этого процветания было разведение тонкорунных овец, которые пасутся многочисленными стадами на горных пастбищах верхнего бассейна реки Сор и на всех вершинах так называемого «Центрального плато», разделяющего водоскаты Трента, Северна, Темзы и притоков реки Уаш. Лестер сделался главным центром производства вязаных шерстяных изделий, которое и составляет его специальность в разделении промышленного труда Англии. Что ка-

1 Ch. Dupin, „Force commerciale de la Grande Bretagne".

сается владельцев окрестных имений, то многие из них отличаются также большою страстью к одной из национальных английских забав—к охоте на лисиц. В Лестерском графстве воспитываются и дрессируются собаки хороших охотничьих пород, и в этой же местности, на степных плоскогорьях, простирающихся от городка Мельтон-Моубрэ до Грантама, собираются охотники и приглашаемое ими общество. Паштеты и другие продукты кулинарного искусства, которыми мельтонские трактирщики подчуют своих проголодавшихся на охоте гостей, пользуются громкою известностью.

На севере от Лестера река Сор проходит мимо города Лонгборо (Longborough). который находится еще в районе промышленного притяжения соседнего города. Первый город, который встречаем в долине реки Трент, Ноттингам, столица графства того же имени, принадлежит, как и Лестер, к древнейшим городам Англии,—замок его построен Вильгельмом Завоевателем,—и, подобно Лестеру, он быстро преобразовывается и растет, как промышленный центр. Производство вязаных шерстяных изделий также составляет одну из отраслей его промышленности; но главные её продукты—шелковые ткани и кружева. Кроме того, Ноттингам окружен многочисленными предместьями и отдельными городами, каковы: Лентон, Снентон, Басфорд, Гризлей или Гризли, Илькстон (с минеральными водами), Радфорд, где можно видеть всякого рода фабрики и заводы, для прядения и тканья материй, постройки машин, приготовления химических продуктов.

Далее на берегах Трента за Ноттингамом следует Ньюарк (Newark-upon-Trent), город пивоваренных заводов, как и Бертон; в окрестностях его, на холме, стоят развалины замка, в котором скончался король Иоанн Безземельный. Часть равнины занимают бывшие болота, превращенные ныне в культурные земли, и вскоре затем начинаются аллювиальные пространства нижнего течения Трента. Пароходы и парусные суда, поднимающие от 150 до 200 тонн груза, могут ходить вверх по реке до Генсборо (Gainsborough). В эти последние годы этот городок получил некоторую важность по своим фабрикам земледельческих машин.

Бассейн реки Айдль («Ленивой»), который ныне соединяется с бассейном Трента уже не через извилистую речку, но посредством каналов и водоотводных канав, заключает в себе некоторые из очаровательнейших местностей Ноттингамшира. Так, в этом бассейне находится старинный Шервудский лес, где некогда обитал народный герой Робин Гуд. В одной из просек этого леса, которые в последние сто лет сделались чрезмерно обширными и многочисленными, приютился город Менсфильд, неподалеку от которого находится старинное аббатство Ньюстед-Абби, вдвойне интересное—во-первых по его красивому фасаду времен двенадцатого столетия, обвитому гирляндами плюща, и, во-вторых, по воспоминаниям, которые оставил здесь по себе лорд Байрон. Кроме названных мест, в бассейне реки Айдль есть еще два города. Уорксоп и Сэттон и различные общины, принадлежащие к парламентскому округу «Восточный Редфорд».

Городские общины бассейна р. Трент, вне групп Бирмингема и Стока-на-Тренте, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году):

Графство Варвик

Ненитон (local board)—11.580 жит.; Сэттон Кольдфильд (township)—8.685 жителей.

Графство Стаффорд

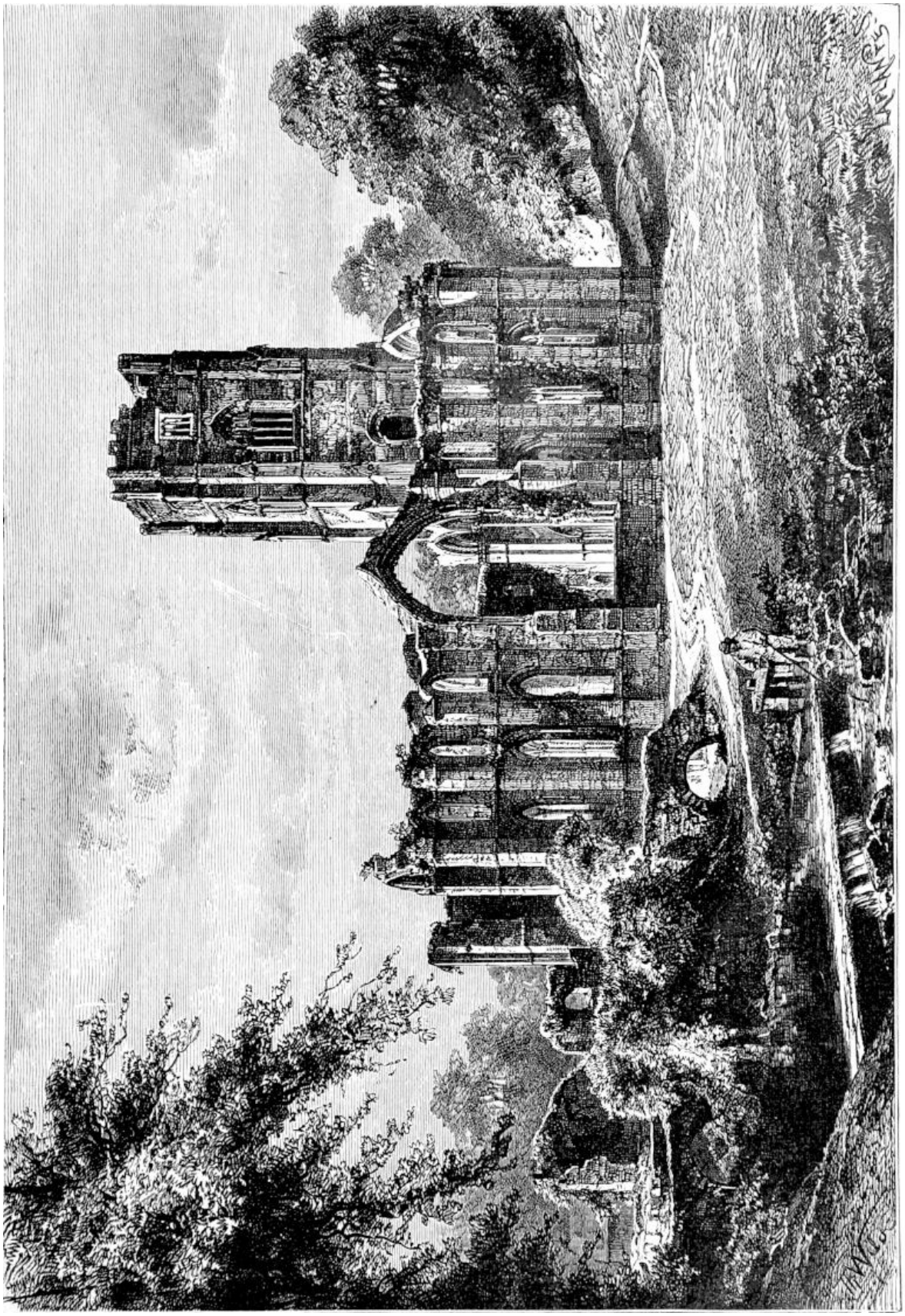
Уотерфолль (township)—25.050 жит.; Бертон-на-Тренте (local board)—46.047 жителей; Стаффорд (mun. borough)—20.270 жит.; Стон (township)5.754 жителя; Лик (local board)—14.128 жит.; Личфильд (mun. borough)—7.864 жителя.

Графство Лестер

Лестер (county borough) (1892 г.)—174.624 жит.; Лонгборо (local board)—14.800 жит.; Ашби-де-ла-Зуш (local board)—4.535 жит.; Гинкли—7.700 жит.; Мельтон-Моубрэ (local

board)—6.390 жителя.

Графство Дерби



Развалины Фунтенскаго аббатства.

Дерби (county borough)—94.146 жит.; Альфретон (local board)—15.355 жит.; Икльстон (local board)—19.744 жит.; Бельпер 10.420 жит.; Риплей—6.100 жит.; Матлок—5.285 ж.

Графство Ноттингам

Ноттингам (county borough)—213.877 жит.; Радфорд (township)—38.718 жит.; Басфорд (local board)—2.278 жит.; Снентон (local board)—15.500 жит.; Ньюарк (municipal borough)—14.460 жит.; Менсфильд (local board)—15.925 жит.; Уорксоп (local board)—12.734 жит.; Сэттон-в-Ашфильде (local board)—10.560 жит.; Гризлей (township)—8.865 жит.; Лентон (local board)—9.200 жит.

Графство Линкольн

Генсборо (local board)—14.370 жит.

Огромный город, один из главных центров английской промышленности, лежит в верхней долине реки Дона, которая вытекает из Пеннинских гор и впадает в р. Узу, в небольшом расстоянии от слиянии её с Трентом. Город этот—Шеффильд. Он занимает великолепное местоположение, посреди живописного амфитеатра холмов, при слиянии пяти рек или ручьев, и в глубинах его почвы простираются на большом протяжении залежи каменного угля, доставляющие его фабрикам необходимое топливо. Уже в течение целого ряда веков Шеффильд, вначале маленькое феодальное местечко, занимается железоделательною промышленостью, и поэт Чосер говорит о thwytels, которые там уже выделывались в его время. В эпоху религиозных преследований много фламандских рабочих, искусных в отделке железа, переселились в Шеффильд и отплатили городу своим мастерством за оказанное им гостеприимство. Однако, только с начала нынешнего столетия этот город Йоркшира возвысился на первую степень во всем свете по части фабрикации стали, ножевого товара и разного рода стальных изделий. Население его почти ушестерилось в промежуток между народными переписями 1801 и 1871 годов и продолжает возрастать в той же пропорции. Подобно Лондону, Манчестеру, Бирмингаму, он захватывает последовательно в свой лабиринт улиц окружающие селения: пространство, которое он покрывает своими домами, составляет уже около 20 квадратных километров. Количество металла, добываемое из железных рудников округа, называемого Галламширом, по имени одного из шеффильдских кварталов, недостаточно для покрытия потребления местных фабрик; руда привозится, кроме того, из-за границы, и все продукты знаменитейших рудников Скандинавии вперед закуплены фабрикантами Шеффильда. Точно также этот город употребляет больше слоновой кости, чем всякий другой город на земном шаре: вычислено, что ручки ножей, выделываемых в продолжение года в его мастерских, весом в совокупности около 200 тонн, представляют смертные останки по крайней мере пятнадцати тысяч слонов. Воду фабричные заведения Шеффильда получают из резервуаров, устроенных при помощи запруд, в возвышенных долинах на западе от города; одна из этих плотин была прорвана, в 1864 году, напором воды, вследствие чего многие внешние кварталы города подверглись опустошительному наводнению. Известный скульптор Чантри (Chantrey) родился в Нортоне, деревне, принадлежащей к шеффильдскому городскому округу. В окрестностях Шеффильда находится также, будто бы, месторождения Робина Гуда; но нужно заметить, что в центральной Англии есть много деревень, оспаривающих друг у друга честь быть родиной этого легендарного героя.

Шеффильд окружен городами и селами, его промышленными спутниками, каковы: Эклесфильд, Брадфильд, Вортли, Ромарш, Ротергам, которые занимаются также металлургическими производствами, тогда как на юге, в части Дербишира, орошаемой Доном и его притоками, фабричные заведения Честерфильда, второго, по важности, города графства, Брамптона, Эккингтона, Виттингтона состоят преимущественно из прядильных мануфактур и фабрик бумажных материй. Но как только, следуя по течению Дона или его притоков, мы покинем область эксплоатируемых каменноугольных залежей, общая физиономия страны тотчас же изменяется, население становится гораздо менее скученным, города делаются менее многочисленными. Древний римский укрепленный лагерь Донкастер (Danum), бывший не-

когда столицей этой страны, в наше время далеко уступает по важности городам новейшего происхождения, которые быстро разростаются в округе каменноугольных копей; но раз в году, в сентябре месяце, он делается на один день местом собрания богатых и досужих людей, благодаря своим знаменитым скачкам, которые были основаны здесь в 1703 году известным любителем лошадей Сен Лежером. Ниже Донкастера мы встречаем только один город, и то не на берегах Дона, а при судоходном канале, заменяющем эту реку: это—портовый город Гуль (Goole), расположенный на оконечности мыса или узкого полуострова, образуемого «Голландскою рекой» (Dutch river) и Узой. Гуль имеет кораблестроительные верфи, доки со шлюзами, товарные склады и ведет торговлю со всем севером Европы. Движение судоходства в Гульском порте в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом):

В приходе—2.176 судов, вместимостью—628.400 тонн; собственная флотилия—228 судов, вместимостью—26.054 тонны.

Ценность внешней торговли Гуля: привоз—4.580.024, экспорта—6.207.951 фунт. стерл.

Река Эр (Aire) и её приток Кальдер также проходят в верхнем своем течении через каменноугольную область, которая занимает восточный скат Пеннинских гор, и население, сгруппированное на их берегах, еще гораздо многочисленнее, чем население возвышенной долины Дона, но эти две реки сильно переменились со времени средних веков, ибо их воды, в наши дни грязные и черные, представляющие скорее сточные канавы, насыщенные красками и разными химическими ингредиентами, в старину славились своею чистотой и хрустальною прозрачностью. «Как не быть кастльфордским девам красавицами? ведь они умываются в соединенных водах Кальбера и Эра!»—так поет один старый стихотворец Йоркшира. Теперь же иной ручей, изливающийся в этот некогда чистый поток, пожалуй, мог бы гореть и освещать ночную темноту: так много он выделяет из себя вонючих газов.

Метрополия, промышленная и торговая, этой части Йоркшира—Лидс (Leeds), пятый город Англии по числу жителей и первый в свете, как центр фабрикации сукон. Эта отрасль мануфактурной промышленности существует в крае уже с давних пор: начиная с первых годов шестнадцатого столетия йоркширские суконщики, которых фламандские мастера научили своему искусству, рассылали свои шерстяные ткани по всей Англии. Галифакс был в ту эпоху самым важным между мануфактурными городами этой области; он даже выхлопотал себе право верховной уголовной юстиции, чтобы творить суд и расправу над ворами, которые похищали куски сукна, разостланные под открытым небом, и в течение ста слишком лет, с 1541 по 1650 год, виселица, воздвигнутая им на соседнем косогоре, часто служила местом казни пойманных сукнокрадов. В конце семнадцатого века Лидс опередил всех своих соперников в Йоркшире по развитию суконного производства; в нынешнем же столетии, благодаря каменному углю, доставляемому из окружающих копей, он получил еще более важное значение: новые промышленности прибавились к той, которая подняла его на столь высокую степень между большими городами Англии; будучи первым по фабрикации шерстяных материй, он не уступает ни одному из промышленных центров в отношении полотняных мануфактур, металлургических заводов, фабрик для постройки машин. Главные здания Лидса свидетельствуют своим назначением о коммерческой деятельности города; но, гордый своим богатством, «Суконный» город счел долгом выстроить великолепное муниципальное здание в коринфском стиле, создать музеи, библиотеки (публичная библиотека Лидса содержит ныне более 100.000 томов), украсить площади статуями и монументами, устроить там и сям, среди лабиринта улиц и закоптелых фабричных строений, прекрасные общественные сады; главная его школа, называемая Йоркширскою коллегией, принадлежит к важнейшим учебным заведениям Англии. Негоцианты имеют изящные виллы на окружающих город холмах, особенно около Чепель-Аллертона. Знаменитый физик Пристлей, которому суждено было умереть в изгнании, родился в окрестностях Лидса.

В этой части Йоркшира, называемой «Западным округом», West-Riding, установилось некоторое разделение мануфактурного труда. Город Галифакс, который прежде, по своей промышленной деятельности, стоял выше Лидса, теперь же едва может называться его со-

перником, фабрикует главным образом шерстяные материи, саржу, ковры, а по своим мануфактурам бумажных тканей находится уже, так же, как Бриггоуз, Клекгитон, Элленд, в круге притяжения Манчестера; Годдерсфильд, может быть, самый невзрачный между этими некрасивыми фабричными городами, занимается преимущественно приготовлением шалей, бархатов, мешанных тканей, легких сукон; Дьюсбери (Dewsbury) выделывает одеяла и ковры; Барнсли, или Барнслей, производит специально полотна; Векфильд, лежащий на реке Кальдер, в этом месте уже судоходной, на-ряду с суконною промышленностью ведет еще обширную торговлю хлебом и скотом, потребным для продовольствия фабричной области. В окрестностях г. Барнсли находится самая глубокая в Йоркском графстве каменноугольная шахта: она спускается на 575 метров ниже поверхности земли; из этой шахты каждый день получается около тысячи тонн угля. Общая добыча минерального топлива в Йоркширском бассейне в 1879 г. равнялась 16.030.944 тоннам, а запас угля, существующий еще в глубинах земли в этом бассейне, составляет, по исчислению Гунта, около 27.608.000.000 тонн. Векфильд замечателен в истории как место, где происходила одна из больших битв войны Алой и Белой розы, в 1360 году. Ричард Йоркский был разбит в этом сражении и убит приверженцами Генриха VI.

Из всех городов описываемой страны наиболее быстрые успехи в отношении развития промышленности и возрастания населения, в течение нынешнего столетия, сделал Брадфорд, лежащий к западу от Лидса, почти на полдороге от этого города до Галифакса. В начале девятнадцатого века Брадфорд был маловажным местечком, и только в 1822 году здесь основана была первая мастерская с паровою машиной. Теперь—это обширная группа фабричных заведений, почти не имеющая соперников по части фабрикации полушерстяных материй, и в окрестностях города находится огромная образцовая мануфактура, где работают зараз тысячи мастеровых и где выделываются, главным образом, материи, известные под именем альпага. С 1801 года население Брадфорда увеличилось в пятнадцать раз; но и кроме Брадфорда, сколько окрестных сел и деревень были превращены силой мануфактурной промышленности в многолюдные города! В подобном исполинском скоплении фабрик и заводов общины теряют свою индивидуальность; все эти города новейшей формации, Батли, Кили (Keighley), Бингли, Коверли (Calverlay), Растрик, Айдль, Подси, Норт-Байерли, Морли, Гомерсаль, Шипли, Драйлингтон, Омондбери (Almondbury), Боулинг и многие другие фабричные группы, имеющие каждая от пяти до двадцати тысяч жителей, представляют в коммерческом мире не что иное, как различные фирмы фабрикантов. Единственные общины в бассейнах рек Кальдер и Эр, сохранившие еще свою оригинальность,—это местечки, лежащие вне каменноугольной формации. Таковы, в горах, Скиптон-ин-Кравен, а на равнине—Кестльфорд, с его римскими развалинами. На юге, на бывшем высоком берегу, от которого воды отступили уже в давния геологические времена, приютился живописный городок, носящий поныне латинское имя «Понтефракт» (что значит «Сломаный Мост»), данное ему в средние века; в этом городе можно видеть один из самых крепких и величественных замков феодальной эпохи,—замок, в котором был заключен и умер голодною смертью король Ричард II.

Города (county boroughs, muncipal boroughs и local boards) бассейнов Дона, Кальдера и Эра, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году):

Графство Дерби

Честерфильд (munic. borough):—13.240 жителей; Эккингтон (local board)—11.100 жит.; Брамптон (local board)—8.340 жит.; Виттингтон—8.798 жит.

Графство Йоркшир, Западный округ (West-Riding)

Лидс (county borough):—367.505 жителей; Шеффильд (county borough)—324.243 жит.; Брадфорд (county borough)—216.361 жит.; Годдерсфильд (county borough)—95.420 жит.; Галифакс (county borough)—89.832 жит.; Векфильд (mun. borough)—33.146 жит.; Ротергам

(mun. borough)—42.060 жит.; Дьюсбери (mun. borough)—29.850 жит.; Барнсли (mun. borough)—35.430 жит.; Батли (mun. borough)—28.720 жит.; Китли или Кили (local board)—30.810 жит.; Донкастер (mun. borough)—25.980 жит.; Шипли (local board)—23.387 жит.: Морли (local board):—21.068 жит.; Оссет (local board)—10.985 жит.; Бинглп (local board)—10.023 жит.; Гекмондвайк (local board)—9.709 жит., Гуль (local board)—15.461 жит. Овенден (local board)—7.500 жит.; Соуэрби-Бридж (local board)—10.409 жит.; Норт-Байерли (local board)—22.178 жит.; Ромарш (local board)—11.983 жит.; Клекгитон (localboard)—11.830 жит.; Элленд (local board)—9.991 жит.; Бриггоуз (local board)—10.280 жит.; Кестльфорд (local board)—14.143 жит.: Айдль (local board)—7.118 жит.; Соуэрби (local board)—4.091 жит.; Бристаль (local board)—6.050 жит.; Скиптон-ин-Кравен (local board)—16.376 жит.; Голькар (local board)—9.108 жит.; Квинсбери (local board)—7.000 жит. Растрик (local board)—9.280 жит.; Отли (local board)—7.000 жит.; Вайндгилль (local board)—6.730 жит.; Окворт (local board)—5.800 жит.; Торнтон (local board)—5.680 жит.; Экклесгиль (local board)—7.930 жит.; Понтефракт (mun. boroush)—9.702 жит.; Торнгиль (local board)—9.6.06 жит.; Идон (Yeadon) (local board)—6.540 жит.; Дартон (local board)—7.013 жит.; Линтуэт (local board)—6.666 жит.; Вомбвель (local board)—10.942 жителей.

Река Нидд, приток Узы, текущая параллельно реке Эр, остается на всем своем протяжении вне каменноугольной области, а потому в её бассейне нет больших городов: все возрастание населения совершается в пользу страны угля. Древнейший город этой долины, Нерсборо (Knaresborough), есть в то же время парламентское местечко, посещаемое во время летнего сезона многочисленною публикой, которую привлекают чрезвычайно живописные окрестности этого городка, различные его достопримечательности, естественные и исторические, и, наконец, находящиеся по близости минеральные источники Гаррогета, хорошенького городка, отчасти окруженного обширным лугом, расстилающимся на пространстве 80 гектаров. Ниже в равнине, неподалеку от местечка Тадкастер, лежащего на древней римской дороге, которая пересекала страну с юга на север, находится знаменитое в истории Тоутонское поле, где в 1461 году происходила, между войсками Эдуарда IV Йоркского и Генриха VI Ланкастерского, битва, самая кровопролитная из всех сражений, обагривших кровью почву Англии со времен Гастингса. Самая сильная сеча в этой памятной битве имела место на так называемом «Кровавом лугу» (Bloody Meadow); теперь, рядом с этим полем смерти, в окружающей его живой изгороди из шиповника белая роза перемешана с алой, и обе они сделались символом мира, после того, как целые тридцать лет, в XV веке, служили знаменем, под которым две враждующие армии пролили столько крови, разорили столько сел и городов[1].

Важнейший пункт в бассейне, реки Иор или Ур—старинный город Рипон или Рипон-Сити, где до сих пор виден могильный курган, содержащий, по преданию, кости всех воинов, саксов и датчан, убитых на соседнем поле сражения. Под собором, памятником готического стиля, есть древняя крипта саксонской архитектуры. Недалеко от Рипона находится аббатство «Фонтанов», или Фоунтенское, некогда один из могущественнейших домов ордена цистерцианских монахов, владевшее всею землей от Рипона до Кумберлендских гор, на пространстве 50 километров. Остатки монастырского здания, обвитые плющем, принадлежат к прекраснейшим руинам Англии.

Многие другие развалины величественного вида господствуют над течением реки Суэль, над её крутыми берегами и над городом Ричмондом, парламентским местечком, которому его положение вдали от каменноугольных копей не позволяет расти подобно городам, лежащим в соседстве с месторождениями минерального топлива. А между тем Ричмонд—единственный город во всем верхнем бассейне р. Суэль; ниже следует местечко Тирск, и только гораздо далее на юге, там, где реки Суэль и Юр уже соединились и образовали Узу, появляется важный город, по имени которого названо самое обширное графство королевства. Город этот занимает превосходное положение, благодаря которому он мог сохранять первенствующую

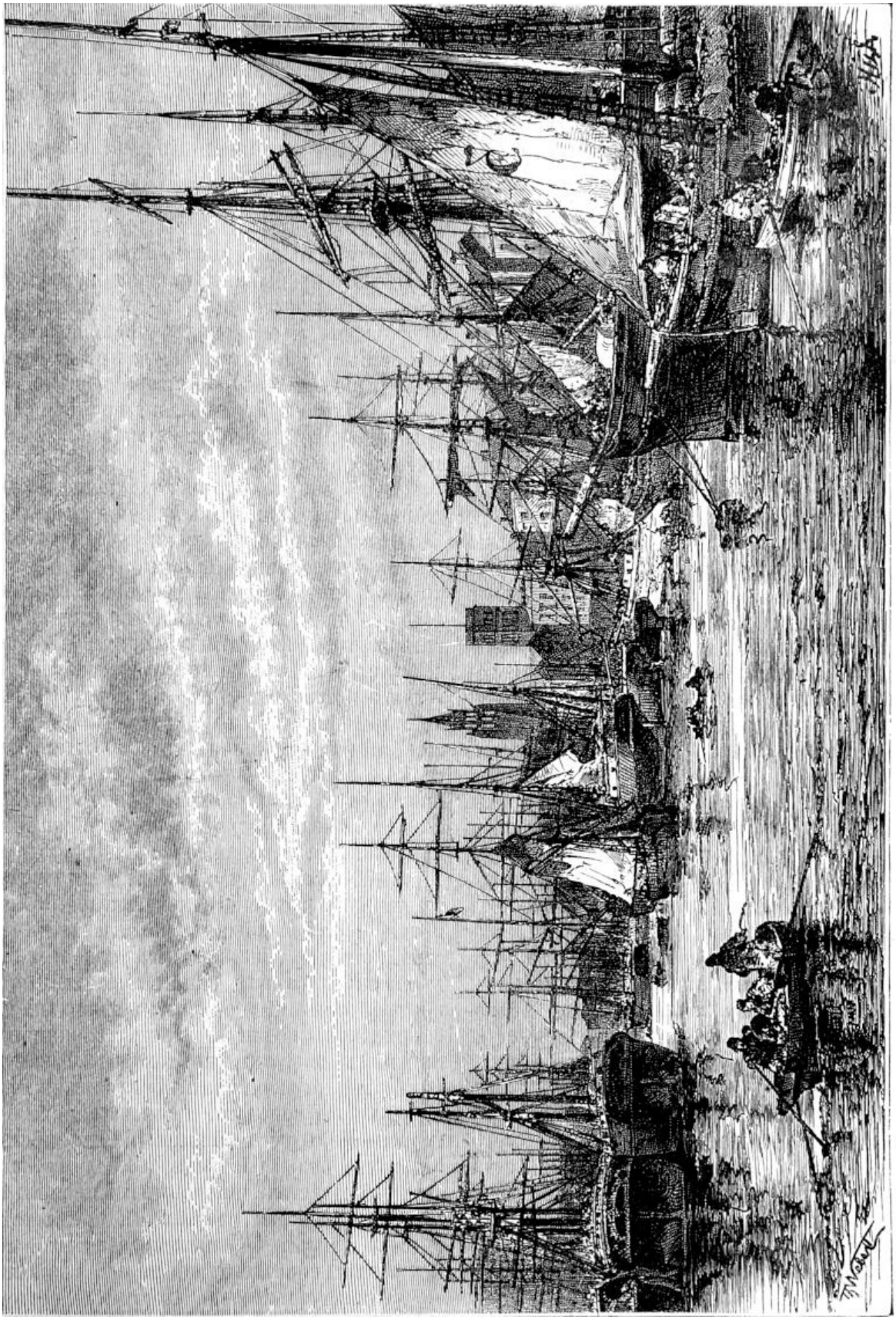
1 „Edinburgh Review“, vol. 125.

роль между городами северной Англии до тех пор, пока разработка копей каменного угля не повлекла за собой перемещения промышленности, а вместе с тем перемещения населений и средоточия коммерческого могущества. Йорк расположен на берегу широкой и судоходной реки, при впадении в нее притока, среди замечательно плодородной равнины (vale of York), и в том месте, где проходит исторический путь торговли и армий между югом и севером Англии. В самом деле, дорога, проведенная от лимана Темзы к границам Шотландии, естественно должна была удаляться от моря, чтобы избегнуть извилин берега и особенно болот, которыми заливы продолжаются внутрь страны. Оставив к востоку от себя болота (fens) Уаша, эта дорога должна была проникнуть в долину Трента, затем обойти на западе болотистые земли, среди которых соединяются воды Трента и Узы. Но, поднявшись вверх по этой последней реке до того места, где она перестает течь с севера на юг и меняет направление, дорога, понятно, должна была пересечь реку, чтобы не делать длинного обхода. В месте этого естественного перехода через Узу бриганты и основали свой главный город, Эбурак или Эборак, сделавшийся впоследствии, под именем Eburacum, важнейшею колонией всей римской Британии; здесь умер Септимий Север, в 211 году. За политическою властью следовало религиозное могущество; с начала седьмого столетия Йорк сделался местопребыванием епископства, которое впоследствии возведено было на степень архиепископства и оспаривало первенство у кентерберийского престола. Мэры этого города одни только, вместе с городскими головами Лондона, Эдинбурга и Дублина, имеют право на титул лорда и на соединенные с этим званием прерогативы.

Некоторые следы римских построек отысканы в Йорке; но самые здания исчезли, и все любопытные памятники старины, существующие в этом городе, относятся уже к средневековой эпохе. Над новейшими строениями, которые называют «Замком» и в которых помещаются судебные учреждения и тюрьма, возвышается еще башня, построенная Вильгельмом Завоевателем, на том месте, где прежде стояла римская крепость. Вал, большею частию сохранившийся, окружает город в виде неправильного многоугольника, общее протяжение которого около 4 километров, и составляет теперь одно из приятнейших мест прогулки. Кафедральный собор, построенный в самой высокой части города, несмотря на то, что сооружение его продолжалось в течение почти всего периода господства готического стиля, представляет замечательное единство в своем ансамбле; окно его фасада, над папертью, отличается редким великолепием; две башни, как почти во всех старинных английских соборах, не довольно высоки сравнительно с размерами корпуса здания. Йорк имеет над городами промышленного округа, гораздо более его обширными, то преимущество, что он обладает большим количеством богатств, завещанных прошлым, более интересными собраниями предметов искусства и науки, большим развитием умственной жизни, гораздо определеннее выразившеюся индивидуальностью. По своей общей физиономии, это город английский по преимуществу. Йорк—родина известного скульптора Флаксмана.

Суда в сто слишком тонн вместимости поднимаются вверх по Узе до Йорка; суда же значительно больших размеров могут ходить по этой реке только до городка Сельби, лежащего немного выше впадения в нее притока Дервент, который в верхнем своем течении омывает торговый город Нью-Мальтон. Но главный город этой провинции находится на берегу залива, образуемого рекою Гумбер, происходящею от слияния Узы и Трента: это—Кингстон-на-Гулле (Kingston-upon-Hull), называемый обыкновенно просто Гуллем, как та речка, при устье которой он построен. Гулль занимает, на восточном берегу Англии, положение аналогичное положению Ливерпуля на берегу западном. В то время, как порт реки Мерси, или Мерсея, находит, для своей торговли, питательный бассейн в промышленном округе Ланкашира, порт Гумбера служит складочным местом для произведений Йоркшира: первый перевозит хлопок и хлопчатобумажные материи, второй—шерсть и сукна. В некоторых отношениях Гулль пользуется даже большими выгодами, чем Ливерпуль: он находится, через лиман Гумбера, при выходе многочисленных судоходных рек, которые дают ему возможность легкого сообщения со всею центральною областью Англии; но если он поставлен в более выгодные условия по отношению к речной и каботажной торговле, то географическое положе-

ние его менее благоприятно по отношению к всемирному торговому обмену: он имеет перед собой лишь Германию, Норвегию и прибалтийские страны, тогда как Ливерпуль обращен лицом не только к Ирландии, но также к Африке и к Новому Свету.



Ливерпульскіе доки.

Это преимущество Ливерпуля, само собою разумеется, обнаружилось только после открытия Америки и основания отдаленных колоний, и в течение долгого времени Гулль превосходил по важности своего западного соперника. В четырнадцатом столетии он был

третьим портом Англии и следовал непосредственно за Лондоном и Бристолем. Он доставил флоту Эдуарда III против Франции шестнадцать кораблей с экипажем, состоявшим почти из пяти тысяч моряков. Когда Великобритания была еще страною, вывозившею хлеб за границу, то-есть до семидесятых годов прошлого столетия, барки, нагруженные разного рода хлебом, спускались длинными вереницами по всем рекам, впадающим в Гумбер, и Гулль был необходимым складочным местом для земледельческих продуктов, отправляемых в Голландию[1]. В настоящее время хлебная торговля происходит в обратном порядке: Гулль, пятый, по важности, рынок Англии, ввозит, преимущественно из Германии, Дании и Балтики, хлеб в зерне и муке, а также другие сельскохозяйственные произведения и скот; он получает из-за границы еще табак и шерсть, а взамен отправляет в другие страны всякого рода мануфактурные товары, производимые во внутренних городах и в его собственных промышленных заведениях, фабриках машин, прядильных и ткацких мануфактурах, заводах химических продуктов. Гулль находится в постоянных сношениях, посредством паровых и парусных судов, со всеми гаванями восточного прибрежья Англии и Шотландии, со всеми портами морей Северного, Норвежского и Балтийского. Он даже принял участие в торговле с Сибирью через свободный от льдов путь в Северном Ледовитом море, путь, если не открытый, то, по крайней мере, обследованный отважным шведским ученым Норденшельдом. В 1877 г. один купеческий корабль из Гулля прибыл в Тобольск с грузом каменного угля и керосина. Искусственные бассейны с шлюзами, или доки, из которых один был выкопан уже в 1778 году, всегда наполнены водой, и рейд, усиливаемый рекою, которая в этом месте имеет более 3 километров в ширину, усеян судами всякой величины. Кроме того, на верфях всегда увидишь в большом числе строющиеся корабельные кузовы, преимущественно кузовы железных пароходов и броненосных кораблей. В Гулле есть прекрасные общественные сады, музей, ученые общества. Этот город замечателен еще как месторождение Уильберфорса. Следующие цифры показывают движение судоходства и размеры внешней торговли в Гулльском порте.

Заграничная торговля Гулля в 1891 г.: прибыло 5.649 судов, вместимостью 2.590.811 т.; в том числе 2.359 судов в 502.940 тонн в каботажной торговле. Ценность привоза в 1891 г.—26.300.000 ф. стерл.; ценность отпуска—20.970.000 ф. стерл.; торговый флот Гулля в 1891 г.: 855 морских судов, вместимостью 237.534 тонны, и 527 рыболовных судов.

На север от Кингстона-на-Гулле, в бассейне этой небольшой реки, есть еще два города: Грет-Дриффильд и Биверли, или Биверлей; последний замечателен как единственный город, население которого было пощажено во время норманского нашествия. Ниже, на Гумбере, находим несколько передовых портов, между которыми самый важный Грет-Гримсби, на берегу Линкольншира. Речные наносы совсем было засорили этот порт, и часть его жителей принуждена была выселиться в другие места; но около половины текущего столетия предприняли обширные работы, имевшие целью расчистить фарватеры, выкопать шлюзованные бассейны или доки, построить складочные амбары и молы для приставания судов. В настоящее время Грет-Гримсби, снабженный всеми портовыми сооружениями, необходимыми большому приморскому рынку, посещается множеством судов разных национальностей и служит пристанью многим линиям правильного судоходства, парусного и парового, поддерживающего сношения с другими торговыми городами берегов Северного моря. Вместе эти три главные порта залива Гумбер, Гуль, Кингстон-на-Гулле, или просто Гулль, и Гримсби, представляют ежегодно движение мореходства, обнимающее более 5 миллионов тонн груза, а общая ценность их внешней торговли превышает полтора миллиарда франков. Движение судоходства и торговли в Гримсби в 1892 г.: прибыло в порт 1.822 судна, вместимостью 818.036 тонн. Внешняя торговля в 1891 г.: ввезено товаров из-за границы на сумму 5.851.255, вывезено британских произведений на сумму 8.261.835 фун. стерл. Коммерческий флот Гримсби в 1891 г.: 889 судов, вместимостью 73.614 тонн (в том числе 146 пароходов).

К югу от Грет-Гримсби, на скате высот, называемых Линкольнскими холмами (Lincoln-

1 Halley, „Atlas maritimus et commercialis", 1728.

Wolds), существует только один город—Лоут, лежащий верстах в 15 от моря, среди очень плодородных равнин, производящих в изобилии хлеб. Незначительные станции морских ванн этой части английского прибрежья мало посещаются публикой во время летнего сезона, по причине монотонного характера окружающей их местности; но на севере от Гумбера и полуострова Гольдернес красота пейзажей привлекает каждый год массу любителей природы. На берегу полукруглой бухты Фили, которую с одной стороны ограничивает величественный мыс Флемборо, возвышающийся на 200 метров над уровнем моря и изрытый пещерами, расположен двойной город Бридлингтон-Ки (Bridlington-Quay) и Бридлингтон, из зданий которого заслуживает внимания старинная монастырская церковь. Холмы, окружающие этот город, представляют прежние, постепенно поднявшиеся, морские берега и покрыты раковинами, которые, по исследованиям Гуина Джеффриза, все принадлежат к фауне арктической области. За мысом Флемборо (Flamborough-Head), на противоположной оконечности бухты, берег расстилается у основания другого, менее высокого мыса, который выступает с правильностью стрелы в юго-восточном направлении и продолжается длинною песчаною косой; ни одно место прибрежья не представляет более благоприятной позиции для основания большого порта, и уже много раз предлагали устроить тут военно-морскую станцию для защиты всего восточного берега Англии. На северо-западе от бухты Фли, у подножия крутых, почти отвесных утесов, похожих на стены, приютился главный купальный город восточного приморья, живописный Скарборо, построенный при выходе глубокого оврага, через который перекинут замечательно смелый мост, соединяющий две скалы на высоте 25 метров над уровнем бегущего по дну оврага горного потока; на вершине высокого мыса, господствующего над городом, стоят развалины нормандского замка, и с наружных стен его можно любоваться зрелищем морских волн, которые внизу, в расстоянии сотни метров, с шумом и пеной разбиваются о черные подводные камни. Скарборо уже в средние века был торговым городом; в настоящее время порт его, хорошо защищенный двумя жете, выдвинутыми в море метров на 400, может служить гаванью для больших судов; он принимает участие в каботажном судоходстве и в ловле сельдей. Коммерческий флот, принадлежащий этому порту, насчитывает (в 1895 г.) 113 судов, общая вместимость которых 15.438 тонн, а рыболовная флотилия состоит из 146 судов. Однако, главною причиною процветания Скарборо следует считать иногородних гостей, приезжающих сюда в большом числе пользоваться или морскими ваннами, или минеральными водами, которые бьют из земли в одном из кварталов города.

Город Уитби, лежащий при устье реки Эск, вытекающей из Клевлендских холмов, есть, как и Скарборо, в одно и то же время порт и станция морских ванн, и, подобно Скарборо, он находится в великолепной местности, где очаровательные ландшафты чередуются с величественными видами. Находясь в соседстве с месторождениями агата, Уитби естественно сделался центром фабрикации различных украшений из этого камня. Эта промышленность началась уже во времена доисторические, как о том свидетельствуют многочисленные находки, сделанные в могильных курганах, или «копанях» (hoes) на окрестных холмах. В средние века пилигримы, приходившие на поклонение святыне в аббатство Уитби, развалины которого существуют до сих пор, считали долгом уносить с собой, на память о своем посещении, крестики и четки из черного янтаря. Движение судоходства в порте Уитби в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом):

В приходе и отходе 985 судов, вместимостью 128.195 тонн; коммерческая флотилия (1895 г.) состоит из 131 морских судна, вместимостью в 67.180 тонн и 265 рыболовных судов.

Значительнейшие города бассейнов рек Юр, Суэль, Узы, Гумбера и Эск (в 1891 г.):

Графство Линкольн

Грет-Гримсби (county borough)—51.934 жит.; Лоут (municipal borough)—10.040 жит.

Графство Йорк

Западный округ (West Riding)

Йорк (county borough)—66.984; Гарроrет (local board)—13.917 жит.; Нерсборо (municip. borough)—4.650 жит.; Рипон (mun. borough)—7.511 жит.; Сельби (local board)—6.022 жит.

Восточный округ (East Riding)

Кингстон-на-Гулле (county borough) или Гулль—200.044 жит.: Биверли (mun. borough) —12.540 жит.; Грет-Дриффильд (local board—5.703 жит.; Бридлингтон (local board)—8.916 жителей.

Северный округ (North Riding)

Скарборо (municip. borough)—33.776 жит.; Уитби (local board)—13.075 жит.; Мальтон (local board)—4.910 жит.

IX. Бассейны рек Мерсей и Рибль

Графства Честер и Ланкастер

Эта область Великобритании имеет незначительное протяжение, но она—одна из тех провинций, где жители скучены в наибольшем числе, и где деревне угрожает наибольшая опасность окончательно исчезнуть под грудами кирпича, которыми человек так усердно покрывает ее.

	Пространство кв. километр.	Население в 1891 году, душ	Жителей на 1 кв. километр
Чешир	2.659	730.058	274
Ланкашир	4.887	3.926.760	803

Ланкастерское графство, или Ланкашир, само по себе заключает в своих пределах больше человеческих существ, чем всякое другое графство Англии, чем даже обширное Йоркское графство, тоже очень многолюдное, и чем графство Мидльсекс, которое обнимает самую значительную часть города Лондона. Если бы весь земной шар был так же густо населен, как Ланкашир, то человечество состояло бы из семидесяти шести миллиардов индивидуумов.

На первый взгляд кажется, что этот край не представляет никаких особенных преимуществ естественных или географических. Почва здесь посредственного плодородия, и даже, на западном склоне Пеннинских гор, обширные пространства земли остаются по сей день необработанными. Климат очень сырой в большей части этой территории; морские туманы, беспрестанно поднимающиеся, переносятся господствующими ветрами на скаты холмов и часто падают на землю в виде дождей. Морские берега, правда, иссечены в виде лиманов, где во время прилива вода поднимается на несколько метров выше своего обыкновенного стояния: но это—такия выгоды, которые принадлежат многим другим областям Англии. Главная причина изумительно быстрого развития и процветания Ланкашира—это громадные каменноугольные богатства, лежащие в недрах земли, и при том в соседстве с превосходным портом; благодаря этому последнему обстоятельству, могли установиться, еще гораздо легче, чем для каменноугольного бассейна Йоркского графства, удобные и скорые сношения между угленосною областью Ланкашира и всеми иностранными государствами: сырые продукты были привозимы прямо почти к тому самому месту, где они должны быть перерабатываемы и превращаемы в мануфактурные изделия; товарные склады, фабрики, копи минерального топлива—все соединено здесь на тесном пространстве. Энергическая инициатива жителей, их настойчивость сделали остальное. Ланкаширцы силой воли и уменьем пользоваться обстоятельствами не уступают своим соседям, жителям Йоркшира: они съумели извлечь поль-

зу из всего, что дает им их родина, превратить в источник прибыльного промысла множество выгод, оставляемых в других местах в пренебрежении. Так же, как население восточного ската Пеннинских гор, они упорно сохраняют свои особенные, местные наречия и говоры. В этом отношении констатирован тот замечательный факт, что всякая широкая река, всякий морской залив составляет здесь естественную границу между областными наречиями. Там, где поток воды может быть переходим в брод, или где устроен мост, язык населения один и тот же на обоих берегах; но он различается в тех местах, где жители противоположных берегов не имеют столь удобного сообщения друг с другом[1].

Честер, главный город этой области, лежит близ границы княжества Валлийского, на берегу реки Ди (Dee), которая в небольшом расстоянии ниже этого места превращается в лиман. Честер можно назвать Ливерпулем прежнего времени. Это—очень древний город, доказательством чего служат его имя, образовавшееся из латинского castrum (лагерь), римская дорога, называемая ныне Уэтлинг-Стрит, которая оканчивалась у этого пункта, и древности всякого рода, найденные в городе и его окрестностях: римляне дали этому поселению название Deva, которое носила в то время река Ди; они разработывали свинцовые рудники, находившиеся в соседстве, и в том месте найдены две свинцовых чушки, из которых одна содержит надпись, где можно прочесть имя Веспасиана[2]. Честер отличается от других городов Англии своими оригинальными улицами, высеченными, на подобие рвов, в живой скале, и своими высокими троттуарами, неодинаковой ширины и вышины, которые идут под арками или rows, перед первым этажом всех домов: низкие улицы, как полагают, были дороги, прокопанные в римском лагере между воротами крепостной ограды. Последняя была заменена впоследствии стенами, которые ныне превращены в бульвар, настолько широкий, что на нем могут идти три человека в ряд, и защищенный парапетом со стороны поля. Это неровное гульбище, то поднимающееся в гору, то спускающееся вниз, представляет ряд любопытных видов на город и его многочисленные церкви, на реку Ди, на окрестные поля и отдаленные горы княжества Валлийского. По бокам бывшей стены есть несколько башен, в одной из которых, как говорят, находился Карл I, наблюдая оттуда за битвой, происходившей на Роутонских ландах (в 1645 году) и окончившейся поражением преданного ему войска. Честер все еще портовый город, но обмелевшая река его, засоренная песком и замененная судоходным каналом, дает теперь доступ только мелким судам, а потому морская торговля этого города, впрочем, довольно важная, производится посредством каботажных судов. Движение судоходства в Честерском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе было 3.744 судна, вместимостью в 266.975 тонн; собственная коммерческая флотилия этого порта состояла из 124 судов, общая вместимость которых равнялась 9.980 тоннам. Честерские сыры, пользующиеся всемирной известностью, составляют один из главных предметов отпускной торговли этого города. В Честере живет множество приезжих, привлекаемых чистотою воздуха и удобствами жизни.

К востоку от р. Ди течет небольшая речка Уивер, которая впадает в лиман Мерсея, приняв перед тем значительное число ручьев, вытекающих из триасовых горных пород, изобилующих солью, как это часто бывает в пластах этой формации. Многие местечки: Нантвич, Нортвич, Мидльвич, Друатвич, имена которых оканчиваются кельтским словом wich или, вернее, wyche, отличным от wick (маленький залив, бухта), самым этим наименованием указывают на то, что они были основаны рядом с соляными источниками. Из этих городков Нантвич самый многолюдный; но наибольшее количество соли, добытой частию из ключей, частию из копей, доставляет на рынок другой городок, Нортвич. Глубоко залегающие пласты, откуда извлекают, с 1670 года, массы кристаллизованной соли, и чрез которые протекают подземные ручьи, растворяя мало-помалу соляной слой, имеют в совокупности около тридцати метров толщины; они тянутся на большом пространстве под этой страной и перерезаны во всех направлениях галлереями: хотя свод этого подземелья поддерживается ко-

1 James Pearson;—Nodal and Miller, „Glossary of the Lancashire Dialect“.

2 Ernest Desjardins, „Рукописные заметки“.

лоссальными соляными столбами, он, однако, обрушился во многих местах, вследствие чего верхний слой почвы опустился, более или менее низко, вместе с домами, которые на нем находятся. В годы деятельного торгового движения, соляные копи Чешира производят более миллиона тонн соли и доставляют Ливерпульскому порту немаловажную часть балласта, в котором так нуждаются судовладельцы, чтобы не отправлять своих кораблей порожними; таким образом нортвичские солекопы содействует, в значительной степени, процветанию порта реки Мерсей. Вывоз соли из лимана этой реки составлял в 1871 г.—1.055.750, в 1882 г.—844.535 тонн. Восточная Индия, Россия, Соединенные Штаты Северной Америки—вот те страны земного шара, которые получают из Чешира наибольшее количество соли, распиленной на большие четырехъугольные глыбы. Соляные копи Чешира, хотя они далеко не пользуются такой славой, как копи Велички, в Галиции, или как копи Галлейна и Гальштадта, в Австрии, имеют, тем не менее, несравненно более важное значение в торговом отношении.

Недалеко от Нантвича, в восточном направлении, лежит город Кру (Crewe), который, еще недавно, был земледельческим местечком, а теперь сделался одной из самых шумных фабричных групп Англии, благодаря тому обстоятельству, что общество северо-западных железных дорог выбрало эту станцию, где сходятся шесть железнодорожных линий, чтобы основать в окрестностях её целый промышленный город, в котором строятся и починяются его локомотивы и вагоны. Далее на север встречаем три другие мануфактурные города, Сендбач, Конглетон и богатый Мекльсфильд, построенный близ степей, заменивших прежние леса, на что указывает название Форест (Forest—лес), которое они носят до сих пор. Главные фабричные заведения Мекльсфильда—шелкопрядильные и бумагопрядильные мануфактуры.

Река Мерсей или Мерси (Mersey), которая превосходит все реки земного шара по количеству приводимых ею в движение фабрик и заводов, и воды которой изливаются в лиман, занимающий второе, после Темзы, место по числу собирающихся в нем кораблей, орошает, однако, очень небольшой бассейн, и протекающая в ней жидкая масса не превышает 40 куб. метров в секунду. Площадь бассейна р. Мерсей равняется 4.467 кв. километрам, а среднее количество дождевой воды, выпадающей в этом бассейне в продолжение года, составляет слой в 900 миллиметров толщиною. Но эта маленькая речная область заключает в себе два важнейшие, после Лондона, города Англии: Манчестер, могущественный промышленный центр, расположенный в верхнем бассейне реки, и Ливерпуль, первоклассный порт, охраняющий её устье.

Манчестер стоит не на самом Мерсее, но на одном из его маленьких притоков, реке Ирвель. Эта речка, служащая границей между двумя самостоятельные городскими общинами, Сальфордом (на западном) и собственно Манчестером (на восточном берегу), представляет скорее простой ров, имеющий вид сточной канавы: несмотря на то, манчестерцы съумели утилизировать эту речонку, так же, как и её маленький приток, извивающийся посреди города, чтобы наполнить шлюзованные бассейны, или доки, и образовать целую гавань, где теснится масса судов. Благодаря прорытию канала, соединяющего его с устьем Мерсея (устройство этого канала, длиною 57 километров, оконченного в 1894 г., стоило 15 миллионов фунт. стерл.), Манчестер сделался теперь приморским портом, тогда как прежде он должен был довольствоваться, для большей части отправляемого им заграницу товара, железными дорогами, соединяющими его с Ливерпулем. Старейшая из этих дорог есть первый по времени рельсовый путь, открытие которого, в 1830 году, послужило исходной точкой грандиозного промышленного движения, в которое постепенно увлечен был весь мир. Около середины своего протяжения она проходит через болота Чат (Chat Moss), зыбкую, подвижную почву, которая даже и в наши дни могла бы заставить инженеров призадуматься.

Город Манчестер появился на свет не со вчерашнего дня, как Брэдфорд, Мидльсборо и многие другие обширные фабричные группы Великобритании. Он существовал уже во времена римлян, которые называли его Mancunium, а начиная с четырнадцатого столетия на-

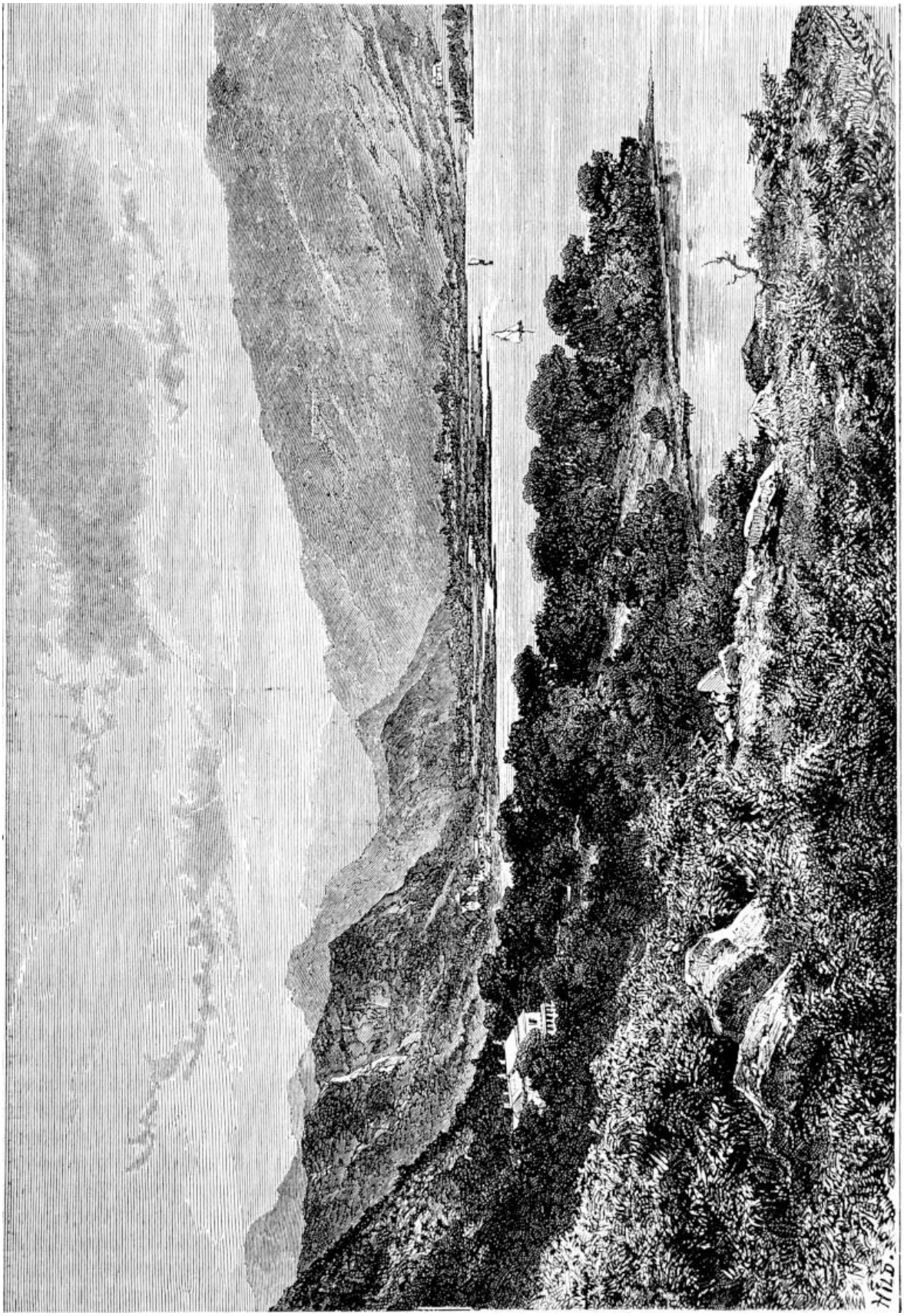
шей эры он стал известен своими мануфактурами тканей, которые были основаны фламандскими мастерами. После религиозных войн, он воспользовался также другими родами мануфактурной промышленности, которые принесли с собой протестантские эмигранты, переселившиеся с континента Европы; затем, в начале восемнадцатого столетия, он прибавил к своей шерстяной промышленности еще производство бумажных материй. В наши дни Манчестер славится в особенности как «метрополия хлопка», и его крупных негоциантов называют в шутку «хлопчатобумажными лордами», cotton-lords. Сотни всякого рода фабричных заведений, не считая менее важных мастерских, сгруппированы в самом городе и его окрестностях,—бумагопрядильни, мануфактуры сукон и шелковых материй, белильни, литейные заводы, фабрики машин; капиталы, находящие употребление в обширном промышленном механизме этого города, нужно считать сотнями миллионов, или даже миллиардами. Вот почему во всем свете нет города, где бы политика финансовых и коммерческих интересов проповедывалась и практиковалась с большим рвением, чем в Манчестере. Известно, что название «Манчестерской школы» (Manchester-School) дается партии, очень могущественной в Англии, которая рекомендует безусловный нейтралитет и невмешательство, мир во что бы то ни стало, для того, чтобы заграничные рынки постоянно оставались открытыми фабричным произведениям Ланкашира; и чтобы этот промышленный центр мог беспрепятственно продолжать свою попытку завоевывать постепенно весь свет. Но в эти последние годы надежды ланкастерских фабрикантов были несколько обмануты. Соединенные Штаты Северной Америки отняли у них не малую часть их американских покупателей, и даже Ост-Индия вступает в конкурренцию с своей метрополией по части производства бумажных тканей. Население Манчестера возрастает теперь медленно. Этот город, бывший прежде вторым в Англии по числу жителей, снизошел уже на степень третьего: Ливерпуль превзошел его многолюдством.

В Манчестере есть пышные общественные здания, свидетельствующие о богатстве его негоциантов и фабрикантов; некоторые из этих зданий действительно поражают великолепием и красотой архитектуры; таковы, в особенности, городская ратуша (town-hall), палата ассизного суда (assize-court), первая—в греческом, вторая—в готическом стиле. Обширные публичные сады, парк Александры, Пиль-парк, ботанический сад дают городу немного свежего воздуха, в котором он сильно нуждается. Манчестер хотел бы также получать, для своего продовольствия, чистую воду в достаточном количестве: хорошая вода, которою он уже ныне располагает, составляет около 110 миллионное литров в день, или 140 литров на каждого жителя города и его округа; но значительное количество этой воды употребляется на фабриках «бумажных лордов», и, следовательно, на долю восьми сот тысяч людей, живущих в исполинской аггломерации города и его окрестностей, приходится гораздо менее, чем по 140 литров. Поэтому город купил одно из озер Кумберленда, очаровательное Терльмир, и обратил его в резервуар для нового водопровода, стоившего миллионы фунтов.

Манчестер не исключительно деловой город; в нем существуют также многочисленные библиотеки (городская публичная библиотека содержит слишком 200.000 томов), ученые общества и большие учебные заведения, между прочим, медико-хирургическая школа. С 1880 года Манчестер есть местопребывание университета Виктории, к которому принадлежат основанная там в 1846 г. Робертом Оуэном коллегия (Owen's College), далее с 1884 г. университетская коллегия в Ливерпуле и с 1887 года йоркширская коллегия в Лидле. Оуэновская коллегия в 1892 году посещалась 1.009 студентами (в том числе 51 женщина). В Манчестере родился известный физик Дальтон.

Вокруг огромного города рассеяны многочисленные фабричные группы, составляющие отдельные общины, каковы Мос-Сайд, Бартон, Эккль, Уинтон, Минтон, Брадфорд, Дентон, Дройльсден, Фэльзворт, Гортон, Атертон, Кромпсоль, Опеншау, Пеннингтон, Уэст-Ли (West-Leigh), Суинтон и Пендльбери, Бедфорд, Прествич, Русгольм, Стретфорд, Ньютон-Гит; но все эти общины в действительности не что иное, как предместья Манчестера. Точно также каждый промышленный город этой области имеет своих спутников, и с каждым годом

все более и более уменьшается разделяющий их промежуток. На востоке от Манчестера, Аштон-под-Ляйном (Ashton-under-Lyne) постепенно приближается к Стэлибриджу, Дукинфильду и Мосли; на юго-востоке, Гайд, самый цветущий из всех мануфактурных городов



Дервентватеръ.

этого края, соединил 30.000 жителей там, где в начале текущего столетия не существовало даже самой скромной деревушки; город Глоссоп окружен селами и деревнями; то же самое нужно сказать о большом городе Стокпорте, лежащем к югу от Манчестера, на обоих берегах

реки Мерсей и в двух графствах, Чешире и Ланкашире. Далее на западе, тоже в Честерском графстве, встречаем два города, Альтрингам и Сэль, которые также окружены фабриками и селениями фабричных рабочих.

Города графств Чешир и Дербишир, в бассейнах рек Ди и Мерсей, имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году):

Графство Честер

Стокпорт (county borough), с частью его, лежащей в Ланкашире,—70.263 жителей; Биркенгед (county borough)—99.857; Мекльсфильд (munic. borough)—36.009; Честер (mun. borough)—37.105; Стэлибридж (mun. borough)—26.000; Уалласи (local board)—33.229; Гайд (local board)—30.670; Дукинфильд (local board)—17.408; Ронкорн (local board)—20.050; Конглетон(munic. borough)—10.744; Альтрингам (munic. borough)—12.424; Нантвич (local board)—7.500; Сэль (local board)—9.644; Сендбач (local board)—5.824 жит.

Графство Дерби

Глоссоп (munic. borough)—22.416 жителей.

Особенно на севере от Манчестера скучены во множестве плеяды мануфактурных городов. С одной стороны, мы видим большой город Больтон-ле-Мурс, исполинский улей, построенный среди степной, прежде пустынной, местности, и который теперь окружают города Фарнворт, Радклиф, Керсли, Галливель и другие филиальные группы того же промышленного центра. К востоку от этого города, где были применены на практике первые машины Аркрайта и Комптона, следуют города Бэри (Bury), родина Роберта Пиля, затем Мидльтон и Ройтон. Город Ольдгам, лежащий в области холмов, близ водораздельного хребта, по важности своей мануфактурной промышленности равен Больтону и, подобно последнему, продолжается рядом предместий к соседним городам, Кромптону, Уайтфильду: форма его напоминает тонкого паука, далеко протянувшего свои лапки. Наконец, далее на север, среди группы городов и местечек, из которых важнейшие Мильнроу, Бьюэрсиль, Гивуд, Тодморден, Литльборо, находится знаменитый Рочдэль, «Фланелевый город», где ткачи, «справедливые пионеры», в числе 28 человек, основали в 1844 г. первое кооперативное общество (Rochdale Equitable Pioneers), которое нашло столько подражателей в Англии и которое само сделалось одним из крупных финансовых обществ Ланкашира.

Ниже Манчестера, река Мерсей, усиленная водами притока Ирвель, проходит мимо г. Варрингтона, куда могут уже подниматься с низовья суда, вмещающие до 150 тонн груза, затем вступает в лиман, носящий её имя, у города Ронкорн, откуда отправляется за границу соль, добываемая в копях Чешира. (Движение судоходства в Ронкорнском порте в 1882 году, не считая каботажных судов с балластом: в приходе и отходе 3.694 судна, вместимостью 309.545 тонн). В этом месте Мерсей имеет уже 2.400 метров от берега до берега, и вскоре затем он еще более расширяется, чтобы развернуться к северо-западу в виде обширного полумесяца. На северном берегу сначала показывается маленький городок Гарстон, затем дома идут без перерыва один за другим и соединяются в сплошной город. Корабли, стоящие на якоре в рейде, или привязанные в доках, скрывают на половину здания за лесом своих мачт и снастей и за столбами черного дыма, поднимающагося из их труб: перед нами Ливерпуль.

Этот могущественный город приобрел первостепенную важность только в новейшие времена. Он даже не показан в списке городов и деревень, внесенном в Кадастровую книгу (Domesday-book) нормандских завоевателей. Имя его упоминается в первый раз только в 1172 году, когда Генрих II предпринял поход с целью покорения Ирландии и воспользовался заливом реки Мерсей для посадки своих войск на суда. В 1338 году, когда Эдуард III повелел произвести общее ополчение кораблей и моряков, Ливерпуль был еще так маловажен,

что на общее количество набираемых морских сил, состоящее из 700 кораблей и 14.141 людей, от него потребовали только одну барку с экипажем из шести матросов. Даже в 1571 г. жители Ливерпуля, умоляя королеву Елисавету об уменьшении налогов, говорят в петиции о своем городе, как о «бедном, пришедшем в упадок местечке»[1]. Около 1700 года население его не превышало еще 5.000 душ. Постепенное обмеление реки Ди, лимана Честера, обратилось на пользу Ливерпульскому порту, и с той поры его купцы стали богатеть и разживаться, главным образом через торговлю неграми. Живописец Фузелли, которому с гордостью показывали широкия, блестящие улицы, красивые памятники недавно выстроенных кварталов, выразился: «Кровь негров сочится из всех пазов этих каменных палат».

Одна из главных причин процветания Ливерпуля заключается в том, что этот город занимает как раз географический центр двух родственных островов—Великобритании и Ирландии: это естественный сборный пункт, фокус, в котором сходится все движение домашнего торгового обмена между Британскими островами. Это центральное положение представляет также большие выгоды для иностранной торговли, которая выбрала Ливерпуль своим складочным местом: из этого порта все товары могут быть удобно развозимы по разным частям страны. Более удаленный, чем Бристоль, от открытого моря, которое служит торговым путем в Америку, в Африку и в Индию, Ливерпуль вознаграждает это относительное неудобство другим преимуществом, состоящим в том, что он расположен на окраине каменноугольного бассейна, который сделался главным средоточием мануфактурной промышленности во всем свете.

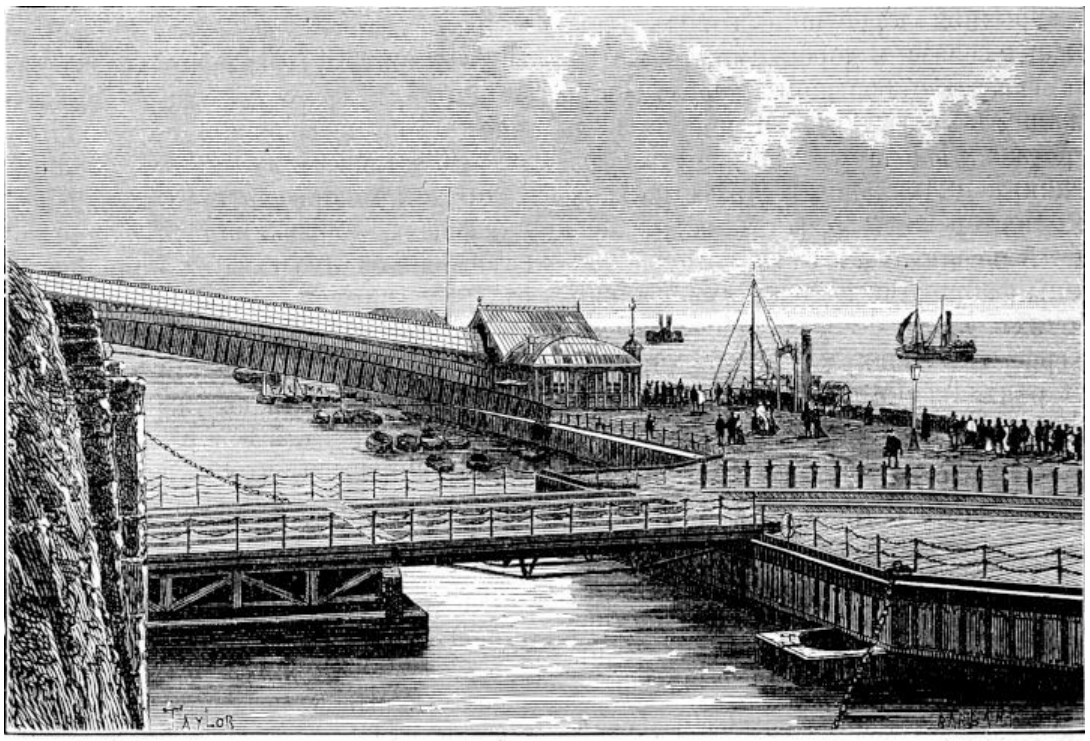
Доки, или искусственные шлюзованные бассейны, составляют главную достопримечательность, так сказать, чудо Ливерпуля. Никакой другой город в мире не обладает таким огромным пространством морской воды, замкнутой набережными и регулируемой в изменении уровня шлюзами. Много есть приморских городов, которые могут вместить в своих рейдах целые флоты; но мало найдется таких, которые могли бы, как Ливерпуль и Лондон, приютить в своих доках целые тысячи купеческих кораблей. В этом отношении Ливерпуль даже богаче Лондона, который он, впрочем, опередил и в деле устройства доков. Уже в 1709 году общественное управление Ливерпуля, в то время еще незначительного местечка, предприняло работы по углублению большего пруда, где находили пристанище приходящие суда. Этот первый искусственный бассейн был впоследствии засыпан, и на месте его воздвигнуты пышные здания; но, вместо одного уничтоженного бассейна, сорок других, более обширных и более удобных, были открыты для судоходства. В настоящее время ливерпульские доки тянутся двойным или даже тройным рядом впереди города, на пространстве 9 слишком километров, покрывая, вместе с окружающими их товарными магазинами, площадь в 426 гектаров, и обведены набережными, общая длина которых около 32 километров. Но и это огромное пространство, предназначенное для нагрузки и разгрузки купеческих судов, оказывается недостаточным Ливерпулю: устроили, кроме того, другие доки выше по реке перед городом Гарстоном; по другую сторону Мерсея, новый город Биркенгед, сделавшийся простым пригородом Ливерпуля, вместе с соседними общинами, Уалласи, Тренмир, Нью-Брайтон, также окаймлен шлюзованными бассейнами, из которых один самый обширный из всех искусственных бассейнов, куда проникает вода Мерсея: Биркенгедские доки имеют 67 гектаров жидкой поверхности, 15 километров набережных, а окружающие их складочные амбары покрывают пространство в 132 гектара. Средняя глубина всех этих бассейнов составляет от 5 до 8 метров. В ливерпульских доках установилось настоящее разделение труда в производстве торгового обмена: один из них принимает корабли из Соединенных Штатов Северной Америки, другой—корабли из Канады, третий—корабли из Индии, или с континента Европы, или из Китая и т.д.; одна набережная покрывается кипами хлопка, другая грузами хлеба, третья грузами табаку, фисташковых орехов, бочками пальмового масла. Иностранец, проводящий целые дни в осмотре доков и товарных складов на берегу лимана, посещает в действительности обширнейший и самый полный коммерческий музей или вы-

1 Weale, „Public Works of Great Britain".

ставку, где предметы представлены не простыми образчиками, но огромными массами, нагроможденными в амбарах.

В настоящее время Ливерпуль оспаривает у Лондона честь быть важнейшим торговым портом всего света. Он уступает Лондону по размерам привоза, так как столица, с её слишком пяти-миллионным населением, представляет гораздо более значительный центр потребления, и в нее направляются почти все грузы иностранных товаров, подлежащих оплате таможенной пошлиной; но Ливерпуль, как складочное место больших мануфактурных городов Англии, превосходит Лондон и всех других своих соперников по ценности отпускной торговли.

Впрочем, в последние годы ценность вывоза за границу британских произведений из этого порта значительно уменьшилась, именно с 104,5 в 1890 г. до 78,2 фунт. стерл. в 1894 г.



Пловучая набережная въ Ливерпулѣ.

Экспорт иностранных и колониальных продуктов в 1894 г. простирался до 10,5 миллионов. Привоз из-за границы и британских колоний составлял, по ценности, 95,13 миллионов (в 1891 г. 115 миллионов фунт. стерл.).

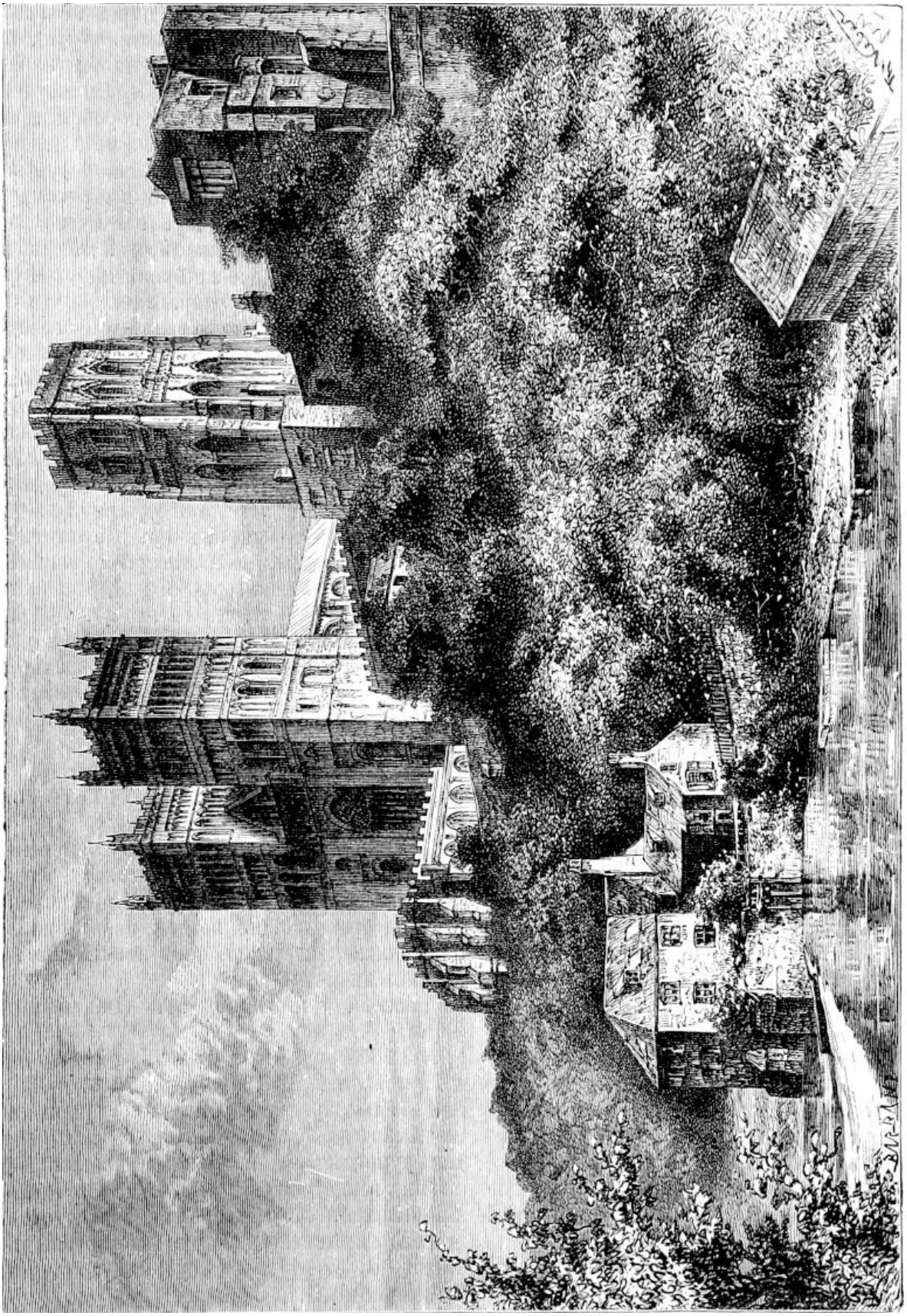
Хотя Ливерпуль занимает лишь второе место по числу и общей вместимости судов, зато он играет первенствующую роль по количеству парусных и паровых судов дальнего плавания; точно также коммерческий флот, принадлежащий Ливерпулю, по вместимости почти на 400.000 тонн превосходит купеческий флот Лондона. Ливерпульским судовладельцам принадлежит почти четверть всего торгового флота Соединенного Королевства, т.е. количество судов по вместимости более значительное, чем флот второклассной морской державы, какова Франция или Германия. Движение судоходства в Ливерпульском порте в 1894 году представляло следующие цифры:

Прибыло 17.115 морских судов, вместимостью 8.266.646 тонн; вышло 17.203 судна, вместимостью 8.340.045. тонн.

Собственный торговый флот Ливерпуля в 1894 г.: 2.242 морских судна, вместимостью 2.100.565 тонн (в том числе 974 парохода в 1.145.001 тонн) и, кроме того, 253 рыболовных судна.

Ливерпуль—важнейшая пристань для трансатлантических пароходов. Чтобы облегчить пассажирам доступ к городу, придумали устроить в Мерсее пловучую набережную (floating

pier), в несколько сот метров длиною, которая поднимается и опускается с приливом и отливом и соединяется посредством наклонных мостов с каменными набережными города. Почти всегда у этой пловучей набережной стоят пароходы и корабли, и масса публики толпится на



Дургамскій каѳедральный соборъ.

ней, как на площади.

В 1720 году торговля Ливерпуля не составляла даже сороковой доли всего коммерческо-

го обмена Англии; через сто лет после того, она равнялась уже шестой части этого обмена; в настоящее же время порт Мерсейского лимана один отправляет почти половину всех вывозимых за границу произведений Британских островов. Успехи торговой деятельности Ливерпуля могут быть измеряемы возрастанием его населения, которое ушестерилось с 1800 года, увеличилось во сто раз с начала восемнадцатого столетия; в последнее время Ливерпуль, как известно, опередил в этом отношении даже Манчестер. Благодаря удобствам, которые он представляет коммерческим операциям, Ливерпуль успел монополизировать некоторые роды торговли; так, почти весь хлопок, не только из Соединенных Штатов, но также из других стран земного шара, отправляется в склады Мерсейского лимана и уже оттуда развозится по Европе. Привоз хлопка в Ливерпуль составлял:

В 1782 г.—200 тонн; в 1860 г. 620.954 тонны; в 1882 г.—740.672 тонны: в 1894 г.—1.440.000 тонн.

Недавно, когда число переселенцев из Европы в Новый Свет считалось сотнями тысяч, наибольшая доля участия в перевозке этих добровольных изгнанников принадлежала также Ливерпулю, как показывают следующие цифры:

Движение эмиграции из Ливерпульского порта:

В 1851 г.—206.000 лиц; в 1873 г. 232.885 лиц; в 1879 г. 117.917 лиц.

Главные предметы отпуска составляют: каменный уголь, соль, ножевый товар, оружие, инструменты и машины, фаянсовая посуда, ткани всякого рода, при чем и собственная промышленность Ливерпуля содействует до некоторой степени развитию его торговых сношений. В этом городе существуют чугунно-литейные и медно-плавильные заводы, фабрики орудий и машин, мыловаренные и пивоваренные заводы; особенно важны из промышленных его заведений кораблестроительные верфи, расположенные по обе стороны реки Мерсей (в 1873 году на этих верфях было построено 29 пароходов, вместимостью в 33.507 тонн, и 17 парусных судов, вместимостью 12.164 тонны).

В Ливерпуле есть несколько монументальных зданий; как всякий большой город, он имеет музей, зоологический и ботанический сады, обширные парки, из которых один, находящийся на южной стороне города, раскинут на пространстве 156 гектаров. Одно из кладбищ, для устройства которого воспользовались старыми каменоломнями, где стены изрыты катакомбами, также составляет одну из достопримечательностей города. До недавнего времени Ливерпуль, слишком быстро ростущий, не получал в достаточном количестве необходимой для его населения чистой воды. Многочисленные резервуары, поддерживаемые огромными запрудами, занимают небольшие долины на плато, которое находится в 40 километрах от Ливерпуля, недалеко от Больтон-ле-Мурса, и собирают дождевые воды, падающие на пространстве около 4.000 гектаров. Переходя последовательно из бассейна в бассейн, эти воды постепенно очищаются и служат для водоснабжения Ливерпуля и окружающих его городов; но вода, проведенная из этих искусственных озер (поверхность Ривингтонских бассейнов составляет около 248 гектаров, а объем содержащейся в них жидкой массы исчисляется в 19.390.000 куб. метров), которые уже стоили более 60 миллионов франков, была недостаточна для продовольствия 700.000 жителей: вместе с водой, получаемой из нескольких фонтанов, она дает только по 129 литров в день на каждого жителя, да при том значительная часть этой жидкости употребляется для целей промышленности[1]. Вследствие этого, часто предлагали купить для города Ливерпуля или озеро Бала, или истоки реки Северн в княжестве Валлийском, или, наконец, одно из Кумберлендских озер, Уиндермир, Уллесуотер или Гоэсуотер. Все эти проекты были оставлены в пользу другого плана, состоявшего в том, чтобы преобразовать в озеро верхнюю долину реки Вирньи или Вернью, притока Северна, которая берет начало в 16 километрах к югу от озера Бала.

План этот теперь приведен в исполнение. Главный резервуар нового водопровода находится в 10 килом. от озера Бала, при истоках Вирньи и на высоте 238 метр. над уровнем моря. Оттуда проведен водопровод длиною 108 килом. через Освестри и Прескот в Ливер-

1 Charles Beloe, „The Liverpool Waterworks".

пуль.

Ливерпуль приводит теперь в исполнение другие обширные и дорого стоющие проекты. Так, он устраивает новые доки и, кроме того, с 1866 года занимался, не торопливо, проведением обыкновенной дороги и рельсового пути через туннель под рекой Мерсей, для соединения своего пригорода Биркенгед с берегом Ланкашира; предприятие это было окончено в 1886 г.: длина туннеля превышает километр. Но Ливерпулю нужно еще многое сделать, чтобы улучшить свои санитарные условия. Из 10.000 детей, которые родятся живыми в Ливерпуле, только 5.396, т.е. немного более половины, достигают пятилетнего возраста[2]; около двадцати тысяч его жителей не имеют другого местопребывания, кроме подвалов. Нищета, постоянный прилив и отлив моряков всех наций делают из Ливерпуля один из главных вертепов разврата и преступления. Среднее годовое число арестов доходит здесь до 50.000, что составляет один арест на каждый десяток жителей: такой огромной пропорции мы не встречаем ни в каком другом городе Европы.

В соседстве с Ливерпулем и с Биркенгедом рассеяно множество городов и местечек. На оконечности Чешира, там, где возвышается форт, защищающий вход в Мерсейский лиман, находится Новый Брайтон (New Brighton), город дачной жизни и морских ванн, близ которого, на морском берегу, бьет фонтан чистой воды, покрываемой в часы прилива слоем соляной влаги. На противоположном берегу приютился городок Ватерлоо. Город Токстет-Парк в действительности есть предместье, расположенное между Ливерпулем и Гарстоном недалеко от р. Мерсея. На севере и на востоке от Ливерпуля сгруппированы города Бутль, Линакр, Уальтон-на-горе (Walton-on-the-Hill), Уэст-Дерби, Уиднес, Уэвертри, Прескот, Сент-Эленс, Инс, Ньютон-в-Мекерфильде. В Сент-Эленсе есть обширная зеркальная фабрика.

Бассейн реки Рибль имеет меньшее протяжение, нежели речная область Мерсея, но он также заключает весьма значительное население и много больших мануфактурных городов; его каменноугольные копи тоже окружены многочисленными фабричными группами. Центральный город этого бассейна, Блекберн, есть один из тех почерневших от дыма городов, где беспрестанно раздается стук паровых машин; да и соседния местечки, из которых важнейшее Освальдтайль, имеют не более приятный вид, чем их главный город. Но, по крайней мере, эти городки окружены живописными высотами, так же, как Акрингтон, Падигам, Гаслингден, Бернли, Нельсон, Клейтон-ле-Мурс, Бакуп, Кольн, лежащие выше к востоку, в долинах Пеннинских гор. На севере, город Клитеро, построенный на реке Рибль, при выходе ущелья, также расположен в очаровательной местности. В направлении от Блекберна к Ливерпулю мануфактурные города лежат очень близко один от другого; здесь следуют по порядку: Овер-Дарвен, Чорлей, Уиган, Гиндлей. Близ Уигана находится каменноугольная копь, самая глубокая в Ланкашире и во всей Великобритании: она спускается на 74 метра от поверхности земли; температура там постоянная и равна 34° стоградусного термометра. Общая добыча каменного угля из 385 копей Ланкастерского графства составляла в 1892 г. около 15 с четвертью миллионов тонн. На западе от Уигана, среди низменных земель, отделяющих Мерсейский лиман от лимана реки Рибль, встречаем большой рынок Ормскерк, который можно считать частью городского округа Ливерпуля.

Города Ланкашира в бассейне реки Мерсей,—не считая townships,—имеющие более 5.000 жителей (в 1891 году):

Ливерпуль (county borough)—517.980 жит.; Ливерпуль, со всеми предместьями—697.000. Манчестер (county borough)—505.368; Сальфорд (county borough)—198.136; оба—703.504; Больтон-ле-Мурс (county borough)—115.002; Ольдгам (county borough)—131.463; Сент-Эленс (county borough)—71.288; Рочдэль (county borough)—71.458; Бэри (Bury) (county bor.)—57.206; Уаррингтон (mun. borough)—41.500; Аштон-под-Ляйном (mun. borough)—40.494; Уэст-Дерби (local board)—34.000; Гортон (local board)—15.215; Гейвуд (local board)—23.185; Бартон, Экльс, Уинтон, Минтон (local board)—29.633; Ньютон-Гит (local board)—29.200; Бутль (county borough)—49.217: Мидльтон и Тондж (local board)—

2 Williatn Farr, „Annales de Demographie Internationale".

22.162; Уиднес (local board)—25.000; Суинтон с Пендльбери (local board)—21.637; Фарнворт (local board)—23.750; Тодморден (local board)—24.725; Инс в Мекерфильде (local board)—19.255; Стратфорд (local board)—19.000; Радклиф (local board)—20.015; Опеншау (local board)—23.927; Мослей (local board)—14.162; Уайтфильд (local board)—9.050; Галливель (local board)—11.000; Ньютон в Мекерфильде (local board)—12.860; Литльборо (local board)—10.878; Гарстон (local board)—13.444; Уэвертри (local board)—11.095; Ройтон (local board)—13.395; Атертон (local board)—15.833; Рушгольм (local board)—10.696: Кропмтон—9.800; Брадфорд (county borough)—216.360; Прествич (local board)—10.485; Дройльсден (local board)—9.482; Бедфорд (local board)—28.023; Уальтон-на-горе (local board)—18.535; Тильдеслей с Шеккерлей (local board)—10.000: Буэрсиль (local board)—7.000; Ормскерк (local board)—6.650; Ватерлоо с Сифортом (local board)—9.115; Прескот (local board)—6.745; Кирслей (local board)—7.250; Фельсворт (local board) 10.425; Уэст-Ли (local board)—7.845; Токстет-Парк (local board)—21.046; Мильнроу (local board)—8.046; Пеннингтон (local board)—6.640; Крумпсаль (local board)—8.155; Горст (local board)—6.385; Мосс-Сайд (local board)—23.833; Дентон (local board)—7.660.

Престон,—или, как его называют, «Горделивый Престон», Proud Preston,—величественно расположенный в том месте, где Рибль начинает расширяться в лиман, есть самый многолюдный город во всем бассейне этой реки. В то же время это первокласный мануфактурный город, в особенности по фабрикации хлопчатобумажных материй, и коммерческий порт; у набережных его постоянно теснятся купеческие суда; в этом городе имела место в 1853 и 1854 годах стачка рабочих, одна из самых значительных какие бывали в новейшие времена; она продолжалась семь месяцев. Как порт реки Рибль, Престон, может быть, сменил римскую станцию Ригодунум, известную впоследствии под именем Рибчестера и лежащую в 18 километрах вверх по реке. На полуденном берегу лимана, сильно расширившагося, и среди дюн, с давних пор укрепленных, выстроился другой торговый город, Соутпорт, посещаемый в летнее время довольно большим числом купающихся в море.

Ланкастер, который сообщил свое имя Ланкаширу, получив его сам от маленькой речки Люн или Лен (Lune, Lun), омывающей его стены, лежит на севере графства, вдали от центра промышленности и населения. Теперь он столица графства только по имени, хотя и сохранил еще некоторые преимущества, как герцогский город. Он построен на месте военного поста римлян, который, как полагают, назывался Longovicium; над городом господствует замок, в котором признавали кое-какие остатки античных строений, но который недавно перестроен с большими издержками для того, чтобы поместить в нем судебные места, тюрьму, казармы. Ланкастер, имя которого связано со многими важными событиями в междоусобных войнах Англии в средние века, теперь представляет мирный торговый город; суда, вмещающие до 300 тонн груза, могут подниматься по реке до самых его набережных; приморский же порт его, Флитвуд, лежит на северо-западе, при входе в бухту Моркомб. Движение судоходства в этих двух портах (при чем не приняты в рассчет каботажные суда с балластом):

В Ланкастерском порте(1882 г.): в приходе и отходе 777 судов, вместим. 118.650 тонн; коммерческая флотилия Ланкастера—67 судов, вместим. 10.275 тонн; в порте Флитвуд (1891 г.): в приходе 1.710 судов, вместимостью 487.040 тонн; собственная флотилия Флитвуда: 118 морских судов в 12.049 тонн и 102 рыболовных судна.

Как все почти города этого графства, Ланкастер принимает участие в мануфактурной промышленности: в нем также существуют фабрики хлопчатобумажных тканей, так что он может быть рассматриваем как отдаленный пригород Манчестера. Железная дорога, идущая из Флитвуда, соединяет Ланкастер с Пультоном, приморским предместьем, построенным на берегу бухты Моркомб и которое посещается в летнее время большим числом купающихся в море; но из находящихся в окрестностях приморских городов всего более привлекает посетителей Блекпуль (Blackpool), лежащий на северной стороне лимана реки Рибль, на холме,

откуда можно созерцать воды Ирландского моря.

Города бассейнов рек Рибль и Люн, имеющие свыше 5.000 жителей (в 1891 году):

Престон (county borough)—107.543 жит.: Блекборн (county borough)—120.064; Бернлей (county borough)—87.058; Уиган (county borough)—55.013; Акрингтон (local board)—38.603; Овер-Дарвен (local board)—34.192; Соутпорт (mun. borough)—41.410; Ланкастер (mun. borough)—31.040; Бакун (local board) 23.498; Чорли (local board)—23.090; Гиндли (local board)—18.975; Освальдтайль (local board)—13.296; Клитеро (mun. borough)—10.815; Гаслингден (local board)—13.600; Колын (local board)—14.025; Падигам (local board)—l 1.301; Блекпуль (local board)—23.846; Нельсон (local board)—22.700; Клейтон-ле-Мурс (local board)—6.700 жителей.

X. Север Англии

Кумбрийские горы, бассейны рек Эдена, Тиса и Тайна

Кумберленд, Уэстморленд, Дургам, Нортумберленд, остров Мен

Эта часть Англии обнимает естественную область, составляющую переход между севером и югом Великобритании. Заключенные между двумя морями, провинции Кумбрия и Нортумбрия имеют столь же ясные пределы и на юге, где они ограничены—с одной стороны лиманом реки Тис, ас другой—большим заливом Моркомб, который разветвляется на множество бухт и бухточек, врезывающихся в массу Кумбрийских или Кумберлендских гор. К северу от этих высот другой залив, Сольвэй-Ферт, проникает глубоко внутрь материка, километров на 100 по прямой линии от Северного моря: расстояние между двумя приливными волнами, которые, с той и другой стороны, поднимаются вверх по течению рек, не превышает 80 километр.

Пеннинская горная цепь, начинающаяся на севере Дербишира и ограничивающая на западе бассейны Трента и Узы, продолжается на север между водоскатами рек Тиса и Эдена и тянется до соединения с шотландскими холмами, известными под именем Чевиотских (Cheviot-Hills). В этой северной части Пеннинской цепи находится самая высокая её гора, Крос-Фелль. Но на западе поднимаются еще более высокие вершины: это—горы Кумберленда, состоящие из гранитных пород и из переходных формаций. Эта горная группа, почти уединенная, связанная с холмами так называемого «Станового хребта» порогом, который, повидимому, составляет часть области равнин, имеет вершины, Скау-Фелль, Гельвеллин, Скиддау, достигающия без малого километра в высоту: это—самые величественные пики Англии в собственном смысле. Вот точная высота главных вершин северных графств:

Крос-Фелль (Пеннинская цепь)—936 метр.; Скау-Фелль (Кумбрийские горы)—985 метр.; Гельвеллин (Кумбрийские горы)—931 метр.; Скиддау (Кумбрийские горы)—921 метр.

Поднимаясь непосредственно над морем и над роскошными, зеленеющими равнинами, расстилающимися вдоль морского берега, эти горы, с которых в ясную погоду можно обозревать все Ирландское море с холмами, окаймляющими его берега, кажутся тем более величественными, что на склонах их ясно виден контраст двух климатов: внизу ростут фруктовые деревья, выше идет пояс хвойного леса, а на верхушках виднеется только мох да короткая трава, которую могут щипать лишь зубы овец и коз. При том верхния части гор покрыты зеленью только в продолжение шести месяцев в году: зимой и весной они имеют белый цвет от снега, или рыжеватый во время таяния снежного покрова. Эти горы, обращенные к юго-западному ветру, получают атмосферную влагу в огромным количествах, превышающих, в среднем выводе, 2 метра в год и даже 3 метра в некоторых цирках или котловинах, куда спускаются облака: случалось, что в течение одного года выпадало из атмосферы до 5 метров

воды. Эти атмосферные осадки (летом дождь, зимой снег) падают в виде сильных ливней или страшных метелей: в самые холодные месяцы нет никакой возможности добраться до вершин; самые смелые пастухи не соглашаются в это время ни за какие деньги совершить восхождение на верхние склоны, чтобы посмотреть показания дождемеров[1].

Эти обильные дожди и снега, падающие на плотные, мало проницаемые горные породы, стекают с гор многочисленными ручьями и ручейками, воды которых скопляются в долинах в виде удлиненных озер, похожих по форме на бухты, которыми изрезано прибрежье; простое изменение уровня в том или другом направлении могло бы преобразовать бухты в пресноводные озера, или озера в морские бухты; впрочем, геологи пришли к убеждению, что в прежния времена, до поднятия страны, многие из этих озерных бассейнов действительно были фьордами (firths), подобными разветвлениям залива Моркомб. Эти озера составляют славу Англии, не только по причине их чистой, прозрачной воды, лугов и лесков, окаймляющих их берега, живописных скал и островов зелени, которые отражаются в их зеркальной поверхности, но также благодаря поэтам, которые их воспели и прославили. Воды Кумберленда породили особую литературную школу, так называемую школу лакистов или «озерников», которая, как и всякая школа, заключает в себе, рядом с искренними поэтами, воспевавшими то, что они действительно чувствовали, много скучных подражателей, отыскивающих природу не в самой природе, а в произведениях своих предшественников. Имена Вордсворта, Кольриджа, Соути, Куинси, мисс Мартино навсегда связаны с именами кумберлендских озер Уиндермир, Терльмир, Дервентватер, Уллесватер. Следующая таблица показывает высоту положения, площадь и глубину главных озер Кумбрийских гор:

	Высота, метр.	Площадь, кв. килом.	Глубина, метр
Уиндермир (Винандермир)	41	20	73
Уллесватер	116	8	64
Конистон	45	5	53
Уаствatер (Уэстватер)	62	4	76
Гауэсватер	135	2	70
Круммокватер	73	3	41
Дервентватер	69	7	22
Бассентуэтватер	64	6	21

Все эти озера, получая гораздо большее количество воды, чем сколько теряют путем испарения, изливаются через ручьи либо в реки Эден или Дервент, либо непосредственно в море. Промышленность еще не завладела их чистыми водами для приведения в движение колес фабричных машин, и на окраинах их еще не возникли мануфактурные города; но художники, основавшие свою резиденцию в озерной области, и любители красот природы, предпринимающие поездки на живописные берега, описанные в поэтических произведениях лакистов, едва-ли успеют охранить эти восхитительные горные озера от захватов алчных промышленников: движущая сила каждого ручья отныне исчисляется уже количеством паровых лошадей. Крупная фабричная промышленность уже водворилась в группе Кумбрийских гор и мало-по-малу пробирается внутрь края.

Область Кумберленда также заключает в глубинах почвы весьма важные залежи каменного угля, которые тянутся вдоль морского прибрежья, на юг от Сольвейского залива. Эти залежи некогда соединялись, в виде непрерывных слоев, с пластами Нортумберлендского и Дургамского бассейна; но потом они были отделены от этого бассейна вследствие взбросов и размываний: в недавние геологические периоды, каменный уголь, находившийся на нынешнем протяжении Пеннинской цепи, был постепенно размыт и унесен водами[2]. Каменноугольные копи Кумберленда замечательны в особенности своими галлереями, идущими под ложем моря. На широте Уайтгевна подземные ходы тянутся на 3 слишком километра по прямой линии от берега и почти на глубине 200 метров под поверхностью морских вод. Вся

1 J. Fletcher Miller, „Philosophical Transactions", 1851.

2 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain".

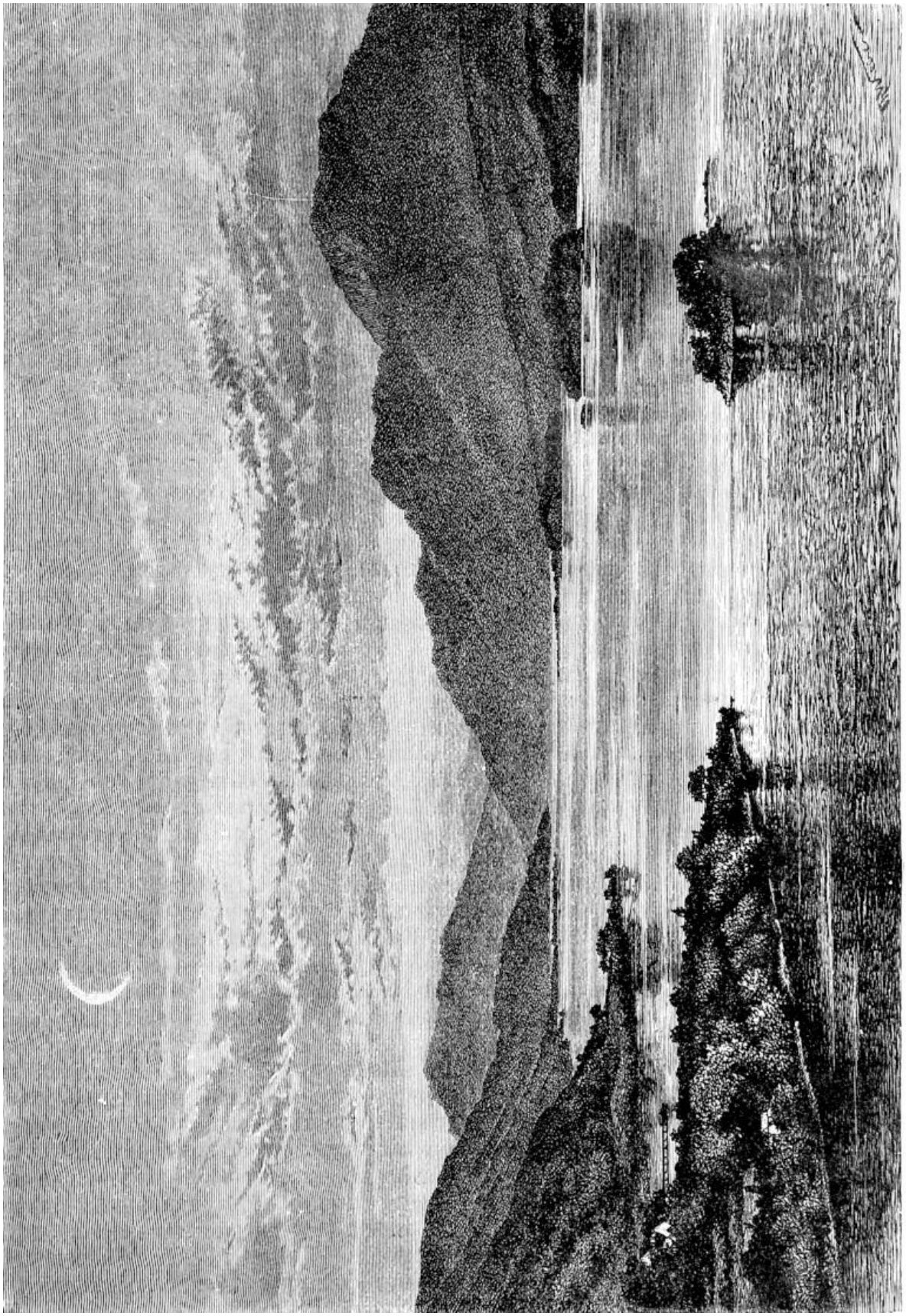
сеть этих ходов, над которыми движется жидкая масса океана, имеет, вместе с поперечными галлереями, несколько сот километров протяжения. Ежегодная добыча угля из Уайтгевенских копей составляет около 1.400.000 тонн. Толщина свода, поддерживающего воды моря, различна, изменяясь от 70 до 220 метров, что вполне достаточно, чтобы устранить всякую мысль об опасности; кое-где, однако, соляная вода иногда просачивается в копи, но это не сопровождается никакими несчастиями, так как рудокопы тотчас же законопачивают все щели, образующиеся в потолке галлерей. Только в Уоркингтонской копи, которая шла под морем почти на 1.500 метров от берега, потолок был слишком непрочен, чтобы выдержать напор налегавшей сверху жидкой массы. 30 июня 1837 года крыша вдруг уступила давлению воды, копь была залита, и едва несколько рабочих успели спастись от преследовавшего их потопа. В настоящее время, одна из галлерей продолжается под водой на 2.928 метров от берега[1]. Количество каменного угля, которое еще может быть извлечено из залегающих под морем пластов, исчисляется в 100 слишком миллионов тонн.

Каменноугольный бассейн Нортумберленда и Дургама, прерываемый через известные промежутки параллельными стенами базальта, есть наиболее деятельно разработываемый бассейн во всем свете: он один производит вдвое больше минерального топлива, чем вся Франция; из этого округа город Лондон получает наибольшее количество потребляемого им угля. Четыре копи в окрестностях города Дургама доставляют каждая слишком 1.500.000 тонн угля в год. Добыча минерального топлива: из копей Нортумберленда (1894 г.)—9.540.000, из копей Дургамшира (1892 г.)—23.800.000 тонн. Девять главных пластов, которые разработываются на водоскате рек Тиса и Тайна, содержат еще по меньшей мере от 8 до 10 миллиардов тонн легко эксплоатируемого угля[2],—количество, достаточное для того, чтобы снабжать рынок этим продуктом и определять его цены еще в продолжение сотен лет; пласты продолжаются далеко под морем, и статистики вводят в свои приблизительные исчисления будущую эксплоатацию этих слоев земляного топлива до расстояния 5 километров от берега[3]. Разработка залежей каменного угля и, в долине реки Тис, месторождений железной руды привлекли в этот край значительное население. Города расположены здесь очень близко один от другого; суда теснятся в рейдах и вдоль набережных приморских портов; даже в Англии мало найдётся провинций, где бы промышленность делала столь быстрые и огромные успехи.

А между тем эта местность в течение длинного ряда веков была одною из самых бедных и наименее населенных областей Великобритании; это была страна продолжительных войн и внезапных набегов: даже во время мира жители должны были постоянно быть настороже. Причина этого была та, что исторический путь между Англией и Шотландией проходил именно в Нортумберленде, следуя по восточному склону Пеннинских и Чевиотских гор. С западной стороны высоты слишком круты, естественные оборонительные пункты слишком многочисленны, чтобы движение армий могло совершаться без затруднений; военные дороги пролегали, естественно, через восточные, более пологие скаты горных цепей, вследствие чего эта территория часто была опустошаема войсками. Обширные пространства оставались даже совершенно пустыми: это были своего рода «мархии», или марки, подобные тем, которые отделяли на континенте Европы соседние, постоянно воевавшие между собой народы, каковы авары и германцы, славяне и пруссы. Во многих местах лайды, очень обширные, напоминают еще войну, которая непрерывно существовала между двумя государствами, и старинные здания, которые встречаешь в деревне, все построены таким образом, чтобы могли выдержать осаду. Чем более приближаешься к шотландской границе, тем чаще встречаешь оборонительные башни; не только замки феодальных баронов, но даже простые усадьбы фермеров, церкви, монастыри были укреплены; в очень многих древних замках нижние этажи не имеют никакого отверстия, так что входить туда можно было только при помощи лест-

1 Smyth,—Hull, „Coalflelds of Great Britain“.
2 Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“.
3 Ramsay,—Eliot,—Forster,—Hull.

ниц—до такой степени обитатели их боялись неожиданного нападения; впрочем, постройки этого рода существовали в средние века почти во всех странах, часто опустошаемых войнами. Около северных пределов Англии последнюю оборонительную башню находим в Йорк-



Лохъ-Ломондъ и Бенъ-Ломондъ.

шире, близ южного берега реки Тис: только на этом расстоянии от границы Шотландии ан-

глийские поселенцы считали себя в безопасности от внезапного нападения[1].

Границы между двумя странами, Англией и Шотландией, часто изменялись под влиянием войн. Нынешняя пограничная линия проведена в пользу государства, располагавшего более значительными вооруженными силами. Начинаясь у Сольвейского залива, эта линия направляется на северо-восток, захватывает гребень Чевиотских холмов, затем, вместо того, чтобы идти прямо к морю через ближайший мыс, она вдруг поворачивает на север, чтобы следовать по нижнему течению реки Твид. Самая естественная граница та, которую начертали римляне, построив от берегов Сольвейского залива до устья реки Тайн вал, который составлял на севере их провинций вторую оборонительную линию. Эта стена, построенная Адрианом и сопровождаемая на всем её протяжении военной дорогой, была еще в конце шестнадцатого столетия довольно хорошо сохранена; в наши дни от неё видны только кое-где каменные глыбы, из которых иные имеют от 2 до 3 метров в вышину; но и теперь еще можно проследить направление её, по крайней мере во всей её восточной части, где, благодаря средневековым войнам, страна осталась необработанной: на западе плуг земледельца уничтожил почти везде древние укрепления, так что с большим трудом можно было отыскать места, где находились римские станции[2], но в некоторых местах до сих пор еще тянутся на необозримое пространство древние рвы, поросшие мелкой травой, на которой пасутся стада овец. Развалины моста о двух устоях на Северном Тайне составляют один из главных остатков древней стены. Раскопки доставили антикварiям множество медалей и надписей, которые отчасти рассказывают местную историю и преимущественно историю римского господства на острове Британии[3]. Адрианова стена имела от 2 до 3 метров толщины, а средняя высота её равнялась пяти с половиною метрам; перед валом, на северной стороне, был выкопан ров шириною в 11 и глубиною в 4 метра; с южной стороны был проведен другой ров, менее широкий, обведенный окопами из земли и камня; военные станции, крепости, наблюдательные посты следовали друг за другом вдоль вала, через небольшие промежутки. Город, у которого оканчивалась эта длинная стена, на восточной стороне, носит имя Уольсэнда (Walls-End или Wallsend), означающее «конец вала»; расположенный среди каменноугольного бассейна берегов Тайна, этот город прежде доставлял лучшие сорты Ньюкестльского угля; но его копь, некогда самая важная из всех существующих в этом крае копей, была залита водой.

Жители Нортумберленда, территорию которых так часто оспаривали друг у друга англичане и шотландцы, походят по нравам и языку на своих северных соседей; в характере народа, так же, как и в общей физиономии этого края, заметен постепенный переход между двумя странами. На западной стороне, напротив, замечается резкий контраст. Кумбрийцы, или кумберлендцы, долго оставались отдельным народом, которому легко было сохранять старинные нравы и обычаи под защитой своих родимых гор. Даже после нормандского завоевания кумбрийцы продолжали говорить своим кельтским языком, мало отличавшимся от языка валлийцев. Некоторые дворянские фамилии этого края гордятся своим чистым саксонским происхождением и смотрят с высокомерием на дворян менее древнего рода, называющих себя потомками норманских завоевателей. Даже тамошние крестьяне еще недавно насчитывали в своей среде большое число свободных семейств, обработывавших одну и ту же землю из поколения в поколение в продолжение слишком пятисот лет[4]. Эти крестьяне-собственники, или statesmen, владевшие своими полями, отличались между всеми другими поселянами благородством осанки и манер, достоинством речи, гордой независимостью поведения. Теснимые со всех сторон крупным землевладением, они принуждены были продавать один за другим свои клочки земли и теперь низведены на степень безземельных батраков, как и все другие крестьяне Великобритании.

1 Yorkshire, „Edinburgh Review“, vol. 125.
2 Thomas Wright, „The Celt, the Romain and the Saxon”.
3 Collingwood Bruce, „The Roman Wall. Barrier of the Lower Isthmus”.
4 Wordsworth;—Emerson, „English Traits”.

Остров Мен, площадь которого равна 570 квадр. километрам, а население состояло, в 1891 году, из 55.608 душ (так что, следовательно, средним числом приходится по 94 жителя на каждый квадратный километр), лежит недалеко от середины Ирландского моря, в виду трех государств, составляющих Соединенное Королевство, не много ближе к Шотландии, чем к Англии; но судя по глубинам окружающего его моря, этот остров имеет наибольшую естественную связь с графством Кумберленд: между Меном и английскими берегами, как показали промеры морского дна, средняя толщина слоя воды не превышает 30 метров, тогда как на севере от острова, по направлению к шотландскому графству Вигтаун, она составляет по меньшей мере 50 метров, а если мы будем плыть на запад, к ирландскому порту Бельфаст, то найдем глубины до 130 метров. Чтобы узнать, составляет ли остров Мен естественную принадлежность Великобритании или Ирландии, на него переносили, по словам Галлея[1], змей и жаб, которые не встречаются на «Зеленом Эрине», и которые, по народному поверью, тотчас же умирают там: так как привезенные на Мен пресмыкающиеся продолжали жить на новом месте, то отсюда заключили, что этот остров должен быть признан английским. Остатки большего допотопного оленя (Cervus megaloceros), находимые во множестве в Ирландии, в первый раз были открыты на острове Мен[2].

Положение Мена, почти на равном расстоянии от трех могущественных центров притяжения, часто позволяло островитянам сохранять свою независимость среди окружавшего их кольца неприятелей; в другие разы это положение было причиной того, что они быстро меняли господ, сообразно колебаниям политической власти у их соседей. В первые времена средневекового периода, жители Мена подпали под влияние Ирландии и Шотландии; затем остров был завоеван сначала датскими пиратами, потом нормандскими рыцарями, некоторое время составлял часть королевства Шотландских островов, после чего образовал самостоятельное владение, короли которого, не обладавшие большими достатками, довольствовались скромной оловянной короной. Затем Мен сделался феодальной собственностью английских баронов, или «королей», которых потом сменил шотландский барон; у последнего британское правительство купило право на владение дорогой ценой и в несколько приемов, в период с 1784 по 1825 год. В настоящее время остров Мен политически зависит от королевства Англии, но не принадлежит ни к какому графству и не пользуется правом посылки депутатов в парламент: это—нечто в роде колонии, имеющей свои собственные судебные учреждения, свою выборную палату общин и некоторые фискальные привилегии. Таким образом население этого острова может считать себя как бы особым государством в государстве, и при том оно отличается от своих соседей, жителей трех королевств, своими народными преданиями, своим двойным происхождением и отчасти также своим языком. Местное наречие, называемое manx, которым еще говорят в горных округах и на северо-западе острова, имеет больше сходства с гельским языком Шотландии и с эрским языком Ирландии, чем с кимврским и с нижнебретонским; но кельтское население содержит в своих жилах сильную примесь скандинавской крови[3]. В наше время все жители Мена, за исключением нескольких стариков, понимают английскую речь. Национальная менская литература состоит лишь из книг и трактатов духовного содержания; кроме того, она заключает несколько баллад, относящихся к шестнадцатому столетию.

Ряд довольно высоких холмов, идущий в виде цепи с северо-востока на юго-запад, составляет как бы остов из скал, вокруг которого расстилаются равнины острова: впадина или брешь, бывшая некогда проливом, пересекающая остров по направлению от востока к западу, делит эти холмы на две группы. Главная горная вершина, возвышающаяся на 610 метров, и с которой в ясную погоду можно обозревать обширный круг морских берегов, от Ирландии до княжества Валлийского, до сих пор носит скандинавское имя Сне-фель (Snae-Fell), что значит «Снежная гора», и действительно, она бывает покрыта снегом часть зимы;

1 „Atlas maritimus et commercialis", 1728.

2 George Cumming, „Isle of Man".

3 Latham, „The Ethnology of the British Islands".

но климат на острове, хотя отличающийся резкими переменами погоды, вообще говоря, очень мягкий и теплый, благодаря морскому воздуху. Поэтому на Мен приезжает много иногородних посетителей погулять на его берегах, побродить в его лесах, совершить восхождение на его горы и высокие мысы. Многочисленные учебные заведения, основанные на Мене, как в видах экономии, так и по причине прекрасного климата, привлекают на остров, уже очень густо населенный, много английских семейств. Известный натуралист Эдуард Форбс родился на этом острове.

Оффициальная столица Мена—местечко Кестльтаун; но действительный город—Дуглас, построенный на восточном берегу, при бухте, хорошо защищенной от бурь и волнения; этот город, обращенный к Ливерпулю, расположен как раз у оконечности бреши, разделяющей остров на две части, тогда как другой город, Пиль, занимает западный выход этой поперечной впадины. Виллы, сады, террасы, покрытые цветами, рассеяны по склонам и вершинам высот, окружающих город Дуглас и его рейд, который теперь заперт огромным волноразбивателем; в некотором расстоянии к северо-западу от города, на кладбище Керк-Браддан виден еще могильный камень, украшенный резными изваяниями XII столетия, изображающими драконов, и содержащий надгробную надпись из рунических букв, которая в первый раз была прочитана Мюнхом из Копенгагена. Памятники из земли или из булыжника, могилки, погребальные комнаты, дольмены, ограды из сложенных камней встречаются во множестве на острове, и все заставляет думать, что многие из этих мегалитов относятся к средневековой эпохе. Из могильных холмов особенно замечателен курган Тинвальд, возвышающийся у перекрестка четырех дорог, близ могилы одного короля, умершего в десятом столетии. Неизвестно, кем и когда была воздвигнута эта искусственная горка—скандинавским или кельтским населением, но она и поныне продолжает служить для той же цели, как в древние времена: с вершины этого кургана с незапамятной эпохи и до наших дней совершается обнародование новых законов. По преданию, на острове Мене до римской эпохи жил и священнодействовал друидический верховный жрец, нечто в роде папы кельтского мира, и верующие со всех концов приходили на поклонение к нему. Мен и Энглези носили одно и то же имя, так что средневековые бароны, владевшие этими островами, титуловались «королями обоих Мона».

Южная часть Кумбрийской горной группы причисляется в административном отношении к графству Ланкастерскому. Эта область, называемая North of the Sands,—по причине песчаных отмелей Моркомбского залива, обнажающихся при низком стоянии воды в море, так что в часы отлива по ним можно ездить в экипажах,—известна также под именем Фурнес, которое она получила от существовавшего здесь в средние века могущественного аббатства. Развалины этого древнего монастыря, прекрасные сами по себе, кажутся еще более восхитительными среди окружающей их живописной местности. Главный город области Фурнес—порт Ульверстон, до которого поднимаются мелкие суда; но самый значительный город этого края и один из наиболее быстро выросших городов Англии—это Барро в Фурнесе (Barrow in Furness), лежащий недалеко от южной оконечности Кумбрийского полуострова и хорошо защищенный от всех ветров островом Уалли. Возрастание его поистине изумительно. В 1846 году на месте, где ныне расположен город, стоял только один дом, и в гавани плавало только одно рыболовное судно. Десять лет спустя, Барро был уже важное местечко, а в 1874 году мы видим его уже цветущим городом с сорокатысячным населением, имеющим все принадлежности большего мануфактурного и портового города—железные дороги, товарные склады, искусственные шлюзованные бассейны, общая площадь которых составляет около 150 гектаров. Это одна фабрика, именно завод для выделки бессемеровой стали, перерабатывающий добываемую в крае железную руду, так быстро вызвала к жизни многолюдный город в местности, прежде совершенно пустынной; но с той поры к этому первоначальному заведению прибавились другие фабрики и мастерские, преимущественно льнопрядильные мануфактуры и кораблестроительные верфи. Движение судоходства в порте Барро в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе—1.811 судов, вместимостью 470.826, в отходе—1.707 судов в 476.544 тонны. Собственная коммерческая флотилия состо-

яла из 137 судов, общая вместимость которых равнялась 60.896 тоннам.

Единственный город Уэстморленда, Кендаль или Керкби-Кендаль, находится, как и ланкастерская территория Фурнес, в той части Кумберлендского полуострова, которая изливает свои воды в залив Моркомб. Кендаль, где с четырнадцатого столетия была введена ткацкая промышленность фламандскими ткачами, приглашенными Эдуардом III, все еще мануфактурный город и занимается преимущественно фабрикацией тканей; но своею громкою известностью он обязан, главным образом, красоте окружающей его местности. Самый город расположен чрезвычайно живописно в долине Кента,—как показывает и его имя (dal или dale, долина),—между холмов и горок, на одной из которых—может быть, искусственного происхождения—видны остатки древнего замка. Река Кендаль вытекает из маленького озера Кентмир; но из окрестных озер наибольшею известностью пользуется озеро Уиндермир или Винандермир, соединенное с городом железною дорогой и привлекающее массу иногородних посетителей. Города Боунес и Эмбльсайд, построенные на берегах этого большего озера, состоят почти исключительно из отелей, вилл и дач.

Следуя вдоль западного берега Кумберлендского полуострова, на север от Барро, мы встречаем прежде всего город Уайтгевн, благосостояние которого увеличивается или уменьшается, смотря по ценам на каменный уголь и по числу рабочих, занятых в копях. Соседняя община, Клитер-Мур, и два портовые города, Уоркингтон и Мерипорт, также зависят в значительной степени от каменноугольной промышленности. Движение судоходства в портах Уайтгевна, Мерипорта и Уоркингтона представляло в 1882 г. следующие цифры (не считая каботажных судов с балластом):

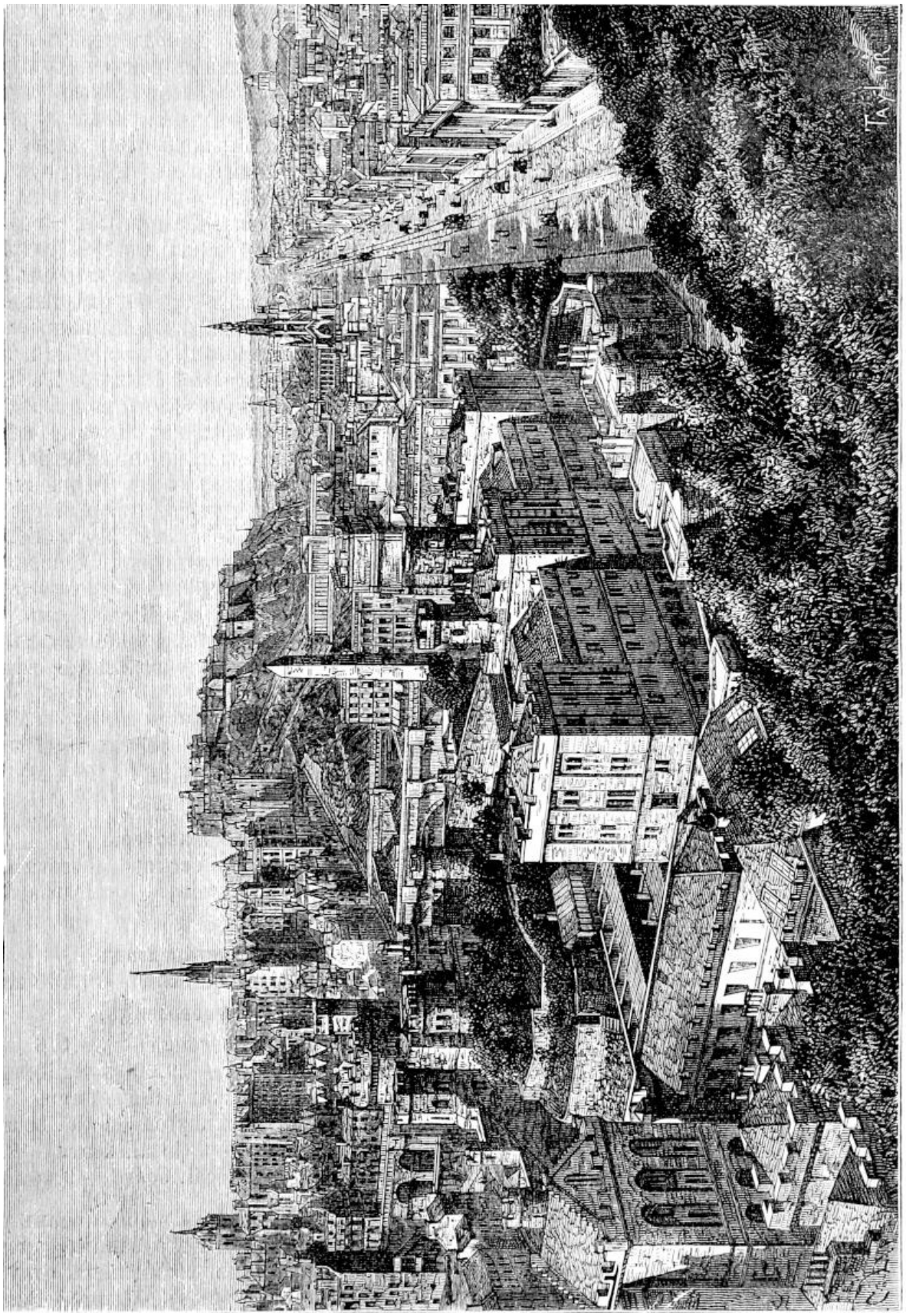
Мерипорт—2.279 судов, вместим. 295.825 тонн; Уайтгевн—2.303 суд., вместим. 284.395 тон.; Уоркингтон—2.303 судов, вместим. 298.375 тон.; торговый флот Мерипорта—86 суд., вместим. 26.520 тон.; торговый флот Уайтгевна—100 суд., вместим. 17.155 тон.; торговый флот Уоркингтона—32 суд., вместим. 14.160 тонн.

Во время войны за независимость североамериканских колоний, в 1778 году, корсар Поль-Джонс имел смелость высадиться в Уайтгевне, заклепать пушки и поджечь два английские корабля, стоявшие на якоре в порте. Эти приморские города находятся в соседстве с Кумбрийскими горами; но один из главных центров прогулок в этой местности—Коккермут, лежащий при слиянии рек Коккер и Дервент, недалеко от прелестных озер Бассентуэт-Ватер и Дервент-Ватер. Городок Кесвик, построенный в самом сердце гор, имеет в окрестностях месторождения wadd, или графита, которые до открытия сибирских залежей этого минерала доставляли лучшие рисовальные карандаши. Недалеко от Кесвика, на одном холме, находится круг из шестидесяти мегалитов.

Главный поток Кумбрийской области—река Эден, которая течет извилистою линией в заливе зелени, между крутых диких гор Кумберленда и вершин Пеннинской цепи. В одной из боковых долин, орошаемой притоком этой реки, вытекающим из озера Уллесватер, находится живописный город Пенрит, расположенный у подошвы холма, на котором видны развалины средневекового замка. Близ устья Эдена, в плодородной равнине, где соединяются несколько рек, стоит столица Кумберленда, Карляйль (Carlisle), который некогда был римскою станцией, а впоследствии сделался, под именем Caer-leol, саксонским городом и, если верить преданию, одною из любимых резиденций короля Артура. В течение средних веков и даже в новом периоде, во время попытки реставрации Стюартов, Карляйль был первоклассным стратегическим пунктом, по причине его положения близ шотландской границы, при судоходной реке. Движение торгового судоходства в порте этого города в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе 621 морское судно, вместимостью 103.345 тонн. Древняя цитадель, построенная на холме, реставрированное здание, за исключением башни Вильгельма Рыжего. В Карляйле существует много фабрик и заводов, но он уже не занимает, как прежде, первого места между промышленными центрами по производству сухарей: в этом отношении его далеко опередил Ридинг, главный его соперник, лежащий на берегах Темзы. Город Карляйль соединен судоходным каналом и железною доро-

гой в 16 километров длины со своей гаванью, Порт-Карляйлем, где рельсовый путь переходит через лиман реки Эск по великолепному железнодорожному мосту.

Города Кумбрийской области и острова Мен, имеющие более 5.000 жителей (в 1891



Эдинбургъ.

году):

Остров Мен

Дуглас—19.515 жителей.

Графство Ланкастер

Барро в Фурнесе (county borough)—51.712 жит.; Ульверстон (local board)—10.000 жит.

Графство Уэстморленд

Кендаль (municipal borough)—14.430 жит.

Графство Кумберленд

Карляйль (mun. borough)—39.176 жит.; Уайтгевн (local. board)—19.000 жит.; Пенрит (local. board)—8.981 жит.; Коккермут (local. board)—5.464 ж.; Уоркингтон (local. board—14.360 жит.; Мерипорт (local. board)—8.785 жит.; Клитер-Мур (local. board)—9.464 жит.

На водоскате Северного моря бассейн реки Тис (Tees), часть которого занята каменноугольными формациями, составляет одну из главных мануфактурных областей Великобритании. Эта река берет начало на восточном склоне горы Крос-Фель, колосса Пеннинской цепи, и вступает в равнину близ Бернард-Кестля,—местечка, над которым господствует один из самых величественных замков Англии, затем принимает в себя реку Скерн, протекающую у подножия промышленного города Дарлингтона и его многочисленных мануфактур для прядения льна, хлопка и тканья полотен и бумажных материй; влияние квакеров в этом городе весьма значительно. Дарлингтон соединен с городом Стоктоном, лежащим на нижнем течении Тиса, железною дорогой, которая замечательна как первая, по времени сооружения, дорога этого рода во всем свете; уже с 1825 г., то-есть за четыре года до постройки железного пути из Манчестера в Ливерпуль, пассажирские поезды ходили по рельсам между двумя городами Дургамского графства, отстоящими один от другого на 40 километров.

Стоктон-на-Тисе (Stockton-upon-Tees), через который проходит большая река, уже судоходная для морских судов, имеет кораблестроительные верфи, фабрики парусов и канатов; но главные его промышленные заведения—чугуннолитейные заводы; ни в какой другой части Англии металлургическая промышленность не получила столь обширного развития, как в этом городе. Ниже Стоктона, на йоркширском берегу, облако дыма возвещает издали город Мидльсбро или Мидльсборо (Middlesbrough, Middlesborough), который в отношении быстроты роста может поспорить с Барро-в-Фурнесе. В 1829 году существовал только один дом на том месте, где теперь стоит Мидльсборо, а перепись 5 апреля 1891 г. насчитала там уже 75.532 жителя, и, кроме того, работа на фабриках, судоходство и торговля в порте привлекают значительное число пришлого люда. Движение судоходства в портах Мидльсборо и Стоктона: Мидльсборо (1894 г.)—в приходе 3.738 судов, вместимостью 1.799.133 тонн; Стоктон (1882 г.): прибыло и вышло 885 судов в 170.285 тонн. Собственная флотилия Мидльсборо (1894 г.): 85 судов в 42 578 тонн, и 42 рыболовные лодки.

Большие металлургические заводы Мидльсборо были построены специально для переработки железных руд, получаемых из Испании и Алжира; но Клевлендские холмы, возвышающиеся на юге от этого города, одни доставляют почти треть всей руды, добываемой из почвы Великобритании. В этой же горнозаводской области, к востоку от Мидльсборо, находится маленький городок Гвисборо.

На севере от лимана реки Тис, течение которой инженеры направляют через песчаные мели залива при помощи длинных решетчатых жете, выдвигается в море высокий каменистый мыс, защищающий бухту от ветров открытого моря. На этом выступе твердой земли построился город Гартльпуль. Во времена первых норманских королей это был богатый, цветущий город, но впоследствии он пришел в такой упадок, что в начале нынешнего столе-

тия в стенах его не насчитывалось и тысячи жителей. Но затем, начиная с 1832 года, Гартльпуль опять получил важное значение в торговом движении Англии, чему он обязан был исключительно разработке находящихся в его окрестностях каменноугольных копей, прорытию гаваней и доков, устройству набережных и товарных складов; но прилегающий к нему морской берег усеян подводными камнями, и нигде так часто не случается кораблекрушения, как у опасных подступов к этому порту. Современный Гартльпуль есть всецело создание индустрии. Тинистый пруд, составлявший продолжение бухты на западе от мыса, был частию превращен в шлюзованные бассейны, и целый новый город возник на южной стороне порта и вдоль морского берега. Гартльпуль ввозит главным образом хлеб в зерне и муке, строевой лес, скот и платит за этот товар каменным углем. Следующие цифры показывают размеры его внешней торговли и судоходства (в 1891 году):

Ценность привоза в Гартльпуле: 1.813.659 фунт. стерл.; ценность отпуска: 775.916 фунт. стерл.; движение судоходства: прибыло 2.794 судна, вместимостью 799.456 тонн; коммерческий флот Гартльпуля: 304 морских судна в 321.108 тонн, и 69 рыболовных судов.

Благодаря произведенным работам по углублению доков и устройству жете, теперь в гавань могут свободно входить даже большие суда, имеющие до 8 метров водоизмещения. Кораблестроительные верфи Гартльпуля отличаются замечательною деятельностью: в 1891 году на этих верфях было построено 35 судов, общая вместимость которых превышала 54.000 тонн.

Вир—по преимуществу река каменноугольной области. Этот поток получает начало, как и река Тис, в Пеннинских горах и течет сначала на восток, потом на юго-восток, через ряд бассейнов и дефилей, где замки и парки чередуются с шахтами копей и фабричными заведениями: несмотря, однако, на множество мануфактур и на груды шлака и отбросов, природа сохранила всю свою прелесть в этой живописной местности, которая по справедливости может быть названа английской Аркадией[1]. У города Бишоп-Аукленд, где находится дворец дургамских епископов, р. Вир проникает в узкое ущелье, которое в древности защищала римская военная станция Vinovium, превратившаяся впоследствии в деревню Винчестер, затем вступает в область невысоких холмов.

Город Дургам, столица графства того же имени, называвшагося прежде пограничным графством или палатинатом, построен на высоком мысе, который окружен водами Вира, образующими почти полный овал. С берега реки видны высоко поднимающиеся над садами и густыми деревьями башни нормандского собора и древняя башня замка, построенного Вильгельмом Завоевателем, и который впоследствии был резиденцией епископа. С 1833 года в этом замке помещается университет, об основании которого думал еще Кромвель, и который обязан своим происхождением огромным доходам соборного капитула, владеющего многочисленными копями каменного угля. Из этих церковных фондов были раздаваемы разные синекуры, сделавшиеся наследственными в известных фамилиях; несмотря на то, доходы возрастали в таких размерах, что, наконец, пришлось уступить требованию общественного мнения, утилизируя часть этих денег на основание общеполезного учреждения. Дургамский университет пользуется такими же привилегиями, как главные школы Оксфорда и Кембриджа; кроме того, он может давать степень гражданского инженера и выдавать диплом воспитанникам медицинской школы Ньюкестля. Он обладает богатою библиотекой, заключающею много драгоценных памятников письменности, музеем, обсерваторией, и воспитанники могут пройти здесь курс учения с гораздо более ограниченными денежными средствами, чем какие нужны в Оксфорде и Кембридже. Несмотря, однако, на все эти удобства, число посещающих лекции в Дургамском университете очень незначительно; причину этого нужно искать, главным образом, в том духе рутины, с которым, при основании этого университета, копировали организацию двух древних университетов, не будучи в состоянии дать новому учебному заведению того, чем обладают оксфордская и кембриджская школы,—славу их имени, пользующагося почетом уже несколько веков. Дургамский университет всеце-

1 J. G. Kolil, „Reisen iu England".

ло поставлен под руководство духовенства; епископ по праву своей должности состоит инспектором университета, который правильнее было бы назвать духовною семинарией, а управление им принадлежит соборному капитулу[1].

Устье реки Вир окаймлено на обоих берегах домами большего города Сондерленд, который по размерам отпускной торговли добываемым в крае каменным углем уступает одному только Ньюкестлю (в 1879 году из Сондерленда было вывезено 3.500.000 тонн угля). Обширные доки этого города, устроенные вдоль морского берега, всегда наполнены судами, так же, как и самая река на всем её нижнем течении: после Лондона, Ливерпуля и портов реки Тайна, гавань реки Вир обладает более многочисленным торговым флотом, чем всякий другой приморский город Соединенного Королевства. Движение судоходства в Сондерлендском порте в 1895 г.: в приходе 6.911 судов, вместимостью 2.531.159 тонн; собственный же флот состоял из 280 судов, в 282.492 тонны, и 47 рыболовных судов. Прежде Сондерленд указывал с гордостью, как на одно из чудес человеческого искусства, на свой железный мост, представляющий аркаду в одну арку около 79 метров длиною по хорде; но со времени постройки железных дорог подобные сооружения появились во множестве, и теперь сондерлендский мост далеко уже не редкость; что менее обыкновенно из достопримечательностей Сондерленда—это каменный маяк у южного жете, масса в 338 тонн, которая была целиком поднята для перенесения маяка на 150 метров далее. В Сондерленде есть очень важные фабрики, в особенности стеклянные заводы и кораблестроительные верфи; вместе с своим предместьем Соутвик, он имел уже в 1891 г. более 140.000 жителей. К северу от города, один каменистый холм был большею частию разрыт камнеломами, добывавшими материал для постройки мола и жете Сондерлендского порта.

На юге от этого города рассеяно несколько населенных групп, из которых важнейшие—Гоктон-ле-Спринг и Даутон, лежащие в соседстве с портом Сигам; но особенно густо скучены жители на севере от Сондерленда, в долине Тайна. Река Тайн, так же, как и Тис, берет начало одним из своих истоков на скате горы Крос-Фель, затем она протекает через горнозаводскую область Альстон-Мур, откуда каждый год получается около 20.000 тонн свинца, то-есть почти половина всего количества этого металла, которое добывается в Соединенном Королевстве; альстонские свинцовые рудники принадлежат гринвичскому дому инвалидов. По выходе из своей верхней долины, эта река поворачивает на восток и соединяется, выше города Текстам, с другой Тайной, вытекающей из Чевиотских гор. Еще ниже, за Уайламом, где родился знаменитый инженер Джордж Стефенсон, Тайн сливается с одною из многочисленных рек, носящих, в Великобритании, имя Дервент. Та Дервент, которая проходит недалеко от консетских рудников и плавильных заводов, орошает долину, селения которой составляют уже часть городского округа Ньюкестля, прозванного «Угольным городом».

Ныокестль—это одно из самых больших скоплений домов и фабрик, какие существуют в Англии. От этого города до самого моря р. Тайн представляет, так сказать, один громадный док, наполненный бесчисленными судами, которые теснятся у набережных и пристаней, или стоят на якоре в фарватере. Города и группы фабричных заведений следуют одни за другими по обе стороны реки в виде одного непрерывного города. Напротив Ньюкестля, который поднимется амфитеатром по левому берегу Тайна, расположен большой город Гетсгед (Gateshead), далее появляется городок Феллинг, построенный также на южной стороне реки, тогда как вдоль северного её берега тянется длинный ряд заводов Уокера, где приготовляются преимущественно химические продукты. При одном из поворотов реки показывается поселение, заменившее древний Сегедунум, и дома города Уольсэнд, у которого оканчивалась римская стена (вал Адриана); далее следуют чугунно-литейные заводы, товарные склады, кораблестроительные бассейны, расположенные вдоль южного берега (принадлежащего к графству Нортумберленд), напротив городов Гельборн и Ярро, построенных на дургамском берегу. Ниже река описывает излучину между двух городов Соут-Шильдс и Норт-Шильдс, из которых последний продолжается городом Тайнмут до самого устья Тайна и

1 Demogeot et Montucci, „De l'enseignement superieur en Angleterre et en Ecosse".

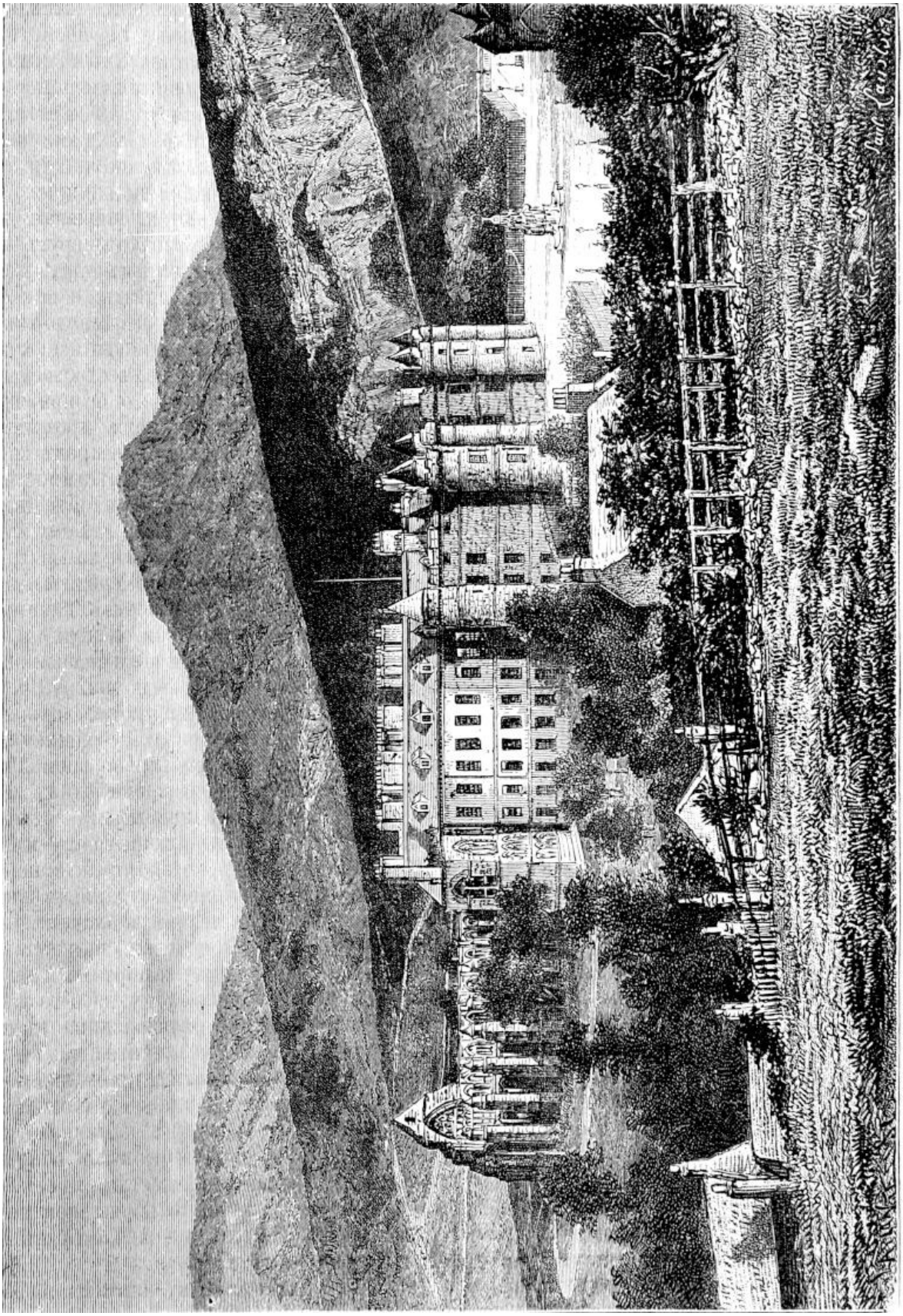
даже до полуострова, образуемого морским берегом.

Ньюкестль, существовавший, как полагают, уже во времена римлян под именем Pons Aelii, был во все продолжение средних веков военным городом, о чем и теперь еще свидетельствует вид его древней башни, построенной Робертом, по прозванию «Короткий Башмак»; он часто подвергался осадам и, смотря по превратностям войны, принадлежал попеременно то англичанам, то шотландцам. Старый город, расположенный вокруг этой нормандской башни, сохранил свои узкия, кривые улицы, тогда как новый город, расположенный амфитеатром по скатам холмов и раздвинувшийся далеко во все стороны, имеет широкие проспекты и красивые здания, из которых многие построены из шотландского гранита. Самый замечательный памятник строительного искусства в Ньюкестле—это Highlevel bridge, мост-путевод, по которому ходят железнодорожные поезды на высоте слишком 34 метров над уровнем Тайна и под которым обыкновенные суда проходят с распущенными парусами. Этот мост, покоящийся на устоях, вытесанных в форме триумфальных ворот, есть одно из образцовых произведений Роберта Стефенсона, колоссальная статуя которого украшает одну из главных улиц Ньюкестля. Но что всего более возбуждает удивление путешественника в «Угольном городе»—это его фабрики и заводы, кораблестроительные верфи, набережные и пристани, кипучая деятельность в гавани. На западной окраине города находятся Эльсвикские литейные заводы, занимающие целое предместье вдоль берега реки, на протяжении слишком километра, и по важности соперничающие с огромным вульвичским заводом, главною фабрикой артиллерийского ведомства. Эльсвик работал непосредственно по заказам английского правительства лишь в течение немногих лет; но иностранные правительства не переставали пользоваться этим заводом для отливки нужных им пушек: в двадцатилетний период, с 1856 по 1876 год, Эльсвик приготовил более четырех тысяч орудий всевозможных образцов; на заводе постоянно занято около 4.000 рабочих. Верфи Ньюкестля в 1882 г.: 100 судов из железа или стали, в 112.223 тонны.

Непрерывный порт Тайна, который тянется на многие версты вниз от Ньюкестля, представляет в высшей степени оживленное зрелище. В какую сторону ни посмотришь, везде увидишь суда, ошвартовленные вдоль крутых берегов, под деревянными помостами, у которых оканчиваются ветви железных дорог: поезды, нагруженные каменным углем, подходят к самой оконечности этих висячих мостов, которые, по прибытии поезда, тотчас же опускаются, описывая полукруг в воздухе, выбрасывают груз вагонов в трюм парохода, затем опять поднимаются, чтобы отправить поезды обратно к копи; эти lifts, исполинские железнодорожные руки, опускающиеся и поднимающиеся, кажутся какими-то живыми сверхъестественными существами и дают понятие о беспримерной деятельности в современном промышленном труде. В продолжение четырех часов паровое судно в 1.200 тонн вместимости получает полный свой груз. Тридцать два часа спустя, оно уже в Лондоне, где ему нужно употребить около десяти часов на выгрузку своей клади; по прошествии еще тридцати двух часов оно уже опять в Ньюкестле. Таким образом, вся эта коммерческая экспедиция продолжается только три дня и шесть часов. Применение пара и современных нагрузочных снарядов, которые начали употреблять около половины нынешнего столетия, увеличило торговлю Ньюкестля и её прибыли в громадных размерах. В настоящее время один пароход, при 21 человеке прислуги, перевозит столько же угля в продолжение года,—именно около 63.000 тонн,—сколько прежде перевозили шестнадцать парусных судов, имевших вместе не менее 144 человек экипажа.

По размерам судоходства, ньюкестльский порт уступает только двум портам Англии—лондонскому и ливерпульскому, да и то в отношении отпускной торговли разница в пользу последних весьма незначительна; в годы большого развития торговли и промышленности порты реки Тайн отправляют до пяти с половиной миллиардов тонн каменного угля. По совокупности своих торговых оборотов и количеству грузов, Ньюкестль имеет более важное значение, чем все порты континента Европы; он превосходит даже Гамбург, Марсель, Антверпен.

Движение судоходства в портах р. Тайн в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе 7.017 судов, вместимостью 1.835.455 тонн, в отходе 15.369 судов, вместим. 5.926.065 тонн.



Голирудскій дворецъ.

Коммерческий флот, принадлежащий портам р. Тайн, состоял в 1882 году из 1.025 судов, вместимостью 395.755 тонн, в том числе 645 пароходов, вместимостью в 290.330 тонн.

Ценность торговли Ньюкестля с иностранными рынками в 1894 г.: привоз—6.977.328

фунт. стерл., вывоз—3.919.433 ф. ст. (в 1890 г.: 5.743.000 фунт.).

Иногда до трех сот судов, нагруженных углем, выходят из устья Тайна в один и тот же прилив. Но чтобы обеспечить себе такие огромные торговые обороты, город Ньюкестль истратил весьма значительные суммы на улучшения и приспособления всякого рода: он содержит слишком 250 буксирных пароходов на Тайне и множество лоцманских судов, которые должны проводить корабли с моря. Река, прежде очень опасная по причине порогов и мелей, до 1849 года была доступна только судам, водоуглубление которых не превышало 2 метров; в настоящее время пороги лежат на 8 слишком метров ниже поверхности реки при низком стоянии воды в период отлива, а мели, на которых не было и одного метра глубины, совершенно исчезли. Вообще ни один речной вход, не исключая даже входа в Кляйду, не был так хорошо углублен и приспособлен для целей судоходства, как устье Тайна. Правильный прилив морской воды, между прочим, спас рыболовный промысел (ловлю лососей), которому грозила неминуемая гибель вследствие отравления речных вод жидкостью, стекающей из химических заводов.

На севере от устья реки Тайн первый порт, который мы встречаем на восточном берегу Англии,—маленькая гавань Блит, откуда вывозится уголь, добываемый в Коупене и Бедлингтоне. Далее, за этим портовым городом следует старое парламентское местечко Морпет, построенное среди богатой равнины, в том месте, где река Уэнсбек становится судоходною для морских судов небольшого водоизмещения. Еще севернее находим городок Альнвик, занимающий подобное же положение на реке Альн: он расположен у подножия горы, на которой стоит великолепный родовой замок герцогов Нортумберлендских, окруженный зубчатыми каменными стенами и украшенный статуями знаменитых воинов. Альнвик—предпоследний город Англии. Последний город в этом направлении—Бервик-на-Твиде (Berwick-upon-Tweed), древняя пограничная крепость, часто переходившая из рук англичан под власть Шотландии и еще сохранившая особенное городское устройство, как-бы для того, чтобы свидетельствовать о важности её исторической роли. Старые стены этого города служат теперь местом прогулки для жителей. Голи-Айленд (Holy Island), или «Святой остров», лежащий близ морского берега, между городами Альнвик и Бервик, некогда пользовался большой известностью в церковной истории страны, благодаря существовавшему на нем аббатству Линдисфарн, от которого уцелели до сих пор кое-какие остатки. В период отлива образуется перешеек из песку и гальки, соединяющий, остров с соседним материком[1].

Города восточного ската Северной Англии, имеющие свыше 5.000 жителей (в 1891 году):

Графство Йорк

Мидльсборо (county borough)—75.532 жит.; Гвисборо (local board)—5.623 жит.

Графство Дургам

Сондерленд (county borough)—131.015 жителей; Стоктон, с его предместьем, лежащим в Йоркшире (mun. borough)—49.708; Гартльпуль (mun. borough)—21.271; Дарлингтон (mun. borough)—38.060; Дургам (mun. borough)—14.863; Бишоп-Аукленд (local board)—10.527; Даутон (local board) (1881 г.)—7.750; Консет (local board)—8.175; Соутвик (local board)—10.226; Готон-ле-Спринг (local board)—6.476 жителей.

Округ Ньюкестль-на-Тайне (графства Нортумберленд и Дургам)

Ньюкестль (county borough)—186.300 жителей; Гетсгед (county borough)—85.692; Джарро (local board)—33.675; Уокер (1881 г.)—9.525; Феллинг (local board)—17.490; Соут-Шильдс (county borough)—78.391; Тайнмутт и Норт-Шильдс (mun. borough)—46.588 жителей.

1 Hugh Miller, „First impression of England and the English".

Графство Нортумберленд

Бедлингтоншир—16.996 жителей; Бервик-на-Твиде—13.378; Альнвик и Канонгет—6.746; Морпет—5.219; Гексгам—5.932 жителей.

XI. Южная Шотландия

Графства: Вигтаун, Эйр, Керккудбрайт, Демфриз, Роксбург, Селькерк, Бервик, Гаддингтон, Эдинбург, Линлинтгоу, Пибльс, Ланарк, Ренфру, Бьют, Домбартон, Клекманнан, Стерлинг, Кинрос, Файф

Нижняя Шотландия, заключающаяся между двумя перешейками,—так называют самые узкия части Великобритании,—представляет естественную область, резко отличающуюся как рельефом и свойством почвы, так и характером населяющего ее народа. Сольвейский залив, который глубоко врезывается с западной стороны внутрь твердой земли, более чем до половины ширины, какую имеет Шотландия в этом месте, явственно отделяет ее от Англии, и граница между двумя странами продолжается на востоке цепью гор Чевиот. На севере от реки Кляйды и от залива Форт, пограничная линия, проведенная между Верхнею и Нижнею Шотландией,—чисто условная и неимеющая определенного очертания; она образуется всеми отрогами гор Верхней Шотландии, которые постепенно понижаются и переходят в равнину: только почвенные препятствия и суровость климата разделяют соседния населения. Рассматриваемая в совокупности, Южная Шотландия, такая, какою она является в истории, совпадает довольно точно в своих естественных границах с пространством, заключавшимся некогда между двумя римскими стенами. Это пространство по протяжению значительно меньше остальной Шотландии, но оно имеет гораздо более важное значение по развитию промышленности и степени влияния на судьбы отечества; население его составляет более трех четвертей общего числа жителей. Площадь графств Южной Шотландии равна 24.087 квадр. километрам, а население их в 1881 году состояло из 2.551.320 душ, так что, средним числом, на один квадратный километр приходится по 106 жителей.

Контраст между Англией и Шотландией обнаруживается даже в геологическом строении двух стран. В то время, как различные формации Йоркшира, Ланкашира и Кумберленда имеют, вообще говоря, направление от юга к северу, и цепь Пеннинских гор идет в том же направлении, горные породы Шотландии, являющие гораздо более правильности в своем расположении, следуют одна за другою однообразно, направляясь с юго-запада на северо-восток, от одного моря к другому. Такую же точно ориентировку представляют ряды высот, известные под именем холмов Чевиот, Каррик, Лоутер, Мурфут, Ламмермур-Гильз, на юг от равнины, заключающейся между реками Кляйдой и Фортом, а также Грампианские горы и горные цепи Северной Шотландии. Но если горные хребты параллельны в обеих половинах Каледонии, то горные породы не одинаковы: угленосные формации перешейка резко отличаются от гор более древнего происхождения, занимающих Северную Шотландию, а известно, какое важное влияние имели, в отношении заселения страны, богатства, содержащиеся в этих каменноугольных формациях южной полосы Шотландии.

Даже ранее того времени, когда эксплоатация залежей каменного угля стала привлекать жителей массами к равнине реки Кляйды, население естественно группировалось в этих низменных областях, куда его манила относительная теплота климата, легкость сообщений и плодородие почвы. На пространстве от берегов лимана р. Тэй до берегов лимана р. Кляйды установился истинный центр исторической Шотландии, и вокруг городов этой средней равнины тяготели жители боковых долин и второстепенных речных бассейнов. В этой части Великобритании необходимо должно было возникнуть и существовать отдельное средоточие цивилизации, отличное от культурных центров Англии. Остров Британия, чрезмерно рас-

тянутый в длину сравнительно с протяжением в ширину, и при том населенный народами различного происхождения, не слившимися еще в одну нацию, естественно должен был разделиться на несколько политических групп или государств: национальное единство могло быть достигнуто лишь после продолжительной борьбы. Даже после того, как Англия в собственном смысле и Шотландия приобрели каждая прочную политическую связь, эти две страны оставались по прежнему отдельными королевствами, и пограничная линия между ними, беспрестанно перемещавшаяся вследствие войн и трактатов, окончательно установилась на Сольвейском заливе, Чевиотских холмах и устье реки Твид, до того дня, когда совершилось мирное соединение двух соседних государств. В истории человечества мало можно встретить вековых войн более ожесточенных, чем борьба англичан с шотландцами: с той или другой стороны границы происходил, так сказать, непрерывный прилив и отлив вражеских нашествий. Жители низменной Шотландии, увлекаемые часто в своих набегах горскими племенами или гайлендерами, вторгались в северную Англию и проникали иногда, как это было, например, в 1403 году, до Шрузбери, в долину Северна. С своей стороны, англичане, гораздо более многочисленные, много раз овладевали Шотландией и очень часто опустошали плодородные земли перешейка. Естественные выгоды, которыми пользовалась эта страна в мирное время, богатства, приобретенные торговлей на берегах заливов восточного и западного приморья, плодородная равнина, обильные воды,—все это побуждало южных грабителей к частым набегам.

Холмы Чевиот, образующие центральную часть границы, ныне чисто-административной, между Англией и Шотландией, не очень высоки, но при суровом климате, господствующем на их вершинах, которые покрыты снегом в продолжение нескольких месяцев в году, эти горы представляют действительное препятствие и делают затруднительным сообщение между противоположными скатами. На западе эта цепь холмов продолжается в виде неправильных групп до соединения с горой Гарт-Фелль и с холмами Лоутер, некоторые отроги которых содержат свинцовую руду: здесь находится деревня Лидгильз, самое возвышенное поселение во всей Великобритании, хотя оно лежит на высоте не более 450 метров, то-есть на такой высоте, на какой в континентальной Европе не редкость встретить даже города; но обилие дождей, падающих на склоны холмов Англии и Шотландии, верещаги и торфяные болота, которые расстилаются однообразно по их скатам и вершинам, отталкивают жителей от этих возвышенностей.

Лоутерские холмы—это горный узел, составляющий часть силурийских пластов, геологически очень однородных, которые пересекают наискось всю Южную Шотландию, от берегов Ирландского моря до берегов Северного моря. В этой цепи высится, недалеко от западного морского берега, гора Меррик, самая высокая вершина Южной Шотландии, господствующая над холмистою областью, прерываемою отдельно стоящими островерхими горами и усеянною озерами. На северо-востоке от Лоутерских холмов тянется неровное плоскогорье, соединяющееся далее с группами холмов Мурфут и Ламмермур, крайние утесы которых подходят к самому морю. Другие гряды холмов, менее высокие и состоящие из менее древних горных пород, простираются на севере параллельно главной цепи, и последние их возвышения постепенно сливаются с ровной почвой в долине Кляйды и на берегах залива Форт (firth of Forth). В предшествующие геологические века, в то время, когда слои старого красного песчаника и каменноугольные пласты отлагались в морях Шотландии, над поверхностью вод горели еще многочисленные огнедышащие горы: таково происхождение валов из лавы и слоев вулканических шлаков, которые мы теперь встречаем среди осадочных формаций. Так как горные породы вулканического происхождения лучше, чем другие формации, выдерживают разрушительное влияние атмосферных деятелей, то они пережили окружавшие их, менее прочные, образования, и теперь возвышаются там и сям в виде холмов и высоких мысов, которые придают стране характер разнообразия. Маленькая цепь Пентлендских холмов, оканчивающаяся на юге от Эдинбурга, есть одна из этих групп, состо-

ящих из эруптивных пород. Вот высота главных горных вершин Южной Шотландии:

Меррик—845 метр.; Брод-Ло—830 метр.; Гарт-Фелль—810 метр.; Лоутер-Гильз—758 метр.; верш. Пентлендских холмов—567 метр.; верш. Ламмермурских холмов—475 мет.; Картер-Фелль (Чевиот)—803 метр.; Артурс-Сит—251 метр.

Порог равнины, между реками Фортом и Кляйдой, то-есть между двумя морями, перерезан каналом, проведенным на высоте 4.758 метров. На этой-то незначительной высоте находится водораздел равнины, известной некогда под именем Стратклайд; следовательно, в этом месте существует полный перерыв между холмами Нижней Шотландии и горами Верхней Каледонии. Далее на юге находится другой пролом, так как река Кляйда, впадающая ныне в море на западе, изливалась прежде на востоке, в долину реки Твид, на юге от Пентлендских холмов, и, если бы искусственно не защищали от размывания кучи гравия, наполняющие Биггарскую равнину, выше города Ланарка, то Кляйда опять пошла бы по прежнему пути[1]. Даже в текущем геологическом периоде порог между Кляйдой и Фортом прежде был еще менее возвышен над уровнем моря, так как береговые утесы этих двух рек во многих местах окружены древними берегами, имеющими от 6 до 12 метров высоты и содержащими в своем песке и гравии множество раковин, подобных тем, какие встречаются в соседних морях. В окрестностях Гласгова, где работы канализации и постройка зданий часто давали возможность исследовать почву, нередко находили остовы китов, моржей, тюленей, на различных высотах, именно на высоте от 6 до 9 метров над нынешним уровнем моря. В ту эпоху человек уже жил в этой стране, ибо рядом со скелетами китообразных животных открыли лодки различной формы: одне—простые челноки, выдолбленные из древесного ствола, в роде тех однодеревок или пирог, какие употребляются еще и в наши дни многими дикими народами; другия—построенные из плотно-связанных досок, оканчивающиеся острым носом напереди и обрубленные в кормовой части. По мнению Арчибальда Гейки, эти лодки, по времени происхождения, относятся к историческому периоду, и, вероятно, римские завоеватели видели их плавающими по заливу Кляйды. В торфяном болоте Блер-Друммонд, близ Фортского лимана, нашли тело кита, который, очевидно, был пойман при помощи остроги, сделанной из оленьих рогов[2]. В соседстве с городком Фалькерком, близ западной оконечности Фортского залива, еще недавно видны были морские бассейны на реке Каррон, на уровне гораздо более высоком, чем то место, до которого теперь поднимается морской прилив. Большая римская стена, называемая валом Антонина, хотя сооружение её было начато Агриколой, без всякого сомнения, продолжалась от моря до моря и не имела между своими оконечностями и берегом обширных незагражденных пространств, открывавших свободный проход иноземному нашествию. Между тем, на западной стороне не найдено никаких остатков, ни малейших следов стены; вал вдруг прекращается близ Дунгласа, на высоте семи или восьми метров над уровнем нынешнего моря, в расстоянии нескольких километров от берегов лимана Кляйды. Что касается восточной оконечности, то она останавливается на вершине одного утеса в Карридене, недалеко от Фалькерка[3]. Во внутренности земель следы Антониновой стены еще видны там и сям: в конце прошлого столетия на этом среднем протяжении вала различали остатки десяти фортов и тет-депонов, построенных в пунктах переправы через реки, а в некоторых местах еще заметен был ров в 13 метров ширины и в 7 метров глубины, который шел вдоль вала на северной его стороне. Эта область, некогда столь важная с стратегической точки зрения, сделалась, благодаря соседству двух морей, низменному положению местности, богатствам почвы и подпочвы, одною из самых жизненных стран Великобритании и всего земного шара: Эдинбург с одной стороны, Гласго —с другой являются охранителями перешейка. Рыхлая почва равнины, так хорошо утилизируемая современными земледельцами, была подготовлена природой в течение ледяного периода. Мергелистые, известковые, песчаниковые формации были разрушены глетчерами,

1 A. Geikie, „Scenery and Geology of Scotland".

2 Ramsay, „Phisical Geology and Geography of Great Britain".

3 Wilson, „Prehistoric Annals of Scotland";—Robert Chambers, „Ancient Sea-Margins".

и их смешавшиеся обломки, отлагаясь в равнине, образовали плодороднейшие почвы Великобритании[1].

Южная Шотландия отличается от земель, лежащих севернее, правильностью своих берегов, гораздо менее изрезанных заливами и бухтами. На востоке, только один полуостров, ограниченный, с одной стороны, извилистым лиманом или фиордом реки Форт, а с другой—заливом реки Тэй, выступает за черту морского прибрежья. На западе, большой, массивный полуостров Галловей вытянулся к берегу противолежащей Ирландии, от которого он отделен впадиной, как бы морскою пропастью, имеющею около 300 метров глубины, тогда как на краях её толщина слоя воды только от 120 до 150 метров; этот полуостров оканчивается бывшим островом Ринз-ов-Галловей, который соединен с ним узкою косой из низменных земель. Вот и все неровности морского берега. Какой контраст с западными берегами Верхней Шотландии, где взор теряется в лабиринте заливов, каналов и прибрежных озер! Непосредственно на юге от гор Верхней Каледонии и уже в бассейне реки Кляйды начинается сеть этих внутренних вод, из которых одни находятся в свободном сообщении с лиманом Кляйды, другие заключены в совершенно замкнутых бассейнах, откуда излишек жидкости выливается через ручьи и речки. Прекраснейшее из этих озер, самое большое в Великобритании и наиболее воспетое поэтами,—Лок-Ломонд (Loch Lomond), из которого вытекает река Левен, впадающая в Кляйду. На северной своей оконечности этот обширный бассейн, простирающийся в длину на $5^1/_2$ геогр. миль, имеет вид извилистого пролива, в южной же части он принимает размер настоящего озера в двенадцать слишком километров шириною, но глубина его уменьшается по мере того, как увеличивается расстояние между берегами. Лок-Ломонд представляет все контрасты пейзажа, приятные волнистые равнины и дикие, крутые утесы, скалистые острова, серый камень которых высоко поднимается над зеркальною поверхностью прозрачных вод, и архипелаги низменных земель, покрытых лугами и лесами, где весело прыгают стада ланей. По берегам там и сям виднеются красивые загородные замки, а у северной оконечности озера стоит гора Бен-Ломонд, высоко поднимающая над окрестными лесами и полями свой длинный гребень, часто закутанный в туман.

В той же самой гористой области получает начало река Форт, и для одного из её главных притоков верхним резервуаром служит знаменитое озеро Лок-Кетрин, прославленное Вальтер-Скоттом в его поэме «Lady of the Lake»: по своим живописным скалам и крутым поворотам оно походит на Люцернское озеро. Но ундина озера завербована теперь на службу прозаической промышленности: город Гласго приобрел в собственность Лок-Кетрин, для снабжения чистою водою своих жителей и фабричных заведений. Туннель в 72 километра длиною, идущий под землею на протяжении 20 слишком километров, приносит в резервуары города огромную массу превосходной воды (водоснабжение Гласго и его городского округа: 450 миллионов литров в день, что составит около 680 литров на каждого жителя). Примеру этого шотландского города последовал и Манчестер, приобревший, для целей водоснабжения, одно из озер Кумберленда.

Низменная область (Lowlands), почти лишенная фьордов, не богата и островами, да и те немногочисленные острова значительного протяжения, которые мы здесь находим, во многих отношениях, по видимому, правильнее было бы причислять к Верхней Шотландии. Остров Арран, лежащий между лиманом реки Кляйды и проливом Кильбреннан, имеет до того гористый характер в северной своей части, что самый высокий его пик, Гаодбейн или «Гора Ветра», которую южные шотландцы переименовали в Гот-Фелль или «Козью гору», превосходит по высоте все вершины Низменной Шотландии. По форме своего рельефа и по своему дикому виду, остров Арран принадлежит к гористой области (Highlands), но по своему геологическому строению он составляет часть «Низменных земель». В то время, как на северо-западе возвышаются гранитные и переходные массы, более новые геологические пласты Южной Шотландии занижают низменную часть острова, обращенную к полудню; благодаря этому положению на рубеже двух геологических областей, остров Арран, по многочис-

1 Ceikie;—Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain".

ленности своих формаций и по своим эруптивным породам, выстудившим на поверхность земли, есть одна из стран, наиболее богатых различными горными породами, и этому разнообразию формаций соответствует разнообразие пейзажей: одна из его гаваней, бухта Ламлаш, по берегам которой все горные вершины украшены древними могильными камнями, представляет одну из лучших якорных стоянок во всем заливе Кляйды; иногда по 70 и по 80 судов зараз ждут в этой гавани по целым неделям и даже месяцам благоприятной перемены ветра. Остров Бьют, лежащий между двумя фьордами морского прибрежья, также принадлежит, по своему геогностическому составу, к двум областям—к Верхней Шотландии по сланцевым массам северной части и к Нижней Шотландии—по красным песчаникам южной его половины.

Кроме этих двух больших островов и окружающих их земель менее значительного протяжения, в соседстве с берегами низменной Шотландии рассеяно несколько островов, которые составляют, так сказать, отдельные мирки, образованные из вулканических пород, выступивших со дна моря. Таков островок—Эльса-Крег, конусообразная гора из базальта и траппа, возвышающаяся над поверхностью вод при входе в фьорд Кляйды и доступная только с одной стороны; над крутыми скалами этого острова всегда кружатся несметные стаи всякой морской птицы; его сероватые колоннады, отделенные одна от другой зеленеющими террасами, представляют странную и в то же время восхитительную картину. Таков же на восточном берегу, в заливе Форта, вулканический остров Басс, замок которого прежде был тюрьмою для государственных преступников, и на который можно взобраться только при помощи веревочных лестниц. Остров, этот, по словам Гуго Миллера[1], есть глыба траппа, отличающаяся такою правильностью формы, такою отчетливостью очертаний, какую может иметь только искусственно отлитая пирамида из металла. Издали эта пирамидальная скала кажется покрытою снегом—до такой степени она усеяна чайками, буревестниками и другими морскими птицами. Из всех островов, окружающих северную и южную Шотландию, только на нескольких скалах обитают так называемые «бассанские глупыши» (Pelicanus bassanus, Sula bassana), или фрегаты Севернаго моря, и в числе этих островов главное место занимает островная гора Басс, от которой эти пернатые обитатели и получили свое название. Нужно заметить, что эти птицы могут жить только на островах с вертикальными стенами, так как они должны бросаться с большой высоты, прежде чем в состоянии начать свой полет. Вот высоты некоторых высших точек на островах Нижней Шотландии:

Гот-Фель (о. Арран)—873 метр.; вершина о. Бьют—267 метр.; Эльса-Крег—335 метр.; Басс-Айленд—120 метр.

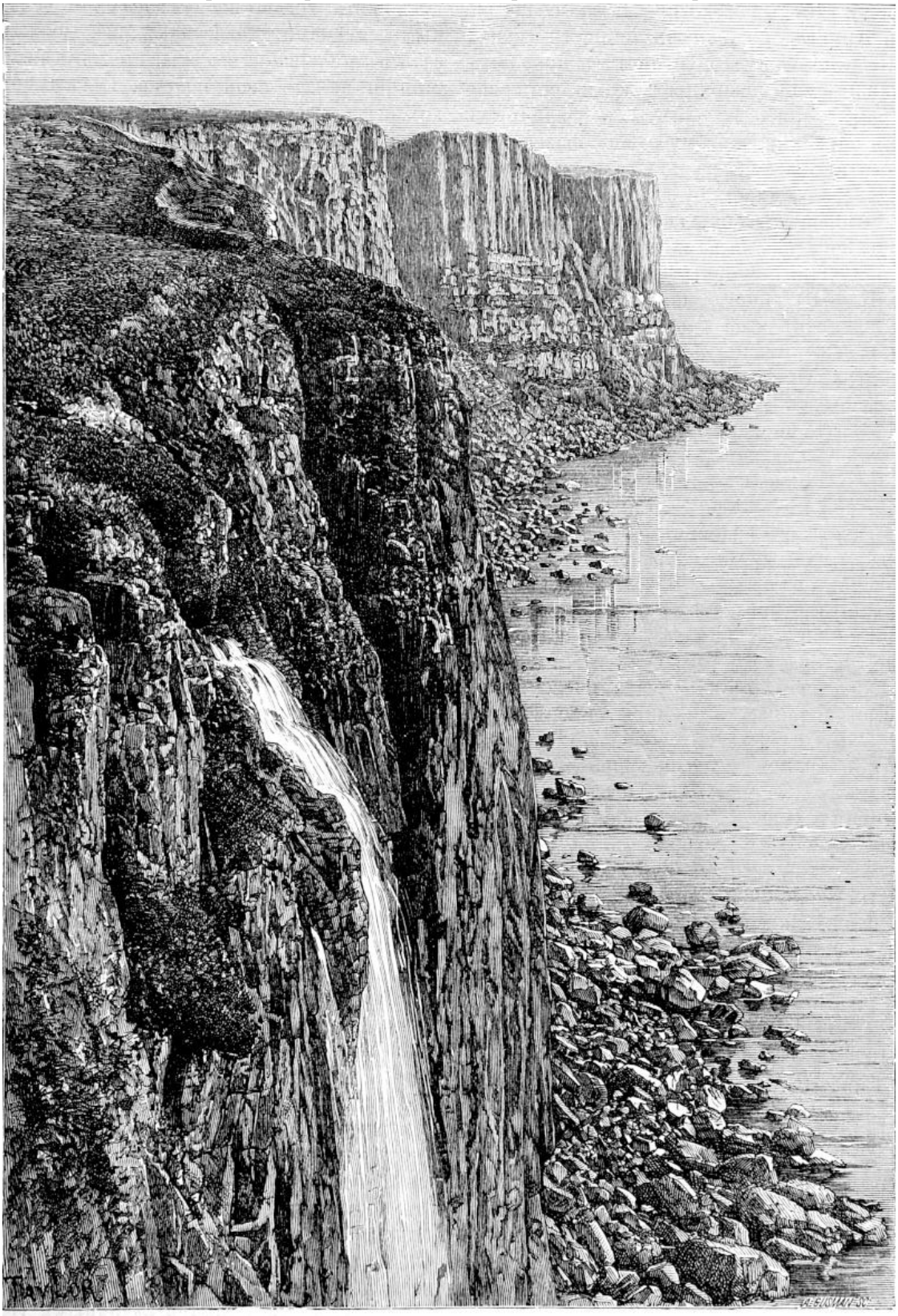
По происхождению, южные шотландцы представляют очень смешанную расу, лучшим доказательством чего может служить самое их имя. В древние времена страна, называемая ныне Шотландиею, известна была под именем Гибернии (Hibernia, Igbernia), тогда как название Скоция или Скотия (Scotia) применялось исключительно к Ирландии, с конца третьего до начала одиннадцатого столетия. Затем эти две земли поменялись именами. Ирландские выходцы, скотты или дальриады, поселились в графстве Арджайльском,—вероятно, около половины третьего века,—после чего мало-по-малу стали называть тем же именем и их соседей, а с течением времени название скоттов или шотландцев постепенно распространилось на все население Каледонии[2].

Потомство туземных рас, предшествовавших завоеванию края, пиктов или каледонцев, повидимому, не составляет большинства в нынешнем населении Нижней Шотландии. Полагают, напротив, что жители этой страны по большей части британского и англосаксонского происхождения. Раздельная линия между чистокровными англичанами и пиктами, по мнению ученых, точно совпадает с пограничною чертою перешейка, заключающагося между реками Кляйдой и Фортом, так что древнеримская стена Антонина была в одно и то же время границею политическою и этнографическою. Но саксы, англы, бритты должны были разде-

1 „The Bass-Bock, its civil and ecclesiastical history".

2 Kemble, „Saxons in England";—Latham, „Ethnology of the British Islands".

лить свою территорию с пришельцами разных других национальностей, ирландскими скоттами, фризами, скандинавами из Норвегии и Дании. И теперь еще во многих местах, преимущественно вдоль морских берегов, населения, различные по происхождению, живут в



Кильтъ-Рокъ на островѣ Ски.

непосредственном соприкосновении и, несмотря на то, продолжают быть отдельными группами; кровь их не смешалась; привычки, нравы, образ мыслей и образ действия остаются отличными. На всем приморьи, как на берегах Ирландского, так и на берегах Северного моря,

находятся многочисленные колонии рыбаков, которые называют себя—одни потомками датчан, другие потомками норвежцев; есть даже такия рыбачьи поселения, предки которых, по преданию, были выходцы из Фландрии. Некоторые деревни на морском берегу разделены на две части, подобно приморским местечкам Каталонии, Лигурии, Сицилии: в верхней части поселились ремесленники и земледельцы саксонского происхождения, в нижней части живут рыбаки, потомки скандинавских выходцев[1]. Однако, различные элементы населения смешались уже почти во всей стране. Шотландец по своим физическим качествам походит на норвежца, и это сходство не должно быть приписываемо исключительно аналогичным климатическим условиям, но также многочисленным скрещиваниям, которые имели место между скандинавскими завоевателями и туземными женщинами. Равным образом и языки имеют гораздо более общих черт, чем думали прежде[2]. Шотландцы говорят по-английски с особенным акцентом, по которому их сразу можно отличить от англичанина: каданс их языка разнится от каданса английской речи, и некоторые согласные скрадываются или в середине, или в конце слов. Они сохранили несколько старинных английских выражений, не употребляемых более на юге от Твида, на основании чего некоторые патриоты утверждали, что их диалект должен быть признан английским языком по преимуществу. Наконец, в запасе иностранных слов, которые заключает в себе шотландский язык, есть французские слова, не только те, которые были принесены нормандскими завоевателями, но и другие, относящиеся, по времени заимствования, к эпохе, когда два народа, шотландский и французский, были верными союзниками и посылали друг другу помощь солдатами.

Шотландец низменной области, или Lowlands, обыкновенно отличается большим ростом, высок на ногах, крепко сложен, не имеет наклонности к тучности, как его южный сосед, фермер Джон Буль. Взгляд у него обыкновенно живее и яснее, чем у англичанина, и черты лица правильнее; однако, скулы, которые худоба лица делает более выдающимися, вообще говоря, довольно большие. Сравнительные исследования Форбса доказали, что шотландец физически развивается немного медленнее, чем англичанин; он догоняет последнего, по росту и силе, только на девятнадцатом году от роду, но в зрелом возрасте он превосходит его почти на одну двадцатую по крепости мускулов[3]. Во всей Великобритании наиболее высокий средний рост свойствен населению юго-западной Шотландии: мужчины в Галловее имеют в вышину более 1,70 метр.,—рост, какого нигде не достигают, рассматриваемые по провинциальным группам, жители остальной части Британских островов. Южный шотландец (lowlander), вообще говоря, понятлив и умен, очень сметлив в коммерческих делах, настойчив в исполнении начатого дела, но благоразумен до подозрительности, бережлив до скупости. Каждая деревня имеет свой собственный банк или ссудо-сберегательную кассу. В 1878 году в Шотландии насчитывали провинциальных банков 950, сберегательных касс национальных 53 и почтовых 560, так что общее число всех кредитных учреждений было 1.563. Шотландец любознателен, разговорчив и с трудом привыкает к надменной молчаливости англичанина. На чужбине он отыскивает своих соотечественников, охотно помогает им в нужде и старается облегчить им успех. Один из самых обыкновенных пороков шотландского народа—это склонность к пьянству.

Что сделали шотландцы из своих культурных земель, столь неблагодарных, так мало благоприятствуемых климатом, показалось бы чудом крестьянам Италии и многих французских провинций: под 56 градусом широты они получают гораздо более обильные урожаи, чем хлебопашцы в странах Средиземного моря, с плодородных земель, лежащих на полторы тысячи верст ближе к экватору. Труд человека съумел даже приурочить к почве и климату Шотландии такия культурные растения, которые, повидимому, непригодны для этой суровой природы. В половине восемнадцатого столетия показывали в окрестностях Эдинбурга маленькое поле, засеянное пшеницею, как большую редкость, тогда как в наши дни этот

1 Scottish Lowlands, „Cornhill Magazine", may 1868.
2 John Earle, „Antropological Institute", 22 febr.1876.
3 Forbes;—Hugh Miller, „First Impression of England and the English".

хлеб можно видеть на полях в изобилии гораздо севернее, до залива Морей. А между тем с той поры климат страны, кажется, сделался, холоднее, судя по тому, что теперь в Шотландии нельзя возделывать мак, содержащий опиум, ни табак, хотя эти два растения разводились с успехом еще в начале нынешнего столетия. Точно также различные разновидности яблок, груш, слив, некогда пользовавшиеся большой известностью, в настоящее время уже не вызревают, и местные общества садоводства перестали предлагать премии за эти продукты, в виду того, что их ныне уже невозможно получать под открытым небом. В сфере промышленности шотландцы достигли не менее важных успехов, чем в области земледелия, лучшим доказательством чего служит тот факт, что на их территории находится первый мануфактурный город Великобритании, Гласго, где жители скучены в большем числе, чем в Манчестере, Лидсе или Бирмингеме. Наконец, Шотландия в значительной степени содействует благоденствию Англии своими эмигрантами, живущими в Лондоне и во всех других больших городах: более четверти шотландцев имеют пребывание вне своего отечества. В мануфактурных городах Англии коробейник, носящий свои товары по домам, известен вообще под именем «шотландца», scotchman. Шотландские колонисты в Новой Зеландии, в Канаде также принадлежат к самым деятельным, наиболее любящим наживу поселенцам, а молодые шотландцы из Нижней Шотландии, отправляющиеся в Индию, чтобы пользоваться своею долею царской власти над туземцами, пропорционально населению обеих стран, гораздо более многочисленны, чем англичане.

Любовь к образованию ради его самого, а не ради тех материальных выгод, которые оно может доставить, также более развита в Шотландии, нежели в Англии; университетские курсы посещаются в первой из этих стран с таким рвением, какого далеко не обнаруживают студенты оксфордские и кембриджские, и занятия там серьезнее; в обыкновенных школах не редкость встретить воспитанников прилежных до страсти, а в жилищах рабочих и крестьян часто можно найти маленькую избранную библиотеку, которая сделала бы честь богатым английским буржуа. Однако, и в Шотландии нет недостатка в молодых людях, спешащих покончить с ученьем, чтобы поскорее получить диплом, необходимый для снискания средств к жизни. Учащиеся юноши этой категории работают очень усердно, но цель, к которой они стремятся, не образование, а материальные выгоды. Эдинбургским студентам не хватает времени предаваться упражнениям в физической силе и ловкости, которые для многих питомцев Оксфордского и Кембриджского университетов, повидимому, составляют главную цель жизни[1]. По странному контрасту, эти самые шотландцы, столь практичные в обыденной жизни, обладающие таким здравым смыслом, иногда такие веселые в своих шутках и остротах, соль которых они умеют увеличивать серьезным тоном, питают необыкновенную любовь к сверхъестественному: они до страсти любят всякия страшные истории, сказки с чертями и привидениями. Столь искусные в устройстве своей собственной судьбы, они, тем не менее, являются полными фаталистами, и религиозные секты, к которым принадлежит большинство из них, отличаются особенною ревностью в защите догмата о предопределении. Тысячи шотландских крестьян, одетые все в черном, точно служители в церкви,—настоящие богословы и умеют вести диспуты о предметах веры, обильно уснащая свои доводы текстами из Св. Писания; по справедливому замечанию Эмерсона, «они способны легко увлекаться всякою бессмыслицею диалектики». Известно, что ни в одной стране «день субботний» не соблюдается с такою строгостью, как в Шотландии: в этот день останавливается даже движение поездов почти на всех железных дорогах, и во всей стране царствует ничем непрерываемое безмолвие. Владельцы громадных имений доходят в своем рвении до того, что налагают по воскресным дням запрет, своего рода табу, на принадлежащие им горы, и все гуляющие, которых встретят на этих заповедных горах, преследуются по всей строгости законов, как нарушители прав собственности.

Когда мы перейдем за реку Эск и один из её небольших притоков, на севере от англий-

1 Demogeot et Montucci. „De l'enseignement superieur en Angleterre et en Ecosse“.

ского города Карляйля, то первое поселение, которое нам встретится на шотландской территории, будет деревня Гретна-Грин, замечательная тем, что там еще не так давно один кузнец, наследник привилегии, присвоенной его профессии с незапамятных времен, соединял брачными узами, без всяких формальностей, кроме уплаты приличного гонорара, всех любовников, которые являлись к нему с этою целью. Средним числом, ежегодно около трех сот английских парочек, ускользнувших от преследования родителей, успевали перебираться через границу и там, перед наковальнею гретна-гринской кузницы, провозглашались законными супругами. Впрочем, нужно сказать, что по шотландским законам добровольное согласие жениха и невесты, высказанное перед свидетелями, считается достаточным для установления брачного союза.

Многие реки Шотландии текут к заливу Сольвей. Близ железнодорожного моста, построенного через этот лиман, открывается устье реки Аннан, на берегу которой стоит небольшой порт того же имени и которая выходит из очаровательной долины Аннандэль, где находятся минеральные воды Моффат, посещаемые многочисленною публикою. Другой поток, более значительный, река Нит, течет западнее предыдущей и проходит мимо города Думфриз, который некогда считался главным городом юго-западной Шотландии; в одной из его церквей покоится прах национального шотландского поэта Роберта Борнса. Морской прилив, поднимающийся вверх по р. Нит до Думфриза, делает доступным этот порт каботажным судам, вмещающим до 120 тонн груза. Город Керккудбрайт, столица графства, как и Думфриз,—также маленький приморский порт. На западе, на берегах Вигтаунской бухты, находятся два местечка: Критаун, каменоломни которого доставляют гранит, употребляемый на постройки в Ливерпуле, и Вигтаун, главный административный пункт графства того же имени, составляющего часть юго-западной Шотландии. Движение судоходства в Вигтунском порте в 1882 году, не считая каботажных судов с балластом: в приходе и отходе 766 судов, вместимостью 39.875 тонн. Единственный важный город этого края—Странрар или Странрер, построенный у оконечности продолговатого залива, похожего скорее на озеро, чем и объясняется данное ему название Лок-Райен; приходящие суда находят здесь пристанище в естественном бассейне, совершенно защищенном от всех ветров. Движение судоходства в порте Странрера в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе 1.174 судна, вместимостью 182.970 тонн; в 1895 году к этому порту принадлежало 133 рыболовных судна. С другой стороны полуострова, называемого Риннз-ов-Галловей, на берегу, обращенном к Ирландии, находится коммерческая гавань, Порт-Патрик, отстоящая всего только на 40 километров от ирландского прибрежья. Это—одна из пристаней для пароходов, совершающих рейсы между Ирландией и Великобританией. По распоряжению правительства, в этом порте были предприняты обширные работы по устройству доков и плотин; но самый берег, усеянный подводными камнями, все-таки остался очень опасным для плавания, и суда стараются избегать его в бурную погоду.

Эйр, или Эр, главный город графства того же имени, тоже приморский порт, и при том один из самых оживленных на всем этом прибрежьи; но он не может принимать суда больших размеров. Движение судоходства в порте Эйр в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе 2.481 судно, вместимостью в 344.753 тонны; собственный торговый флот в 1882 году состоял из 48 судов, общая вместимость которых равнялась 13.355 тоннам. Этот город, очень промышленный, лежит уже в круге притяжения Гласго и имеет множество фабрик и заводов; в окрестностях его находится место рождения Роберта Борнса, посещаемое, как святыня, почитателями поэта. На севере от реки Эйр течет, параллельно ей, река Эрвайн (Irvine), приморский порт которой носит такое же название; моряки предпочитают ему хорошо защищенную от ветров гавань Трун, лежащую между реками Эйр и Эрвайн, близ местечка того же имени, построенного на землях богатейшего в крае землевладельца. Движение судоходства в Трунском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе 3.117 судов, вместимостью в 363.780 тонн. Важнейший город долины р. Эрвайн—Кильмарнок, обогащаемый многочисленными существующими в нем мануфактурами материй и ковров. Мы находимся уже в каменноугольной области, и группы

фабричных заведений появляются со всех сторон. Деревни, даже маленькия деревушки с каждым годом разростаются и приобретают все более и более важное экономическое значение. Дальри есть одна из таких деревень, быстро превратившихся в промышленные города.

Река Кляйда, получившая столь громкую известность, несмотря на незначительное количество воды, приносимой ею в море, занимает лишь третье место между большими реками страны по протяжению своего бассейна, уступая в этом отношении рекам Тэй и Твид; но в её области сосредоточено более трети всего населения Шотландии.

Главные реки Шотландии (не включая их заливообразные устья):

	Площадь бассейна. квад. кил.	Длина течения километ.	Вероятный расход воды куб. метр. в сек. (К. Джонстон)
Тэй	5.825	203	123
Твид	4.840	169	75
Кляйда	3.620	165	70

Первые свои воды Кляйда получает из группы холмов Лоутер-Гильз. При вступлении в равнину, она низвергается по целому ряду неровных уступов с общей высоты около 70 метров на протяжении 4.800 метр.: один из этих каскадов, называемых linns, имеет 25 метров вертикального падения; окружающие водопад величественные скалы, густые деревья, еще более увеличивают красоту чудной картины. Эта живописная местность—одна из самых знаменитых в истории Шотландии: здесь жил Уоллес (Wallace), здесь же были совершены, в конце тринадцатого столетия, первые его бранные подвиги, ради освобождения отечества. В этой же области валлиец Роберт Оуэн основал, в начале нынешнего столетия, цветущую Ньюланаркскую фабрику, которая, как он надеялся, должна была послужить исходной точкой к уничтожению нищеты, и которая во всяком случае имела немаловажное значение, как первый опыт ассоциации. Столица графства, Ланарк промышленный город, окруженный фруктовыми садами; впрочем, и вся равнина, среди которой он расположен, по справедливости может быть названа одним из садов Шотландии.

Ланарк и Нью-Ланарк находятся уже в круге мануфактурной деятельности, центром которого является город Гласго или Гласгов: каменный уголь и железная руда вызвали к жизни многочисленные фабрики и заводы во всей этой стране, и прежния маловажные местечки: Эрдри, Котбридж, Уишау, Гамильтон, Мотервель, Рутерглен, сделались многолюдными городами. После Йоркшира, Шотландия занимает первое место в металлургической промышленности Великобритании. Самая известная из её железных руд—«черная полоса» (black band), названная так потому, что ее находят слоями среди пластов каменного угля. (Общее количество каменного угля, вывезенного из бассейна Кляйды через Гласго и Гринок, в 1882 году, составляло 513.185 тонн). Будучи естественно смешана с земляным углем, эта руда может быть выжигаема без прибавки топлива и составляет один из богатейших сырых материалов, очень удобный для отливки и переработки: поэтому нет ничего удивительного, что хозяева шотландских железных заводов нажили огромные состояния от этой «черной полосы», и многие современные дворцы, воздвигнутые на высотах, свидетельствуют о важности производимого здешними заводчиками отпуска железа заграницу. Замок герцогского рода Гамильтонов, построенный на берегу Кляйды, среди великолепного парка, есть замечательнейшее здание во всем этом крае; картинная галлерея его заключает избранные произведения великих живописцев, о чем, впрочем, нужно пожалеть, так как только очень небольшое число художников и знатоков искусства могут осматривать эти картины в пышном княжеском дворце, где они хранятся. В соседнем парке живет еще, почти в диком состоянии, стадо «белого рогатого скота», которое считают представителем типа первобытных быков этой страны. Недалеко от Гамильтона находится исторический замок Ботвель, построенный среди прекрасной местности, где рассеяны во множестве загородные дома, принадлежащие негоциантам Гласго.

Этот город, самый многолюдный в Шотландии и первый в Великобритании после Лондона, не есть даже главный город графства, а между тем уже в половине пятнадцатого столетия

он имел более важное значение, чем главный пункт судебного округа, к которому он принадлежал, то-есть местечко Ланарк: в то время в нем насчитывалось уже до 14.000 жителей. Гласго, лежащий вдали от моря на берегу Кляйды, которая тогда была судоходна только для мелких гребных судов, не мог получить в ту эпоху более значительного развития. До соединения Шотландии и Англии в одно королевство, порт р. Кляйды, отличающийся в наши дни такой обширной, кипучей деятельностью, почти совсем не имел торговых сношений с иностранными государствами. Отделенный от континентальной Европы всем протяжением Великобритании, он не мог вступить в конкурренцию с портами восточного прибрежья по торговле с Германией и Нидерландами; большие рынки Англии захватили в свои руки торговый обмен с Францией, а непосредственные сношения с английскими колониями Нового Света были ему запрещены. Но с тех пор, как акт о политическом соединении двух стран уравнял шотландские порты с английскими, Гринок и Гласго, из которых последний представлял в ту эпоху не более как «чистенькое местечко, состоящее из четырех улиц», попытались принять участие в пользовании богатствами Америки. Эти два города занялись главным образом вывозом табаку из Виргинии и Мериленда и сделались посредниками этой отрасли торговли между Новым Светом и большой частью континента Европы.

Это было начало быстрых успехов для Гласгова; когда эта специальность торгового обмена была отнята у него, город успел уже создать себе другие отрасли промышленности. В 1801 году число его жителей простиралось уже до 80.000. С того времени население его увеличилось в восемь раз; к сожалению, это громадное приращение произошло вследствие иммиграции, а не путем избытка числа рождений над числом смертных случаев. Хотя в Гласгове есть прекрасные парки, обширные лужайки, однако, статистики констатируют тот печальный факт, что смертность этого города превышает даже смертность Бомбея и Калькутты, этого «гнезда заразы». Масса голодного пришлого люда так тесно скучена, грязь и мрак, царствующие в их логовищах, так велики, что смерть собирает в этом огромном промышленном центре более обильную жатву, чем в большей части других городов земного шара: его wynds или сырые закоулки составляют гнездилище чахотки и лихорадки. Ирландцы, приходящие искать работы, и шотландцы, переселяющиеся из обширных имений гористой области (Highlands), постоянно доставляют новую пищу смертоносным эпидемиям; но в десятилетие с 1866 по 1876 год слишком 31.000 бедных жителей были изгнаны из центра города проложением новых улиц.

Сто шестьдесят тысяч домов Гласгова занимают оба берега Кляйды, но часть города, расположенная на левом берегу, имеет очень незначительное протяжение в сравнении с частью, построенной на правом: на левой стороне находятся почти все замечательные архитектурные памятники, впрочем почерневшие от дыма и тумана. Гласговский собор, под которым тянется чрезвычайно любопытная подземная церковь, или крипта, готического стиля, самая обширная и красивая во всей Великобритании, есть, вместе с собором на Оркадских островах, единственный католический храм Шотландии, избегнувший разрушения во времена реформации. Приказ о сломке его был дан, но граждане города, гордившиеся своим старинным храмом, энергически защищали его против иконоборческого рвения протестантских пасторов. Любопытно видеть, по самому местоположению этого собора, как город не переставал разростаться в западном направлении, то-есть постоянно выдвигался в сторону господствующего ветра и чистого воздуха, и в то же время шел на встречу судам, приходящим в его гавань с моря. В большей части городов с нормальным ростом самые древние здания остались ядром или центром города, вокруг которого постепенно располагались более новые улицы; в Гласгове же, напротив, собор все еще стоит на самой окраине городской черты: все население сгруппировалось в том же направлении, которому следует течение Кляйды.

Старинная коллегия, или университет, находившийся на восточной стороне города с половины пятнадцатого столетия, эпохи его основания, также переместился на запад, и помещается теперь рядом с прекрасным парком Вест-Энда, на холме Джильмор. Новое здание университета, с величественной башней, возвышающейся на 90 метров, содержит лаборато-

рии: физическую, химическую и медицинскую, две библиотеки и Гунтеровский музей, прекрасное собрание рукописей, древних медалей, произведений живописи, предметов естественной истории, анатомических препаратов, завещанное знаменитым хирургом Гунтером и постоянно обогащаемое со времени его кончины. Курсы университета посещаются двумя тысячами студентов (в 1893 г.: 28 профессоров, 10 лекторов и 2.180 студентов, в том числе 131 студентка). Кроме того, здесь существует еще другое высшее учебное заведение, так называемый Андерсоновский институт (Andersonian Institution), вольная главная школа, курсы которой, почти бесплатные, посещаются двумя тысячами слушателей, и между этими слушателями есть сотни молодых людей, которые принуждены употреблять часть дня на добывание себе средств к жизни; музей палеонтологии, геологии, анатомии, принадлежащий этому институту, не уступает по богатству коллекциям Гунтеровского музея, а его лаборатория практической химии есть одно из лучших заведений этого рода в Европе[1]. По требованию одной странной статьи духовного завещания, которым основан этот институт (в 1796 г.), он должен быть управляем девять раз девятью (81) кураторами, из которых девять носят фамилию Андерсон.

Гласго—город по преимуществу промышленный и торговый. Из всех построек, поднимающихся над его домами, самые высокия—две трубы, одна в 132, другая в 142 метра вышины, принадлежащие заводам химических продуктов, не имеющим равных себе во всем свете: эти громадные колонны из кирпича, извергающие столбы дыма, составляют гордость города. Промышленная деятельность Гласгова замечательна разнообразием её специальностей. Этот шотландский мануфактурный центр занимается выделкой бумажных тканей, как Манчестер, фабрикацией шелковых материй, как Меклесфильд, производством сукон, как Лидс и Галифакс, обработкой джута, как Дунди, постройкой судов, как Мидльсборо, металлургическим, стеклянным, фаянсовым производством, как Бирмингам, Ньюкестль, Вустер, и во всех этих отраслях промышленности он занимает одно из первых мест. В настоящее время в нем насчитывается от трех до четырех тысяч разного рода фабричных заведений, больших и малых, на которых работает более ста тысяч человек (в 1872 году в Гласгове фабрик было 3.121, дававших занятие 114.864 рабочим).

Торговля Гласгова соответствует, по размерам, его промышленности. Из десяти железных дорог, сходящихся в его вокзалах, три направляются к Эдинбургу и едва поспевают удовлетворять требованиям непосредственных торговых сношений между двумя морями. Что касается Гласговского порта, то его составляет все нижнее течение Кляйды, на протяжении 32 километров, от нижнего моста в Гласгове, называемого мостом Брумилау, до города Гринока, стоящего в том месте, где река расширяется в залив. Глядя на Кляйду, ширина которой у Гласгова не превышает 120 метров и где между тесно скученными у обоих берегов судами остается лишь узкий канал желтоватой воды, невольно удивляешься, что река, столь мало величественная на вид, могла сделаться таким огромным, первоклассным портом, какою она является в наши дни, и принимать каждый год тысячи купеческих кораблей. До сооружения береговых плотин, которыми съузили русло реки, воды Кляйды в часы прилива широко разливались в виде болотистых бухт, тогда как в период отлива они были усеяны песчаными мелями, через которые с трудом могли проходить даже простые барки; на всем пространстве от Думбартона до противоположного берега коровы переходили в брод. Часть торговли производилась сухим путем по дороге, ведущей к небольшому порту Ардроссан; другая часть торгового движения направлялась по течению Кляйды, но морские суда, поднимавшиеся вверх по лиману, должны были останавливаться в 25 километрах ниже Гласгова и там выгружать свои товары, которые забирались судами, вмещавшими только от 3 до 6 тонн груза: это были самые крупные суда, которые проникали в тогдашний Гласговский порт. Правда, жители Думбартона, Ренфру и Гласгова соединились было и образовали общество, имевшее целью устранение естественных препятствий, затруднявших плавание по реке; но это дело оказалось в то время выше их сил. Наконец, в 1653 году, гласговские негоцианты, поте-

1 Denogeot et Montucci, „De l'enseignement superieur en Angleterre et en Ecosse".

ряв всякую надежду сделать Кляйду судоходною до их города, пришли к мысли основать свой порт в Думбартоне; но мирные граждане этого старинного города отвергли это предложение, из опасения, чтобы торговля и промышленность не заставили их изменить традиционные обычаи[1]. Таким образом Гласгову, казалось, суждено было навсегда остаться внутренним городом; он хотел, по крайней мере, иметь гавань, которая составляла бы его собственность, и с этою целью в 1662 году выкопал бассейны и устроил товарные склады в Порт-Гласгове, на южном берегу нижнего лимана.

В то же время работы по углублению речного русла продолжались ниже Гласгова, и в 1718 году первое большое судно, поднимавшее около 60 тонн груза, отправилось из этого города в Новый Свет; но Гринок, занимающий более благоприятное положение, также пустился в торговлю с Америкой, и во все продолжение восемнадцатого столетия нельзя было с уверенностью предсказать, какой из этих двух городов в конце концов одержит верх. Благодаря работам, исполненным по планам Смитона, Уатта, который сам был уроженец Гринока, и других знаменитых инженеров, первенствующее значение, как торговый пункт, получил город, более удаленный от моря. К 1875 году нижняя Кляйда была уже на всем протяжении обведена плотинами, заключена в ложе однообразной ширины, и наименьшая глубина её на порогах составляла 2,36 метров при низком стоянии воды. В настоящее время эта глубина увеличилась в три раза, благодаря систематической расчистке речного русла, и суда очень большого водоизмещения могут во всякое время подходить к самым набережным у моста Брумилау. Гласго—первый город в Европе, по реке которого было открыто правильное паровое судоходство. Это было в 1812 году, а шесть лет спустя пакетботы, приводимые в движение новыми машинами, переплывали уже Ирландский пролив, между Гриноком и Бельфастом. Теперь Гласго принадлежит к числу портов Великобритании, соединенных с наибольшим числом иностранных портов посредством правильного пароходного сообщения; вместе с тем это—один из приморских городов, судохозяева которых обладают сравнительно наибольшим количеством судов. Общее движение грузов в портах Кляйды, на реке, в речном лимане и в заливе, близ устья, достигает 7 миллион. тонн. Вот некоторые относящиеся сюда статистические данные:

Движение судоходства в Гласговском порте:

В 1820 г.—160.000 тонн, в 1846 г—1.120.000 тонн, в 1882 г. 15.481 судно—4.505.120 тонн.

В 1891 г.: прибыло 9.025 судов в 2.711.697 тонн, вышло 9.549 судов в 3.055.571 тонн.

Ценность заграничной торговли: привоз—12.556.000, вывоз—14.055.000 фунт. стерл.

Коммерческий флот Гласгова в 1891 году: 1.576 морских судов, вместимостью 1.316.809 тонн (в том числе 1.013 пароходов).

По размерам торговой деятельности Кляйда уступает только трем рекам Великобритании: Темзе, Мерсею и Тайну. Замечено, что чайки стали появляться в долине Кляйды более многочисленными стаями с той поры, как Гласго сделался большим приморским портом: эти морские птицы шли следом за кораблями.

В окрестностях Гласгова рассеяно много мануфактурных городов, как-то: Меригилль, Керкинтиллок, Поллокшауз, Варгед, Джонстон, Песли. Последний—самый важный из них: в прежнее время он занимался преимущественно фабрикацией шелкового газа, кисеи и других материй, теперь же главные его мануфактуры прядут хлопок, ткут шали, шелковые материи и смешанные ткани; ковры его известны во всем свете. Песли и Гринок—самые большие города графства Ренфру, главный город котораво, Ренфру (Renfrew), лежащий на берегу Кляйды, между Гласго и Порт-Гласго, представляет незначительное, пришедшее в упадок местечко. Движение судоходства в 1891 году, не считая каботажных судов с балластом:

В Гринокском порте: прибыло 7.977 судов, вместимостью 1.605.559 тонн; в Ардроссанском порте: прибыло 3.119 судов, вместимостью 327.761 тонн; торговый флот: Гринока

1 George Dodd, „The Land we live in“;—Charles Dupin, „Voyage dans la Grande-Bretagne”.

309 судов, вместимостью 240.100 тонн; Ардроссана (1882 г.) 111 судов, вместимостью 14.015 тонн; суда, построенные в портах Кляйды (1882 г.), 291 судно, вместимостью 391.930 тонн.

На правом берегу реки находится один древний и знаменитый город, Думбартон, главный административный пункт графства того же имени и маленький коммерческий порт: это—бывшая столица королевства Стратклюйд или Стратклайд. Его важное стратегическое положение, у подножия двуглавой базальтовой горы (Dumbarton-Rock), возвышающейся на 170 метров над уровнем воды, при слиянии двух рук, Кляйды и Левена, во все времена привлекало армии. Кумбрийцы называли этот город Al-Cluyd, тогда как скотты дали ему, по причине его британского населения, название Dun-Breton или «Британская скала», которое он носит и до сих пор; в поэмах Оссиана он упоминается под именем Бальклута. Замок, расположенный на вершине горы, содержит остатки средневековых строений и даже кое-какие развалины, которые, может быть, принадлежали к римской крепости; в силу одной из статей договора о соединении Шотландии с Англией, Думбартонский замок, который был занимаем Робертом Брюсом, Марией Стюарт, Карлом I, Оливером Кромвелем, есть один из стратегических пунктов, укрепления которых должны быть всегда сохраняемы. В наши дни Думбартон своим важным значением обязан в значительной степени наплыву путешественников, которые останавливаются в нем, чтобы посетить живописные окрестности города и берега озера Лок-Ломонд. Город Геленсбург, лежащий напротив Гринока, на берегу маленького залива или озера (loch) речного лимана Кляйды, также посещается большим числом досужих людей, путешествующих для собственного удовольствия. Точно также город Ротсей, на острове Бьют, важен как станция морских ванн, привлекающая многочисленную публику; чахоточные приезжают сюда в большом числе, надеясь получить исцеление от чистого воздуха и теплого климата острова.

В сравнении с долиной Кляйды, бассейн реки Твид, хотя более обширный и также заключающий в себе плодородные равнины, имеет очень редкое население; городов в нем мало, и значительного между ними нет ни одного. Пибльс и Селькирк, главные города графств того же имени, похожи скорее на местечки, чем на города, а замок Роксбург, который дал свое имя третьему графству, не будучи, однако, его главным местом, не имеет подле себя никакого города, и у подножия его приютилась простая деревня. Важнейшие города верхней части бассейна реки Твид и её притока Тивиот, (или Тевиот), Гавик и Галашильс, имеют некоторое значение, как промышленные центры, по производству чулок, ковров, материи тартан, пледов, известных также под именем твидов (Tweeds), потому что их отправляют из долины Твида; но население этого округа по численности не может равняться даже с населением многих из предместий Гласгова. Несмотря на то, эта страна—одна из наиболее посещаемых путешественниками областей Шотландии: здесь, недалеко от города Галашильс, находится замок Абботсфорд, еще полный воспоминаниями о Вальтер-Скотте, а в соседстве рассеяны многочисленные развалины, которым великий романист доставил всемирную известность, и которые вполне заслуживают этого прославления, как по красоте их колоннад и арок, так и по прелести окружающих пейзажей. Одну из этих живописных руин представляют остатки древнего аббатства Мельроз; другая была некогда аббатством Джедбург. Город этого имени, где родился знаменитый физик Брюстер, есть столица Роксбургского графства. С геологической точки зрения, эта область долины Твид (Tweeddale)—одна из самых любопытных во всей Шотландии, по причине правильности, с которой холмы были, так сказать, выструганы льдами, в направлении от северо-востока к юго-западу.

Морской берег, который, от мыса до мыса, постепенно загибается к западу, чтобы образовать южный берег залива Форт, есть, так же, как и долина Твида, одна из наиболее известных частей Шотландии, ибо исторический путь из Йорка в Эдинбург следует параллельно прибрежью на севере от р. Твид; но ни одно из местечек или селений, рассеянных по этому берегу, и которые некогда были столь важны в стратегическом отношении, не имеет ныне значения, как торговый или промышленный пункт. Дунбар, при котором происходили две битвы, в 1296 и в 1650 годах, выигранные: первая—Эдуардом I над шотландцами Белайоля,

вторая—Кромвелем над роялистами, имеет лишь плохой рыболовный порт, доступ к которому довольно опасен: соседний берег постоянно подтачивается морскими волнами, и песчаниковый утес, на котором стоит Дунбарский замок, на половину обрушился в море[1]. На западе, при маленькой речке Тайн, стоит местечко Гаддингтон, родина известного Нокса; это—главный административный пункт графства Гаддингтон или Восточно-Лотианского (East-Lothian), расположенный среди равнин, которые, может быть, представляют наилучше обработанные поля во всем свете.

Эдинбург, столица Шотландии и один из самых многолюдных между второстепенными городами Великобритании, бесспорно принадлежит к числу красивейших городов Европы; он отличается в особенности тем, чего недостает большей части британских городов,—оригинальностью: это один из тех редких городов, которые имеют естественные отличительные черты, и которые сделались бы живописною местностью, если бы дома их вдруг исчезли[2]. Эдинбург имеет совершенно оригинальный, не похожий на другие города, вид, благодаря живописному рельефу местности, на которой воздвигнуты его здания, благодаря также искусству, с которым жители съумели воспользоваться неровностями почвы, чтобы расположить свои общественные памятники и публичные сады. При том Эдинбург, так же, как и Гласго, имеет то преимущество перед английскими городами, что он построен из гранита и мрамора; соседния каменоломни, находящиеся на западе, Креглит и Косторфайн, доставляют ему все необходимые строительные материалы. В поэтической речи жители дают своему городу название Dunedin.

На восточной окраине равнины, по которой течет, извиваясь, небольшой ручей, называемый «Water of Leith», возвышается очень крутая базальтовая гора, оканчивающаяся с западной стороны обрывистым плато, понижающаяся пологим скатом к востоку. Замок, или кремль, неправильной формы,—группа строений, принадлежащая десяти векам, с многочисленными башнями, валами и воротами, беспорядочное расположение которых придает еще более живописный вид целому,—занимает крутую террасу западного склона, тогда как на восточной оконечности холма, там, где он сливается с равниной, стоит старый королевский дворец Голируд, с зубчатыми башнями на фасаде и с развалинами древнего аббатства. Между крепостью и дворцом, на двух других склонах горы, северном и южном, построился старый город, дома которого, довольно низкие на стороне, обращенной к горе, представляют на другой стороне по семи или восьми этажей. Но городу на этих двух скатах показалось слишком тесно: сначала он раздвинулся к югу, наполняя долину и покрывая своими постройками другой холм, параллельный Замковой горе; затем в продолжение второй половины восемнадцатого столетия, он перешел за глубокий овраг на севере, и новые кварталы вытянули в прямую линию пышные фасады своих зданий по скатам третьего холма, который отлого спускается на запад и на север, к ручью Уотер-ов-Лит и к морю. Эти северные и южные кварталы соединены с старым городом мостами, и прекрасные общественные сады, украшенные статуями, занимают все промежуточные пространства, оставшиеся незастроенными, и низины, где прежде застаивались болотистые воды. На востоке холм Кальтон-Гилль, уже окруженный домами, и на юго-западе скалы Салисбери (Salisbury-Crags) и гора, известная под именем «Артурова престола» (Arthur's Seat), господствуют над городом, и с террас их можно видеть весь Эдинбург, с его монументальными зданиями, садами и лужайками, превосходно обработанные поля, которыми он окружен, его порты и жете на заливе Форт и отдаленные горы до вершины Бен-Ломонд. В настоящее время Эдинбург соединяется с Литом, главным своим портом, и с второстепенными портами, Ньюгевном, Грантоном, непрерывными рядами домов; прежде он был отделен от них необитаемою равниной: это была одна черта сходства его с Афинами. Эдинбургские жители могли говорить, что у них есть свой Пирей, так же, как и свой Акрополь, и в то же время напоминать, что ни один город не имеет больше прав, по своим великим людям, претендовать на название «Северных Афин»:

1 Archibald Geikie, „Scenery and Geology of Scotland".

2 Hugh Miller, „Edinburgh and its neighbourhood".

Юм, Робертсон, Дугальд Стюарт, Эрскайн, Непир, изобретатель логарифмов, Вальтер Скотт, Брум, Маколей, Гуго Миллер, Несмит—принадлежат к числу его сынов.

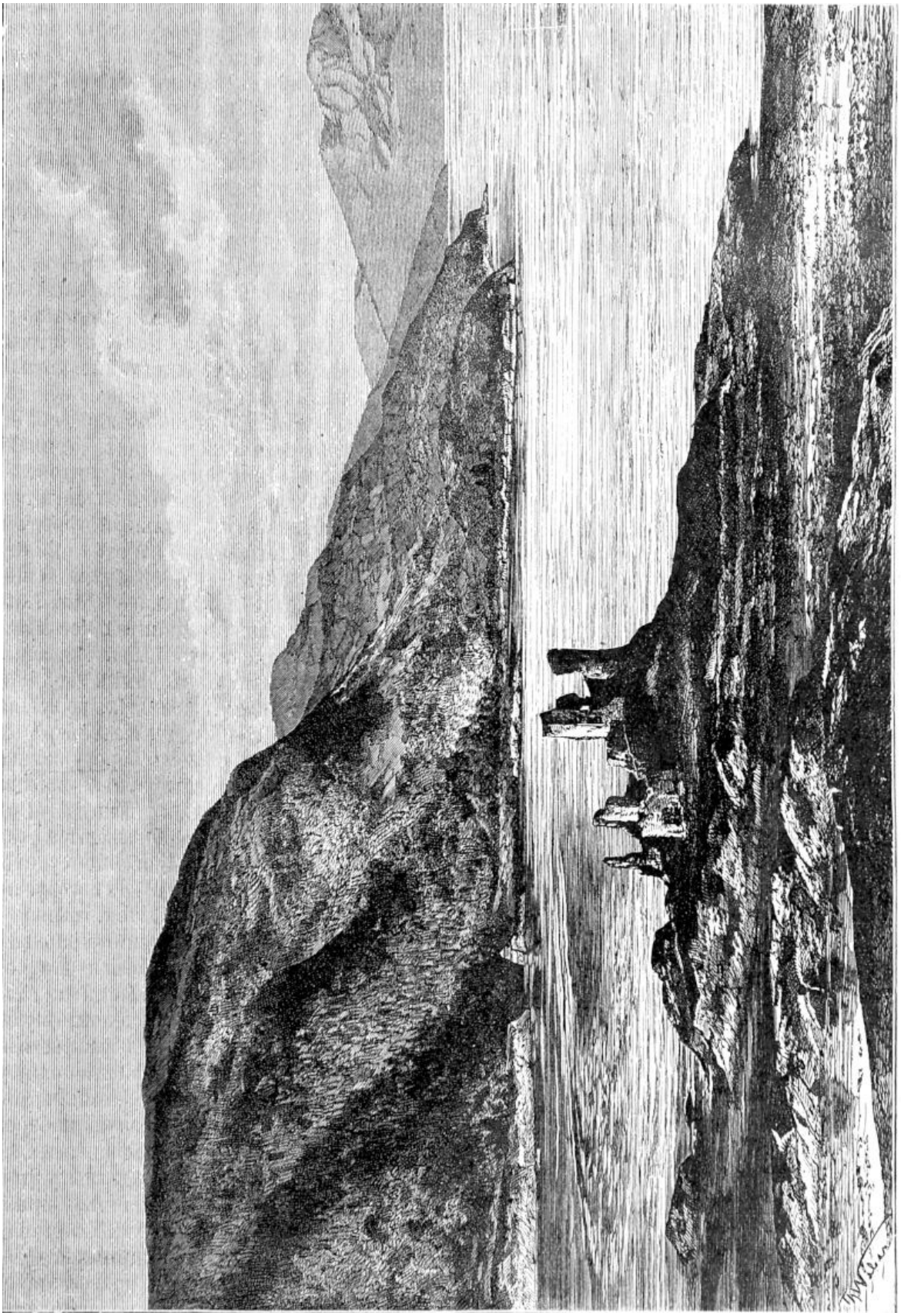
Эдинбург—бывшая столица Шотландского королевства, и мер его или городской старшина (provost) носит титул лорда; клейноды короны все-еще хранятся в его замке, и одно из его зданий до сих пор сохранило название парламента; но этот дворец сделался местопребыванием высших судебных установлений страны. В том же здании помещается так называемая «адвокатская библиотека» (Advocates' Library), которая действительно принадлежит членам судебного сословия, но которая в то же время есть главная публичная библиотека Эдинбурга и получает по одному экземпляру всех новых изданий, выходящих в свет на территории Британских островов; здесь находятся, между прочим, коллекции, чрезвычайно важные для истории Шотландии, и все гаэлические рукописи, собранные так называемым «горным обществом» (Highland Society) во время его исследования относительно подлинности поэм Оссиана. Книгохранилище, известное под именем Signet Library, т. е. «библиотеки нотариусов» (Writers to the Signet) и помещающееся в том же парламентском здании, важно в особенности по собранию книг, относящихся к истории английской и ирландской. В обеих этих библиотеках в настоящее время насчитывается около 370.000 томов. Дворец Голируд, бывший монастырь, известный и теперь еще в народном языке под названием аббатства (abbey), заключает остатки своей прекрасной монастырской церкви и несколько любопытных произведений живописи; но исторические воспоминания всего более привлекают посетителей в королевские аппартаменты и преимущественно в покои Марии Стюарт. Важнейшие общественные памятники Эдинбурга посвящены делу народного просвещения. Университет, основанный в 1582 году, заключает, между прочим, библиотеку в 180.000 томов и 3.000 рукописей, и богатые коллекции по анатомии и физике; кроме того, он имеет, в соседнем здании, музей естественной истории и «консерваторию искусств и ремесл», которая пользуется громкою известностью; астрономическая обсерватория, построенная на холме Кальтон-Гилль, рядом с недоконченным зданием Парфенона, которое намерены были посвятить людям и событиям, составляющим военную славу нации, также принадлежит к университету (в 1893 г.: 41 профессор, 60 лекторов и 3.500 студентов). Знаменитое медицинское училище, различные высшие учебные заведения (high schools), коллегия Фетса, для которой один гражданин завещал сумму в семь миллионов франков, картинная галлерея, музеи общества антикваріев и других ученых корпораций, сады зоологические, ботанические и опытные—свидетельствуют о рвении Эдинбурга в отношении развития наук. Он хочет навсегда сохранить за собой право на принятое им название «Северных Афин».

Столица Шотландии не составляет промышленного центра: она имеет коммерческое превосходство только в области научной и литературной производительности; по своим периодическим изданиям и количеству вновь выходящих сочинений научного содержания она стоит на-ряду с Лондоном. Нигде во всей Великобритании так называемые свободные профессии, юридическая, медицинская, учительская, не имеют такого большего числа представителей, как в Эдинбурге; но класс пролетариев там не менее значителен, сравнительно с цифрой жителей, чем во многих мануфактурных городах: глухие закоулки, или closes, старого города представляют вертепы, где гнездится жалкое, нищенское население, погрязшее в пороке, ибо если не для отдельных лиц, то для целых обществ нравственная порча всегда является спутницей нужды. Промышленную жизнь в собственном смысле можно встретить только в Лите, приморском квартале Эдинбурга. В этой части города находятся многочисленные заводы—канатные, парусные, мыловаренные, пивоваренные, рафинадные и стеклянные, судостроительные верфи, мастерские всякого рода, и порт—узкий канал, защищенный двумя параллельными жете—ведет обширную прибрежную торговлю.

Движение судоходства в порте Лит в 1894 году: в приходе 3.991 судно (в том числе 3.054 парохода), вместим.—1.414.755 тонн. Торговый флот, принадлежащий этому порту: 202 морских судна, вместим,—112.496 тонн, и 383 рыболовных судна.

Ценность привоза в 1894 году—10.658.000, вывоза—3.513.000 фунт. стерл.

Все города, лежащие на берегу моря и которые, благодаря железным дорогам, составляют в действительности одно обширное предместье соседней столицы, занимаются также рыболовным промыслом и каботажным судоходством. На востоке мы находим два города: Мус-



Эйланъ-Донанъ-Кастлъ.

сельбург и Портобелло, из которых последний назван так одним моряком, принимавшим участие в штурме одноименного американского города, в 1740 году; на западе следуют один за другим Ньюгевн и порт Грантон, защищенный огромными плотинами. Движение судо-

ходства в этом последнем порте в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом) выразилось следующей цифрой: в приходе было 510 судов, вместимостью—238.555 тонн. Из Грантона отправляются паровые паромы, перевозящие с одного берега на другой железнодорожные поезды через залив Форт. Теперь через этот залив построен, у Квинсферри, грандиозный железнодорожный мост длиною в 2.466 метр. (рельсы лежат на высоте 47,7 метров над уровнем самой высокой воды), сооружение которого стоило два с половиной миллиона фунт. стерл.

Со стороны твердой земли Эдинбург окружен виллами и замками, из которых самые красивые рассеяны на юге и на востоке от столицы: там находятся, между прочим, дворец герцога Боклеф, близ Далькита, среди великолепных садов, и выше, в долине, развалины церкви Рослин, построенной в 1446 году, в готическом стиле, отличающемся особенным обилием орнаментов. Промышленных городов в этой области совсем нет. Даже Линлитгау, главный город графства Западно-Лотианского (West-Lothian), лежащего к западу от графства Эдинбургского или Средне-Лотианского (Mid-Lothian), представляет лишь незначительное местечко: в прежния времена это был Версаль шотландских королей, и в замке его, который сгорел в прошлом столетии, родилась Мария Стюарт, в 1542 году. На севере от города Линлитгау, на южном берегу залива, находится местечко Борростоунес,—называемое сокращенно Боунес или Бонес (Bowness или Bo'ness),—где разработываются важные каменноугольные копи. Движение судоходства в порте Борростоунес в 1891 году: прибыло 986 судов в 260.457 тон., вышло 1.018 судов в 267.059 тон. Каменноугольные копи этого местечка разработываются далеко под водами залива, так что подземные галлерей близко подходят к противоположному берегу. В конце прошлого столетия графы Кинкардин, которым принадлежали эти копи, устроили посреди залива, на расстоянии 800 метров от берега, кругообразную набережную, в форме колодца, сообщающагося с внутренностью копи; суда подходили к этой пристани грузить уголь, поднимаемый прямо из глубины. Эта морская шахта, составлявшая одну из главных достопримечательностей Шотландии, существовала долгое время; но однажды, во время необыкновенно высокого прилива, вода, поднявшись выше краев набережной, залила копь и бывших в ней рабочих[1]. Еще в 1775 году все рудокопы и солевары в окрестностях Эдинбурга были невольники на всю жизнь, прикрепленные к земельной собственности и продаваемые вместе с нею; только в 1795 году актом парламента довершено их окончательное освобождение. И теперь еще в Шотландии есть старики, родившиеся в крепостном состоянии[2]. По описаниям путешественников, горнозаводское крепостное население жило в крайней бедности, которая низвела его до уровня скотов; в особенности тяжелое впечатление производили своим видом женщины. Со времени отмены крепостной зависимости тип улучшился, сделался красивее; горнозаводские рабочие теперь не отличаются уже своим безобразием от других жителей страны.

Город Фалькерк, расположенный у подножия утесов, господствующих над низменною равниной, которая в прежнее время часто заливалась водами залива Форт, стоит недалеко от того места, где начинается судоходный канал, соединяющий реки Форт и Кляйду, и где в 1777 году был основан город Гранджмут, приобревший важное торговое значение (движение судоходства в Гранджмутском порте в 1891 году: в приходе 2.253 судна, вместимостью 884.707 тонн; ввезено товаров из-за границы на сумму 1.980.788, вывезено на 1.666.823 фунт. стерл.). Гранджмут составляет уже, так сказать, порт Гласгова на реке Форт. Фалькерк также лежит в круге притяжения Гласгова, и недалеко оттуда находится, среди других фабрик, обширный металлургический завод, один из самых больших заводов этого рода во всей стране. Положение Фалькерка в прежнее время имело большую стратегическую важность, так как он находится на дороге, по которой должны были следовать армии, чтобы обойти на западе Фортский залив; оттого этот пункт получил известность в истории, как ме-

1 Hartwig, „The Subterranean World"

2 Hugh Miller, „Edinburg and its neighbourhood";—lord Roseberry, „Social Science Congress, Glasgow", 1874.

сто многочисленных сражений. В 1258 г. Эдуард I разбил при Фалькерке шотландцев; в 1746 году претендент Карл-Эдуард нанес здесь поражение королевской армии. На севере от города находится знаменитое поле битвы, орошаемое рекой Баннок-Борн, на берегах которой Роберт Брюс восторжествовал над войсками Эдуарда II, в 1314 году. Недалеко оттуда, в Киннерде, родился в 1730 г., известный путешественник Брюс, исследователь Абиссинии.

Стерлинг, главный город графства того же имени, прежде был замечателен как укрепленный пункт, охранявший переход через реку Форт, на западе от залива. В этом месте две скалы, почти уединенные, съуживают равнину с обеих сторон реки: невозможно было выбрать более удобной позиции для постройки крепости. Стерлингский замок, еще господствующий над городом, есть одно из зданий, где совершилось наибольшее число событий, важных в истории Шотландии; с валов его открывается великолепный вид, с одной стороны, на горизонт гор, с другой—на безбрежную поверхность моря. По средине эспланады замка возвышается колоссальная статуя Роберта Брюса; на скале, поднимающейся напротив Стерлинга, по другую сторону долины, стоит башня, построенная в честь национального героя Уэллеса, близ того места, где он одержал свою первую победу в 1297 году, и заключающая теперь музей шотландских древностей. Многие старинные дома Стерлинга похожи на дома Руана: в архитектуре их видно влияние французского вкуса, преобладавшего в Шотландии в шестнадцатом столетии. В трех километрах к северу от Стерлинга находится местечко Бридж-ов-Аллан (Bridge of Allan, т. е. «мост на р. Аллан»), с минеральными водами, посещаемыми многочисленною публикой, окруженное замками, виллами, отелями. Долина реки Аллан и долины впадающих в нее речек кишат посетителями во время летнего сезона.

Аллоа, имеющий в окрестностях важные каменноугольные копи, лежит на левом берегу Форта, который в этом месте перестает быть рекой и превращается в морской лиман: это—самый значительный город графства Клекманнан, бывший главный пункт которого представляет теперь маленькое местечко, пришедшее в упадок. Движение судоходства в порте Аллоа в 1891 году: в приходе 1.102 судна, общая вместимость которых равнялась 182.066 тоннам. На северо-востоке находится Кинрос, тоже главный город графства, но состоящий всего из одной длинной улицы, построенной близ живописного озера Лок-Левен, привлекающего множество посетителей, между которыми, впрочем, больше ловцов форелей, нежели художников и историков, хотя озеро усеяно очаровательными островами, на одном из которых стоит старый замок, бывший местом заключения Марии Стюарт. Торговая жизнь направилась к морскому берегу. Денфермляйн, старинный город, бывший до основания Эдинбурга одною из многочисленных королевских резиденций Шотландии, теперь сделался промышленным городом, благодаря находящимся в окрестностях его каменноугольным копям и железным рудникам; главный предмет его мануфактурной производительности—столовое белье. Далее на востоке, на берегу Фортского залива, лежит Керкальди, или Керкоди (родина Адама Смита), образующий, вместе с с своими предместьями, город в 5 километров длиною, жители которого занимаются ткацким производством, а также рыболовным промыслом, каботажным судоходством и мореходством. Керкальди, также, как многие другие маленькие порты, лежащие в его окрестностях, извлекает пользу из своего соседства с Эдинбургом: здесь ежедневно производится частое пароходное сообщение между обоими берегами Фортского залива. Движение судоходства в порте Керкальди в 1891 г.: в приходе 2.610 судов, общая вместимость которых равнялась 757.377 тоннам.

Полуостров Файф, заключающийся между заливами Форт и Тэй, представляет на восточной стороне вырезку, образующую залив, в который изливается река Эден. Этот небольшой поток имеет на своих берегах только один город, промышленный Купар, главный административный пункт графства Файф; но к югу от его устья, на скалистой мели, стоит древний город Сент-Эндрьюз, который некогда вел очень деятельную торговлю, но порт которого, довольно мелкий и широко открытый со стороны моря, неудобен уже для судов, употребляемых в наши дни. Сент-Эндрьюз—в полном смысле «мертвый город». Его замок, его собор лежат в развалинах; однако до сих пор еще уцелела, почти вполне, древняя капелла, называе-

мая Кильруль, которая, по времени сооружения, относится, как полагают, к той эпохе, когда христианство только-что было введено в стране. Бывший некогда духовною метрополией Шотландии, Сент-Эндрьюз сохранил свой университет, основанный в 1411 году и старейший во всем королевстве. Это высшее учебное заведение больше походит на главные школы Оксфорда и Кембриджа, чем другие шотландские университеты; три коллегии, из которых две теперь соединены, служат в нем местопребыванием студентов, которых насчитывается около 500 человек. Библиотека университета содержит более 100.000 томов. Кроме того, в этом городе существует образцовое среднее учебное заведение, так называемая коллегия Мадрас, основанная в 1833 г. Доктор Белль, изобретатель системы взаимного обучения, завещал на практическое приложение его идей о воспитании сумму в 3 миллиона франков, из которой город Сент-Эндрьюз один получил половину для постройки этого прекрасного заведения, посещаемого сотнями мальчиков и девочек, обучающихся вместе в одних и тех же классах и имеющих одни и те же рекреационные курсы; но самая система Белля, исключая некоторых подробностей, удержана лишь для элементарных классов[1]. Большое число семейств из других мест приезжают на житье в Сент-Эндрьюз, чтобы дать возможность своим детям пользоваться ученьем в мадрасской коллегии.

Города Нижней Шотландии, имеющие около 5.000 жителей (5 апреля 1891 года):

Гласго (граф. Ланарк), с предместьями—658.198 жителей; Эдинбург, с Литом и Грантоном—333.268; Кильмарнок (Эйр)—28.447; Керкоди, или Керкальди (Файф)—27.155; Эйр (Эр)—25.213; Гринок (Ренфру)—63.423; Пэсли (Ренфру)—66.425; Уишау (Ланарк)—15.252; Ротерсэй (Бьют)—9.108, Джонстон (Ренфру)—9.670; Муссельбург (Эдинбург)—8.888; Котбридж (Ланарк)—30.035; Эрдри—19.135; Думфриз (Думфриз)—17.820; Стерлинг (Стерлинг)—16.780; Фалькер (Стерлинг)—19.770; Гамильтон (Ланарк)—24.860; Думбартон (Думбартон)—17.630; Гавик (Роксбург)—19.205; Порт-Гласго (Ренфру)—14.685; Галашильс (Селькерк)—11.035; Ротергленг (Ланарк)—13.085; Аллоа (Клекманнан)—12.643; Поллокшаус (Ренфру)—10.405; Ланарк (Ланарк)—4.580; Ардроссан—5.294; Александрия (Думбартон)—7.796; Мотервель (Ланарк)—18.730; Эрвин (Эр)—9.090; Далькит (Эдинбург)—7.035; Сент-Эндрьюз (Файф)—6.855; Баргред (Ренфру)—8.215; Гренджмут—6.354; Керкинтиллок (Думбартон)—10.312; Странрер (Вигтаун)—6.193; Геленсбург (Думбартон)—8.410; Меригиль (Ланарк)—12.880; Портобелло (Эдинбург)—8.684; Дальри (Ренфру)—4.572; Купар (Файф)—4.730 жителей.

XII. Северная Шотландия и её архипелаги

Графства Перт, Форфар, Кинкардайн, Абердин, Банф, Эльджин, Нерн, Инвернес, Росс и Кромарти, Сутерленд, Кетнес, Оркней, Шетленд, Льюис, Арджайль

Эта часть Британских островов, очень редко населенная в сравнении с Англией и Южною Шотландией, представляет особую географическую область, более похожую на Скандинавию, чем на остальную Великобританию, по геологическому образованию, рельефу поверхности и контурам берегов. Если бы равнины рек Форта и Кляйды, которыми она соединяется с низменною Шотландиею, опять покрылись водою, как это было прежде, то островной характер этой страны едва-ли бы лучше обозначился, чем он определился теперь. Верхняя Каледония по справедливости может быть названа большим островом, продолжающимся в море другими островами меньших размеров. Вот точные цифры пространства и населения Северной Шотландии и принадлежащих к ней архипелагов:

1 Demogeot et Montucci, „De renseiguement secondaire en Angleterre et en Ecosse“.

	Пространство кв. килом	Население в 1881 г. жит.	Килом. население
Северная Шотландия	45.788	1.021.760	22
Острова (Оркадские, Шетландские, Гебридские)	9.600	162.490	17
Вместе	55.388	1.184.250	21

Северная Шотландия имеет среднюю высоту несравненно более значительную, чем средняя высота Англии, и скалы её поднимаются в виде настоящих гор, которые занимают всю поверхность территории. Эти горные цепи расположены по направлению от юго-запада к северо-востоку, представляя в этом отношении еще гораздо больше правильности, чем группы южной части Шотландии. Гряды возвышенностей и их гребни следуют неизменно в этом направлении и отделены одна от другой бороздами или долинами, перерезывающими страну наискось. Эти «возвышенные земли», или Highlands, ограничены на полуденном их скате так называемою «Большою равниной» (Strathmore), которая от долины реки Форт тянется на северо-восток, к Монтрозу и Стонгевену, постепенно съуживаясь. Параллельно этой равнине, реки Ди, Деверон, Спе (Spey). Файндгорн, Нерн текут в Северное море, и в том же направлении открывается похожая на правильный ров, вырытый рукою человека, «Большая долина», или Гленмор, соединяющая залив или фиорд Лорн с заливом Морейским. Во всем свете мало найдется впадин, которые бы отличались такою замечательною, почти геометрическою, правильностью формы, как эта борозда в 160 километров длиною, которая продолжается от одного моря до другого: если бы уровень вод повысился всего только на 30 метров, весь конечный полуостров Шотландии оказался бы отделенным от остальной части гористой области (Highlands), и цепь рек и узких озер, занимающая дно долины Гленмор, превратилась бы в морской пролив, имеющий везде одинаковую ширину, так что океан пошел бы тою дорогой, которую человек ему начертал, прорыв Каледонский канал. Река Несс, впадающая в бухту Инвернесс, озеро Лох-Несс, занимающее середину перешейка, другие озера и ручьи, бегущие с гор по уступам, облегчили труд проведения этого канала, и инженерам пришлось только расчистить землю на протяжении 36 километров и соединить бассейны канала шлюзами и так называемыми «Нептуновыми лестницами». Лох-Несс, центральный бассейн долины Гленмор,—самое замечательное из этих озер по своей правильности и глубине своих вод: на пространстве тридцати километров оно почти везде представляет одинаковую ширину в 1.400 метр.; крутые утесы его берегов поднимаются вертикально на 400 метров выше его уровня, а глубина воды достигает 240 метров; в соседних морях есть только две или три области, где впадины морского дна опускаются на такое большое расстояние ниже поверхности.

На северном полуострове Шотландии, границу которого на юге составляет Каледонский канал, существует другая низменность, сходная с долиной Гленмор, но гораздо менее правильная и не вполне законченная в северо-западном направлении: она почти вся занята озером Лох-Шин и вытекающею из него рекой, которая изливается в залив Дорнок-Ферт. Направление этой долины совершенно перпендикулярно к направлению гор, которые и здесь расположены, вообще, по направлению от юго-запада к северо-востоку, и ось которых продолжается далеко в море группами Оркадских и Шетландских островов. Цепь гор, наполовину потопленная, которая образует Гебридские острова, тоже параллельна шотландским горам; наконец, и Лофотенские острова, равно как и плоскогорья Скандинавии, направляются в ту же сторону горизонта.

Горы Северной Шотландии в их совокупности известны под именем системы Грампианских гор, происшедшим от горы Граупус (Graupus), упоминаемой римскими писателями, и название которой было неверно прочитано переписчиками. Эти горы группируются в большое число отдельных хребтов и маленьких цепей, отделенных друг от друга глубокими долинами, наполненными озерными водами. Непосредственно на севере от лимана реки Кляйды возвышаются южные Грампианские горы, вершины которых, Бен-Ломонд, Бен-Мор, Бен-Лоэрс, привлекают больше посетителей, чем все другие вершины гористой Шотландии, по причине соседства больших городов. Далее на севере, горный хребет, почти уеди-

ненный, поддерживает громадную массу вершины Бен-Круачан, отражающейся в водах озера Лох-О (Loch Awe); далее, за озером Лох-Левен, составляющим одно из разветвлений большего фиорда Лорн (firth of Lorn), поднимается самая высокая гора Британских островов, Бен-Невис, имеющая тем более величественный вид, что основание её с двух сторон омывается водами заливов или озер, Лох-Линн и Лох-Левен, вследствие чего гора представляется взорам во всю свою величину,—от берегов и лугов, окаймляющих её подошву, до снегов, покрывающих её верхушку. Бен-Невис, «скала, касающаяся неба», есть западная пирамида цепи собственно Грампианских гор, которая оканчивается на юге от Абердина, выделив из себя перед тем в северо-восточном направлении побочную цепь Кернгорм, одна из вершин которой, Бен-Макдуй, или Бен-Муикдуй, замечательна как вторая по высоте вершина Великобритании. Грампианские горы составляют, так сказать, позвоночный столб всей Шотландии; гранитные горбы или выпуклины возвышаются в этой горной системе в виде многочисленных куполов над силурийскими пластами и тянутся в северо-восточном направлении до окрестностей Абердина и до мысов Букин и Ратрей, медленно подтачиваемых при основании волнами Северного моря. На вершине Бен-Невис находится одна из главных метеорологических станций Великобритании.

По ту сторону узкой и глубокой долины Гленмор возвышаются другие горы, известные в их совокупности под именем Северных возвышенностей (Northern Highlands). Главная их вершина, Бен-Атто, уступает, по высоте, вершинам Бен-Невис и Бен-Макдуй; но, хотя сравнительно более низкие, эти северные горы имеют не менее дикий вид, чем Грампианские. Даже в Швейцарских Альпах мало найдется местностей, которые бы отличались более суровым и наводящим уныние характером, чем нагорные долины графств Росс и Сотерленд. На Альпах по крайней мере взор может отдохнуть на свежей зелени горных пастбищ и на растущих ниже группах хвойных деревьев, тогда как большинство гор Северной Шотландии покрыты лишь песчаными пространствами и торфяными болотами темных цветов, сообщающих целому тусклый, сероватый колорит; их узкия долины, похожия скорее на колодцы, наполнены черными водами; туман, почти всегда ползущий вдоль скатов, попеременно скрывает и открывает гребни утесов, которые, проглядывая сквозь массу паров, то вдруг вырастают гигантами, точно привидения, то опять понижаются и совсем пропадают, бесконечная, угрюмая пустыня придает окружающей природе что-то страшное, пугающее. Земля кажется мертвою, но с каждой вершины видны сероватые воды, которые врезываются удлиненными заливами между двумя рядами крутых скал; иногда даже можно явственно различить непрерывный шум волн. У некоторых гор склоны круто обрываются в виде прибрежных утесов, и с вершины их видно, как внизу, в расстоянии ста метров, огромные валы разбиваются о подводные камни. Мыс Рат (Wrath), остроконечная стрелка которого выдвигается в море на северо-западном углу Шотландии, есть один из этих величественных обрывистых выступов твердой земли, которые постоянно окружены поясом пены от прибоя волн. Мыс Дунсансби, образующий другой угол полуострова, имеет менее крутые скаты, но рядом с ним, в море, высятся несколько уединенных скал, похожих на обелиски. Высота главных вершин горной Шотландии:

Бен-Невис—1.343 метр., Бен-Макдуй—1.309 метр., Бен-Лоэрс—1.212 метр., Кернгорм—1.175 метр., Бен-Атто—1.150 метр., Бен-Круачан—1.116 метр., Уайтен-Гед, Сотерленд—157 метр., мыс Рат, Сотерленд—120 метр.

По вычислениям Лейпольдта[1], средняя высота всей Шотландии, включая сюда и низменную её область (Lowlands), около 381 метра; это объясняется тем, что в Северной Шотландии равнины редки и не имеют значительного протяжения. Если не считать так называемой «Большой равнины» (Strathmore), составляющей продолжение прибрежных равнин Форта в северо-восточном направлении, то единственные части страны, представляющие ровные пространства, пригодные для земледелия,—это местности, лежащие по обоим берегам Морейского залива, усеянным опасными подвижными дюнами, и полуостров Кетнес, на

1 Leipoldt, „Ueber die mittlere Hohe Europaš".

северо-востоке Шотландии: эти равнины, как и соседние Оркадские острова, принадлежат к другой формации, отличной от формации Грампианских гор, так как их горные породы состоят из старого красного песчаника; различию геологических образований соответствует различие рельефа почвы. Но если равнины в собственном смысле немногочисленны, то между группами гор там и сям простираются обширные низменности или впадины с неровною почвой, лежащие, средним числом, на высоте нескольких сотен метров над уровнем моря: это болота, песчаные степи или беспорядочные груды камней, которые тянутся на многие мили, представляя совершенную пустыню, где не встретишь ни одного дерева, ни одного человеческого жилья. В прежния времена леса наполняли почти все долины Верхней Шотландии и поднимались довольно высоко по скатам гор: некоторые лингвисты полагают даже, что самое имя Каледонии есть синоним леса. Близ Бальмораля, в верхнем бассейне реки Ди, под слоем торфа видны остатки древних сосновых лесов, на высоте 750 метров; но теперь осталось лишь очень небольшое число этих первобытных лесов: со времен средних веков почти все старые леса были вырублены или выжжены, потому что они давали убежище волкам, кабанам и изгнанникам; после войн случалось, что до 24.000 дровосеков зараз трудилось над истреблением лесных богатств[1]. Деревья, которые путешественник видит в долинах, почти везде новейшего насаждения; там и сям, особенно вокруг пышных замков богатых помещиков, леса вновь выращены. Вдали от парков страна представляет лишь мелкий кустарник, верещаги, торфяные болота и голый камень.

Ни одна из гор Верхней Шотландии не поднимается до пояса постоянных снегов; однако, маленькие ледники скопляются там и сям в углублениях, которые лучи солнца освещают только в продолжение нескольких летних часов. Атмосферная влага, которая на верхних частях Грампианских гор представляет слой воды толщиною в 2 слишком метра, падает большую часть года в виде снега, и ветры наметают в долине столь значительные снежные массы, что они не могут вполне растаять в летние месяцы. Излишняя вода, не находящая непосредственно дороги к морю в виде ручьев или waters, как их называют в крае, остается в торфяных болотах, покрывающих скаты гор, или наполняет озера (lochs), занимающие дно долин. Во многих местах слои водянистого торфа, усеянные маленькими озерами, простираются одновременно по обоим скатам плоскогорья, и воды их стекают к двум противоположным рекам: это явление бифуркации источников и ручьев, очень редкое в странах с твердою почвою, укрепленною земледелием, напротив, довольно обыкновенно в такой стране, как Шотландия, где мхи, насыщенные водой, покрывают толстыми слоями поверхность скал. Многочисленные бреши или проломы, которыми перерезаны горы Шотландии, также облегчают соединение различных бассейнов. Так, например, озеро Лох-Эрикт, верхний резервуар, из которого вытекает один из притоков реки Тэй, проходит через всю цепь Грампианских гор, непосредственно на востоке от горы Бен-Альдер, имеющей более 1.000 метров высоты.

Кроме общего ориентирования горных цепей, долин и рек Шотландии по направлению от юго-запада к северо-востоку, можно наблюдать почти везде на поверхности утесов длинные параллельные полосы или борозды замечательной правильности; можно сказать, что вся страна была словно вычесана, как руно овцы; все гряды холмов при основании горной Шотландии и все высоты низменной области были, так сказать, выстроганы до самых вершин: таково происхождение их округленной формы, их гладкой поверхности[2]. Какая же чудесная сила изменила таким образом наружный вид гор, если не сила ледников, которые некогда покрывали страну и остатки которых, глины и морены, видны во всех долинах, выходящих с Грампианских гор? Во время ледяного периода с вершин шотландских гор спускались огромные замерзшие реки, которые наполняли долины, проходили поверх холмов, сглаживая трением их выдающиеся части и разнося обломки по равнинам, и выдвигались до самого моря, где концы их ломались на мелкие льдины, уносимые течением. Смотря по мас-

1 John Wilson;—Keltie, „History of Scottisch Highlands".

2 James Geikie, „The Great Ice Age".

се и силе действия глетчеров, конечные морены отлагались на более или менее значительном расстоянии от места происхождения,—или в заливах, где они образовали подводные каменистые мели, целые архипелаги подводных скал, или в долинах, где, вследствие таяния ледяной массы, они превращались в естественные запруды. Ни в одной долине (glen), ни в одной равнине (strath) Шотландии воды не могли найти свободного истечения к морю: груды камней задерживали поток и превратили его в тихое озеро, которое мало-по-малу поднялось до уровня препятствия, после чего выливалось в виде ручья через нагроможденные камни. Эти груды глетчерных обломков, которые образуют запруды озер при выходе из долин, и которые по большей части скрыты под торфяниками, тогда как другие расположены волнообразно на поверхности земли в виде зеленеющих бугров, известны в Шотландии под именем kaims или kames; геологи же чаще дают им ирландское название esker[1]: это, очевидно, то же самое, что asar скандинавских народов. Что касается глины глетчерного происхождения, красной, твердой, каменистой, которую горные потоки разнесли по равнинам, то в Шотландии ее называют обыкновенно till (у англичан она известна под именем boulder-clay).

Но камни, оторванные от вершин Грампианских гор, не все останавливались у основания ледников. В ледяном периоде было время, когда твердая земля имела, относительно уровня Атлантического океана, гораздо меньшую высоту, чем какую она имеет в наши дни. Часть нынешней Великобритании лежала тогда еще под водой, и плавающие льдины переносили на далекое расстояние обломки гор. Шотландский гранит находили в глинах Вольвергамптона, в 270 километрах от ближайшей гранитной горной массы, и даже в окрестностях Вустера, на расстоянии 320 километров от гор, от которых этот камень отделился[2]. Наконец, и Гебридские острова, которые прежде менее возвышались над поверхностью моря, чем теперь, также были выровнены и отшлифованы льдами, приплывшими из Шотландии через канал Минч[3]. Но в то время, как Каледония рассеевала далеко обломки своих скал, она и сама получала их из других стран: горы Скандинавии посылали ей пловучия льдины, нагруженные эрратическими камнями; норвежские граниты встречаются огромными грудами в Абердинском графстве и в других местностях Шотландии. В различных местах глетчерные потоки, спускавшиеся с Грампианских гор, встречались на пути с ледяными потоками, двигавшимися от Скандинавских гор, и, вследствие этого столкновения, взаимно изменяли свое направление. Так, например, полосы, сделанные на скалах полуострова Кетнес древними ледниками шотландских гор, начертаны по направлению от юго-востока к северо-западу, а не по направлению от юга к северу, как бы следовало сообразно первоначальному толчку. Таким образом ледяные массы двигались вне того пути, по которому они естественно должны бы были следовать. Это уклонение льдов от первоначального направления, очевидно, произошло вследствие встречи их с обломками скандинавских ледников, приплывавшими с востока: по закону, известному в механике под названием параллелограмма сил, ледяные глыбы, двигавшиеся с юга и востока, сталкиваясь, принимали вместе направление равнодействующей, то-есть на северо-запад[4]. На скалах Оркадских, Шетландских и Фарерских островов также замечаются полосы или черты, свидетельствующие о действии скандинавских льдов.

Колебания уровня каледонской почвы следовали одно за другим в различных направлениях в разные геологические периоды. Так, в одном месте открыли древнее речное ложе на 79 метров ниже реки Форт у Гренджмута, что служит доказательством, что в прежния времена земля была выше на всю толщину, ныне погруженную в воду[5]. Движения формаций были столь значительны, что теперь находят гранитные глыбы на высотах, превышающих высоту тех гор, от которых они были отделены: следовательно, колебания почвы происходи-

1 A. Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“.
2 Mackintosh;—Symonds, „Quarterly Journal of the Geological Society“, ноябрь 1877 г.
3 Jamec Geikie, „History of a Boulder“.
4 James CroH, „Climate and Time”.
5 James Geikie, „The Great Ice Age“.

ли неодинаковым образом в различных частях Шотландии. Но самое последнее по времени явление этого рода состоит в постепенном возвышении уровня страны. Именно благодаря поднятию почвы, совершившемуся с конца ледяного периода, можно было приметить на берегах следы участия, которое принимали ледники Норвегии в образовании нынешней Шотландии. На всех морских берегах видны старые берега, приподнятые и еще усеянные морскими раковинами,—иные дотого правильные и явственные, как будто море только недавно покинуло их, другие уже изрытые водами и местами покрытые каменными обломками. Так, например, на высоте 13 метров над нынешними берегами озера Лох-Ломонд тянутся прежние берега, оставленные водами в ту эпоху, когда этот бассейн не был еще пресноводным озером, а представлял морской залив, наполненный соленою водой и сообщавшийся с Шотландским морем через Думбартонский пролив[6]. В некоторых местах морского прибрежья эратические камни, оставленные на древних берегах, кажутся издали рядами пингвинов, сидящих на террасах прибрежных утесов. На прибрежьи графства Абердин и полуострова Кетнес высота этих покинутых водами берегов изменяется от двух с половиной до 50 метров над уровнем моря; но в целом высота прибрежных террас постепенно уменьшается в северном направлении, из чего нужно заключить, что поднятие почвы совершалось неравномерно, подобно тому, как это мы видим теперь на берегах Скандинавского полуострова[7]. Происходило ли это возвышение твердой земли только в конце ледяной эпохи, или оно продолжалось также во время исторического периода и, может быть, продолжается и до сих пор? Полагают, что главное поднятие имело место в эпоху более холодную, чем нынешний период, потому что раковистые мели, лежащие на высоких террасах, принадлежат, рассматриваемые в их совокупности, к более северной фауне, нежели фауна окружающих областей моря[8]. Как бы то ни было, некоторые ученые указывают на имя одной маленькой деревни в графстве Росс Кин-лох-ю (Kinlochewe), как на факт, свидетельствующий о постепенном поднятия почвы с той эпохи, когда человек поселился в стране. Гельское название этой деревни означает «конец озера Лох-Ю (Loch Ewe); но залив или «loch» Ю в наши дни оканчивается в 24 километрах ниже деревни и сообщается только посредством реки с Лох-Мари (Loch Maree), живописным озером, восточную оконечность которого занимает Кин-лох-ю. Таким образом, с того времени, как было основано гелами это поселение, появился порог между нынешними озерами Лох-Ю и Лох-Мари, и этот древний залив преобразовался в пресноводный резервуар. Это явление дает гелам повод говорить в шутку, что их язык существовал уже до происхождения озер.

Во внутренней части Шотландии на скатах многих холмов видны древние озерные берега, подобные покинутым водами берегам морского прибрежья и до того широкие, до того правильные, что их можно различить с расстояния нескольких километров. Особенно замечательны из этих старых поднятых берегов так называемые Гленройские «параллельные дороги», которые тянутся на соответственных высотах по противоположным склонам glen, или долины, где течет речка Рой, один из горных потоков, спускающихся к низменности, называемой Большою долиной (Гленмор). Дороги, параллельные и горизонтальные, идут с каждой стороны долины в числе трех на высотах 262, 326 и 350 метров. Местные жители объясняли происхождение этих дорог тем, что, будто бы, древние короли, царствовавшие в крае, нарочно устроили их, чтобы задерживать преследуемую дичь. В продолжение многих лет гленройские дороги составляли одно из самых спорных явлений в области геологии, и были предлагаемы самые разнообразные объяснения, пока, наконец, Агассищ, хорошо ознакомившийся со швейцарскими ледниками, не приступил, в свою очередь, к исследованию долины Гленрой. Он без труда признал в параллельных дорогах древние берега озера неодинаковой высоты, которое в нижней его части было удерживаемо глетчером, запиравшим долину.

6 James Geikie, „The Great Ice Age".

7 S. Laing, „Nature, 1877.

8 Smith, „Memoirs of the Wernerian Society", VIII 1.

Firths или friths западного берега Шотландии, заливы, во всем подобные фиордам Норвегии, также напоминают ледники.

Достаточно бросить поверхностный взгляд на карту, чтобы заметить, до какой степени велика разница в очертании обоих берегов: того, который омывается водами Северного моря, и того, который омывается водами Атлантического океана. Хотя на протяжении восточного берега и встречаются продолговатой формы заливы, разнообразящие до некоторой степени очертание этого берега, но, вообще говоря, восточный берег тянется в виде слегка переломленных кривых, идущих в одном и том же направлении на протяжении от пятидесяти до ста километров. Наоборот, западный берег, от залива Кляйдского до мыса Рат, изрезан, изломан до бесконечности по всем направлениям. Длина этой береговой линии удесятеряется полуостровами, подразветвляющимися на новые полуострова, примыкающие к островкам помощию песчаных перешейков. Большие острова Скай и Молль, берега которых представляют также нескончаемый ряд мысов и перешейков, придают еще более спутанный вид очертаниям западного берега. В этом лабиринте до такой степени легко запутаться, что нужно долгое и прилежное внимание, чтобы разобрать, где остров и где материк, где озеро и где морской залив. Впрочем, и местные жители обозначают одним и тем же наименованием, loch, как продолговатые морские заливы, так и бассейны пресной воды, и во многих случаях называют мысы так, как будто бы это были острова. Лох-Этайв представляет собой замечательный образчик бассейнов, которые в одно и то же время и пресноводные озера, и морские заливы. На самом деле, воды моря проникают в этот firth (залив) на протяжении 30 километров; но он распадается на два соприкасающиеся бассейна, разделенные низким порогом, отстоящим не более как на 2 метра от поверхности воды. В Коннельском Зунде, служащем входом в нижний резервуар, воды морского прилива и отлива вливаются и устремляются назад с шумом, подобным шуму водопада. Наибольшая глубина Лох-Этайва около 139 метров, тогда как в открытом море глубина не превышает пятидесяти метров. Другой морской залив, Лох-Флит, обращен был в озеро пресной воды только тем, что вход в него со стороны моря загражден был стеною[1]. Во многих местах западного берега воды loch'ов подобны водам оркадского Лох-Стенниса, то-есть с одной стороны они солены, а с другой—пресны и имеют, вследствие того, по две фауны и по две флоры[2].

Чем объяснить этот контраст между двумя берегами северной Шотландии, контраст, который, впрочем, существует также между балтийским и атлантическим берегами Скандинавии? Почему древние заливы, врезывавшиеся в материк Каледонии со стороны Северного моря, загромождены были наносами и крупными обломками, тогда как бесчисленные зазубрины западного берега сохранили свою первоначальную форму? Причина этого явления должна быть приписана опять-таки ледникам. В ледяной период, как и в наше время, влажные ветры дули и дуют по западному и юго-западному направлениям; вследствие этого, влага ниспадала, главным образом, на западные склоны гор, и при том ниспадала почти исключительно в виде снега; таким образом, не потоки, а ледники низвергались с высот в море. На восточных же склонах гор меньшее количество выпадавшей влаги образовывало более тонкую и занимавшую меньшее пространство пелену снега; ледники доходили только до подножия верхних ярусов гор, а ниже струились уже воды. Разница между обоими берегами в гидрографическом отношении тоже была полная. На восточном берегу море засоряло песком входы в заливы, а реки и потоки, очищаясь, образовывали из насоса мели и дюны; таким образом морские заливы, глубоко врезывавшиеся в материк и разветвлявшиеся на губы и бухты, засорялись мало-по-малу, даже совершенно исчезали, и береговая линия получала на всем своем протяжении более правильное очертание. Наоборот, на западном берегу, громадные массы ледников сохраняли в первобытном виде те долины, которые служили для них ложем, и не только не засоряли их обвалами и обломками, ниспадавшими с вершин гор, но, напротив того, углубляли и расширяли их вследствие непрерывного трения нижней своей

1 Archibald Geikie, „Scenery and Geology of Scotland".

2 Hugh Miller, „Footprints of the Creator"

поверхности: таким образом каждая ледяная река, со всеми впадавшими в нее справа и слева притоками, предохраняла от засорения трещины и впадины между скал, и когда климат, сделавшись более умеренным, дозволил морю вступить, в прежния свои владения, то глубо-

Фингаловъ гротъ.

кие пути, прорытые ледниками и уступленные морю, обратились в морские заливы. Морены, отброшенные на наружную сторону побережья, послужили только к увеличению лабиринта проливов: очертания берегов получили, вследствие этого, более неправильную форму.

Благодаря массам наполнявшего их льда, некоторые из морских заливов сохранили, в пределах нормальной линии берегов, громадные глубины, гораздо более значительные, чем те, какие встречаются в Северном море на запад от Скагерракской впадины. У входа в Лох-Брум, между графствами Росс и Кромерти, лот показывает 217 метров глубины; к востоку от острова Молля, между Лорнским фиордом и Лох-Этайвом, глубина пролива достигает 220 метров; между островом Скай и материком глубина превышает 250 метров.

Тем не менее, под влиянием причин, неустанно содействующих регулированию берегов, все фиорды западного берега Шотландии засорятся и исчезнут, подобно тому, как это случилось с морскими заливами на восточном берегу Шотландии и со всеми берегами умеренного пояса. Примером в этом случае может служить «Священное озеро» (Holy Loch) Кляйдского залива, большая половина которого совершенно уже обмелела и заросла травой вследствие наносов. В иных местах морские озера были разделены на две части наносами боковых притоков, и верхний бассейн, опорожнившись от соленой воды, обратился в пресноводное озеро, которое постепенно съуживается. Но не одни только реки засоряют своими наносами заливы; море точно также пользуется для этой цели обломками разъедаемых им скал, которые оно потом распределяет вдоль прикрытых берегов. Во всех фиордах вода бывает глубже у того берега, который открыт ветрам: там, где вода остается спокойна, образуются песчаные мели[1]. Морские и речные наносы, при содействии, быть может, постепенного поднятия почвы, обратили уже в полуострова многие острова побережья. Так, например, полуостров Морнвернский, близ южного входа в Каледонский канал, есть, действительно, островная масса, подобная соседнему с нею острову Моллю. Точно также длинный и узкий полуостров Кантайрский, название которого на гаелическом языке имеет тот же смысл и значение, что Lend's End и Finisterre, может быть рассматриваем как остров, хотя он и соединяется с материком порогом в 19 метров вышины. У основания своего полуостров Кантайрский прорезывается Кринанским каналом, длиною около 14 километров, составляющим в сущности южное продолжение Каледонского канала. Этот Кринанский канал дает возможность судам, сидящим в воде не глубже 3 метров, плыть из Северного моря в Кляйд и в Ирландское море, избегая необходимости огибать северную оконечность Шотландии, Гебридские и южные шотландские острова. Предполагают прорыть через полуостров Кантайрский другой канал, к западу от Кляйды и Гласго, между двумя озерами: Восточный Тарберт и Западный Тарберт,—невысокий перешеек, отделяющий оба озера, имеет всего только 1.200 метров ширины.

Если брать все рифы и простые скалы, то в архипелагах шотландских пришлось бы считать острова тысячами; но административная география насчитывает только 788 островов, из которых только 185 были обитаемы во время переписи 1881 г.,—пятью островами меньше, чем 20 лет перед тем. На некоторых островах было только по одному или по два жителя. Ближайший к Шотландии архипелаг Оркнейский, или Оркадский: это—«Тюленьи острова», так как исландское слово, обозначающее их название, имеет кажется, такое именно значение[2]. Между шотландским мысом Донкансби и южною оконечностью острова Соут-Рональдша не более десяти километров расстояния, и пролив усеян островками и рифами. Во время встречи приливов и отливов образуются опасные для мореплавателей течения: в Пентлендском фиорде, в виду острова Строма, ревет страшный водоворот Свельки, который в одной из песен древней Эдды назван вечно работающею мельницей, размалывающей соль океана. В большие приливы (во время полнолуния) течение приобретает быстроту 16 километров в час. Во время бури, разразившейся в декабре 1863 года, волны, разбиваясь об утесы острова Строма, разбросали по уступам этих скал, до высоты 60 метров, травы, камни и обломки кораблей, потерпевших крушение. Пролив между Шотландиею и островом Строма оказался недостаточно широк, чтобы дать свободный проход поднятой бурей массе воды, ко-

1 Cleghom, „Observations on the water of Wick. Journal of the Geograhical Society".

2 Richard Burton, „Ultima Thule". По мнению других, это—„острова Оконечности" (Thomas, „Pilote de la mer du Nord").

торая и двигалась вперед в виде стены. Вода, отбрасываемая на утесы, находящиеся на северной оконечности, течет и в обыкновенное время в таком изобилии, что образует ручей, пересекающий остров Строма во всю его длину; местные жители устроили на берегу этого ручья небольшую мельницу[1].

Острова Оркадские (пространство—1.036 кв. килом., население в 1891 году—30.453 души), из числа которых двадцать девять постоянно обитаемы, а остальные служат пастбищем для скота, имеют сходство с шотландскими фиордами по разнообразию их берегов, изрезанных во всех направлениях. Острова и полуострова, озера и фиорды—все это перемешивается в странном беспорядке. Если смотреть с палубы корабля, то подумаешь, что видишь пред собой одну землю, усаженную мысами и полуостровами. Впрочем, архипелаг, принадлежащий к формации древнего красного песчаника, не особенно возвышен и состоит, большею частию, из округленных холмов; на одном только острове, Хой, в западной части архипелага, поднимается мыс высотою в 474 метра. Подобно тому как в Шотландии, наивысшие точки этой островной группы находятся на западе: рядом с о. Хой возвышается «Старик» (Old Man), созданный природою обелиск замечательно правильной формы. Главный остров—Мэнленд, гораздо более низменный, чем остров Хой, называется также Помоной. Смысл этого скандинавского названия, имеющего наружное сходство с латинским, не объяснен. Оркадские острова покрыты, большею частью, зеленеющими лугами и отличаются от Шотландии малым протяжением торфяников. Один из древних скандинавских графов прозван был «Торф-Эйнаром», или «Добывателем торфа», так как он постоянно отправлялся на соседний материк доставать запасы этого топлива. Чтобы охотиться за дикими зверями, лорды Оркадских островов тоже должны были отправляться в Шотландию, так как там были леса, где эти звери водились. Оркадские острова, совершенно забытые современною историей и населенные мирными земледельцами, имели встарину весьма важное стратегическое значение, именно когда норвежцы выбрали местом стоянки для своих ладей хорошо защищенные бухты, находящиеся в центре этого архипелага. Отсюда-то норвежские викинги, поддерживая постоянные сношения с Норвегией, угрожали в одинаковой мере и восточному, и западному побережью Великобритании. В летнее время викинги делали набеги на все Британские острова, а зимою, укрываясь в укрепленных местах, проводили время в варварских пиршествах.

Острова Шетландские, Зетлендские или Хиалтландские составляют продолжение Оркадских по оси северной Шотландии, но отделены от них проливом в 80 километров ширины, где находится уединенно лежащая земля Фер (Fair Island), «Овечий остров», возвышающийся на 215 метров над уровнем моря. У берегов этого острова потерпел, в 1588 году, крушение адмиральский корабль «Великой Армады», на котором находилось двести человек экипажа, и теперешнее население Фэр-Айленда, кажется, представляет примесь кастильской крови. Когда число жителей этого островка чрезмерно увеличилось, многие должны были эмигрировать в Канаду. Не много найдется утесов, которые были бы более обрывисты, имели бы более величественный и вместе с тем ужасающий вид, чем мысы на севере Шетландских островов. Огибая главный остров, мореплаватель видит ряд следующих один за другим мысов, достигающих высоты слишком 100 метров над уровнем моря и у подножия которых с шумом разбиваются волны, скатываясь в пещеры. Одна из таких пещер, или helyers, называется Orkneyman's Harbour (гавань оркнейца), так как в ней нашел себе убежище один рыбак с Оркадских островов, уходивший от преследования французского корсара. Хотя группа Шетландских островов, вообще говоря, возвышеннее группы островов Оркадских, однако, там не встречается таких высоких пиков, как, например, пик на острове Хой из группы Оркадов. Гора Рёнесс или Ронас, на северной оконечности главного острова, или Мэнленда, не достигает даже 450 метров. Во время бурь море бушует у островов Шет-

1 Peach,—Archibald Geikie, „Scenery and Geology of Scotland".

ландских не менее, чем у Оркадских. Морские волны, отрывая от скал, на довольно значительной высоте на нормальной линии берега, куски в 6-13 кубических метров, переносят их на значительное расстояние[1]. Всего лучше противятся действию волн те скалы, где массы порфира примешиваются к другим горным породам; такия скалы, среди окружающих их рифов, поднимаются в виде стен или обелисков.

Архипелаг Шетландский (пространство—1.370 кв. килом.; число жителей в 1891 г,—28.711 челов., по 22 жителя на кв. килом.) принадлежит всецело одному шотландскому владельцу и состоит более чем из сотни островов, из числа которых только тридцать четыре заселены; прочие же острова представляют stacks, скалы, круто поднимающиеся над водой, или scorries, группы рифов, окруженные пеною, или holms, небольшие островки, кое-где поросшие травой: там пасутся замечательные шетландские пони, с густою гривой, с мускулистыми ногами, с огненными глазами, и самый малорослый, какой только существует в свете, рогатый скот; впрочем, шетландские фермеры, скрестив туземную породу рогатого скота с крупною, короткорогою английскою, создали новую превосходную породу[2]. Почва островов состоит по большей части из торфяников, и не только деревьев, но и кустарников там вовсе не встречается. На единственное находящееся на архипелаге дерево, вышиною в 2 или 3 метра, смотрят как на диковинку. Березовые рощи, остатки которых находят в торфяниках, совершенно исчезли.

Внутри архипелага есть много хороших якорных стоянок, и почти везде вода достаточно глубока для судоходства. Впрочем, это самое обстоятельство иногда бывает причиною гибели судов: острова часто бывают окутаны непроницаемою для глаз завесою тумана, и нет возможности бросить лот, чтобы узнать, есть ли по близости берег. Сверх того, сильные течения, образуемые морскими приливами, или roosts, могут сбивать с курса корабли и сажать их на подводные скалы. Остров Фула или Фуль, скала, находящаяся на западной оконечности Шетландского архипелага, в открытом море, на расстоянии 25 километров, имеет самый грозный вид, и море здесь почти постоянно волнуется; доступ в маленькую бухту, находящуюся на юго-восточном берегу острова, бывает зачастую весьма затруднителен. Кейм, высочайший на острове пункт, поднимается на высоту 416 метров, а береговые утесы спускаются к морю отвесно с вышины 300 метров. Птицы летают около этих возвышенностей целыми тучами. Охотники, желая добыть из гнезд яйца или птенцов, должны спускаться с вершины утесов, будучи привязаны к веревке и крутясь в пустом пространстве.

Шетландские острова так же, как Оркадские и северная часть Великобритании, часто принимаемы были за Ultima Thule, и многие из древних авторов отводили, без сомнения, для Ultima Thule то место, где находится Шетландский архипелаг; но отсутствие географических карт и противоречивые рассказы мореплавателей заставляли Ultima Thule, так сказать, путешествовать по океану. Повидимому, под именем Thule разумелась первоначально Исландия, так как Питеас отводит ей место под самым полярным кругом; но впоследствии, по прихоти писателей, Thule стала переходить с места на место. Гебридские острова, архипелаг которых идет параллельно западному берегу Каледонии, также принимаемы были за одну из этих крайних северных земель. Скандинавы же, наоборот, именовали Гебридские острова Suderoer, т.е. «Южными островами», и это последнее название сохранилось в титуле епископа «Содорскаго» и Менского. Шотландцы, в свою очередь, принимая в соображение географическое положение Гебридских островов по отношению к Шотландии, называют их Western Islands или островами Западными, а два острова носят специальное название «Uist», т.е. Запад. Древние обозначали весь архипелаг общим названием—«Гебудские» или «Эбудские острова», заменившимся впоследствии, вследствие ошибки переписчиков, названием «Гебридские». Одно из прежних названий этих островов—Иннис-Гайль, «Острова Гаэлов».

1 Archibald Geikie, „Scenery and Geology of Scotland“

2 John Wilson, „British Farming“.

Многие из островов Гебридских прежде составляли, по всей вероятности, одно целое с Шотландией, судя по близости их к берегам этой страны и по сходству пластов, и отделены были от материка Шотландии вследствие затопления разделявшей их долины. Таким-то образом земля Скай обратилась в остров. Восточная оконечность этого острова далеко выдвигается между берегами Лох-Альша, на восточной окраине которого возвышается замок Эйлан-Донан, а пролив (или kyle) Реа, между островом и шотландским берегом, имеет не более 400 метров ширины. Горы на острове Скай, из которых одна имеет слишком 900 метров вышины, служат продолжением цепи гор графства Инвернесского, и на востоке одинаковой с последними формации; но вслед за этими силурийскими возвышенностями идут возвышенности, где господствуют оолитовые породы и, в особенности, породы вулканические. Остров Скай—самый живописный из группы Гебридских, благодаря своим пикам вулканического происхождения, пропастям, похожим на кратеры угасших вулканов, озерам, заливам, водопадам, питаемым обильно выпадающими дождями. Гора Квиренгская, находящаяся неподалеку от северного мыса на острове Скай, представляет собою вулканическую массу самой странной формы: это—громадная глыба базальта, гладкая, как стол, и покрытая дерном, но окруженная со всех сторон иглами, столбами и группами недосягаемых колонн.

Собственно так-называемые Гебриды, длинная цепь древних скал, отделяются от берега Шотландии и речных островов проливами Северный Минч, Малый Минч и проходом Барра, имеющим наибольшую глубину в 278 метров. Начиная от северного мыса, называемого Ботт-ов-Люис, до южной оконечности, обозначаемой островком Бернера и мысом Барра-Гед, Гебридские острова представляют из себя такую правильную, непрерывно тянущуюся цепь, что кажутся жителям Шотландии как-бы одним островом, и потому их называют Long Island, т. е. «Длинным островом». Между тем Гебридские острова состоят из сотни островов, островков, рифов, по большей части необитаемых; здесь море состоит из скал, а острова не что иное, как озера[1]. Население встречается значительными группами только на острове Люисе, на острове Геррисе, служащем ему продолжением, на обоих Уистах, на Бенбекюле, увеличивающемся в объеме от песчаных дюн у западного его берега, и на острове Барра. Каждый из этих обрывков Длинного острова имеет свои горы, свой Бен-Мор, или Большую Скалу, свои озера, торфяники, свои бухты, свой маленький порт, где укрываются рыболовные суда. Следы древних ледников повсюду заметны; некоторые части острова Люиса, очевидно, были выструганы льдами, придавшими им форму правильных граней.

Не одни только Гебридские острова тянутся непрерывною цепью вдоль западного берега Шотландии. Среди океана из глубины моря поднимается еще два ряда островов, точно также расположенных по направлению от юго-запада к северо-востоку, но выходят наружу, над поверхностью воды, только в двух местах, образуя две группы: группу островов Фланнан, или «Семи-охотников», и небольшой архипелаг Хирт и Хирст, прозванный англичанами Сент-Кильда; главный остров последней группы еще обитаем, несмотря на отдаленность его от материка, небольшое пространство годной для обработки почвы и трудность подступов. Эта уединенная земля, лежащая на расстоянии 67 километров от ближайшего к ней острова из группы Гебридов, покрыта большею частью обрывистыми скалами, из которых одна поднимается на высоту 420 метров[2]. На остров Сент-Кильду нельзя проникнуть иначе, как через брешь, устроенную самою природой в приморских утесах. Хирт—безспорно самое уединенное место во всей Европе: это тесная темница, где узники сквозь расстилающуюся около них мглистую пелену туманов лишь изредка могут различать вдали неясные очертания других земель, населенных людьми. С.-Кильда, куда суда пристают только в течение трех летних месяцев, представляется даже жителям Гебридских островов как нечто вселяющее ужас и наводящее уныние, и то, что они рассказывают, со слов рыбаков, о С.-Кильде, переполнено большими нелепостями. По единогласным отзывам путешественников, маленькая сент-кильдская община, состоявшая в апреле месяце 1891 года из 71 души, вследствие своей изо-

1 Mac Culloch, „Western Islands of Scotland“.

2 J. Sands, „Out of the world or life in Saint-Kilda“

лированности, составляет до того самобытную группу, что достаточно прибыть какому-нибудь судну, экипаж и пассажиры которого резко отличаются по образу жизни от этих островитян, чтобы у последних появилось нездоровье, сопровождаемое насморком. Эта болезнь, именуемая «восьмидневною» (eight days sickness), или boat-cough (корабельный насморк), опасна в особенности для мужчин. Когда же приносящий болезнь корабль прибыл с острова Гарриса, то недуг этот нередко имеет смертельный исход[3]. Подобное же явление было наблюдаемо на многих островах Тихого океана, где одного присутствия чужеземца достаточно, чтобы распространить как бы болезнетворную атмосферу. Немногочисленные семейства на острове С.-Кильда с большим трудом поддерживают свое существование: прежде чем достигнуть свободного физического развития, дети на этом острове бывают подвержены страшным конвульсиям. Врачи объясняют это явление пищей, какую воспринимают дети. С первого же дня появления ребенка на свет его пичкают маслом, добытым из желудка глупыша и смешанным с портвейном. Из числа девяти рождающихся на С.-Кильде детей умирает пятеро[4]. Рождаемость, впрочем, очень велика; женщины там плодовиты, и с половины минувшего столетия численность населения С.-Кильды не только держалась на одинаковом уровне, но даже с этого острова выбыло в Австралию с десяток эмигрантов. Впрочем, Гебридские острова и сами представляют в отношении болезней жителей некоторые замечательные особенности по сравнению с Шотландией. Врачи утверждают, что не бывало случая, чтобы житель Гебридских островов, никогда не покидавший родины, заболел чахоткою; но те из этих островитян, которые посещали чужия страны и потом возвращались домой, могут заболевать и заболевают чахоткой, получив зародыш этой болезни на чужбине. Полагают, что предохранительным от чахотки средством для жителей Гебридских островов служит дым торфа, которым они непрестанно дышат в своих хижинах.

Скалы вулканического происхождения встречаются только на одном пункте Длинного острова, именно к северу от Люиса; впрочем, острова, соседние с материком, изобилуют базальтовыми формациями. Самые красивые базальтовые колоннады находятся на маленьком острове Ейг (Eigg, Egg), к югу от острова Рёма. Эта колоннада, или scuir, основанием которой служит широкая пирамида, возвышаясь подобно храму на вершине мыса, состоит из группы столбов в 90 метров ширины и 143 метра вышины; к сожалению, столбы слишком тонки для того, чтобы издали можно было любоваться геометрической их правильностью; большинство из них не толще 15-20 сантиметров. Эта колоннада опирается своим подножием на скалистую почву, содержащую в себе остатки окаменелого леса сосен, которым ученые дали название Pinites eiggensis. У подошвы базальтовой колоннады, песок, когда по нем ступаешь, издает продолжительные музыкальные звуки. Подобное же явление было наблюдаемо в некоторых местностях побережья Померании, в пустыне Атакама и на склонах Синая.

Большой остров Мулль, отделяемый водами Лорнского фиорда от берега Аргайльского графства, состоит почти целиком, подобно острову Скай, из вулканических масс, из коих иные расположены в виде гигантских лестниц. Обильные ручьи, зарождаясь в средине острова, спускаются к морю шумящими водопадами, имеющими от 20 до 30 уступов. Самая высокая гора этого острова, Бен-Мор, состоит из траппа, равно как и прочия вершины, огибающие с запада пролив или зунд Мулльский. Только юго-западная оконечность острова представляет собой громадный гранитный мыс, где каменоломни, деятельно разработываемые, имеют издали вид царапин.

На широте Мулля находится знаменитый островок Стаффа, пещера которого, посвященная Фингалу почитателями Оссиана, была, так сказать, открыта в 1772 году сэром Джозефом Бэнксом. Эта пещера вполне заслуживает того, чтобы быть помещенной в число чудес мира. Издали остров представляется в виде плоскогорья, покрытого волнообразными луговыми пространствами и с волнистой, поросшей травой, поверхностью, изрезанною по всей

3 John Morgan, „Diseases of Saint-Kilda, British and Foreign Medical-Chir. Review" Jan. 1862.

4 Georges Seton, „Saint-Kilda, past and present".

окружности утесами из столбчатого базальта, составляющими резкий контраст с однообразною поверхностью острова, Вдруг, при повороте одного мыса, взорам путешественника открывается базальтовый портик, служащий как-бы входом в храм. Пещера, о которой идет речь, вовсе не отличается гигантскими размерами и по величине не превосходит зал, сооружаемых рукою человека. Базальтовые колонны, кажущиеся совершенно вертикальными,—до такой степени уклон их мало заметен,—поднимаются на высоту 20 метров, считая от уровня моря и до потолка свода; внутрь пещеры открывается галлерея, окаймленная с обеих сторон базальтовыми плитами, служащими как бы тротуаром; галлерея эта постепенно съуживается от 13 до 7 метров, оканчиваясь на расстоянии 80 метров от входа. Когда море спокойно, можно далеко зайти внутрь пещеры, пробираясь от одной базальтовой колонны к другой по обломкам, лежащим у их подножия. Волны вздымаются на пороге, перекатываются со свистом сквозь столбы базальтовых колонн и, слившись в один пенящийся вал, глухо разбиваются в темной глубине пещеры. Затем наступает минута относительной тишины, пока новая волна своим ревом не устроит опять чудовищный концерт из тысячи голосов, повторяемых эхом под сводами грота. Своего рода ритм регулирует весь этот грохот, и древние гаелы недаром прозвали эту пещеру—«пещера музыки» (Llaimh Binse). Во время бури музыка сменяется страшным гулом: на расстоянии 20 километров, с берегов острова Мулля, тогда слышится как-бы сильная канонада: это спертый воздух с шумом вырывается из пещеры.

Архипелаг, в котором Мулль—самый большой остров, оканчивается на юго-западе скалами Доб-Артач, указываемыми издали маяком, так же, как и рифы Скерриворские, или, вернее, Сгир-Мор (Большой риф), служащие подводным продолжением вулканических островов Колль и Тайри. Башня Скерриворского маяка, сооруженная Стефенсоном, принадлежит, наравне с Эддистонским и Велль-Рокским маяками, к числу замечательнейших во всей Великобритании. При сооружении Скерриворской маячной башни приходилось преодолевать большие затруднения и препятствия, чем при постройке двух названных, так как море здесь до такой степени бурно, что сдвигает подчас с места глыбы в 42 тонны весом. К югу от Лорнского фиорда тянется другая цепь островов, тоже силурийской формации, как и скалы соседней Шотландии. Эта цепь заключает в себе два значительных острова: остров Джюра, или, точнее, Диура, «остров Оленей»[1], самый гористый в группе Гебридов, и остров Айлей, самый плодородный, наилучше возделанный, изобилующий металлами.

Главные острова на западе Шотландии:

	Пространство. кв. километр.	Главныя высоты, метров.	
Люис	1.938	Клешам	799
Скай	1.386	Сквир-на-Джиллеан	975
Мулл	856	Бен-Мор	967
Айлей	142	Сгор-на-Фойллеан	440
Джюра	207	Пепс	782
Южный Уист	329	Бен-Мор	620
Северн. Уист	306	Бен-Геваль	612

На восток, сейчас названная цепь отделяется от полуострова Кантайрского судоходным проливов, плавание по которому опасно только для мелких судов по причине чрезвычайно быстрых течений, образуемых морскими приливами. Между островом Джюра и островком Скарба два такия течения, двигаясь по одному и тому же направлению, встречаются и, соединившись, удвояют свою скорость. Этот проход становится особенно опасен, когда ветер дует со стороны противоположной течению и наносит суда на рифы. Тогда ни одно судно не решится плыть по этому страшному спорному течению, вполне заслуживающему свое гаелическое прозвище «Coirebhreacain», то-есть «Морской Котел»[2].

Скорость этого течения определяется различно: от 17 до 20 километров в час[3]. Из всех

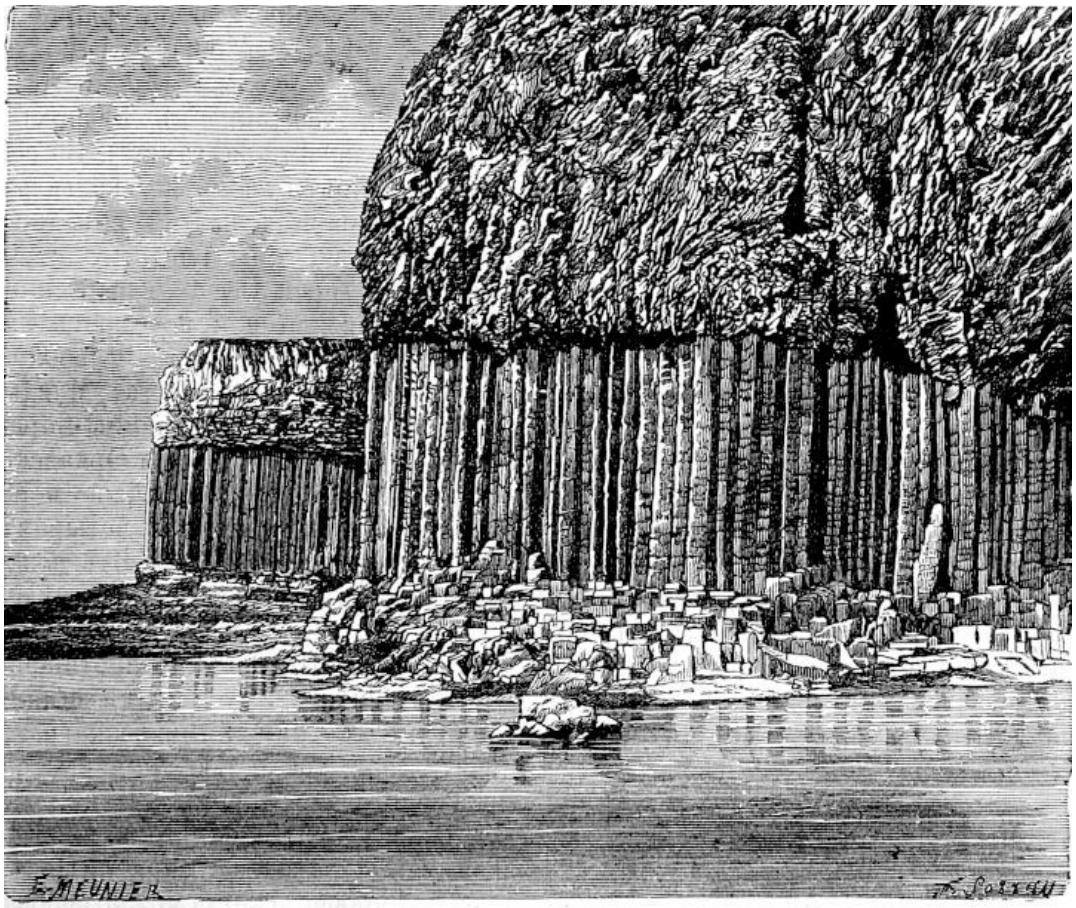
1 Mac Culloch, „A description of the Western Islands of Scotland".

2 Течение это называют также Corryvrekan.

3 „Athenaeum" 26 августа 1864 г.; „Mittheilungen von Petermann", 1864 г.

течений в шотландских морях Coirebhreacain—самое страшное. Сила его нисколько не меньше силы течения знаменитых Лофоденских водоворотов, у берегов Норвегии.

Климат горной Шотландии и её архипелагов существенно морской, даже более морской, чем в южной Англии; он очень влажен и замечательно ровен. Воздух почти всегда насыщен парами; так, по крайней мере, бывает на западном берегу, где облака, останавливаемые высокими горами, разряжаются проливными дождями, в редких случаях продолжительными снегами[1]. Во все времена года дождь ливмя льет на скалы, размывает камни и напояет вла-



Наружный видъ Фингалова грота.

гой мхи торфяников. Шотландия—по преимуществу страна туманов: там герои Оссиана, выросшие сами из тумана, появляются и исчезают, как мимолетные тени. В песнопениях бардов Скай называется островом «Туч», Мулль—«Мрачным» островом, а норманны-мореплаватели прозвали воды, омывающие Оркадский архипелаг, Libersee, т.е. «Клейкое море». Гаелы насчитывали пять стихий: к четырем стихиям южных народов, т.е. к воде, воздуху, земле и огню, они присоединяли пятую стихию—туман.

На севере Шотландии, противоположность, существующая между долгими зимними ночами и долгими летними днями, вознаграждается замечательной ровностью температуры. Уже в Оркадском море, под 59° широты, моряки могут рассчитывать летом на сотню таких дней, когда утренняя заря спешит сменить зарю вечернюю, и когда можно свободно читать, без огня, даже в полночь, тогда как зимой их ждут короткие дни и долгия ночи, иногда озаряемые светом северного сияния. Ветры там порывисты и внезапны, бури часты. Но если воздух часто приходит в сильное движение, то температура остается почти неизменно одна и та же. Средняя температура всего года, на островах шотландских архипелагов, от 7 до 8°, а средняя температура зимы от 3 до 4° выше нуля. Темные месяцы, когда господствуют длинные ночи, не приносят морозов; но зато и летние месяцы не дают тепла. Таким образом

1 Mac Culloch, „Western Islands of Scotland".

круглый год бывает, как говорится, ни тепло, ни холодно[1]. Некоторые растения юга, требующие только влажности и умеренной температуры в зимнее время, могут произрастать в верхней Шотландии, и на берегах озер в графстве Сутерлендском можно видеть растущие под открытым небом фуксии. Но уже на Оркадских островах овощи не вызревают за недостатком теплоты, деревья не произрастают на воле, и с большим трудом, под защитою стен, удается местным жителям выращивать рябину и ясень. Но если почва островов бесплодна, зато омывающие их воды изобилуют животными и растениями. Береговые отмели и рифы покрыты водорослями, в которых укрываются моллюски и другие морские животные, по большей части арктического типа. Некоторые водоросли, например Rodomenia palmata и Iridaea edulis, употребляются, под названием dulse, в пищу местными жителями. Лох-Файн, самое северное разветвление Кляйдского залива, славится ловом сельдей; во всех потоках Шотландии производится улов лососей, многие виды которых—американского происхождения. Доход, доставляемый Шотландии уловом лососей, простирается, средним числом, до ста миллионов франков. В шотландских водах добывают большое количество жемчуга, вошедшего в моду в последнее время.

Фауна, населяющая воды архипелага Шетландских островов, имеет более аналогии с соответствующей фауной норвежской, чем с британской; таким образом, не пускаясь в далекое плавание к полярному кругу, рыбаки могут ловить в свои сети у самых берегов этого английского архипелага те же самые породы рыб, какие ловятся норвежскими рыбаками у Лофодена. В XVII и XVIII столетиях арматоры Мааслуиса и Влаардингена снаряжали ежегодно для ловли рыбы в водах Шетландского архипелага по тысяче, по полторы тысячи и, даже, по две слишком тысячи голландских буссов, вместимостью в 80 тонн каждый, и вся эта флотилия отплывала с сопровождении двадцати военных судов. Первый улов сельдей доставлялся в Голландию, куда отвозили его на судах, отличавшихся особенно быстрым ходом. По окончании рыбной ловли вся флотилия направлялась к Брассейскому Зунду и становилась на якорь в обширном Лервикском порте, где закипала, на это время, торговая деятельность. В наши дни всего успешнее промышляют в этих морях английские рыболовные суда.

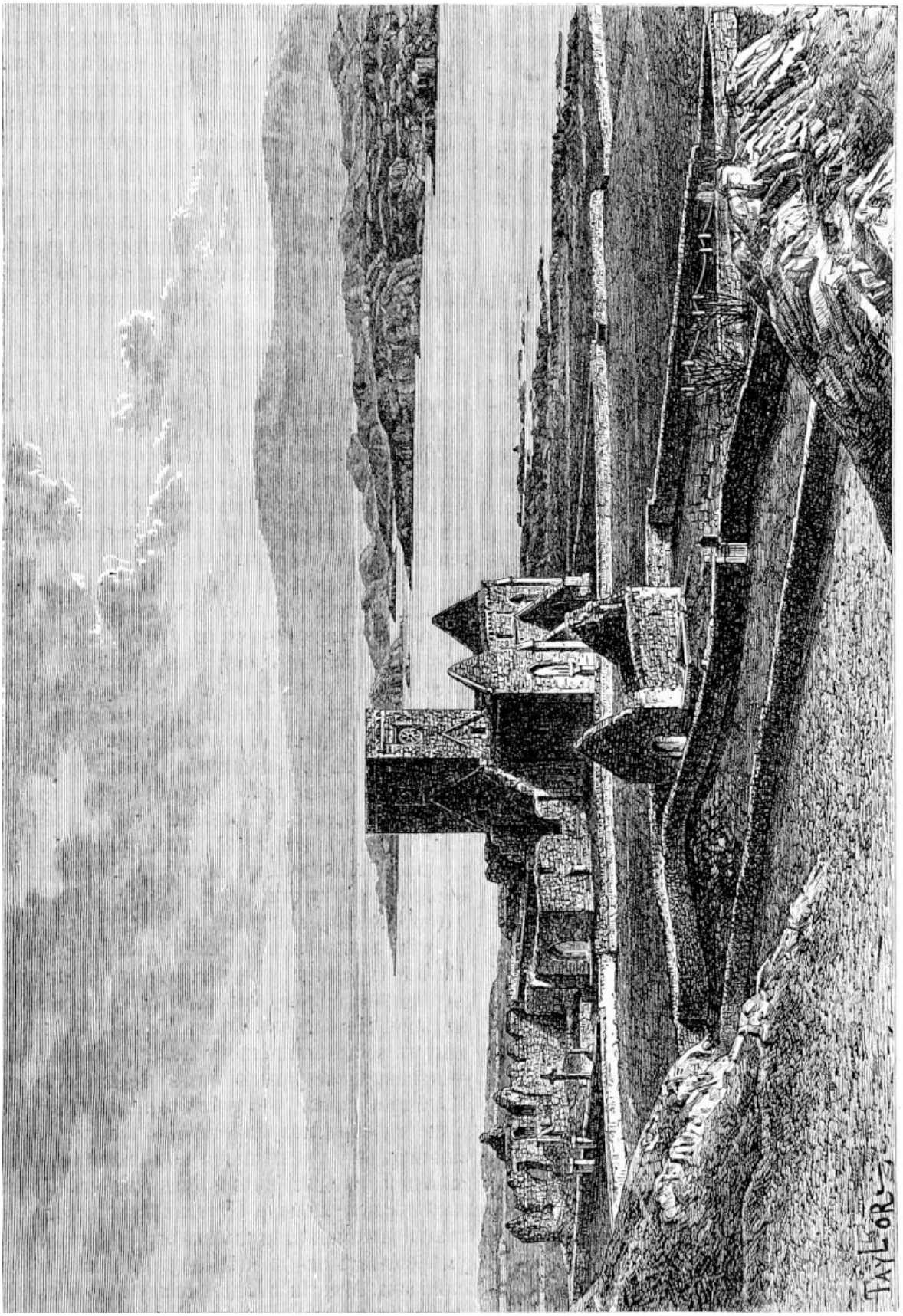
Все млекопитающие, свойственные Англии, водятся и в Шотландии; даже дикая кошка встречается, хотя и редко, в горной Шотландии, исчезнув совершенно в Шотландии низменной. В половине XII столетия фауна земнородных в северной Шотландии имела большое сходство с фауной скандинавской; ныне сходство это утратилось. В те времена северный олень бродил в лесах графства Кесснесского (Caithness), где олений мох (ягель) произрастает и поныне в изобилии. В сагах говорится, что графы оркадские каждое лето переплывали пролив, отправляясь на охоту за этим зверем и за «красной ланью»[2]. В парках некоторых богатых шотландских землевладельцев содержатся жвачные, находящиеся в одичалом состоянии; владельцы этих животных считают их представителями породы зубров; но, по мнению зоологов, это простая разновидность обыкновенного быка. В настоящее время одни только олени, заботливо содержимые и размножаемые любителями охоты, могут считаться действительными аборигенами из числа крупных зверей Верхней Шотландии. В охотничьи парки доставлены были, сверх того: зубры из Литвы, лоси, американские бизоны, северные олени из Лапландии, вапити, и все успешно акклиматизировались; впрочем, большую часть этих животных пришлось истребить, по причине их свирепости. Capercailzie, шведский тетерев, вывезенный в 1837 году, расплодился очень быстро и встречается теперь повсюду в лесах Шотландии. Бобры, водившиеся в прежнее время, снова стали распложаться на острове Бьют (Bute), куда были привезены из других мест.

Чем теснее пространство земли, занимаемое фауной, тем скуднее становится эта последняя: так, фауна Великобритании беднее фауны материка Европы, а фауна Оркадских и Шетландских островов является еще более скудной, чем фауна близлежащей Шотландии. Значительное число животных, обитающих на материке, не встречается на прилегающих к

1 C.-Martins; Gast. de Saporta, „Revue des Deux-Mondes", 1-r Juillet 1871.

2 A. Smith;—Boyd Dawkins;—Anderson и др.

материку островах. Напрасно было бы искать на островах Оркадских и Шетландских следов каких бы то ни было норок, указывающих на пребывание кротов и тому подобных зверков. Лисиц и кроликов тоже нет. Зайцев в прежнее время также не было, но ныне они разводят-



Развалины Іонскаго собора.

ся в значительном числе, составляя одну из доходных статей для населения Оркадских островов, где процветала другая отрасль промышленности, а именно, добывание водорослей, употреблявшихся до 1832 года при фабрикации стекла. В былое время водорослей этих вы-

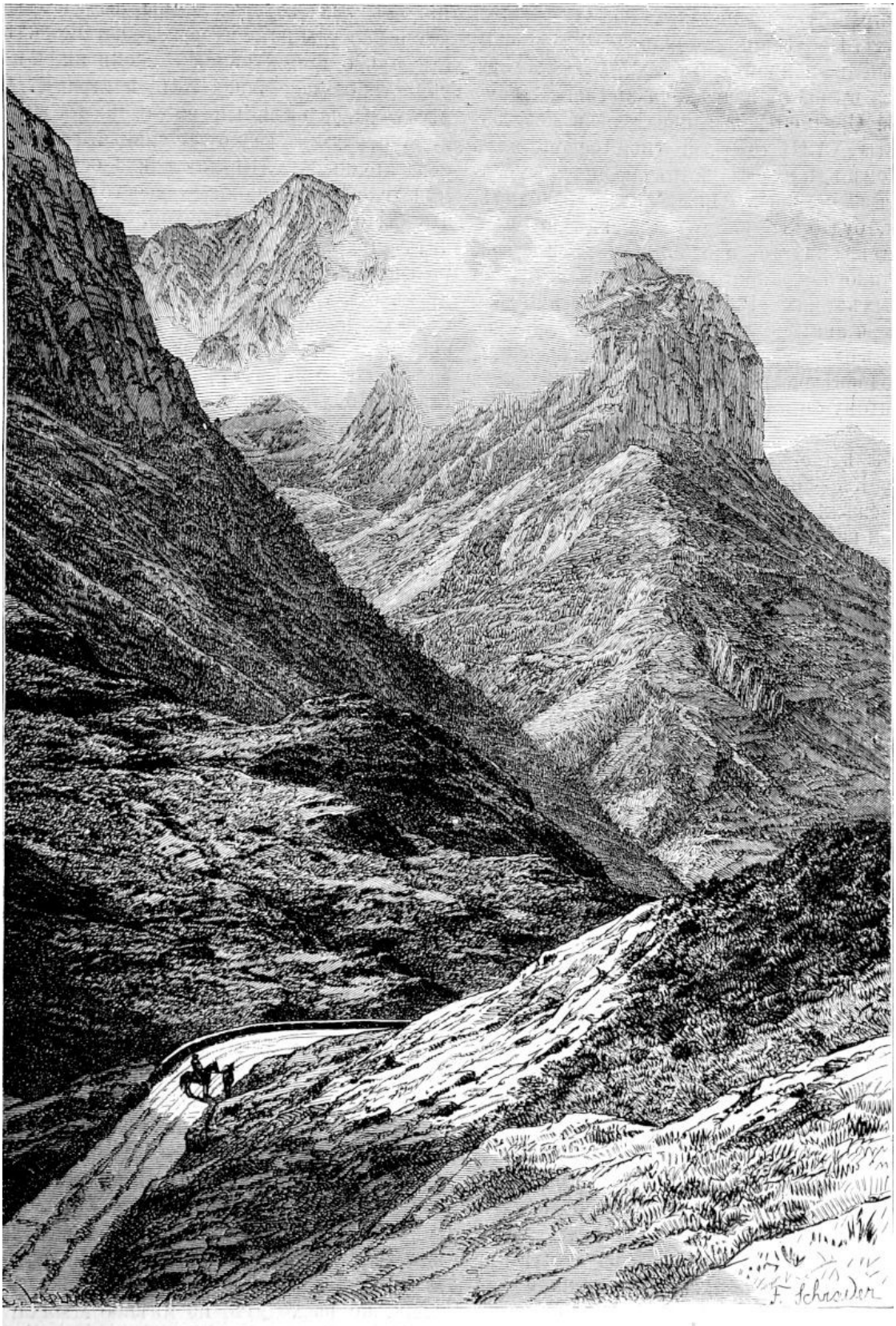
возилось на сумму до 600.000 франков ежегодно[1]. Охотники развели на острове Льюис (Lewis) зайца-беляка; рассказывают, что суеверные туземцы, увидев странное животное, опушенное белою шерстью, сочли его за привидение. На острове Сент-Кильда водится, в диком состоянии, одно только млекопитающее—мышь; даже крысы там не появляются[2]. Известно также, что рост животных, акклиматизированных на островах архипелагов, значительно уменьшился под влиянием окружающей среды: примером могут служить малорослые лошади Шетландских островов, грациозные пони, столь высоко ценимые за их умеренность в пище, неутомимость и выносливость. Многие птицы, между прочим, куропатки, также, как кролики и лисицы, остались по сю сторону пролива, отделяющего Шотландию от Западных островов. Что же касается морских птиц, то скалистые берега Гебридских, Оркадских, Шетландских и Фарерских островов представляют те же удобства, относительно добывания пищи и выводки птенцов, как и скалистые берега Шотландии; и на всех этих островах встречаются морские птицы тех же самых пород и в таком же множестве, как и в Шотландии. На скалистых берегах С.-Кильды находят себе приют и убежище до двухсот тысяч пеликанов[3]. Некоторые породы морских птиц, как, например, ледовитые буревестники, или фульмары (Procellaria glacialis), водятся не на всех, а на известных только островах. Одна из пород морских птиц окончательно вывелась: это чистик исполинский или очковый (alca impennis), водившийся на Оркадских островах. Последний экземпляр этой породы, виденный и пойманный там в 1824 году, хранится в настоящее время в Британском музеуме. Средневековые писатели и даже натуралисты XVIII столетия упоминают, как об одном из чудес, встречающихся в особенности на островах Оркадских, о раковине, которая, будто бы, растет в виде дерева и приносит, вместо плодов, уток и гусей. Следы такого странного суеверия заметны даже в первых томах «Philosophical Transactions», а название anatifer, т.е. «утконосец», данное Линнеем одному виду усоногих, показывает, что средневековая легенда была известна и знаменитому ботанику.

Кто были древнейшие обитатели горной Шотландии? К какому первоначальному корню принадлежали пикты, населявшие некогда эту страну, и которых не могли одолеть римляне? Были ли пикты чистого кельтического племени, или уже успели смешаться с некоторыми скандинавскими элементами[4]? Общераспространенное мнение то, что пикты с давних уже пор совершенно обособились и отделились от бриттов, и что наречия пиктов имели гораздо менее между собою сродства, чем наречия кимрийские в Галлии. Легко может статься, что пикты населяли некогда всю Великобританию и потом постепенно были оттесняемы к северу, так же, как и бритты, которых теснили сначала римляне, вторгнувшиеся в Британию, а впоследствии англы и саксы, покорившие страну.

Многочисленные мегалиты, известные под названием «домов пиктов» или weems,—от гаелического слова wamna, пещера,—состоят неизменно из комнаты или центрального прохода, около которого группируются, с большею или меньшею симметрией, небольшие кельи. Сверх того в Шотландии, а в особенности на островах, сохранилось множество brochs или borgs, круглых башен, предназначавшихся для обороны и имеющих по внешности некоторое сходство с nuraghe на острове Сардинии. На Шетландских островах насчитывается не менее 75 подобных башен и до 70 на островах Оркадских. Петри (Petrie) исследовал сорок таких сооружений и пришел к заключению, что это—не что иное, как укрепленные жилища. Окружная стена имеет не менее, а часто и более, четырех метров в ширину; высоту определить в точности невозможно, так как нет ни одной подобной стены, которая сохранилась бы в целости. Ближе к верхушке стены можно заметить пустое пространство в виде галлереи, идущей в толще стены. Песты для измельчения хлебных зерен, лампы, выделанные из кам-

1 Daniel Gorrie, „Summers and Winters in the Orkneys".
2 Macaulay, „A voyage to and history of Saint-Kilda"
3 George Seton, „Saint-Kilda, past and present"
4 Latham, „The ethnology of the British Islands".

ня, сосуды из китовых костей свидетельствуют о примитивной степени цивилизации, до которой поднялись жители страны. Борг Муза, расположенный на мысе, в двадцати километрах к югу от Лервика, главного города архипелага Шетландских островов, замечателен утол-



Ущелье Гленговъ.

щением своего основания,—что было сделано, вероятно, с целью затруднить приступ атакующего неприятеля,—и редюитами, расположенными в одинаковом друг от друга расстоянии внутри стен. Мегалиты, долмены, карнсы (cairns), символические изваяния, круги столбов,

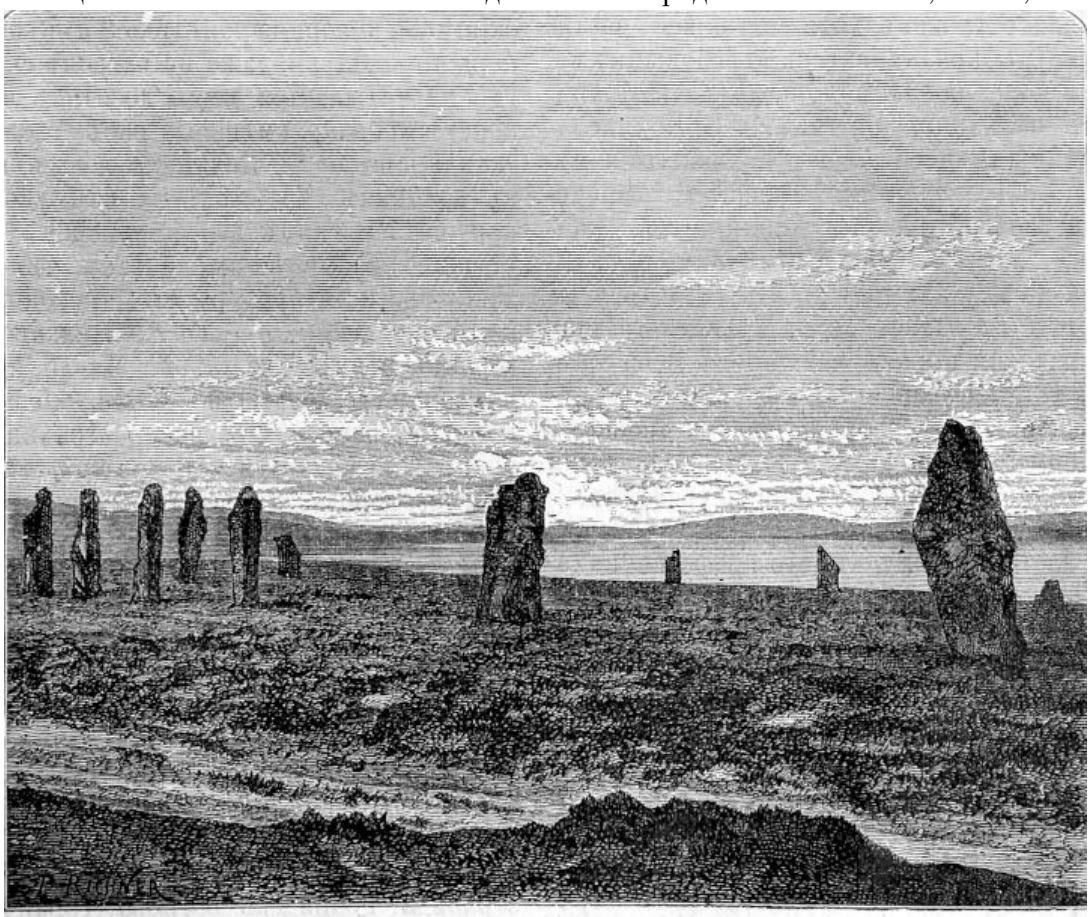
озерные палисады, укрепления встречаются во многих местах Шотландии и на островах. Эти памятники первобытной цивилизации составляют характеристическую особенность каждой почти местности на Оркадских островах[1]. В одном из округов главного острова, так называемые, «жилища пиктов» или weems, мегалиты, расположенные кругообразно, скалы, покрытые руническими надписями, занимают и поныне пространство в несколько километров, хотя фермеры из соседних местностей не щадят эти почтенные памятники седой старины, смотря на них, как на материал, годный для мощения дорог. Когда, в 1861 г., раскопан был курган в Мишоу, то внутри его нашли более девятисот рун, высеченных на камнях, равно как изображения странных животных. Исключая Stonehenge, на Британских островах нет мегалитов лучше сохранившихся, чем мегалиты Брогара или Стенниса, или чем «серые келлернишские камни» на острове Льюисе, в двадцати километрах расстояния к западу от Сторновея. Эти «48 камней» на острове Льюисе—именуемые также Tuirsachan или «полем плача»,—образуют еще и поныне полную окружность: некоторые из камней кажутся закопанными в торфяную почву, так как они обросли мхом до высоты от двух до четырех метров от поверхности земли[2]. Известно, что сооружения эти принадлежали к разным векам; по этой причине, в мегалитах там и сям попадаются камни не столь древние, как те, к которым они были присоединены впоследствии. Надписи христианские, начертанные на мегалитах огамским шрифтом и рунами, не восходят, по мнению Мюнха, далее начала двенадцатого столетия. В Ньютоне, в графстве Абердин, на одном камне начертана странными буквами надпись, остающаяся и поныне неразобранною.

Освященные первобытным культом памятники и места, несмотря на последовавшие изменения в сфере религиозных воззрений у населения, не переставали служить предметом поклонения. Еще не так давно жители Южного Уиста устраивали по праздничным дням религиозные процессии, обходя трижды вокруг мегалитов и следуя всякий раз видимому движению солнца. К числу таких освященных, с незапамятных времен, местностей относится и маленький остров Иона, на западной оконечности Молля, кажущийся отдельно стоящею скалой. В шестом веке по Р. Х. ирландский проповедник христианства Колум или Колумба, поселившись на этом острове, основал там монастырь, получивший вскоре громкую известность во всей Великобритании, как «светоч науки в западной окраине»; оттуда выходили монахи-аскеты, прозывавшиеся Culdees и посвящавшие себя уединению и преподаванию; с XIII века, вследствие возникшего соперничества с духовенством, Culdees исчезают[3]. Храмы, находящиеся уже в развалинах, служили местом погребения более чем шестидесяти королям Шотландии, Ирландии и Гебридских островов; последним из погребенных там королей был Макбет, прославленный Шекспиром. Существовало поверье, что потоп должен поглотить всю землю, за исключением священного острова. Этот островок, состоящий из гранитной скалы, остался в глазах гаелов христиан тем же, чем был в глазах их предков язычников, то-есть островом по преимуществу; ему исключительно присвояется название Eye (остров), как будто других островов и не существует. Было время, когда на остров,—подобно тому, как на Афонскую гору,—женщины не допускались из опасения, чтобы они своим присутствием не осквернили священной почвы. Неподалеку от церкви находились сероватые глыбы, именовавшиеся «черными камнями», так как проклятие долженствовало пасть на головы тех, кто давал клятву на этих камнях и потом ее нарушал. Там-то «лорды островов», стоя на коленях, с руками, воздетыми к небу, клялись соблюдать нерушимо права своих вассалов[4]. Уверяют, будто груды камней, встречающиеся на морском берегу, были некогда навалены монахами во искупление совершенных ими прегрешений. В этих грудах попадаются очень красивые образчики гранита, порфира, серпентина, которые шлифуются шотландскими рабочими и, в качестве амулетов, продаются местными жителями путешественникам. Та-

1 Anderson, „Edinburgh Review“.
2 Wilson, „Prehistoric Annals of Scotland“.
3 Jameson, „History of the Culdees“.
4 Forbes Leslie, „Early Races of Scotland“.

кие амулеты считались на всех Гебридских островах самым действительным средством для противодействия чарам волшебников; чтобы обеспечить себе счастливую жизнь в супружестве, жених, во время совершения обряда бракосочетания, должен был класть на разутую левую ногу амулет из камня с острова Иона[1].

Жители верхней Шотландии, более или менее смешавшиеся с бриттами, происходят также, в большинстве случаев, от скандинавов. Владычествовав в течение веков над Оркнейским архипелагом, норманны, под предводительством Рольфа или Роллона завоевавшие Нейстрию, утвердили свое господство и в северной Шотландии, основав колонии по берегам этой страны и прилегающих к ней островов; однако, само население Оркадских островов, хотя состоящее частию из семейств с скандинавскими родовыми именами, имеет, повидимо-



Мегалиты Оркадскихъ острововъ.

му, скорее шотландский, а не скандинавский тип[2]. В архипелаге Шетландских островов все названия местностей, без исключения, норвежского происхождения: названия ферм принимают окончание seter или ster, а названия холмов оканчиваются на hoy или holl[3]. В 1820 году на одном из островов этого архипелага еще плясали древний норвежский танец меча[4], а, по словам Джиффорда[5], в 1786 году некоторые семейства говорили еще на древнем норвежском языке. Даже в Великобритании название одного из важнейших графств,—Sutherland или «южная страна»,—служит доказательством тому, что это графство находилось некогда под владычеством скандинавов. Хотя область эта занимает северную оконечность Шотландии, однако она по отношению к Оркадским островам и Норвегии является страною, лежащею на юг, и вот причина, почему возникло название, удержавшееся и поны-

1 Mercey, „Revue des deux Mondes“, sept. 1838.
2 Hugh Miller, „Footprints of the Creator“.
3 Isaac Taylor, „Words and places“.
4 Hibbert, „Shetland“
5 „Historical description of Zetland“.

не[1].

В некоторых местностях скандинавские колонии остаются еще заметными: такова, например, деревня Несс на большом острове Льюис, энергические жители которой резко отличаются от беспечных соседей своих, гаелов. «Как вода и масло», потомки бывших врагов долго отказывались от всякого смешения между собой[2]. Во всяком случае, было бы делом весьма трудным проследить смешение рас в стране. Язык является, в этом случае, весьма ненадежным для руководства признаком. Большинство гаелов забыло свой родной язык и говорит исключительно по-английски, так как из четырех миллионов шотландцев не более 250.000 сохранили еще употребление наречия гаелического или, точнее, гаделического. В половине текущего столетия насчитывалось не более 80.000 шотландцев[3], которым не был знаком общеупотребительный в Великобритании язык. Что же касается шотландских скандинавов, то все они, без исключения, забыли язык своих предков: большинство говорит теперь по-английски, хотя есть и такие, которые с незапамятных времен говорят исключительно по-гаельски. Названия местностей и большей части островов—датские, хотя половина обитателей их говорит теперь по-кельтски; даже на острове св. Кильды, где насчитывается всего десяток семейств, констатировано смешение рас гаелической и скандинавской[4]. Кельтский язык, вышедший в половине XI столетия из употребления при шотландском дворе, обречен на исчезновение; он менее выработан, чем гельский диалект, и литература его, состоящая почти исключительно из душеспасительных книг, гораздо беднее гельской. Число людей, понимающих кельтский язык, весьма невелико, и область его распространения постепенно съуживается, по мере того, как ростут города, население которых говорит на английском языке, и по мере того, как редеет кельтское население высоких горных долин. Так называемая Каледония,—если только справедливо, что это название, часто объясняемое в смысле «страны лесов», значит собственно Gael-Dun, или «гора гаелов»,—съуживается все более в своих пределах, будучи охватываема сетью железных дорог. В настоящее время в состав Каледонии входят только горные округа (Highlands) Перта, Аргайля, Инвернесса, Росса, Созерланда, Гебридские острова, Арран, ирландский остров Реслин и глены Антрима. Во всей Шотландии названия местностей, в большинстве случаев, свидетельствуют о том, что здесь господствующим племенем были кельты: общий рельеф страны тотчас же рисуется, при чтении карты, тем, кто знаком с сельским наречием. Подобно соответствующим названиям в Ирландии, имена ben или beinn, binnein, carn, carr, carragh, cnoc, creag, cruach, dun, mam, meal, monadh, sguir, sith, sithean, stob, stuc, tolm, torr, tullich, sliabh служат обозначением гор различной формы: нарицательные eye, i, innis обозначают острова; linne и loch обозначают озера и заливы, abh, abhuinn, uisge, esk, buinne—реки и потоки. На западе Шотландии inver, а на востоке aber служат для обозначения устьев или слияния рек. Древнее название гаелов—Albainn, Albeinn или Albion присвоено теперь всей Великобритании. Гельские поэты, в своих произведениях, именовали соотечественников не иначе, как «Albanaich», т.е. «жители гор»[5]. Албанаихи Грампианских гор и албанцы Пинда носят одинаковое имя, имеющее, вероятно, и одинаковое значение в обеих странах.

Первая печатная на гельском языке книга—перевод одного сочинения религиозного содержания, автором которого был Джон Нокс. Подобно тому, как это случилось в Валлисе, реформационное движение придало народному языку небывалое дотоле значение. Однако, если религиозная ревность склонных к мистицизму валлийцев способствовала, чрез посредство проповедей и журналов, тому, что язык валлийский получил большую устойчивость, то распадение жителей Шотландии на два бывшие долгое время друг другу враждебными лагеря (католиков и протестантов) имело последствием ослабление коллективного патриотизма

1 „Ethnology of the British Islands“.
2 Hugh Miller, „Summer Ramble among the Hebrides“.
3 Logan, „Celtic Gatherings“.
4 Sands, „Out of the World, or Life in Saint-Kilda“.
5 Forbes Leslie, „Early races of Scotland and their monuments“.

расы и языка. В графстве Инвернесс, по обе стороны Гленморской впадины, и по сие время еще очень много католиков: смотря по прихоти своих предводителей, кланы должны были или принимать реформационное учение, или оставаться верными католическому вероисповеданию. Из всей группы Гебридских островов, жители двух только островов, именно Кана и Ейг, к югу от Скай, остались католиками. Жители большего острова Рома, от которого зависели два упомянутые островка, медлили, как говорят, принять протестантство; ускорить дело их обращения взял на себя их владетель, Мак-Леод, и поступил следующим образом: вооружившись дубиной желтого цвета, Мак-Леод отправился на встречу католической религиозной процессии, разогнал ее, не щадя ударов, и принудил верных сынов папского престола направить свои стопы к кафедре протестантского проповедника. Вот причина, почему протестантские жители острова Рома слывут на соседних островах за людей, исповедующих «религию желтой дубины»[1]. Несмотря на последовательные перемены в религиозных воззрениях и верованиях, многие суеверия, остатки времен язычества, уцелели и поныне; так, например, жители острова Льюиса, употребляя выражение «Камень» (Петр), как синоним церкви, придают этому слову такое же значение, какое придавали их предки-язычники, совершавшие свои религиозные обряды около священных мегалитов[2].

И поэты, и романисты воспевали жителей горной Шотландии, выставляя их образцом мужества, прямодушия и всяких украшающих человека добродетелей. Взгляните на шотландских солдат: какой они имеют гордый и внушительный вид! как странно и роскошно, вместе с тем, их одеяние: красный цвет мундира оттеняется черным и белым цветом лент и перьев, а зеленая клетчатая юбка спускается широкими складками на голые колени. Храбрость этих солдат на поле битвы выхвалялась так часто, что без труда признаешь за ними ту прирожденную возвышенность души, о которой так много говорят их панегиристы. Благодаря поэтам, мы восхищаемся волынщиками, потомками старинных бардов, распевавших свои меланхолические песни под аккомпанимент арфы. В действительности горцы Шотландии были еще недавно, подобно черногорцам, миридитам, албанцам, народцами воинственных пастухов, постоянно враждовавшими с соседями. Стоило большего труда укротить их, и этого достигли постройкой укреплений при спусках в долины. Между членами одной и той же семьи и членами семей, имевших одного общего родоначальника, существовала большая солидарность. Подобно племенам краснокожих, семьи эти отличались друг от друга песнями, воинственными кликами, символическими животными или растениями, цветом одежды. В минуту опасности они грудью стояли друг за друга. Раса делилась на сорок кланов, даже на сто, если брать в рассчет семьи шотландцев долин[3]; некоторые из этих родов, которые существуют доныне, по крайней мере по имени, заключали в себе до десяти слишком тысяч человек. Численность членов главнейших кланов была, в 1863 году, следующая:

Мак-Грегор—36.000; Мак-Кензи—21.000; Мак-Лин—16.000; Мак-Леод—14.000; Мак-Интош—11.000; Мак-Дональд—10.000.

Члены каждого клана, носившие одинаковое родовое прозвище, считались между собой в родстве до сотого колена, и даже далее. Они сражались сообща и, связанные общими интересами, помогали друг другу в случае нужды. Многие обычаи служат указанием на то, что у них существовало общинное владение, и что передел поземельных участков между членами клана производился в определенные сроки. Каждый должен был отстаивать честь того клана, к которому сам принадлежал; и, наоборот, обида, нанесенная одному из членов клана, отмщалась всеми остальными его членами, Если королю случалось быть недовольным кем-либо из предводителей кланов, то он подвергал преследованию всех членов клана безразлично, зная, что каждый из них вполне солидарен с своим предводителем: так, например, в истекшем столетии запрещено было, под страхом наказания, носить родовое прозвище

1 Dr. Johnson, „Tour in the Wester Islands“.
2 Anderson Smith, «Lewsiana».
3 Keltie, „History of Scotland“.

Мак-Грегор. Горные шотландцы никогда не искали правосудия в судах: они сами творили суд и расправу, и за пролитую кровь родича отмщали пролитием же крови врагов. Различные памятники увековечивали подобные кровомщения, и даже в 1812 году одно семейство, из чувства фамильной гордости, соорудило памятник, долженствовавший напоминать кровомщение, совершенное предками этой фамилии над семью врагами[1]. На острове Эйг существует пещера с узким и низким входом, имеющая до 80 метров глубины. Пол пещеры усыпан человеческими костями,—останками жителей острова, которые, в числе двух сот, скрываясь, в шестнадцатом столетии, от преследования лерда Мак-Леода, были, по распоряжению этого последнего, задушены дымом. Кости не истлели и поныне и лежат грудами, хотя много их доставлено было в различные музеи[2].

Так как каждый имел неоспоримое право на надел земельным участком, то, по этой причине, в былые времена не существовало в Шотландии антагонизма между богатым и бедным классом тамошнего населения[3]; но, с исхода восемнадцатого столетия, беднейшие члены клана, хотя и продолжавшие величаться кровным родством с главою клана,—утратили право владения землей. Поземельная собственность стала делаться исключительным достоянием лердов, распоряжавшихся ею по своему усмотрению и отвечавших на всякия домогательства и претензии членов подвластных им кланов словами девиза графов Оркнейских: sic fuit, est et erit! (так было, есть и будет). Владелец земли, лерд, мог уже, по своему произволу выгнать жителей с земельных участков, какие они дотоле возделывали, и обратить эти обработанные поля или в пастбища, или заповедные места, предназначенные для охоты. Бывали случаи, что владельцы, желая обновить население родовых своих земель, предавали огню жилища прежних своих фермеров и этим путем принуждали их к выселению. В период времени с 1811 по 1820 год с земель, принадлежавших герцогине Стаффорд, было прогнано пятнадцать тысяч фермеров. Случалось, что целые деревни предавались зараз огню, при чем в одну ночь сгорало до трехсот домов, и жители, лишенные крова, должны были, волей неволей, искать себе нового убежища. С половины текущего столетия около 400.000 гектаров земли в Верхней Шотландии обращено было в охотничьи парки, при чем жившие там жители и стада овец покинули прежния места[4]. Совершилось нечто совсем противоположное тому, что обыкновенно совершается благодаря влиянию цивилизации: обработанные земли Верхней Шотландии обратились в пустыри, а дикие звери заступили место домашних животных. Страна, прежде почти безлесная, покрылась во многих округах густым лесом. Более двадцати пяти тысяч оленей бродят по обширным паркам, тянущимся почти непрерывно от Блек-Маунта, в графстве Аргайль, до Марр-Форреста, в графстве Абердин. Все, вообще, местности, предназначенные для охоты, занимают пространство в 800.000 гектаров, и пространство это продолжает еще увеличиваться. Шотландия сделалась страною спорта по преимуществу, и многие обширные поместья обращены в местности, предназначенные исключительно для охоты и охотников, что, впрочем, благодаря досужеству аристократии, приносит владельцам поместий гораздо более дохода, чем приносило бы в том случае, если бы они вздумали заняться обработкой земли. Некоторые любители платят охотно по 10.000 франков за право ловить семгу; право охоты на тетеревов оплачивается 25.000 франков, а за право охоты в лесу, обитаемом оленями, уплачивается от 100.000 до 120.000 франков. При таких условиях каждая пойманная семга обходится в 200 франков, а каждый олень—в 1.000 франков. В 1877 году, в Шотландии, за право охоты на тетеревов и оленей в 2.060 местностях заплачено было 15.000.000 франков.

В Шотландии, более даже, чем в Англии, преобладает крупная земельная собственность. Около трети земли во всем королевстве распределено между 21 владельцем; половина принадлежит 70 собственникам, а девять десятых распределяются между 1.700 владельцами.

1 Ch. Dupin, „Force commerciale de la Grande-Bretagne”, II.
2 Hugh Miller, „Summer Ramble among the Hebrides”.
3 Aug. Thierry, „Historie de la conquete de l’Angleterre par les Normands”.
4 Hugh Muller. „Sutherland as it was and is”.

Герцог Сотэрлендский владеет 530.000 гектаров, то-есть одной пятнадцатой долей всего пространства Шотландии, а в своем собственном графстве он является единственным почти земельным собственником. Понятно, что столь обширные пространства земли не могут быть серьезным образом обработываемы и потому остаются большею частью невозделанными; мелкие землевладельцы съумели бы, конечно, извлечь выгоду не только из удобной земли, но даже из такой, которая находится под болотами и пустошами, тогда как крупный и богатый землевладелец запускает ее под лес, пастбища для скота, верещаги. Считают, что совокупность земель «королевства» Сотэрлендского дает доходу, средним числом, не более трех франков на каждый гектар; тогда как доход в Шотландии с земель, обработываемых самим собственником, простирается до 125 франков на каждый гектар. В 1878 году площадь обработанных земель в поместьях герцога Сотэрлендского не превышала 10.750 гектаров; но в последнее время площадь эта увеличилась, и самый способ обработки может быть признан образцовым.

На Оркадских островах часть земель принадлежит еще так называемым odallers, т.е. землепашцам благородного происхождения, не признающим над собой чьих-либо помещичьих прав; но все земли на островах Шетландских, на некоторых из островов Гебридских и даже на самом большом из группы этих последних, на острове Льюисе, принадлежат одному земельному собственнику, власть которого, в сущности неограничена, так как от его произвола зависит дать живущим на его землях средства снискивать себе пропитание заработками, или же, отказав в работе и лишив средств к существованию, заставить их выселится. Таким-то образом некоторые острова, как например Ром и Барра, имевшие в прежнее время весьма густое население, ныне почти обезлюдели. В числе жителей, оставшихся на этих островах, есть много влачащих столь жалкое существование, что carrageen,—исландский мох, как его называют в торговле,—считается у них лакомством, а обыкновенную пищу составляют исключительно водоросли и рыба. Вследствие дурного питания, народонаселение страдает болезнями брюшных органов, а в особенности несварением желудка, и эти-то патологические явления, как причина галлюцинаций, служат, по мнению некоторых врачей, объяснением «двойного зрения», о котором так часто упоминается в истории горных шотландцев. Деревни на острове Льюисе едва-ли имеют себе подобие в целой Европе. Лачуги кажутся грудой камней и хворосту. Туземцы собирают камни, разбросанные в торфяной почве, и строят из них концентрические стены, оставляя между ними промежуток в несколько футов, который наполняется землей и гравием, представляя достаточную преграду для лучеиспускания теплоты. Подпорки из старых весел, досок и переплетенных сучьев, служат поддержкой для крыши, состоящей из толстых слоев земли и торфа и образующей кругообразный выступ над наружною стеною. Крыша прорастает вскоре травой и становится любимым местом прогулки для ребятишек, собак и баранов. Единственная дверь служит входом в лачугу, где постоянно горит торф; хотя жар и дым становятся подчас нестерпимы, в особенности для непривычного человека, однако, необходимость заставляет поддерживать неугасаемый огонь на очаге, дабы дать возможность испариться влаге, просачивающейся сквозь земляную крышу и набитые землей стены. Малорослые, по причине недостатка в корме, лошади, коровы, овцы помещаются в одном углу лачуги, куда дети таскают кости, давая их глодать коровам, что последние делают весьма охотно. Куры гнездятся где попало, или у отверстия, оставленного для выхода дыму. Говорят, будто высокая температура, в какой постоянно обретаются куры, способствует носке яиц[1]. Таковы жилища у большей части обитателей Гебридских островов. Однако потребность удобств значительно возросла у них с начала текущего столетия, когда они были настолько чужды понятиям о каком-либо комфорте, что смотрели на чашку как на удивительную редкость.

Все почти значительные города на севере Шотландии расположены в низменной части этой страны, т.е. в Стретморе, служащем естественным продолжением той впадине, по которой протекают Кляйда и Форт.

1 Anderson Smith, „Lewsiana“.

Перт, бывшая стоянка римских войск, сделавшаяся впоследствии столицей объединившейся Шотландии и удерживавшая за собою первенствующее значение вплоть до половины пятнадцатого столетия, оправдывает историческую свою известность выгодным, в географическом отношении, положением, имевшим в прежнее время несравненно большую важность, чем та, какую она имеет в настоящее время. Перт расположен на берегах р. Тей, доступной для морского судоходства, так как суда в 100 тонн, т.е. такия, какими довольствовались в средние века для торговли, могут приставать к самым набережным города. Река Ирн, главный приток Тея, впадает в него в некотором расстоянии ниже Перта, но к югу от этого города до такой степени приближается к Тею, что укрепления Перта могут свободно обстреливать долины обеих рек. Сверх того, Перт расположен как раз перед брешью, открывающейся с юго-востока между хребтом Очилль-Гильз и другими, менее возвышенными холмами: здесь было место прохода между Стретмором и полуостровом Файф. Перт расположен на одном из внешних порогов этого прохода, между тем как более древняя столица страны, Абернети, находится при самом входе в дефилэ. Много битв происходило в соседних долинах за обладание «этим ключем» к Шотландии. В настоящее время Перт город промышленный, замечательный в особенности мануфактурами, где обработывают хлопок и ткут полотна, и, несмотря на фабрики и заводы, все-таки живописный: к северу и к югу от Перта расстилаются прекрасные луга, бывшие прежде островами на Тее, как об этом свидетельствует название их на гельском языке—inches. В четырех километрах к северу от Перта находится замок Скон, выстроенный на том месте, где возвышался некогда дворец королей шотландских, и где они короновались, сидя на «Сконскоме камне». Этот простой, голый камень, служивший троном, был знаменитый «камень Судьбы», Lia Fail, завоеванный, быть может, в Ирландии, на холме Тара; он перенесен был в замок Дунстафнедж, древнюю резиденцию «Лорда Островов», на берегах озера Этайв, а потом в Скону, и с 1296 г. находится в Вестминстерской церкви, куда помещен был Эдуардом I, как трофей победы. Близ Перта, к северо-востоку, находится деревня, прославленная одинаково и в истории, и в драме: это—Донзинан, где Макбет, после семнадцатилетнего царствования, проиграл в 1056 году битву, стоившую ему короны. Местные жители показывают курган, называя его—однако, ошибочно,—могилой Макбета.

Выше Перта, Тей и впадающие в него потоки протекают по долинам, имеющим совершенно дикий характер, где великолепные замки, Блер-Атоль, Донкельд и другие, возвышаются в живописной местности, среди обширных, разведенных в позднейшее время, лесов, миновав которые мы достигнем на западе озера Реннок и затем выйдем к западному берегу чрез Гленко. Единственный город, встречающийся вверх по течению Тея,—Блергоури, при реке Эрдль.

Гораздо более, чем Перт, имеет значение в торговом отношении Дёнди или Дунди (Dundee), тянущийся на пространстве девяти километров по северному берегу Тея, имеющего в этом месте свыше двух километров ширины. Дёнди—тоже старинный город, не раз подвергавшийся осадам и штурмам. Он был первым из шотландских городов, отделившихся от католической церкви, и выказал в деле реформации столько рвения, что сделался «второй Женевой». В настоящее время Дёнди—самый населенный город на севере Шотландии и занимает первое место не только в Шотландии, но и во всей Великобритании по фабрикации полотен и обработке джута, или «бенгальской пеньки». На одной только фабрике,—не считая других,—занято около 2.000 рабочих, и действуют паровыя машины в 3.000 лошадиных сил; пенька в сыром виде привозится из Индостана на принадлежащих фабрике кораблях. В 1891 году джутовая промышленность в этом городе давала занятие 26.000 человек. Кроме мануфактур для выделки холста, в Дёнди существуют также обширные мануфактуры для выделки других тканей; особенно значительны также фабрики для производства машин, кораблестроительные верфи и кожевенные заводы; существует в Дёнди еще одна, очень развитая, отрасль промышленности, не имеющая, однако, ничего общего с только-что поименованными: это—выделка превосходного мармелада из померанцев ежегодно выделывается

этого мармелада около 1.000.000 клгр.[1]. Уже более ста лет моряки Дёнди занимаются, с переменным счастьем, обширным рыболовным промыслом; в общем, промысл этот был выгоден, и в настоящее время Дёнди утвердил за собой монополию по снаряжению паровых судов для ловли китов в Девисовом проливе и в Баффиновом заливе, или для ловли тюленей близ острова Яна-Майена. Дёнди ведет весьма обширную и оживленную торговлю с Лондоном, Эдинбургом, Ньюкестлем и заморскими странами. Снаряжено было в Дёнди, в 1877 году, четырнадцать кораблей, поймавших 80.130 тюленей и 81 кита. Стоимость улова: 3.611.750 франков, по 257.975 франков на судно.

В 1891 г. в порте Дёнди было в приходе 1.287 судов, вместимостью 584.862 тонны; к порту принадлежало 178 судов (в том числе 78 пароходов) в 123.812 тонн и 186 рыболовных судов.

Прежде Дёнди мог иметь прямое сообщение с графством Файф только посредством лодок и паровых паромов; в 1877 г. он был соединен с противоположным берегом посредством грандиозного железнодорожного моста, который в конце 1879 г. сделался театром ужасной катастрофы: в одну бурную ночь часть моста обрушилась в волны вместе с проходившим в этот момент поездом. Вместо этого разрушенного бурею построен (в 1882-87 г.) новый мост, длиною 3.214 метров, который покоится на железных, наполненных цементом, цилиндрах, имеет 85 пролетов и по середине возвышается на 23,5 метр. над средним уровнем воды. Мост этот проходит в шести километрах к востоку от города; в этом месте средняя глубина воды—13 метров; но она доходит до 20 и даже 21 метра там, где течение приливной волны достигает наибольшей силы и скорости 8 километров в час. На расстоянии 22 километров от Дунди, в море, именно на восток от входа в лиман, стоит другой памятник могущества человеческого,—маяк Бель-Рок, один из самых величественных на восточном берегу, и постройка которого сопряжена была с наибольшими трудностями.

Арброс, освещаемый по ночам огнями Бель-Рока, известен своими фабриками и предпринимаемыми отсюда морскими экспедициями, а также старинным аббатством, от которого уцелели одни живописные развалины. Этот город—порт Форфера, столицы графства.

Движение в порте Арброс, в 1882 году (не считая каботажных судов, с баластом):

473 судна, вместимостью 53.055 тонн; флотилия порта в 1891 г.: 19 морских судов и 146 рыболовных.

Далее, на берегу моря, при входе в бухту, находится порт Монтроз, где, как и в Арбросе, есть различные фабрики и до сотни каботажных судов.

Движение в порте Монтроз, 1882 году (не считая каботажных судов, с балластом):

776 судов, вместимостью 115.235 тонн; торговая флотилия порта—52 судна, вместимостью 10.095 тонн.

Бречин, при реке Эск, впадающей в Монтрозскую бухту,—тоже промышленный город. Исключая Абернети, Бречин—единственная местность в Шотландии, где встречается «круглая башня» в форме обелиска, совершенно похожая на те, какие видим в Ирландии; средневековые архитекторы придали этой башне вид колокольни.

Миновав порт Стонгевн, над которым господствуют, к югу, развалины Дуннотарского замка, стоящие на громадной скале вулканического происхождения, похожей на окалину железа, и обогнув последние отроги главной горной цепи Грампианов, мы вступаем в бассейн реки Ди, при устье которой лежит город Абердин. Абердин, подобно Перту, расположен в такой местности, которая должна была привлечь значительное число жителей. Близ Абердина впадают в море, в близком расстоянии одна от другой, две многоводные реки, так что город этот в одно и то же время приморский порт и крайний пункт выхода из бассейнов двух рек; сверх того, берега одной из этих рек—Дона—открывают естественный путь к заливу Мурей и к самой северной оконечности берегов Шотландии. По этой-то причине Абердин,—носивший в двенадцатом столетий название Апардиона,—всего чаще упоминается в

1 Charles Maxwell; Charles Martins, „Revue des Deux Mondes“, janvier 1868.

летописях Шотландии: суда посещали его порт уже в то время, когда Эдинбург и Гласго были еще деревнями. Торговля велась главным образом с балтийским побережьем, с Норвегией, Нидерландами и Францией. Старый город, Old Aberdeen,—длинная улица, тянущаяся на север от промышленного центра нового города к устью реки Дон; благодаря своей древности, он обладает любопытными памятниками былых времен, остатками собора, построенного в четырнадцатом столетии, и старейшею из двух коллегий, составляющих Абердинский университет; до 1860 года, каждая из двух коллегий называлась, сама по себе, университетом. При Королевской коллегии в Старом Абердине есть богатая библиотека и музей (в 1891 г. в этом университете было 850 студентов).

Новый Абердин, или «Порт реки Ди», расположен на берегу этой реки, которая прежде была единственной его гаванью, но которая теперь, соответственно требованиям торговли, заменена обширными бассейнами, окруженными набережными и защищенными от бурь Северного моря молом в 750 метров длины. Так как прежних бассейнов оказалось недостаточно, то пришлось выкопать новые и, для этой цели, отвести воду реки Ди, отклонив её течение к югу и воспользовавшись пространством, покрытым дотоле её водами, для устройства новых бассейнов.

В Абердинском порте в 1891 году было в приходе 2.799 судов, вместимостью 778.582 тонны; к порту принадлежало 179 морских судов в 101.922 тонны и 506 рыболовных судов.

Вывозная торговля питается отчасти промышленностью самого Абердина. В этом городе фабрикуются полотна и другие ткани, писчая бумага, гребни, строятся на верфях клипера, славящиеся быстротою своего хода, и железные пароходы. В окрестностях существуют каменоломни, где добывают сланец и в особенности гранит. В Абердине, находится главная шлифовальная для гранита фабрика всей Великобритании. Сверх того, садовники и земледельцы из окрестностей города доставляют к вывозу в Лондон землянику, овощи и рогатый скот.

Верхняя долина реки Ди, где находится пышный королевский замок Бальмораль, есть одна из наиболее посещаемых местностей Шотландии, но она не заключает в себе ни городов, ни значительных местечек. Также и в долине Дон встречаются лишь незначительные города и местечки. Население группируется около берега моря. Питергед, лежащий прямо к северу от мыса, именуемого Бохан-Несс; Фразерборг, принадлежащий всецело одному владельцу; Банф, и, рядом с ним, Макдуфф; Бёки, у устья реки Спей:—все это порты, усердно посещаемые в сезон лова сельдей, т.е. с конца июля до половины сентября; в это время численность народонаселения названных портов увеличивается почти вдвое. Сверх того, в этих портах снаряжаются корабли для ловли китов и тюленей, а из Питергеда, на особых, предназначенных к тому судах, вывозится с западного берега Гренландии криолит, добываемый из эвигтокских рудников. Значительное число немецких судов приходит в Питергед за грузами сельдей и криолита, который служит для выделки алюминия и находит некоторые другие применения в промышленности.

Движение в Питергедском порте в 1882 г. (не считая каботажных судов с балластом): 1.167 судов, вместимостью—104.075 тонн.

Торговая флотилия Питергеда: 54 судна, вместимостью—7.420 тонн.

Рыболовные округа на северо-востоке Шотландии:

	Судов	Тонн	Занимающихся рыболовством
Абердин	613	4.687	3.387
Питергед	1.281	14.425	9.000
Фразерборг	689	6.860	6.669
Банф	1.346	16.740	10.198
Бёки	887	10.808	6.465

Общая стоимость улова (1877 г.): 12.500.000 франков.

Движение в портах Банфа и соседнего округа в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 667 судов, вместимостью в 66.810 тонн.

Торговая флотилия Банфа: 113 судов, вместимостью—18.730 тонн.

Эльгин, главный город графства того же имени, лежит не на берегу моря, а на небольшой реке Лосси, в 8 километрах вверх от её устья: это—живописный город, где видны развалины собора, и где существует любопытный геологический музей, с собранием ископаемых, добытых из верхних слоев старого красного песчаника. К западу от Эльгина, Форрес и Нерн—приморские города; главный город края—Инвернесс, лежащий на берегу обширного залива и, как показывает его имя, при устье реки Несс. Если бы этот город вдруг очутился градусов на десять южнее теперешнего своего положения, в климате менее суровом, то он занял бы, без всякого сомнения, видное место в ряду важнейших городов мира, благодаря своему счастливому положению на оконечности глубокого залива и у выхода канала, перерезывающего всю страну, от моря до моря. Но климат на севере Шотландии слишком суров, почва слишком непроизводительна, а население слишком редко: все эти причины, в совокупности, препятствуют Инвернессу сделаться значительным городом. Тем не менее, он имеет внешность весьма представительную, и несколько кораблей стоят на якоре в его порте. Здесь оканчивается Каледонский канал, проектированный знаменитым инженером Уаттом еще в 1773 году, но оконченный постройкой только семьдесят лет спустя. По этому каналу могут ходить суда, сидящие в воде до шести метров.

Движение в Инвернесском порте в 1882 г. (не считая каботажных судов с балластом): 3.843 судна, вместимостью в 478.945 тонн; к порту приписано (1891 г.): 59 морских судов в 5.281 тонн и 1.794 рыболовных в 11.494 тонны.

На расстоянии 6 километров к северо-востоку от Инвернесса простирается песчаная равнина Куллоден, где принц Карл-Эдуард дал в 1745 году сражение, решившее участь его династии. Но с именем Инвернесса соединены исторические воспоминания о временах более отдаленных, так как в окрестностях этого города совершились некоторые из событий, изображенных Шекспиром в его драме «Макбет».

Порты слабо населенных графств Сотэрленда и Кетнесса могут иметь лишь местное значение. Брора, близ великолепного Донробинского замка, служит портом обширной территории Сотэрленда; ему принадлежат деятельно разрабатываемые копи каменного угля и глины, годной для выделки кирпичей. Уик, к северу от коего расстилается Синклерова бухта, населен моряками, промышляющими ловлей сельдей; местечко это заступило место Сёрсо в качестве главного города графства Кетнесс.

Движение в порте Уик в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 1.846 судов, вместимостью в 213.340 тонн.

Между Уиком и Сёрсо, близ мыса Донкансби, на мысе, составляющем самую крайнюю оконечность Великобритании, стоял некогда дом Джона О'Гротса, или Taigh Jan Crot Callow, имя которого вошло в пословицу вследствие положения, занимаемого его домом.

На пустынном западном берегу Шотландии, к северу от Лорнского залива, и на архипелагах Оркадском, Шетландском и Гебридском нет, собственно говоря, ни одного города; главные пункты на этих островах и в приморских округах Шотландии—не что иное, как рыбачьи местечки или стоянки для судов, укрывающихся от бурь. В одном из таких местечек, в Киркуалле, главном пункте Оркадского архипелага, есть одно по крайней мере замечательное здание, а именно собор св. Магнуса, сооруженный в двенадцатом веке и имеющий большое сходство с трондгеймскою церковью в Норвегии; это—массивное здание, хорошего архитектурного стиля, и тем более интересное, что представляет собою единственный на островах Британских образчик скандинавской архитектуры.

Движение в порте Киркуалль в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе—2.721 судно, вместимостью в 252.506 тонн.

Главный порт островов Шетландских, Лервик, имеет еще менее значения, чем Киркуалль; оттуда вывозятся в значительном количестве чулки, шали и разные шерстяные материи, вытканные местными работницами.

Движение в порте Лервик в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 772

судна, вместимостью—128.700 тонн; собственная флотилия (1894 г.): 44 судна, в 2.320 тонн.

Сторновей, на острове Льюисе, отличается довольно оживленною деятельностью, в особенности по рыбной ловле. Но сколько за то погибает моряков в этих опасных водах! В Сторновее есть целый квартал, населенный преимущественно женами рыбаков и носящий название Widows' Row, или «Улица Вдов».

Движение в порте Сторновей в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 1.336 судов, вместимостью—216.060 тонн; собственная рыболовная флотилия (1895 г.): 731 судно.

Порт Обан, лежащий при заливе, в который с юга впадает канал Каледонский, и хорошо прикрытый с запада островом Керрера, очень недурная стоянка для кораблей, имеющая единственное, в глазах моряков, неудобство—слишком значительную глубину: уже на расстоянии 200 метров от берега лот-линь показывает 36 метров глубины[1]. Обан, лежащий прямо против пролива Молль, служит точкой исхода для сотен судов, отправляющихся в полярные моря, и, вместе с тем, пунктом, куда сходятся линии рейсов различных пароходных обществ. Сверх того, Обан—город морских купаний, предпринимаемых с гигиеническою целью; летом целые толпы путешественников являются туда и совершают прогулки по озерам, островам и осматривают окрестлежащие замки.

На полуострове Кантайрском есть также небольшой приморский городок, Кембельтоун, прославившийся своим whisky, которого там производится громадное количество.

Движение в порте Кембельтоун в 1891 г. (не считая каботажных судов с балластом): в приходе—1.146 судов, вместимостью—109.245 тонн; собственная флотилия: 34 морских судна в 2.165 тонн и 289 рыболовных судов.

Перечень городов северной Шотландии, имевших в 1891 г. свыше 5.000 жителей:

Дёнди (Форфей)—153.587 жителей; Абердин (Абердин)—124.943; Перт (Перт)—29.919; Арброс (Форфер)—22.821; Монтрос—13.079; Инвернесс (Инвернесс)—20.855; Форфер (Форфер)—12.057; Петергед (Абердин)—12.226; Уик (Кетнесс)—8.250; Бречин (Форфер)—8.955; Банф (Банф)—7.598; Эльгин (Эльгин)—7.894; Кембельтоун (Аргайль)—8.291; Брути-Ферри (Форфер)—9.256 жителей.

XIII. Ирландия

Остров, составляющий вместе с Англией и Шотландией Соединенное Королевство, как нельзя лучше дополняет географическое целое. Эти два острова, из которых один так изящен по своей внешности, а другой—с массивными контурами и с берегами, имеющими, наполовину, почти геометрическое очертание, гармонически уравновешиваются. Быв в отдаленнейший период существования нашей планеты одним материком, Великобритания и Ирландия разделились, не утратив фамильного сходства. Геологические формации и их подводные продолжения свидетельствуют наглядным образом о существовавшей некогда непрерывности: наибольшая глубина промежуточной долины, поперек залива Бельфастского, 170 метров; но, средним числом, глубина пролива, отделяющего эти острова один от другого, не превышает ста метров, и подводная мель, служащая соединительным звеном между северо-восточными возвышенностями Ирландии и юго-западными возвышенностями Шотландии, находится на глубине всего только 110 метров от поверхности моря.

Омываемые теми же водами и тою же атмосферой, Великобритания и Ирландия представляют и в судьбах своего народонаселения известный параллелизм: всякое крупное событие, совершившееся на одном из островов, отражалось на другом,—и уже в течение нескольких веков политический режим одинаков в обеих странах. Однако, дружелюбное единение между ирландцами и их соседями, живущими на большом острове, далеко еще не установилось; напротив, взаимно-враждебные чувства господствуют по сю и по ту сторону Ир-

1 Mac Dougall, перевод Шовиньер,—„Pilote des cotes ouest d'Ecosse".

ландского моря. Отношения между этими двумя народами не основаны на началах полной равноправности: ирландцы смотрят на себя как на отдельную нацию, покоренную силою оружия, лишенную прав, и в большинстве случаев с ненавистью отзываются о своих властителях. Эти последние, в гордом сознании своего могущества, презрительно относятся к вспышкам гнева и проявлениям ненависти; они осыпают насмешками своего бедного соотечественника Paddy, подтрунивают над его нищетой и недостатками и, говоря о нем, пускают в ход нелестные сравнения и поговорки оскорбительного свойства. Мало того, они стараются доказать, что Paddy не имеет ни малейшего основания жаловаться на угнетение, так как он слабейший. «Право народа на независимость состоит попросту в способности к самозащите». Таков политический принцип, провозглашенный Фроудом и поставленный во главу его истории английского владычества в Ирландии[1]. Различие племенного происхождения, религии, нравов, национальных преданий—все питает и поддерживает неприязненные отношения победителя к побежденному.

Ирландию часто называли «английскою Польшей». Однако, Ирландия никогда, в течение двух столетий, не становилась в открыто враждебные к Англии отношения и не домогалась возвратить себе утраченные права силою оружия: ирландцы не были к этому способны, будучи слишком разъединены; в среде их находились многочисленные группы таких лиц, которые по своему происхождению, общественному положению, богатству или по вероисповеданию становились естественными союзниками англичан. Все попытки к восстанию в Ирландии,—даже попытка 1798 года, когда в отрядах возмутившихся насчитывали до 30.000 человек,—были тотчас же подавляемы, и заговоры, в большинстве случаев, не осуществлялись, не переходили на почву фактического действия. Впрочем, если Англии не приходилось иметь дело с открытым восстанием, то она тем не менее болезненно ощущала натянутость отношений к родственному острову, вследствие затаенной вражды большинства тамошнего народонаселения. Все это отражалось порой и на внешней политике Англии: миллионы ирландцев, выселявшихся в Соединенные Штаты, не раз ставили великобританскую дипломатию в затруднительное положение. Англичане,—если захотят быть чистосердечными,—должны сознаться, что порядок вещей, введенный ими и поддерживаемый в Ирландии, оказывается весьма невыгодным в экономическом отношении. Не поразительно ли, что бок-о бок с богатейшим в целом свете островом живет масса беднейшего в Европе населения? Нигде на материке голод не производил таких ужасных опустошений, как на плодородной почве Ирландии. Нигде нет такого множества несчастливцев, вынужденных покинуть родину и искать себе приюта по ту сторону океана. Хотя, сравнительно с занимаемым ею пространством, Ирландия почти также густо населена, как Франция, однако, она уступает, в этом отношении, Великобритании. В особенности же она стоит ниже этой последней в отношении развития земледелия, промышленности, торговли и вообще материального благосостояния.

Поверхность Ирландии = 82.252 кв. километрам; численность населения в 1891 г. = 4.704.750 жителей; процентное отношение населения к поверхности: на квадратный километр 75,4 жителей.

Средняя высота Ирландии, по исследованиям Лейпольдта[2], равна приблизительно 123 метрам (122,88 м.). В целом своем объеме Ирландия имеет форму диска с слегка приподнятыми краями на большей части периферии. Большинство отдельных географических масс, острова, полуострова, или материки, имеют в центре фигуры, или, по крайней мере, в господствующей части, «становой хребет» гор, разветвления которых простираются к оконечностям страны. В Ирландии—совсем иное. Вся центральная часть острова занята обширною равниной, наибольшая высота которой над уровнем моря не превышает 75 метров[3]. По обе стороны этой впадины, почва постепенно повышается по мере приближения к грядам

1 „The Englisch in Ireland“.

2 „Ueber die mittlere Hohe Europa's“.

3 Edward Hull, „The Physical Geology and Geography of Ireland“.

холмов или гор, тянущихся, с редкими перерывами, вдоль всего побережья. Равнина, занимающая почти половину острова, состоит из угленосного известняка, расположенного правильными, почти горизонтальными пластами, а гряды гор, тянущиеся вдоль побережья, принадлежат к более древним формациям—гранита, камбрийских и силурийских сланцев, древнего красного песчаника. Ирландия и Англия представляют разительный между собою контраст в геологическом отношении: в то время как на восточном острове наслоение пластов идет в удивительном порядке и постепенности, обнимая весь цикл веков, от первичной формации до позднейшей,—западный остров представляется вполне сложившимся в эпоху каменного угля и известняков того же возраста. Формаций мезоцойской, пермской, триасской, юрской там вовсе не встречается, а породы новейшего образования встречаются только в северо-восточном углу острова, в вулканической окраине, отделяющей lough Neagh от Шотландского моря. Рассматриваемая в целом, Ирландия гораздо старее Англии: она одного возраста с горною Шотландией и Уэльсом, от которых была отделена вторжениями моря.

Распределение горных возвышенностей и очертание берегов Ирландии объясняют отчасти судьбу страны. Хотя формы округлой и по виду довольно компактная, Ирландия не имеет единства в географическом смысле. Она отчетливо делится на две возвышенные области обширной равниной, в настоящее время покрытою озерами и торфяниками, простирающейся от Дублинского залива до залива Галвейского; равнина эта во многих местах была неудобопроходима в те времена, когда искусственных путей сообщения еще не существовало. Каждая из двух гористых частей Ирландии подразделяется естественным образом на две области. На северо-востоке, пространство, заключающееся между двумя заливами, Дондалькским и Донегальским, выдается полуостровом в Шотландское море и заключает в своих пределах гряды гор, совершенно отдельных и неимеющих связи с остальными горами Ирландии, это—провинция Ульстер. На северо-западе Коннаут тоже вмещает в себе целую отдельную систему гор и озер. Равным образом, Мюнстер, на юго-западе, и Лейнстер, в юго-восточном углу Ирландии, явственно разделяются друг от друга долинами Типперари, между тем как наибольшая часть центральной впадины составляла бывшую провинцию Мит (Meath). Каждая из этих, обозначенных самою природой, провинций, отделившись в политическом отношении, должна была, вследствие географического положения, различно влиять на состав населения. Ульстер был доступен вторжениям преимущественно со стороны Шотландии. Лейнстер и Мит как бы заранее были обречены на то, чтобы сделаться добычей англичан. Мюнстер, омываемый водами Атлантического океана, в своих удобных для высадки бухтах, давал, быть может, приют судам финикиян, подобно тому как в позднейшее время туда находили себе доступ испанцы, алжирцы и французы. Коннаут, находясь подальше в стороне, менее подвергался вторжением извне; поэтому туземное население, загнанное туда завоевателями, оставалось долее чуждым всякой посторонней примеси. Сверх того, каждая группа гор служила убежищем для побежденных. Так, группа гор Гальтиморских, на юге Ирландии, и горы Тирконельские в провинции Донегаль часто укрывали беглецов в своих долинах, и старые нравы и обычаи долгое время сохранялись там неизменно[1].

Высочайшие горы Ирландии, уступающие, впрочем, в вышине гигантам Шотландии и даже Сноудону в Уэльсе, находятся в графстве Керри, в юго-западном углу острова. Эти цепи гор параллельны между собой и несколько наклонны к градусам широты; направление их—то самое, какое имеют глубокия бухты, врезывающиеся в эту часть материка Ирландии. Горы в графстве Керри расположены на подобие полосатой материи, сложенной большими складками, соответственно каждой полосе. Горы состоят из древнего красного песчаника, между тем как долины, в которые врезываются глубоко морские бухты, расстилаются по каменноугольной формации[2]. Очевидно, вся страна, горы и промежуточные складки были некогда покрыты скалистыми наслоениями, какие виднеются теперь в долинах; но все эти

1 Sullivan, „New Ireland“

2 Edward Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

слои на выдающихся частях были в течение веков смыты дождями и стерты льдами, неперестающими переделывать по-своему поверхность земли. Морены, шлифованные скалы, заметные у подножия гор, свидетельствуют о деятельности древних ледников, а прелестные

Замокъ Россъ на Килларнейскомъ озеръ.

Килларнейские озера, придающие стране такой живописный вид своими проливами, зеленеющими островками, мысами и развалинами, расположенными по берегам, занимают теперь те впадины, куда в прежняя времена скатывались массы двигавшагося льда. Килларнейские

озера, в поверхности которых, как в зеркале, отражаются живописные строения, раскиданные по берегам, густая растительность склонов и суровые вершины гор, привлекают ежегодно десятки тысяч посетителей. Ландшафты этой озерной области в самом деле принадлежат к числу замечательнейших на всем пространстве Британских островов; к сожалению, в одном из главных поместий, поделивших между собой страну, спекуляция овладела каскадами, островками, даже points de vue, и потому не всякий может ими свободно любоваться. Любитель природы, быть может, найдет больше удовольствия в прогулке по песчаному берегу у подошвы западного склона гор. С одной стороны ему открывается вид на мысы, острова; перед ним безбрежное море; с другой стороны—зеленеющие долины, брызжущие пеной потоки и высокие вершины гор, то зачерненные торфяниками, то окрашенные в белый, желтый и зеленый цвета покрывающими их мхами. Во всякое почти время дня два противоположные друг другу склона высот, господствующих над бухтой Дингль, рекою Кенмор и бухтой Бентри, представляют замечательную игру света и тени, производящую еще более сильное впечатление от разнообразной окраски скал. Не много найдется в Ирландии пейзажей, которые могли бы поспорить в красоте с долиною Гренгарифской, на берегах бухты Бентри: долина эта неподражаемо хороша по живописности своих очертаний, богатству покрывающей ее растительности и дикой прелести всех неровностей почвы[3].

На востоке горы Керрийские продолжаются, если не грядою высот, то, по крайней мере, сплошной возвышенностью, на которой там и сям стоят группы холмов. Река Black-water, или «Черная вода», тянется на севере у подошвы этих холмов, и, делая вслед затем внезапный поворот к югу, вливается через брешь в Югальскую бухту. К северу от этой долины, также в направлении от запада к востоку, тянется ряд возвышенностей, имеющих вид настоящих гор,—Нокмильдоун, Монавулла, Комера; севернее, почти уединенно стоящая пирамидальная группа Гальтиморская заключает в себе маленькия черные озера в песчаниковых бассейнах, поросших кустарником, который спускается к самой воде. Различные цепи гор, поднимающиеся по обе стороны Шаннона, в среднем течении этой реки: на востоке—Слив-Берна, Слив-Аути; на западе—горы Серебряно-рудниковые, с вершинами _Киппер-Гилль, Слив-Фелим, Девильс-Бит; наконец, Слив-Блум, ирландский массив, наиболее приближающийся к центру острова,—все по профили продольного сечения имеют направление от запада к востоку. Очевидно, одна и та же причина, действовавшая вообще на всю страну, произвела эти параллельные друг другу складки почвы на юго-западе Ирландии.

Горы Уиклоуские не делятся, подобно цепям гор в провинции Мюнстер, на многочисленные, почти обособленные группы. Массив этот имеет форму довольно компактную, и только с южной стороны долина реки Сланей отделяет его от уединенных предгорий Лейнстера и Блекстэрса. Главное ядро Уиклоуских гор состоит из гранита, ось подъятия которого имеет направление не от запада к востоку, а от юго-запада к северо-востоку. Различные сланцевые формации опираются на этот гранитный вал, и скалы вулканического происхождения выброшены были извержением на восточный его склон. Неподалеку от Дублинской бухты конусы из кварца, почти отдельно стоящие, поднимаясь на значительную высоту, господствуют над окрестными глубокими долинами. Благодаря соседству с столицей, горная Уиклоуская область принадлежит к числу наиболее посещаемых местностей Ирландии; впрочем, это действительно одна из красивейших местностей: её расположенные в виде террас озера, потоки, низвергающиеся шумными водопадами, мысы, откуда, нагнувшись вперед, видишь пред собою лазурь вод, испещренную белыми парусами, остатки древностей и легендарные о них сказания—все это делает ее одним из обязательных этапов маршрута путешественников по Ирландии; ни один пейзаж Британских островов не порождал стихов более гармонических и нежных, чем «Meetings of the Waters», вышедших из-под пера Томаса Мура. Эта «сходка вод», между дубами и скалами, обвитыми плющем, и есть сходка «Большой» и «Малой» рек (Avonmore и Avonbeg), которые, сливаясь, образуют реку Овока или Авока.

Горы Коннемарские, не менее прекрасные, чем горы Уиклоуские, но отличающиеся бо-

3 Thakeray, „Irisli Sketch book".

лее диким характером, занимают часть полуостровного пространства, заключенного между бухтой Галвейской, Атлантическим океаном, бухтой Клю и двумя большими озерами, Маск и Корриб. Эти горы, состоящие из гранита и кварцев, так же, как неровное плато Слив-Пертри или Джойс-Коунтри, над которым они господствуют своими зубчатыми вершинами, принадлежат к числу наиболее древних формаций в Ирландии: когда едешь по этой почти пустынной стране, так и кажется, что переживаешь первые дни создания нашей планеты,— до такой степени сохранила еще свой первобытный вид природа, с её нагроможденными скалами, озерами, усеянными островами, извилистыми потоками, торфяниками, перемежающимися с лужами. К северу от бухты Клю горная масса Нефина, цепи Нефин-Бегских гор и горы острова Ачиль представляют такой же вид, да и средняя высота их пиков почти та же, от 600 до 800 метров. Что касается цепей гор, тянущихся, с перерывами, от юго-запада к северо-востоку, через графства Слиго, Лейтрим, Фермана, Донегаль, Дерри и Тейрон, то цепи эти менее возвышенны: в целом они похожи на Уиклоуские горы, как по геологической своей формации, так и по общему направлению.

К числу гор позднейшего геологического периода принадлежат горы Моурнские и Керлингфордские, из которых первые возвышаются к северу от lough или залива Керлингфордского, а вторыя—между этим рукавом моря и бухтой Дондельkской. Вздымаясь прямо над морем, купол Слив-Донарда, главной вершины массива Моурн, имеет очень внушительный вид. Весьма вероятно, что вся эта группа гор была в прежния времена гораздо более значительной высоты; множество пересекающихся в разных направлениях потоков и жил застывшей лавы, которая искала себе выхода в известковых скалах, вызвало сравнение этих гор с «корнями» исчезнувшего вулкана: в самом деле, эти горы—как будто основание Этны, лишенной кратера и верхнего конуса из обломков извержений[1].

Следы прежней вулканической деятельности подземных очагов еще яснее видны на северо-востоке Ирландии, на пространстве, заключающемся между озерами Фойль и Ниг и заливом Бельфастским. Этой стране дают название Антримского плоскогория, хотя некоторые вершины её поднимаются на высоту 400, 500 и более метров над уровнем моря.

Высоты главных горных вершин в Ирландии:

Горы юго-западные

Каррантуогилль (Мак-Джилли-Кёди Рикс)—1.046 метров; Моунт Брендон—950; Гальтимор—947; Нокмильдоун—792; Кипер-Гилль (горы «Серебряно-Рудниковыя»)—692 метра.

Горы Уиклоуские

Люньяквила—926 метров.

Горы северные и северо-западные

Муильри (Коннемара)—817 метр.; Бинбоун (Коннемара)—730 метр.; Нефин—810 метр.; Нефин-Бег—604 метр.; Слив-Мор (остров Ачиль)—669 метр.; Ерригаль (Донегаль)—745 метр.; Сауэль (горы Спернис)—675 метр.

Горы северо-восточные

Слин-Донар (горы Моурнские)—850 метр.; Слив-Эни (Антрим)—543 метр.

Антримское плоскогорие покрыто почти сплошь слоями лавы, толщина которых средним числом простирается до 330 метров. Вулканическая область Антрима далеко не так живописна, как Овернские горы, которые отчасти также относятся, по времени происхождения, к третичной формации: на почве Антрима нет более ни конусообразных возвышенностей, об-

1 Edward Hull, „The Physical Geology and Geography of Ireland".

разованных извержениями, ни кратеров: она почти ровна на весьма значительном пространстве и покрыта во многих местах ледниковыми наносами и гравием. Все выдающиеся части вулканов были смыты водою, стерты и сглажены льдами. Массы лавы, излившейся на слой белого мела, являются во всем своем величии только там, где они поднимаются в виде утесов, подошва которых источена морскими волнами. По берегам залива (или lough) Фойль эти массы лавы покоятся на слоях меловой и триасовой формаций, которые, будучи снизу подтачиваемы водой, обрушиваются огромными глыбами, которые от действия воды мало-по-малу обращаются в песок. В других местах рухнувшие утесы образовали громадные «органные трубы», как бы прикрепленные к скатам холмов, или же потоки лавы расположены в виде громадных ступеней, и каждая ступень состоит из ряда базальтовых колонн, непохожих друг на друга ни по высоте, ни по очертанию капителей; слои вулканического пепла или железной руды отделяют одну колоннаду от другой и имеют издали вид полос, намалеванных на фасаде громадного здания; там и сям обветшалые замки, менее правильных очертаний, чем скалы, служащие им основанием, торчат своими развалинами над базальтовыми колоннами. Мыс Бенмор (Большая Скала), именуемый также «Красивая Голова» (Fair Head), поднимает свои базальтовые колонны на высоту слишком ста метров: в Европе нет ни одной базальтовой колоннады такой высоты.

Другое чудо природы на Антримском берегу, бесспорно самое замечательное из всех чудес природы в Ирландии,—это «Шоссе Гигантов», образуемое верхушками сорока тысяч базальтовых колонн, омываемых непрестанно волнами. Удивительная правильность этих призм происходит, по мнению геологов, от значительного количества содержащагося в них железа. Около четверти кристаллизованной массы состоит из этого металла: в этом-то обстоятельстве и заключается причина необычайной твердости базальта, гладкости и ровности плоскостей призм, веса, магнитных свойств и покрывающей базальтовые призмы ржавчины. По словам легенды, Шоссе Гигантов—остаток дороги, которая вела вплоть до Шотландии. Легенда говорит правду; только шоссе это не было создано человеческими руками. Пролив, отделяющий Ирландию от Шотландии и имеющий в самой узкой своей части, между Бенмором и Мюлль-ов-Кентайр, не менее 24 километров, не существовал в период вулканической деятельности; потоки лавы того и другого берега смыкались, так же, как севернее цепи Донегальских гор соединялись с горами Верхней Шотландии, одинаковой формации с первыми и расположенными в одинаковом направлении. Остров Ратлин, расстилающийся в виде полумесяца к северу от ирландского берега, между мысом Бенморским и Шоссе Гигантов, представляет собою остаток древнего моста, образованного разлившеюся лавой; по всей окружности острова развертывается громадная колоннада из призматического базальта. В последнее время инженеры неоднократно предлагали прорыть туннель между крайнею точкой Шотландии, Мюлль-ов-Кентайр, и ирландским берегом, близ бухты Кошендюн. Такой туннель был бы на целую треть короче того, какой проектирован для соединения берегов Англии и Франции под Па-де-Кале; сверх того, нечего было бы опасаться просачивания воды, так как твердость грунта не допускала бы малейшей к тому возможности. Самые высокие вершины нынешней Ирландии далеко не достигают линии снегов; но было время, когда вся страна была покрыта движущимися льдами. Вулканическая почва Антрима, отчасти покрытая ледниковыми наносами, носит на себе очевидные следы действия ледяных масс. Впрочем, вся поверхность Ирландии подвергалась влиянию движущихся ледников: наносные гравий и глина, эрратические валуны, шлифованные скалы,—все это, взятое вместе, свидетельствует о том, что Ирландия по скоплению массы льдов имела некогда большое сходство с Гренландией. Можно было проследить по всем скалам Ирландии борозды, какие проводили на поверхности скал попадавшие в массу движущагося льда камни, и начертить, таким образом, карту с обозначением направления рек кристаллизированной воды. Судя по этой карте, движение всех почти ледников Ирландии шло в косвенном чрез всю страну направлении, от гор Коннемарских к Антримскому плоскогорию. К северу от этой возвышенности, заключающей в своих пределах плато Магерабой, с его холмами, расположенными в виде веера,—все борозды, начертанные движущимися льдами, направляются к северо-

западу; на противоположном склоне борозды имеют направление к югу, к юго-востоку и к юго-западу[1]. Слой льда, покрывавший равнины Ирландии, имел по крайней мере 300 метров толщины.

Но прежде чем льды выровняли обширные пространства ирландской почвы, воды, действовавшие в течение долгих периодов существования нашей планеты, уже размыли большую часть верхних слоев. Равнина, занимающая всю центральную поверхность острова, служит тому доказательством. В целом, равнина эта, за немногими исключениями, относится к формации каменноугольного известняка; но слои каменного угля, прикрывавшие известняк, более не встречаются: небольшие остатки таких слоев попадаются кое-где, в хорошо укрытых и защищенных местах, где они занимали глубокие впадины среди равнины. Размывка верхних слоев почвы могла произойти оттого, что с периода отложения пластов каменноугольной формации почва Ирландии постоянно находилась под водой. Бывали также случаи понижения почвы на небольших пространствах: в различных местах вдоль берега моря видны древние торфяники, залегающие местами до 9 метров ниже его уровня[2]; а на побережьи Антрима и Дублина заметны, наоборот, следы недавних поднятий почвы: терраса в пятнадцать футов, соответствующая «двадцати пяти футовой террасе» шотландских берегов, возвышается в этой местности вдоль побережья Ирландии, и на продолжении этой-то террасы выстроены самые красивые кварталы Дублина[3]. Впрочем, каковы бы ни были местные и временные колебания, уровень почвы Ирландии, по отношению к уровню моря, оставался, повидимому, неизменным во все продолжение эпохи вторичных и третичных формаций. В то время, как Англия, отчасти погруженная в воды океана, обогащалась рядом последовательных наносов, придавших её почве столь замечательное разнообразие в геологическом отношении, Ирландия, размываемая потоками, лишалась верхних, покрывавших её почву, пластов, обломки которых, будучи уносимы водами моря, отлагались на поверхность большого восточного острова. Образовав поверхностные намывные слои английской почвы, эти обломки предохранили от размывания и выветривания минеральные богатства Англии, покоившиеся на более значительной глубине. Таким-то образом, даже раньше существования рода человеческого Ирландия обогащала уже соседственный ей остров, и Англии, как замечает шутя один геолог, никогда не следовало бы забывать, как много обязана она своей соседке Ирландии.

Замечательное множество встречающихся в Ирландии озер, общая поверхность которых составляет не менее 2.300 квадратных километров, есть прямое следствие конфигурации страны, возвышенная окружность которой понижается к центру. В горах есть также свои маленькия озера, расположенные или в верхних ярусах гор, или же у подошвы их, в долинах, где двигались некогда ледники, оставляя то там, то сям свои морены. Но наибольшие массы вод скопляются в равнине: дожди, выпадая в стране низменной, где наибольшие подъемы почвы не достигают сотни метров в вышину, наполняют все, неглубокия вообще, впадины почвы; во многих местностях вода стремится как будто залить всю поверхность земли, и от края до края горизонта только и видишь что озера, бухты, проливы, пруды, лужи стоячей воды, между которыми выступающая почва представляет запутанный лабиринт скал и кустарника. Если бы произошла какая-нибудь геологическая перемена, как, например, местное поднятие или оседание пластов, если бы впадина стала глубже, вследствие взброса, или какое-либо препятствие преградило сток выходного ручья,—результат был бы один и тот же: бесчисленные маленькие бассейны слились бы в одно, более обширное, озеро. Так именно, вследствие оседания почвы, происшедшего от вулканических причин, образовалось lough Ниг, самое большое озеро не только Ирландии, но и вообще Британских островов[4]. Но

1 Maxwell Close, „Glaciation of Ireland“; Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

2 Kinahan „Quarterly Journal of Geological Society“, I, fevr. 1877

3 Ed. Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

4 Hardman, „Journal of the R. Geological society of Ireland“, vol. VI;- „British Association“, 1874; Judd; Hull, etc.

озеро это неглубоко, и даже в том месте, где дно его представляет наибольшую впадину, ложе озера все-таки выше уровня моря. Хотя озеро Ниг и занимает поверхность, равную двум третям Женевского озера, однако оно вмещает в себе массу воды в 24 раза меньшую. Лок-Ниг содержит в себе, приблизительно, 3 миллиарда 573 миллиона кубических метров воды.

Главные озера Ирландии:

	Поверхность, кв. к.	Высота, метр.	Наибол. глубина, метр.
Ниг	397	14,6	12,6
Корриб	176	3,5	(?)
Меск	90	38	(?)
Ри	106	33	(?)
Дерг	129	49	(?)
Эрн Нижнее	113	45	68
Эрн Верхнее	37	46	(?)
Килларней	21	21	77

Озера центральной равнины, бассейны которых заключены во впадинах известняковой почвы, увеличиваются в объеме сами собой, даже без колебаний почвы, одним только химическим влиянием своих вод на каменистые берега. Вода, насыщенная угольной кислотой, разъедает и растворяет мало-по-малу известняк. В гористых странах, где вода стремительно бежит по склонам, она прорывает в скале целые галлереи: известно, что некоторые горные массы Юры, Карсо, Динарских Альп пронизаны подземными галлереями во всех направлениях; но на такой почти совершенно ровной поверхности, какова равнина Ирландии, насыщаемая влагой, ниспадающею в виде обильных дождей, воды разъедают мало-по-малу берега озер. Однако, местами, на известняковой равнине встречаются также воронки и отверстия различной формы, в которые стекает вода. Скала, изъеденная угольною кислотой, покрыта медленно расширяющимися отверстиями: иногда промежуточные столбы обрушиваются, и тогда образуется или небольшое озеро, или текущая речка. Таким-то образом озеро Лин питает одновременно реку Диль, видимый приток реки Бойны, и подземный ручеек, впадающий в один из притоков озера Ри и Шаннона. На восток от гор Коннемарских большое озеро Меск наполняет своими водами замкнутый, повидимому, со всех сторон бассейн. На первый взгляд между этим озером и Лок-Коррибом, еще обширнейшим, нет другого сообщения, кроме искусственным образом прорытой канавы; но подземные каналы отводят излишек вод из озера Меск, и эти воды выступают наружу в Конге, в виде нескольких могучих фонтанов. Эти источники, сливающиеся вскоре в одну реку, служили в прежния времена предметом религиозного почитания: рядом с их чистыми струями был основан монастырь, воздвигнут храм; тут же с давних пор приютилась мельница, с водяным колесом. В этих долинах есть несколько озер, подобных знаменитому Циркницкому озеру, в Карсо. Во время летних месяцев озера эти исчезают в подземных пропастях, и тогда оголяющееся их ложе покрывается травой, которую щиплют овцы. Но вскоре дожди заставляют выступить наружу воды скрытого озера; изо всех колодцев на лугу начинают течь водные потоки, и страна затопляется на весьма значительном пространстве. Одно из этих зимних озер или turloughs, находящееся в графстве Галвей, имеет иногда свыше пяти километров ширины[1].

В то время, как одни озера увеличиваются мало-по-малу в объеме, другие, напротив, уменьшаются и совсем, наконец, исчезают, не быв осушены, хотя количество выпадающего в стране дождя остается то же самое. Эти озера выпиваются, так сказать, растительностью торфяников. Скопления растений, мхи, осоки, впитывающие в себя влагу и превращающиеся в губчатую массу, покрывая в различных частях Ирландии пространства в сотни квадратных километров, заняли место озерной воды во всех низменных местностях; но везде почва, на которой растут эти мхи и растения, одна и та же, т.е. известковый мергель высохшего дна, где встречаются грудами пресноводные раковины. Некоторые из торфяников не успели еще

1 William Hughes, „Geography of the British lslands“.

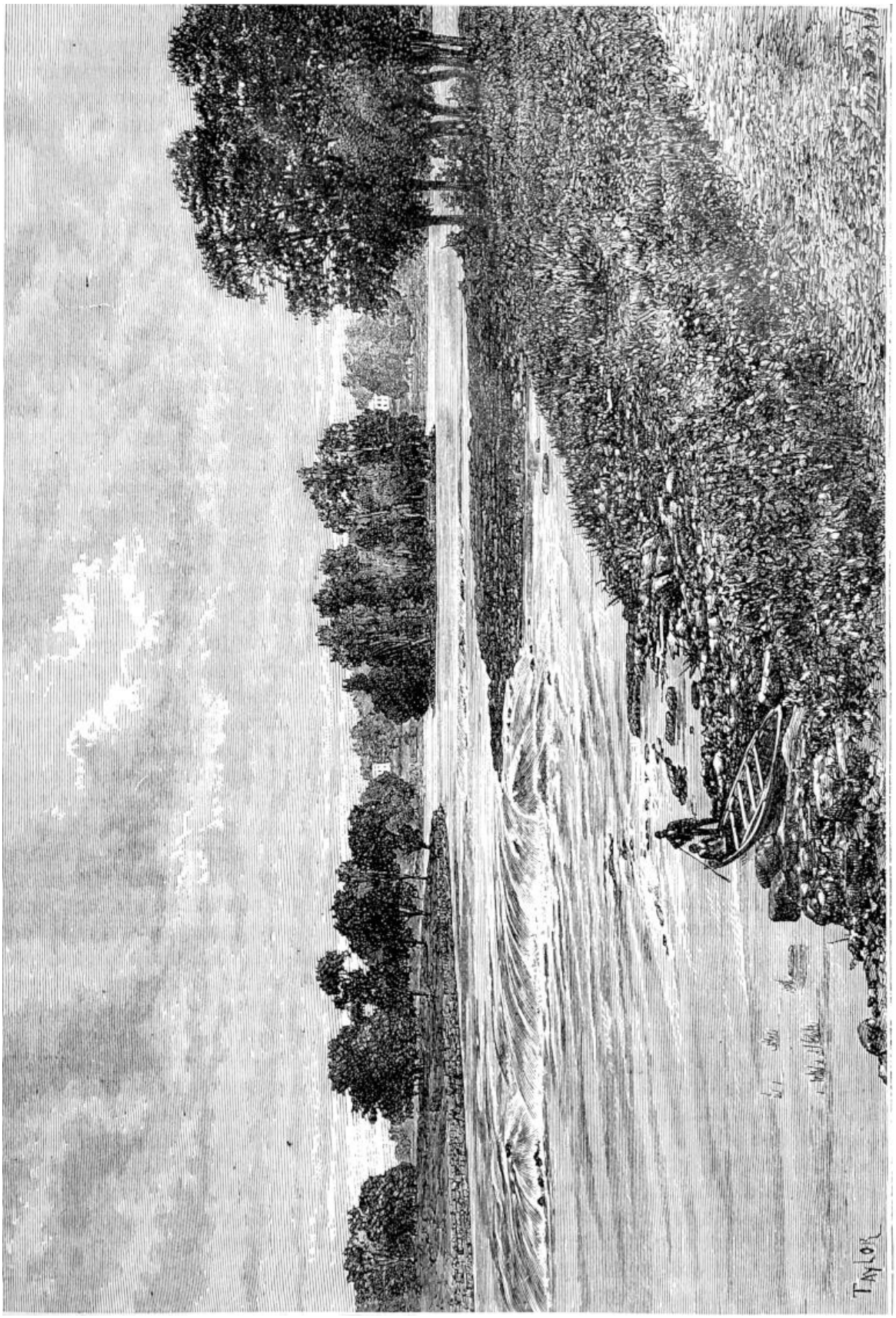
окончить своей победы: внутри еще остается озеро, но в осадном положении, окруженное со всех сторон мириадами растений, всасывающих в себя влагу. Такия озера сокращаются мало-по-малу в своем объеме, но, вместе с тем, становятся глубже, так как масса торфа, разбухнув от действия влаги, начинает постепенно возвышаться над прежними берегами. Озера, окаймленные берегами, непрерывно возвышавшимися в течение столетий, делаются под конец похожими на колодцы, которых издали не различишь: это—пропасти, в которые путник может попасть совершенно неожиданно, если только не будет с осторожностью ступать по колеблющейся под его ногами почве. Случается, впрочем, иногда, что торфяники снова становятся на некоторое время озерами, изливаясь потоками грязи на более низменные местности. Подобного рода излияния происходят обыкновенно после особенно сильных дождей: грубая ткань переплетшихся между собою растений в торфянике не в состоянии сдерживать увеличившуюся массу влаги; оболочка разрывается, и тестообразная масса, подобно лаве огнедышащей горы, изливается на долины. Случается также, что газы, приподняв верхний слой торфяника и разорвав его, устремляются наружу, увлекая за собой потоки воды и ила. Так случилось в 1821 году, когда Киналедийский торфяник, близ Тулламора, около центра большой равнины, после продолжительного колебания, сопровождавшагося подземным шумом, внезапно прорвался: поток грязи, глубиною в 18 метров, устремился из расселины и, разрушая встречавшиеся на пути дома, истребляя леса, покрыл пространство земли свыше 12 квадратных километров[1]. Случается, что подобные бедствия происходят иногда от недостатка предусмотрительности со стороны разработывающих торфяники. Бывало, что при разработке, повидимому, достаточно высохшего торфяника, заграждавшего доступ к подземному озеру,—масса грязи, прорвав уменьшившуюся в объеме наружную оболочку торфяника, разливалась окрест со всесокрушающею силой. В истории Ирландии встречается множество случаев, подобных описанному. Путешественник, обозревающий торфяники, может без труда узнать, когда под торфяником, по которому он идет, скрывается озеро: при всяком шаге почва колеблется на весьма значительном расстоянии, как будто ступаешь по висящему в пространстве ковру.

Из всех стран Европы Ирландия отличается наибольшею обширностью пространств, занятых торфяниками; даже в Нидерландах не встретишь veenen, к которым никогда не прикасалась рука человека и которые бы тянулись на такое значительное расстояние, как ирландские bogs, местности почти пустынные, где только изредка встретишь какую-нибудь лачужку, столь же почерневшую, как и окружающий ее торф. Пространство, занимаемое торфяниками в Ирландии, определяют в 11.450 квадратных километров; следовательно, они занимают почти одну седьмую пространства всего острова. Некоторые из торфяников имеют до 13 метров глубины. Средняя толщина слоев торфа в больших торфяниках равнины равняется 8 метрам. Если мы примем, что слои торфа во всех торфяниках Ирландии имеют толщину в два только метра, то и в таком случае получится итог в 23 миллиарда кубических метров ископаемого топлива, запас которого лежит на самой поверхности почвы Ирландии. Все жилища в Ирландии отопляются почти исключительно торфом, зато на фабриках употребляется предпочтительно отопление каменным углем.

Как в Голландии торфяники подразделяются естественным образом на hooge veenen и laage veenen, так точно и ирландские bogs подразделяются на красные и черные, смотря по свойствам образующих их растений и количеству насыщающей их влаги. Черные торфяники, откуда добывается преимущественно топливо, занимают обыкновенно все низменности в долине и глубокия впадины гористых местностей: растительные вещества, образующие губчатую массу, обугливаются мало-по-малу от действия насыщающей их постоянно влаги, и там и сям встречается торф, имеющий твердость и внешность лигнита. В этих-то черных торфяниках превращаются постепенно в уголь поглощенные разрыхленною почвой деревья, некогда осенявшие страну своею тенью и из которых вытачиваются теперь инструменты, игрушки и разные безделушки. Стволы дубов и некоторых других пород деревьев, находимые

1 Jacob Noeggerath, „der Torf".

в торфяниках, сделались до такой степени гибкими, вследствие долговременного пребывания в мокром мхе, что их можно разрезать на эластические ремни и плести из них веревки и канаты; в былое время крестьяне плели из них те грубые сети, на которые они навешивали



Быстрины на Шаннонѣ.

свои постели. По мнению геолога Кинагана, стволы дубов, находимые в торфянике Кестль-Коннель, близ Шаннона, имеют по крайней мере пять тысяч лет от роду, судя по толщине слоя торфа, их покрывающего.

Red bogs, или торфяники красные, несравненно менее пропитаны влажностью, чем черные торфяники (black bogs), так как первые расположены преимущественно по скату гор, откуда вода, увлекаемая собственною тяжестью, естественным образом стекает. Красные торфяники покрыты большею частью вересками, растущими группами на отдельных небольших холмиках. Большая часть гор ирландских не иное что, как торфяники, начиная от основания и вплоть до вершины; даже пропасти почти не служат перерывом для этих наклонно-висящих болот: на каждом уступе горы, на каждом выступе утеса слой зеленеющего торфа красуется в виде висячего сада. Можно идти целые дни и перед собой ничего не видеть иного, кроме этих бугорчатых торфяников, прерываемых то здесь, то там трясинами; во многих местностях Ирландии возвышенности, покрытые красными торфяниками, поднимаются, подобно островам, среди пространств, занятых черными торфяниками, имеющими, в свою очередь, вид озер и проливов. Поселяне рассказывают, что если, ходя по торфяникам, наступишь ногой на «траву голода», то неминуемо погибнешь от истощения сил. Несчастные объясняют свойствами какого-то таинственного зелья то, что у них так часто является естественным последствием неурожая и голода.

Торфяники на горах и равнинах, равно как и множество рассеянных повсюду озер, служат резервуарами для избытка выпадающей в виде дождей влаги. Однако скопление этой последней так велико, что торфяники и озера, в свою очередь, питают множество потоков, где вода имеет черный цвет, будучи окрашиваема перегноем вересковых почв: многие реки, и в том числе река, впадающая в Югальский залив, в средине южного берега Ирландии, называются Blackwater («Черная вода»). Подобно тому как в бассейне Амазонки, все проточные воды Ирландии можно было бы разделить на две группы: на реки «белыя» и на реки «черныя», смотря по свойствам почвы, по какой они протекают, и по количеству содержащагося в их водах таннина. У всех рек, медленно текущих по торфяникам, вода черновата; но многие реки очищают свои воды в обширных бассейнах озер, где они смешиваются с атмосферною влагой, выпавшею в виде дождей[1].

Все ирландские реки, текущие по большой известняковой равнине, представляют скорее непрерывный ряд сообщающихся друг с другом озер, чем обыкновенные речные потоки. Нормальные реки, от истока до устья заполнившие наносами озерные бассейны своих долин, суть потоки, которые берут начало на довольно значительной высоте и постепенно, ровным наклоном, спускаются к морю: такова, на юге Ирландии, река Барроу, которая, слившись с реками Нор и Сюир, впадает в лиман Уотерфордский; таковы, на том же южном склоне острова, реки Ли и Блекуотер, а со стороны Ирландского моря—реки Сланей и Лиффей. Река Бойн, хотя и берущая начало в болотистой местности, опорожнила прежния озера своего бассейна. На севере острова, река Фойль тоже принадлежит к числу рек с урегулировавшимся течением, а река Банн протекает чрез одно только озеро, обширный Лок-Ниг, наполняющее своими водами осевшую почву. Но как велика разница между реками с правильным, нормальным скатом и теми водами долины, которые, будучи совершенно почти лишены наклона, лениво бродят из озера в озеро! Таковы именно различные речки, вытекающие из озер Коннаутских; таков Эрн—озеро, а не река в большей части своего бассейна; такова Шаннон, самая значительная из рек Ирландии.

Под названием Оуенмор, Шаннон берет начало на склонах горы Куилька, в графстве Каван; но народное предание утверждает, что истоком Шаннон (Channon-Pot) следует считать обильный источник, берущий начало в маленьком озере, протекающий под землею на расстоянии около 2 километров и вытекающий обильною струею из известнякового грота[2]. Едва успев возникнуть, Шаннон теряется, впадая в озеро Аллен (возвышающееся над уровнем моря не более как на 49 метров), откуда уже начинается судоходство, хотя длина течения Шаннона от этого места до устья около 333 километров. К югу от озера Аллен река протекает последовательно через несколько бассейнов, то раздвигающихся в виде озер, то съужи-

1 Wilkinson,—Ed. Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

2 Wilkinson; Edward Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

вающихся в виде ложа обыкновенных рек, и, по выходе из большого озера Дерг, вступает, близ Киллалое, в ущелье, между группою Слив-Бернагских гор на западе и предгорьями Серебряного массива на востоке. Как объяснить тот факт, что Шаннон, вместо того, чтобы прямо впадать в Галвейскую бухту, при отсутствии всяких к тому преград, направляет свое течение в сторону гор, чтобы искать себе выхода на южном их склоне? Очевидно этот «прорыв» Шаннона—дело не новое; он совершился еще в те времена, когда центральная долина, ныне утратившая, вследствие выветривания и размывания, все свои поверхностные слои, имела гораздо более значительную высоту. Таким-то образом воды Шаннона, уровень которых был на несколько сотен метров выше нынешнего, устремлялись без труда к бреши южных гор, где и могли утвердиться навсегда, неустанно размывая почву[1]. В этом ущельи река, движущая массу воды в 200 кубических метров в секунду, стремится бушующим потоком, катя гальки и куски шифера, устилающие дно; до вступления в бассейн нижней равнины ей приходится низвергаться чрез каменистые пороги, которые суда обходят на западе каналом. На левом берегу Шаннона, на поросшем травою холме, виднеются развалины укрепленного замка Кестль-Коннель, а напротив этих развалин стоит замок новейшей постройки, цветники и лужайки которого спускаются к самой воде. С этого пункта и начинаются пороги. Брызжа пеной, вода льется с уступа на уступ скатертями разной величины; скалы, еще неразрушенные бушующим потоком, торчат там и сям поверх воды; местами встречаются островки, с группами растущих на них ив, орошаемых непрерывно пеной от сталкивающихся волн; в воздухе раздается оглушительный шум, слышимый на далеком расстоянии. Но внизу порогов глубокия воды, отражающие в своей поверхности ряды высоких и тенистых деревьев, растущих по самой окраине берегов, кажутся недвижимыми, как-бы заснувшими. Здесь река принимает вид озера, огражденного вдоль излучистых берегов стеною скал, обросших плющем.

Ниже Лимерика Шаннон из реки превращается в лиман неправильной формы: в верхней своей части он имеет вид озера, а в части ближайшей к океану вид залива, или фьорда (firth). Шаннонский залив, сохраняя название «реки», подобно многим другим заливам Ирландии, представляет собой одну из бесчисленных зазубрин берега, обращенного к стороне Атлантического океана. И в Ирландии по той же самой причине, как в Шотландии, океанский берег гораздо излучистее восточного. Бухты, образуемые Ирландским морем по берегам Лейнстера, не заслуживают названия firths. Один только лиман Коркский, на юго-восточном берегу, по своим многочисленным разветвлениям, извилинам и островам, походит на заливы, встречающиеся в Верхней Шотландии и на Гебридских островах. На северо-востоке Ирландии, в ближайшем соседстве с шотландскими островами Галловейским и Кантайрским, берег Ирландии более извилист, и озера (loughs) Карлингфордское, Странгфордское, Бельфастское, Лернское глубоко вдаются в землю; но начиная от Малин-Геда, в графстве Донегальском, до мыса Клира, в графстве Корк, весь берег, обращенный к стороне Атлантического океана, изрезан до бесконечности бухтами, заливами и т.п. Сверх того, острова и островки, или разбросанные, или сгруппировавшиеся в архипелаги, но все без исключения составлявшие некогда часть материка Ирландии, рассеяны по бухтам и служат продолжением мысам, образуя лабиринт, представляющий разительную противоположность с правильностью очертаний восточного берега, начиная от бухты Уексфордской и кончая заливом Донделькским: с этой стороны видны только островки Лембей и Irelands Eye, близ Дублинской бухты, и подводные мели, образованные осевшею береговою полосой и оканчивающиеся на юге Тоскарским рифом, освещаемым маяком.

Причина такой противоположности заключается в том, что западные берега, доступные влажным ветрам, гораздо дольше покрыты были льдами, чем берега восточные, подвергавшиеся влиянию сухих континентальных ветров. Сверх того, другие причины влияли, быть может, на происхождение firth'ов западного берега Ирландии. Так, длинные Керрийские заливы, замечательные своим параллелизмом, образовались, как кажется, постепенно, вслед-

1 Edward Hull, то же сочинение.

ствие химического действия воды: угольная кислота, содержащаяся в морской воде, разлагает химически известняковые скалы долин, не оказывая в то же время никакого влияния на красный песчаник, из которого образованы мысы; по этой-то причине бухта постепенно углубляется внутрь страны, и явление это сходно с тем, какое представляют увеличивающиеся бассейны озер, лежащих среди известняковой равнины[1]. Впрочем, и здесь, как по берегам западной Шотландии и её архипелагов, многие морские фьорды оканчиваются в виде внутренних озер: таково озеро (lough) Корриен, близ крайнего мыса на юго-западе Ирландии, и в том же графстве Керрийском, к югу от входа в Шаннон, можно видеть, как от химического действия воды кальцинируются скалы. Утесы Баллибунианские, поднимавшиеся в виде башен и столбов в сорок метров вышины, с глубокими у основания их пещерами, содержат в себе массы колчеданов и смолистых слоев, которые от внезапного обрушивания поверх лежащих пластов выходят наружу, подвергаясь действию атмосферного воздуха. Тогда колчеданы начинают быстро окисляться, развивая при этом такую теплоту, что смолистые скалы, загораясь, начинают медленно тлеть, у подножия скал волны разбрасывают свою пену и брызги, а вершины скал окутаны клубами дыма[2].

Климат Ирландии существенно морской, гораздо влажнее, чем климат Великобритании. Исчислено, что на почву Ирландии в течение года выпадает, средним числом, 916 миллиметров дождевой воды, а на возвышенности, доступные действию влажных ветров, выпадает еще большее количество дождевой влаги. Таким образом, из всех стран Европы Ирландия орошена наиболее щедро. Иногда дожди выпадают у западных берегов Ирландии в таком обилии, что образуют поверх вод океана, даже вдали от впадающих в океан пресноводных источников и рек, довольно толстый слой совершенно пресной воды. Рыбаки пьют эту воду и варят в ней пищу, а естествоиспытатели, изучающие морскую глубь в этой местности, наблюдают там любопытное явление двух расположенных одна над другой фаун; одной—пресноводной, а другой—океанийской. Морские животные, извлекаемые из глубины, как-бы парализованы действием, оказываемым на них верхним слоем вод; наоборот, породы животных, плавающих в верхнем слое, отравляются, коль скоро погружают их в глубину[3].

Что касается ветров, которые дуют преимущественно с запада и с юго-запада, то они зачастую бушуют как ураганы; говоря вообще, американские циклоны подступают к берегам Европы почти всегда чрез Ирландию. Даже в пространстве между Ирландией и Великобританией Ирландское море чрезвычайно бурливо, по причине проникающих туда юго-западных ветров и сталкивающихся между собой морских приливов, из которых одни проникают прямо чрез южный вход в Ирландское море, а другие через северный канал, обойдя вокруг всего острова, вследствие этого, местами возникает удвоенное волнение, а местами оно нейтрализируется вследствие интерференции. В то время как у берегов Англии нормальная вышина волн увеличивается на половину, у береговой полосы Арклоуской, между заливами Дублинским и Уексфордским, прилив морской совершенно уничтожается отливом.

Чрезвычайная сырость климата служит причиною тому, что жатва совершается в очень позднее время года. Жатва пшеницы никогда не происходит раньше первых чисел сентября, а в особенно ненастные и обильные дождями годы отлагается даже до половины октября. Бывает, что жатва полей, засеянных овсом, происходит только в ноябре. В России под теми же самыми градусами широты хлебные злаки высеваются позже, а собираются с полей месяцем или сорока днями ранее: такова разность, производимая условиями климата. Но исчисленные выше неудобства вознаграждаются с избытком. Влажность поддерживает постоянную растительность в лесах, на лугах, нивах, в садах и торфяниках. Ирландия вполне заслуживает прозвище, данное ей её жителями: «зеленый Эрин», «изумруд морей». Роскошная растительность, шумящие потоки, туманы, узорчатой каймой облегающие вершины гор, облака, гонимые ветром по небу, придают ирландским пейзажам грустный и, вместе с тем, лас-

1 Edward Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.
2 William Ainsworth. „Caves of Ballybunian“, 1834.
3 Edward Forbes, „Natural history of the european seas“.

кающий зрение характер, оставляющий по себе такое же впечатление, какое производят заунывные и нежные ирландские напевы[1]. Постоянство температуры при обилии воды—одна из выгод морского климата—дает множеству южных растений возможность развиваться совершенно успешно на почве Ирландии. Жители побережья Средиземного моря, посещая озера Килларнейские, бывают крайне удивлены, видя, что по склонам Керрийских гор произрастает ежовка; даже в самых северных округах острова, там, где долины хорошо защищены от полярных ветров, зима дотого теплая, что там, как и в Италии, ежовка растет бок-о-бок с кипарисами. Некоторая часть ирландской флоры тождественна с флорою лузитанскою: до десяти видов растений, в том числе и ежовка,—общи Азорским островам, Мадере, Португалии, Кантабрскому побережью и Ирландии. Это обстоятельство говорит в пользу того предположения, что между этими странами, ныне разобщенными, существовала некогда тесная связь, и что материк, коего упомянутые страны служат лишь обломками, исчез в один из отдаленных геологических периодов[2]. К западу от Ирландии каждый из близлежащих в Атлантическом океане островов, как-то: Ачилль, Клер, Инишбофин, Аран, имеет свою специальную флору, где перемешиваются различным образом растения разных ботанических поясов[3].

Ирландия была некогда покрыта лесами, как это доказывают растительные остатки, находимые в торфяниках, и множество географических имен, как, например, название одного из ирландских графств—«Дерри», что означает: «дубняк». Вследствие войн и дурной администрации края, леса были истреблены. Уже в средние века,—как повествуют хроники,—ощущался недостаток в лесе до такой степени, что во многих округах острова, сколачивая бочки, набивали на них обручи не деревянные, а сделанные из китового уса. Лет сорок тому назад, в некоторых западных графствах, особенно в графстве Майо, деревья сделались такою невиданною редкостью, что тамошние поселяне представляли их себе в виде высокой травы. Флора и фауна Ирландии гораздо скуднее, чем флора и фауна Великобритании, и в особенности материка Европы; причина этого заключается в том, что Ирландия—остров. В Бельгии насчитывают 22 вида пресмыкающихся; в Англии число это сокращается на половину; в Ирландии же видов пресмыкающихся насчитывается всего только пять: ящерицы, лягушки и саламандры. По мнению Форбса, эти животные эмигрировали с востока на запад, двигаясь по перешейкам, соединявшим некогда материк Европы с Великобританией, а Ирландию—с княжеством Уэльским. Когда перешейки эти уничтожились, то произошло одно из двух: или эмиграция животных внезапно прервалась, или же эмигрировавшие колонии были так малочисленны, что не устояли в борьбе за существование. Суеверные ирландские поселяне убеждены в том, что в Ирландии существовало некогда многое множество змей и жаб, но что все эти гады истреблены были св. Патриком. До сих пор поселяне показывают мыс, с вершины которого святой побросал всех пресмыкающихся в морскую пучину. Хотя в зоологических садах в Ирландии водятся, на-ряду с прочими животными, и змеи, тем не менее поселяне,—как бы не веря своим глазам,—продолжают утверждать, что, после совершенного св. Патриком чуда, ни одна змея, ни одно пресмыкающееся не может появиться на почве Ирландии, а если и появится, то немедленно умрет. Судя по различным признакам, геологи пришли к убеждению, что в отдаленную эпоху Ирландия не была населена страшными хищными зверями, встречавшимися на материке Европы и в Великобритании. Большой олень ирландский, названный так потому, что нигде не встречается так много скелетов этого животного, как в Ирландии, где, по мнению некоторых естествоиспытателей, он водился вплоть до двенадцатого века нашей эры,—не мог бы расплодиться в этой стране так успешно, если бы там существовали крупные хищные животные, с которыми ему пришлось бы вести борьбу[4].

1 Edward Forbes; Charles Martins, „Revue des Deux Mondes“, 1 mars 1867.
2 G. More, „Proceedings of the R. Irish Academy“, Iuly 1876.
3 Thakerey, „Irish Sketchbook“.
4 Owen, „Palaeontology“;—Hull, „Physical Geology and Geography of Ireland“.

Бедная оседлыми животными, ирландская фауна не менее бедна и перелетными птицами. Дознано, что из тринадцати видов перелетных птиц, встречающихся на материке Европы и прилетающих на лето в Англию, все виды, за исключением одного, перелетают и в Шотландию. В Ирландии же, по указаниям Гартинга, оказывается недочет не в одном, а в восьми или девяти видах упомянутых перелетных птиц, потому ли, что птицы эти пугаются перелета через пролив, или же потому, что они и не подозревают существования Ирландии. Основываясь на мнении, высказанном естествоиспытателем Смитом, полагали, что сорока появилась в Ирландии в недавнее время. Такое мнение ошибочно. Благодаря суеверию, сороки размножились в Ирландии, и по осенним вечерам они целыми кучами слетаются на засеянные поля.

Согласно преданию, на которое так любили ссылаться в последнее время, Ерн или Ирландия обязана своим названием Insula sacra (Священный остров),—которое, быть может, представляет игру двух слов—Ierre и Hiera[1],—тому, что она, со всем вмещающимся на ней населением, плавала во время всемирного потопа подобно ковчегу, с находившимися на ней жителями, которые после потопа заселили соседние с ней острова. Не допуская и мысли о том, чтобы их предки могли быть пришлецами, ирландцы стремились доказать, что все соседние страны были заселены выходцами из Ирландии. Что касается «хроник и летописей», какие велись встарину ирландскими монахами, то они наполнены такими фантастическими рассказами и легендами, что никакими усилиями не извлечешь ту микроскопическую долю истины, которая в них заключается. Ирландские бытописатели, пытавшиеся придать мифологическим сказаниям о происхождении ирландцев характер исторического повествования, с придачею хронологических указаний и генеалогических таблиц, утверждают, что древнейшими обитателями страны были фирбольги (Firbolgs), т. е. «люди, покрытые звериными шкурами». Эти «сыны мрака» были побеждены «богами света», Tuatha-de-dannans, или «сынами богини Даны, матери богов»[2]. Они умели обработывать металлы, выделывали оружие, ремесленные орудия, музыкальные инструменты. Но Tuatha-de-dannans были, в свою очередь, побеждены: нашествие «милезийцев» из Испании, происшедшее, по мнению различных историков, за три тысячи двести лет или за две тысячи девятьсот лет до нашего времени, повлекло за собой падение королевств «острова Судеб» (Inis-Fail), и новые пришельцы, отличавшиеся храбростью на море и на суше, сделались властелинами страны. Полагают, что их потомство сохранилось в среде современного нам ирландского населения. Это потомство состоит из всех тех, у кого фамильные прозвища начинаются слогами O’ или Mac. В Англии, когда говорят об ирландцах с оттенком иронии, то называют их не иначе, как Milesians, т.е. потомки героя Милида или Милезия. Впрочем, понятно, что народ, столь гордый, каков народ ирландский, но опечаленный униженным положением, в какое он поставлен в настоящее время, необходимо должен был опоэтизировать свое прошедшее и обоготворить национальных своих героев. Потомки древних иров находят утешение в том, что славят дела минувших дней и с таким увлечением воспевают подвиги своих витязей, как будто сами принимали в этих подвигах личное участие. До сих пор еще жива память о легендарном короле Фин-Мак-Комгале, имя которого в поэмах Оссиана изменилось в имя Фингал: ему посвящают самые живописные в Ирландии местности; повсюду готовы видеть остатки принадлежавших ему замков. В недавнее время, когда в Америке и Ирландии устроилась лига, имевшая целью создать из Ирландии независимую республику, все участвовавшие в этой лиге ирландцы приняли название фениев, в память Фения, Фина или Фиона, который тысячу семьсот лет тому назад предводительствовал национальными милициями[3].

Сходство, существующее между языком эрским, на котором изъяснялись древние ирландцы, и наречием гаелическим, бывшим в употреблении у горных шотландцев, дает право предполагать, что в отдаленнейшие времена обитатели древней Эрны, Игбернии или Гибер-

1 Halley, „Atlas maritimus et commercialis“.

2 D’Arbois de Jubainville, „Esquisse de la Mythologie irlandaise“, „Revue archeologique“, juin 1878.

3 Sullivan, „New Ireland“.

нии были родственны по происхождению шотландским каледонцам. Но сколько в последствии времени примешалось к кельтическому населению страны совершенно чуждых элементов, не считая даже испанцев из Галвея и Кинселя! «Датчане» или норманны зачастую вторгались в страну: они-то и дали свое имя Dan-na-n-Gall, или Донегалю, и в течение двух столетий властвовали в Дублине; Уексфорд, Уатерфорд были точно также датскими городами. Различие происхождения, обнаруживающееся в названиях местностей, дает до некоторой степени указания на относительное значение тех элементов, какие входили в состав нации. Более трех четвертей названий местностей—происхождения кельтического[1], но есть много названий и скандинавских. Само собой разумеется, что набеги и нашествия делались всего чаще со стороны близлежащего соседнего острова: не только англичане и шотландцы, но даже жители Уэльса овладевали различными частями территории в Ирландии. Говорят, будто население баронии Форс, по соседству с Уексфордом, в юго-восточном углу Ирландии, чуждо всякого смешения с туземным населением острова. По мнению многих, жители этой баронии—потомки тех валлийцев, которые, семьсот лет тому назад, явились в Ирландию, как завоеватели, под предводительством вождя Стронгбоу. До конца минувшего столетия эти чужеземцы, водворившиеся на почве Ирландии, изъяснялись на языке гаелическом, и их нравы и обычаи, существенно отличные от нравов и обычаев их соседей, ирландцев, еще более подтверждают предположение, что эти колонисты были родственны жителям Уэльса. Как говорят, они гораздо степеннее, миролюбивее ирландцев и обеспеченнее этих последних в материальном отношении, что зависит, главным образом, от того, что они владеют земельными участками на правах полных собственников. Теккерей уверяет, что они придумали самое простое и, вместе с тем, самое энергическое средство ограждать свои земли от захвата[2], порешив убивать, без дальних околичностей, всякого чужеземца, который вздумал бы селиться в пределах принадлежащей им территории. В стране холмов, именуемых «Уэльскими горами» (Welsh Mountains), не было до последнего времени ни одного поместья, ни одного помещика.

Англичане тоже явились в Ирландию как завоеватели. Существует предание, будто бы предводитель англичан, впервые высадившийся на почву Ирландии, отрубил себе руку до момента высадки в тех видах, чтобы эта рука, брошенная на земь, немедленно и фактически вступила во владение ирландскою территорией. Этим преданием объясняется происхождение «красной руки», фигурирующей в гербах многих семейств благородного происхождения в Ирландии. Прибывшие во второй половине двенадцатого столетия, англичане должны были вести более чем четырехсотлетнюю борьбу, прежде чем успели обеспечить за собой сделанные ими завоевания, и «Палисад» (Pale), т.е. пространство, обнесенное тыном, какое они занимали в Лейнстере, Мисе и Мюнстере, то расширялось, то съуживалось, смотря по тому, благоприятствовало ли англичанам счастие на поле битвы, или нет. Даже в царствование Генриха VIII, в то время, когда этот властелин Англии находился в апогее своего могущества, Палисад английской колонии в Ирландии обнимал пространство не свыше 32 километров около Дублина. Но четырехсотлетнее пребывание англичан на почве Ирландии, несмотря на незначительность пространства занимаемой ими там территории, имело все-таки своим последствием то, что оба народа стали сближаться путем смешанных браков, и что английский язык стал входить в употребление в некоторых местностях Ирландии. Позже, во время религиозных войн, Ирландия, всецело покоренная, была опустошена еще раз: целые города обезлюдели, потому что население их было частью истреблено силою оружия, а частью выселено или отправлено в ссылку. Земли, доставшиеся в добычу завоевателям, стали раздаваться исключительно колонистам из Великобритании. При Елисавете роздано уже было английским колонистам пространство земли в 80.000 гектаров в провинции Мюнстер. Иаков I конфискует шесть северных графств, Армаг, Киван, Ферманаг, Дерри, Тирон и Донегаль, и водворяет там протестантов английских и шотландских; потом, благодаря податли-

1 Chalmers, „Caledonia“.

2 „The Jrish Sketch-book“.

вости юристов и их крючкотворству, он съумел добиться того, что ему легальным образом отдано было в различных округах Ирландии пространство земли в 180.000 гектаров, которое и было им распределено между переселенцами из Великобритании[1]. Во время пуританской революции парламент уступил в пользу своих заимодавцев, англичан по крови и происхождению, миллион гектаров поземельной собственности в Ирландии: а когда католики были побеждены окончательно, то он водворил их на местожительство исключительно в селениях графств Коннаут и Клер, так как в городах этой территории имели право жить одни только протестанты. Течение Шаннона на юге было рубежом, чрез который не дерзал переступить ни один ирландец, под опасением быть безнаказанно убитым первым встречным англичанином. Поговорка: «Идти что в ад, что в Коннаут—одно и то же» возникла в описываемое нами время. Нет сомнения, множество ирландцев-католиков, известных под названием tories, остались жить, вопреки запрещению, на прежних местах, в особенности в горах Тирконнельских, Гальтиморских и Керрийских, так же, как в почти неприступных областях топких торфяников; кроме того, сами англичане-землевладельцы, нуждаясь в рабочих руках, дозволяли проживать на своих землях ирландцам, обязав их обработывать эти земли. Хотя не все протестанты в Ирландии были пришельцами с восточного острова, однако, они составляли, в общей массе, большинство; в последствии времени началась совершавшаяся мирным путем колонизация шотландцами провинции Ульстер, вследствие чего нравы и обычаи тамошнего населения стали очень походить на нравы и обычаи жителей Низменной Шотландии (Lowland). Ирландские Scots колонизировали Шотландию; в свою очередь, Scotchmen водворялись в Ирландии. Таким образом, хотя народонаселение, в главных своих основах, остается кельтического происхождения, тем не менее, чрез посредство колонистов-англичан и шотландцев, англо-кельты восточного острова и кельты острова западного скрещивались в самых разнообразных сочетаниях. Обособившиеся и резко определившиеся расы продолжают существовать долгое время бок-о-бок, не смешиваясь. Некоторые города Ульстера, подобно городам Италии и Греции, являются триединими по составу населения; так, например, в Доунпатрике, на-ряду с кварталом ирландским, существуют еще кварталы английский и шотландский. Германия тоже имеет своих представителей в Ирландии, так как в начале истекшего столетия немцы из Палатината водворились близ Галвея[2]. Весьма замечательно в этнологическом отношении то обстоятельство, что в Ирландии никогда не бывало и по сию пору нет цыган или Gypsies. Это бродячее племя, встречающееся повсюду в Европе, Азии и даже в Южной Америке, не переступало через Ирландский канал. Также и евреи, этот вездесущий народ, слишком малочисленны в Ирландии, чтобы образовать религиозные общины.

Какова бы ни была доля коренного ирландского элемента в среде современного нам населения Ирландии, древний ирландский язык, имеющий довольно близкое сходство с языком гаёлическим, употребительным у горных шотландцев, и наречие которого продолжает существовать на острове Ратлине и в гленах Антримских, играет маловажную роль в ряду языков и наречий Европы, и даже в пределах самой Ирландии существует, совместно с английским языком, лишь в Коннауте, в особенности в Галвее, вполне заслуживающем свое название «страны гаелов», в графствах Керри, Донегале, Уатерфорде и в некоторых уединенных округах. В 1851 году насчитывали полтора миллиона ирландцев, говоривших на кельтическом языке; а в 1891 году число их сократилось до 680.000. Число ирландцев, говорящих еще по-эрски: в 1851 году 23,3 процента; в 1861 г. 19 процентов; в 1881 г. 17,11 процентов. Эрский язык, алфавит которого тождествен с древне-готским, как и азбука идиома berla feini, место которого он занял,—не способен передавать все современные идеи, и ныне английский язык сделался языком цивилизованного общества так же точно в Ирландии, как в Шотландии и в Англии. Впрочем, литература ирландская, уже очень богатая и постоянно увеличивающаяся

1 Lingard, Hallam; Gustave de Beaumout, „l'Irlande sociale, politique et religieuse“.

2 J. G. Koh, „Reisen in Irland“.

новыми изданиями, обладает немаловажным запасом древних рукописей, в которых собраны народные ирландские предания. По большей части эти предания свидетельствуют о нравах и обычаях, совершенно отличных от тех, какие существуют в настоящее время. В числе многочисленных ирландских рукописей и старинных хроник, библиотека коллегии св. Троицы, в Дублине, хранит «семью пятьдесят» историй, какие рассказывались поэтами во время празднеств в присутствии предводителей и королей. Эти рассказы, обнаруживающие самые сокровенные тайны былой жизни, классифицируются следующим образом: разгромы, убийства, битвы, нашествия, осады, грабежи, похищения скота, умыкание женщин, любовные похождения, браки, ссылки, всякого рода похождения, морские походы, сухопутные экспедиции, путешествия, гроты, видения, празднества и трагические приключения[1].

Но если язык эрский готов исчезнуть, будучи вытесняем языком, заключающим в себе более жизненных начал, более способным служить орудием современной мысли и цивилизации, то все-таки ему суждено сохраниться в географических названиях большей части местностей в Ирландии. Горы не перестанут обозначаться словами Slieve, Ben или Knock; холмы, пригорки, скалы навсегда останутся Dun, Carrick, Croagh или Croghan, Clogh, Ren; наименования Lough и Innish или Ennis будут по-прежнему прилагаться к именам озер и островов, наименование Curragh—к болотистым равнинам, а Ana и Anagh—к водным потокам. Всякий сразу узнает, о чем идет дело, о приходе или о городе, если только именам того и другого предшествуют названия Kill или Bally. More (большой), Beg (малый) будут служить, как служили до сих пор, для выражения понятий о разности в размерах гор, рек, болот, излучин берега.

Надписи, начертанные шрифтом огамическим (ogham) которые вызывают бесконечные споры между членами ученых обществ, найдены были в Ирландии в гораздо большем числе чем в Англии и Шотландии. Благодаря двуязычным надписям, открытым в южной Англии и княжестве Уэльском, где текст латинский помещен рядом с текстом ирландским[2], найден был ключ к чтению огамского алфавита, при чем оказалось, что алфавит этот состоит из черточек, более или менее тонких, проведенных вертикально или наискось, сверху или снизу прямой линии и поставленных или в единичном числе, или группами, по две, по три, по четыре, по пяти. Многие надписи, не столь древние, должны быть читаемы от правой руки к левой. По словам старинных хроникеров, огамский алфавит введен был в Ирландии Tuatha-de-dannans задолго до Рождества Христова. Начало его относится к языческой эпохе. Весьма правдоподобно, что огамический алфавит был в употреблении раньше, чем великобританские кельты познакомились с римлянами, так как трудно было бы, в противном случае, объяснить себе происхождение шрифта, подобного огамскому, в такое время, когда уже существовал алфавит латинский, несравненно простейший и более приноровленный к практическому употреблению[3]. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что большая, по крайней мере, часть огамских монолитов воздвигнута была в период времени от пятого до восьмого века христианской эры, и что эти монолиты покрыты надписями и эмблематическими изображениями, свидетельствующими о христианском их происхождении. Что же касается вопроса о том, существует ли какая-либо связь или какое-либо соотношение между огамическим шрифтом и скандинавскими рунами, то вопрос этот остается до сих пор открытым.

В Ирландии встречается чрезвычайно много мегалитов, сооружение которых обыкновенно приписывалось датчанам, и точно также встречается великое множество raths или курганов: в некоторых округах без них не встретишь ни одной возвышенности, ни одной скалы. Всходя по склону горы, можно быть заранее уверенным в том, что на вершине её находится rath, курган. В Донегале Рефрские монолиты, числом 67, образуют собою храм, подобный

1 Brian O'Looney, „On ancient historic tales of the Irish language", „Proceedings of the R. Irish academy". Dec. 1875.

2 Samuel Ferguson, „Proceedinga of the R. Irish academy", Aug. 1874.

3 John Rhys, „Proceedings of the R. Irish academy", Dec 1875.

Стонгенджскому; близ Лондондерри обширные Гриананские укрепления покрывают собой целый холм; в иных местностях дольмены поднимаются в виде столов среди верещаг. Но из всех древних ирландских памятников самые замечательные и, вместе с тем, самые таинственный—это «круглые башни» (round towers), возвышающиеся в различных местностях острова. Таких башен, уцелевших вполне или только отчасти, насчитывается 83, между тем как в Шотландии, где они сооружены были, по всей вероятности, соплеменниками строителей круглых башен в Ирландии, таких башен найдено только две. В остальной Европе не встречается круглых башен такого же архитектурного стиля, как те, какие мы видим в Ирландии. Ирландские round towers имеют некоторое сходство с минаретами; некоторые из них сооружены из нетесанных камней, а другие из камней тесанных; в большинстве случаев такия башни стоят отдельно, имея от 21 до 39 метров в вышину и от 3 до 5 метров в диаметре. По мере возвышения, стены башни становятся все тоньше и тоньше, и порог двери, за исключением четырех случаев, находится всегда на некоторой высоте над почвой[1]. Вопрос о том, кем сооружены были «круглые башни», как и nuraghe на острове Сардинии, решался весьма различно. По мнению одних, круглые башни сооружены были финикиянами или карфагенянами; по мнению других, соорудителями их были огнепоклонники; вообще говоря, не было народа, от греков до датчан, которому бы не приписывалось сооружение этих загадочных памятников, о коих умалчивает история. Во всяком случае не подлежит сомнению, что круглые башни не были воздвигнуты датчанами: так как подобных башен не встречается нигде на скандинавском севере, то нет никакого основания допустить, чтобы датчанам могла придти в голову мысль о сооружении на чужеземной почве таких башен, подобных которым они не встречали ни у себя на родине, ни в той стране, куда они явились в качестве колонизаторов. Следовательно, круглые башни должны считаться продуктом творческой фантазии самих ирландцев, и при том ныне самое время сооружения определяют приблизительно периодом времени от девятого до двенадцатого столетия христианской эры. Отдельно стоящие «круглые башни» были вероятно башнями сторожевыми, а прочия примыкали к церквам или монастырским зданиям. Справедливость требует заметить, что ни в одной ирландской монастырской хронике не упоминается о круглых башнях[2], если только не считать их за одно и то же, что clockteachs, то-есть колокольни, как это допускал археолог Петри (Petrie). Дознано было, что Килькеннийская круглая башня и многие другие были сооружены на местах, занимаемых христианскими кладбищами, устроенными позже прибытия в Ирландию св. Патрика, так как все трупы покойников лежат по направлению от востока к западу[3]. Во всяком случае, каково бы ни было происхождение круглых башен, нет сомнения в том, что средневековое духовенство воспользовалось ими для своих целей и нужд: это видно из того, что по соседству с круглыми башнями находятся церкви и часовни, и во многих местах число церквей и часовен возрастает до семи,—числа, как известно, имевшего мистическое значение. В настоящее время круглые башни имеют в глазах ирландских патриотов значение истинно национальных памятников, и, чтобы почтить память великого своего согражданина О'Коннеля, ирландцы воздвигли на дублинском кладбище, на могиле защитника своих прав, мавзолей, имеющий форму круглой башни.

Во многих отношениях быт средневековой и даже времен доисторических продолжался в Ирландии долее, чем в Великобритании[4]. Свайные постройки, остатки которых в озерах Швейцарских Альп изучаются с таким любопытством, существовали в низменных местностях Ирландии до позднейшего времени; свойство почвы тому способствовало. Когда дремучие леса были вырублены, то самым естественным и простым способом защиты от нападений было—поселиться на островке, окруженном со всех сторон водою. И действительно: в начале семнадцатого столетия crannoges, род деревянных крепостей, выстроенных в бухтах

1 Hall and mistress Hall, „Ireland, its Scenery and Character".
2 J. Bourke, „The Aryon Origine of the Gaelic Race and Language".
3 Dunraven, „Notes on Irish Architectur".
4 O'Curry, „On manners and customs of the ancient Irish".

озер на сваях или на искусственных насыпях, были еще обитаемы. Впрочем, древние нравы и обычаи должны были тем менее подвергаться переменам, чем отдаленнее был округ и чем реже вступало местное население в сношения с чужеземцами. Аран, где и по сию пору видны еще многочисленные мегалитические памятники, дольмены и остатки курганов, был в глазах ирландского населения священнейшим из островов, подобно чтимым бретонцами Арморики и Великобритании островам Сейн, Мона и Иона, по той единственной причине, что остров Аран был, так сказать, вне пределов обитаемого мира и защищен был и волнами, и бушующими ветрами. Гораздо изолированнее обитателей Арана были и есть жители островов Ки (Inishkea), лежащих в Атлантическом океане, к северо-западу от Коннаута: не ведя торговли, оставаясь неведомыми завоевателям, жители этих островов пребывали язычниками до 1872 года; по всей вероятности, они остались такими и по настоящее время. Когда поднимается буря, и ловля рыбы становится невозможною, островитяне с большою торжественностью выносят идола, одетого в шерстяную ткань, и ходят с ним по берегу, в надежде, что он благоволит укротить разбушевавшиеся стихии; часто он отказывается, и его относят с прежним почетом в святилище, откуда он был взят. По берегам Inishkea водится множество тюленей; но жители этих островов никогда их не убивают, полагая, что в тюленей переселились души их предков[1]. Innish-Torragh, или остров Тори, не имеет своих особых богов, но зато имеет короля; король этот не иной кто, как один из рыбаков, выбранный в этот высокий сан тремя или четырьмя стами своих земляков. Властитель этот может изгонять на материк Ирландии тех из своих подданных, островитян, которые не строго держатся старинных нравов и обычаев[2]. В графстве Клер, на уединенной горе Слив-Каллан, поднимающейся на южной оконечности Лисканорской бухты, еще в 1844 году стоял жертвенник, посвященный солнцу; только в конце минувшего столетия там перестали приносить в жертву свиней и посыпать цветами лужайку вокруг жертвенника[3].

В некоторых отдаленных округах наружность жителей носит на себе отпечаток какой-то дикости: маленькие глаза, приплюснутое лицо, низкий лоб, взъерошенные волосы делают их физиономию почти татарскою. Но, вообще говоря раса красива, не взирая на маленький и слегка вздернутый нос, составляющий характеристическую особенность физиономии ирландца, по которой сразу можно отличить сына зеленого Эрина в толпе англичан[4]. Ирландцы из Joyde's Country, в округе Коннемара, отличаются почти гигантским ростом, красотою телосложения и упругостью мускулов; в графстве Типперари, мужчины, хотя и не столь высокого роста, но не менее сильные, походят на жителей юга по живости и грации своих телодвижений. Сравнительные наблюдения, какие были сделаны в университетах Соединенного Королевства, привели к тому заключению, что молодежь из Дублинской коллегии Св. Троицы не только не уступает в росте и физической силе молодежи оксфордской, кембриджской, глазговской и эдинбургской, но даже имеет над последнею легкое превосходство. По сознанию самих англичан[5], ирландские женщины, достаточно обеспеченные в материальном отношении, чтобы иметь возможность заниматься своею внешностью, отличаются от англичанок и шотландок тем, что у них черты лица и вся фигура носят на себе отпечаток благородства; точно также ирландские женщины превосходят своих соседок на большом острове грациозностью, живостью, веселостью, изяществом и вкусом, обнаруживаемым в туалете. Немного найдется в Европе стран, где женщины были бы до такой степени проникнуты чувством самоуважения. Много есть в Ирландии местностей, где даже крестьянки, несмотря на бедность и изнурительный труд, на который они обречены судьбою, отличаются, благодаря характеристических особенностям расы, тонкими и красивыми чертами лица и гордою осанкою, невольно обращающею на себя внимание.

---

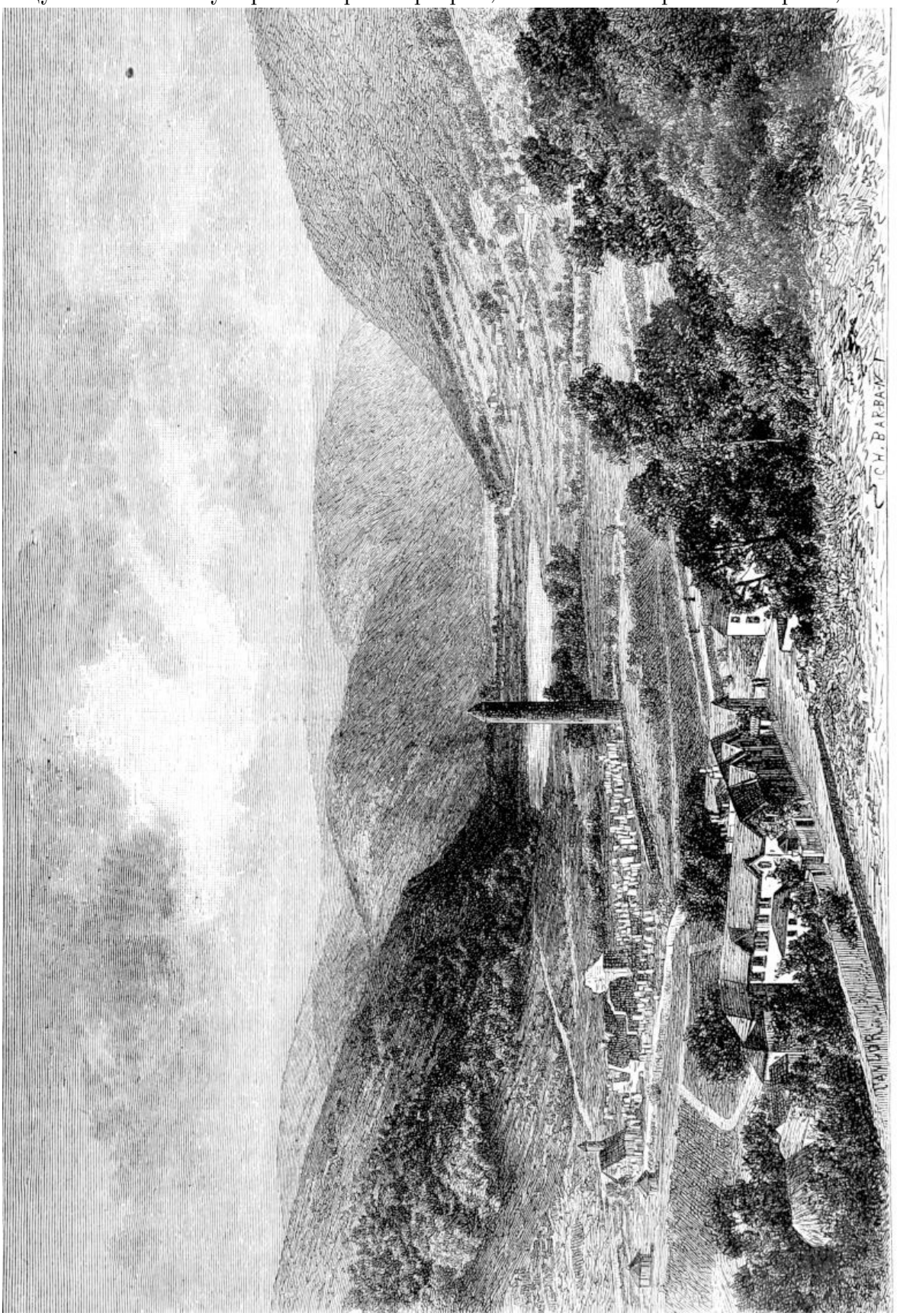
1 „Journal of the London Anthropological Institute“, II, p. 447.
2 A.-M. Sullivan, „New Ireland“.
3 Ferguson, „Evidences of Sun-Worship at Mount-Callan“, „Proceedings of R. Irish aeademy“. Dec. 1875.
4 Roget de Belloguet, „Ethnogenie gauloise“, II.
5 Thackeray, „Irish Sketch-book“.

Было бы ошибочно составлять себе понятие о всех вообще ирландцах по тем из них, которые пали физически и нравственно, вследствие тяготевшего над ними ига и наследственной нищеты. Было бы несправедливо ставить им в вину,—как это делали некоторые путешественники,—заискивающий тон и льстивые речи при обращении к высшим или начальству, и повторять жестокое слово властителей Ирландии: «положите ирландца на вертел, и вы всегда найдете другого ирландца, чтобы поворачивать этот вертел перед огнем». Самые ничтожные из ирландцев все-таки не лишены многих хороших качеств. Они относятся друг к другу любовно, стараются оказать взаимную помощь в невзгоде, и дверь их бедной, но гостеприимной хаты отворена всегда настежь. Немногого нужно, чтобы их удовлетворить. Они веселы, несмотря на то, что нужда теснит их неустанно. Они никогда не забывают оказанных им благодеяний. Если наклонность к хвастовству и не в меру пылкое воображение заставляют их погрешать иногда против истины, тем не менее они, в сущности, чистосердечны, простодушны и неуклонно верны данному обещанию. Они охотники до драк, но дерутся между собой не столько из чувства неприязни или ненависти, сколько из желания пошуметь. Несмотря на тяжелый гнет нужды, они детски-веселы, нечужды порывов и внезапных увлечений. Так как окружающая их действительность неказиста, то они любят витать в мире фантазий и дают полный разгул своему неистощимому воображению. Любовь к порядку не свойственна их природе, они не умеют идти настойчиво и неуклонно к намеченной цели. Общий как англичанам, так и ирландцам порок—пьянство. С 1839 по 1845 г. было основание предполагать, что все ирландцы, обратившись на путь истины, дадут обет трезвости, и что usquebaugh или whisky мало-по-малу выйдет из употребления. И действительно, было время, когда, увлеченные убедительностью проповедей отца Матью, ирландцы поклялись не брать в рот ни капли горячительных напитков. Случалось, что в один день тринадцать тысяч человек зараз давали обет соблюдать титотализм, т.е. ни под каким видом не брать в рот хмельного, и во множестве округов кабаки должны были закрыться. Но в стране, где царствует нищета, трудно беднякам удержаться от искушения и не взяться за чарку; так и случилось: данные обеты были забыты, и пьянство возобновилось в ужасающих размерах. Случившийся в Ирландии голод содействовал размножению пьяниц и пьянства. Во многих местах раздаватели денежного вспомоществования были в то же время продавцами водки: давая одной рукой пособие, которое им было поручено раздать, они другой рукой отбирали это пособие.

Англичане любят подтрунивать над Irish bulls—глупостями, какие срываются с языка иного простоватого Падди. Но, что бы ни говорили насмешники, не подлежит сомнению, что ирландцы, несмотря на кажущееся простодушие, очень сметливы и изворотливы: они умеют бороться хитростью против насилия, подобно тому как на доброту умеют отвечать искренностью. Обладая хорошими природными способностями, любознательные, они охотно посещают школы, и в недавнее еще время в Ирландии, как в древней Греции, существовали школы под открытым небом (hedge schools): наставники, сидя на краю канавы, собирали около себя толпу внимательных учеников[1]. Этот обычай распространялся в среде ирландского населения до 1830 года, когда обучение вне школ, заводимых оффициальною церковью, было строжайшим образом воспрещено: приходилось прятаться, чтобы выучиться читать по какой-либо другой книге, а не по катехизису англиканской церкви[2]. У ирландцев много природного ума; они за словом в карман не полезут и всегда съумеют найтись, когда нужно сделать какое-либо возражение. Это ораторы от природы. Вообще, Ирландия может похвалиться большим числом замечательных ораторов, сравнительно с Англией. Писатели-ирландцы бойко владеют пером, и газеты, издаваемые в Ирландии, отличаются задором и блеском остроумия, каких не встретишь в газетах, издаваемых по ту сторону канала Св. Георгия. Храбрость—прирожденное ирландцам качество; из их среды вышли наиболее замечательные полководцы, предводительствовавшие английскими войсками на полях битв, и ирланд-

1 Laharpe, „Globe“, 1871.
2 Sullivan, „New Ireland“.

цы же составляют половину контингента армии Соединенного Королевства. В семнадцатом и восемнадцатом столетиях ирландцы десятками тысяч поступали, в качестве волонтеров, во французские полки и умирали смертью храбрых, отстаивая интересы той страны, к которой



„Круглая башня“ и „Семь церквей“ въ Глендалугской долинѣ.

чувствовали сердечное влечение, обусловливаемое тем, что французы были единоверцы, а также тем, что они в течение веков вели борьбу с ненавистными для ирландцев англичанами. Сборными пунктами для молодежи, покидавшей родную страну, служили небольшие

бухточки на юго-западном берегу Ирландии, где легко могли укрыться небольшие транспортные суда[1].

Ирландский народ остается тем же, чем он стал двести лет тому назад, т.е. народом покоренным. Он продолжает тяготиться игом Англии, с которою вел долгое время ожесточенную борьбу, и не переставал домогаться восстановления своей автономии. Ирландия—единственная в Западной Европе страна, не подпадавшая власти римлян и не пострадавшая от нашествия варваров. Цивилизация Ирландии, сравнительно с цивилизацией других стран Европы, отличалась более самобытным характером, и хотя некоторые рьяные ирландские патриоты преувеличивали её значение, цивилизация эта имела несомненное влияние на цивилизацию Великобритании. Вместо того, чтобы быть ученицей Англии, Ирландия во многих случаях была её наставницей. Завоевание Ирландии Англией имело для первой такое же значение, какое имело для стран Западной Европы нашествие варваров: оно приостановило полет и свободное развитие гения ирландского народа; утратив свободу, жители зеленого Эрина утратили и все сопряженные с свободой права и преимущества. С этой минуты роль их в Европе прекратилась надолго. Всякая цивилизация, всякая культура должна была исчезнуть во время тех ожесточенных войн, какие опустошали почву Ирландии, и войны эти кончились тем, что многие округа совершенно обезлюдели. В царствование Елизаветы сэр Джон Норрис со своими англичанами истребил поголовно всех жителей острова Ратлина, а также и беглецов, искавших там убежища; женщины, дети, старики загоняемы были в пещеры и, по словам оффициального донесения, умерщвлены там «подобно тюленям или выдрам»[2]. Позже, в 1641 году, ирландцы отмстили кровавым образом, умертвив, в свою очередь, свыше 20.000 англичан и шотландцев, распоряжавшихся в стране на правах победителей. Кромвель подверг, однако, жителей Ирландии страшному наказанию. Известно, как поступил он с жителями города Дрогеда, с каким спокойствием отдал он приказ поджечь церковь св. Петра, куда укрылись защитники города. Кромвель возбуждал вопрос о том, чтобы продать Ирландию евреям за ежегодный взнос в 50 миллионов франков. В это-то тяжкое для Ирландии время возникла поговорка: «Убить ирландца—не значит совершить какое-либо преступление» (It is no felony to kill an Irishman).

Владычество англичан в Ирландии произвело совершенный переворот в порядке владения. В прежнее время владение землей в Ирландии устроено было на общинном начале: земельные участки принадлежали не одному какому-либо лицу, а племени, общине. Эта последняя поручала заведывание принадлежащим ей земельным участком своему предводителю или главе, но от своих прав собственности на землю не отказывалась. Когда глава земледельческой общины умирал, место его заступало другое выбранное на тех же основаниях лицо. Английские короли, раздавая земли в Ирландии по своему усмотрению, предоставляли право владеть ими не только пожизненно, но и передавать их по наследству. Ирландцы не могли, однако, забыть, что в прежния времена каждый из них имел право на землю, одинаковое с прочими членами общины, и во многих деревнях поныне указывают прямого нисходящего потомка последнего выборного управителя общинных земель. Жители относятся к нему с особенным почтением и даже зачастую содержат его на общественный счет.

Обездоленные англичанами в отношении земельной собственности, ирландцы подвергались также долговременным преследованиям из-за религиозных своих верований. Когда декреты об интернировании католиков в провинции Коннаутской утратили силу и сделались мертвой буквой, то все-таки ирландцы непротестанты, т.е. большинство нации, не были уравнены в гражданских правах с ирландцами-протестантами. Долгое время было в обычае, что всякий ирландец, менявший религию и принимавший учение англиканской церкви, получал денежную премию, и если сын католика-ирландца делался протестантом, то он мог вступить в пользование наследством еще при жизни отца. Ремесло доносчика, «ищейки католических патеров», сделалось во многих округах Ирландии такой профессией, которая до-

1 Sullivan, „New Ireland“.

2 Froude, „The English in Ireland“.

ставляла не только материальные выгоды, но даже открывала путь к почестям. Вплоть до 1832 года представителями Ирландии в парламенте могли быть одни только протестанты, и в весьма недавнее еще время ирландцы-католики обязаны были уплачивать десятину в пользу священников англиканской церкви, хотя с 1838 года сбор этот и производился уже не прямо, а в виде косвенного налога, увеличившего размер арендной за земли платы. Масса ирландского народа выказывает чрезвычайную приверженность к своим католическим священникам, в которых видит естественных защитников национальных своих прав, забывая при этом, что если Ирландия подпала под власть Англии, то это произошло вследствие дарственной буллы папы Адриана IV, и что тогдашнее католическое духовенство в Ирландии открыто стало на сторону пришельцев-завоевателей.

Бедность должна быть велика в стране, как Ирландия, где мелкой земельной собственности почти не существует, где в большей части округов нет почти никакой промышленности, где даже мануфактуры, существовавшие в XVIII столетии в весьма значительном числе, были систематически уничтожаемы с тою целью, чтобы обеспечить монополию английским фабрикантам. В одной только провинции, именно в Ульстере, фермеры пользовались покровительством закона: в силу привилегий, дарованных Иаковом I «плантаторам», эти последние сделались собственниками всех улучшений на арендуемых ими землях; платя раз навсегда определенную аренду, фермер мог навсегда оставаться на возделываемой им земле, если только владелец имения не пожелал бы уплатить ему сумму, равную увеличению ценности арендуемого участка. В остальных провинциях Ирландии фермеры не пользовались подобного рода преимуществами. Слепая рутина не дозволяла отступать от того способа обработки земли, какой существовал искони, и обычай дробить поземельные участки заступил место общинного владения землей. В графстве Донегаль и на всем почти севере Ирландии арендаторы дробили обработываемые ими земли на столько участков, сколько было почв разного качества; и каждый из этих участков, в свою очередь, подразделялся на новые участки, смотря по числу фермеров: каждый из них имел свою долю во всех полях. Умирая, фермер-отец дробил свои полосы по числу своих детей: в конце концов выходило то, что значительный иногда участок земли распадался, так сказать, на крохи. Этот способ раздела, известный под названием rundale или runrig, не мог прилагаться к домашним животным, которые разделу не подлежали; зато всякий владелец дробного участка должен был поочередно доставлять корм домашнему скоту. Понятно, что при подобных обычаях земля должна была давать очень мало: несмотря на плодородие почвы, несмотря на обилие дождей, Ирландия не была в состоянии прокармливать своих сынов. Нужда сделалась хронической, и домашний скот, скученный в одних и тех же загонах, столько же страдал от недостатка продовольствия, сколько страдали его владельцы. Случалось зачастую, что истощенные голодом животные не могли сами вернуться в стойла; в таком случае поселяне свивали из соломы веревки и, обходя пастбища, опутывали этими веревками несчастный скот, принося его домой чуть не на своих плечах: такой способ загонять скот с пастбища известен был под названием cattle-lifting[1]. Законом 1634 года, отмененным впоследствии, запрещалось обработывать землю помощию грабель, прицепленных к хвосту лошадей.

С тех пор, как Ирландия лишилась самостоятельности, неурожаи, с неразлучным их спутником—голодом, стали повторяться все чаще и чаще. В 1740 и 1741 годах умерло от голода, свирепствовавшего в южных и западных округах Ирландии, около 400.000 человек. Но голод 1847 года был еще ужаснее: такой смертности, какая была в ту пору в Ирландии, не бывало ни в одной стране Западной Европы со времен средневековых эпидемий. Более 500.000 человек погибло от истощения. Сельское население, не имевшее никаких запасов, было совершенно разорено потерей одной только жатвы, потерей, достигавшей четырехсот миллионов франков. Различные экономисты, изучавшие быт земледельцев в Ирландии, определяют одни в 40, другие в 30 сантимов среднюю норму заработной платы, какую получали сельские рабочие в период времени от последних войн императорской Франции вплоть

1 Laharpe, „Globe“, 1871.

до великого голода. Следует при том заметить, что многие поселяне получали плату, вполовину меньшую вышесказанной, и даже иногда вовсе не имели заработков в течение более или менее длинного промежутка времени. В половине текущего столетия, когда ценность денег уже много уменьшилась, нормальный размер заработной платы чернорабочим и землекопам варьировал, смотря по местности и роду занятий, от 3 до 6 франков в неделю[1]. Столь ничтожный доход, долженствовавший покрывать издержки на всю семью, не дозволял ирландским поселянам разнообразить пищу: они питались исключительно картофелем. Этот корнеплод, культивируемый в Ирландии с конца шестнадцатого или с начала семнадцатого столетия[2], дает обыкновенно, вследствие благоприятных условий климата, обильный урожай. Но именно поэтому он сделался одним из бичей страны, способствуя развитию в сельском населении беззаботности и непредусмотрительности. Собрав с полей обильный запас картофеля, земледелец считал себя обеспеченным от всяких невзгод. Из года в год он сеял на своих полях картофель и только картофель, в редких лишь случаях заменяя посев этот иным. Но когда появилась известная болезнь картофеля, поселянин ирландский очутился сразу в самом отчаянном положении; чтобы спасти себя от голодной смерти, он должен был перерезать всех находившихся у него в хозяйстве свиней. Когда и этот источник продовольствия иссяк, поселянину не осталось ничего более, как ожидать смерти. Shan Van Vocht, или «Бедная Старая Женщина»—вот как ирландцы называют с грустью свою отчизну»[3].

Во время голода, свирепствовавшего в злополучном «черном сорок седьмом» году (the black forty-seven), бедствующие поселяне питались падалью, мясом нечистых животных, даже травою. Некоторые умирали в своих хижинах; другие, бредя куда глаза глядят, падали от истощения на краю дорог и уже более не вставали. Не только в селах, но и в городах, томимые голодом падали без чувств на улицах; но прохожие, привыкшие к подобного рода зрелищу, не заботились подбирать умиравших, предоставляя это дело полиции. Во многих местностях не давали себе труда зарывать трупы умерших от голода в землю, а довольствовались тем, что разрушали хижины, где такие умершие были: развалины жилья должны были служить могильной насыпью[4]. Три миллиона жителей,—почти половина тогдашнего народонаселения,—были зачислены в разряд неимущих, и на этом основании должны были ожидать себе помощи от частной благотворительности. Подписка, открытая в пользу пострадавших от голода, дала сбор в 250.000.000 франков. Но что можно было сделать с обыкновенными средствами помощи, при том часто раздаваемыми наугад, для устранения подобного, беспримерного в Европе бедствия? Целые округа, в особенности в западной части Ирландии, обратились в безлюдные пустыни: народонаселение или вымерло, или разбежалось. Почти с девяти миллионов,—цифры населения в 1845 году,—число жителей уменьшилось до пяти с небольшим миллионов; таким образом убыль в народонаселении превышала три с половиной миллиона. Судя по собранным на месте статистическим сведениям, голод особенно опустошительно действовал в среде католиков, в большинстве случаев кельтов по своему происхождению, между тем как последователи англиканской церкви и пресвитериане, большею частью англичане и шотландцы по своему происхождению, пострадали от него менее. При том же эти последние, вообще более состоятельные, имели возможность избегнуть смертности, переселяясь за океан.

Уменьшение народонаселения Ирландии за время с 1834 по 1881 год:

1 Buckle, „History of Civilisation in England“.
2 Dufferin, „Irish Emigration and the Tenure of land in Ireland“.
3 Sullivan, „New Ireland“.
4 Sullivan, „New Ireland“.

	Все население	Католиков	Англикан	Пресвитериан
1834 г.	7.954.100	6.436.060	853.160	643.058
1841 г.	8.175.125	6.614.000	874.000	652.000
1861 г.	5.798.967	4.505.165	693.357	523.291
1881 г.	5.174.835	3.960.890	639.574	470.732
Уменьшение с 1841 г.	3.000.290	2.653.110	234.426	181.266
	(36%)	(40%)	(27%)	(28%)

В 1891 г. насчитывали: 3.547.307 католиков (75,4%), 603.103 члена епископальной церкви (12,7%), 444.974 пресвитериан (9,5%), 55.500 методистов, 55.087 других диссидентов и 1.779 евреев.

Ремесло вышиванья на кисее, которым занимаются молодые девушки во всех почти хижинах провинции Ульстер, наименее ирландской из всех провинций страны, спасло в 1847 г. от голодной смерти большую часть населения.

В прошлом столетии протестанты были единственные ирландцы, эмигрировавшие в Соединенные Штаты: католики оставались не только в отечестве, но даже каждый в своем приходе, где они, казалось, пустили глубокие корни[1]. Но после большего голода несчастный островитянин, к какому бы племени он ни принадлежал, какую бы религию ни исповедовал, должен был поневоле искать дорогу в страны более благоденствующие, чем его родина. Вследствие этого, переселение за океан, поощряемое в одно и то же время англичанами, которые таким образом избавлялись от своих голодающих пролетариев, и американцами, которые приобретали новых работников для возделывания своих впусте лежащих земель и для развития промышленности своих городов, быстро возросло до таких размеров, что его без преувеличения можно было сравнить с исходом евреев из Египта. Во время народной переписи 1871 г. в Соединенных Штатах Северной Америки насчитывали слишком 1.850.000 ирландцев, хотя смертность между новоприбывшими весьма значительна и доходит, в среднем выводе, до трети общего числа переселенцев в первые три года пребывания их на новом месте: из 106.000 эмигрантов, отправившихся в 1848 году в Канаду, 17.300 умерли в дороге или тотчас же по прибытии в Новый Свет. В настоящее время ирландцев, сделавшихся американскими гражданами, можно насчитать по меньшей мере два миллиона человек, а число колонистов ирландского происхождения, живущих в Соединенных Штатах, наверно превышает число жителей, оставшихся в родной стране: оно составляет около 6 или 7 миллионов человек, и враги Англии часто питали надежду, что это население могло бы служить им опорною точкой для возбуждения войны между американскою республикой и Великобританией. Ирландские эмигранты, даже когда они сделались гражданами Соединенных Штатов, постоянно поддерживают сношения со своими заатлантическими соотечественниками. Трогательным свидетельством духа солидарности, которым отличаются ирландцы, даже тогда, когда продолжительное пребывание на чужбине породило у них новые интересы, новые связи и отношения, служит тот факт, что те из эмигрантов, которые достигли благосостояния в Соединенных Штатах, переслали своим родичам в метрополии более 325 миллионов франков в продолжение семнадцати лет, следовавших за великим исходом за океан. В три года, с 1852 по 1854, голодные Ирландии получили от своих родных из Америки более 114 миллионов, предназначенных преимущественно для облегчения им переселения в Новый Свет. Во время своей двух-месячной поездки в Соединенные Штаты в 1880 г. Парнель собрал 5.000.000 фран. для Land-League[2].

Те из ирландцев, которые слишком бедны для того, чтобы окончательно покинуть отечество, имеют по крайней мере возможность периодически эмигрировать в Англию, где они нанимаются жать хлеб, косить сено, помогать фермерам в дренажных работах и других сельско-хозяйственных трудах. Помощь их бывает совершенно необходима в некоторые времена года, и плата, которую им тогда предлагают в Англии, превышает по меньшей мере в два или три раза плату, которую они могли бы получить в Ирландии; поэтому им легко, если

1 Arthur Young, „Tour in Ireland“.

2 Walcot, „Official return“; Dufferin, „Irish Emigration and the Tenure of land in Ireland“.

они в состоянии заплатить на пароходе за переезд через Ирландский канал, заработать небольшую сумму денег, которую они и приносят своим семьям. Большая часть этих периодических эмигрантов приходит каждый год в одни и те же округи и нанимается вперед одними и теми же фермерами: это—временные работники. Но число ирландцев, которые уезжают с женами и детьми в Англию и в Шотландию, чтобы поселиться там окончательно, становится с каждым годом все значительнее; так, ирландцев, имеющих пребывание в этих двух странах, насчитывалось:

В 1841 году в Англии—292.935; в Шотландии—126.321; в 1881 году в Англии—562.375; в Шотландии—218.745.

В 1891 г. насчитывали, по рождению—5.234.505 ирландцев в Соединенном Королевстве, из которых только—4.581.383 жили в Ирландии.

Но в действительности это число гораздо больше, чем показывает перепись, ибо последняя считает только ирландских уроженцев и не принимает во внимание их детей, причисляемых к англичанам по причине их места рождения[1]. В каждом многолюдном городе Великобритании есть своя «маленькая Ирландия», бедный, грязный, тесный квартал, где несчастный Paddy должен сначала искать себе убежища; но он трудится, и есть даже некоторые работы и ремесла, которые предоставлены ему специально. «Что стали бы мы делать без ирландцев?»—уже говорят английские буржуа во многих городах, где переселенцы с острова Эрина единственные рабочие, которые соглашаются носить тяжести или копать землю. Следствием этого является то, что живущие в Англии ирландцы мало-по-малу обогащаются, и тысячи из них поднимаются в средний класс, занимая место своих английских соперников, которые впадают в пролетариат.

В самой Ирландии средний уровень благосостояния значительно повысился в последние тридцать лет. Со времени большего голода, эпохи, от которой нужно вести счет при обсуждении экономического положения этой страны, количество мелких ферм удвоилось; в провинции же Коннаут, области кельтской по преимуществу, оно даже учетверилось. Общая ценность ирландских земель, проданных в период с 1849 до 1857 года, в силу закона, известного под именем Encumbered Estates Act, составляла 511.898.900 франков; земли эти были куплены 7.849 лицами, из которых 7.180 ирландцев, 309 англичан и шотландцев. Число господских имений также увеличилось, благодаря продаже заложенных земель, облегченной законом 1848 г.[2], и между тем как прежние помещики по большей части имели пребывание в Англии или на континенте, тратя заграницей доходы с имений и полагаясь во всем на плутов управляющих или приказчиков в отношении управления их землями, нынешние владельцы, живущие чаще в своих ирландских замках, предпринимают больше работ и улучшений всякого рода, и на их глазах применяются новые способы обработки земли и ведения хозяйства, которые находят подражателей и постепенно распространяются в крае. Разрушение деревень, изгнание целых населений, в том числе стариков и больных, в наши дни не составляют уже обыденных событий: в силу закона 1870 года, подтвержденного и дополненного land-bill'ем 1881 года, арендаторы не могут быть прогоняемы без того, чтобы землевладельцы не заплатили им вознаграждения за все сделанные ими улучшения на арендуемой земле. Далее владельцы не имеют более права отказывать им без причин, признанных уважительными подлежащим судом. Обычай дробления земель до бесконечности между наследниками и наследниками наследников теперь почти совершенно прекратился. Число голов домашнего скота увеличилось на половину; подобно французской Нормандии и Бретани, Ирландия сделалась одним из продовольственных садов Англии; годовое производство в настоящее время гораздо значительнее, чем оно было в половине текущего столетия, а число лиц, между которыми должны делиться эти продукты, уменьшилось: средний доход ирландца, может быть, удвоился. Во многих отношениях зеленый Эрин постепенно приближается к Великобритании по своим экономическим условиям.

1 Ravenstein, „The Birthplaces of the people and the laws of migration".

2 Dufferin, „Irish Emigration and the Tenure of land in Ireland"

Но как на том, так и на другом острове, нищета пролетариев ужасна, и массы людей не имеют иных рессурсов к существованию, кроме общественной благотворительности. Правда, теперь уже не указывают ирландских городов, как бывало прежде указывали Типперари, где бы население, содержащееся в домах призрения нищих, превышало число жителей, находящихся на свободе; в наши дни не существует более округов, как некоторые приходы Донегаля, где во время жизни предъидущего поколения насчитывалось всего два тюфяка и восемь соломенных матрацов на 4.000 жителей[1]. Голодный тиф не уносит одного из десяти жителей в раннюю могилу, как бывало прежде; но и теперь от недостатка пищи и дурных гигиенических условий по-прежнему гибнут преждевременно целые населения. И теперь еще можно встретить в Ирландии тысячами убогия cabins, или землянки, наполненные едким дымом торфа, и в которых живут по десяти или по двенадцати человек, спящих на грязном земляном полу, в перемежку со свиньями. Во многих местностях поморья прибрежные жители прибавляют к своей пище морские водоросли, и не только в виде салата, ради возбуждения аппетита, как это делают некоторые зажиточные семейства в Бельфасте и других городах, но потому, что продуктов полей и огородов не хватает на их прокормление. По странной иронии судьбы, ирландцы, даже самые бедные, любят наряжаться во фрак и короткие штаны, а на голове носят цилиндр. Английские корабли привозят целые грузы старого платья, которое должно служить одеянием ирландцам, после того, как оно было сношено до нитки по другую сторону Канала; кроме того, в самом крае фабрикуются огромные количества одежды, которая сделана, правда, из самого грубого сукна, но покрой которой, тем не менее, всегда имеет претензию на моду и некоторое щегольство.

Все большие города Ирландии—приморские порты: занимая положение в соседстве с Англией и Шотландией, на оконечности Европы, «Изумрудный» остров не мог сосредоточить свою жизнь в средине своей территории; он должен был перенести свои центры или фокусы цивилизации к морским берегам для того, чтобы вступить в постоянные сношения с торговыми странами, от которых его отделяет двойной пролив. По этой черте своей политической географии Ирландия походит на Испанию, которая, так сказать, составляет её противовес на юге европейского континента; но причины этого сходного распределения многолюдных городов не одинаковы в той и другой стране. На Пиренейском полуострове жители сгруппировались преимущественно по окраинам, на берегах моря по причине холодного климата и бесплодия почвы на плоских возвышенностях и горах, занимающих центр полуострова; в Ирландии же не климатические условия, а торговые сношения морем и влияние соседних наций вызвали к жизни деятельные города на окружности острова; однако, и здесь обширные торфяные болота, занимающие внутренность страны и которые прежде делали затруднительными сообщения между восточною и западною частями острова, способствовали до известной степени сосредоточению населения главным образом в прибрежных местностях. Само собою разумеется, самый оживленный берег тот, который обращен к Англии, и на этом берегу жизненный пункт по преимуществу находится по средине прибрежья, как раз напротив Ливерпуля и порта Голигед, ближайшего к Ирландии: судьба Дублина была заранее определена формой его берегов. На севере Бельфаст занимает относительно Шотландии положение, аналогичное положению Дублина, тогда как в соседстве с юго-восточною оконечностью две бухты, Вексфорд и Ватерфорд, находящиеся в столь близком расстоянии от Мильфорд-Гевна и от Бристольского залива, разделяли между собой в средние века торговлю с южною Англией. На южном берегу гавань Корк, очень обширная и хорошо защищенная от ветров, занимает великолепное положение для того, чтобы служить складочным местом для трансатлантической торговли; наконец, на западе и на севере, порты Лимерик, Галвей, Слито, Лондондерри также были центрами притяжения для населения внутренней части страны.

Дублин, или «Ballagh-Ath-Eliath-Duibhluinne», не всегда был столицею Ирландии;

1 George Hili,—Hall et Mrs Hall, „Ireland"; Amedee Pichot, „L'Irlande et le Pays de Galles".

прежде ирландские короли короновались километрах в сорока к западу от этого города, на холме Тара или Тимгер (что значит «Большой дворец»), и, по мнению некоторых антикваториев, столб, существующий еще поныне на этой возвышенности, есть остаток памятника, от которого, может быть, был взят так называемый «камень судьбы» или «роковой камень» (Saxum fatale), который, после других странствований по разным местам, попал, наконец, в церковь Вестминстерского аббатства, где и хранится теперь[1]. Этот камень, по словам легенды, ревел громовым голосом, когда на него садился законный король, и оставался немым для похитителя престола; но со времени введения в крае христианства он, будто бы, потерял свою чудесную силу[2]. Каково бы ни было политическое достоинство Тары, Дублин или «Черная вода» имел, конечно, как торговый город, более важное значение, чем маленький королевский бург, лежавший внутри страны, далеко от моря. В продолжение двух с половиной столетий норвежцы и датчане, умевшие ценить приморские города, выгодно расположенные для торговых сношений и для обороны, оспаривали Дублин у ирландцев, и предместья столицы до сих пор еще напоминают своими ирландскими названиями, что они некогда были местопребыванием «Черных иностранцев» и «Белых иностранцев», то-есть норвежцев и датчан. В начале двенадцатого века Дублин был окончательно отвоеван у скандинавов, но только для того, чтобы еще в том же столетии попасть под власть англичан, которым он не переставал принадлежать с той эпохи. Смотря по политическим превратностям судьбы, он переходил последовательно через периоды благосостояния и упадка. В начале семнадцатого столетия Дублин, по цифре своего населения, был второй город Британских островов: он имел в то время 300.000 жителей, то-есть столько же, сколько их имели Эдинбург и Бристоль, взятые вместе. Он потерял много жителей в 1800 году, когда перестал быть местопребыванием ирландского парламента; затем, после большого голода, когда население Ирландии убавилось на два миллиона человек вследствие эпидемий и эмиграции, число жителей столицы также уменьшилось, хотя она не переставала расти в протяжении: во время народной переписи 1871 года она была лишь шестым городом Соединенного Королевства по порядку населенности и даже представляла в предшествовавшее десятилетие некоторый упадок в этом отношении; но с того времени население её стало опять возрастать, и теперь в ней, вместе с предместьями, насчитывается более 350.000 жителей.

Как промышленный город, Дублин замечателен только фабрикацией так называемых поплинов, которая была введена французскими гугенотами, и пивоваренным производством. Некоторые из его пивоваренных заводов принадлежат к самым обширным заведениям этого рода во всем Соединенном Королевстве. В эти последние годы он приобрел чрезвычайно важное значение, как продовольственный порт для Англии, которой он посылает крупный рогатый скот, свиней, сельскохозяйственные продукты; в то же время он ввозит товары для самого себя и для всей Ирландии. Железные дороги острова разветвляются вокруг Дублина на подобие ветвей опахала, и в этом же городе начинается канал, который делит страну на две половины и соединяет Галвейский залив с Ирланским проливом. Еще недавно Дублинский рейд, к сожалению, незащищенный от восточных ветров и окаймленный на всей его окружности обширными песчаными мелями, был непригоден для крупного судоходства, и маленькая речка Лиффей, изливающаяся в этот рейд, представляла узкий и неудобный порт, хотя по сторонам её вблизи устья были устроены шлюзованые бассейны; но продолжение северного жете освободило отчасти рейд от заграждавших его песчаных мелей, и теперь суда, имеющие до 7 метров водоуглубления, могут беспрепятственно подниматься вверх по реке Лиффей. Инженеры дополнили Дублинский порт двумя искусственными гаванями, созданными в самом море; это—порт Кингстаун, древний Донлери, который легко узнать издалека по крутому разрезу холма, откуда брали материал для постройки жете, и порт Гоут (Howth), на севере от полуострова того же имени; но этот последний порт, построенный, как говорят, с целью облегчить одному землевладельцу разработку его каменоломень, бывает по-

1 Wakeman;-Petrie;-Forbes Leslie, „Early Races of Scotland11.

2 Jeoffrey Keating, „The general History of Ireland, trad. Dermod O'Oonnor11.

чти сухой в часы отлива, и суда, за исключением мелких рыболовных ладей, избегают его опасные подступы.

Вместе с этими двумя передовыми портами, Дублин—один из первоклассных приморских городов Соединенного Королевства; в 1882 году он занимал между ними седьмое место, следуя непосредственно за Лондоном, Ливерпулем, Ньюкестлем, Кардифом, Гласго и Гуллем. Движение судоходства в дублинских портах представляло в 1882 году следующие цифры (не считая каботажных судов с балластом):

В приходе 7.289 судов, вместим. 1.747.465 тонн; в отходе 3.486 судов, вместимостью 1.134.675 т.; вместе—11.153 судна, вместимостью 2.882.140 т. В 1891 г. в приходе: 7.496 судов (из них 7.163 каботажных) вместимостью 2.187.859 т. К портовой области Дублина в 1891 г. принадлежало 357 морских судов в 53.697 т. и 475 рыболовных судов. Вывоз из Дублина за границу в 1891 году: 141.204 ф. стерл. Привоз в Дублин иностранных товаров в 1891 г.: 2.781.787 фунт. стерл.

По расположению, Дублин имеет форму почти правильного круга или овала, который река Лиффей, текущая от запада к востоку, делит на две равные части, и который почти на всей окружности ограничен каналами. В городе есть несколько красивых улиц, тенистых площадей, которые принадлежат к самым обширным площадям на Британских островах, и замечательных зданий, сгруппированных по большей части в соседстве с холмом, на котором стоит старинный замок, ныне оффициальная резиденция лорда-наместника Ирландии. Храм Спасителя (Christ-church), отданный католикам, есть старейшая церковь Дублина: он был основан в 1038 году и перестроен в конце двенадцатого и в четырнадцатом столетиях. Кафедральный собор св. Патрика, которым завладели англикане, также представляет средневековый памятник, воздвигнутый подле того источника, в котором св. Патрик крестил язычников. Коллегия св. Троицы (Trinity College), университет острова, была основана триста лет тому назад как оплот протестантизма против ирландских католиков; она заключает в себе богатые коллекции по естественной истории, археологии, очень ценный геологический музей, библиотеку в 220.000 томов, содержащую, кроме того, вместе с манускриптом Senchus Mor, или «Памятником античной мудрости», многие единственные в своем роде средневековые рукописи, ирландские и латинские. Рядом с коллегией св. Троицы существует основанный в 1854 г. католический университет. Здание выставки 1872 года преобразовано в музей и в место увеселений, как Хрустальный дворец в Сайденгаме; в музее находятся галлереи произведений искусства и промышленности; кроме того, при здании есть великолепный сад. В Дублине существует также картинная галлерея; наконец, многие ученые общества имеют замечательные коллекции. Свифт, Ричард Стиль, Шеридан, Томас Мур, герцог Веллингтон—уроженцы Дублина.

Окрестности столицы представляют со всех сторон приятные гульбища, испорченные, к сожалению, во многих местах высокими городскими стенами, которые заслоняют вид. Парк Феникса, заключающий зоологический сад, есть обширное поле (площадь его около 720 гектаров), усеянное рощами и лесками, где прыгают резвые козули. На северной стороне города расположен ботанический сад Гласневена, принадлежащий дублинскому королевскому обществу. На востоке, на северном берегу залива, находится нормандский замок Клонтарф. Скалистый полуостров Гоут, охраняющий вход в Дублинский залив, замечателен своим портом, старинным замком, своими морскими купальнями, посещаемыми многочисленною публикой, аббатством и дольменом, тенистыми рощами и, наконец, своими величественными береговыми утесами, с высоты которых виден весь залив, как на ладони. Жители Дублина любят сравнивать этот залив с Неаполитанским, хотя на берегах его нет Везувия и Монте-Соммы, окруженных при основании непрерывным поясом белых и розовых городов, и хотя он редко бывает освещен ярким светом безоблачного неба, как залив Средиземного моря. Напротив скалы Гоут лежит город Кингстаун, который в действительности составляет часть Дублина, не только как передовой порт, но также как место прогулки и купания в море для столичного населения; он продолжается с правой и с левой стороны другими изящными

предместьями, каковы: на западе—Блекрок, Вильямстаун, Бутерстаун, на востоке—Дальки и Киллини, господствующие над морем с высоты своих величественных мысов. Далее на юге встречаем город Брэй, откуда открывается еще более красивый вид, а в окрестностях его на-

Ирландскіе типы.

ходятся некоторые из самых живописных ландшафтов горной цепи Викло (Уиклоу), усеянной озерами.

Маленький бассейн речки Лиффей, выход которого занимает Дублин, не имеет другого

значительного города: в этом бассейне, среди голых равнин, находится местечко Мейнут, католическая семинария которого, получающая субсидию от правительства, подала повод к нескончаемым спорам в парламенте. Клондалькин, лежащий у подножия отрогов гор Викло, был некогда королевским городом, где существовал датский дворец и где до сих пор еще видна «круглая башня». На севере от Дублина, в местечке Свордс, есть другая такая же башня, одна из наилучше сохранившихся башен во всей Ирландии.

Река Бойна, получающая начало в Алленском болоте (bog of Allen), омывает в своем течении только один важный город, лежащий близ её устья. Этот древний город, Дрогеда, находится уже в круге промышленного притяжения Бельфаста, и в нем фабрикуют полотна, а также варят превосходное пиво: торговля его тоже довольно значительна. В 1891 г. в Дрогедском порте было в приходе 557 судов, общая вместимость которых равнялась 128.674 тоннам. В двух слишком километрах к западу от Дрогеды происходила, в 1690 году, знаменитая битва, известная в истории под именем битвы на Бойне, последствием которой была потеря престола династией Стюартов. В этой местности встречаются могильные курганы, «круглые башни», разные средневековые памятники. Курган Нью-Грендж, открытый, так сказать, антикварием Луйдом, в конце семнадцатого столетия, заключает в себе замечательную погребальную комнату, одну из самых любопытных в Европе по правильному расположению её стен и по надписям, сделанным огамическими буквами.

Дундальк, лежащий при оконечности лимана, в который изливаются несколько ручьев, замечателен как очень древний город, где венчался на царство шотландец Эдуард Брюс, и близ которого он был разбит и убит англичанами в 1318 году. Дундалькский порт превзошел Дрогеду по важности своей торговли; в 1891 г. в этом порте было в приходе 687 судов, общая вместимость которых равнялась 129.106 тоннам. Но по размерам своих торговых оборотов Дундальк значительно уступает городу Ньюри (Newry), который занимает четвертое место между ирландскими портами, чему он обязан мануфактурной деятельности окрестной страны, изобилующей полотняными фабриками, чугунно-литейными заводами и другими промышленными заведениями. Порт Ньюри, расположенный у северной оконечности бухты Карлингфорд, недоступен большим судам, тем не менее, он ведет частые и деятельные сношения водяным путем с Ливерпулем, Кардифом и другими портовыми городами, стоящими на берегах Ирландского моря и Бристольского залива. Движение судоходства в порте Ньюри в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): 2.615 судов, вместимостью 476.825 тонн. На северном берегу залива, хорошо защищенном от северных ветров, находим два города с морскими купальнями: Варренпойнт, где могут останавливаться суда самого большого водоуглубления, и Ростревор, откуда взор поднимается к вершинам гор Морн-Маунтенс. В настоящее время самое оживленное место морского купанья, привлекающее наибольшее число посетителей,—Ньюкестльский берег, лежащий у восточного основания возвышенности Слив-Донард.

Залив Странгфорд-Лок (lough—озеро), который действительно похож на озеро, так как он соединяется с морем только узким каналом, не имеет ни одного значительного порта: древний Доунпатрик или «Гора Патрика», названный так в честь апостола Ирландии, представляет маловажное местечко, несмотря на носимый им титул главного административного пункта графства. Самый многолюдный город, воды которого текут в бассейн Странгфорда, промышленный Ньютон-Ардс, вывозит производимую им кисею и получает нужное ему минеральное топливо через порт Донагади, лежащий не на озере (lough), а при море, на берегу пролива, отделяющего Ирландию от полуострова Галловей: в этом месте был привязан первый телеграфный кабель, погруженный между двумя главными Британскими островами.

Бельфаст, важнейший город провинции Ульстер и второй город Ирландии по числу жителей, есть первый на всем острове по важности своей промышленности. В 1612 году земля, на которой находился Бельфаст, в то время простая деревня, была подарена королем Иаковом I одному фавориту, и до сих пор город, с его дворцами, фабриками и предместьями, принадлежит одному из потомков этого королевского любимца. Ни один город в Ирландии

не ростет так быстро, как Бельфаст: в половине семнадцатого столетия он имел только от 7.000 до 8.000 жителей; в 1821 году число их доходило уже до 37.000, и с того времени население его усемерилось. Движение судоходства возрастало в еще более быстрой пропорции, и теперь Бельфаст в иные годы превосходит столицу по числу и тоннажу судов, посещающих его воды; он превосходит ее также по тоннажу своего морского флота. Для доставления удобного пристанища всем этим судам, которые не могли бы поместиться в узкой речке Лаган, при устье которой расположен Бельфаст, принуждены были выкопать несколько доков в низменных местах, окружающих гавань; кроме того, прорыли через песчаные мели судоходный канал для судов, имеющих от 3 до 4 метров водоуглубления и которые прежде должны были бросать якорь на довольно большом расстоянии ниже порта, в Бельфастском заливе (Belfast-lough). О быстром возрастании торговых сношений этого города можно судить по следующим статистическим данным:

Движение судоходства в Бельфастском порте, по приходу судов:

1824 г.—48.500 тонн, 1834 г.—81.320 тонн, 1845 г.—445.550 тонн, 1870 г.—1.225.000 тонн.

В приходе в 1891 г.: 10.304 судна, вместимостью 2.161.155 тонн; в отходе в 1891 г.: 10.184 судна, вместимостью 2.135.194 тонны.

К порту принадлежало (1891 г.): 292 морских судна в 140.251 тонну и 498 рыболовных судов.

Пароходы, посредством которых производится морское сообщение главного города провинции Ульстер с Ливерпулем, с Гласго и с другими значительными портами Соединенного Королевства, континентальной Европы и Америки, играют гораздо более важную роль, чем парусные суда в движении судоходства, как показывают следующие цифры:

Движение груженых пароходов в 1882 г.: 8.510, вместимостью 2.294.330 тонн; движение груженых парусных судов: 5.817, вместимостью 1.594.170 тонн.

Нынешним своим цветущим состоянием Бельфаст обязан главным образом полотняной промышленности, существовавшей в крае с давнего времени, но получившей особенно обширное развитие после религиозных войн в Нидерландах и после отмены во Франции Нантского эдикта; и до сих пор между многочисленными фабричными заведениями этого города первое место по важности занимают те мануфактуры, где ткут полотна. Могущественное общество, основанное для поощрения в крае льноводства, имеет свое пребывание в Бельфасте, и, благодаря стараниям этого общества, собственная почва Ирландии доставляет полотняным фабрикам провинции Ульстера сырой материал в постоянно возрастающих количествах, как показывают следующие цифры:

Ценность сбора льна в Ирландии: в 1847 г.—16.402.500 франк., в 1852 г.—25.000.000 фр., в 1870 г,—50.901.000 фр.

В настоящее время в Бельфасте насчитывается более ста шестидесяти льнопрядильных и ткацких фабрик, которые все вместе дают занятие 60.000 рабочим. Эта промышленная метрополия северной Ирландии есть в то же время один из тех городов Соединенного Королевства, где общественное образование пользуется наибольшим почетом. Она обладает важными коллекциями по естественной истории и археологии, и главная её школа, «Королевская коллегия» (Queens College), хотя не имеет степени университета, приготовляет, тем не менее, своих студентов к университетским дипломам, выдаваемым вне этого заведения, коммисией экзаменаторов, подобной Лондонскому университету; этой-то экзаменационной коммисии и присвоено название Королевского университета (Queen's University). Но, несмотря на учебные заведения, национальная и религиозная ненависть сделала из Дублина по преимуществу город народных «побоищ и свалок», кровопролитных битв, происходящих на улицах. Особенно первое июля, годовщина сражения на реке Бойне, редко проходит без уличных драк, сопровождаемых убийствами и пожарами. В предвидении этой борьбы, протестанты, враждебно относящиеся к ирландской независимости, соединились в тайные общества, организованные по образцу франк-массонских лож. Лозунгом их служит слово «Orange»: в про-

цессиях и церемониях они носят, как отличительный знак, оранжевую ленту. Тщетно законодательство пыталось много раз разрушить этот союз чужеземцев, которые на самой почве Ирландии поставили себе задачей нагло напоминать ирландцам их поражение и политическое рабство их отечества: поддерживаемая, как говорят, сообщничеством сановников, гражданских и духовных, из племени завоевателей, лига оранжистов может безнаказанно оскорблять самолюбие и достоинство побежденных: отсюда эти побоища, которые так часто обагряют кровью мостовую бельфастских улиц.

Негоцианты Бельфаста усеяли своими виллами все окрестные холмы, и некоторые из мест морского купанья в окрестностях города сделались значительными деревнями; кроме того, все важнейшие города страны могут быть рассматриваемы, как промышленные пригороды метрополии Ульстера. Каррикфергюс, местечко, лежащее близ входа в Бельфастский залив, на северном берегу, был некогда столицей страны, и живописный его замок считался одною из главнейших крепостей Ирландии; у подножия стен этой твердыни высадился Вильгельм III с войском, чтобы сразиться с армией своего тестя, которая и была им рассеяна; затем в 1759 году, француз Тюро овладел замком и удерживал его за собой три дня. В настоящее время Каррикфергюс имеет значение только как передовой порт большого соседнего города. Лисборн, лежащий на юго-западе от Бельфаста, на той же реке, окаймленной по берегам фруктовыми садами и огородами; Лурган, расположенный в недальнем расстоянии от болотистых берегов озера Лок-Ниг (Lough Neagh); Банбридж, на верховьях реки Бан; Портадоун, также на этой реке, но в том месте, где она уже судоходна для больших барок и плашкотов; Баллимена, который находится тоже в бассейне Лок-Ниг, но на севере от этого озера,—все эти города составляют мануфактурные центры, занимающиеся преимущественно полотноткацкой промышленностью, и все они окружены хорошо возделанными нивами, чистенькими деревнями, где заметно общее благосостояние. Город Армаг или Арма (Armagh), резиденция архиепископа-примаса и духовная столица Ирландии, как для католиков, так и для протестантов епископальной церкви, имеет менее важное значение в промышленном отношении и давно уже утратил ту роль, которой он обязан своим титулом; но зато это бесспорно один из прелестнейших городов северной Ирландии: он расположен на холме, и его старый собор, который виден издалека, господствует над амфитеатром, образуемым мраморными домами города. Астрономы армагской обсерватории, основанной в 1793 году, дали науке много полезных трудов, между которыми видное место занимает каталог неподвижных звезд.

Город Кольрен (Coleraine), лежащий в 8 километрах от моря, на реке Банн, составляет, вместе с приморским городом Портруш, один торговый округ, довольно часто посещаемый каботажными судами, которые приходят туда за грузами полотняного товара, земледельческих произведений и лососей. Движение судоходства в Кольрене и в Портруше в 1882 году выразилось следующею цифрою: в приходе и отходе 911 судов, вместимостью 118.290 тонн. Но главный порт этой области и самый деятельный на всем северном поморьи Ирландии—Лондондерри, гавань которого образует река Фойль при входе её в озеро (lough) или лиман того же имени. В 1894 г. в этом порте было в приходе 1.732 судна в 331.159 тонн; к порту принадлежало 28 морских судов в 15.036 тонн и 599 рыболовных судов. Лондондерри—один из живописнейших городов Ирландии: еще опоясанный крепостными стенами, которые ныне служат местом гулянья, он расположен по скатам холма, оканчивающагося на вершине высоким шпилем соборной церкви, и со всех сторон выступы гор, вдающиеся мысами в воды залива Фойль, представляют великолепные перспективы. Главный город графства Дерри получил свое нынешнее имя Лондондерри с той поры, как был пожалован королем Иаковом I, со всею окружающею территориею, двенадцати главным корпорациям лондонского Сити; эти корпорации и поныне владеют им, не прямо, а через посредство «ирландского общества», признаваемого юридическим лицом и потратившего на тяжбы значительную часть доходов со своего богатого имения. Железная дорога из Лондондерри в Кольрен, которая идет вдоль берегов залива Фойль, построена частию на низменных землях, которые прежде были покрыты водами, и обширные пространства на этих низинах уже осушены и приобре-

тены для земледелия. В небольшом расстоянии к западу от Лондондерри, но уже в графстве Донегаль видны, на одном холме, древние Гриананские укрепления, время сооружения которых не известно.

В бассейне реки Эрны (Erne) находим только один значительный город: это—хорошенький городок Эннискиллен, лежащий у южной оконечности Нижнего Эрнского озера, одного из тех озер Ирландии, которые особенно изобилуют островами. Соседние морские берега, обращенные на северо-запад к Исландии, Лабрадору и Ньюфаундленду, не могут быть посещаемы большим числом судов, несмотря на то, что представляют превосходные рейды. Донегаль, главный город большого графства того же имени, имеет значение только как гавань для рыболовных судов, а как место собрания иногородних посетителей, предпринимающих экскурсии в окрестные горы, он уступает местечку Киллибегс, лежащему близ западной провинции Ульстер.

Значительнейшие города провинции Ульстер (число жителей в 1891 году):

Бельфаст—255.950 жителей; Лондондерри—33.200; Ньюри—19.961; Лурган—11.429; Ньютон-Ардс—9.200; Армаг—7.438; Баллимена—8.655; Лисборн—12.250; Портадоун—8.430; Кольрен—6.845; Эннискиллен—5.570; Банбридж 4.901 жит.

Из приморских городов северо-западной части страны наиболее оживленную торговлю ведет порт Слиго, или Сляйго, главный город графства того же имени (в 1882 году в этом порте было в приходе и отходе 945 судов, общая вместимость которых равнялась 135.740 тоннам); другой порт, Баллина, представляет гораздо менее деятельное движение судоходства; в этой гавани высадилась экспедиция генерала Гумберта, который затем одержал победу, впрочем, бесплодную, при Кестльбаре, после чего провозгласил республику в Ирландии. Самый обширный порт в этом крае и наилучше защищенный от волнения Атлантического океана—Вестпорт, деревня, приютившаяся при выходе небольшой долины, между уединенных берегов, над которыми господствуют горы с величественным профилем.

Галвей, лежащий при выходе потока, вытекающего из озера Корриб, и на северном берегу залива Атлантики, проникающего далее других заливов внутрь Ирландии, занимает очень выгодное для морской торговли положение и, начиная, с четырнадцатого столетия, тоесть вскоре после его основания колониею англичан, потомки которых долгое время были известны под именем «двенадцати колен», вел обширные торговые сношения с Испаниею. Андалузцы и кастильцы в значительном числе поселились в этом ирландском городе, и влияние их было так велико, что город принял испанский вид: и теперь еще многие старые палаццо с дугообразным порталом, с широким крыльцом, с решетчатыми балконами, напоминают путешественнику дома Бургоса или Толедо. Галвей долгое время пользовался репутациею города бреттёров: тщеславие его молодых людей состояло в том, чтобы драться на дуэли. Уже несколько веков, как испанские купцы перестали вести непосредственно торговлю с Ирландией, и Галвей еще не приобрел таких частых торговых сношений с Соединенными Штатами и с Канадой, на какие он, казалось бы, должен был иметь право по своему географическому положению. Хотя этот город находится почти на 400 километров ближе от Галифакса и Нью-Йорка, нежели Ливерпуль, но он не имеет приспособлений, необходимых всякому большому порту, и товары не находили бы там рынка. Ирландия еще не настолько богата сама по себе, чтобы могла обходиться без посредничества Ливерпуля в своих торговых сношениях с Новым Светом. Даже большинство ирландских эмигрантов покинули свое отечество через порт реки Мерсей. Движение судоходства в Галвейском порте (не считая каботажных судов с балластом) в 1891 году: в приходе 275 судов вместимостью 43.129 тонн; ценность заграничной торговли этого порта в том же году: 155.488 фунт. стерл.

Бассейн реки Шаннон заключает в себе большую часть важнейших городов центральной Ирландии; в этом бассейне находятся: Мюллингар,главный город графства Вестмит; Тулламор, где существуют полотняные фабрики; «невзрачный» Атлон, построенный на обоих берегах Шаннона; Баллинасло, славящийся своими ярмарками рогатого скота (в 1877 году на тамошней ярмарке было продано 52.456 баранов и 12.750 быков); Ненаг, лежащий в долине

Серебряных гор (Silver-Mines-Mounts).

Значительнейшие города провинции Коннаут (в 1891 году):

Галвей—13.800 жителей: Слиго—10.274; Атлон—6.742; Баллина—4.846; Баллинасло—4.642 жителя.

На севере от Атлона находится деревня Оберн, называемая также Лисгою, где Гольдсмит, родившийся неподалеку оттуда, в Палласморе, провел детство и которую он описал в своей поэме «Deserted Village». На северо-востоке от городка Ненаг, близ Парсонстауна, расположено имение лорда Росса, известного своим огромным телескопом-рефлектором, отражательное зеркало которого имеет около 2 метров в диаметре и более 18 метров фокусного расстояния; его употребляли преимущественно для наблюдения туманных пятен: с помощью этого гигантского инструмента астрономам удалось разложить на отдельные светила некоторые группы звезд, как, например, группу в созвездии Ориона, в которых оба Гершеля видели лишь простые бесформенные скопления светящагося вещества.

Лимерик, бывший долгое время третьим городом Ирландского королевства, снизошел на степень четвертого, хотя он служит приморским рынком для всего бассейна реки Шаннон. Движение судоходства в Лимерикском порте в 1894 году (не считая каботажных судов с балластом) выразилось следующею цифрою: в приходе 572 судна, вместимостью 183.853 тонны; ценность привоза: 567.159 фунт. стер. После большого голода, Лимерик в значительной степени утратил свою важность, вследствие обеднения и опустения окрестных деревень, так что и теперь еще даже в середине города можно видеть дома, новые по времени постройки, но покинутые и наполовину развалившиеся; по перевозке товаров в Англию он не может соперничать с Корком и Дублином, по причине большого обхода, который суда принуждены делать на юго-западе от опасных полуостровов Керри. В городе есть несколько любопытных остатков старины, между прочим, стены и башня древнего замка, которые стоят близ левого берега Шаннона, возвышаясь над домами так называемого «английского города», соединенного посредством мостов с другими кварталами Лимерика. Важнейшие отрасли местной промышленности—рыбная ловля, приготовление солонины, мукомольное производство, выделка полотен и холста, фабрикация кружев и перчаток. Суда больших размеров, имеющие до 6 метров водоуглубления, могут подниматься вверх по реке до Лимерикских доков. На севере от Лимерика ветвь лимана направляется к городу Эннис, главному пункту графства Клер, и по обоим берегам следуют один за другим несколько маленьких портов. Один из портов, Кильрош, место морских ванн, посещаемых многочисленною публикою, соединен железною дорогою с берегом Кильки (Kilkee), который омывается не заливом, а водами Атлантического океана.

На юге от реки Шаннон лежит город Трали (Tralee), который завладел частью торговли, принадлежавшей прежде Лимерикскому порту; движение судоходства в порте Трали в 1882 году, не считая каботажных судов с балластом, выразилось следующею цифрою: в приходе и отходе 423 судна, вместимостью 60.350 тонн. Вместе с Килларнеем, куда наплыв иногородных посетителей, беспрестанно приезжающих и уезжающих, привлек несколько тысяч жителей, Трали единственный город графства Керри, хотя эта провинция очень богата обширными глубокими и хорошо защищенными от ветров гаванями, которые могли бы дать пристанище целым флотам. Тамошние пляжи приносят только ту пользу, что доставляют в обилии песок, который, впрочем, высоко ценится и вывозится в большом количестве для удобрения соседних земель. Наиболее известное поселение на юго-западном берегу находится на маленьком острове Валенция, который еще недавно посещался только судами, приходившими забирать грузы аспидного камня. Здесь в 1858 году был погружен первый трансатлантический кабель, и отсюда были обменены между обоими континентами первые слова мира и добрых пожеланий. В настоящее время уже восемь телеграфных проволок соединяют утесы Валенции с американскими берегами. Кроме того, этот островок замечателен как исходная точка большой дуги параллельного круга, измеренной через весь Старый Свет до Владивостока.

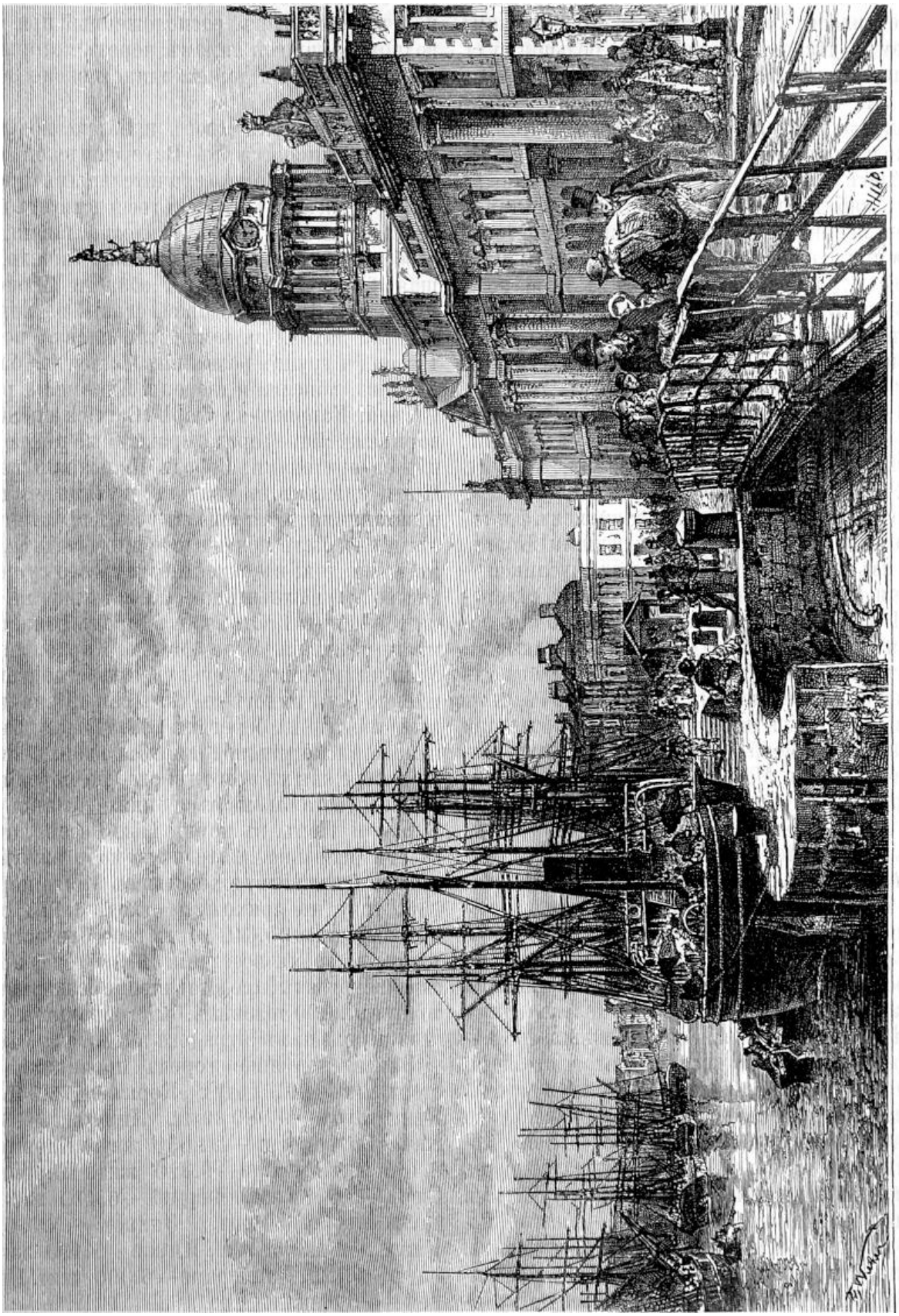
Бентри, расположенный на берегу бухты того же имени, в которой должно было, в 1796 году, высадиться четырнадцатитысячное войско под начальством Гоша, имевшее назначением поднять Ирландию против английского владычества, представляет незначительное местечко, посещаемое только рыболовами да живописцами; Скибберин, ближайший город к Кап-Клир, острововидному мысу юго-западной части Ирландии, имеет небольшую гавань, доступную лишь каботажным судам; Балтимор, который дал свое имя одному из величайших городов Нового Света, сам не имеет никакого значения: это—простая рыбацкая деревня, которую в прежния времена нередко грабили варварийские морские разбойники. Первый город, достойный этого названия, который мы встречаем на южном берегу, направляясь к востоку,—Кинсель, расположенный при устье реки Бендон: так же, как и Галвей, этот город сохранил еще много зданий испанского стиля, относящихся к той эпохе, когда самый порт принадлежал Испании; в продолжение двух слишком столетий, именно с 1381 по 1601 год, галицианцы и кастильцы поддерживали частые сношения между обоими берегами Гальского моря. Выше Кинселя в бассейне Бендона существует только один город, который был основан в 1608 году и носит имя реки.

Корк, третий город Ирландии по числу жителей и по размерам торгового движения, был в первые столетия средневекового периода пустынною, болотистою местностью, откуда и произошло ирландское название Corroch или «Болото», данное деревушке, которая впоследствии сделалась главным городом провинции Мюнстер. Старый город построен на одном из островов реки Люиг или Ли и соединен несколькими мостами с кварталами, расположенными по обоим берегам. Другие острова заняты гульбищами и садами. Корк—промышленный город; здесь, между прочим, фабрикуются почти все перчатки, известные в торговле под именем «лимерикских». В то же время это—один из центров умственной жизни; в Корке находится одно из высших учебных заведений Ирландии, существует музей и разные ученые общества. Так как глубина реки недостаточна для судов крупных размеров, то гавани находятся ниже Корка, и когда путешественник плывет вниз по лиману р. Ли на одном из многочисленных пароходов, снующих по рейду, перед глазами его проносятся расположенные на берегах, в виде непрерывного ряда, группы жилищ, верфи и мастерские, складочные магазины, станции морских ванн, виллы и дачи. Самый значительный город в низовьях лимана—Квинстаун (древний Cove), который по справедливости можно назвать приморским Корком: здесь останавливаются большие суда, по большей части парусные, потому что портом реки Ли пользуются преимущественно как местом отдыха и снабжения провиантом, а пароходы, которые не боятся противного ветра, пристают обыкновенно в Ливерпуле или в каком-нибудь другом порте Великобритании. Больше половины оборотов внешней торговли Корка приходится на долю сношений с Новым Светом. Движение судоходства в Коркском порте в 1891 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе 2.858 судов, вместим. 704.286 тонн; в том же году к порту принадлежало: 148 судов в 23.781 т. и 558 рыболовных ладей. Заграничная торговля в 1891 г.: ценность привоза—1.298.617, вывоза британских произведений—3.786 фунт. стерл.

Вход в лиман реки Ли защищен фортами. Между селениями, окружающими Корк, одно из наиболее посещаемых публикой—деревня Блярни (Blarney), лежащая на северо-западе и замечательная тем, что от неё получили название ирландские «гасконады»—может быть, потому, что жители этой местности обладают более пылким воображением, чем поселяне других мест, или потому, что они в былые времена, подобно обитателям гасконской деревни Монкрабо, с гордостью присвоивали себе титул «величайших хвастунов и вралей» во всем свете. По преданию, один из камней замка Блярни имеет свойство поселять вечную вражду к правде во всяком, кто прикоснется к нему губами.

Долина реки Блекватер, параллельная долине реки Ли, обширнее последней, но по важности далеко уступает ей: выше лимана мы находим в этой долине только один город, Фермой, который был видным местечком до половины восемнадцатого столетия; Лисмор, бывший университетский город, представляет теперь простую деревню, но деревню, лежащую в

очаровательной местности, где главную достопримечательность составляет старинный замок с зубчатыми башнями и висячими садами,—бесспорно, один из прекраснейших замков в свете. Город, стоящий при устье реки Блекватер, Югаль, имеет лишь небольшую каботаж-



Таможня въ Дублинѣ.

ную гавань: в этом месте через лиман построен мост длиною в 545 метров. В окрестностях этого города сэр Вальтер Ралей в первый раз посадил картофель, вывезенный из Америки клубень, который многие, припоминая большой ирландский голод, называют самым фаталь-

ным подарком, какой был сделан Новым Светом Старому. Земледельцы каждый год вывозят около 300.000 тонн морского песку с берегов около Югаля. На северо-востоке есть другой каботажный порт, Дунгарван, расположенный при мелководном речном лимане, через который устроена шоссейная дорога длиною около 300 метров.

Бассейн рек Сюр и Барро, воды которых соединяются в Ватерфордской бухте, заключает несколько значительных городов: Типперари, над которым господствует издали масса горы Галтимор; Турлес, славящийся в особенности своими ярмарками; Кашель, бывшая резиденция королей области Мюнстер, расположенный у подошвы скалы, на вершине которой находится самая живописная во всей Ирландии группа развалин, «круглая башня» церковь, капелла и дворец; Клонмель, родина Стерна; Каррик-на-Сюре (Carrick-on-Suir)—вот важнейшие города, орошаемые рекою Сюр или её притоками. Город Килькенни, на реке Нор, пришел в упадок, и улицы его полны развалинами, хотя еще в конце прошлого столетия он был почти вдвое многолюднее, чем в наши дни; в окрестностях его существуют весьма важные копи смолистого угля. Ниже на той же реке встречаем город Томастаун, место рождения «отца» Мэтью. Карло, главный административный пункт графства того же имени, есть вместе с тем самый значительный город на берегах реки Барро; барки и плашкоты могут подниматься вверх по реке до набережных этого города, но морские суда должны останавливаться ниже слияния рек Барро и Нор, в порте Нью-Росс, который ведет довольно деятельную каботажную торговлю (движение судоходства в этом порте в 1882 году: в приходе и отходе 1.113 судов вместимостью 95.640 тонн); по близости этого места, во время восстания 1798 года, ирландские инсургенты, представлявшие беспорядочную толпу в 2.000 человек, были обращены в бегство небольшим отрядов английского войска.

Значительнейшие города провинции Мюнстер (в 1891 году): Корк—75.345 жит. Квинстаун—9.080 жит. Лимерик—37.155 жит. Ватерфорд—22.850 жит. Клонмель—8.480 жит. Трали—9.320 жит. Каррик-на-Сюре—5.608 жит. Фермой—6.470 жит. Дунгарван—5.263 жит. Эннис—5.460 жит. Кинсель—4.605 жит. Югаль—5.400 жит. Ненаг—4.722. Типперари—6.390 жит. Килларней—5.510 жит.

Главный порт восточного Мюнстера, Ватерфорд, лежит при реке Сюр, через которую построен мост о 39 арках. По замечанию Теккерея[1], весьма значительная часть населения этого города и теперь еще заслуживает того, далеко нелестного отзыва, который дал о нем один английский придворный поэт, сопровождавший, четыреста лет тому назад, короля Ричарда II в его путешествии по Ирландии: «Watreforde, ou moult vilaine et orde y sont la gente» (Ватерфорд, где население состоит большею частью из подлых и грязных людей). Этот город, где высадился король Генрих II, чтобы принять во владение Ирландию, которая была отдана ему папою, всегда поддерживал частые сношения морем с Англией, и в настоящее время каждый день из Ватерфордской бухты отправляется пароход в английский порт Мильфорд-Гевен, не считая нескольких пароходов, совершающих правильные рейсы из Ватерфорда в Ливерпуль и Бристоль. Движение судоходства в Ватерфордском порте в 1882 году (без каботажных судов с балластом): в приходе и отходе 3.246 судов, вместимостью в 943.715 тонн; собственная торговая флотилия порта состояла из 68 судов, могущих поднять груза 8.825 т. Вексфорд, на восточном берегу, первый по времени укрепленный пункт англичан на почве Ирландии, до сих пор остался по внешнему виду наиболее английским городом на всем острове: и теперь еще существует старинная башня, остаток крепкого замка, воздвигнутого завоевателями. Вексфорд также ведет торговлю с Англией, обменивая свои произведения на английские товары; но бар, заграждающий вход в лиман, и песчаные мели, которыми усеяно дно последнего, не позволяют судам большого водоуглубления подниматься до устья реки Слени, где расположен этот город. Движение судоходства в Вексфордском порте в 1882 году (не считая каботажных судов с балластом): в приходе и отходе 1.101 судно, вместимостью 119.520 т.; рыболовная флотилия: 213 судов в 1.082 тонны.

Кроме Вексфорда, в бассейне реки Слени находим только один город, Еннискорти, име-

1 Irish „Sketch-book“.

ющий некоторое значение. На морском берегу, между городами Вексфорд и Брэй, следуют один за другим городки Аркло и Викло, которые оба отделены от открытого моря песчаными мелями. Аркло, очень оживленная рыболовная станция, занимается преимущественно ловом сельдей и эксплоатацией устричных мелей. В окрестностях двух сейчас названных городков находятся некоторые из прелестнейших пейзажей Виклоуских гор—естественные озера Брэй и Дан и большое искусственное озеро, созданное городским общественным управлением Дублина для снабжения столицы чистою водою, а также слияние вод реки Авока и «Озерная долина», или Глендалок, с её прекрасною «круглою башнею» и древними часовнями, построенными на берегу озера, на покрытой ковром зелени морене.

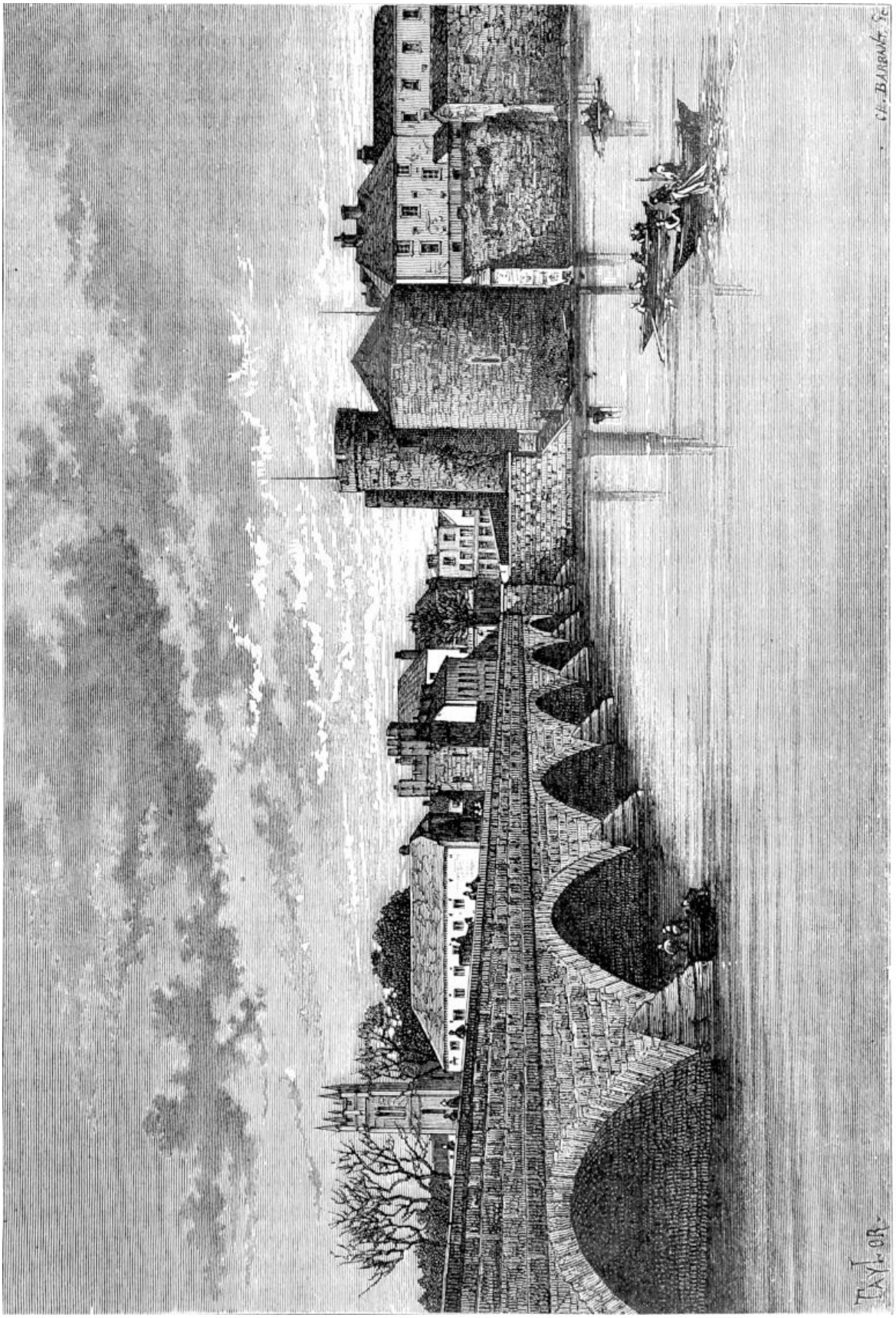
Значительнейшие города провинции Лейнстер (число жителей по переписи 1891 года): Дублин, собственно город,—245.001 жит.; Дублин, с Кингстауном, Блекроком и предместьями,—352.277 жит.; Дрогеда—11.873 жит.; Килькенни—11.048 жит.; Дундальк—12.449 жит.; Карло—6.619 жит.; Нью Росс—5.847 жит.; Брэй—6.888 жит.; Эннискорти—5.648 жит.; Тулламор—4.522 жит.; Аркло—4.172 жит.

В 400 километрах от Гебридских островов, в 500 километрах от Галвейских берегов Ирландии и совершенно вне подводной плоской возвышенности, служащей фундаментом Британских островов, над поверхностью постоянно волнующагося моря возвышается крутая скала пирамидальной формы, называемая Роккаль. Эта скала, которую издали легко принять за корабль с распущенными парусами, по причине беловатого слоя птичьего помета, которым она покрыта, не имеет даже сотни метров в окружности, но она есть не что иное, как выступающая из моря вершина обширного гористого плато, которое ориентировано, так же, как и группа Фарерских островов, по направлению от юго-запада к северо-востоку. Это скрытое под водой плоскогорье, отделенное от Великобритании пучинами в 2.000 метров глубины, тянется на глубине средним числом в 200 или 300 метров ниже поверхности и составляет, как кажется, остаток прежнего материка, смытого волнами. В некоторых местах на нем открыли раковистые отложения на большом протяжении; кроме того, обширный слой рыбьих костей занимает там значительное пространство: эти слепившиеся органические остатки могли образоваться не иначе, как на морском берегу, и, следовательно, присутствие их свидетельствует о понижении уровня дна, происшедшем в этой части моря. Рыба во множестве собирается вокруг островка Роккаль; но отдаленность от большего берега, опасности плавания в бурной северной Атлантике пугали моряков, которые до недавнего времени не отваживались пускаться в эти области моря. Только в 1860 году шотландские рыболовы поняли важность «Калифорнии», находящейся в открытом море против их берегов, и теперь они ходят туда ловить треску, которая отвозится живой на рынки Лондона и других городов Великобритании. Этот атлантический подводный камень и окружающие его мели принадлежат отныне Англии не как политические владения, но как продовольственные заводы.

XIV. Статистика Соединенного королевства

До начала нынешнего столетия народонаселение Британских островов было известно лишь приблизительным образом, посредством общих исчислений, основанных на числе дворов или дымов и на результатах сбора налогов. В продолжение всей средневековой эпохи приращение числа жителей могло совершаться лишь в весьма незначительных размерах; недостаток хороших путей сообщения, плохая обработка почвы, первобытное состояние промышленности, частые войны, незнание гигиены—все это мешало быстрому увеличению народонаселения, и не редко случалось, что голод в несколько месяцев уносил в могилу больше людей, чем сколько их прибавилось к первоначальному числу в период жизни целого поколения. Вероятно, что в начале семнадцатого столетия население Британских островов, в то время еще не соединенных в одно государство, не превышало девяти миллионов

душ. С той эпохи приращение шло непрерывно, благодаря устройству хороших дорог и постоянному развитию и увеличению внешней торговли: при этих условиях продукт хороших урожаев мог равномерно распределяться по разным частям страны, и новые рессурсы дава-



Томандскій мостъ и замокъ короля Ивана въ Лимерикъ.

ли средства к существованию большему против прежнего числу человеческих жизней.

В 1801 году, когда в первый раз произведена была оффициальная народная перепись,

общее население Британских островов оказалось состоящим из 16 миллионов душ; с того времени оно более чем удвоилось, как видно из следующей сравнительной таблицы:

Население Британских островов:

	В 1801 г.	В 1871 г.	В 1891 г.
	Ж и т е л е й		
Англия и Валлис	8.892.500	22.712.250	29.002.525
Шотландия	1.608 400	3.360.000	4.025.647
Ирландия	5.395.500	5.411.500	4.704.750
Мен и Нормандские острова	100 000	144.650	147.842
	15.996.400	31.628.400	37.880.764

В наши дни годовой прирост народонаселения составляет около 350.000 душ; ежедневная прибавка к числу жителей достигает тысячи, и не заметно никаких признаков, которые указывали бы на замедление в росте народонаселения. Британские острова принадлежат к числу государств с наиболее густым населением. Англия в собственном смысле имеет больше жителей на каждый квадратный километр, чем всякая другая страна Европы, за исключением только Бельгии, как видно из следующей сравнительной таблицы.

Среднее число жителей на 1 кв. километр в 1891 г.: Англия и Валлис—192; Шотландия—51; Ирландия—56; Соединенное Королевство—120; Бельгия, страна с густым населением—209; Российская империя, страна с редким населением (1893 г.)—5,6.

Как вообще во всех торговых и промышленных странах, возрастание населения в Великобритании идет гораздо быстрее в городах, нежели в сельских округах: в этом отношении собственно Англия и в особенности Шотландия занимают исключительное положение между европейскими нациями. С давнего времени горожане в Великобритании многочисленнее, чем деревенские жители, и разность с каждым годом увеличивается в пользу первых: из девяти обитателей страны пять живут в городах. Один Лондон заключает в себе пятую часть всего населения Англии и княжества Валлийского; в Шотландии точно такое же числовое отношение существует между городом Гласго и остальным королевством. Можно предвидеть время, когда сельские округа, усеянные не деревнями, а земледельческими фабричными заведениями и группами вилл и дач, превратятся просто в предместья городов. С одной стороны, земледельцы, сделавшиеся механиками или заводскими мастеровыми, все более и более уподобляются городским рабочим и, как они, легко переходят с одной фабрики на другую; с другой—горожане, которые приезжают в деревню на время, чтобы провести там несколько недель или даже месяцев, и число которых увеличивается с каждым годом, сохраняют в городах свое постоянное местопребывание, и нравы этих временных жителей деревни составляют совершенный контраст с нравами поселян в собственном смысле. Не говоря уже о многочисленных поселках, которые были уничтожены владельцами обширных имений, ради своих выгод или просто из каприза, многие деревни сами собой опустели в период жизни одного или двух последних поколений; даже в Ирландии, во всей почти Верхней Шотландии, в гористой части Нижней Шотландии, и в некоторых земледельческих графствах Англии, эмиграционное движение сельских жителей к промышленным городам приняло столь значительные размеры, что оно превзошло естественный избыток числа рождений над числом смертных случаев, и общее население округа, считая в том числе даже и города, уменьшилось. Хотя плодовитость браков одинакова в различных графствах, население, однако, возрастает медленно или уменьшается в юго-западной части страны и в других земледельческих графствах, тогда как оно быстро увеличивается в Лондоне и в промышленных провинциях севера, как показывают следующие статистические данные:

Возрастание народонаселения в Англии, за время с 1871 до 1881 года: Северные графства—19%; Иоркшир—18,48%; Северо-Западные графства—21,25%; Лондон—23%; Центральные графства—12%; Восточныя графства—10%; Юго-Западные графства (убыль)—1,4%.

Произведенные до сих пор частные переписи относительно ежегодного переселения, сделанные по месту рождения жителей, доказывают, что притяжение больших центров торгов-

ли и промышленности действует не на менее важные города, но непосредственно на сельские общины. Некоторые графства (shires), где редко встречаются значительные фабричные заведения, имеют больше представителей в Лондоне, нежели в собственном главном городе; не находя притягательного фокуса в своем округе, жители деревни устремляются или в Лондон, или в какой-либо другой большой город, торговый или мануфактурный. Между тем как в некоторых графствах Ирландии, как, например, в Керри, Майо, Донегале, жители, родившиеся вне их пределов, не достигают и двадцатой части населения, и почти на всем остальном пространстве острова так же, как и в земледельческих графствах Англии, население местного происхождения составляет по меньшей мере четыре-пятых общего числа постоянных жителей, другие графства, Мидльсекс, Глеморганшир, Дургам, Нортумберленд, Ланкашир, Ланаркшир, изобилующие торговыми городами или каменноугольными копями, получили из других провинций более пятой части или даже более четверти своих жителей[1]. К различным причинам, которые во всех странах Европы гонят в города население деревень, в Англии присоединяется еще одна особенная: это—господствующий там порядок землевладения и вытекающее из него социальное состояние. В обширных наследственных имениях крупных английских помещиков все определено и назначено заранее,—участь и образ жизни арендаторов и работников так же, как и употребление почвы. Уходя в Лондон или какой-нибудь другой многолюдный город, сын землепашца освобождается по крайней мере от постоянного надзора агентов господина,—он опять приобретает себе волю. В новом его отечестве шансы неудачи, правда, многочисленнее, но зато там и шансов успеха больше: жизнь его на чужбине делается более драматической, перипетии её получают более трогательный характер, если только он не впадает в тяжелую нужду, как это часто случается с фабричными рабочими.

Само собой разумеется, смертность горожан, в среднем выводе, превышает смертность деревенских жителей; отравленный городской воздух, которым они дышат, естественно должен сокращать их жизнь; однако, есть очень много городов, и между ними Лондон, где процент смертности не выше, чем в иных сельских округах. Это объясняется отчасти тем, что в городах находятся общественные заведения, где, благодаря соблюдению требований гигиены, годовое число умирающих низведено до наименьшей нормальной величины, и может быть даже, как ни странно это кажется, в Пертской тюрьме человек более чем где-либо огражден от всякого риска преждевременной смерти. Впрочем, при одинаковости всех других условий, смертность каждого города прямо пропорциональна степени нечистоты употребляемой для питья и варки воды, и в то время, как богатые города имели возможность достать себе превосходную воду, устроив обильные резервуары на плоскогорьях или в возвышенных долинах гор, соседния деревни принуждены довольствоваться жидкостью, какую дают ручьи, постоянно отравляемые стоком нечистот из городских фабрик. Кроме того, весьма значительная часть городского населения, даже в среде мелкой буржуазии, может каждый год доставлять себе удовольствие и обновление сил, которое приносят путешествия и пребывание в какой-нибудь здоровой местности в горах или на берегу моря. Города и деревни, рассеянные по берегам живописных озер Кумберленда и Шотландии, каковы: Лох-Ломонд, Лох-Кетрин, Лох-О, Реннок, Эрикт, могут быть названы «предместьями Лондона»[2]. То же самое нужно сказать о Брайтоне и всех городах с морскими купальнями, следующих непрерывным рядом по берегам Ламанша, Северного моря, Ирландского канала. Мальверн, Челтенгам, Лимингтон и проч., можно сказать, построены специально для того, чтобы доставлять зажиточным англичанам удовольствие, комфорт, здоровье. Иной город с морскими купальнями поражает своей истинно царской пышностью; во внутренности роскошных палаццо везде позолота, мрамор, дорогие ковры, редкие цветы, тогда как снаружи, подле этих дворцов, высятся величественные утесы и расстилаются морские берега, покрытые мелким песком.

1 Dunant, „Influence de l'immigration de la population des campagnes dans les villes“.

2 N. Hawthorne, „English Note-Books“.

На Британских островах ежегодное увеличение населения происходит исключительно от избытка числа рождений над числом смертных случаев, и это увеличение было бы еще гораздо сильнее, если бы эмиграция не отнимала каждогодно значительной доли излишка. Даже в Ирландии, где, однако, народонаселение уменьшается с каждым десятилетием (с 8.295.000 в 1845 г. оно уменьшилось до 4.704.750 душ в 1891 г.), рождаемость постоянно, со времени большого голода, превышала смертность, как видно из следующей сравнительной таблицы:

Число рождений и смертных случаев на Британских островах:

Англия и Валлис: в 1873 г. 829.778 родившихся, 492.520 умерших; в 1883 г. 889.815 родившихся, 522.662 умерших; в 1891 году 913.836 родившихся, 587.666 умерших. Шотландия: в 1873 г. 119.738 родивш., 76.857 умерших; в 1883 г. 124.462 родившихся, 76.867 умерших; в 1891 г. 125.965 родившихся, 27.949 умерших. Ирландия: в 1873 г. 144.377 родившихся, 97.537 умерших; в 1883 г.: 118.224 родившихся, 96.388 умерших; в 1891 г. 107.883 родивш., 86.053 умерших.

Следующие статистические данные показывают движение народонаселения в Соединенном Королевстве за последнее время:

В 1873 г.: 1.093.893 родившихся, 666.914 умерших, 426.979 переживших; в 1883 г.: 1.132.501 родившихся, 695.917 умерших, 436.584 переживших; в 1891 г.: 1.147.684 родившихся, 701.668 умерших, 446.016 переживших.

В период с 1874 по 1884 г. на каждую 1.000 жителей приходилось ежегодно 33,4 рождения и 20,3 смертных случаев; в 1885 г. соответственно: 31,3 и 18,9; в 1892 году: 29,6 и 19,0.

Число браков, которые дают около девятнадцати двадцатых этого приращения населения, постоянно увеличивалось в Англии и Шотландии, тогда как в Ирландии оно часто уменьшалось от одного года до другого или даже в продолжение нескольких лет подряд: нищета и выселение были причиною того, что брачные союзы в этой последней стране не могли достигать своей нормальной цифры. Вот некоторые относящиеся сюда числовые данные:

Число браков в Соединенном Королевстве:

Англия: в 1869 г,—175.629; в 1876 г,—201.835; в 1891 г.—226.025; Шотландия: в 1869 г.—23.788; в 1876 г,—26.563; в 1891 г.—27.949; Ирландия; в 1869 г.—27.364; в 1876 г.—26.503, в 1891 г.—21.421; вместе: в 1869 г.—226.781; в 1876 г.—254.901; в 1891 г.—275.395.

Впрочем, и на восточном острове далеко не все возмужалое население способствует основанию новых семейств. Нужда и боязнь нищеты удерживают от брачных уз миллионы англичан и англичанок, особенно англичанок, потому что они превосходят слишком на миллион цифру мужчин (по переписи 5 апр. 1891 г.: мужчин—18.381.889, женщин—19.497.396). Хотя число рождений мальчиков обыкновенно на одну двадцатую или на одну двадцать-пятую превышает число рождений девочек, но смертность детей мужского пола гораздо значительнее, и числовое отношение полов сохраняет правильную величину, так что всегда остается избыток женщин. В период с 1841 по 1876 год отношение полов на Британских островах было следующее:

При рождении: 104.811 мальчиков; 100.000 девочек. Во все возрасты: 105.374 женщины, 100.000 мужчин.

Нормальное приращение британского населения уменьшается в весьма значительной степени существованием большего числа холостых и незамужних: если бы все англичане вступали в брак, период удвоения жителей обнимал бы, в среднем выводе, не более двадцати или двадцати-пяти лет, так как на каждый брак обыкновенно считается от четырех до пяти рождений. Сравнивая Англию с большей частью европейских стран, и в особенности с Францией, находим, что браки в ней многочисленнее, заключаются в более раннем возрасте и бывают плодовитее. Англичане женятся все более и более в молодых летах; это обстоятельство, увеличивая их ответственность, делает их более трудолюбивыми, более предприимчивыми, более регулярными в нравах и образе жизни: плодовитость английских браков на целую треть превышает плодовитость французских брачных союзов.

Общая смертность в Англии почти такая же, как и во Франции: обыкновенно ее считают немного меньшею в первой из них; но так как английские документы не констатируют смертных случаев детей в первые пять дней их жизни, то относящаяся сюда статистика этих двух государств, понятно, не может быть сравниваема[1]. Тем не менее, однако, Британские острова должны быть причислены к самым здоровым странам земного шара. По свидетельству медиков, англичанин очень выносliв в болезни: смертность в хирургических палатах английских госпиталей на половину меньше, чем в соответственных отделениях французских больниц. «La chair anglaise differe de la chair frangaise» (английское мясо разнится от французского), говаривал Вельпо. Корь и особенно скарлатина опаснее в Англии, чем на континенте Европы; но по обе стороны пролива главный бич—чахотка: она уносит в могилу около половины мужчин и женщин в возрасте от 20 до 30 лет; для всех же возрастов она причиняет от одной седьмой до одной восьмой общего числа смертных случаев. Замечательно, что два рода болезней, убивающие наибольшее количество англичан, подагра и чахотка, —такие недуги, к которым предрасполагают темпераменты диаметрально противоположные. Между тем, как грудные болезни губят самые деликатные и наиболее утонченные организмы, подагра поражает преимущественно людей сангвинического темперамента, одаренных большою деятельностью тела и духа, «образцовых англичан», отличающихся живым, веселым характером.

Эмиграция похищает у Англии каждый год некоторую—впрочем, весьма незначительную —долю приращения народонаселения, происходящего от избытка числа рождений над числом смертных случаев. Правильное эмиграционное движение началось только после войн первой империи, с 1815 года. Оно постепенно возростало, и в течение десятилетия с 1841 до 1850 года сделалось настоящим библейским исходом: оно грозило превратиться в общее бегство во многих частях Британских островов и особенно в Ирландии. В 1852 году более 1.000 человек в день покидали почву Соединенного Королевства, направляясь по большей части в Северо-Американскую республику; Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Лаплатские государства также получали каждый год, в этот лихорадочный период эмиграции, значительное число англичан, отправлявшихся на поиски нового отечества. После 1852 года эмиграционное движение, которое, впрочем, никогда не превышало годового излишка рождений над смертными случаями, стало постепенно уменьшаться, но около 1870 года опять усилилось, затем снова то уменьшалось, то увеличивалось. Начиная с 1870 года, статистика указывает на обратное явление—возвращение эмигрантов на родину, в 1877 году эти два противоположные течения почти сравнялись; но с того времени иммиграция мало возрасла, а эмиграция более чем утроилась. Как бы то ни было, если временные перемещения, происходящие вследствие путешествий, увеличиваются из года в год, окончательные переселения на чужбину, отъезды без надежды когда-либо вернуться ныне составляют уже исключительные случаи. Вот точные цифры, показывающие движение эмиграции и иммиграции за последние годы, (считая в числе эмигрантов и выселившихся иностранцев).

В 1870 г.: эмигрантов—202.511, иммигрантов—49.151, избыток—153 354; в 1877 г.: эмигрантов—95.195, иммигрантов—81.848, избыток—13.347; в 1883 г.: эмигрантов—320.118, иммигрантов—100.503; избыток—219.615; в 1896 г.: эмигрантов—241.952, иммигрантов—159.913, избыток—82.039.

Эмиграция из Соединенного Королевства: С 1815 по 1820 г.—123.528 лиц; с 1821 по 1830 г.—297.292; с 1831 по 1840 г.—703.150; с 1841 по 1850 г.—1.684.892; с 1851 по 1860 г. 2.287.205; с 1861 по 1870 г.—1.967.570; с 1871 по 1880 г.—1.678.919 лиц; итого 8.742.556 лиц.

Всего с 1815 по 1896 г. эмигрировало из Соединенного Королевства—14.500.812 лиц.

Эти миллионы изгнанников, хотя весьма значительная часть их погибла от болезней по прибытии в заморские страны, сделались родоначальниками других миллионов людей, и потомство их по численности равняется по меньшей мере половине нынешнего населения

1 Bertillon, „Encyclopedie des Sciences Medicales"

Британских островов.

Произведения английской земледельческой промышленности совершенно недостаточны для того, чтобы прокормить все население. Начиная с 1793 года, Англия только благодаря привозу иностранных хлебных продуктов избегает голода. С каждым годом закупки хлеба в зерне и муке заграницею становятся все более и более значительными; ограниченное своими собственными рессурсами, отечественное земледелие могло бы прокармливать жителей страны только в продолжение периода, исчисляемого для неурожайных годов в четыре месяца, для урожайных—в шесть с небольшим месяцев. Количество пшеницы и пшеничной муки, потребляемой в Соединенном Королевстве (средний вывод за девять лет, с 1875 до 1884 года): 72.098.900 гектолитров, что составит по два гектолитра 8 литров на каждого жителя. А между тем в Англии культура хлебных растений дает сравнительно наибольший сбор,—сбор, который в два и даже в три раза больше тех, какие получают земледельцы во многих государствах континента Европы, как видно из следующей таблицы[1]:

Средний сбор с гектара в гектолитрах:

Великобритания—26,0 пшен., 30,0 ржи, 34,0 ячм., 40,0 овса, 32,6 средн, сбор; Ирландия —20 пшен., 18,5 ржи, 31,6 ячм., 32,9 овса, 25,7 средн. сбор; Франция—15 пшен., 13,8 ржи, 18,1 ячм., 22,1 овса, 16,7 средн, сбор; Португалия—11,5 пшен., 7,4 ржи, 14,3 ячм., 16,0 овса, 10,8 средн. сбор.

Но эта сравнительно огромная доходность английских полей недостаточна, однако, для уплаты процентов на затраченный капитал, и потому английский земледелец предпочитает утилизировать почву для производства травы. Влажный климат облегчает это преобразование поверхности Англии в беспредельные луга: западная область, наиболее обильно орошаемая дождями, есть в то же время область, прокармливающая наибольшее количество скота[2]: это—по преимуществу страна лугов и пастбищ (grazing country); восточные же графства, где климат менее влажный, остались до сих пор страною хлебопашества (corn country): в этой области произрастают главным образом хлебные злаки, бобы и горох. Около сотни лет тому в Англии, как известно, совершился экономический переворот, состоявший в переходе от преобладавшего до того времени в народном хозяйстве земледельческого порядка к системе по преимуществу промышленной. В первые две трети семнадцатого столетия она еще отправляла заграницу много хлебных продуктов; затем она стала больше ввозить, чем вывозить, хлеба, и с каждым десятилетием её закупки пшеницы заграницей все более и более увеличивались; начиная с 1851 года, она совсем перестала продавать этот продукт: теперь пшеница, которую она производит, вся до последнего зерна необходима ей для собственного потребления. Вот некоторые относящиеся сюда статистические данные:

Избыток ежегодного отпуска пшеницы из Англии с 1700 по 1770 г.—41.900 тонн; избыток ежегодного привоза пшеницы в Англию с 1777 по 1780 г.—5.900 тонн; с 1780 по 1800 г. —100.000 тон.; с 1840 по 1850 г,—600.000 тон.; с 1850 по 1870 г.—2.000.000 тонн; с 1870 по 1880 г.—2.600.900 тонн.

В 1893 году Великобритания ввезла из-за границы 65.462.000 центнеров пшеницы и 20.408.000 цента, пшеничной муки.

Кроме лугов естественных и искусственных, и полей, засеваемых хлебами и другими мучнистыми растениями, некоторая часть территории Британских островов употребляется для разведения промышленных растений, между которыми главное место занимают хмель в южной Англии и лен в Ирландии; но эти роды культуры имеют относительно неважное значение. Сахарная свекловица не возделывается, хотя почва и климат Англии, без сомнения, так же пригодны для этого растения, как почва и климат Бельгии или Северной Германии. Английское земледелие не отличается большим разнообразием: поля там не представляют разноцветных прямоугольников, какие мы видим летом во Франции и в других странах мел-

1 „Statistique Internationale de l'agriculture", 1876.

2 William Howitt, „The rural and domestic life of Germany".

кой земельной собственности; благодаря этому обстоятельству, природа на Британских островах могла сохранить свою первоначальную красу, несмотря на вмешательство человека; по крайней мере её волнистые очертания и её общие линии не испорчены здесь бесчисленными границами мелких земельных участков, окрашенных в разнообразные цвета. Что касается древних лесов, то они большею частию исчезли с лица земли, но зато теперь обширные парки тянутся вокруг всех замков, группы величественных деревьев возвышаются там и сям среди лугов, и многие деревни окружены фруктовыми деревьями, густая листва которых очищает атмосферу и регулирует падение дождевых вод, как это делали прежние леса. Начиная с половины текущего столетия, обширные пространства ландов, особенно в гористых местностях Ирландии и Шотландии, были засажены соснами и другими хвойными деревьями; в некоторых имениях разростаются молодые леса, заключающие до пятидесяти миллионов деревьев. Хотя Англия одна из стран, где обработка почвы производится наиболее тщательным образом и вообще земледелие доведено до высокой степени совершенства, в ней, однако, можно еще встретить, так же, как в Верхней Шотландии и Ирландии, значительные пространства земли, не представляющие ничего, кроме вереска, дрока и шиповника. Эти пустоши покрывают не только склоны высоких гор, где воздух слишком холоден для того, чтобы могли вызревать плоды, но даже равнины и скаты холмов, где средняя температура вполне достаточна для обыкновенных культурных растений. Так, например, в графстве Корнуэль, где принц Валлийский владеет обширными имениями, предназначенными для охоты, количество земель, оставленных как убежище для дичи, составляет около двух третей всей территории этой провинции. По родам культуры земледельческая территория Британских островов была распределена в 1884 году следующим образом:

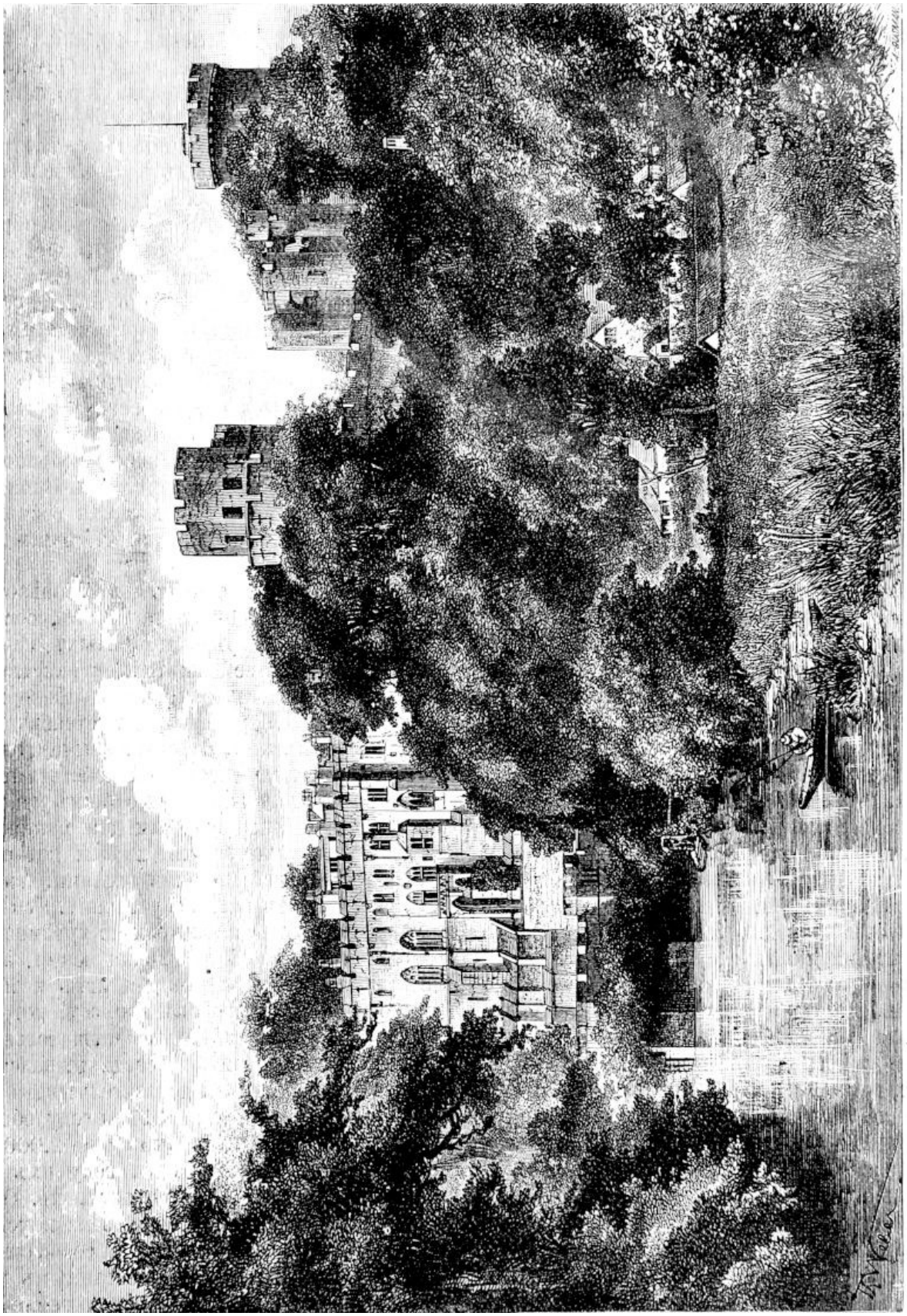
Хлеба—4.091.826 гектаров; Green crops (картофель, свекла, капуста и т.п.)—1.915.320; луга искусственные—2.586.365; луга естественные—10.384.951; лен—40.565; хмель—28.022; леса и фруктовые сады—1.128.674; пар 324.984; города, каналы, дороги, невозделанные земли—10.977.088 гектаров.

Общее количество пахатной и луговой земли увеличивается с каждым годом, вследствие постепенной расчистки земледельцами земель, которые до сих пор оставались необработанными; так, в период с 1870 по 1885 г. увеличение культурной земли в Великобритании (без Ирландии) составляло 832.780 гектаров. Но около одной трети Британского архипелага остается еще завоевать для сельского хозяйства, или посредством луговодства, или посредством разведения древесной растительности. Пропорционально пространству, Британские острова имеют больше необработанных земель, чем другие страны Западной Европы, взятые вместе; эти земли составили бы площадь более обширную, чем вся Ирландия.

Общины владеют еще в одной только Англии слишком миллионом гектаров, состоящих, по крайней мере на две пятых, из хороших пахатных земель: эти пространства, которых было бы достаточно, чтобы прокормить полмиллиона людей, употребляются теперь только для пастьбы скота. Законы и обычаи, благоприятствующие индивидуальной собственности, еще не позволяют жителям общин утилизировать эти земельные участки для рациональной культуры; а помещики, имения которых смежны с этими общинными землями, каждый год урывают от них по кусочкам. Успеют ли городские и сельские жители по крайней мере сохранить за собой те клочки земли, которые нужны им, как поля для игр и места для прогулки? Вот важный вопрос, который обсуждается в прессе и в совещательных собраниях, и который не всегда решался в пользу общин, лучшим доказательством чего служит тот факт, что в 1700 году общинных земель в Англии было еще 2.000.000 гектаров, тогда как в 1874 году их уже насчитывали только 625.100 гектаров. Однако, английские общины, теряя землю, успели все-таки почти везде удержать за собой старые тропинки, и, благодаря беспрестанным тяжбам и борьбе в судах, деревни земледельческих местностей еще имеют свои прекрасные дороги, которые извиваются по лугам и по берегам речек и ручьев, под тенью густолистых деревьев[1].

1 Hugh Miller, „First impression of England and the English“.

Британские острова—страна крупной земельной собственности. Общее число землевладельцев, как оно установлено новой Кадастровой книгой (Domesday Book), обнародованной в 1876 году, на основании акта парламента, оказалось более значительным, чем предполага-



Варвикскій замокъ.

ли статистики: оно обнимает 972.000 лиц для Англии в собственном смысле и для княжества Валлийского, слишком 1.173.000 лиц для всего Соединенного Королевства, не считая округа метрополии; но нужно принять во внимание то обстоятельство, что владельцы земельных

участков меньших, чем 40 аров, то-есть лица, владеющие лишь местом под их домом и садом, или владельцы, в среднем выводе, восьми с половиной аров, достигают цифры 850.000 слишком и одни составляют три четверти исчисляемых в кадастре земельных собственников. Их участки, взятые вместе, представляют площадь около 60.000 гектаров, то-есть площадь, которая на 12.000 гектаров меньше одного имения герцога Нортумберлендского. Кроме того, крупные землевладельцы, имеющие земли во многих частях Англии вокруг своих старинных родовых замков, как Варвик, или вокруг своих новейших дворцов, как Бленгейм и Чатсворт, перечисляются в каждом графстве, как отдельные лица. Следовательно, можно приблизительно принять в 175.000 число landowners (землевладельцев) Англии[1] и в 200.000 число всех земельных собственников Соединенного Королевства, и цифры эти, без сомнения, очень мало уклоняются от истины. По новому кадастру, две трети поверхности английской почвы принадлежат только десяти тысячам лиц, и средняя величина их имений составляет около 1.300 гектаров, не считая пустошей и необработанных земель, которые также, по большей части, находятся в руках тех же крупных землевладельцев; 91 лицо владели, в 1878 г., 4.765.000 гект., т.е. почти шестой частью всего пространства королевства. В 1873 году разделение почвы на Британских островах (исключая метрополии) представлялось в следующем виде:

	Владеющих менее чем 40 арами	Владеющих более чем 40 арами	Всех вместе
Англия и Валлис	703.289	269.547	972.836
Шотландия	113.005	19.126	132.131
Ирландия	36.144	32.578	68.716
Соединенное Королев.	852.438	321.245	1.173.683

Члены королевской фамилии, церкви, корпорации, университеты Оксфордский и Кембриджский владеют значительной частью этих обширных имений, доход с которых исчисляется оффициальной статистикой гораздо ниже действительного: между тем, как административные документы всегда дают самую низкую оценку, рыночная цена земельной собственности постоянно возрастает, как видно из следующей таблицы[2]:

Увеличение цены земель в период с 1857 до 1877 г.:

Англия—на 21 процент.; Шотландия—на 26 процент.; Ирландия—на 6 процент.

Английское перство, взятое в совокупности, представляет группу землевладельцев самую могущественную, какая только существует в Европе, и это громадное земельное богатство поддерживает и укрепляет его политическую власть в государстве. Перы и пересы владеют во всем Соединенном Королевстве пространством земли в 6.240.000 гектаров, что составит, в среднем выводе, на каждого по 12.000 гектаров и по 625.000 франков годового дохода; при том же, огромные земельные владения, так же, как и колоссальные состояния фабрикантов и негоциантов, всегда считаются дающими право на приобретение перского достоинства. По выражению Гладстона, социальное неравенство составляет религию англичанина.

В Шотландии и в Ирландии земельная собственность еще менее разделена, чем в самой Англии: по новой Кадастровой книге (New Domesday Book), средняя площадь земельных участков оказалась следующею:

Англия—13,76 гектар., вероятный доход:—2.554 франков; Шотландия—57,97 гектар., вероятный доход:—3.535 франк.; Ирландия—118,77 гектар., вероятный доход:—4.879 франков.

В силу недавних законов, вызванных необходимостью устранить хоть сколько-нибудь социальный беспорядок, господствовавший в Ирландии, пространство земельной собственности, составляющее в совокупности шестую часть территории этого острова, перешло в другие руки, и продажа недвижимых имуществ установленной церкви увеличила на четыре тысячи имен список ирландских землевладельцев; кроме того, в скором времени к регистру отдельных собственников прибавятся еще шесть тысяч земельных участков, принадлежащих

1 Cliffe Leslie;—L. de Lavergne, „Economie rurale de l'Angleterre“.

2 James Caird, „The Landed Interest and the Supply of Food“.

также церкви и которые почти все куплены бывшими арендаторами. Но в Шотландии порядок землевладения до сих пор не был изменен вмешательством парламента, и число земельных собственников, если не брать в рассчет простых владельцев домов и садов, не превышает там 8.000; некоторые помещики одни владеют столь обширными пространствами земли, что не могли бы, с высоты своих гор, окинуть взором все их протяжение, и между прекрасными озерами Шотландии есть много таких, которые находятся целиком в пределах одного парка; треть территории принадлежит 26 лицам.

Хотя население Британских островов со времен нормандского нашествия возросло в огромной степени, но число отдельных недвижимых имуществ, по всей вероятности, уменьшилось с той эпохи, когда Англия была разделена между дружинниками Вильгельма Завоевателя. Старая Кадастровая книга (Bomesday Book), хранящаяся в государственном архиве (Record Office) в Лондоне, насчитывает в Англии, без княжества Валлийского и пяти северных графств, 9.271 владельца ленов, прямых или косвенных, и 44.531 владельца «свободных земель», обязанных нести военную службу или платить определенную ренту за почву, которую они занимали. Вилланы, в числе 108.406 душ, составлявшие особый класс, отличный от класса горожан и класса крепостных, первоначально были, правда, не более как временные поселенцы, и помещики могли прогонять их с земли по своей прихоти; но мало-по-малу их право пользования превратилось в законное право, они оставались из поколения в поколение хозяевами почвы, уплачивая подати и аренду; эти-то вилланы и образовали то сильное yeomanry, которое так много способствовало развитию в средневековом английском народе солидности и сознания собственного достоинства. При том саксонский обычай, признававший деление имущества равными долями между детьми и который сохраняется еще до сих пор в некоторых частях Англии, между прочим, в Кентском графстве[1], должен был увеличивать, даже после завоевания страны, число крестьян-собственников. По свидетельству Маколея, yeomen'ы составляли седьмую часть населения во второй половине семнадцатого столетия.

Но что сталось с этой «старой» Англией, с её вольными крестьянами и с её деревенскими дворянами? Без сомнения, фабричный рабочий и мелкий рантьер пытаются вырезать на почве квадратик земли, который бы им принадлежал; они применили силу, даваемую ассоциацией, чтобы сгруппироваться в так называемые «строительные общества» (building societies) и завоевать маленькое пространство, на котором могут построить свой собственный дом, возделывать свой собственный сад. Вокруг Бирмингама насчитывают до 13.000 таких мелких землевладельцев. Но крестьянин совсем исчез: вместо него остались лишь батраки и поденщики. Маленькия имения пропадают в больших. С одной стороны, закон о субституции (entail), не позволяющий наследнику дворянского имения продавать его без согласия своего собственного совершеннолетнего наследника и который на практике соответствует учреждению майората; с другой стороны—общее стремление, побуждающее землевладельцев все более и более раздвигать пределы своих земель, округлять свои имения, уравновешивают и даже перевешивают усилия мелких приобретателей. Во многих графствах земельная собственность средней величины перестала существовать: старые господские усадьбы покинуты или превращены в фермерские дома; так, например, в Дорсетшире насчитывают 129 сельских приходов (из 252), в которых нет ни одного постоянно живущего землевладельца средней руки. Единственная часть Соединенного Королевства, где почва разделена на мелкие имения—это группа нормандских островов, где преобладает французская система землевладения, и где, благодаря этому, население живет в довольстве.

Само собою разумеется, обширные господские имения подразделяются на фермы, и даже эти фермы, вообще говоря, гораздо больше, чем обыкновенно бывают группы участков, принадлежащие французскому землевладельцу. Английские помещики управляют сами, или через управляющих, самыми обширными кусками имения, а остальные земли разделены на фермы, средняя величина которых от 22 до 23 гектаров в Великобритании и от 10 до 11 гек-

1 Shaw Lefevre, „Fortnightly Review", vol XXI, New Series.

таров в Ирландии.

Фермы эти находятся по большей части в руках пожизненных арендаторов; во многих больших имениях даже установляются между семейством сюзерена и семействами его фермеров отношения, напоминающие отношения древне-римских патронов и их клиентов и которые не позволяют землевладельцу налагать слишком тяжелые условия на зависимых от него людей. Он не только не увеличивает арендной платы, но еще употребляет значительную долю своих доходов на улучшение своего имения, на дренаж почвы, на проложение дорог, на постройку общественных зданий[1]. Таким образом установляется владение второго порядка под высшим помещичьим землевладением.

Одновременно с постепенным уменьшением числа отдельных участков английской почвы уменьшается также и земледельческое население, и уменьшается очень быстро. По показанию народных переписей, это население убавилось на одну девятую в период времени между 1851 и 1861 годами и почти на целую четверть в десятилетнее 1861 до 1871 г.: цифра его с 2.084.150 душ упала до 1.833.650, затем до 1.447.500 душ; впрочем, элементы сравнения, как кажется, были распределены неодинаковым образом в эти три эпохи. Число лиц, занимающихся сельским и лесным хозяйством, по переписи 1891 г.: в Англии 1.311.720, в Шотландии 219.985, в Ирландии 925.481. Во всяком случае не подлежит сомнению, что жители деревень все более и более переходят в собственно так называемую промышленность: употребляемые ныне на служение при локомобилях и машинах всякого рода, они производят больше работы через посредство пара, чем сколько делали прежде силой своих рук, и, вследствие того, они становятся все менее и менее полезными и сами способствуют уменьшению своей заработной платы: сделавшись слишком многочисленными для сельского хозяйства, они принуждены искать средств к существованию в копях, рудниках или на фабриках, где их наплыв также содействует понижению цен на труд. Из всех стран Европы Англия соединяет наиболее благоприятные условия для возделывания земли паром, благодаря обилию топлива, дешевизне железа, большому числу опытных рабочих, свойству и системе землевладения. На Британских островах паровые плуги, взятые в совокупности, представляют огромную силу, далеко превосходящую силу всех машин того же рода, употребляемых на континенте Европы, как можно судить по следующим цифрам:

Количество паровых плугов в 1876 году: Британские острова—2.000, Германия—104, Австро-Венгрия—25, Франция (1878 г.)—14, Россия—9, Румыния—7, Италия—3.

По странному контрасту, в то время как площадь лугов на Британских островах не переставала увеличиваться с 1860 года, число сельскохозяйственных животных, в особенности крупного рогатого скота и баранов, уменьшалось до 1877 года, с которого оно опять начало немного увеличиваться; но в период с 1875 по 1885 г. Англия потеряла слишком 4 миллиона животных, дающих шерсть[2]. Количество земледельческого скота в Соединенном Королевстве в 1892 г.:

Лошадей—2.067.549, крупного рогатого скота—11.519.417, овец—33.642.808, свиней (на фермах)—3.265.898.

Ирландия, пропорционально, гораздо богаче скотом, чем восточный остров; но если Великобритания принадлежит к числу тех стран Европы, которые обладают сравнительно малым числом быков и коров, то эти животные выкупают там отчасти свою численную слабость весом и качеством. Для сравнения приводим таблицу, показывающую количество крупного рогатого скота в различных государствах Европы на каждые 100 жителей (в 1881 г.):

Великобритания—19,8, Ирландия—76,4. Франция—30,3, Бельгия—24,7, Голландия—34,8, Швеция—48,8, Австро-Венгрия—36,7, Дания—74,7.

По части скотоводства ни одна страна в мире не может сравниться с Англией, где съумели создать или видоизменить драгоценнейшие разновидности домашних животных, или в

1 De Laveleye, „Patria Belgica", t.1.

2 „Statistical Abstract for the United Kingdom".

отношении силы, или в отношении роста, мяса или шерсти. Сильная дургамская или тисватерская порода коров, с короткими рогами, с белой шерстью; герефордский бык, с белой головой, красновато-бурой масти, животное, которое легко откармливать; северо-девонская порода, отличающаяся красивыми, стройными формами тела, кротким, послушным нравом и очень способная для полевых работ; черный шотландский бык, совершенно безрогий; наконец, породы, дающие превосходных молочных коров, айрширская, суффольская, джерсейская,—заменили почти везде первоначального быка Британских островов, отличавшагося угловатыми членами, выдающимися ребрами, длинными рогами[1]. Точно также породы овец приобрели качества, в высокой степени развитые овцеводами Великобритании: англичане обязаны в особенности Блекуэлю и его соревнователям усовершенствованием крупных овец равнин, с тяжеловесным руном, каковы породы котсвольдская, лейстерская или дишлейская, линкольнская, тисватерская, кентская или ромни-маршская, более смелых овец холмов; каковы породы соут-даунская, суссекская, гемпширская, шропширская и дорсетширская, наконец горных пород чевиотской и шотландских черноголовых (black-faced) овец. Скотоводы континента выписывают также из Англии многие особенные породы свиней, собак и домашней птицы, в особенности кур, называемых dorking. Что касается английских лошадей, составляющих гордость страны, то они как нельзя лучше приспособлены к работе, к которой их предназначают. Норфолькские лошади, необыкновенно сильные и мускулистые, клевлендские и некоторые другие, несравненны, как упряжные животные; другие породы, отличающиеся легкостью форм, живостью, полные огня, особенно удобны для быстрой езды. Англичане могут также отчасти присвоивать себе честь воспитания породы скакунов, хотя они получили ее посредством скрещивания с арабской кровью; но этот триумф не из тех, которые приносят пользу сельскому хозяйству: скакун—это предмет роскоши, животное, употребляемое единственно для общественных зрелищ, называемых скачками. Эпсомские скачки, устраиваемые близ Лондона, привлекают, как известно, бесчисленные массы публики.

Великобритания, одна из первых стран земного шара по степени развития земледельческого производства, стоит, бесспорно, во главе всех государств по размерам горной промышленности: благодаря своей «Черной Индии» (Black Indies), она богаче даже Калифорнии или Мексики. Продукт этой Индии, каменный уголь, дал Англии её великое промышленное превосходство; он сделал ее нацией торговой по преимуществу, он же способствовал в значительной мере приобретению политического господства, которым пользуется эта страна. Сколько столетий, десятилетий или только годов продолжится это превосходство в отношении добывания минерального топлива? Вот вопрос первостепенной важности, от которого в значительной мере зависят судьбы британской нации и решение которого будет иметь огромное влияние на равновесие мира.

Как показали исследования геологов, каменноугольные залежи Британских островов тянулись прежде непрерывными пластами на весьма обширной части территории, но воды и атмосферные деятели, разрушая постепенно все выдающиеся части рельефа почвы, оставили только ныне существующие каменноугольные бассейны, общая площадь которых исчисляется в 23.000 кв. километров, и которые все еще составляют самые значительные и наилучше утилизируемые запасы минерального топлива во всей Европе. Разработываемые, вероятно, со времен римской эпохи,—о чем свидетельствует зола от каменного угля, найденная в очагах древнего Уриониума, и открытые в Виганских копях подземные галлереи, очевидно, предшествовавшие саксонскому вторжению,—английские каменноугольные залежи доставляли уже в семидесятых годах XVII века более 2 миллионов тонн этого топлива ежегодно[2]; сто лет спустя, его добывали уже втрое больше, а с того времени, в течение около ста лет, добыча его увеличилась в двадцать раз; теперь она уже далеко превышает 150 миллионов тонн

1 Wilson, „British Farming".

2 Thomas Wright;—Edward Hull, „The Coalfields of Great-Britain".

в год (в 1880 г.—147, в 1892 г.—182 миллиона тонн). Это громадное количество представляет две пятых всего каменноугольного производства земного шара; в 1860 году пропорция была еще гораздо значительнее: Британские острова извлекали из почвы две трети ископаемого угля, добываемого во всем свете.

Добыча каменного угля на земном шаре, по Нейман-Сналларту:

	Тонн в 1876 году	Тонн в 1882 году
Великобрит. и Ирландия	136.270.675	159.004.000
Германия	49.550.475	65.360.440
Соединенные Штаты	48.273.210	87.639.140
Франция	17.104.800	20.803.330
Бельгия	14.329.575	17.500.000
Австро-Венгрия	13.318.875	17.655.000
Китай	2.965.000	3.000.000
Россия	1.392 880	3.600.000
Другие страны	4.206.410	7.322.370
	287.411.900	381.884.580

Таким образом, несмотря на постоянное возрастание добычи угля, составляющее от 3 до 4 миллионов тонн в год, английские копи имеют уже против прежнего времени менее важное значение в экономии мира, и потому нет ничего удивительного, что, услыхав крик ужаса, вырвавшийся из-под пера профессора Дживонса[1], экономисты Англии не перестают заниматься этим угольным вопросом. Без сомнения, они не имеют причин опасаться совершенного истощения запасов минерального топлива, которые исчисляются в 146 миллиардов тонн, до глубины 1.200 метров; но они могут не без основания бояться быстрого оскудения всех близких к поверхности земли слоев ископаемого угля и возрастания издержек производства, зависящего от поисков минерала на глубинах все больших и больших, сначала ниже 300, а потом ниже 600 метров от поверхности. Уже и теперь некоторые каменноугольные бассейны, например, Кольбрукдэльский, частию покинуты по причине истощения запаса угля; другие бассейны, между прочим, Южно-Стаффордширский, вероятно, будут оставлены к концу нынешнего столетия, а тем временем некоторые страны земного шара, далеко превосходящие Британские острова протяжением своих каменноугольных бассейнов, быть может, приобретут первенствующее значение по торговле минеральным топливом. Для сравнения приводим вычисленные приблизительно площади каменноугольных бассейнов различных стран, по Нейман-Спалларту:

Китай—514.000 кв. километр., Соединенные Штаты—498.245 кв. километр., Индостан—89.950 кв. километр., Британские острова—23.130 кв. километр., Германия—9.252 кв. километр., Франция—4.626 кв. километр., Бельгия—2.313 кв. километр.

Промышленные кризисы отражаются прежде всего на цене топлива, употребляемого фабричными заведениями, и отпуск его заграницу, несмотря на увеличение в количественном отношении, может, однако, представлять гораздо меньшую ценность, как это и случалось в некоторые годы.

Вывоз английского угля: в 1851 г. 3.468.545 тонн, ценность 32.561.825 франк.; в 1861 г. 7.855.115 тон., цен. 104.144.325 франк.; в 1873 г. 12.077.507 тонн, ценность 309.265.950 франков, 1883 г. 22.775.634 тонн, ценность 266.147.975 франк. В 1893 г. было вывезено из Великобритании угля 29 миллионов тонн на сумму около 14.375.000 ф. стерл.

Франция, недостаточно снабженная каменным углем в некоторых частях своей территории, останется, конечно, еще долгое время лучшим покупателем английского топлива (так, в 1893 году во Францию было привезено английского угля 4.567.000 тонн), но другие рынки могут оказаться запертыми для Англии при малейшем перемещении торгового равновесия. Каменно-угольная промышленность одна из тех, которые наиболее страдают от стачек рабочих, вызываемых почти всегда уменьшением заработной платы, и от внезапных приостановок местного производства, происходящих вследствие страшных взрывов так называемого

1 „The Coal Question“, 1866.

рудничного газа, от которых зараз погибают сотни рудокопов. Средним числом, каждый год более 1.000 человек умирают от несчастных случаев в подземных галлереях Великобритании (так, например, в 1871 г. погибло в копях и рудниках 1.075, в 1872 г. 1.060, в 1883 году 1.140 человек); иногда случается, что какая-нибудь община княжества Валлийского или Нортумберленда в один миг теряет все свое мужское население.

Только одна пятая или одна шестая доля каменного угля, извлекаемого из английских копей, употребляется для домашних надобностей и на производство осветительного газа; три четверти идут на удовлетворение потребностей фабрик, судоходства, железных дорог; самая большая часть угля расходуется металлургическими заводами. С эксплоатацией залежей каменного угля в очень многих горных округах Англии соединяется разработка железной руды, и, благодаря соседству в изобилии топлива, эта разработка сделалась важнейшим горным промыслом Британских островов, после добывания угля. Свинцовые рудники Кумберленда, Нортумберленда, Дербишира, Шропшира и других провинций Англии также доставляют значительное количество металла, но относительная важность Корнваллиса, прежде славившагося своими богатыми жилами олова, меди, свинца, сильно уменьшилась в эти последние годы. Общая ценность продуктов горной промышленности Британских островов (в необделанном виде): Каменный уголь(1881 г.)—1.638.208.175 франк. Железная руда (1882 г.)—601.607.600 франк. Свинцовая руда (1882 г.)—18.070.875 франк. Соль (1876 г.)—28.415.700 франк. Глины (1876 г.)—18.605.600 франк. Фосфаты (1876 г.)—15.625.000 франк. Оловянная руда (1882 г.)—24.428.950 франк. Смолистые камни—7.996.300 франк. Медная руда (1882 г.)—6.321.800 франк. Разные продукты (1882 г.)—9.199.975 франков.

Совокупность производства: в 1876 году 1.467.295.650 фр.; в 1873 г. 1.768.074.800 фр.

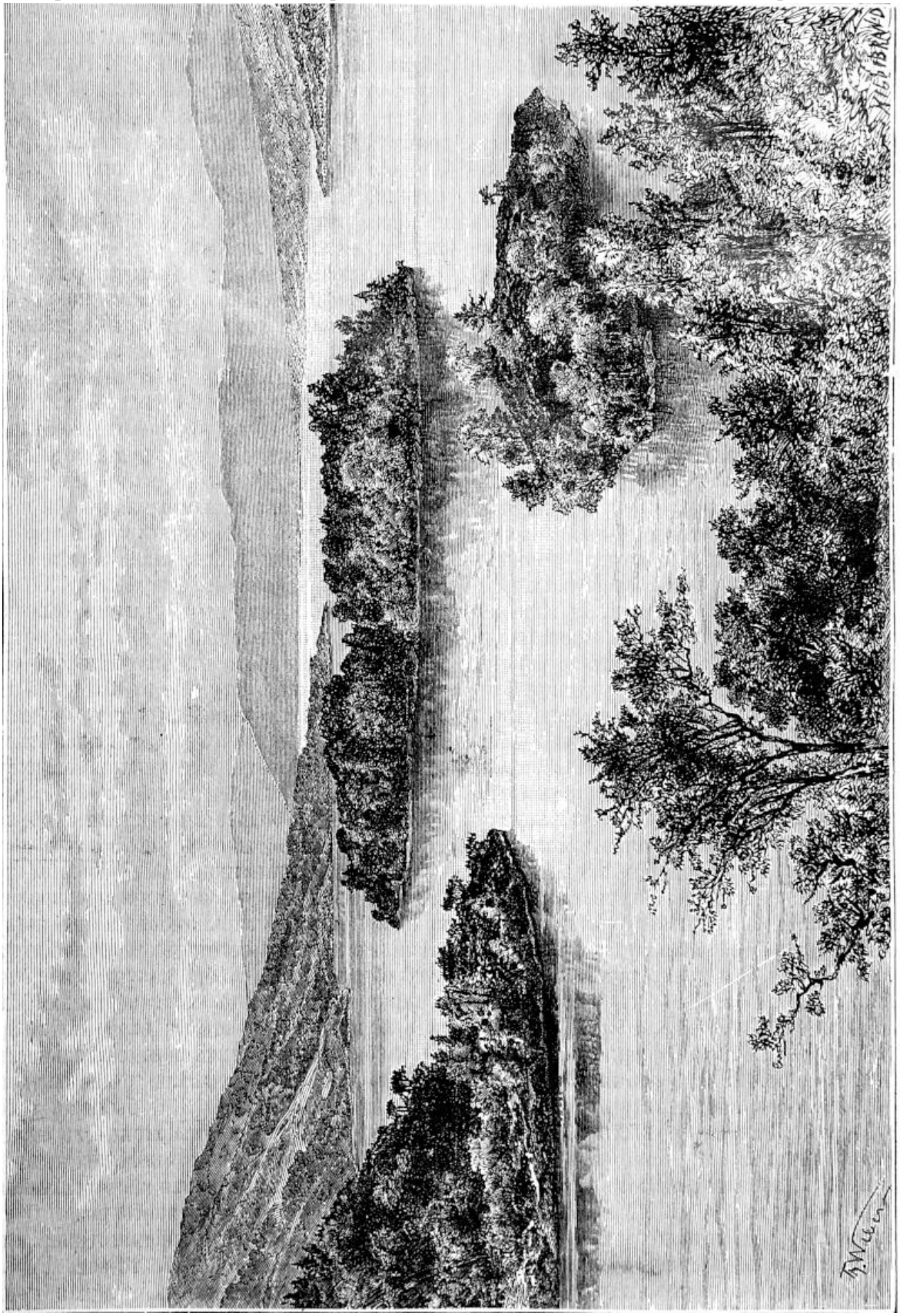
По обработке руд и металлов, так же, как и по эксплоатации подземных богатств, Англия занимает первое место между всеми странами земного шара. В отношении фабрикации железа она даже имеет, пропорционально, более важное значение, чем в отношении добывания каменного угля, ибо половина чугуна, железа и стали, употребляемых человечеством, выходит из английских заводов, как показывает следующая сравнительная таблица:

Производство чугуна в главных промышленных странах света, в 1882 году: Британские острова—8.629.180 тонн; 244 килогр. на кажд. жителя. Соединенные Штаты—5.260.970 тонн; 101 килогр. на кажд. жителя. Германия—3.380.806 тонн; 73 килогр. на кажд. жителя. Франция—2.033.104 тонн; 54 килогр. на каж. жителя. Бельгия—717.000 тонн; 127 килогр. на кажд. жителя. Австро-Венгрия—611.453 тонны; 16 килогр. на кажд. жителя. Швеция—429.946 тонн; 93 килогр. на кажд. жителя. Россия—469.484 тонн; 56 килогр. на кажд. жителя.

Часто повторяют, что благосостояние данной страны измеряется количеством потребляемого ею железа, и хотя цивилизация заключает в себе много других завоеваний, кроме утилизирования металлов, несомненно, однако, что ни одно из них не имеет более важного значения. В 1740 году обработка железа, применявшаяся к количеству руды в четыреста раз меньшему, чем в наши дни, производилась в Англии исключительно при помощи древесного угля. Но вскоре после того начались первые опыты проплавки железной руды с помощью ископаемого угля, и в 1796 году обработка с древесным углем была почти совершенно оставлена. С той поры возрастание промышленности шло изумительно быстро в Англии,—еще быстрее в Шотландии,—и продукт металлургического производства с каждым десятилетием увеличивался на целые сотни тысяч тонн. Доменные печи, чугунно-плавильные и сталелитейные заводы Англии, построенные по большей части таким образом, что имеют возможность употреблять все новейшие усовершенствованные способы производства, были бы в состоянии производить по меньшей мере 8 миллионов тонн железа и стали; но мир не имеет достаточно материального обеспечения, чтобы покупать все, что заводчики предлагают поставлять, и недавно чуть не половина заводов этого рода принуждены были прекратить свою деятельность. В 1892 г. всего насчитывали доменных печей 741, из них только 376 были в действии. Металлургическая промышленность страдает от этого выжидательного положения,

но везде то и дело возникают новые мастерские машин, инструментов, орудий всякого рода.

Англия есть в то же время страна, где с конца прошлого столетия, то-есть с эпохи введения паровых машин, ткацкая промышленность достигла изумительного развития. В 1861



Екатерининское озеро и островъ Елены.

году, Англия одна выделывала ровно половину всех бумажных тканей, производимых на земном шаре; с той поры количество английских бумажных произведений возросло, несмотря на многочисленные колебания, но относительная пропорция её производства уменьша-

лась, так как развитие этой отрасли промышленности шло еще быстрее на континенте Европы и в Соединенных Штатах Северной Америки. Число веретен и переработка хлопка в различных частях света (в 1883 г.):

	Веретен		Килограмм
Британские острова	42.000.000	Переработано хлопка	684.016.000
Континент Европы	22.500.000	Переработано хлопка	623.598.000
Соединенные Штаты	12.600.000	Переработано хлопка	680.000.000
Индостан	1.700.000	Переработано хлопка	120 400.000

В 1891 г. в Великобритании насчитывали 44.504.819 веретен.

Если Англия все еще обладает больше чем половиной общего количества веретен, и таким образом превосходит размерами своего производства все промышленные нации в совокупности, она, тем не менее, должна, вследствие общей конкурренции, замедлять, даже отчасти приостанавливать работу в своих бумагопрядильных и ткацких мануфактурах: ткачи континента Европы отбили у неё многие рынки и фабрикуют лучше некоторые материи; Соединенные Штаты, промышленность которых, покровительствуемая дифференциальными таможенными пошлинами, значительно возрасла, не имеют более надобности покупать бумажные материи в Соединенном Королевстве и даже дерзают посылать свои ткани в самый Ланкашир; даже Индостан—и тот вступает в соперничество с метрополией, поставляя туземцам их бумажное одеяние. Следующая таблица показывает размеры торговли хлопком в Англии в разные периоды:

	Привоз, килогр	Обратный вывоз, килогр	Переработано, килогр
1815 г.	45.045.000	»	»
1820 г.	69.160.000	»	»
1830 г.	120.120.000	»	»
1850 г.	301.930.000	»	»
1860 г.	632.450.000	»	»
1871 г.	809.040.000	164.820.000	644.220.000
1883 г.	786.679.824	112.141,006	674.538.818

В 1893 г. ввоз хлопка в Великобританию составлял 12.650.000 англ. центн.

Превосходство Соединенного Королевства существует также по отношению тканей из пеньки, льна и джута; из всех городов земного шара Бельфаст производит наибольшее количество полотен, а Дунди является главным центром джутовой ткацкой промышленности, хотя он теперь имеет могущественных соперников в Индии, в самых местах производства этого растения. Для сравнения приводим число веретен и ткацких станков для выделки тканей из льна, пеньки и джута, в различных странах (по Нейман-Спалларту):

	Веретен	Станков	
		паровых	ручных
Британские острова (1879 г.)	1,550.637	55 756	
Франция (1880 г.)	738.619	18.821	35.144
Австро-Венгрия (1880 г.)	333.326	1.728	60.000
Германия (1881 г)	327.000	9.558	146.413
Бельгия	306.001	4.755	
Россия (1879 г.)	166.000	3.000	11.460

Точно также в Великобритании, которая, впрочем, занимает одно из первых мест между европейскими государствами по размерам производства овечьей шерсти, выделывается сравнительно наибольшее количество сукон, драпов, саржи и других шерстяных материй, сбыт которых заграницу постоянно увеличивается, в особенности сбыт дешевых тканей невысоких сортов. Производство шерсти во всем свете (по Нейман-Спалларту): Британские острова (1882 г.)—580.750 тонн. Россия—(1878 г.) 177.200 тонн. Франция (1880 г.)—40.216 тонн. Другие страны Европы—113.550 тонн. Австралия (1881 г.)—160.100 тонн. Аргентинская республика (1882 г.)—111.010 тонн. Соединенные Штаты (1882 г.)—105.750 тонн. Другие внеевропейские страны—101.020 тонн.

В отношении шерстяной мануфактурной промышленности Англия все еще имеет некото-

рое превосходство над Францией (особенно по размерам производства коврового товара); так, в 1878 г. фабрики шерстяных материй в Англии и Франции имели следующее количество веретен и станков: Британские острова—5.518.129 веретен, 146.447 механич. станков. Франция—3.022.777 веретен, 35.274 механич. станков. В 1890 г. в Великобритании в шерстопрядильных и ткацких фабриках насчитывалось 3.407.002 веретена, 148.729 механ. станков.

Но что касается фабрикации шелковых тканей, самых дорогих материй, то Англия много уступает своей заламаншской соседке, как в отношении качества, так и в отношении количества. В 1892 году шелковая промышленность в этих двух странах представляла следующие цифры, по ценности:

	Привоз шелка-сырца, франк.	Вывоз шелковых изделий, франк.
Франция	257.675.000	249.219.000
Англия	24.600.000	41.375.000

Кроме шерсти, шелка, конского волоса и главнейших прядильных волокон, Англия перерабатывает еще много других материалов того же рода. Вот статистика ткацких мануфактур Соединенного Королевства и их населения в 1875 году:

Мануфактуры	Мануфактур	Рабочих	Работниц	Вместе
Бумажных тканей	2.655	187.620	291.895	479.515
Шерстяных тканей	2.617	125.338	154.795	280.133
Вязаных изделий и т.п.	556	15.693	12.004	27.667
Тканей из льна	449	37.931	90.528	128.459
Тканей из пеньки	61	2.267	2.944	5.211
Тканей из джута	110	11.532	26.368	37.920
Тканей из шелка	818	13.171	32.388	45.559

Известно, какое важное значение привоз алжирского растения альфа получил в эти последние годы для производства писчей бумаги, еще одного из тех мануфактурных продуктов, которыми измеряют состояние цивилизации данного народа. В 1875 году общее количество приготовленной во всех странах земного шара бумаги составляло 890.850 т.; из этого числа английскими фабриками было выделано 180.000, а французскими 148.000 тонн.

Одни только ткацкия мануфактурные производства дают на Британских островах занятие слишком миллиону людей (в 1890 году в прядильно-ткацкой фабричной промышленности насчитывалось 1.084.630 рабочих), не считая множества пролетариев, которые живут косвенно этой отраслью промышленности. Все промышленное население Соединенного Королевства состоит приблизительно из девяти слишком миллионов человек, не принимая в рассчет семейств рабочих, которые зависят от фабричного труда, не будучи сами заняты в мастерских. Кроме рудников и каменноугольных копей, металлургических заводов, стеклянных и хрустальных фабрик, прядильных и ткацких мануфактур, писчебумажных фабрик, Англия имеет свои фабрики фарфора, тонкого фаянса, эмальированных изделий (относительно которых она признает превосходство только за одной Францией), свои заводы химических продуктов, свои кораблестроительные верфи, и в каждом городе те тысячи всякого рода мастерских, где приготовляются пища, одежда, мебель и т.д. «Английский кирпичник», «шотландский каменщик», «валлийский кузнец», «ирландский землекоп» повсюду трудятся над постройкой городов, фабрик, железных дорог. По вычислению инженера Ферберна, общее число паровых лошадей, употребляемых в Англии, было в 1865 году около 3.650.000, представляя силу равную работе 76 миллионов рабочих. В настоящее же время силу действующих паровых машин нужно считать по меньшей мере равной силе 100 миллионов людей, так что, следовательно, каждый житель Соединенного Королевства, если бы продукты были распределяемы равномерно, имел бы в своем распоряжении трех механических невольников, стальные мускулы которых, приводимые в движение каменным углем, никогда не утомляются. Взятые в совокупности, ежегодные доходы английской промышленности в собственном смысле исчисляются в 12 слишком миллиардов франков; они более чем упятерились с 1815 года, тогда как доходы земельных собственников увеличились слишком в

четыре раза, именно с 900 миллионов франков возвысились до 3.800 миллионов. Что касается задельной платы, получаемой английскими рабочими (средняя величина её составляет от 25 до 40 франков в неделю), то она в среднем выводе превышает на одну пятую плату французских рабочих, по крайней мере на одну четверть плату бельгийских, вдвое больше платы саксонских и втрое больше платы, даваемой итальянскими фабрикантами.

Но заработки английского фабричного люда распределяются очень неравномерно, смотря по роду промышленности, по возрасту и полу рабочих. Невольные прогулы составляют довольно частое явление в некоторых отраслях промышленности, а внезапные понижения задельной платы нередко нарушают равновесие бюджета в хозяйствах рабочих семейств. Женщины, даже дети употребляются сотнями тысяч на работы в прядильных мануфактурах (так, в 1874 году детей моложе 13-ти летнего возраста, работавших на прядильных фабриках, насчитывалось 61.209 мальчиков и 64.677 девочек); и хотя закон принял некоторые охранительные меры по отношению к женщинам и детям, воспретив заставлять их работать более 10 часов в день, тем не менее этот непосильный труд в конце концов ведет к ухудшению расы. Большинство медиков единогласно констатируют факт настоящего физического вырождения в рабочем населении Ланкашира и Йоркшира в последние пятьдесят лет: пропорция детей, которые, по достижении 13-ти летнего возраста, делаются неспособными к труду, постоянно возрастает.

Занимая первое место между народами земного шара по обширному развитию промышленной деятельности, Англия в то же время первенствует между ними по размерам своей торговли, как внешней, так и внутренней, её торговый международный обмен представляет, по ценности, почти треть обмена всей остальной Европы: с 1880 года он регулярно каждый год превышает сумму 17 миллиардов франков, не считая торговли драгоценными металлами и громадных барышей, реализуемых посредством перевозки иностранных товаров на английских судах. В 1883 году заграничная торговля Соединенного Королевства выразилась, по ценности, следующими цифрами:

Привоз: из иностранных государств—8.205.251.850 франк.; из английских владений—2.467.037.625 фр.; итого—10.672.289.475 франков.

Отпуск: за границу—908.048.025 франк.; в английские владения—2.086.938.800 франк.; иностранных товаров—1.640.939.995 фр.; итого—7.635.926.750 фр.

Иностранных товаров, перегруженных в портах—292.232.950 франк.; привоз драгоценных металлов—430.595.050 франк.; вывоз драгоценных металлов—410.355.275 франков. Общий итог внешней торговли—19.441.399.500 фр.

В 1896 г.: ввоз—480.607.000; вывоз—3.415.512,000 фунт. стерл.

Германия и Франция, две главные торговые страны на европейском континенте, не имеют, взятые вместе, столь значительного движения внешней торговли, как торговое движение Англии. В период с 1874 г. по 1884 г. торговые обороты Британских островов изменялись, смотря по годам, от 446 до 513 франка на каждого жителя[1], тогда как торговля Франции, средним числом, составляла, по ценности, в 1881 г., только 285 франков на каждого француза.

Самую обширную торговлю британские порты ведут с северо-американскою нациею, родственною английскому народу по языку и отчасти по расе. Затем следует Франция, которую только узкий пролив Па-де-Кале отделяет от береговых утесов Дувра и которая способствует в сильной степени продовольствованию городов Англии, так же, как украшению и снабжению предметами роскоши их зданий. Торговые сношения между этими двумя соседними странами постоянно возрастали, как видно из следующей таблицы:

1 Frederick Martin, „The Statesman's Yearbook"

	Отпуск из из Англии во Францию, франк.	Привоз из Франции в Англию, франк.
1846 г	79 300.000	113.000.000
1850 г	69.500.000	225.600.000
1860 г	251.400.000	493.800.000
1861 г. (торговый трактат)	438.100.000	456.400.000
1883 г	735.233.000	965.900.000

В 1896 г. ввезено из Франции в Англию товаров на сумму 50.105.000; вывезено из Англии во Францию на сумму 14.152.000 фунт. стерл.

После Соединенных Штатов и Франции, Германия, Индостан, Австралия, Россия, Голландия обмениваются с Великобританией наибольшим количеством товаров; но и все вообще приморские страны земного шара видят в своих гаванях английские корабли: Лондон и Ливерпуль служат для них главными пристанями для морского сообщения с остальным миром. Вот важнейшие страны, с которыми Британские острова вели торговлю в 1893 году, и ценность их торгового обмена (в тысячах фунтов стерлингов):

		Привоз в Англию	Вывоз из Англии
Соединенные Штаты		91.784	35.715
Франция		43.658	19.796
Индостан		26.234	29.932
Австралия		29.874	16.981
Германия		26.365	27.954
Нидерланды		28.851	15.746
Россия	северные порты	10.333	8.964
	южные порты	8.242	1.400
Бельгия		16.849	13.016
Китай		3.894	4.699
Британская Америка		13.344	8.561
Швеция и Норвегия		11.987	6.125
Дания		8.937	2.972
Египет		8.845	3.434
Турция	Европейская	1.139	3.197
	Азиатская	3.840	2.994
Испания		10.354	4.183
Бразилия		4.636	8.068
Италия		2.948	5.978

Страна по преимуществу промышленная, Англия должна ввозить из-за границы большую часть съестных припасов и сырых материалов для своих мануфактур: главные предметы её привозной торговли—хлеб в зерне и муке, сахар, чай, вина, хлопок, шерсть, шелк и шелковые изделия, пенька, джут и вообще прядильные волокна, лес, яйца; так, например, в 1893 году она купила заграницей 1.326 миллионов яиц, на сумму 3.876.000 фунт. стерл., преимущественно в Па-де-Кале и в других французских департаментах, соседних с Ламаншем. Но отпускная торговля Соединенного Королевства состоит почти исключительно из каменного угля и из произведений его промышленности, бумажных, шерстяных и полотняных товаров, железа, стали и машин. Следующая таблица показывает ценность важнейших предметов привозной и отпускной торговли Британских островов в 1895 году (в тысячах фунт. стерл.):

Привоз: хлеб в зерне и муке—49.718; хлопок—30.429; шерсть—28.431; сахар—17.898; лес—17.492; чай—10.279.

Вывоз: бумажные ткани и пряжа—63.772; шерстяные ткани—25.125; железо и сталь—21.558; уголь 15.443; машины—15.215; полотняный товар—6.322.

Таможенный сбор, получаемый главным образом с табаку, вин, спиртуозных напитков и чая, простирается до 20 миллионов фунтов, и лондонский порт один доставляет около половины этого громадного дохода. В 1894-95 фискальном году (начинающемся с 1 апреля) доходы английской таможни по этим предметам ввоза представляли следующие цифры (в тысячах фунтов стерл.):

Табак—10.609; спиртуозные напитки—4.392; чаи—3.594; виноградное вино—1.145; кофе —173.

Годовое потребление чая считается самым верным указателем степени благосостояния или стесненного положения английского народа. Вот относящиеся сюда статистические данные:

Привоз чая в Англию в 1893 году (в тысячах английских фунтов):

Из Китая—55.999; из Индостана—115.016; с о. Цейлона—72.631.

Потребление чая в Великобритании в 1843 г. на каждого жителя 553 грамма; 1870—1.725 граммов; в 1885-89 г.г. (среднее годовое)—2.240 граммов.

В последнее время во внешней торговле Великобритании замечается одно весьма важное явление, особенно важное по тем последствиям, которые оно может иметь в будущем: это-уменьшение, по крайней мере относительное, вывоза. Английская промышленность, которая постоянно старается об открытии себе новых рынков сбыта во всех концах света, у дикарей Океании и у варваров внутренней Африки, видит, что в то же самое время для неё постепенно закрываются порты цивилизованных наций, которые прежде покупали у неё почти все её мануфактурные произведения: соперничествующие нации все более и более делаются способными выдерживать борьбу с народом, который научил их своим способам фабричного производства; начиная с 1879 года, Англия продавала, правда, сравнительно с предыдущими годами большее количество бумажных тканей и других материй, железа и машин, но по более низким ценам против прежнего времени. Разность между годовою ценностью привозной и отпускной торговли доходила в иные годы до четырех с половиною миллиардов франков (в 1896 г. превышение импорта над экспортом составляло 139.056 тысяч фунт. стерл., или 3.476.400.000 франков).

Но эта огромная разность между привозом и отпуском, без всякого сомнения, пополняется другими прибылями, кроме прибылей от фабричной промышленности. Избыток привоза вознаграждается главным образом значительными помещениями капитала, которые сделаны англичанами заграницей в иностранные государственные фонды и промышленные процентные бумаги. Заимодавцы-англичане, в одно и то же время смелые и осмотрительные, употребляют свои капиталы на основание и ведение предприятий земледельческих, горнозаводских, промышленных, коммерческих, не только в своих собственных колониях, но и во всех других странах мира, даже в Китае и Японии. Почти все подводные телеграфные линии принадлежат англичанам; рудники и копи Бразилии, железные дороги государств Лаплаты, большая часть сахарных заводов Египта тоже находятся в их владении; в конторах лондонского Сити сосредоточены администрации, управляющие материальною деятельностью людей на половине земного шара, и в банках улицы Ломбард-Стрит скопляются годовые первины плодов этой гигантской работы. Доля дохода, которую Англия взимает каждый год с труда других народов, составляет никак не менее 3 или 4 миллиардов[1].

Кроме того, англичане, понимая, что выгоды мануфактурной промышленности могут уменьшиться или даже совершенно прекратиться, вследствие конкурренции иностранных государств, принялись с успехом за транспортный промысел, предлагая всем народам свои услуги по перевозке грузов: они сделались всеобщими развозителями товаров во всех частях света. Завладев перевозочным промыслом, carrying trade, они извлекают из него весьма значительные барыши, которые, однако, обыкновенно не считаются в исчислении годовых доходов Англии. Коммерческий флот Британских островов представляет собою почти треть европейского торгового флота; вместе с судами своих колониальных владений, Англия имеет флот, который гораздо больше трети соединенного флота всего мира. Вот относящиеся сюда числовые данные:

Торговый флот Соединенного Королевства в 1894 году:

Парусных судов—12.646, вместим. 2.962.000 т.; паровых судов—8.233, вместим. 5.964.000 т.; итого—20.879, вместим. 8.926.000.

1 Robert Giffen, „Recent accumulations of capital in Eugland“.

Торговый флот Британских владений в 1894 году:

Парусных судов—12.180, вместим,—1.172.000 тонн; паровых судов—3.122, вместим.—413.000 тонн; итого—15.302 судов, вместим.—1.585.000 тонн.

Этот огромный торговый флот, экипаж которого состоит более чем из 200.000 моряков, не перестает возрастать из года в год, если не всегда по числу судов, то по крайней мере по их вместимости и скорости хода. По вычислению Ласпейра, средняя вместимость английского купеческого судна в период с 1641 по 1845 год была 139 тонн, а в период с 1871 по 1875 г. она уже возвысилась до 270 тонн. Пароходство постоянно усиливается, и во многих портах паровые суда имеют уже перевес над парусными по числу и в особенности по количеству перевозимых товаров: для перевозки пассажиров парусныя суда теперь уже почти совсем не употребляются. Постройка судов в период с 1870 по 1884 год представляла следующие цифры (не считая судов, построенных для заграничных заказчиков):

Паровых судов: с 1870 до 1877 г.—2.961, вмест. 1.779.892 тон.; с 1877 по 1884 г,—3.676, вмест. 2.704.588 тонн.

Парусных судов: с 1870 до 1877 г,—3.591, вмест. 982.925 тонн; с 1877 по 1884 г.—3.120 вмест. 855.018 тонн.

На кораблестроительных верфях реки Кляйды, которыя считаются важнейшими во всей Великобритании, пропорция парусных судов, по вместимости, до недавнего времени была преобладающею; но теперь там, как и в других портах Соединенного Королевства, доля вновь строящихся пароходов превосходит долю паровых судов, как показывают следующие числовые данные, относящиеся к 1882 г.:

Постройка судов в Соединенном Королевстве:

На верфях Кляйды: 194 парохода, вмест. 182.244 тонны; 65 парусн, судов, вместим. 65.368 тонн. На других верфях: 596 пароходов, вместим. 452.968 тонн; 298 парусн, судов, вместим. 82.471 тонн.

Всего 790 пароходов в 635.212 тонн и 363 парусных судов в 147.839 тонн.

В то же время в английском судостроении деревянные суда постепенно заменяются железными и стальными; в 1882 году вновь строившиеся суда были распределены следующим образом:

Деревянных судов 287 в 14.159 тонн. Железных судов 700 в 668.008 тонн. Стальных судов 159 в 100.407 тонн.

Всего 1.146 в 782.574 тонны.

Коммерческий флот Англии слишком велик для того, чтобы торговля Соединенного Королевства, несмотря на её исполинские размеры, могла употреблять его весь для своих целей. Этот флот рассеян по всем морям земного шара, и в самых портах иностранных государств отбивает перевозочный промысел у местных моряков. Движение судоходства в портах Соединенного Королевства в 1896 году представляло следующие цифры, по флагу судов и их тоннажу (без каботажа):

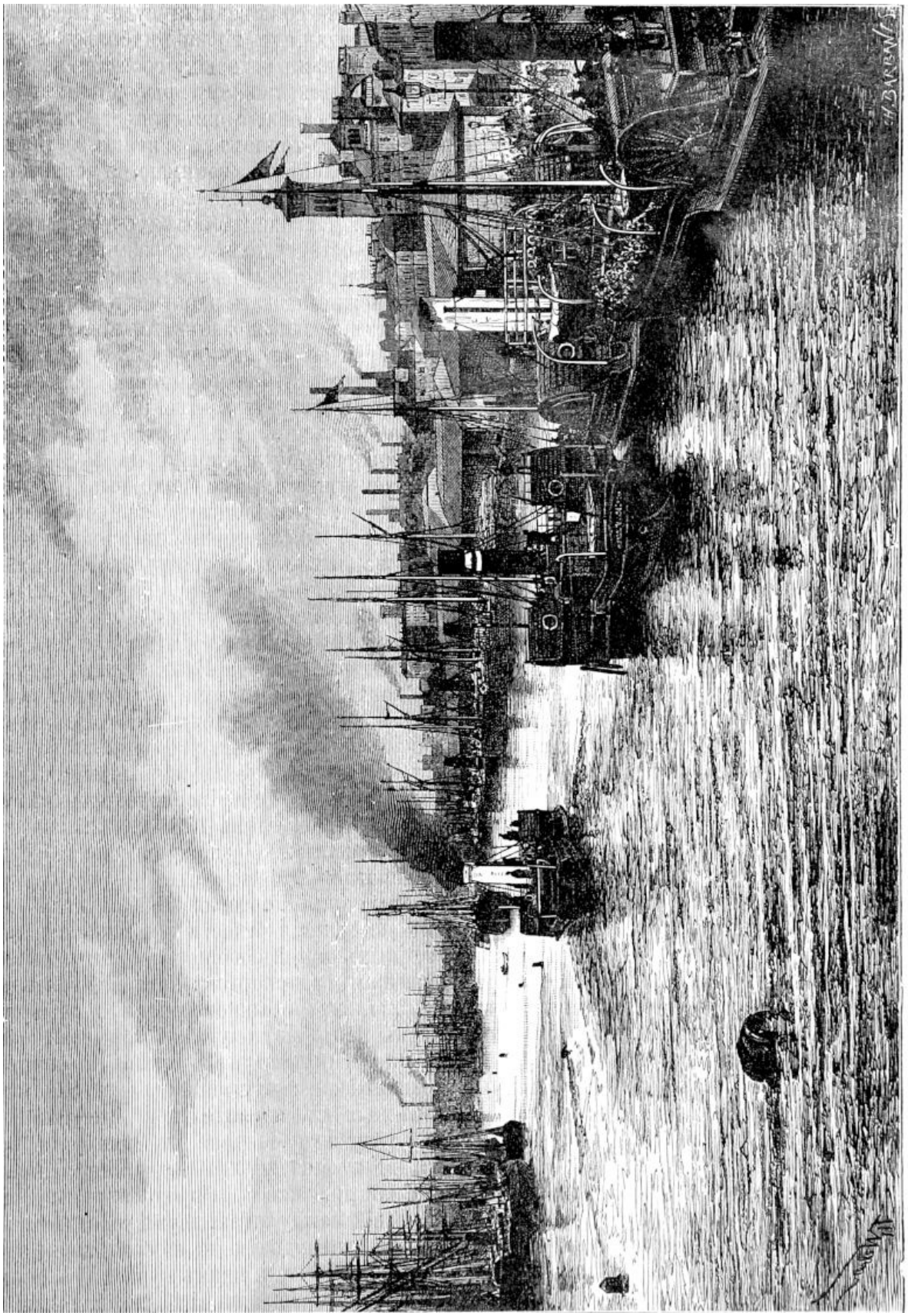
В приходе: британские суда—30.290.000 тонн, иностранные—12.188.000 тонн, всего 42.478.000 тонн; в отходе: британские суда—31.182.000 тонн, иностранные—11.803.000 тонн, всего 42.985.000 тонн.

Когда был прорыт Суэзский канал между континентами Африки и Азии, все думали, что греки, триестинцы, итальянцы, французы извлекут наибольшую пользу из этого нового морского пути. А между тем какой торговой нации канал принес выгоду?—Англии, как это и предсказывал строитель его Лессепс. Она одна имеет обширные торговые интересы в Индии и на крайнем Востоке, и она же, в большей мере, чем даже Франция, располагает громадными капиталами, необходимыми для постройки пароходов, специально предназначенных для плавания по Суэзскому каналу[1].

Вокруг Гебридских и Шетландских островов, в соседстве с уединенною скалой Роккель,

1 Bagehot „Lombard-Street“.

на мелях Ньюфаундленда, у берегов Исландии и Шпицбергена, те же англичане смело завладели всеми обилующими рыбой водами, и некоторые из их портов—как, например, порт Сторновей на острове Льюис—сделались сборными пунктами для сотен рыболовных



Входъ въ Глазговскій портъ.

судов, которые вместе распускают паруса и отправляются на добычу, подобно улетающим стаям морских чаек. Из всех портовых городов Великобритании Сторновей—самый деятельный по рыбной ловле: в этом порте около 4.500 человек снаряжают собственные суда. На бе-

регах Великобритании и Ирландии более 32 тысяч судов, экипаж которых состоит из ста тысяч рыбаков(в 1882 г. рыболовных судов было 32.869, общая вместимость их равнялась 356.120 тоннам, а экипаж состоял из 96.526 человек), занимаются снабжением рыбой рынков Лондона и других больших городов. Наконец, более тысячи двухсот яхт, то-есть судов, содержимых богачами для собственного удовольствия и из которых иные можно назвать пловучими дворцами, дополняют вольный флот Англии. Чтобы увеличить число своих судов, судовладельцы должны заменять не только суда, сделавшиеся негодными к службе от долгого употребления, но также и суда, частию поврежденные или совершенно погибшие на море. Случаи кораблекрушений всего чаще бывают в соседстве с теми портами, к которым направляется масса парусных судов и пароходов, на опасных восточных берегах, в особенности у подступов Гартльпуля, Скарборо, Абердина, Питергеда и на подводных камнях Оркадских и Шетландских островов. Однако, берега Британских островов из всех приморских местностей земного шара наилучше освещены и обставлены бакенами: маяки с огнями устроены на всех мысах побережья и на многочисленных подводных скалах. Число кораблекрушений у английских берегов в 1883 г.: 522; спасательная флотилия: 294 судна; спасено 30 судов, с экипажем 956 челов.

Внутренняя торговля Британских островов измеряется отчасти протяжением искусственных путей сообщения и непрерывным движением транспортов, которое производится по каналам, обыкновенным и рельсовым путям. Подобно тому, как торговый обмен с иностранными государствами постоянно увеличивался, и внутренняя торговля страны возрастала с изумительною быстротой. В 1763 году из Лондона в Эдинбург только раз в месяц ходила одна общественная карета или дилижанс, и продолжительность путешествия между этими двумя городами колебалась от двенадцати до шестнадцати суток. Еще в 1779 году, один курьер в день, путешествуя верхом на лошади маленькими переездами по шести с половиной километров в час, развозил депеши из Ирландии, Ливерпуля, Манчестера и тридцати-двух других городов Англии. Только в 1784 году впервые пришли к мысли заменить почтовыми экипажами этих конных курьеров. До 1755 года в Великобритании не существовало ни одной линии судоходства, да и сухопутные сообщения производились лишь при помощи небольшого числа дорог, худо проложенных и плохо содержимых. От древнего канала, прорытого римлянами, впоследствии восстановленного голландцами и который в новые времена снова был сделан пригодным для целей судоходства, оставался лишь бесполезный ров: это был Фосдайк, «ров» длиною около 17 километров, проведенный на юге от Генсборо, через мало возвышенную равнину, между реками Трент и Витам; в течение веков он превратился в настоящую реку, имеющую, на пространстве от Трента до Линкольна, более одного метра падения[1]. Но в конце прошлого столетия англичане усердно принялись за канализацию своей территории: с 1790 до 1815 года, то-есть в период, занятый самыми ожесточенными войнами с Францией, они израсходовали около 700 миллионов франков на прорытие каналов[2]. Все важнейшие речные бассейны были соединены один с другим каналами; в настоящее время судоходный путь проходит через главные водораздельные возвышенности от одного моря к другому. Суда ходят из Темзы в Северн; с равнины реки Медвей они спускаются на водоскат Ламанша по подземной галлерее в 4 километра длиною; переходя последовательно от одного шлюза к другому, они пересекают цепь Пеннинских гор, переходят из Северного моря в Ирландское по Каледонскому каналу и по каналу Кринан; также и на западном острове они могут плавать по всем направлениям в сети внутренних вод. Но с того времени, как территория Великобритании покрылась густою сетью железных дорог, каналы в значительной степени утратили свою важность, и сообщение по ним уменьшилось: вырытые по различным профилям, не имея ни одинаковой глубины, ни одинаковой ширины шлюзов, они во многих местах могут принимать лишь мелкие суда. При том же половина этих судоходных путей принадлежит могущественным железнодорожным компаниям, имеющим свои

1 Priestley, „Canals“.

2 Sutcliffe, „Traite sur les Canaux et les Reservoirs“.

выгоды отклонять торговое движение от водяного пути, по которому оно прежде следовало. Общая длина каналов Соединенного Королевства около 6.150 километров.

Несмотря на незначительное протяжение своей территории сравнительно с пространством больших европейских государств, Соединенное Королевство занимает одно из первых мест между странами Старого Света по длине своей сети железных дорог; при равенстве же площади, Великобритания с Ирландией наиболее богата рельсовыми путями, за исключением только Бельгии, как видно из следующей сравнительной таблицы, показывающей длину железных дорог в разных странах земного шара в конце 1891 г.:

Соединенные Штаты—274.197 клм., т. е. 3,5 клм. на площадь в 100 кв. клм.; Германия—43.424 клм., т.е. 8,0 клм.; Соединенное Королевство—32.487 клм., т.е. 10,3 клм.; Франция—37.946 клм., т.е. 7 клм.; Россия—31.071 клм., т.е. 0,6 клм.; Австро-Венгрия—28.066 клм., т.е. 4,1 клм.; Индостан—27.808 клм., т.е. 0,6 клм.; Италия—13.186 клм., т.е. 4,6 клм.; Британская Америка—22.928 клм., т.е. 0,3 клм.; Испания—10.131 клм., т.е. 2,0 клм.; Швеция—8.279 клм., т.е. 1,8 клм.; Бельгия—5.307 клм.,т.е. 18,0 клм. на площадь в 100 кв. километров.

Общая длина рельсовых путей в Соединенном Королевстве в конце 1896 г.: 24.341 километр.

Англия, которой принадлежит честь устройства первой железной дороги, открытой, как известно, в 1825 году, употребила с того времени, на облегчение средств сообщения, более значительную долю своих сбережений, чем всякая другая страна Европы (капитал, затраченный на постройку сети железных путей Великобритании и Ирландии до конца 1892 г., простирался до 914 миллионов фунт. стерл.), и теперь нигде локомотивы не перевозят такого огромного числа пассажиров и товаров, как в Соединенном Королевстве. Средним числом, каждый англичанин совершает в течение года двадцать две поездки по железной дороге, тогда как француз делает их только пять.

Пассажирское движение на железных дорогах Соединенного Королевства в 1892 году: выдано билетов (не считая сезонных)—861.135.000; товарное движение: перевезено грузов—340 миллионов тонн.

Железнодорожные линии Британских островов принадлежат 92 различным компаниям, но главные линии находятся в руках могущественных обществ, каковы Great Western (главное западное), North Western (северо-западное), Midland (центральное), Great Eastern (главное восточное), South Western (юго-западное), Great Northern (главное северное), North British (северо-британское), Caledonian (каледонское), которые скупили большую часть маленьких линий, входящих в их сеть, и отчасти конкурренцией, отчасти ассоциацией интересов стараются увеличить свои доходы. В среднем, чистый доход железнодорожных компаний составляет около половины их валового сбора. В 1896 г. валовой доход железных дорог Соединенного Королевства простирался до 90.119.000, а расходы эксплоатации составляли 50.192.000 фунт, (стоимость сооружения: 1.029.475.000 ф. ст.).

Английские железнодорожные общества, при сооружении своих рельсовых путей, не имели надобности прорывать высокие горы, как это нужно было делать во многих государствах континентальной Европы; но зато им пришлось перекидывать путеводы на широких лиманах, строить мосты через рукава моря, как, например, через пролив Мена и через залив Тэй; в особенности внутри больших городов они должны были прокладывать пути, каждый метр которых стоит несколько тысяч франков.

Как постоянно увеличивающееся движение по железным дорогам, так точно быстрое возрастание почтовой и телеграфной корреспонденции свидетельствует о развитии в Англии коммерческой деятельности, не имеющей себе равной в остальных странах Европы. Если Британские острова по длине сети телеграфных проволок уступают Соединенным Штатам, России, Франции, Германии, то они превосходят эти государства по числу пересылаемых телеграмм, как показывает следующая сравнительная таблица (для европейских—принята в рассчет только длина государственных линий):

Длина телеграфных линий и количество пересланных депеш:

Британские острова (1896-97 г.)—59.876 клм., 79.423.556 депеш; Соединенные Штаты (1894 г.)—306.257 клм., 58.632.237 депеш; Германия (1896 г.)—136.590 клм., 40.654.351 депеша; Франция (1895 г.)—96.125 километр., 44.793.860 депеш; Россия (1896 г.)—133.264 километр., 14.750.041 депеша.

Точно также каждый англичанин, средним числом, пишет в три раза больше писем, чем другие европейцы, как видно из следующей сравнительной таблицы, составленной по Нейман-Спалларту:

Число и пропорция пересланных по почте писем и посылок в разных странах Европы в 1894 году:

Британские острова—2.911.501.000, т.е. 104 на каждого жителя; Швейцария—293.845.000, т.е. 87,2; Германия—3.656.920.000, т.е. 68,3; Голландия—244.775.000, т.е. 46,8; Бельгия—422.013.000, т.е. 61,5; Франция—2.096.031.000, т.е. 45,2; Испания—167.911.000, т.е. 8,5; Италия—538.528.000, т.е. 17,3; Россия—463.041.000, т.е. 3,5; Турция—17.088.000, т.е. 0,25 на каждого жителя.

Благодаря своему островному положению, Великобритания и Ирландия соединены с остальными странами земного шара более многочисленными подводными телеграфами, чем всякое другое государство в мире. Три соединенные королевства со всех сторон выделяют из себя телеграфные кабели, проложенные по дну моря. Важнейшие центры телеграфного сообщения с заморскими землями—Пензанс, близ мыса Лендс-Энд, и Валенция, близ мыса Клир.

Несмотря на сокращение её отпускной торговли, Англия бесспорно самая богатая страна в свете. Основываясь на статистических данных, относящихся к подоходному налогу (income tax), констатировали тот факт, что британский капитал, начиная с 1868 года, увеличивался каждый год, в среднем, на 5 миллиардов 702 миллиона. Но это богатство, как известно, распределено весьма неравномерно: Англия—страна колоссальных состояний, но в то же время и страна крайней бедности. Без малого миллион человек всецело зависят от своих приходов в отношении содержания, и большинство этих несчастных заключены в домах призрения, где порядки не менее строгие, чем в тюрьмах. Кроме этих, так сказать, оффициальных бедных, нужно принять в рассчет еще два миллиона неимущих, которые требуют у своих приходов временных вспомоществований. Со времен царствования королевы Елизаветы право на пособие признается английскими законами, но бедняк только в месте своего рождения может найти необходимую ему помощь: бесплатный обед, приют на одну ночь—вот все, что он может надеяться получить вне своей родимой общины. Налог в пользу бедных особенно тяжелым бременем лежал на финансах Англии около тридцатых годов нынешнего столетия: он представлял в то время ежегодно сумму около 225 миллионов франков, и число бедствующих постоянно возрастало. Некоторые приходы даже принуждены были объявить себя банкротами; обширные пространства культурных земель оставались необработанными; землевладельцы не находили желающих взять в аренду имения, обремененные налогом в пользу бедных. В приходе Сондерленд, где в ту эпоху насчитывали 17.000 жителей, 14.000 человек были записаны в списках лиц, нуждающихся в общественной благотворительности[1]. Вследствие строгого оффициального исследования, решено было, чтобы пособия бедным на дому, составлявшие в то время общее правило, были впредь оказываемы лишь в исключительных случаях, и чтобы на будущее время поступление в рабочий дом (workhouse) было первым условием для бедных, делающих воззвание к благотворительности общины. Однако, и теперь еще четыре пятых бедняков получают пособие на дому: обычаи оказались сильнее закона. Как для большей части других своих дел, англичане и для общественной благотворительности создали особенное деление страны, отличное от графства, городского общества, сельского прихода: они дали ему название poor-law-union (попечительный о бедных союз); средним числом каждый из этих округов обнимает 25 приходов или

1 Pretyman, „Dispauperization".

township. Каждый округ управляется «советом попечителей» (board of Guardians) и который состоит частию из членов по праву, определяемых в силу их богатства и ценности их недвижимых имуществ, частью из выборных членов, назначаемых, на один год, плательщиками налога. Главный расход по вспоможению бедным лежит на совокупности попечительных союзов, с той целью, чтобы распределить бремя равномерно на всю Англию. В Ирландии управление фондом для бедных ведется почти таким же порядком, как и в английских союзах; в Шотландии же раздача пособий неимущим попрежнему остается на обязанности «прихода». В советах попечителей о бедных, духовенство и крупное землевладение играют главную роль; выборные же члены этих советов слишком малочисленны, чтобы могли иметь какое- нибудь влияние.

Обогащение Англии не имело единственным результатом увеличение избытков крупных собственников, фабрикантов и купцов: средний класс и даже класс бедных тоже воспользовались им в широкой мере. Не подлежит сомнению, что число неимущих значительно уменьшилось; с 1863 до 1884 г., в то время, как все население одного только королевства Англии увеличилось на четыре миллиона душ, рабочие дома (workhouses) опорожнились на одну треть своих жителей, и две трети способных к работе бедных нашли себе занятие вне этих приютов.

Число бедных в Великобритании, получавших общественное пособие: в 1871 г.—1.280.188; в 1881 г.—990.667; в 1893 г.—972.819.

Таким образом богатства, притекающие со всех концов света к Британским островам, настолько значительны, что некоторая доля их, вместо того, чтобы идти на умножение колоссальных состояний тузов коммерческого и фабричного мира, способствует уменьшению массы неимущих: даже в самые глубокие слои пролетариата проникает частица золота, собираемого с других наций земного шара. Что касается ремесленников и служащих из среднего класса, то достаточно заглянуть в их жилища, чтобы составить понятие о материальном довольстве, которое мало-по-малу распространилось в массе народа: везде увидишь солидную мебель, ковры, предметы роскоши; английские рабочие, получающие определенное жалованье, живут по большей части в домах, далеко превосходящих жилища французских крестьян и мещан по наружному виду и внутреннему комфорту. Сбережения английского мастерового весьма значительны, не только в сберегательных кассах в собственном смысле и в почтовых конторах, которые также открыты для вкладчиков, но кроме того и в многочисленных кооперативных обществах, потребительных и ссудосберегательных.

В 1892 г. вклады сбережений составляли:

В trustee saving banks—52.400.000 и в postal saving banks—75.800.000 фунт. стерл.

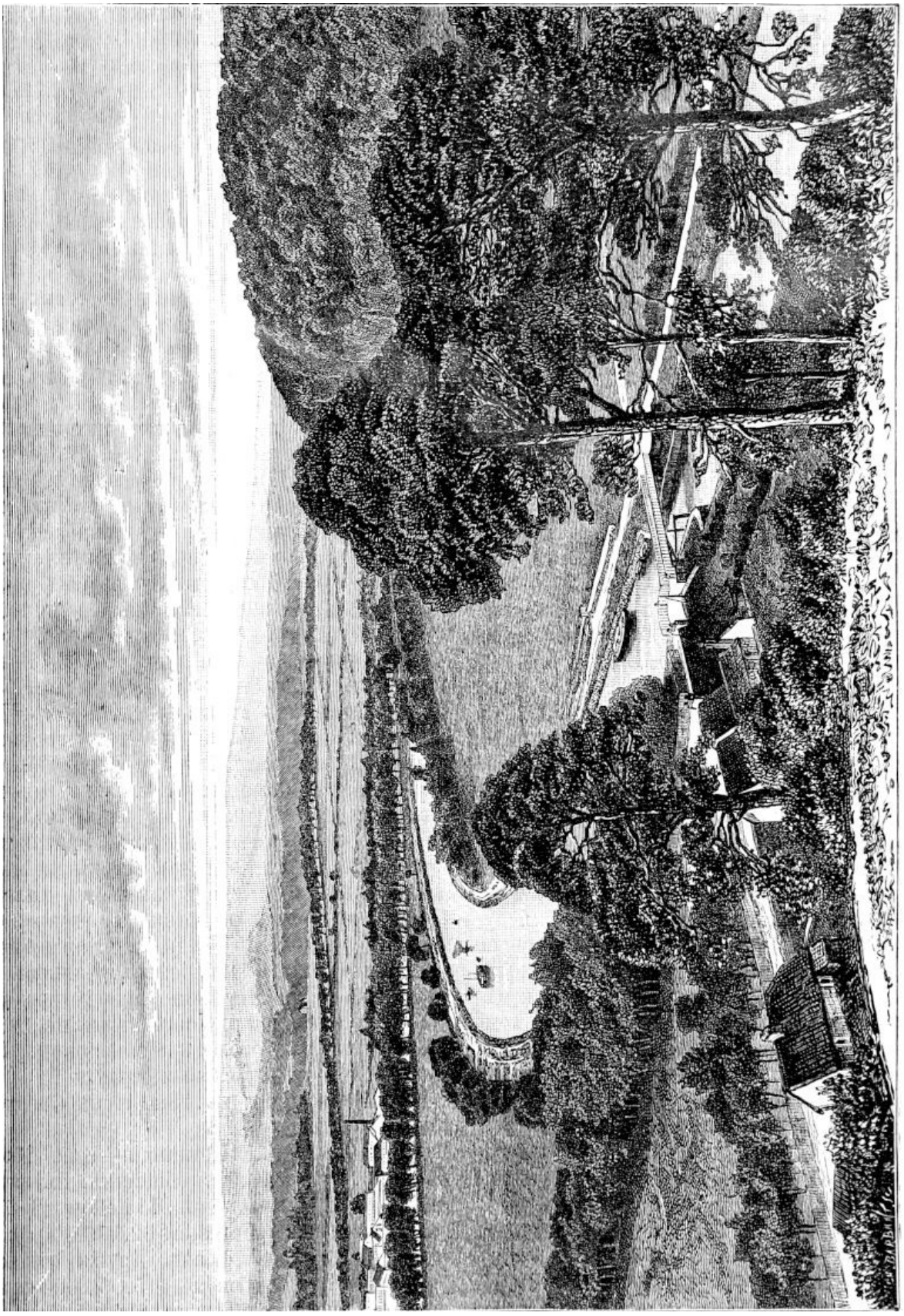
В конце 1882 года кооперативных ассоциаций, внесенных в списки, насчитывалось 1.244, из этого числа 962 в Англии и 282 в Шотландии; многие из обществ этого рода имели тысячи членов, и годовые обороты их нужно считать миллионами франков. Рочдельское общество «справедливых ткачей» обладало в 1883 г. капиталом в 8.175.875 франков, а манчестерское кооперативное товарищество оптовой продажи поставило товаров на сумму 113.672.225 франк.; оно имеет собственные мастерские, фабрики, каменноугольную копь и даже свои конторы заграницей. Более чем три четверти этих кооперативных ассоциаций публиковали свой баланс. В 1882 году в 1.116 обществах, опубликовавших свой баланс, считалось 660.510 членов; состояние их счетов было следующее[1]:

Фонды—225.460.225 франков, продажи—664.781.425 франков, прибыль от продаж—52.770.125 франков; доход на помещенные капиталы—3.279.950 франков.

Еще гораздо многочисленнее строительные общества (building societies), которые употребляют свои капиталы на постройку домов для участвующих в них лиц. В одной Англии насчитывается более восьми тысяч обществ этого рода, а общее число их членов никак не менее миллиона. Во всем же Соединенном Королевстве фонды строительных товариществ, вероятно, простираются до миллиарда франков, а годовые доходы, употребляемые непосред-

1 Ludlow, „Рукописные заметки".

ственно на покупку или постройку домов, достигают цифры 500 миллионов. Но самые многочисленные ассоциации—это общества взаимной помощи (friendly societies). Манчестерское товарищество Old Fellows насчитывало, в начале 1870 года, более 480.000 участни-



Каледонскій каналъ.

ков в Соединенном Королевстве и около 50.000 других членов в остальных странах земного шара. Общники товарищества «старинного сословия лесников» (Foresters) были в ту же эпоху в числе 489.212 человек на обоих Британских островах. Вместе эти две ассоциации

насчитывают в своей среде слишком миллион членов и делятся на сотни «округов» и на тысячи «лож». Их фонды представляют капитал почти в 160 миллионов франков. Все формально существующие зарегистрованные общества взаимной помощи имели в 1880 г. вместе капитал около 338 миллионов. Вот относящиеся сюда числовые данные[1]:

Friendly societies в 1880 г. в Соединенном Королевстве:

Англия—12.943, Шотландия—649, Ирландия—315, всего 13.907 обществ, имеющих вместе 4.732.000 членов; Old Fellows (1876 г.) 98.331.140 франк., Foresters 62.179.000 франк., итого 160.510.140 франк. Другие общества, формально существующий—115.000.000 франк.; общества, не внесенные в оффициальные реестры—50.000.000 франк.; общая сумма свыше 325.000.000 франков.

Что касается trade-unions, как называются общества рабочих, соединившихся в видах сохранения заработной платы и противодействия её понижению, то большинство их не внесены в установленные списки, то-есть не делали формального заявления о своем основании. На годичном съезде, происходившем в Лейстере в 1877 году, присутствовали только 112 этого рода обществ, заключавших, однако, в своей среде, не менее 691.089 членов. Самый многочисленный из trade-unions—союз земледельцев (labourers), который состоит из 55.000 участников и также поддерживает стачки рабочих; самый богатый—союз механиков (engineers), который насчитывает в своей среде около 50.000 членов и располагает капиталом около 7 миллионов франков. По исчислению Гуэля, различных местных ассоциаций наберется не менее 3.000; число участников этих обществ превышает 1.250.000, и их годовой доход, по всей вероятности, простирается до 50 миллионов франков.

Подобно нищете, и преступления на Британских островах уменьшились, и при том в такой пропорции, что нельзя видеть в этом явлении простого временного колебания: нет никакого сомнения, что нравы в Англии смягчаются. Для сравнения приводим следующие статистические данные относительно количества уголовных преступлений в Великобритании и Ирландии:

	1868 г.		1870 г.		1883 г.	
	Судившихся	Осужденных	Судившихся	Осужденных	Судившихся	Осужденных
Англия и Валлис	20.091	15.033	16.078	12.195	14.659	11.347
Шотландия	3.384	2.703	2.490	2.039	2.563	1.914
Ирландия	4.530	2.733	4.146	2.344	3.025	1.740
Соединенное Королевство	28.005	20.469	22.714	16.578	20.247	15.001

Общее число осужденных за преступления в 1891 г.: 12.130.

Покушения против личности, насилия, убийства в Великобритании все еще многочисленнее, чем во Франции, но эти преступления с каждым годом становятся все реже и реже; что же касается менее важных преступлений, или так называемых проступков и нарушений, относительно которых замечается обратное численное отношение между двумя названными странами, то нужно сказать, что английские судьи снисходительнее к обвиняемым этой категории, чем французская магистратура, и потому трудно делать сравнения для нравственной статистики, так как элементы оценки в обоих случаях различны[2]. Ирландия доставляет статистике преступлений гораздо меньше случаев, нежели один город Лондон; последний сам по себе представляет треть всего числа преступлений, совершаемых в Соединенном Королевстве. Один из пороков, наиболее распространенных в английском народе,—это злоупотребление крепкими напитками. По исчислению В. Гойля, потребление спиртных напитков на Британских островах в 1880 году простиралось до 4.419.777.000 литров. Когда вы проходите по улицам больших городов Англии, вас поражает, особенно по субботам вечером, значительное число встречающихся пьяных женщин. В течение 1876 г. в одну только Вестминстерскую тюрьму поступило 5.588 женщин, осужденных за публичное пьянство. Питейные и трактирные заведения (public houses) наполнены пьянствующими. Благодаря этому,

1 Ludlow, „Рукописные заметки".

2 Bertillon, „Encyclopedia des Sciences Medicale".

число несчастных, поражаемых, вследствие излишества в употреблении спиртных напитков, расстройством умственных способностей и белой горячкой, весьма значительно и даже увеличивается с каждым десятилетием. Порок пьянства служит важным источником дохода для английского правительства, по причине таможенных пошлин, взимаемых казною со спиртных напитков. Англиканская церковь, обладательница многих сотен кабаков, приносящих очень хорошие доходы, также получает свою долю из этой громадной прибыли[1].

Переходя к обзору современного состояния народного просвещения, мы должны прежде всего заметить, что не все дети в Соединенном Королевстве пользуются школьным воспитанием, так как даже в метрополии насчитывается более 200.000 мест, которые еще должны бы были быть заняты на школьных скамьях; тем не менее успехи народного образования, достигнутые в эти последние годы, весьма значительны. Только в 1818 году британский парламент в первый раз нашел нужным вмешаться в дело надзора за школами, которые до того времени были предоставлены единственно частной инициативе. В 1834 году он даровал субсидии различным учебным заведениям; несколько лет спустя, он учредил главный училищный совет, затем основал промышленные или профессиональные школы, установил комиссии экзаменаторов, преобразовал средние учебные заведения. В 1870 году обязательное обучение, хотя и в косвенной форме, было вотировано законодательным собранием для Англии и княжества Валлийского; два года спустя подобный же закон издан был и для Шотландии. Что касается Ирландии, то она уже с половины нынешнего столетия имела свои «национальные школы», основанные правительством с тою целью, чтобы освободить детей католического вероисповедания от исключительного руководства англиканских наставников. Общественное воспитание нигде в Великобритании не развивалось по заранее обдуманному плану: оно везде было обязано своим происхождением инициативе религиозных корпораций или частных лиц; и теперь еще парламент вмешивается лишь с большой осторожностью в надзор за школами, основанными не правительством или не получающими денежных вспомоществований из казны: он даже не запретил телесного наказания, и розга все еще в чести у английских педагогов. В настоящее время в Англии и княжестве Валлийском существует около 20.000 начальных школ, состоящих под ведением правительства, и более шестой части населения могла бы найти место в этих учебных заведениях. Вот относящиеся сюда числовые данные:

Начальных школ, состоящих под правительственной инспекцией: в Англии (в 1892 г.)—19.515, число мест в них—5.692.975; при посещении инспектора было налицо 4.609.240 детей; народных школ в Шотландии (в 1895 г.)—3.054, с 567.442 учащихся; начальных школ в Ирландии (в 1891 г.)—9.177, с 685.074 учащихся.

Пропорция англичан, совершенно неумеющих читать и писать, не много меньше, нежели пропорция неграмотных французов. По вычислению Фредерика Мартина, процентное отношение неграмотных в Англии было следующее:

В период с 1841 по 1845 г.: мужчин—32,6 на 100, женщин—48,9 на 100; в период с 1871 по 1875 г.; мужчин—18,5 на 100, женщин—25,2 на 100.

В 1891 г. процент неграмотных в Соединенном Королевстве оказался 6,75.

Особенно велико число неграмотных в области, обнимающей графства западного центра, Стаффордшир, Ланкашир, княжество Валлийское; напротив, Вестморленд, край, где крестьяне умели долее, чем в других местах, сохранить свою древнюю свободу, занимает, с точки зрения народного образования, почетное место между английскими провинциями. В 1875 году процент неграмотных был следующий:

Вестморленд—8 мужчин, 8 женщин; Стаффордшир—30 мужчин, 37 женщин; среднее число для всей Англии—17 мужчин, 23 женщины.

Число детей, получающих среднее образование, на Британских островах относительно меньше, нежели во Франции. Между тем как в последней из этих стран около 175.000 молодых людей получают образование в лицеях, коллегиях и соответствующих им частных учи-

1 Edward Jenkins, „The Devil's Chain".

лищах, в Соединенном Королевстве насчитывается гораздо меньшее число воспитанников в так называемых грамматических школах или других училищах, которые дают образование, аналогичное с воспитанием французских средних учебных заведений. На этого рода школы в Англии смотрят как на предназначенные единственно для богатых и высокородных, тогда как во Франции они открыты всем детям среднего класса и служат источником для пополнения его[1].

Вмешательство государства, отныне преобладающее в системе первоначального обучения, гораздо менее действительно по отношению к системе среднего образования. Даже над высшими учебными заведениями, предназначенными для детей дворянства и буржуазии, оно имеет лишь весьма косвенный надзор. Роль государства относительно публичных школ, основанных в силу пожертвований или духовных завещаний, ограничивается признанием их законного существования и предоставлением им прав юридического лица посредством выдачи инкорпорирующей граматы. В Англии существуют даже школы, признанные и дотируемые государством, которые совсем не имеют воспитанников; есть и такия школы, которые, имея несколько человек пансионеров, посылают их в другие учебные заведения. Английские коллегии (colleges) нельзя назвать заведениями, подобными французским colleges. Это—просто общества людей, занимающихся науками, которые сами пополняют свои ряды посредством выбора и сообща пользуются имуществами и привилегиями, принадлежащими заведению. При коллегиях не всегда есть школы, а там, где школы существуют, преподавателями (assistant masters) в них служат лица посторонния, непринадлежащие к составу оффициальной корпорации, тогда как последняя имеет между своими членами некоторое число воспитанников, которых во Франции назвали бы «boursiers». Главные сановники английской коллегии—ректор (provost) и члены совета (fellows), в числе шести или семи, и все они из духовных лиц[2]. В этих учебных заведениях, которых самая древность основания окружает большим престижем и которым их богатство обеспечивает многочисленную партию заинтересованных защитников, старые злоупотребления держатся с особенным упорством. Есть школы, вполне зависящие от какого-нибудь лорда; такова, например, донфермляйнская коллегия в Шотландии, в которой все профессора назначаются одним маркизом. Деление на касты сохраняется в некоторых коллегиях со строгостью, достойною Индии; так, в древнейшей высшей школе Англии, в знаменитой Винчестерской коллегии, воспитанники разделены на три категории: «стипендиатов», которые содержатся на счет заведения; своекоштных пансионеров (commoners), которые платят за свое содержание и ученье, и наконец, бедных учеников, которые получают бесплатно элементарное воспитание и обязаны прислуживать другим воспитанникам, как лакеи! Традиция этих школ такова, что главная забота учащихся состоит в том, чтобы тратить как можно больше денег и тем доказать свое богатство, или приобрести между товарищами репутацию богача. Для богатого англичанина, немогущего похвалиться знаменитостью рода, Итон или другая аристократическая школа есть место, где его сыну представляется всего больше шансов завязать близкое знакомство с будущими «особами», под условием щедрой расточительности: это косвенное, но почти всегда верное средство обеспечить себе в будущем видные места и почести. В течение четырнадцати лет, от школы до университета, воспитание, или то, что называется этим именем, стоит английскому юноше от 65.000 до 100.000 франков[3]. В некоторых учебных заведениях право телесного наказания передается преподавателями классу старших по возрасту воспитанников. Старинная дисциплина порки (fagging), несправедливая и жестокая, отчасти удержалась даже в аристократических школах, и так же, как чрезмерное мотовство, способствует порче характеров, деморализации учащагося юношества: система телесного наказания делает «малых» рабами «великих», и последние являются тем более жестокосердыми деспотами, чем они богаче; подкрепляемые могуществом традиции, они держат в повиновении своих

1 Mathew Arnold, „Fortnightly Review“, ноябрь 1878.
2 Demogeot et Montucci, „De l'Enseignement secondaire en Angleterre et en Ecosse“.
3 Grant Duff, „Fortnightly Review“, II, Aug. 1877.

подчиненных в одно и то же время грубой силой и высокомерным презрением. Такая система воспитания ведет лишь к тому, что нравы делаются восприимчивыми к рабству. По справедливому замечанию Герберта Спенсера[1], эти школы оказывают самое гибельное влияние на нацию; они приучают детей к деспотичной форме правления, к господству силы, и их идеи прилаживаются к социальному состоянию еще более низкому, чем то, которое ныне существует: между бывшими питомцами этих учебных заведений и набираются главным образом члены политических корпораций Англии.

Два главные университета королевства, Оксфордский и Кембриджский, которые владеют в разных частях Англии слишком сотней тысяч гектаров земли, приносящей более 10 миллионов франков годового дохода, были еще в первой половине нынешнего столетия скорее «духовными семинариями»[2], чем высшими учебными заведениями: за исключением математики, особенно в Кембридже, и изучения классиков греческих и латинских, все в этих главных школах было принесено в жертву богословским наукам; изучение медицины даже было вовсе исключено из программы их курсов. Но, начиная с пятидесятых годов этого столетия, произошли значительные перемены в этих средневековых твердынях науки. Различия в костюме, существовавшие прежде между студентами благородного и неблагородного происхождения, теперь уничтожены. Англиканская религия перестала быть обязательной, и теперь между наставниками и воспитателями (tutors) можно встретить и таких, которые не только не принадлежат к этому вероисповеданию, но даже известны за открытых его врагов. Число студентов богословского факультета убавилось в обоих университетах, и епископы начинают уже жаловаться на трудность, которую они встречают в пополнении личного состава духовенства их епархий. В среднем, число молодых людей, выходящих из университета для поступления в духовное звание, равнялось четверти общего количества студентов[3]. В собственно Англии, кроме Оксфордского и Кембриджского университетов, есть еще два университета: в Дургаме и Манчестере (Victoria-University); в Шотландии университеты существуют в следующих городах: в Гласго, Эдинбурге, Сент-Эндрьюзе и Абердине; в Ирландии—только в Дублине. В прежния времена Оксфорд был по преимуществу университетомториев, а Кембридж—университетом вигов. В наши дни этот последний является главным образом представителем умеренных взглядов, тогда как Оксфордский университет заключает больше студентов, принадлежащих к крайностям всех партий и всех мнений, с одной стороны—консерваторов, с другой—социалистов.

Благодаря учреждению, сенатом Лондонского университета, советов или коммисий экзаменаторов, пред которыми могут сдавать экзамены молодые люди, юноши или девицы, желающие получить университетский диплом, монополия высшего образования отнята у официальных университетов Соединенного Королевства, и теперь в Лондоне, Бирмингаме, Манчестере и других местах существуют высшие учебные заведения, приготовляющие студентов к экзаменам из наук. Школами правоведения, или, вернее сказать, судебной процедуры, служат курсы адвокатов при Лондонском Темпле и в соседстве всех высших судебных учреждений. Точно также медицинские училища состоят при важнейших госпиталях. Благодаря толчку, данному Кенсингтонским музеем, в настоящее время более 30.000 молодых людей посещают 146 специальных школ искусств, и слишком 750.000 детей ходят на курсы рисования в начальных школах. Но нельзя не подивиться, что Англия, эта страна промышленности по преимуществу, не завела у себя до сих пор ни одной школы для образования гражданских инженеров. Попытка в этом отношении, сделанная в Дургаме, не имела успеха: желающих пользоваться курсами явилось очень немного. Это странное явление объясняется тем, что английские фабриканты, люди в высшей степени практические, хотят иметь у себя на службе инженеров, которые знали бы их мастерские во всех подробностях и которые не делали бы никаких резких перемен в старой рутине. Молодой человек, снабжен-

1 „Essay on Education“.

2 Demogeot et Montucci, „De l'Enseignement secondaire en Angleterre et en Ecosse“.

3 Walter Copland Perry, „Deutsche Rundschau“ Febr. 1878.

ный дипломом инженера, больше рискует получить отказ со стороны предпринимателя, чем простой комми, необладающий специальными знаниями: последний по крайней мере не имеет претензий, стеснительных для патрона, и может быть употребляем в течение одного или двух лет так, как будет угодно его принципалам[1].

Что касается образования, истинного или ложного, благотворного или гибельного, которое продолжается, вне школ и университетов, посредством книг, газет и журналов, публичных курсов и чтений, выставок, собраний научных и литературных, то оно с каждым годом получает все более и более важное значение в жизни английского народа. Если другие нации, в особенности Германия, могут присвоивать себе честь издания первых газет ранее Англии, то нет никакого сомнения, что пресса приобрела в первый раз действительное политическое влияние только со времен революции, низвергшей Карла I. Какого обширного развития достигла в Великобритании литературная производительность, можно судить по следующим статистическим данным:

Книг было издано в Соединенном Королевстве: в 1875 г.—4.854; в 1876—4.888; в 1877 г.—5.095; в 1883 г.—6.145; в 1893 году—6.382. Из этого числа (в 1877 году): книг для детей—1.051; романов—1.034; сочинении литературных, стихотворных, драматических—766; сочинений по разным наукам и искусствами—1.293; сочинений по богословию—737; сочинений разных—214; газет в 1893 г. выходило—2.268; в том числе—192 ежедневных; журналов и сборников—1.961 (из них—455 духовных).

Народные собрания, или митинги, сделавшиеся одним из важнейших национальных учреждений, имели место в первый раз около 1769 года, по формам, соблюдаемым еще до сего дня.[2] Наконец, публичные курсы и лекции по предметам науки, искусства, гигиены, политики составляют нововведения новейшего времени, но почти столь же необходимые для англичанина, как газета или журнал, потому что они доставляют ему возможность приятно проводить часы досуга, либо обогащая его полезными сведениями или, по крайней мере, объясняя его интересы, либо лаская его национальное тщеславие или льстя его страстям данной минуты.

Королевское общество наук, основанное в 1660 году, есть первое по важности ученое общество Соединенного Королевства. Это—не замкнутая корпорация: число членов его не ограничено (за исключением только иностранных членов, число которых не должно превышать пятидесяти), и всякий англичанин, который занимается какими-либо научными вопросами, может добиваться права, высоко ценимого, ставить после своей фамилии три буквы F. R. S. (Fellow of the Royal Society); впрочем, традиции «верноподданства» и угодливости сильным мира сохранились в этой академии до наших дней. Прием в общество обставлен довольно строгими формальностями, не распространяющимися, однако, на лордов, сыновей лордов, министров и послов, которые назначаются по представлению одного только члена и в том же самом заседании, где было предложено их имя. Несмотря на это традиционное почтение к аристократии, лондонское королевское общество сохранило свою независимость перед властями государства. Сборник мемуаров общества, издаваемый с 1665 года, под названием Philosophical Transactions, составляет одну из драгоценных коллекций научных библиотек.

Между вольными учеными учреждениями Британских островов первое место занимает так называемое British Association for the advancement of Science (британское общество для споспешествования развитию науки). Основанное в 1831 году, по предложению известного физика Брюстера, и при содействии наиболее выдающихся людей Англии, это общество начало свою деятельность в ту эпоху, когда научные исследования были в большом пренебрежении, и когда ученые, как Плейфэр, Гершель, Бэли, Беббедж, жаловались на прискорбный упадок их отечества в мире мысли; новая ассоциация поставила себе задачей возбудить к деятельности науки, сгруппировать разрозненные ученые силы, подготовить новые научные

1 Demogeot et Montucci, „De l'Enseignement secondaire en Angleterre et en Ecosse“.

2 Бокль, „История цивилизации в Англии“.

изыскания, и призыв её был услышан. Чего не могли достигнуть академии, адресуясь к нескольким привилегированным представителям науки, то успела сделать Британская Ассоциация, обращаясь со своим призывом ко всем преданным науке гражданам и к усердию всей публики, ибо это ученое общество очень щедро в отношении приема новых членов: можно сказать, что на практике оно открыто всем, кто желает вступить в него; точно также выбор личного состава его общего комитета производится наиболее справедливым образом. С первых же лет своего существования, Британская Ассоциация дала сильный толчек астрономическим исследованиям, основала на всех пунктах морских берегов станции для сравнительного наблюдения прилива и отлива, постоянно поощряла учреждение метеорологических обсерваторий. Собрание её мемуаров (Transactions) есть сама история развития науки в Англии со времени основания этого общества.

XV. Правительство и администрация

Во многих отношениях Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии представляет еще средневековую феодальную страну. Англичанин не имеет прав, присущих ему в качестве просто человека, ни даже в качестве англичанина, члена британской нации, но он может пользоваться особенными преимуществами, как житель господского имения, или обладать теми или другими привилегиями, как член известной корпорации или как гражданин муниципального местечка. Повсюду, в разделении почвы так же, как в атрибуциях местных должностных лиц, видны следы старого порядка вещей, резко отличающагося от того порядка, который английские колонисты, внезапно перенесенные в другую, отличную от родной среду, в Австралию и в Новую Зеландию, установили, чтобы удовлетворить своему новому идеалу. Три королевства, из которых состоит государство, имеют каждое особую администрацию, особые, иногда даже противоречивые, законы и уставы. Точно также административные деления Великобритании и Ирландии, известные под именем широв (shires) или «графств», резко отличаются между собой по размерам территории и по местным привилегиям. Каждое из шестидесяти двух графств собственно Англии и княжества Валлийского подразделяется, по крайней мере номинально, на «сотни», или hundreds; но в административном отношении эти старинные разграничения имеют теперь очень малое значение. В эпоху учреждения «сотни», этот округ заключал в своих пределах ровно сто семейств; но с течением времени торговля и промышленность сильно изменили распределение жителей, и между тем как в некоторых hundreds до сих пор осталась первоначальная цифра населения, другие, напротив, имеют ныне в несколько тысяч раз более значительное число жителей[1]. В некоторых графствах подразделения, соответствующие «сотням», носят название wapentakes, sokes, liberties или wards и соединяются в более обширные группы, известные под именем lathes или rapes. Но границы административных делений перепутываются со множеством других демаркационных линий; смотря по местным удобствам или специальным интересам, пространства распределены различным образом. В виде примера, укажем на город Йорк, который в одно и то же время находится в трех округах графства Йоркшир: в округе North Riding—по выборам в парламент, в округе East Riding—по производству народной переписи, в округе West Riding—по управлению в собственном смысле[2].

Сотни (hundreds), организация которых всего более напоминала внутреннее устройство французских и бельгийских коммун, образовали собою старые города или местечки, boroughs. Все жители такого городка, обведенного рвом, огороженного частоколом или стеной, были люди вольные, связанные круговой порукой, равномерно участвовавшие в покрытии общих расходов и разделявшие одни и те же опасности. Некоторые из этих общин горожан с течением времени снизошли на степень простых деревень, другие совсем исчезли; но многие из них сделались большими городами. Значительные города, возникшие с разви-

1 Frederick Martin, „England, Encyclopedia Britannica“.

2 „Official Report on the Census of 1881”

тием торгового и промышленного движения новых времен, тоже требовали для себя права быть причисленными к автономным городским общинам, и парламент пожаловал им эмансипационные хартии. При переписи 1881 года, в Англии и княжестве Валлийском насчитали 243 муниципальных бурга (municipal boroughs). Так называемые местные советы, local boards, избираемые, как и советы бургов гражданами, или burgesses, управляли сотнями других городов. В руках этих муниципальных советов сосредоточена почти вся местная администрация; они заведуют полицейской частью, публичными зданиями, управляют общественным имуществом и даже могут установлять специальные налоги. Графства, напротив, поставлены под власть коронных должностных лиц. Шерифы, назначаемые на один год, служат представителями государя; они наблюдают за исполнением судебных решений по гражданским и уголовным делам и председательствуют на парламентских выборах; стоящие под ними, в иерархическом порядке, лорды-наместники, lords-lieutenants, имеют преимущественно почетные функции: выбираемые обыкновенно между перами королевства, они командуют милицией. С 1888 года собственно Англия, с Валлисом, в отношении местного управления делится на 62 графства (administrative counties) и 64 городских графства (county boroughs).

Политическое представительство, естественно, должно было принадлежать группам достаточно сильным для того, чтобы требовать его, или потому, что они имели покровителя в лице какого-нибудь могущественного барона, или потому, что горожане сами были довольно богаты, чтобы голос их мог быть выслушиваем в вопросах о налогах. Сообразно преданиям средневековой эпохи, выборное начало в Соединенном Королевстве не есть право, но привилегия, и эта привилегия связана там не с личностью, а с местом пребывания. Правда, рядом последовательных видоизменений, старинный избирательный порядок стремится приблизиться несколько к современному понятию, но сохранившиеся аномалии его становятся от этого еще более вопиющими. На основании закона 1867 г. об избирательной реформе (reformbill), избирателями считаются все жители сельских округов, платящие арендной или наемной платы не менее 125 франков (5 фунт. стерл.) в год, и все жители парламентских местечек (parlamentary boroughs), имеющие собственный дом, или платящие за квартиру не менее 250 франк. Законы о преобразовании избирательного порядка, относящиеся к Шотландии и Ирландии, сходны в общих чертах с биллем реформы для Англии и разнятся лишь в подробностях. Университеты Соединенного Королевства также получили право выбора представителей в законодательное собрание. Таким образом бедные поселяне, то-есть все без исключения земледельцы, и огромное большинство городских рабочих лишены права участия в парламентских выборах. Более двух-третей взрослого мужского, способного к труду населения не имеют политических прав; в Ирландии, где бедность так велика, только один человек из шести пользуется избирательной привилегией. В действительности, депутаты графств являются представителями только земельной собственности, а выборные городов назначаются единственно богатым и средним классами. Общее число избирателей в 1881 г. было следующее:

	Избирателей городов (boroughs)	Избирателей графств	Избирателей универс.	Всех
Англия и кн. Валлийское	1.591.451	932.860	13.499	2.537.810
Шотландия	201.529	96.570	12.119	310.218
Ирландия	57,497	168.217	3.747	229.461
Соединенное Королевство	1.850.477	1.197.647	29.365	3.077.489

Лица женского пола, удовлетворяющие означенным в законе условиям имущественного ценза, пользуются правом подачи голоса на муниципальных выборах, но не участвует в парламентских выборах.

В распределении избирательных округов или коллегий также замечается самая вопиющая несправедливость. В силу старинных жалованных грамот, королевских милостей или капризов, известных под громким именем исторического права, но которые на самом деле

идут в разрез с развитием самой истории,—многие большие города не имеют представителей в законодательном собрании страны, между тем как иные маленькия местечки пользуются привилегией назначать одного или двух специальных депутатов в парламент. Так, например, город Вест-Гам, со стотысячным населением, не имеет ни одного представителя в парламенте, тогда как местечко Мальборо, где не наберется и 700 избирателей, посылает от себя депутата в палату общин. Пропорционально существующему ныне числу выборных народных представителей, каждая группа в 50.000 жителей должна бы была иметь право на посылку делегата в законодательное собрание, но почти нет ни одного города в Соединенном Королевстве, где бы эта нормальная пропорция не была нарушена так или иначе. Например, Лондон, где скучено более шестой части населения Англии, должен бы был назначать около 90 представителей в парламент, а между тем он назначает их всего только 22; кроме того, политическое достоинство различных кварталов метрополии далеко не одинаково: столичные округа в 500.000 жителей не имеют столько веса на избирательных весах, как маленький Сити, заключающий в своей черте в пять раз меньшее население. Исчисляя вотирующую силу (voting power) каждого отдельного голоса на парламентских выборах, оказывается, что иной избиратель так называемого «гнилого местечка» располагает, в отношении назначения депутата в нижнюю палату, в 300 раз большей властью, чем избиратель иного лондонского округа, как например, Мерилебон или Финсбери. Число депутатов (членов нижней палаты), по избирательным округам, распределяется следующим образом:

	Депутатов от местечек (boroughs)	Депутатов от графств	Депутатов от университетов	Всего
Англия и Валлис	237	253	5	495
Шотландия	31	39	2	72
Ирландия	16	85	2	103
Соединенное Королевство	358	283	9	670

Происхождение палаты общин (house of commons) теряется во мраке средних веков; но почти все писатели того мнения, что третье сословие в первый раз было представлено в советах нации в 1264 году. Граф Симон де-Монфор, который вел борьбу с королем Генрихом III, но был слишком слаб, чтобы воевать с успехом без поддержки городов, вступил в союз с горожанами; делегаты их были приглашены присутствовать в парламенте рядом с представителями дворянства и духовенства, и с той эпохи общины навсегда сохранили за собой долю участия в управлении государством. В наши дни это представительное собрание в действительности пользуется правительственною властью, не прямо, но через посредство кабинета министров. В самом деле, министерство существует только до тех пор, пока члены палаты общин оказывают ему поддержку; эти же члены, не диктуя главе государства имен новых министров, тем не менее заставляют, вообще говоря, назначать людей, которым они отдают предпочтение. Коммонеры (commoners), или депутаты палаты общин, имеют право почина относительно всякого рода законов, исключая того случая, когда дело идет о государственном бюджете: одни только министры могут вносить законопроекты об установлении новых налогов, которые палата вотирует, отвергает или изменяет по своему усмотрению. Фактическая державная власть палаты депутатов ограничена также прерогативой распущения этого законодательного собрания, которою вооружен государь. Нормальная продолжительность парламентской сессии определена в семь лет; но со времени соединения трех королевств в одну «империю» не бывало примера, чтобы палата доживала до истечения законного срока своего полномочия. Выборный президент законодательного собрания носит название спикера (speaker), то-есть «оратора», хотя он должен только руководить прениями: титул этот произошел оттого, что в прежнее время председатель обязан был держать слово, представляя государю решения или ходатайства общин.

Палата лордов или господ (house of lords), в которой председательствует лорд-канцлер, состоит из членов (пэров), заседающих в ней по праву рождения или занимаемой должности. Высшие сановники церкви, прелаты, заседают в этом собрании по праву своей должно-

сти, а остальные члены (всех членов ныне, вместе с принцами, 560) нашли пэрство уже в колыбели, или получили его от государя, чтобы пользоваться им лично и передать его по наследству старшему члену своей фамилии. Верхняя палата занимает первое место по оффициальному рангу, и королевское послание или тронная речь всегда читается в зале её заседаний, перед лордами, восседающими на своих бархатных креслах, и перед коммонерами, стоящими в галлереях. Тем не менее, палата лордов играет лишь второстепенную роль в механизме государства, да иначе и быть не могло, ибо, как замечает один новейший писатель[1], «качества, отличающие человека в совещательном собрании, не наследственны и не могут быть переданы по духовному завещанию, вместе с обширными имениями». Без сомнения, каждый взятый в отдельности член высшей аристократии есть особа несравненно более важная, чем простой буржуа—член палаты общин: почтительность, составляющая отличительную черту народного характера англичан, заставляет их смотреть на богатого потомка старого дворянского рода, как на какое-то высшее существо, как на полубога. Но, соединенные в совещательное собрание, эти люди теряют свой престиж, при сравнении с членами палаты общин, вообще говоря, более деятельными, более интеллигентными и принимающими на себя инициативу во всех делах. Большая часть лордов обыкновенно не являются на заседания палаты: по закону, совещание её считается имеющим силу при наличности даже трех членов, и часто случается, что число присутствующих в верхней палате едва превышает эту наименьшую норму. Весь труд произнесения речей и обсуждения вопросов предоставляется нескольким особенно усердным членам, преимущественно из законоведов; но для огромного большинства лордов пэрство есть не более как почетное звание, прибавляемое к другим титулам. При том же у пэров долгое время было в обычае смотреть на нижнюю палату, как на простое отделение верхней или подведомственное учреждение, куда они определяли младших членов своих фамилий, родственников или своих протеже, чтобы возложить на них обязанность вотирования законов и таким образом избавить себя от необходимости заниматься этим делом. С течением времени эта нижняя палата сделалась настоящим правителем государства, и теперь уже слишком поздно отнимать у неё приобретенное ею могущество; лорды составляют ныне в сущности лишь ревизионную палату, облеченную властью отвергать представляемые на её рассмотрение законопроекты, вотированные палатой общин. Когда парламент, поддерживаемый общественным мнением, требует какой-либо реформы, палата лордов всегда в конце концов уступает, одобряя новую законодательную меру. Что касается финансовых законопроектов, то она может только принять или отвергнуть выработанный государственный бюджет в полном его объеме.

Кабинет, располагающий исполнительной властью, назначается непосредственно государем, хотя в действительности он есть не что иное, как комитет, определяемый законодательной властью палаты общин: leader, то-есть признанный предводитель торжествующей политической партии, становится премьером, то-есть первым министром, и выбирает в обеих палатах парламента своих сотоварищей, так называемых статс-секретарей, стоящих во главе различных отраслей государственного управления. Эти сановники, неравные по достоинству и получающие неодинаковое содержание, более многочисленны, чем члены кабинетов новейших конституционных государств, которые по большей части организовали свое правительство по образцу английской конституции; но численное превосходство английского министерства объясняется традициями древней королевской власти и громадностью колониальной Британской империи. Вот личный состав английского кабинета, с показанием жалованья, получаемого каждым из его членов:

Первый лорд казначейства—125.000 фр.; лорд-канцлер (High Chancellor)—250.000 франков; канцлер казначейства (Chancellor of the Exchequer)—125.000 фр.; лорд-президент совета—50.000 фр.; лорд хранитель тайной печати (Lod Privy Seal)—50.000 фр.; министр внутренних дел (Home Secretary)—125.000 фр.; министр иностранных дел (Foreign Secretary)—125.000 фр.; министр колоний (Colonial Secretary)—125.000 франков; военный

1 Bagehot, „English Constitution".

министр(War Secretary) 125.000 фр.; министр по делам Индии (India Secretary)—125.000 фр.; первый лорд адмиралтейства—112.500 фр.; министр по делам Ирландии—110.625 фр.; главноуправляющий почтовою частью (Postmaster General)—62.500 фр.; министр торговли (Pres. of Board of Trade)—50.000 фр.; президент совета местного управления (Local Govemement Board)—50.000 фр.; канцлер герцогства Ланкастерскаго—50.000 фр.; вице-президент главного училищного совета—50.000 франков.

Кроме того, при государе состоит так называемый тайный совет (Privy Council), который не играет ныне никакой оффициальной роли в управлении государством, но который знатным происхождением, титулами, богатством своих членов (число их неограничено) возвышает блеск короны. Хотя Англия, как это давно уже было высказано, есть в действительности аристократическая республика, государь её, однако, считается соединяющим в своем лице исполнительную власть и часть законодательной власти: постановления парламента получают силу закона только по утверждении их его подписью. Его право повелителя не более как фикция. Он пользуется властью—и власть эта действительно очень велика,—только благодаря почтительности людей, руководящих двумя палатами, и чувству глубокого благоговения верноподданнической преданности, которым проникнута нация. Королевское достоинство в Великобритании наследственно и переходит к лицам женского пола по прекращении мужского потомства. С 1877 г. государыня Соединенного Королевства носит также титул императрицы Индии. Годовое содержание её двора и суммы, отпускаемые на содержание принцев и принцесс, превышают теперь в сложности 14 миллионов.

Правосудие отправляется в Соединенном Королевстве и во всех английских владениях именем королевы-императрицы. В каждом из графств органами судебной власти, так же, как и административной, служат мировые судьи (justices of the peace), назначаемые канцлером государства, по представлению лорда-наместника графства, и выбираемые из числа собственников, получающих по меньшей мере 2.500 франков (100 фунтов стерлингов) годового дохода. Служба их безвозмездна; они собираются четыре раза в год на мировые съезды (quarter sessions) в главных городах графства и округа; коронер (coroner), выборное должностное лицо, обязанность которого состоит в констатировании случаев неестественной смерти, доставляет мировым судьям первые элементы судебных следствий. Уголовные трибуналы имеют свои заседания, в качестве ассизных судов, в Лондоне и в главных местах судебных округов. Высшие судебные установления соединены, с 1874 года, в Лондоне под именем Supreme Court of Judicature, а в некоторых специальных случаях сама палата лордов образует из себя судебный комитет, который решает дела в последней инстанции. Суд присяжных (jury), первые начатки которого мы находим уже у норманских и датских завоевателей Англии, развился в этой стране под своеобразной формой, и оттуда это учреждение, более или менее видоизмененное законодателями, распространилось в большей части государств Европы и Америки. В английском суде для произнесения вердикта безусловно требуется единогласное решение присяжных заседателей. Перед английскими судами положение лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях, обставлено всевозможными гарантиями беспристрастного закона и свободной защиты; до произнесения осуждающего приговора, органы судебной власти предполагают подсудимого невинным, и последний может даже прямо объявить, что не желает подвергаться каким бы то ни было допросам на судебном следствии: обвинение само обязано представить доказательства, утверждающие виновность подсудимого. Что касается обвиняемых в маловажных проступках, то они судятся сокращенным порядком и безапелляционно. В силу закона 1869 года, долговая тюрьма упразднена, но только для несостоятельных должников на сумму не менее 1.250 франк. (50 фунт. стерл.); личное задержание оставлено по-прежнему для тех несчастных, которым не удалось сделать долга, достигающего этой цифры. Законодатели не сочли нужным заниматься такими пустяками, как суммы меньшие 50 фунтов, а в результате вышло то, что число английских граждан, заключаемых в тюрьму за долги, все еще составляет несколько тысяч в год. Так, в

1874 году в долговой тюрьме содержалось:

За долги: свыше 50 франков—2.158 человек; от 6 до 50 франков—2.257 человек; от 1 франка 25 сант, до 6 франков—23 чел.; всего—4.438 чел.; в 1881 г. общее число заключенных за долги было 5.544 человека.

Лорд-канцлер носит в то же время титул «стража совести её величества», и со времен Генриха VIII государь оффициально именуется «защитником веры» (defensor fidei). Это значит, что англиканская религия составляет еще до некоторой степени оффициальный культ Англии; прежде всякий чиновник правительства должен был непременно принадлежать к господствующему вероисповеданию, и ни один брак не считался действительным, если он не был совершен по обрядам епископальной церкви. В Ирландии англиканская вера только с 1871 года совершенно перестала быть «установленной» религией; церковные имущества проданы, и ныне она занимает на этом острове ту же степень, как и римско-католическая вера, исповедуемая большинством жителей. Но в самой Англии значительная часть народного богатства все еще находится в руках англиканскаго духовенства. Высшие сановники церкви в Англии и княжестве Валлийском имеют каждый средним числом около 130.000 франков годового содержания и окружены деканами, архидиаконами и канониками, которые также получают значительные суммы, происходящие от ежегодных доходов с фундаций, постоянно возраставших со времени средних веков. Годовой доход с обыкновенного церковного прихода исчисляется в 7.500 фр. (300 фунт. стерл.), и, сверх того, пастор пользуется домом, почти всегда очень комфортабельным, и довольно обширным садом. Если приходский священник, кроме доходов, доставляемых его бенефицией, имеет еще какое-нибудь собственное состояние, как это и бывает в большинстве случаев, то он живет более, чем в довольстве,—он принадлежит к числу людей богатых. Доходы служителей установленной церкви в Англии и княжестве Валлийском в 1881 г. исчислялись следующим образом:

Прелаты—4.147.000 франк.; деканы, архидиаконы, каноники, пребендарии—4.418.275 фр.; приходские священники, в числе 14.003,—114.989.900 франков.

Места по духовному ведомству раздаются таким образом, чтобы укреплять могущество английской аристократии, и даже, можно сказать, что во многих отношениях церковь является лишь простым органом её власти. Достаточно просмотреть исторический обзор прений палаты лордов по различным мерам законодательства, чтобы убедиться, что епископы всегда защищали интересы сеньоров с большим усердием, чем сами лорды. Королева, принц Валлийский, канцлер государства, епископы, университеты, главные школы имеют право раздавать тысячи духовных бенефиций, и те бенефиции, которые не продаются косвенным образом, предоставляются сыновьям, племянникам и дальним родственникам знатных фамилий Англии.

Церковный патронат (право определять на духовные места) в 1881 г.:

	Число	Ценность во франк.
Бенефиции, раздаваемые епископами	3.580	29.601.325
Бенефиции, раздаваемые университетами и школами	782	8.225.975
Бенефиции, раздаваемые королевой	368	3.064.650
Бенефиции, раздаваемые принцем Валлийским	22	190.900
Бенефиции, раздаваемые лордом-канцлером	689	5.614.600
Бенефиции, раздаваемые канцлером герцог. Ланкастер.	41	418.500
Бенефиции частные	8.521	67.873.95
Всех вместе, без епископий, каноникатов и пр.	14.003	114.989.900

Из числа прелатов англиканской церкви только два архиепископа и двадцать четыре епископа имеют право заседать в палате лордов, хотя из вежливости титул лорда дается безразлично всем прелатам. Шотландская епископальная церковь, гораздо более демократическая в своих учреждениях, чем церковь Англии, не имеет мест в палате лордов для своих епископов; точно также архиепископы и епископы Ирландии не пользуются правом присутствовать в заседаниях парламента. Вне Англии, епископ Гибралтарский, так же, как шесть

миссионерских епископов, зависят по службе от лондонского епископа. Епископы колоний, подведомственные митрополитам, существуют ныне в числе 20 в Америке, 8 в Африке, 8 в Азии, 16 в Австралии; с европейскими прелатами они состоят лишь в братском общении, а епископы англиканской церкви Соединенных Штатов не имеют никаких сношений с духовными сановниками Соединенного Королевства.

Трудно узнать, насчитывает ли оффициальная церковь в Англии и в княжестве Валлийском больше или меньше последователей, чем различные церкви других наименований. В этом отношении статистики сильно расходятся друг с другом. Факт этот объясняется тем, что масса индифферентов, людей равнодушных к вере, причисляется одними статистиками к господствующей церкви, тогда как другими она, напротив, вычеркивается из списков. В Англии, как во всех европейских странах, те, которые мало заботятся о религиозных делах, но которые хотят сохранить некоторый вид верности культу, выдают себя по большей части за принадлежащих к религии государства или его главы; они, разумеется, далеки от мысли вступить в какую-нибудь секту, которая потребовала бы у них жертв и доказательств религиозной ревности, не доставляя им взамен никаких материальных выгод. Добровольный бюджет религиозных обществ в Англии в 1870 году представлял следующее процентное отношение: установленная церковь—42%; Другие протестантские церкви—58%.

Оффициальные документы, метрические книги с записями крещений и бракосочетаний доказывают, что в Англии епископальная церковь заключает в своем лоне, по крайней мере номинально, большинство народонаселения; в её же распоряжении находится две трети школ, получающих пособие от правительства; но если мы будем составлять статистику культов по степени усердия верующих в отношении посещения храмов Божиих, или по их готовности к жертвованиям, то не-англикане оказываются в значительном большинстве. В 1699 году религиозная перепись показала, что девятнадцать двадцатых населения исповедывали оффициальную обрядность. В 1851 году, эпоху, в которую постоянные посетители церквей представляли около трети населения, англикане были уже в меньшинстве, и с того времени разность еще более увеличилась. Число усердных верующих распределялось в Англии в 1851 году по культам следующим образом:

Англиканская церковь—2.971.258, или 47%; различные протестантские культы—3.135.575, или 48%; римско-католич. церковь—249.389, или 3%.

Численное большинство принадлежит диссидентам (то-есть отделившимся от господствующей церкви) в южной части княжества Валлийского; в земледельческих графствах собственно Англии, особенно в юго-восточных графствах, они составляют лишь весьма незначительное меньшинство; в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере общее число их не превышает пятнадцатой или даже двадцатой доли населения, тогда как в Плимуте большинство жителей состоит из диссидентов [в 1867 году они составляли 54,08 процента][1]; в Шотландии они составляли две трети населения. По оффициальным сведениям, отщепенцы от установленной церкви подразделялись в конце 1877 года на 122 группы, не считая тех диссидентов, которые не довольно многочисленны или не довольно богаты, чтобы построить собственную церковь или капеллу: при том же, то и дело возникают новые секты, которые по большей части распадаются со смертью своего основателя. Главные секты—веслеяне и баптисты, и обе они подразделяются на множество второстепенных ветвей или толков; но между организованными церквами есть много таких, которые состоят из очень небольшого числа членов, таковы: «христиане второго пришествия», «христолюбцы», элиазиты, ингамиты, сандеманиане или гласситы, «союз славы Божией», «союз Аллилуиа», «союз пробуждения», психологисты, эклектики, гуманитарии. Квакеры (иначе общество друзей) составляют секту слабую числом, так как их не насчитывается даже 18.000 во всем Соединенном Королевстве; но они пользуются значительным влиянием, благодаря своему среднему образованию, своему богатству и духу солидарности. По исчислению Фредерика Мартина, всех церквей на Британских

1 Ravenstein, „Denominational Statistics of England and Wales“.

островах было, 31-го октября 1877 года, 19.486.

Католики и последователи Моисеева закона были уравнены в политических правах с другими английскими подданными только в нынешнем столетии: первые в 1832, последние в 1858 году. Евреи, по профессии банкиры, купцы, артисты, живут почти все в больших городах; около четырех-пятых общего числа представителей иудейского племени находятся на жительстве в Лондоне. В Соединенном Королевстве евреев в 1891 г. было около 95.000; из этого числа в Ирландии 1.779. Число католиков значительно возросло в течение нынешнего столетия. Хотя отправление римско-католической религии было долгое время воспрещено в Великобритании, тем не менее там оставались, особенно между шотландскими кланами, целые населения, не переменившие веры в эпоху реформации, и старая религия сохранялась у большего числа дворян в центральной Англии, преимущественно в Ланкашире и Чешире. Число католиков в Англии в разные эпохи после реформации было следующее: в 1699 г,—27.696; в 1767 г,—67.916; в 1845 г,—284.300; в 1866 г.—982.060; в 1891 г.—1.400.000. Что касается Ирландии, то четыре пятых ея населения принадлежат к римско-католической церкви; по переписи 1891 года, жители этой страны распределялись по вероисповеданиям следующим образом:

Католиков—3.547.307; англикан—600.103; пресвитериан—444.974; методистов—55.500; других диссидентов—55.087; евреев—1.779.

Распространение католицизма в Великобритании должно быть приписано главным образом иммиграции ирландцев; как показывает карта вероисповеданий, именно в тех графствах, где переселенцы с зеленого Эрина живут массами, численное превосходство протестантов всего слабее[1]. Католицизм делает также успехи в среде богатых классов Великобритании, вследствие «ритуалистскаго» или обрядового движения, которое все более и более приближает к римской церкви ревностных англикан, известных под именем приверженцев «высшей церкви» (high church). В настоящее время насчитывают около двух миллионов католиков в Великобритании: они строят церкви и монастыри, и страна разделена папой на епархии, подобные тем, какие существуют в других государствах Европы. Вот относящиеся сюда числовые данные:

	В 1857 г.	В 1877 г.
Число католических священников в Англии	1.115	2.088
Число католич. церквей в Англии	894	1.315
Число католич. монаст. женск. в Англии	97	239
Число католич. монаст. мужск. в Англии	21	73

Католических епархий в Англии: 1 архиепископство, 14 епископств; в Ирландии: 4 архиепископства, 23 епископства. По переписи 1891 г., католических священников и монахов: в Англии 2.511, в Шотландии 409, в Ирландии 4.368.

Англичане и в особенности шотландцы отличаются большой ревностью в религиозных делах. Единственное средство привести в возбужденное состояние деревенскую толпу—это оставить в стороне всякие политические вопросы и налечь на вопросы, касающиеся культа[2]. Усердие британских островитян в этом отношении обнаруживается, между прочим, громадностью добровольного бюджета, посвящаемого ежегодно в Великобритании на постройку церквей и капелл, на содержание пасторов и проповедников, на печатание библий и книг духовного содержания, наконец на посылку миссионеров во все страны земного шара. Так, в 1873 году во всем Соединенном Королевстве доход главных религиозных обществ составлял 33.890.625 франков.

Библейское общество: доход—5.500.000 франк.; библий, напечатанных с 1812 по 1876 г.: 82.050.000 франк., на 220 языках. Лондонское миссионерское общество: доход—5.575.000 франк.; 385 миссионеров.

Вообще это необыкновенное рвение, обнаруживаемое британцами во все времена в деле

1 Ravenstein, „Denominational Statistics ol England and Wales“.

2 Bagehot, „The English Constitution“.

религиозной пропаганды, представляет в высшей степени замечательное этнографическое явление. По свидетельству Юлия Цезаря, которое подтверждается исследованиями новейших ученых[1], это из Великобритании друидские миссионеры пришли в Галлию, чтобы обращать туземцев в свою веру. Впоследствии, когда христианство заменило древних богов, монахи, проповедники новой религии, которые проникали в леса Германии и собственными руками срубали священные дубы, также были выходцы с Британских островов. После реформации, почти все протестантские секты получили начало в Англии и в Шотландии, откуда и распространились по другим странам христианского мира, да и в наши дни англичане все еще, сравнительно с другими народами, содержат в своем отечестве наибольшее число странствующих проповедников и посылают к язычникам наибольшее число миссионеров, служащих в одно и то же время торговыми агентами и раздавателями библий.

Англия, которой путешественники, миссионеры, коммерсанты рассеяны по всему свету, есть держава колониальная по преимуществу; она имеет в три раза больше иностранных подданных, чем сколько их есть у всех других государств Европы, взятых вместе. Главнейшие колонии и владения Англии:

	Пространство кв. клм.	Население, жителей
В Европе		
Гибралтар, Мальта, Гоццо	328	194.155
В Азии		
Британская Индия	4.853.091	290.975.200
Цейлон	64.276	3.038.239
Кипр	9.601	209.291
Северный Борнео	207.578	495.053
Малайские протектораты	86.000	605.000
В Африке		
Южная Африка	2.468.480	3.865.714
Западная Африка	117.728	1.526.456
Другие владения	4.878	939.016
В Америке		
Канада	8.767.700	4.829.411
Ньюфаундленд	110.670	202.100
Лабрадор	310.800	4.211
Багамские острова	13.960	47.565
Ямайка и др. острова	12.018	646.635
Гондурас	21.475	31.471
Британская Гвиана	229.600	284.887
Барбадос	430	182.306
Тринидад	4.839	226.383
Фалкландские острова	12.532	1.789
В Австралии		
Австралия	7,926,941	3.773.404
Новая Зеландия, острова Чатама	270.567	704.353
Острова Фиджи и проч.	20.837	121.180

Все колонии и владения Англии в 1893 г. занимали пространство 29.046.000 кв. килом., а население их исчислялось в 343.000.000 душ.

Колонии и владения других европейских держав в 1893 году:

1 D'Arbois de Jubainville;—Ernest Desjardins, „Description de la Gaule Romaine", II.

	Пространство	Население, душ
Владения голландские	1.984.300	30.789.000
Владения французские	6.450.000	42.000.000
Владения испанские	429.800	9.695.000
Владения португальские	924.000	5.371.200

Несмотря на громадность своих владений, Англия имеет, сравнительно с другими большими государствами Европы, наименее значительную постоянную армию. Конскрипции в Великобритании не существует, и правительство не может набирать в самом народе людей, которые могли бы служить ему орудием для противодействия народной воле: каждый год военные силы фактически были бы распускаемы, если бы парламент не вотировал их сохранение. В теории, государь Англии не имеет права содержать постоянную армию без согласия общин, которые доставляют необходимые фонды и ежегодно провозглашают остающимся в действии так называемый mutiny act, закон, по которому был установлен военный кодекс. Но это не более как конституционная фикция, прибавленная ко многим другим фикциям того же рода. Государь, глава армии, вверяет свою власть военному министру, который всегда назначается из лиц, не принадлежащих к армии, и главнокомандующему, который подчинен в своих действиях этому, ответственному перед парламентом, министру.

Английская армия пополняется посредством вербовки и почти исключительно молодыми людьми от восемнадцати до двадцатилетнего возраста: мужчин зрелых лет поступает в войско очень немного, потому что профессия солдата одна из тех, которые не представляют никакой перспективы для честолюбия: все офицеры выбирается между воспитанниками, выходящими из военных училищ Вульвичского и Сандгорстского и, которые почти все принадлежат к богатым или знатным семействам. Значительный процент солдат состоит из людей, вербуемых на короткий срок, то-есть на три года; затем они увольняются в бессрочный отпуск и в продолжение девяти лет получают небольшое месячное жалованье, с обязательством явиться, по первому требованию, в свои полки, в случае войны. Военная служба в Англии, если не тяжелее, чем на континенте Европы, то по крайней мере внушает гораздо больший страх, и со времен крымской войны среднее число дезертиров в этой стране никогда не бывало меньше пятой части общего количества рекрутов; иногда же оно составляло целую половину. Так в период с 1862 по 1874 г. число рекрут в английской армии было 130.171; число дезертиров 40.311; отношение числа дезертиров к числу рекрут 31%.

Часто органы судебной власти пользуются всеми рессурсами, какие только дает им толкование закона, чтобы оправдать дезертира, и тем избавить свое графство от расхода, которого потребовало бы пребывание его в тюрьме в продолжение нескольких месяцев.

Регулярная армия Соединенного Королевства делится на полки небольшого численного состава и по родам оружия распределяется следующим образом:

Пехота: 3 полка гвардейские, 109 полков армейских или линейных; численный состав полка 1.097 человек в военное время; численный состав полка от 600 до 900 человек в мирное время.

Кавалерия: 10 полков гвардейских, 21 полк линейный.

Артиллерия: 30 бригад.

Инженеров 40 рот; 4 роты понтонеров.

Но к этим силам правительство могло бы, в случае опасности, прибавить резервы и милицию, которые обязаны нести военную службу в силу закона. Кроме того, Англия, употребляя свою регулярную армию за пределами государства, могла бы рассчитывать на волонтеров для защиты отечества. Эта сила, созданная по собственному желанию и почину общественного мнения, более серьезна, чем говорят старые солдаты, поклонники рутины: хорошо обученная, хорошо управляемая, она могла бы иметь немаловажное влияние на военные события. Волонтеры уже способствовали в значительной мере своими требованиями улучшениям всякого рода, которые были введены в последнее время в вооружении и организации

регулярных войск[1]: они, можно сказать, представляют собою общественное мнение в армии. Число солдат, которое Англия могла бы иметь под знаменами, в случае национальной опасности, определяют в 700.000 человек.

Наличный состав сухопутных военных сил Англии в 1898 году:

Постоянная армия внутри страны—10.423 офицера; нижних чинов—226.363; резервы—1.100 офиц.; нижних чинов—80.080; милиция—3.715 офиц.; нижн. чин.—130.435; Yeomanry (конная милиция)—686 офиц.; нижн. чин.—11.038; волонтеры 9.458 офиц.; нижн. чин.—252.596; всего:—25.382 офиц. и 700.512 нижних чинов.

Ни один город внутри страны не имеет укреплений; каменные стены, которыми окружены некоторые средневековые города Великобритании, имеют цену только для археологов, да для любителей живописных развалин. До сих пор поднимался вопрос только об устройстве оборонительных укреплений на холмах Норт-Даунс, к югу от бассейна Темзы, расположенных уже в форме естественных земляных валов: Альдершотский лагерь помещается напротив одной из брешей этой горной цепи. На морских берегах существует много укреплений: все заливы, бухты и лиманы, обращенные к континенту, вооружены крепостями. Но истинная защита Великобритании до настоящего времени заключалась в её «деревянных стенах», то-есть военных кораблях. В этом отношении Англия сохранила свое превосходство над другими державами Европы и Нового Света. В принципе, морские военные силы существенно отличаются от сухопутных, так как флот представляет, в противоположность армии, учреждение постоянное, и парламенту нет надобности каждый год вотировать закон о сохранении морских сил. Моряки, численность которых (считая тут и морскую пехоту, mariners) простирается до 100.000 человек, набираются, как и солдаты сухопутной армии, посредством добровольной вербовки; однако, старый закон о принудительном наборе, дозволяющий вербовщикам насильно забирать молодых людей на службу во флоте, оффициально еще не был отменен. Английский флот, не считая флотилий, предназначенных специально для защиты Индии и Австралии, заключает в себе около 450 судов, линейных кораблей, фрегатов, корветов, крейсеров, миноносных, вестовых и транспортных судов; к этому нужно еще прибавить вновь строящиеся военные суда, которые приготовляются поддержать могущество британского флота, утилизируя все новейшие усовершенствования, чтобы увеличить его боевую силу, как наступательную, так и оборонительную. Боевой броненосный флот состоит из полсотни панцырных судов в состоянии полного вооружения, обшитых броней толщиной от 11 до 60 сантиметров.

Военный флот Великобритании в 1897 г.: Судов новой постройки (1886-97 г.г.) 283, в 1.844.500 индикаторных сил и с 1.678 пушками (калибра более 10 сантиметр.). Судов старой постройки: 213, в 338.000 сил, кроме миноносок, стационеров и пр.

Англия еще более могущественна своими финансами, чем своей сухопутной армией и многочисленным флотом; громадные рессурсы бюджета—вот что дает ей привилегированное положение среди европейских государств. Без сомнения, долг английской казны уступает по цифре только государственному долгу Франции; он превышает даже долг Соединенных Штатов на несколько миллиардов; но со времени войн начала текущего столетия он уже убавился более, чем на два миллиарда, и сравнительно с производительной силой нации, которая, впрочем, увеличилась с этой эпохи ровно в два раза по числу жителей, тягость государственного долга, разложенная на каждого плательщика, значительно уменьшилась, как видно из следующего сопоставления относящихся сюда цифр:

Долг Англии:

В 1817 году: 21.021.262.275 фр. 1.124 фр. на каждого жителя.

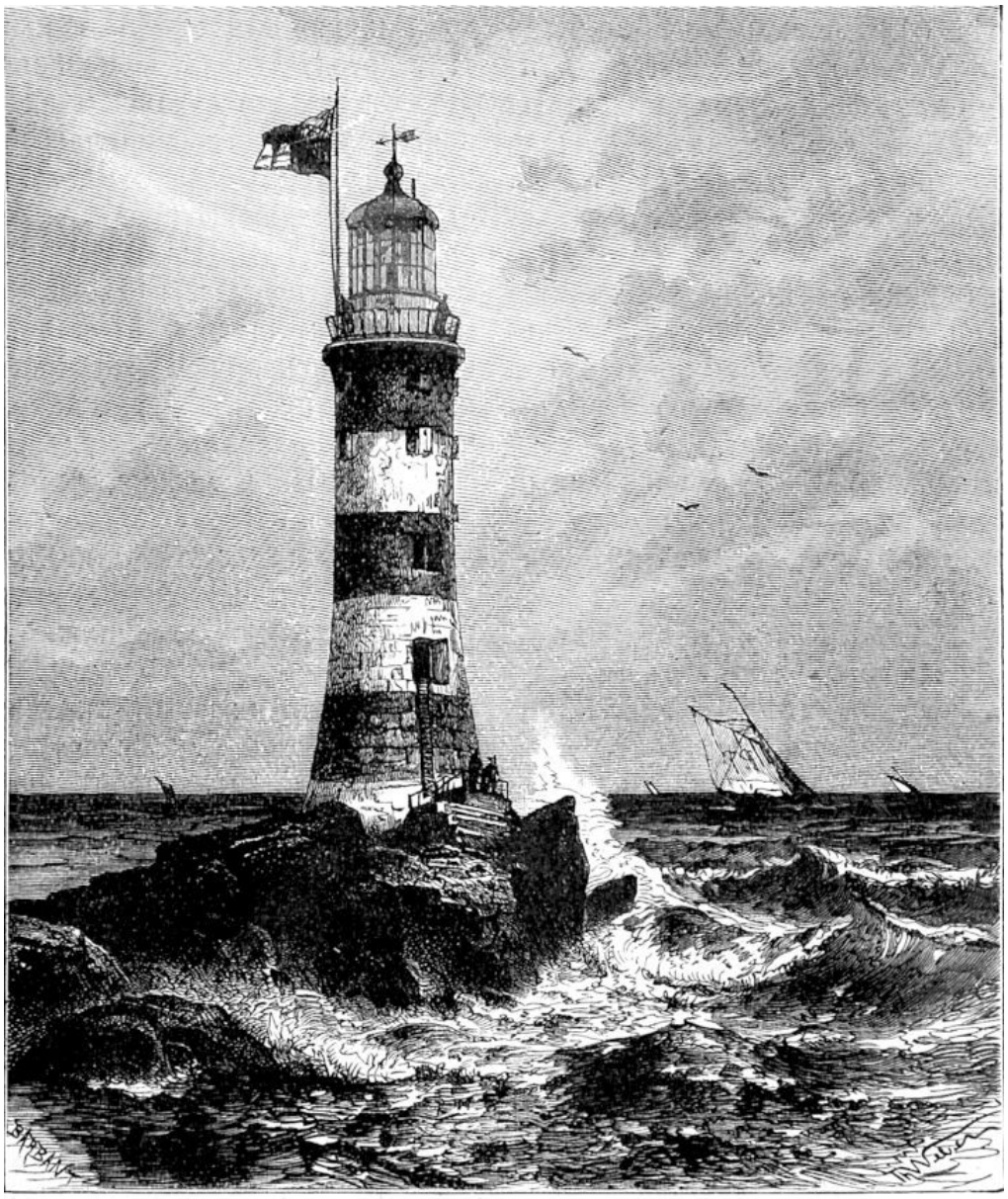
В 1884 году: 18.660.599.100 фр. 570 фр. на каждого жителя.

Общая сумма государственного долга в 1897 году: 640.773.679 фунт. стерл.

Ежегодный расход по государственному долгу (уплата процентов и погашение), прости-

1 Sir Garnett Wolsley, „Nineteenth Century", 1878.

равшийся некогда до 800 миллионов, убавился слишком на 100 миллионов, и излишки доходов, которыми казна часто располагала, были употребляемы на уменьшение налогов, лежащих тяжелым бременем на населении. В период с 1862 по 1877 год подати и налоги, уменьшенные или вовсе отмененные, превышали на 667 миллионов новые обложения; подоходный налог (income-tax), который в 1855 году достигал 16 пенсов с фунта стерлингов, то-есть 4 процентов, был понижен до 3 пенсов, и доходы меньшие 3.750 франк. (150 фунт. стерл.) совершенно освобождены от налога, но суданская экспедиция вызвала повышение этого добавочного налога (в 1894-95 г. подоходный налог дал 15.600.000 фунт. стерл.). Ан-



Эддистонскій маякъ.

глийское правительство благоразумно воздерживалось, уже более полстолетия, от заключения новых займов,—средства, которым так часто и в такой широкой мере пользовались другие государства. Между тем, как французские ренты находятся в руках четырех миллионов лиц, британские консоли (British Consols, т. е. билеты отвержденного государственного долга) распределены всего только между 250.000 владельцами.

Однако, чтобы сравнить тяжесть налогов у различных народов, нужно принять в рассчет все расходы местные и провинциальные, так же, как и государственные. В настоящее время бюджет местных расходов в трех королевствах превышает полтора миллиарда; следовательно, сумма налогов в Великобритании и Ирландии простирается до четырех миллиардов

франк.

Государственный бюджет в финансовом 1896-97 г.: 100.480.000 фунт. стерл.

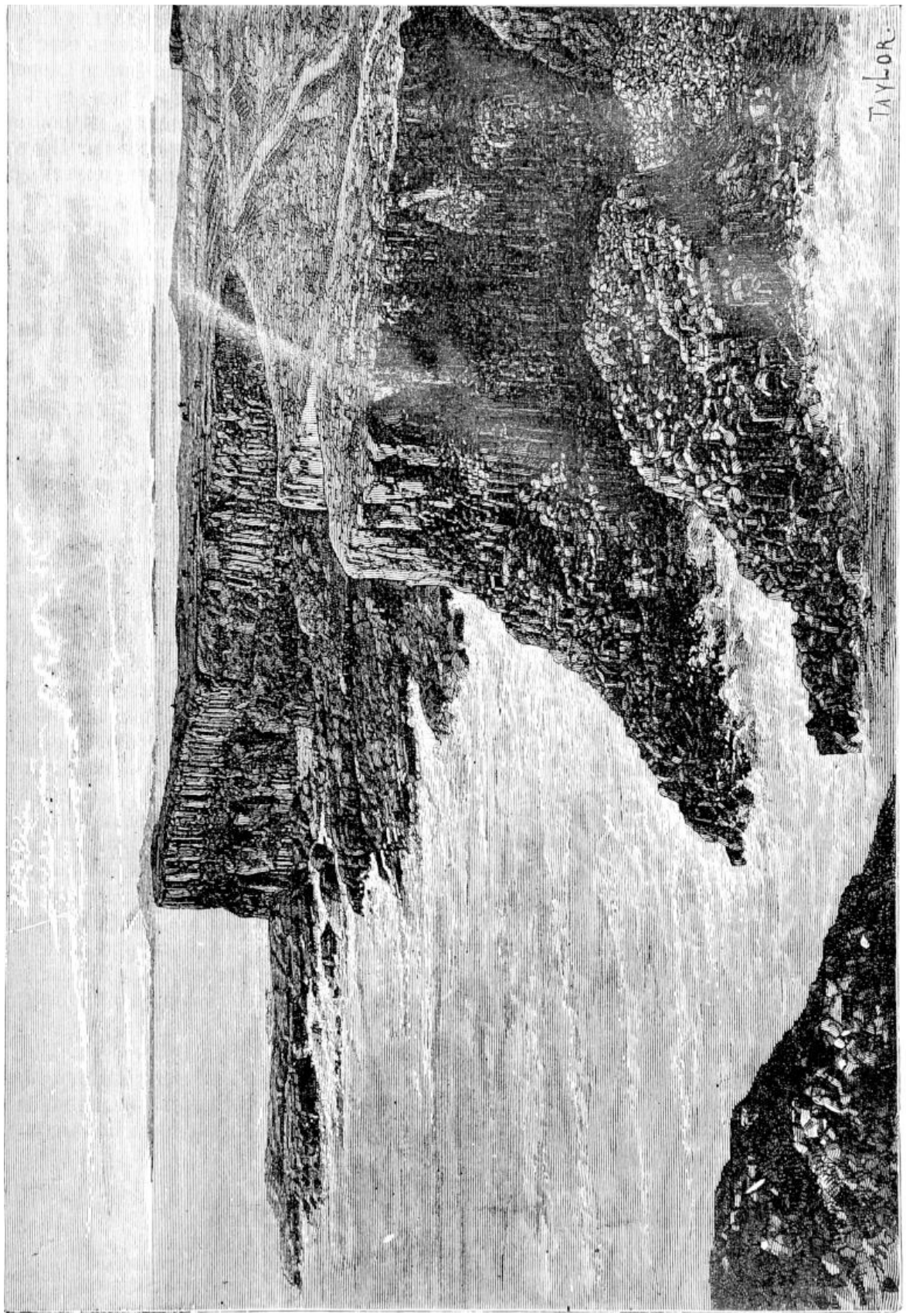
Все прямые и косвенные налоги в 1892-93 г. составляли 70 шиллин. на каждого жителя.

Англичанин, средним числом, платит почти столько же, как и француз, на содержание правительства и администрации. Кроме того, английский бюджет солидарен с бюджетом остиндским, который обыкновенно дает дефицит: обедневшие населения Индостана не в состоянии более собственными средствами покрывать расходы по управлению их страной, и потому Англия вынуждена в той или иной форме, посредством субсидий или поддержкой своего кредита, оказывать помощь своей Индийской империи. Оттого Соединенное Королевство, как и все другие государства Европы, должно распоряжаться своими финансами с величайшей бережливостью и осторожностью, в предвидении опасностей, могущих представиться ему в будущем, и его рессурсы нельзя назвать «неисчерпаемыми».

Было бы слишком смело делать какия-нибудь предсказания насчет будущей судьбы Англии, как политической державы. Одно только несомненно—это то, что из всех наций земного шара ни одна не имеет и никогда не имела столь сложных, запутанных интересов, ни одна не находилась и не находится, по своим отдаленным колониям, в непосредственной связи с таким множеством племен и народов. Ни одно политическое событие, ни одно колебание в области торговли и промышленности не совершится где бы то ни было на обоих полушариях без того, чтобы Англия тотчас же не почувствовала его влияния, без того, чтобы действие его не отразилось на её интересах. Ни один из существующих государственных организмов не отличается большею чувствительностью к внешним впечатлениям: от берегов Новой Гвинеи до Фалклендских островов, от Ванкувера до Гонг-Конга, все движения политической и экономической жизни народов немедленно отражаются в Лондоне, в Ливерпуле, в Гласгове, и равновесие Великобритании в большей или меньшей мере оттого изменяется. Судьба английского народа связана с судьбой всех наций, с которыми он состоит в постоянных торговых сношениях.

Между английскими владениями есть такия, как, например, Канада, различные колонии Австралии, Новая Зеландия, которые приобрели уже существование действительно независимое и которые развиваются на свободе, увеличивая в одно и то же время как собственное могущество, так и нравственный авторитет своей метрополии. Эти владения составляют для Англии силу и ни в каком случае не могут быть для нея причиной опасностей. Но нельзя того же сказать об Индии. Там англичане не у себя дома: в числе нескольких тысяч, они водворились в качестве повелителей над двумя стами миллионов, даже почти над тремя стами миллионами людей, если считать государства косвенно покоренные; мало того: посредством своих крепостей и многочисленных рынков они являются господами почти на всех южных окраинах Азиатского континента, и политика их тесно связана с политикой арабов и персиян, бирманов, малайцев и китайцев. В своем исполинском эллипсе, обнимающем большую часть Старого Света, британское владычество имеет два фокуса—королевство Англию и империю Индию; но в этой последней империи английское господство пе имеет естественной точки опоры, и нормальное развитие народов Индостана побуждает их стремиться к освобождению своей страны от чужеземной опеки. В настоящее время для англичан дело идет о том, чтобы сохранить прочно в своей власти все дороги, соединяющие сушей или морем два главные центра Британской империи. Ни одна нация не оспаривает у них морских путей, идущих вокруг африканского континента; посредством Суэзского канала, которого они недавно сделались главными владельцами, посредством крепостей Гибралтара, Мальты, Адена они владеют также прямым путем, проходящим чрез Средиземное и Красное моря. Овладев островом Кипром, присвоив себе протекторат над Малой Азией, Англия заранее обеспечивает за собой надзор над торговыми трактами, которые со временем откроются из Константинополя к Персидскому заливу через долину Евфрата. Но далее на севере существуют еще другие пути, от Черного и Каспийского морей к горным проходам Гинду-Куш, и с этой стороны её линии сообщения подвергаются опасности и могут быть прерваны. По торговым

сношениям, моря принадлежат всем; но, как военная держава, Россия старается открыть себе выход к югу: ей нужны ворота на южные моря, на Архипелаг и Оманское море. Англия пытается загородить дорогу России в этом направлении. Будет ли она достаточно сильна и в



Стаффа.

особенности достаточно единодушна, будут ли ей благоприятствовать события для того, чтобы она могла еще долгое время сохранять за собой проходы громадной естественной стены, которая тянется от Балканских до Гималайских гор? От этого зависит её будущность, не как

нации,—потому что и по утрате своих внешних владений она может посылать своих колонистов в чужия страны и продавать свои товары за границу,—но как державы, преобладающей на Средиземном море и на континенте Азии. Великобритания похваляется тем, что она видела, в продолжение многих поколений людей, как революции останавливались у пролива, отделяющего ее от европейского континента. В последние пятьдесят-шестьдесят лет все нации Европы и Америки испытали насильственные потрясения, тогда как Англия чувствовала лишь отдаленные волны этих политических бурь. Но теперь и для неё начинается критический период: и она, может быть, в свою очередь, очутится среди шторма и волнения. Как бы то ни было, подготовляются значительные движения, и Англия, по всей вероятности, более чем всякая другая нация, будет играть роль в этой новой драме всемирной истории.

Следующая таблица показывает относительную важность графств Соединенного Королевства по величине пространства и числу жителей:

Деление по округам народной переписи	Графства	Пространство в квадратных километрах	Население в 1891 году
Англия			
Юго-восточная (South-Eastern) Пространство: 16.451,14 кв. килом.	Соррей	1.937,52	1.731.343
	Кент	4.206,22	1.142.324
	Суссекс	3.791,39	550.446
	Саутгамптон (Гантс, Гемпшир)	4.330,84	690.097
	Беркшир	1.825,93	238.709
Южно-центральная (South-Midland) Пространство: 12.954,70 кв. килом.	Мидльсекс	728,95	3.251.671
	Гертфорд	1.582,84	220.162
	Буккингам	1.889,54	185.284
	Оксфорд	1.912,96	185.669
	Нортгампшир	2.550,87	302.183
	Гонтингдон	928,89	57.761
	Бедфорд	1.196,14	160.704
	Кембридж	2.125,27	188.961
Восточная (Eastern) Пространство: 13.065,53 кв. килом.	Эссекс	4.291,93	785.446
	Суффольк	3.834,98	371.235
	Норфольк	5.480,48	451.516
Юго-западная (South-Western) Пространство: 20.210,40 кв. килом.	Вильтшир	3.500,78	264.997
	Дорсетшир	2.557,60	194.517
	Девоншир	6.706,12	631.808
	Корнуэль	3.535,20	322.571
	Сомерсетшир	4.237,80	484.337
	Глостершир	3.258,00	599.947
Западно-центральная (West Midland) Пространство: 17.443,62 кв. килом.	Герифордшир	2.164,28	115.349
	Шропшир	3.342,80	236.339
	Стаффордшир	2.947,90	1.083.408
	Верстершир	1.910,73	413.760
	Варвикшир	2.282,14	805.072
	Монмаутшир	1.490,80	252.416
Северо-центральная (North Midland) Пространство: 14.339,10 кв. килом.	Лестершир	2.080,67	373,584
	Рутленд	387,70	20.659
	Линколиншир	7.184,76	472.878
	Ноттингамшир	2.128,87	445.823
	Дербишир	2.665,98	528.033
Северо-западная (North Western) Пространство: 8.094,36 кв. килом.	Честер	2.861,34	730.058
	Ланкастер	4.933,83	3.926.760
Йорк	Йоркшир	14.789,29	3.208.828
Северная (Northern) Пространство: 14.132,39 кв. килом.	Дургам	2.518,99	1.016.559
	Нортумберленд	5.055,55	506.030
	Кумберленд	4.051.86	266.549
	Вестморленд	1.964,41	66.098

Деление по округам народной переписи	Графства	Пространство в квадратных километрах	Население в 1891 году
Валлис			
Княжество Валлийское Пространство: 19.159,09 кв. килом.	Флинт	748,25	77.277
	Денбиг	1.562,25	117.872
	Энглези	782,85	50.098
	Карнарвон	1.498,38	118.204
	Мерионет	1.559,17	49.212
	Монтгомери	1.955,86	58.003
	Раднон	1.101,23	21.791
	Кардиган	1.794,26	62.630
	Пемброк	3.625,53	89.133
	Кермартен	2.453,62	130.566
	Брекнон или Брекон	1.862,14	57.031
	Гленморан	2.215,55	687.218
Шотландия			
Южная Пространство: 8.057 кв. килом.	Витгаун	1,256	36.062
	Керккудбрайт	2.326	39.985
	Домфриз	2.753	74.221
	Роксбург	1.722	53.741
Юго-восточная Пространство: 4.725 кв. килом.	Селькерк	666	27.353
	Бервик	1.191	32.406
	Пибльс	916	14.761
	Гаддингтон	702	37.485
	Эдинбург	938	434.159
	Линлитгау	311	52.808
Юго-западная Пространство: 5.841 кв. килом.	Эйр	2.922	226.283
	Ланарк	2.284	1.046.040
	Ренфру	635	290.798
Западно-центральная Пространство: 10.774 кв. килом.	Бьют	562	18.404
	Думбартон	624	94.495
	Стерлинг	1.158	125.608
	Арджиль	8.430	75.003
Восточно-центральная Пространство: 10.386 кв. килом.	Клекманнан	122	28.432
	Кинросс	189	6.280
	Файф	1.274	187.346
	Перт	6.535	126.184
	Форфар	2.266	277.788
Северо-восточная Пространство: 9.731 кв. килом.	Кинкардин	992	35.647
	Абердин	5.102	281.332
	Банф	1.775	64.190
	Перн	557	10.019
	Эльджин	1.375	43.453
Северо-западная Пространство: 21.253 кв. килом.	Инвернесс	11.020	89.317
	Росс и Кромарти	10.233	77.810
Северная Пространство: 6.729 кв. килом.	Сотерленд	4.885	21.896
	Кэтнес	1.844	37.177
Острова Пространство: 2.626 кв. килом.	Оркадские	1.036	30.453
	Шетландские	1.590	28.711
Ирландия			
Лейнстер Пространство: 19.565,28 кв. килом.	Карлоу	895,49	40.936
	Дублин	915,81	419.216
	Кильдер	1.693,18	80.206
	Килькенни	2.052,69	87.261

Деление по округам народной переписи	Графства	Пространство в квадратных километрах	Население в 1891 году
	Кингс-Каунти	1.995,09	65.563
	Лонгфорд	1.040,01	52.647
	Лоут и Дродега	814,99	71.038
	Мит	2.340,01	76.987
	Квинс-Каунти	1.719,28	64.883
	Вестмид	1.755,35	65.109
	Вексфорд	2.319,58	111.778
	Уилко	2.022,90	62.136
	Клер	3.108,96	124.483
	Корк	7.441,59	438.432
Мюнстер	Керри	4.891,58	179.136
Пространство: 24.016,40 кв. килом.	Лимерик	2.689,89	158.912
	Типперари и Кашель	2.244,85	173.188
	Ватерфорд	1.846,53	98.251
	Антрим	2.883,54	428.128
	Армаг	1.263,91	143.289
	Каван	1.886,84	111.917
	Донегаль	4.185,47	185.635
Ульстер	Даун	2.467.76	267.059
Пространство: 21.527,67 кв. килом.	Ферманаг	1.690.65	74.170
	Лондондерри	2.077,52	152.009
	Монаган	1.289,79	86.206
	Тайрон	3.152,19	171.401
	Галвей	6.066,83	214.712
	Лейтрим	1.522,43	78.618
Коннот	Майо	5.346,83	219.034
Пространство: 17.130,45 кв. килом.	Роскоммон	2.368,97	114.397
	Слиго	1.825,39	98.013
Острова королевства (имеющие отдельное управление)			
Мен		728,41	55.598
Острова Ламанша		188,91	92.272
Все Соединенное Королевство (вместе с солдатами и матросами, находящимися за границей)		313.675,03	37.879.285

Глава XII Острова Северной Атлантики

Фарерские, Исландия, Ян-Майен

I. Фарерские острова

«Острова Овец» или «Мореплавателей»,—этимологи до сих пор расходятся в мнениях относительно вероятного смысла названия Faroer,—составляют, в политическом отношении, владение Датского королевства; но географически они не принадлежат к группе скандинавских земель. Это—уединенный архипелаг, лежащий среди Атлантического океана и окруженный пучинами в несколько сот метров глубины: подводная возвышенность, на которой стоят эти острова, образует в океане нечто в роде четырехъугольного пьедестала, и самый глубокий ров на краю этого подводного фундамента открывается именно на востоке, по направлению к Скандинавии. Фарерские острова лежат вдвое ближе к каледонским архипе-

лагам, к Шетландским, Оркадским и Гебридским островам, чем к наименее отдаленному норвежскому прибрежью; точно также и мель Фарерских островов соединяется, посредством подводного порога, с Гебридскими островами. Судя по общему ориентированию земель, можно полагать, что Фарерские острова суть остаток древней цепи гор, другой отрывок которой мы видим в скале Роккаль, и что эта цепь тянулась параллельно кряжам каледонских островов и Верхней Шотландии. По своим горным породам, по своему климату, флоре и фауне, Фарерский архипелаг также имеет сходство с соседними островами Шотландии; но по истории своих жителей, все эти земли, как Фарерские, так и Шетландские острова, должны быть признаны скандинавскими, а не британскими.

Подобно Шетландским и Оркадским островам, Фарерский архипелаг состоит из больших островов, малонаселенных, из маленьких островков, необитаемых, но представляющих кое-какие пастбища для овец, и наконец из бесплодных скал, около которых кружатся птицы несметными стаями. Поверхность всего архипелага приблизительно равняется 1.333 квадр. километрам, а население в 1890 году состояло из 12.955 душ(в 1880 году 11.220 душ), так что на каждый квадратный километр приходится около 9 жителей. Почва почти везде гористая и поднимается в виде высоких скалистых мысов и холмов: на островах Строме и Остере многие вершины достигают 600 слишком метров высоты; гора Слаттаретиндур, на севере о. Остере, поднимается до высоты 840 метров. Скалы, покрытые тонким слоем растительной земли, одеты дерном или мхом, и от берега моря до самых возвышенных вершин следуют одни за другими нежные оттенки трав и вересковых пространств. Дома, рассеянные большею частию по одиночке, такого же цвета, как и холмы, по причине их зеленых кровель, крытых дерном: даже на довольно близком расстоянии их трудно различить[1]. Подобно тому как утесы Шотландии и Скандинавии, скалы Фарерских островов изборождены мимошедшими льдами; во многих местах можно ясно убедиться, по линиям, начертанным в направлении от востока к западу и от севера к югу, что через архипелаг, в то время едва выступавший над поверхностью моря, проходили вереницы пловучих льдин, падавших с норвежских глетчеров.

Геологические формации Фарерских островов по большей части вулканического происхождения: это—преимущественно базальты, расположенные уступами одни над другими в виде террас и расколовшиеся снаружи, так что на колоннадах там и сям растет небольшими кусками зеленый мох, а зимою видны белые полосы снега на черной скале, похожия издали «на куски полотна, растянутые по холмам вокруг мануфактурных городов»[2]; но некоторые мысы, в особенности на Остере, или Восточном острове, представляют ряды столбов прямых и величественных, как базальтовые колонны Ратлина и Стаффы. Эти базальты появились, вероятно, в миоценовую эпоху; осадочные формации, встречающиеся на Южном острове (Судере) и на островах Мигенес и Тиндгольм, и заключающие залежи каменного угля, относятся, по времени происхождения, вероятно, к тому же веку. Как глыбы, отделенные от древней цепи гор, скалы архипелага расположены соответственно, утес против утеса, по обе стороны глубоких проливов, служащих каналами для приливов и течений моря, которое некогда пробило в разных местах эту горную массу. Некоторые из утесов изрыты по бокам гротами и пещерами; а один остров, именно Нальсе (Nalso), близ Торсгавна, даже пробуравлен насквозь, как ушко иголки,—откуда и произошло его название,—так что во время отлива можно пройти через весь остров, под сводом около 300 метров толщиною[3]. Некоторые утесы на северной стороне островов, обрезанные постоянным ударением паров Атлантического океана, поднимаются почти вертикально на сотни метров в высоту. Таков, например, Кодленский мыс, который имеет не менее 340 метров вертикальной крутизны и составлен по всей своей толщине из слоев, чередующихся сотнями, при чем одни из слоев состоят из глин и туфов светлых цветов, другие из траппов почти черных: общий вид скалы напоминает гро-

1 Wyville Thomson, „Depths of the Sea"

2 „Tracings of Iceland and the Feroe Islands".

3 Charles Forbes, «Iceland, its Volcanoes, Geysers and Glacies".

мадную полосатую драпировку.

Фарерские острова полнее, чем всякий другой архипелаг северной Атлантики, омываются течением теплой воды, идущим из тропических стран (гольфстремом) и приносящим зерна, целые стволы деревьев, иногда даже произведения человеческого искусства, как это случилось, например, в 1817 году, когда этот теплый поток принес обломок лодки из красного дерева, источенный фоладами[1]; только на восточной стороне архипелага ощутительно, в поверхностных слоях моря, влияние холодного течения. Средняя температура волны, ударяющейся о берега Фарерских островов, изменяется в продолжение года не более, как на два градуса: с 7,5° в январе она поднимается до 9,5° в июле, и едва-ли существуют, вне экваториального пояса, морские области, где бы годовая разность между наибольшей и наименьшей степенью тепла была менее значительна. В воздухе средняя разность между летней и зимней температурой едва превышает 7 градусов; среди января, под той же широтой, как Лабрадор, и в то время, как вода замерзает даже на многих берегах Средиземного моря, атмосферная температура на Фарерских островах около 3 градусов; климат там сырой, небо пасмурное, серое от массы паров или струящее дожди. Не теплоты, а света недостает этим островам: оттого все поля обращены скатом на юг, для того, чтобы могли получать побольше солнечных лучей[2]. Зимой не бывает морозов, но и летом не бывает жаров; бури часты; грозы, приходящие с запада, как и зыбь Атлантического океана, часто поднимают страшное волнение на море, и ярость их еще более увеличивает силу морских приливов, которые сталкиваются в проливах и образуют водовороты, очень опасные для рыболовных судов.

Прежде единственными дикими млекопитающими на архипелаге были различные породы мышей, верных паразитов человека; но с половины текущего столетия на островах Стреме и Остере был разведен один вид зайца, именно альпийский заяц (Lepus alpinus), и размножился там в значительном числе. Напротив, попытки акклиматизации глухаря не увенчались успехом. Пресмыкающихся, земноводных на Фарерских островах совсем нет. Но зато морские птицы носятся мириадами вокруг островов и особенно вокруг маленьких, необитаемых островков; средним числом, охотники набивают каждый год около 235.000 морских попугаев или lundes (Fratercula arctica), перья которых составляют важный предмет торговли. Мели, окружающие острова, изобилуют рыбой. Банки Фарерского архипелага посещаются множеством рыбачьих судов в период лова, в особенности банка, которая тянется в 35 километрах к востоку, и которую англичане моряки называют Bone-bed или «ложем костей», по причине груд органических остатков, которыми она покрыта: как доказывают ископаемые, эти мели суть не что иное, как древние, погрузившиеся в море, земли. Большинство рыбопромышленников всех наций, которые посещают фарерские мели, ловят и солят рыбу на своих шлюпках, но многие из английских рыболовных судов имеют в середине резервуар, в который проникает морская вода и куда запирают живую треску, что дает им возможность доставлять рыбу в свежем виде на лондонский рынок. На вершине мысов видны маленькия стены из сухих камней, воздвигнутые туземцами для сушки рыбы: делается это с той целью, чтобы защитить рыбу от мух, которые никогда не взлетают на такую высоту. Часто эти стены дотого круты, что рыбак может взбираться на них не иначе, как при помощи веревок. Подобно тому, остров Большой Димон имеет форму огромного столба, и пастбища его доступны пастуху только при помощи каната: только этим способом он мог поднять на верх своих овец[3].

Иногда черные дельфины или морские свиньи (Delphinus melas, globiceps, по местному hval) и другие китообразные млекопитающие выплывают в большом числе на песчаные берега архипелага и таким образом доставляют местным жителям значительный, хотя и непостоянный, источник доходов. Круглоголовые дельфины посещают воды Фарерских островов всего чаще летом и осенью, особенно в туманную погоду, которая получила у фарерцев осо-

1 Lymgbye,—Sartorius von Valtershausen, «Physisch-Geographische Skizze von Island».

2 Robert Chambers, «Tracings of Iceland and the Feroe Islands».

3 Robert Chambers, „Tracings of Iceland and the Feroe Islands“.

бое название, указывающее на появление этих гостей: grindemorke и grindeveir; словом grind они называют стада этих дельфинов, которые всегда странствуют в компании, сотнями и даже тысячами. Когда экипаж рыболовного судна заметит grind по близости архипелага, тотчас же поднимают матросскую куртку на верхушку мачты, рыбачьи лодки сбегаются со всех сторон при криках: «grindebo! grindebo!», и вскоре полукруг лодок, постепенно съуживаемый, выстраивается вокруг стада морских свиней и гонит их к какому-нибудь отлогому берегу, заключенному между двумя высокими мысами. Убегая к берегу, испуганные животные поднимают ленящиеся волны, похожия на столкновения двух противоположных течений, и, увлекаемые волнением, садятся на мель высоко на песке. Тогда начинается drab или избиение, в котором принимает участие почти все взрослое население архипелага. В тридцатилетний период с 1833 по 1862 год самый обильный улов дал 1843 год, когда было поймано около 3.150 дельфинов, из которых извлекли 4.000 гектолитров жира, и мясо которых, разрезанное на тонкия полоски, служило кормом для 600 коров, к большой выгоде молочного производства. В этот период было всего 248 «избиений» черных дельфинов, и убито 37.986 штук, так что, следовательно, на каждый лов средним числом приходилось по 153 дельфина; общая ценность полученного жира, отправленного в Копенгаген, равнялась 3.800.000 франк.[1] Интересно, что в былые времена фарерские моряки никогда не начинали лова, не уверившись наперед, что ни одна женщина и ни один священник не смотрит на них с берега; они были убеждены, что в противном случае лов будет неудачный или даже будет сопровождаться каким-нибудь несчастием[2].

Впрочем, старинные суеверия вообще долго держались на этих отдаленных островах. Так, например, семена растения Entada gigalobium, приносимые морским течением с Антильских островов, считались прежде на Фарерском архипелаге веществом, обладающим чудодейственной силой: пока Дебес не признал эти семена за «антильские бобы», в них видели то почку какого-то таинственного карлика, то сердце св. Фомы; размельченные в муку горошины употреблялись как лекарство против всяких болезней, особенно при родовых болях[3]. Некоторые ключи и родники почитались священными, родители крестили в них новорожденных детей; это древнее обожание источников долго сохранялось[4], хотя первыми обитателями страны были, как гласит народное предание, ирландские монахи.

Нынешнее население Фарерских островов почти исключительно норвежского происхождения, хотя язык, котором оно говорит теперь, ничем не отличается от датского: родоначальники этого населения были выходцы и потерпевшие крушение, поселившиеся на островах во второй половине девятого столетия. Фарерцы почти все отличаются высоким ростом, и вся наружность их носит отпечаток силы и здоровья: между ними очень редко можно встретить хромых или немощных: многие достигают глубокой старости, благодаря простоте их образа жизни. Они по большей части имеют важный, почти суровый вид, вполне гармонирующий с угрюмым характером окружающей природы; но достоинство проглядывает не только в их наружности и манерах,—оно составляет также отличительную черту их характера и поведения, и хотя они смотрят с некоторым беспокойством на прибытие чужеземцев, которые часто приносили с собой заразительные болезни, они, тем не менее, очень гостеприимны. Путешественники, останавливающиеся в Торсгавне (Thorshavn, т.е. гавань Тор), главном порте архипелага, не могут нахвалиться радушным приемом, оказываемым им жителями края. Что касается датских чиновников, которые считают себя изгнанниками на этих уединенных землях, где они не находят ничего похожего на копенгагенскую жизнь, то всякий иностранец является для них желанным вестником цивилизованного мира.

Архипелаг делится, в административном отношении, на шесть округов: Стреме, Нордере,

1 Irminger, „Notice sur les peches du Danemark“.

2 Xavier Marmier, „Expedition au Spitzberg“.

3 Peder Clausson, Debes, Olaus Worm, епископ Gunnerus, цитируемые Шюбелером в его „Pflanzenwelt Norwegens“.

4 Xavier Marmier, „Expedition au Spitzberg“ „„Revue des Deux Mondes“, 1839.

Остере, Вааге, Санде, Сюдере. Жители выбирают депутатов в местное земское собрание и, кроме того, посылают представителей в копенгагенский парламент. Главный и единственный город архипелага, Торсгавн, имеет около 1.300 жителей (в 1890 г.).

II. Исландия.

Эта датская земля, в три раза более обширная, чем маленькая группа полуостровов и островов, от которой она зависит политически, имеет, однако, гораздо меньшее население: за исключением местностей, находящихся в соседстве с морскими берегами, она представляет почти безлюдную пустыню; жителей в ней вдвое меньше, чем, например, на островах Мальте и Гоццо, в Средиземном море, а между тем по величине она в 280 раз превосходит оба эти острова вместе. Пространство Исландии исчисляют в 104.785 квадр. километр., а население её состояло в 1890 году из 70.927 душ, что составит не более 7 жителей на 10 кв. километров.

Хотя принадлежащая, по своему населению, к скандинавскому миру, Исландия по естественной связи должна быть причислена, так же, как и Фарерские острова, скорее к Великобритании, чем к Скандинавии. Отделенная от Норвегии пучинами, где лот находит глубины до 4.000 метров, она продолжается на юго-восток к Фарерским и Гебридским островам мелями и подводными порогами, которые не спускаются даже до 1.000 метров ниже поверхности моря. Но, по своему положению среди северного Атлантического океана, Исландия является землей совершенно уединенной, отличной от остальной Европы. Так как этот остров лежит ближе к Новому Свету, то с первого взгляда его можно, пожалуй, принять за часть Америки; но подводный пьедестал, на котором он стоит, а также его растительное и животное царства и, наконец, история его населения несомненно доказывают, что это земля европейская. Иногда случается, что сплошная масса полярного льда, упершись в северо-западный полуостров Исландии, совершенно замыкает канал, отделяющий ее от Гренландии: Европа соединяется тогда с Америкой эфемерным континентом. Впереди этого сплошного ледяного пространства тянутся необозримые лабиринты отдельных льдин. В этих случаях остров вполне заслуживает название «земли льдов», которое в первый раз было дано ему скандинавским мореплавателем Флоки; ранее его обыкновенно называли Snjoland, то-есть «землей снегов».

Путешественники еще не исследовали всей внутренности острова. Покрытые снегом и льдом, изрытые эруптивными кратерами и пропастями, образовавшимися вследствие провалов почвы, окруженные застывшими потоками лавы с неровной, изборожденной поверхностью, защищенные против любознательных исследователей горными ручьями с неожиданными разливами, с беспрестанно изменяющимися берегами, группы или цепи гор центральной Исландии представляют величайшие затруднения для прохода, и еще недавно местные жители считали их совершенно недоступными; только в 1874 году плоская возвышенность Ватна-Иокуль, в восточной части острова, была пройдена в первый раз, и совершено восхождение на высшую её вершину[1]. Эти еще недавно совершенно неведомые пространства, которые и теперь пройдены только один раз, были для древних исландцев какой-то таинственной, сказочной страной. Быть может, там-то и находился город Асгард, о котором говорит космогония Эдды. В глазах первых скандинавских поселенцев, Исландия была целым миром, окруженным обширными извилинами исполинской реки Ифинг, то-есть океана; вся земля, по их понятиям, состояла из исландского прибрежья с его поясом подводных скал и камней; на внутреннюю же, неизвестную им область, над которой, по их верованию, исполинский ясень Игдразил по временам распростирал свои огромные ветви черного пепла, они естественно должны были смотреть как на местопребывание богов, властителей двух главных стихий—воды и огня, громовержцев, ниспосылавших грозы и вулканические изверже-

1 Watts, „Across the Vatna-Jokull“.

ния. Еще и поныне в Исландии сохраняется, как говорят, даже между образованными людьми, предание о месте утех или рае, о «саде азов», скрытом в какой-нибудь долине центральной части острова[1].

Разсматриваемая в совокупности, Исландия представляет довольно возвышенную землю, так как всю внутренность её занимают плоскогорья; а по окраинам, вне возвышенных областей центра страны, и даже на полуостровах высятся огнедышащие горы. Одна из самых величественных вершин острова, Снефельс-Иокуль, есть именно одна из этих гор, почти отделенных от большой земли: она возвышается, в виде правильного конуса, на оконечности полуострова, который ограничивает на севере залив Факса. Мореплаватели, огибающие подводные скалы полуострова Рейкьянес, на юго-западе Исландии, видят, как вершина вулкана постепенно поднимается над поверхностью волн, выставляя вдали свои покрытые снегом скаты: гораздо ранее, чем покажутся контуры берегов, величественная гора уже ясно обрисовывается на горизонте, выступая, точно остров, из середины моря. Большой северо-западный полуостров, отделенный от главного туловища острова перешейком в 8 километров ширины, тоже очень горист, и многие из его вершин, которые унизывают, в виде мысов, зубчатый берег, имеют от пятисот до девятисот метров высоты. Мысы северного прибрежья также по большей части увенчаны крутыми горами. Что касается восточной области, наиболее близкой к центральной плоской возвышенности, то она заключает несколько вершин в километр и более вышиною, которые мореплаватели часто могут приметить издалека: крутизны их отчетливо обрисовываются на голубом фоне неба, высоко поднимаясь над поясом тумана, покрывающего берега. Самая возвышенная вершина Исландии, Орефа-Иокуль, или «Ледяная гора пустыни», находится на южном углу большого плоскогорья Ванта-Иокуль; высота её равна почти 2.000 метров, то-есть почти в четыре раза превышает среднее возвышение, которое, при отсутствии точных измерений, приписывают всему острову (по Лейпольдту, средняя высота Исландии 470 метров), рассматриваемая в совокупности, Исландия может быть сравнена с плоскостью, наклоненною от востока к западу и в особенности к юго-западу. Самая населенная область, где находится главный город острова, Рейкиавик, есть вместе с тем та часть Исландии, среднее возвышение которой наименее значительно.

Граница постоянного снега варьирует в горах Исландии, смотря по широте места и его расположению, но вообще она лежит выше, чем можно бы было предполагать, судя по имени острова, означающему, как сказано выше, «страну льдов»: во многих местах вершины в 1.000 слишком метров совершенно освобождаются от своего снежного покрова в летние месяцы; средним числом, эта линия таяния зимних снегов проходит на высоте от 860 до 870 метров над уровнем океана[2]. Замечательно, что снег спускается гораздо ниже на полуденных скатах плоскогорья Ватна-Иокуль, чем на северном его склоне; причиной тому южный ветер, который приносит в изобилии на полуденную покатость водяные пары в виде снега[3]. Исландцы различают два рода гор: fell и jokull; первое название означает гору уединенную или соединяющуюся с другими горами, вершины которых от действия летних жаров совершенно освобождаются от снежного покрова и являют во всей наготе свои каменистые крутизны; под словом jokull, напротив, понимают гору, постоянно покрытую снегом, и скаты которой наполнены в углублениях обширными пространствами фирна. Приводим высоту различных гор Исландии:

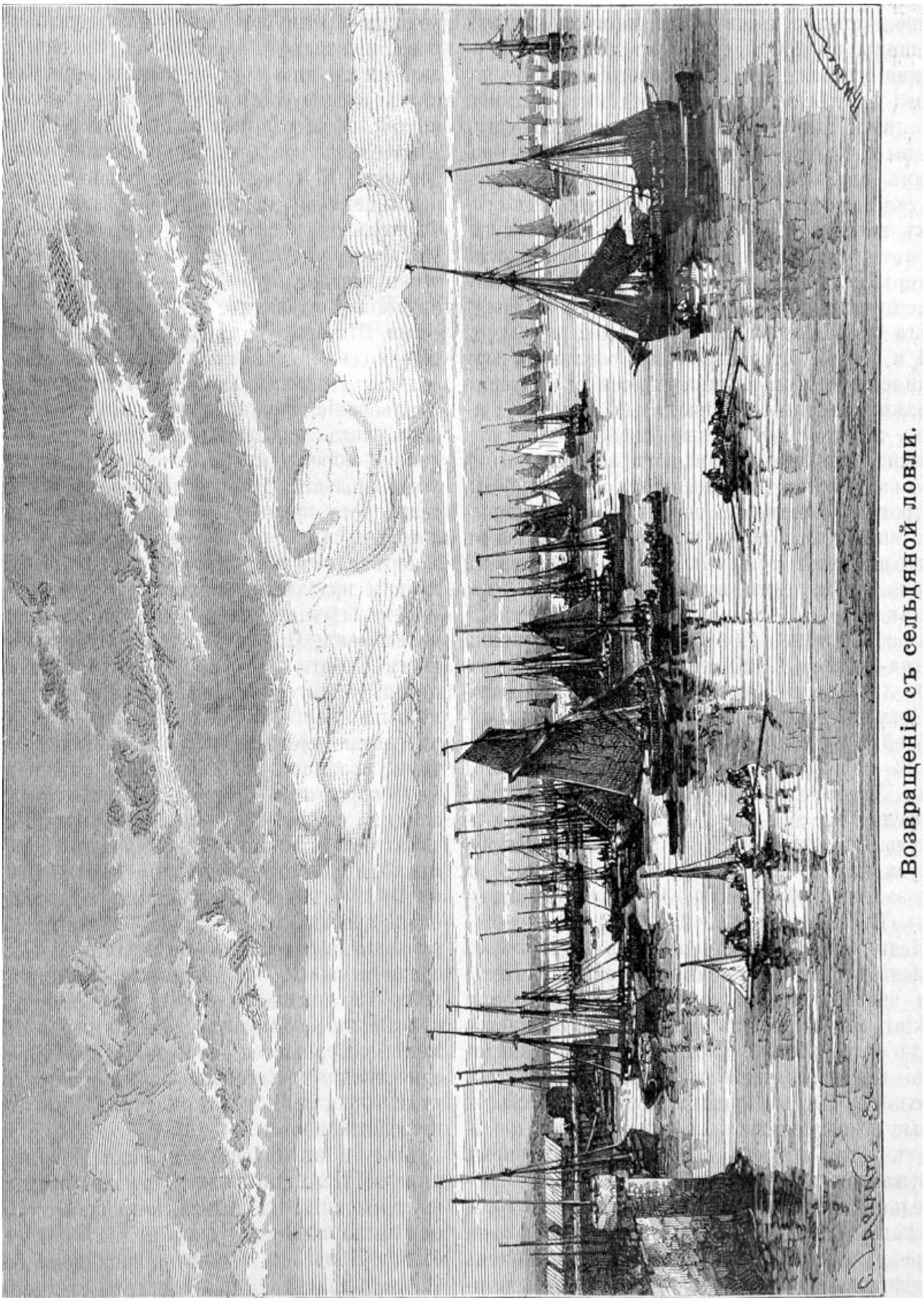
Орефа-Иокуль—1.956 метр. Высшая вершина Ватна-Иокуль—1.920 метр. Снефель (на востоке)—1.824 метр. Эстер-Иокуль или Эйяфьальва-Иокуль—1.818 метр. Гекла—1.550 метр. Гертубрейд—1.550 метр. Снефельс-Иокуль—1.433 метр. Смёрваль (на сев.-вост.)—1.211 метр. Ламбафель (на востоке)—1.082 метр. Кистуфель (на юго-вост.)—1.098 метр. Дранга-Иокуль (на сев.-западе)—889 метр. Гламу-Иокуль (на сев.-западе)—901 метр. Кейлир (на юго-зап. от Рейкиавика)—389 метр. Геймаклеттур (Вестманнейяр)—285 метр.

1 Noak, „Ausland“, № 3, 1871 г.

2 Gunnlaugsson;—Burton, „Ultima Thule“.

3 Watts, „Across the Yatna-Jokull“.

Ледников, или глетчеров, в собственном смысле в Исландии немного. Хотя значительная часть острова покрыта снежными горами (joklar, множеств. от jokull), но большинство этих обледенелых масс очень слабо наклонено или даже имеет горизонтальную поверхность на



Возвращеніе съ сельдяной ловли.

обширных пространствах, и самые возвышенные их куполы едва достигают сотни метров высоты над уровнем окружающих равнин. Вследствие их относительной неподвижности, покрывающие горы снежные массы остаются в состоянии фирна и превращаются в лед

лишь отчасти и очень несовершенно. Громадная плоская возвышенность Ватна или Клофа-Иокуль, которая тянется на юго-востоке острова на пространстве, исчисляемом различно—от семи с половиною тысяч до восьми тысяч восьми сот квадр. километров, есть одно из этих фирновых полей, усаженное там и сям отдельно стоящими вершинами, с которых льются потоки прозрачной воды. Настоящие ледники находятся преимущественно на окружности острова, при выходе брешей, разделяющих различные группы гор и долин, перерезывающих внешнюю сторону плоских возвышенностей. Между этими ледниками особенно замечателен, как старейший по времени исследования, Гейтландский, который наполняет возвышенную долину близ залива Гваль-Фьертр, на севере от города Рейкиавика. Натуралисты Олафсон и Пальсон посетили этот глетчер уже около половины прошлого столетия и сделали там, задолго до исследования Швейцарских Альп, много наблюдений над явлениями, имеющими место в области льдов: так, они открыли там существование трещин, поверхностных потоков, так называемых «мельниц», «столов», морен и пытались дать объяснение этих явлений. По рассказам местных жителей того времени, этот ледник, ходить на который сами они не отваживались, будто-бы запер глубокую долину, изобиловавшую лугами и пахатными землями, населенную племенем лесных людей, потомков древних великанов. На юго-востоке Исландии находятся Скритиоклар или «дрожащие ледники», которые берут начало в фирнах плоской возвышенности Ванта-Иокуль: это—самые значительные глетчеры острова, движущиеся при том, сравнительно с другими, с наибольшей скоростью, благодаря давлению выше лежащих снежных масс. Они спускаются до самого моря, оставляя путникам лишь узкий проход на берегу, имевший в 1874 году не более 200 метров в ширину и сделавшийся очень опасным по причине бегущих со льда ручьев, ложе которых беспрестанно меняется среди песков. Эти ледники совершенно похожи на швейцарские, и внутренняя работа кристаллической массы, находящейся в движении, совершается точно таким же образом: единственная разница между теми и другими—та, которая происходит от различия климата и свойства почвы.

Как и в других странах Европы, ледники в Исландии имеют периоды возрастания и уменьшения. В половине прошлого столетия они были на пути развития, так как Олафсон и Пальсон видели на западном берегу, близ залива Боргар-Фьертр, глетчеры недавнего образования. В наши дни, как говорят, замечается обратное явление: ледяные реки отступают в большей части долин[1]; по свидетельству местных жителей, на горах Исландии и на Швейцарских Альпах, подвергающихся в последние десятилетия влияниям одной и той же атмосферной волны, ледяные потоки уменьшились в одинаковой пропорции; однако, английский исследователь Уатс говорит, что он видел глетчеры, которые недавно выдвинулись далеко в равнины. С 1871 по 1874 год южные морены возвышенности Ватна-Иокуль были оттеснены к югу; а на северном скате плоскогорья ледяная коса выступила на 16-18 километров за черту перешейка, который она занимала в то время, когда Гунлаугсон снимал план этой местности; дорога, по которой он тогда следовал, теперь совершенно покрыта льдами. Таким образом в продолжение сорока лет, протекших с того времени, поступательное движение ледника составляло по меньшей мере 400 метров в год[2]. Повидимому, Исландия также прошла через период сильного холода, во время которого кристаллические реки спускались гораздо ниже, чем ныне, и даже врезывались нижними концами в самое море; бока долин, которые были исследованы путешественниками, носят несомненные следы прохода древних ледников, ныне исчезнувших. Такие же следы видны по обеим сторонам фьордов, на прибрежных утесах. Правда, эти знаки на берегу могли быть оставлены пловучими льдинами, падавшими с глетчеров в бухты, в эпоху, когда почва острова была менее возвышена, чем в наши дни; но глубокие параллельные борозды, вырезанные на камне, и сильно стертые бока скал доказывают, что увлекаемые вниз ледяные массы двигались в тесном пространстве в долинах и фьордах; кроме того, на горах встречаются глыбы гранита, а так как в

1 Richard Burton, „Ultima Thule".

2 Watts, „Across the Vatna-Jokull".

Исландии нет гранитных скал, то эти эрратические камни могли быть принесены только ледниками с гор Гренландии[1].

«Остров льдов», как известно, также заслуживает название «острова лавы»: это, без сомнения, и подало повод средневековому летописцу Адаму Бременскому утверждать, что, будто бы, льды Исландии, почерневшие от времени, загораются иногда сами собой. Остров весь состоит из формаций, вышедших из недр земли в виде лавы и вулканического пепла; но в большей части поверхности острова эти горные породы были постепенно смыты морскими водами, и обломки их расположились новыми пластами туфа и палагонита; поэтому, рассматриваемая в целом, Исландия должна быть признана страною недавнего образования; она принадлежит к третичной эпохе. В этом геологическом периоде исландские вулканы начали мало-по-малу подниматься из волн, и вылились первые потоки лавы, послужившие прочным фундаментом всем формациям острова. С того времени Исландия, попеременно то понижавшаяся, то поднимавшаяся относительно уровня окружающих морей, не переставала быть потрясаемой внутренним огнем. Огнедышащие горы и теперь еще пылают во многих частях острова, и многие горные вершины, извергавшие некогда лаву и пребывающие ныне, повидимому, в состоянии покоя, свидетельствуют об остатке деятельности горячими ключами и фумароллами, бьющими из земли при их основании.

Главная ось вулканов Исландии представляет ломаную линию, которая начинается на востоке в плоской возвышенности Вагна-Иокуль и продолжается в западном направлении до мыса, называемого Рейкьянес, и далее в глубинах морских. На этой ломаной линии открываются сотни эруптивных жерл (на полуострове Рейкьянес Тородсон насчитывает их уже до 300, с 700 кратерами), из которых наиболее известно жерло Геклы или «Горы в плаще», названной так от скопления паров, очень часто окружающих её вершину[2]. На этой знаменитой горе, которая долгое время считалась, вместе с Везувием и Этной, одною из отдушин преисподней, извержения бывают довольно редко: с 1104 года, ознаменованного «великим песчаным дождем», до 1875 года насчитывают всего только десятка два извержений, и промежуток отдыха продолжался иногда до трех четвертей столетия; но обыкновенно конвульсии этой огнедышащей горы ужасны. Пепел, вылетающий из неё и уносимый ветром на далекое расстояние, иногда за сотни верст, садится толстыми слоями на окружающие равнины и выжигает на них всю растительность. В 1766 году воздух был наполнен этой вулканической пылью на пространстве 240 километров вокруг горы, и день превратился в непроглядную ночь, так что в расстоянии нескольких метров самый яркий свет исчезал из глаз. В 1845 году черная пыль, вылетавшая из кратера Геклы, покрыла палубу одного корабля, находившагося на расстоянии 330 километров к югу от этой горы; уже вечером того дня, когда началось извержение, вулканический пепел падал на Фарерские острова; на следующий день он уже ложился черным слоем на зеленеющие луга Оркадских островов[3]. В прежнее время частые полярные сияния, замечаемые из северной части Шотландии, принимали за отражение извержений Геклы. Сам Галлей, известный английский астроном, в начале восемнадцатого столетия, рассказывает, что, будучи на Оркадских островах, он видел этот свет в направлении к Исландии, и что, по единогласному свидетельству островитян, это явление не что иное, как зарево пожара, происходящего на Гекле[4]. После каждого извержения, форма огнедышащей горы изменялась; даже можно было, сравнивая измерения Деклуазо и Бунзена с измерениями их предшественников, придти к выводу, что извержение 1845 года имело результатом понижение на 150 метров верхнего конуса Геклы; правда, кратер 1845 года, еще видимый поныне, открывается на склоне горы, в довольно большом расстоянии ниже её вершины[5]; но, может быть, это жерло было нижним отверстием, через которое

1 Paijkull;—Jules Leclercq, „La Terre de Glace“

2 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island“.

3 Eugene Robert, „Voyage en Island et au Groenland ur la corvette „la Recherche“.

4 „Atlas maritimus et commercialis“, p. 49.

5 Burton, „Ultima Thule“.

выливалась лава, тогда как пепел вылетал из вершины вулкана. С 1770 года, эпохи первого восхождения, совершенного Банком и Соландером, многие путешественники взбирались на Геклу; по словам Амунда Гелланда, главная вершина имеет 14 кратеров.

Самый южный вулкан Исландии, Катла или Кетлугья, возвышающийся в 60 километрах к юго-востоку от Геклы и который прежние мореплаватели часто смешивали с этой огнедышащей горой, приходил в действие, сколько известно, почти также редко, как и Гекла: кратер его, теперь наполненный льдом, выбрасывал пепел и потоки воды раз пятнадцать с 900 года, и иногда с страшной силой; в исторические времена он уже не извергал лавы, но вокруг его основания видны старые изборожденные потоки застывшей лавы (cheires). Из всех вулканических переворотов самым значительным и имевшим наиболее тяжелые последствия для исландского народа было большое извержение 1783 года. Трещина, открывшаяся в направлении от востока к западу, у основания горы Скаптар-Иокуль, то-есть восточных скатов плоской возвышенности Ватна-Иокуль, была наполнена огненной лавой по всей её длине, и фонтаны раскаленных до-бела веществ били там и сям из трещины. Громадное огненное озеро образовалось сначала в равнине, которая тянется на запад от Скаптар-Иокуля, потом, отыскивая выхода к морю, ушло через две бреши между холмами, заграждавшими ему дорогу, и разлилось по приморской покатости двумя потоками овальной формы, которые постоянно разростались в продолжение нескольких месяцев, не будучи в состоянии достигнуть прибрежья Атлантического океана. Главный поток лавы, именно западный, имел не менее 80 километров в длину, при средней ширине около 24 километров; размеры другого потока были меньше, но глубина массы доходила, в некоторых местах, до 150 метров[1]. Объем всей лавы, выброшенной горою Скаптар в это извержение, исчисляли в 500 миллиардов кубич. метров,—количество достаточное, чтобы покрыть всю нашу планету кожицей из лавы почти в миллиметр толщины. Лучшие пастбища острова покрылись слоем вулканической золы, овцы гибли тысячами, затем следовали голод и эпидемические болезни. Ни одна эпоха не была более бедственна для Исландии: в два года остров потерял 9.336 человек, 28.000 лошадей, 11.500 голов крупного рогатого скота, слишком 190.000 овец[2].

Другие, неизвестные вулканы клокочут под огромным фирновым полем возвышенности Ватна или Клофа, откуда иногда распространяется по всему острову удушливая сернистая атмосфера. В 1861 году подглетчерные извержения, быть может, также поверхностные потоки лавы растопили такое огромное количество снега, что вся южная равнина была совершенно затоплена внезапно хлынувшим морем воды, и на расстоянии слишком 130 километров от берега проходившие мимо английские корабли должны были переплывать среди океана поток грязной воды около 50 километров шириною. С тех пор гидрография этой области совершенно изменилась. На месте реки Скейтары, выходившей из восточной части ледника того же имени, появились незначительные ручьи, тогда как настоящая Скейтара, в известные времена года почти непереходимая и разливающаяся на несколько сот метров в ширину, течет теперь в 13 километрах к западу от своего прежнего русла, и новые её наносы уже заметно изменили профиль морского берега[3]. Нужно полагать, что взрывы возвышенности Ватна сопровождались также извержением из внутренности земли громадных количеств вулканического пепла, судя по тому, что не только фирновые пространства покрылись во многих местах черноватыми обломками, но даже некоторые части ледника Скейтара совершенно почернели: английский путешественник Голленд нигде не мог найти там прозрачного кристаллического льда; весь этот глетчер походил на громадный пласт антрацита.

В последние годы часто бывали извержения в северной части возвышенности Ватна-Иокуль, и происходили они обыкновенно по направлению, перпендикулярному к линии, проведенной от Геклы к Скаптар-Иокулю. Взрыв 29 марта 1875 года, самый сильный из всех, разбросал по снегам восточной Исландии по меньшей мере 300 миллионов куб. метров

1 Mackenzie, „Travels in Iceland“.

2 Henderson, „Iceland, Journal of a Residence in that Island“.

3 Holland, „Peaks, Passes and Glaciers“, vol. I.

пемзы, превращенной в порошок и в чрезвычайно тонкия, едва приметные нити. На востоке от центра извержения небо было совершенно омрачено тучами вулканического пепла, так что даже в полдень можно было видеть только при свете ламп. Уносимый очень быстрым западным ветром, пепел рассеялся длинными неровными полосами на снегах Норвегии, и его находили даже в окрестностях Стокгольма, в 1.900 километрах от центра извержения; это—самое значительное расстояние, какое когда-либо было наблюдаемо в странствовании вулканического пепла[1]. Летом следующего года Джонстрюп и другие ученые отправились отыскивать кратер, из которого выбрасывались обломки пемзы, и нашли его среди гор Дингью, в равнине Аскиа: там, вероятно, и находится главный очаг вулканической деятельности в Исландии. Вокруг жерла вулкана пемза лежала толстым слоем на пласте снега толщиною в несколько метров, который не растаял и, вероятно, существует до сих пор, так как пемза очень худой проводник тепла; однако, в непосредственном соседстве с этими снегами находится озеро теплой воды, наполняющее углубление, образовавшееся вследствие провала почвы. Впрочем, это чередование слоев лавы и снега составляет обыкновенное явление вокруг вулканов Исландии; оно объясняется тем, что во время взрывов вылетающие из кратеров бомбы из расплавленных веществ смешиваются с глыбами льда.

Если Исландия богата под-ледяными огнедышащими горами, то на ней есть также и вулканы подводные, стоящие на дне моря. Почти за месяц до большого извержения 1783 года один подводный вулкан, в расстоянии около 100 километров от мыса Рейкьянес, пришел в действие и выбросил такое огромное количество пемзы, что поверхность океана была сплошь покрыта этим камнем на пространстве 250 километров от места извержения, так что проходившие через эти воды суда не могли продолжать своего плавания. Гора о трех вершинах, Ниоэ, или «Новый остров», выступила поверх волн; но, будучи составлена из рыхлого вулканического пепла и разрозненных кусков лавы, она мало-по-малу обрушилась, размываемая водою, и исчезла, как исчезли впоследствии острова Сабрина, близ Азорского архипелага, и Фердинандеа, в Средиземном море, около берегов Сицилии. На месте этого «Нового острова» остались только мели; но еще в 1834 году столб дыма поднимался из вод моря, омывающего полуостров Рейкьянес, и куски пемзы, выбрасываемые скрытым под водой кратером, смешивались с пеной волн на берегах. Точно также возвышающиеся среди моря скалы Фугласкер, или «Подводные камни птиц», причудливые утесы которых, похожие на наклонные башни, возвещают европейским мореплавателям близость большой земли, суть, по всей вероятности, не что иное, как остатки вулканов, разрушенных волнами; одна из этих скал, Гейрфугласкер, исчезла в 1884 г., но по близости появился другой островок. На северо-западе острова, бухта Брейди-Фьорд тоже, повидимому, покрывает вулканическую область, в особенности в окрестностях Флатея, или «Плоского острова». В этой области океана ключи горячей воды бьют со дна моря: моряки и рыболовы соседних островов пользуются водой кипящих фонтанов, которые делаются доступными в часы отлива; там, между прочим, есть один источник, вода которого покрывает инкрустациями лежащие по краям его камешки[2].

Слои лавы, вылившейся из огнедышащих гор Исландии в течение десяти столетий её истории, ничтожны в сравнении с огромными потоками или hrauns, которые составляют, вместе с туфами, столь значительную часть горных пород острова. Так, например, проезжая по лавам, которые тянутся от западного Скьяльдебрейта, между Гейзерами и Фингваллой, до мыса Рейкьянес, на пространстве более 100 километров в длину и от 30 до 40 километров в ширину, все время находишься на одной и той же застывшей реке из вулканических шлаков[3]. Точно также поле лавы, известное под именем Одада-Граун, или «окаменелого Потока Беззаконий», шероховатая, бугорчатая поверхность которого, почти недоступная для путешественника, покрывает в центральной части острова, на севере от плоскогорья Ватна-

1 Gumbel, „Ausland“, № 24, 1875.

2 Olafsson et Palsson, „Reise igjennem Island“.

3 Eugene Robert, „Voyage en Islande et au Groenland sur la corvette la Recherehe“.

Иокуль, многие тысячи квадратных километров, состоит из застывших потоков, из которых каждый мог бы наполнить обширный бассейн, в роде Женевского озера. Источником этих огромных скоплений лавы, быть может, была гора Восточный Скьяльдебрейт или Трелла-. дингья («Пропасть ведьм»), которая возвышается на юге от поля вулканических шлаков, и последнее известное извержение которого относится к 1305 году[1].

Подобно северной Ирландии, Гебридским и Фарерским островам, Исландия очень богата естественными колоннадами, которые имеют вид громадных дворцов, построенных для гигантов. Гора Баула, вулкан замечательно красивой формы, возвышающийся в сотне километров к северу от города Рейкиавика, часто была посещаема минералогами, по причине её правильных трахитовых колонн, между которыми древние исландцы выбирали могильные камни; и теперь еще можно встретить в разных частях Исландии подобные надгробные памятники из трахитовых колонн, покрытые руническими надписями[2]. Многие мысы, обглоданные волнами, обнаружили внутреннее строение своих базальтов, так что теперь на мысе Дирголей или Портланд, на островках Вестман и в сотне других мест морской берег представляется с открытого моря уставленным рядами столбов, которые следуют одни за другими в правильном порядке, точно оголенные стволы вековых деревьев. В других местах потоки лавы были источены водами каскадов, и теперь по обе стороны ниспадающего ручья скала возвышается в виде бесчисленных столбов. Там и сям атмосферные деятели обнажили вершину утесов, на которых поднимается скала, похожая на храм с колоннами. Иная гора, где покрытые снегом скаты усажены острыми выступами базальта, кажется полосатою, как материя белая с черным; колончатые массы являются в самых причудливых формах среди окружающих их снегов, которые отчетливо обрисовывают все их грани и углы[3]. Полуденные скаты горы Снефельс-Иокуль, где насчитали до пятидесяти лежащих один на другом слоев лавы, особенно интересны своими группами базальтовых колонн, разнообразно поврежденных временем и представляющих самые причудливые очертания; так, например, некоторые из них имеют вид гигантских полипов. У основания этого древнего вулкана береговые утесы и острова изрыты пещерами, подобными гроту Стаффа, и которые, без сомнения, пользовались бы неменьшею славой, если бы не находились в полярных морях. Не менее замечательно внешнее очертание северо-западного полуострова: вся эта область кажется продуктом какой-то чудесной кристаллизации—так геометрически правильны контуры её гор, которые имеют форму кубов, призм, всего чаще форму пирамид, возвышающихся от основания до вершины в виде правильных пластов траппа[4].

Эти горные породы Исландии заключают различные вещества, редко встречающиеся в других вулканических странах и усердно разыскиваемые собирателями минералогических коллекций; но из всех этих минералов ни один не ценится так высоко, как исландский шпат, который, между прочим, необходим для физиков, как вещество, обладающее свойством двойного преломления лучей. Собиратели коллекций находят этот шпат там и сям маленькими кристаллами; но в значительном количестве его можно получить только на берегах ручья Сильфра-лекр («Серебряный ручей»), на высоте около ста метров над северным берегом залива Эски-Фьертр, почти как раз в середине восточного набережья острова: в этом месте он наполняет род сводообразной пустоты, имеющей немного более 500 кубич. метров в объеме, именно 16 метров в длину, 8 метров в ширину и 4 метра в вышину[5]. Что касается серы, которая в наш промышленный век приобрела такую большую экономическую ценность, то ее находят преимущественно близ Крисувика, на юго-западном полуострове Исландии, и в северной области, простирающейся от озера Миватн до горы Иокульса. В этой части острова тысячи сольфатар непрерывно сублимируют сернистые вещества и

1 Watts, „Across the Vatna-Jokull“.

2 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island“.

3 E. Robert, „Voyage en Islande et au Groenland“;—Sartorius von Waltershausen, „Physisch-Geographische Skizze von Island“.

4 Dufferin, „Letters from High Latitudes”.

5 Sartorius von Waltershausen, „Physisch-Geographische Skizze von Island“;—Descloizeaux.

производят громадные количества серы, которые разработываются, более или менее систематически и с большим или меньшим успехом, с половины шестнадцатого столетия; пласты, где можно бы было ломать камень правильным образом и где вулканическая деятельность прекратилась, также занимают некоторую часть этой области и держат в запасе для промышленности количество серы, более или менее чистой, о котором путешественники говорят как о неистощимом источнике этого минерала[1]. Портом для вывоза продуктов этих рудников служит порт Гузавик, одна из лучших гаваней северного прибрежья Исландии. Сера встречается также, в том или другом виде, во многих других округах Исландии. Большое число потоков воды обязаны своим названием «Фюли-лекр» или «Вонючей реки» разложению находящихся на их ложе колчеданов, сера которых соединяется с водородом[2].

Грязевые вулканы, подобные сицилийским маккалубам (maccalube), и горячие источники не менее многочисленны в Исландии, чем сольфатары и так называемые «живые рудники» [vende Namer][3] всякого рода, то-есть залежи земель или руд, нагреваемые подземным огнем. Во многих местах горячие источники дотого обильны, что образуют целые ручьи, которые остаются теплыми даже среди зимы, и где форели живут массами и жиреют до такой степени, что мясо их становится почти негодным в пищу[4]. Там и сям снежные равнины прерываются пространствами, покрытыми черною лавой, с которых поднимается облаками пар горячих источников. Город Рейкиавик и мыс Рекьянес обязаны своим названием «Дымящейся бухты» и «Дымящагося мыса» горячим ключам, пары которых затемняют атмосферу.

Между многими тысячами горячих источников, вода которых теряется безвестно в озерах, ручьях, торфяных болотах или в море, есть такие, которые приобрели всемирную известность и которые долгое время считались единственными примерами проявления силы и деятельности вулканических гор: это—так называемые гейзеры (geysirs), естественные фонтаны воды, которые по временам выбрасываются из земли напором запертых в подземных пространствах водяных паров. Большой Гейзер, бьющий из земли в юго-западной части острова, среди холмистой равнины, через которую протекает река Гвита и над которою господствует с северной стороны длинная гора Блафель, упоминается в первый раз летописцами в конце тринадцатого столетия; вероятно, к этому времени и относится первое его появление, и с тех пор он не переставал действовать периодически, отлагая при каждом извержении тонкую кремнистую оболочку вокруг своего отверстия: так образовалась мало-помалу верхняя круглая закраина из отложений кремнезема, которая в наши дни имеет уже не менее 12 метров в вышину, откуда хорошо виден весь водоем, наполненный кипящею водой во время извержений, и воронкообразное углубление или жерло, в котором поочередно поднимается и опускается прозрачная, как хрусталь, влага. Когда приготовляется извержение, в воде колодца можно заметить массу паров, которые поднимаются густыми облаками, затем рассееваются и снова образуются. Вдруг сопротивление верхней воды побеждено, и столб выходящих из глубины паров, температура которых на 32 градуса превышает точку кипения[5], вылетает фонтаном в воздух, поднимая с собой до высоты 30 метров массу воды, вес которой исчисляют в 160 слишком тонн. Со времен путешествия Олафсона и Пальсона, наблюдатели сильно расходятся в своих описаниях: по измерению первых, этот источник бил до высоты 108 метров, тогда как с той эпохи путешественники присутствовали при извержениях, струя которых поднималась не выше 18 метров. Впрочем, Большой Гейзер находится теперь, как кажется, в периоде упадка. Посетители, располагающиеся в палатках на его берегах, ждут иногда по целым дням, даже по неделе и более, извержения кипящего фонтана; понятно, что по мере того, как повышается закраина колодца вследствие отложений новых слоев кремнезема, а относительная глубина воронки возрастает, давление верхней воды уве-

1 Dufferin;—Pierce;—Johnstrup;—Richard Burton etc.
2 Richard Burton, „Ultima Thule".
3 Ulafsson et Palsson, „Reise igjennem Island".
4 Borrow, „Ein Besuch auf der Insel Island"
5 Bonsen et Descloizeaux;—Buif, „Physic of the Earth."

личивается, и, запертые на дне пары должны искать себе других выходов. Соседний гейзер, который окрестные крестьяне прозвали Строкр или «Маслобойной кадкой», по причине воды, которая непрерывно поднимается и опускается в колодце, выбрасывал прежде струю воды так же высоко, как и главный источник; теперь же он выделяет пары довольно правильно, но уже не выбрасывает их высоким столбом под напором насильственного извержения; только посредством хитрости, наполняя его большими массами торфа, удается еще выводить его из себя и заставлять бить фонтаном. «Малый Гейзер», который описывают путешественники прошлого столетия, совершенно исчез в 1789 году, вследствие землетрясения[1]. Впрочем, и теперь множество других «маслобоек» меньшего размера кипят ключем в равнине, наполненные водой различных цветов, красного, зеленого, синего, серого, и выбрасывают свои фонтаны на различную высоту, или сами собой, или искусственно побуждаемые к деятельности путешественниками. Большое подземное озеро простирается под всею страной: достаточно прорыть слой глины, покрывающий скаты соседнего холма, известного под именем Лаугафьель или «горы Горячих Ключей», чтобы тотчас же увидать бьющий из земли столб горячего пара[2]. Иногда случается, что путешественник проходит по слою отложений слишком слабому, чтобы сдержать его, почва проваливается под его ногами, и он вдруг попадает в горячий источник[3]. Один остров, лежащий в соседнем с гейзером озере, весь состоит из кремнистых инкрустаций, отложенных находящимися на дне озерного бассейна горячими ключами.

Почти на половине дороги между равниной гейзеров и городом Рейкиавиком находится одна из геологических достопримечательностей Исландии и в то же время самая замечательная в историческом отношении местность острова:—равнина Тингвалла («равнина народных собраний»), которая оканчивается на юге озером, самым обширным во всей Исландии. Эта равнина, имеющая несколько верст в ширину, была некогда руслом громадного потока лавы, остатки которого видны еще и теперь. По обе стороны равнины, стены, между которыми двигался этот поток, поднимаются круто до высоты 30 метров, представляя там и сям аркады и колонны из базальта, похожия на правильные постройки[4]. Между этими стенами и остатками потока лавы идут широкие и глубокие рвы, образовавшиеся вследствие отделения центральной массы от её берегов, когда промежуточная жидкая лава вытекла под отвердевшею корой скалы. Путем такого разрыва почвы произошли большая боковая расселина Альманнагья, длиною около 8 километров, также расселина Графнагья, идущая параллельно первой к востоку от неё, и многочисленные трещины, открывающиеся там и сям в лавах равнины. Три из этих расселин соединяются таким образом, что почти совершенно изолируют громадную глыбу лавы, обросшую дерном: эта глыба, связанная с остальною частью окаменелого потока узким перешейком, есть Альтинг, естественная крепость, которую исландский народ выбрал местом собрания своего парламента. Холм, возвышающийся близ северной оконечности скалистого полуострова, был местом совещания судей, почему и получил название Легберг, то-есть «горы закона». Когда в хорошую, ясную погоду созерцаешь с вершины Легберга чудную панораму расстилающейся внизу долины, невольно задаешься вопросом—найдется ли в целом мире другой пейзаж, который бы представлял столько чарующей прелести, смешанной с таким суровым величием? Здесь-то в течение многих веков собирались выборные депутаты народа. «Муж закона», или председатель, восседал на самой верхней ступени горы из лавы; члены высшего судилища, сидевшие на нижних ступенях, группировались вокруг него; стража охраняла вход через перешеек, а по другую сторону ущелья располагался, по уступам косогора, народ, слушая чтение решений и приговоров, произносимых конгрессом с вершины горы. Осужденные на смерть преступники были сбрасываемы в пропасть после произнесения приговора судей, тогда как волшебников и ведьм

1 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island.“
2 Robert Chambers, „Tracings in Iceland and in the Feroe Islands“.
3 Watts, „Across the Vatna-Jokull“.
4 Eugene Robert, „Voyage en Islande et au Groenland sur la corvette „la Recherche”.

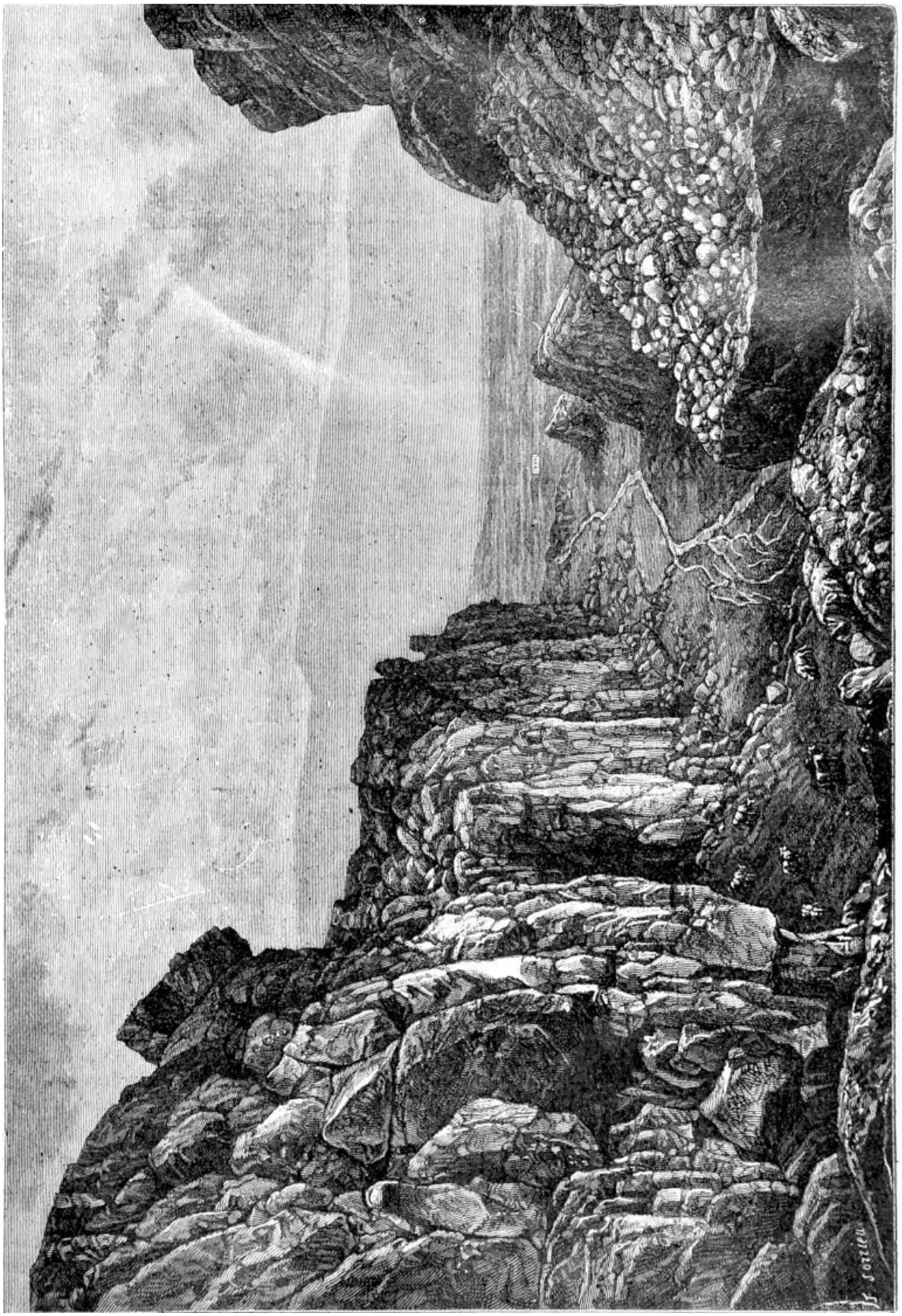
сжигали на костре, который воздвигался на остроконечном мысе скалы. На берегу реки, в низменных лугах, выстраивался целый город палаток, где помещалось, во время веча, население острова. Этот тинг или сейм был не только политическим собранием страны,—он был вместе с тем местом годового рынка или ярмарки, где в продолжение восьми дней производился торговый обмен всей нации: отсюда и название Альманнагья, что буквально значит: «долина всех людей». В настоящее время Альтинг представляет скудное, часто пустынное пастбище.

Когда весна снимет ледяную кору озер и растопит снега равнин и холмов, Исландия получает обильное орошение: воды текут со всех сторон, кроме только тех местностей, где вулканический пепел покрывает почву густыми слоями, ибо влажность, происходящая от таяния снега или от дождей, тотчас же уходит в землю сквозь этот рыхлый покров, и страна остается бесплодною, лишенною всякой растительности: такова, в центре острова, непосредственно на западе от Одада-Грауна, область, известная под именем Спренги-сантр или «Провальных Песков», потому что лошади путешественников, проезжающих через эту пустынную местность, рискуют провалиться и погибнуть; в первый раз отважились сделать переезд через эти пустыни только в 1810 году[1]. Некоторые из рек, получающих начало вокруг этой области и на склонах плоской возвышенности Ватна-Иокуль, по обилию жидкой массы, могут быть названы большими реками. Тиорса, берущая начало на севере от горы Скаптар-Иокуль, принимающая в себя все воды области Геклы, и Ольфуза, куда текут, вместе с р. Гвитой, теплые ручьи гейзеров и ручей, выходящий из долины Тингвалла, суть два главные водяные потока исторической Исландии в юго-западной части острова; на севере и на северо-востоке четыре многоводные реки спускаются с ледяного плоскогорья Ватна—р. Скиальфиандифлиот, две реки Иокульса, или «Воды Ледника», и Лагарфлиот. Западная Иокульса, ограничивающая на востоке область серы, есть самая значительная река Исландии, и один из её водопадов, знаменитый Деттифосс, низвергается с вертикальной базальтовой стены в виде огромной водяной скатерти в 60 метров высоты и в несколько сот метров ширины. Переправляться через этот могучий поток затруднительно во всякое время, и даже в тех местах, где воды его заключены между высокими правильными берегами; но во сколько раз опаснее переправа в период таяния снегов, когда выступившие из берегов воды разливаются далеко по рыхлой, неотвердевшей почве, которая проваливается под ногами лошадей! На южной покатости Исландии весенния воды, спускаясь по крутому скату, появляются внезапно и заливают направо и налево низменные земли морского прибрежья: оттого глетчерные потоки почти непереходимы; объем и течение их постоянно меняются от одного времени года до другого и от одного года до другого. Жители восточного берега, отправляющиеся в Рейкиавик, предпочитают лучше огибать на севере всю возвышенность Ватна-Иокуль и таким образом значительно удлиннять свой путь, чем пускаться через изменчивые и покрытые пловучим льдом реки, которые вытекают из южного основания плоскогорья. Особенно пугают их так называемые «Трясущиеся пески» (Скейтарар-Сантр), которые тянутся на пространстве слишком 1.000 квадр. километров к югу от возвышенности Ватна-Иокуль.

Исландия не имеет ни одного большого озера: самые обширные её пресноводные бассейны—озеро Тингвалла, на юге, и озеро Миватн, на севере страны, из которых последнее было в 1724-1730 годах частию завалено продуктами извержения, вышедшими из вулканов Крафла и Лейргнукур; но зато на этом острове существуют сотни, даже тысячи бассейнов меньшего размера, от озера в собственном смысле до простого водоема. Как на острове Зеленого Эрина, здесь тоже можно с вершины многих холмов обозревать разом безчисленное множество озер, из которых одни ярко блестят на солнце, заключенные между зеленеющими берегами, другие, напротив, кажутся тусклыми, безжизненными и едва приметны среди окружающих их угрюмых скал. Подобно тому как в Ирландии, и здесь очень многие озера, так ска-

1 Watts, „Across the Vatna-Jokull“.

зать, спрятаны во мхах торфяных болот и удерживаются не только в углублениях долин, но даже на склонах холмов: во многих местностях Исландии можно странствовать целые дни по горам и долам, постоянно идя по эластической почве торфяников, над скрытыми подо



Ущелье Альманнагья.

мхом скоплениями воды. Озера без видимых истоков, рассеянные во множестве в некоторых областях Исландии, не имеют соленого вкуса, или потому, что воды их утекают подземными

каналами, или потому, что лавы новейшего происхождения, содержащие их в своих водоемах, противостоят разрушению, и вода не может извлекать из них соляных частиц[1].

На окраинах Исландии озера во многих местах расположены очень близко от внешних фиордов, с которыми они прежде составляли одно целое; а кое-где встречаются даже такия водные площади, которые, повидимому, принадлежат в одно и то же время и к морю, и к твердой земле. Так, например, путешественники Олафсон и Пальсон рассказывают об одном озере, которое находится к северу от горы Снефельс-Иокуль, на берегах фиорда Олафс-Фьертр, и где до сих пор ловят еще, на-ряду с пресноводными рыбами, многие виды морской рыбы, треску обыкновенную, треску черную, палтусов, скатов, которые все мельче тех же пород, живущих в открытом море, но очень ценятся за их необыкновенно вкусное мясо. Зимой местные жители делают проруби во льду озера и ловят эту рыбу на удочку. Вероятно, на всем земном шаре не существует другого примера соленого морского залива, превратившагося в пресноводный резервуар, где бы натурализация морских видов совершилась с успехом для такого большого числа рыб. Те же исследователи Исландии описывают в числе озерных бассейнов, на половину морских, на половину пресноводных, озеро Диупалон, находящееся близ оконечности мыса, образуемого горой Снефельс-Иокуль. Это озеро отделено от моря валом из лавы, но оно постоянно сообщается с ним, так как уровень его повышается и понижается почти одновременно с приливом и отливом. Однако, вода в озере пресная, из чего нужно заключить, что морской прилив действует подземным путем, на подобие воды, поднимающей уровень в так называемых «приливных колодцах» (puits a mareyage), которые выкапывают на берегу моря и в которых жидкая масса то прибывает, то убывает, сообразно фазам прилива. Проникая через трещины дна в бассейн, приливная волна вытесняет снизу более легкия воды озера и мало-по-малу приподнимает всю их массу; затем, по уходе её, эти воды опять опускаются, то-есть возвращаются к прежнему уровню: средним числом, действие морского прилива и отлива обнаруживается в озере часом позднее.

Берега Исландии изрезаны многочисленными фиордами; в особенности северо-западный полуостров, выступающий в море в виде оленьих рогов, представляет любопытнейший пример зубчатых берегов. Однако, этот остров, рассматриваемый в целом, менее причудливо иссечен, имеет более правильные очертания, чем Норвегия, Гренландия, северная Шотландия, Гебридские острова. Причиной тому, вероятно, были частые вулканические извержения и, как следствие их, более быстрое распределение наносов. Пепел, выбрасываемый огнедышащими горами, внезапные разливы вод, производимые таянием льда и снега в окрестностях кратеров, потоки лавы засыпали большую часть фиордов на южной стороне Исландии; от этих заливов остались только небольшие лиманы или даже лагуны, уже отделенные от моря песчаными косами. Равнина гейзеров была некогда фиордом, и теперь еще можно распознать контуры его. На севере островов Вестманн не только фиорды, которые прежде врезывались далеко внутрь острова, были совершенно засыпаны, но наносы, отлагаемые речками и ручьями, даже выступили за нормальную линию морского прибрежья и теперь тянутся перед берегом в виде дуги круга, имеющей около 50 километров длины; расстояние, отделявшее базальтовые островки Вестманн от первых скалистых возвышенностей внутренней части страны, уменьшилось более чем на половину. Как на замечательное явление, свидетельствующее о громадном количестве вулканического пепла и других обломков, которое должны переносить воды, укажем на тот факт, что вся эта обширная дельта, которая с одной стороны приближается к островам, с другой—примыкает к лиману реки Тиорса, обязана своим происхождением простому ручью, называемому Маркарфлиот; а между тем при первом взгляде можно подумать, что это—дельта какой-нибудь могучей реки.

Обмеление и осушение фиордов зависят еще и от другой причины, кроме наноса аллювия: они происходят во многих местах от общего поднятия морского берега. На северных берегах найдены новейшие раковины и принесенные водой куски деревьев на высоте слишком 60 метров над нынешним прибрежьем, и, по свидетельству Олафсона и Пальсона, это

1 Richard Burton, „Ultima Thule“.

восходящее движение почвы продолжается довольно быстро. В северо-западной части Исландии, на берегах фиорда Брейди, жители показывают в заливе множество островов, островков и подводных скал, выступивших из моря в течение прошлого столетия. Между поднятыми отложениями встречаются груды пловучего леса, подобные тем, которые и ныне отлагает поток на берегах; но, кроме того, в туфах и лавах находят деревья на половину обугленные, еще сохранившие листья и хвои; без сомнения, деревья эти суть не что иное, как остаток древних лесов края: у исландцев они известны под названием surturbrandur. Олафсон и Пальсон открыли в одном и том же месте целых три, лежащих один на другом, слоя этих ископаемых деревьев, указывающие на последовательную смену трех лесов, и многие из виденных ими стволов имели не менее фута в диаметре. Близ трахитовой горы Баула, на юге от фиорда Гвамс, одна залежь «черного леса», о которой упоминается и в древних исландских сагах, содержит деревья до 650 миллиметров толщиною[1]. В ископаемых лесах (surturbrandur) юго-западной части острова натуралист Стенструп распознал листья и семена десяти видов дерев тех же самых пород, какие свойственны Канаде и Новой Англии, именно хвойных дерев, берез, ив, кленов, вязов, тюльпановых деревьев. В ту эпоху, когда эти деревья росли в Исландии, климат острова был, без сомнения, теплее, как это, впрочем, доказывает, повидимому, и ископаемая фауна моллюсков, находимая вместе с ископаемыми лесами.

Теперешний климат Исландии гораздо теплее, чем можно бы было заключить, судя по названию острова. Море, омывающее часть этой земли, постоянно нагревается водами, приходящими из тропических морей, и средняя температура которых в Рейкиавике, по Шелю, равна 5°,42. Охлажденная соседством полярных льдов атмосфера Исландии, разумеется, холоднее воды окружающих морей; но температура её все-таки выше, чем температура всякой другой земли, лежащей под той же широтою, исключая Норвегии. Средний климат Рейкиавика такой же, как в центральной России или в Новой Шотландии. Почти весь остров находится в поясе с температурою выше точки замерзания; только прибрежье и северо-восточные полуострова пересекаются изотермической линией нуля. Гримзей, островок, лежащий на севере Исландии, за полярным кругом, имеет климат достаточно теплый для обитания человека. Течение тропических вод выбрасывает иногда на берега этого островка стволы красных и пальмовых деревьев[2].

Однако, контраст климатов, существующий между двумя половинами острова, довольно значителен, ибо если теплые воды Гольфстрема ударяются о западные берега Исландии, то восточные полуострова и мысы, обращенные к Шпицбергену, омываются холодными волнами полярного течения. Эта противоположность морских течений должна, конечно, влиять на местные климаты; тогда как относительно теплые воды, огибающие Исландию на западе, повышают температуру северных берегов, холодный поток, идущий вдоль восточного прибрежья, охлаждает воздух и вредно действует на растительность: по странному извращению явлений, холод здесь становится сильнее в южном направлении. В очень холодные годы полярное течение приносит с собою льдины и обломки пловучих ледяных равнин, которые выбрасываются ветром на берега Исландии. Нередко случается, что к этим берегам приплывают на льдинах белые медведи, которые, однако никогда не проводят лета на острове: произведя опустошения в стадах баранов, они опять уходят в море на льдинах, оторвавшихся от берега, и иногда проплывают огромные расстояния, чтобы попасть на уносимые течением ледяные массы; однажды в продолжение года на исландских берегах убили тринадцать штук белых медведей[3]. Полярные льды, кроме того, отлагают странные наносы на берегах северной и восточной окраины Исландии—плиты сланца, глыбы гранита и серпентина, оторванные от гор Шпицбергена; полярный поток переносит их за сотни миль от родимых скал, что-

1 E. Robert, „Voyage en Islande et au Groenland sur la corvette „la Recherche“.
2 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island“.
3 W. Preyer el F. Zirkel, „Reise nach Island“.

бы образовать из этих обломков на другой земле новые геологические пласты[1]. Известно, что подобным же образом Шотландия покрылась эрратическими камнями или валунами, принесенными из Скандинавии. Наблюдения Ирмингера и Дуффериа дали для температур моря в июле, у берегов Исландии, следующие числа:

Северо-западный берег—от 7°,22 до 9°,61; восточный берег от 4°,44 до 5°,89.

Колебания в ходе полярного течения и нанос пловучих льдов на берега делают климат Исландии очень изменчивым. Может быть, нет страны на земном шаре, где бы средняя годовой температуры представляла более сильные колебания, чем на этом острове: иногда разность средней температуры от одного года до другого доходит до 5 и 6 градусов на западном берегу, и, вероятно, она бывает еще гораздо значительнее на северном и северо-восточном берегах, смотря по близости или отдаленности пловучих льдов: часто случается, что залив Акрейри, на севере Исландии, остается загроможденным льдинами до июля месяца. По наблюдениям Торлациуса в Стиккисгольме, на южном берегу фиорда Брейди, произведенным в период времени с 1845 до 1871 года, оказалось, что средняя температура года +2°,3; самая низкая температура -1°.3; самая высокая температура +4°,3.

Это непостоянство годовых климатов повторяется также и в средних температурах отдельных времен года: так, в Стиккисгольме средняя температура марта в 1846 году была +4°,5, а в 1866 году -10°9; следовательно, здесь мы видим для одного и того же месяца разность температуры, доходящую до 15 слишком градусов. Весна—самое неприятное время года в Исландии, особенно в течение второй половины мая, по причине сильных снежных метелей или буранов, дующих с северо-востока; но можно сказать, что весенние проливные дожди продолжаются все лето. Эта крайняя изменчивость исландского климата составляет важнейшее неудобство «Ледяной земли», так как ее следует считать главной причиной голодух, которые остановили движение народонаселения и не позволили Исландии получить то важное значение, какое должно бы было принадлежать ей по другим её естественным условиям. Средняя температура на юго-западе и на севере Исландии (по Шелю, Гумбольдту, Сарториусу, Прейеру и Циркелю) представляет следующие цифры:

Рейкиавик. Температура года: +4°,5; самого теплого месяца (июля): +13°,5; самого холодного месяца (февраля): -2°,1; крайность тепла: +21°,25; холода: —16°,25.

Акрейри. Температура года: +0°,58; лета: +13°,5; зимы: -6°,2; крайность тепла: +24°; холода: -34°.

Зима в Исландии продолжительна, и не столько холод, сколько длинные ночи делают ее особенно тягостной; впрочем, северные сияния часто освещают небо в направлении к Гренландии (так, например, в 1750 и 1751 годах, по Горребо, было 151 полярное сияние в течение 606 дней). Летом вечерняя заря сливается с утренней, и снега, освещаемые через горизонт, благодаря отражению неба, блистают пурпурным светом: тогда все кажется сверкающим—горы, плато и даже самая равнина[2].

Еще недавно исландцы не употребляли для поделок другого леса, кроме пловучих деревьев, приносимых южными течениями, и которые они воображали растущими где-то на отдаленных песчаных мелях[3]. Они находили во множестве на морском берегу лес одного вида ели, который употреблялся ими на фабрикацию мебели и разного рода орудий, да и в другом лесе, необходимом для постройки и для отопления домов и церквей, у них не было недостатка. Но в настоящее время минеральное топливо, доставляемое их торфяными болотами, и норвежская ель заменили этот пловучий лес в домашней экономии страны. Исландия, изобилующая лугами, которые дают крестьянам превосходное сено, почти совершенно лишена древесной растительности, или, вернее сказать, как выразился один путешественник, «леса там еще есть, но нет более деревьев, потому что это название не может быть применено к деревянистым растениям, прозябающим в её долинах». Однако, это уже пре-

1 Sartorius von Waltersbausen, „Physisch-Geographische Skizze von Island“.

2 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island”.

3 Olafsson et Pallson, „Reise igjennem Island”.

увеличение: в некоторых защищенных от холодного ветра местностях существуют ивы, березы, рябины. В одном из садов Рейкиавика с гордостью показывают обыкновенную рябину (Sorbus aucuparia), ствол которой имеет около дециметра толщины и которая раскинула свои ветви на высоте 4 или 5 метров. В окрестностях «города» Акрейри исландцы ходят любоваться двумя деревьями, двумя ясенями, которые поднимаются почти до высоты 8 метр.: эти два экземпляра занимают почетное место между исполинами растительного царства Исландии[1]. В долине реки Сулы, на южной покатости плоскогорья Ватна-Иокуль, одна береза по вышине может поспорить с этими ясенями, а недалеко оттуда виден настоящий лес[2]. Существуют также леса (skogar) в северных областях острова, по краям речных извилин, хорошо защищенных от ветра. Следуя вдоль берега реки Фниоска, впадающей в залив Эйя-Фиорд, путешественник Циркель имел удовольствие ехать верхом в продолжение трех четвертей часа под ветвями берез, которые поднимались метров на 5 или на 6 от земли; он мог воображать себя перенесенным в леса центральной Европы, тем более, что он слышал там также пение птиц, прилетевших с континента. Средняя температура низменных частей Исландии, без сомнения, достаточно высока для развития древесной растительности, и если деревья на острове редки, то причиной тому сильные бури и проливные дожди, бесплодие лав и отчасти беспечность жителей, которые не хотят дать себе труда заняться разведением и воспитанием деревьев. В средние века юго-западные области страны были усеяны лесами, и старинные саги рассказывают, не придавая этому значения необыкновенного факта, что строители домов и даже судов вырубали нужные им бревна в соседних лесах[3]. Олафсон и Пальсон, которые сами видели дерево в 12 метров вышины, слышали также от местных жителей об одном судне, построенном из дубового леса, которое было спущено в заливе Гваль-Фиорд, на севере от Рейкиавика, и оттуда отплыло к берегам Норвегии. В своих многочисленных путешествиях эти исследователи встречали остатки значительных железоплавильных заводов: по их мнению, никому иному, как плавильщикам железной руды и угольщикам, следует приписать истребление существовавших прежде лесов, от которых теперь не осталось ничего, кроме старых пней, гниющих среди торфяных болот.

Флора Исландии не заключает ни одного вида, который был бы свойствен исключительно ей одной; все её виды происходят с континентов Европы, Азии или Америки, но преимущественно Европы; по своему растительному царству этот остров составляет часть мира скандинавского и британского[4]. То же самое нужно сказать и об исландской фауне, которая имеет существенно европейский характер и гораздо менее богата, чем фауна ближайших к Европе островов и полуостровов. Некоторых классов животных здесь совсем нет. Так, например, вы не найдете здесь ни одного дневного мотылька, хотя ночных бабочек открыто двенадцать видов[5]. Точно также пресмыкающихся, змей, ящериц, лягушек, до сих пор никто еще не видал на острове[6]. Но если различные виды животных здесь гораздо менее многочисленны, чем на континенте Европы, то есть и такие, которые кишмя кишат: таковы мошки и комары, которые делают некоторые части Исландии почти необитаемыми. Миватн, то-есть «озеро комаров», находится в одной из этих страшных областей, рассказывают, что в давния времена один начальник края, желая отомстить своему врагу, связал ему руки и ноги и стащил его голого на островок этого озера, где комары скоро превратили несчастного в бездыханный труп[7].

Исландские птицы почти все однообразных цветов—белого, серого или бурого, и заключают, кроме 25 видов, привезенных из Европы, 84 туземных вида, из которых больше поло-

1 Shepherd, „The Northwest peninsula of Island".
2 Watts, „Across the Vatna-Jokull".
3 Svarfdvela Saga;—A. Geffroy;—„Revue des Deux Mondes", 1 nov. 1875.
4 Lindsay, „Flora of Iceland".
5 Alfred Newton, „Nature", 31 янв. 1878 г.
6 Sartorius v. Waltershausen, „Physisch-Geographische Skizze von Island".
7 O. S. „Edinburgh Review";—„Revue Britannique",1876.

вины принадлежат к отряду плавающих[1]. Этот отдел животного царства, как кажется, сильно уменьшился в числе в течение нынешнего столетия. Большой пингвин уже не существует в Исландии, и натуралисты, объезжавшие весь остров в поисках этой птицы, находили только её кости. Другие виды стали ныне редки, особенно во внутренней части острова, где, впрочем, крылатый люд, кажется, никогда не был особенно многочислен. Некогда очень искусные в дрессировании кречетов,—доказательством чего, между прочим, служит тот факт, что хищники этой породы, присылавшиеся каждый год датским королем в дар сокольничьему двору французских королей, получались из Исландии[2],—островитяне истребили охотой множество этой птицы; но не столько соколиная и другая охота, сколько систематическая кража яиц, практикуемая туземцами, была причиной того, что некоторые породы пернатых сократились до небольшого числа особей. А между тем во многих частях морского прибрежья птицы составляют главное богатство, и без них эти области сделались бы почти необитаемыми, они дают перья, пух, яйца, мясо, жир, и если бы местные жители вдруг лишились этих сокровищ, составляющих для них важнейший источник пропитания, они не могли бы более поддерживать в своем диком, бесплодном отечестве тяжелую борьбу за существование, потому что домашней птицы в крае мало. Вместо торфа или приносимого водами пловучего леса, прибрежное население утилизирует, как топливо, высушенную морскую птицу, а для растопки употребляет жирные, хорошо горящие перья буревестников. Архипелаг Вестманна —главное средоточие этой эксплоатации животного топлива. В день, назначенный для охоты, жители нападают с дубинами на пингвинов, морских рыболовов, тупиков, которые спят стаями на карнизах утесов, и производят между ними страшное избиение.

Птица гага считается одним из драгоценнейших сокровищ острова, и в этом нет ничего удивительного, потому что голые скалы, которые не могли бы давать их владельцам никакого урожая, приносят каждый год, и при том без всяких издержек, от тридцати до сорока тысяч франков дохода в виде гагачьего пуха. Оттого и приняты всевозможные предосторожности, чтобы обеспечить сохранение этой важной в экономическом отношении породы пернатых. Не только запрещено охотиться на гагу, но даже не позволено стрелять по близости её местопребывания, чтобы не пугать птицу; последняя делается до такой степени ручною, что часто подпускает к себе на близкое расстояние и даже дает себя ласкать человеку[3]. На острове Вигр, близ залива Иза-Фиорд, дом владельца усеян птичьими гнездами; гаги занимают все свободное пространство на дверях и окнах. Впрочем, наседки спокойно позволяют брать из-под них насиживаемые яйца; обыкновенно им оставляют только одно или два яйца, ради поддержания рода.

Из сухопутных млекопитающих, кажется, только два или три могут считаться туземными видами Исландии—обыкновенная мышь, полевая мышь и, может быть, лисица; но последняя, может статься, была перенесена на остров пловучими льдинами. Европеец не переселил с собой в Исландию всех своих домашних животных. Он даже потерял некоторых из них: так, свинья, которая жила у него в средние века, теперь исчезла из края; кошки и козы стали очень редки. Лошади, введенные в стране, переродились, под влиянием климата, в совершенно особую породу. Умеренные в пище, терпеливые, сильные, они необыкновенно выносливы, не знают усталости и в неудобных или опасных переходах умеют инстинктивно находить дорогу с такою верностью, что всадник всегда предоставляет коню самому избирать путь. Эти лошадки высоко ценятся в Англии, не только за их понятливость и смирный, послушный нрав, но также за их маленький рост, который их делает особенно пригодными для работ в копях и рудниках. Вывоз этих животных за границу составляет одну из главнейших отраслей исландской торговли. Так, например, в 1875 году было вывезено из Исландии в Англию 3.500 лошадей, общая ценность которых простиралась до 1.500.000 франков.

Северные олени тоже были введены в Исландии слишком сто лет тому назад, именно в

1 W. Preyer, „Reise nach Island"

2 Geoffroy, „Revue des Deux Mondes", 1 nov. 1875.

3 George Aragon, „Revue des Deux Mondes", 15 oct. 1875.

1770 году. Из них остались в живых только трое, но эти три экземпляра расплодились в таком множестве, что потомков их встречали впоследствии большими стадами во всех частях острова, и жители должны были, наконец, подумать о том, как бы избавиться от них. В самом деле, исландцы не имеют причины радоваться этому увеличению их фауны, так как северный олень не может служить им упряжным животным при тамошней неровной почве, везде изрезанной оврагами и речками; при том же частые дожди беспокоят это жвачное животное: шерсть его легко переносит снег, но не дождевую воду, струящуюся потоками[1]. Когда зима очень сурова, северные олени делают нашествие на обработанные поля юго-западной полосы, где они отыскивают мох под снегом. Дикия овцы также встречаются в окрестностях Нупстата, на юге от плоской возвышенности Ватна-Иокуль[2].

После лошадей, самое драгоценное животное для исландца—бараны, и он обладает, пропорциально, более значительным количеством этого домашнего скота, чем все другие народы Европы (во всей стране насчитывается около 800.000 овец); однако, в последнее время, именно с половины текущего столетия, число баранов на острове сильно убавилось вследствие частых эпизоотий. Мало того—эти животные оказываются виновниками одной очень тяжкой болезни, которая часто развивается у туземцев. Паразит, называемый Coenurus echinococcus, существует во множестве у баранов и превращается в солитер в теле собаки, которая, в свою очередь, может передать его человеку. В 1871 г., вследствие медицинского отчета доктора Краббе, который убедился в тожестве пузырчатой глисты у барана и у человека, старались уменьшить число собак при помощи обложения владельцев их большим налогом, и население было предостережено относительно опасного паразита[3].

Окружающие Исландию морские воды очень богаты рыбой; но не одни жители страны пользуются этими сокровищами моря. Около пяти тысяч исландцев занимаются ловлей лососей в реках и трески в заливах, преимущественно на западных берегах или на так называемых «Золотых берегах», вблизи которых находятся рыбные мели; заводы для сушки и соления рыбы встречаются по краям всех бухточек, где только могут приставать рыболовные шлюпки. Но, кроме исландских рыбачьих ладей, в эти воды приходят также суда скандинавские, английские и французские (последние в гораздо большем числе сравнительно с другими) ловить треску и апокалу, или акулу арктических морей; жир этого животного, которое ловят на глубинах от 500 до 600 метров, очень ценится, как превосходный материал для приготовления мыла, а из кожи его исландцы делают сандалии или башмаки, замечательные необыкновенною гибкостью и легкостью[4]. В годы обильного улова западные бухты Исландии усеяны рыболовными судами: так, например, в 1869 году их насчитывали не менее 3.180 на одном только заливе Факса-Фиорд, между двумя полуостровами, называемыми по имени города Рейкиавика и горы Снефельс-Иокуль. Одни французские рыболовы, в числе 7.000, снарядили целый флот, состоявший из 269 судов, каждое вместимостью, средним числом, в 60 тонн, и конвоируемый, для безопасности, тремя маленькими военными кораблями. В 1880 году французская рыболовная промышленность в Исландии дала следующие результаты: ходило на лов 269 судов, общая вместимость которых исчислялась в 24.729 тонн, а команда состояла из 4.556 человек; привезено рыбы 15.827 тонн, ценностью около 6.857.000 франков. С давних пор эти рыболовные экспедиции в Исландию считаются одною из лучших школ для образования опытных матросов,—и действительно, мало найдется морских областей, где бы моряку приходилось выказывать больше ловкости и хладнокровия, чем в соседстве этих берегов, усеянных подводными камнями и часто замаскированных туманами,—среди этих вод, волнуемых внезапными шквалами и штормами, дующими поочередно из всех точек горизонта. Места рыбной ловли в заливах Факса-Фиорд и Брейди-Фиорд, называемые также «Кладбищем судов», имели, кроме того, чрезвычайно важное значе-

1 Richard Burton, „Ultima Thule“.
2 Watts, „Across the Vatna Jokull”.
3 H. C. Lombard, „Traite de Climatologie medicale”.
4 George Aragon, „Revue des Deux Mondes“, 15 oct. 1875.

ние для исландского народа, давая ему возможность поддерживать частые сношения с цивилизованными нациями Западной Европы. Внешняя торговля Исландии (1882 г.): ввоз—на 5.542.100; вывоз—на 5.198.460 фр.

Полагают, что до новейших нашествий Исландия во все времена была страною необитаемою, потому что до сих пор на острове не открыли ни малейших следов каменного и бронзового века: не найдено ни одного могильного кургана на высоких мысах или прибрежных утесах, ни одного дольмена среди песчаных равнин или торфяных болот. По всей вероятности, первые колонисты из Европы поселились на восточных берегах Исландии в конце восьмого столетия. Норвежцы, встречавшие этих европейских поселенцев, говорят о них, как об «отцах» (papas), то-есть монахах, и оставленные ими предметы церковные, колокола, посохи, книги духовного содержания, заставляют предполагать, что эти первые выходцы были германского происхождения. Затем в 825 году на остров проникли шотландские кельты; но настоящая колонизация «Ледяной земли» началась только в 874 году, четырнадцать лет спустя после нового открытия острова датским мореплавателем по имени Гардар[1]. Норвежские предводители, спасаясь от меча Гаральда Длинноволосого, который хотел покорить их своей власти и обратить в христианскую веру, собрали своих родных, слуг и друзей и вместе с ними отправились искать себе какого-нибудь отдаленного убежища. Таким убежищем послужила им Исландия, где они и основали языческие общины, которые сохранили долее, чем Норвегия, старые песни и сокровищницу древних преданий. Вероятно, потомки кельтских иммигрантов не были истреблены новыми пришельцами, потому что до сих пор сохранилось много наименований ирландского происхождения в местной топографии, и даже какой-то Патрик оставил свое имя одному заливу на северо-западном полуострове, называющемуся поныне «фиордом Патрика»—Патрекс-Фьертр[2]. Архипелаг Вестман, Vestmannaeyjar, то-есть «острова западных людей», также носит наименование, которое норвежцы применяли некогда к морякам с острова Эрина. Епископ Уно фон-Троиль, живший в прошлом столетии, приводит одно древнее народное предание, гласящее, что ирландцы, теснимые скандинавами, принуждены были покинуть страну, но, уезжая, зажгли огнедышащие горы: с той поры, по словам предания, на острове пылают подземные пожары и выливаются из кратеров потоки расплавленной лавы.

В 1000 году альтинг (народное собрание) принял христианство, как национальную религию; во многих частях острова были основаны монастыри, но древняя религия продолжала держаться в виде различных языческих обрядов, и старый бог Тор еще долго после того был предметом почитания среди туземного населения. Имя его встречается во многих родовых или фамильных прозвищах, и к нему обыкновенно взывали исландцы о помощи в делах, требовавших силы или отваги. Еще в первой половине нынешнего столетия исландские пасторы, число которых доходило до трех сот, были в то же время кузнецами: как во времена древних скандинавов, кузнечное мастерство и совершение религиозных обрядов были поручаемы одному и тому же лицу, бывшему одновременно ремесленником и чародеем[3].

До половины тринадцатого столетия островитяне сохраняли свою политическую независимость, и республика, управляемая, впрочем, богатыми собственниками, продолжала существовать. То была эпоха великого процветания Исландии. Если верить народному преданию, остров, северная часть которого была в то время самая населенная, имел не менее ста тысяч жителей, и местное самоуправление давало гражданам, членам разбросанных общин, возможность развивать и проявлять на деле все свое индивидуальное достоинство. В царстве непроглядных туманов и вечных снегов, близ полярного круга и плавающих ледяных гор и равнин арктического моря, свобода производила те же плоды, как и под ясным, теплым небом Италии: несмотря на свое уединенное положение среди океана, маленькия группы исландских семейств также принимали участие в общем движении человеческого прогресса,

1 D. Rafn, „Antiquitates Americanae".
2 Richard Burton, „Ultima Thule".
3 Barrow, „Ein Besuch auf der Insel Island",

подобно мелким итальянским республикам и фламандским коммунам: любовь к науке и литературе была у них распространена повсеместно; поэты и бытописатели, как например, Снорри Стурлезон, воспевали или описывали славные деяния и национальные традиции, и им-то мир обязан сохранением «Эдды», драгоценной скадинавской эпопеи. Таким образом Исландия может предъявлять права на принадлежащую ей роль в истории человечества; так, например, ученые исследователи полагают, что именно на этом острове следует искать первое начало учреждения суда присяжных; возможно также, что воспоминания о давних сношениях Исландии с Гренландией и Винландией оказали решительное влияние на ум Христофора Колумба, во время посещения им острова Тиле (Туле) в 1477 году: может быть, Эрик Рыжий, Лейф Счастливый, Торфин Карлссфуэ были непосредственными предтечами великого мореплавателя, вновь нашедшего Новый Свет. Точно также итальянцу Джиованни Габотто, знавшему Исландию, может быть, не безъизвестно было, когда он открыл Ньюфаундленд, что этот остров ранее был дважды открыт исландцами, и что они именно дали ему сохранившееся до ныне название Fundu Nyia Lanci, то-есть «новооткрытой земли»[1].

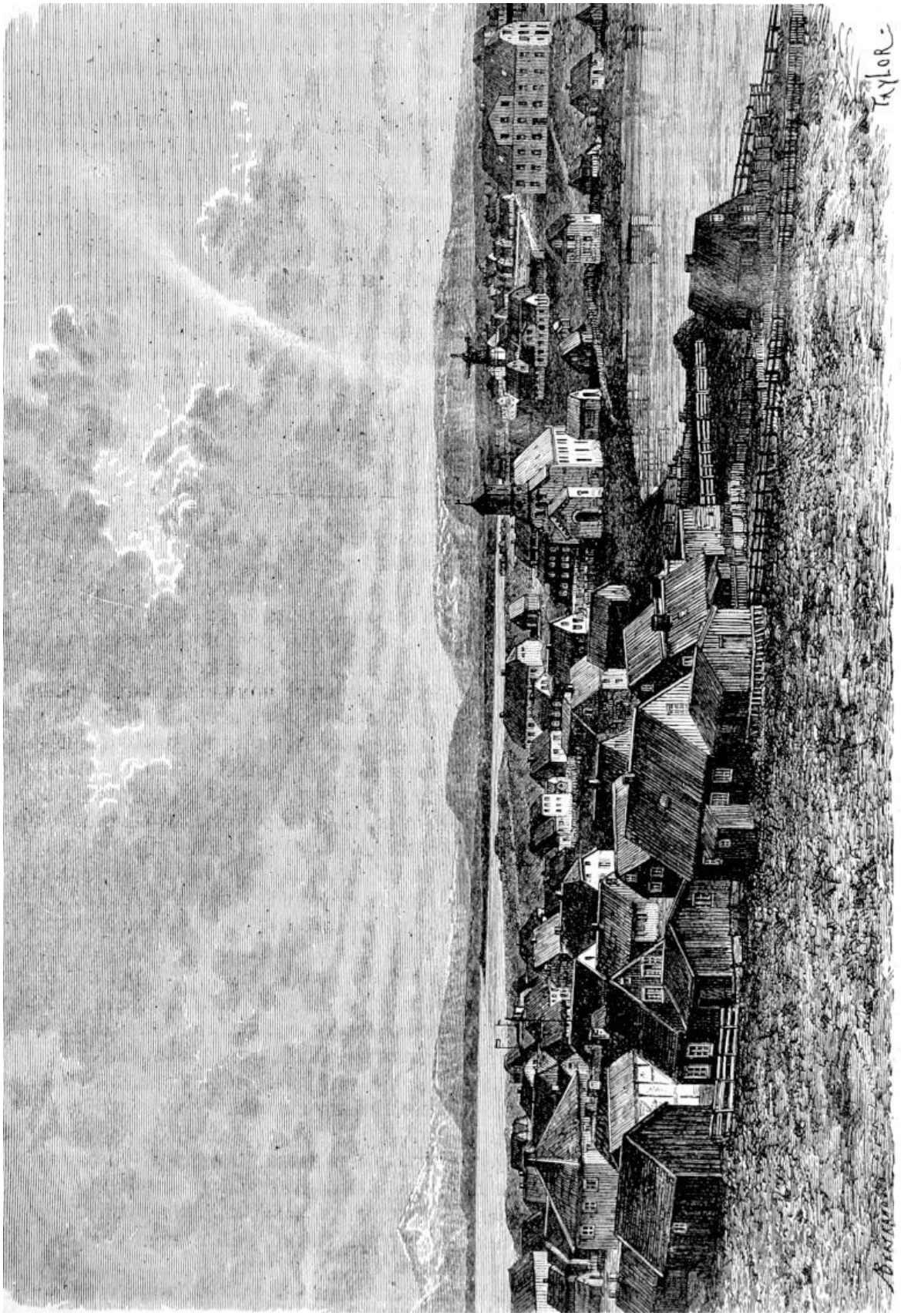
В 1262 году Исландия утратила свою независимость; духовенство её, подчиненное иностранным епископам, уговорило жителей провозгласить короля норвежского своим «первым графом» (jarl), и это соединение под владычеством одного короля кончилось для острова настоящим порабощением, сначала Норвегией, а потом Данией. С той поры исландцы должны были постоянно вести борьбу против злоупотреблений представителей власти, и, будучи управляемы чужеземными законами, они мало-по-малу утратили ту свободу действия, которая в Исландии более чем где-либо необходима, по причине бесплодия почвы и враждебности стихий. Различные народные бедствия следовали одно за другим, и некоторые части острова обратились в безлюдные пустыни: голодухи, эпидемические болезни, «черная чума» часто делали страшные опустошения в рядах островитян; в 1707 году оспа похитила около восемнадцати тысяч исландцев; опустевшия деревни обращались в груды развалин; в 1759 году от голоду погибло десять тысяч жителей, затем в 1783 году разразилась новая катастрофа—большое извержение вулкана Скаптар-Иокуль. Чужеземные нашествия тоже много способствовали общему обеднению и несчастию. В четырнадцатом веке английские пираты утвердились в архипелаге Вестманн и оттуда делали внезапные набеги на берега соседней большой земли, где грабили церкви, захватывали в плен крестьян, с целью получить выкуп, или даже продавали пленников в рабство. Еще в 1627 году варварийские морские разбойники сделали высадку на главный остров этого архипелага, похитили часть жителей и перебили тех, которые пытались оказать им сопротивление[2]. При этом строгая торговая монополия отделяла Исландию от остального мира и препятствовала ей находить, посредством обмена своих произведений, источники, необходимые для возвращения прошлого богатства и благосостояния. В конце восемнадцатого столетия Исландия находилась в высшей степени своего упадка: в 1786 году на всем острове насчитывалось только 38.142 жителя, то-есть немногим более половины нынешнего его населения; в 1808 году местная независимость была провозглашена в Рейкиавике, но после того опять восстановлено датское управление, и только в 1874 году, в котором совершилось тысячелетие со времен норвежской колонизации, Исландия снова приобрела, по отношению к Дании, некоторого рода политическую автономию. Но уже с 1854 года закон освободил местную торговлю, дозволив негоциантам всех стран принимать в ней участие без всяких ограничений. Многочисленная партия стремится к восстановлению древней исландской республики, но эта республика была бы аристократией, состоящей из дворянских родов. Из среды этих родов набираются почти все чиновники. Последние по большей части принимают фамилии, по европейскому обычаю; большинство же туземцев носят имя отца, с прибавкой son для сыновей и dottir для дочерей.

Исландцы вообще народ рослый; лицо у них круглое, лоб высокий, обрамленный густыми волосами; глаза серые или голубые, смотрят неласково; походка тяжелая, манеры грубые.

1 Rafn, „Antiquitates Americanae”

2 Олафсон и Пальсон, „Путешествия в Исландию”

Что касается женщин, то они, по большой части, если не красавицы, то по крайней мере миловидны; их длинные, шелковистые белокурые волосы падают многочисленными прядами на плечи и прикрыты маленьким током из черного сукна с висящею назади шелковою сет-



Рейкіавикъ.

кой. В праздничные дни, этот прелестный головной убор заменялся прежде кокошником, похожим на митру, который был загнут вперед и совершенно скрывал шевелюру. Корсаж с аграфами, которые застегиваются только в нижней части, украшен бархатными и серебря-

ными галунами, иногда довольно ценными. В Исландии, как и в других скандинавских странах, сохранился еще обычай, по которому невеста несколько месяцев живет под одной кровлей со своим женихом, для того, чтобы молодые люди могли близко узнать друг друга и во-время разойтись, если любовь прекратится[1]. Около одной пятой детей родятся вне брака[2].

Браки между родственниками—очень обыкновенное явление в большей части местностей Исландии; несмотря на то, между населением её слабые здоровьем встречаются чрезвычайно редко. Но смертность на острове очень велика, да иначе и быть не может: детей там, уже на третий день по рождении, матери отнимают от груди и затем кормят их единственно коровьим молоком, рыбой и грубым мясом. В архипелаге Вестманн, на обитаемом острове, который туземцы называют Геймей или «Родимым островом», большая часть новорожденных умирают от кунвульсий, как дети на Сент-Кильде. Медики приписывают эту страшную смертность убийственной атмосфере хижин, где птичий кал служит единственным топливом, и где даже лампа еще недавно состояла из тела какой-нибудь птицы, обмазанного вонючим жиром и в которое втыкался фитиль. Смертность детей на острове Вестманн значительно уменьшилась с тех пор, как построили родильный дом, где матери и новорожденные проводят несколько недель и где они дышат чистым воздухом[3]. Остров Гримзей, лежащий в непосредственном соседстве с сплошными полярными льдами, также приобрел печальную известность некоторыми свойственными ему болезнями. Большая часть приезжих из самой Исландии заболевают там особым видом скорбута и в короткое время умирают, если не успеют спастись бегством.

Замечательно, что в этом суровом климате Исландии чахотка почти неизвестна: доктор Финзен встретил только шестерых чахоточных, в том числе четырех исландцев, на 7.539 больных, которых он пользовал на острове[4]. Большинство медиков полагает, что этот иммунитет исландского населения в отношении чахотки должен быть приписан пище, которая состоит из молочных кушаний, ржаного хлеба и сушеной рыбы, к которой иногда, довольно редко, прибавляется баранина. Но, взамен того, грипп или эпидемический бронхит—очень распространенная болезнь, от которой погибает сравнительно наибольшее число ирландцев. Эта эпидемия, всегда щадящая иностранцев, появляется преимущественно летом и делает этот сезон самым опасным временем года; треть смертных случаев обыкновенно приходится на три летних месяца; февраль, столь нездоровый в южных странах Европы, в Исландии, напротив, самый здоровый: в этом месяце здесь бывает всего меньше больных. Цынга, проказа, бугорчатая или слоновья проказа (Elephantiasis) до сих пор еще не исчезли с острова.

Оценки народного характера туземцев существенно разнятся, смотря по национальности путешественников, по оказанному им приему или, наконец, по успешности их научных исследований. Однако, можно сказать, что вообще исландцы отличаются достоинством, осторожностью, мужеством; но их обвиняют в том, что они очень подозрительны и, кроме того, подобно своим единоплеменникам, норвежцам, и своим родичам по союзу, французским нормандцам, большие охотники до сутяжничества: кровавые единоборства былых времен, дуэли, ордалии или суды Божии сменились в наши дни судебными процессами. Чтобы ни говорили, однако, об их недостатках, исландцы, как ни малочисленны они среди цивилизованных европейцев, занимают, между последними, без сомнения, одно из первых мест по силе ума, глубине мысли, любви к знанию. Рассказывают, что островитяне в прежнее время имели привычку собираться вместе, чтобы слушать публичное чтение их Gamba-Sagar, то-есть национальной истории; некоторые поэты, преемники древних скальдов, певших на празднествах, изощрялись в искусстве чтения, в дикции, чтобы очаровывать слушателей; другие, как, например, Семундур, творец «Эдды», держали школы, куда дети со всех сторон приходили учиться. Во многих домах можно встретить наивные произведения живописи и

1 Jules Leclercq, цитир. сочинение.
2 Poestion, „Island, das Land und seine Bewohner"
3 H. C. Lombard, „Traite de Climatologie medicale".
4 W. Preyer et F. Zirkel, „Reise nach Island".

скульптуры, напоминающие главнейшие события отечественной истории, и здесь-то преимущественно откопали те пятьсот исландских саг или народных сказаний, из которых теперь ученые почерпают нужные им сведения в Копенгагенской публичной библиотеке; может быть, еще много драгоценных рукописей ревниво хранятся в каких-нибудь boers, или фермах, внутри страны. У крестьян некоторых округов западной части острова так сильно была развита страсть к историческим сочинениям, что они имели в своей среде писателей, специально занимавшихся составлением компиляций из исторических записок[1]. Чтение и игра в шахматы были их любимым развлечением в длинные зимние вечера. Книгопечатание было введено в крае с 1531 года, еще до обращения исландцев в лютеранство. В наши дни научное движение находит сотрудников в исландских деревнях, даже в уединенных фермах и на островках морского прибрежья; один из туземных жителей, Арн Магнусон, завещал часть своего состояния исключительно на издание всех памятников исландской литературы; путешественник немало бывает удивлен, когда в каком-нибудь «гиперборейском поселке» встречает людей, изучающих еврейский, персидский, даже китайский язык[2]. Уже более столетия, как остров имеет свою периодическую прессу и свое литературное общество. Что касается элементарного образования, то оно так распространено в народе, что пасторы отказываются венчать неграмотных, когда те являются к ним для совершения брачного обряда. В Рейкиавике и во всех других торговых местечках жители владеют датским языком так же хорошо, как и своею природною речью; но в деревнях, особенно вдоль восточных берегов приморья, население употребляет только один исландский язык: здесь им говорят чище, чем в других местах, с известными акцентом и размером, которые приближают его к норвежскому наречию. Что касается формул вежливости на латинском языке, введенных пасторами, то они и теперь еще в обыкновении у исландских поселян.

Единственные в этом отношении между народами Европы, исландцы приняли ограничительные меры против крупного землевладения. В силу закона 1884 г., всякий собственник, не обработывающий сам свою землю, обязан сдавать ее в аренду. Надеются этим способом увеличить площадь земель под культурой и облегчить возрастание населения. Тем не менее, исландцы, относительно, довольно многочисленны и за пределами своего острова, который, однако, кажется им, как гласит народная поговорка, «лучшею землей, какая только освещается солнцем». Значительная пропорция молодых людей, отправляющихся в Копенгаген для поступления в средние и высшие учебные заведения, остается в Дании, где им открывается более широкая карьера: отец знаменитого ваятеля Торвальдсена был один из таких покинувших родину островитян. Эмиграция в собственном смысле тоже довольно значительна, и теперь исландскую речь можно услышать на берегах больших канадских озер, в Мичигане, Висконсине, Миннесоте, на плоской возвышенности Большего Соляного озера. Одна исландская газета издается в Киватине, на берегах Северной Красной реки: подобно валлийцам, исландцы пытаются основывать в Новом Свете колонии, где они будут иметь возможность завоевать себе, наконец, материальное благосостояние и сохранить во всей их чистоте национальные обычаи, предания и язык своих предков.

Городов в Исландии нет, если не считать таковым столицу острова, Рейкиавик, где в настоящее время насчитывается около 3.900 жителей. Еще в 1752 году это была не более, как уединенная ферма, хотя первые колонисты из Норвегии поселились здесь уже в 874 году[3]; как главное место острова, Рейкиавик сменил деревушку Скальгольт, лежащую в долине Гвиты, между равниной Гейзеров и морем. Местечко Тингвеллир, на северной оконечности озера Тингвалла, также считается своего рода столицей, по причине близкого соседства горы Легберг: в этом месте происходило, в 1873 году, народное собрание, на котором была выработана конституция автономной Исландии.

1 Olafsson et Pallsson, „Reise igjennem Island".
2 Charles G. Warnford, „The Home of the Eddas".
3 Landnamabok, „Memoires de la Societe des Antiquaires du Nord", 1847.

К так называемым «городам» Исландии следует причислить также Изафьерт, лежащий при основании одного низменного полуострова, выдвинувшагося во внутренность фиорда, на берегу большого северо-западного полуострова: очень чистенькое и хорошо построенное, это местечко, тем не менее, производит на иностранца отталкивающее впечатление неприятным запахом, которым пропитана вся его атмосфера: это—центр фабрикации трескового жира. Акрейри, главный город северных округов, обладает более удобною гаванью, чем Рейкиавик. Он находится на восточном берегу залива Эйа-Фиорд, почти по середине морского побережья, и недалеко от местечка Фридриксгафа или Медрувеллир, главного административного пункта одной из двух областей острова. Одна из ферм этого округа уже шесть столетий подряд занята одним и тем же семейством, переходя от поколения к поколению в роде её основателя[1].

Исландская конституция, обнародованная в 1874 году, обеспечивает населению острова почти полную автономию. В настоящее время политическая связь Исландии с совокупностью датской монархии выражается единственно в особе государя. Островитяне не принимают никакого участия в законодательстве королевства Дании и не участвуют в покрытии его государственных расходов, но они представлены в копенгагенском кабинете специальным и ответственным министром, облеченным исполнительной властью, которую он приводит в действие на острове чрез посредство губернатора. Национальный парламент или альтинг состоит из двух палат: верхней и нижней. Первая образована из двенадцати членов, из которых шесть назначаются королем, а остальные выбираются из своей среды нижней палатой. Двадцать четыре члена, остающиеся в этой второй палате, все выбираются собранием избирателей. Избирательным правом пользуются только граждане, имеющие не менее двадцати пяти лет отроду, платящие налогов по меньшей мере 23 франка в год, занимающие какую-либо общественную должность или получившие университетское образование. Избиратели могут быть выбираемы в депутаты только по достижении тридцати летнего возраста. С 1882 г. вдовы и девицы старше 25 лет, имеющие «независимое положение», получили право голоса в делах, касающихся общины и церкви.

В административном отношении Исландия делится на две провинции, подразделяющиеся на 21 syslur или округ и на 169 hreppar или общин, именно:

Провинции южная и западная: Sudur-Umdaemid и Vestur Umdaemid. Главное место—Рейкиавик; 14 округов, 103 общины.

Провинции северная и восточная: Nordur-Umdaemid и Austur-Umdaemid. Главное место—Фридриксгафа; 7 округов, 66 общин.

Каждая община имеет свой выборный муниципальный совет, состоящий из трех, пяти или семи членов. В 1862 году вооруженная сила Исландии состояла из трех человек—двух дневных стражей и одного ночного караульного, в Рейкиавике.

Исландский бюджет для двухлетнего финансового периода 1890-91 годов: доходы, 1.207.000 крон; пособие из казны королевства Дании 159.000 крон; превышение доходов над расходами около 233.000 крон; национального долга не существует.

III. Ян-Майен.

Исландия, хотя проникающая в арктический пояс своими крайними полуостровами, не есть, однако, последняя земля северной Атлантики. Плоская возвышенность, составляющая подводный фундамент «Ледяной страны», продолжается на северо-восток по направлению к Норвежскому морю и оканчивается своего рода мысом, оконечность которого выступает на поверхность Ледовитого океана и образует продолговатый остров, называемый Ян-Майеном. Непосредственно за «Медвежьею горою» или Беренбергом, поднимающейся на 1.775 метров

1 Watts, „Across Vatua-Jokull“.

в северо-восточной части этого острова, море представляет глубокую пучину. Уже на расстоянии 600 метров от берега, Скоресби нашел морское дно только на глубине 550 метров; в расстоянии 1.850 метров лот, брошенный другим исследователем, Моном, коснулся морского ложа на равной глубине: следовательно, подводный берег спускается здесь очень круто, почти под углом в 45 градусов[1].

Длинная земля Ян-Майен, поверхность которой исчисляют в 383 квадр. километра, вероятно, была замечена в первый раз в 1607 году голландским мореплавателем Генрихом Гудсоном[2]; но Ян-Майен, который опять нашел ее четыре года спустя, дал ей свое имя. Она часто бывает окружена густым туманом, и тогда, употребляя выражение первых путешественников, «легче услышать землю, чем увидеть ее»; но иногда сквозь массы плавающих в воздухе водяных паров замечали отблеск вулканических извержений; в 1818 году видели свет, исходивший из конуса Эск, бокового вулкана Медвежьей горы. Под ледниками, покрывающими частию скаты этой горы, путешественники-геологи нашли доказательства того, что этот остров недавнего образования: лавы его похожи на исландские лавы самого нового происхождения, именно на те, из которых состоит почва полуострова Рейкьянес; они совершенно отличаются от долеритов Фарерского архипелага.

Остров этот необитаем, но окружающие его воды океана посещаются ловцами тюленей, приходящими по большей части из портов восточной Шотландии и из фиорда Христиании. Суда тюленепромышленников плавают вдоль сплошных полярных льдов, которые тянутся . на западе и на севере от острова и соединяются с ледяными полями Гренландии. Там всего чаще бывает граница между свободным и запертым морем. Ян-Майен составляет как бы рубеж мира, при входе в царство вечных льдов.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА.

1 Mohn, „Nature", 18 oct. 1877;—„Mittheilungen von Petermann", II, 1878.

2 Asher,—Oscar Peschel, „Geschichte der Entdeckungen".

Оглавление

Том IV. Австро-Венгрия и Великобритания....3
Глава I Общий обзор....4
Глава II Немецкия Альпы....9
Тироль и Форарльберг, Зальцбург, Каринтия, Штирия....9
Глава III Придунайская Австрия....38
Глава IV Адриатические провинции....50
Глава V Юго-славянские земли....79
Босния и Герцеговина....79
Крайна, Хорватия, Славония....87
Глава VI Венгрия, страна мадьяр....100
Глава VII Галиция и Буковина....158
Глава VIII. Верхний бассейн Эльбы, Морава....172
Глава IX Общее состояние Австро-Венгрии....194
Глава X Правительство и администрация....205
Глава XI Британские острова....213
I. Общий обзор....213
II. Княжество Валлийское и графство Монмут....231
III. Корнваллийский полуостров....246
IV. Бассейн реки Северн и Бристольский залив....260
V. Водоскат Ламанша....273
VI. Бассейн Темзы и водоскат её лимана....288
VII. Бассейн реки Уаш....334
VIII. Бассейн Гумбера....342
IX. Бассейны рек Мерсей и Рибль....361
X. Север Англии....373
XI. Южная Шотландия....388
XII. Северная Шотландия и её архипелаги....407
XIII. Ирландия....436
XIV. Статистика Соединенного королевства....476
XV. Правительство и администрация....509
Глава XII Острова Северной Атлантики....525
I. Фарерские острова....525
II. Исландия....529
III. Ян-Майен....552